

Евразийский юридический журнал

№ 11 (198) 2024

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШЛАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,

г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2024

Подписано в печать 25.12.2024
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitry Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

№ 11 (198) 2024

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2024

Signed for printing 25.12.2024

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ДЕМИЕВА Айнур Габдулбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,

Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaijaz Gabdelslamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Т. Э. Рождественская:

Финансовый рынок: актуальные вопросы публично-правового регулирования	
Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), почетным работником сферы образования Российской Федерации Рождественской Татьяной Эдуардовной	14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бальчевский Д. Н.

Актуальные тенденции в области формирования международно-правового режима использования космических ресурсов	17
--	----

Говердовская Т. В., Хурчак Н. М.

Реализация принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства при применении оговорки о публичном порядке	21
--	----

Смирнова М. И.

Права глухих как социокультурного меньшинства в мировом правовом пространстве	26
---	----

Сыпченко А. В.

Вклад российских исследователей в становление и развитие международного права как науки	29
---	----

Талимончик В. П.

Рассмотрение споров, связанных с информационными технологиями, Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству	31
---	----

Богатырева О. В., Дзюбан В. В., Закопырин В. Н.

Монголия в геополитическом противостоянии Россия VS Запад: интеграционный аспект	35
--	----

Гордеев А. А.

Генезис влияния ограничительных мер на сотрудничество государств в сельскохозяйственной сфере: международно-правовой аспект	38
---	----

Куцуров О. Ю., Белоусова А. А.

Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав коренных народов на земли, территории и ресурсы	43
---	----

Мамедова Р. А.

Интеграция юриспруденции ЕСПЧ и международных правовых инструментов: целостный подход к защите от торговли людьми	47
---	----

Скобилева И. В., Махонин Д. Д., Усачев А. С.

Международные соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений как ключевой элемент развития международных экономических отношений	51
---	----

Тузов Н. И.

Религиозное образование в международном праве	54
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Буйвол Е. А., Глинщикова Т. В., Ткаченко С. Д.

Концепция «юридической биотехнологии» в международном частном праве	56
---	----

Загнетин В. Н.

Трансграничная несостоятельность: понятие и особенности	58
---	----

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Довгань К. Е.

Предмет рамочного правового регулирования: понятие и характерные особенности	60
--	----

Матанцев Д. А.

Виды и субъекты официального толкования права	62
---	----

Сальников В. П., Масленников Д. В.,

Прокофьев К. Г., Семенов И. В.	
Нравственно-правовые аспекты евразийства в русской религиозной философии	65

Селимова А. М.

Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации	70
---	----

Секретарёв Р. В.

Политико-правовой аспект деятельности религиозных организаций в США	72
---	----

Селиверстов Д. М.

Воля законодателя сквозь призму судебной практики	74
---	----

Ахмеджанова Р. Р.

Предупреждение причинения вреда: институт между защитой и охраной права	79
---	----

Балабкин Д. А., Абросимов И. С., Мартинчук Н. А.

Правосознание как основополагающий фактор правового государства	82
---	----

Бутюгов Г. П.

Право на обращение в системе прав и свобод личности: отдельные аспекты содержания	84
---	----

Ермолаев О. И.

Проведение правовой экспертизы международных правовых актов в служебной деятельности МВД России, как способ защиты от вмешательства во внутренние дела Российской Федерации	86
---	----

Китаев А. А.

Сравнительный анализ правовых категорий иммунитет, привилегия и льгота в контексте их функционального назначения	88
--	----

Кушхова З. А.

Юридическая техника как средство достижения правового взаимодействия между странами БРИКС	93
---	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гнетова Л. В., Гуляева Т. Б.,

Меркушова Е. С., Носкова К. С.	
Призрение незаконнорожденных и бесприютных детей в России в середине XVIII – начале XIX вв.	95

Ишмухаметов С. Р.

К истории формирования государствами правовых основ противодействия терроризму	97
--	----

Курзенин Э. Б.

Эволюция бизнес-траста в Англии и США в XIX – XX вв. (историко-правовой анализ)	101
---	-----

Монгуш А. М.

Тувинский этногенез: историко-энциклопедический анализ	104
--	-----

Павлов О. В.

Инфляционные волны. Анализ опыта Древнего Рима	107
--	-----

Степаненко А. С.

Историческая ретроспектива подходов к определению правового государства	110
---	-----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Мижарева Н. В.

К вопросу о понятии взаимодействия субъектов публичной власти в правотворческой практике (процессе)	112
---	-----

Гайнетдинова Г. С.

Противодействие вовлечению молодежи в террористическую деятельность в России и отдельных зарубежных государствах	115
--	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бирюкова Э. Р.

Кадровый состав государственной службы как условие ее эффективного функционирования (на примере уголовно-исполнительной системы): вопросы теории	118
--	-----

Бутенко А. К.

Проблемы правового регулирования специальных административно-правовых режимов	120
---	-----

Дибиров Ю. С.

К вопросу о видах и характере связей норм законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях	122
---	-----

Доросинская А. М., Иванова О. Г.

Проблемы правового регулирования закрепления статуса переводчика в исполнительном производстве	124
--	-----

Звягина А. В.

Анализ административных правонарушений лесного законодательства Российской Федерации при заготовке древесины	126
--	-----

Зырянов И. В., Билоконь В. П., Коренюгин В. В.

Основные направления совершенствования индивидуальной профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции	128
---	-----

Керамова С. Н., Ярахмедов Ш. Р.

Проблемы правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации в условиях режима чрезвычайного и военного положения	131
--	-----

Кулаков Н. А., Паук Н. Н., Усманова Д. Р. Охрана прав авторов научных открытий, как элемент государственного управления в сфере науки.....	133
Петровская М. И. Международно-правовой базис прав и свобод вынужденного мигранта	135
Руденко А. В., Евсикова Е. В., Гасанова Т. И. Административная ответственность нудистов в Республике Крым: теоретико-правовое исследование.....	137
Саидов Ф. З., Хасан Х. Х. А., Шамрин М. Ю. Совершенствование административно-правового статуса Омбудсмана по правам ребенка в Кыргызской Республике и в Ираке	139
Целищев А. А. К вопросу о легализации частных военных компаний как коммерческих организаций, осуществляющих отдельные государственные полномочия	144
Щеглова Е. В. Правозащитный потенциал комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	146
Бабаян Э. К. Контроль арбитражных судов в сфере деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц.....	148
Кулаков Н. А., Темников А. Ю., Виноградова С. Л. Отдельные направления совершенствования административно-правового регулирования в сфере науки.....	152
Петровская М. И. К вопросу о базовых характеристиках вынужденной миграции	154
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
Назаралиев Н. Т. Сущность и правовая природа решения арбитражного суда.....	156
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	
Абуладзе Т. Общие тенденции развития муниципальных образований в республике Грузия	159
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	
Боярская Ю. Н., Балабанов А. А. К вопросу о формировании правового режима беспилотных транспортных средств.....	162
Галушин П. В., Филиппсон К. Ю. К вопросу о признании майнинга криптовалюты предпринимательской деятельностью.....	165
Дадаев Е. В., Сторожева А. Н. Вопросы лицензирования деятельности субъекта: отдельный правовой аспект.....	168
Кобчикова Е. В., Гараева Г. Х. Завещательный отказ в римском частном праве.....	170
Линников А. С. Контроль сторон договора банковского счета	173
Маркс Ю. А. Субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг: закон, доктрина, правоприменение	176
Некрасов М. А., Тарханова А. В., Ясков Р. Б. Машиночитаемое право: понятие, риски и перспективы применения в гражданском обороте РФ.....	179
Савченко С. А., Аликиева А. М. Вопросы эксплуатации гидротехнических сооружений и охраны памятников в разрезе гражданского права.....	182
Ястремский И. А. Виды юридической ответственности за использование изображения пациента до и после проведения пластической операции без его согласия.....	185
Коновалов А. С. Вопросы гражданско-правового регулирования цифровых активов в России: правовая природа и сущность цифровых прав, как объекта гражданских правоотношений	188
Линников А. С. Контроль сторон договоров номинального счета и публичного депозитного счета.....	192
Саргсян Г. М. Криптовалюта как предмет инвестиций и его регулирование инструментами ценных бумаг	197
Серих Д. Н. Особенности использования концессионных соглашений в договорных отношениях с участием публично-правовых образований	199
Тельнов А. В. Правовая защита от диффамации репутации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства в Республике Индия.....	202
Транкалан Ф. И. Современные технологии при разрешении частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергетики.....	207
Ястремский И. А. Использование пластическим хирургом фотографических произведений из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без согласия правообладателя как нарушение прав автора результата интеллектуальной деятельности	210
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Кулик Т. Ю. К вопросу о компетенции арбитражных судов по делам с участием нотариусов.....	212
Могилевский Г. А., Быковская Е. А., Миняйленко Н. Н. Мировое соглашение сторон как элемент системы примирительных процедур в гражданском судопроизводстве	216
Омаров М. М., Рамазанова З. М. Электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств в цивилистическом процессе.....	219
Ордашова А. Ш., Ахмедова Д. М. Взаимосвязь принципа состязательности с принципом диспозитивности в гражданском процессе	223
Ханапиева А. Х., Ахмедов Д. А. Защита образовательных прав в Российской Федерации.....	226
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Малинова А. Г. Неимущественные интересы семьи как объект правового регулирования.....	228
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Садеков И. Р. Сближение трудового законодательства стран-членов ЕАЭС в области регулирования работодатelsкого контроля	231
Томашевский К. Л., Павлова А. Л. Работа через онлайн приложения: пробелы законодательства России и актуальная судебная практика.....	234
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Геймур О. Г., Краснова Т. В. Финансовая безопасность государства при заключении медиативных соглашений: реальные и мифические риски.....	237
Добрин Д. А. Классификация факторов, влияющих на функционирование механизма ипотечного жилищного кредитования в условиях неопределенности.....	239
Очирова П. И. Эмиссия стейблкоинов: сравнительно-правовой анализ	241
Рождественская Т. Э., Карташов А. В. Экспериментальные правовые режимы на финансовом рынке: зарубежный опыт.....	243
Юсупов Э. Ф. Институт добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах	248
НАЛОГОВОЕ ПРАВО	
Чепкасова А. О. Принцип справедливости в международном налоговом праве: новые вызовы цифровой эпохи.....	252

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Сиразеев Р. Р.**
Тенденции и перспективы развития поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект 256
- Юхтанова А. С.**
Управляющая компания как участник корпоративного управления: теоретический и практический аспект 259

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Чаттаев А. Р., Гордополов Ю. В., Андреев К. В.**
Корпоративное право и его влияние на договорные отношения: проблемы и решения 262
- Федотова И. Ю.**
Некоторые вопросы правового регулирования крупных сделок, совершаемых в хозяйственных обществах: опыт России и Приднестровья 266

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Белоплотов А. О.**
Реестровые ошибки при кадастровом учете линейных объектов 269
- Дворцова А. В., Волкова Г. И.**
Правовые аспекты участия общественности в охране окружающей среды 273

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Мартинчук Н. А., Овчинникова Д. Д., Жданов М. А.**
Роль экологического страхования как способа обеспечения возмещения вреда окружающей среде: проблемы и перспективы развития 277
- Плачинда М. Д.**
Международные стандарты охраны атмосферного воздуха: опыт и перспективы их внедрения в российское законодательство 279

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Байгубатова Н. Р., Эсенбекова А. Т.**
Об определении понятия религиозного экстремизма 281
- Биченова А. Р., Керопян М. О.**
Общественное мнение о насильственных преступлениях и мерах борьбы с ней 284
- Владимирова О. А.**
Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенные с применением насилия и без такового 287
- Гантемиров К. Р.**
Субъективная сторона преступлений против объектов патентных прав: подходы определения вины 291
- Кабакова Е. С., Литвинов Р. В., Долгушина Л. В.**
Особенности криминогенной обстановки в связи с оборотом оружия, незаконно перемещенного из зоны проведения специальной военной операции (СВО) 294
- Князева О. В.**
Анализ исследований личности осужденных в теоретических источниках: критическая оценка и краткая характеристика 296
- Лавров В. В., Дворянов И. Б.**
Магистральные направления отечественной уголовной политики на современном этапе 298
- Ларионов А. В.**
Совершенствование института уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью 300
- Мирзаев З. М., Мирзаева З. З., Мусаев К. Б.**
Общие вопросы уголовной ответственности за детоубийство 303
- Олифиренко Е. П.**
Специфика прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Здравоохранение» (на примере Карачаево-Черкесской Республики) 305
- Сакаева Р. Р.**
Проблемы российского прокьюрента: уголовно-правовой аспект 308
- Сейфетдинова Е. И.**
Уголовно-правовая характеристика преступлений, посягающих на информационную безопасность Российской Федерации 310

- Серкерев С. Э., Абдулмуталимова З. М., Гасаналиева К. М.**
Уголовно-правовая ответственность как вид юридической ответственности 312
- Ступина С. А.**
Об уголовной ответственности за информационную поддержку или финансирование деятельности иностранного агента или иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации 314
- Хмелев С. А., Хмелева З. А., Хмелева М. С.**
Основания прекращения производства по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств 317
- Шогенова Ф. О., Махов А. Р.**
Проблемы исследования механизма преступного поведения человека на основе новейших достижений нейрофизиологии, нейробиологии и психологии 320
- Кипкеев И. М.**
Актуальные проблемы применения уголовного закона об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа 324
- Темирбеков К. А.**
Противодействие киберпреступлениям в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ 327
- Хисматова А. Р.**
Отграничение умышленного уничтожения или повреждения, а равно незаконной добычи, сбора и оборота особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации от преступлений против собственности по объекту посягательства 330
- Кипкеев И. М.**
Проблемы отграничения и квалификации смежных составов хищений с использованием электронных средств платежа 333

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Алиев Х. К., Мусаев К. Б.**
Некоторые проблемы российского суда с участием присяжных заседателей в районных федеральных судах 336
- Бабенко С. В., Семенцова И. А., Тишкин Д. Н.**
Защита свидетелей в уголовном процессе: проблемы правового регулирования 338
- Баранова Е. П.**
Организация трудовой деятельности осужденных женщин в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы 341
- Белозерова И. И., Мордвинцева Н. С.**
История развития уголовно-процессуального законодательства Республики Корея (период японской оккупации – начало 21 века) 344
- Биченова А. Р., Лобанов Д. А.**
Профайлинг как основа работы оперативно розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе 348
- Вележев С. И., Минсафина С. Н.**
К вопросу о проблемах законодательной регламентации преступлений против свободы личности 350
- Коновалова Е. Е.**
Изменение подсудности vs передача дела по подсудности в уголовном процессе: отличия институтов 353
- Луценко П. А.**
К вопросу об объективных критериях формирования внутреннего убеждения судьи при рассмотрении и разрешении по существу уголовного дела 355
- Мирошниченко А. Ю., Короленко И. И., Вислобоков О. И.**
Цифровизация правоотношений по обеспечению прав и законных интересов потерпевшего при подаче сообщения о преступлении 357
- Попова О. А.**
Анализ и оценка доказательств в материалах предварительного расследования 360

Одиназода И. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности и их использование в досудебном производстве по законодательству Республики Таджикистан	362	Гарбуз Г. С. О некоторых подходах к определению оснований классификации методик расследования преступлений: современный взгляд на проблему	409
Синкевич В. В., Колбасина Е. Е., Катрыч А. А. Проблемы правовой регламентации личного обыска по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации как причина формирования недопустимого доказательства	365	Кайргалиев Д. В., Гладырев В. В., Васильев Д. В. Аспекты применения градиентной высокоэффективной жидкостной хроматографии в экспертном исследовании частей растения «мак снотворный» при расследовании уголовных дел	411
Смольяков А. А., Шунк В. Э., Часовникова О. Г. Становление и развитие ювенальной юстиции в российской судебной системе	368	Климова Я. А. Теоретические аспекты цифровой криминалистики	414
Шамшина О. С. Понятие и содержание принципа законности уголовного судопроизводства	370	Красненко Ю. В. Отдельные аспекты использования технических средств при раскрытии и расследовании преступлений: вопросы теории и практики	417
Захарян А. А. О некоторых вопросах участия суда и прокурора в доказывании при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	372	Кругликова О. В., Дрога А. А. О некоторых тактических особенностях допроса несовершеннолетнего свидетеля, как участника уголовного судопроизводства	419
Кокорева Л. В., Кокорев Р. А. Алгоритм действий следователя по проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 207 УК РФ и на первоначальном этапе расследования	375	КРИМИНОЛОГИЯ	
Маевский С. С., Герасенков В. М. Изъятие электронных носителей и копирования с них информации в процессе проведения следственных действий: проблемы и тактические рекомендации	378	Алиев Ш. И., Алиев А. Ш., Таилова А. Г. Коррупция в системе образования, причины ее порождающие и основные направления по профилактике	421
Махова М. Л. Ограничение права обвиняемого и адвоката получить копии материалов уголовного дела в порядке ч. 2. ст. 217 УПК РФ	381	Долгушина Л. В., Ступина С. А. Виктимность участников специальной военной операции: характеристика и меры профилактики	425
Перетокина В. В. Принципы уголовного судопроизводства как элемент системы гарантий обеспечения прав и законных интересов лица, помещаемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях	383	Мирзаев З. М., Мирзаева З. З. Женская рецидивная преступность как объект криминологического исследования	428
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		Трофимцева С. Ю. Особенности криминализации использования компьютерных программ и устройств для неправомерного воздействия на компьютерную информацию и компьютерные системы объектов критической инфраструктуры в национальном праве России и некоторых зарубежных государств	430
Борченко В. А., Кобалева В. А. Применение гражданско-правовой ответственности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	386	Шерстяных А. С. Мошенничество в социальных сетях	432
Игошин В. Г., Королева К. А. Обеспечение режима содержания в муниципальных бюджетных учреждениях здравоохранения	389	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Минкова Е. А. Трудоустройство осужденных как одно из ключевых направлений исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной probationи	391	Богачева М. В. К вопросу о понятии информационной деятельности МВД России	435
Минсафина С. Н., Долгов Н. А. Сравнительный анализ международных и российских нормативно правовых актов при исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних	393	Ремизова Л. С. К вопросу организации правозащитной деятельности надзорных органов, в том числе в исправительных учреждениях	438
Борченко В. А. Сохранение и восстановление детско-родительских отношений с женщинами, осужденными к отбыванию наказания в местах лишения свободы	395	Томашук Я. Ю., Жамборов А. А., Барсова Е. Р. Противодействие преступлениям террористической направленности: современное состояние и перспективы совершенствования	440
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО		Шакиров И. М., Хорошунов А. С., Шатагин А. Н. Симуляционные тренировки в тактико-специальной подготовке сотрудников полиции	442
Харзинова В. М. Некоторые проблемные аспекты кассационного производства	397	Шогенов Т. М., Федоренко С. П. Перспективные направления цифровизации правоохранительной деятельности	444
КРИМИНАЛИСТИКА		Хромов А. М. Методы обучения сотрудников органов внутренних дел рукопашному бою	446
Агаркова Т. К., Мерзликин Р. А., Прокофьева Е. В., Ханина Н. В. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством	400	Юсупова С. И., Пантелеева Н. А., Сулейманов М. В. Формирование профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов в процессе обучения навыкам огневой подготовки	448
Архипова Н. А. Некоторые аспекты расследования незаконной охоты	403	ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР	
Бирюков С. Ю., Трубочников А. В. Отдельные аспекты версионной работы субъекта расследования	405	Ляпичева Н. С., Железкин А. С. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина на досудебном производстве	450
Весёлин В. В., Внуков В. И. Современные осветительные средства, применяемые в целях технико-криминалистического обеспечения осмотров мест происшествий	407	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
		Арамисов А. А., Воскобоев А. И. Искусственный интеллект как инструмент противодействия пропаганде экстремистской и террористической идеологии	452
		Балаева Д. Р., Дикинов А. Х. Экономическая и национальная безопасность: взаимосвязь в условиях цифровизации	455

Гоцкая Н. Р. Теоретические аспекты борьбы с финансированием международного терроризма.....	457	ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
Морозова Н. С. Актуальные проблемы формирования национальной модели государственного управления информационной безопасностью в сфере здравоохранения	459	Байдарова М. А., Амбарян А. М. Актуальные проблемы реализации адвокатами квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации.....	505
Овчинский А. С., Журавленко Н. И., Аюпова А. Р. Использование генеративного искусственного интеллекта в идеологическом противоборстве с деструктивными сетевыми сообществами.....	462	Андреева И. А., Матанцев Д. А. Охрана персональных данных и изображения сотрудников полиции в судебной практике Европейского суда по правам человека.....	507
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО		ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ	
Бредихин А. В., Богатырева О. В., Лустин Ю. М. Цифровизация современного университета: проблемы, перспективы, научные взгляды	465	Амеличкин А. В. Маркетинговые коммуникации в интернете и новых медиа, применяемые в управлении сферой социально-культурного сервиса и туризма.....	510
Бурукин В. В., Печерский Д. В. Исследование феномена интерактивных технологий как инструмента преодоления дидактических противоречий в высшем образовании	467	Бурнос Е. Н., Буянкин С. В., Ошуева В. В. Квадробика, как общественный феномен и предмет правовой дискуссии: проблемы и пути их разрешения	513
Егорова О. И., Фомина Д. С., Гладилова Е. А. Нравственное воспитание подрастающего поколения: сущность и основные проблемы	469	Радченко Е. П., Бажанов С. А. Внедрение искусственных технологий в уголовно-исполнительную систему: преимущества и ограничения.....	515
Верхозина О. А., Волкова А. А. Нормативно-правовые условия получения образования инвалидами	471	Чумляков К. С., Чумлякова Д. В., Игнатюк Ю. Л. Формы интернационализации звеньев транспортной инфраструктуры.....	517
Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Формирование мотивации здорового образа жизни у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.....	473	ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
Краутман Т. Е., Балацкая Ю. Ю. Основы лингвистической экспертизы по уголовным делам о терроризме и экстремизме с участием иностранных граждан	475	Вильданов Х. С., Хабибуллин И. Г., Бикимбетов Р. Г. К проблеме духовности индивида и духовной безопасности общества.....	520
Кануков А. М., Кодзоков А. Х., Бауаев Ш. Х. Правовые особенности физической подготовки слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России	477	Губачев М. Н. К вопросу об истоках государственно-правовой традиции в историческом развитии страны	523
Кривчун Н. А. Право сельской молодежи заниматься физической культурой и спортом	480	Данилов В. Л., Горбунова К. А. Религиозно-нравственный идеал женщины на Руси: традиции женской святости	526
Попов И. В., Гревцев О. И. Проблемы организации образовательного процесса в области обучения операторов СЭМПЛ.....	482	Зарипов А. Я. Символика и ее влияние на формирование мировоззрения подрастающего поколения.....	529
Рясов А. В., Мещерин А. И. Профессиональная компетентность сотрудников образовательных организаций МВД России в реализации тренинговой формы обучения.....	484	Зеленин Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Социальная солидарность и справедливость как основания устойчивого развития общества в условиях вызовов цифровизации	531
Стеценко Н. В., Валиева А. Р., Хакимов Н. Н., Иванов Э. Ю. О роли комплексного подхода в подготовке будущих юристов	487	Нурмухаметова И. Ф., Нурмухаметов Э. А., Сафронова Е. В. О связи копинг-стратегий и аутомортальной тревожности личного состава военизированной организации в контексте экзистенциальной парадигмы.....	533
Тугова О. В., Григорусь Л. Н. Модель формирования правового мировоззрения обучающихся в образовательных организациях МВД России в условиях развития ИКТ.....	489	Равочкин Н. Н., Ашванян С. К. Медиа как фактор интеллектуальной эволюции: философский анализ (часть 1)	536
Егорова О. И., Фомина Д. С., Гладилова Е. А. Нравственное и физическое воспитание личности как взаимодополняющие категории современного образовательного процесса.....	491	Рудкевич Е. Ю., Черепанов А. Ю., Герасимов Н. Н. Власть и война.....	538
Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Особенности психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных	494	Шарипкулов А. В. Социально-философский анализ некоторых оснований ценностных ориентиров этноса в рамках гуманитарной глобалистики	542
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО		Беляков Н. С. Разумная вера в пространстве культуры диалога культур	544
Михайлов В. С. Исторический аспект и зарубежный опыт психологической работы в отношении бывших участников вооруженных конфликтов с посттравматическим стрессовым расстройством.....	496	Демяшина В. В. Дилемма «цифра и власть»: социально-философский анализ.....	546
Михайлов В. С. Проблемы интеграции в общество человека, подвергавшегося школьному буллингу.....	499	Зарипов А. Я. Аксиологическое влияние этнических языков на подрастающее поколение	549
СПОРТИВНОЕ ПРАВО		РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ	
Проваткина В. Е., Волошина Т. В., Моисейцев Р. А. Проблемные аспекты юридической ответственности в спорте.....	502	Кривенький А. И. Рецензия на монографию Фархутдинова И. З. «Эволюция международного права от Вестфалья до Версаля» (1648 - 1919)». - Москва: ИНФРА-М, 2024. - 446 с. (Научная мысль). - DOI 10.12737/2135819.....	551
		ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	554

PERSONA GRATA

T. E. Rozhdestvenskaya:

Financial market: current issues of public law regulation

Interview with Tatyana Eduardovna Rozhdestvenskaya, Ph.D. in Law, professor, professor of Financial law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Education of the Russian Federation 14

INTERNATIONAL LAW

Balichevskiy D. N.

Current trends in the development of an international legal regime for the utilization of space resources 17

Goverdovskaya T. V., Khurchak N. M.

Realization of the principle of non-interference in the internal affairs of a sovereign state when applying a reservation on public policy 21

Smirnova M. I.

The rights of the deaf as socio-cultural minority in the world legal space 26

Sypchenko A. V.

Contribution of Russian researchers to the formation and development of international law as a science 29

Talimonchik V. P.

Consideration of disputes related to information technology by the WIPO Center for Arbitration and Mediation 31

Bogatyreva O. V., Dzyuban V. V., Zakopyrin V. N.

Mongolia in the geopolitical confrontation between Russia and the West: the integration aspect 35

Gordeev A. A.

The genesis of the impact of restrictive measures on state cooperation in the field of agriculture: the international legal aspect 38

Kutsurov O. Yu., Belousova A. A.

Current problems of ensuring and protecting the rights of indigenous peoples to lands, territories and resources 43

Mamedova R. A.

Integrating ECHR jurisprudence and international legal instruments: a holistic approach to human trafficking protection 47

Scobileva I. V., Makhonin D. D., Usachev A. S.

International agreements on mutual protection and promotion of capital investments as a key element in the development of international economic relations 51

Tuzov N. I.

Religious education in international law 54

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Buivol E. A., Glinshikova T. V., Tkachenko S. D.

The concept of «legal biotechnology» in international private law 56

Zagnetin V. N.

Cross-border insolvency: concept and specifics 58

THEORY OF STATE AND LAW

Dovgan K. E.

Subject of framework legal regulation: concept and characteristic features 60

Matantsev D. A.

Types and subjects of official interpretation of law 62

Salnikov V. P., Maslennikov D. V.,

Prokofjev K. G., Semenov I. V.

Moral and legal aspects of Eurasianism in Russian religious philosophy 65

Selimova A. M.

Problems of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation 70

Sekretaryov R. V.

The political and legal aspect of the activities of religious organizations in the United States 72

Seliverstov D. M.

The will of the legislator through the prism of judicial practice 74

Akhmedzhanova R. R.

Preventing harm: the institution between protection of right and safeguarding a right 79

Balabkin D. A., Abrosimov I. S., Martinchuk N. A.

Legal awareness as a fundamental factor of the rule of law 82

Butyugov G. P.

The right to appeal in the system of individual rights and freedoms as one of the ways to achieve sustainable development goals 84

Ermolaev O. I.

Conducting legal expertise of international legal acts in the official activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as a way to protect against interference in the internal affairs of the Russian Federation 86

Kitaev A. A.

Comparative analysis of the legal categories of immunity, privilege, and benefit in the context of their functional purpose 88

Kushkhova Z. A.

Legal technology as a means of achieving legal cooperation between the BRICS countries 93

HISTORY OF STATE AND LAW

Gnetova L. V., Gulyaeva T. B.,

Merkushova E. S., Noskova K. S.

The charity of illegitimate and homeless children in Russia in the middle of the XVIII – early XIX centuries 95

Ishmukhametov S. R.

To the history of the formation of legal basis for countering terrorism by states 97

Kurzenin E. B.

The evolution of business trust in England and the USA in the 19th-20th centuries (historical and legal analysis) 101

Mongush A. M.

Tuvan ethnogenesis: historical and encyclopedic analysis 104

Pavlov O. V.

Inflationary waves. Analysis of the experience of Ancient Rome 107

Stepanenko A. S.

Historical retrospective of approaches to defining the rule of law 110

CONSTITUTIONAL LAW

Mizhareva N. V.

To the issue of the concept of interaction between subjects of public authority in law-making practice (process) 112

Gaynetdinova G. S.

Countering the involvement of young people in terrorist activities in Russia and certain foreign countries 115

ADMINISTRATIVE LAW

Biryukova E. R.

The personnel of the civil service as a condition for its effective functioning (on the example of the penal enforcement system): questions of theory 118

Butenko A. K.

Problems of legal regulation of special administrative and legal regimes 120

Dibirov Yu. S.

On the question of the types and nature of relations between the norms of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses 122

Dorosinskaya A. M., Ivanova O. G.

Problems of legal regulation of establishing the status of a translator in enforcement proceedings 124

Zvyagina A. V.

Analysis of administrative violations of the forest legislation of the Russian Federation in the harvesting of wood 126

Zyryanov I. V., Bilokon V. P., Korenyugin V. V.

The main directions of improvement of individual preventive activity of district police officers 128

Keramova S. N., Yarakhmedov Sh. R.

Problems of the legal status of foreign citizens in the Russian Federation under the conditions of a state of emergency and martial law 131

Kulakov N. A., Pauk N. N., Usmanova D. R.

Protection of the rights of authors of scientific discoveries as an element of public administration in the field of science 133

Petrovskaya M. I.

International legal basis of the rights and freedoms of a forced migrant 135

Rudenko A. V., Evsikova E. V., Gasanova T. I.

Administrative responsibility of nudists in the Republic of Crimea: theoretical and legal research 137

Saidov F. Z., Hasan H. H., A., Shamrin M. Yu. <i>Improving the administrative and legal status of the Ombudsman for Children's Rights in the Kyrgyz Republic and Iraq</i>	139	Yastremskiy I. A. <i>The use by a plastic surgeon of photographic works from the information and telecommunication network "Internet" without the consent of the copyright holder as a violation of the rights of the author of the result of intellectual activity</i>	210
Tselishchev A. A. <i>On the issue of legalizing private military companies as commercial organizations exercising certain state powers</i>	144	CIVIL PROCESS	
Shcheglova E. V. <i>Human rights potential of commissions for juvenile affairs and protection of their rights</i>	146	Kulik T. Yu. <i>On the issue of the competence of arbitration courts in cases involving notaries</i>	212
Babayan E. K. <i>Control by arbitration courts in the sphere of activities of executive authorities and their officials</i>	148	Mogilevskiy G. A., Bykovskaya E. A., Minyaynenko N. N. <i>Amicable agreement of the parties as element of the system of conciliation procedures in civil proceedings</i>	216
Kulakov N. A., Temnikov A. Yu., Vinogradova S. L. <i>Separate areas for improving administrative and legal regulation in the field of science</i>	152	Omarov M. M., Ramazanova Z. M. <i>Electronic evidence as an independent type of evidence in civil proceedings</i>	219
Petrovskaya M. I. <i>On the issue of basic characteristics of forced migration</i>	154	Ordashova A. Sh., Akhmedova D. M. <i>The relationship of the principle of competition with the principle of dispositivity in civil proceedings</i>	223
ARBITRATION PROCESS		Khanapieva A. Kh., Akhmedov D. A. <i>Protection of educational rights in the Russian Federation</i>	226
Nazaraliev N. T. <i>The essence and legal nature of the decision of the arbitration court</i>	156	FAMILY LAW	
MUNICIPAL LAW		Malinova A. G. <i>Non-property interests of the family as an object of legal regulation</i>	228
Abuladze T. <i>General trends in the development of municipalities in the Republic of Georgia</i>	159	LABOUR LAW	
CIVIL LAW		Sadekov I. R. <i>The issue of convergence of labor legislation of the EAEU member countries on the example of regulation of employer's control in labor relations</i>	231
Boyarskaya Yu. N., Balabanov A. A. <i>On the issue of legal regulation of relations regarding the use of unmanned vehicles</i>	162	Tomashevskiy K. L., Pavlova A. L. <i>Work via online applications: legislation gaps and current judicial practice of Russia</i>	234
Galushin P. V., Filipson K. Yu <i>On the recognizing cryptocurrency mining as an entrepreneurial activity</i>	165	FINANCIAL LAW	
Dadayan E. V., Storozheva A. N. <i>Licensing issues of the entity's activities: a separate legal aspect</i>	168	Geymur O. G., Krasnova T. V. <i>Financial security of the state at the conclusion of mediation agreements: real and mythical risks</i>	237
Kobchikova E. V., Garaeva G. Kh. <i>Testamentary refusal in roman private law</i>	170	Dobrin D. A. <i>Classification of factors influencing the functioning of the housing mortgage lending mechanism under conditions of uncertainty</i>	239
Linnikov A. S. <i>Control of the parties to the bank account contract</i>	173	Ochirova P. I. <i>Stablecoin issuance: a comparative legal analysis</i>	241
Marks Yu. A. <i>Subsidies for housing and utilities: law, doctrine, enforcement</i>	176	Kartashov A. V., Rozhdestvenskaya T. E. <i>Experimental legal regimes in the financial market: foreign experience</i>	243
Nekrasov M. A., Tarkhanova A. V., Yaskov R. B. <i>Machine-readable law: the concept, risks and prospects of application in the civil turnover of the Russian Federation</i>	179	Yusupov E. F. <i>Institute of a Bona Fide Acquirer in disputes over the reclamation of shares acquired at organized auctions</i>	248
Savchenko S. A., Alikieva A. M. <i>Issues of operation of hydraulic structures and protection of monuments in the context of civil law</i>	182	TAX LAW	
Yastremskiy I. A. <i>Types of legal liability for using the patient's image before and after plastic surgery without his consent</i>	185	Chepkasova A. O. <i>The principle of fairness in international tax law: new challenges of digital age</i>	252
Konovalev A. S. <i>Issues of civil law regulation of digital assets in Russia: legal nature and essence of digital rights as an object of civil legal relations</i>	188	ENTREPRENEURIAL LAW	
Linnikov A. S. <i>Control of the parties to the nominal account contracts and public deposit account</i>	192	Sirazeev R. R. <i>Trends and prospects for the development of support for small and medium-sized businesses: legal aspect</i>	256
Sargsyan G. M. <i>Cryptocurrencies as an investment asset and their regulation as securities instruments</i>	197	Yukhtanova A. S. <i>A management company as a participant of corporate governance: theoretical and practical aspect</i>	259
Serikh D. N. <i>Features of the concession agreements use in contractual relations involving public legal entities</i>	199	CORPORATE LAW	
Telnov A. V. <i>Legal protection against defamation of reputation of bodies and persons acting on behalf of and in the interests of the state in the Republic of India</i>	202	Chattaev A. R., Gordopolov Yu. V., Andreev K. V. <i>Corporate law and its impact on contractual relations: problems and solutions</i>	262
Trankalan F. I. <i>Modern technologies in the resolution of private law disputes between subjects of the retail electricity market</i>	207	Fedotova I. Yu. <i>Some issues of legal regulation of major transactions carried out in business entities: the experience of Russia and Pridnestrovie</i>	266

LAND LAW

- Beloplotov A. O.**
Registry errors in the cadastral registration
of linear objects..... 269
- Dvortsevaya A. V., Volkova G. I.**
Legal aspects of public participation
in environmental protection..... 273

ECOLOGICAL LAW

- Martinchuk N. A., Ovchinnikova D. D., Zhdanov M. A.**
The role of environmental insurance as a way
to ensure compensation for environmental damage:
problems and development prospects 277
- Plachinda M. D.**
International standards for atmospheric air protection:
experience and prospects for their implementation
in Russian legislation..... 279

CRIMINAL LAW

- Baygubatova N. R., Esenbekova A. T.**
On the definition of the concept of religious extremism..... 281
- Bichenova A. R., Keropyan M. O.**
Public opinion on violent crimes and measures to combat it..... 284
- Vladimirova O. A.**
Crimes against the sexual integrity of minors
committed with or without violence..... 287
- Gantemirov K. R.**
The subjective side of crimes against objects
of patent rights: approaches to determining guilt 291
- Kabakova E. S., Litvinov R. V., Dolgushina L. V.**
Peculiarities of criminal situation in connection with
the trafficking of weapons illegally transferred from
the Special Military Operation (SMO) zone..... 294
- Knyazeva O. V.**
Analysis of studies of the personality of convicts
in theoretical sources: critical evaluation
and brief characteristics 296
- Lavrov V. V., Dvoryanov I. B.**
The mainstream dimensions of domestic criminal policy
at the modern stage..... 298
- Larionov A. V.**
Improving punishment in the form of deprivation
of the right to hold certain positions or engage
in certain activities 300
- Mirzaev Z. M., Mirzaeva Z. Z., Musaev K. B.**
General issues of criminal liability for infanticide 303
- Olifirenko E. P.**
Specifics of prosecutorial supervision over the implementation
of legislation in the implementation of the national project
«Healthcare» (on the example of the
Karachay-Cherkess Republic) 305
- Sakaeva R. R.**
Problems of Russian procurement:
criminal legal aspect 308
- Seyfedinova E. I.**
Criminal and legal characteristics of crimes that infringe
on the information security of the Russian Federation..... 310
- Serkerov S. E., Abdulmutalimova Z. M., Gasanaliyeva K. M.**
Criminal liability as a type of legal liability 312
- Stupina S. A.**
On criminal liability for information support or financing
of the activities of a foreign agent or a foreign or international
organization in respect of which a decision has been made
to declare its activities undesirable on the territory
of the Russian Federation in accordance with the
legislation of the Russian Federation 314
- Khmelev S. A., Khmeleva Z. A., Khmeleva M. S.**
Grounds for termination of proceedings in criminal cases
related to illegal trafficking in weapons, explosives,
explosive devices 317
- Shogenova F. O., Makhov A. R.**
Problems of research of the mechanism of criminal behavior
of the person on the basis of the latest achievements
of neurophysiology, neurobiology and psychology..... 320
- Kipkeev I. M.**
Current issues of application of criminal law on liability
for fraud using electronic means of payment 324

Temirbekov K. A.

- Countering cybercrime in Russia and foreign countries:
comparative legal analysis 327
- Khismatova A. R.**
Delineation of intentional destruction or damage, as well as illegal
extraction, collection and trafficking of especially valuable plants
and fungi belonging to species listed in the Red book of the
Russian Federation and (or) protected by international treaties
of the Russian Federation from crimes against property
on the object of encroachment..... 330
- Kipkeev I. M.**
Problems of delimitation and qualification of related types
of theft using electronic means of payment 333

CRIMINAL PROCESS

- Aliev Kh. K., Musaev K. B.**
Some problems of the Russian court with the participation
of jurors in district federal courts 336
- Babenko S. V., Sementsova I. A., Tishkin D. N.**
Witness protection in criminal proceedings: problems
of legal regulation..... 338
- Baranova E. P.**
Organization of the labor activity of convicted women
during the period of their imprisonment..... 341
- Belozeroval I. I., Mordvintseva N. S.**
The history of the development of the criminal procedure
legislation of the Republic of Korea (the period of Japanese
occupation - the beginning of the 21st century) 344
- Bichenova A. R., Lobanov D. A.**
Profiling as the basis of operational investigative activities
in the penal enforcement system 348
- Velezhev S. I., Minsafina S. N.**
On the issue of the problems of legislative regulation
of crimes against personal freedom 350
- Konovalova E. E.**
Change of jurisdiction vs transfer of a case to jurisdiction
in criminal proceedings: differences
between institutions 353
- Lutsenko P. A.**
On the issue of objective criteria for the formation
of an internal conviction of a judge when considering
and resolving a criminal case on the merits 355
- Miroshnichenko A. Yu., Korolenko I. I., Vislobokov O. I.**
Digitalization of legal relations to ensure the rights
and legitimate interests of the victim when submitting
a crime report 357
- Popova O. A.**
Analysis and evaluation of evidence in preliminary
investigation materials..... 360
- Odinazoda I. A.**
The results of operational-search activities and their
use in pre-trial proceedings under the laws of the Republic
of Tajikistan..... 362
- Sinkevich V. V., Kolbasina E. E., Katrich A. A.**
Problems of legal regulation of personal search under
the criminal procedural legislation of the Russian Federation
as a reason for the formation of inadmissible evidence 365
- Smolyakov A. A., Shunk V. E., Chasovnikova O. G.**
Formation and development of juvenile justice
in the Russian judicial system..... 368
- Shamshina O. S.**
The concept and maintenance of the principle
of legality of criminal proceedings..... 370
- Zakharyan A. A.**
On certain issues of court and prosecutor participation in providing
evidence when the court considers applying pre-trial
restrictions in the form of remand in custody..... 372
- Kokoreva L. V., Kokorev R. A.**
Algorithm of the investigator's actions to verify reports
of crimes provided for in Article 207 of the Criminal Code
of the Russian Federation and at the initial stage
of the investigation 375
- Maevskiy S. S., Gerasenkov V. M.**
Seizure of electronic media and copying of information
from them in the process of conducting investigative actions:
problems and tactical recommendations 378

Makhova M. L. <i>Restriction of the right of the accused and the lawyer to receive copies of the materials of the criminal case in accordance with Part 2 of Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation</i>	381	Trofimtseva S. Yu. <i>Features of criminalization of the use of computer programs and devices for illegal influence on computer information and computer systems of critical infrastructure facilities in the national law of Russia and certain foreign states</i>	430
Peretokina V. V. <i>Principles of criminal procedure as an element of the system of guarantees for ensuring the rights and legitimate interests of a person placed in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions</i>	383	Sherstyanykh A. S. <i>Social media fraud</i>	432
CRIMINAL EXECUTIVE LAW			
Borchenko V. A., Kobaleva V. A. <i>Application of civil liability in the penal enforcement system of the Russian Federation</i>	386	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Igoshin V. G., Koroleva K. A. <i>Ensuring the regime of detention in municipal budgetary healthcare institutions</i>	389	Bogacheva M. V. <i>On the issue of the concept of information activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	435
Minkova E. A. <i>Employment of convicts as one of the key areas of executive, penitentiary and post-penitentiary probation</i>	391	Remizova L. S. <i>On the question of organizing human rights protection activities of supervisory bodies, including in correctional institutions</i>	438
Minsafina S. N., Dolgov N. A. <i>Problems of execution and serving of punishment in the form of deprivation of liberty in relation to minors</i>	393	Tomaschuk Ya. Yu., Jamborov A. A., Barsova E. R. <i>Countering terrorist crimes: current state and prospects for improvement</i>	440
Borchenko V. A. <i>Preservation and restoration of child-parent relations with women sentenced to serving sentences in places of deprivation of liberty</i>	395	Shakirov I. M., Khoroshunov A. S., Shatagin A. N. <i>Simulation training in tactical and special training of police officers</i>	442
CRIMINAL PROCEEDINGS			
Kharginova V. M. <i>Some problematic aspects of cassation proceedings</i>	397	Shogenov T. M., Fedorenko S. P. <i>Promising areas of digitalization of law enforcement activities</i>	444
CRIMINALISTICS			
Agarkova T. K., Merzlikin R. A., Prokofjeva E. V., Khanina N. V. <i>Use of specialized knowledge in solving and investigating murder crimes</i>	400	Khromov A. M. <i>Methods of training law enforcement officers in hand-to-hand combat</i>	446
Arhipova N. A. <i>Some aspects of the investigation of illegal hunting</i>	403	Yusupova S. I., Panteleeva N. A., Suleymanov M. V. <i>Formation of professional qualities of a law enforcement officer when applying fire training skills</i>	448
Biryukov S. Yu., Trubchaninov A. V. <i>Certain aspects of the versioning work of the subject of the investigation</i>	405	PROSECUTOR'S SUPERVISION	
Vesyolin V. V., Vnukov V. I. <i>Modern lighting equipment used for technical and forensic support of accident site inspections</i>	407	Lyapicheva N. S., Zhelezkin A. S. <i>Prosecutorial supervision over observation of the rights and freedoms of human and citizens during pre-trial proceedings</i>	450
Garbouz G. S. <i>Several approaches to determining the basis of classification of methods of crime investigation: a modern view of the problem</i>	409	SECURITY AND LAW	
Kairgaliev D. V., Gladirev V. V., Vasiljev D. V. <i>Aspects of application of gradient high-performance liquid chromatography in expert study of parts of the plant of the poppy during investigation of criminal cases</i>	411	Aramisov A. A., Voskoboev A. I. <i>Artificial intelligence as a tool to counter the propaganda of extremist and terrorist ideology</i>	452
Klimova Ya. A. <i>Theoretical aspects of digital forensics</i>	414	Balaeva J. R., Dikinov A. Kh. <i>Economic and national security: interrelation in the context of digitalization</i>	455
Krasnenko Yu. V. <i>Certain aspects of the use of technical means in the detection and investigation of crimes: issues of theory and practice</i>	417	Gotskaya N. R. <i>The essence of documenting criminal activity by operational units of internal affairs bodies</i>	457
Kruglikova O. V., Droga A. A. <i>On some tactical features of interrogating an imperfect witness as a participant in criminal proceedings</i>	419	Morozova N. S. <i>Current issues in the formation of a national model of public management of information security in the field of healthcare</i>	459
CRIMINOLOGY			
Aliev Sh. I., Aliev A. Sh., Tailova A. G. <i>Corruption in the education system, its causes and the main directions for prevention</i>	421	Ovchinskiy A. S., Zhuravlenko N. I., Ayupova A. R. <i>Using generative artificial intelligence in ideological combating destructive online communities</i>	462
Dolgushina L. V., Stupina S. A. <i>Victimization of participants in a special military operation: characteristics and preventive measures</i>	425	PEDAGOGY AND LAW	
Mirzaev Z. M., Mirzaeva Z. Z. <i>Female recidivism as an object of criminological research</i>	428	Bredikhin A. V., Bogatyreva O. V., Lustin Yu. M. <i>Digitalization of a modern university: problems and prospects, the view of an employee and a scientist</i>	465
		Burukin V. V., Pecherskiy D. V. <i>The study of the phenomenon of interactive technologies as a tool for overcoming didactic contradictions in higher education</i>	467
		Egorova O. I., Fomina D. S., Gladilova E. A. <i>Moral education of the younger generation: the essence and main problems</i>	469
		Verkhovina O. A., Volkova A. A. <i>Regulatory and legal conditions for the education of persons with disabilities</i>	471
		Zorina N. S., Tsarkova E. G. <i>The formation of motivation for a healthy lifestyle among juvenile offenders in correctional facilities</i>	473
		Krautman T. E., Balatskaya Yu. Yu. <i>Fundamentals of linguistic expertise in criminal cases of terrorism and extremism involving foreign citizens</i>	475

Kanukoev A. M., Kodzokov A. Kh., Bauyev Sh. Kh. <i>Legal features of physical training of students and cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	477
Krivchun N. A. <i>The right of rural youth to engage in physical education and sports</i>	480
Popov I. V., Grevtsev O. I. <i>Problems of organizing the educational process in the field of training SAMPLE operators</i>	482
Ryasov A. V., Meshcherin A. I. <i>Professional competence of employees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of the training form of education</i>	484
Stetsenko N. V., Valieva A. R., Khakimov N. N., Ivanov E. Yu. <i>On the role of an integrated approach in the training of future lawyers</i>	487
Tutova O. V., Grigorov L. N. <i>The model of developing the legal worldview of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of the ICT progress</i>	489
Egorova O. I., Fomina D. S., Gladilova E. A. <i>Moral and physical education of a person as complementary categories of the modern educational process</i>	491
Zorina N. S., Tsarkova E. G. <i>Peculiarities of psychological correction of juvenile offenders' personalities</i>	494
PSYCHOLOGY AND LAW	
Mikhaylov V. S. <i>Historical aspect and foreign experience of psychological work in relation to former participants of armed conflicts with post-traumatic stress disorder</i>	496
Mikhaylov V. S. <i>Problems of integration into society of a person who has been subjected to school bullying</i>	499
SPORTS LAW	
Provatkina V. E., Voloshina T. V., Moiseev R. A. <i>Problematic aspects of legal responsibility in sports</i>	502
HUMAN RIGHTS	
Baydarova M. A., Ambaryan A. M. <i>Actual problems of lawyers' implementation of qualified legal assistance in the Russian Federation</i>	505
Andreeva I. A., Matantsev D. A. <i>Protection of personal data and images of police officers in the judicial practice of the European Court of Human Rights</i>	507
ECONOMY. LAW. SOCIETY	
Amelichkin A. V. <i>Marketing communications on the internet and new media used in the management of the sphere of socio-cultural services and tourism</i>	510
Burnos E. N., Buyankin S. V., Oshueva V. V. <i>Quadrobists as a social phenomenon and the subject of legal discussion: problems and ways to resolve them</i>	513
Radchenko E. P., Bazhanov S. A. <i>Implementation of artificial technologies in the penal system: advantages and limitations</i>	515
Chumlyakov K. S., Chumlyakova D. V., Ignatyuk Yu. L. <i>Forms of internationalization of transport infrastructure links</i>	517
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Vildanov Kh. S., Khabibullin I. G., Bikimbetov R. G. <i>On the problem of individual spirituality and spiritual security of society</i>	520
Gubachev M. N. <i>On the question of the origins of the state-legal tradition in the historical development of the country</i>	523
Daniilov V. L., Gorbunova K. A. <i>The religious and moral ideal of a woman in Russia: traditions of female holiness</i>	526
Zaripov A. Ya. <i>Symbolism and its influence on the formation of the worldview of the younger generation</i>	529
Zelenin E. I., Baklanov I. S., Baklanova O. A., Lukyanov G. I. <i>Social solidarity and justice as the basis for sustainable development of society in the context of digitalization challenges</i>	531
Nurmukhametova I. F., Nurmukhametov E. A., Safronova E. V. <i>On the relationship between coping strategies and automortal anxiety among personnel of a paramilitary organization within the context of the existential paradigm</i>	533
Ravochkin N. N., Ashvanyan S. K. <i>Media as a factor of intellectual evolution: a philosophical analysis (part 1)</i>	536
Rudkevich E. Yu., Cherepanov A. Yu., Gerasimov N. N. <i>Power and war</i>	538
Sharipkulov A. V. <i>Socio-philosophical analysis of some foundations of value orientations of an ethnos within the framework of humanitarian globalistics</i>	542
Belyakov N. S. <i>Reasonable belief in the space of culture of dialogue of cultures</i>	544
Demyashina V. V. <i>The dilemma of «digit and power»: a socio-philosophical analysis</i>	546
Zaripov A. Ya. <i>The axiological influence of ethnic languages on the younger generation</i>	549
BOOK REVIEW	
Krivenkiy A. I. <i>Review of the monograph by I. Z. Farkhutdinov "The Evolution of International Law from Westphalia to Versailles" (1648-1919). – Moscow: INFRA-M, 2024. – 446 p. (Scientific thought). – DOI 10.12737/2135819.</i>	551
INFORMATION FOR AUTHORS	554

Т. Э. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ: ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), почетным работником сферы образования Российской Федерации Рождественской Татьяной Эдуардовной

T. E. ROZHDESTVENSKAYA: FINANCIAL MARKET: CURRENT ISSUES OF PUBLIC LAW REGULATION

Interview with Tatyana Eduardovna Rozhdestvenskaya, Ph.D. in Law, professor, professor of Financial law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Education of the Russian Federation

Рождественская Т. Э.

Визитная карточка:

Рождественская Татьяна Эдуардовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Финансовое право Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Закончила в 1990 году Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Окончила аспирантуру Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1990-1993). Работала в структурных подразделениях Центрального Банка Российской Федерации. Автор свыше 200 публикаций.

Основные направления научных исследований: финансовый рынок, цифровизация финансового рынка, банковская система, надзор на финансовом рынке, правовой статус Банка России.

Член Экспертного совета Службы финансового уполномоченного Российской Федерации.

Член редакционной коллегии журнала «Вопросы российского и международного права».

Член редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы административного права и процесса».

Член диссертационного совета Д.24.1.058.04, созданного на базе Института государства и права РАН.

Награждена медалью Федерального казначейства «За Усердие и Пользу».

– Добрый день, Татьяна Эдуардовна. Спасибо, что согласились ответить на вопросы, связанные с рассмотрением проблематики правового регулирования финансового рынка.

– Спасибо за приглашение. Да, действительно, финансовый рынок чрезвычайно важен для современной экономики, более того, современная экономика не может функционировать без развитого финансового рынка.

– Что понимается под финансовым рынком?

– Под финансовым рынком понимается сегмент экономики, на котором происходит перераспределение свободных денежных ресурсов на основании деятельности профессиональных участников рынка, а также предоставляются финансовые услуги для граждан и субъектов экономической деятельности. Перераспределение денежных ресурсов происходит за счет функционирования различных финансовых инструментов, представляющих собой гражданско-правовые сделки, в основе которых лежит денежное обязательство. Значимым элементом финансового рынка является его инфраструктура, а также лица, предоставляющие профессиональные услуги профессиональным участникам финансового рынка.

– Какая основная функция финансового рынка?

– У финансового рынка несколько функций, но основной является перераспределительная, состоящая в мобилизации (привлечении, аккумуляции) финансовых ресурсов (временно свободных денежных средств), распределение финансовых ресурсов между субъектами финансового рынка и (или) перераспределение финансовых ресурсов в качестве инвестиций.

Финансовый рынок создает общественное благо трансформации накоплений в инвестиции. Если схематично представить себе работу данного механизма, то можно увидеть, что на одной стороне этого механизма сосредотачиваются денежные средства, существующие и как наличные деньги, и, что для функционирования финансового рынка важнее, как остатки на банковских счетах и вкладах. Эти денежные средства имеют различные источники происхождения: это могут быть и сбережения домашних хозяйств, и средства на счетах, открываемых при обслуживании банковских карт, и временно свободные средства предприятий, и т.д. С точки зрения экономики важно то, что они являются свободными, их владелец не испытывает потребности их тратить в данный момент на приобретение каких-либо вещей, оплату работ или услуг, выплату заработной платы или осуществления обязательных платежей, к примеру, налогов. Основные субъекты современной экономики – население, предприятия, государство – периодически могут выступать и в качестве тех, кто осуществляет сбережения или имеет свободные денежные средства, и в качестве тех, кто испытывает потребность в привлечении финансирования от третьих лиц.

Основные институты финансового рынка обеспечивают перераспределение денежных средств от клиентов, которые предоставляют денежные средства, в пользу клиентов, которые являются реципиентами, получателями данных денежных средств. Механизм перераспределения, действующий на финансовом рынке, включает в себя несколько моделей, основными из которых являются:

- средства на счетах/вкладах – кредит (традиционный банкинг);
- средства на счетах/ вкладах – участие в капитале (через приобретение, например, акций);
- средства на счетах/ вкладах – предоставление займа через приобретение облигаций, векселей, иных видов долговых ценных бумаг;
- привлечение займов/ кредитов – предоставление займов (механизм работы микрофинансовых организаций);
- иные.

Существуют формы привлечения средств для обеспечения их суммарного инвестирования. Например, негосударственные пенсионные фонды, предоставляя услуги по пенсионным накоплениям или пенсионному страхованию, получают возможность размещать денежные средства в различные инвестиционные проекты, инфраструктурные облигации. На таких же принципах построен механизм страхования жизни.

Таким образом, перераспределение денежных ресурсов является одной из ключевых функций финансового рынка.

– Вы сказали, что современная экономика не может функционировать без развитого финансового рынка. Почему?

– Товарное производство длительное время было основным фактором развития экономики. Для товарного производства финансовый рынок был и остается сопутствующим фактором: он существует как определенный набор услуг, связанный с возможностью платежа или кредита, страхования или обеспечения сохранности временно свободных денежных средств. Товарное производство обращается на финансовый рынок, когда требуется привлечь недостающую для развития ликвидность, или застраховать имущество или риски, и т.д. Однако в постиндустриальной экономике финансовый рынок из прислуги системы производства вырос в самостоятельную систему, существующую наряду с производственным сектором, имеющую свои специфические механизмы изменений, способные оказывать как позитивную, так и негативную роль на производство и иные сферы экономической жизни. Современная экономика является финансовой экономикой, в которой финансовая система выступает главным объектом регулирования со стороны государства.

– В научных работах встречается термин «финансовый рынок» и «финансовые рынки». Какой термин более корректно использовать?

– Термин «финансовый рынок» появился относительно недавно: к одной из первых работ, где фигурирует этот термин, относится опубликованная в 1963 г статья Джеймса Тобина (англ. James Tobin), американского экономиста, лауреата премии по экономике памяти Альфреда Нобеля. В этом труде понятие финансового рынка употребляется как синоним рынка капитала. Позднее данный термин стал обозначать совокупный денежный рынок и рынок капитала. Такая трактовка понятия «финансовый рынок» содержится, к примеру, в некоторых документах МВФ и Всемирного банка, например, в Руководстве «Индикаторы финансовой структуры, развития и здоровья», в котором финансовый рынок рассматривается как объединение денежного рынка, валютного рынка и рынка капитала (включая бонды, акции, деривативы и структурированные финансовые продукты).

В 2004 году появилось понятие интегрированного финансового рынка, которое было введено в Директиве ЕС “О рынках финансовых инструментов”. Директива в настоящее время не действует, но с этих пор под финансовым рынком стали понимать любой рынок, где обращаются финансовые инструменты.

Термин «финансовые рынки» используется в настоящее время, как правило, в странах с англо-саксонской системой права.

– Если мы говорим о финансовом рынке как об интегрированном образовании, что входит в структуру финансового рынка?

– В настоящее время в структуре финансового рынка на основании специализации финансовых организаций и предоставляемых ими финансовых услуг выделяются следующие сектора:

- 1) банковский;
- 2) капитала (ценных бумаг и производных финансовых инструментов);
- 3) страховой;
- 4) коллективных инвестиций, включая негосударственные пенсионные фонды;
- 5) микрофинансирования;
- 6) платежных услуг.

Кроме того, существуют инфраструктурные организации финансового рынка (биржа, центральный контрагент, центральный депозитарий) и лица, обслуживающие финансовый рынок (аудиторы, бюро кредитных историй, актуарии).

В последние годы особую роль играют субъекты финансового рынка, которые осуществляют свою деятельность в сфере финансовых технологий (в российской правовой системе – организации, связанные с выпуском и обращением цифровых прав: цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав).

Каждый из этих секторов единого финансового рынка иногда называют самостоятельным видом рынка (страховой рынок, рынок коллективных инвестиций, рынок капитала и проч.). Исторически каждый сектор развивался по своим механизмам и имел право называться самостоятельным рынком. Отголоски существования разрозненных финансовых рынков мы можем увидеть не только в различных исследованиях, но и в документах МВФ и Всемирного банка.

Однако в настоящее время в силу процессов интеграции отдельные секторы финансового рынка стали частью целостного образования. Поэтому, как я отметила ранее, корректно говорить не о «финансовых рынках», а о «финансовом рынке».

Именно такой подход закреплен в российском законодательстве, в котором используется термин «финансовый рынок», например, в федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закреплены, в том числе, полномочия Банка России как «мегарегулятора финансового рынка».

– Среди ученых-юристов достаточно часто можно встретить точку зрения, что финансовый рынок должен регулироваться нормами частного (гражданского) права. Что Вы думаете по этому поводу?

– Действительно, исторически первоначальное взаимодействие на финансовом рынке строилось по линии договоров и корпоративных решений и изначально для регулирования этих отношений было достаточно норм гражданского права (частного права). Позднее к этой цивилистической компоненте прибавилось антимонопольное регулирование, затем – стали возникать системы, защищающие пользователей финансовых услуг, с одной стороны, от чрезмерных рисков, которые могли брать на себя отдельные финансовые организации, с другой стороны, от недобросовестного отношения финансовых организаций к самим пользователям. В результате публично-правовая компонента регулирования финансового рынка стала если не превалиро-

вать над частно-правовой, то, по крайней мере, не уступать последней. В регулировании основной акцент стал делаться на поддержку устойчивого функционирования финансовой системы, а также на качество услуг, предоставляемых финансовыми организациями. Таким образом, практически на наших глазах, за последние полвека выросла значительная по объему материала, еще недостаточно структурированная нормативно-правовая подсистема системы финансового рынка (в современной России становление этой компоненты системы финансового рынка началось с 1990 г.).

Публично-правовая компонента регулирования (финансовое право) развивалась одновременно со становлением публичных институтов, целью деятельности которых являлось формулирование требований к участникам финансового рынка, его организациям и, в конечном итоге, обеспечение исполнения соответствующих требований. Регулирование деятельности финансовых организаций, а также надзор и контроль за их деятельностью, осуществляемый соответствующими органами, правительственными или независимыми, разрозненными или объединенными в одно целое («мега-регулятор»), важны сами по себе, так как нацелены на обеспечение защиты неопределенного круга лиц, не имеющих достаточных навыков, чтобы разобраться в хитросплетениях финансового рынка, а также на защиту иных публичных интересов. Однако со временем данная цель регулирования и надзора (контроля) была дополнена важнейшей целью обеспечения финансовой стабильности.

Вопросы финансовой стабильности являются ключевыми для функционирования системы финансового рынка. Их решение находится в сфере ответственности органов денежно-кредитной политики и органов, осуществляющих надзор на финансовом рынке в целом или за отдельными его сегментами.

В России органом регулирования, контроля и надзора за всеми секторами финансового рынка (мегарегулятором) является Банк России.

– Вы упомянули, что регулирование деятельности финансовых организаций, а также надзор и контроль за ними нацелены, в том числе, на обеспечение защиты неопределенного круга лиц, не имеющих достаточных навыков, чтобы разобраться в хитросплетениях финансового рынка, то есть на защиту потребителей финансовых услуг. Расскажите, пожалуйста, почему защита прав потребителей так важна сегодня.

– Особенностью надзора на финансовом рынке является то, что он не может быть эффективным, если не будет организована эффективная защита прав потребителей финансовых услуг.

Системы защиты прав потребителей уже на протяжении более века являются одним из элементов индустриальной и постиндустриальной экономики. Защита прав потребителей финансовых услуг в правовом смысле предполагает отход от классического принципа гражданского оборота — принципа равенства сторон в договоре. Потребитель — физическое лицо — приобретает товар (работу или услугу) для личного потребления, не связанного с ведением предпринимательской деятельности. Он зачастую не обладает необходимыми навыками и знаниями, чтобы на равных конкурировать с поставщиком, поэтому государство и общество предоставляют такому потребителю дополнительные средства защиты для сглаживания несправедливости отношений с предпринимателем, являющимся другой стороной договора.

Система защиты прав потребителей финансовых услуг включает в себя несколько элементов.

Во-первых, это как судебные, так и иные органы, которые необходимы для рассмотрения жалоб и предоставление возможностей — как судебных, так и внесудебных (досудебных) — для обжалования действий поставщиков финансовых услуг, финансовых организаций.

Во-вторых, не менее значимый аспект такой системы, ее второй элемент, — это обеспечение доступности финансовых услуг, т.е. предоставление потребителю возможности получить финансовые услуги в любом месте и за как можно меньшую цену. Вместе с тем нередко возникают препятствия для получения услуг из-за чрезмерного «увлечения» понуждением финансовых организаций к платежам.

Третьим ключевым моментом организации защиты прав потребителей финансовых услуг является обеспечение устойчивости финансовых организаций. Для финансовой системы важно, чтобы финансовые организации обладали финансовой устойчивостью, т.е. «запасом прочности», позволяющей — как с финансовой, так и с организационной стороны — управлять рисками, особенно риском наступления банкротства. Прежде всего, это относится к организациям, которые так или иначе связаны с привлечением средств третьих лиц — к кредитным и страховым организациям, пенсионным фондам. Как следствие, надзорные органы должны предпринимать усилия, чтобы повысить финансовую устойчивость таких организаций, в частности, побуждая их акционеров, иных участников распределять прибыль в их капитал.

В Российской Федерации сложилась определенная система органов и институтов гражданского общества (представленных различными организациями по защите прав потребителей), в функции которых входят вопросы по защите прав потребителей финансовых услуг.

К таким органам (помимо судебных) относятся, прежде всего:

- Банк России;
- Агентство по страхованию вкладов;
- Финансовый уполномоченный;
- органы прокуратуры.

По большому счету, развитие финансового рынка возможно, только если будет обеспечено доверие к нему, а этого нельзя добиться только при эффективной защите прав потребителей финансовых услуг и инвесторов.

– Уважаемая Татьяна Эдуардовна, спасибо большое за интересное интервью! Желаем Вам дальнейших профессиональных успехов! И в заключение хочется задать традиционный вопрос: что бы Вы хотели бы пожелать Вы редколлегии, авторам и читателям Евразийского юридического журнала?

– Я благодарна редакции Евразийского юридического журнала за возможность обсудить тему, которая, на мой взгляд, представляет интерес как с теоретической, так и практической точки зрения. Хочу пожелать редакции личных и профессиональных успехов, а авторам Вашего журнала поиска новых интересных статей.

Интервью брал:

Карташов Александр Викторович
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры финансового
права Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

БАЛЫЧЕВСКИЙ Дмитрий Николаевич

аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются актуальные тенденции формирования международно-правового режима использования космических ресурсов. Констатируется, что Договор по Космосу 1967 г. остается надежной принципиальной основой будущего международного режима космических ресурсов, а ООН подходящей площадкой для диалога. Автор считает, что в краткосрочной перспективе наиболее целесообразным для государств будет согласование основных международно-правовых принципов будущей деятельности в области разработки добычи и эксплуатации космических ресурсов, что заложит прочную основу для последующего согласования системы международно-правового регулирования. России также следует активно продвигать свои национальные интересы в области космических ресурсов на международных площадках, а также посредством внесения изменений в национальное законодательство. Более того имеет смысл усилить кооперацию по данному вопросу с дружественными государствами на интеграционных площадках.

Ключевые слова: космические ресурсы, добыча космических ресурсов *in situ*, национальная апроприация, Комитет ООН по Космосу, Юридический подкомитет, Договор по Космосу 1967 г. Соглашения Артемиды.

BALICHEVSKIY Dmitriy Nikolaevich

postgraduate student of International law sub-faculty, Diplomatic Academy of the MIA of Russia

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF AN INTERNATIONAL LEGAL REGIME FOR THE UTILIZATION OF SPACE RESOURCES

The article discusses the current trends in the formation of the international legal regime for the use of space resources. It is stated that the 1967 Outer Space Treaty remains a reliable principled basis for the future international regime of space resources, and the UN is a suitable platform for dialogue. The author believes that in the short term it would be most expedient for states to agree on the basic international legal principles for future activities in the field of space resources development and exploitation, which would lay a solid foundation for further harmonisation of the international legal regulation system. Russia should also actively promote its national interests in the field of space resources on international platforms and by amending its national legislation. Moreover, it makes sense to strengthen co-operation on this issue with friendly states on integration platforms.

Keywords: space resources, *in situ* mining of space resources, national appropriation, UN Committee on Space, Legal Subcommittee, 1967 Outer Space Treaty, Artemis Accords.

В настоящее время, в условиях стремительного технологического прогресса, роста количества мирового населения и ограниченности природных ресурсов на Земле международное космическое право (МКП) сталкивается с рядом проблем, и, например, с проблемой урегулирования порядка добычи и использования космических ресурсов. Недавно исполнилось 57 лет с момента вступления в силу Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее Договор 1967 г.), который за эти годы стал прочной основой универсального международно-правового регулирования области исследования и использования космического пространства. Договор 1967 г. имеет обширный субъектный состав – 116 государств по состоянию на октябрь 2024 г. Вместе с тем, если говорить о будущих перспективных направлениях космической деятельности, например использовании космических ресурсов, то не вызывает сомнений, что нормативных положений Договора 1967 г. недостаточно, поскольку он принимался более полувека назад, на заре космической эры, и многие аспекты деятельности государств в Космосе, тогда попросту не рассматривались ввиду отсутствия научно-технической возможности.

Следует упомянуть, что сам термин «космические ресурсы» в действующих международных договорах не используется. Вместе с тем, представляется, что его использование обосновано как минимум по тому, что термин «космические ресурсы» используется в рабочих документах ООН: её Генеральной Ассамблеи (ГА ООН), Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (Комитет ООН по Космосу) и его Юридического подкомитета (ЮПК), Управления ООН по вопросам космического пространства (УВКП ООН). Так, еще в 2017 г. был введен обязательный для обсуждения на сессиях ЮПК пункт повестки дня «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов». Термин «космические ресурсы» после этого стал использоваться в ежегодных докладах ЮПК, Комитета ООН по Космосу и резолюциях ГА ООН, утверждающих доклады Комитета.

Очевидно, что деятельность по добыче космических ресурсов является перспективной, обращена к будущим поколениям и является одним из векторов реагирования на проблему исчерпаемости ресурсов на нашей Планете. Согласно исследованию, положенному в основу Целей устойчивого

Балычевский Д. Н.

развития ООН (ЦУР ООН, ЦУР №12) если при сохранении текущего темпа роста населения Земли, к 2050 г. его количество может составить 9,6 млрд. чел., а, следовательно, потребуется как минимум в три раза больше запасов земных природных ресурсов для удовлетворения нынешнего объема потребления. Решить данную проблему объективно можно двумя способами: сокращать потребление и искать альтернативные источники природных ресурсов. Одним из таких источников потенциально может стать космическое пространство и небесные тела, расположенные в нем. При это речь идет не о сборе образцов космических ресурсов для научных исследований, а полноценном коммерческом использовании таких ресурсов.

Согласно результатам профильных доктринальных исследований, видами предполагаемых природных ресурсов на астероидах могут служить: железо, золото, кобальт, марганец, молибден, никель, металлы платиновой группы [7, с. 18-31]. Особый интерес представляет Луна, как источник природных ресурсов, в частности различные металлы, а также содержащийся в лунном реголите Гелий-3, который по мнению некоторых исследователей [3] может быть компонентом термоядерного топлива. На Луне, как и на астероидах есть запасы воды. Отдельные виды полезных ископаемых есть на Марсе и потенциально на других планетах. Интересен также коммерческий аспект добычи природных ресурсов в Космосе. Так, согласно проведенным исследованиям, стоимость природных ресурсов на отдельных астероидах может достигать десятков триллионов долларов. Однако следует констатировать отсутствие практической возможности добычи и транспортировки таких ресурсов на Землю в коммерческих масштабах [5]. Альтернативой представляется использование добытых природных ресурсов *in situ* (в месте нахождения, *in place*), что выглядит наиболее вероятным форматом использования космических ресурсов обозримой перспективе. Думается, что в качестве общего определения космических ресурсов можно предложить следующее – это все твердые, жидкие или газообразные минеральные, а также водные природные ресурсы, расположенные в недрах или поверхностном слое Луны, астероидов и других небесных тел.

Проблема актуализации вопроса о международно-правовом режиме космических ресурсов усилилась в последнее десятилетие на фоне принятия отдельными государствами законов, закрепляющих возможность приобретения права собственности физическим и юридическими лицами на добытые ими космические ресурсы. Начало было положено с принятием в 2015 г. в США Закона «О конкурентоспособности коммерческих космических запусков», который отразил интерпретацию США Договора 1967 г. в национальных интересах, в частности наделяя американских физических и юридических лиц правом собственности на добытые извлеченные ресурсы. Закон был впоследствии дополнен конкретизирующим его Указом Президента США 2020 г. Начиная с 2015 г. последовала принятие плеяды, относительно схожих с американским, национальных законов (в 2017 г. – в Люксембурге, в 2019 г. – в ОАЭ, в 2021 г. – в Японии). Действия названных государств можно охарактеризовать как попытку урегулировать на национальном уровне отношений, входящих в предмет регулирования МКП, придавая таким образом свойство экстерриториальности действия своим национальным законам.

Также следует отметить принятие 13 октября 2020 г. США и семью другими государствами: Австралией, Великобританией, Италией, Канадой, Люксембургом, ОАЭ, Япони-

ей соглашений «Артемиды» в рамках одноименной лунной программы США. Соглашения являются сводом принципов сотрудничества в гражданской деятельности по исследованию и использованию Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях. Раздел 10 Соглашения посвящен космическим ресурсам. Ключевым представляется положение п.2 разд. 10 Соглашения, согласно которому государства-участники соглашения не признают деятельность по коммерческой разработке, добыче и эксплуатации космических ресурсов национальным присвоением по смыслу ст. II Договора 1967 г. Важно отметить, что государства-участники не рассматривают Соглашения Артемиды в качестве международного договора, о чем прямо указывается в п.2 разд. 13 Соглашения, что лишает права ссылаться на него ни в одном из органов ООН. Анализируя содержание Соглашений Артемиды, думается, что данный документ является своего рода декларацией, носящей не обязательный, а рекомендательный характер. На их основе прямо предусмотрено заключение двусторонних международных договоров, которые уже будут иметь обязательный характер. В настоящее время число подписантов увеличилось до 47 государств. Последним к Соглашению присоединилось Чили в октябре 2024 г.

Думается, что сложившаяся ситуация является продуктом продвигаемой США и их союзниками концепции «открытого миропорядка, основанного на правилах», которая фактически противопоставляется действующему международному праву. Как совершенно справедливо отметил глава МИД РФ С. В. Лавров «целью «данных «правил» выступает подмена универсально согласованных международно-правовых инструментов и механизмов узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок» [6].

Думается, что, хотя Договор 1967 г. напрямую не устанавливает международно-правового режим космических ресурсов, вместе с тем содержит принципиальные основы для формирования будущего международно-правового режима космических ресурсов. Так, в ст. II Договора 1967 г. установлен запрет национальной апроприации космического пространства и небесных тел любыми средствами. Толкование этой нормы как раз и вызывает конфронтацию как в научном сообществе, так и в Комитете ООН по Космосу, обусловленные стремлением оправдать закрепляемой в последнее время в национальных законодательствах некоторых государств возможности частной апроприации космических ресурсов. В частности, есть противоречия относительно отнесения природных ресурсов к понятию небесных тел в контексте запрета присвоения. Ряд исследователей придерживается мнению, что запрет национальной апроприации небесных тел не подразумевает запрета присвоения добытых на них минеральных ресурсов [11, р. 790], [12], в то время как другие исследователи придерживаются обратного [11, р. 790], [13], [14, р. 198]. Также высказываются мнения о том, что запрет национального присвоения небесных тел ввиду действия принципа *expressio unius est exclusio alterius* распространяется лишь на государства, но не на частных лиц [10], вовлечение которых в космическую деятельность, на фоне ее активной коммерциализации в последнее время, сложно недооценить [9, с.3]. Другие исследователи высказываются за необходимость применения концепций *res nullius/terra nullius* (бесхозная вещь, ничья земля) к присвоению добытых на небесных телах полезных ископаемых. В отечественной доктрине подавляющее большинство исследователей рассматривают ст. II Договора

как устанавливающую запрет на апроприацию космических ресурсов как государствами, так и частными лицами, а природные ресурсы как составную часть небесных тел [8]. Автор солидарен с отечественными исследователями. Здесь следует согласиться с позицией Ю. М. Колосова, который считает имеет место проблема отсутствия аутентичного толкования положений Договора 1967 г. применительно к добыче и использованию космических ресурсов [4, с. 239].

Проблема установления международно-правового режима космических ресурсов уже была в фокусе внимания мирового сообщества. В 1979 г. было принято Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (Соглашение 1979 г.), которое развивало положения Договора 1967 г. и вносило ясность относительно всех обозначенных вопросов. В ч. 1 ст. 11 Соглашения 1979 г. по аналогии с международным режимом морского дна в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. закрепило режим «общего наследия человечества» за Луной, небесными телами и их природными ресурсами. Во взаимосвязи с ч. 3 ст. 11 Соглашения 1979 г. этот режим подразумевает запрет апроприации Луны, небесных тел, включая их природные ресурсы, при этом запрет распространяется как на государства, так и на любые международные организации (правительственные и неправительственные), физических и юридических лиц. Запрет распространяется на коммерческое «использование» природных ресурсов допуская их добычу в научных целях. В ст. 11 также предусмотрена обязанность создания государствами участниками Соглашения международного режима эксплуатации природных ресурсов небесных тел, когда будет обоснована практическая возможность такой деятельности. В качестве целей будущего режима заявлены в том числе «рациональное использование» и «справедливое распределение» природных ресурсов небесных тел. Следует согласиться с А. Н. Вылегжаниным, М.Р. Юзбашьян и М.А. Алексеевым, что критерий «справедливого распределения благ» весьма затруднителен в практической реализации [2], поскольку на весах ставятся «интересы развивающихся стран» с одной стороны и вклад «космических держав» с другой стороны, в связи определить точку равновесия проблематично. В итоге режим «общего наследия» и критерий «справедливого распределения» вызвали непримиримую конфронтацию. К Соглашению в итоге не присоединились «ведущие космические державы» (США, РФ и др.). В Соглашении 1979 г. участвуют всего 17 государств (по состоянию на октябрь 2024 г.) и при этом субъектный состав уменьшается – в начале 2024 г. из Соглашения вышла Саудовская Аравия. Таким образом реальная практическая применимость Соглашения 1979 г. в контексте космических ресурсов в современных условиях вызывает сомнения. Его положения могут потенциально рассматриваться как международно-правовой обычай, однако некоторые государства, например, США, прямо заявляют, что отказываются считать Соглашение 1979 г. в качестве такого.

Представляется, что несмотря на попытки отдельных государств урегулировать вопрос добычи и присвоения космических ресурсов в одностороннем порядке на национальном уровне либо в формате кооперации в рамках альтернативных альянсов государств, приемлемой площадкой для обсуждения и выработки проекта международно-правового режима космических ресурсов выступает ООН и его Комитеты. Это подтверждается в ежегодных докладах ЮПК, Комитета ООН по Космосу, резолюциях ГА ООН. Следует также согласиться с доводом А. Х. Абашидзе и И. А. Черных, что выработка международно-правового режима космических ресурсов

должна осуществляться при участии всех государств-участников Договора 1967 г. и только на основе закрепленных в нем принципов [1].

Думается, что в условиях геополитической турбулентности достичь консенсуса на универсальном не просто. США и их союзники на данном этапе открыто демонстрируют нежелание искать компромиссы по любым вопросам межгосударственной кооперации. Этот факт отчетливо прослеживается сквозь призму введения США и рядом других государств беспрецедентного количества односторонних ограничительных мер (ООМ) в отношении России. Представляется, что Российской Федерации нужно активно включаться в «гонку за космическими ресурсами» на технологическом, практическом и правовом уровнях. России также нужно отстаивать свои национальные интересы на международной арене, в частности на площадке ЮПК Комитета ООН по Космосу. На данный момент наше государство высказывает точку зрения, согласно которой инициативы США, Люксембурга и некоторых других государств противоречат действующему Договору по космосу 1967 г., поскольку правовой режим космического пространства, включая деятельность в области космических ресурсов, может устанавливаться только международным правом, а не в национальном законодательстве. Автор полагает, что для Российской Федерации наиболее целесообразным на данном этапе было бы внесение в ЮПК Комитета ООН по Космосу проектного документа, который бы содержал ряд международно-правовых принципов будущей деятельности в области космических ресурсов, а также собственную модель международно-правового регулирования данной сферы.

По мнению автора на данном этапе возможно внесение изменений в Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности», которые бы закрепили контуры и принципиальные основы деятельности российских государственных и частных организаций в области космических ресурсов. Определенно необходимо увеличение доли участия частных компаний в космической деятельности РФ, в том числе на законодательном уровне, что потенциально может привести к притоку в РФ иностранных технологий и инвестиций. Параллельно требуется увеличение бюджетного финансирования космической деятельности в рассматриваемой области. Соответствующие изменения необходимо учитывать и в будущей Федеральной космической программе РФ на 2026 и последующие годы.

Примечательна позиция, например, Китая в этом вопросе, который в 2024 г. представил свою официальную позицию по вопросу добычи космических ресурсов в Рабочей группе по правовым аспектам деятельности по использованию космических ресурсов ЮПК Комитета ООН по Космосу. Китай заявил, что рассматривает деятельность по добыче и использованию космических ресурсов как законную, приветствует и поддерживает ее, однако считает, что при этом необходимо соблюдение принципов МКП, закрепленных в договоре ООН по Космосу 1967 г. Китай считает, что пока рано вести речь о коммерческой эксплуатации ресурсов Луны и других небесных тел, отдавая предпочтение их эксплуатации в научных целях, например, китайские миссии на Луну «Чанъэ» в 2024 – 2028 гг. В ближайшее десятилетие Китай планирует создание Международной лунной исследовательской станции и проверит использование лунных ресурсов *in situ*. Думается, что для РФ благоприятно усиление кооперации с дружественными государствами на двустороннем уровне и в рамках интеграционных объединений, посредством принятия новых совместных космических программ в области

космических ресурсов, соглашений, которые бы закрепили концептуальные основы совместной деятельности в области космических ресурсов.

Возвращаясь к возможным моделям международно-правового регулирования разработки, добычи и эксплуатации космических ресурсов, то можно рассмотреть три уже разработанных в практике государств формата. Первый это Международный режим района морского дна, который предусматривает распространение концепции общего наследия человечества, а вся природоресурсная деятельность осуществляется в строгом соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и под контролем Международного органа по морскому дну на разрешительной основе. Конечно, данная конструкция представляется наиболее подходящей для применения по аналогии к космическим ресурсам. Однако многие государства уже заявили, что отказываются признавать распространение режима общего наследия человечества на космическое пространство и космические ресурсы. Второй формат – международный режим орбитально-частотных ресурсов, закрепленный в Уставе Международного союза электросвязи (МСЭ) 1992 г. и Конвенции МСЭ 1992 г. Примечательно, что орбитально-частотные ресурсы являются подвидом космических ресурсов (ст. 44 Устава МСЭ). Третий подход – международно-правовой режим природных ресурсов Антарктики. В 1988 г. была принята Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики, тем не менее не вступившая в силу на фоне острой критики мирового сообщества. В 1991 г. был принят Протокол об охране окружающей среды в Антарктике, который запретил осуществление природоресурсной деятельности в Антарктике на 50 лет до 2041 г.

В заключении следует отметить, что деятельность государств по использованию космического пространства в мирных целях, включая деятельность в области космических ресурсов, является предметом регулирования исключительно МКП. Представляется, что в краткосрочной перспективе наиболее целесообразным для государств будет согласование основных международно-правовых принципов будущей деятельности в области разработки добычи и эксплуатации космических ресурсов, что заложит прочную основу для последующего согласования системы международно-правового регулирования. В статье были предложены и конкретные шаги для России, которые, как представляется могут помочь нашему государству занять одну из лидирующих ролей на этом перспективном направлении.

Пристатейный библиографический список

- Абашидзе А. Х., Черных И. А. Космические ресурсы в фокусе повышенного внимания человечества // *Observer* 2020. № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskie-resursy-v-fokuse-povyshennogo-vnimanija-chelovechestva> (дата обращения: 25.10.2024).
- Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Р., Алексеев М. А. Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов луны и других небесных тел // *ГИАБ*. 2021. № 3-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-perspektivy-ispolzovaniya-prirodnih-resursov-luny-i-drugih-nebesnyh-tel> (дата обращения: 25.10.2024).
- Калинин Е. П. Научный обзор проектов по изучению и освоению минерально-сырьевых ресурсов Луны и других естественных небесных тел // *Известия Коми НЦ УрО РАН*. 2017. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-obzor-proektov-po-izucheniyu-i-osvoeniyu-mineralno-syrievykh-resursov-luny-i-drugih-estestvennykh-nebesnyh-tel> (дата обращения: 25.10.2024).
- Колосов Ю. М. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел // *Международно-правовые основы недропользования* // Отв. редактор Вылегжанин А. Н. М.: НОРМА, 2007.
- Кирсанов А. К., Вохмин С. А., Курчин Г. С., Волков Е. П. Добыча полезных ископаемых в Космосе: обзор современных исследований и разработок // *Горная промышленность*. 2024. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/18894-dobycha-poleznykh-iskopaemykh-v-kosmose-obzor-sovremennykh-issledovaniy-i-razrabotok> (дата обращения: 25.10.2024).
- Лавров С. В. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // *Россия в глобальной политике*. 2019. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/> (дата обращения: 25.10.2024).
- Добыча космических ресурсов: оценка возможностей и перспектив добычи ресурсов вне Земли // Под ред. И. Н. Мысляевой, М. Р. Ахмедова. М: КУРС, 2022. 192 с.
- Толстых В. А. Реформа космического права // *Актуальные проблемы российского права*. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aprr.msal.ru/jour/article/view/2719/1689> (дата обращения: 25.10.2024).
- Юзбашян М. Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 31 с.
- Coffey S. Establishing a Legal Framework for Property Rights to Natural Resources in Outer Space // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2009. Vol. 41. P. 119-147.
- Handbook of Space Law by Frans von der Dunk with Fabio Tronchetti (Ed.). Edward Elgar Publishing. 2015. 1136 p.
- Gorove S. Limitations on the Principles of Freedom of Exploration and Use in Outer Space: Benefits and Interests // *Proceedings of the Thirteenth Colloquium on the Law of Outer Space*. 1971. P. 74-78.
- Hobe S. Current and Future Development of International Space Law; Kopal V. Comments and Remarks / *Proceedings of the United Nations / Brazil Workshop on Space Law: Disseminating and Developing International and National Space Law: The Latin America and Caribbean Perspective*. UNITED NATIONS. New York. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (accessed date: 25.10.2024).
- Williams M. The Exploration and Use of Natural Resources in the Law of the Sea and the Law of Outer Space // *Proceedings of the Twenty-Ninth Colloquium on the Law of Outer Space*. 1988. P. 198.

ГОВЕРДОВСКАЯ Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

ХУРЧАК Николай Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, проректор, Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОГОВОРКИ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ

В статье рассматриваются вопросы толкования принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства не только в международных актах различной юридической силы, но и в решениях Международного Суда ООН. Внимание авторов акцентируется на сложности дефиниции именно вопросов и проблем, относящихся исключительно к внутренней компетенции суверенных государств, в стремительно глобализующемся мире. Особое внимание авторами уделяется вопросам применения оговорки о публичном порядке как инструменте реализации принципа невмешательства. Несмотря на то, что традиционно оговорка о публичном порядке ассоциируется в большей степени с частным правом, авторы обращают внимание на практику закрепления подобного института в международных актах, затрагивающих сферу публичного права.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства, оговорка о публичном порядке, международный договор, национальный интерес, публичный интерес.

GOVERDOVSKAYA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, Acting Head of State legal disciplines and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

KHURCHAK Nikolay Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor, Vice-rector, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF NON-INTERFERENCE IN THE INTERNAL AFFAIRS OF A SOVEREIGN STATE WHEN APPLYING A RESERVATION ON PUBLIC POLICY

The article deals with the issues of interpretation of the principle of non-interference in the internal affairs of a sovereign state not only in international acts of various legal force, but also in the decisions of the UN International Court of Justice. The attention of the authors is focused on the complexity of defining issues and problems related exclusively to the internal competence of sovereign states in the rapidly globalizing world. The authors pay special attention to the application of the public policy clause as a tool for the realization of the principle of non-intervention. Despite the fact that traditionally the public policy clause is associated to a greater extent with private law, the authors draw attention to the practice of enshrining such an institution in international acts affecting the sphere of public law.

Keywords: principle of non-interference in the internal affairs of a sovereign state, public policy clause, international treaty, national interest, public interest.

Принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию суверенного государства является одним из когентных принципов современного международного права. Имея достаточно продолжительную историю своего становления, принцип, тем не менее, не выглядит однозначным и конкретным при его применении. Традиционно доктрина международного права связывает возникновение данного принципа с формированием концепции суверенитета, которая формировалась с конца позднего Средневековья. В период 18-19 веков данный принцип приобрел большую востребованность в силу буржуазных революций. Свое развитие принцип невмешательства во внутренние дела государства получил в доктрине Монро, согласно положениям которой США обязывались не вмешиваться в дела государств Европы, государств Старого и Нового света, а также их колоний на взаимной основе [2]. Окончательное закрепление принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств получил в п.7 статьи 2 Устава ООН.

Согласно традиционному толкованию принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства предполагается, что ни одно государство либо международная организация, будь то правительственная или не-

правительственная организация, а также любой иной актор международных отношений не вправе вмешиваться в дела, входящие по сути во внутреннюю компетенцию независимого государства. В соответствии с этим принципом каждое государство, которое изначально презюмируется как суверенный и независимый субъект международного права, вправе самостоятельно выбирать свою политическую, экономическую, правовую, социальную, культурную и общественную систему без вмешательства со стороны, но с учетом иных общепризнанных когентных принципов международного права, прежде всего, неприменения силы или угрозы силой, а также самоопределения наций и народов [1].

Нормы мягкого права, такие как множественные декларации Генеральной ассамблеи ООН, также развивают положения о принципе невмешательства. Так, согласно положениям Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета вмешательство может быть, как прямым, к которому относят непосредственные военные действия в отношении территории суверенного государства, так и косвенным, то есть пропаганда, экономические или политические меры с целью принудить одно государство совершить инте-

ресующие или необходимые другому государству действия, любые посягательства на правосубъектность независимого государства¹.

Согласно Декларации принципов международного права вмешательство во внутренние дела другого государства может выражаться в применении политических, экономических или любых других мер с целью принуждения данного конкретного государства к изменению своей внутренней и внешней политики, принуждения страны к совершению определенных действий либо получения необоснованных преимуществ. Помимо этого, к актам вмешательства прямого или косвенного данный международный документ относит также организацию, разжигание, финансирование, подстрекательство или допущение подрывной, террористической, вооруженной деятельности, которая может быть направлена на свержение конституционного строя, изменение политического режима, либо вмешательство любым из названных способов во внутригосударственную борьбу за власть².

Исходя из анализа данного положения Декларации, можно смело предположить, что к делам, которые по существу входят во внутреннюю компетенцию государства, следует отнести принятие собственных законов по широкому кругу вопросов, установление праздничных дат, решение об объявлении каких-либо дней выходными, организации выборов, реализации собственных государственных программ для достижения долгосрочных и среднесрочных целей, которые представляют интерес для каждого конкретного государства, чеканка монеты, вступление в международные организации и союзы, а равно выход из них, реализация военной политики и так далее.

Декларация о недопустимости интервенции аналогична положениям уже упомянутых документов, однако, в качестве одного из критериев независимости называет право на свободный доступ к информации и возможность самостоятельно развивать свою информационную систему и средства массовой информации, что более чем актуально для сегодняшней геополитической ситуации. В контексте информации Декларация прямо запрещает клеветничество, оскорбления и враждебную пропаганду с целью осуществления интервенции или вмешательства в дела другого государства. Немаловажным представляется и пункт Декларации о том, что недопустимым является использование, а тем более искажение вопросов о правах человека с целью обоснования вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Более того, анализ положений Декларации позволяет сделать вывод о том, что защита прав человека внутри национальных границ является исключительно прерогативой суверенного государства и не предусматривает вмешательства со стороны третьих государств или международных организаций в отсутствие соответствующей просьбы заинтересованного государства, на территории которого и наблюдается нарушение прав человека³.

1 Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1961 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml.

2 Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

3 Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 г. [Текст].

Сложность в реализации данного принципа заключается, прежде всего, в том, что определение и понимание самого перечня вопросов, которые относятся исключительно к внутренней компетенции не существует. При всей объективности данного вопроса, существенное значение для классификации остается за субъективными представлениями государственных лидеров. При этом важно подчеркнуть, что с развитием международного права и международных отношений в последние десятилетия наблюдается взаимопроникновение национальных правовых систем и международной. Это проявляется в том, что многие внутригосударственные вопросы, прежде всего, направленные на обеспечение и защиту прав человека, зачастую ориентируются и формируются с учетом международно-правовых стандартов в области прав человека. Внутриполитическая организация общества и государства также ориентируется на признание и применение основных принципов международного права, которые изложены в Уставе ООН и Заключительном акте СБСЕ.

Сложность дефиниции и оценки вопросов, относящихся ко внутренней компетенции суверенного государства, неоднократно становилась вопросом рассмотрения в международных судебных инстанциях. Так, например, в деле о проливе Корфу по вопросу о нарушении Соединенным Королевством Великобритании суверенитета Албании Суд приходит по одному вопросу к неоднозначным выводам. Так, Суд не усмотрел нарушения суверенитета Албании в действиях Британского военно-морского флота при мирном проходе через часть пролива Корфу, которая относится к территориальным водам Албании без ее на то разрешения. Однако, суверенитет Албании был нарушен при проведении операции по разминированию пролива Корфу силами военного флота Великобритании при отсутствии согласия со стороны Албании. Великобритания ссылаясь на формирующееся право на вмешательство для того, чтобы «обеспечить владение доказательствами на территории другого государства, чтобы передать их в международный трибунал и таким образом облегчить его задачу»⁴. Суд отверг данный аргумент, обосновывая свою позицию следующим основанием: «Суд может рассматривать предполагаемое право на вмешательство только как проявление политики силы, которая в прошлом приводила к наиболее серьезным злоупотреблениям и которой, какими бы ни были нынешние недостатки в международной организации, не может найти места в международном праве. Вмешательство, возможно, еще менее допустимо в той конкретной форме, которую оно приняло бы здесь; поскольку, исходя из природы вещей, оно было бы зарезервировано для самых могущественных государств и могло бы легко привести к искажению самого отправления международного правосудия»⁵.

Вывод о недопустимости вмешательства в дела суверенного государства подтверждается и в решении Международного Суда ООН по делу Никарагуа против США. Так, в своем решении Суд обращает внимание на то, что принцип невмешательства является сформировавшимся, нашел свое отражение в решениях самого Суда, а также в множестве декла-

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml.

4 П. 120 Решения Международного Суда ООН по спору между Великобританией и Албанией о проливе Корфу от 9 апреля 1949 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/1949.04.09_corfu1.htm (дата обращения: 23 июля 2024 г.).

5 П. 121 названного решения Международного Суда ООН.

раций и резолюций, которые неоднократно принимались в рамках международных организаций и конференций. Более того, данный орган ООН обращает внимание на то, что существует довольно много выражений *opinio juris* со стороны государств в подтверждение существования данного принципа. К внутренним вопросам государства Суд относит выбор политической, экономической, культурной и социальной систем, а также вопросы внешней политики, которые должны решаться без влияния извне в любой форме⁶.

Несмотря на то, казалось бы существующий перечень вопросов, которые относятся к внутренней компетенции государства, сложность дефиниции при отнесении тех или иных видов деятельности к внутренней компетенции в современных взаимозависимых отношениях позволяет сделать вывод о том, что каждое государство, учитывая нормы и принципы международного права, оставляет за собой право защищать свой публичный порядок и национальные интересы, не применяя нормы международного права, в том числе, не исполняя решения международных судебных учреждений и организаций, в том случае, если они могут привести к существенному нарушению публичного порядка и особых традиционных устоев и интересов государства. Подобная практика получила наименование оговорки о публичном порядке. И, само собой, в данном контексте конституционные государственные суды государств играют существенную роль в определении тех вопросов, которые являются исключительно внутригосударственными и составляют основу публичного порядка. В России Конституционный Суд РФ, как главный орган конституционного контроля, который стоит на страже Конституции и основ государства, также играет существенную роль [1].

Традиционно юридическая доктрина упоминает институт оговорки о публичном порядке лишь в контексте международного частного права, то есть в правоотношениях с участием частных лиц. Однако, следует отметить, что категория национальный интерес, публичный порядок и аналогичные встречаются и в нормах международного публичного права. Безусловно, проанализировать весь объем международных договоров не представляется возможным, однако, в данной статье будут охарактеризованы некоторые договоры из различных отраслей международного публичного права, которые продемонстрируют наличие оговорки о публичном порядке в нормах данной правовой системы.

Наиболее ярким примером применения оговорки о публичном порядке выступают оговорки к такому международному договору как Пакт об отказе от войны в качестве орудия национальной политики или Пакт Бриана-Келлога. Пакт Бриана-Келлога – многосторонний международный договор, который еще называют эталоном «пацифистской дипломатии», предусматривающий отказ от войны как орудия национальной политики и обязанность мирного разрешения международных споров государств-участников. Договор, заключенный в 1928 г. был поистине революционным для своего времени. Это была первая попытка юридически запретить войну в международных отношениях. Данный договор был первоначально подписан 15 государствами, затем

по мере присоединения к Договору их число возросло до 57 государств-участников. Такая поддержка инициативы отказа от войны должна была означать очевидный успех, но практически все государства, присоединяясь к договору делали соответствующие оговорки, которые в конечном итоге привели к провалу Договора.

Как известно оговорка к международному договору – «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора, или присоединения к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие правовых положений договора в их применении к данному государству»⁷. По сути права международных договоров оговорка не является частью международного договора, но по факту оговорка оказывает существенное влияние на реализацию и применение договора, а также на международные отношения в данной области.

Возвращаясь к Пакту Бриана-Келлога следует обратить внимание, в частности, на оговорку, сделанную Великобританией во время подписания данного Международного Договора. Так, английская нота от 19 мая 1928 года оставляла свободу действий Великобритании в «некоторых областях, благополучие и целостность которых являются предметом особого и жизненного интереса для нашего мира и безопасности»⁸. Эти области «специального интереса» в английской ноте не назывались и не конкретизировались. Очевидно, что данная оговорка непосредственно посвящена тому, что в современной практике принято называть публичным порядком или национальным интересом государства. С аналогичными оговорками выступили и другие государства-участники, тем самым, ставя национальные интересы и общественный порядок своего государства, над международными обязательствами. Следует отметить, что трактовка специальных или особых интересов и спустя век политикой и практикой не расшифрованы. Что оставляет значительный простор для трактования самим государством и его правоприменительными органами.

Обращаясь к уже упомянутой Венской конвенции о праве международных договоров, следует отметить, что данный договор сам предусматривает понятие публичный порядок. Венская Конвенция является основным ключевым источником, регулирующим порядок заключения, вступления в силу, исполнения и прекращения международных договоров. Все современные международные договоры заключаются в строгом соответствии с положениями данной Конвенции. Сама Конвенция в статье 27 указывает, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»⁹. Соответственно можно предположить, что наличие сверхимперативных норм права или норм непосредственного применения согласно национальному законодательству государства-участ-

6 П. 202-206 Решения Международного Суда ООН по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) от 27 июня 1986 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/docs/?path=../icjsummaries/documents/english/st_leg_serf1.pdf&lang=EFSCA (дата обращения: 24 июля 2024 г.).

7 Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

8 Документы 20 века // Документы 20 века: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3452> (дата обращения: 26.09.2024 г.).

9 Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

ника не является основанием для отказа в применении заключенного государством договора.

Однако, статья 46 данной Конвенции гласит, что «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него такого договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения»¹⁰. При этом пункт второй данной статьи дает разъяснение о том, что же будет являться явным нарушением, но умалчивает о том, что нужно считать нормой особо важного значения.

Таким образом, Венская конвенция о праве международных договоров предусматривает возможность государством не выполнять международный договор или признать его недействительным, если при заключении договора представитель государства нарушил основополагающую норму внутреннего права государства-участника. Соответственно, даже основной документ в области права международных договоров содержит оговорку о публичном порядке, которая предусматривает, например, возможность не использовать обычно-правовую норму о том, что договоры должны соблюдаться и о том, что нормы международного права, в том числе международных договоров, превалируют над нормами национального права государств. То есть по сути международное право признает, что в государствах могут существовать нормы такого значения, что игнорирование их может нанести существенный ущерб суверенитету и безопасности государства.

Документы в области прав человека, в частности, Международный Пакт о гражданских и политических правах также содержит отсылку на публичный порядок, государственную безопасность, общественный порядок, здоровье и нравственность населения. Так, статья 19 предусматривает возможность государством ограничить право человека на свободное выражение своего мнения, если это необходимо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения¹¹. Такие ограничения должны быть зафиксированы национальным законодательством, но не контролируются по смыслу самого Пакта. То есть каждое государство-участник вольно определять случаи ограничения, а именно самостоятельно трактует те ситуации, которые могут потенциально угрожать общественному порядку и безопасности. Статьи 21 и 22 названного Пакта также предусматривают возможность ограничения международных обязательств государства по обеспечению права на мирные собрания и свободу ассоциаций при необходимости защиты интересов государственной или общественной безопасности, общественного правопорядка, охраны здоровья и нравственности населения.

Аналогичные отсылки к публичному порядку, национальным нормами частных и общественной нравственности, которые можно обобщенно назвать оговоркой о публичном порядке, содержатся и в региональных документах в области прав человека. Так, Конвенция о защите прав и основных свобод в целом предусматривает те же

ограничения прав человека на свободу выражения мнения, свободу ассоциаций и мирных собраний, связанных с обязательством защиты внутригосударственного публичного порядка, что и Международный Пакт, добавляя лишь, что право на уважение частной и семейной жизни также может быть ограничено в связи с необходимостью действий в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности¹².

Американская конвенция о правах человека в своих международных праву традициях предусматривает возможность ограничения таких прав, как право на свободу совести и религии, свобода мнения правам и его выражение, право на собрание и право на объединение, свобода передвижения и поселения. Такие ограничения должны быть вызваны действиями в интересах национальной безопасности, публичного спокойствия и порядка или для защиты общественного здоровья и нравственности¹³.

Однако, хотелось бы обратить внимание на две другие статьи Американской конвенции, которые не так очевидно, но, тем не менее, также содержат оговорку о публичном порядке. Во-первых, статья 17 конвенции, предусматривающая права семьи. Согласно пункту второму данной статьи «Право мужчины и женщины по достижению брачного возраста вступать в брак и создавать семью признается, если при этом имеются в наличии условия, требуемые национальным законодательством, в интересах семьи»¹⁴. Таким образом Организация Американских государств в рамках Конвенции оставляет за государствами-участниками возможность предусмотреть иные условия для вступления в брак, кроме тех, которые названы в статье. Более того, законодатель самостоятельно определяет какие именно условия будут соответствовать интересам семье. На взгляд автора, такая формулировка вновь отсылает к оговорке о публичном порядке. Во-вторых, статья 30 Конвенции также предусматривает пределы ограничений, используя формулировку общий интерес, подчеркивая, что именно по соображениям общего интереса, то есть публичного интереса государства, допустимо вводить ограничения тех или иных прав.

Для иллюстрации использования оговорки о публичном порядке в международном публичном праве необходимо обратиться также к документам в области международного экономического права. Прежде всего, в Хартии экономических прав и обязанностей государств указывается, что «Каждое государство имеет суверенное и неотъемлемое право выбирать свою экономическую систему, а также свою политическую, социальную и культурную систему в соответствии с волей своего народа, без вмешательства или применения силы или угрозы извне в какой бы то ни было форме»¹⁵. Статья 2 Хартии предусматрива-

¹⁰ Там же.

¹¹ Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

¹² Конвенция о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.

¹³ Американская Конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12652>.

¹⁴ Там же. Ст. 17.

¹⁵ Хартия экономических прав и обязанностей государств от 12 декабря 1974 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml.

ет распространение суверенитета государства над всеми своими природными богатствами, ресурсами и экономической деятельностью, который предполагает принятие внутригосударственного законодательства в соответствии с национальными интересами и в целях экономической безопасности государства. Соответственно, Хартия предусматривает возможность того, что внутренне право государства будет иметь преимущественную силу перед нормами международного права, когда речь идет о национальных экономических интересах и безопасности государств.

Договор о Евразийском экономическом союзе также предусматривает возможность применения оговорки о публичном порядке. Договор предусматривает создание международной организации региональной экономической интеграции, который предусматривает создание общего экономического пространства со свободным движением товаров, работ и услуг. Статья 29 Договора регламентирует исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров. Согласно положениям данной статьи «Государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для: защиты общественной морали признать и правопорядка, и обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена»¹⁶.

Раздел 15 данного Договора в статье 65 также предусматривает применение оговорки о публичном порядке при регулировании отношений, связанных с торговлей услугами, с учреждением, деятельностью и осуществлением инвестиций. Так, в п. 7 указывается, что «Положения настоящего раздела не препятствуют государству-члену принимать или применять меры необходимые для защиты общественной морали или поддержания общественного порядка»¹⁷. Аналогичные положения содержатся и в пункте 5 статьи 74 Договора. «Ничто в настоящем разделе не должно толковаться как препятствие для любого государства-члена предпринимать любые меры, которые оно считает необходимыми для защиты важнейших интересов обороны страны или безопасности государства»¹⁸.

Проанализировав названные международные договоры в различных отраслях международного публичного права следует отметить, что институт оговорки о публичном порядке достаточно часто используется при регулировании межгосударственных отношений в различных областях. Связано это может быть с наличием когентных принципов международного права, таких как принцип суверенного равенства государств и принцип невмешательства во внутренние дела государства, а также опосредованно наличием принципа неприменения силы или угрозы силой. Согласно данным принципам международного права государства самостоятельно вступают в международные отношения при уважении их формального равенства и способности без какого бы то ни было влияния формировать свое внутреннее законодательство в соответствии со своими представлениями о национальных интересах и

потребностях, учитывая национальную правовую культуру и традиционные устои общества.

Исходя из названных принципов международные договоры предусматривают возможность государством проводить национальную политику в обход или в прямом противоречии с нормами международного права при строгом соблюдении определенных обстоятельств. Таковыми являются действия, связанные с необходимостью защиты публичного порядка, общественного порядка, экономической безопасности, общественного спокойствия, общественного здоровья и нравственности, защиты особых или специальных интересов государства в области обороны или безопасности, моральных норм. Используя подобные формулировки в тексте международных договоров, тексты договора не расшифровывают самих понятий, видимо, оставляя это на усмотрение национальных правоприменительных органов государств-участников [1].

Пристатейный библиографический список

1. Говердовская Т. В., Дахина А. А., Гризно Т. А. Конституционный Суд РФ как гарант законности, правопорядка и конституционной безопасности в стране. [Текст]. – Астрахань: Сорокин Р. В., 2024. – 160 с.
2. Шихов В.А. Доктрина Монро: содержание и формирование Принципов [Текст] // МНИЖ. – 2017. – № 12-2 (66). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-monro-soderzhanie-i-formirovanie-printsipov> (дата обращения: 22.07.2024).

16 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Текст]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420205962>.

17 Там же.

18 См. Статью 74 Договора о Евразийском экономическом союзе.

СМИРНОВА Майя Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ПРАВА ГЛУХИХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МЕНЬШИНСТВА В МИРОВОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена вопросам предоставления прав глухим гражданам в получении равных возможностей для социальной и культурной инклюзии. Проанализированы основные международные нормативные и правовые документы, регламентирующие реализацию прав людей с ограниченными возможностями по слуху, отношение к глухим как к социокультурному меньшинству. Описаны основные модели отношения к инвалидам в мировом сообществе. Охарактеризованы права глухих лиц как культурной и языковой группы.

Ключевые слова: глухой, лица с нарушением слуха, инвалид, социокультурное меньшинство, социальное и культурное развитие, равные права, жизнедеятельность, культура глухих, жестовый язык.

SMIRNOVA Maya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

Смирнова М. И.

THE RIGHTS OF THE DEAF AS SOCIO-CULTURAL MINORITY IN THE WORLD LEGAL SPACE

The article is devoted to the issues of granting rights to deaf citizens in obtaining equal opportunities for social and cultural inclusion. The main international normative and legal documents governing the implementation of the rights of people with hearing disabilities, the attitude towards the deaf as a socio-cultural minority are analyzed. The basic models of attitude towards the disabled in the world community are described. The rights of deaf people as a cultural and linguistic group are characterized.

Keywords: deaf, people with hearing impairments, disabled person, socio-cultural minority, social and cultural development, equal rights, life activities, deaf culture, Sign Languages.

Современное мировое общество представляет собой конгломерат многочисленных групп, группировок, сообществ, объединений всех государств, представители которых отличаются по социальному статусу, политическим и религиозным убеждениям, профессиональным интересам, роду и условиям трудовой деятельности, культурному и образовательному уровню, принадлежат к разнообразным нациям, национальностям, имеют различное социальное и национальное происхождение, этнические, психологические характеристики, состояние здоровья, физические особенности и возможности. Всем членам мирового сообщества гарантируются равные основные права и базовые свободы, что закреплено во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (Международный билль о правах человека) [1], Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [2]; Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) [3].

Особую группу лиц, обеспечение защиты гражданских и политических прав которых находится в сфере особой заботы и интересов мирового сообщества, составляют граждане разных стран с теми или иными ограниченными возможностями здоровья. Эта группа людей потенциально подвержена дискриминации в силу сложившихся стереотипов реагирования общества на ограничения, связанные с состоянием здоровья и препятствующие их полноценной человеческой активности. Реализация социальных, экономических, культурных прав таких лиц определяется базовыми международными правовыми актами [1], [2], [3], хотя и отдельно не

акцентирующими внимание на правах инвалидов, а также Декларацией социального прогресса и развития 1969г., Декларацией о правах инвалидов 1975 г. и т.д.).

Конвенция о правах инвалидов 2006 г. [4] стала тем документом, который заявил о гарантиях правоспособности всех инвалидов, в котором впервые рекомендованы непосредственные меры по созданию соответствующих обязательных условий для беспрепятственного участия инвалидов в жизни общества. В ней определены векторы создания правовых механизмов для обеспечения равных возможностей лиц с ограниченными возможностями в реализации их основополагающих прав. Ее ратификация создает необходимые гарантии предоставления социальных и экономических прав инвалидам. Конвенция обязала государства соблюдать, защищать и гарантировать осуществление прав и достоинства инвалидов. Конвенция изменила само понимание инвалидности, подчеркнув мысль, что лицо является инвалидом не только по причине имеющихся у него физических, физиологических и других ограничений, но и из-за существующих в обществе социальных и технических барьеров.

Особо остро ощущают социальную изолированность и неравенство лица с нарушениями функции слуха. Данная группа инвалидов отрезана от социума не столько по причине существующих барьеров в коммуникации с окружающим их миром слышащих людей, связанных с их физиологическими и физическими особенностями, а во многом в результате отсутствия социальных условий, способствующих их полноценной жизнедеятельности. Недостаток или отсут-

ствие знаний окружающих о социально-культурных особенностях данной социальной группы, специфике их общения являются главной причиной их социальной изолированности. Многие страны, пришедшие к пониманию данной проблемы, предпринимают определенные действия в законодательном и правовом поле, чтобы обеспечить равноправие лиц с нарушениями слуха, их инклюзию в общество. Права глухих людей гарантируются политикой в отношении инвалидности, законодательством и международными инструментами.

Государственная политика в части имплементации базовых международных правовых документов на национальном уровне определяется принятой моделью, концепцией подхода к определению и характеристике инвалидов. Существуют две основные модели представления об инвалидности: медицинская и социальная [5]. С точки зрения медицинской концепции инвалидность рассматривается как патология, физическое или психическое отклонение, увечье. Люди с нарушениями здоровья, недугами и дефектами требуют медицинского вмешательства, поддержки, а зачастую и изоляции для обеспечения надлежащих условий их жизнедеятельности. Медицинская модель инвалидности фокусируется на медицинском диагнозе, игнорируя индивидуальный и социальный факторы в предоставлении прав по поддержанию максимального уровня абилитации и реабилитации. Такой подход к человеку с ограниченными возможностями здоровья вызывает негативный стереотип нетипичного образа физически и интеллектуально неполноценного, бесполезного и несчастного человека, а также враждебность и жалость окружающих, что создает дополнительный барьер между инвалидом и обществом, препятствуя возможности его интеграции в общество.

Социальный концептуальный подход, всесторонне поддерживаемый людьми с ограниченными возможностями здоровья, базируется на понимании инвалидности как социальной проблемы. Ограниченные возможности вызваны социальными и экономическими барьерами, созданными окружающим обществом, а люди с ограниченными возможностями рассматриваются как притесняемая группа, а не аномальная или трагическая [6]. Социальная модель инвалидности, идея создания которой принадлежит самим людям с ограниченными возможностями (П. Ханту [7]), является радикально отличной моделью от медицинского и благотворительного подхода к инвалидности. Она утверждает, что у людей есть нарушения, но что угнетение, исключение и дискриминация, с которыми сталкиваются люди с нарушениями, не являются неизбежным следствием наличия нарушения, а вызваны тем, как общество организовано [8]. В социальной модели акцент делается на существовании социального неравенства, отмечается проявление социальной дискриминации в создании условий жизнедеятельности инвалида, которые должны быть ликвидированы для обеспечения гражданских прав.

Социальная модель всесторонне поддерживается самими инвалидами по слуху и была разработана людьми с ограниченными возможностями для выявления и принятия мер против их притеснения и изоляции. Глухие люди считают себя языковой и культурной группой с очень сложными естественными языками, права которой гарантируются «Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным

или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» [9]. Такой подход прописан в докладе Всемирного фонда глухих (ВФГ), в котором указано, что сообщества глухих — это сообщества меньшинств, которые определяются как группа меньшая по численности по отношению к остальному населению государства, члены которой имеют отличные от особенностей остального населения этнические, религиозные или языковые особенности, и имеют желание защитить свою культуру, традиции, религию или язык [10]. Культура глухих включает в себя общий опыт, историю, нормы, ценности, убеждения, традиции и искусство, разделяемые глухими людьми в одном сообществе или стране. Каждый аспект жизни глухих людей вращается вокруг их жестового языка, и ядро их идентичности лежит в этом языке. Культурная и языковая идентичность глухих закреплена в статье 30 Конвенции о правах инвалидов.

Сообщества глухих по всему миру, считая себя языковыми и культурными группами, характеризуются большим разнообразием национальных и региональных жестовых языков. Жестовые языки являются естественными, очень сложными языками с полной выразительной способностью, с собственной грамматикой, лексикой, юмором и связанными с ними формами исполнения. Жестовые языки являются основой собственной культуры глухих, которые констатируют свою языковую и культурную идентичность.

Долгое время до 1950-х-1960-х годов жестовые языки расценивались как низшие по сравнению с разговорными языками, и глухие люди рассматривались через медицинскую и дефицитарную модель. Языки жестов даже были запрещены в некоторых местах по всему миру, что являлось непосредственным нарушением лингвистических прав лиц с нарушением слуха. Согласно WFD только 21,2% стран мира признают свой национальный язык жестов. Это привело к тому, что многие члены сообщества глухих столкнулись с коммуникационными барьерами из-за недоступной информации.

Права человека, связанные с языком, представляют собой совокупность правовых требований, основанных на договорах о правах человека и руководящих принципах для государственных органов о том, как решать проблемы языков или меньшинств, а также потенциальные последствия, связанные с языковым разнообразием в государстве.

Статья 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) гласит: «В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». По данным Комитета ООН по правам человека (который является договорным органом, контролирующим выполнение МПГПП), любые ограничения, налагаемые на быть разумными и объективными пользование собственной культурой глухих и использование собственного языка, должны соответствовать другим положениям Пакта.

Статья 30 Конвенции о правах ребенка аналогичным образом предусматривает, что в государствах с существующими языковыми меньшинствами принадлежащему к такому меньшинству ребенку не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться сво-

ей культурой и пользоваться родным языком [11]. Декларация о меньшинствах устанавливает стандарты и предлагает руководство для государств по принятию соответствующих законодательных и других мер для обеспечения прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. В частности, Статья 4(3) этой Декларации требует принятие государствами соответствующих мер для предоставления лицам, принадлежащим к меньшинствам, достаточных возможностей для изучения своего родного языка или обучения на своем родном языке [9].

Сферы реализации права на использование языка жестов разъясняются в статьях 2, 9, 21, 24 и 30 Конвенции о правах инвалидов, в которых речь идет о праве на свободу выражения мнений, право давать и получать информацию при официальном взаимодействии, использовании языка по своему выбору, гарантии доступности информации на жестовом языке, полное и равноправное право использовать язык жестов в образовании, содействие изучению языка жестов и поощрение языковой идентичности. Комитет по правам инвалидов принял общее замечание по статье 5 Конвенции о правах инвалидов, в котором рассматривает отсутствие среды обучения языку жестов, глухих сверстников, примеров для подражания для глухих взрослых и квалифицированных в области языка жестов учителей дискриминацией по отношению к глухим детям [10].

Таким образом, международные правовые акты содержат положения, признающие, что сообщество глухих имеет культурные и языковые права, и формулируют реализацию этих прав с точки зрения сокращения барьеров для включения глухих людей в общество и сокращения многих других барьеров на национальном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения: 16.09.2024).
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 18.09.2024).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 18.09.2024).
4. Конвенция о правах инвалидов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 28.08.2023).
5. Коростелева Н. А. Социальная модель инвалидности, как основа формирования толерантного отношения к инвалидам // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2012. - № 8. - С. 81-94.
6. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов

в современной России. - Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. - 260 с.

7. Холл Дж., Тинклин Т. Студенты-инвалиды и высшее образование / Пер.с англ.// Журнал исследований социальной политики. - 2004. - Т. 2. № 1. - С. 115-126.
8. FactsSheet. The social model of disability. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inclusionlondon.org.uk/wp-content/uploads/2015/05/FactSheets_TheSocialModel.pdf (дата обращения: 21.09.2024).
9. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 21.09.2024).
10. WFD position paper on the Complementary or diametrically opposed: Situating Deaf Communities within 'disability' vs 'cultural and linguistic minority' constructs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wfdeaf.org> (дата обращения: 21.09.2024).
11. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540422/> (дата обращения: 30.09.2024).

СЫПЧЕНКО Алла Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры профессиональных дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ВКЛАД РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК НАУКИ

Статья посвящена анализу деятельности российских ученых-международников, выявлению их вклада в становление и развитие науки международного права. Рассмотрены основные этапы генезиса международного права, проанализированы составляющие их научные труды и идеи российских ученых-международников, выделены фундаментальные положения, которые легли в основу международно-правовых норм. Исследуемая тема актуальна и в научном, и в политическом отношении, так как подчеркивает последовательность деятельности России по поддержанию международного мира и развитию международного права, что крайне важно в условиях современных международных трансформаций.

Автором обобщены основные положения исследования и сделан вывод о том, что именно российскими учеными-международниками были выдвинуты фундаментальные идеи, концепции и доктрины, определившие формирование международного права как науки и вектор ее развития. При этом подчеркнут огромный вклад российских исследователей в систему международного права (Ф. Ф. Мартенс, Н. М. Коркунов), в становление науки международного права (В. Э. Грабарь), в пространственную теорию государственной территории (В. А. Незабитовский, М. Н. Капустин), в международный суд (Л. А. Камаровский) и др. Показано, что вклад отечественных ученых в становление и развитие науки международного права является составной частью фундаментальных начал международного права и теоретических изысканий, на основе которых и по сей день не только исследуются проблемы международного характера, но и осуществляется правовое регулирование на международном уровне.

Ключевые слова: международное право, наука, генезис, российские исследователи, ученые-международники.

SYPCHENKO Alla Viktorovna

Ph.D. in historical sciences, professor of Professional disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

CONTRIBUTION OF RUSSIAN RESEARCHERS TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW AS A SCIENCE

The article is devoted to the analysis of the activities of Russian international scholars, identifying their contribution to the formation and development of the science of international law. The main stages of the genesis of international law are considered, the scientific works and ideas of Russian international scholars that comprise them are analyzed, and the fundamental provisions that formed the basis of international legal norms are highlighted. The topic under study is relevant both scientifically and politically, as it emphasizes the consistency of Russia's activities in maintaining international peace and developing international law, which is extremely important in the context of modern international transformations.

The author summarizes the main provisions of the study and concludes that it was Russian international scholars who put forward fundamental ideas, concepts and doctrines that determined the formation of international law as a science and the vector of its development. At the same time, the enormous contribution of Russian researchers to the system of international law (F. F. Martens, N. M. Korkunov), to the development of the science of international law (V. E. Grabar), to the spatial theory of state territory (V. A. Nezabitovsky, M. N. Kapustin), to the international court (L. A. Kamarovsky), etc. is emphasized. It is shown that the contribution of domestic scientists to the formation and development of the science of international law is an integral part of the fundamental principles of international law and theoretical research, on the basis of which to this day not only problems of an international nature are studied, but also legal regulation is carried out at the international level.

Keywords: international law, science, genesis, Russian researchers, international scholars.

Вклад России в развитие международного права неоспорим: страна являлась инициатором различных международных форумов, съездов, в частности, Гаагских конференций мира 1899 и 1907 годов, продвигала гуманные принципы ведения войны, а в последующем – способствовала недопущению военных действий, отстаивала главенствующую роль Устава Организации объединенных наций как основного регулятора отношений международного характера в целях защиты и продвижения демократических и гуманных начал, прав и свобод человека в правовой политике всех государств. Заинтересованность России в поддержании международного мира и вовлеченность в развитии международного права на всех этапах истории обуславливает актуальность рассматриваемой автором темы.

Предпосылки становления и развития науки международного права находят свое отражение еще в XVIII веке в переводах трудов по международному праву иностранных ученых Гуго Гроция и Пуфендорфа, французских философов Руссо и Монтескье, а также в первых русских монографиче-

ских исследованиях. Примером таких работ стала изданная в Петербурге книга «Рассуждения: какие причины Его Величества Петр Великий, император и самодержавец Всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола XII, Шведского, 1700 году имел ...» (1722) [11]. В тот период работы по международному праву в исполнении и иностранных, и отечественных ученых носили выраженные политические и полемические очертания [1, с. 139 - 156.]. Это, например, «Сокращение естественного права» В. Т. Золотницкого (1764) [3], «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» П. А. Левашева [6] и др.

К XIX веку международное право начинают внедрять в образовательный процесс в высших учебных учреждениях России и Европы. Преподавание науки международного права в России первоначально велось иностранными специалистами в качестве факультативного предмета к естественному и государственному праву, так как данный предмет в российской науке не имел фундаментальной значимости. В

1835 году ситуация меняется в корне: международное право в российских университетах приравнивается к полноценной науке, а в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова в 1835 году была создана кафедра «начал общенародного правоведения», переименованная в 1863 году в кафедру международного права [10].

К этому времени начинается систематизация документов, носящих значение международного характера: «Собрание государственных грамот и договоров» и «Обзор внешних сношений России» Н. Н. Бантыш-Каменского, «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку для практического употребления Императорского московского университета в юридическом факультете» Ф. Ланганса, сборники международных договоров, написанные Румянцевым (1813) и Доброклонским (1838) [8, с. 42].

В новейшее время большое теоретическое и практическое значение имели работы профессора Федора Федоровича Мартенса, который на протяжении 33-х лет возглавлял кафедру международного права в Петербургском университете: «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1874-1909 гг.)» (15 томов) и «Современное международное право цивилизованных народов» (1882-1883 гг.) (2 тома) [7]. Последняя работа была переведена на 13 иностранных языков. В ней автор стоял на первичной значимости самой жизни для возникновения любых общественных отношений.

Фундаментальные положения международно-правового регулирования были отражены также в работе В. Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне» (1803), в кратком курсе по международному праву М. Н. Капустина «Конспект международного права» (1868), в работе Д. И. Каченовского «Курс международного права» (1863-1866) и др. Одним из первых ученых, обративших внимание на острую проблему необходимости консолидации научных трудов учеными всех государств, стал Д. И. Каченовский. Ученый также утверждал, что кодификация норм международного права станет основным фактором развития науки международного права, которая призывает к солидарности и взаимной ответственности государств [5]. Работа Д. И. Каченовского «О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле» считается одной из наиболее известных и значимых в становлении международных правил. Данная работа отражает некоторые реформы, выраженные в виде основных постулатов международного права, которые в последующем были реализованы в Парижской декларации 1856 г. о морском международном праве. Другая работа Д. И. Каченовского «Курс международного права» (1863) содержит исторический очерк о международных отношениях в период до Средних веков [8, с. 42].

Предшественник Д. И. Каченовского – Т. Ф. Степанов – в 1847 году написал полный двухтомный курс международного права. А труд М. Н. Капустина «Обозрение предметов международного права» носил более системный и содержательный характер. Изданный в 1873 году М. Н. Капустинским «Краткий курс международного права» стал первой в России системой международного права [8, с. 41].

Неоспорим также вклад профессора Московского университета Леонида Алексеевича Камаровского, посвятившего множество работ идее мира. Написанная им докторская диссертация «О международном суде» [4] стала фундаментальным исследованием вопросов деятельности постоянного международного судебного органа и послужившая организации Постоянной палаты международного правосудия и Международного суда ООН. Благодаря стараниям Л. А. Камаровского также было учреждено Общество мира.

В XX веке существенный вклад в науку международного права привнесли такие ученые, как Е. А. Коровин, Г. И. Тункин, Л. Н. Шестаков, И. П. Блищенко, Р. Л. Бобров, С. А. Малинин, В. Н. Дурденевский, Ф. И. Кожевников, С. Б. Крылов, В. Э. Грабарь, В. И. Кузнецов, А. М. Ладыхинский, Д. Б. Левин, Н. А. Ушаков, И. И. Лукашук, Д. И. Фельдман. В 1957 году по инициативе ведущих отечественных юристов-международников была образована Советская Ассоциация международного права. Большое значение обрели труды ученых, покинувших Россию после Октября 1917 г., что в совокупности образовало международно-правовую науку Русского зарубежья. Так, на русском языке издавались учебники и

монографии по международному праву под авторством П. М. Богаевского, Г. Д. Гурвича, М. А. Таубе, Л. Таубера, М. А. Циммермана. Так, например, Г. Д. Гурвич в своей работе «Введение в общую теорию международного права» приходит к выводу о том, что разграничение права на частное и публичное имеет место только для внутрис государственного права, так как оно зависит от отдельной государственной воли, а международное право представляет собой наиболее общую систему, которая не опирается на юрисдикцию конкретного государства, что приводит к умозаключению о необходимости отнесения международного права к праву социальному [2, с. 102]. Важно отметить и научные труды М. А. Таубе, который придерживался идеи международного общения, продолжая идеи работ Ф. Ф. Мартенса. М. А. Таубе утверждает, что в мире все взаимосвязано, неудачи и успехи одного государства сказываются на успехах и неудачах другого государства [9, с. 15, 27-28]. По его мнению, государство добровольно отказывается от части своих полномочий, ограничивая частично свою суверенность, ради блага всего общества.

Таким образом, российскими учеными-международниками были выдвинуты фундаментальные идеи, концепции и доктрины, повлиявшие на вектор развития международного права: система международного права (Ф. Ф. Мартенс, Н. М. Коркунов), становление науки международного права (В. Э. Грабарь), пространственная теория государственной территории (В. А. Незабитовский и М. Н. Капустин), международный суд (Л. А. Камаровский) и др. Вклад отечественных ученых в международно-правовое регулирование является составной частью фундаментальных начал международного права и теоретических изысканий, на основе которых и по сей день исследуются проблемы международного характера. Также деятельность российских ученых находит свое отражение в практической составляющей. Отношения между государствами приводят к выработке тех или иных обязательств, вытекающих из декларируемых норм права. Такие обязательства многогранны. Консолидация усилий ученых всех стран, в том числе российских ученых-международников, способствует развитию возможностей, связанных с правовым регулированием на международном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Грабарь В. Е. Материалы к истории литературы международного права в России (1647 - 1917) / Науч. ред., авт. биогр. очерка и сост. библиограф. У. Э. Батлер; Отв. ред. и авт. предисл. В. А. Томсинов. - М., 2005.
2. Гурвич Г. Д. Введение в общую теорию международного права. Конспект лекций. Вып. 1. - Прага, 1923.
3. Золотницкий В. Т. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы русского общества Владимиром Золотницким. - СПб., 1764.
4. Камаровский Л. А. О международном суде. - М., 1881.
5. Каченовский Д. И. Курс международного права. - Харьков, 1863.
6. Левашев П. А. О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров. - СПб., 1792.
7. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Под ред. Л. Н. Шестакова. Т. 1, 2. - М., 1996.
8. Международное право. Общая часть: Учебник / под ред. Р. М. Валеева, Г. И. Курдюкова. - «Статут», 2011.
9. Таубе М. А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). - Берлин, 1922.
10. Телеснин В. В. Что такое международное право. - М., 1914.
11. Шафиров П. П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел... - М., 1717. - 128 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-31-34

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

РАССМОТРЕНИЕ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ИНФОРМАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ, ЦЕНТРОМ ВОИС ПО АРБИТРАЖУ И ПОСРЕДНИЧЕСТВУ

Целью предпринятого в статье исследования является определение наиболее эффективных процедур Центра ВОИС по арбитражу и посредничеству для разрешения споров, связанных с информационными технологиями. При исследовании использовались методы сравнения, анализа, формально-логический и проблемно-теоретический методы. В результате исследования выявлено, что Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству рассматривает споры, связанные с информационно-коммуникационными технологиями и потенциально может рассматривать споры, связанные с информационно-коммуникационными системами, поскольку он соблюдает все требования к разрешению такого рода споров: наличие ускоренных процедур; привлечение экспертов и свидетелей-экспертов; соблюдение конфиденциальности. Наиболее эффективными являются процедуры экспертного заключения и ускоренного арбитража.

Ключевые слова: Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству, споры, связанные с информационными технологиями, ЮНСИТРАЛ, посредничество, арбитраж, ускоренный арбитраж, вынесение экспертных заключений, разрешение споров по доменным именам, эксперт, конфиденциальность.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor of International law sub-faculty, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

CONSIDERATION OF DISPUTES RELATED TO INFORMATION TECHNOLOGY BY THE WIPO CENTER FOR ARBITRATION AND MEDIATION

The purpose of the research undertaken in the article is to determine the most effective procedures of the WIPO Arbitration and Mediation Center for resolving disputes related to information technology. The research used methods of comparison, analysis, formal logical and problem-theoretical methods. As a result of the research, it was revealed that the WIPO Arbitration and Mediation Center considers disputes related to information and communication technologies and can potentially consider disputes related to information and communication systems, since it complies with all the requirements for resolving such disputes: the availability of expedited procedures; the involvement of experts and expert witnesses; confidentiality. The most effective procedures are expert determination and expedited arbitration.

Keywords: WIPO Arbitration and Mediation Center, disputes related to information technology, UNCITRAL, mediation, arbitration, expedited arbitration, expert determination, domain name dispute resolution, expert, confidentiality.

1. Введение

Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству создан в 1994 году как структурное подразделение Международного Бюро ВОИС. Это необычный орган межгосударственной организации. Он администрирует арбитражные разбирательства. Непосредственно же споры разрешают составы независимых и беспристрастных арбитров.

Центр ВОИС применяет пять основных процедур: посредничество, арбитраж, ускоренный арбитраж, вынесение экспертных заключений, разрешение споров по доменным именам.

Арбитражные правила ВОИС действуют с 1 июля 2021 года и ярко отражают специфику Центра ВОИС как международного коммерческого арбитража. Согласно Правилам: 1) арбитражное соглашение означает соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними; арбитражное соглашение может быть оформлено в виде арбитражной оговорки в контракте или в виде отдельного соглашения; 2) арбитраж включает единоличного арбитра или всех арбитров, если назначено более одного; если стороны договорились о процедуре назначения арбитра или арбитров, эта процедура должна соблюдаться; правила включают процедуру назначения арбитров сторонами при отсутствии со-

глашения сторон о процедуре назначения арбитра или арбитров; 3) если арбитражное соглашение предусматривает проведение арбитражного разбирательства в соответствии с Арбитражными правилами ВОИС, эти Правила считаются частью арбитражного соглашения, и спор подлежит урегулированию в соответствии с Правилами, действующими на дату начала арбитражного разбирательства, если стороны не договорились об ином. Особенностью Правил являются жесткие условия о конфиденциальности.

Также с 1 июля 2021 года действуют Правила ускоренного арбитража ВОИС. ВОИС провела сравнение общей процедуры арбитража и ускоренного арбитража: 1) просьба об арбитраже при общей процедуре может сопровождаться иском заявлением, а при ускоренной - должна сопровождаться иском заявлением; 2) ответ на просьбу об арбитраже при общей процедуре направляется в течение 30 дней с момента получения просьбы об арбитраже, при ускоренной - в течение 20 дней с момента получения просьбы об арбитраже и должен сопровождаться отзывом на искомое заявление; 3) ускоренный арбитраж всегда проводит один арбитр; 4) при ускоренном арбитраже применяются сокращенные сроки - слушания проводятся в течение 30 дней после получения ответа на просьбу об арбитраже, разбирательство завершается в течение 3 месяцев с момента представления

Талимончик В. П.

возражений по иску или учреждения арбитража (в зависимости от того, что произойдет позже), тогда как при общей процедуре этот срок составляет 9 месяцев; 5) при ускоренном арбитраже сумма спора составляет до 10 миллионов долларов США.

Проблематикой споров, связанных с технологиями, занимается ЮНСИТРАЛ, которая на своей пятьдесят пятой сессии, проходившей 27 июня - 15 июля 2022 года в Нью-Йорке, поручила Рабочей группе II подготовить типовые положения, оговорки или законодательный или законодательный текст в других формах в отношении разрешения споров, связанных с технологиями, которые предусматривали бы более сжатые сроки, а также возможность назначения экспертов и/или нейтральных лиц, обеспечение конфиденциальности. Как следствие, были выделены три ключевые проблемы разрешения споров, связанных с технологиями: 1) процессуальные сроки; 2) участие специалистов; 2) конфиденциальность. При этом само понятие спора, связанного с технологиями, находится в стадии выработки, равно как и не определена юридическая форма подготавливаемого ЮНСИТРАЛ акта (регламент, типовой закон, международный договор).

Центр ВОИС в своей деятельности уже предложил практическое решение этих проблем. К его компетенции относятся внутренние или трансграничные споры, касающиеся интеллектуальной собственности и технологий. Центр ВОИС также разрешает споры по доменным именам по Единой политике по рассмотрению споров в сфере доменных имён.

Можно выделить следующие типы споров, рассмотренных Центром ВОИС, по видам контрактов: лицензионные соглашения (например, товарные знаки, патенты, авторское право, программное обеспечение); соглашения о передаче технологии; соглашения об исследованиях и разработках; соглашения о цифровом авторском праве; соглашения о франчайзинге; дистрибуторские соглашения; соглашения об обработке данных; соглашения об информационных технологиях; соглашения о совместном предприятии; консультационные соглашения; контракты о распространении телевидения и форматов, на производство фильмов.

В отечественной правовой доктрине основное внимание уделяется доменным спорам [1; 2; 5; 6; 7; 10; 11]. Доменным спорам посвящена отдельная глава в фундаментальных исследованиях по праву информационных технологий Дайаны Ровланд и Элизабет Макдоналд [19], Эндрю Мюррея [18].

В фундаментальном исследовании под редакцией Дениса Кэмпбелла и Кристы Бан содержится анализ разрешения споров о передаче информационных технологий [13].

Вместе с тем имеются отдельные зарубежные монографические исследования по правовым аспектам использования искусственного интеллекта, содержащие формирующуюся практику национальных судов: Симона Честермана [14], Мити Ковач [16].

В отечественной литературе рассматривались особенности Арбитражных правил ВОИС и Правил ускоренного арбитража ВОИС: многосторонний арбитраж, объединение дел, подготовительное заседание, применение обеспечительных мер чрезвычайным арбитром [4]; анализировалась возможность признания и приведения в исполнение промежуточного решения Центра ВОИС по арбитражу и посредничеству по применению обеспечительных мер [3]; выявлялись особенности споров в сфере интеллектуальной собственности [8].

Более обстоятельно анализировались Арбитражные правила ВОИС зарубежными исследователями [12; 15]. Особо следует отметить постатейный комментарий, подготовленный Филиппом Лэндолтом и Александром Гарсия [17]. Однако проблематика рассмотрения споров, связанных с информационными технологиями, Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству, отдельно в доктрине не выделена.

2. Особенности рассмотрения споров, связанных с информационными технологиями, Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству

Категория «споры, связанные с информационными технологиями» требует толкования. Всемирный саммит по информационному обществу на Женевской встрече, проходившей 10—12 декабря 2003 года, ввел в международный оборот категорию «информационные и коммуникационные технологии (ИКТ)», под которыми понимались не только обособленные компьютерные программы, но и различные типы компьютерных сетей.

С 2021 года ВОИС обратилась к передовым технологиям, которые охватывают цифровые технологии (Интернет вещей (IoT), блокчейн, метавселенная, искусственный интеллект (ИИ), включая генеративный ИИ (GenAI), большие данные и облачные вычисления) и физические технологии, (автономное вождение, 3D-печать и аппаратные инновации).

При разработке Глобального цифрового договора передовые технологии именуются «формирующимися» технологиями. В 2019 году нами введен термин «информационно-коммуникационные системы», объединяющий искусственный интеллект, Большие данные, нейронные сети, распределённые реестры. В единую категорию информационно-коммуникационных систем они объединены с учетом их объективных свойств: сложной структуры, позволяющей осуществлять разнообразие функций, в том числе близкие к когнитивным функциям мозга человека; относительной автономии от оператора системы. Информационно-коммуникационные системы рассматриваются как особая разновидность объектов международных информационных отношений наряду с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и «традиционными» телекоммуникациями. В рамках международно-правового регулирования международных информационных отношений существует объективная потребность в формировании отдельного института для регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем.

В отношении искусственного интеллекта Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года (далее – Резолюция ЮНЕСКО), прямо устанавливает, что системы на основе ИИ рассматриваются как технологические системы, способные обрабатывать данные и информацию способом, напоминающим разумное поведение и включающим, как правило, такие аспекты, как рассуждение, обучение, распознавание, прогнозирование, планирование и контроль.

Ввиду многообразия терминологии предлагается условным термином «информационные технологии» для целей рассмотрения вопроса урегулирования связанных с ними споров объединить ИКТ и информационно-коммуникационные системы.

Правила, в соответствии с которыми действует Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству, позволяют ему рассматривать споры, связанные с ИКТ и потенциально создать систему разрешения споров, связанных с информационно-коммуникационными системами.

В отличие от ЮНСИТРАЛ, которая занимается разрешением споров, связанных с технологиями, международным коммерческими арбитражами, Центр ВОИС предложил эффективное досудебное урегулирование такого рода споров.

С 1 июля 2021 года действует новая редакция Правил экспертного заключения ВОИС. Заключение понимается как решение, вынесенное экспертом в соответствии со статьей 17 Правил по вопросу, отнесенному к экспертному исследованию. Статья 17 Правил устанавливает, что эксперт может принять решение на основе, без ограничений: 1) любой ин-

формации, представленной сторонами; 2) компетентности эксперта; 3) любой другой информации, которую эксперт сочтет относящейся к делу. Эксперт может, после консультаций со сторонами, принять временное или частичное решение.

Заключение составляется в письменной форме с указанием реквизитов, установленных Правилами. Эксперт направляет Заключение в Центр ВОИС в количестве оригиналов, достаточном для предоставления по одному для каждой стороны и Центра ВОИС. Центр ВОИС должен официально направить оригинал Заключения каждой стороне.

Если стороны не договорились об ином, Заключение является обязательным для сторон.

В основе процедуры лежит соглашение об экспертном заключении, которое означает соглашение сторон о передаче на экспертное заключение всех или определенных вопросов, которые возникли или могут возникнуть между ними; соглашение об экспертном заключении может быть оформлено в виде статьи об экспертном заключении в контракте или в виде отдельного соглашения.

Практика Центра ВОИС по спорам, связанным с информационными технологиями, показывает, что стороны предпочитают обращаться к Правилам ускоренного арбитража ВОИС.

В одной ситуации разработчик программного обеспечения, базирующийся в США, и европейская организация заключили лицензионное соглашение в режиме онлайн, разрешающее использование программного обеспечения европейской организации для обеспечения безопасности при распространении программного обеспечения разработчика через Интернет. Лицензионное соглашение содержало арбитражную оговорку, предусматривающую, что все споры должны разрешаться в соответствии с Правилами ускоренного арбитража ВОИС. Через несколько лет после заключения соглашения разработчик программного обеспечения подал в Центр ВОИС запрос об ускоренном арбитраже. Он утверждал, что система безопасности европейской организации не предотвратила несанкционированный доступ третьих лиц к его программному обеспечению, и потребовал возмещения существенного ущерба за нарушение условий контракта. Стороны выбрали в качестве единоличного арбитра одного из кандидатов, предложенных Центром ВОИС. Из-за географической удаленности друг от друга и во избежание расходов на поездки стороны договорились провести слушание в режиме видеоконференции, включая опрос свидетелей. После рассмотрения материалов, представленных после слушания, арбитр вынес окончательное решение.

В другой ситуации американская организация, предоставляющая программное обеспечение и услуги по обработке данных, и азиатский банк заключили соглашение о предоставлении услуг по обработке счетов. Стороны договорились, что американская организация будет эксклюзивным поставщиком услуг для некоторых филиалов банка в Северной Америке и Европе. В соглашении говорилось, что любой спор, вытекающий из соглашения или в связи с ним, будет разрешаться в соответствии с Правилами ускоренного арбитража ВОИС и что единоличный арбитр будет выбран из числа лиц, имеющих опыт работы с информационными технологиями. Через четыре года после заключения соглашения американская организация заявила, что банк нарушил соглашение, воспользовавшись услугами процессинга, предлагаемыми третьими лицами в государствах, на которые распространяется действие соглашения. Когда сторонам не удалось урегулировать спор, американский поставщик услуг возбудил ускоренное арбитражное разбирательство в рамках ВОИС, заявив о нарушении соглашения и существенном последующем ущербе. Стороны договорились о назначении единоличного арбитра, который провел двухдневное слушание в Нью-Йорке. Через три месяца после подачи запроса

об ускоренном арбитраже арбитр вынес окончательное решение о частичном нарушении соглашения и возмещении убытков поставщику услуг в США.

Правила ускоренного арбитража ВОИС предлагают решение трех ключевых проблем разрешения споров, связанных с технологиями.

Во-первых, они предусматривают сокращенные процессуальные сроки в сравнении с общей процедурой.

Во-вторых, Правила ускоренного арбитража ВОИС в должной степени учитывают необходимость учета технологических аспектов споров. Статья 51 Правил устанавливает, что арбитраж может на подготовительной конференции или на более позднем этапе и после консультаций со сторонами назначить одного или нескольких независимых экспертов для представления ему докладов по конкретным вопросам, определенным арбитражем. Эксперт должен подписать соответствующее обязательство о неразглашении конфиденциальности. Эксперт представляет заключение арбитражу в течение 30 дней с момента получения вопросов. По получении заключения эксперта арбитраж направляет копию заключения сторонам, которым должна быть предоставлена возможность выразить в письменной форме свое мнение по этому заключению. По просьбе одной из сторон сторонам должна быть предоставлена возможность задать вопросы эксперту на слушании. На этом слушании стороны могут представить свидетелей-экспертов для дачи показаний по спорным вопросам.

Статья 45 Правил ускоренного арбитража ВОИС установила процедуру проведения эксперимента: сторона может уведомить арбитраж и другую сторону в любое разумное время до начала слушания о том, что были проведены определенные эксперименты, на которые она намерена опираться. В уведомлении должны быть указаны цель эксперимента, краткое содержание эксперимента, использованный метод, результаты и заключение. Другая сторона может направить уведомление в арбитраж с просьбой о повторении любого или всех таких экспериментов в ее присутствии. Если арбитраж сочтет такую просьбу обоснованной, он должен определить график повторения экспериментов.

Согласно ст. 47 Правил ускоренного арбитража ВОИС арбитраж может, по согласованию сторон, принять решение о совместном предоставлении технического руководства, содержащего научную, техническую или иную специализированную информацию, необходимую для полного понимания рассматриваемых вопросов.

В-третьих, Правила ускоренного арбитража ВОИС содержат раздел о конфиденциальности. За исключением случаев, когда это необходимо в связи с судебным обжалованием арбитражного решения или предъявлением иска о приведении в исполнение арбитражного решения, никакая информация, касающаяся существования арбитражного разбирательства, не может быть раскрыта стороной в одностороннем порядке какой-либо третьей стороне.

Любые документальные или иные доказательства, представленные стороной или свидетелем в арбитражном разбирательстве, должны рассматриваться как конфиденциальные и, в той мере, в какой такие доказательства содержат информацию, которая не является достоянием общественности, не должны использоваться или раскрываться любой третьей стороне стороной, чей доступ к этой информации возникает исключительно в результате ее участия в арбитражном разбирательстве для любых целей, без согласия сторон или постановления суда, обладающего соответствующей юрисдикцией.

Арбитражное решение считается сторонами конфиденциальным и может быть раскрыто третьей стороне только в том случае и в той мере, в какой: 1) стороны дают согласие; 2) информация становится достоянием общественности в результате судебного разбирательства в национальном суде

или другом компетентном органе; 3) информация должна быть раскрыта в соответствии с юридическим требованием, предъявляемым к стороне, или в целях установления или защиты законных прав стороны в отношении третьей стороны.

Если стороны не договорились об ином, Центр и арбитр должны сохранять конфиденциальность арбитражного разбирательства, арбитражного решения и, в той мере, в какой они описывают информацию, которая не является достоянием общественности, любых документальных или иных доказательств, раскрытых в ходе арбитражного разбирательства, за исключением случаев, когда это необходимо в связи с судебным иском, связанным с арбитражным решением, или иным действием, предусмотренным законом.

Центр может включать информацию, касающуюся арбитража, в любые публикуемые им сводные статистические данные, касающиеся его деятельности, при условии, что такая информация не позволяет идентифицировать стороны или конкретные обстоятельства спора.

3. Выводы

Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству рассматривает споры, связанные с информационно-коммуникационными технологиями и потенциально будет рассматривать споры, связанные с информационно-коммуникационными системами. В своей деятельности он соблюдает все требования по разрешению такого рода споров: 1) ускоренные процедуры рассмотрения; 2) привлечение экспертов и свидетелей-экспертов, проведение экспериментов сторонами и арбитражем, подготовка сторонами базового технического руководства; 3) соблюдение конфиденциальности решений, процедур и доказательств, раскрытых сторонами.

Для споров, связанных с технологиями, наиболее эффективными являются процедуры экспертного заключения и ускоренного арбитража, проводимые Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству. Экспертное заключение позволяет на доарбитражной стадии урегулирования спора разрешить специальные технические вопросы и, по общему правилу, является обязательным для сторон. Процедура ускоренного арбитража существенно сокращена по срокам с сохранением преимуществ общей процедуры в отношении доказывания.

В спорах, связанных с технологиями, стороны вправе применять и другие процедуры, предлагаемые Центром ВОИС по арбитражу и посредничеству: арбитраж при сумме спора свыше 10 миллионов долларов США и посредничество, которое уже активно применяется в такого рода спорах. Для разрешения споров по доменным именам активно применяется онлайн-инструмент, называемый Единая политика по урегулированию споров в области доменных имен (ЕПУС) или национальный вариант ЕПУС - «нДВУ».

Пристатейный библиографический список

1. Агаларов В. К. Доменные споры: причины, участники и способы разрешения // Тенденции развития науки и образования. - 2019. - № 53-2. - С. 20-22.
2. Белоусов А. В. Доменные споры в России. комментарий к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.11.2008 № 5560/08 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2009. № 2. С. 145-155.
3. Васильева Д. А. Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству: обеспечительные меры // Правовые проблемы научного прогресса. Материалы заседаний Международной школы молодых ученых-юристов / Под ред. В. И. Лафитского. - М.: ИД «Юриспруденция», 2010. - С. 140-144.
4. Головацкий Р. Подведомственность споров об интеллектуальной собственности международно-

- му коммерческому арбитражу // Корпоративный юрист. - 2011. - № 4. - С. 61-64.
5. Даниленков А. Международные доменные споры в зеркале российской правовой системы // Хозяйство и право. - 2013. - № 3 (434). - С. 46-63.
6. Доротенко Д.А. Такие разные доменные споры. о компенсациях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 10. - С. 192-206.
7. Егорова М. Доменные споры: правильная формулировка исковых требований // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. - 2011. - № 11. - С. 14-21.
8. Кробка Н. Н. Деятельность ВОИС по разрешению споров в сфере интеллектуальной собственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2020. - Т. 6 (72). - № 1. - С. 334-349.
9. Лаврентьев А., Никитин К. Пересмотренные Правила ВОИС // Корпоративный юрист. - 2014. - № 10. - С. 63-64.
10. Разбегаев П. В. Доменные споры: проблемы исполнения решения суда // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. - 2017. - № 4. - С. 77-86.
11. Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Доменные споры: избранные аспекты // Право в сфере Интернета. Сборник статей. Сер. «Анализ современного права» / Отв. ред. М. А. Рожкова. - М.: Изд-во «Статут», - 2018. - С. 224-245.
12. Boog C., Menz J. Arbitrating IP Disputes: the 2014 WIPO Arbitration Rules // Journal of Arbitration Studies. - 2014. - Vol. 24. - Iss. 3. - P. 105-124.
13. Campbell D., Ban C., editors. Legal Issues in the Global Information Society. - New York: Oceana Publications Inc., 2005. - 758 p.
14. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 300 p.
15. De Castro I., Panagiotis C. The Operation of the World Intellectual Property Organization Arbitration and Mediation Center // Singapore Academy of Law Journal. - 2012. - № 24. - P.1059-1081.
16. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. - London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. - 153 p.
17. Landolt P., Garcia A. Commentary on WIPO Arbitration Rules. - Geneva: WIPO. 2017. - 105 p.
18. Murray A. Information Technology Law: the law and society. - Oxford: Oxford university press. - 2010. - 596 p.
19. Rowland D., Macdonald E. Information technology law. 3rd ed. - Abingdon: Cavendish Publishing Ltd., 2005. - 573 p.

БОГАТЫРЕВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет

ДЗЮБАН Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Академия права и управления ФСИН России

МОНГОЛИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИЯ VS ЗАПАД: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В последние годы мир стал свидетелем возрождения геополитического противостояния между США и Россией/Китаем, что нашло отражение в новом витке напряженности, обозначенном как «Новая Холодная война». Данное понятие, хотя и напоминает классическую «Холодную войну» XX в., все же обладает существенными отличиями и характеризуется отсутствием единой идеологии, но при этом включает в себя борьбу за влияние в различных сферах: за доступ к ресурсам, рынкам, технологиям, за контроль над ключевыми транспортными путями, за влияние в международных организациях и в региональных конфликтах. «Новая Холодная война» также характеризуется многополярным миром, где США сталкиваются с возрастающим влиянием Китая, стремящегося занять место главной силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Взлет Китая, основанный на его экономическом росте, превращает его в крупнейшую экономическую и военную силу мира, провоцируя перераспределение сил на мировой арене, вызывая беспокойство у США, которые привыкли к роли мирового лидера. Снижение влияния США, вызванное военными и экономическими неудачами, включая неудачи в Афганистане и финансовый кризис 2008 года, усиливает их стремление удержать гегемонию. В этом контексте особую роль играет Россия, которая пытается восстановить свое влияние в постсоветском пространстве и закрепить свой статус великой державы.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, Монголия, Россия, «холодная война».

BOGATYREVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Humanitarian sciences sub-faculty, Moscow International University

DZYUBAN Valeriy Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Humanitarian disciplines sub-faculty, Russian Customs Academy

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

MONGOLIA IN THE GEOPOLITICAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST: THE INTEGRATION ASPECT

In recent years, the world has witnessed the revival of the geopolitical confrontation between the United States and Russia/China, which is reflected in a new round of tension, designated as the "New Cold War". Although this concept resembles the classic "Cold War" of the 20th century, it still has significant differences and is characterized by the absence of a unified ideology, but at the same time includes the struggle for influence in various spheres: for access to resources, markets, technologies, for control over key transport routes, for influence in international organizations and in regional conflicts. The "New Cold War" is also characterized by a multipolar world, where the United States is facing the increasing influence of China, which is striving to take the place of the main force in the Asia-Pacific region. The rise of China, based on its economic growth, turns it into the largest economic and military force in the world, provoking a redistribution of forces on the world stage, causing concern to the United States, which is accustomed to the role of a world leader. The decline in U.S. influence caused by military and economic setbacks, including the setbacks in Afghanistan and the 2008 financial crisis, reinforces their desire to maintain hegemony. In this context, Russia plays a special role, which is trying to restore its influence in the post-Soviet space and consolidate its status as a great power.

Keywords: BRICS, China, Mongolia, Russia, Cold War.

Ключевые аспекты «Новой Холодной войны» заключаются в следующем. Во-первых, наблюдается острая конкуренция за ресурсы, рынки и технологии. С одной стороны, США стремятся сохранить свою экономическую гегемонию, в то время как Россия и Китай пытаются создать собственные экономические блоки и альтернативные финансовые системы. Во-вторых, наблюдается активное формирование новых военных альянсов, наращивание вооружений и вовлечение в региональные конфликты. США наращивают свое военное присутствие в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, в

то время как Россия и Китай усиливают свои военные потенциалы и развивают стратегические партнерства. В-третьих, информационные войны, кибератаки и пропаганда стали неотъемлемой частью современной геополитической борьбы [1].

В этом контексте Монголия оказывается в сложной ситуации. Географически, Монголия располагается в сердце Евразии, являясь соседом России на севере и Китая на юге. Расположение традиционно формировало ее историю, делая свидетелем и участником геополитических игр. Монголия

балансирует между двумя державами, стремясь сохранить свой нейтралитет.

Современная Монголия представляет собой яркий пример малой страны, занимающей почетное 18 место по территории среди стран мира, но находящейся в числе последних по численности населения (137 место) и плотности населения (195 место). Такое положение обуславливает определенные ограничения в развитии и, как следствие, формирует специфические геополитические особенности. По данным Всемирного банка, ВВП Монголии в 2021 г. составил 13,1 миллиарда долларов США, что составляет всего 0,01% от мировой экономики. Данный показатель наглядно демонстрирует скромный уровень экономического развития страны. Дисcreпанс в военных потенциалах также ярко выражен: численность армии Монголии составляет всего 8 900 человек, в то время как Россия располагает армией в 900 000 человек, а Китай – 2 035 000 человек.

С точки зрения экономической зависимости, Монголия практически полностью зависит от поставок нефтепродуктов из России и экспорта своей горнорудной продукции (угля, меди, железной руды и др.) в Китай. Такая зависимость от внешних партнеров делает Монголию уязвимой к внешнеэкономическим колебаниям и политическим изменениям в региональном контексте. Развивая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией и Китаем, Монголия одновременно активно сотрудничает с рядом внерегиональных игроков, таких как США, Япония, Республика Корея, Европейский Союз, Индия и Турция, которые рассматриваются как «третьи соседи» [7].

Анализ различных международных рейтингов, оценивающих привлекательность стран мира, демонстрирует весьма скромное положение Монголии. В 2023 г. страна заняла 106-е место в «Индексе хороших стран», 102-е – в «Индексе глобальной конкурентоспособности» «Индексе развития человеческого капитала, и 81-е – в «Индексе легкости ведения бизнеса». Эти данные указывают на то, что Монголии предстоит пройти значительный путь для улучшения своей позиции в глобальном контексте.

Особого внимания заслуживает позиционирование Монголии в качестве «успешной демократии». Данная стратегия была выбрана монгольским руководством еще в начале 1990-х гг., когда страна приступила к радикальной смене модели общественного развития. Демократический характер политической системы стал восприниматься как ключевой элемент успешного постсоциалистического перехода. Несмотря на провозглашенную нейтральность, Монголия вынуждена лавировать между интересами России и Китая, стараясь получить максимальную выгоду от сотрудничества с каждым из них.

В условиях растущей напряженности в мире, особенно в таких регионах, как Украина и Тайвань [4], наблюдается рост военных расходов в различных странах, что также касается Монголии, которая, несмотря на свои размеры и экономические возможности, должна быть готова к потенциальным угрозам. Увеличение военных расходов в соседних странах и развитие военной инфраструктуры в регионе создают дополнительные вызовы для безопасности Монголии. Судьба Монголии, как и многих других стран, зависит от того, как будет развиваться эта «Новая Холодная война». Если стороны смогут найти пути к диалогу и сотрудничеству, это может привести к мирному и устойчивому развитию в регионе. Но если напряженность будет расти, это может привести к непредсказуемым последствиям для всего мира.

В этом контексте становится очевидным, что участие Монголии в международных организациях и инициативах (БРИКС, ШОС, «Один пояс – один путь») приобретает немаловажное значение для страны. В 2017 г. Монголия получила статус страны-наблюдателя в БРИКС. Событие вызвало значительный интерес в Монголии, так как участие в БРИКС открывает новые возможности для экономического сотрудничества и инвестиций. В контексте «Новой Холодной войны» участие в БРИКС позволяет Монголии укрепить свои отношения с Китаем и Индией, что является ключевым фактором ее политики балансирования. Однако, необходимо отметить, что БРИКС не является полноценным политическим союзом, и Монголия не желает вступать в прямое противостояние с США и Европой.

Юридический статус Монголии в качестве наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) основывается на Положении о статусе наблюдателя, принятом 17 июня 2004 г. в Ташкенте. Статус не нарушает международные обязательства и внутренние законодательные акты Монголии, предоставляя ей возможность участвовать в обсуждениях и переговорах с государствами-членами ШОС в формате двусторонних отношений. Важнейшим аспектом статуса наблюдателя является акцент на экономической политике ШОС, что открывает новые горизонты для экономического взаимодействия [2], [3].

Будущее расширение ШОС предполагает включение стран, находящихся в географической близости к Центральной Азии, таких как Монголия, Туркменистан, Иран, Афганистан и государства Закавказья. Однако политическая и экономическая ситуация в этих странах значительно различается. Монголия, в отличие от других потенциальных участников, может рассматриваться как стабильный и перспективный партнер. В стране практически отсутствуют угрозы, связанные с терроризмом, сепаратизмом или экстремизмом, что делает ее участие в ШОС менее проблематичным. Улан-Батор может решать двусторонние вопросы с соседями, не становясь при этом полноправным членом организации. Успех ШОС будет зависеть от способности организации находить эффективные форматы для сотрудничества и углубления взаимодействия в различных областях.

Инициатива «Один пояс – один путь», выдвинутая Китаем, представляет собой важный шаг в направлении международного экономического сотрудничества, связывающего Восточную Азию с Западной Европой. Исторически сложившиеся маршруты караванов, соединяющие эти регионы, по-прежнему актуальны, но сегодня они разделены на несколько коридоров. Китай предложил создать международный экономический коридор, который включает направления «Китай – Монголия – Россия – Европа» и «Китай – Центральная Азия – Западная Азия». Монголия проявляет интерес к обоим направлениям, стремясь развивать собственную транспортную инфраструктуру и укреплять свои позиции в регионе. Второе направление, как основной маршрут ОПОП, предполагает создание современного высокоскоростного транспортного коридора, что открывает Монголии дополнительные возможности для выхода на рынки Западной Европы и Индии. Поддержка инициативы Китая в рамках монгольского проекта «Степной путь» может стать приоритетным направлением для взаимовыгодного сотрудничества. Однако для успешной реализации проекта ОПОП необходимо строгое соблюдение целей и принципов Устава ООН, а также поддержка со стороны России, Европейского Союза и Центральной Азии [5].

Рост товарооборота между Европой и Азией может способствовать развитию транспортной инфраструктуры стран

участниц, что, в свою очередь, откроет новые возможности для Монголии. Китай, как экономический локомотив региона, может обеспечить доступ к ресурсам и создать рынок сбыта для товаров Центральной Азии. В этом контексте Монголия должна активно развивать свою инфраструктуру, чтобы воспользоваться всеми преимуществами, которые предоставляет ОПОП. С учетом стратегического плана ШОС до 2025 г., можно предположить, что возможна координация деятельности ШОС с инициативой ОПОП. Экономическая эффективность ОПОП заключается в соединении рынков с населением более одного миллиарда человек, что открывает перед Монголией перспективы для дальнейшего экономического роста и развития.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно утверждать, что Монголия имеет все основания для активного участия в ШОС и поддержания инициативы ОПОП. Несмотря на то, что на данный момент статус наблюдателя в ШОС вполне устраивает страну, важно оставаться внимательным к происходящим изменениям и возможностям, которые могут возникнуть в будущем. Учитывая, что соседи Монголии являются ключевыми игроками в ШОС, Монголия должна продолжать развивать свои отношения с этой организацией, поскольку это может оказать значительное влияние на ее экономическое развитие и политическую стабильность в регионе.

В данном контексте необходимо отметить риски «Новой Холодной войны» для Монголии. В экономической сфере, Монголия, уже несколько лет испытывает на себе результаты санкционной политики, введенной в отношении России и ее союзников. Ослабление торговых связей с Россией, которая была одним из ключевых торговых партнеров Монголии, привело к снижению объемов экспорта и импорта, а также к усложнению логистических цепочек. Западные санкции также создают препятствия для прямых инвестиций из России, которые ранее играли важную роль в развитии ряда отраслей монгольской экономики [8]. Помимо экономических последствий, Монголия сталкивается с усилением военного напряжения в регионе. В ходе «Новой Холодной войны» происходит постепенное увеличение военного присутствия России и Китая на территории соседних стран, что в некоторой мере создает атмосферу нестабильности в Монголии. Страна не может полностью изолироваться от военного конфликта, особенно в случае непредсказуемого развития событий.

Одним из ключевых направлений развития является диверсификация экономики и укрепление торговых связей с другими странами. Монголия также активно развивает туристический сектор, стремясь привлечь иностранные инвестиции. В политической сфере страна стремится укрепить институты демократии и обеспечить политическую стабильность: «Монголия – важный торговый партнер России. По итогам 2022 г. российско-монгольская торговля увеличилась почти на 42 % и достигла 2,6 млрд долларов. Ожидается, что к концу года показатели могут достигнуть исторического максимума в 3 млрд долларов, происходит углубление производственных, научно-технических связей, решение вопросов повышения уровня жизни населения обоих государств. На сегодняшний день более 70 регионов России поддерживают торгово-экономические связи с Монголией. Самые активные – Самарская, Кемеровская, Иркутская и Новосибирская области, Москва и Республика Бурятия»¹ – отмечает министр экономического развития РФ Д. В. Вольвач.

Ключевой вывод заключается в том, что Монголия, вопреки распространенному мнению, не является пассивным наблюдателем «Новой Холодной войны» и активно использует свою геополитическую позицию, выступая устойчивым «мостом» между Востоком и Западом, демонстрируя прагматичный подход к внешней политике, основанный на принципах баланса и невмешательства. Монголия успешно развивает партнерские отношения как с США и странами НАТО, так и с Россией и Китаем, избегая односторонней зависимости от какой-либо одной державы [6]. Прогнозируя будущую роль Монголии, можно выделить несколько сценариев. Первый сценарий предполагает сохранение нынешней стратегии балансирования, что позволит Монголии продолжить экономическое развитие и укреплять свою позицию в регионе. Второй – усиление влияния Китая на Монголию, что может привести к ослаблению демократических институтов и усилению авторитарных тенденций. Такой сценарий может быть обусловлен экономической зависимостью Монголии от Китая, а также ростом китайского политического влияния. Третий сценарий предполагает усиление роли США в регионе, что может привести к усилению напряженности в отношениях между Монголией и Китаем. Этот сценарий может быть обусловлен стремлением США сдерживать растущее влияние Китая в регионе. Четвертый сценарий – самый оптимистичный – предполагает развитие Монголии как страны, выбравшей путь интеграции в региональные интеграционные образования и сближение ее с Российской Федерацией.

Пристатейный библиографический список

1. Братерский М. В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // АПЕ. – 2020. – № 1. – С. 15-31.
2. Бредихин А. В. Культурное сотрудничество на пути интеграции Монголии в ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. № 6 (99). – С. 2633-2639.
3. Бредихин А. В. Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. № 1. – С. 153-165.
4. Ван Ж. Начало и конец развития современного демократического протестного движения Тайваня // Архонт. – 2023. – № 5 (38). – С. 99-103.
5. Дэмбэрэл К. Монголия перед дилеммой: ШОС или «Шёлковый путь» // Обозреватель – Observer. – 2021. – № 3 (374). – С. 108-115.
6. Жэнь Х. Текущее состояние и перспективы экономического взаимодействия между Россией и Китаем // Архонт. – 2024. – № 1 (40). – С. 86-91.
7. Родионов В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // Вестник КИГИ РАН. – 2022. – № 2. – С. 228-243.
8. Тогусаков О. А., Балтабаев Ж. Р. Евразийская интеграция // Архонт. – 2024. – № 3 (42). – С. 19-26.

ство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_prigranichnoe_sotrudnichestvo_rossii_i_mongolii_imeet_bolshie_perspektivy_v_torgovle_turizme_i_transporte.html (дата обращения: 22.09.2024).

1 Приграничное сотрудничество России и Монголии имеет большие перспективы в торговле, туризме и транспорте // Министер-

ГОРДЕЕВ Артем Александрович

аспирант, Дипломатическая академия МИД России

ГЕНЕЗИС ВЛИЯНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР НА СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается сотрудничество государств в сфере сельского хозяйства на универсальном уровне в условиях санкций и односторонних ограничительных мер. Обосновывается тесная связь сотрудничества государств в сфере сельского хозяйства с обеспечением продовольственной безопасности. Автором приводятся доводы, что односторонние ограничительные меры нельзя отождествлять с международно-правовыми санкциями, а также что они противоречат действующему международному праву. В статье прослеживается, что все виды ограничительных мер, в том числе международно-правовые санкции в агрокультурной сфере часто противоречат принципу пропорциональности (соразмерности). Автором делается вывод, что сложившаяся система универсального международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности оказывается неэффективной и для Российской Федерации предлагается усиление двустороннего и регионального сотрудничества с дружественными государствами, в частности в рамках ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Ключевые слова: ограничительные меры, международно-правовые санкции, односторонние ограничительные меры, продовольственная безопасность, сотрудничество государств в сфере сельского хозяйства, принцип соразмерности (пропорциональности), ФАО, Совет безопасности ООН.

GORDEEV Artem Alexandrovich

postgraduate student, Diplomatic Academy of the MFA of Russia

THE GENESIS OF THE IMPACT OF RESTRICTIVE MEASURES ON STATE COOPERATION IN THE FIELD OF AGRICULTURE: THE INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

The article considers the cooperation of states in the sphere of agriculture at the universal level in the conditions of sanctions and unilateral restrictive measures. The article substantiates the close connection of cooperation of states in the sphere of agriculture with ensuring food security. The author argues that unilateral restrictive measures cannot be identified with international legal sanctions and that they contradict the existing international law. The article traces that all types of restrictive measures, including international legal sanctions in the agricultural sphere often contradict the principle of proportionality (proportionality). The author concludes that the existing system of universal international legal regulation of cooperation between states in the field of agriculture and food security is ineffective and the Russian Federation is proposed to strengthen bilateral and regional cooperation with friendly states, in particular within the EAEU, SCO, BRICS.

Keywords: restrictive measures, international sanctions, unilateral restrictive measures, food security, state co-operation in the field of agriculture, principle of proportionality, FAO, UN Security Council.

Гордеев А. А.

Современное состояние международных отношений характеризуется геополитической напряженностью и турбулентностью, вызванной стремлением отдельных государств к гегемонии на международной арене и противодействием формированию многополярного миропорядка. Это проявляется во введении такими государствами различного рода односторонних ограничительных мер (ООМ) в отношении политически «недружественных» им государств. При этом, в большинстве случаев подобные ограничительные меры могут потенциально противоречить действующему международному праву и существенно затрудняют стабильную межгосударственную кооперацию в разных сферах, в частности, в области сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности.

В целом система международно-правового регулирования межгосударственных отношений, складывающихся по поводу сотрудничества в сфере сельского хозяйства, прошла долгий, эволюционный путь развития, и, при этом, вплоть до конца XX в. была представлена в основном на двустороннем и региональном уровнях. Универсальная система международно-правового регулирования сотрудничества государств

в сфере сельского хозяйства, как представляется, в своем современном виде начала складываться после Первой мировой войны, когда мировое сообщество столкнулось с проблемой голода. Именно в тот период проблема голода, дисбаланса и неправильного хранения сельскохозяйственных остатков перестала рассматриваться исключительно как национальная или региональная проблема, а, следовательно, требовала международно-правового регулирования. С посыла Лиги Наций были созданы Лондонский продовольственный комитет, Объединенный продовольственный совет в Вашингтоне, которыми хотя формально управляли США и Великобритания, постепенно он расширил свою деятельность и на другие страны и регионы.

Однако, несмотря на попытки Лиги Наций решить вопрос обеспечения продовольствием на универсальном уровне, начало Второй Мировой войны показало несостоятельность складывающегося механизма сотрудничества в этой сфере. Решение этой проблемы привело мировой сообщество к осознанию необходимости создания универсальной международной межправительственной организации, которая бы занималась вопросами продовольствия и укрепления

ем межгосударственной кооперации в сельскохозяйственной сфере. Апогеем международно-правового сотрудничества стало создание в 1945 г. в рамках учрежденной Организации Объединенных Наций (ООН) Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Создание ФАО стало логическим завершением пути эволюции сотрудничества государств в сельскохозяйственной сфере, поскольку на основе положений устава ФАО, она является глобальным координатором сельскохозяйственной политики всех государств-членов ООН. Сотрудничество государств в рамках ФАО способствовало принятию ряда международных договоров в сфере сельского хозяйства, институализации отдельных межгосударственных инициатив по регулированию специфики торговли определенными видами товаров. Примером такой инициативы может служить курируемый ФАО Международный совет по зерну (МСЗ) – межправительственная организация, занимающаяся развитием международно-сотрудничества в сфере торговли зерновыми культурами.

Таким образом, государства пришли к осознанию необходимости к глобализации сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Безусловно важными основами в регулировании данной сферы на универсальном уровне является международно-правовая база свободной торговли сельскохозяйственной продукцией, что объективно лежит вне рамок компетенций ФАО. Речь идет о соглашениях в рамках системы Всемирной торговой организации (ВТО), принятых в период Уругвайского раунда о создании ВТО, таких как Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. (ранее ГАТТ 1947 г.), Соглашение по сельскому хозяйству, Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер, Соглашение по техническим барьерам в торговле. Безусловно соглашения ВТО стали важным подспорьем в вопросе урегулирования трансграничной торговли, поощрения либерализации торговли, импортно-экспортные послабления для сельскохозяйственной продукции.

Следующим важным аспектом является то, что сотрудничество государств в сфере сельского хозяйства в современных условиях следует рассматривать сквозь призму продовольственной безопасности. Понятие продовольственной безопасности было сформулировано ФАО в 1975 г., предложившей понимать под ней: «бесперебойное наличие достаточных мировых запасов, жизненно важных продуктов питания для поддержания устойчивого роста потребления продовольствия и погашения колебаний объемов производства и цен». При этом, думается, что достижения заявленных в этом определении целей невозможно без развития отрасли сельского хозяйства на национальном уровне с одной стороны и укрепления, а также расширения межгосударственного сотрудничества в агрокультурной сфере с другой стороны. Отечественная доктрина продовольственной безопасности также апеллирует к необходимости усиления государственной поддержки в агрокультурном секторе для достижения продовольственной безопасности в РФ. Многие отечественные исследователи, например Т. С. Лебедева, Д. В. Тропина, М. В. Шугуров, также придерживаются мнения о тесной связи тесной связи продовольственной безопасности и агрокультурного сотрудничества [10], [15].

Следует упомянуть, что от обеспечения продовольственной безопасности также зависит достижение одной из важнейших целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) – ликвидации голода (ЦУР № 2), в рамках которой предполагается в том числе укрепление и развитие межгосударственного сотрудничества в сельскохозяйственной сфере, устранение и пресечение введения ограничений в этой сфере. Однако, к сожалению, как было отмечено в совместном докладе, подготовленном ФАО и другими международными организациями за 2022 г., мировое сообщество отдаляется от достижения цели по искоренению голода и обеспечению продовольственной безопасности, в том числе в связи с нарастающими

проблемами в сельско-хозяйственном сотрудничестве разных стран и повышением политической напряженности в мире. Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) в своей резолюции от 10 декабря 2021 года № 76/124 также отметила проблемы в борьбе с предотвращением голода на планете.

Вместе с тем, одной из основных причин, затрудняющих устойчивое и прогрессивное сотрудничество государств в сфере сельского хозяйства и, таким образом, достижения необходимого уровня продовольственной безопасности являются различного рода ограничительные меры. По сути, ограничительные меры представляют собой государственные меры или меры международных межправительственных организаций, направленные на ограничение или запрет определенных действий или отношений между государствами. При этом, в международно-правовой доктрине традиционно ограничительные меры подразделяют на односторонние и коллективные, основываясь на субъекте-инициаторе их введения.

Рассматривая международно-правовой аспект влияния ограничительных мер на сотрудничество государств в области сельского хозяйства, невозможно не обратить внимание тот факт, что понятийный аппарат, используемый при характеристике односторонних ограничительных мер в международном праве, с одной стороны, и политическом или медийном дискурсе, с другой стороны, является крайне противоречивым, что порой вызывает неоднозначное детерминирование их как соответствующих международному праву. Речь идет о термине «санкции» и производных от него выражений, которые систематически используются в качестве синонима любых накладываемых в рамках международных отношений ограничений. Думается, что подобный терминологический плюрализм недопустим, особенно когда речь идет о правовой характеристике данного явления. Очевидно, что в рамках настоящей статьи не представляется возможным полностью и всесторонне рассмотреть международно-правовую природу и сущность ограничительных мер, поскольку, во-первых, автор не ставит перед собой такую задачу, а во-вторых, формат научной статьи физически не позволит рассмотреть весь массив доктринальной дискуссии по этому вопросу. Вместе с тем, невозможно оставить этот аспект полностью без внимания.

Следует понимать, что с международно-правовой точки зрения термин «санкции» применим лишь к ограничительным мерам, в том числе экономического характера, накладываемым Советом безопасности ООН (СБ ООН) в пределах своей компетенции, предоставленной ему Уставом ООН на государство нарушителя международного правопорядка, в рамках предусмотренной Уставом ООН процедуры в целях поддержания международного мира и безопасности (ст. 24, 39, 41 Устава ООН). По своей правовой природе санкции СБ ООН являются юридической категорией международного публичного права и связан с коллективным волеизъявлением мирового сообщества в лице СБ ООН, которому предоставлен необходимый инструментарий для воздействия на государство, нарушающее свои международные обязательства и тем самым ставящее под угрозу безопасность, мир и стабильность в международных отношениях. Такие меры перечислены в ст. 41 Устава ООН и перечень не является исчерпывающим.

Таким образом, представляется недопустимым расширительное толкование термина «санкций» и отождествлять его с односторонними ограничительными мерами вводимыми отдельными государствами или группой государств в отношении «недружественных» им государств. Во-первых, такие меры вводятся в соответствии с национальным законодательством государства инициатора ограничительных мер или правом интеграционного объединения, если речь идет, например, об ограничительных мерах ЕС и являются примером экстерриториального действия национального (ин-

теграционного права) в межгосударственных отношениях. Во-вторых, отсутствует критерий коллективного волеизъявления международного сообщества, даже если ограничения вводит группа государств, например интеграционные объединения, в частности ЕС, поскольку они основываются на волеизъявлении государств участников ЕС, а не международного сообщества в целом в лице СБ ООН.

Данная позиция находит свое отражение в отечественной доктрине. А. Е. Еремина, Е. Г. Петренко занимают схожую позицию, что ООМ являются политической, а не международно-правовой категорией и выступают нелегитимной формой воздействия одних государств на другие для целей достижения политических целей [6], [13]. А. А. Власов и Ф. Ю. Панов рассматривают ООМ как политический механизм давления [2], [12]. В. В. Войников при анализе ООМ ЕС, принятых в отношении РФ, справедливо дифференцировал последние от понятия санкций, констатируя, что односторонние ограничительные меры ЕС в отношении России принимались вне правовых механизмов, установленных Уставом ООН, следовательно, международно-правовыми считаться не могут [3]. Наконец, следует согласиться с позицией К. В. Крицкого, который считает, что понятие санкций может быть использовано только в том случае, если инициатором их наложения будет выступать СБ ООН с соблюдением установленной процедуры [8, с. 10]. Уместно упомянуть, что из такой же позиции исходит и современная Концепция внешней политики РФ 2023 г. (п. 8 Концепции).

Таким образом, думается, что ООМ экономического характера, накладываемые государством инициатором на государство-дестинатора, в том числе в сельскохозяйственной сфере нельзя отождествлять с международно-правовыми санкциями. Вместе с тем, следует отметить, что в действующем международном праве нет прямого запрета на введение подобного рода мер. К примеру, в международном праве существует понятие ответных контрмер (реторсии, репрессалии, самооборона). В Резолюции ГА ООН №56/589 от 12 декабря 2001 г. подтверждается право государств на применение контрмер, в случае если государство-дестинатор этих мер совершило в отношении него международное противоправное деяние. Контрмеры являются единственной легитимной формой принуждения в международном праве и накладываются государствами с целью восстановить существовавшее ранее положение или воздействовать на другие государства, нарушившие свои обязательства в отношении них, а также меры, принимаемые в рамках Устава ООН.

Вместе с тем, ООМ в сфере сотрудничества в области сельского хозяйства в случае, если они вводятся в целях политического давления, своего рода «наказания недружественного государства за неудобное поведение» контрмерами признать нельзя. Представляется, что поскольку общими основами взаимодействия государств в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности являются основополагающие принципы международного права, ООМ являются актом агрессии и противоречат данным основополагающим принципам, таким как: принцип суверенного равенства государств, принцип невмешательства во внутренние дела, принцип неприменения силы, принцип мирного разрешения международных споров, принцип уважения прав человека, принцип сотрудничества государств, принцип добросовестного исполнения взятых на себя международно-правовых обязательств. ГА ООН в резолюции от 27 октября 2015 года № A/RES/70/5 отметила, что ООМ США в отношении Кубы: «противоречат принципам международного права, нарушают принципы свобод торговли и судоходства, угрожают суверенитету государства, отрицательно сказываются на осуществлении прав человека, сдерживают социально-экономическое развитие государства и наносит ущерб малоимущим слоям населения». Схожие аргументы были приведены в докладе Генерального секретаря ООН 2013 г.

под названием: «Односторонние ограничительные меры как средство политического и экономического принуждения в отношении развивающихся стран».

К сожалению, Российская Федерация на протяжении последних 10 лет столкнулась с колоссальным экономическим давлением и является дестабилизатором беспрецедентного количества ООМ со стороны государств Коллективного Запада (США, ЕС и других государств), являясь по сути «абсолютным лидером». Согласно статистическим данным по состоянию на начало августа 2024 г. в отношении нашего государства, российских физических и юридических лиц было введено в общей сложности 22 230 ООМ. При этом их абсолютно большая часть, 19 535 мер, были введены начиная с 2022 г., тогда как в период с 2014 по 2022 г. было введено 2695 ООМ. Среди других государств, в отношении которых в последнее время вводились США, ЕС и др. государствами ООМ, можно отметить Беларусь, Венесуэлу, Иран, Мьянму, Северную Корею и Сирию.

Следует отметить, что хотя формально российский сельскохозяйственный сектор не является непосредственным объектом ООМ США, ЕС и других государств, последствия таких ограничений в российской сельскохозяйственной сфере и той части системы сотрудничества государств, в которой задействована Россия, крайне ощутимы. ООМ, накладываемые на российский финансовый сектор, пагубно влияют на возможность осуществления трансграничных сделок по закупке импортного оборудования и сельскохозяйственных удобрений. Применение схем параллельного импорта увеличивает стоимость продукции и оборудования, провоцируя затруднения в поступательном развитии агропромышленной сферы. Это суждение поддерживается в доктрине международного права (напр. Е. Е. Кабанова) [7]. Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) И. Н. Тимофеев еще в 2022 г. на площадке клуба «Валдай» обозначил основные трудности российского сельскохозяйственного сектора по состоянию на тот период, в частности: «попадание под ООМ многих лиц, имеющих сельскохозяйственные активы; влияние ООМ на логистику и финансовые транзакции; оверкомплаенс; неформальные ограничения, т. е. фактические бойкоты, в частности, в сфере страхования грузоперевозок». Среди других затруднений можно отметить отказ зарубежных фрахтователей и судовладельцев работать с российским флотом в принципе, повышение страховых премий для российских судов, прекращение выдачи зарубежными банками экспортных кредитов на оплату поставок российского продовольствия из черноморских портов. Более того, все названные затруднения следует рассматривать сквозь призму того, что РФ является одним из ключевых игроков в сфере обеспечения продовольственной безопасности, поскольку наше государство является важным поставщиком зерна, удобрений и т.д.

Представляется, что ООМ в отношении РФ фактически может рассматриваться как форма экономической агрессии. Здесь следует согласиться с отечественными исследователями, например А. С. Лебедевым, В. И. Готовым, Ю. И. Немцовым, которые относят экономические односторонние ограничительные меры в качестве элемента гибридной войны, поскольку таковые преследуют цели, аналогичные военной агрессии [5], [11]. Западные исследователи, в частности Р. А. Пэйп, также не скрывают, что крайне агрессивная форма «экономических санкций» (в западной доктрине односторонние ограничительные меры также именуется санкциями) может справедливо именоваться экономической войной (economic warfare) [16].

При этом, институт экономических войн известен еще с начала XIX века и был представлен в формате морских блокад, т.е. мер по предотвращению морской торговли отдельной страны с другими странами без объявления ей войны. В период до Первой мировой войны морская блокада приме-

нялась более 20 раз против Турции, Португалии, Нидерландов, Колумбии, Панамы, Мексики, Аргентины и Сальвадора. Организаторами блокад в основном становились Великобритания, Франция, Италия, Германия и др. Другим примером экономической блокады является торговая блокада государств-союзников Антанты в отношении Германии в 1914 году, целью которой было ослабление военной экономики Германии и принуждение населения Германии к провоцированию внутрисоюзного давления на правительство. Особое давление оказывалось на сельскохозяйственную сферу, поскольку Германия была в основном государством-импортером, но не производителем, сельскохозяйственной продукции и производственных мощностей. В действительности, торговые ограничения Союзников спровоцировали нехватку продовольствия в Германии и голод.

США и их союзники позволяют себе ведение экономических войн посредством противоправных ООМ в современных условиях, поскольку считают это допустимым в их видении международных отношений, регулируемых «порядком основанном на правилах» (open and rules-based world order). Здесь уместно привести позицию министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, который считает, что целью этой концепции является «подмена универсально согласованных международно-правовых инструментов и механизмов узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок» [9].

Представляется, что целесообразно также рассмотреть некоторые случаи введения СБ ООН международно-правовых санкций в отношении государств, которые затрагивали сельскохозяйственный сектор, поскольку даже эти, соответствующие международному праву механизмы, могут также вызывать негативные последствия их применения в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности, поскольку в должной степени не были учтены социально-экономические последствия наложения санкций. Одним из примеров является наложение СБ ООН экономических санкций против Ирака в начале 1990-х, которые усугубили экономическую ситуацию в стране, полностью уничтожив иракский сельскохозяйственный сектор, спровоцировав голод и способствовав дестабилизации продовольственной безопасности в Ираке. На фоне разворачивающейся продовольственной катастрофы в Ираке, СБ ООН в рамках своей резолюции № 986 от 14 апреля 1995 г. в отношении Ирака был установлен ряд изъятий из санкционного режима для осуществления гуманитарной поддержки населения. Послабления заключались в изъятии из-под санкционных ограничений импорта иракской нефти для того, чтобы под контролем СБ ООН полученные средства были потрачены на продовольствие и медикаменты для иракского населения. Данная программа была названа «Нефть в обмен на продовольствие».

Этот пример красочно показывает, как при наложении даже легитимных с международно-правовой точки зрения санкций СБ ООН, могут быть упущены из виду социально-экономические последствия ограничений для населения. При принятии названных санкций в отношении Ирака СБ ООН не руководствовался принципом пропорциональности (соразмерности), который применительно к санкциям и ограничительным мерам означает необходимость соблюдения соответствия накладываемых ограничений ряду важных для социальной ситуации в государстве-дестинаторе санкций условий. Г. В. Вайпан в своем диссертационном исследовании пришел к выводу, что принцип пропорциональности в международном праве, должен восприниматься как проявление механизма поиска прагматичного и реалистичного баланса [1, с. 11]. Как справедливо отмечает В. А. Василенко, отказ от всестороннего учета пропорциональности накладываемых ограничительных мер, нужно толковать в качестве международно-правового произвола [2]. ГА ООН в итоговой

декларации Всемирного саммита 2005 г. отметила, международно-правовые санкции должны осуществляться с ведением обзора результатов санкционного воздействия и разработкой механизма для решения специальных экономических проблем, возникающих в результате применения санкций. Думается, что здесь под «специальными экономическими проблемами» следует понимать пагубное воздействие санкций на экономику всего государства в целом, в том числе и на сельское хозяйство.

Следует обратить внимание, что ФАО, являющаяся ключевым игроком в вопросе институционализации универсальной межгосударственной сельскохозяйственной кооперации и обеспечения продовольственной безопасности, занимает противоречивую позицию в вопросе ограничительных мер. С одной стороны, ФАО в своем ежегодном докладе за 2022 год, констатирует, что нельзя назвать ни одного развивающегося государства, которое бы не испытывало колоссальных проблем с продовольственной безопасностью в условиях ограничительных мер, даже несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев к этим странам применяются гуманитарные изъятия. Помимо этого, ФАО активно содействовала преодолению продовольственного кризиса в Ираке, в частности посредством разработки Рамочного стратегического плана реагирования на 2022–2031 годы, оказания срочной поддержки в обеспечении средствами к существованию иракских семей, пострадавших от продовольственного кризиса и т.д. С другой стороны, реакция ФАО на ООМ, принимаемые рядом государств в области сельского хозяйства, всегда была размытой и неоднозначной. Следует согласиться с позицией отечественных исследователей Б. А. Воронина, В. А. Власова, что ФАО целенаправленно игнорирует неправомерность и незаконность ООМ, наложенных на российскую экономику в период с 2014 по 2024 гг. [2], [4]. Представляется, что данные факты заставляют усомниться в эффективности сложившейся системы глобального сотрудничества государств в сельскохозяйственной сфере в изменившихся условиях.

Таким образом, приходится констатировать, что несмотря на длительные исторические усилия международного сообщества к установлению благоприятного режима сотрудничества государств в сельскохозяйственной сфере и обеспечения продовольственной безопасности на универсальном уровне, в настоящее время универсальные механизмы сотрудничества в условиях ограничительных мер оказываются несовершенными и неэффективными. Это вызвано рядом факторов, в частности: отсутствием желания у международного сообщества решать проблему на универсальном уровне, несоблюдением основополагающих принципов международного права, несоблюдением принципа пропорциональности (соразмерности) ограничительных мер, лоббированием ФАО интересов государств-инициаторов ООМ, неспособностью СБ ООН разрешить данную проблему, поскольку государства-инициаторы ООМ, являются его постоянными членами. Представляется, что в условиях, когда США, ЕС противодействуют формированию многополярного миропорядка и продвигают свой собственный «порядок основанный на правилах», для Российской Федерации, на фоне общей тенденции к регионализации международного права, следует сконцентрировать свои усилия на развитии сотрудничества в сфере сельского хозяйства с дружественными государствами на двустороннем и региональном уровне, в том числе в рамках ЕАЭС, БРИКС, ШОС, а также в рамках двустороннего сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Вайпан Г. В. Принцип пропорциональности в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 436 с.

2. Василенко В. А. Международно-правовые санкции. – Киев: Вища школа, 1982. – 229 с.
3. Власов В. А. Развитие производства органической сельскохозяйственной продукции как одно из перспективных направлений продовольственного обеспечения в условиях действия продовольственных санкций: мировой и Российский опыт // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-proizvodstva-organicheskoy-selskohozyaystvennoy-produktsii-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-prodovolstvennogo](https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-proizvodstva-organicheskoy-selskohozyaystvennoy-produktsii-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-prodovolstvennogo-obespecheniya) (дата обращения: 15.10.2024).
4. Войников В. В. Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом // Современная Европа. – 2022. – № 6 (113). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antirossiyskie-sanktsii-ogranichitelnye-mery-es-sootnosheniye-s-mezhdunarodnym-pravom> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Воронин Б. А. Аграрное право современной России: проблемы взаимодействия с международным правом // АОН. – 2014. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnoe-pravo-sovremennoy-rossii-problemy-vzaimodeystviya-s-mezhdunarodnym-pravom> (дата обращения: 15.10.2024).
6. Глотов В. И., Немцов Ю. И. Экономические санкции как элемент гибридной войны // Финансовые исследования. – 2019. – № 1 (62). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-element-gibridnoy-voyny> (дата обращения: 15.10.2024).
7. Еремина А. Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности // Постсоветский материк. – 2019. – № 4 (24). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-ponyatie-tipologiya-osobennosti> (дата обращения: 15.10.2024).
8. Кабанова Е. Е. Перспективы российского сельскохозяйственного комплекса в условиях санкций // Экономическое развитие России. – 2023. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiyskogo-selskohozyaystvennogo-kompleksa-v-usloviyah-sanktsiy> (дата обращения: 15.10.2024).
9. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2019. – 186 с.
10. Лавров С. В. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. – 2019. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/> (дата обращения: 15.10.2024).
11. Лебедева Т. С., Тропина Д. В. Международно-правовое регулирование реализации сельскохозяйственной продукции // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 1 (205). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-realizatsii-selskohozyaystvennoy-produktsii> (дата обращения: 15.10.2024).
12. Лебедев А. А. Санкции – инструмент экономической войны // Обозреватель – Observer. – 2022. – № 11-12. – С. 394-395. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-instrument-ekonomicheskoy-voyny> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Панов Ф. Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-vvedeniya-odnostoronnih-ogranichitelnyh-mer-es> (дата обращения: 15.10.2024).
14. Петренко Е. Г. Правовое регулирование и научные подходы к понятию «Санкция» // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 111. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-nauchnye-podhody-k-ponyatiyu-sanktsiya> (дата обращения: 15.10.2024).
15. Потемкина О. Ю. Ограничительные меры, принятые советом ЕС против России // Европейский союз: факты и комментарии. – 2022. – Вып. 107. – С. 84-87. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts120228083>.
16. Шугуров М. В. Международно-правовой режим передачи технологий в целях устойчивого ведения сельского хозяйства: содержание и программно-стратегические основы (статья выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00400) // Международное право. – 2017. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoye-regulirovanie-peredachi-tehnologiy-v-tselyah-ustoychivogo-vedeniya-selskogo-hozyaystva-soderzhanie-i-programmno](https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoye-regulirovanie-peredachi-tehnologiy-v-tselyah-ustoychivogo-vedeniya-selskogo-hozyaystva-soderzhanie-i-programmno-strategicheskie-osnovy) (дата обращения: 15.10.2024).
17. Pape R. A. Why Economic sanctions do not work // International Security. – Volume 22. – Issue 2 (Autumn 1997). – Pp. 90-136. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/pape_97%20\(jstor\).pdf](https://web.stanford.edu/class/ips216/Readings/pape_97%20(jstor).pdf) (дата обращения: 15.10.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-43-46

КУЦУРОВ Одиссей Юрьевич

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

БЕЛОУСОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НА ЗЕМЛИ, ТЕРРИТОРИИ И РЕСУРСЫ

Коренные народы сохраняют прочную духовную связь с территорией их традиционного проживания, поэтому эффективное осуществление права на земли, территории и природные ресурсы представляет для них большое значение.

На универсальном уровне права коренных народов иметь в собственности, использовать, осваивать или контролировать земли, территории и ресурсы гарантируется и подтверждается в целом ряде международно-правовых документов, но, к сожалению, при реализации этих прав на практике остаются определенные сложности. Обусловлено это в том числе и тем, что большинство положений, закрепляющих рассматриваемые в данной статье права, носят рекомендательный характер, что ограничивает средства защиты данных прав при их нарушении. Но, несмотря на это, попытки их защиты предпринимаются на региональном уровне, в частности, Межамериканским судом по правам человека.

В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения и защиты прав коренных народов на земли, территории и ресурсы и делается вывод о том, что международному сообществу необходимо продолжать сотрудничество в целях закрепления прав коренных народов на земли, территории и ресурсы на универсальном уровне, а также разработать эффективные механизмы защиты указанных прав.

Ключевые слова: международное право, права человека, земельные права, коренные народы, коллективные права.

KUTSUROV Odyssej Yurjevich

postgraduate student of International law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

BELOUSOVA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CURRENT PROBLEMS OF ENSURING AND PROTECTING THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES TO LANDS, TERRITORIES AND RESOURCES

Indigenous peoples retain a strong spiritual connection with the territory of their traditional residence, so the effective exercise of the right to lands, territories and natural resources is of great importance to them.

At the universal level, the rights of indigenous peoples to own, use, develop or control lands, territories and resources are guaranteed and confirmed in a number of international legal documents, but, unfortunately, certain difficulties remain in the implementation of these rights in practice. This is due, among other things, to the fact that most of the provisions that enshrine the rights considered in this article are advisory in nature, which limits the means of protecting these rights when they are violated. But, despite this, attempts to protect them are being made at the regional level, in particular, by the Inter-American Court of Human Rights.

The article examines current issues of ensuring and protecting the rights of indigenous peoples to lands, territories and resources and concludes that the international community needs to continue cooperation in order to secure the rights of indigenous peoples to lands, territories and resources at the universal level, as well as to develop effective mechanisms for the protection of these rights.

Keywords: international law, human rights, land rights, indigenous peoples, collective rights.

На протяжении многих столетий коренные народы являлись «жертвами исторической несправедливости», поскольку они подвергались унижениям, порабощению и дискриминации. Помимо этого, у них отбирали территории, на которых они традиционно проживали. Права коренных народов стали предметом международно-правового регулирования относительно недавно, а именно во второй половине XX века.

На универсальном уровне государствами признается существование отдельных категорий населения, которые находятся в «уязвимом положении» ввиду особенностей их юридического статуса, и ввиду признания их уязвимости они имеют право на дополнительные преференции¹. К таким

уязвимым группам населения относятся и коренные народы [2, с. 9].

Коренным народам принадлежат все права, закрепленные в основных договорах по правам человека без какого-либо исключения² [10, с. 101]. Международно-правовыми доку-

определенных лиц или групп таких лиц и если применение этих мер прекращается по достижении тех целей, ради которых они принимались. В связи с этим выделяются особые группы лиц, требующие специальной защиты, помимо коренных народов к ним относятся: женщины, дети, пожилые люди, инвалиды, меньшинства, мигранты, лица, живущие в условиях нищеты и др.

2 По мнению экспертов ООН, можно выделить шесть основных международных договоров по правам человека, которые имеют особо важное значение для коренных народов: Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 1, 6, 7, 9, 10, 14, 18, 24, 27); Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ст.5); Конвенция против пыток; Конвенция о правах ребенка (ст. 3, 24, 30, 33, 37 и др.); Международный пакт об экономических, социальных

1 Принятие специальных мер с единственной целью достижения фактического равенства не представляет собой дискриминации в том случае, если такие меры не приводят к сохранению неравной защиты или формированию отдельной системы защиты для

ментами, посвященными исключительно правам коренных народов, являются: принятая в 2007 г. Декларация ООН о правах коренных народов³ (далее – Декларация 2007 г.) и принятая в 1989 г. Конвенция Международной организации труда № 169⁴. Положения данных документов дополняют друг друга, уделяя при этом особое внимание правам на земли, территории и ресурсы. Необходимо отметить, что вышеуказанные документы лишь расширяют толкование прав человека, не закрепляя при этом новых прав. Рассматриваемые документы содержат те же формулировки, что и основные международно-правовые акты универсального характера в области прав человека, но уже применительно к представителям коренных народов.

На основе указанных документов универсального характера были приняты и документы регионального характера, в той или иной степени касающиеся прав коренных народов. Но, к сожалению, положения почти всех международно-правовых документов, посвященных правам коренных народов, не являются юридически обязательными [19, с. 493].

Права коренных народов на земли, территории и ресурсы относятся к категории экологических прав человека, которые постепенно получают признание и закрепление в международном праве [8, с. 23]. Эти права являются коллективными правами человека и относятся к третьему поколению прав человека [12, с. 186]. Как и многие другие права, принадлежащие к третьему поколению прав человека, они могут выступать в качестве как индивидуальных прав, так и коллективных прав. Например, образование территорий традиционного природопользования осуществляется на основании обращений лиц, принадлежащим к коренным народам, и обращений общин коренных народов или их уполномоченных представителей [7, с. 154]. Также рассматриваемые права реализуются только при учете права на самоопределение, что отмечается в ст. 3 Декларации 2007 г. По мнению Ф. Р. Ананидзе «право на самоопределение коренных народов направлено на решение социально-экономических, культурных и других проблем, с которыми сталкиваются коренные народы», а не на выход из состава государства, в территории которого входят традиционно занимаемые коренными народами земли [3, с. 55].

Рассматривая права коренных народов на земли, территории и ресурсы

специалисты в области международного права традиционно сосредотачивают свое внимание на политических аспектах рассматриваемых прав, хотя в основных договорах по правам человека можно найти упоминание и о праве на развитие [4, с. 71]. Несмотря на то, что самоопределение оказывает непосредственное влияние и на экономические аспекты, они недостаточно изучены в настоящее время, что подтверждается мнением ученых, таких как Ж. Олоки-Оньянг, отметившим, что «самоопределение было лишено всех своих экономических элементов и стало связано исключительно с границами, территорией и национализмом» [18, с. 151].

Претензии коренных народов на земли, территории и ресурсы тесно связаны с экономическим аспектом самоопределения, поскольку без контроля над землями, на которых они в течение многих лет проживают, а также природными ресурсами, усилия по сохранению самобытности коренных

народов не принесут результатов. По этой причине в ст. 3 Декларации 2007 г. содержится и право свободно «осуществлять экономическое развитие». Это положение получило развитие в других положениях международно-правовых документов, поскольку в соответствии со ст. 32.1. Декларации 2007 г. и ст. 7.1. Конвенции МОТ № 169, коренные народы имеют право определять свои приоритеты и стратегии развития, а также использовать свои земли, территории и ресурсы. Ввиду вышесказанного можно сделать вывод что, рассматриваемые права коренных народов, следует понимать в более широком смысле, включая права этих народов на самоопределение, а также права на собственность, недискриминацию, культурную целостность и развитие.

Образ жизни и культура коренных народов неотъемлемо связаны с их родными землями; как следствие, они создали на этих территориях общины, которые сильно привязаны к земле. В большинстве своем коренным народам удалось сохранить по крайней мере основные черты этих обществ и по сей день, несмотря на колонизацию и другие проблемы. По этим причинам одним из первых приоритетов международно-правового закрепления статуса коренных народов было предоставление им возможности сохранять и развивать свои общины.

В практике договорных органов ООН по правам человека отмечается, что земельные права коренных народов включены в право коренных народов на существование в качестве отдельной культурной общности⁵. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам не признал то, что образ жизни и культурная самобытность коренных народов неразрывно связаны с их землями, территориями и ресурсами, но, отметил, что это все равно обязывает государства «принимать меры, направленные на признание и защиту прав на общинные земли»⁶.

В соответствии со ст. 26 Декларации 2007 г., коренные народы имеют права на земли, территории и ресурсы, которые они традиционно занимали, владели или использовали. Четко выраженная общинная составляющая культурной жизни коренных народов абсолютно необходима для их существования, благосостояния и всестороннего развития представителей коренных народов [5, с. 155]. Согласно п. 2 ст. 13 Конвенции МОТ №169, под землями коренных народов следует понимать «территории, охватывающие всю окружающую среду районов, которые занимают или используют иным образом соответствующие народы». Как отмечают исследователи, в документе лишь термин получил определение «территория» [11, с. 271]. В соответствии со ст. 14 данного документа, выделяется два вида земель: традиционно занимаемые и используемые коренными народами. Земли, относящиеся к первому типу, не выступают в качестве объекта хозяйственной деятельности. Право собственности и владения на них признаются за коренными народами, а выселение с них категорическим образом не допускается. Во втором случае, к этим землям относятся территории, к которым у них есть

и культурных правах (ст. 6, 7, 11-15); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ст. 12 и 14).

3 Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.08.2024 г.).

4 Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция МОТ № 169]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 01.08.2024 г.).

5 UNESCO, UNESCO and Indigenous Peoples: Partnership to Promote Cultural Diversity (May 2006), available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001356/135656M.pdf>. Martinez Cobo, Study of the Problem of Discrimination Against Indigenous People, UN Docs E/CN.4/Sub.2/476, E/CN.4/Sub.2/1982/2, E/CN.4/Sub.2/1983/21; Working Paper of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, Working Paper of the UN Working Group on Indigenous Populations by the Chairperson-Rapporteur, on the Concept of “Indigenous People”, UN Doc /CN.4/Sub.2/AC.4/1996/2 (June 10, 1996) (by Erica-Irene A. Daes).

6 Замечание общего порядка №21 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам «Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 2009 г. // Документ ООН E/C.12/GC/21.

доступ для осуществления традиционной деятельности, однако доступ к этим землям не является исключительным, и в крайних случаях коренные народы могут быть выселены с этих земель [11, с. 278].

Коренные народы имеют право на природные ресурсы, расположенные на их территории, включая право на «участие в пользовании и управлении этими ресурсами и в их сохранении» (ст. 15 Конвенции МОТ № 169). Это также подтверждается в ст. 26 и 27 Декларации 2007 г. В международно-правовых документах предусмотрены гарантии сохранения их систем традиционного землепользования, в рамках которых также могут добываться ресурсы, необходимые для жизнедеятельности представителей коренных народов. Как справедливо отмечает исследователь Ж. Анная, за коренными народами не закрепляется право на минеральные ресурсы и недра «в случаях, когда государство обычно сохраняет право собственности на эти ресурсы» [12, с. 10]. Однако в соответствии с положением о недискриминации коренным народам не должно быть отказано в правах на недра и минеральные ресурсы, если такие права предоставляются иным лицам. В любом случае, согласно Конвенции, коренные народы должны иметь право голоса при разведке или добыче ресурсов на своих землях и получать выгоду от этой деятельности.

Еще до принятия Декларации 2007 г. на региональном уровне уже предпринимались попытки закрепить это право. Судебная практика в отношении прав коренных народов, сложившаяся в рамках Межамериканского суда по правам человека (далее – Суд, МАСПЧ), является наиболее обширной [6, с. 26]. Профессор А. Х. Абашидзе отмечает, что «именно этот судебный орган подтвердил территориальные права коренных народов, основываясь именно на факте их традиционного проживания на таких землях и территориях» [1, с. 62]. Что особенно важно, так это признание недействительной сложившейся во время процесса колонизации стран, расположенных в Южной Америке практики, в соответствии с которой права коренных народов зависели от признания их колониальными властями, а после приобретения этими государствами независимости – правительствами.

Дело «Община Маягна авас тингни против Никарагуа», решение по которому МАСПЧ вынес в 2001 г., стало первым в международной судебной практике, в котором признавались права коренных народов на их исконные земли⁷. В указанном решении Судом подтверждается необходимость понимания концепции собственности, которая разделяется коренными народами. По мнению Суда, представители коренных народов должны иметь право свободно проживать на территориях, где они традиционно проживают, поскольку они тесно связаны с землей, которая представляет собой «основу их культуры, духовной жизни, культурной целостности и экономического выживания». Помимо этого, обращается внимание на то, что владение землей составляет собой традицию, что является достаточным для того, чтобы юридически признать земли, населенные представителями коренных народов в течение продолжительного времени, за ними. Соответственно, коренные народы должны иметь правовой титул на такие земли [1, с. 62]. Как справедливо отмечается многими специалистами в области международного права, это решение способствовало расширению прав и возможностей коренных народов, которые «добиваются самоопределения в качестве отдельных групп с гарантированными земельными правами» [15, с. 1].

В более позднем решении Межамериканского суда по делу «Народы Калинья и Локоно против Суринама» подтверждается, что коренные народы (в отличие от «народа», под которым понимается совокупное население государства)

имеют право на использование природных богатств и иных ресурсов, чтобы не лишиться средств к существованию. Кроме того, в этом решении впервые подчеркивается взаимосвязь земельных прав коренных народов и общих интересов охраны окружающей среды, поскольку представители коренных народов вносят большой вклад в охрану природы [13, с. 12].

Впоследствии Межамериканский суд по правам человека повторил и развил основной вывод о том, что необходимым следствием неотъемлемой связи коренных народов с их землями является наличие у них прав на исторические территории⁸. Например, в решении по делу «Община Савоямакса против Парагвая» подтверждается, что «культура членов коренных народов отражает особый образ жизни, ... отправной точкой которого является их тесная связь со своими традиционными землями и природными ресурсами, не только потому, что они являются их основным средством существования, но и потому, что они составляют часть ... их культурной самобытности»⁹. Именно по этим причинам, по мнению судей МАСПЧ, община установила право на свою землю, поскольку от этого зависит право представителей общины на жизнь.

Кроме того, широкий резонанс получило дело «Община Киломбола из Алкantara против Бразилии»¹⁰, которое МАСПЧ начал рассматривать в 2023 г. Из-за строительства космодрома, начавшегося в 1980-х гг., правительство Бразилии переселило сотни представителей общины киломбола с земель, на которых они, согласно документам, проживали с XVI в. В рамках разбирательства выяснилось, что государством-ответчиком был нарушен целый ряд прав человека представителей общины киломбола. Помимо экспроприации и принудительного переселения, потеря территории повлияла на право сотен представителей киломбола на культуру, достаточное питание, свободное передвижение, образование, здравоохранение, элементарные санитарные условия и транспорт.

Стоит отметить, что в деле «Народ Сарاماка против Парагвая» были установлены критерии допустимого ограничения прав собственности на землю: они должны быть (а) ранее установленные законом; (б) необходимые; (с) пропорциональные; и (д) направленные на достижение законной цели в демократическом обществе»¹¹.

Совокупность обстоятельств приводит к большому разрыву между официальным признанием и фактическим

- 8 Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Sawhoyamaya Indigenous Community v. Paraguay: Judgment of March 29, 2006 (merits, reparations and costs)”, Series C, No. 146, para. 118. For adjacent rulings, see, for example, Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Yakye Axa Indigenous Community v. Paraguay, Judgment of June 17, 2005 (merits, reparations and costs)”, Series C, No. 125, para. 135; Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Kichwa Indigenous People of Sarayaku v. Ecuador, Judgment of June 27, 2012 (merits and reparations)”, Series C, No. 245.
- 9 Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Sawhoyamaya Indigenous Community v. Paraguay: Judgment of March 29, 2006 (merits, reparations and costs)”, Series C, No. 146, para. 118.
- 10 Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Quilombolas Communities of Alcântara v. Brasil”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.corteidh.or.cr/docs/tramite/comunidades_quilombolas_de_alcantara.pdf (дата обращения: 05.08.2024 г.)
- 11 Inter-American Court of Human Rights, “Case of the Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname: Judgment of November 25, 2015 (merits, reparations and costs)”, Series C, No. 309, para. 122. Примечательно, что Межамериканский суд по правам человека ссылается на статью 1.2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, подтверждая тем самым, что право на самоопределение, которым пользуются коренные народы, является общепризнанным в международном праве, в отличие от земельного права, присущего только коренным народам.

7 Inter-Am. C.H.R., The Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua, Judgment of Aug. 31, 2001.

осуществлением прав на землю. Одним из основных препятствий является недостаточное закрепление прав собственности и ограничений на землепользование на национальном уровне. Уже достаточно давно отмечается, что в разных регионах мира многие коренные народы лишены или могут лишиться своих прав на землю «из-за расплывчатости положений о правах собственности, которые нередко не находят адекватного закрепления в национальных законах» [14, с. 81]. Процедурные препятствия на пути установления прав владения, такие как сложные и длительные процессы демаркации и оформления прав собственности, налагают на общины огромное бремя или делают их требования открытыми для оспаривания иными лицами с конкурирующими интересами, например, сельскохозяйственными компаниями, что приводит к утрате доступа к землям, на которых они проживали в течении столетий. Это усугубляется неэффективностью институтов, которые призваны обеспечивать соблюдение и защиту прав коренных народов.

Подводя итоги, необходимо ещё раз подчеркнуть, что международно-правовое регулирование прав коренных народов не лишено недостатков, однако находится в процессе развития. Принятие в 2007 г. Декларации ООН о правах коренных народов прояснило основные контуры системы прав коренных народов. Среди них особо следует выделить права на земли, территории и ресурсы, которыми они обладают в соответствии с международным правом. Признание указанных прав может способствовать политической стабильности, экономическому росту и устойчивому развитию на глобальном уровне, оно также несет в себе пользу для экологии, поскольку было отмечено, что признание прав коренных народов на земли, территории и ресурсы способствует защите экосистем, водных путей, биологического разнообразия и общему сохранению природных ресурсов.

Пристатейный библиографический список

- Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. – 2004. – № 1. – С. 55-75.
- Алисиевич Е. С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве [Текст]: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2012. – 431 с.
- Ананидзе Ф. Р. Международно-правовые проблемы защиты прав коренных народов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 – Москва, 1996. – 190 с.
- Бабин Б. В. Право на развитие как глобальное право: международное и национальные измерения // Международное право. – 2013. – № 2. – С. 67-84.
- Волкова Н. В. Защита культурных прав определенных групп населения: международно-правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 154-161.
- Гарипов Р. Ш. Защита прав коренных народов в рамках межамериканской системы защиты прав человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2010. – № 1. – С. 25-28.
- Жукова Е. В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов как объект правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 153-163.
- Копылов М. Н., Солнцев А. М. Экологические права в системе международно-признанных прав человека // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 23-32.
- Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. – М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2010. – 560 с.
- Международная защита прав человека: учебник / А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин, Е. С. Алисиевич [и др.]; под ред. А. Х. Абашидзе. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РУДН, 2020. – 510 с.
- Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник / А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, А. М. Солнцев. – М.: РУДН, 2015. – 572 с.
- Нурмухаметова Э. Ф. Экологические права народов: понятие, сущность виды // Московский журнал международного права. – 2001. – № 3. – С. 183-198.
- Парра Вера О., Тарре Мосер П. Обзор судебной практики Межамериканского Суда по правам человека за 2015 год // Международное правосудие. – 2016. – № 2 (18). – С. 3-16.
- Права человека и вызовы XXI века / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. А. Белоусова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – 412 с.
- Anaya J. Indigenous peoples' participatory rights in relation to decisions about natural resource extraction: the more fundamental issue of what rights indigenous peoples have in lands and resources // *Ariz. J. Int'l & Comp. L.* – 2005. – Т. 22. – С. 7-17.
- Anaya S. J., Grossman C. The case of *Awas Tingni v. Nicaragua*: a step in the International Law of Indigenous Peoples // *Ariz. J. Int'l & Comp. L.* – 2002. – Т. 19. – С. 1-15.
- Feiring B. Indigenous peoples' rights to lands, territories and resources // *International Land Coalition, Rome.* – 2013. – Т. 94. – С. 12-21.
- Oloka-Onyango J. Heretical Reflections on the Right to Self-Determination: Prospects and Problems for a Democratic Global Future in the New Millennium // *Am. U. Int'l L. Rev.* – 1999. – Т. 15. – С. 151-208.
- Smis S., Cambou D., Ngende G. The Question of Land Grab in Africa and the Indigenous Peoples' Right to Traditional Lands, Territories and Resources // *Loy. LA Int'l & Comp. L. Rev.* – 2012. – Т. 35. – С. 493-534.

МАМЕДОВА Рубабе Ашрафовна

докторант, Бакинский государственный университет

ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ЕСПЧ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ: ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД К ЗАЩИТЕ ОТ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

В данной статье рассматривается интеграция Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) с международными правовыми инструментами, такими как Протокол Палермо и Конвенция Совета Европы, с целью создания комплексной структуры для борьбы с торговлей людьми. Подчеркивается важность многоаспектного подхода, включающего профилактику, защиту жертв, преследование преступников и международное сотрудничество. Защита прав человека, предусмотренная ЕКПЧ, дополняется конкретными мерами по борьбе с торговлей людьми, изложенными в Протоколе Палермо и Конвенции Совета Европы, которые предлагают детализированные стратегии по снижению уязвимости к торговле людьми, поддержке жертв и усилению трансграничного сотрудничества. Синтезируя эти правовые инструменты, государства могут разработать более эффективные меры борьбы с торговлей людьми, обеспечив подход, ориентированный на жертв, и усиливая меры по противодействию транснациональной природе этого преступления.

Ключевые слова: торговля людьми, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), протокол Палермо, защита жертв, международное сотрудничество.

MAMEDOVA Rubaba Ashraf

doctoral student, Baku State University

INTEGRATING ECHR JURISPRUDENCE AND INTERNATIONAL LEGAL INSTRUMENTS: A HOLISTIC APPROACH TO HUMAN TRAFFICKING PROTECTION

This article explores the integration of the European Convention on Human Rights (ECHR) with international legal instruments, such as the Palermo Protocol and the Council of Europe Convention, to create a comprehensive framework for combating human trafficking. It emphasizes the importance of a multi-faceted approach that includes prevention, victim protection, prosecution, and international cooperation. The ECHR's human rights protections are complemented by the specific anti-trafficking measures outlined in the Palermo Protocol and the Council of Europe Convention, which provide detailed strategies for reducing trafficking vulnerabilities, supporting victims, and enhancing cross-border cooperation. By synthesizing these legal instruments, states can develop more effective responses to human trafficking, ensuring a victim-centered approach and strengthening efforts to address the transnational nature of the crime.

Keywords: human trafficking, European Court of Human Rights (ECHR), Palermo Protocol, victim protection, international cooperation.

Introduction

Human trafficking is a severe violation of human rights affecting millions worldwide, regardless of age, gender, or nationality. It manifests in forms like sexual exploitation and forced labor, severely violating personal freedom and dignity. Despite global efforts, combating trafficking remains a complex challenge. Addressing this issue requires integrating international and regional legal frameworks, including the European Convention on Human Rights (ECHR), the Palermo Protocol, and the Council of Europe Convention. These instruments form the foundation of the global legal response. This article examines how the ECHR's rulings, along with other key instruments, can be combined to protect victims and prevent trafficking, strengthening and complementing international law for a unified approach.

The ECHR and its Jurisprudence on Human Trafficking

The European Convention on Human Rights (ECHR), a legally binding treaty for all 47 Council of Europe member states, plays a pivotal role in safeguarding the human rights of individuals within its jurisdiction. The Convention mandates that governments uphold a broad range of civil, political, economic, and social rights, with particular emphasis on Articles 3 and 4. Article 4 prohibits slavery and forced labor, while Article 3 forbids torture, inhuman, or degrading

treatment, both of which are directly relevant to cases of human trafficking¹.

A key case in this area is *Rantsev v. Cyprus and Russia* (2010), which was crucial in shaping the understanding of Article 4 and outlining state obligations related to trafficking. The ECtHR ruled that states are required to adopt proactive measures to prevent trafficking and protect potential victims. The judgment highlighted the importance of combining criminal law measures with victim support services to ensure that trafficking victims are adequately protected².

Case law analysis highlights challenges in addressing trafficking, particularly in labor exploitation. These challenges arise from gaps in understanding forced labor trafficking (THB), lack of comparative knowledge, and inadequate training. Victims often come from labor-intensive, poorly regulated sectors like agriculture, domestic work, construction, and mining, which are marked by "3D" jobs—dangerous, dirty, and difficult—offering low wages and minimal skill requirements.

International case law further highlights that trafficking for forced labor predominantly occurs in sectors such as domestic work, agriculture, construction, entertainment, and manufacturing. Traffickers use a variety of recruitment methods,

¹ European Convention on Human Rights. Strasbourg, 1950. Article 3, 4.

² European Court of Human Rights (ECtHR). *Rantsev v. Cyprus and Russia* Application No. 25965/04. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2010.

including leveraging personal relationships, employing intermediaries, making false promises of good working conditions, or recruiting victims directly through job offers, including online platforms³.

ECHR case law has underscored several key factors when evaluating forced labor situations, such as the employee's ability to escape the employer's control, restrictions on freedom of movement, non-payment of wages, physical and psychological violence, excessive working hours, and substandard living conditions that compromise human dignity. These elements often serve as critical evidence. In many instances, the working conditions and wages offered appeared plausible given the victims' circumstances and backgrounds.

The European Court of Human Rights (ECtHR) emphasizes that "forced labor" entails physical or mental coercion. The term "compulsory" refers specifically to labor demanded under threat of penalty and performed against the individual's will, as established in the *Van der Musselle v. Belgium* case. When determining whether labor constitutes "forced or compulsory labor," the Court evaluates all aspects of the case, focusing on the purpose of Article 4 and whether the labor goes beyond typical professional expectations, including whether the services are compensated and if the burden is disproportionate⁴.

GRETA's 4th General Report highlights that labor exploitation is often under-recognized, leading to a low number of identified victims. It suggests enhancing labor inspections in high-risk industries, such as agriculture, construction, and domestic work, and holding corporations accountable for trafficking crimes due to inadequate oversight. A significant challenge is that many forced labor cases are treated as labor violations rather than criminal acts. Employers may only face penalties for minor labor violations, such as safety breaches or unpaid wages, instead of prosecution for forced labor or trafficking⁵.

The ILO's Forced Labour Convention defines forced labor as any work demanded under threat of penalty where the individual has not voluntarily agreed to it⁶. The threat of punishment can involve psychological manipulation or loss of rights, rather than direct physical violence. Distinguishing between regular labor rights violations and forced labor is often difficult due to the absence of a clear definition of labor exploitation. Many cases of trafficking for forced labor fail because victims change their testimonies or fail to provide consistent evidence, affecting the outcome of the case.

The ILO's latest documents call on states to uphold the rights of domestic workers and eliminate all forms of forced labor in this sector. In *Silladin v. France*, the Court ruled that the victim was held in servitude, and France violated its obligations to prevent slavery and forced labor by failing to provide adequate protection for the victim⁷. The 1926 Slavery Convention and later legal frameworks expanded the understanding of slavery to include

contemporary forms of trafficking⁸. Even if conditions like food and housing are met, if an individual's freedom is restricted by force, it still constitutes slavery. The 1956 Supplementary Convention also prohibits debt bondage, serfdom, and practices similar to slavery, which are often exploited in trafficking cases⁹.

The Supplementary Slavery Convention of 1956 prohibits all slavery-like practices, including debt bondage and forced marriage¹⁰. Debt bondage occurs when a debtor offers personal services as collateral for a debt, but the value of these services does not reduce the debt, or the terms of the services are unclear. Forced marriage involves a woman being given in marriage without the right to refuse, often in exchange for money or goods. This aligns with the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), which guarantees marriage only with the "free and full consent" of the parties involved.

The illegal confinement of women and girls in brothels or forced marriages contributes to slavery-like conditions, where they are unable to leave their environment and often cannot communicate with anyone outside. This situation may be facilitated or condoned by law enforcement or other authorities. The combination of debt bondage and illegal confinement in forced prostitution constitutes forced labor.

While the UN Trafficking Protocol and the CoE Convention do not specifically address "begging," the EU Directive 2011/36/EU includes forced begging as a form of exploitation, equating it to forced labor or services as defined in the 1930 ILO Convention No. 29 on Forced or Compulsory Labor¹¹. Thus, exploiting individuals for begging is considered trafficking in persons when it meets the criteria for forced labor or services.

International Legal Frameworks on Human Trafficking

International legal instruments stress the importance of criminal prosecution and the protection of human rights, with particular attention to supporting and safeguarding victims, especially children, through a gender-sensitive lens. There is a strong emphasis on strengthening both regional and international cooperation. The European Commission underscores the need to update international legal frameworks, as trafficking methods are constantly evolving¹². The links between trafficking and other crimes, such as migrant smuggling, terrorism, corruption, drug trafficking, cybercrime, child sexual abuse, financial crimes, and document fraud, are increasingly interwoven. These illicit activities generate substantial profits and are perpetuated by a network of actors, some of whom may be unaware of their roles in the trafficking chain.

Beyond the European Court of Human Rights (ECHR), various international legal instruments address human trafficking, setting out frameworks for cooperation and placing

3 Ibidem.

4 European Court of Human Rights (ECtHR), *Van der Musselle v. Belgium*, Application No. 8919/80, Judgment of 23 November 1983, paras. 33-34.

5 GRETA, *4th General Report of the Group of Experts on Action against Trafficking in Human Beings* (Council of Europe, 2019), 15-17.

6 International Labour Organization (ILO). 2014 Protocol to Convention No. 29 on Forced Labour. Geneva: International Labour Organization, 2014.

7 United Nations. *Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery*, 1956.

8 United Nations. *Slavery Convention*, 1926. Treaty Series, Vol. 60, p. 254.

9 United Nations. *Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery*, 1956.

10 Ibidem.

11 European Union. *Directive 2011/36/EU of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on Preventing and Combating Trafficking in Human Beings and Protecting Its Victims*. Official Journal of the European Union.

12 European Commission. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions on a New EU Strategy to Combat Human Trafficking*. COM171 final. 2021.

legal obligations on states to protect and assist victims, prosecute traffickers, and prevent trafficking.

The *Palermo Protocol* (formally the *Protocol to Prevent, Suppress, and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children*) was the first international legal document to establish a universally accepted definition of human trafficking. It laid the foundation for global action on trafficking by defining key terms and setting standards for anti-trafficking efforts. The protocol's implementation is further detailed in the *Legislative Guide for the United Nations Convention against Transnational Organized Crime* (UNTOC) and its related protocols. Specifically, the *Legislative Guide for the Protocol on trafficking in persons* provides detailed instructions for enforcing its provisions¹³.

Under Article 32 of the UNTOC, the Conference of the Parties was established to enhance member states' capabilities to combat transnational organized crime and monitor the implementation of the Convention. This includes creating review mechanisms. Articles 1 of the Palermo Protocol and 37 of the UNTOC clarify the relationship between these instruments, ensuring that trafficking offenses, as outlined in Article 5 of the Protocol, are part of the broader provisions of the Convention, which covers areas like international cooperation, money laundering, corporate liability, and prosecution. States are required to align their national legislation with these provisions¹⁴. Importantly, prosecutors are not required to prove the transnational nature or the involvement of organized criminal groups in domestic trafficking cases, allowing for the prosecution of internal trafficking or cases with a single perpetrator.

The European Union has developed a robust legal and policy framework to combat human trafficking. *Directive 2011/36/EU* outlines measures to prevent and combat trafficking, with a focus on victim protection and criminal justice¹⁵. This directive is part of a broader global effort that includes actions in countries of origin and transit, aimed at raising awareness, reducing vulnerabilities, and providing victim support. The *EU Strategy to Eradicate Trafficking in Human Beings* identifies key priorities such as disrupting organized crime networks, ensuring victims' rights, and fostering coordinated responses across member states.

The Council of Europe's *2004 Directive on residence permits for third-country nationals who are victims of trafficking* provides a legal pathway for victims to remain in the EU¹⁶. This directive incentivizes cooperation with authorities and provides access to legal support, healthcare, and other assistance, along with a reflection period that allows victims time to decide whether to cooperate with authorities.

The *Council of Europe's Convention on Action against Trafficking in Human Beings* (CETS 197) is a legally binding instrument that focuses on victim protection and promoting human dignity¹⁷. It emphasizes gender equality and a rights-based approach and applies to all forms of trafficking,

whether national or transnational, and whether related to organized crime. The Convention mandates protections for victims and witnesses, and criminal measures for effective prosecution. Compliance with the Convention is monitored by the *Group of Experts on Action against Trafficking in Human Beings* (GRETA), which evaluates countries' implementation and suggests improvements.

Integrating ECHR Jurisprudence with International Legal Frameworks

The integration of the European Court of Human Rights (ECHR) jurisprudence with international frameworks, such as the Palermo Protocol and the Council of Europe Convention, strengthens the protection for trafficking victims, offering a more comprehensive and coordinated approach to tackling human trafficking. This synergy ensures a multifaceted global response to trafficking, with each legal instrument enhancing the effectiveness of the others.

Prevention is a key focus in the fight against trafficking. The European Court of Human Rights (ECHR), the Palermo Protocol, and the Council of Europe Convention emphasize preventive measures like public awareness, education, and addressing root causes of vulnerability. ECHR jurisprudence requires states to take proactive steps, not just react to trafficking, by implementing strategies to identify risks and reduce vulnerabilities. The Palermo Protocol and the Council of Europe Convention complement this by offering measures such as training for law enforcement and public officials, promoting early detection, and encouraging preventive actions in national policies and laws¹⁸.

Victim protection is a critical aspect of both the ECHR and the broader international legal framework. The ECHR consistently underscores the obligation of states to provide trafficking victims with the necessary protection to recover from their trauma, which includes access to shelter, healthcare, legal support, and other essential services. The Court's approach extends beyond immediate physical safety, emphasizing long-term rehabilitation and reintegration into society.

Human trafficking is a transnational issue that demands international cooperation. Both the ECHR and global legal instruments stress the necessity of cross-border collaboration in preventing trafficking, investigating crimes, and protecting victims. The ECHR's case law reinforces the duty of states to cooperate with one another in these areas. This duty is echoed in the Palermo Protocol, which advocates for mutual legal assistance, intelligence sharing, and joint investigations¹⁹.

The Council of Europe Convention further enhances the framework for cooperation by mandating that member states exchange information and assist each other in addressing trafficking. This collective approach strengthens the ability of states to tackle the transnational nature of human trafficking, improving the prospects for successful prosecutions and dismantling trafficking networks²⁰.

13 United Nations. *Protocol to prevent, suppress and punish trafficking in persons, especially women and children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime* (UN Doc. A/55/383). 2000.

14 Ibidem.

15 European Union. *Directive 2011/36/EU of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on Preventing and Combating Trafficking in Human Beings and Protecting Its Victims*.

16 Council of Europe. *Directive on Residence Permits for Third-Country Nationals Who Are Victims of Trafficking*. 2004.

17 Council of Europe. *Convention on Action Against Trafficking in Human Beings* (CETS No. 197). 2005.

18 Ibidem. Also, United Nations. *Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children*, 2000; European Court of Human Rights. *Case of Rantsev v. Cyprus and Russia*, 2010.

19 Ibidem.

20 Ibidem.

Conclusion

In conclusion, combating human trafficking requires an integrated approach that combines international legal frameworks with human rights protections. The European Convention on Human Rights (ECHR), the Palermo Protocol, and the Council of Europe Convention form a cohesive framework focused on prevention, victim protection, prosecution, and international cooperation. By aligning the ECHR's human rights principles with the anti-trafficking measures in the Palermo Protocol and the Council of Europe Convention, a more effective legal structure is created.

Prevention is emphasized in all three instruments, with proactive measures such as public awareness, education, and early identification of vulnerable groups. Victim protection is central, with the ECHR ensuring immediate safety and long-term rehabilitation, while the Palermo Protocol and Council of Europe Convention outline specific rights like access to shelter and compensation.

Given trafficking's transnational nature, international cooperation is crucial. These instruments foster cross-border collaboration in prevention, investigations, and victim support, strengthening states' efforts to combat trafficking networks. The integration of these frameworks provides a comprehensive strategy that enhances legal responses to trafficking, ensuring effective protection and support for victims. As trafficking methods evolve, continued cooperation among these legal instruments will remain essential.

References

1. European Convention on Human Rights. Strasbourg, 1950. Article 3, 4.
2. European Court of Human Rights (ECtHR). *Rantsev v. Cyprus and Russia* (2010), Application No. 25965/04. Strasbourg: European Court of Human Rights. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.echr.coe.int> (accessed: 1 October 2024).
3. European Court of Human Rights (ECtHR). *Van der Mussel v. Belgium*, Application No. 8919/80, Judgment of 23 November 1983, paras. 33-34.
4. GRETA. 4th General Report of the Group of Experts on Action Against Trafficking in Human Beings (Council of Europe, 2019), 15-17. [Electronic resource]. – Access mode: <https://rm.coe.int/greta-2019-4-general-report/168098e62d> (accessed: 2 November 2024).
5. International Labour Organization (ILO). 2014 Protocol to Convention No. 29 on Forced Labour. Geneva: International Labour Organization, 2014. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312174 (accessed: 12 November 2024).
6. United Nations. Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery, 1956. Accessed 3 November. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ohchr.org>.
7. United Nations. Slavery Convention, 1926. Treaty Series, Vol. 60, p. 254. Accessed 12 October 2024. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ohchr.org>.
8. United Nations. Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices

Similar to Slavery, 1956. Accessed 12 November 2024. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ohchr.org>.

9. European Union. Directive 2011/36/EU of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on Preventing and Combating Trafficking in Human Beings and Protecting Its Victims. Official Journal of the European Union, L 101/1. Accessed 30 October. [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu>.
10. European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions on a New EU Strategy to Combat Human Trafficking. COM (2021) 171 final. Accessed 7 November. [Electronic resource]. – Access mode: <https://ec.europa.eu>.
11. United Nations. Protocol to Prevent, Suppress, and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime (UN Doc. A/55/383). United Nations. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CTOC/>.
12. Council of Europe. Directive on Residence Permits for Third-Country Nationals Who Are Victims of Trafficking. 2004. Accessed 1 October. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.coe.int>.
13. Council of Europe. Convention on Action Against Trafficking in Human Beings (CETS No. 197). 2005. Accessed 10 November. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/197>.

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна

студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МАХОНИН Данила Дмитриевич

студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

УСАЧЕВ Александр Сергеевич

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6124-40.04.01 юсдоп «Юридическое сопровождение деятельности органов публичной власти и представительство в суде», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ О ВЗАИМНОЙ ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются международные соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений как важный механизм, способствующий развитию международных экономических отношений. Особое внимание уделяется роли этих соглашений в создании правовых рамок, защищающих интересы иностранных инвесторов и способствующих увеличению прямых иностранных вложений в страны-реципиенты. В статье приведены нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения, возникающие в связи с осуществлением инвестиций на основании соглашения о защите и поощрении капиталовложений. Также проанализировано влияние геополитической ситуации на развитие инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: международные соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений, международные экономические отношения, мировая экономика, инвестиционная деятельность, инвестиционный климат, капиталовложения, страны-реципиенты, геополитическая ситуация, Специальная военная операция (СВО).

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

USACHEV Alexander Sergeevich

magister student of the 1st course in the field of training M6124-40.04.01usdop "Legal support of the activities of public authorities and representation in court", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

INTERNATIONAL AGREEMENTS ON MUTUAL PROTECTION AND PROMOTION OF CAPITAL INVESTMENTS AS A KEY ELEMENT IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

The article considers international agreements on mutual protection and promotion of capital investments as an important mechanism contributing to the development of international economic relations. Particular attention is paid to the role of these agreements in creating a legal framework that protects the interests of foreign investors and contributes to the increase of foreign direct investment in recipient countries. The article presents normative and legal acts of the Russian Federation regulating the relations arising in connection with the implementation of investments on the basis of the agreement on the protection and promotion of capital investments. The influence of the geopolitical situation on the development of investment activity is also analyzed.

Keywords: international agreements on mutual protection and promotion of capital investments, international economic relations, world economy, investment activity, investment climate, capital investments, recipient countries, geopolitical situation, Special Military Operation (SMO).

Инвестиции способствуют экономическому росту, обеспечивают благоприятный финансовый климат страны, являются дополнительным источником капиталовложений в национальное производство товаров, работ и услуг. Обеспечение благоприятного инвестиционного климата в РФ является вопросом государственной важности, от реализации которого зависят социально-экономическая динамика, эффективность участия в международных экономических процессах, повышение инновационного потенциала страны и возможности модернизации на этой основе национальной экономики. Проблема привлечения иностранных инвестиций в отечественную экономику существует уже многие годы и продолжает сохранять свою значимость и до настоящего времени. Связано это с рисками заморозки средств

иностранцев на территории РФ, их возможной национализации в связи с существующей в мире геополитической напряженностью.

Россия, являясь крупнейшей страной с переходной экономикой, относится экспертами Всемирного банка к «возникающим рынкам». В 1990-е гг., с началом экономических реформ, наша страна активно привлекала иностранный капитал. За прошедший период отмечаются принципиальные изменения в масштабах и формах участия страны в международном движении капитала: устранены идеологические ограничения на привлечение зарубежных капиталов, созданы правовая и законодательная основы иностранного инвестирования, определен механизм регулирования иностранных капиталовложений на федеральном и региональных.

Так, например, в 2023 году на Восточном Экономическом Форуме губернатор Сахалинской области Валерий Лимаренко и председатель совета директоров компании «Шоунент управление инвестициями» Юй Чжихай (КНР) подписали соглашение о реализации крупного инвестиционного проекта¹. Китайская компания вложит 20 млрд рублей в развитие компаний на территории трех муниципальных образований. В Тымовском районе инвестор создаст современное лесоперерабатывающее производство. В Александровск-Сахалинском районе будет создан морской универсальный многофункциональный перегрузочный комплекс, а также организована добыча угля. В Южно-Сахалинске появится крупный логистический центр. В рамках проекта работу получают 400 жителей региона. Инвестор, заключая международные соглашения, задумывается не только об извлечении прибыли, но и защите вложенных средств. В связи с этим в международной практике получил распространение механизм защиты капиталовложений.

Международные соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений представляют собой двусторонние или многосторонние соглашения, заключаемые между государствами и направленные на защиту прав инвесторов и их капиталовложений. Основными целями таких соглашений является создание условий для стимулирования прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что способствует экономическому росту и развитию стран, а также минимизация правовых и административных барьеров, с которыми могут столкнуться иностранные инвесторы.

Многосторонняя система гарантий инвестиций нашла свое отражение в Сеульской конвенции, подписанной 11 октября 1985 г. в Сеуле, Южная Корея². Этот документ был разработан с целью стимулирования и защиты иностранных инвестиций, а также обеспечения благоприятных условий для притока капитала в развивающиеся страны. Настоящая Конвенция стала основой для создания Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ), целью которого является защита иностранных инвесторов от политических рисков и экономических нестабильностей в странах-реципиентах инвестиций. МАГИ играет важную роль в содействии международным инвестициям, предлагая гарантии и механизмы, способствующие более безопасной инвестиционной среде. Однако, до создания Сеульской конвенции существовали и иные системы гарантий для защиты инвестиций. Появлению многосторонней системы гарантий инвестиций предшествовало создание и развитие государственных систем страхования экспорта капитала в промышленно развитых странах. Система гарантий в государствах – экспортерах капитала своих частных инвестиций за рубежом имеет целью защитить своих предпринимателей, осуществляющих инвестиции в других странах.

Еще одним международным документом, создание которого было инициировано Международным банком реконструкции и развития (МБРР) и имеющим в настоящее время широкое применение, является Вашингтонская конвенция

о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами³. Конвенция была подписана 18 марта 1965 года в Вашингтоне и вступила в силу 14 октября 1966 года. Она является одним из ключевых международных инструментов в области защиты иностранных инвестиций и разрешения связанных с ними споров. Настоящая Конвенция учредила Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. На сегодняшний день Конвенция подписана более чем 150 государствами, что подчеркивает ее важность и востребованность в международных экономических отношениях.

Экономически развитые государства стремятся заключать двусторонние международные соглашения о защите и поощрении капиталовложений для создания благоприятного инвестиционного климата в своих странах. Россия не является исключением: на сайте Министерства экономического развития РФ можно найти перечень заключенных соглашений между Правительством РФ и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений⁴. Всего заключено 82 соглашения, российской (советской) стороной выполнены внутригосударственные процедуры в отношении 70 соглашений, действуют 65 соглашений. Также мерой, обеспечивающей взаимную защиту капиталовложений, является закрепление норм, касающихся привлечения иностранных инвестиций, в национальном законодательстве. Так, например, в ФЗ от 25.02.1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»⁵ нашли закрепление положения о защите законом в равной степени всех капитальных вложений вне зависимости от форм собственности, объема, юридической принадлежности инвестора. Также в ФЗ от 01.04.2020 года «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»⁶ введен новый вид инвестиционного соглашения – соглашение о защите и поощрении капиталовложений, установлены параметры использования инвесторами «стабилизационной оговорки».

Значительное влияние на развитие инвестиционной деятельности как на уровне отдельных стран, так и на международной арене оказывает геополитическая ситуация. Изменения в политических отношениях, военные конфликты, экономические санкции и другие геополитические факторы могут существенно изменить инвестиционный климат, оказывая как позитивное, так и негативное воздействие на прямые иностранные инвестиции. С момента введения в отношении России санкций после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в зарубежных странах были заморожены российские активы на 500

1 SAKHALIN.KP.RU: статья «Инвестор из Китая вложит 20 миллиардов рублей в развитие производств на Сахалине» от 12.09.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakhalin.kp.ru/online/news/5448932/> (дата обращения: 01.10.2024).

2 Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (ратифицирована постановлением Верховного Совета РФ от 22 декабря 1992 года № 4186-1). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900505> (дата обращения: 06.09.2024).

3 Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения: 20.09.2024).

4 Министерство экономического развития РФ: Перечень соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/ (дата обращения: 06.09.2024).

5 Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ.

6 Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» от 01.04.2020 № 69-ФЗ.

миллиардов долларов. В свою очередь РФ приняла ответные меры, запретив вывод иностранных инвестиций из страны. Государство, заморозившее активы другого государства, не приобретает права собственности на эти активы. Ограничения носят временный характер и при устранении препятствий в виде санкций иностранные капиталовложения подлежат «разморозке». Так, например, Власти Швейцарии разблокировали связанные с РФ активы на 290 млн швейцарских франков (около \$318 млн) в 2023 году из-за снятия санкций ЕС с ряда лиц, а также после уточнения происхождения некоторых средств. Государственный секретариат экономики Швейцарии сделал следующее заявление: «Разблокированы ранее замороженные по соображениям предосторожности активы стоимостью 140 млн швейцарских франков, поскольку расследование показало, что юридические основания для их заморозки не были соблюдены». «Разморозка» активов во многом связан с отсутствием легального способа их конфискации. Законодательство зарубежных стран не предусматривает правовых норм, разрешающих государству присвоить чужой капитал. Аналогичная ситуация обстоит и в Российской Федерации. Отсутствие стабильности в вопросе «заморозки-разморозки» частных активов, ситуативное принятие финансовых решений, непредсказуемость рынка ценных бумаг создают непривлекательный облик государства для потенциальных иностранных инвесторов. Сложившаяся геополитическая ситуация в значительной степени снижает уровень доверия к России для иностранных инвесторов, они не хотят рисковать своим капиталом из-за возможных последствий в виде невозможности вывода средств, фиксации убытков. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) одобрила резолюцию о переводе замороженных российских активов на восстановление Украины⁷. Хотя это решение и носит рекомендательный характер, но вопрос о возможности передачи капиталовложений за 2 года поднимался неоднократно. Предположим, что данная передача активов произойдет, это повлечет за собой снижение уровня доверия к стране, допустившей нарушение международно-правовых договоренностей, подрыву устоявшихся экономических связей, экономической стагнации из-за снижения интереса со стороны иностранных инвесторов, поэтому при ныне существующих международно-правовых нормах подобные действия считаются недопустимыми и могут повлечь неблагоприятные последствия для страны-нарушителя.

Таким образом, международные соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений играют ключевую роль в поддержке и развитии мировой экономики. Они не только являются необходимой гарантией для привлечения иностранных инвестиций, но и создают основу для развития международных экономических отношений. В контексте возрастающей глобальной экономической интеграции и взаимозависимости, актуальность и эффективность таких соглашений становятся все более важными для достижения устойчивого экономического роста и долгосрочного развития различных государств.

Пристатейный библиографический список

1. Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (ратифицирована постановлением Верховного Со-

7 Tass.ru: статья «ПАСЕ поддержала использование замороженных активов РФ для помощи Украине» от 16.04.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/20565279> (дата обращения: 06.09.2024).

- вета РФ от 22 декабря 1992 года № 4186-1). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900505> (дата обращения: 06.09.2024).
2. Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения: 20.09.2024).
3. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ.
4. Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» от 01.04.2020 № 69-ФЗ.
5. Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ.
6. Постановлением Верховного Совета РФ от 22 декабря 1992 года № 4186-1 «О ратификации Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций».
7. Постановление Правительства РФ от 13 октября 1995 г. № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации» (с изменениями от 27 декабря 1995 года).
8. Министерство экономического развития РФ: Перечень соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_ivzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/ (дата обращения: 06.09.2024).
9. Петрова Г. В. Международное частное право: учебник для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – С. 174-185.
10. Шевченко Л. М. История привлечения иностранных инвестиций в экономику РФ // Вестник ТГУ. – 2008. – № 5 (61). – С. 44-49.
11. Макшанцева Ю. С. Международные способы правовой защиты иностранных инвестиций // Вестник ОГУ. – 2011. – № 3 (122). – С. 78-82.
12. Tass.ru: статья «ПАСЕ поддержала использование замороженных активов РФ для помощи Украине» от 16.04.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/20565279> (дата обращения: 06.09.2024).
13. Tass.ru: статья «Швейцария разблокировала связанные с Россией активы на 290 млн франков» от 23.04.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/20622719> (дата обращения: 01.10.2024).
14. SAKHALIN.KP.RU: статья «Инвестор из Китая вложит 20 миллиардов рублей в развитие производств на Сахалине» от 12.09.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakhalin.kp.ru/online/news/5448932/> (дата обращения: 01.10.2024).

ТУЗОВ Николай Иванович

аспирант курса Международно-правовые науки очной формы обучения, Славяно-греко-латинская академия

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Научная статья посвящена анализу и обзору принципов, и тенденций нормативно-правового регулирования религиозного образования в международном пространстве. В статье религиозное образование рассматривается как способ предотвращения радикализации и экстремизма в результате духовного совершенствования общества. Религиозное образование рассматривается как одна из гарантий реализации основных прав и свобод человека, а также как путь к развитию международного образовательного взаимодействия между культурами, поддерживая диалог, сотрудничество и развитие гуманитарных контактов. Данное научное исследование включает в себя квинтэссенцию элементов международного развития образования, предлагая понимание сложного, но обязательного духовно-нравственного развития общества.

Ключевые слова: международное образование, религиозное образование, правовое регулирование, международные соглашения, образовательные инициативы, духовно-нравственное развитие.

TUZOV Nikolay Ivanovich

postgraduate student of the course International Legal Sciences full-time education, Slavic-Greek-Latin Academy

RELIGIOUS EDUCATION IN INTERNATIONAL LAW

The scientific article is devoted to the analysis and review of the principles and trends of legal regulation of religious education in the international space. In the article, religious education is considered as a way to prevent radicalization and extremism as a result of spiritual improvement of society. Religious education is considered as one of the guarantees of the implementation of fundamental human rights and freedoms, as well as a way to develop international educational interaction between cultures, supporting dialogue, cooperation and development of humanitarian contacts. This scientific study includes the quintessence of elements of international development of education, offering an understanding of the complex, but mandatory spiritual and moral development of society.

Keywords: international education, religious education, legal regulation, international agreements, educational initiatives, spiritual and moral development.

В современном образовании люди имеют возможность получить разные знания и навыки, однако будет тяжело использовать полученные знания для своего дальнейшего развития и блага общества, если неверно расставить приоритеты в развитии образования. Для гармоничного развития личности наряду с образованием, необходимо развивать нравственно-духовное образование, которое включает в себя содержание развития общечеловеческих ценностей, способствующих развитию высшей нравственно-духовной природы учащегося, и имеющий цель, становление человека совершенного характера, живущего в единстве мысли, слова, дела. Мировоззренческие основы совместного нравственно-духовного образования состоят в понимании мира и человека, как содержащего не только биологическую и социальную, но и высшую духовную природу, которая проявляется, как жизнь, движение, развитие, порядок и гармония. В сознании человека проявляется, как вечные общечеловеческие ценности [8, с. 13-15].

Страны ЕАЭС постепенно переходят от строгого понимания принципа светского обучения как полностью свободного от религиозных элементов. На его место приходит осмысленное использование религиозного образования для духовного прогресса общества. В законодательных актах, касающихся свободы совести, установлены основные принципы религиозного образования и прописаны нормы, определяющие деятельность духовных учебных заведений [1].

Государствам-членам ОДКБ рекомендовано включить в национальное законодательство профилактику религиозного экстремизма в образовательные системы как один из основных принципов борьбы с преступлениями на основе религиозной нетерпимости. Исполнительные органы власти в сфере образования должны реализовать в образовательных учреждениях программы воспитания, направленные на формирование у обучающихся устойчивого отрицательного отношения к идеям национальной, расовой и религиозной нетерпимости [3].

В современных условиях, когда экстремистская идеология порой распространяется под прикрытием религиозного образования, необходимо усилить контроль за образовательной деятельностью религиозных организаций (п. 3.4 Рекомендаций).

Для координации действий по профилактике экстремизма рекомендуется создавать постоянно действующие рабочие группы или общественные советы, состоящие из представителей органов государственной власти, местного самоуправления, священнослужителей традиционных конфессий, общественных деятелей и интеллигенции. Основной задачей этих групп станет мониторинг проявлений всех форм экстремизма и выработка согласованных предложений по их нейтрализации.

Государство может и должно обращаться к помощи религиозных организаций, которые более эффективно сохраняют духовно-нравственные ценности [7, с. 416].

Следует отметить, что во многих странах применяется принцип положительной нейтральности, который подразумевает, что правительство может оказывать поддержку религиозной деятельности, когда она служит социальным целям, а не исключительно религиозным. Этот принцип подразумевает признание культурной и государствообразующей ценности религии в истории страны, что, в свою очередь, приводит к поддержке значимых религиозных программ, включая инициативы в области образования.

Преподавание религии должно учитывать международные стандарты прав человека, для сохранения и развития языков, культур и религий. Включает принятие мер по защите этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности. Это особенно актуально с учетом многообразия культур и религий, в современном обществе.

Основываясь на Гаагских Рекомендациях, можно утверждать, что преподавание религиозных предметов должно осуществляться в рамках этнокультурного подхода. Это означает, что обучение должно быть организовано с учетом

конкретной этнокультурной среды и традиций, для формирования уважения к различным культурным и религиозным идентичностям. В этом контексте, для преподавания религии в российских школах, православная традиция может рассматриваться как этнокультурная основа, с учетом глубоких исторических и культурных корней в обществе [4, с. 91-97].

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. всеобщая декларация прав человека, является одним из основных международных документов. Статья 18 гарантирует право на свободу мысли, совести и религии, также в Статье 26 отмечено право на образование, которое должно «содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами». У родителей есть право выбирать вид образования для своих детей, религиозно или нравственно соответствующего их убеждениям. Всеобщая Декларация прав человека, явилась основой для последующих конвенций, с более высоким правовым статусом. К ним относятся: Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.). Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии, убеждений. Все эти документы признают свободу совести как основу прав личности [6, с. 304].

Так же, Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 25.11.1981 г. посвящена проблеме свободы совести. Она призывает помнить, что игнорирование и пренебрежение правами на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества; указывает на то, что свобода религии может и должна содействовать достижению целей всеобщего мира, социальной справедливости и дружбы между народами и призывает все государства принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений.

Сегодня существует возможность проведения занятий по изучению основ любой религиозной традиции. В основе лежит образовательный запрос граждан, семей и родителей учащихся. Необходимо соблюдение ряда общих требований, которые касаются функционирования системы образования [4]. На сегодняшний день перед педагогами поставлена задача по формированию уважительного отношения к традиционным религиозным ценностям, которые являются основой национальной духовности и идентичности. [4, с. 91-97].

На конференции «Религия и дипломатия», которая состоялась в Дипломатической академии в 2001 году, акцентировалось внимание на важности в создании справедливых и мирных отношений между странами, народами мира. Так же было подчеркнута, что религиозные деятели могут активно способствовать терпимости и воспитанию уважения к человеческой жизни как высшей ценности, что служит свидетельством роли религии в международных отношениях и развитии общества.

В Российской внешней политике одной из задач является создание и развитие духовного, и культурного пространства, духовно-нравственного развития человека. Данная задача реализуется, как через законодательное регулирование соответствующих сфер общественных отношений, образования, так и через международно-правовое сотрудничество.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» подразумевает включение в учебные программы предметов, которые должны помочь учащимся получить знания о духовно-нравственной культуре народов Российской Федерации, а также о исторических и культурных традициях мировых религий (ст. 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Так же, закон определяет недопустимость использования образовательной деятельности для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также для пропаганды исключительности или неполноценности отдельных групп граждан и распространения ложной информации об исторических и культурных традициях народов (ст. 12.2, 48).

Таким образом, религиозное образование актуализирует духовное лидерство, которое необходимо включать в рамки международной дипломатии, так как оно может вносить вклад не только в межгосударственные отношения, но и в решение сложных социальных и культурных конфликтов, подерживая принципы человеческого достоинства и уважения.

Альтернативой враждебной информационной экспансии должны стать образовательные и просветительские инициативы, а также совершенствование общеобразовательного процесса, целью которого является воспитание гражданственности на основе глубокого изучения исторически сложившихся культурных, религиозных и этнонациональных традиций, положительных нравственных и социальных установок, а также прогрессивных идеологических концепций, которые подчеркивают важность уважения к международным и национальным правовым нормам.

Становится очевидным, что многие страны, понимают важность духовно-нравственного прогресса общества, которое реализуется на базе образовательных организаций, но эффективность данного направления возможно лишь в гармонии со всем миром.

Пристатейный библиографический список

1. Козырин А. Н. Религиозное образование в государствах ЕАЭС: национальный и международный уровни правового регулирования // Ежегодник российского образовательного законодательства. - 2021. - № 16. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/91274/>
2. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов // Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е. - 2005. - 432 с.
3. Михеев Р. И., Владимиров Д. А. Роль религии в предупреждении антисоциальных явлений // Религия и право. - 1999 - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://lawlibrary.ru/article1047106.html?ysclid=m02s4ctb5l1936361265>.
4. Метлик И. В. Духовно-нравственное воспитание и формирование гражданской идентичности учащихся в современной российской школе // Нижегородское образование. - 2011. - № 4. - С. 91-97. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-i-formirovanie-grazhdanskoj-identichnosti-uchashchih-sya-v-sovremennoj-rossijskoj-shkole>.
5. Никифорова А. А. Международно-правовое регулирование права на образование // E-Scio. - 2021. - № 11 (62). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-prava-na-obrazovanie>.
6. Погасий А. К. Лекции по юридическому религиозоведению: учебное пособие // КФУ. - 2021. - 304 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F_1360580320/LEKcii_PO_YuR_RELIGIOV.____dlya_el_biblioteki_1.pdf.
7. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. - М., 2003. - 416 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.state-religion.ru/files/laicite1.pdf>.
8. Рахимжанова А. К., Ашкербекова Г. М., Кашауова Ж. Ж. Проблемы нравственно-духовного образования: пути их решения. Проблемы и перспективы развития образования // VI Междунар. науч. конф. - 2015. - С. 13-15. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008027712?ysclid=m02rf9p3pe122589566>.

БУЙВОЛ Елизавета Андреевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ТКАЧЕНКО Славяна Дмитриевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

КОНЦЕПЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКОЙ БИОТЕХНОЛОГИИ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Международные частноправовые отношения характеризуются высокой степенью свободы, что проявляется в возможности сторон выбрать применимое право и юрисдикционный орган. Правила ст. 1210 ГК РФ, закрепляющие выбор применимого права, имеют определенные особенности, как следствие, в договорной и судебной практике возникают сложности. Таким неоднозначным вопросом является возможность выбора применимого права к части контракта, получившим название в доктрине «юридическая биотехнология». Проблема заключается в отсутствии в ГК РФ определения части контракта, что значительно затрудняет сторонам возможность реализовать на практике положение п. 4 ст. 1210 ГК РФ. В результате, юрисдикционные органы вынуждены игнорировать некорректные соглашения сторон и определять применимое право на основе коллизионных норм. Избежать такой ситуации можно путем включения в закон определения части контракта.

Ключевые слова: коллизионная норма, международные контракты, компетентный правопорядок, юридическая биотехнология, международный договор.

BUIVOL Elizaveta Andreevna

4th year undergraduate student, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International, private and business law and entrepreneurial law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

TKACHENKO Slavyana Dmitrievna

4th year undergraduate student, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

THE CONCEPT OF «LEGAL BIOTECHNOLOGY» IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW

International private law relations are characterized by a high degree of freedom, which is manifested in the ability of the parties to choose the applicable law and the jurisdictional body. The rules of Art. 1210 of the Civil Code of the Russian Federation, which establish the choice of the applicable law, have certain features, as a result of which difficulties arise in contractual and judicial practice. Such an ambiguous issue is the ability to choose the applicable law to a part of the contract, which is called "legal biotechnology" in the doctrine. The problem lies in the absence of a definition of a part of the contract in the Civil Code of the Russian Federation, which significantly complicates the parties' ability to implement in practice the provisions of paragraph 4 of Art. 1210 of the Civil Code of the Russian Federation. As a result, jurisdictional bodies are forced to ignore incorrect agreements of the parties and determine the applicable law on the basis of conflict of laws rules. This situation can be avoided by including a definition of a part of the contract in the law.

Keywords: conflict of laws rule, international contracts, competent legal order, legal biotechnology, international treaty.

В доктрине международного частного права под «юридической биотехнологией» понимают совокупность различных правопорядков, применимых к части трансграничных отношений, вытекающих из международных контрактов. Впервые термин «юридическая биотехнология» применил А. А. Рубанов, который указывал, что правовая система государства является единым целым, и когда участники договора используют нормы различных государств, они фактически игнорируют это обстоятельство [1]. Концепция «юридической биотехнологии» была сформулирована А. А. Рубановым, однако исторический анализ показывает, что фактически определенные ее элементы применялись уже в средние века. Указанная концепция связана с тем, что стороны имеют право выбрать право, которое будет применяться к части договора, иначе суды сами определяют, какие акты будут применены к конкретному спору.

В. Л. Толстых также отмечал, что реализация указанной концепции на практике не способствует защите прав участников. При разрешении споров в такой ситуации судам приходится сталкиваться с различными сложностями, связанными с применением норм различных государств, что значительно увеличивает трудоемкость процесса определения компетентного правопорядка [2].

Нормативная регламентация возможностей применения норм различных правовых систем к международному контракту в настоящее время включена в международные и национальные акты. Так, например в 2015 г. были приняты «Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам», которые содержат правило о возможности выбора права к части контракта его сторонами. Аналогичное положение содержится в Принципах УНИДРУА, Европейских принципах договорного права. В ряде иностранных государств приняты законы о международном

частном праве, например в Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Польше, Швейцарии и других государствах, в которых закреплена возможность выбора права к определенной группе отношений, связанных с контрактом [3].

В науке имеются как противники, так и сторонники концепции «юридической биотехнологии». Анализ иностранного нормативного законодательства показал, что она в различной степени реализуется во многих государствах, применительно к трансграничным торговым, наследственным отношениям.

Необходимо отметить, что в советский период нормы, позволяющие выбрать право, применимое к сделкам с иностранным элементом, в законодательстве отсутствовали. В доктрине неоднократно обращалось внимание на недопустимость произвольного выбора права сторонами контракта, в том числе и к его части. В дальнейшем отечественный законодатель изменил свою позицию. Пункт 4 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что «стороны договора могут выбрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей». Иногда стороны могут указать, что к отношениям, связанным с договором применимо право нескольких государств, например, Российской Федерации и Кубы [4]. Однако, какое право применяется к конкретной части контракта сторонами не указано. Соответственно, суды оставляют такое соглашение о выборе права без внимания, и им придется определять компетентное право на основании коллизионных норм.

Иногда суды, при рассмотрении споров, приходят к выводу о том, что к конкретному договору необходимо применить правовые системы нескольких государств согласно соглашению сторон. Например, Арбитражный суд Омской области при рассмотрении спора, вытекающего из договора лизинга, пришел к выводу о том, что к вопросам взыскания неоплаченных лизинговых платежей необходимо применить шведское законодательство, а к вопросу изъятия имущества право Российской Федерации. Такое решение обусловлено тем, что стороны в договоре прямо определили возможность выбора применимого права к части контракта.

МКАС при ТПП РФ рассматривал спор между компаниями, которые находятся на территории Гонконга и России. Несмотря на то, что Гонконг территориально относится к Китаю, историческое развитие привело к тому, что Гонконг является особым районом, имеющим высокую степень автономии, является самостоятельной таможенной территорией, и, исходя из имеющихся особенностей, отношения между компаниями из России и Гонконга рассматриваются как отношения с иностранным элементом. Стороны указали, что к их отношениям применяется право Российской Федерации и Гонконга, а будущие споры может рассматриваться в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ. При рассмотрении дела арбитраж указал на то, что сторонами не было прямо исключено использование Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которая является элементом правовой системы России. При указанном подходе арбитрами были применены положения указанной Конвенции, а к вопросам, которые ею не регулируются, нормы российского права, как права страны продавца.

Некоторые исследователи закономерно предлагают включить в отечественное законодательство определение понятия части договора. Ученые называют ее «юридически отделимая часть договора» Они высказывают интересное мнение о том, что реализация конструкции юридической

биотехнологии на практике целесообразна при заключении международного контракта, который представляет собой единый документ, однако фактически состоит из нескольких самостоятельных соглашений, например договор лизинга [5]. Следует согласиться с указанным предложением.

Проведенный анализ отечественной судебной практики, а также решений МКАС при ТПП РФ показал, что стороны иногда выбирают применимое право к части международного контракта, при этом, определение части контракта в законодательстве отсутствует. Поэтому стороны нередко дробят логически завершенную часть контракта на еще более мелкие части, полагая, что они таким образом реализуют положения п. 4 ст. 1210 ГК РФ. Однако это не так, поэтому правоприменительные органы вынуждены игнорировать такой выбор сторон, приходя к выводу о возможности применения норм одного государства, определяя его с помощью коллизионных норм.

Теоретический и практический анализ концепции юридической биотехнологии, показал, что у этого института имеются, как положительные, так и отрицательные стороны. Его практическое применение требует качественной юридической техники, в результате которой в разд. VI ГК РФ должно появиться определение части контракта, как логически завершенного и автономного раздела договора. Суды игнорируют оговорку о применимом праве в том случае, если стороны оговорили одновременное применение к контракту нескольких правовых систем, либо выбрали компетентное право к отдельным положениям части контракта. Правоприменительным органам также требуется определенная подготовка по формированию навыков рассмотрения подобных споров, особенно актуально это для государственных арбитражных судов.

Пристатейный библиографический список

1. Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М.: Наука, 1984. – С. 48.
2. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – С. 68.
3. Глинщикова Т. В. Проблемы определения применимого права к договору международного факторинга // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 135-137.
4. Решение МКАС при ТПП РФ от 16.06.1994 по делу № 57/1994 // Розенберг М. Г. Международные договоры и иностранное право в практике международного коммерческого арбитражного суда. – М., 2008. – С. 28-29.
5. Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2009. – С. 30.

ЗАГНЕТИН Владимир Николаевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСГРАНИЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

В данной статье анализируется термин «трансграничная несостоятельность» и указываются его преимущества в сравнении с аналогичным термином (международная несостоятельность). В части понимания природы трансграничной несостоятельности сделан вывод, что её ключевой характеристикой является осложнение иностранным элементом, что делает некорректным понимание трансграничной несостоятельности как банкротства транснациональных корпораций (необоснованное сужение в части субъектов) или как производства по делу о банкротстве (игнорирование внепроцессуальных элементов). Указывается, что поскольку трансграничное банкротство по своей природе является несостоятельностью, осложнённой иностранным элементом, постольку его присутствие может заключаться в: (1) наличии иностранных кредиторов, должника, иностранных участников/учредителей должника (проявление иностранного элемента в организации); (2) нахождении имущества должника в разных юрисдикциях (проявление иностранного элемента в объекте); (3) возбуждении производства по делу о несостоятельности в отношении одного должника в двух или более государствах (проявление иностранного элемента в юридическом факте).

Ключевые слова: трансграничное банкротство, трансграничная несостоятельность, ЮНСИТРАЛ.

ZAGNETIN Vladimir Nikolaevich

postgraduate student, St. Petersburg State University.

CROSS-BORDER INSOLVENCY: CONCEPT AND SPECIFICS

The term “cross-border insolvency” is analyzed and its advantages in comparison with the similar term (international insolvency) are pointed out. In terms of understanding the nature of cross-border insolvency it is concluded that its key characteristic is the complication by a foreign element, which makes it incorrect to understand cross-border insolvency as bankruptcy of transnational corporations or as bankruptcy proceedings. It is stated that since cross-border insolvency by its nature is an insolvency complicated by a foreign element, its presence may consist in: (1) the presence of foreign creditors, debtor, foreign participants/founders of the debtor (manifestation of foreign element in the subject); (2) location of the debtor’s property in different jurisdictions (manifestation of foreign element in the object); (3) initiation of insolvency proceedings against one debtor in two or more states (manifestation of foreign element in the object).

Keywords: cross-border bankruptcy, cross-border insolvency, UNCITRAL.

Загнетин В. Н.

Примером, идеально иллюстрирующим ситуацию трансграничной несостоятельности, является банкротство Lehman Brothers [4, с. 713]. Основанный в 1850 году, к 2008 году банк представлял собой международный финансовый левиафан с 25 000 сотрудников по всему миру. В рамках его банкротства было инициировано 75 производств в 16 различных правовых системах (США, Германии, САР Гонконге, Сингапуре, Австралии и многих других)¹, координация которых происходила через заключение соглашений о несостоятельности, целью которых было провести как можно более единую контролируруемую процедуру, не допустив дробления активов. Подробно не останавливаясь на данном кейсе, стоит лишь отметить, что данное банкротство является крупнейшим в мировой истории, непосредственно повлиявшим на мировой финансовый кризис 2008 года и его переход в более острую стадию.

На данном примере становится очевидным тот факт, что несостоятельность компании, имеющей активы в различных правовых порядках, уже не является привычным нам банкротством, в нем проявляются и открываются новые, уникальные только для того явления стороны. В связи с этим верно отмечается, что интеграционные процессы экономического пространства, новые структурные свойства экономических макросистем и их динамические параметры требуют скорейшего создания правового механизма для решения проблем

регулирования такой несостоятельности [6, с. 116], а также, что в условиях интернационализации экономики разных стран, когда несостоятельный должник и кредиторы имеют разную национальную принадлежность либо имущество несостоятельного должника, на которое обращается взыскание кредиторов, находится в разных странах, различия национальных систем правового регулирования несостоятельности являются серьезным препятствием для урегулирования отношений, связанных с признанием должника банкротом и удовлетворением требований кредиторов [2, с. 205].

Однако для изучения природы такого явления, при котором банкротство затрагивает юрисдикции разных стран, необходимо остановиться на его понятийном аппарате, а конкретно на том, какими терминами и почему обозначается такая несостоятельность.

В российской доктрине наибольшее распространение получило такое определение рассматриваемого нами явления, как «трансграничная несостоятельность (банкротство)», при этом еще в самых ранних отечественных работах на эту тему указывалось, что у понятий, обозначаемых выражениями «трансграничное банкротство» или «трансграничная несостоятельность», в смысловом отношении нет преимуществ перед категориями, именуемыми «международные банкротства», «международная несостоятельность» [1, с. 9].

Данная позиция не видится нам верной, и в противовес ей в современной отечественной литературе отмечается, что использование термина «трансграничный», т.е. выходящий за пределы, за границы чего-либо, видится наиболее предпочтительным, так как правоотношения несостоятельности

¹ Практическое руководство ЮНСИТРАЛ по вопросам сотрудничества в делах о трансграничной несостоятельности. С. 135.

при наличии в них иностранного элемента не становятся межгосударственными или международными в истинном смысле этого слова, но сохраняют свою сущность отношений внутрисубъективных, развивающихся между субъектами национального права [4, с. 719].

При этом важно отметить, что в современном российском законодательстве в п. 3 ст. 29 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26.10.2002 закреплен именно термин «трансграничная несостоятельность».

Таким образом, рассматриваемое нами явление терминологически верно называть именно «трансграничной несостоятельностью (банкротством)».

Но что именно это за явление? На этот счет существуют три теории: (1) трансграничное банкротство как банкротство транснациональных корпораций; (2) трансграничное банкротство как производство по делу о банкротстве; (3) трансграничное банкротство как несостоятельность, осложнённая иностранным элементом.

Определение трансграничной несостоятельности как банкротства транснациональных корпораций вызывает вопросы. Отмечается, что в данном случае несостоятельность охватывает не только трансграничное банкротство одного должника, но и банкротство различных компаний разной государственной принадлежности, входящих в трансграничную группу и представляющих собой единый экономический субстрат [4, с. 720], [5, с. 25]. Однако, так или иначе, данная теория упирается только в одного возможного субъекта банкротства – транснациональную корпорацию, отказывая другим лицам в возможности рассматриваться как субъект банкротства, в связи с чем банкротства транснациональных корпораций соотносится с трансграничным банкротством как частное и общее, а не как тождественные понятия.

Определение трансграничной несостоятельности как трансграничного производства по делу о банкротстве также несовершенно. С одной стороны, сама суть трансграничного банкротства заключается не в чем ином, как в координации различных производств, открытых в отношении одного должника в разных юрисдикциях. Большинство известных нам правовых механизмов в трансграничном банкротстве имеют процессуальную природу и применяются именно в производстве по делу. Однако, отождествляя трансграничное банкротство с трансграничным производством по делу, мы отказываем во внимании и признании все той деятельности, которая, хоть и не происходит непосредственно в процессе, но прямо или опосредованно влияет на проведение банкротной процедуры.

Таким образом, как первая теория необоснованно сужает круг потенциальных должников до транснациональных корпораций, так и вторая теория необоснованно сужает область охвата трансграничного банкротства до рассмотрения исключительно процессуальных вопросов открытых производств.

Определение трансграничного банкротства как несостоятельности, осложнённой иностранным элементом, видится наиболее предпочтительным по ряду причин.

Во-первых, трансграничное банкротство как несостоятельность (банкротство), осложнённое иностранным элементом, прямо закреплено в п. 3 ст. 29 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Таким образом, данная теория в отличие от двух других является единственной нашедшей закрепление в отечественном позитивном праве.

Во-вторых, привязка к осложнению иностранным элементом позволяет максимально расширить ареал распространения трансграничного банкротства на все необходимые отношения и явления, подлежащие соответствующему регулированию. При этом указанная формулировка является достаточно определенной, чтобы можно было не говорить об угрозах неоправданного расширения сферы трансграничного банкротства. Ключевым же в данной теории является, как это ни странно, перечень тех иностранных элементов, которыми может быть осложнено банкротство.

Далее приведем разные варианты комбинаций иностранных элементов.

Во-первых, иностранный элемент может проявиться себя в должнике, его кредиторах, активах должника [7, р. 62], [5, с. 34].

Во-вторых, присутствие иностранного элемента может заключаться в: (1) наличии иностранных кредиторов и должника (проявление иностранного элемента в субъекте); (2) наличии иностранных участников/учредителей должника (проявление иностранного элемента в субъекте); (3) нахождении имущества должника в разных юрисдикциях (проявление иностранного элемента в объекте); (4) возбуждении в отношении одного должника производств по делу о несостоятельности в двух и более государствах (проявление иностранного элемента в юридическом факте) [3, с. 722].

Второй перечень является более предпочтительным в виду большей детализации, однако по своей сути отличия между ними лишь в формулировках и степени углубления при описании отдельных элементов.

При этом необходимо заметить, что оба эти списка, и любые им подобные перечни возможных иностранных элементов в трансграничных банкротствах являются открытыми. Действительно, анализируя генезис как самого трансграничного банкротства, так и его законодательного закрепления, становится понятным, что оно развивалась в условиях децентрализации и правового хаоса при постоянных попытках поиска компромиссов, поэтому закрытый перечень в данном случае был бы мерой излишней.

Таким образом, относительно явления трансграничного банкротства можно сделать следующие обобщающие выводы:

- 1) сопровождая человечество на большей части его цивилизованного пути, только к 20 веку банкротство стало массово проявлять свою трансграничную сторону;
- 2) термин «трансграничное банкротство» является наиболее приемлемым для рассматриваемого нами явления как в силу смысловой правильности, так и в виду его прямого закрепления в российском законодательстве;
- 3) трансграничное банкротство по своей природе является несостоятельностью, осложнённой иностранным элементом в субъекте, и/или объекте, и/или юридическом факте.

Пристатейный библиографический список

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. – М.: Издательство БЕК, 2001.
2. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. 2008.
3. Лиджанова А. Э. Трансграничная несостоятельность (банкротство): проблемы правового регулирования // Стартап. – 2015. – № 4.
4. Мохова Е. В. Трансграничная несостоятельность (банкротство) // Несостоятельность (банкротство): учебный курс. Т. 2 / Под. ред. Карелиной С. А. – М.: Статут, 2019.
5. Собина Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. – М.: Статут, 2012.
6. Степанов В. В. Проблемы трансграничной несостоятельности // Московский журнал международного права. – 1998. – № 3.
7. Doetsch D. A. Hammer A. L. Observation on Cross-Border Insolvencies and Their Resolution in the NAFTA Region: Where Are We Now? // United States - Mexico Law Journal. – 2002. – № 10.

ДОВГАНЬ Ксения Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, соискатель, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; доцент, Юридический институт, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ПРЕДМЕТ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье проанализированы особенности использования рамочного правового регулирования, как метода праворегулирования, раскрываются его технико-юридические особенности. Устанавливается, что при помощи комплекса правовых норм объем содержания правоотношения изменяется, что влияет на степень определенности предмета праворегулирования.

Ключевые слова: рамочное правовое регулирование, метод праворегулирования, неопределенность, юридическая техника, нормотворчество.

DOVGAN Kseniya Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, competitor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; associate professor, Institute of Law, Altai State University, Barnaul

SUBJECT OF FRAMEWORK LEGAL REGULATION: CONCEPT AND CHARACTERISTIC FEATURES

The article analyzes the features of using the method of framework legal regulation. It is established that with the help of a set of legal norms, the volume of the content of the legal relationship changes, which affects the degree of certainty of the subject of legal regulation. The features of the concept, characteristics and technical and legal features of securing the subject of framework legal regulation are revealed.

Keywords: framework legal regulation, method of legal regulation, uncertainty, legal technique, rule-making.

Актуальность исследования предопределена поиском эффективных технико-юридических средств праворегулирования. Расширение сферы нормотворчества связано с усложнением отношений в обществе, что предполагает поиск гибкого инструментария. Одним из которых является рамочное правовое регулирование, как метод праворегулирования, обладающий технико-юридическим характером. Его использование в нормотворчестве позволяет осуществить юридическое регламентирование разного рода общественных отношений [6].

Содержание предмета правового регулирования зависит от выбора конкретных технико-юридических средств его закрепления, а также устанавливаемых пределов правоотношения. В юридической литературе общественные отношения и поведения людей рассматриваются в качестве предмета правового регулирования [11, с. 79], [2, с. 325]. В. В. Лазарев определяет предмет правового регулирования, как элемент объекта, как «абстрактные» отношения, «которые в обобщенном виде (в качестве модели) фиксируют уже существующие или реально могущие возникнуть отношения» [9, с. 64, 66].

Предмет рамочного правового регулирования составляют общественные отношения, которые закрепляются в устанавливаемых пределах при помощи совокупности юридических средств. Оценка законодательства показывает, что с точки зрения логической составляющей с помощью рамочного правового регулирования объем предмета праворегулирования расширяется, благодаря использованию комплекса правовых норм. Их степень определенности изменяет объем содержания правоотношения. Создаваемая логико-языковая неопределенность способствует расширению предмета праворегулирования. При этом закрепляются родовые, видовые признаки общественных отношений, что способствует формулированию базовых, основных положений, начал праворегулирования, структуры правопорядка. Как правило, они

содержат общие ориентиры целенаправленного воздействия на общественные отношения (закрепляют основные положения, основные права и обязанности, круг субъектов, цели и задачи).

В вопросе создания правового акта нормоустановитель следует по пути сочетания нормативного формализма и практики. В этой связи используется определенный набор правовых средств, позволяющий обеспечить сбалансированность правового регулирования. С технико-юридической стороны закрепление в предмете праворегулирования родовых признаков общественных отношений отражает применение такого средства, как «неопределенность» [4], которое используется в целях закрепления широкого круга общественных отношений и их конкретизации в последующем.

Кроме того, предмет праворегулирования иногда закрепляется в форме метафор [8], имеющие разное словесное выражения. Правовые нормы, в которых содержатся метафоры, могут создавать неопределенность в содержании. Но при этом сохраняется «образность и наглядность» [12, с. 290], которая позволяет определить предметную сферу общественных отношений, очертить границы правоотношений.

Н. А. Власенко отмечает, что относительно-определенные нормы, в которых содержится правовая неопределенность, закрепляют определенные пределы правового регулирования [5, с. 11], условия их изменения. При таких нормах их реализация и применение зависят от конкретных условий и обстоятельств. В цивилистике подобные виды общественных отношений «допустимо» регламентировать типовыми договорами, временными правилами, инструкциями, «но с соблюдением при этом общих принципов» [3, с. 175-176]. В этой связи задаются определенные рамки поведения (пределы правового регулирования), которые уменьшают «возможность произвола» [1, с. 50]. С помощью логико-языковой неопределенности в содержании нормоустановитель пока-

зывает динамичность закрепляемых правоотношений, важность, необходимость и целесообразность дальнейшего регулирования, исходя из конкретных особенностей.

Изменение объема содержания предмета правового регулирования характерно для нормотворчества в конфедеративных и федеративных государствах. Анализируя международное законодательство, Т. Н. Москалькова отмечает существование рамочных программ и конвенций в СНГ. Например, рамочная программа по сотрудничеству «Сотрудничество «Атом-СНГ» [10].

Европейская Рамочная Конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (далее - Конвенция) устанавливает «правовые рамки» сотрудничества государств-членов Совета Европы с приграничными странами¹. Данная Конвенция состоит из двенадцати статей, которые предполагают создание условий для заключения соглашений и договоренностей в приграничном сотрудничестве. Содержание мер, обстоятельств, условий сотрудничества предполагается регламентировать в двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашениях конкретных государств. С точки зрения технико-юридического анализа, Европейская Рамочная Конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей содержит логико-языковую неопределенность, которая закрепляется в общих, в том числе относительно-определенных нормах, где устанавливаются пределы рамочного правового регулирования приграничного сотрудничества государства-участников данной Конвенции. Согласно Конвенции в дальнейшем конкретизация предмета праворегулирования должна содержаться в заключаемых соглашениях.

Нормативность, формальная определенность правовых норм обеспечивается за счет языковых, логических и иных правил. Разработанные правила нормотворческой техники² не содержат условия о четком регламентировании объема предмета праворегулирования. В этой связи используются разные технико-юридические методы и способы. К особенностям предмета рамочного правового регулирования относятся следующее:

во-первых, закрепляет основы праворегулирования (основные положения, основные права и обязанности, круг субъектов, цели и задачи соответствующего правового регулирования), наиболее важных общественных отношений, обладающих социальной значимостью для нормоустановителя;

во-вторых, регламентирует сферу общественных отношений, в том числе может включать в себя относительно-неопределенный круг общественных отношений;

в-третьих, закрепляются правоотношения, обладающие устойчивым, систематическим и длящимся характером;

в-четвертых, носит волевой характер, определяется волей и сознанием нормоустановителя;

в-пятых, обладает особой формой закрепления;

в-шестых, закрепляется в устанавливаемых пределах (рамках) правового регулирования. Пределы рамочного правового регулирования определяются особенностями его предмета, связаны с их отраслевой принадлежностью, уровнем регулирования, в том числе формой государства. Таким образом, рамочное правовое регулирование стоит рассматривать, как метод праворегулирования, который носит технико-юридический характер, используемый для упорядочивания определенной сферы правоотношений, устанавливающий основные начала регламентирования общественных отношений с помощью специальных правовых средств. В качестве основы праворегулирования выступает его предмет, который закрепляется в правовых актах при помощи сочетания правовых норм, степень определенности которых изменяет объем содержания правоотношения. Использование рамочного правового регулирования предполагает применение правовых норм, логико-языковая неопределенность и цель которых способствует расширению объема предмета праворегулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 1. - Свердловск, 1972. - 360 с.
2. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. - М.: Статут, 2010. - 781 с.
3. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. - М.: Госюриздат, 1963. - 197 с.
4. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. - М., 2014. - 154 с.
5. Власенко Н. А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 1 (37). - С.8-15.
6. Довгань К. Е. Теория рамочного правового регулирования. - Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2023. - 168 с.
7. Довгань К. Е. Трансформация практики развития рамочного правового регулирования в Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. - 2022. - № 3 (37). - С. 80-85.
8. Довгань К. Е. Полисемия в механизме рамочного правового регулирования // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 2 (177). - С. 66-67.
9. Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1980. - № 5. - С. 64-71.
10. Москалькова Т. Н. СНГ: история и перспективы. - М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2021. - 179 с.
11. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. - М., 2001. - 520 с.
12. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. - М., 2012. - 320 с.

1 Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (Мадрид, 21 мая 1980 года). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tm.coe.int/1680078b2a> (Официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации). (дата обращения: 01.09.2023).

2 Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 августа 1997 г. № 33 ст. 3895; Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Приказ Минюста России № 222 от 31 августа 2023 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2023 г.); Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. - М.: Издание Государственной Думы, 2004. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901898623?ysclid=moшumokxoi39612472§ion=status> (дата обращения: 01.09.2023).

МАТАНЦЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России

ВИДЫ И СУБЪЕКТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Статья посвящена исследованию видов официального толкования права и определению круга субъектов, уполномоченных давать обязательное разъяснение правовых предписаний. Автором критически оценивается необходимость существованию в понятийном ряду теории права аутентичного толкования права, поскольку в таком случае интерпретационная деятельность смешивается с нормотворческой. Наряду с толкованием права высшими судебными инстанциями отдельное внимание уделяется интерпретационным полномочиям различных ведомств. На основании анализа положений, определяющих компетенцию Минобрнауки, Минтруда, ФАС, ФНС, ФТС России, отмечается ограниченный круг субъектов ведомственного официального толкования права.

Ключевые слова: официальное толкование права, аутентичное толкование, легальное толкование, делегированное толкование, разъяснение права.

Matantsev Dmitriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of State law disciplines sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

TYPES AND SUBJECTS OF OFFICIAL INTERPRETATION OF LAW

The article is devoted to the study of the types of official interpretation of law and the definition of the range of subjects authorized to provide mandatory clarification of legal regulations. The author critically assesses the need for the existence of an authentic interpretation of law in the conceptual range of the theory of law, since in this case interpretative activity is mixed with norm-making. Along with the interpretation of law by higher courts, special attention is paid to the interpretative powers of various departments. Based on the analysis of the provisions defining the competence of the Ministry of Education and Science, the Ministry of Labor, the Federal Antimonopoly Service, the Federal Tax Service, the Federal Customs Service of Russia, a limited range of subjects of departmental official interpretation of law is noted.

Keywords: official interpretation of law, authentic interpretation, legal interpretation, delegated interpretation, clarification of law.

Вопросы толкования права всегда привлекают к себе пристальное внимание представителей, как общей теории права, так и отраслевых юридических наук (в первую очередь, процессуальных). В условиях общей интенсификации правового регулирования, усложнения в количественном и качественном измерении массива правовых норм, определение смысла содержащихся в нормах предписаний в целях их эффективной реализации приобретает особое значение. Официальное толкование права как деятельность, в результате которой создаются обязательные разъяснения нормативных установлений, играет ключевую роль в механизме правового регулирования. Оно обеспечивает эластичность правового регулирования и адаптивность права к стремительно трансформирующимся социальным отношениям.

Вместе с тем, вопросы о видах официального толкования права и их субъектном составе продолжают оставаться дискуссионными. Это подтверждается и существующими в юридической науке различными подходами к классификации официального толкования права по субъектному составу, и неоднозначной позицией законодательства и высших судебных инстанций по данному вопросу.

В дореволюционной юридической литературе (Н. М. Коркунов, Е. Н. Трубецкой, В. М. Хвостов) различали толкование доктринальное, которое основывалось на критерии разумности, и толкование легальное. Легальное толкование, в свою очередь, подразделялось на узальное и аутентическое. Узальное толкование права разъясняло смысл законодательного установления с опорой на существующие обычаи, тогда как аутентическое толкование представляло собой уточнение смысла нормы самим законодателем [7, с. 266, 392, 563]. По сути, такая классификация строится скорее не на субъектном критерии, а на источнике выявления смысла нормы права. В первом случае источником выступает разум интерпретатора,

основы его логического мышления, при узальном толковании – обычаем, при аутентическом – нормой закона.

Следует отметить, что указанные дореволюционные авторы, апеллируя к позиции немецкого юриста Савиньи, признавали истинное значение только за доктринальным толкованием. По мнению Н. М. Коркунова законодательное толкование является лишь завуалированной попыткой придать закону обратную силу [3, с. 341]. Е. Н. Трубецкой также отмечает, что узальное толкование представляет собой нормы обычного права, дополняющие закон, тогда как аутентическое толкование – по сути, новый закон, поскольку толкование, осуществляемое законодателем, имеет ту же юридическую силу, что и толкуемый закон [7, с. 392].

В современной юридической литературе также встречается взгляд на аутентическое толкование права как способ придания закону обратной силы [2].

Но при такой постановке вопроса необходимо признать тождество аутентичного толкования права и процесса нормотворчества. И тогда закономерным становится вопрос о целесообразности существования двух категорий, объясняющих одно и то же явление. Следуя принципу Оккама, необходимо поставить под сомнение необходимость выделения аутентичного толкования права.

В русле таких рассуждений необходимо обратить внимание на достаточно категоричную позицию В. С. Нерсесянца относительно аутентичного толкования права законодателем. Придерживаясь принципа разделения властей, он отказывает законодательному органу в праве толкования своих установлений, отмечая необходимость передачи этих полномочий иным уполномоченным органам (в первую очередь, Конституционному Суду). Ученый отмечает, что «издание обязательного нормативного акта и осуществление официально-обязательного толкования вообще (своего акта или

любого другого) – это две совершенно различные функции, и в условиях разделения властей один орган не должен обладать одновременно этими двумя функциями и двумя соответствующими полномочиями» [4, с. 506].

Если говорить об аутентичном толковании как авторском толковании, осуществляемом нормотворческим субъектом, применительно к законодательным актам закономерным становится вопрос, кто из участников законодательного процесса может осуществлять такое официальное разъяснение? Непосредственно праворастворительные полномочия не закреплены законодательно, ни в отношении палат Федерального Собрания Российской Федерации, ни Президента Российской Федерации. Попытки Государственной Думы своими постановлениями разъяснять смысл положений законодательства были отвергнуты Конституционным Судом Российской Федерации еще в 1997 году. В Постановлении № 17-П от 17.11.1997 г.¹ Конституционный Суд отметил, что акт законодательного органа, разъясняющий смысл федерального закона, должен приниматься в том же порядке, в котором принимается и сам закон, при этом Государственная Дума не уполномочена законодательством на дачу разъяснений, поэтому ее акты не могут считаться, ни актами официального аутентичного толкования права, ни актами делегированного толкования.

Таким образом, можно отметить, что аутентичное толкование права – достаточно спорная категория отечественной юриспруденции. Ее самостоятельное существование можно объяснить лишь тем, что при аутентичном толковании толкуемая правовая норма остается в текстуальном выражении не тронутой, и наряду с ней появляется новая интерпретационная норма, обладающая с точки зрения своей формы выражения той же юридической силой. В правоприменительном аспекте различия между исходной правовой нормой и интерпретационной едва ли уловимы (правоприменитель обязан будет применять исходную норму вкуче с разъяснением).

В современной юридической литературе наряду с аутентичным толкованием выделяют также толкование легальное. В отличие от аутентичного толкования, такое разъяснение осуществляется не субъектами нормотворческой деятельности, а иными уполномоченными на то органами. Необходимо отметить не совсем удачное словоупотребление для характеристики такого вида толкования. Слово «легальный» имеет устойчивое значение и является синонимом слова «законный». Применительно к официальному толкованию права необходимо признать легальной любую его разновидность. В данном же случае речь идет о том, что нормы права передают полномочия по разъяснению законодательства уполномоченным субъектам, поэтому более удачным представляется характеристика такого толкования как делегированного. Такой термин встречается в современной юридической литературе [5, с. 780], также он был предложен авторским коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации при подготовке проекта федерального закона о нормативных правовых актах (ст. 95) [6].

Вопрос о перечне органов, уполномоченных осуществлять официальное разъяснение правовых норм, остается

открытым. Однозначный ответ на него не дает, ни законодательство, ни юридическая доктрина.

Наиболее очевидны интерпретационные полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, который в силу положений Конституции Российской Федерации (ст. 125) и федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» (ст. 3) дает по запросам высших органов власти толкование Конституции Российской Федерации, а также определяет возможность исполнения решений межгосударственных органов, основанных на положениях международных договоров, в истолковании, противоречащем положениям основного закона нашей страны.

В Конституции Российской Федерации (ст. 126) интерпретационные полномочия закрепляются также за Верховным Судом Российской Федерации. Однако если в отношении полномочий Конституционного Суда Российской Федерации законодатель непосредственно употребляет термин «толкование», то говоря о Верховном суде использует словоупотребление «разъяснения по вопросам судебной практики» (т.е. не разъяснения законодательства). На основании этого В. С. Нерсесянц считает разъяснения Верховного Суда разновидностью неофициального профессионального толкования права [4, с. 505,507]. Однако с такой позицией трудно согласиться. Разъяснения, даваемые Верховным Судом Российской Федерации, неизбежно затрагивают не только судебную практику, но и содержание самих правовых норм. Сама необходимость официальных разъяснений высшей судебной инстанции обусловлена разным истолкованием норм права на практике. Кроме того, такие разъяснения имеют обязательный характер и снабжены принудительным механизмом реализации. Об этом свидетельствуют, в частности, положения АПК РФ (ст. 308.8) и ГПК РФ (ст. 391.9), предусматривающие возможность отмены в порядке надзора судебных актов, нарушающих единообразие в применении и (или) толковании норм права.

Наряду с судебным толкованием к делегированному толкованию можно также отнести толкование права, даваемое иными уполномоченными органами власти. Если обратиться к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, который предусматривает порядок обжалования актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, можно сделать вывод, что такие акты могут исходить от федеральных органов государственной власти и государственных внебюджетных фондов (ст. 21), от региональных органов государственной власти и представительных органов местного самоуправления (ст. 20).

В юридической литературе к актам, содержащим официальные разъяснения законодательства, относят письма, указания различных ведомств (Минфина, Минтранса, Минтруд, ФАС, ФНС, ФТС и пр.) [1, с. 18]. Полагаем, что основанием отнесения тех или иных разъяснений к числу официальных может служить только легальное закрепление соответствующих полномочий за соответствующим органом исполнительной власти. Если проанализировать положения, определяющие компетенцию указанных ведомств, можно обнаружить следующее.

Возможность дачи разъяснений физическим и юридическим лицам по вопросам, относящимся к компетенции органа, закреплена, например, в положениях о ФНС², ФАС³,

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 6.

2 Постановление Правительства Российской Федерации 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3961.

3 Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3259.

Минобрнауки⁴. Однако такие разъяснения вряд ли можно отнести к числу актов официального толкования, поскольку они, как правило, даются не от имени всего органа, а готовятся профильными подразделениями в рамках ответа на обращения граждан и имеют информационно-разъяснительный, рекомендательный характер. Сказанное подтверждается судебной практикой. Например, в решении Верховного Суда от 19.01.2021 по делу № АКПИ20-740 по делу о признании недействующими указаний Департамента обеспечения безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел РФ от 27.09.2007 № 13/5-184, от 10.10.2007 № 22/9302 «О порядке замены водительских удостоверений с разрешенной категорией «Е»» отмечается, что указание не обладает нормативными свойствами и имеет рекомендательный характер. В Апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 08.06.2021 № АПЛ21-185 по данному делу было отмечено, что о рекомендательном характере данного разъяснения свидетельствует, в том числе, используемая в Указаниях формулировка «предлагаю», адресованная территориальным подразделениям ГИБДД.

В практике подготовки писем федеральных органов исполнительной власти в ответ на обращения граждан часто используются формулировки, согласно которым письма не являются нормативными правовыми актами и содержащиеся в них разъяснения нельзя рассматривать в качестве предписаний государственно-властного характера⁵.

К актам официального толкования права можно отнести отдельные разъяснения, даваемые ФТС и Минтрудом.

Федеральная таможенная служба издает разъяснения о классификации отдельных видов товаров в соответствии с номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС⁶. При этом на нормативный характер таких разъяснений указывает не только тот факт, что ФТС их издает (т.е. облакает в форму отдельного акта), но и то, что такие разъяснения должны быть согласованы с высшим регулятивным органом ЕАЭС – Евразийской экономической комиссией.

Министерство труда и социальной защиты наделяется полномочиями как дачи разъяснений физическим и юридическим лицам по вопросам оказания государственных услуг и управления государственным имуществом в области компетенции министерства, так и утверждает в форме нормативных правовых актов разъяснения по ряду вопросов (например, по вопросам доставки страховой пенсии, назначения накопительной пенсии, по единообразному применению федеральных законов «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»)⁷.

4 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 26. – Ст. 3851.

5 Письмо Минстроя России от 27 апреля 2018 г. № 19369-НС/07 О применении пункта 1 статьи 2 Федерального закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов...» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.09.2024).

6 Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 18. – Ст. 3146.

7 Постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2012 № 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 26. – Ст. 3528.

Завершая анализ особенностей официального толкования права можем отметить, что сама интерпретационная деятельность – неизбежный спутник процесса правового регулирования. При этом официальное толкование права в силу своего властно-обязательного характера выступает важнейшим средством реализации права. Однако существующие в доктрине подходы к определению видов и субъектов официального толкования права в известной степени требуют переосмысления.

Сомнения вызывает необходимость сохранения в понятийном аппарате юридической науки такого вида, как аутентичное толкование права. Уточнению, с учетом требований нормативных правовых актов, подлежит субъектный состав ведомственного официального толкования права.

В силу практической значимости проблем официального толкования права в юридической литературе отмечалась необходимость законодательной регламентации вопросов интерпретационной деятельности государственных органов [8]. В ряде стран приняты законы о нормативных правовых актах, отдельные главы которых посвящены вопросам официального толкования и разъяснения правовых норм⁸. Официально урегулировать данный вопрос в нашей стране также пытались в разрабатываемых проектах закона о нормативных правовых актах. Однако до настоящего времени, как известно, такой закон не принят. Более того, степень законодательной регламентации интерпретационной деятельности требует дальнейшего обсуждения и теоретического осмысления.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Официальное толкование права в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. № 5. – С. 13-20.
2. Егоров А. В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. – 2022. – № 5. – С. 14-36.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – М.: Юрайт, 2024. – 352 с.
4. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2012. – 560 с.
5. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Том 2. Право / Отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
6. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 70 с.
7. Радько Т. Н. Хрестоматия по теории государства и права / Под общ. ред. И. И. Лизиковой. 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 720 с.
8. Фаргиев И. А. Специальный закон о толковании права – веление времени! // Правосудие. – 2020. – Т. 2. № 2. – С. 29-48.
8. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788 (дата обращения: 20.09.2024); Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения: 20.09.2024).

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор, Санкт-Петербургский военного ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, профессор, профессор, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич

старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, г. Москва

СЕМЕНОВ Игорь Владимирович

аспирант, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСТВА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Геополитическое, историософское, политико-правовое учение евразийцев имеет отчетливо выраженное религиозно-нравственное измерение, что связано с его ускоренностью в русской религиозной философии. Особенно это значимо в отношении идей Ф. М. Достоевского, комплекс которых справедливо характеризуют как предъевразийство. Учение Достоевского об историческом предназначении России, заключающемся в выражении ею духовно-нравственного смысла бытия, в идеологии евразийцев трансформируется в учение о «государстве правды» и его правовых основах, разработанных Н. Н. Алексеевым на принципах феноменологического метода.

Ключевые слова: евразийство, государство, право, нравственность, Достоевский, Данилевский, Алексеев.

SALNIKOV Viktor Petrovich

Ph.D. in Law, professor, professor, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

MASLENNIKOV Dmitriy Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor, F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

PROKOFJEV Konstantin Georgievich

senior lecturer of General humanitarian disciplines and theory and history of state and law sub-faculty, Institute of Business Career, Moscow

SEMENOV Igor Vladimirovich

postgraduate student, F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

MORAL AND LEGAL ASPECTS OF EURASIANISM IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

The geopolitical, historiosophical, political and legal doctrine of the Eurasians has a clearly expressed religious and moral dimension, which is associated with its acceleration in Russian religious philosophy. This is especially significant in relation to the ideas of F. M. Dostoevsky, the complex of which is rightly characterized as pre-Eurasianism. Dostoevsky's teaching on the historical destiny of Russia, consisting in its expression of the spiritual and moral meaning of being, is transformed in the ideology of the Eurasians into the doctrine of the "state of truth" and its legal foundations, developed by N. N. Alekseev on the principles of the phenomenological method.

Keywords: Eurasianism, state, law, morality, Dostoevsky, Danilevsky, Alekseev.

Задачи переосмысления актуальных вопросов философии права, предполагают обращение к исторически наиболее значимым и интересным концепциям этой науки [31, с. 6-18]. В России одна из наиболее заметных геополитических моделей была связана с идеологией «евразийцев». Евразийство было достаточно широким интеллектуальным движением русского зарубежья, объединившим философов и историков, правоведов и богословов, филологов и экономистов. У его истоков стояли П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский и др. Крупнейшим мыслителем этой плеяды был один из наиболее значительных русских философов XX в. Л. П. Карсавин. В евразийском движении участвовали М. И. Цветаева, С. Я. Ефрон, Д. С. Мережковский, Д. П. Святополк-Мирский. Философско-правовую составляющую евразийской идеологии разрабатывал Н. Н. Алексеев. Позже идеи, близкие к евразийским, развивал Л. Н. Гумилев. В последние годы эти идеи становятся особенно востребованными с учетом динамичных тенденций евразийской интеграции [33, с. 69-81], связанных как с гео-

политическими, так и с чисто экономическими интересами государств континента [29, с. 7-9].

Отличительными чертами евразийства признавалось его резкое расхождение с идеологией народников, с любыми коллективистскими и социалистическими идеологиями, поскольку утверждалось «творческое значение самодержавной личности», в том числе и в экономической сфере. Осью евразийского мировоззрения составляло признание вселенской роли православной Церкви.

Евразийцы стремились создать целостное учение, которое объяснило бы истоки и перспективы исторического пути России. И в этом контексте они стремились понять, а значит, и в какой-то мере признать выбор русского народа, исторически совершившийся в годы революционных катаклизмов. Новая идеология предстает как историософская концепция и связана не только с умиранием старой России, но и с рождением России новой. Однако, «чтобы понять совершающийся под поверхностью коммунистического безумия процесс, надо правильно понимать природу государства как

необходимой формы народного самосознания» (Л. П. Карсавин) [15, с. 43].

По замыслу евразийцев, их учение по масштабности и детальности своего исполнения должно было стать альтернативой марксизму. Оно рассматривалось как новая национальная и государственная идеология, которая противопоставлялась социалистическим и либерально-демократическим моделям общества. В качестве основания евразийской идеологии ее создатели указывали на православие, с которым, однако, свое учение не смешивали. Новая идеология должна была быть абсолютной в двоих основаниях и гибкой в своих конкретных выводах, за которыми ответственность лежала бы не на Церкви, а на делающих эти выводы и принимающих на себя ответственность [15, с. 43].

Исходным пунктом евразийской историософии было учение о Евразии. Этим названием представители новой идеологии обозначали единое географическое пространство, пределы которого с юга ограничивались горными массивами, с востока и севера — океанами, с запада — резким различием климатических условий Восточной и Западной Европы. Согласно евразийцам, общность пространства определила общность исторической судьбы и духовную близость населяющих это пространство народов. Эта относительно замкнутая материковая «чаша» была почти полностью объединена в единое государство татаро-монголами, наследником которых стало российское государство, созданное прежде всего союзом русского и тюркских народов. Кровной близости славян, с которой связывали свои надежды многие национальные мыслители России в XIX веке, евразийцы противопоставили близость по исторической судьбе и общему культурно-историческому коду, которые задаются единством и цельностью географического пространства от Карпат до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Тибета.

Евразия — особый мир, который нельзя отнести ни к Востоку, ни к Западу в их традиционном понимании. Первый серьезный шаг на пути политического объединения евразийского пространства сделали монгольские завоеватели. Россия, сокрушив Казанское ханство, стала естественной наследницей империи Чингиз-хана. В распространении своего политического могущества она не могла остановиться, не заполнив все пределы этой «Евразии». Географической целостности Евразии соответствует ее культурное единство, самобытное и самодостаточное. Евразийская культура может быть выражена в различных формах. Но на протяжении столетий ведущей и оптимальной формой было и остается православие. Объединение этого пространства составило не только всемирно-историческую, но и нравственную задачу государствообразующего русского народа.

Границы Евразии в целом совпадали с границами Российской империи, что свидетельствовало об их естественности и устойчивости. Это геополитическое и историческое своеобразие России определило и характер взаимоотношения живущих в ней народов. Государство, созданное совместным историческим творчеством разных народов на пространстве, предназначенном для их совместной жизни, не могло быть основано ни на каком ином принципе, кроме идеи межнациональной гармонии коренных этносов. За все время существования Московского царства, а затем Российской империи, ни один из населявших ее народов не прекратил своего существования. Российское государство никогда не знало геноцида народов, который сопровождал историю Европы и Америки. Напротив, народы двигались к своему культурному процветанию: создавалась национальная письменность там, где ее ранее не было, велось преподавание на национальных языках, поддерживались религиозные культуры. Со времен Екатерины II не только православное, но и мусульманское духовенство получало материальную поддержку от государства.

Географической целостности Евразии соответствует ее культурное единство, самобытное и самодостаточное. Евразийская культура может быть выражена в различных формах. Политическое объединение этого пространства составило не только всемирно-историческую, но и нравственную задачу государствообразующего русского народа. Поэтому в

отличие от западных геополитиков русские евразийцы более последовательно акцентировали связь с почвой не только политических, но и нравственных устремлений народа. В качестве непосредственного предшественника евразийства, не без основания, называют Н. Я. Данилевского [1], [5], [9], [25], [30] и близкого ему в части геополитики Ф.М. Достоевского, бывшего товарища Данилевского по делу петрашевцев [17], [20], [21], [27], [6].

Н. Я. Данилевский в своем учении об «исторических типах» систематически обосновал исходную для евразийства идею принципиального различия цивилизационного кода и исторической судьбы России и Европы [8], [10]. Согласно Данилевскому, Россия не относится к Европе, которую нужно рассматривать не в географическом, а в культурно-историческом смысле: как культуру преимущественно романско-германских народов, связанных с наследием древней средиземноморской цивилизации.

Оригинальность идей Данилевского состоит, в отличие от других панславистов, в том, что он построил политическую концепцию в свете органического учения о культурных типах, концепцию, которая во многом подобна шпенглеровской (есть свидетельства, что О. Шпенглер был знаком с книгой Данилевского). Согласно этой концепции, единого и связанного культурно-исторического развития не существует, а есть лишь независимое друг от друга развитие определенных групп населения, образующих единую культуру [28], [34].

По Данилевскому, Россия не является частью Европы. Россия должна составлять свой собственный мир, опираться на культурные традиции населяющих ее народов, без оглядки на Европу. Будущее этого самодостаточного мира Данилевский видел во всемирном объединении славянства. Нужно сказать, что отчасти этот проект, действительно, был реализован после Второй Мировой войны. Однако история показала, что Данилевский ошибался в перспективах общеславянского союза и переоценил значение славянского «братства», оставшегося, возможно, в глубокой древности.

Значимость идей Данилевского для русского национального самосознания Достоевский подчеркивал особо. В письме Н. Н. Страхову 18 марта 1869 г. он отмечал: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится всё более и более важной и капитальнойю. Да ведь это — будущая настоящая книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно-давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же самым заглавием, с точно такую мыслью и выводами. Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, — уже осуществленным — стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда» [13, с. 30-31].

Но здесь же русский философ указывал и на необходимость развития идей Данилевского, на необходимость дополнить их этической составляющей: «... я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия. Но в одном слове не выскажешься, и я напущено даже заговорил» [13, с. 31].

В отличие от Данилевского, будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а утверждении ее влияния в пространствах бывшей империи Чингисхана и бывшей Византии (даже с возможным переносом столицы в Константинополь). Миссия такой России состоит в том, чтобы сказать миру свое «слово», выразить идею, что станет смыслом и системообразующим началом российского государства. Тем самым Достоевский прямо предвосхищает ключевую мысль евразийства об «идее-правительнице».

Начиная с Сократа, классическая философия учит, что действительное объединяющее людей начало – истина. По Достоевскому, эту истину уже несет в себе народ в сокровенном виде. Эта истина – Христос, а народ ее знает через реальную историческую связь со своими подвижниками, имевшими опыт реального Богообщения. Для человека важно приобщиться этой истине в опыте своей жизни с народом. Для государства же важно понять и выразить эту истину, открыв ее для мира. Достоевский верил, что с окончанием петербургского периода истории Россия выполнит свое предназначение в мире: скажет ему свое «нравственное слово», слово об истине Христа-Бога. Таким образом, мы опять приходим к тому, что для Достоевского идея бытия, жизни и путь избавления от бесовских миражей были связаны с именем Христа [23, с. 233]. Соединение Просвещения Европы и Просвещения Востока, сохранение всех традиций и обычаев народов евразийского пространства через их культурную огранку – эту мысль мы неоднократно можем встретить и в «Дневнике писателя», и в художественных произведениях Достоевского. В какой-то мере именно эта мысль определила и то влияние, которое русский писатель оказал на западноевропейскую философскую мысль [7, с. 170-175].

Именно эта религиозно-нравственная составляющая в последующем учении евразийцев позволяет смотреть на Достоевского как на одного из их предшественников, как на «предьевразийца». Отсюда понятно также и то исключительное значение, которое придавал философ самому Российскому государству, без которого невозможно русскому народу сказать это свое «слово» о Христе-Боге [18], [22]. Политическое единство евразийского пространства, охраняемое Российским государством, приобретает в глазах философа не только нравственную, но и в определенном смысле религиозную ценность: «Я сам буду стоять за политическую целостность этой громады, до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими страданиями» [12, с. 178].

Поэтому представляется глубоко неслучайным то значение, которое придавали евразийцы политической и политико-правовой составляющей своей идеологии. Вектор мысли, заданный великим русским философом, понимавшем суть Российского государства как воплощение идеи абсолютного добра [11, с. 220-287] определил направление и характер теоретических разработок евразийцев.

Право им трактовалось прежде всего как «правомочие», т. е. как возможность осуществления тех или иных действий, в отличие от правовых систем, в которых на первый план выдвигаются понятия «обязанность» и «долг». Западным моделям государственного устройства, опиравшимся на теорию естественного права, противопоставлялся древнерусский идеал «государства-правды», в котором государство подчинено «началу вечности» и где на основе понятия «правда», включающего в себя и субъективное право, и нормы справедливости достигается синтез права и нравственности, единство прав и обязанностей граждан. Возрождение этого правового идеала предполагало преодоление нормативного «объективного права» и замену его так называемым «установленным правом», основывающимся на религиозно-нравственных идеях и вытекающим из общенародного правосознания. В государстве с такой правовой системой индивид не может существовать иначе, как будучи воплощением общественного целого, в чем евразийцы видели цель, долг и право гражданина

«Государство правды», по мысли евразийцев, может существовать лишь как идеократическое государство, как некоторое «идеало-правство», которое строится на основе господствующей «идеи-правительницы». Эта идея, вытесняя ложные и опасные идеологии, преобразует и творит жизнь в «государстве правды», являясь сущностью культуры и одновременно ее архетипом, на обнаружение которого направляется вся духовная деятельность общества. «Идея-правительница» не может быть выражена в какой-то ограниченной форме. По сути своей «идеи-правительницы» подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир.

Вместе с «идеи-правительницей» властные функции реализует «правлящий слой». Согласно концепции евразийцев, этот слой, выражающий общенациональный интерес и служащий общему благу, формируется в соответствии с типом культуры, государственного и социального устройства общества. Одна из центральных идей политической доктрины евразийства – об органическом вырастании из народного массива правящего слоя, а из него – правительства и о необходимости органической связи между народом, правящим слоем и правительством. В русской истории примером удачного отбора признавалось формирование служилого дворянства, начиная с петровской эпохи, в средневековой Европе – рыцарство, в Японии – самураи. В России правящий отбор часто осуществлялся в спешке и был неустойчив. Именно в нарушении «органической связи между народом, правящим слоем и правительством» евразийцы усматривали основную причину русской революции.

Заслуга разработки политико-правовой составляющей евразийства во многом принадлежит выдающему русскому правоведа, философу, писателю и публицисту Н.Н. Алексею (1879-1964) [2], [3], ученику П. И. Новгородцева [24], [32], который именно к творчеству Достоевского возводил «основные элементы русской философии права» [19, с. 155-156]. Разработанное им на основе феноменологического метода учение о нравственно-правовом идеале формирует представление об этических и аксиологических основаниях идеала российского государства как «государства правды», воплощающего идеал справедливости. Вопрос о нравственно-правовом идеале Н. Н. Алексеев трактовал как один из общих вопросов миросозерцания, а потому как общефилософский вопрос, который должен рассматриваться всеми научными и философскими методами. Этот вопрос не может быть решен только посредством феноменологической методологии: нижняя граница феноменологического метода определяется эмпирическими единичными отношениями, которые не познаются феноменологически и требуют особых приемов исследования и постижения; «сверху» феноменология ограничена такими объектами, которые не являются феноменами, данными во времени и не являются идеями в духе платонизма, но выше первых и вторых.

В эмиграции Алексеев активно выступал с лекциями и докладами, разъясняющими сущность евразийского учения, пишет множество статей в евразийские издания, участвует в редактировании «Евразийского сборника». Наряду с этим выходят фундаментальные публикации, в которых в той или иной степени находят отражение евразийская тематика. Среди них: «На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности)» (1927); «Религия, право, нравственность» (1930); «Теория государства: Теоретическое государствоведение. Государственное устройство. Государственный идеал» (1931); «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину» (1936). Алексеев – один из соредкторов и авторов-составителей объемного сборника «Право Советской России» (Вып. 1-2. Прага, 1925), в котором детально исследуются административное право СССР, публично-хозяйственное право, гражданское право, уголовное право, процессуальное право. Перу Алексея принадлежат статьи «Источники права» (в соавторстве с Н. С. Тимашевым) и «Государственный строй».

В статье «Евразийство и марксизм» Алексеев противопоставлял учение о правящем слое классовому подходу марксистов. Если последние связывали возможность установления совершенного общественного строя с господством интереса пролетариата, тоновая идеология – «со значением в жизни человеческих обществ чисто служилых правящих групп, в господстве которых проявляется не односторонний эгоистический групповой интерес, но нейтральные интересы общественного целого» [16, с. 34] Выдвижение и формирование правящего слоя – необходимая предпосылка возрождения России. В создании условий для этого евразийцы видели одну из своих важнейших практических задач. В другой своей работе «Евразийцы и государство» Алексеев писал: «Политические партии и масоны – западный продукт, мы же – восточники, и нас не вдохновляют ни идеалы иезуитов, ни

свободные мыслители реформантов и протестантизма... По духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена» [14, с. 34].

Вопросам правовой организации советского строя Алексеев уделяет очень большое внимание. Действительные идейные предпосылки советского строя он связывает не только с учением Маркса, Ленина или Сталина, но также и с проектом государственного устройства М. М. Сперанского; с «Русской Правдой» П. И. Пестеля, в которой советской идее созвучны принципы многоступенчатости выборов и особая роль, отводившаяся местным органам; а также — с традициями казачества. В казачьем самоуправлении Алексеев особо подчеркивает традиции прямого народоправства, отсутствие идеи представительства и идеи права, «принцип замещения» вместо разделения властей. В понимании Н. Н. Алексеева, принцип замещения, которому он придавал большое значение, имеет место тогда, когда нижестоящий орган власти полностью замещает в промежутке между сессиями вышестоящий орган.

Положительным опытом советской системы Алексеев считал значительную степень участия в ней профессиональных организаций; многоступенчатость выборов, обеспечивающую органическую связь верхов с низами; связанные с этими двумя обстоятельствами неблагоприятные условия для развития политических партий и их взаимной борьбы, которую он считал вредной для России; принцип замещения. В числе недостатков он называл прежде всего диктатуру Коммунистической партии.

Решение вопроса о будущем России и о перерождении советской системы в систему подлинного народоправства Алексеев связывал прежде всего с тем, насколько сумеет Россия удержать целостность евразийского пространства. Для этого она должна быть, по его мнению, федеративным государством особого рода, имеющим сильную центральную власть, способную выявить тенденцию регионов к сближению и создать условия для ее доминирования. Весьма актуально звучат сегодня слова Алексеева, сказанные им еще в 1927 г.: «Районирование России по принципу больших единиц хозяйственно-географических (областей) является крупнейшей задачей русской политики, — тот, кто успешно решит эту задачу, будет владеть судьбами будущей России. Великое тело России должно быть построено из частей, обнаруживающих сознательный интерес к естественному взаимному сцеплению и ощущающих, что без такого сцепления смерть грозит и целому, и каждому отдельному члену. Россия должна стать, в смысле ее административно-политического деления, истинным хозяйственно-географическим организмом, — и тогда будущее ее будет предохранено от возможности того распада, которое пережила Империя после революции» [4, с. 75].

Видимо, именно то, что советская власть восстановила имперскую целостность, позволяло евразийцем, предававшим особенно большое значение географическому фактору, с надеждой смотреть на перспективы ее эволюции, единственно, с чем никогда не примирялись евразийцы — это советская безбожная и утопическая идеология. Помня о невозможности рационально просчитать все содержание общественных процессов, Алексеев писал: «Евразийство не верит в возможность окончательного устройства на Земле совершенного общества в виде земного рая. Земное, эмпирическое общество может быть только приближением к совершенству, а не его полной. Поэтому нет никаких решительных и окончательных стадий общественного развития, на которых решаются все проблемы, история останавливается и начинается райское блаженство» [16, с. 14].

В конце двадцатых годов прошлого столетия в евразийском движении произошел раскол. Под руководством С. Я. Ефрона и Д. П. Святополк-Мирского вокруг газеты «Евразия» образовалось левое крыло, открыто симпатизировавшее советскому строю. Ряд видных деятелей евразийства, среди которых были Алексеев, Трубецкой, Флоровский, выступили с резкой критикой этой позиции. Мы не будем рассматривать здесь причины угасания евразийского движения к началу Второй мировой войны, как не будем вести речь о

его достоинствах и недостатках. Можно лишь отметить, что именно в евразийцах сегодня во многом видят зачинателей русской геополитической науки. Высокая степень научной подготовки ученых-евразийцев в области истории, философии, юриспруденции позволила выразить их идеи в теоретических формах, почти безукоризненных по уровню своего исполнения. Поэтому влияние их учения будет сохраняться, а политико-правовые идеи не перестанут быть объектом внимания современных философов права, ученых-геополитиков и правоведов, занятых разработкой суверенной философии права России [26, с. 337-340].

Пристатейный библиографический список

1. Авдеева Л. Р. Проблема «России и Европы» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. — Серия 7: Философия. — 1982. — № 3.
2. Алексеев Н. Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В. П. Сальников, Ю. А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. — СПб.: Лань, 2001. (Мир культуры, истории, философии).
3. Алексеев Н. Н. Основы философии права / Отв. ред. В. П. Сальников, Ю. А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. — СПб.: Лань, 1999 (Мир культуры, истории, философии).
4. Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности). — Париж, 1927. — 75, [5] с.
5. Бажов С. И. Проблемы культуры и цивилизации философско-исторической концепции Н. Данилевского // Социальная философия в России в XIX веке: Сборник. — М.: Институт философии АН СССР, 1985. — 134 с.
6. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. — СПб.: Фонд «Университет», 2023. — 456 с. (Серия: «Наука и общество»).
7. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Творческое наследие Ф. М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. — 2020. — № 6. — С. 170-177.
8. Безобразов В. П. Данилевский и его «Россия и Европа» // Русский вестник. — 1872. — Т. 101. № 9.
9. Галактионов А. А. Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского // Российская социология: Сборник. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1993.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Состав. Н. Саркитова; коммент. В. Климанова, Н. Саркитова. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 704 с.
11. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; Ананских И. А., Виноградова Е. В., Грибов И. Н., Гутман М. Ю., Захарцев С. И., Зорина Н. В., Игнатьева С. В., Исмагилов И. Р., Исмагилов Р. Ф., Кийко А. Ю., Крижановская Г. Н., Лежнева О. Ю., Лысенков С. Г., Максимов А. А., Масленников Д. В., Морозов А. И., Новожилов С. А., Петров П. А., Прокофьев К. Г., Сальников В. П., Сальников М. В., Сальников С. П., Старовойтова О. Э., Утюганов А. А., Хабибулин А. Г. — СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. — 463 с.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской лите-

- ратуры (Пушкинский дом). Т. 20. Статьи и заметки. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. – 432 с.
13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 29, кн. 1. Письма 1869 – 1874. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. – 573 с., 1 л. портр.: портр., факс.
 14. Евразийская хроника. Вып. IX. – Париж, 1927.
 15. Евразийская хроника. Вып. VII. – Париж, 1927.
 16. Евразийский сборник. Кн. VI. – Прага, 1929.
 17. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 17-24.
 18. Захарцев С. И., Сальников В. П. Вышла замечательная работа о Федоре Михайловиче Достоевском. Рецензия на книгу митрополита Илариона (Алфеева) «Евангелие Достоевского. – М.: Издательский дом “Познание”, 2021. – 232 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 8. – С. 177-193.
 19. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, И. Р. Исмагилов, О. А. Клименко, О. Ю. Лежнева, С. Ф. Мазурин, Б. В. Маков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, П. А. Петров, Е. А. Поливко, К. Г. Прокофьев, О. В. Пылева, В. П. Сальников, М. В. Сальников, Ф. О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 20. Лесевичкий А. В. Евразийский концепт Ф. М. Достоевского // Общество и этнополитика: материалы седьмой Международной научно-практической интернет-конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления / Под науч. ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск: Сибирская академия государственной службы, 2015. – С. 284-291.
 21. Лесевичкий А. В. Ф. М. Достоевский как предшественник евразийства: монография. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 156 с.
 22. Масленников Д. В., Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Сальников В. П. Духовная консистория в противоречии идеи Бога и идеи государства // Вестник Санкт-Петербургского университета; история. – 2022. – Том. 67. № 1. – С. 62-74. DOI 10.21638/11701/spbu02.2022.104.
 23. Масленников Д. В., Сальников В. П., Бердников И. В. Идея Бога в творчестве Ф. М. Достоевского // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна. Богатырёв Д. К., Богатырёва Л. В., Бильченко Е. В., Гуторов В. А., Докучаев И. И., Масленников Д. В., Никоненко С. В., Перцев А. В., Преображенская К. В., Протопопов И. А., Сальников В. П., Соловьев А. П., Бердников И. В., Хромцова М. Ю. Коллективная монография. Под общей редакцией Д. В. Масленникова. – СПб.: РХГА, 2023. – С. 220-259.
 24. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / Отв. ред. В. П. Сальников, Ю. А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории и философии).
 25. Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. Социология, культурология, этнология. – 1992. – Т. 1. № 1.
 26. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / Под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).
 27. Сеитов М. М. «Предъевразийство» Ф. М. Достоевского: истоки и художественное воплощение: Дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2010. – 178 с.
 28. Соловьев С. А. От Данилевского к Шпенглеру: развитие цивилизационного подхода к типологии государств // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 76-79.
 29. Степашин С. В. Приоритеты для евразийской интеграции и обеспечения ее конкурентоспособности // Право интеллектуальной собственности. – 2020. – № 4. – С. 7-9.
 30. Султанов К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. – СПб.: СПГТУ, 2001. – 247 с.
 31. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; Ананских И. А., Виноградова Е. В., Вихров А. А., Гутман М. Ю., Захарцев С. И., Зорина Н. В., Игнатьева С. В., Исмагилов Р. Ф., Кийко А. Ю., Клименко О. А., Крижановская Г. Н., Лысенков С. Г., Масленников Д. В., Мирзоев А. К., Морозов А. И., Новожилов С. А., Петров П. А., Прокофьев К. Г., Сальников В. П., Сальников М. В., Сальников С. П., Старовойтова О. Э., Третьяков И. Л., Утюганов А. А., Хабибуллин А. Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный орден Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
 32. Фролова Е. А. Моральная философия права П. И. Новгородцева: Монография. – М.: Проспект, 2023. – 160 с.
 33. Хабриева Т. Я., Лукьянова В. Ю. Евразийская интеграция: особенности динамики // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика / Шохин А. Н., Баширов М. Ф., Борисов С. Р., Воробьев М. А., Гальперин М. Л., Ефременков И. Н., Жигалов С. В., Иванов А. А., Иванов Е. А., Иванова В. С., Калганова Л. А., Кириллина В. Н., Комшукова О. В., Котелевская И. В., Ледяев В. Г., Лексин В. Н., Ложевский И. А., Лукьянова В. Ю., Назаров А.Г. и др. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – С. 69-81. – в кн. 380, [1] с.: портр., табл.
 34. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. / Пер. с нем. И. И. Михалькова. – М.: Академический Проект, 2009. – 648- 764 с. – (Социокультурные технологии).

СЕЛИМОВА Анара Маратовна

кандидат юридических наук, преподаватель, доцент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский институт, Всероссийский государственный университет юстиции (РГПА Минюста России), г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматривается проблема правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в контексте современного общества, подчеркивая, что эта тема остаётся актуальной не только в XXI веке, но и на протяжении всей истории развития технологий. Основная мысль статьи заключается в том, что отсутствие чётких юридических норм и определений, касающихся искусственного интеллекта, создает риск для защиты прав человека и безопасности в условиях его интеграции в различные сферы жизни. Таким образом, статья поднимает важные вопросы о необходимости разработки комплексного правового регулирования искусственного интеллекта, что является ключевым условием для его безопасной интеграции в повседневную жизнь и защиты прав граждан. Информационные технологии, основанные на искусственном интеллекте, кардинальным образом подвергают изменениям различные процессы в жизни общества, они в целом влияют на образ жизни, формат обучения и развития людей. ИИ является неотъемлемой частью современного информационного общества. ИИ упрощает разные виды трудоемкой, времязатратной продолжительной работы, модернизирует наиболее важнейшие направления и сферы жизнедеятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, технологии, робототехника, информационное общество.

SELIMOVA Anara Maratovna

Ph.D. in Law, lecturer, associate professor of Theory of state and law sub-faculty, North Caucasus Institute, All-Russian State University Of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the problem of legal regulation of artificial intelligence (AI) in the context of modern society, emphasizing that this topic remains relevant not only in the 21st century, but also throughout the history of technology development. The main idea of the article is that the lack of clear legal norms and definitions related to artificial intelligence poses a risk to the protection of human rights and security in the context of its integration into various spheres of life. Thus, the article raises important questions about the need to develop a comprehensive legal regulation of artificial intelligence, which is a key condition for its safe integration into everyday life and protection of citizens' rights. Information technologies based on artificial intelligence radically change various processes in the life of society, they generally affect the way of life, the format of education and development of people. AI is an integral part of the modern information society. AI simplifies various types of labor-intensive, time-consuming long-term work, modernizes the most important areas and spheres of life.

Keywords: artificial intelligence, digital economy, technology, robotics, information society.

Так, относительно Искусственного интеллекта Новиков Ф. А. писал, что современные интенсивные процессы развития цифровой экономики создают условия, при которых информационные технологии сами диктуют необходимость изменения норм законодательства. Особенно обозначено значение ИИ как одного из важных технологий современности [1]. ИИ активно участвует в образовательной, медицинской, правоохранительной, природоохранной сфере, в сфере государственного управления и во многих других сферах. Первая логическая машина была создана более 700 лет назад миссионером Раймундом Луллием. Это изобретение можно считать первым опытом воссоздания разума человека. В последующем работу в этом направлении продолжили Готфрид Лейбниц, Джорд Буль, Илон Маск. Это люди, которые большую часть своей жизни посвятили и посвящают развитию Искусственного интеллекта, потому что за ним стоит огромное будущее.

Однако, у этого, нового для общества, и достаточно разнородного и специфичного явления под названием «искусственный интеллект», возникает множество проблем. Юристов интересует вопрос правового регулирования ИИ. Данная проблема достаточно актуальна на сегодняшний день. Этот вопрос изучают во всем мире.

Во-первых, отметим проблему дефиниции ИИ. Что же следует понимать под искусственным интеллектом? Однозначного определения и унифицированной трактовки по-

нятия «искусственный интеллект» нет в законодательстве нашей страны. Те, которые есть, необходимо доработать. В стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. искусственный интеллект назван в числе основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий [2]. В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», а также в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» искусственный интеллект перечислен среди основных сквозных технологий, применяемых в различных сферах общественной жизни [3]. Искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2].

В научной литературе можно встретить различные варианты интерпретации искусственного интеллекта. Но в целом, суть этих определений заключается в том, что искусственный интеллект – это комплекс способностей и функций устройства технического происхождения, работа, полностью подконтрольного определенной компьютерной системе, достигать цели и задачи, которые обычно разрешаются человеческим разумом, его рациональным интеллектом.

Во-вторых, необходимо отметить такую проблему как обеспечение полноценной и всеобъемлющей безопасности человека, его жизни, здоровью, его законных прав и свобод, безопасности общества в процессах применения и использования искусственного интеллекта. Дело в том, что правовые основы для вышеуказанной безопасности, в дефиците. Их крайне недостаточно. Попытки декларации важности безопасности и некоторых способов ее обеспечения сделаны в Стратегии развития информационного общества в России, а также в Национальной стратегии по развитию ИИ на период до 2030 года. В этих документах говорится, что деятельность по использованию ИИ необходимо организовать и осуществлять, базируясь на принципе обязательного контроля человеком, его непосредственным разумом работы алгоритмов, действий ИИ [4].

Множество исследований по ИИ зиждутся на концепции воссоздания, воспроизведения человеческого мышления посредством заранее проработанных и заданных алгоритмических манипуляций, исходящих от технологий, от технических систем. То есть компьютеры будут выполнять работу и достигать задачи, которые до этого были подвластны человеческому уму. Особенно следует отметить машины, которые научились обучаться и развиваться самостоятельно. Такие роботы способны принимать решения и давать оценочный анализ, необходимые человеку. В этом - огромный плюс, так как человек получает большую разгрузку в процессах организации и координирования работы технологий, отпадает необходимость постоянного мониторинга действий роботов. Однако, в этом есть и определенная опасность. Неизвестно, как себя поведет эта конкретная технология, этот конкретный робот. Не навредит ли он человеку? А ведь обеспечение безопасности мы указали одной из основных проблем в рамках данного исследования.

В-третьих, отсутствует четко обозначенный, законодательно подтвержденный правовой статус ИИ. Проблема не столько в том, что нет дефиниции, оно есть, но не совсем дающее ответы на множество вопросов, как мы уже указали выше. Определение ИИ дается в Указе Президента 2019 года, а потом в Федеральном законе № 123-ФЗ 2020 года. Но этого недостаточно. Необходимо принять специальный закон об ИИ, а также решить каким элементов правоотношениях будет выступать ИИ. Мы считаем, что, однозначно, объектом. Но в статье 129 ГК РФ ИИ не перечислен в качестве объекта. Если даже дать ИИ статус объекта, то какого именно. Это будет очень специфический объект. Но субъектом ИИ, исходя из сущности и конструкций российской правовой системы, не взирая на зарубежный опыт, мы никак не можем. Поэтому очень сложно выработать какие-нибудь единые правовые нормы и правила для регулирования ИИ в современных реалиях.

В-четвертых, необходимо установить и закрепить единые конструкции по поводу ответственности ИИ. Ведь ИИ может посягнуть на охраняемые государством и обществом ценности и интересы. Ответственность возможна только в том случае, если ИИ признан субъектом права. А мы выше указали, что это невозможно. В случае признания ИИ объектом, проблема не отпадает. Объект права не может нести ответственность. Остается единственное решение – возложить ответственность на человека, на разработчика технологии. Но, если машина саморазвивающаяся, тогда получается, что человек никак не может предусмотреть и предвидеть дальнейший алгоритм действий машины. Как же быть тут?

В-пятых, присутствует необходимость обеспечения информационной безопасности при использовании ИИ в важнейших сферах жизнедеятельности. В ходе такого применения возможны утечка конфиденциальной информации, например, персональных данных), несанкционированный доступ или непреднамеренное воздействие на информации. А это категорически недопустимо, так как под удар ставится

не только информационная безопасность, но национальная безопасность России [5].

Шестая проблема – это нехватка компетентных специалистов в информационно-телекоммуникационной сфере, необходимость подготовки кадров в сфере ИТ, дефицит юристов с технологическим уклоном знаний.

Седьмая проблема – риск вытеснения роботами человеческого ресурса, исчезновение некоторых профессий.

Восьмая проблема – это необходимость проведения через этические, гуманистические фильтры все процессы, связанные с применением ИИ.

Таким образом, ИИ – это серьезный и очень прогрессивный скачок и виток в спирали развития общества, науки, информационного общества. ИИ облегчают жизнь людям, разгружают функциональную нагрузку в производстве, в социальной сфере, в научной стезе, в технологическом пространстве, в информационно-телекоммуникационном поле. В данном исследовании выявлены основные проблемные направления, по которым необходимо провести существенную колоссальную работу государственному аппарату, законодателю, научному сообществу и общественности. Необходимо полностью отрегулировать все аспекты ИИ юридического содержания. Возможно, необходимо принятие специального закона об ИИ, который бы декларировал однозначную и содержательную интерпретацию ИИ, определил бы статус ИИ в правовой жизни. ИИ ни в коем случае не должен противоречить национальным интересам и стратегическим приоритетам нашей страны, а тем более посягать на них. Все мероприятия по внедрению ИИ, все манипуляции, осуществляемые посредством ИИ, обязательно должны обеспечить безопасность как отдельно взятому человеку, так и всему государству.

Пристатейный библиографический список

1. Новиков Ф. А. Символический искусственный интеллект: математические основы представления знаний: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 279 с.
2. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.10.2024).
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р (утратила силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 03.08.2017. (дата обращения: 12.10.2024).
4. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.10.2024).
5. Незнамов А., Наумов В. Проект Модельной Конвенции по роботехнике и искусственному интеллекту. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://robotpravo.ru/modielnaia_konvietsiia, 05.11.2021 (дата обращения: 12.10.2024).

СЕКРЕТАРЁВ Роман Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В США

В статье рассмотрен правовой статус религиозных организаций в США. Приведены актуальные исследования зарубежных авторов, а также актуальная судебная практика Верховного Суда США по спорам, предметом которых были те или иные аспекты государственно-конфессиональных отношений. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значительное число граждан США, придерживающихся христианских взглядов, на внутреннюю и внешнюю политику США это оказывает весьма незначительное влияние.

Ключевые слова: религиозные объединения, свобода совести, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, секуляризация, законодательство США, судебный прецедент.

SEKRETRYOV Roman Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Vladivostok State University

THE POLITICAL AND LEGAL ASPECT OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE UNITED STATES

The article examines the legal status of religious organizations in the United States. It presents current research by foreign authors, as well as current judicial practice of the Supreme Court of the United States on disputes, the subject of which were certain aspects of state-confessional relations. The author comes to the conclusion that, despite the significant number of US citizens who adhere to Christian views, this has a very insignificant impact on the domestic and foreign policy of the United States.

Keywords: religious associations, freedom of conscience, freedom of religion, state-confessional relations, secularization, U.S. law, judicial precedent.

В 2007 году мной была защищена религиоведческая диссертация «Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США» [1]. В диссертации были рассмотрены теоретический аспект взаимосвязи политики и религии, а также роль религии как во внутренней, так и во внешней политике США. За прошедшее с момента защиты время появилось много новой научной информации, что дало повод вернуться к данной проблеме и обозначить ряд дискуссионных моментов, однако уже не с религиоведческих позиций, а с правовой точки зрения. В ходе исследования были изучены современные англоязычные научные публикации, которым ранее отечественные исследователи не уделяли внимания, а также актуальная судебная практика, что обусловило новизну работы и ее актуальность.

Весьма примечательными для всестороннего осмысления значения религиозного фактора в общественно-политической жизни США являются следующие научные публикации. Прежде всего необходимо отметить концептуальное исследование Джилл Кваданьо и Дины Ролинджер [2], оформленное в виде одной из глав коллективной монографии. Исследователи с одной стороны прямо указывают, что США были основаны как светская нация, а с другой - отмечают влияние религиозных установок первых переселенцев (пуритан, конгрегационалистов, пресвитериан, католиков, англикан) на формирование специфической модели государственно-конфессиональных отношений. Однако для понимания современных реалий нужно учитывать, что этноконфессиональный состав США за прошедшие века значительно изменился, что, несомненно, повлекло и изменение государственно-конфессиональных отношений.

В 2016 году Джо Рене Формикола опубликовала статью о реформировании отношений государства и Католической церкви США [3]. Формикола предприняла попытку выявить последствия сексуальных скандалов с участием католического духовенства на состояние государственно-конфессиональных отношений в США. По её мнению, гражданские власти сделали правильные выводы из указанных скандалов. Это проявилось, прежде всего, в чётком акцентировании на необходимости соблюдения гражданского законодательства, гарантий прав человека при возникновении ситуаций сексуального насилия со стороны духовенства. Каноническое право регулирует данные вопросы не оптимальным способом. По сути, здесь в роли судей

выступают должностные лица, обязанные не допускать противоправных действий в отношении третьих лиц со стороны подчинённого духовенства. Но правоприменительная практика, которую обобщила Формикола, решила гипотетические коллизии между светским правом и каноническими установками в пользу первого. И, как отметила правовед, высокопоставленные католические лидеры должны сделать вывод о необходимости не только учитывать, но и точно соблюдать предписания светского права, а не ориентироваться на руководящие установки из Ватикана.

В 2017 году коллектив авторов из Италии, Канады и Великобритании подготовил исследование [4], посвящённое выявлению взаимосвязи между религией и социальной политикой в глобальном масштабе; среди прочего, авторы не обходят вниманием США. Ими отмечается, что в США в условиях религиозного плюрализма весьма сильны либеральные политические традиции. Не вызывает сомнения, что в реформе социального обеспечения в США весьма заметную роль сыграли правые христианские фракции. Данный тезис интернациональный коллектив учёных подкрепляет ссылкой на упомянутую ранее работу исследовательниц из университета Флориды.

В 2021 году профессор одного из колледжей Оксфордского университета Тобиас Кремер опубликовал исследование, посвящённое формированию христианского ответа на правый популизм сквозь призму государственно-конфессиональных отношений в Германии и США [5].

Обобщив результаты исследований ряда коллег, Кремер подметил, что зачастую за использованием религиозного дискурса лежат вполне земные интересы с явным политическим уклоном и цивилизационное неприятие ислама в некоторых слоях общества как Германии, так и США. Традиционные религиозные ценности здесь играют роль удобного инструмента, который нужен субъектам политической жизни для реализации своих популистских интересов. Также Кремер указывает, что в настоящее время в США наметились явные тенденции к религиозной деинституционализации и секуляризации. Независимость и моральный авторитет американских религиозных деятелей евангелического толка зримо уменьшаются.

Качественный исторический обзор теоретических воззрений на государственно-конфессиональные отношения в

США был дан в 2023 году турецкими авторами [6], однако, мой взгляд, данное исследование носит излишне теоретический характер, в значительной степени повторяет устойчивые выводы из публикаций XX века и не учитывает динамику изменений в указанной сфере общественных отношений на современном этапе. Впрочем, названная публикация турецких учёных окажется весьма интересной для лиц, только лишь приступающих к изучению вопроса о взаимовлиянии религии и политики в США.

Весьма примечательной является статья профессора Калифорнийского университета Эрвина Чемерински [7], автор которой задаётся вопросом — являются ли США христианской нацией? И даёт на этот вопрос однозначный отрицательный ответ. Но к такому ответу учёный приходит, анализируя проблему исключительно с правовой точки зрения, оставляя за скобками исторический, политологический, социологический и культурологический аспекты.

Хотя ранее в судебной практике США высказывалось мнение, что США — это именно христианское государство. Например, в деле «**Церковь Святой Троицы против США**»¹, было высказано иное мнение. Законодательство США того времени запрещало заключать договоры с иностранными рабочими о переезде в США в целях трудоустройства. Однако одна из религиозных организаций пригласила из Англии пастора в целях осуществления богослужебной деятельности. Указанное приглашение было сочтено противоправным, поэтому религиозная организация обратилась в суд. Обосновывая итоговое решение в пользу работодателя, судья Брюэр указал, что США являются христианской нацией, поэтому запрет на переезд священнослужителей абсурден. Судья подчеркнул, что воскресный день исключается из десятидневного срока, в течение которого Президент США должен рассмотреть представленные ему законопроекты и подписать их либо наложить вето и вернуть в Конгресс.

Хотя ранее практика была иной. Например, в деле «**Энгель против Витале**»² суд постановил, что утверждение государственными служащими текста молитвы, который будет читаться перед школьными занятиями, является неконституционным из-за нарушения Первой поправки к Конституции США. При этом текст молитвы носил внеконфессиональный характер, в нём были старательно обойдены богословские тонкости, которые не одинаково трактуются в различных христианских деноминациях. Но даже в таком виде одобренная властями штата молитва нарушала права атеистов и иудеев.

В деле «**Школьный округ Абингтон против Шемппа**»³ Верховный суд США постановил, что чтение Библии перед школьными занятиями, а равно и общешкольная молитва по установленным текстам являются неконституционными. С 1949 года все государственные школы в Пенсильвании начинали занятия с чтения библейских сюжетов. В 1960-е годы аналогичные законы были приняты ещё в нескольких штатах. Эдвард Шемпп, будучи по религиозным воззрениям унитарием-универсалистом, подал иск в интересах своих несовершеннолетних детей, поскольку читаемые в школах молитвы противоречили некоторым верованиям унитариев. В условиях отсутствия единого центра принятия богословских выверенных решений в протестантизме возникают самые причудливые верования, принудить к согласию с которыми конкретные лидеры не могут. Поэтому часто возникают ситуации, когда равнозначные с точки зрения права религиозные группы, которые являются частью протестантизма, имеют диаметрально различные установки по частным богословским вопросам. Во время судебных разбирательств истец и его дети дали показания относительно конкретных религиозных доктрин, которые противоречили их религиозным убеждениям и их семейному учению. Дети Шемппа указали, что во время школьных занятий им навязывали взгляды, с которыми они не были согласны. Поэтому один из сыновей Шемппа решил, что во время общешкольных чтений Библии

он в знак протеста будет читать Коран, чем немало озадачил окружающих. Это было весьма вызывающее поведение с точки зрения общественной морали, однако его можно рассматривать как допустимый способ защиты своего нарушенного субъективного права на свободу совести. Указанный иск прошёл все судебные инстанции и в итоге Верховный суд США оставил в силе решение суда первой инстанции, которым иск был удовлетворён. Чтение Библии и практика общешкольной молитвы в Пенсильвании были признаны неконституционными.

По результатам проведённого исследования мной были сделаны следующие выводы:

1. В настоящее время используя правовой дискурс неверно говорить о том, что США являются христианской страной. Этноконфессиональный состав населения США весьма разнообразен, предоставление значительных правовых преференций на федеральном уровне христианским исповеданиям вряд ли уместно.

2. Правоприменительная практика на уровне Верховного суда США по указанному вопросу не является постоянной, а изменяется в динамике. Полагаю, что это зависит прежде всего от реальных запросов общества и от того, какое место религиозные институты занимают в социально-политической жизни США в конкретное время.

3. Предоставление точечных преференций каким-либо религиозным организациям (не обязательно христианским) на уровне законодательства штатов не нарушает Конституции США, а служит более тонкой и точечной настройке государственно-конфессиональных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Секретарёв Р. В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - Благовещенск, 2007. - 22 с.
2. Quadagno, J., & Rohlinger, D. (2009). The religious factor in U.S. Welfare state politics. In K. Van Kersbergen & P. Manow (Eds.), *Religion, class coalitions and the welfare state* (pp. 236–265). - New York: Cambridge University Press DOI:10.1017/CBO9780511626784.010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/291958976_The_religious_factor_in_US_Welfare_state_politics.
3. Jo Renee Formicola *Recalibrating U.S. Catholic Church-State Relations: The Effects of Clerical Sexual Abuse // Journal of Church and State*. - 2016. - Volume 58. - Issue 2. - P. 307-330. <https://doi.org/10.1093/jcs/csu108>.
4. Pavolini E., Béland D., & Jawad R. (2017). Mapping the relationship between religion and social policy // *Journal of International and Comparative Social Policy*. - № 33(3). -P. 240-260. doi:10.1080/21699763.2017.1363801. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-international-and-comparative-social-policy/article/abs/mapping-the-relationship-between-religion-and-social-policy/718CD57B050F97B9B4CAE72801BE9B94>.
5. Cremer T. (2021) Nations under God: How Church-State Relations Shape Christian Responses to Right-Wing Populism in Germany and the United States. *Religions*, 12, 254. <https://doi.org/10.3390/rel12040254> URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/4/254>.
6. Yüksel Ü. & Büyükbaş H. (2023), Religious Freedom in The USA: Separation Between Church and State, *Erciyes Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 65, 67-72, doi: 10.18070/erciyesuibd.1213140. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2806899>.
7. Chemerinsky, Erwin (2021) “No, It Is Not a Christian Nation, and It Never Has Been and Should Not Be One” // *Roger Williams University Law Review*. - Vol. 26. - Iss. 2. - Article 5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://docs.rwu.edu/rwu_LR/vol26/iss2/5.

1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.lawschoolcasebriefs.net/2013/11/church-of-holy-trinity-v-united-states.html> (дата обращения: 19.10.2024).

2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/370/421/> (дата обращения: 19.10.2024).

3 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/203/> (дата обращения: 19.10.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-74-78

СЕЛИВЕРСТОВ Данила Михайлович

студент 2-го курса, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ВОЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Анализируя судебные акты, приходишь к пониманию, что в разный период времени по аналогичным категориям дел решения судей могут отличаться как в описательно-мотивировочной части, так и в резолютивной. Это разнообразие судебных актов зачастую свидетельствует о том, что акценты правоприменителя расставляются по-разному в зависимости от конкретного случая и обстоятельств, что касается взаимосвязи между правоотношениями и соответствующими нормами права. Основной задачей правоприменителя является не только правильная интерпретация закона, но и его применение с учетом изменяющихся социально-экономических реалий и потребностей общества. В данной статье автор раскрывает вопрос правовой определенности нормы права, рассматривая ее значение в обеспечении стабильности и предсказуемости правоприменительной практики. Кодификация наиболее важных определений, используемых законодателем, является важным шагом на пути к упорядочиванию правовой системы. Примеры из практической жизни правоприменителя показывают, что отсутствие четко прописанных законодательных конструкций может привести к негативным последствиям: от затруднений в понимании и применении норм до порождения правовых пробелов, что негативно сказывается на правосознании граждан и доверии к судебной системе. Амбивалентность закрепленных норм порой допускает их произвольное применение, что в свою очередь приводит к правовой неопределенности и снижению правовой защиты для граждан. Учитывая изложенное, особенно актуальным становится вопрос о необходимости пересмотра и уточнения законодательных норм с целью достижения более высокого уровня правовой ясности и предсказуемости в судебной практике.

Актуальность исследования приведенного в публикации состоит в том, что правовые неопределенности и размытость норм законодательства создают значительные барьеры для реализации прав граждан. В условиях, когда нормы закона могут интерпретироваться по-разному, возникает риск произвольного применения норм правоприменительными. Это, в свою очередь, ведет к юридической незащищенности и, как следствие, к снижению уровня доверия к правосудию. Данные правовые пробелы затрудняют защиту прав и законных интересов граждан. Нередко граждане сталкиваются с ситуациями, когда не только сам по себе закон, но и суд как применитель его не обеспечивает адекватной правовой защиты их обязательств или прав.

Статья затрагивает не только теоретические аспекты, но и практические примеры, иллюстрирующие, как нечеткость и неопределенность в законах могут привести к различным толкованиям и, как следствие, к противоречивым решениям судов. Таким образом, система правоприменения нуждается в постоянном анализе и совершенствовании, чтобы обеспечить более справедливое и объективное осуществление правосудия. Из теоретического и практического анализа рассматриваемой научной проблемы автор приходит к выводу о необходимости разработки единого нормативного акта, который мог бы на стадии разработки проектов законов устранять формальность нормативных положений, тем самым повысил бы уровень юридической конструкции, качество принимаемых законов.

Ключевые слова: правовая определенность, юридическая конструкция, норма права, кодификация, дефиниция, судебная практика, правоприменитель, дискреционные полномочия, пределы судебского усмотрения, субъективный элемент в правоприменении, принятые решения.

SELIVERSTOV Danila Mikhaylovich

student of the 2nd course, North Caucasus Federal University, Stavropol

THE WILL OF THE LEGISLATOR THROUGH THE PRISM OF JUDICIAL PRACTICE

Analyzing judicial acts, one comes to understand that in different periods of time, in similar categories of cases, the decisions of judges may differ both in the descriptive and motivational part and in the operative part. This variety of judicial acts often indicates that the accents of the law enforcement officer are placed differently depending on the specific case and circumstances, with regard to the relationship between legal relations and relevant legal norms. The main task of a law enforcement officer is not only the correct interpretation of the law, but also its application, taking into account the changing socio-economic realities and needs of society. In this article, the author reveals the issue of legal certainty of the rule of law, considering its importance in ensuring stability and predictability of law enforcement practice. Codification of the most important definitions used by the legislator is an important step towards streamlining the legal system. Examples from the practical life of a law enforcement officer show that the absence of clearly defined legislative structures can lead to negative consequences: from difficulties in understanding and applying norms to creating legal gaps, which negatively affects the legal awareness of citizens and trust in the judicial system. The ambivalence of the established norms sometimes allows their arbitrary application, which in turn leads to legal uncertainty and a decrease in legal protection for citizens. Considering the above, the issue of the need to review and clarify legislative norms in order to achieve a higher level of legal clarity and predictability in judicial practice becomes particularly relevant. The relevance of the research presented in the publication lies in the fact that legal uncertainties and the vagueness of legislation create significant barriers to the realization of citizens' rights. In conditions where the norms of the law can be interpreted in different ways, there is a risk of arbitrary application of the norms by law enforcement agencies. This, in turn, leads to legal insecurity and, as a result, to a decrease in the level of trust in justice. These legal gaps make it difficult to protect the rights and legitimate interests of citizens. Citizens often face situations when not only the law itself, but also the court as its law enforcer does not provide adequate legal protection of their obligations or rights.

The article touches not only on the theoretical aspects, but also on practical examples illustrating how vagueness and uncertainty in laws can lead to different interpretations and, as a result, to contradictory court decisions. Thus, the law enforcement system needs constant analysis and improvement in order to ensure a more fair and objective administration of justice. From the theoretical and practical analysis of the scientific problem under consideration, the author comes to the conclusion that it is necessary to develop a single normative act that could eliminate the formality of normative provisions at the stage of drafting laws, thereby increasing the level of legal construction and the quality of laws adopted.

Keywords: legal certainty, legal construction, rule of law, codification, definition, judicial practice, the law enforcement officer, limits of judicial discretion, subjective element in law enforcement, decision-making, lawful decision of the judge.

Селиверстов Д. М.

В ходе обращения к нормам права, вне зависимости от наличия юридического образования, лицо так или иначе, сталкивается с толкованием ее содержания, уяснением сути на что она направлена и какую истинную регулятивную или будь то охранительную функцию содержит. Толкование нормы права проходит на различном уровне в зависимости от правоприменителя. Субъектами толкования нормы могут быть следователь, адвокат, судья, профессор, а так же лицо не обладающие юридическими познаниями, однако в силу обстоятельств вынужденный обратиться к нормативным актам для защиты своих прав и законных интересов.

Неоднократно в Постановлениях Пленума Верховного суда РФ встречается толкование отдельной нормы или положения закона в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства. Так же толкование встречается в ведомственных разъяснениях, где к примеру, прокурор акцентирует внимание на отдельные положения, приводит свое разъяснение норм, что бы избежать нарушений сотрудниками правоохранительных органов, а так же для обеспечения единства правопонимания и правоприменения.

Так, Прокурор Московской Межрегиональной транспортной прокуратуры в рамках разъяснений законности запросов из полиции и других правоохранительных органов указывает, что «Законодатель не раскрывает понятие «мотивированный запрос», но представляется целесообразным понимать под ним наличие в запросе информации о том, в рамках каких мероприятий проводится проверка» [8]

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации неоднократно высказанной в своих постановлениях «неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод» [1]

Однако, с учетом постоянного динамичного развития общества и совершенствования его социальной модели правоотношений, а так же технологического прогресса, невозможно предусмотреть, и тем более закрепить нормативное регулирование отвечающее точности формулировки и актуальности на длительный период времени.

К примеру, в настоящее время с одной стороны набирает свою популярность и актуализируется, с другой стороны вызывает сложность в квалификации действий с виртуальными объектами компьютерных игр. Из имеющихся понятий имущества и цифрового имущества, интеллектуальной собственности, остается не ясным правовая природа виртуальных предметов, что соответственно на практике вызывает множество вопросов, в том числе подпадает ли под уголовный состав кражи или мошенничества деяние, если субъект виртуальных игр «похитил» у другого игрока один из дорогостоящих виртуальных предметов.

Таким образом, формальность законоположений, а то и вовсе отсутствие законодательно закрепленного поведения или еще более чаще встречающееся на практике, отсутствие кодифицированной дефиниции, порождает не определенность в правоприменительной деятельности, что несомненно приводит к нарушению законных прав участников правоотношений. Возникающий правовой конфликт у лиц, которые взаимоотноисключающие трактуют закон, превращается в попытку прибегнуть к сатисфакции через судебное разбирательство. Это в свою очередь приводит не только к увеличению нагрузки на суд, но и к потери в судебных стадиях разбирательства финансовых и иных ресурсов граждан. Так как, что бы отстоять свою правоту, гражданин нанимает адвоката, оплачивает экспертизы, неоднократно уходит с работы на судебные заседания и т.д.

Об этом, упоминает Конституционный суд в своем Постановлении от № 8-П/2008 «Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм в противоречие названным конституционным принципам, из которых, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» [5].

Вынужденная интерпретация в виду неопределенности законоположений, фактически сводится к «перетягиванию» правового смысла, явившегося следствием субъективной трактовки нормы закона, наделением ее содержанием, значением, которые удовлетворяли бы правовую позицию конкретного правоприменителя.

До настоящего времени отсутствует официальный документ, который регламентировал бы требования к нормативно-правовому акту, а так же к его структурной единице- статье, и использованных в ней понятий, собирательных терминов, являющие по сути ключевой дефиницией, опираясь на которую правоприменитель имел возможность определять для себя верный алгоритм действий, формируя свое поведение в правовом поле.

Отсутствие кодифицированной обязанности законодателя определять основные понятия, или более детализировано раскрывать смысл нормы права используемые в официальных текстах документа, направленные для применения неограниченного круга лиц, является причиной к закручиванию правовой воронки по интерпретации законодательного положения через объективизацию спорной нормы по отношению к каждому конкретному случаю, где результатом его толкования, как правило является принятый судебный акт.

Не стоит забывать, что до принятия и официального опубликования закона, проект проходит несколько стадий своего совершенствования. Это и проектная часть, где основная суть его только закладывается его авторами, это и дальнейшее обсуждение его, прохождения правовой экспертизы, обсуждение его эффективности и целесообразности в ходе трех этапного рассмотрения государственными деятелями -депутатами.

В подготовленном Министерством Юстиции проекте Федерального закона «о нормативно-правовых актах» указывается, что используемые в тексте термины и понятия должны отличаться единообразием, исключая возможность иного от их значения толкования [7]. На мой взгляд, данный проект считается удачной попыткой придать законодательную форму, применяемым законам с перечислением критериев соответствия нормативно-правового акта требованиям вырабатываемым десятилетиями ведущими правоведами страны, а так же судьями Конституционного суда РФ.

Результатом того, что законодателем не раскрываются понятия использованные им в нормативном акте, являются так же негативные последствия в виде появления формальных оснований для отказа в удовлетворении заявлений, жалоб заявителя и соответственно в реализации последним своих прав (конституционных, процессуальных и др.). Данные обстоятельства прослеживаются в рамках гражданского, уголовного, административного судопроизводства.

В правотворческом процессе важнейшую роль играет правовая экспертиза законодательных актов. Она проводится до принятия закона и вступления его в силу с привлечением экспертов из разных структур, а именно экспертов Правового управления Совета Федерации, Управления Государственной Думы, Федеральных органов власти, юристов Независимых экспертных организаций. Правовая экспер-

тита позволяет выявить возможные противоречия в законе, неясности и несоответствия действующему законодательству. Благодаря этому удается предотвратить принятие некачественных нормативных правовых актов. В отличие от правовой экспертизы, судебное толкование законов осуществляется уже после их принятия. Суд разъясняет смысл и содержание закона при рассмотрении конкретных дел. При этом толкование носит «односторонний» подход основывающийся исключительно на судебском усмотрении. Можно выделить следующие преимущества судебного толкования:

Позволяет учесть особенности конкретного дела и правоотношений;

Делает закон более гибким и применимым к различным ситуациям;

Обеспечивает единообразное применение закона.

Однако, недостатками судебного толкования является то, что, во-первых может привести к «законотворчеству через толкование» и изменению сути закона; Снижает роль правовой экспертизы. А так же может создавать правовую неопределенность, если разные суды дают различные толкования одного и того же закона. В настоящее время, Оптимальным является сочетание правовой экспертизы и судебного толкования. Это позволяет обеспечить качество и гибкость законов, а также их единообразное применение.

Обоснованием, раскрывающее суть объективного опасения, факта толкования кодифицированной нормы права судебным органом власти можно рассмотреть на следующем примере.

Так, согласно п. 2 ст. 60 СК РФ «суд вправе, исходя из интересов детей, по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на несовершеннолетних детей, вынести решение о перечислении не более 50 % сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних в банках». Данное положение содержится в статье закрепляющее имущественные права ребенка. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2012 года, Верховный Суд РФ приводит разъяснения на основе дедуктивного метода указывающий, что применение положения закрепленного в ч. 2 ст. 60 СК РФ возможно «в частности ненадлежащего исполнения родителем, получающим алименты, обязанности по расходованию соответствующих выплат на содержание, воспитание и образование ребенка» [2]. В последствии, суды в большинстве случаев отказывали в удовлетворении соответствующих заявленных требований с формулировкой, что истцом не представлены доказательства ненадлежащего исполнения ответчиком обязанности по расходованию алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка [9].

Однако по мнению автора статьи, законодатель закрепляя данную норму в Семейном кодексе РФ не ограничивался возможностью ее реализации только случаями когда получатель алиментов «ненадлежаще» расходовал данные средства. Кроме того, ВС РФ фактически возложил дополнительное бремя доказывания на сторону заявителя, в соответствии с которым истец должен обосновать не только свои требования, но и доказать отдельно прописанную позицию Верховного суда РФ о ненадлежащем расходовании алиментов их получателем, как правило, матерью ребенка. В связи с чем, в судопроизводстве по данной категории дел укоренился дисбаланс таких принципов, как состязательность и равенство сторон.

А. Р. Султанов, посвящая свои научные публикации теме правовой определенности, указывал, что принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также

будут прогнозируемые и предсказуемые, и не станут меняться от случая к случаю и от региона к региону [10].

Процессуальные кодексы Российской Федерации (ГПК РФ, УПК РФ) предусматривают такое основание отмены судебного акта неправильное применение, истолкование норм права. То есть, права граждан обратившиеся к судебным органам за восстановлением их прав, не всегда может идеально реализоваться. В случае принятия незаконного решения, гражданин может и не обжаловать судебный акт по причинам разного характера. Однако данное судебное решение которое фактически было принято с нарушением норм права, будет опубликовано на сайте суда. Иные лица, в том числе должностные (следователи, судебные приставы и др.), могут впоследствии использовать этот судебный акт в качестве судебной практики. Использование неправильно истолкованных судебных актов в качестве образца может привести к ошибкам и необоснованным решениям в последующих судебных делах. При этом статус судебного акта достаточно велик и соответственно по схожим правоотношениям, стороны будут брать его за основу и перенимать интерпретированную норму в том же «неверном» направлении.

Неправильное толкование норм может привести к необоснованному отказу в защите прав или вынесению неправомерных решений в отношении граждан, к дискредитации судебного органа, так как распространение не правовых судебных актов в виде судебной практики подрывает доверие граждан к судебной власти и нарушает принцип единообразного применения права.

Достаточно много мер принимается с целью исключения судебной ошибки. Одним из ключевых элементов этой борьбы является повышение квалификации судей. Профессиональные знания и навыки играют решающую роль в предотвращении судебных ошибок. Судьи должны регулярно проходить программы обучения, направленные на изучение новых законов, изменений в законодательстве, а также на совершенствование навыков юридической логики и анализа доказательств. Специализированные курсы по различным отраслям права позволяют судьям углублять свои знания в определенных сферах. Практические тренинги, имитирующие реальные судебные процессы, позволяют судьям отработать навыки ведения процесса, работы с доказательствами, постановки вопросов и принятия решения.

Судебная интерпретация является важным инструментом реализации правосудия. Она позволяет судам детализировать нормы права, устранять пробелы в законодательстве, обеспечивать его гибкость и повышать авторитет правосудия.

Однако суды при рассмотрении определенных категорий дел, опираясь на положения, указанные в Пленумах Верховного Суда РФ, могут по-своему интерпретировать смысл нормы. Это происходит потому, что ни законодатель, ни высшие суды РФ не могут предусмотреть те детали, которые в последствии рассматривает суд общей юрисдикции, что приводит к более детальной проработке нормы уже на местах.

Естественно из этого складывается такая картина, где суды из разных областей рассматривают дела примерно схожие по своей сути друг с другом и выносят совершенно противоположные решения. Здесь и проявляется главная проблема судебного толкования и правотворчества.

Отмены судебных актов (решений) в виду неправильного применения норм материального и процессуального права по статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ за первое полугодие 2023 года: ошибки судов при рассмотрении категорий дел материального и процессуального права по статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ за первое полугодие 2023 года [3]. В таблице приведена статистика общего количества и более ярко выраженных нарушений по конкретным категориям дел. Таким образом, из данной таблицы можно сделать вывод, что наи-

Таблица 1. Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ отмены или изменения судебных решений судов при рассмотрении категорий дел по основаниям неправильного применения норм материального и процессуального права за первое полугодие 2023 года.

Виды нарушений или неправильного применения права	Процессуальное	Материальное
Общее кол-во нарушений	13386	25171
Кол-во споров возникающих из семейных правоотношений	2258	1178
Кол-во споров возникающих из трудовых правоотношений	551	1713
Кол-во споров возникающих из пенсионного законодательства	286	1109
Кол-во споров о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию	484	705
Кол-во иных жилищных споров	608	1127
Кол-во споров по договору ОСАГО	658	1717
Заявления физических лиц к юридическим лицам	4 353	9 921

Таблица 2. Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ отмены или изменения судебных решений судов при рассмотрении категорий дел по основаниям неправильного применения норм материального и процессуального права за первое полугодие 2022 года.

Виды нарушений или неправильного применения права	Процессуальное	Материальное
Общее кол-во нарушений	27 522	48 186
Кол-во споров возникающих из семейных правоотношений	2 377	4 232
Кол-во споров возникающих из трудовых правоотношений	1 272	3 615
Кол-во споров возникающих из пенсионного законодательства	622	1 928
Кол-во споров о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию	821	1 270
Кол-во иных жилищных споров	1 322	2 076
Кол-во споров по договору ОСАГО	1 191	2 342
Заявления физических лиц к юридическим лицам	9 428	19 270

более затруднительными нормами для судей являются нормы права, регулирующие трудовые правоотношения, а так же споры в рамках договорных обязательств по обязательному страхованию гражданской ответственности и заявления направленные от физических лиц юридическим.

Чтобы увидеть динамику нашей судебной системы проанализируем статистику из того же источника только за 2022 год[4]. Без сложных математических подсчетов видно, что ситуации в 2022 году и в первом полугодии 2023 года существенно отличаются друг от друга.

Несомненно, суды РФ заметно лучше стали работать в ходе вынесения решений, однако видно, что каков бы ни был прогресс, количество ошибок все равно держится на достаточно высоком уровне. Причем если сравнивать в процентном соотношении, то обе статистике держат примерно равные позиции. Это говорит нам о том, что институт судебного толкования, который, несомненно, развивается с годами в России, но все же не может в полном объеме охватить конкретные положения, с которыми приходится сталкиваться судам в процессе своей деятельности по рассмотрении дел.

Согласно приведенным выше статистическим данным, видно, что количество отмен судебных решений из-за ошибок, допущенных судьями в части материального и процессуального права по определенным категориям дел, за первое полугодие 2023 года оказалось ниже, чем за аналогичный период 2022 года. Это свидетельствует о повышении качества судебного разбирательства и внимательнее отношению судей к своим обязанностям. Снижение уровня отмен решений может быть связано с улучшением механизмов контроля и повышения квалификации судебского состава. Однако

нельзя и отрицать, что качество применения напрямую зависит от множества факторов, включая правовую грамотность граждан и прозрачность законодательно-правовой системы.

В случае с абстрактными формулировками, существует опасность различной практикующего материала, в виду самого факта оценочного понятия и субъективного толкования. Классическим примером, является законодательное положение о реальности угрозы. Сложность в рассмотрении данной категории дел о привлечении к уголовной ответственности по статье 119 УК РФ состоит именно в том, что, в виду отсутствия четкой регламентации критериев по которым можно было определить наличие признака реальности, практик сталкивается с индивидуальными психоэмоциональными составляющими как самого потерпевшего, так и собственных, через призму которых ему необходимо провести анализ и сделать вывод имелись ли основания в каждом конкретном случае для опасения за жизнь и здоровье или нет.

Примером сказанному может служить оправдательный приговор мирового суда судебного участка № 3 г. Канаша Чувашской Республики, где суд указал, что «угрозы убийством Ф высказывались в адрес потерпевшей С. в общественном месте на улице около магазина, в светлое время суток, в присутствии посторонних проходящих граждан, следовательно, у потерпевшей не было оснований опасаться осуществления этой угрозы непосредственно на месте». При этом из приговора следует, что Ф на почве личных неприязненных отношений, наносил побои С., высказывал в ее адрес слова угрозы убийством, неоднократно повторяя: «Убью», тем самым создав реальную угрозу для жизни и здоровья С., и как настаивала С. У нее имелись

реальные основания опасаться осуществления этой угрозы. То есть при рассмотрении данного уголовного дела, суд первой инстанции не признал наличия в действия подсудимого состава преступления инкриминируемого по ст.119 УК РФ даже при наличии таких факторов как агрессивность подсудимого, алкогольное опьянение, физическое преимущество, активные действия подсудимого в виде нанесения побоев, выведение силой из магазина. В последующем оправдательный приговор был отменен с вынесением нового по делу решения [6]

Аналогичная ситуация складывается на примере закрепленного в уголовном кодексе РФ словосочетания «иные тяжкие последствия», которое законодатель не раскрывает, но употребляемый достаточно часто в статьях особенной части уголовного кодекса Российской Федерации, по своему содержанию не отличающегося однообразием, состоящий из различных обстоятельств в зависимости от объективной стороны содеянного. И как правило, в ходе следствия потерпевшему приходится доказывать причинения ему «иных тяжких последствий», а подсудимому опровергать наличие подобного квалифицированного признака, относящегося к отягчающим обстоятельствам.

Таким образом, формальность законоположений и отсутствие кодифицированных дефиниций, которые могли бы раскрыть смысл понятий, используемых в нормативных актах, существенно ограничивают их практическую эффективность. Норма, наделенная регулятивной или охранительной функцией, зачастую становится запутанной и непрозрачной, что значительно усложняет процесс регулирования соответствующих правоотношений. Это не только затрудняет понимание и применение правовых норм как для правозащитников, так и для простых граждан, но также создает благоприятные условия для возникновения новых правовых споров и конфликтов. Такие ситуации не только увеличивают количество дел в судах, загромождают судебную систему и удлиняют процесс рассмотрения дел, но и требуют значительных временных и финансовых ресурсов, как со стороны истцов и ответчиков, так и со стороны государственных органов.

Кроме того, необходимо учитывать, что неопределенность в правовой системе может подрывать доверие граждан к правосудию и правовым институтам в целом. Нельзя недооценивать длительность преобразования правовых документов и необходимость согласования окончательной редакции комментариев к нормам. Это требует не только усилий правозащитников и юристов, но и участия законодателей, что в свою очередь вызывает дополнительные задержки в процессе правового регулирования.

Следовательно, важно обратить внимание на необходимость создания более прозрачной и понятной системы правового регулирования, включая разработку четких и однозначных дефиниций, что позволит минимизировать возникновение правовых споров и повысить качество правоприменительной практики. В результате это создаст более эффективную правовую среду, которая будет способствовать как стабильности правовых отношений, так и защите прав граждан.

В настоящее время юридическая герменевтика занимает весомое место не только в научных публикациях, но и в судебной практике.

На взгляд автора данной статьи, требуется принятие закона, регламентирующего требования к упорядоченности содержания вновь принимаемых нормативных актов, с указанием критериев по четкости отражения в нем воли законодателя и исключения возможности неоднозначного толкования его положений, произвольного применения его норм а так же в целях исключения «доработки» судебными толкователями в таком ключе после чего у правоприменителя существенно сужаются объем прав, на которые он мог изначально рассчитывать, т.е. До момента как судебные органы

принялись подстраивать норму права к актуальной по временному и территориальному признаку судебной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Информация “Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов)” (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/76d6e371c9956235c4b329710ca52f5fd91f8c9/ (дата обращения: 12.11.2023).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2012 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15107/> (Дата обращения: 12.11.2023).
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел в апелляционном порядке от 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: май 2024).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел в апелляционном порядке от 2022 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: май 2024).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П “По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян” // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/?ysclid=lnyf4jag88253059963 (дата обращения: 12.11.2023).
6. Приговор Канашского районного суда Чувашской Республики // Канашский районный суд Чувашской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kanashsky--chv.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13361691&delo_id=4&new=4&text_number=1.
7. Проект Ф3 О нормативных правовых актах в Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420243605?ysclid=lnwqskp7t719152986§ion=text> (дата обращения: 14.11.2023).
8. Прокурор разъясняет: Законность запросов из полиции и других правоохранительных органов // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/mmtt/activity/legal-education/explainitem=48650705> (дата обращения: 12.11.2023).
9. Решение Ленинского районного суда г. Ставрополя // Судебные и нормативные акты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Uzitu6Puxqds/>
10. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30-39.

АХМЕДЖАНОВА Резеда Рушановна

аспирант кафедры теории права и государства, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА: ИНСТИТУТ МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ И ОХРАНОЙ ПРАВА

Вред как любое умаление или уничтожение какого-либо блага является «сквозной» категорией для юриспруденции, а причинение вреда – основанием применения принудительных мер. Автор анализируется известный каждой отрасли российского законодательства институт предупреждения причинения вреда в контексте отнесения его к мерам защиты или охраны права. Последовательно раскрывая отличия защиты права от охраны права, автор приходит к выводу, что существующие концепции не позволяют сделать однозначный вывод о принадлежности института предупреждения причинения вреда одной из категорий.

Ключевые слова: вред, юридическая ответственность, защита права, охрана права, риск причинения вреда, превентивные меры.

AKHMEDZHANOVA Rezeda Rushanovna

postgraduate student of Theory of law and state sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PREVENTING HARM: THE INSTITUTION BETWEEN PROTECTION OF RIGHT AND SAFEGUARDING A RIGHT

Harm as any diminution or destruction of any good is a «cross-cutting» category for jurisprudence, and causing harm is the basis for the application of coercive measures. The author analyzes the institution of preventing the infliction of harm known to every branch of Russian legislation in the context of attributing it to measures of protection of rights or safeguarding rights. Consistently disclosing the differences between the protection of the right and the safeguarding the right, the author concludes that the existing concepts do not allow us to make an unambiguous conclusion about the belonging of the institution of prevention of harm to one of the categories.

Keywords: harm, legal liability, protection of right, safeguarding a right, risk of harm, preventive measures.

Введение

Вред – категория, исследование сущностных характеристик которой имеет значение и для юридической науки, и для правоприменительной деятельности.

В самом общем виде вредом является любое умаление или уничтожение какого-либо блага. Причинение вреда является одним из признаков правонарушения, который практически не оспаривается в научной и учебной литературе. Одновременно с этим степень причиненного вреда является индикатором общественной опасности правонарушений. Поскольку правонарушения имеют место быть во всех отраслях права (деликты в гражданском праве, административные и дисциплинарные проступки, уголовные преступления), то категорию вреда как минимум по этому основанию можно назвать «сквозной» для юриспруденции.

Вместе с тем нельзя согласиться с А. А. Маиновским, по мнению которого причинение вреда является основанием для привлечения лица к юридической ответственности по следующим причинам [5].

Основанием для привлечения лица к юридической ответственности является правонарушение при наличии всех его элементов [7]. В теории права элементами правонарушения являются объект, субъект, объективная и субъективная стороны. Вредоносный результат является одним из внешних признаков правонарушения и составляет, наряду с другими признаками, объективную сторону правонарушения. Логично, что поскольку понятие «правонарушение» имеет больше видообразующих признаков, чем понятие «причинение вреда», оно является меньшим по объему. Таким образом, заменять понятие меньшего объема (правонарушение) понятием большего объема (причинение вреда) и распространять на причинение вреда такое свойство правонарушения, как возможность служить основанием для привлечения лица к юридической ответственности, недопустимо с точки зрения логики.

Более того, юридическая ответственность может наступать и в отсутствие вредных последствий. Так, законодательство выделяет правонарушения формального состава, для привлечения к ответственности за которые необязателен факт причинения вреда. В формальных составах общественно опасные последствия подразумеваются, установление их конкретного содержания не является обязательным для привлечения к ответственности лица, совершившего данное деяние. Например, ответственность за клевету по ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) наступает за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, при этом не имеет значения, причинило ли это действие вред лицу, сведения о котором распространяются.

Одновременно с этим при причинении вреда юридическая ответственность может не наступать. Так, отсутствие варианта поведения или противоправное поведение, осуществляемое под страхом насилия, смерти, оценивается правом как объективно-противоправное поведение. В таком случае юридическая ответственность не наступает (например, необходимая оборона, крайняя необходимость), а причиненный вред не подлежит возмещению (ст. 1066 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Полагаем, что в связи с вышеуказанным, причинение вреда является основанием не для привлечения лица к юридической ответственности, а для применения мер защиты права.

Дискуссия

Вокруг содержания понятия «защита права» дискуссия идет и в настоящее время, особенно в части соотношения его с содержанием понятия «охрана права». Несмотря на то, что законодательство практически не разделяет эти по-

нения, а иногда прямо использует их как синонимы в целях эстетического построения предложений, пренебрегая правовой определенностью¹, в литературе существуют полярные взгляды на соотношение охраны и защиты права.

В качестве наглядного примера количества взглядов на соотношение понятий можно привести российскую гражданскую доктрину. В ней существует, как минимум, три концепции, определяющие защиту и охрану прав и интересов граждан, которые хорошо раскрыты и классифицированы в работе Н. В. Остапюка [8].

Первая концепция (А. П. Сергеев, О. С. Иоффе). В соответствии с первой концепцией понятие охраны интересов личности является более объемной категорией, чем защита. Охрана – вся совокупность правовых мер, с помощью которых обеспечивается и развитие гражданских правоотношений в их нормальном, ненарушенном состоянии (общественно-устойчивые нормы), и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов. Защита включает в себя меры, направленные на восстановление или признание гражданских прав при их нарушении или оспаривании, и является охраной в узком смысле.

Вторая концепция (Л. С. Явич, А. Ф. Черданцев, Н. Г. Александров). В соответствии с ней охрана субъективных гражданских прав может осуществляться только через деятельность государственных органов, применяющих санкции к правонарушителям, а потому не включает в себя меры превентивного или общерегулирующего характера.

Третья концепция (А. И. Базилевич, Б. Ю. Тихонова, В. А. Тархов) предполагает четкое разделение понятий защиты и охраны прав. А. И. Базилевич связывает охрану с мерами, направленными на предупреждение нарушений, в то время как защиту рассматривает как процесс восстановления нарушенных прав или тех, которым угрожает нарушение. В. А. Тархов отмечает, что охрана не требует наличия факта правонарушения, достаточно угрозы его совершения, тогда как защита подразумевает наличие уже нарушенного права. Под охраной Б. Ю. Тихонова понимает совокупность разных взаимосвязанных мер, которые реализуются государственными и общественными органами для предотвращения правонарушений, устранения их причин и создания условий, способствующих нормальному осуществлению гражданами своих прав и обязанностей.

В. М. Ведяхин и Т. Б. Шубина также полагают, что необходимо разграничивать охрану и защиту права. С их точки зрения, к мерам, способом защиты прав относятся лишь те, которые применяются по инициативе лица, права которого нарушены, и прежде всего функция этих мер – восстановительная [2].

Э. П. Гаврилов полагает, что охрана есть установление общего правового режима, а защита – те меры, которые предпринимаются в случаях, когда гражданские права нарушены или оспорены [3]. Созвучно этому мнению и мнение Н. И. Матузова. Он пишет: «Вообще охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда,

когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают» [6].

Н. С. Малейн также различает охрану и защиту прав: охрана прав – более широкое понятие, включающее все юридические правила по поводу определенного блага, а под защитой права он понимает меры, предусмотренные в законе в тех случаях, когда право уже нарушено [4].

Полагаем, что третья концепция представляется наиболее обоснованной и распространяется на факт причинения вреда. Однако, если взять за основание разграничения охраны права и защиты права момент действия (постоянно и после нарушения права (причинения вреда) соответственно), возникают вопросы с квалификацией некоторых правовых институтов в качестве меры защиты или меры охраны.

Так, российское законодательство имеет механизмы защиты еще не нарушенного права. Они направлены против еще не наступившего, потенциального вреда, иными словами, против риска его причинения.

Например, в гражданском праве существует иск об обязанности прекратить действия, создающие опасность причинения вреда (ст. 1065 ГК РФ). В качестве основного условия для применения нормы ст. 1065 ГК РФ является опасность, угроза (или риск) причинения вреда в будущем. Административное право содержит механизм административного приостановления деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ), согласно которому временно прекращается деятельность лиц, осуществляющих деятельность без образования юридического лица, в случае угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии... (далее следует длинный перечень объектов, которым может угрожать такая деятельность).

За некоторые риски причинения вреда предусмотрена даже юридическая ответственность – доктрина уголовного права знает усеченные составы преступления, когда приготовление к преступлению или покушение на его совершение считаются оконченными и являются уголовно наказуемыми. Например, к такой можно отнести ст. 209 УК РФ – бандитизм – в соответствии с которой создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации..., влечет юридическую ответственность.

На наш взгляд, существует неопределенность в вопросе, являются меры, предусмотренные ст. 1065 ГК РФ, 3.12 КоАП РФ, мерами охраны или защиты права. С одной стороны, поскольку они действуют до момента причинения вреда, они являются мерами охраны, т.к. действуют во время, когда право еще не нарушено и вред еще не причинен. С другой стороны, институты предупреждения причинения вреда значительно отличаются от мер охраны, так как нормы, их фиксирующие, не являются общеустановительными и действующими постоянно.

Действительно, выполняя в целом предупредительную функцию, охрана не может обеспечить предупреждения вреда в том смысле, который придается законодателем в ст. 1065 ГК РФ или ст. 3.12 КоАП РФ. Существует подход, согласно которому предупреждение правонарушений – это также функция защиты. Один из представителей такого подхода – В. А. Тархов, – указывая, что охрана субъективного права направлена, прежде всего, на предупреждение правонарушения, в то же время отмечает, что охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушения, а к защите прав появляется необходимость прибегнуть лишь при нарушении или угрозе их нарушения [10]. Как утверждает Е. А. Антонова, предупреждать правонарушение в принципе и не допускать его при наличии реальной угрозы такого нарушения – не одно и то же. В последнем случае угроза уже осуществима и реальна, потенциальный потерпевший определенно находится в состоянии, когда вред хоть и потенциальный, но его наступление в высшей степени вероятно. Она утверждает, что цели охраны, заключающиеся в общем предупреждении нарушений прав,

1 См., например, задачи законодательства об административных правонарушениях. Ст. 1.2. КоАП РФ: «Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений». Неизвестно, по какому основанию одни блага являются объектом защиты, а другие – объектом охраны.

не следует путать с предотвращением причинения вреда при наличии действительной угрозы его возникновения. По ее мнению, наличие угрозы нарушения прав является в определенных случаях основанием к применению способов защиты прав [1].

На наш взгляд при такой трактовке понятие «защита права» необоснованно расширяется. Одновременно концептуально соглашаясь с позицией Е. А. Антоновой в части относимости институтов предупреждения причинения вреда к мерам защиты, считаем, что критерий момента действия не может обосновать такую относимость.

В рамках поиска критерия разграничения понятий охраны и защиты права стоит рассмотреть общераспространенную позицию, согласно которой охрана и защита права отличаются друг от друга относимостью охраняемого или защищаемого блага к конкретному субъекту. Иначе говоря, в соответствии с данным критерием охраняются права вообще, а защищаются субъективные права.

В. А. Тархов полагает, что охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушение. Охрана обеспечивается, прежде всего, государством, предусматривающим субъективные права и их защиту. Носитель права и сам может предпринять различные меры охраны своих интересов: предпринять меры охраны своих вещей, обеспечить доказательствами кредиторские права (документы, свидетели и т.п.) и др. ... Необходимость прибегнуть к защите права появляется лишь при его нарушении, оспаривании либо угрозе нарушения [9].

Вместе с тем, исходя из вышеизложенной позиции в части самозащиты, одна и та же мера может быть либо мерой охраны, либо мерой защиты в зависимости от субъективного восприятия лица. Для наглядности можно рассмотреть пример на бытовом уровне. Если лицо приобретает сейф, чтобы хранить драгоценности, это мера охраны. Если оно приобретает сейф, чтобы хранить драгоценности, потому что заметило во дворе своего дома подозрительного на его взгляд незнакомца, это мера защиты. Вместе с тем очевидно, что и в первой, и во второй ситуации право, подлежащее охране или защите, субъективное.

Более того, если меры охраны и меры защиты разграничиваются только в той части, что относятся к праву или к субъективному праву, теряется логика, например, защиты конституционных прав или защиты права вообще.

Как утверждают В. М. Ведяхин и Т. Б. Шубина, в конституционном праве к мерам, способам защиты права можно отнести решения Конституционного Суда РФ. Действительно, Конституционный Суд выносит решения по существу рассмотренного, дела о соответствии Конституции РФ нормативных актов, ..., о разрешении споров о компетенции, по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов о конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, а также о толковании Конституции РФ. Таким образом, решения Конституционного Суда РФ о несоответствии Конституции РФ и о ее толковании по существу можно признать способами защиты права. В таких ситуациях Конституционный суд РФ поначалу защищая субъективные права, одновременно защищает объективное право, т.к. распространяет действие своей позиции на неопределенный круг лиц.

Особо нужно выделить решения Конституционного Суда о толковании Конституции РФ. Если решение Конституционного Суда РФ о несоответствии Конституции РФ практически тождественно такому способу защиты гражданских прав, предусмотренному в ст. 12 ГК РФ, как признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, то решение о толковании можно признать специфическим способом защиты права в конституционном законодательстве.

Что касается защиты права вообще², это происходит в случаях рассмотрения Конституционным Судом РФ дел о неконституционности тех или иных законодательных актов, о толковании Конституции РФ, в случае вето, накладываемого Президентом, на законы принятые Федеральным Собранием, на отмену или приостановление им актов органов исполнительной власти. В тех случаях, когда защищаются не конкретные права и свободы, а правовые принципы, то защищается право в целом как социальная ценность.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, ни критерий момента действия, ни критерий субъективности права при разграничении понятий защиты и охраны не позволяют сделать однозначный вывод о принадлежности института предупреждения причинения вреда одной из категорий.

Автор предлагает обосновать относимость института предупреждения причинения вреда к мерам защиты через категорию риска. По мнению автора, мера защиты вступает при предупреждении причинения вреда не потому, что есть некий момент, предваряющий непосредственно причинение вреда, и не потому, что ситуация угрожает конкретному субъекту, а потому, что риск причинения вреда вреден сам по себе. Автором впредь будет предложена позиция, в соответствии с которой риск как конструкция уже умаляет благо (причиняет вред), а потому мера защиты применяется в ситуации риска в классической ее трактовке – впоследствии, по факту причинения вреда, как мера восстановления.

Пристатейный библиографический список

1. Антонова Е. А. Правовая сущность предупреждения причинения вреда // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 2. – С. 89-100.
 2. Ведяхин В. М., Шубина Т. Б. Защита права как правовая категория // Теория государства и права. – 1998. – № 1 (220). – С. 67-79.
 3. Гаврилов Э. П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. – М., 1996. – 489 с.
 4. Малейн Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. – М., 1985. – 128 с.
 5. Малиновский А. А. Вред как юридическая категория // Юрист. – 2006. – № 2. – С. 4-7.
 6. Матузов Н. И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – 214 с.
 7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 528 с.
 8. Остапок Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав // Юрист. – 2006. – № 5. – С. 20-23.
 9. Тархов В. А. Гражданское право: Общая часть: курс лекций. – Чебоксары, 1997. – 326 с.
 10. Тархов В. А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1966. – 31 с.
- 2 Право здесь понимается как система общеобязательных, формально определенных, установленных либо санкционированных и обеспечиваемых государством правил поведения (норм), выражающих общую волю и являющихся регулятором общественных отношений. Присущи все признаки: нормативность, общеобязательность, формальная определенность, системность и т.д.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-82-82

БАЛАБКИН Дмитрий Алексеевич

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

АБРОСИМОВ Илья Сергеевич

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

МАРТИНЧУК Никита Александрович

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с местом и ролью правосознания в становлении и развитии правового государства, а также взаимосвязь правовой культуры и правосознания. Авторы делают вывод о том, что для того чтобы у новых поколений формировалось положительное отношение к праву, необходимо уделять большое внимание правовому просвещению как источнику становления правовой культуры и правосознания. Должное правовое просвещение приводит к развитию государства – разбирающиеся в праве граждане активизируются и в экономическом плане.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, обучение, сознание, воспитание.

BALABKIN Dmitriy Alexeevich

magister student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian institute, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

ABROSIMOV Ilya Sergeevich

magister student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian institute, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

MARTINCHUK Nikita Alexandrovich

magister student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian institute, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

LEGAL AWARENESS AS A FUNDAMENTAL FACTOR OF THE RULE OF LAW

The article discusses issues related to the place and role of legal awareness in the formation and development of the rule of law, as well as the relationship between legal culture and legal awareness. The authors conclude that in order for the new principles to develop a positive attitude towards the law, it is necessary to pay great attention to legal education as a source of the formation of the law on culture and legal consciousness. Proper legal education leads to the development of the state - citizens who understand their rights become more active in the budgetary plan.

Keywords: legal awareness, legal culture, education, consciousness, upbringing.

Сегодня, в период сверхбыстрого развития постиндустриального общества, одним из главных ресурсов и факторов успеха выступают знания, в том числе и правовые. В наши дни как никогда актуальны вопросы воспитания подрастающего поколения, становления целостного духовно-нравственного общества.

Многие знания и ценности, усваиваются и принимаются личностью, через различные, как правовые, так и не правовые формы, или каналы формирования общественного сознания. Воспитание необходимо для формирования у личности определенной структуры знаний, убеждений и взглядов, а дальнейшей жизни в обществе и политической ориентации.

Правовое просвещение способствует формированию правового сознания как самостоятельной формы человеческого сознания. Формирование правосознания вместе с нравственностью людей повышает уровень культуры человека и общества в целом. Безусловно, становление правового сознания берет истоки с привития нравственных идеалов, базовых принципов и правовых норм.

Воспитание правового гражданина зависит не только от правового просвещения, но и от правовой активности человека в обществе. Эффективное развитие правовой культуры граждан зависит от имеющихся юридических знаний, от осмысленного выполнения норм права и своих обязанностей.

Сегодня правовые знания необходимы во многих специальностях, науках и дисциплинах. Правовое сознание общества включает в себя: правовые идеи, мысли, теории, культивируемые в этом обществе, которые представляют принципы и черты его юридической реальности.

Правосознание и правовая культура находятся в постоянной взаимосвязи. Они действуют друг на друга и определены друг другом. Правовая культура шире правосознания,

она включает в себя основные составляющие эмоциональной сферы и поведения. Исходя из этого, правовая культура общества зависит от уровня правосознания.

Наконец, в правосознание входит духовная жизнь общества, которая представляет собой один из элементов общественного сознания, а правовая культура в свою очередь содержит духовные, материальные характеристики права. Правовые ценности формируются через имеющийся уровень правосознания, которое создает основу правовой культуры личности.

Полагаем, что чем выше уровень правосознания, который достигается путем правового просвещения, тем выше уважение и доверие к государству и власти. При обдуманной правовой политике общество будет убеждено в том, что достичь и удовлетворить свои потребности возможно только правовыми и законными методами, а не наоборот, как это происходило в конце 20 века.

По мнению Т. И. Акимовой, «правовое воспитание — это организованное, систематическое, целенаправленное воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения, правовую культуру» [1, с. 39]. В то время как доктор юридических наук Сергей Сергеевич Алексеев под правовым воспитанием видит «систему формирования правового сознания и правовой культуры личности», благодаря которым, человек будет себя ощущать юридически дееспособным.

Вполне естественно, что различные ученые представляют и формулируют подходы к правовому воспитанию по-разному, но общей чертой всех мнений является осознание в необходимости воспитания в личности знаний, понимания права и его уважения. В этом контексте представляется целесообразным показать некоторые различия между понятиями «воспитание» и «обучение».

В частности, понятие воспитания тесно связано с понятием обучения. Ведь обучение носит воспитательный характер. Но их отличия выражаются в следующем: воспитание затрагивает психологию, мировоззрение и эмоции человеческого сознания, в свою очередь обучение связано с познавательной и рациональной стороной сознания. Правовое обучение – это «способ внешнего выражения и организации передачи правового теоретического материала объекту воспитания» [4, с. 13], то есть процесс воздействия социальных институтов на правосознание и поведение личности.

Одной из главных задач правового воспитания является формирование высокого уровня правосознания людей, направленного на рост их социально-правовой активности. С помощью правового воспитания меняется отношение человека к праву, то есть формируется его правосознание, появляется уважение к праву и необходимость его соблюдения, следовательно, происходит интенсивное преобразование общества. Человек начинает обращать внимание на несправедливость и произвол, борется с правовым нигилизмом.

Правосознание представляет собой передачу понятий и убеждений, накопленных старшими поколениями. Оно помогает точно отражению общественных взглядов людей, формированию таких взглядов и позиций в сознании младших поколений. Именно поэтому мы говорим о важности правового просвещения, так как основной его задачей является становление должного уровня правосознания в обществе, направленного на развитие социально-правовой активности, следовательно, на развитие правового государства.

Необходимо выстроить систему правового просвещения и правового обучения таким образом, чтобы в правосознании людей были следующие составляющие:

- 1) знание, понимание, неукоризненное соблюдение статей Конституции и других основных законов страны, а также умение применять их на практике;
- 2) уважение к праву и правопорядку, к власти и закону;
- 3) стремление к правовой активности;
- 4) осуществление всех своих действий с опорой на знание права.

В подростковом периоде, когда закладываются основы правосознания человека, необходимо воспитывать уважение к закону. Правосознание предполагает трансформацию правовых ценностей в личные взгляды, убеждения и будущий ориентир поведения человека в обществе.

К сожалению, в данный период времени наблюдается сложная ситуация с правосознанием у граждан Российской Федерации. С одной стороны, нельзя сказать, что общество безграмотно в правовой среде, что процветает правовой нигилизм, но существуют определенные факты, которые говорят о том, что недостаточно знаний права (юриспруденции) у основной массы населения.

Русский философ И. А. Ильин сыграл важную роль в изучении правосознания. Согласно его позиции «правосознание представляет собой еще более значительный феномен, чем право. Понимается как «естественное чувство права и правоты», как «особая духовная настроенность инстинкта», как «особого рода инстинктивное правочувствие» - некая универсалия, которая имеет формально - юридическое, естественно - правовое измерение» [3, с. 47]. Для более глубокого и точного анализа понятия «правосознание», рассмотрим его структуру, признаки, функции и сделаем правильный и логичный вывод наших рассуждений на тему связи правосознания и правового государства и влияние на эти понятия правового просвещения.

Сознание – это свойство высоко организованной материи (мозга) определенным образом отразить окружающую действительность (среду). А общественное сознание – это совокупность коллективных представлений, присущих определённой эпохе.

Исходя из этого, правовое сознание является лакмусовой бумажкой реальной правовой ситуации в обществе. Правосознание имеет свои признаки:

- выражает собой форму общественного сознания;
- в него входят различные теории, взгляды, идеи и мысли;
- помогает человеку в сложных правовых обстоятельствах, объективно оценивать сложившуюся ситуацию и принимать верные правовые меры;
- связано с настоящим, прошлым и будущим.

У правосознания есть свои составляющие. Оно состоит из двух основных компонентов:

- 1) Правовая идеология-систематизированное научно обоснованное отражение правовых явлений;
- 2) Правовая психология-совокупность правовых чувств, настроений, показывающих отношение общества к праву.

В теории государства и права у правосознания имеется ряд функций:

- 1) регулятивная - регулирование общественных отношений. Благодаря правосознанию у людей формируются их взгляды и правовые ориентиры;
- 2) оценочная - определяет отношение человека к явлениям правовой действительности;
- 3) познавательная - обогащение правовыми знаниями, для правильного понимания сложившейся правовой обстановки;
- 4) прогностическая - позволяет прогнозировать развитие права;
- 5) правотворческая - правосознание является базисом для правотворчества граждан. В некоторых случаях, правосознание есть источник права.

Право и правосознание зависят друг от друга. Нормы права и их осуществление в реальной жизни, помогают формированию того или иного отношения к праву. От степени сформированности правосознания зависит реальная правотворческая деятельность.

Правосознание подразделяется по степени понимания правовых явлений:

- 1) Обыденное правосознание формируется стихийно с помощью царящих в обществе правовых взаимоотношений, школьного и семейного воспитания. Данному типу правосознания относится правовая психология;
- 2) Профессиональное правосознание формируется через специальное профессиональное обучение;
- 3) Научное правосознание основано на детальном научном изучении права.

Еще Л. И. Петражицкий отмечал, что правосознание – это результат правового просвещения. Ученый был убежден, что «оказывая более сильное и решительное давление, право более успешно укрепляет социально желательные привычки и склонности <...>: «правосознание имеет важное воспитательное значение» [2, с. 68]. Однако при переходе к демократической форме правления в обществе начало формироваться негативное, специфическое, нигилистическое отношение к праву и его реализации (1990-е годы). То есть человек не только не принимал и отвергал право, но и неуважительно к нему относился, так же, как и к государственным органам и власти в целом. Необходимо отметить, что люди тех поколений, которые непосредственно впитывали плоды демократии того времени, сохраняют в памяти свое негативное отношение к праву.

Справедливости ради нужно отметить, что и современное поколение не обладает достаточным уровнем правосознания и не заинтересовано в его развитии. Между тем если в обществе не будет высокого уровня правосознания, то не будет возможности создать правовое общество и государство.

По нашему мнению, для того чтобы у новых поколений формировалось положительное отношение к праву, необходимо уделять большое внимание правовому просвещению как источнику становления правовой культуры и правосознания. Должное правовое просвещение приводит к развитию государства – развивающиеся в праве граждане активизируются и в экономическом плане.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов Т. И. Правовое воспитание как один из факторов формирования правосознания // Формирование личности посредством юридического образования: сборник статей Межрегиональной научно-практической конференции. – 2003. – С. 39-45.
2. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии [Текст] / Проф. Л. И. Петражицкий. – 3-е изд. – СПб.: Ю. Н. Эрлих, 1908.
3. Почтарь Т. М. Правовое воспитание в педагогических вузах: вопросы методологии и методики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: 2001.
4. Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 64-67.

БУТЮГОВ Георгий Павлович*

аспирант, Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматривается краткая история появления права на обращения, анализируется соотношение права на обращение в госорганы с правом на обращение в суд. Право на обращение существует в российском государстве с давних пор и берет свое начало с института «челобитных». В статье исследована эволюция данного института с XVI века по XXI век. Среди прочих автор рассматривает вопрос соотношения права на обращение в государственные органы с правом на обращение в суд (правом на судебную защиту). Особое внимание уделяется роли права на обращение в обеспечении взаимодействия граждан с органами власти и возможности влиять на принятие решений, затрагивающих их интересы. Статья представляет интерес для исследователей в области конституционного права, прав человека и гражданского общества, а также для всех, кто интересуется вопросами реализации прав и свобод граждан.

Ключевые слова: право на обращение, Конституция РФ.

BUTYUGOV Georgiy Pavlovich**

postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE RIGHT TO APPEAL IN THE SYSTEM OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS AS ONE OF THE WAYS TO ACHIEVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

The article considers a brief history of the emergence of the right to appeal, analyzes the relationship between the right to appeal to government agencies and the right to appeal to the court. The right to appeal has existed in the Russian state for a long time and originates from the institution of "petitioners". The article examines the evolution of this institution from the XVI century to the XXI century. Among others, the author considers the question of the correlation of the right to appeal to state bodies with the right to appeal to the court (the right to judicial protection). Special attention is paid to the role of the right to appeal in ensuring citizens' interaction with authorities and the ability to influence decision-making affecting their interests. The article is of interest to researchers in the field of constitutional law, human rights and civil society, as well as to anyone interested in the implementation of citizens' rights and freedoms.

Keywords: the right to appeal, the Constitution of the Russian Federation.

Право на обращение существует в российском государстве с давних пор, институт «челобитных» ведёт своё начало с XVI века и сохранялся весь царский период истории.

В советское время право на обращение тоже было, но на конституционном уровне впервые было закреплено в статьях 37 и 49 Конституции СССР от 7 октября 1977 года, в которых указывалось, что любой имеет право обращаться в суд, однако в государственные органы и общественные организации имеют право обращаться только граждане СССР¹.

При этом Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года, принятая на основе вышеназванной Конституции СССР, в статье 35 предусматривала право на обращение в суд и иные государственные органы для защиты своих прав вне зависимости от гражданства².

Данные положения сохранялись во всесоюзной конституции вплоть до распада Советского Союза в 1991 году, а в российской конституции с небольшими изменениями сохранились в статье 35 последней редакции Конституции РСФСР

от 12 апреля 1978 года. В ней уже говорилось о праве на обращение для иностранных граждан и лиц без гражданства³.

Действующая Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года закрепляет в статье 33 право на обращение в следующей формулировке:

«Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»⁴.

Как следует из комментариев к Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года за авторством Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина данное право, во-первых, является политическим. Во-вторых, напрямую вытекает из двух важнейших международных актов в области прав человека: статьи 19 Всеобщей декларации прав человека и статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах [1]. В свою очередь эти положения берут свое начало ещё из французской конституции от 3 сентября 1791 года, где в разделе «Основные положения, обеспеченные Конституцией» закреплялась свобода обращаться к установленным органам власти с петициями, подписанными отдельными гражданами [2].

Конституционалисты также отмечают, что неверным будет буквальное толкование данной статьи, так как в случае прямого толкования получается, что только граждане России могут обращаться в органы власти. В связи с чем важно ста-

* Научный руководитель: Е. И. Ключко, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

** Scientific supervisor: E. I. Klochko, Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory of law and state sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

1 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. - 1977. - № 41. - Ст. 617.

2 Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. - 1978. - № 15. - Ст. 407.

3 Конституция (Основной Закон) Российской Федерации - России от 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978 г. № 15. Ст. 407 с изм. и допол. в ред. от 10.12.1992.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации – 06.10.2022.

тью 33 Конституции РФ трактовать в связке с частью 3 статьи 62 Конституции РФ, которая говорит о равенстве иностранных граждан и лиц без гражданства с гражданами России, исключая положения, закреплённые в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ не предусмотрено положений, которые ограничивали право иностранцев на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления (далее – органы публичной власти).

Здесь также необходимо обозначить, что статья 33 Конституции РФ идёт в неразрывной связи со статьёй 46 Конституции РФ, которая закрепляет за каждым гарантию обращения в суд, а также право обжаловать решения органов публичной власти. Обособление данных положений обусловлено, прежде всего, разнообразием критериев, предъявляемых в рамках разнообразных видов судопроизводства, которых в соответствии со статьёй 118 Конституции РФ четыре: конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное.

Можно сказать, что право на обращение – это родовое понятие, а видовые – это право на обращение в суд, с одной стороны, а с другой стороны – это право на обращение в органы публичной власти, которые судами не являются. Полагаем, будет слишком ограничено говорить о том, что это обращение в органы исполнительной или законодательной власти, так как ряд органов, в полномочия которых входит непосредственно работа с обращениями граждан, не вписывается в классическую классификацию Монтескье, среди которых прокуратура Российской Федерации, уполномоченные по защите прав человека федерального и регионального уровня, Следственный комитет Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Счётная палата Российской Федерации и Центральная избирательная комиссия и избирательные комиссии всех уровней [3, с. 207-218].

Возвращаясь к соотношению права на обращение с судебной защитой, некоторые указывают принципиальную разницу этих прав. Например, И. А. Третьяков, как и Председатель КС РФ, указывает, что это право политическое и прежде всего исходит из политических положений статьи 32 Конституции РФ, то есть подразумевает под собой право граждан участвовать в управлении делами государства [4, с. 14-18]. А обращение в суд – это не реализация права на управление государством, это механизм защиты своих прав.

Вместе с этим, и в рамках реализации права на обращение в органы публичной власти возможно осуществить механизм защиты своих прав, например, обращение в органы прокуратуры РФ обусловлено, как раз, предполагаемым нарушением законов, то есть нарушением чьих-либо прав, что основано на статье 10 Федерального закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», и прокуратура обязана на это отреагировать.

Из этого вытекает другой аспект, связанный с правом на обращение – это нормативная база. Прежде всего, называют Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ-59), который заменил собой Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», который был обусловлен Конституцией СССР от 5 декабря 1936 года, хотя напрямую право на обращение там не прописывалось, но органично вписывалось в правопорядок, установленный Конституцией СССР от 7 октября 1977 года.

Необходимо также подчеркнуть, что в положениях статьи 33 Конституции РФ возможность коллективного обращения означает в том числе и право граждан на объединение в том числе и в форме юридических лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 22 апреля 2004 года № 213-О «По жалобе общественного благотворительного учреждения «Институт общественных проблем «Единая Европа» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 255 и 258 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 5 Закона Российской

Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»⁵ подчеркнул, что право на обращение как в суды, так и в органы публичной власти распространяется в том числе и на юридических лиц, как форму объединения граждан, как следствие, их обращения будут рассматриваться в общем порядке.

Кроме ФЗ-59, устанавливающий общие рамки, в других законах и иных нормативных правовых актах могут прописываться специальные требования в рассмотрении, как к гражданам, так и к органам публичной власти. Например, в вышеупомянутом ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», статье 11 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», главе 8¹ Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года № 2134-II ГД, соответствующих нормам процессуальных кодексов (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), глава V Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и др.

Также примечательно, что обязанность рассматривать обращения граждан распространяется в том числе и на юридические лица, осуществляющие публично значимые функции, такие как государственные и муниципальные учреждения, государственная корпорация, унитарные предприятия и др.⁶

А. И. Хафизова также отмечает, что право на обращение – это личное субъективное право, выражающее отношения между органами власти и гражданином [5, с. 31-33].

Тем самым, можно заключить, что право на обращение в Российской Федерации – это личное политическое право граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, в основе которого лежит взаимодействие общества и государства с целью ответа со стороны органов публичной власти и основанное на ряде конституционных принципов. Принципиально важно понимать данное право в узком смысле, так как право на обращение в суд не равнозначно праву на обращение в том смысле, что цели суда и органов публичной власти в рамках ответа на обращения могут быть разные.

Пристатейный библиографический список

1. Зорькин В. Д., Лазарев Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации. - М.: Юридическое издательство Норма, 2013.
2. Документы истории Великой французской революции. Т. 1. Отв. ред. А. В. Адо. - М.: Издательство Московского университета, 1990.
3. Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Независимые федеральные органы государственной власти России // Социально-гуманитарные знания. - 2015. - № 8.
4. Третьяков И. А. Место конституционного права на обращения в системе основных прав и свобод человека и гражданина // Юрист-Правовед. - 2010. - № 2 (39).
5. Хафизова А. И. Право граждан на обращения. – Текст: непосредственный // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.).
5. Определение Конституционного Суда РФ «По жалобе общественного благотворительного учреждения «Институт общественных проблем «Единая Европа» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 255 и 258 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 5 Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 22.04.2004 № 213-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. - № 6.
6. На какие организации распространяется действие Федерального закона Российской Федерации от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»? // Район Нагатино-Садовники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nagatino-sadovniki.mos.ru/safety-and-security/the-prosecutor-s-office-informs/detail/8177795.html> (дата обращения: 01.08.2024).

ЕРМОЛАЕВ Олег Игоревич

адъюнкт, Уфимский юридический институт МВД России, юрисконсульт Правового отдела МВД по Республике Башкортостан

ПРОВЕДЕНИЕ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ, КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье по результатам анализа полномочий, которыми наделено МВД России, правового регулирования, направленного на недопущение вмешательства во внутренние дела государств, принимаемых Российской Федерацией мер по противодействию вмешательству в ее внутренние дела, исследуется порядок проведения в МВД России правовой экспертизы международных договоров с последующим установлением взаимосвязи между данной процедурой и способами защиты от вмешательства во внутренние дела Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая экспертиза, вмешательство во внутренние дела государства, международный правовой акт, международный договор, государство.

ERMOLAEV Oleg Igorevich

adjunct, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Legal Adviser of the Legal Department of the MIA of the Republic of Bashkortostan

CONDUCTING LEGAL EXPERTISE OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA, AS A WAY TO PROTECT AGAINST INTERFERENCE IN THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Based on the results of the analysis of the powers vested in the Ministry of Internal Affairs of Russia, legal regulation aimed at preventing interference in the internal affairs of states, measures taken by the Russian Federation to counter interference in its internal affairs, the procedure for conducting a legal examination of international treaties in the Ministry of Internal Affairs of Russia is investigated, followed by establishing the relationship between this procedure and methods of protection against interference in internal affairs the affairs of the Russian Federation.

Keywords: legal expertise, interference in the internal affairs of the state, international legal act, international treaty, the state.

Министерство внутренних дел Российской Федерации являясь самостоятельным федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел в целях реализации своих полномочий наделено правом устанавливать взаимодействие с иностранными органами государственной власти, международными организациями по вопросам, относящимся к сфере органов внутренних дел. К формам реализации данного права относятся заключение Министром внутренних дел Российской Федерации международных договоров межведомственного характера и иных международных правовых актов.

В свою очередь международно-правовая работа одним из результатов которой является выработка, подписание международного договора, правовой контроль в форме проведения правовой экспертизы относятся к самостоятельным направлениям (видам) правовой работы в системе МВД России. Подробный порядок практической реализации данных направлений правовой работы урегулирован Наставлением по организации правовой работы, утверждённым приказом МВД России от 5 января 2007 г. № 6¹. Анализируя содержание данного Наставления, в качестве юридической особенности следует отметить, что для проведения правовой экспертизы проектов международных договоров предусмотрен отдельный перечень оснований, сроки ее проведения, а также структурные подразделения МВД России, наделенные полномочиями на проведение правовой экспертизы и установлению международного взаимодействия.

Перечень видов общественных отношений по которым может устанавливаться правовое регулирование посредством заключения международных договоров межведомственного характера в сфере органов внутренних дел и иных международных актов достаточно обширен. Он включает в себя такие актуальные в современных условиях и государственно значимые правоотношения как в сфере миграции, молодежной политики (в связи с подверженностью молодежи риску деструктивного внешнего воздействия со стороны отдельных иностранных государств), борьбы с преступностью в том числе транснациональной, в сфере незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия, хищения (угона) транспортных средств и иного имущества, похищения людей, противодействия терроризму, экстремизму, розыск лиц совершивших преступления, пропавших без вести.

Следует отметить, что возможно невооруженным глазом установить взаимосвязь между служебной деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации, актуальной сегодня темой угроз вмешательства во внутренние дела Российской Федерации и органов, создаваемых с целью изучения данной темы, принятия эффективных мер по разрешению возникающих вопросов и угроз вмешательства во внутренние дела исходя из их наименования. Вместе с тем для лучшего понимания смысла и закрепления используемых в настоящей статье терминов необходимо определить, что под угрозами вмешательства во внутренние дела Российской Федерации в настоящее время понимается не основанная на общепризнанных принципах международного права и международных договорах Российской Федерации деятельность

¹ Текст приказа официально опубликован не был.

со стороны иностранных государств, юридических и физических лиц, их объединений, имеющую целью изменение основ конституционного строя, территориальной целостности Российской Федерации, ее внутренней и внешней политики, состава и структуры органов государственной и муниципальной власти». Данное определение нашло своё официальное отражение в Предварительном докладе Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета, представленном на 420 заседании Совета Федерации 10 октября 2017 года², К числу органов, непосредственно их изучающих (анализирующих) и осуществляющих выработку мер, направленных на недопущение угроз вмешательства во внутренние дела Российской Федерации относятся созданные на коллегиальной основе в обеих палатах Федерального Собрания Российской Федерации Комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации³ и Комиссия Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России. Осуществляя разработку проектов международных договоров и иных международных актов при осуществлении международно-правовой работы, МВД России имеет право устанавливать взаимодействие с вышеперечисленными законодательными органами в том числе по вопросам их согласования. Целесообразность такого согласования определяется Управлением по вопросам международного сотрудничества⁴ МВД России в каждом конкретном случае индивидуально. Будучи наделенным данным правом, УМС МВД России является в соответствии с пунктами 1, 2 Положения об Управлении международного сотрудничества МВД России, утвержденного приказом МВД России от 18 января 2019г. № 15⁵ головным подразделением по организации международного сотрудничества.

Учитывая высокую степень значимости и важности вышеперечисленных сфер правоотношений от качества и проявления высокопрофессионального подхода при проведении правовой экспертизы проектов международных договоров и иных международных актов напрямую зависит наличие (отсутствие) риска возникновения угроз вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. В этой связи, в соответствии с подпунктом 10.35 Положения, право на организацию и проведение правовой экспертизы проектов международных правовых актов также предоставлено УМС МВД России. Перечень обстоятельств, подлежащих исследованию и установлению при проведении правовой экспертизы проектов международных договоров и иных проектов международных правовых актов определен в пункте 35 Наставления по организации правовой работы, утвержденного приказом МВД России от 5 января 2007 г. № 6.

К числу обязательных к исследованию обстоятельств при проведении правовой экспертизы относится его соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, и международным договорам. Подтверждением тому, что правовой принцип «недопустимости вмешательства во внутренние дела» относится к общепризнанному прин-

ципу международного права, является тот факт, что он нашел свое отражение и закрепление в пункте 7 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций⁶. В свою очередь СССР и его правопреемница Российская Федерация является одним из первоначальных членов ООН и созданных в его структуре органов, к их числу, например, относится Совет Безопасности ООН. Принятые на основании соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи ООН: Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств об ограждении их независимости и суверенитета 1965 год⁷, Декларация об укреплении международной безопасности 1970 года⁸, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года⁹ ложатся в основу перечня правовых актов, которыми следует руководствоваться при проведении правовой экспертизы проектов международных договоров и иных международных - правовых актов.

В обоснование необходимости при проведении правовой экспертизы руководствоваться вышеприведенными положениями Деклараций на предмет наличия (отсутствия) угроз вмешательству во внутренние дела Российской Федерации, содержащихся в проекте международных договоров и иных международных правовых актов свидетельствует официальная позиция, изложенная 13 декабря 2023 года в Ежегодном Докладе комиссии СФ по защите государственного суверенитета¹⁰. Из содержания приведенных в нем исторических фактов следует, что в течении 30 лет после обретения своего суверенитета Российская Федерация на систематической основе испытывает попытки вмешательства в свои внутренние дела со стороны отдельных иностранных государств.

Подтверждением в свою очередь наличия установленного между МВД России и его территориальными органами взаимодействия с Комиссией СФ по защите государственного суверенитета является проведенное 16 мая 2023 года по теме «Противодействия попыткам недружественных государств разрушить территориальное единство Российской Федерации» в Балтийском Федеральном университете им. И. Канта выездное заседание рабочей группы данной Комиссии в котором в том числе принял начальник Управления МВД России по Калининградской области генерал-майор полиции А. Н. Сокрутенко¹¹.

6 Устав Организации Объединенных Наций, принят 26.06.1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. - М., 1956. - С. 14-47.

7 Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, принята 21.12.1965 г., резолюцией 2131 (XX) на 20-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, текст резолюции официально опубликован не был.

8 Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. - С. 202-206.

9 Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года Действующее международное право. Т. 1. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С. 99-102. (Извлечение).

10 Ежегодный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (13 декабря 2023 г.). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/151215.

11 Отчет Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации за 2023 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/153394/.

2 Предварительный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета, представленный на 420 заседании Совета Федерации 10 октября 2017 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/meetings/83881/transcript/>.

3 Далее - Комиссия СФ по защите государственного суверенитета.

4 Далее - УМС.

5 Далее - Положение.

КИТАЕВ Александр Александрович

аспирант кафедры конституционного и административного права, Юридический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ ИММУНИТЕТ, ПРИВИЛЕГИЯ И ЛЬГОТА В КОНТЕКСТЕ ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

При регулировании вопросов правового иммунитета парламентария необходимо ограничивать этот институт определенными рамками. Институт парламентского иммунитета должен служить определенной цели, а именно обеспечение деятельности члена законодательного (представительного) органа и область применения данного института должна быть относительно узкой для того, чтобы не допустить превращение исключения в правило, которое подрывает действие принципа равенства граждан перед законом и судом.

Юридическая наука изучает различные аспекты права и правовых отношений. Помимо понятия «иммунитет», она также рассматривает другие изъятия из общего статуса личности, такие как «привилегия» и «льгота». Эти категории могут показаться схожими, но они имеют свои особенности и применяются в разных ситуациях. Важно понимать разницу между ними, чтобы избежать путаницы и неправильного применения норм права.

Важность рассмотрения этого вопроса обусловлена тем, что многие ученые-юристы, говоря о парламентском иммунитете, трактуют его как определенный вид «привилегии» либо «льготы». Думается, что такой подход является неверным по целому ряду причин.

Статья посвящена раскрытию содержания понятий иммунитет, привилегия и льгота и анализу их соотношения между собой.

Ключевые слова: правовые категории, иммунитет, привилегии, льготы, сравнительный анализ, функциональное назначение, теоретико-правовой анализ, проблемы интерпретации, концептуальные особенности.

KITAEV Alexander Alexandrovich

postgraduate student of Constitutional and administrative law sub-faculty, Faculty of Law, Perm State National Research University

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL CATEGORIES OF IMMUNITY, PRIVILEGE, AND BENEFIT IN THE CONTEXT OF THEIR FUNCTIONAL PURPOSE

When regulating issues of legal immunity of a parliamentarian, it is necessary to limit this institution to certain limits. The institution of parliamentary immunity should serve a specific purpose, namely, ensuring the activities of a member of the legislative (representative) body, and the scope of this institution should be relatively narrow in order to prevent the exception from turning into a rule that undermines the principle of equality of citizens before the law and the court.

Legal science studies various aspects of law and legal relations. In addition to the concept of "immunity", it also considers other exceptions from the general status of an individual, such as "privilege" and "benefit". These categories may seem similar, but they have their own characteristics and are applied in different situations. It is important to understand the difference between them in order to avoid confusion and misapplication of legal norms.

The importance of considering this issue is due to the fact that many legal scholars, speaking about parliamentary immunity, interpret it as a certain type of "privilege" or "benefits". It seems that such an approach is incorrect for a number of reasons.

The article is devoted to disclosing the content of the concepts of immunity, privilege and benefit and analyzing their relationship with each other.

Keywords: legal categories, immunity, privileges, benefits, comparative analysis, functional purpose, theoretical and legal analysis, problems of interpretation, conceptual features.

Толковый словарь С. И. Ожегова определяет понятие льгота как «Преимущественное право, облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил» [1]. Большой толковый словарь Русского языка под редакцией С. А. Кузнецова говорит, что льгота – это «Полное или частичное освобождение от соблюдения установленных законом общих правил, выполнения каких-либо обязанностей» [2, с. 508]. Текст большой советской энциклопедии понимает под льготой «предоставление кому-либо преимуществ, частичное освобождение от выполнения установленных правил, обязанностей (например, налоговые льготы, пенсионные льготы и другие) или облегчение условий их выполнения» [3].

Стоит отметить, что в юридической науке существуют различные подходы к пониманию термина льгота. В то же время, существует общепризнанная трактовка указанной категории, под которой понимается особый статус, предостав-

ляемый отдельным категориям лиц, заключающийся в их улучшенном правовом положении, с целью облегчения их существования.

К примеру, одна группа авторов считает, что термин «льгота» должен пониматься как исключение из прав граждан, которое заключается в особом правовом режиме, регулирующим статус определенной группы граждан или наделение определенной группы граждан повышенными правами в отличие от базового статуса.

Представители другого подхода под «льготой» понимают один из способов предоставления компенсации для социально слабых слоев общества либо отдельных его членов [4, с. 47].

В. М. Баранов указывает на то, что под льготами следует понимать освобождение участника общественных отношений от ряда установленных в законодательстве обязанностей, предоставляемых с целью его поощрения [5, с. 66].

И. С. Морозова говорит о том, что под льготами следует понимать правовое средство особого рода призванное обеспечить условия, при которых интересы и потребности граждан будут удовлетворяться и защищаться наиболее полным образом, тем самым это правовое средство оказывает гарантирующее, компенсаторное и стимулирующее воздействие на общественные отношения.

Иное понимание термина «льгота» было предложено А. В. Малько, который указывал, что ее (льготу) необходимо понимать как законный способ облегчения правового статуса субъекта, что способствует удовлетворению его жизненных потребностей максимально возможным образом и которая заключается в предоставлении дополнительных прав и освобождении от обязанностей [6, с. 13].

Занимаясь вопросами правовых льгот А. В. Малько писал, что к льготам также надлежит относить неприкосновенность депутата, которая является разновидностью политических льгот [9, с. 43].

Сторонники точки зрения, изложенной А. В. Малько, в качестве доводов указывают, что иммунитет является разновидностью льготы, аргументируя это следующим: первое, одной из целей институтов «льгота» и «иммунитет» является создание законного режима, при котором у носителя льготы или иммунитета имеются дополнительные средства для реализации своих прав; второе, сторонники данной точки зрения исходят из того, что и иммунитет, и льгота являются средствами, которые стимулируют то или иное лицо поступать определенным образом, то есть, по их мнению, и «льгота» и «иммунитет» являются правостимулирующими средствами; третье, представители данного подхода говорят о том, что «льгота» и «иммунитет» являются стимулами для социально полезной деятельности для тех субъектов, кто наделен льготами, либо иммунитетами; четвертое, «иммунитеты» и «льготы» представляют собой определенные изъятия из стандартного правового статуса личности; пятое, «иммунитеты» и «льготы» являются способом проявления правовой и социальной дифференциации тех или иных социальных групп.

При анализе правовых категорий «иммунитет» и «льгота» можно увидеть не только сходства между этими правовыми средствами, но и принципиальные различия, о которых будет сказано позднее.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, для определения соотношения понятий «иммунитет» с другими средствами правового неравенства является правовая категория «привилегия».

Стоит отметить, что в своих поздних работах А. В. Малько говорит о том, что термин «иммунитет» нужно трактовать через понятие «привилегия», несмотря на занимаемую им ранее иную точку зрения. То есть, по мнению А. В. Малько, «иммунитет» является одним из видов правовых привилегий. Правовой иммунитет описывается им как «особые льготы и привилегии, преимущественно связанные с освобождением конкретно установленных в нормах международного права, Конституции и законах лиц от определенных обязанностей и ответственности, призванные обеспечивать выполнение ими соответствующих функций» [6, с. 17]. Подобный взгляд на эту проблему можно обнаружить в работах В. А. Четвернина, который говорит о том, что «иммунитет» является привилегией, которая направлена на обеспечение безопасности и независимости судей, парламентариев, а также некоторых других категорий должностных лиц [18].

Думается, что для начала необходимо обратиться к самому слову «привилегия», которое образовано от латинского слова «privi-legium», где privius означает отдельный, единственный, а lex понимается как право, закон. Из указанного следует, что «привилегия» — это преимущество, которым наделяется определенная личность, и представляющее собой особый правовой статус для отдельного лица либо отдельной категории лиц [11, с. 399].

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет привилегию как «преимущество, исключительное право» [19]. Словарь В. И. Даля определяет привилегию как «исключительное право в ремеслах и промыслах; личное право, преимущество. Привилегированные сословия, высшие или которым даны права, преимущества перед простым народом» [10]. Словарь С.И. Ожегова говорит о том, что под привилегией следует понимать «преимущественное право, льгота. Привилегии ветеранам войны» [20]. То есть привилегия, по существу, отождествляется с понятием льготы.

Толковый словарь русского языка описывает значение слова привилегия как «исключительное право пользования чем-либо, предоставляемое кому-либо в отличие от других» [2, с. 972].

В юридической науке понятие «привилегия» может использоваться в различных значениях.

Во-первых, под привилегиями можно понимать неправомерные преимущества у отдельных групп лиц. В случае употребления «привилегии» в таком контексте за этим термином не сохраняется никакого позитивного смысла. Такая трактовка понятия «привилегия» характерна для юридической науки времен позднего СССР. Подобным образом трактовали понятие «привилегия» А. В. Малько и И. С. Морозова, в этой связи они писали: «большинство авторов анализировали названный феномен в основном еще в эпоху перестройки, когда буквально «сквозил» конъюнктурный подход к «нехорошим» тоталитарным и «хорошим» рыночным типам привилегий» [7, с. 143].

Такие трактовки «привилегии» можно встретить в трудах многих ученых-юристов того периода. К примеру, В. М. Межуев писал о привилегиях следующим образом: «пережитки», «остатки» старого — неравного (кастового, сословного и так далее) — права, наделяющего отдельные лица или группы лиц особыми преимуществами перед другими в различных областях жизни» [4, с. 47]. Подобным образом высказывался и И. В. Бестужев-Лада, по его мнению, привилегия — это «способ возвышения одних социальных групп или индивидов за счет других, по сути привилегия — негативное социальное явление» [4, с. 47].

Термин «привилегия» иногда трактуется как синоним понятий «права и свободы». В. А. Четвернин считает привилегиями право некоторых слоёв населения на бесплатное получение благ от государства. Привилегии адресованы только определённым группам, например малоимущим гражданам, детям-сиротам или инвалидам. Субъект может обжаловать в суде отказ в предоставлении привилегий. Употребление понятия «привилегия» в таком значении нецелесообразно, так как оно совпадает с понятием «льгота». Также термин «привилегия» используется учеными-юристами в значении правового средства, обеспечивающего юридическое неравенство между теми или иными субъектами [13].

В юридической литературе «привилегии» признаются законными средствами обеспечения юридического неравенства субъектов права. Авторы работ понимают «привиле-

гии», как льготы для государственных органов и должностных лиц.

С. Ю. Суменков трактует понятие «привилегия» как исключительное юридическое средство, представляющее собой максимальные преимущества, распространяющиеся главным образом на властные органы и должностных лиц, и характеризующее социальный и индивидуальный статус своих обладателей, а также являющееся разновидностью льготного способа регулирования общественных отношений [13]. Думается, что такое определение вполне отражает то содержание, которое на сегодняшний день имеет понятие «привилегия».

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть – это соотношение понятий «льгота» и «привилегия».

По мнению Н. С. Бондарь и Ю. В. Капрановой главными критериями, по которым следует отличать рассматриваемые понятия, являются цель предоставления и результаты, которые достигаются государством при введении «льготы» либо «привилегии». По мнению данных авторов льготы, могут устанавливаться для достижения следующих целей.

Во-первых, «с целью «дотягивания» до режима равноправия, если субъект характеризуется какими-то особенностями (например, состояние здоровья, возраст) или находится в специфических условиях (особенности жизни, работы, профессии)» [12, с. 18-19].

Во-вторых, «с целью поощрения занятия каким-либо видом деятельности, в котором заинтересовано само государство, путем полного или частичного освобождения от обязанности (налоговые льготы)» [12, с. 18-19].

В своих работах Н. С. Бондарь и Ю. В. Капранова пишут том, что привилегии вводятся с другой целью, а именно для того, чтобы государственные или общественные функции того или иного органа могли нормальным образом реализовываться. То есть привилегии служат средством защиты от необоснованного вмешательства в деятельность тех или иных государственных органов. В силу этого привилегии должны выступать исключительно гарантиями качественного, беспрепятственного выполнения функций и служебных обязанностей президента, депутатов, судей, дипломатов, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, и иных лиц [12, с. 18-19]. Авторы считают, что иммунитет – это особый вид привилегии. С этим можно согласиться частично, так как правовой иммунитет (например, парламентский) действительно защищает должностных лиц от необоснованного вмешательства в их работу. Однако называть его привилегией не совсем корректно, поскольку он включает в себя более широкую защиту: не только от незаконного привлечения к ответственности, но и тайну переписки, свидетельский иммунитет, право свободно высказываться на сессиях парламента.

В свою очередь С. Ю. Суменков считает, что правовой иммунитет является особым видом привилегии. Главной особенностью, по мнению этого автора, является то, что правовой иммунитет гарантирует дополнительные права, либо освобождает от тех или иных лишений, связанных только с реализацией института юридической ответственности. При этом никаких иных материальных или социальных гарантий иммунитет не предоставляет.

Трактовка иммунитета как определенного вида привилегии встречается и у некоторых представителей британской юридической науки.

Э. Мэй в своих трудах трактует парламентский иммунитет «как сумму особых прав, без которых невозможно осу-

ществление функций, и которые принадлежат каждой палате в целом как составной части Высокого Суда Парламента (High Court of Parliament) и членам палат в отдельности» [14, р. 42]. В этой трактовке, которую приводит британский ученый, очень рельефно проявляется функциональное назначение парламентского иммунитета.

М. Вердуссен считает, что парламентский иммунитет необходим для защиты работы парламентариев, которая не должна нарушаться несправедливыми судебными актами. Из этого он делает вывод о том, что парламентский иммунитет не является личной привилегией, так как у этих правовых институтов различные цели [21]. А. Уотрис пишет о том, что недопустимо использовать парламентский иммунитет в личных целях, так как он является общественным правовым институтом, а не служит цели предоставления личной привилегии [22].

Вместе с тем, М. И. Левина характеризуя статус членов британского парламента, пишет: «... права, принадлежащие членам парламента (или то, что в современном языке называется «депутатскими иммунитетами»), различались как «привилегии» и «свободы».

Для некоторых представителей российской юридической науки предпочтительной кажется такая точка зрения, согласно которой нет необходимости в разграничении правовых категорий «иммунитет», «привилегия» и «льгота». В качестве аргумента в подтверждение своей позиции ими приводится тот факт, что на национальном и международном уровне правового регулирования, отсутствует четкое разграничение указанных правовых понятий. Ф. А. Агаев говорит о том, что такое положение вещей обусловлено тем, что «отдельные разновидности иммунитетов и привилегий представляют собой совокупности правил, обладающих признаками иммунитета в собственном смысле и признаками привилегий» [23].

Представляется, что смешивать значение понятий «иммунитет», «привилегия» и «льгота» недопустимо, так как каждое из этих правовых средств имеет особое назначение и правовое содержание, кроме того, этими правовыми институтами выполняются различные функции. Нельзя не согласиться с тем, что «иммунитет», «привилегия» и «льгота» имеют схожие черты, которые сближают их. Однако эти правовые институты имеют и существенные различия. Поэтому, представляется разумным выделять «иммунитет» в отдельную правовую категорию, при этом необходимо четко разграничивать эти правовые категории, поскольку решение данной задачи важно как для юридической науки, так и для правоприменительной практики.

Некоторые зарубежные авторы пишут о том, что парламентский иммунитет не является льготой или привилегией, а является правовым институтом, который необходим для защиты парламентариев от злоупотреблений со стороны других ветвей власти. При этом данные авторы отдельно отмечают, что в настоящий момент времени возросла необходимость защиты от злоупотреблений со стороны судебной ветви власти, в то время как необходимость защиты от злоупотреблений со стороны исполнительной ветви власти уменьшилась [15], [17].

В юридической науке США парламентский иммунитет рассматривается как отдельный правовой институт целью которого является обеспечение открытого обсуждения национальных вопросов и общественной работы законодателей без неправомерного вмешательства со стороны судебной или исполнительной власти. Отдельно отмечается, что парла-

ментский иммунитет никогда не предназначался для защиты парламентариев от судебного преследования за их преступные действия, то есть не является личной привилегией или льготой [16]¹.

Таким образом, считаем, что «иммунитет» отличается по своей правовой природе от «привилегий» и «льгот» по ряду признаков.

Первым признаком, который отличает «иммунитет», «привилегии» и «льготы» является цель предоставления. Так, государство предоставляет льготы для тех или иных участников общественных отношений для того, чтобы уравнивать различие в положении различных субъектов, либо для создания более благоприятного правового положения для тех лиц, которые нуждаются в дополнительной защите. То есть, когда государством в лице законодательных (представительных) органов устанавливаются правовые льготы, им преследуется цель создания более благоприятных условий для отдельных категорий лиц, которые находятся в уязвленном положении по отношению к большинству субъектов, а привилегии — это то, что служит целью подчеркнуть особый социальный статус того или иного субъекта.

Правовые иммунитеты устанавливаются с совершенно другой целью, а именно для обеспечения реализации своих функций представителями государственных или международных органов. Вместе с тем, на первый взгляд может показаться, что привилегии обладают схожей целью. Так в юридической литературе, посвященной привилегиям, пишут, что они «в основном сориентированы на политическую элиту, на властные органы и должностные лица» [7, с. 146], или, что привилегии «могут распространяться лишь на тех, кто находится у власти и вершит власть» [4, с. 55]. Представляется, что главное отличие в цели предоставления привилегий и иммунитетов состоит в том, что иммунитеты имеют строго функциональное назначение, в то время как привилегии служат целью подчеркнуть особый социальный статус того или иного субъекта.

Вторым признаком, по которому можно провести различие между «привилегиями», «иммунитетами» и «льготами» является то, каким источником права они устанавливаются. Перечень лиц, на которых распространяется иммунитет, как правило, закреплён в нормативно-правовых актах высокой юридической силы, таких как конституция или федеральные законы, а также в нормах международного права. Вопросы, связанные с привилегиями и льготами, как правило, регламентируются в федеральных или региональных законах, а также в подзаконных правовых актах.

Третьим основанием для разграничения категорий «иммунитет», «привилегии» и «льгота» выступает форма реализации. Как правило, льготы и привилегии реализуются путем предоставления той или иной компенсации. А. В. Малько и И. С. Морозова пишут, что льготы и привилегии «служат специфическими компенсационными мерами, устанавливаемыми за осуществление конкретных функциональ-

ных обязанностей» [7, с. 145]. То есть, с точки зрения авторов льготы, предоставляемые инвалидам и ветеранам, а также привилегии должностных лиц, «пытаются определенными «доходами» возместить те «расходы», которые были затрачены в процессе их трудовой и иной деятельности» [7, с. 145].

В свою очередь в отличие от льгот и привилегий, правовой иммунитет не реализуется путем предоставления компенсаций. Правовой иммунитет реализуется путем предоставления особого правового статуса, который обеспечивает повышенную правовую защиту для тех или иных лиц, выполняющих государственные обязанности, либо обязанности в интересах всего общества.

Четвертым критерием, отличающим «иммунитет», «привилегии» и «льготы» является срок предоставления. Так как правовой иммунитет выступает в первую очередь средством защиты интересов общества и государства, то разумным является то, что он должен предоставляться на срок исполнения тех или иных должностных обязанностей.

Привилегии для бывших должностных лиц могут существовать и после пребывания на государственной или международной должности. Например, это может быть повышенное материальное содержание. А льготы не ограничены сроком реализации полномочий, так как их предоставление не связано с занятием определённой должности в государственных или международных органах.

Пятым критерием является сфера применения «льгот», «иммунитетов» и «привилегий» соответственно. Так, сфера применения правового иммунитета, так или иначе связана с институтом юридической ответственности, а льготы и привилегии не связаны с этим институтом.

Также некоторые авторы говорят о существовании и иных критериев, которые различают правовые категории «иммунитет», «привилегия» и «льгота» между собой. К примеру, А. В. Малько и С. Ю. Суменков говорят о том, что для иммунитета характерной чертой выступает его «отрицательность» которая заключается в том, что иммунитет освобождает от тех или иных негативных юридических последствий, таких как привлечение к юридической ответственности, в то время как льготы и привилегии предоставляют блага «положительным образом», то есть не освобождают от тех или иных юридических обязанностей, а предоставляют дополнительно материальные либо духовные блага [8, с. 14].

С этой позицией можно согласиться частично. Отрицательность свойственна только части правового иммунитета — неотвеченности. В случае более сложного порядка привлечения к ответственности иммунитет реализуется через «прибавление» к общему порядку, установленному законодательством.

Кроме того, отрицательность свойственна не только иммунитетам. Так налоговые льготы, которые позволяют не платить те или иные налоги определенным группам субъектов, также обладают чертой отрицательности.

Возможность для лиц, являющимися инвалидами, не платить за парковку транспортных средств в зонах платных парковок, также обладает этой характеристикой.

В связи с этим «отрицательность» нельзя включить в перечень признаков, с помощью которых разграничиваются категории «иммунитет», «привилегия» и «льгота» между собой.

Вместе с тем, парламентский иммунитет имеет много общего с другими институтами правового неравенства, а именно с привилегиями и льготами, о чем говорит ряд общих черт, которые имеют эти правовые институты: являются право-

1 См.: Charles R. Babcock, Prosecutors Urge 10-Year Sentence for Cunningham, WASH. POST, Feb. 18, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/02/17/AR2006021702508.html> (дата обращения: 10.12. 2022); Representative Robert W. Ney. See Susan R. Schmidt & James V. Grimaldi, Ney Pleads Guilty to Corruption Charges, WASH. POST, Oct. 14, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/13/AR2006101300169.html> (дата обращения: 07.12.2022).

мерными исключениями, предоставляемыми в соответствии с нормами, закрепленными в специальных нормативно-правовых актах; являются одной из форм дифференциации субъекта общественных отношений; носят правостимулирующий характер, то есть создают условия, при которых субъектам выгодно поступать определенным образом.

Тем не менее, иммунитет парламентария является самостоятельным правовым явлением, несмотря на схожесть с такими институтами как привилегии и льготы. Граница между парламентским иммунитетом и другими институтами правового неравенства может быть проведена с помощью следующих критериев: цель предоставления парламентского иммунитета; источник права, которым устанавливается парламентский иммунитет; форма реализации правового иммунитета парламентария; срок предоставления парламентского иммунитета; сфера применения парламентского иммунитета.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е издание, дополнительное. М.: ООО «Издательство ЭЛРИС», 2003. 944 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Но-ринт, 2003.
3. Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Гл. ред. А. М. Прохоров. Издание 3-е. М.: Сов. энцикл., 1969-1978 @ Большая советская энциклопедия: Алфавитный именной указатель к третьему изданию. А-Я. М.: Сов. энцикл., 1981.
4. Бестужев-Лада И. В. Власть, демократия, привилегии: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1991. № 7.
5. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / Под ред.: Байтин М. И. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 147 с.
6. Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журн. рос. права. 2002. № 2. С. 16-23.
7. Малько А. В., Морозова И. С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С. 143-156.
8. Малько А. В. Правовые иммунитеты // Правоведение. 2000. № 6.
9. Малько А. В. Льготы в праве: общетеоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1. С. 37-47.
10. Даль А. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / Совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
11. Словарь иностранных слов. - 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
12. Бондарь Н. С., Капранова Ю. В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. М., 2008. С. 16-19.
13. Суменков С. Ю. Привилегия как политико-правовая категория // Право и политика. 2002. № 5.
14. May. Sir Thomas Erskine. Treatise on the Law. Privileges Proceedings and Usage of Parliament 16 edition. London, 1957.
15. Koen Muylle. «Rechten van de mens en parlementaire immuniteiten: toont Luxemburg de weg aan Straatsburg?», in André REZSÖHAZY et Marc VAN DER HULST (dir.), Parlementair recht en grondrechten – Le droit parlementaire et les droits fondamentaux, Bruges, die Keure, 2010.
16. Shenkman M. L. Talking About Speech or Debate: Revisiting Legislative Immunity // Yale L. & Pol'y Rev. 2013. Т. 32. С. 351.
17. Jousten A. Les immunités parlementaires: témoins d'un temps révolu? // Séminaire doctoral animé à l'invitation du CERCRID (Centre de recherches critiques sur le droit), CNRS UMR 5137, de Université Jean Monnet, Saint-Etienne. 2018.
18. Четвернин В. А. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий. М., 1997. С. 109.
19. Малый энциклопедический словарь. Т. 2 Вып. 4: Почва Иссоп. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909.
20. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009.
21. Verdussen M. «Article 59», in La Constitution belge: lignes et entrelignes: Essai (sous la dir. de M. VERDUSSEN), op. cit., P. 174.
22. Watrice A., Bonbled N. L'immunité parlementaire en Belgique: analyse et remise en question des régimes de l'irresponsabilité et de l'inviolabilité. P. 165.
23. Агаев Ф. А., Галузко Ф. А. Иммунитеты в российском уголовном процессе. М., 1998. С. 105.

КУШХОВА Зайрат Анатольевна

аспирант, Ессентукский институт управления, бизнеса и права, помощник судьи Сургутского городского суда

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ БРИКС

Международная организация БРИКС становится все более популярным и привлекает внимание правоведов всего мира в современной международной политической и экономической сфере.

В статье рассматриваются: юридический характер группы девяти государств – Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия, Египет и Иран и тенденции развития международных отношений в странах БРИКС с помощью юридической техники. Проводится анализ правовой системы стран союзников БРИКС и рассматривается вопрос выявления юридического характера взаимодействия между странами БРИКС.

Автор предлагает создание рабочей группы по разработке единого подхода по унификации законодательных и правореализационных актов, что обеспечит правовую взаимопомощь по делам (уголовным, гражданским и семейным), упростит процедуру признания иностранных судебных актов стран БРИКС.

Ключевые слова: юридическая техника, правовая система, сравнительно-правовой анализ, страны БРИКС, унификация, судебный акт.

KUSHKOVA Zayrat Anatolyevna

postgraduate student, Yessentuki Institute of Management, Business and Law, assistant judge of the Surgut City Court

LEGAL TECHNOLOGY AS A MEANS OF ACHIEVING LEGAL COOPERATION BETWEEN THE BRICS COUNTRIES

The international organization BRICS is becoming increasingly popular and attracts the attention of legal scholars around the world in the modern international political and economic sphere.

The article examines: the legal nature of a group of nine states - Brazil, Russia, India, China and South Africa, the United Arab Emirates, Ethiopia, Egypt and Iran and trends in the development of international relations in the BRICS countries using legal techniques.

An analysis of the legal system of the BRICS allied countries is carried out and the issue of identifying the legal nature of interaction between the BRICS countries is considered.

The author proposes the creation of a working group to develop a unified approach to the unification of legislative and legal acts, which will ensure mutual legal assistance in cases (criminal, civil and family), and simplify the procedure for recognizing foreign judicial acts of the BRICS countries.

Keywords: legal technique, legal system, comparative legal analysis, BRICS countries, unification, judicial act.

В научном юридическом сообществе, как в России, так и зарубежом проводят исследования в области юридической техники. Говоря о юридической технике, стоит иметь в виду не только средства, методы и приёмы, используемые при классификации законодательных актов, но и правоприменительных (судебных) актов.

Написанию данной статьи предшествовали такие последние события в мире, как саммит БРИКС в городе Казани.

Несмотря на экономический кризис, вызванный последствиями коронавируса и санкциями стран Запада против России, наша страна стала центром притяжения 35 государств и 6 международных организаций. 24 октября 2024 года завершился 16-ый саммит БРИКС.

По итогам саммита была принята Казанская декларация БРИКС¹. Указанный документ состоит из 134 пунктов, тогда как на предыдущем саммите в Йоханесбурге, декларация включала в себя 94 пункта, а ещё раньше принятый документ саммита в Пекине содержал 75 пунктов. Таким образом, вместе с увеличением стран участников БРИКС итоговые документы становятся более объёмными и подробными, что указывает на процесс интенсивного взаимодействия и сближения стран БРИКС. Кроме того, обсуждались возмож-

ности партнерства в финансовой сфере с помощью Нового банка развития [1].

БРИКС - это международная организация, которая образована странами-союзниками Бразилией, Россией, Индией и Китаем в 2006 году в городе Санкт-Петербурге на экономическом форуме, немного позже присоединилась Южно-Африканская Республика. По состоянию на октябрь 2024 года в БРИКС входят 9 государств (с 1 января 2024 года к БРИКС присоединились Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия, Египет и Иран)².

Страны БРИКС объединяет главная идея - это создание многополярного мира, в котором все страны считаются равными и относятся друг к другу с уважением, стремятся к компромиссу при решении различных задач.

БРИКС сегодня, это международная организация, оказывающее немалое влияние не только на общественные и экономические отношения, но и на правовые системы.

По мнению С. С. Алексеева, правовая система – это понятие, которое на основании юридических норм, в целостности и взаимосвязи охватывает все конститутивные элементы правовой действительности и определяет общую конструкцию действующего права в том или ином государстве [2, с. 65-66].

Создание единого финансового института, как Новый банк развития неумолимо повлечёт правовые последствия.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdgoQRs3xfMUiCAmF3LEho2OL-3Hk.pdf>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>.

Несмотря на плодотворное сотрудничество в экономическом направлении, страны БРИКС испытывают сложности в правовом взаимодействии, поскольку относятся к разным правовым системам.

Так, Россия, Бразилия, Китай и Эфиопия относятся к романо-германской правовой семье. Основой правовой системы Ирана является романо-германская с элементами мусульманского права. В ОАЭ главенствует Коранический закон, тогда как в Египте смешанная правовая система, которую условно называют романо-мусульманской. Индийская и Южноафриканская юридические системы базируются на английском общем праве, но сочетают элементы индийского обычного права и континентального права соответственно [3].

Несмотря на разнообразие правовых систем, страны-соседи сотрудничают в области юриспруденции и правоприменения.

На первом Совещании министров юстиции стран БРИКС, министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко отметил перспективные направления для сотрудничества, что будет способствовать обмену опытом и подготовке предложений для укрепления правовых институтов³.

Разрабатывая новые концепции для сотрудничества стран, станет неизбежным влияние одной правовой системы на другую. По мнению профессора А. Ф. Черданцева, воздействие одних правовых систем на другие проявляется в принятии идей, понятий, юридических конструкций, институтов и других элементов более развитого права [4, с. 410].

Известно, что основными составляющими правоотношения являются его участники, объекты и содержание. Юридические факты являются основанием для возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Правоотношения могут возникать в результате событий или юридических действий на территории одной страны, но права и обязанности могут исполняться на территории другой, а объекты правоотношения могут находиться на территории третьей. Субъекты правоотношения могут проживать в разных странах. Для такого взаимодействия необходимо, чтобы правовая система и правопорядок каждой страны признавали объективное существование правовых систем других стран [4, с. 416-417].

Сравнительный анализ особенностей в правоприменительной практике каждой правовой системы приведёт к пониманию сходств и различий.

В России важной задачей является улучшение юридической техники, предпринимаются попытки создания единого закона о ней, который бы полностью охватывал все законодательные акты. В Бразилии одной из ключевых тем является правила создания юридических документов, необходимых для реализации прав. Индия активно работает над усовершенствованием судебных актов.

То есть каждая из стран БРИКС стремится создать благоприятные условия для развития своего государства, для чего необходимо разработать и усовершенствовать соответствующее правовое регулирование.

Для плодотворного функционирования институтов важно обратить внимание на проблему понятности и доступности языка в юридических текстах. Упрощение языка может быть полезным, но необходимо учитывать его влияние на стабильность правовой системы.

В отечественной юридической науке проблемам изучения юридической техники уделено немало внимания, однако в новых исторических условиях становится актуальным создание рабочей группы международного уровня по разработке подзаконных актов, стандарта законодательства, с целью выработки единого подхода по унификации законодательных и правореализационных актов.

Правовой унификацией является «осуществляемый правотворческими органами процесс, обеспечивающий единообразное правовое регулирование сходных (однородных), либо совпадающих (тождественных) общественных отношений, в ходе создания или совершенствования нормативно-правовых предписаний или их элементов». Целями правовой унификации является «обеспечение чёткости, строгости и логичности закона» [5, с. 279].

Соблюдение единого правила использования юридической техники к законодательным и правореализационным актам обеспечит правовую взаимопомощь по уголовным, гражданским и семейным делам, упростит процедуру признания иностранных судебных актов стран БРИКС.

Автор полагает, что исследовательский интерес к юридической технике, не только не угас, но и возрос. В связи с чем предлагает сосредоточить внимание на широком спектре нерешенных не только теоретических вопросов, но и проблем, связанных с созданием законченного и научно-обоснованного свода «Закона о законе».

Пристатейный библиографический список

1. Игнатов А. А. Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. - 2019. - № 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sammit-briks-v-yohannesburge-bolshe-novyh-mehanizmov-i-menshe-konkretnyh-resheniy> (дата обращения: 22.11.2024).
2. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК «Велби», 2008. - 576 с.
3. Высоцкая А. М. Соотношение российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // Вопросы российской юстиции. - 2023. - № 24. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-rossiyskoj-pravovoy-sistemy-i-romano-germanskoj-pravovoy-semi> (дата обращения: 22.11.2024).
4. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. - М.: Юрайт-М, 2002. - С. 410, 416-417.
5. Сабиров Э. Р. Унификация судебных актов как условие единства судебной системы // Управленческое консультирование. - 2012. - № 3 (47). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/unifikatsiya-sudebnyh-aktov-kak-usloviye-edinstva-sudebnoy-sistemy> (дата обращения: 22.11.2024).
6. Ануфриева Л. П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 12 (109). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-o-pravovoy-prirode-i-printsipah-sotrudnichestva> (дата обращения: 22.11.2024).

3 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/>.

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, доцент кафедры экономики и права Павловского филиала Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

МЕРКУШОВА Екатерина Сергеевна

студент, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

НОСКОВА Ксения Сергеевна

студент, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

ПРИЗРЕНИЕ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ И БЕСПРИУТНЫХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

В статье рассматриваются основные способы призрения незаконнорожденных и бесприютных детей в России в XVIII – XIX веках. Авторами анализируются особенности положения незаконнорожденных детей в воспитательных домах в различных регионах России исследуемого периода. Приводятся многочисленные примеры отношения к таким детям со стороны церкви, государства и общества. В заключение исследования делаются категоричные выводы по теме исследования.

Ключевые слова: незаконнорожденный, бесприютный, подкидыш, призрение, воспитательные дома, покровительство.

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, associate professor of Economics and law sub-faculty, Pavlovsky branch, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil and international law sub-faculty, Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

MERKUSHOVA Ekaterina Sergeevna

student, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

NOSKOVA Kseniya Sergeevna

student, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE CHARITY OF ILLEGITIMATE AND HOMELESS CHILDREN IN RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

The article discusses the main ways of caring for illegitimate and homeless children in Russia in the XVIII – XIX centuries. The authors analyze the peculiarities of the situation of illegitimate children in foster homes in various regions of Russia during the period under study. Numerous examples of the attitude of the church, the state and society towards such children are given. At the end of the study, categorical conclusions are drawn on the topic of the study.

Keywords: illegitimate, homeless, foundling, charity, foster homes, patronage.

Заботу о брошенных и незаконнорожденных детях до Петра Великого осуществляли частные благотворители, и лишь в 1707 году церковь, в лице митрополита Иова, был основан первый воспитательный дом в России в г. Новгороде [1, с. 14].

Через 8 лет Петр I учредил воспитательные дома при приходских церквях для приема брошенных детей через окно «дабы лица приносящих не было видно» [2]. Для их содержания он отписал церкви вотчины. Деятельность этих воспитательных домов была, на наш взгляд, очень плачевна, так как смертность в них была велика и достигала, например, в Петербургском доме 98 %, а со смертью царя эти воспитательные дома постепенно закрылись и, при вступлении на престол Екатерины II, в России не было ни одного заведения для подкидышей [3].

Увлекаясь идеей создать в России третье сословие, Екатерина Великая основала по плану Бецкого столичные воспитательные дома в Москве в 1763 г. и в Петербурге в 1770 г. [4]. Согласно этому плану в Московский воспитательный дом доставлялись дети из различных местностей Империи. От-

метим, что во многих губернских городах, уездных городах и даже селах, местные деятели также устраивали воспитательные дома под покровительством Московского дома, составлявшие как бы его филиальные отделения.

Подобные дома были устроены также в Петербурге (1753 г. в частном доме Строганова), в Нежине (1764 г.), Оренбурге (1766 г.), Новгороде (1766 г.), Смоленске (1767 г.), Нижнем Новгороде (1767 г.), Чебоксарах (1768 г.), Енисейске (1767 г.), Коломне (1764 г.), Олонецке (1771 г.). А в 1772 г. Опекунский Совет постановил выдавать частным и общественным провинциальным домам за каждого переданного в столичные воспитательные дома ребенка вознаграждение за воспитание и доставку его в размере 10 руб. за двухлетнего, 18 руб. за трехлетнего, 24 руб. за четырехлетнего и 30 руб. за пятилетнего [5].

С 1772 по 1796 год открылись ещё многие дома в других городах и селах России.

Система призрения, практиковавшаяся Приказом Общественного Призрения в силу его Устава заключалась в том, что он принимал в свои богоугодные заведения доставляе-

мым ему полицией подкидышей и подыскивал бесплатных или дешевых воспитателей, которым и отдавал подкинутых детей на воспитание [6].

Но и деятельность Приказов Общественного Призрения была настолько хороша, что в 1828 г. был издан закон, запрещающий открытие новых воспитательных домов. Закон этот запрещал открытие новых домов и земству, к которому перешли обязанности Приказов. При передаче дел Приказа земству ясно выяснилась и их деятельность по призрению подкинутых детей. Были комнаты в богоугодных заведениях Приказов, назначенные для приема подкидышей, из которых в течение 20 лет ни один из поступивших не вышел живым. Многих питомцев, числившихся по книгам Приказа, земство не могло вовсе разыскать, числившиеся по книгам мальчики оказывались девочками и т.д. [7].

С переходом обязанности Приказов к Земству изменилось и призрение подкидышей. Только немногие Земства, из не получивших от Приказа воспитательных домов, сочли возможным, руководясь законом, запрещающим открытие новых воспитательных домов, ограничиться способом призрения, указываемым ст. 544 и 545 XIII тома Свода Законов, остальные открыли воспитательные дома для подкидышей лишь под другими названиями. Земства же, которые получили от Приказов воспитательные дома были принуждены затрачивать значительные суммы, чтобы хоть несколько улучшить получаемые результаты [6].

Отметим что, в общем, по системе призрения все воспитательные дома России, каково бы не было их название, принадлежали к домам с тайным приемом детей, хотя во многих земствах пришли к заключению о необходимости ввести открытый прием и уже делались попытки в этом направлении. Кроме того правительственные воспитательные дома с 1890 г. ввели у себя открытый прием.

Как столичные, так и земские частные воспитательные дома, число которых за последние годы сильно росло, держав известное время принятого ребенка в доме, передавали его, через более или менее короткий срок в частные семьи для воспитания, за определенную плату. Такие дети оставались под надзором центрального заведения до определенного возраста (21 год для правительственных домов и 8-14 лет для земских). Отметим, что надзор этот в провинциальных домах возлагался на членов Управы, мировых судей, земских гласных. Земства пришли к заключению о необходимости ввести особый врачебный надзор за розданными питомцами.

Главный недостаток большинства воспитательных домов России, на наш взгляд, заключался в трудности обеспечить центральному заведению достаточное количество «кормилиц» и в бедности воспитателей, которым приходилось отдавать детей.

Если с первой проблемой борьба ещё была возможна, путем денежных пожертвований, достигающих, например, в Орловском Земстве, половину почти всех расходов по богоугодным заведениям, то вторая проблема могла быть устранена только поднятием экономического благосостояния народа. Столичные дома, более богатые опытом и средствами, вводили у себя новые правила приема детей, заключающиеся в следующем:

1. Ребёнок, поступающий в дом, должен был доказать свое право на призрение. Поэтому у ребёнка должно было быть свидетельство о рождении.

2. Мать, принёсшая ребёнка в дом и доказавшая его право на принятие, должна была сама поступить в дом для кормления своего собственного ребёнка, если она годилась для этой цели. Этим достигалось: а) обеспечение ребёнка пищей наиболее ему подходящей, б) укреплялась связь между матерью и ребёнком, в) уменьшалась смертность детей в доме, г) дети отправлялись в деревню к воспитателям более здоровыми и развитыми.

3. Не считая возможным эксплуатировать мать даже для её собственного ребёнка, дом снабжал её одеждой и пищей, платил ей в месяц зарплату более высокую чем, получали в среднем бедные жительницы Петербурга.

4. Матерям, желающим воспитывать, своего ребенка у себя на дому, разрешалось такое воспитание, если: а) ее эко-

номическое и социальное положение допускало воспитание и б) если во время ее пребывания в дом, в течении 2-4 недель она доказывала свою пригодность для ухода за своим ребенком. В таком случае она могла брать за ребенка первый год 9 р. в месяц, и затем плата за ребенка прекращалась. В течении 2 лет ребенка лечили бесплатно. Этой мерой достигалось тоже несколько благоприятных результатов: а) понижение смертности до 1 года, которая падает у этих детей до 13 % против 30 % бывающих в лучшем случае в воспитательных домах: б) укрепление связи между матерью и ребенком и в) значительное сокращение расходов [8].

Все вышеизложенные правила составляли громадный шаг вперед в деле призрения незаконных детей.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. Деятельность воспитательных домов в России в середине XVIII - начале XIX века была очень бедственной, так как смертность в них детей была очень великой;

2. При вступлении на престол Екатерины II, в России не было ни одного заведения для подкидышей;

3. Система призрения, практиковавшаяся Приказом Общественного Призрения заключалась в том, что он принимал в свои богоугодные заведения доставляемых ему подкидышей и подыскивал бесплатных или дешевых воспитателей, которым и отдавал подкинутых детей на воспитание;

4. Главный недостаток большинства воспитательных домов России заключался в трудности обеспечить центральному заведению достаточное количество «кормилиц» и в бедности воспитателей, которым приходилось отдавать детей.

Пристатейный библиографический список

1. Путерен М. Д. «О способах призрения незаконнорожденных и бесприютных детей в России и за границей» - Санкт-Петербург: Типография Дома Призрения малолетних и беспризорных, 1893.
2. Призреть и обучить: как Петр Великий беспризорников спасал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/prizret-i-obuchit-kak-petr-velikij-besprizornikov-spasal-110447?ysclid=m2dnah2e7862927513>.
3. Воспитательные дома Екатерины II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.com/564259/vospitatelnye_doma_ekateriny?ysclid=m2dnij5ild53704103.
4. Без роду и племени. Как в России появились первые воспитательные дома. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spb.aif.ru/society/education/bez_rodu_i_plemeni_kak_v_rossii_poyavilis_pervye_vospitatelnye_doma?ysclid=m2dnngoakj236329238.
5. Воспитательный дом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZuO1CSZxhUjzxSjX?ysclid=m2dnt69ctf618276792>.
6. Ст. 544 и 545 Свода Законов Том XIII книга 1 Учреждения и уставы Приказов Общественного Призрения о заведениях, состоящих под его ведомством. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_xiii/?ysclid=m2fnpeglfw436004201.
7. Деятельность приказов общественного призрения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/386408/meditsina/deyatelnost_prikazov_obschestvennogo_prizreniya?ysclid=m2fnu7gyrl638615140.
8. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit03.php>.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-97-100

ИШМУХАМЕТОВ Самат Рустемович

аспирант кафедры теории государства и права, ассистент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Статья посвящена исследованию процесса формирования правовых основ противодействия терроризму на международной арене, начиная с конца XIX века и до середины XX века. Автор акцентирует внимание на сложностях, связанных с попытками выработать единое определение терроризма, учитывающее многообразие политических и правовых контекстов. Рассматриваются ключевые этапы развития международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, включая разработку первых международных соглашений и правовых инструментов, а также участие отдельных государств в этих процессах. Исследование демонстрирует постепенный переход от национальных мер к интегрированным международным подходам, подчеркивая значимость коллективных усилий для эффективного противодействия терроризму. Особое внимание уделено анализу проблем унификации законодательных норм и вызовов, связанных с международным сотрудничеством в вопросах экстрадиции и правового регулирования терроризма. В заключение, статья подчеркивает, что несмотря на сложности и противоречия, наработанные концепции и нормы стали основой для дальнейшего развития международного антитеррористического законодательства.

Ключевые слова: история, государство, терроризм, сотрудничество, конвенция, экстрадиция, Лига Наций.

ISHMUKHAMETOV Samat Rustamovich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty, assistant of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

TO THE HISTORY OF THE FORMATION OF LEGAL BASIS FOR COUNTERING TERRORISM BY STATES

The article is devoted to the study of the process of formation of legal foundations for countering terrorism in the international arena, starting from the end of the XIX century and up to the middle of the XX century. The author focuses on the difficulties associated with attempts to develop a unified definition of terrorism that takes into account the diversity of political and legal contexts. Key stages in the development of international co-operation in the fight against terrorism, including the development of the first international agreements and legal instruments, as well as the participation of individual states in these processes, are examined. The study demonstrates a gradual shift from national measures to integrated international approaches, emphasising the importance of collective efforts to effectively counter terrorism. Special attention is paid to analysing the problems of unification of legislative norms and challenges related to international cooperation in extradition and legal regulation of terrorism. In conclusion, the article emphasises that despite the difficulties and contradictions, the concepts and norms developed have become the basis for further development of international counter-terrorism legislation.

Keywords: history, state, terrorism, cooperation, convention, extradition, League of Nations.

Историческая необходимость борьбы с международной преступностью предопределила важность координации усилий различных государств в сфере взаимной помощи при расследованиях, розыске и экстрадиции преступников. Процесс формирования международного сотрудничества в данной области берет свое начало в глубокой древности, когда еще не существовало ни систематизированных международно-правовых норм, ни концептуально оформленной теории международного права. Однако уже в этот период возникали ранние формы дипломатического взаимодействия между государствами. Важную роль при этом играли национальные меры, которые служили основой для будущего сотрудничества на межгосударственном уровне. Именно в это время начали складываться первые согласованные и систематизированные действия государств, направленные на борьбу с преступностью, включая такие феномены, как терроризм.

Несмотря на единодушное осуждение террористической деятельности мировым сообществом, выработка общепризнанного юридического определения данного явления с первой половины XX века неоднократно завершалась без-

результатно. Этимологически термин «терроризм» восходит к латинскому «terror», означающему «страх, ужас». Однако попытки перевести буквальное значение в четкую правовую дефиницию сопряжены со сложностями.

И как нам видится, корень проблемы лежит не столько в технической, сколько в политической плоскости, поскольку в рамках международных соглашений теоретически возможно сформулировать позитивное определение любого явления. При этом, ряд государств настаивает на приоритизации осуждения насилия, осуществляемого государственными акторами, при одновременном исключении из этой категории насильственных действий, преследующих цели самоопределения или национального освобождения от внешней интервенции. В то же время другие страны фокусируются преимущественно на насилии, исходящем от негосударственных субъектов, вне зависимости от их мотивации, аргументируя свою позицию тем, что применение силы государствами уже регулируется иными нормами международного права (такими как запрет на применение силы и угрозы силой, невмешательство во внутренние дела государств, положения

Ишмухаметов С. Р.

международного гуманитарного права и др.). Помимо политических разногласий, открытыми остаются и некоторые технико-юридические вопросы, включая необходимость выработки такой дефиниции, которая не будет ни чрезмерно широкой, ни слишком узкой по своему охвату и в то же время не станет нарушать общепризнанные права человека.

Сам термин терроризм вошел в политический дискурс в конце XVIII века для описания якобинского (государственного) террора во время Великой французской революции, когда под лозунгами защиты революции и борьбы с врагами народа был создан Комитет общественного спасения, наделенный чрезвычайными полномочиями. Данный орган осуществлял масштабные репрессии, направленные на подавление любого проявления оппозиции, что фактически легитимировало использование террора как инструмента политической борьбы. Это привело к формированию парадоксальной ситуации, при которой государственный террор становится механизмом противодействия террористическим угрозам, исходящим от контрреволюционных и реакционных элементов [1, с. 33]. Несмотря на долгую и спорную историю морального и политического неодобрения «терроризма», лишь начиная с начала XX века данное понятие приобрело некую юридическую форму [4, с. 58].

С середины XIX столетия деяния, которые в настоящее время зачастую квалифицируются как терроризм, в национальном законодательстве формулировались принципиально иным образом. Действия, мотивированные политическими убеждениями и влекущие за собой насилие, квалифицировались преимущественно как уголовные преступления или как деяния, направленные против общественного порядка и государственной безопасности. В случаях, когда лица, совершившие акты политического насилия, пересекали государственные границы с целью избежать наказания или правосудия, государства-жертвы нередко инициировали процедуру экстрадиции. Тем не менее, существенные расхождения в национальном законодательстве об экстрадиции и двусторонних договорах зачастую препятствовали эффективному сотрудничеству в подобных ситуациях, будь то ввиду принципа «политического исключения», направленного на защиту лиц, преследуемых за преступления, имеющие ярко выраженный политический характер или принципа «двойной подсудности», требующее, чтобы действие, за которое субъект преследуется в запрашивающем государстве, являлось уголовно наказуемым и в запрашиваемом государстве. По мнению В. П. Милецкого, указанный принцип подчеркивает существенный недостаток в согласовании определений, касающихся уголовных преступлений, особенно связанных с терроризмом. Его наличие вскрывает глубокие различия в правовом толковании и концептуальном осмыслении преступного поведения в разных правовых системах [5, с. 184].

Начиная со второй половины XIX – начала XX в. международно-правовая борьба с терроризмом характеризовалась преобладанием национальных мер. Отдельные государства, осознавая растущую угрозу террористических актов, внедряли специальные законодательные акты, направленные на противодействие анархистским и социалистическим движениям внутри своих границ. Примерами таких мер служат «Исключительный закон против социалистов» в Германии, аналогичные законы во Франции и США, а также Уголовное уложение России 1903 года, предусматривающее суровые наказания за преступления против государства и императорской семьи. Это свидетельствует о фрагментарном и одно-

стороннем подходе к решению проблемы терроризма на национальном уровне. На начальном этапе международно-правовая борьба с терроризмом основывалась на национальных инициативах, отражающих осознание государствами необходимости укрепления внутренней безопасности через специализированное законодательство [9, с. 51].

Несмотря на доминирование национально-правовых инструментов, в этот период начали появляться первые инициативы по международному сотрудничеству в борьбе с терроризмом. Переговоры между Россией и Германией в 1884 году о заключении соглашения об экстрадиции лиц, причастных к террористической деятельности, отражают осознание государствами необходимости координации усилий и создания международно-правовых механизмов для эффективного противодействия транснациональным угрозам. Это указывает на зарождение понимания того, что терроризм не ограничивается границами отдельных государств и требует совместных действий [7, с. 32].

Вторая половина XIX века была отмечена усилением террористической активности анархистских движений, которые использовали насилие как средство политической борьбы против государственной власти. Резонансные убийства высокопоставленных политиков, таких как президент Франции Мари Франсуа Сади Карно и испанский премьер-министр Антонио Кановас дель Кастильо, вызвали широкий общественный отклик и подчеркнули недостаточность национальных мер. Увеличивающаяся мобильность анархистов и их способность пересекать государственные границы для совершения терактов сделали очевидной необходимость международного сотрудничества. Европейские правительства пришли к пониманию, что только совместные усилия могут эффективно противостоять растущей террористической угрозе. В международной практике России это нашло отражение в том, что конвенции о выдаче, заключенные после 1881 года, имели статьи, гласившие, что преступные деяния, совершенные с политической целью, не могут служить причиной отказа в выдаче [6, с. 60].

Кульминацией этих процессов стала Римская международная конференция по борьбе с анархизмом в 1898 году. Конференция ознаменовала важный шаг в формировании коллективного международного ответа на терроризм, результатом которого стало соглашение о полицейском сотрудничестве и установлении процедур экстрадиции лиц, обвиняемых в анархистской деятельности. Данные меры стали фундаментом для последующего развития международно-правовых инструментов борьбы с терроризмом и свидетельствуют о переходе от национальных к координированным международным подходам в обеспечении безопасности [2, с. 40].

Предложение Австро-Венгрии о заключении многостороннего договора после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 г. еще больше подчеркнуло важность международного сотрудничества, предложив меры, соответствующие современным международно-правовым стандартам, такие как предотвращение транспортировки взрывчатых веществ и содействие судебному сотрудничеству. Однако начало Первой мировой войны помешало этим ранним усилиям по налаживанию международного сотрудничества. Война сместила глобальные приоритеты с механизмов коллективной безопасности на неотложные военные нужды. Эта историческая траектория показывает, что, хотя первоначальные антитеррористические меры носили преимущественно национальный характер, были сделаны значительные шаги в

направлении международного правового сотрудничества, заложившие основу для современных международных анти-террористических рамок.

Таким образом, на начальном этапе международно-правовая борьба с терроризмом основывалась преимущественно на национальных инициативах, отражающих осознание государствами необходимости укрепления внутренней безопасности через специализированное законодательство. В то же время, несмотря на доминирование национально-правовых мер, уже в конце XIX века начали формироваться основы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, что свидетельствует о переходе к более интегрированному подходу для эффективного противодействия глобальным угрозам. Усиление анархистской террористической активности подчеркнуло недостаточность национальных мер и стимулировало правительства к поиску совместных международных решений для эффективного противодействия террористическим угрозам.

1920-е – конец 50-х гг. характеризуется становлением научно-теоретических основ и первыми попытками международной кодификации терроризма как уголовно-наказуемого деяния, главным образом организованная Международной ассоциацией уголовного права (Association Internationale De Droit Penal). Этот период обозначил переход от разрозненных национальных инициатив к осознанию критической важности коллективных действий и унификации правовых норм в противодействии террористическим угрозам на глобальном уровне. Работа над концептуальным осмыслением проблемы терроризма в рамках правовой плоскости началась на III Международной конференции по унификации уголовного законодательства в Брюсселе в 1930 году. Участники конференции предприняли попытку всестороннего анализа природы данного преступления с целью его четкой квалификации и формирования единообразных подходов к регламентации ответственности за его совершение в национальных правовых системах. Но несмотря на это, сформулированное определение подверглось критике за свою чрезмерную обобщенность и недостаточную точность, поскольку не позволило отразить отличительные признаки рассматриваемого феномена, вместо этого было решено перечислить широкий спектр деяний, считающихся проявлениями терроризма. Однако, участники конференции признали туманность границ предложенного определения, что привело к откладыванию принятия окончательной резолюции [3, с. 10]. В то же время, как отмечает М. А. Саркисян, юридическая значимость данной конференции заключалась в том, что, во-первых, «акт положил начало процессу кодификации преступления международного терроризма», во-вторых, «впервые был, предельно точно, обозначен комплексный характер деяния, которое ... в целом может существовать исключительно в форме преступной организации» и наконец, в-третьих, «позитивным фактором явилось утверждение принципа универсальной юрисдикции, создавшего правовое обоснование для судебного преследования лиц, совершивших акт международного терроризма вне зависимости от конкретного места его осуществления» [8, с. 57].

Последующие попытки, предпринятые на IV Конференции в Париже (1931 г.), не привели к выработке более точного или практического определения. Дискурс сместился от рассмотрения терроризма как особого уголовно-правового явления к использованию уголовно-правовых средств в качестве инструмента для достижения политических целей. Кульминацией этих усилий стала V Конференция в Мадриде (1933

г.), где терроризм был широко определен как любое действие, направленное на разрушение общественного порядка, что в значительной степени было обусловлено политическими разногласиями того времени.

Марсельское убийство 1934 года, приведшее к гибели короля Югославии Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту, стало решающим фактором в осознании международным сообществом необходимости разработки объединенных мер по борьбе с терроризмом. Данный террористический акт в очередной раз наглядно продемонстрировал уязвимость государств перед лицом трансграничного терроризма, а также необходимость выработки согласованных мер и укрепления международного сотрудничества для борьбы с террористической угрозой. В декабре 1934 года, в ходе заседания Совета Лиги Наций, на котором рассматривалась жалоба Венгрии против Югославии по поводу убийства в Марселе, французская делегация выступила с инициативой рассмотреть возможность принятия международной конвенции по борьбе с терроризмом. Содержались предложения по определению круга наказуемых деяний, форм установления наказаний, определению юрисдикции для исполнения приговоров, а также включались предложения по обмену информацией, арбитражным процедурам и другим правовым аспектам, связанным с противодействием терроризму. В итоге, Совет Лиги Наций принял резолюцию, в которой обратил внимание на недостаточную ясность формулировок существующих на тот момент международно-правовых норм, касающихся осуждения террористических актов, а также на их неспособность обеспечить эффективное международное сотрудничество в данной области и постановил создать экспертную комиссию (CIRT) для изучения этого вопроса с целью разработки предварительного проекта международной конвенции, обеспечивающей пресечение заговоров или преступлений, совершаемых с политической и террористической целью.

В ответ на этот трагический инцидент, усилия Лиги Наций привели к принятию в 1937 году многосторонней Конвенции «О предупреждении терроризма и наказания за него». Данная конвенция заложила фундаментальные принципы международного антитеррористического законодательства, предоставив четкое определение актов терроризма и установив перечень конкретных преступлений, подлежащих преследованию. Определение терроризма через призму его целей — создание состояния страха и угрозу государству позволило сформировать универсальный подход к квалификации подобных деяний. Этот исторический момент подчеркнул критическую важность международного сотрудничества в противодействии терроризму и стал предтечей для последующих глобальных инициатив в этой сфере. Таким образом, реакция на события в Марселе не только отразила стремление к обеспечению коллективной безопасности, но и послужила отправной точкой для развития международно-правовых норм в области борьбы с терроризмом.

В контексте положений об экстрадиции, установленных конвенцией, одной из неразрешенных проблем по-прежнему оставалась квалификация терроризма. С ростом авторитарных тенденций, государства сталкивались с дилеммой ограничения своего суверенитета, особенно по вопросам, касающимся политических преступлений. Возникал вполне логичный вопрос: стоит ли его исключать из категорий политических преступлений, для которых не предусмотрена выдача? На фоне начала Второй мировой войны и последовавшего за этим распадом Лиги Наций и несмотря

на свою новаторскую сущность и прогрессивные положения, конвенция так и не вступила в силу по причине недостаточного количества ратификаций (была подписана 24 государствами, но ратифицирована лишь Индией). Однако ее концептуальные основы и нормативные подходы оказали существенное влияние на последующее развитие международного антитеррористического права. В национальных законах продолжал превалировать подход, при котором террористические действия могли быть квалифицированы либо как общеуголовные, либо как политические преступления или даже как угрозы государственной безопасности. В международной юридической практике же вопросы экстрадиции по-прежнему зависели от трактовки политических исключений. Однако, несмотря на эти аспекты, определение терроризма, сформулированное Лигой Наций, оказало значительное влияние на развитие международно-правовой теории в этом направлении. Данное определение помогло сложиться концептуальному видению терроризма как преступления международного характера и поспособствовало укреплению международного сотрудничества в борьбе с террористическими актами [10, с. 78].

Параллельно с разработкой вышеупомянутой конвенции, Лига Наций приняла Конвенцию «Об учреждении Международного уголовного суда». Документ ознаменовал важный шаг на пути формирования институциональных основ для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества. Разработка конвенции отражало растущее осознание международным сообществом необходимости создания действенных механизмов для привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении тяжчайших международных преступлений. Учреждение постоянно действующего судебного органа рассматривалось как гарантия неотвратимости наказания и средство предупреждения будущих преступлений против человечества. Однако, несмотря на прогрессивный характер этого договора, он также не получил необходимой поддержки государств. Тем не менее, попытки мирового сообщества в то время заложили фундамент для формирования согласованного международного подхода к борьбе с терроризмом и создали предпосылки для более эффективного преследования и наказания лиц, виновных в совершении террористических преступлений.

Исторический контекст показывает, что, несмотря на общепризнанное осуждение террористической деятельности, выработка универсального определения терроризма и в то время оставалось сложной задачей, обусловленной как политическими, так и юридическими разногласиями между государствами. Процесс эволюции подходов к борьбе с терроризмом можно разделить на несколько этапов, каждый из которых отражает изменения в восприятии и реакции международного сообщества на террористические угрозы. В историческом контексте развитие антитеррористических норм происходило нелинейно и характеризовалось периодами интенсивного развития национального законодательства и постепенным переходом к международному сотрудничеству. Важными шагами на этом пути стали первые международные конференции и попытки разработки общих профильных конвенций, однако, политические реалии того времени, такие как мировые войны, политика двойных стандартов, объективно, замедляли этот процесс. Тем не менее, заложенные в первой половине XX века концептуальные и правовые основы стали фундаментом для дальнейшего развития международного антитеррористического законода-

тельства, что в дальнейшем позволило создать более скоординированные и универсальные подходы к противодействию этой глобальной угрозе.

Пристатейный библиографический список

1. Горбунов Ю. С. Об определении понятий «Террор» и «Терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2 (158). С. 31-40.
2. Гугасари Е. С. Межгосударственное сотрудничество в сфере противодействия терроризму: ретроспективный аспект // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 38-42.
3. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006. 448 с.
4. Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Формирование понятия «международный терроризм»: история и современность // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 2 (24). С. 58-60.
5. Милецкий В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 180-189.
6. Нигматуллин Р. В. К истории формирования института выдачи в российском законодательстве // Российский следователь. 2005. № 6. С. 59-62.
7. Нигматуллин Р. В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX веке и начале XXI столетия: (историко-правовой аспект). Москва: Юрист, 2006. 335 с.
8. Саркисян М. А. Концептуальное видение преступления международного терроризма в науке международного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2003. № 1. С. 55-66.
9. Чернядьева Н. А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2018. 540 с.
10. Хормач И. А. «Международный терроризм», Лига Наций и позиция СССР в 1934-1938 гг. // Российская история. 2017. № 1. С. 62-79.

КУРЗЕНИН Э. Б.

ЭВОЛЮЦИЯ БИЗНЕС-ТРАСТА В АНГЛИИ И США В XIX – XX ВВ. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматривается создание и особенности института траста в Англии и США. Особое внимание уделяется влиянию бизнес-трастов на эволюцию правовых форм бизнеса в Англии и Америке, которое в юридической литературе недооценено. Автор делает акцент на происхождении и эволюции именно бизнес-трастов и их особенности по сравнению с другими видами трастов, распространенных в странах англосаксонской правовой семьи.

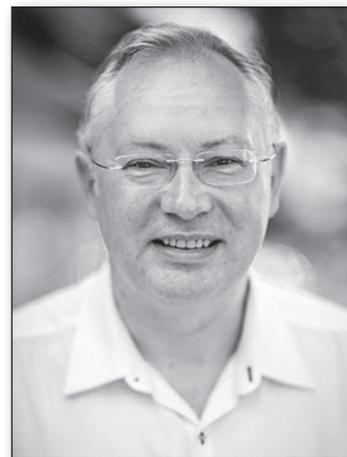
Ключевые слова: траст, бизнес-траст, англосаксонская правовая семья, американское право, доверительное управление.

KURZENIN E. B.

THE EVOLUTION OF BUSINESS TRUST IN ENGLAND AND THE USA IN THE 19TH – 20TH CENTURIES (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

The article examines the creation and features of the trust institution in England and the United States. Particular attention is paid to the influence of business trusts on the evolution of legal forms of business in England and America, which is underestimated in legal literature. The author emphasizes the origin and evolution of business trusts and their features in comparison with other types of trusts common in the countries of the Anglo-Saxon legal family.

Keywords: trust, business trust, Anglo-Saxon legal family, American law, trust management.

Курзенин Э. Б.

Изучение правовых институтов англосаксонской правовой системы – необходимый элемент общеисторических и теоретических знаний специалиста-правоведа. Одним из таких важных институтов английского и американского права, активно используемых в деловой активности бизнесменов на протяжении нескольких веков, является траст.

В Англии трасты имеют долгую историю и регулируются как общим правом, так и законодательством. Основные характеристики следующие. В США трасты широко используются и регулируются как федеральным, так и местным законодательством. Существует множество типов трастов, включая живые трасты, завещательные трасты, семейные трасты и благотворительные трасты. В Англии же тоже имеются разные виды трастов, включая дискреционные, фиксированные и благотворительные. Общее правило заключается в том, что доверительные управляющие обязаны действовать в соответствии с условиями траста и в интересах бенефициаров.

Траст и его происхождение достаточно хорошо раскрыто в отечественной юридической науке, однако траст в основном рассматривается либо как субститут завещания, либо как инструмент защиты активов [1], [3].

Некоторые авторы упоминают бизнес-трасты. Так, Кондрашова Ю. А. отмечает, что «Правоотношения доверительной собственности в странах, относящихся к англо-американской правовой системе, получили чрезвычайно широкое распространение в самых различных сферах имущественного оборота. Институт доверительной собственности широко используется для организации крупных корпораций. Нача-

ло этому процессу было положено в 1892 году, когда в США была организована компания «Стандарт ойл»: акционеры 40-анефтяных компаний заключили соглашение о передаче всех имеющихся у них акций уполномоченным лицам – доверительным собственникам» [2], [4].

В то же время влияние бизнес-трастов на эволюцию правовых форм бизнеса в Англии и Америке явно недооценено. Эта статья делает акцент на происхождении и эволюции именно бизнес-трастов.

Обратимся к предыстории бизнес-траста, которая начинается в период средневековья и продолжается вплоть до эпохи модерна, когда и получает свою завершённую форму, активно используемую в наши дни. Институт траста первоначально получил распространение в Англии в самом начале XIV века. Английский суд общего права (common law court) не защищал такие правоотношения и не мог защищать в силу своих процессуальных ограничений. Суд Лорда-Канцлера (Суд справедливости) начал защищать учредителя и бенефициаров траста только после 1390 года. Три ключевые юридические концепции были выработаны в тот период: 1. Суд Лорда-Канцлера начал принуждать управляющего выполнять свои обязательства в натуре, то есть вернуть имущество, переданное ему (Суд общего права мог присудить только денежное возмещение истцу). Причем имущество могло быть изъято и у третьих лиц. 2. Суд Лорда-Канцлера расширил возможности сбора доказательств по делу: прежде всего, мог истребовать у управляющего сам договор траста и все относящиеся к нему документы, а также потребовать показаний управляющего под присягой. 3. Суд Лорда-Канцлера

стал изымать имущество, переданное в траст, у кредиторов управляющего трастом.

В тот период, трасти – управляющий трастом – выступал участником сделок от своего имени и находился в обязательственных отношениях с бенефициарами траста. Интересна и показательна следующая история, относящаяся к периоду Нового времени. Первый кейс в Суде Лорда-Канцлера по поводу бизнес-траста случился в конце XVII века: *Richmond v. City of London*. Предприниматель Thomas Houghton купил у Лондона право на использование воды, которая должна поступать по свинцовым трубам, еще не достроенным к моменту заключения сделки. Предприниматель заплатил фиксированную сумму 6000 фунтов и планировал потом постоянно получать доход от продажи этой воды. Предприниматель передал это право в траст. Права на доход от траста он разделил на 900 частей и продал их по 10 фунтов за одну долю, оставив себе несколько долей. Очевидно, что доли напоминают по своей природе акции, которые приносят постоянный доход – дивиденды. К несчастью, предприятие провалилось по технической причине: построенный водопровод не смог обеспечить необходимое количество воды, так что траст не смог выплачивать обещанные доходы бенефициарам, купившим доли.

Популярность бизнес-трастов в Англии росла постепенно до начала XIX века, когда случился взрывной рост их количество. Тогда же идея бизнес-траста стала популярной и в США. США унаследовали бизнес-трасты вместе с Английским общим правом. Подчеркнем, что все судебные прецеденты Английских судов, принятые до Декларации независимости США 1776 года, остаются источником права США до настоящего времени.

Здесь уместно задаться вопросом, почему бизнес предпочитал юридическую форму траста, а не такую распространенную как корпорацию или компанию.

Формально корпорации появились раньше бизнес-трастов. Первая корпорация (акционерное общество) – Британская Ост-Индская компания учреждена в 1600 году указом королевы Англии [5].

До Славной революции 1688 года каждая корпорация учреждалась отдельным королевским указом, а с 1688 до 1844 года – актом парламента. Тогда, в период после 1688 года, кстати, появилось понятие «*Joint-stock company*» – для акционерных обществ с большим количеством пассивных акционеров. Бизнес в форме *Joint-stock company* стал называться инкорпорированным бизнесом (*incorporated* – это название сохранилось в США до сегодняшнего дня), в отличие от бизнеса, который существовал в форме траста – неинкорпорированный (*unincorporated*). Очевидно, инкорпорированный бизнес не мог стать массовым при таком сложном процессе учреждения корпорации [6].

В 1844 году Английский парламент принял первый Английский закон о регистрации корпораций – *Registration Act of 1844*, позволившим регистрировать корпорации без отдельного акта парламента.

С этого момента начался рост популярности трастов. Это требует более пристального внимания, так как не может объясняться только процедурными сложностями создания корпорации. В Англии, как и в США, где за-

коны штатов о регистрации корпораций были приняты примерно в это же время, а популярность бизнес-трастов продолжалась еще очень долго.

Оказывается, траст удовлетворяет практически все потребности бизнеса, ради которых создается и корпорация. Рассмотрим эти особенности.

Во-первых, это невозможность выхода акционера/бенефициара из капитала (*Capital Lock-In*). Исследователи называют это самой важной функцией траста и корпорации для бизнеса. Эта особенность траста/корпорации яснее на контрасте с партнерством, из которого любой партнер может в любое время выйти, забрав свой капитал (иногда свое имущество в натуре), чем может подорвать способность бизнеса к бесперебойной работе или вообще лишит бизнес возможности существовать [7].

Ни акционеры корпорации, ни бенефициары траста, ни их кредиторы не могут изъять деньги, переданные в корпорацию/траст. Корпорация – это самостоятельно лицо, которое владеет правом собственности на переданное ей учредителями имущество, поэтому корпорация не отвечает по долгам своих учредителей. Траст также не отвечает по долгам своего учредителя и бенефициаров, хотя природа этой защиты иная. Кредитор не может потребовать имущество учредителя или бенефициара переданное в траст, потому что оно формально больше не принадлежит учредителю/бенефициару. Кредиторы трасти или управляющего тоже не могут изъять у должника имущество, переданное ему в траст, потому что так решил Суд Лорда Канцлера еще в XIV веке (см. выше).

На самом деле, траст защищает активы от кредиторов лучше, чем корпорация: кредиторы акционеров могут обратиться за взысканием на акции, принадлежащие акционерам-должникам, и, таким образом, получить контроль над корпорацией и, например, ликвидировать ее забрав имущество корпорации.

Кредиторы учредителя траста ничего не могут забрать у него, кроме случаев мошенничества, когда имущество передано в траст намеренно чтобы избежать ответственности перед кредиторами, когда долг уже существует. Кредитор бенефициара траста может обратиться за взысканием на права бенефициара на доход от траста, но не более того. Бенефициар не имеет права контроля над трастом, поэтому и кредитор его не приобретет.

Вторая особенность – это ограниченная ответственность учредителей. Ключевая идея корпорации – ограниченная ответственность ее учредителей: акционеры корпорации не отвечают по долгам корпорации даже в случае ее банкротства. Траст также обеспечивает ограниченную ответственность, хотя в свое время это была основная проблема бизнес-трастов. Траст вступает в отношения и приобретает долги посредством сделок трасти. Участниками траста, кроме трасти (управляющего), являются учредители и бенефициары (это могут быть одни и те же лица). Само собой разумеется, что бенефициары не отвечают своим имуществом за действия и по долгам трасти. Ограниченная ответственность заключается в том, что имущество траста не может быть изъято по долгам трасти, даже если он действует не в личных интересах, в интересах траста как бизнеса. Другими словами, личное имущество учредителей траста и интерес бенефициаров

(их право на получение доходов и имущества траста) не страдают от долгов, порожденных действиями трасти (управляющего). В США эта концепция была сформулирована в кейсе *Mayo v. Moritz*, который рассматривался в 1890 году Верховным судом штата Массачусетс. Позднее суд сформулировал конкретные условия для такой ограниченной ответственности: учредители траста должны назначить несколько трасти, передав им все полномочия по управлению бизнесом, аналогичные совету директоров в корпорации. С тех пор бизнес-траст в США стали называть Массачусетский траст (*Massachusetts trust*), хотя суды других штатов вскоре после этого тоже утвердили концепцию ограниченной ответственности. В то же время некоторые штаты отказались применять эту концепцию к трасту, что делало траст все-таки не вполне полноценной заменой корпорации на всей территории США в этом смысле.

Третья особенность траста – возможность быть стороной в судебном процессе. Следующая важнейшая веха в эволюции бизнес-траста – признание его лицом, полноценным участником судебного процесса. Напомним, что прежде только управляющий (трасти) мог быть участником судебного процесса. Он выступал от своего имени и отвечал за свои личные обязательства перед другими участниками траста – учредителями и бенефициарами.

С самого первого судебного дела (см выше – *Richmond v. City of London*) было ясно, что невозможно вызвать в суд и заслушать даже формально всех 900 бенефициаров траста, как следовало бы сделать, чтобы разрешить спор, затрагивающий интересы всех бенефициаров. Суд просто заменил эти 900 человек одним лицом – трастом, от имени которого выступал трасти (управляющий).

Четвертая важная особенность – торгуемые доли (акции).

Одна из важнейших особенностей корпорации – выпуск акций для привлечения капитала и организация торгов этими акциями на фондовой бирже. В трасте эта задача решается также легко, как и в корпорации, потому что интерес (права) бенефициара могут отчуждаться, если условия траста это позволяют.

И, наконец, последняя принципиальная особенность бизнес-траста заключается в наличии фидуциарных обязательств. Что это означает. Как руководители корпорации несут ответственность за фидуциарные обязательства перед акционерами корпорации, так и трасти (управляющие) траста отвечают перед бенефициарами за свои действия. Фидуциарные обязательства – это огромный пласт Англо-Американского права, который не является предметом рассмотрения здесь. Здесь отметим только, что фидуциарные обязательства и ответственность трасти регламентирована в праве США намного детальнее, чем ответственность менеджеров корпораций. Это преимущество для бенефициаров и учредителей траста, но это скорее пугает учредителей нового бизнеса сегодня. Как ни парадоксально, сегодня это одна из причин безусловного преобладания бизнеса в форме корпораций [8].

Тем не менее, перечисленные свойства бизнес-траста, вполне сопоставимые с характеристиками корпораций, обеспечили им долговую популярность в Англии и США.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов В. С. Траст и доверительное управление как институт защиты бизнеса в современной России // Учет и контроль. – 2020. – № 1 (51). – С. 47-56.
2. Кондрашова Ю. А. История траста – доверительной собственности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 534. – С. 67-77.
3. Папушина Е. И. Траст в англо-американском и континентальном праве // Научные труды. Российская академия юридических наук. Том Выпуск 18. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист», 2018. – С. 383-387.
4. Ясус М. В. Доверительное управление и траст как правовые способы передачи имущества в управлении: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 183 с.
5. Harris R. A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing // Journal of Institutional Economics. – 2020. – № 16 (5). – P. 643-664. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137420000181>.
6. Harris R. Industrializing English Law: Entrepreneurship and Business Organization, 2000.
7. Margaret M. Blair, Locking in Capital: What Corporate Law Achieved for Business Organizers in the Nineteenth Century, 51 UCLA L. Rev. 387, 419 (2003).
8. Morley J. The common law corporation: the power of the trust in Anglo-American business history // Columbia Law Review. – 2016. – Vol. 116. – P. 2145-2197.

МОНГУШ Аэли́та Миха́йловна

ассистент кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ТУВИНСКИЙ ЭТНОГЕНЕЗ: ИСТОРИКО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Содержание работы представляет собой комплексный анализ тувинского общества, охватывающий практически все аспекты жизни тувинцев. Автор делает попытку найти исходные данные, откуда могло пойти самоназвание тувинцев. В статье рассматривается вопрос происхождения тувинского народа. Дается анализ развития тувинской государственности, а также факторы, повлиявшие на этот процесс. Автором отмечается самостоятельность и независимость тувинской государственности, вплоть до вступления в состав субъектов Российской Федерации. Дается краткое обоснование причин выбора формы протектора и связи тувинского народа с Россией. Автор представляет труды отечественных и зарубежных ученых: географов, историков, этнографов, которые отмечали особенные черты культуры и быта тувинцев. В работе кратко изложены основные аспекты тувинского общества, такие как религия, тувинский язык, символика.

Ключевые слова: Тува, тувинцы, тувинский народ, урянхайцы.

MONGUSH Aelita Mikhaylovna

assistant of Theory of Law and State, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia

TUVAN ETHNOGENESIS: HISTORICAL AND ENCYCLOPEDIA ANALYSIS

The content of the work is a comprehensive analysis of tuvan society, covering almost all aspects of tuvan life. The author makes an attempt to find the source data where the self-name of tuvans could come from. The article examines the origin of the tuvan people. An analysis of the development of Tuvan statehood is given, as well as the factors that influenced this process. The author notes the independence and autonomy of Tuvan statehood, up to the entry into the subjects of the Russian Federation. A brief justification is given for the reasons for choosing the form of the protector and the connection of the Tuvan people with Russia. The author presents the works of domestic and foreign scientists: geographers, historians, ethnographers, who noted the special features of the culture and life of the tuvans. The work briefly outlines the main aspects of Tuvan society such as religion, tuvan language, symbols.

Keywords: Tuva, tuvians, tuvan people, yriankhians.

Тувинцы (на тувинском языке «тывалар») – народ, компактно проживающий в субъекте Российской Федерации в Республике Тыва (Тува).

Это название – современное название данного народа. Исторически этот народ именовался по-разному, включая: «сойоты», «урянхи», «урянхайцы», «сойоны», «саянцы» и др.

Стоит отметить, что небольшая часть этнических тувинцев проживает за пределами республики: в других регионах Российской Федерации и за пределами страны в Монголии, Китае (Синь-Цзянь – Уйгурский автономный район).

В целом происхождение тувинцев, их точное географическое расселение, их статус в составе различных государственных образований изучено слабо, и, следовательно, имеются разночтения и неточности.

Тем не менее, на основе имеющихся исследований исторического, географического, этнографического и правового характера, можно попытаться выстроить приблизительную историческую хронологию.

Первые «следы» существования тувинцев мы находим по наскальным рисункам – петроглифам возраста энеолита (III тысячелетие до н.э.). Эти наскальные картины древнейший вид изобразительного искусства, отражающие мировоззрение древнего человека, его связь с природой, духовный мир и небесный мир [7].

Следующим этап – Эпоха бронзы (II тысячелетие до н.э.). Относительного этого временного интервала точных данных по племенному составу тувинцев у исследователей нет единой точки зрения. Однако, ряд ученых относят к территории проживания тувинцев племена *динлинов* (южносибирская белокуроая раса) [6]. Впервые динлины упоминаются в китайских династийных хрониках: современные Саянские горы они называли Динлин [2].

Подходим с Вами к I тысячелетию до н.э. – раннескифский и скифский период племен, в том числе тувинских племен. Предположения о расселении скифских племен на территории Тувы, ученые нашли в археологических раскоп-

ках курганов Аржаан 1 и Аржаан 2. На этих раскопках были обнаружены древние захоронения богатой скифской семьи, наряды и украшения которых были прекрасно сохранены. По результатам изучения этих артефактов был сделан вывод о высочайшем ювелирном мастерстве скифского населения. Найденные захоронения подтверждают факт существования скифских племен и наличие военно-демократического государства подобного объединения с признаками федерации и конфедерации.

Собственно, следующих этап – это период племен от которых предполагается произошли современные тувинцы. Считается, что название тувинского этноса происходит из двух древних племен: *тоба* и *дубо*, относятся к Суйской и Танской династиям Китая.

Тоба – племя, проживавшее в горных хребтах горы Хингана (в настоящее время – аймак Внутренней Монголии Китая) и основавшее династию Тоба Вэй (386-535 год).

Дубо – племя проживавшее на территории Верхнего Енисея, было достаточно самостоятельным и обособленным. Племя *дубо* благодаря организованности имело возможность напрямую обращаться к Поднебесной и устанавливать дипломатические связи.

Важно отметить, что племена *тоба* и *дубо* являлись тюркоязычными. Возможно поэтому историки могут предполагать от том, что есть связь между синтезом наименований *тоба* и *дубо* в результате которого получилось – *тыва* (опираясь на созвучие) [18]. Тувинцы говорят на своем родном языке – *тыва дьыл*. На сегодняшний день нет возможности сказать о языковой принадлежности племен, населявших Туву в первой половине I тысячелетия, но с уверенностью можно говорить о том, что к VII веку на население преобладало тюркоязычное. Об этом факте свидетельствуют памятники древнетюркской письменности [10], которые изучил и представил С. Е. Малов. Также важно, что в степях Тувы сосредоточены большинство камнеписанных памятников древних тюрков. Сат Ш. Ч. предположил о том, что тувинский язык оформился как

самостоятельная единица лишь к XI в. [8]. Тувинский язык много изучал и проводил исследования известный тюрколог, автор самого знаменитого научного труда о тувинском языке Катанов Н. Ф. Он отметил следующее: «тувинцы говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями». [9] Необходимо упомянуть труды Радлова В. В., который занимался сбором фольклорных материалов, в его трудах содержится фундаментальная информация о первых образцах тувинской речи и об укладе повседневного быта тувинца. Большой вклад и колоссальную работу о тувинском языке провел Пальмбах А. А., именно он предложил классификацию тувинского языка по диалектам исходя из территории обитания тувинцев (среднетувинский, западный и восточный диалект) [13].

Следующий этап – период урянхайцев, потомков племен тоба и дубо.

С точки зрения современной политики и государственности, за тувинским народом (если можно так сказать) юридически закрепилось два официальных наименования: *урянхайцы* – народ Урянхайского края (административная единица) в период протектората Российской империи. И собственно, *тувинцы* в связи с созданием в 1921 году Республики Танну-Тува.

С названием «урянхайцы» более сложная ситуация. Данное наименование упоминается в исторических документах, начиная с XIII века, одним из которых является «Сокровенное сказание монголов». Об урянхайцах упоминает в своих работах персидский историк Рашид-ад-Дин, который в своих трудах подразделяет урянхайцев на лесных урянхитов и простых урянхитов [14]. Тогда как в вышеуказанном источнике «Сокровенное сказание монголов» такого подразделения не упоминается. Об урянхайцах пишет также китайский ученый Хэ Цю-тао, в своих трудах он не разделяет урянхитов на лесных и простых, он утверждает что: «Племя урянхаев восходит к племени урянха, живших в эпоху Мин...» (с 1368 года по 1644 год) [21].

Племя урянхайцев сформировалось в 552 г. нашей эры (по крайней мере племя было известно с того периода). Интересный факт из трудов персидского историка: имеется предположение о том, что Субудай (один из известнейших полководцев Чингис-Хана) был урянхайцем.

Племя урянхайцев с начала XII века было многочисленным и проживало на территории современной Тувы, к нему относились такие роды как *кол*, *баргут*, *тумат* и др. Стоит отметить, что названия родов, до сих пор сохранились уже как фамилии современных тувинцев.

Говоря о тувинских родах необходимо упомянуть родовую символику (*тамга*). Использование отличительных знаков не новшество для любого народа. Для тувинского народа тамга означала принадлежность к роду (все вышеуказанные роды обладали своим знаком). Свой знак наносили на одежду, полотно, и помечали им домашний скот и предметы быта (*антара* – шкаф, *бижек* – нож и т.д.). Отличительной особенностью тувинского тамгапользования также является то, что обладать знаком отличия можно было лишь с разрешения со стороны власти. Наиболее часто встречавшиеся варианты тамги: геометрия, растительный рисунок, животные как символы и предметы быта.

В 16 веке тувинские племена входят в состав Алтынханов, а уже в 18 веке устанавливается власть Цинской империи. В этот период происходит административно-территориальное деление на *хошуны* (совр. *кожууны*), которые состоят из *сумонов*, а те из *арбанов*. *Хошуны* входят в состав более крупных монгольский *хошунов* и власть в них имеет наместнический характер. Наместником является тувинский *нойон* (князь), который получает свою власть от Императора [8]. Благодаря этому административному делению происходит консолидация тувинских народов в единую народность, что качественно повлияло на самосознание тувинского общества, самоопределение и чувства общности и единства

Из отечественных ученых об урянхайцах говорил Г. Н. Потанин, который исследовал Северо-западную Монголию, и Урянхай. В своих работах он упоминал алтайских урянхайцев, а также урянхайские племена Тувы [5].

С начала XVII в. появляются первые сведения об урянхайском народе, которые собрали посланцы русских царей,

а уже во второй половине XVII в. Урянхай (Тува) была показана на карте Сибири. О чем свидетельствуют такие документы как «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Алтын-Хану о принятии его в подданство от 25 мая 1633 г.», «Грамота Алтын-Хана Царю Михаилу Федоровичу о принятии им русского подданства, взаимной военной помощи, посылке послов и другом от 14 января 1635», «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Алтын-Хану о принятии его в русское подданство отправке ему жалованья от 9 февраля 1639 г.», «Грамота Алтын-Хана Царю Михаилу Федоровичу о причинах разрыва отношений с русским государством и о присылке к нему послов для возобновления прерванных связей от 2 мая 1645 г.» [11].

За современной Тувой наименование Урянхай было закреплено со второй половины 18 века, когда племена были сформированы и обобщены в отдельное Урянхайское ханство, о чем свидетельствует указ китайского императора Инчжэня о подданстве урянхов [19].

В период 1726-1727 был подготовлен картографический материал для обозначения границ России и Китая, на которых также была изображена современная Тува.

Между Россией и Китаем в 1727 г. были заключены Кяхтинский и Буринский договоры, в которых территория современной Тувы была обозначена как «нейтральная зона». С падением Джунгарского государства эти соглашения были нарушены, и территория Тувы была оккупирована маньчжуро-китайскими феодалами. Однако, важно отметить, что связь с урянхайцев (тувинцев) с русским населением не прерывалась и поддерживалась торговыми отношениями.

В. М. Родевич – российский гидролог и гидротехник также изучал Урянхай и продвигал российские интересы по отношению к территории урянхайцев. В своей работе он пытался определить проблемы потери урянхайской земли и более подробного и конкретного обозначения пограничной зоны. Так он обозначил следующие пункты: 1. Необходимость поиска истинного чертежа границ 1727 г. по договору России и Китая в Кяхте. 2. Точно определить по российским и китайским источникам подлинную историю Урянхия. 3. Особой экспедицией заняться поисками обозначительных знаков российских правителей и тайной разведкой китайских знаков на территории Урянхия для обозначения русского влияния [4].

Новый свежий толчок развития в изучении Тувы началось после создания Русского географического общества в середине 19 века. Русские ученые (геологи, географы, этнографы и др.) составили картографию современной Тувы, изучили флору и фауну и т.д.

Позже в 1903-1904 года этнограф и антрополог Феликс Кон, по поручению РГО провел исследования в Туве. В своих работах он отразил административное устройство Тувы, пути сообщения, а также пограничный вопрос. Он подтвердил связь между русским населением (служившим на границах) и урянхайцами, которые вели меновую торговлю [20].

Уже в 1913 г. английский путешественник Дуглас Митчелл Каррутерс в труде «Неведомая Монголия» представил результаты своих путешествий и исследований по Монголии и Урянхайскому краю, он описал быт урянхайцев, промысел и вероисповедание, а также, подтвердил факт торговых отношений между русскими и китайскими купцами: «В 1869 г. была создана комиссия из числа русских и китайских властей для предупреждения и регулирования взаимоотношений и разрешения конфликтов» [16].

Для тувинской государственности 1914 г. ознаменован установлением протектората Российской империи над Урянхайским краем. 28 сентября 1913 г. духовный лидер тувинцев камбы-лама (верховный священнослужитель) Лопсан Чамзы обратился к Николаю II за покровительством. Прощение Лопсан Чамзы поддержал своим обращением от 29 октября 1913 г. к Белому Царю (Николаю II) самый влиятельный политик Тувы Монгуш Буян-Бадырғы. В связи с этими обращениями министр иностранных дел Российской империи обратился к царю с докладной, на которой Николай II собственноручно поставил резолюцию: «Согласен. Ливадия. 4 апреля 1914 г.» и начиная с 5 апреля 1914 г. Урянхайский край находится под протекторатом.

Выбор формы «протектората» был сделан намерено, с политической точки зрения, это было необходимо для из-

бежание прямого и открытого конфликта Российской империи с Китаем, который сохранял свои притязания на территорию Урянхай.

Позитивно отмечается результат протектората, он выразился в сохранении тувинского языка, культуры и этнической идентичности.

В период 13-16 августа 1921 года созывается первый съезд «Всевсевтинского учредительного хурала» на повестке которой находятся вопросы о принятии Конституции Тувы, самоопределении Тувинской Народной Республики (ТНР). В новой Конституции закреплялось новое образование – Республика Танну-Тыва Улус, самостоятельное во внутренней политике и находящееся под покровительством Советской России в международных отношениях. Однако, это не изменило притязаний Монголии на территорию Тувы, в связи с чем было инициирована трёхсторонняя конференция (Советский Союз, Тува и Монголия), на которой были подписаны двухсторонние договоры между Советским Союзом и Монголией, Тувой и Монголией, ограждавшие Монголию от каких-либо притязаний.

Также в этот период формируется тувинская государственная символика с буддистским окрасом: изображение Колеса Учения, один из «восьми благих символов» буддизма, он же становится знаком отличия и выполняет функции герба (наносится на документы того периода, оттиски печатей и т.д.) [1].

Более поздние данные говорят о том, что тувинцы вплоть до 1930 г. не имели собственной письменности, тувинцы использовали старомонгольскую письменность. На IV съезде Тувинской народно-революционной партии подняли вопрос о создании тувинской письменности и составили обращение в Академию наук СССР о помощи по созданию тувинской письменности, таким образом появился первый тувинский алфавит.

Огромная вежа в истории Тувы, это участие тувинского народа в Великой Отечественной войне. Тува, еще не вошедшая в состав СССР из числа первых протянула руку помощи Советскому Союзу: «...доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, Военно-Воздушный и Военно-Морской флот нанесут уничтожающих удар обнаглевшим фашистским агрессорам Гитлера!», такую декларацию принял X Великий Хурал трудящихся ТНР.

Позже ТНР декларацией VII сессии Малого Хурала от 17 августа 1944 обратилась с ходатайством в Верховный Совет СССР принять в состав СССР на правах автономной области. На основании этого ходатайства Президиум Верховного Совета РСФСР своим указом принял в состав РСФСР Тувинскую автономную область.

Значительный прогресс в установлении геральдики и символов тувинская государственность получила в период после ратификации договора с СССР, разрабатывается и утверждается герб и флаг ТНР. Еще позднее усиливается советское влияние, и тувинская государственность упраздняет старые символы с религиозным подтекстом. В период с 1930-1935 гг., Республика разрабатывает новые флаги и герб, уже с изображением советских и «светских» атрибутов: серп, грабли, колосья и красный цвет. Современный флаг результат трудов 1992 г., после распада Советского Союза и вхождению Тувы в состав субъектов Российской Федерации: синее чистое небо, белый – светлые и благородные помыслы и желтый – богатство и справедливость.

Образование Тувинской АССР было инициировано тувинским народом исходя из принципа свободного самоопределения национальностей, коренных политических, экономических и культурных изменений. Президиум Верховного совета РСФСР указом от 9 октября 1961 года преобразовал Тувинскую автономную область в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику [8].

Богатство тувинского народа, обладающее особой ценностью и отражающее быт и жизнь тувинца, часть традиционной культуры – это декоративно-прикладное искусство. Тувинцы сумели сохранить и пронести через века национальное многообразие своей культуры, художественные идеалы своих предков. Многообразие орнаментов и рисунков результат тамгапользования, специфика изображений и распределение по классификациям: род, семья, социальный ста-

тус. В каждый рисунок, ритуал и традицию, тувинцы смогли вложить всю историю становления народности, уважения к религиозным истокам и собственное особенное философское понимание мироустройства. Будугечи Т. Б. в своих трудах пишет: «тувинский народ обречен на уникальность, на собственную художественную культуру и свое место в системе мировой цивилизации» [3].

Исторический путь зарождения и развития тувинцев как народа и государственности оставил огромный отпечаток в мировоззрении современного тувинского общества. Через общую культуру и через традиционные ценности были сохранены язык, уклад жизни и быт.

В тувинском обществе, благодаря проводимой федеральной политикой, наблюдается рост и подъем тувинской культуры. Он выражается в государственной поддержке ученых и мастеров и проведении разнообразных мероприятий, направленных на развитие и сохранение традиционной культуры тувинцев.

Пристатейный библиографический список

1. Бичелдей К. А., Монгуш Б. Б. Государственные символы Тувы. Герб, флаг и гимн, денежные и почтовые знаки. Кызыл, 2019. 5 с.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. М.-Л., 1951-1953. С. 107.
3. Будугечи Т. Б. Художественное наследие тувинцев. М., 1995. 13 с.
4. Родевич В. С. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). С.-Петербург, 1910.
5. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. С.-Петербург, 1881. 101 с.
6. Гумилев Л. Н. Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г. Е. Грумм-Гржинмайло в свете новых исторических и археологических материалов. // Известия Всесоюзного географического общества СССР. 1959. Т. 91. № 1. С. 17-26.
7. Дэвлет Н. А. Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998.
8. История Тувы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. 218 с.
9. Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского рода. Казань, 1903. 52 с.
10. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952. 8 с.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения. 1607-1636. Сб. документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 196-199.
12. Пальмбах А. А. О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 13. Кызыл, 1968. 232 с.
13. Радлов В. В. Образца народной литературы тюркских племен. Т. 9. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907. 658 с.
14. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. История монголов. Пер. И. Н. Березина, Т. 1. С. 332-334, 339-344.
15. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. История монголов. Пер. А. А. Хетагурова. М.-Л., 1952. С. 156.
16. Шойгу С. К. Тыва дептер. Урянхайский край: перекресток мнений. М., 2007. 167 с.
17. Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национально-литературного языка. Г. Кызыл, 1973. 20 с.
18. Сокровенное сказание монголов. Пер. С. А. Козина. М., 2002. С. 123.
19. Указ императора Инчженя Лифаньюаню о подданстве урянхов // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 2. 1725-1727. М., 1990. С. 285-286.
20. Усинский край // Записки Красноярского подотдела ВСОРГО. 1914 г. Т. II, вып. 1. Ф. Кон. Собр. Соч., т III, изд. 2-е. М., 1936.
21. Хэ Цю-тао. Шофан бэйчэн. Глава 5. О племенах урянхаев. Пекин, 1877.

ПАВЛОВ Олег Витальевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права, Таганрогский институт управления и экономики

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ВОЛНЫ. АНАЛИЗ ОПЫТА ДРЕВНЕГО РИМА

В тексте рассматривается историческое развитие экономической политики и использование монетарных инструментов в Древнем Риме. Порча денег, или, как её часто называют, «отпиливание», представляла собой одну из ключевых проблем денежного обращения в Древнем Риме. Это явление включало в себя уменьшение содержания драгоценных металлов в монетах, что негативно сказывалось на их покупательной способности. В этой статье мы рассмотрим, как правовая система Древнего Рима пыталась регулировать порчу денег, каким образом этот процесс влиял на экономику и какие меры принимались для сохранения стабильности. Автор подчеркивает важность правильного управления денежной политикой для предотвращения экономических кризисов и призывает к подбору подходящей идеологии, соответствующей национальному менталитету, для достижения экономического успеха в России.

Ключевые слова: национальная валюта, монета, динарий, Римская империя, экономический рост, США.

PAVLOV Oleg Vitaljevich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty, Taganrog Institute of Management and Economics

INFLATIONARY WAVES. ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF ANCIENT ROME

The text examines the historical development of economic policy and the use of monetary instruments in Ancient Rome. Spoiling money, or, as it is often called, "sawing off", was one of the key problems of money circulation in Ancient Rome. This phenomenon included a decrease in the content of precious metals in coins, which negatively affected their purchasing power. In this article, we will look at how the legal system of Ancient Rome tried to regulate the spoilage of money, how this process affected the economy and what measures were taken to maintain stability. The author emphasizes the importance of proper management of monetary policy to prevent economic crises and calls for the selection of a suitable ideology corresponding to the national mentality to achieve economic success in Russia.

Keywords: national currency, coin, denarius, Roman Empire, economic growth, USA.

В истории экономической политики неотъемлемо присутствуют уроки, которые можно извлечь из древних цивилизаций. Древний Рим, одно из величайших государств своего времени, не раз сталкивался с вызовами правильного управления монетарной политикой. Важность этой темы не утрачена и сегодня, когда современные страны стремятся избежать экономических кризисов. В статье рассматривается историческое развитие монетарных инструментов в Древнем Риме. Выявим ключевые уроки и рекомендации для современной России.

Закон Грешема или закон Коперника гласит, что худшие деньги вытесняют из обращения лучшие. Власть многих государств индоктринировала уменьшение стоимости монет через уменьшение количества в монетах золота и серебра путем подпиливания. Всегда при уменьшении количества полновесных монет (люди сберегали лучшие деньги и расплачивались худшими, в которых содержание золота и серебра меньше) инфляция увеличивалась через увеличение стоимости в исчислении плохими деньгами за хорошие товары. После победы под акциумом Октавиан превратился в единственного распределителя власти в стране. Даже после провозглашения себя принцепсом сената лишь изредка в провинциях печатал золотые деньги, при Октавиане был разработан компромисс, Император получал в свое полное распоряжение территории с военным положением, где шли постоянные войны. Внутреннее имперское пространство, которое постепенно приходило к размеренной и мирной жизни, не могло остановиться в воинских завоеваниях, ведь в таком случае человеческие массы, мобилизованные в 30-20 года первого века до нашей эры, нужно было каким-то образом направить на новую войну - количество участвующих в

боевых действиях грозило империи настоящей катастрофой, провинции могли наводнить бывшие мобилизованные люди, не получившие никаких преференций от военных действий, но научившихся владеть мечом и щитом. Октавиан, не допуская бывших мобилизованных солдат в мирную жизнь, отвлек этих военных новыми войнами в Иллирии, Германии и Панонии. Закон о публичном насилии 14 года до нашей эры регулировал усиливающуюся волну пост травматического насилия вернувшимися ветеранами боевых действий по отношению мирных граждан. Но и жестокие наказания не могли остановить солдат от применения навыков войны в мирном существовании среди гражданских. Новые войны отвлекли военных от мятежных мыслей, но лишь усилили экономические противоречия расширившейся республики до невероятных размеров. Уровень и скорость строительства новой инфраструктуры не успевал за стихийным расширением государства. Иллирию и Паннонию с помощью привлечения половины ветеранской армии удалось удержать, разросшийся военный бюджет и срочная незапланированная мобилизация поставила в сложное положение Октавиана Августа и римских сенаторов. В виду огромных материальных расходов на расширяющиеся и множачиеся военные направления (успехи на Германском направлении у Римлян быстро сошли на нет и два восстания в Паннонии и Иллирии также стоили многих денежных и человеческих ресурсов), немаловажной статьёй расходов Древнего Рима были расходы на строительство ветеранских поселений в провинциях. Многолетние войны Римской империи привели, что в следствии экспансии императора Клавдия образовалась огромная нехватка в бюджете или бюджет империи Рима стал дефицитный. Император Нерон в 54 году, провозглашенный императором,

получил тяжелое финансовое наследие от экспансии Императора Клавдия. В это же время на востоке была проведена первая в истории империи денежная реформа, где Нерона любили и считали честным правителем. Веспасиан император иудеи был из доверенных лиц Нерона, римский аристократ возвысился после восстания в иудее. Чума в Италии и великий Римский пожар вынуждают Нерона, кроме необходимости поддерживать военные регионы Британии и Сирии, еще и нейтрализовать катаклизмы в Италии, и именно с этой целью начинают чеканить динарий со смешанным составом. Серебро разбавлялось медью, чтобы за короткое время изготовить огромное количество монет. Эти монеты должны были устранить дефициты бюджета, возникшие из-за военных действий и катаклизмов. Император Нерон теряет свою популярность и знает вынуждает его покончить с собой. Что приводит к гражданской войне, которая являлась столкновением сенатских группировок и императорских домов: Гальба, Оттон, Флавий и военной аристократии в лице Вителлия. В борьбе четырех императоров побеждают Флавий и именно Тит Флавий Веспасиан. Веспасиан столкнулся с нехваткой денежных средств на реализацию внутренней политики, а также недостаток средств в бюджете государства на поддержание войн привел к введению новых налогов и сборов и повышению старых налогов повсеместно и углублению, и расширению практики инфляционного смягчения стоимости динария. Другими словами, динарий продолжали удешевлять сами монетарные власти, уменьшая в его составе количество золота и серебра, и увеличивая количества разбавленных медью динариев. Перманентное удешевление национальной валюты привело к снижению ценности и стоимости динария. Повышения налогов и введение новых налоговых конструкций для пополнения опустошенной Римской казны и применение закона Грешема, подпиливая и разбавляя медью деньги Древнего Рима, не смогли решить проблемы недостаточного финансирования военных действий Римской империи, а лишь смогли затормозить процессы обесценивания серебра. Ценность динария стала опускаться, наложившись на денежную трансформацию, когда во время правления Октавиана Августа перестали использоваться в обороте старые италийские деньги бронзовые монеты (AES). Только серебро высоко котировалось населением, а введенные императором Нероном динарии и тетрадрахмы смешанного состава, разбавленные медью, лишь смогли затормозить инфляционные процессы. Новые монеты должны были стать промежуточным этапом между медными и чисто серебряными монетами. Флавий и Антонин продолжили мягкую монетарную политику Нерона. Эта финансовая политика стала одним из факторов экономического роста взрывными темпами начала 2 века нашей эры. Следующие три императора Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий не занимались столь глубоко экономическими преобразованиями. Антонин Пий продолжил портить динарий из-за популистской политики, пропаганды и обещания проводить постоянные праздники, которые привели к уменьшению веса серебра в динарии к меди в пропорции уже пять к одному (пять мер меди к одной мере серебра). Марк Аврелий занимался в основном военной деятельностью и экспансией, что потребовало еще несколько раз обесценить динарий и создание на завоеванных территориях новых образцовых провинций, также было осуществлено через инфляционный процесс удешевления национальной валюты. Наследник Аврелия Комод решил восстановить разрушенные войной приграничные и завоеванные территории, что так же осуще-

ствил через уменьшение серебра в динарии и выпуском большего по сравнению с предыдущими периодами количества динариев. Чистота динария снизилась, и девальвация национальной валюты при Комоде достигла максимальных значений за всю предыдущую историю. Преемник Комода Антониниан Каракалла Север пошел еще дальше в углублении и расширении мягкой монетарной денежно-кредитной политики государства и не просто приказал сильнее разбавлять медью в серебре национальную валюту, но и ввел новую монету Антониниан, в которой разбавление серебра медью достигает нового уровня, фактически превратив эту монету в полностью медную. И Антониниан монета обесценилась более чем в четыре раза. Даже динарии, выпускаемые в провинции, не имеющие имперского статуса, но содержащие в своем составе больше серебра, ценились и имели покупательную способность гораздо выше, чем Антониниан монета императора. Император запретил конкуренцию на чеканку монет, которые котировались выше, чем его Антониниан, лишая участников валютного рынка ассортимента финансовых продуктов, чем еще в несколько раз снизил стоимость национальной валюты. Для обеспечения соблюдения установленных норм чеканки монет была введена система наказаний. Ответственность за нарушение стандартов могла быть весьма серьезной, вплоть до смертной казни. Лица, ответственные за производство монет — монетные мастера и их помощники, — находились под строгим контролем. Императоры стремились установить четкую ответственность за любые нарушения в процессе изготовления монет, что должно было минимизировать количество подделок и предотвратить дальнейшее ухудшение качества денег. Император Аврелиан использовал неликвидное гальское золото, которое невозможно было использовать в экономических процессах как стабилизационный фонд, но ценность неликвидов в виде золота была иллюзорной. Также Аврелиан полностью монополизировал монетные дворы, установив контроль и над чеканкой, и над продолжившимся обесцениванием динария как уменьшая количество серебра в его составе, так и увеличивая его количество, мотивируя, что существует некая корреляция между неликвидным золотым запасом гальского золота, которое никак использовать было невозможно и новыми отчеканенными пустыми динариями из низкопробного металла. К началу 4 века количество монет достигло такого количества, что фактически динарий стал фиатной валютой, ведь содержание в нем полезности металла было гораздо меньше его покупательной (договорной или условной) способности.

При императоре Константине были введены новые золотые и серебряные монеты, Солид и миллеаренс, чтобы заменить обесцененные Антонинианы и динарии. Хотя эти монеты чеканились до середины V века, тренд обесценивания продолжился, отражая доверие людей к правительству. В IV веке объём денег в империи резко вырос, а инфляция достигла 2000% за 30 лет. Это затрудняло экономический рост и кредитование при почти трехзначной инфляции. Основной причиной порчи денег стала необходимость финансирования инфраструктуры, что приводило к снижению содержания драгоценных металлов в монетах и падению доверия к ним. Неконтролируемая денежная эмиссия и снижение внутренней стоимости валют приводят к экономическому хаосу. Эффективность мягкой монетарной политики зависит от направления денежных потоков: вложения в недвижимость, строительство и создание институтов должны быть нацелены на получение прибыли, превышающей инфляцию. Для этого важно развивать научные учреждения с привлечением

Cumulative Real GDP Growth and Core Inflation in the G7, 2019 Q4 to 2023 Q4

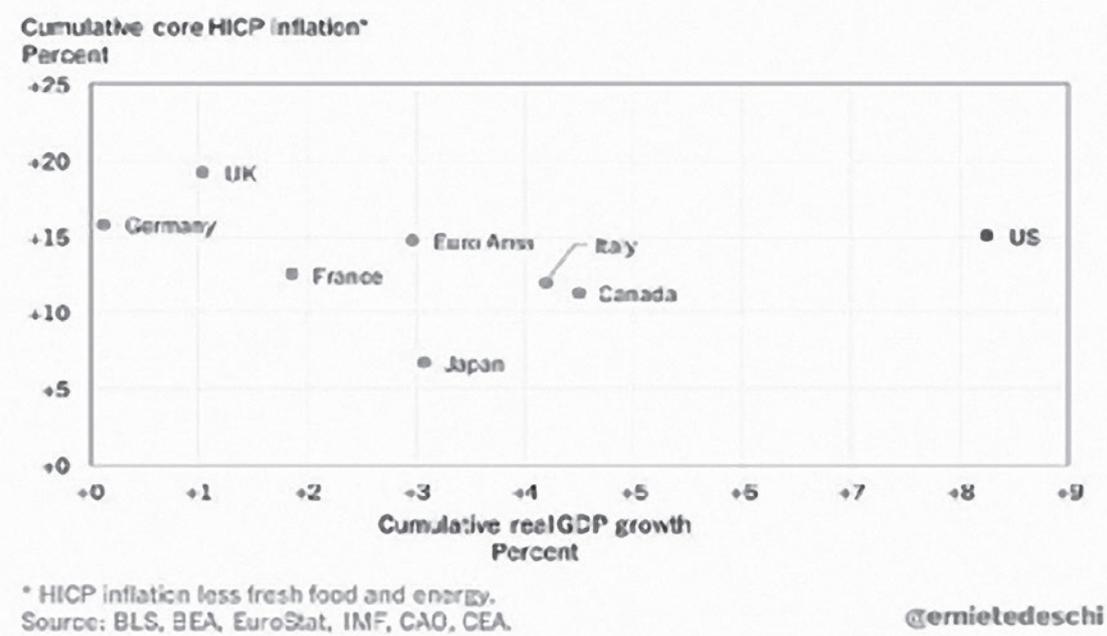

Рисунок 1.

международных экспертов. Криптовалюты, если не найти их практического применения в экономике, могут потерять ценность. С момента отвязки доллара от золота в 1971 году важно использовать периоды инфляции для создания устойчивой инфраструктуры и систем. Страны, сумевшие адаптироваться к инфляции, становятся лидерами в экономических инновациях.

Опыт Древнего Рима наглядно демонстрирует, как недостаточное регулирование и контроль над процессом обесценивания денег могут привести к серьёзным экономическим проблемам и социальным потрясениям. В современном мире вопросы денежного обращения регулируются более строго, но уроки, извлечённые из истории, остаются актуальными. Государство должно обеспечивать стабильность национальной валюты, а для этого необходимо, чтобы законодательство поддерживало чёткие и понятные нормы и стандарты, а также предусматривало ответственность за их нарушение.

Римская империя сталкивалась с проблемами, связанными с необходимостью финансировать войны, поддерживать порядок в провинциях и финансировать крупные инфраструктурные проекты. Однако отсутствие эффективного контроля и чрезмерная зависимость от денежной эмиссии привели к краху её экономической системы. Современные государства должны учитывать этот опыт и принимать меры для обеспечения устойчивости своих экономик.

Таким образом, правовая регуляция процессов порчи денег в Древнем Риме имела важное значение, но её было недостаточно для предотвращения экономических кризисов. Необходимо учитывать не только экономическую, но и правовую сторону денежных реформ, чтобы поддерживать доверие населения к национальной валюте и обеспечивать стабильность экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Моисеев С. Р. Инфляция в экономической истории // Дайджест-финансы. - 2004. - № 2 (110). - С. 48-55.
2. Красавина Л. Н. Денежная реформа 1992-1993 гг. и регулирование инфляции в России: теоретическая основа // Финансы: теория и практика. - 2003. - № 3. - С. 5-13.
3. Аникин А. В. Юность науки. - М., 1985.
4. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. - М.: Институт новой экономики, 2000.
5. Дмитриева О., Ушаков Д. Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. - 2011. - № 3.
6. Ершов М. В. Денежно-кредитная сфера и экономический кризис // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. - 2000. - № 13.
7. Замулин О., Стырин К. Как различить причину и следствие? // Вопросы экономики. - 2012. - № 1.
8. Маркс К. К критике политической экономии. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
9. Рубченко М. Без кредитов, без дорог, без медицины // Эксперт. - 2009. - № 9 (468).
10. Сухарев А. Н. Меновая стоимость золота: парадоксы исторических закономерностей // Финансовая аналитика: проблемы и решения. - 2010. - № 4 (28).
11. Рисунки взяты из Телеграмм канала: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://t.me/proeconomicals>.

СТЕПАНЕНКО Алексей Сергеевич

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, директор Восточносибирского филиала, Российский государственный университет правосудия, г. Иркутск

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Статья предлагает всесторонний анализ эволюции концепции правового государства, начиная с её зарождения и до современных интерпретаций. Автор исследует различные исторические этапы развития идеи правового государства, выделяя ключевые философские и юридические подходы, которые формировали её понимание в разные эпохи. Особое внимание уделяется влиянию социально-экономических и политических факторов на трансформацию концепции, а также роли выдающихся мыслителей и правоведов в её формировании. Обозначены важнейшие характеристики правового государства, такие как верховенство закона, защита прав и свобод человека, независимость судебной власти. Статья также анализирует современную практику имплементации принципов правового государства в различных юридических системах, выявляя как универсальные, так и специфические национальные черты.

Ключевые слова: правовое государство, государственное строительство, теория государства и права, концепции происхождения государства.

STEPANENKO Alexey Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Humanitarian and socio-economic sciences sub-faculty, Director of the East Siberian branch, Russian State University of Justice, Irkutsk

HISTORICAL RETROSPECTIVE OF APPROACHES TO DEFINING THE RULE OF LAW

The article offers a comprehensive analysis of the evolution of the concept of the rule of law, from its inception to modern interpretations. The author examines various historical stages in the development of the idea of the rule of law, highlighting the key philosophical and legal approaches that shaped its understanding in different eras. Particular attention is paid to the influence of socio-economic and political factors on the transformation of the concept, as well as the role of outstanding thinkers and lawyers in its formation. The most important characteristics of the rule of law are identified, such as the rule of law, protection of human rights and freedoms, and the independence of the judiciary. The article also analyzes the modern practice of implementing the principles of the rule of law in various legal systems, identifying both universal and specific national features.

Keywords: rule of law, state building, theory of state and law, concepts of the origin of the state.

Современное государство является результатом «искусственного замысла». До того, как Макиавелли, Гоббс и Локк сделали сознательные и глубокие интеллектуальные обобщения современного государства, все теории об интеллектуальной форме государства принадлежали к дискурсу традиционного государства.

Прежде чем приступить к рациональному проектированию современного государства, традиционное государство можно разделить на несколько типов в зависимости от его фактической формы:

Во-первых, насильственное завоевательное государство. Классической формой древней империи было насильственное завоевательное государство. Империи Цинь, Юань и Цин в истории Китая, древняя Римская империя в истории Запада и более ранняя Ассирийская империя — все это типичные её представители. Создание этих сверхбольших классических империй было результатом обращения к войнам и завоеваниям, и одной из их общих черт было завоевание земледельческих народов кочевыми народами. На основе простой логики насилия была успешно создана классическая империя. Сложная политическая структура государства, основанная на насилии, приобрела тот общепринятый характер, который сохраняется и по сей день.

Во-вторых, политическое общество, сформированное в результате расширения структуры семьи. Наиболее типичным является государственное устройство, унаследованное от династии Чжоу в Древнем Китае. Хорошо известно, что от варварского общества к цивилизованному, от общего общественного строя к политическому общественному строю Китай «тащил за собой огромный хвост клановой крови». Патриархальная система династии Чжоу была системой изоморфизма метрополии. Монархи, отцы и сыновья, мужья и

жены, братья, друзья — эта структура этико-политических отношений составляет основную структуру государства. Способ объединения семьи и государства заключается в том, что «отец — это сыновья почтительность, чтобы верность могла быть передана царю», что составляет основной закон классической истории китайского господства.

В-третьих, тип город-государство (город-государство). Этот тип представлен системой городов-государств Древней Греции. Эта государственная структура принимает форму исходной цивилизационной структуры (пожарной системы дома) и абстрактной, рационально спроектированной классической системы.

Государственное устройство первых схоже с таковым в странах Востока, а государственный строй формируется в основном на основе расширения семейных отношений. Последний был разработан тремя поколениями учителей и учеников: Сократом, Платоном и Аристотелем.

«Идеальное государство» Платона является символом греческой системы государственного строя как семьи, основанной на политических отношениях, выходящих за рамки кровных уз и основанных на политических отношениях, и входящей в ориентированную на справедливость модель Древней Греции. Такой формы государства не было ни в одной другой классической цивилизации.

Частые войны между городами-государствами Древней Греции делали семьи и их членов все более неспособными справляться со своими потребностями. Таким образом, система городов-государств Древней Греции должна была изменить свою первоначальную систему семейно-государственных связей и постепенно создать инклюзивную и ориентированную на справедливость систему городов-государств. По мере того как число членов города-государства, полу-

чивших гражданство, увеличивалось, размеры государства увеличивались, а политическая структура семейного обсуждения становилась недостаточной - проектирование демократического строя, основанного на всеобъемлющих соображениях, стало уникальным творением Греции.

По мнению Алексева Р. А., рождение классического государства в Греции было результатом четырех революций:

во-первых, революции демонархии, которая отделила духовенство от режима;

во-вторых, революция в организации семьи, которая упразднила привилегию первородства и привела к распаду родового общества;

в-третьих, революция членов государства, которая привела плебеев в город-государство;

в-четвертых, революция в области гражданских прав не только сблизила богатых и аристократию с низшими классами, но и направила функционирование политической системы в общественных интересах, и была установлена демократическая система [1].

После четырех революций в Древней Греции политическая система функционировала в соответствии с новыми демократическими нормами. В ответ на изменения в системе города-государства три поколения учителей и учеников Сократа обнаружили необходимость абстрактного и рационального проектирования государства для руководства развития государства, и на свет появилась «Идеальная республика» Платона.

Платон осуждал все политические системы в действительности как иррациональные и представлял себе концептуальное государство исключительно благодаря своему экстраординарному воображению. Это «идеальное государство» не имеет ничего общего со всеми действительными формами государства, оно совершенно концептуально, оно представляет собой всеобъемлющий контур идеальной формы государства, поэтому оно не связано оценкой преимуществ и недостатков реального политического строя. Она полностью отделена от воли Бога [2].

Можно сказать, что теория последующего состояния, которая разворачивается между реальностью и идеалом, является изначальной духовной силой, предоставленной Платоном.

Наиболее типичной является государственная форма средневековой Европы. Хотя в Средние века существовали значительные различия в форме государства, политическая схема, сосредоточенная на клерикальной власти, всегда составляла ядро политического устройства на этом этапе. Подобный холистический взгляд, или более уместно называемый «тоталитарным» взглядом (хотя он не имеет ничего общего с современным значением тоталитаризма), является особенностью, которую следует помнить, чтобы понять, как вообще возникли политические идеи и концепции. В целом, теократическое государство Средневековья сильно отличалось от того, что было как в древние, так и в новые времена.

Наконец, современное государство — это форма государства, которая постепенно возникает между практическими действиями политиков и замыслом политических теоретиков. Приоритет логики политической практики и следование логике политической теории составляют характерные черты современного государственного строительства. Но это не значит, что теория государства является лишь побочным продуктом государственного строительства. Напротив, для современного государства зародышевое абсолютистское государство обладает некоторыми характеристиками невежества. Однако с момента создания современного государства в Италии политическая теория и государственное строительство идут рука об руку: теория государственного строительства Макиавелли не находится в особом порядке с практикой государственного строительства в Италии, в то время как современная теория государственного строительства в Соединенном Королевстве непосредственно извлека-

ется из процесса государственного строительства Гоббса и Локка, который связан с исторической сложностью возникновения современного государства [3].

Современная государственная парадигма создается не одной страной, а несколькими странами, а теория современного государственного строительства не предлагается одним политическим мыслителем, а дорабатывается несколькими поколениями политических теоретиков. Напротив, модель современного государства от Италии до Великобритании была последовательно доказана Макиавелли, Гоббсом и Локком в политической теории, и их можно назвать «отцами современного государства» в политической теории.

Анализируя подходы государственного строительства в Древней Греции, идеи Макиавелли, Гоббса и Локка, уместно выделить несколько ключевых выводов:

1. Возникновение идеи верховенства закона и важность коллективного участия граждан в управлении закладывали ранние основы концепции правового государства. Греческие философы, такие как Платон и Аристотель, обсуждали роли справедливости и закона в поддержании порядка и гармонии в обществе.

2. Представляя реалистичный взгляд на политическую власть, Макиавелли подчеркивал прагматизм и эффективность в управлении, что контрастировало с морально-этическими аспектами, актуальными для Древней Греции. Его подход акцентировал внимание на стабилизации власти и контроля, что, хотя и не включало напрямую идеи правового государства, все же влияло на позднейшие размышления о роли государства.

3. В своей теории социального контракта Гоббс обосновал необходимость сильной централизованной власти для поддержания порядка и предотвращения хаоса. Его концепция «Левиафана» подчеркивает необходимость государства защищать права, что является ранним проявлением идеи правового государства в контексте власти и обязанностей.

4. Отец классического либерализма, Локк развил теорию естественных прав, включая жизнь, свободу и собственность, которые государство должно защищать. Его акцент на разделении властей стал краеугольным камнем современных представлений о правовом государстве, где права человека и институты правосудия играют ключевые роли.

Статья заключает, что концепция правового государства постоянно эволюционировала, интегрируя идеи каждого исторического этапа и философа. Эти различия и сходства формируют фундаментальное понимание того, как идея правового государства применялась и адаптировалась в соответствии с историческими вызовами и динамикой общества. Введение этих концепций в современные политико-правовые системы демонстрирует их актуальность и универсальность, способствуя построению устойчивых и справедливых обществ.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Р. А. Эволюция концепции правового государства в истории политико-правовой мысли // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. – 2023. – № 2. – С. 83-88.
2. Баранов А. В. Теория государства и права: учеб. пособие. – Томск, 2020. – С. 720.
3. Исаев И. А. Общественный договор и закон // История государства и права. – 2019. – № 17. – С. 3-9.
4. Баширина Е. Н., Уразова Л. У., Абрамов И. Р. Экономическая идеология как исторический опыт государства // Дискуссия. – 2024. – № 6 (127). – С. 13-18. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-6-127-13-18. – EDN XPYSFR.
5. Суслов Ю. Е., Суслов Е. Ю., Жуков М. В. Управление устойчивым развитием: человеческое измерение // Human Progress. – 2024. – Т. 10. № 1. – С. 9. – DOI 10.34709/IM.1101.9. – EDN JLNHX.

МИЖАРЕВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургская юридическая академия

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (ПРОЦЕССЕ)

В статье освещается правовая проблематика, возникающая в связи с отсутствием на федеральном уровне Российской Федерации федерального закона «О государственной правовой политике в Российской Федерации» либо федерального закона «О государственной политике в Российской Федерации», содержащих общие определения в данной сфере. В настоящее время такие изменения позволили бы усовершенствовать конституционную правовую политику России, возобновить законотворческую деятельность. На данный момент отсутствует даже проект подобного закона. Совершенно по-новому читается само понятие публичной власти.

Обновление нормативных основ публичной власти в Российской Федерации в начале 2020 гг. не может не отразиться на взаимодействии представительных органов муниципальных образований и органов законодательной власти федерального и регионального уровней. Именно поэтому, взаимодействие субъектов публичной власти в правотворческой практике (процессе) получило свою дальнейшую эволюцию. Все более заметная элитарная роль в регионах-субъектах отведена их Уставам (основным законам).

Результат проведенного нами анализа показал, что реализация любых краткосрочных, долгосрочных и масштабных стратегий возможна лишь при условии достижения единого понимания задач и целей на уровне государственного органа и на уровне каждого конкретного субъекта. В настоящее время одной из сфер совместной деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований продолжает выступать региональный правотворческий процесс.

По нашему мнению, на любой из стадий правотворческой практики (процесса) определяющим фактором является консенсус в концепциях всех его участников. В статье также приводятся ретроспективный анализ исследования данной категории.

Ключевые слова: правотворческая практика (процесс), государственная политика, Конституция России, субъекты публичной власти.

MIZHAREVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, St. Petersburg Law Academy

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT OF INTERACTION BETWEEN SUBJECTS OF PUBLIC AUTHORITY IN LAW-MAKING PRACTICE (PROCESS)

The scientific article highlights the legal problematic arising due to the absence at the federal level of the Russian Federation of a federal law 'On State Legal Policy in the Russian Federation' or a federal law 'On State Policy in the Russian Federation' containing general definitions in this sphere. At present, such changes would make it possible to improve Russia's constitutional legal policy and resume lawmaking activities. At the moment, there is not even a draft of such a new law. The very concept of public authority is read in a completely new way.

The renewal of the regulatory framework of public authority in the Russian Federation in the early 2020s affect the interaction between representative bodies of municipalities and legislative bodies at the federal and regional levels. That is why the interaction of subjects of public authority in law-making practice (process) has received its further evolution. An increasingly prominent elite role in the regions-subjects is assigned to their Charters (basic laws).

The result of our analysis has shown that the implementation of any short-term, long-term and large-scale strategies is possible only if there is a common understanding of tasks and goals at the level of the state body and at the level of each particular subject. At present, one of the spheres of joint activities of legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation and representative bodies of municipalities continues to be the regional lawmaking process.

In our opinion, at any of the stages of law-making practice (process) the determining factor is consensus in the concepts of all its participants. The article also provides a retrospective analysis of the study of this category.

Keywords: law-making practice (process), public policy, the Constitution of Russia, subjects of public authority.

Мижарева Н. В.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации (далее – РФ) и представительные органы муниципальных образований совместно с общегосударственным парламентом формируют определенную систему, которая, однозначно, имеет свои особенности правового регулирования. Одной из наиболее эффективных форм взаимодействия субъектов

публичной власти является правотворческая практика (процесс). В юридической литературе под взаимодействием органов государственной власти и органов местного самоуправления (далее – МСУ) субъектов РФ, как правило, понимается их взаимная связь, обусловленная самостоятельностью сторон в пределах, установленных федеральным законодательством. Вместе с тем, данное общее понятие может конкретизиро-

ваться в зависимости от вида органов, вступающих в отношения взаимодействия. Тем самым рассматриваемая проблематика всегда остаётся дискуссионной.

Ввиду отсутствия на федеральном уровне закона «О государственной правовой политике в Российской Федерации» приходится обращаться, например, к Федеральному закону от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [2], который концептуально определил, что государственная политика РФ в отношении соотечественников является составной частью внутренней и внешней политики РФ и представляет собой совокупность правовых, дипломатических, социальных, экономических, организационных мер, мер в области информации, образования, культуры и иных мер, осуществляемых Президентом России, органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ при участии органов местного самоуправления в соответствии с Конституцией России, международными договорами РФ, законодательством РФ для претворения в жизнь принципов и целей, установленных федеральным законодательством. Такие фундаментальные документы, как миссии и стратегии тоже содержат часть тематических правовых определений.

Определяющим признаком деятельности представительных органов публичной власти выступает их выборность и представительство интересов народа, наличие различных видов представительства и наделение их особым правовым статусом. С. А. Авакьян подчеркивает, что значение представительного органа заключается в том, что он призван выражать (представлять) интересы населения, принимать в этих целях законы государства или субъекта РФ, решения местного самоуправления, бюджет территории, формировать иные органы государства, местного самоуправления или участвовать в их формировании, выполнять контрольные функции за исполнением законов и других актов, за состоянием дел на данной территории и определенной сторонами деятельностью других органов [3].

Подобный вывод подтверждается существующей правотворческой практикой (правотворческим процессом). Так, Регламент Законодательного Собрания Республики Карелия, утв. Постановлением от 21.06.2018 № 734-VI ЗС [4], предусматривает, что деятельность ЗС строится на коллективном, свободном обсуждении и решении вопросов на принципах равноправия депутатов ЗС, гласности, учета мнений избирателей и привлечения граждан к управлению государственными и общественными делами. Согласно Регламенту Законодательного Собрания Забайкальского края, утв. Постановлением от 22.09.2010 № 263 [5], краевое ЗС осуществляет деятельность на принципах законности, коллегиальности, многопартийности, гласности и подотчетности избирателям.

Аналогичные нормы содержатся во многих регламентах представительных органов МСУ. В частности, в соответствии с Регламентом Пермской Городской Думы, утв. ее Решением от 27.03.2012 № 50 «Об утверждении Регламента Пермской городской Думы» [6], деятельность Думы основывается на принципах законности, учета общественного мнения, свободного обсуждения и коллегиального решения вопросов. В соответствии с Регламентом Совета депутатов города Мурманска, утв. Решением от 01.11.2011 № 41-554 [7], деятельность Совета базируется на принципах признания прав и свобод человека и гражданина, законности, сочетания местных и гос. интересов, гласности и учета общественного мнения, ответственности перед населением, коллективного свободно обсуждения и решения вопросов депутатами, равенства прав всех депутатов.

К. В. Мурычев полагает, что существуют основания для выделения системообразующих признаков, свидетельствующих о том, что органы публичной власти выступают ее компонентами [8]. С точки зрения Э. С. Черной и Т. Н. Митрохиной

[9], функции представительных органов власти, к которым относятся и региональные парламенты, могут быть определены закрепленными за ними абсолютными полномочиями. В связи с этим, по их мнению, среди основных функций законодательного (представительного) органа можно выделить: а) представительную, законодательную и контрольную; б) представительную, законодательную, финансово-бюджетную, контрольную и учредительную; в) представительную, законодательную, контрольную и функцию формирования госаппарата. При этом, на наш взгляд, ведущей среди перечисленных функций следует считать представительскую, поскольку она позволяет обеспечивать интересы и волю народа или местного населения.

Н. В. Щербакова считает, что в основе наделения представительных органов публичной власти особыми функциями находится воля народа или избирателей [10]. Касательно представительных органов муниципальных образований С. Н. Кузнецова отмечает, что их функциональное значение заключается: 1) в отражении и представлении интересов всех социальных слоев населения таких образований, что, на наш взгляд, является содержанием представительской функции; 2) в осуществлении нормотворчества в соответствии с полномочиями, установленными законодательством, а также, уставом муниципального образования, что говорит о наличии у них правотворческой функции; 3) в контроле исполнения принимаемых данными органами решений и в целом за деятельностью исполнительных органов и должностных лиц местного самоуправления, что свидетельствует о возложении на них контрольной функции [11].

Субъекты РФ отражают динамичность взаимоотношений между уровнями власти как в нормативном закреплении их полномочий, так и в определении возможностей их текущего взаимодействия. К примеру, в соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) от 30.11.2004 № 171-З № 349-III «О местном самоуправлении в Республике Саха (Якутия)» [12], взаимодействие органов МСУ и органов государственной власти Республики Саха (Якутия) по отдельным вопросам может регулироваться договорами и соглашениями между органами исполнительной власти и органами МСУ субъекта. Для обеспечения взаимодействия органов МСУ и ОГВ Республики Саха (Якутия) по отдельным вопросам указом Главы региона может назначаться его представитель в муниципальном образовании.

Таким образом, органы государственной власти регионов – субъектов России создают необходимые организационные, правовые, финансовые, материальные, условия для развития местного самоуправления, содействуют информационному, методическому обеспечению их деятельности, организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышению квалификации муниципальных служащих, выборных должностных лиц органов МСУ.

Так, И. А. Космина, полагает, что взаимодействие органов местного самоуправления и органов исполнительной власти субъекта РФ есть их согласованная деятельность в целях обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина на территории муниципальных образований субъекта РФ, осуществляемая в определенных формах в соответствии с Конституцией РФ, нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ, а также и муниципальными нормативными актами [13].

Таким образом, следуя указанным аспектам в понимании правового взаимодействия, под взаимодействием законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов местного самоуправления можно понимать их совместную согласованную деятельность, направленную на достижение общих целей, связанных с обеспечением решения вопросов местного значения на территории муниципальных образований, расположенных в границах данного субъекта

Российской Федерации, в интересах местного населения (общества), осуществляемую в определенных формах на основе действующего законодательства. На современном этапе одним из основных конституционно-правовых регуляторов в регионах – субъектах является их устав (основной закон).

ФКЗ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [14], а также ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [15] повлекли за собой преобразования в организации и практической деятельности публичной власти в России. В настоящее время все субъекты РФ приводят своё региональное законодательство к единой концепции построения модели соотношения правовых институтов. Если на сегодняшний день обратиться к официальным сайтам субъектов – регионов России, то мы уже видим, что их НПА, в том числе и уставы, многократно редактировались либо рассматриваются на данный момент.

Таким образом, субъекты публичной власти РФ продолжают взаимодействие в правотворческой практике (процессе). С одной стороны, на современном этапе развития общества и правовой системы наблюдается целенаправленная федерализация принятия решений. С другой стороны, по существенному ряду направлений и вопросов полномочия по их реализации переданы и продолжают передаваться руководителям субъектов, что усиливает их ответственность на рабочих местах.

Нужно отметить, что за последние три десятилетия при взаимодействии субъектов публичной власти наработаны оптимальные управленческие, правовые, финансовые процессы и законодательные нормы в сфере МСУ в РФ. Однако, актуальность нашего обращения к вопросу о понятии взаимодействия субъектов публичной власти в правотворческой практике (процессе) обусловлена ещё и научно-технологическими преобразованиями, новейшими цифровыми [16] и информационными институтами, а также, необходимостью обеспечения национальной безопасности страны. Именно поэтому, существенным аспектом нам видится разработка терминов, определений, теоретических вопросов взаимодействия и законодательное закрепление пока незнакомых для общества правовых норм.

По нашему мнению, необходимо поддержать тезис О. Ю. Рыбакова о том, что результативность в проведении правовой политики возможна при условии систематической, стабильной деятельности законодательной и судебной системы, государственных, муниципальных, правоохранительных органов, общественных объединений, ценностный вектор которых направлен на прочное обеспечение защиты прав и свобод личности [17].

Очевидно, что особая роль в законодательном процессе принадлежит высшим представительным учреждениям субъектов Российской Федерации и представительным органам муниципальных образований. Усилить такое взаимодействие возможно, на наш взгляд, за счет совершенствования межмуниципального сотрудничества, основанного на совершенно новой концепции организации и развития публичной власти.

Пристатейный библиографический список

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Конституция Российской Федерации: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 29.10.2024).
- Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99 – ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. – 31.05.1999. – № 22. – Ст. 2670.
- Авакьян С. А. Обеспечение безопасности личности как задача публичной власти и социума // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 1. – С. 3-9 @Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие. В 2 томах. Т. 1 / С. А. Авакьян. 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 864 с.
- Регламент Законодательного Собрания Республики Карелия, утв. Постановлением от 21 июня 2018 г. № 734-VI ЗС // СЗ РК. – 21.06.2018. – № 6. – Ст. 1202.
- Регламент Законодательного Собрания Забайкальского края, утв. Постановлением от 22 сентября 2010 г. № 263. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zaksobr-chita.ru> (дата обращения: 29.10.2024).
- Регламент Пермской Городской Думы, утв. ее Решением от 27 марта 2012 г. № 50 «Об утверждении Регламента Пермской городской Думы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 29.10.2024).
- Регламент Совета депутатов города Мурманска, утв. Решением от 01 ноября 2011 г. № 41-554 // Вечерний Мурманск. – 01.11.2011. – № 211.
- Мурычев К. В. Система представительных органов власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 7.
- Черная Э. С. Митрохина Т. М. Функциональность регионального парламента в современной России // Власть. – 2011. – № 8. – С. 34.
- Щербакова Н. В. К вопросу о сущности представительной власти // Проблемы народного представительства в Российской Федерации: сб. ст. / Под. ред. С. А. Авакьяна. – М.: Изд-во Московского ун-та – 1998. – С. 29-33.
- Кузнецова С. Н. Представительный орган как субъект органов местного самоуправления // Территория науки. – 2016. – № 3. – С. 167-173.
- Закон Республики Саха (Якутия) // Издание Ил Тумэн. – 24.12.2004. – № 51.
- Космина И. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: на примере Санкт-Петербурга: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010. – 23 с.
- Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 16.03.2020. – № 11. – Ст. 1416.
- Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. – 27.12.2021. – № 52 (часть I). – Ст. 8973.
- Сергеева О. Ю., Мижарева Н. В. Государственное регулирование российской
- IT-индустрии в условиях цифровой экономики // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3 (166) – С. 479-480.
- Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 366 с.

ГАЙНЕТДИНОВА Гульназ Семигулловна

старший преподаватель кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, аспирант, Чебоксарский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Каждый террористический акт – трагедия. Террористические акты имеют глубокие последствия, распространяющие на все общество. Все больше в террористическую деятельность вовлечены молодые лица, учитывая этот факт, государства стремятся выработать эффективные методы по их недопущению или минимизированию. В статье проводится анализ подходов противодействия вербовке молодежи в террористические организации некоторых стран Совета Европы. Обобщая опыт некоторых зарубежных стран, автор пытается предложить модернизировать наиболее эффективные методы по борьбе с этим феноменом.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, радикализация, вербовка молодежи.

GAYNETDINOVA Gulnaz Semigullova

senior lecturer of Public law sub-faculty, Chuvash State University; postgraduate student, Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

COUNTERING THE INVOLVEMENT OF YOUNG PEOPLE IN TERRORIST ACTIVITIES IN RUSSIA AND CERTAIN FOREIGN COUNTRIES

Every terrorist attack is a tragedy. Terrorist acts have profound consequences that affect the entire society. Young people are increasingly involved in terrorist activities; taking this fact into account, states are striving to develop effective methods to prevent or minimize them. The article analyzes approaches to countering the recruitment of youth into terrorist organizations in some Council of Europe countries. Summarizing the experience of some foreign countries, the author tries to propose modernizing the most effective methods of combating this phenomenon.

Keywords: terrorism, counter-terrorism, radicalization, youth recruitment.

С началом специальной военной операции на Украине количество террористических проявлений в стране резко возросло. Так за январь – июнь 2024 года зарегистрировано 1 651 преступление террористического характера, что на 38,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года¹. Такой всплеск террористической активности связан с развернутой украинскими спецслужбами масштабной диверсионно-террористической деятельностью. По статистике большую часть лиц, совершивших данные деяния, составляют молодые люди в возрасте до 35 лет. Вспомним недавний теракт в «Крокус Сити Холле» исполнителями, которого были лица в возрасте 19, 25, 30, 32 г.р.² Как видим, в группе риска молодежь. Такая негативная тенденция в России свидетельствует о его изучении в сравнительно-правовом ракурсе, для выработки новых действенных механизмов противодействия вербовки молодежи в террористическую деятельность. По-

требность активизации противодействия вербовки отражена в основополагающих документах, принятых руководством страны. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 говорится, что «Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи³». Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 05.10.2009 г., относит к основным тенденциям современного терроризма:

1) увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц;

2) расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора;

3) усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;

4) повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой;

5) усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной;

6) повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций;

7) стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения;

3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2024 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/>.

2 О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/#.2.%C2%A0%Do%9F%D1%80%Do%B8%D1%87%Do%Bo%D1%81%D1%82%Do%BD%Do%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%Do%A3%Do%BA%D1%80%Do%Bo%Do%B8%Do%BD%D1%8B%20%Do%BA%20%D1%82%Do%B5%D1%80%D1%80%Do%BE%D1%80%Do%B8%D1%81%D1%82%Do%B8%D1%87%Do%B5%D1%81%Do%BA%Do%BE%Do%BC%D1%83%20%Do%Bo%Do%BA%D1%82%D1%83%20%Do%B2%20%2%A%Do%9A%D1%80%Do%BE%Do%BA%D1%83%D1%81%20%Do%A1%Do%B8%D1%82%Do%B8%20%Do%A5%Do%BE%Do%BB%Do%BB%Do%B5%20%Do%B2%20%2%A%Do%9A%Do%9A%D1%80%Do%Bo%D1%81%Do%BD%Do%BE%Do%B3%Do%BE%D1%80%D1%81%Do%BA%D0%B5.

8) попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств;

9) разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших⁴.

В посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ, в отчетах глав силовых структур сформулированы задачи по усилению противодействия терроризму. В комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 гг. от 30 декабря 2023 г., утвержденный Президентом РФ, одной из первых задач по противодействию терроризма ставится: задействование потенциала системы образования, молодежной политики и культуры, а также общественно-политических, воспитательных, просветительских, культурных, досуговых и спортивных мероприятий, прежде всего в образовательных организациях и трудовых коллективах, для устранения предпосылок радикализации населения⁵.

Вопросы противодействия вербовки новых террористов волнуют не только Россию, но и за рубежом. Во всех странах террористические организации представляют собой серьезную угрозу безопасности общества. Уделяют особое внимание противодействию вербовке молодежи в их структуру. Обращение к зарубежному опыту противодействия вербовке молодежи позволит нам разработать более эффективные методы борьбы с этим феноменом.

Новые технологии стали мощным инструментом для радикализации и вербовки молодежи. Террористические организации используют социальные сети, игровые чаты и другие альтернативные онлайн-пространства, для продвижения своих идей, в том числе идей ненависти, насилия радикализации аудитории и вербовки новых сторонников. Игровые чаты уже используются террористами для общения, радикализации и вербовки, а террористическая пропаганда может быть скрыта в игровом контенте.

Реагируя на меняющийся характер террористических угроз в Европе, Совет Европы принял Стратегию по борьбе с терроризмом на 2023-2027 годы, которая является продолжением ряда усилий, принятых в рамках Стратегии по борьбе с терроризмом на 2018-2022 г. Стратегия направлена на достижение следующих целей в трёх ключевых областях: предотвращение, судебное преследование и защита. Под предотвращением (профилактикой) понимаются меры, направленные на пресечение террористических актов или их подготовки посредством многогранных долгосрочных мер, направленных на лучшее понимание причин и эволюции террористических угроз, сдерживание радикализации, ведущей к терроризму, включая противодействие вербовке, обучению, распространению террористической идеологии и финансированию терроризма.

Вторым столпом Стратегии является судебное преследование, которое следует понимать как обеспечение того, чтобы террористические преступления, совершенные в Европе или за рубежом, расследовались наиболее эффективным образом, в том числе посредством эффективного судебного и международного сотрудничества, и чтобы виновные были привлечены к ответственности с соблюдением прав человека и верховенства закона.

Защита – подразумевает обеспечение безопасности отдельных лиц и сообществ и их прав, защиту потенциальных целей террористических атак, включая критически важные объекты инфраструктуры и общественные пространства, а также оказание помощи и поддержки жертвам терроризма⁶.

Все страны Совета Европы реализуют введенные и рекомендованные стандарты в противодействии терроризму. Во всех европейских странах одним из основных методов борьбы с вербовкой выступает образовательная работа. Здесь образовательные учреждения проводят специальные программы и мероприятия по профилактике вербовки и формированию у молодежи устойчивости к радикальной идеологии. Курируют их министерства, например, в Бельгии Министерство образования и профессионального обучения (Fédération Wallonie-Bruxelles – Ministère de l'Éducation), в Дании – Министерство образования (Undervisningsministeriet), в Норвегии – Министерство образования и исследований (Kunnskapsdepartementet) и др.

Таким образом, министерства образования иницируют программы, направленные на предотвращение радикализации среди молодежи, поддерживают исследования в области радикализации и терроризма. Все это позволяет лучше понять причины и механизмы вербовки, а также разрабатывать более эффективные меры противодействия.

Стоит сказать, что в странах Совета Европы существует множество молодежных образовательных программ, направленных на противодействие вербовки в террористические организации. «Глобальное гражданство» (Global Citizenship Education), «Мосты к миру» (Bridges to Peace), «Критическое мышление и медиаобразование» (Critical Thinking and Media Literacy), «Демократия в действии» (Democracy in Action) помогают молодежи развить навыки, необходимые для противостояния радикальным идеям, обучают навыкам межкультурного диалога, толерантности.

Программа «Глобальное гражданство» (Global Citizenship Education) охватывает множество стран в Европе (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Дания и др.). GCE направлена на формирование у молодежи осознания своей роли как глобальных граждан, способных активно участвовать в решении мировых проблем, которым и является терроризм. Благодаря GCE у молодежи развивается глобальное мышление, они становятся более осведомленными о глобальных проблемах (миграции, бедности, изменение климата), что позволяет им понять и решить эти вызовы. Она направлена и на понятия и принятия многонациональных и мультикультурных обществ.

Кроме того, европейские страны осознают, что вовлекать в образовательные программы по противодействию вербовке в террористические организации молодежь стоит совместно с их семьями. Так, в Германии вопросами противодействия терроризму и недопущению вербовки в террористические организации занято и Министерство, занимающее вопросами семейных дел, пожилых людей, женщин и молодежи (Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend). Министерство разрабатывает и финансирует различные проекты и инициативы, направленные на поддержку молодежи, включая программы интеграции и вовлечения в общественную жизнь. На наш взгляд, в самом названии закладывается поддержка семейных ценностей, подчеркивается статус социально уязвимых граждан, что дает осознание заботы со стороны государства, понимание, что они услышаны. Это поможет снизить риск радикализации, прочувствовать себя частью общества, развить чувство гражданской ответственности. В Дании Министерство социальных дел и внутренней безопасности (Social-og Indenrigsministeriet) работает над инициативами, направленными на предотвращение радикализации среди молодежи, разрабатывают и реализуют социальные программы, направленные на поддержку молодежи и их семей.

Созданы единые Центры, занимающиеся профилактикой радикализации, так в Бельгии – Centre for the Prevention of Radicalism (CPR), в Норвегии – Center for Preventing Extremism, во Франции – Centre de prévention de la radicalisation, в Нидерландах – Nationaal Coördinator Terrorismedebijding en Veiligheid, NCT и др. В Германии отсутствует единый центр по профилактике радикализации,

4 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: концепция Президента Российской Федерации от 05.10.2009 // Российская газета. – № 198. – 20.10.2009.

5 Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 г.: утвержден Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. // Документ опубликован не был.

6 Council of Europe Counter-Terrorism Strategy (2023-2027). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.coe.int/>

cm#%22CoEIdentifier%22:[%220900001680a9ad67%22],%22sort%22:[%22CoEValidationDate%20Descending%22]].

но в некоторых федеральных землях, созданы специализированные центры, оказывающие консультации и обмен информацией, по предотвращению рекрутинга молодежи в террористические организации. Единые центры по противодействию радикализации молодежи направлены на предотвращение процесса вербовки и радикализации молодежи. Многие из них занимаются исследованием процессов, способствовавшие радикализации молодежи, разрабатывают стратегии и рекомендации.

Существуют различные фонды, занимающиеся борьбой с радикализацией и вербовкой молодежи. В Германии фонд «Борьба с радикализацией» (Radikalisierungsprävention), в Бельгии фонд «Служба по предотвращению радикализации» (Centre for Prevention of Radicalism), в Дании фонд «Radicalization Awareness Network» (RAN). Основная цель фондов – предотвращение радикализации среди молодежи и уязвимых групп, многие из них занимаются научными исследованиями, чтобы лучше понять причины радикализации и разработать эффективные стратегии борьбы с ней. Большая часть из них финансируется за счет средств государственного бюджета. В Германии, Бельгии, Дании, фонды могут получать финансирование и от Европейского союза, приветствуется и получение пожертвований от частных лиц. В некоторых случаях финансирование может поступать от международных организаций, таких как ООН. Поступление финансов из различных источников позволяет эффективно реализовывать свои задачи.

Активно вовлечены и религиозные общины в противодействии вербовке молодежи в террористические организации. В Германии существует Германский исламский совет (Islamrat für die Bundesrepublik Deutschland), в Дании Islamic Community of Belgium (Communauté Islamique de Belgique), в Бельгии – Конфедерация исламских организаций (Confédération islamique de Belgique) (CIB) и др. Islamrat für die Bundesrepublik Deutschland – это одна из крупнейших и наиболее влиятельных исламских организаций в Германии, представляет собой объединение различных исламских общин и организаций. Совет участвует в программах, направленных на предотвращение радикализации среди молодежи, занимается распространением знаний об исламе, проводит мероприятия, направленные на укрепление межкультурного диалога. Islamic Community of Belgium активно сотрудничает с правоохранительными органами для разработки программ, направленных на предотвращение радикализации.

Существуют и организации занимающиеся поддержкой мусульманской молодежи. В Дании – Muslim Youth Denmark (Muslimsk Ungdom Danmark), в Бельгии – Muslim Youth Belgium (MJB), В Германии – Muslimische Jugend Deutschland» (Мусульманская молодежь Германии). Мусульманские молодежные организации направлены на снижение привлекательности радикальных идеологий, предоставляя молодежи возможность получать поддержку и наставничество, развивают чувство ответственности и вовлеченности в общественную жизнь.

В связи с тем что, во многих европейских странах наблюдается рост антимиграционных настроений, религиозные организации, религиозные общины и молодежные исламские организации активно участвует над интеграцией, образованием и укреплением межкультурного диалога. Предлагают различные программы на укрепление социальной сплоченности, предотвращение радикализации среди молодежи. Мечети и церкви сотрудничают с государственными органами, организуют лекции, курсы, направленные на понимание религии, проводят день открытых дверей в стенах своих приходов, что выступает важным шагом на пути консолидации общества.

Аккумулируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что во многих европейских странах основными методами по противодействию вербовке молодежи в террористические организации сводятся к следующему:

- общая профилактика радикализации и вербовки;
- адресная профилактика (работа с семьями);
- онлайн-мониторинг;
- программы по дерадикализации;

- сотрудничество с лидерами духовенства, общин;
- ужесточение антитеррористического законодательства и др.

В России существуют похожие методы противодействия вербовке молодежи в террористические организации, несмотря на это стоит присмотреть для нашей страны наиболее успешные методы. Также как и в европейских странах, в России наблюдается рост антимиграционных настроений, что может привести к негативным последствиям. Если учесть, что большинство мигрантов – это представители мусульманской конфессии, то стоит сделать упор на партнерство с мусульманскими религиозными организациями, общинами и авторитетными лидерами данной конфессии. Для них требуется разработать концепции (стратегии), программы для противодействия вербовке в террористические организации, как мигрантов, так и граждан Российской Федерации, где они могут использовать свои традиции и авторитет для противодействия радикализации, акцентируя внимание на национальных ценностях и духовном единстве. Поскольку на сегодняшний день отсутствует единая концепция таких отношений, на наш взгляд, назрела необходимость принять Концепцию государственно-конфессиональных отношений, конкретизируя механизмы взаимодействия органов публичной власти с религиозными объединениями, в том числе по вопросам противодействия идеологии терроризма и вербовки населения в террористические организации.

На заседании комитета Государственной Думы по делам национальностей 21 февраля 2024 г. было предложено преобразовать Федеральное агентство по делам национальностей в министерство, совместив полномочия Главного управления по вопросам миграции МВД, с прямым подчинением непосредственно Президенту России⁷. По-нашему мнению, такое преобразование разумно, поскольку сконцентрировать все полномочия и ресурсы в одном ведомстве залог успеха в делах национальной безопасности нашей страны. Не секрет, что грамотная межнациональная и миграционная политика способствует воспрепятствованию формирования условий радикализации. Комплексный подход позволит безболезненно интегрировать мигрантов в социокультурную среду нашей страны, что в конечном итоге сократит их сопротивление и снизит уровень радикализма и среди молодежи, и среди старшего поколения.

Так же как и в Европейских странах, в России созданы мусульманские молодежные организации, с единственным исключением, они не проявляют должную активность. Потенциал, который заложен в их деятельности сможет помочь справиться с вызовами современности. Используя медиаконтент, можно продвигать проекты-программы, направленные на развенчивание идеологии терроризма, разрушение негативных стереотипов об исламе, обучение о рисках радикализации, быть наставниками для молодежи, в том числе и мигрантов.

Хотелось бы по примеру программы «Глобальное гражданство» (Global Citizenship Education) формировать у российской молодежи, помимо критического мышления, глобальное. Такое мышление дает осознание своей роли как глобальных граждан, способных активно участвовать в решении мировых проблем, которым и является терроризм. Они становятся более осведомленными о глобальных проблемах (миграции, бедности, изменение климата), что позволит им понять и решить эти вызовы.

Вербовке в террористические организации нужно противодействовать не только с решительностью, но и также и со знанием дела. Адаптируя эти практики под российскую действительность, мы на один шаг продвинемся к успеху в борьбе с терроризмом.

7 Хроника заседания Государственной Думы 21 февраля 2024 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2024-02-21>.

БИРЮКОВА Эвелина Робертовна

старший преподаватель, Владимирский юридический институт ФСИН России

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ): ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В статье автор рассматривает вопросы, связанные с кадровым составом государственной службы (на примере уголовно-исполнительной системы). Делает акцент на том, что одним из условий эффективного функционирования государственной службы выступает качественно отобранный кадровый состав. Кадровые подразделения уголовно-исполнительной системы отвечают за вопросы организации аттестации государственных служащих и профессионального развития, профессиональной переподготовки и повышении квалификации сотрудников, а также несут ответственность за правильно подобранный качественный кадровый состав. От правильного определения компетентного сотрудника для выполнения конкретных функций будет зависеть эффективность и результативность его деятельности.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, кадровый состав, кадровые технологии, образование, отбор, сотрудник, уголовно-исполнительная система, эффективность.

BIRYUKOVA Evelina Robertovna

senior lecturer, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

THE PERSONNEL OF THE CIVIL SERVICE AS A CONDITION FOR ITS EFFECTIVE FUNCTIONING (ON THE EXAMPLE OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM): QUESTIONS OF THEORY

In the article, the author examines issues related to the personnel of the civil service (using the example of the penal enforcement system). He emphasizes that one of the conditions for the effective functioning of the civil service is a qualitatively selected staff. The personnel units of the penal enforcement system are responsible for the organization of certification of civil servants and professional development, professional retraining and advanced training of employees, and are also responsible for properly selected high-quality personnel. The effectiveness and efficiency of its activities will depend on the correct identification of a competent employee to perform specific functions.

Keywords: civil service, civil servant, personnel, personnel technologies, education, selection, employee, penal enforcement system, efficiency.

Бирюкова Э. Р.

Правильно сформированный механизм реализации кадровой политики лежит в основе эффективной работы кадровых подразделений. Кадровые подразделения органов государственной власти осуществляют огромную работу по формированию кадрового состава государственной службы, начиная с поступления на государственную службу и прохождения, заканчивая ее прекращением.

Кадровые подразделения уголовно-исполнительной системы отвечают за вопросы организации аттестации государственных служащих и профессионального развития, профессиональной переподготовки и повышении квалификации сотрудников, а также несут ответственность за правильно подобранный качественный кадровый состав.

По мнению Черепанова В. В. основными направлениями деятельности кадровых подразделений государственных органов являются: «создание и внедрение новой системы поиска и отбора кадров государственной службы; обеспечение устойчивого и непрерывного профессионального развития персонала; формирование и рациональное использование кадрового резерва, а также планирование и реализация служебной карьеры» [2]. Это говорит о значительной роли кадровых служб в процессе формирования кадрового состава и кадрового потенциала государственной службы.

Управленческая деятельность кадровых подразделений уголовно-исполнительной системы должна быть сравнима с аналитическим центром, который во многом сможет определять эффективность использования того или иного звена кадрового состава государственной службы в процессе ре-

шения конкретных поставленных задач. Насколько точно с помощью кадровых технологий будет определено компетентное лицо, обладающее высокой квалификацией, для выполнения конкретных функций будет зависеть эффективность и результативность его деятельности.

Нестеров А. Г. сводит кадровые технологии, применяемые на государственной службе в уголовно-исполнительной системе, к отбору кандидатов на поступление на государственную службу, работе с кадровым резервом, оценке деятельности государственных служащих и их продвижению по карьерной лестнице.

Любые кадровые технологии представляют собой совокупность определенных методов, использование которых направлено на достижение результата и формирование кадрового потенциала. Асланова М. А. указывает на их связь с повышением эффективности работы с кадрами.

По мнению Свириной А. В., без кадровых технологий «невозможно осуществлять современное управление и обеспечивать процессы преобразований, модернизации российского общества» [1]. Кадровые технологии способны дать определенную информацию о способностях и возможностях человека, тем самым обеспечив эффективное функционирование органа государственной власти.

Кадровые технологии – это инструмент кадровой политики, который реализуется с помощью кадровых подразделений органов государственной власти. Кадровая служба любого государственного органа несет ответственность за подбор кадров на службу. Формирование кадрового резерва

и в последующем рациональное его использование является одной из основных задач кадровых подразделений органов государственной власти. Кадровый состав, созданный на основе кадрового резерва, способен обеспечить непрерывное развитие в учреждении и органе уголовно-исполнительной системе.

Кадровый резерв должен быть сформирован таким образом, чтобы его работа давала положительный результат, как для повышения эффективности всей системы государственной службы, так и деятельности отдельного государственного служащего.

На сегодняшний день наиболее приоритетным направлением кадровой политики государства является повышение уровня образования государственных служащих, их профессиональной подготовки, компетентности и качества профессиональной деятельности.

К вопросам образования государственного служащего обращались еще в начале XIX в. В то время, когда вопросы эффективности деятельности государственных служащих стали выходить на первый план. Необходимо было создать такие условия для управления в государстве, при которых в органах государственной власти должны были работать образованные государственные служащие, способные быстро реагировать на изменяющиеся условия труда при этом достигать определенного результата в работе, показывать эффективность своей деятельности.

Уровень образования работников на государственной службе в далеком XIX в. был различен. В большинстве своем на государственную службу поступали лица из непривилегированных сословий, поскольку государственная служба в конце XVIII – начале XIX вв. считалась не престижной. Государственная гражданская служба была в приоритете только после ухода в отставку чиновников с военной службы.

Однако отбор и подбор высококвалифицированных и грамотных специалистов на государственную службу являлись задачей номер один в государстве, что стало основанием для создания единой системы образования. Такой системы, которая смогла бы подстроиться под изменения, происходящие в государстве, и отвечала бы требованиям времени, способствуя повышению эффективности деятельности органов государственной власти.

В 1810 году был разработан проект «Образование Лицея». Основной целью его создания явилось построение такого образовательного учреждения, в котором бы готовили юношей для государственной службы. Постепенное развитие системы образования России оказало положительное влияние на уровень подготовленности государственных служащих, формирование нового образа государственного служащего, более образованного и компетентного.

В 2001 году в своем послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации указывал на то, что современное общество, тенденции развития различных сфер жизни требуют непрерывного обучения, т.е. человек на протяжении всей жизни должен постоянно получать дополнительное образование, проходить переподготовку и стажировку, повышать свой уровень квалификации, развивая и совершенствуя различные характеристики государственного служащего, получая новые компетенции, тем самым обеспечивая себе достойное место работы, быть востребованным на рынке труда.

На сегодняшний день самой распространенной кадровой технологией является конкурсный отбор на государственную службу. Конкурсные процедуры в уголовно-исполнительной системе направлены на создание равных условий для поступления на государственную службу граждан Российской Федерации, а также на качественный отбор высококвалифицированных кадров, который в последующем отразится на результатах работы сотрудников различных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Низкий уровень профессионализма государственных служащих является одной из основных проблем на пути формирования механизма современного государственного управления. Поэтому поступление на государственную службу граждан, обладающих установленными качествами и

соответствующие определенным требованиям, путем проведения конкурса должно решить возникший вопрос.

Еще в Федеральном законе от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» был установлен перечень конкретных квалификационных требований к должностям государственной службы Российской Федерации. Позднее квалификационные требования к должностям государственной службы были установлены Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

В самом первоначальном виде к числу требований при поступлении на службу в уголовно-исполнительную систему относились: уровень профессионального образования, стаж службы или опыт работы по специальности, профессиональные знания и навыки, необходимые для исполнения должностных обязанностей.

В связи с принятием ФЗ «Об образовании» в 2013 году статья была дополнена новым требованием к направлению подготовки государственных служащих.

В 2014 году в связи с принятием Федерального закона от 31.12.2014 № 510-ФЗ были исключены требования к стажу государственной службы иных видов.

На сегодняшний день статья 12 ФЗ № 79-ФЗ представлена в следующем виде: «В число квалификационных требований к должностям гражданской службы входят требования к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или стажу (опыту) работы по специальности, направлению подготовки, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей».

Установлено, что «на службу вправе поступать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующий квалификационным требованиям».

При всем при этом не стоит забывать о специфике служебной деятельности каждого государственного служащего, о тех целях и задачах, которые стоят перед ним. Многие задачи носят отраслевой характер. Соответственно установить единые требования для всех государственных служащих не представляется возможным. Так, к примеру, требования к направлению подготовки государственного служащего должны соответствовать той деятельности, которой он занимается. Деятельность любого сотрудника, проходившего государственную службу, можно охарактеризовать с разных позиций, качественных характеристик. Один и тот же вид деятельности различными сотрудниками может выполняться по-разному, с различной степенью эффективности. Большое количество факторов оказывают на это влияние. Однако, на первое место все-таки выходят те личностные и профессиональные качества, которыми должен обладать гражданин, поступающий на государственную службу в уголовно-исполнительную систему.

Проводя отбор кандидатов на службу, главное увидеть, выделить эти качества и характеристики личности, а далее только улучшать качество и совершенствовать их профессиональный уровень.

Подводя итог, отметим, что важной составляющей в повышении эффективности деятельности государственных служащих является выявление всех детерминант, влияющих на получение результата деятельности. Ведь не только правильно и качественно проведенный отбор кандидатов на службу будет способствовать эффективной деятельности всего государственного органа, но и возможности сотрудника выстраивать отношения в коллективе, его психологические и физиологические качества, мотивация и компетентность.

Пристатейный библиографический список

1. Свирина А. В. Кадровые технологии в управлении персоналом государственной службы // Власть. - 2011. - № 7. - С. 122-125.
2. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики. - М., 2006. - 166 с.

БУТЕНКО Анна Константиновна

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Барнаулский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования специальных административно-правовых режимов. Сложности правового регулирования специальных административно-правовых режимов, отмечаемые автором, во многом связаны с отсутствием единого легально закреплённого определения, размытостью границ специальных административно-правовых режимов, их комплексностью. Отмечено положительное влияние теоретической разработки проблемы для решения практических задач, связанных с правовым регулированием выше упомянутых режимов. В статье предложены эффективные способы совершенствования механизмов правового регулирования особых административно-правовых режимов.

Ключевые слова: особые административно-правовые режимы, правовое регулирование, органы государственного управления, общественная безопасность, субъекты права, режим, ограничения, чрезвычайные обстоятельства, административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, «ситуационное законодательство», комплексный подход.

BUTENKO Anna Konstantinovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES

The article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of special administrative and legal regimes. The difficulties of legal regulation of special administrative and legal regimes, noted by the author, are largely due to the lack of a single legally fixed definition, the blurring of the boundaries of special administrative and legal regimes, and their complexity. The positive influence of the theoretical development of the problem for solving practical tasks is noted, related to the legal regulation of the above-mentioned regimes. The article suggests effective ways to improve the mechanisms of legal regulation of special administrative and legal regimes.

Keywords: special administrative and legal regimes, legal regulation, public administration bodies, public safety, subjects of law, regime, restrictions, extraordinary circumstances, administrative and legal norms, administrative and legal relations, "situational legislation", an integrated approach.

Под специальным административно-правовым режимом понимается форма государственного управления, допускающая ограничения правосубъектности физических и юридических лиц, вводимая в качестве временной меры, обеспечиваемой средствами административно-правового характера, и направленная на обеспечение безопасности личности, общества и государства в определенных ситуациях [2].

Многие правовые режимы законодатель определяет как комплексные. Для этого, безусловно, есть достаточно оснований. Во-первых, в конструировании режимов участвуют нормы различных отраслей права - конституционных, административных, международных, муниципальных, а во-вторых, данные режимы касаются разных субъектов.

Что же касается понятия «административно-правовое регулирование», то оно в целом отражает специфику процессов и явлений в сфере государственного управления и включают в себя следующие элементы: административно-правовые нормы, их применение субъектами права, а также административно-правовые отношения, которые создаются в результате применения норм административного права [3].

Изучение нормативно-правовой базы показывает, что регламентация административно-правовых режимов еще не отлажена должным образом. Одной из основных проблем в правовой регламентации специальных правовых режимов является отсутствие закрепления определения специальных административно-правовых режимов в законодательстве,

Бутенко А. К.

что приводит к неоднозначности в их трактовке и применении.

В настоящее время отсутствует единый подход к определению понятия специального административного правового режима, а также нет единого мнения по поводу того, какие же режимы могут быть к ним отнесены.

В научных трудах можно увидеть различные авторские подходы к определению данного понятия, причем некоторые из понятий отождествляются и подменяются между собой. Например, понятия «режим» и «процедура», в определении таможенный режим. Также часто применяется более общий термин «режим», вместо административно-правового режима или вместо специального административно-правового режима, тем самым не отражая отраслевую принадлежность и деятельность органов исполнительной власти. Так, в административном законодательстве при обозначении некоторых административных режимов используется термин «режим», без прилагательного «административно-правовой», например, «режим контртеррористической операции», «режим закрытого административно-территориального образования» и т.д.

В целом, в научном аспекте проблематика специальных административно-правовых режимов долгое время изучалась фрагментарно, в большей степени применительно к определенному режиму. Внимание исследователей, преимущественно, было акцентировано на режимах военного

и чрезвычайного положения, но позже увеличилось количество исследований, посвященных режимам в конкретных отраслях государственного управления, что, безусловно, сыграло положительную роль и в применении практических мер правового регулирования.

Еще одной серьезной проблемой является недостаточная регламентация элементов специальных административно-правовых режимов. В нормативных актах часто не конкретизируются элементы конкретного режима, не прописаны специальные полномочия органов государственной власти, отвечающих за его реализацию. Возникают сложности с законодательной базой, которая регламентирует какой-либо из режимов. В ряде случаев для административно-правовых режимов нужны как общие регулирующие акты, так и специальные, а в ряде случаев отсутствует четкая система нормативно-правовых актов, регулирующих конкретный режим.

В структуру входят следующие элементы: носитель режима, режимные правила, режимные правовые средства, правовые статусы субъектов режимного регулирования, организационно-юридические гарантии.

Здесь особый интерес представляет носитель режима, который может быть представлен в виде: определенных территорий – режим закрытого административно-территориального образования, режим исключительной экономической зоны; организаций – режим военного объекта, исправительно-трудового учреждения; правовых образований и институтов – режим законодательства, режим отрасли; административной деятельности – режим секретности, таможенные режимы. При этом возможность являться носителем какого-либо режима подлежит объективному выявлению, поскольку его призвание содействовать раскрытию социального предназначения объекта.

В содержание административных правовых режимов включается существенный комплекс средств и специальных мер, обеспечивающих функционирование установленных режимов.

Кроме того, правовое регулирование различных ограничений не в полной мере эффективно. Правовое регулирование ограничений часто осуществляется без учета объектов воздействия, что приводит к произволу и нарушениям законности. Тем не менее, юридические, организационные и иные средства обеспечения того или иного государственного состояния, устанавливающие особый порядок деятельности в тех или иных сферах, в целом обеспечивают интересы безопасности государства, его граждан и организаций.

Специальные административно-правовые режимы представляют собой своего рода открытое множество. Их число постоянно растет одновременно в двух направлениях: первое связано с формированием новых административно-правовых режимов, второе – с конкретизацией их содержания в более частных и новых аспектах, связанных с функционированием конкретных систем государственного управления или реализацией конкретных функций государственного управления. Такие неопределенные границы специальных административно-правовых режимом создают сложность в вопросе отнесения отдельных режимов к специальным административно-правовым режимам, так как перечень специальных административно-правовых режимов не является закрытым. Число специальных административно-правовых режимов постоянно растет, что требует комплексного подхода к их правовому регулированию.

Сложности создают и отдельные корректировки вносимые законодателем в связи с возникающими чрезвычайными обстоятельствами и действующими тоже только в этих чрезвычайных условиях [1].

Еще одной серьезной проблемой в правовом регулировании специальных административных режимов является несоответствие санкций степени общественной опасности.

В целях совершенствования правового регулирования специальных административно-правовых режимов считаем целесообразным проведение следующих мероприятий:

Разработка и закрепление единого определения специальных административно-правовых режимов. Необходимо законодательно закрепить четкое определение специального административно-правового режима, которое будет использоваться во всех нормативных актах.

Уточнение элементов и полномочий. В законодательных актах следует конкретизировать элементы каждого режима, а также определить специальные полномочия органов государственной власти, отвечающих за его реализацию.

Создание комплексной системы нормативно-правовых актов. Необходимо разработать систему нормативно-правовых актов, регулирующих как общие вопросы специальных административно-правовых режимов, так и специфические аспекты конкретных режимов.

Разработка критериев отнесения режима к специальным административно-правовым режимам. Необходимо разработать четкие критерии, позволяющие определить, относится ли режим к специальным административно-правовым режимам или нет.

Разработка принципов «ситуационного законодательства». Необходимо разработать четкие принципы и механизмы применения «ситуационного законодательства», чтобы избежать превышения полномочий должностных лиц наделенных соответствующими полномочиями на территории, где действуют специальные административно-правовые режимы, обеспечить соблюдение прав и свобод граждан.

Повышение эффективности правового регулирования. Необходимо обеспечить учет объектов воздействия при разработке и реализации ограничений, а также повысить эффективность правоохранительной деятельности.

Установления соответствия санкции степени общественной опасности. Необходимо пересмотреть санкции за нарушение специальных административно-правовых режимов, чтобы они соответствовали реальной степени общественной опасности.

Разработка комплексного подхода к правовому регулированию специальных административно-правовых режимов, учитывающего их постоянное расширение и изменения.

Пристатейный библиографический список

1. Агабалаев М. И. Административно-правовой режим обеспечения общественной безопасности РФ: монография. – Москва: РТА, 2012. – 190 с. – ISBN 978-5-9590-0344-9. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/74118>.
2. Бубнов С. В., Растяпин Ю. В. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению специальных административно-правовых режимов // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 36-39.
3. Коротких А. Г. Административно-правовое регулирование обеспечения общественной безопасности: понятие и особенности // Вестник Воронежского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 275-290.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О ВИДАХ И ХАРАКТЕРЕ СВЯЗЕЙ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Статья посвящена научному исследованию видов, а также специфике взаимосвязей между правовыми нормами административно-деликтного законодательства. Автор раскрывает особенности внутриотраслевых и межотраслевых связей административных деликтных норм, а именно иерархической, координационной, субординационной. В исследовании затрагиваются связи между установочными и коллизионными нормами с одной стороны и с нормами конкретной регламентации с другой, обнаруживается факт отсутствия в законодательстве об административных правонарушениях административной деликтной нормы, которая бы устанавливала главенство между общей и специальной нормой.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, иерархические, координационные, субординационные связи, установочные, коллизионные нормы, нормы конкретного содержания.

Дибиров Ю. С.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

ON THE QUESTION OF THE TYPES AND NATURE OF RELATIONS BETWEEN THE NORMS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

The article is devoted to the scientific study of the types, as well as the specifics of the relationships between the legal norms of administrative and tort legislation. The author reveals the features of intra-industry and inter-industry relations of administrative tort norms, namely hierarchical, coordination, subordination. The study touches on the links between the regulatory and conflict of laws norms on the one hand and with the norms of specific regulation on the other, reveals the fact that there is no administrative tort norm in the legislation on administrative offenses, which would establish the primacy between the general and special norm.

Keywords: administrative and tort legislation, hierarchical, coordination, subordination relations, regulatory, conflict of laws norms, norms of specific content.

Анализ научных публикаций [1], [2], [3], [4], посвященных данной тематике исследования, позволяет сделать вывод о том, что в числе наиболее важных причин возникновения недостатков законодательства об административных правонарушениях, является несогласованность образующих его норм.

На дефекты, имеющиеся в административно-деликтном законодательстве указывает и Конституционный Суд, выявляя нарушения связей между его нормами, обращая фокус внимания на необходимость интерпретации правовых норм с учетом системных взаимосвязей¹.

Согласованность норм достигается через их взаимосвязи и захватывает цели, предмет и объем правового регулирования. Согласованность административных деликтных норм является объективным признаком законодательства об административных правонарушениях, придающим ему системность.

Важное значение для анализа видов связей между нормами, образующими систему административно-деликтного законодательства имеют цели, а также фактическое состояние общественных отношений, на которые оказывается воздействие – предмет регулирования. Следует выявить вид связи, возникающий между правовыми нормами в рамках

системы административно-деликтного законодательства, взяв во внимание внутреннюю гармоничность его нормативного содержания.

Административно-деликтное законодательство представляет собой подсистему российского законодательства и, соответственно, нормы первого тесно связаны с нормами последнего. Таким образом, взаимосвязь норм права, образующих законодательство об административных правонарушениях, с правовыми нормами других отраслей права, можно определить, как межотраслевую или межсистемную.

Внутриотраслевая или межотраслевая связь административных деликтных норм может быть иерархической в силу того, что одна норма располагается на относительно более высоком по отношению к нижнему уровню источнике права и в силу этого довлеет над другой нормой, что выступает предопределением содержания правовой нормы.

Также связи между административными деликтными нормами могут быть субординационными, то есть приоритетность одних норм определяется по их регулирующей значимости. Деликтные нормы административного права могут образовывать и координационные связи в том случае, когда правовые нормы располагаются иерархически одинаково, а также обладая равной приоритетностью согласуются содержательно, дополняют друг друга и взаимодействуют между собой при упорядочении отношений.

Описывая внутриотраслевые виды нормативной связанности, нужно отметить то, что субординационная связь исходит из того, что одна норма доминирует над иной нормой, несмотря на включение их в одноуровневые нормативно-правовые акты, но ввиду выполнения ими разных функций, отличаясь внутренними свойствами правовых предписаний, то есть характером. Установочные нормы обладают прима-

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.2020 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23062020-n-28-p-po/> (дата обращения: 01.11.2024).

том по отношению к конкретно регламентирующим нормам – запрещающим, обязывающим и позволяющим, так как они решают более широкий круг задач административно-деликтного законодательства, и гораздо более обобщают правую материал.

Само законодательство об административных правонарушениях представляет собой динамически изменяющуюся отрасль. На наш взгляд, правильно, если процесс изменения законодательства будет затрагивать в первую очередь особенную часть, максимально обходя фундаментальные основы установления административного деликтного законодательства, прописанные в общей части.

Субординационная взаимосвязь заключается в том, что нормы конкретной регламентации, содержащиеся в Особенной части КоАП РФ, не обладают ни приоритетом, на даже равенством по отношению к органам установочной регламентации, которые содержатся в Общей части КоАП РФ. Таким образом, изменение норм Особенной части КоАП РФ не должно приводить к изменениям Общей части КоАП РФ как бы часто не менялись первые.

Организирующие нормы определяют саму концепцию административного деликтного законодательства и субординационно связаны с нормами конкретной регламентации. Так, например, статья 1.1 КоАП РФ максимально сужает круг источников законодательства об административных правонарушениях до самого КоАП РФ и принимаемых согласно ему «законов субъектов РФ об административных правонарушениях».

Нормы-принципы односторонне воздействуют на нормы конкретной регламентации, так как устанавливают основу, от которой отталкиваются законодатель при последующем нормотворчестве, а также субъекты административной юрисдикции.

В содержащемся в статье 1.5 КоАП РФ принципе вины и презумпции невиновности выводится на первый план установление виновности в совершении деяния нарушающего право. Также важным условием является и то, что вину необходимо доказать в предусмотренном законодательством порядке.

Эта норма-принцип взаимосвязана с совокупностью процессуальных норм, которые упорядочивают порядок административного расследования и доказывания согласно статьям 26.1, а также 26.2 – 26.11 КоАП РФ. Это также означает, что норма-принцип не только связана, но и представляет собой одно из фундаментальных оснований существования этих процессуальных норм. Так, в частности процессуальные нормы «подчиняются» принципу и имеют своим назначением реализацию его правового содержания. В этом случае субординационные взаимосвязи проявляются в следующем: во-первых, одни нормы имеют приоритет и подчиняют себе другие нормы; во-вторых, обеспечивается реализация содержания подчиняющей нормы подчиненными.

Нормы-дефиниции представляют собой правовой инструмент, с помощью которого определяются юридические термины, которые, в свою очередь, используются в правовых нормах конкретной регламентации. Так, большое количество норм Особенной части КоАП РФ содержит регламентацию административной ответственности должностных лиц, например, в статье 5.59 КоАП РФ, а сам термин «должностное лицо» при этом раскрывается в примечании к статье 2.4 КоАП РФ.

Связь субординационного характера (связь управления) обнаруживается между коллизионными нормами и нормами конкретной регламентации в виде приоритета, который расставляется коллизионными нормами в отношении коллидирующих норм. Коллизионные нормы играют связующую роль в разрешении конфликта при применении коллидирующих норм. Действие коллизионных норм происходит только в связи с коллидирующими, так как они обращены к правоприменителю и самостоятельно не регулируют общественные отношения, лишь связывая конфликтующие нормы, в итоге выявляя ту, которая должна быть применена.

Таким образом, предписания норм конкретной регламентации не должны переходить границы, которые прово-

дятся установочными нормами, но в полной мере соответствовать тем положениям, которые содержатся в последних.

В ходе сложившейся практики законодателем формулируются специальные нормы и включаются в состав административного деликтного законодательства в целях усиления мер ответственности за совершение административных правонарушений.

В этой связи является особенно важным мнение Конституционного Суда РФ касательно вопроса приоритета в соотношении специальных и общих норм. Оно гласит: «Приоритетом над общими нормами обладают специальные нормы»².

Сложности в этом вопросе добавляет и факт отсутствия административной деликтной нормы, определяющей главенство между специальной и общей нормами. Это приводит к тому, что правоприменительные органы издают документы, в которых фактически разъясняется взаимосвязь между общими и специальными нормами, а также нюансы юрисдикционной деятельности³.

Выводы.

1. К видам норм законодательства России об административных правонарушениях можно отнести: организующие, установочные, нормы конкретной регламентации, организующие, нормы-принципы, нормы-дефиниции, общие и специальные, коллизионные.

2. К видам связей внутриотраслевых и межотраслевых административных деликтных норм относятся: иерархическая, координационная, субординационная.

3. Субординационные связи хорошо просматриваются между материальными и процессуальными правовыми нормами, из-за того, что содержание материальных норм преимущественно обуславливает содержание процессуальных.

4. Нам представляется правильным включение в КоАП РФ нормы, закрепляющей приоритет специальной нормы по отношению к общей по аналогии с регламентацией в части третьей статьи семнадцатой УК РФ. Это урегулирование позволит преодолеть совершение возможных ошибок в юрисдикционной деятельности при квалификации правонарушений.

Пристатейный библиографический список

- Алексеев С. Н. Коллизии в реализации согласительных процедур законодательства об административных правонарушениях // Юридическая техника. - 2017. - № 11. - С. 372-373.
- Каргин К. В. Избыточность и дефектность примечаний в статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Журнал российского права. - 2019. - № 2. - С. 106-116.
- Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Коллизии субинститута административной ответственности собственников транспортных средств // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 6. - С. 247-252.
- Макарейко Н. В. Коллизии института административной ответственности // Юридическая техника. - 2017. - № 11. - С. 492-497.
- Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кушнарева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 40.1 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-05102000-n-199-o-ob/> (дата обращения: 02.11.2024).
- Письмо Роспотребнадзора от 21.04.2009 г. № 01/5288-9-32 «О направлении Справки о практике применения норм КоАП должностными лицами органов Роспотребнадзора» // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/pismo-rosпотребнадзора-ot21042009-n-015288-9-32-o/> (дата обращения: 01.11.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-124-125

ДОРОСИНСКАЯ Анна Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь

ИВАНОВА Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА ПЕРЕВОДЧИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Участие иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, к которым и относится переводчик, несомненно оказывает влияние на законность, своевременность, качество и соблюдение разумных сроков исполнительного производства. Четкая законодательная регламентация статуса рассматриваемого субъекта исполнительного производства необходима в связи с огромным количеством обжалований исполнительных действий и мер принудительного исполнения в связи с неправомерностью их производства. Устранение пробелов в действующем законодательстве, позволило бы обеспечить защиту прав и свобод участников исполнительного производства, как со стороны взыскателя и должника, так и со стороны лиц, исполняющих требования, содержащиеся в исполнительном документе.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, переводчик, права, обязанности, ответственность, исполнительные действия, меры принудительного исполнения.

DOROSINSKAYA Anna Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, Russian State University of Justice, Simferopol

IVANOVA Olga Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, Russian State University of Justice, Simferopol

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ESTABLISHING THE STATUS OF A TRANSLATOR IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

The participation of other persons assisting in the execution of the requirements contained in the writ of execution, which includes the translator, undoubtedly affects the legality, timeliness, quality and compliance with reasonable time limits of enforcement proceedings. Clear legislative regulation of the status of the subjects of enforcement proceedings in question is necessary due to the huge number of appeals against enforcement actions and measures of compulsory execution due to the illegality of their production. Elimination of gaps in the current legislation would ensure the protection of the rights and freedoms of the participants in enforcement proceedings, both on the part of the claimant and the debtor, and on the part of the persons fulfilling the requirements contained in the writ of execution.

Keywords: enforcement proceedings, bailiff, translator, rights, duties, responsibility, enforcement actions, enforcement measures.

Участие переводчика в исполнительном производстве является незаменимым элементом, обеспечивающим соблюдение языковых и культурных нюансов в процессе взаимодействия между сторонами, говорящими на разных языках. Исполнительное производство всегда связано с юридическими процедурами, где точность и ясность информации имеют первостепенное значение. Переводчик, обладая не только языковыми навыками, но и знанием специфики правовых терминов, способствует правильному восприятию необходимых данных всеми участниками процесса. Его участие является одним из ключевых элементов обеспечения справедливого и эффективного процесса. Оно особенно актуально в случаях, когда участники производства не владеют языком, на котором ведется процесс. Благодаря действиям переводчика обеспечивается возможность для участников процесса понимать информацию, которая предоставляется в рамках производства исполнительных действий, применения мер принудительного исполнения, в письменных документах и других материалах.

Участие переводчика в исполнительном производстве играет решающую роль в обеспечении справедливого и эффективного процесса. Квалификация и независимость переводчика являются основополагающими факторами для обеспечения точности и объективности перевода, что гарантирует возможность для участников процесса защищать свои права и интересы. Точный перевод документов и устных высказываний помогает исключить ошибки и недоразумения, которые могут возникнуть из-за непонимания языка.

Важной задачей переводчика является не просто перевод слов, но и передача сути, которая позволяет избежать недоразумений. Кроме того, он может выступать в роли культурного посредника, объясняя контекст, который может быть непонятен одной из сторон. Таким образом, роль переводчика в исполнительном производстве не ограничивается лишь лексическим пересказом; это активное участие в процессе, способствующее реализации правосудия и защите интересов сторон.

Деятельность переводчика включает устный перевод во время совершения исполнительных действий, а также при

Доросинская А. М.

Иванова О. Г.

необходимости письменный перевод различных документов, содержащихся в материалах исполнительного дела. В ст. 58 № 229 - ФЗ «Об исполнительном производстве» предусмотрено участие переводчика при совершении исполнительных действий, в связи с чем возникает вопрос о возможности его участия при применении мер принудительного исполнения. Конечно, считаем необходимым изложить ч. 1 ст. 58 вышеуказанного ФЗ в следующей редакции: «При совершении исполнительных действий и (или) применении мер принудительного исполнения стороны исполнительного производства или судебный пристав-исполнитель могут пригласить переводчика...».

Каждый этап исполнительного производства требует от переводчика глубокой внимательности и ответственности. Например, в процессе подготовки к применению мер принудительного исполнения переводчик должен заранее ознакомиться с соответствующими документами, чтобы гарантировать полное понимание контекста и спецификации юридических терминов. Это позволяет ему давать более точные переводы в критические моменты, что, в свою очередь, способствует более взвешенным и обоснованным решениям судебного пристава-исполнителя. Кроме того, важность работы переводчика не может быть недооценена в стрессовой атмосфере. Эмоции сторон, неуверенность в понимании сути происходящего или защитных доводов могут вызвать серьезные проблемы. Переводчик может помочь смягчить эти напряжения, обеспечивая ясность и стабильность коммуникации между всеми участниками.

Стоит сказать и о том, что в ФЗ «Об исполнительном производстве», кроме права переводчика на вознаграждение за выполненную работу, не предусмотрены другие не менее важные права. А об обязанностях вообще нет ни слова. В связи с чем, мы предлагаем внести изменения в № 229 – ФЗ, закрепив ст. 58-1 «Права и обязанности переводчика», изложив ее в следующей редакции: 1. Переводчик имеет право: задавать присутствующим при осуществлении перевода лицам вопросы для уточнения перевода; знакомиться с актом о совершении исполнительных действий и (или) применении мер принудительного исполнения, в производстве которых он принимал участие, и делать подлежащие занесению в акт замечания относительно полноты и правильности перевода; отказаться от участия в производстве, если он не обладает знаниями, необходимыми для перевода; приносить жалобы на действия судебного пристава-исполнителя; получать возмещение расходов, понесенных им в связи с участием в исполнительном производстве, и вознаграждение за выполненную работу. 2. Переводчик обязан: являться по вызову судебного пристава-исполнителя; выполнять точно и полно порученный ему перевод; удостоверить правильность перевода своей подписью в акте о совершении исполнительных действий и (или) применении мер принудительного исполнения произведенного с его участием, а также документах, вручаемых участникам исполнительного производства в переводе на их родной язык или язык, которым они владеют; не разглашать сведения об обстоятельствах дела или иные данные, ставшие ему известными в связи с привлечением в качестве переводчика; соблюдать порядок при производстве исполнительных действий и (или) применении мер принудительного исполнения.

Сообразно указанным дополнениям, в саму ст. 58 Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» должны быть внесены изменения, а именно, заменить «При совершении исполнительных действий стороны исполнительного производства или судебный пристав-исполнитель могут пригласить переводчика» на «Переводчик – лицо, привлекаемое к участию в исполнительном производстве в случаях, предусмотренных настоящим законом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Решение о назначении переводчика оформляется постановлением судебного пристава-исполнителя».

Исходя из анализа нормы, регламентирующей участие переводчика в исполнительном производстве, в качестве требований, предъявляемым к нему выступают:

- возраст (не младше 18 лет);
- дееспособность;
- знание языка, необходимого для перевода.

Однако, требования, касающиеся незаинтересованности в исходе исполнительного производства, а также ненахождение

в родстве или свойстве, неподчинении и неподконтрольности, мы считаем необходимым также указать. Так как переводчик должен быть независимым от сторон и объективно передавать информацию.

Вопрос, связанный с ответственностью переводчика в случае заведомо неправильного перевода, о чем он предупреждается судебным приставом-исполнителем, является до конца неразрешенным. В соответствии с ч. 5 ст. 58 Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в случае заведомо неправильного перевода переводчик несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, о чем он предупреждается судебным приставом-исполнителем. Вместе с тем, в ст. 307 УК РФ предусмотрена ответственность за заведомо неправильный перевод только в суде и в рамках досудебного производства [1, с. 21-24]. Хотя, в данном случае, ответственность переводчика при осуществлении перевода в исполнительном производстве играет не менее важное значение, чем при переводе в суде и на досудебном производстве. Он должен нести ответственность за точность перевода, так как его неправильные действия могут привести к ошибочным решениям участников исполнительного производства.

В настоящее время переводчик несёт ответственность лишь по ст. 17.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, согласно которой заведомо неправильный перевод при производстве по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пяти сот рублей. Размер штрафа за указанное правонарушение не менялся с 2007 года и явно не соответствует тяжести правонарушения.

В современных условиях, когда международные отношения становятся все более сложными и многообразными, роль переводчика в исполнительном производстве приобретает еще большее значение. Участие переводчика становится важным компонентом в делах, где законодательные и культурные различия могут существенно влиять на ход исполнительного производства. Таким образом, наличие квалифицированного переводчика не просто желательно, а необходимо для обеспечения справедливости и законности в исполнительном производстве.

Таким образом, необходимо отметить, что закрепление правового статуса переводчика в исполнительном производстве является важным и значимым, позволит соблюсти разумные сроки, значительно упростит порядок производства исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения с лицами, не владеющими языком производства. Также стоит отметить, что исходя из правоприменительной практики применения данного института, стало очевидно, что существует ряд недостатков, которые оказывают негативное влияние на все исполнительное производство в целом. Переводчик действует как последовательный связующий элемент между участниками производства, предоставляя возможность для справедливого разрешения споров и выполнения обязательств. Его участие способствует формированию правовой среды, в которой соблюдаются права каждого участника процесса.

В заключение, следует подчеркнуть, что интеграция прав переводчика и его обязанностей в законодательство будет способствовать не только улучшению качества переводческих услуг, но и повышению общего уровня правосознания и правовой защиты участников исполнительного производства. Обеспечение правовой и языковой базы для переводчиков – важный шаг к укреплению правосудия и справедливости в многоязычном обществе.

Пристатейный библиографический список:

1. Щербинина И. В., Александрова Е. М. Правовая регламентация деятельности судебного переводчика // Администратор суда. - 2021. - № 2. - С. 21-24.
2. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229 ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2023. - 816 с.

ЗВЯГИНА Алёна Владиславовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России

АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ЗАГОТОВКЕ ДРЕВЕСИНЫ

В статье на основе анализа протоколов об административной ответственности рассмотрены основные нарушения лесного законодательства Российской Федерации, допущенные при заготовке древесины (на примере лесозаготовительной деятельности, осуществляемой учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации). Приведены объемы заготовки древесины и реализации лесопродукции соответствующими учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Определено общее количество административных правонарушений лесного законодательства Российской Федерации при заготовке древесины. Проанализированы меры административной ответственности за соответствующие правонарушения. Предложена типизация нарушений установленных требований лесного законодательства Российской Федерации при заготовке древесины.

Ключевые слова: административные правонарушения, лесозаготовительная деятельность, лесное законодательство Российской Федерации, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

ZVYAGINA Alena Vladislavovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ANALYSIS OF ADMINISTRATIVE VIOLATIONS OF THE FOREST LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE HARVESTING OF WOOD

Based on the analysis of protocols on administrative responsibility, the article examines the main violations of the forestry legislation of the Russian Federation committed during timber harvesting (using the example of logging activities carried out by institutions of the penal system of the Russian Federation). The volumes of timber harvesting and sales of forest products by the relevant institutions of the penal system of the Russian Federation are given. The total number of violations of forestry legislation of the Russian Federation during timber harvesting was determined. The measures of administrative liability for relevant offenses are analyzed. A typology of violations of the established requirements of the forestry legislation of the Russian Federation during timber harvesting is proposed.

Keywords: administrative offenses, logging activities, forest legislation of the Russian Federation, penal system of the Russian Federation.

С развитием лесопромышленной и лесохозяйственной отраслей, увеличиваются экологические и экономические потери в сфере лесопользования, обусловленные, с одной стороны, гибелью лесов в результате пожаров или иных природных факторов, с другой стороны, осуществлением на территории страны незаконной рубкой леса. Кроме того, хозяйствующие субъекты могут осуществлять недостаточно эффективную деятельность в лесной сфере, в том числе при заготовке древесины, что в свою очередь, актуализирует проблематику эффективного использования лесов в стране.

Учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) осуществляют лесозаготовительную деятельность на основании права постоянного (бессрочного) пользования или аренды лесных участков. Основу лесопромышленного комплекса УИС составляют исправительные учреждения 16-ти субъектов Российской Федерации (территориальных органов ФСИН России) [3, с. 16]. Общие объемы лесозаготовки древесины по итогам 2021 года составили около 1,846 млн кубометров древесины (АППГ – 1,466 млн куб. м), из которых более 75 % приходится на исправительные учреждения УИС Красноярского края и Архангельской области [4, с. 60]. Сравнение объемов заготовки древесины и реализации лесопродукции исправительными учреждениями, входящими в состав лесопромышленного комплекса УИС, в соответствии с региональным разделением, отобрано в таблице 1.

Объемы реализации продукции переработки древесины в УИС также существенны. По итогам 2021 года реализовано лесопродукции на сумму порядка 4 млрд руб. (АППГ – 2,84 млрд руб.) [4, с. 61].

Необходимо отметить, что при осуществлении лесозаготовительной деятельности нередко возникают случаи нарушения установленных требований лесного законодательства Российской Федерации. С целью анализа и последующей типизации установленных административных правонарушений лесного законодательства Российской Федерации, выявленных при осуществлении исправительными учреждениями УИС заготовки древесины, проведено соответствующее исследование. Проанализированы административные правонарушения, выявленные в 11-ти территориальных органах ФСИН России: по Камчатскому, Красноярскому и Пермскому краям, Республике Коми, Архангельской, Иркутской, Кировской, Нижегородской, Магаданской, Свердловской и Челябинской областям. Исследуемый период: 2017-2021 гг.

За исследуемый период составлено 353 протокола об административных правонарушениях за нарушения лесного законодательства Российской Федерации при заготовке древесины на общую сумму штрафов порядка 25 млн рублей. Наибольшее количество административных правонарушений приходится на 2018 год – 30 % от общего количества протоколов, составленных на основании нарушений лесного законодательства исправительными учреждениями УИС, осуществляющих лесозаготовительную деятельность. Наименьшее количество административных правонарушений в исследуемой сфере выявлено в 2017 и 2021 годы – 15,4 %. Наибольшая сумма штрафов за исследуемый период наложена на исправительные учреждения УИС в 2019 году – 47,3 % от общей суммы штрафов. Наименьшая сумма штрафов наложена в 2020 году – 6,2 % от общей суммы штрафов. Лидирующие позиции по количеству нарушений лесного законодательства, по результатам которых виновные лица были

Таблица 1. Сравнение объемов заготовки древесины и реализации лесопродукции учреждениями УИС соответствующих субъектов Российской Федерации, 2021 г.

№ п/п	Регион	Объем заготовки древесины, %	Объем реализации лесопродукции, %
1.	Красноярский край	60	59
2.	Архангельская область	16	13
3.	Кировская область	8	10
4.	Пермский край	4	5
5.	Иркутская область	3	5
6.	Иные субъекты РФ	9	8
Итого:		100	100

* Составлено на основании данных [4]

привлечены к административной ответственности, приходятся на исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России по Красноярскому краю и Кировской области –37,7 % и 30,9 % от общего количества протоколов об административных правонарушениях за исследуемый период.

Количество протоколов об административных правонарушениях, составляющих менее 10 % от общего количества протоколов, приходятся на исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России по Камчатскому краю, Свердловской, Иркутской, Магаданской, Нижегородской областям, Республике Коми. Однако наибольшая общая сумма штрафов за исследуемый период приходится на исправительные учреждения ГУФСИН России по Свердловской области – 32,6 % от общего количества штрафов.

Наиболее распространенные административные правонарушения лесного законодательства Российской Федерации, допущенные исправительными учреждениями УИС при заготовке древесины, выражены в статьях КоАП РФ: 8.25 «Нарушение правил использования лесов» – 52 % от общего количества правонарушений; 8.32 «Нарушение правил пожарной безопасности в лесах» – 30 %; 8.31 «Нарушение правил санитарной безопасности в лесах» – 6 %; 8.27 «Нарушение требований лесного законодательства по воспроизводству лесов и лесоразведению» – 4 %. Наибольшая сумма штрафов за административно-правовые нарушения наложена на учреждения УИС по статье 8.25 КоАП РФ – 64 % от общей суммы штрафов за исследуемый период.

По статье 8.25 КоАП РФ типичными нарушениями установленных требований лесного законодательства Российской Федерации явились нарушения п. 12 «в», «г», «е», «з», «и», «к» Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации, утвержденных Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 13.09.2016 № 474, действовавшие на момент совершения административных правонарушений; п. 12 «з» Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации утвержденных Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 01.12.2020 № 993; п. 2 Приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27.06.2016 № 367 «Об утверждении видов лесосечных работ, порядка и последовательности их проведения формы технологической карты лесосечных работ, формы акта осмотра лесосеки и порядка осмотра лесосеки», действовавшего на момент совершения административных правонарушений.

По статье 8.27 КоАП РФ типичными нарушениями установленных требований лесного законодательства Российской Федерации явились нарушения п. 18 Правил ухода за лесами, утвержденных Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 22.11.2017 № 626, действовавшие на момент совершения правонарушений; п. 3 Правил ухода за лесами, утвержденных Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 30.07.2020 № 534.

По статье 8.31 КоАП РФ типичными нарушениями установленных требований лесного законодательства Российской Федерации явились нарушения п. 14, 15 Правил санитарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 20.05.2017 № 607, действовавшие на момент

совершения правонарушения; п. 21 Правил санитарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 09.12.2020 № 2047.

По статье 8.32 КоАП РФ типичными нарушениями явились нарушения п. 5, 16, 17 «а», «б» Правил пожарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 30.06.2007 № 417, действовавшие на момент совершения правонарушения; п. 5, 27 «а», «б», 29 Правил санитарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 09.12.2020 № 2047.

Менее распространенные к нарушению статьи КоАП РФ: 8.28 «Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан»; 8.28.1 «Нарушение требований лесного законодательства об учете древесины и сделок с ней»; 19.7 «Непредставление сведений (информации)»; 19.5 «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (должностного лица), органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль».

Таким образом, статьи 8.25, 8.27, 8.31, 8.32 КоАП РФ являются наиболее распространенными при определении составов административных правонарушений, налагаемых в отношении учреждений лесопромышленного комплекса УИС при заготовке древесины. Выявленная типизация административных правонарушений при заготовке древесины позволит учреждениям УИС сократить количество нарушений установленных требований лесного законодательства Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Мутовин С. И., Пыжев А. И. Экономическая эффективность лесохозяйственной деятельности учреждений пенитенциарной системы России // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2021. - Т. 14. № 12. - С. 1933-1938.
2. Павлова Л. В. Правовые аспекты лесопользования учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. - 2015. - № 3 (90). - С. 25-31.
3. Тогуцаков В. В. Лесопромышленный комплекс УИС: реальность и перспективы // Преступление и наказание. - 2020. - № 7. - С. 16-19.
4. Тогуцаков В. В. Лесозаготовка и лесовосстановление, выполняемые исправительными учреждениями лесопромышленного комплекса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2022. - № 10 (245). - С. 58-64.
5. Тогуцаков В. В. Проведение учреждениями, осуществляющими рубку лесных насаждений, лесовосстановительных работ в рамках требований статьи 62 Лесного кодекса Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - № 9 (232). - С. 75-78.

ЗЫРЯНОВ Игорь Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

БИЛОКОНЬ Виктор Петрович

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КОРЕНЮГИН Виталий Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

В статье авторами рассмотрена правовая основа индивидуальной профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции. Индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции является одной из форм профилактического воздействия, однако особенности её правоприменения, практические и правовые пробелы существенно снижают качество. Проведен анализ особенностей осуществления индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции и предложены основные направления по совершенствованию данного направления деятельности.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, профилактическая беседа, правовая пропаганда, совершенствование правовой основы, административный участок, индивидуальная профилактическая деятельность.

ZYRYANOV Igor Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, colonel of police

BILOKON Viktor Petrovich

senior lecturer of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, lieutenant colonel of police

KORENYUGIN Vitaliy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF INDIVIDUAL PREVENTIVE ACTIVITY OF DISTRICT POLICE OFFICERS

In the article, the authors consider the legal basis of individual preventive activities of district police officers. Individual preventive work of the UUP is one of the forms of preventive impact, however, the peculiarities of its law enforcement, practical and legal gaps significantly reduce the quality. The analysis of the peculiarities of the implementation of individual preventive work of the district police commissioner is carried out and the main directions for improving individual preventive management are proposed.

Keywords: local police commissioner, preventive conversation, legal propaganda, improvement of the legal framework, administrative area, individual preventive activities.

Несмотря на столь явно выраженную потребность эффективной индивидуальной профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции, её социальное и национальное значение, правоприменительный механизм далек от идеала. Имеются так же организационные вопросы, препятствующие достижению поставленных целей.

Проведение превентивных мероприятий участковыми уполномоченными полиции в отношении отдельных категорий граждан не образует за собой уникальных правоотношений, участники которого претерпевают изменения в правовом статусе, иными словами не порождаются новые права и обязанности. Федеративные и ведомственные нормы обязывают сотрудника полиции осуществлять контроль за подучетными гражданами, при том отсутствует детализация, каким именно способом он должен быть приведен в реальность. Профилактические беседы, правовая пропаганда и прочие формы превентивного воздействия имеют уникальную правовую природу и могут быть применены обособленно. Кроме того, профилактируемое лицо не несет

каких-либо обязанностей, в отличие от административного надзора, например. Так, п. 7 ч. 1 ст. 11 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ предписывает, что поднадзорный обязан «допускать сотрудников органов внутренних дел в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства либо пребывания, в определенное время суток, в течение которого этому лицу запрещено пребывание вне указанного помещения». В части проведения индивидуальной профилактической деятельности, подобных предписаний не имеется, что наделяет лиц законным правом избегать мер превентивного воздействия: не являться к сотрудникам полиции, не давать объяснения, избегать профилактических бесед и т.д. При том, подобные факты уклонения не могут стать основанием для продления профилактического надзора, что является коллизией.

Решением данного вопроса станет введение в ст. 23 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ

нормы, детализирующей права и обязанности субъектов профилактического надзора. В развитие данного положения, в Приказ МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» от 29.03.2019 № 205 внести новации, которые позволяют продлевать проведение индивидуальную профилактическую работу при выявлении фактов уклонения граждан, что может выражаться в смене места жительства и не уведомлении об этом, уклонение от явки в территориальные отделы полиции, профилактических бесед. Достаточно интересным является вопрос применения мер административно-правового принуждения в рамках проведения индивидуальной профилактической деятельности. Вменение обязанностей сотрудникам полиции по обеспечению контроля за поведением гражданина не предусматривает соразмерные меры принуждения к правомерному поведению.

Основополагающим методом воздействия является убеждение, что по своей сути сводится к проведению бесед, направленных на искоренение антиобщественных ценностей ориентиров, исправления криминальных установок. Однако, как быть, если убеждение не возымело надлежащего эффекта, а действия лица, в скорой перспективе, станут общественно опасными и нанесут вред охраняемым законом отношениям? Например, систематическое злоупотребление алкоголем по месту своего проживания или же регулярные семейные и бытовые ссоры не позволяют привлечь лицо к какой-либо форме ответственности, равно как и продлить профилактический надзор, при достаточно явном антиобщественном поведении. Более того, существенно возрастает общественная опасность данных явлений, когда они взаимосвязаны [1, с. 130–135]. Полагаем, что верным решением стало бы внесение новеллы в статьи 20.20 и 20.21 КоАП РФ, в части возможности привлечения к ответственности за распитие алкогольных и спиртосодержащих напитков и нахождение в состоянии алкогольного опьянения по месту жительства (пребывания), в случаях, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних.

Подобные законодательные пробелы – достаточно распространенное явление, даже не смотря на проводимую административно-правовую реформу, направленную на упорядочивание процессов общественного регулирования и улучшение эффективности государственного управления. Принимаемые нормативно-правовые и организационные меры, безусловно, идут на пользу отечественной политической модели, однако вопрос в качестве принимаемых норм приобретает большую актуальность, так как не осуществляется должным образом мониторинг действующего законодательства. Принятие новых законодательных актов иногда противоречит друг другу, а в ряде случаев не содержит уже ранее достигнутых результатов, что приводит к низким результатам деятельности органов внутренних дел. Примером тому может быть ранее действовавший Приказ МВД России, регламентирующий деятельность участковых уполномоченных полиции, обязывающий проводить профилактические мероприятия в отношении неформальных общественных объединений, а также их участников, чего не содержится ныне.

Индивидуальная профилактическая деятельность участковых уполномоченных не охватывает все категории граждан, чье поведение имеет криминогенное или виктимное поведение, в том числе лица, имеющие психические отклонения, представляющие непосредственную опасность для себя и

окружающих, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения и которые ранее, состояли на профилактическом учете у участковых уполномоченных полиции. В отношении таких граждан заведение профилактического учета недопустимо и обосновательно, не смотря на высокую потребность. Следовательно, необходимо проводить превентивную работу не только с установленными категориями граждан, но и с другими лицами, что отягощает работу.

Обособленные проблемы индивидуальной профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции связаны с применяемыми мерами административного надзора – эффективного правового института предупреждения совершения повторных противоправных проявлений лицами, совершившим общественно опасные деяния, претерпевающие ограничения правового статуса, установленные органами судебной власти. Вопросы эффективности данного вида профилактического воздействия достаточно актуальны и востребованы, что во многом обусловлено высокими уровнем рецидивной преступности и показателями привлечения к ответственности ранее судимых лиц.

Характерной особенностью является привлечение множества субъектов для оказания превентивного воздействия, среди которых наиболее востребованным и значимым является служба участковых уполномоченных полиции, чья функциональная обязанность заключается в осуществлении контроля за выполнением поднадзорным лицом установленных в отношении него правоограничений.

Одной из критичных проблем является не проработанные должным образом отдельные положения Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ в части определения категорий лиц, подпадающих под действие административного надзора. Действующий нормативно-правовой акт установил формальные и материальные признаки оснований установления административного надзора.

К формальным признакам закон относит судимость за совершение определенных видов преступлений. Фундаментальным и наиболее важным вопросом, требующим скорого и незамедлительного решения, является острый некомплект личного состава среди сотрудников данной службы, а также их регулярное вовлечение в мероприятия, направленные на обеспечение общественной безопасности. Участие Министра Внутренних Дел Российской Федерации в одной из пресс-конференций июля 2023 года позволяет указать о колоссальных кадровых проблемах, ведь всего за один месяц из органов уволилось порядка 5000 сотрудников [2]. При этом, на заседании Государственной Думы Российской Федерации выступила начальник финансово-экономического департамента МВД России И. Д. Кальбфляйш, заявив о недостатке в 100 000 сотрудников по всей стране, преимущественного в строевых подразделениях, а также среди участковых уполномоченных, оперативных подразделений, процессуалистов [3]. Осуществляя свои служебные полномочия в таком режиме, участковые уполномоченные сотрудники не могут эффективно выполнять свои обязанности, ведь на них возлагаются полномочия по обслуживанию двух административно-территориальных участков, а равно значительному увеличению нагрузки. Очевидным следствием является снижение результативности профилактической работы, недостаточное получение значимой информации об административно-территориальном участке, лицах, на нем проживающих.

Ситуация усугубляется систематическим вовлечением участковых уполномоченных полиции в мероприятия, не связанные с несением службы по обеспечению безопасности в рамках вверенного административного участка, что становится возможным благодаря наделению руководства территориального органа МВД России на районном уровне полномочиями замещения сотрудников иными должностными лицами, из числа наиболее подготовленных, при соответствии квалификационных требований [4, с. 133-141].

Реализация данных обязанностей происходит в ущерб работе на административном участке по всем возможным направлениям, что существенно повышает риск совершения общественно опасных посягательств, эскалацию антиобщественных настроений, ставит под угрозу права граждан. Решение проблемы допустимо путем роста кадрового притока, удержания уже действующих сотрудников. Верным и рациональным направлением станет принятие комплексных мер, направленных на повышение престижа полиции, социальных гарантий, денежного довольствия, авторитета в обществе.

Вместе с тем, комплексный характер проблем индивидуальной профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции обязывает принимать множество неоднородных мер, направленных на их решение и повышение качества данного института:

– принимать во внимание замечания и предложения, участковых уполномоченных полиции при составлении маршрутов движения нарядов патрульно-постовой службы полиции;

– ориентировать руководство образовательных организаций на необходимость постоянного контроля за учениками, для исключения фактов буллинга, скулшутинга, противоправного поведения, а также сбора информации о семейном благополучии, устанавливая взаимодействие в рамках организации индивидуально-профилактической работы с обучающимися, проживающими в рамках конкретного административного участка;

– больше внимания в летний период уделять выявлению фактов произрастания дикорастущей конопли и масличного мака;

– обеспечить постоянный обмен информацией между службами ГИБДД МВД России и службой участковых уполномоченных полиции о лицах, задержанных за управление автомобилем в состоянии опьянения, лишенных права управления транспортным средством;

– при поступлении информации от жителей о местах концентрации лиц, употребляющих наркотические средства, и алкоголь - предлагать жильцам обеспечение установки видеонаблюдения на данных объектах, по возможности с выводом на дежурную часть, а полученную информацию реализовывать в установленном порядке, предлагать установку тревожных кнопок, с целью оперативного реагирования нарядов на данные происшествия.

– повысить техническую оснащенность пунктов участковых уполномоченных полиции, обеспечив им доступ к современным информационным и телекоммуникационным технологиям;

– повысить качество наглядной агитации, разработав на уровне региональном или межрегиональном образцы стендов правового информирования населения, размещаемых в местах приема участковыми уполномоченными гражданами и разместить таковые в отделах полиции, в том числе опорных пунктах, участковых уполномоченных полиции.

Таким образом, современный институт индивидуальной профилактической деятельности сотрудников полиции, работающих на участках, имеет ряд правовых и организационных проблем, которые существенно снижают его эффективность и иногда делают его правоприменение невозможным. Проведенный анализ предмета работы позволил выявить неопределенности в ведомственных приказах и правовые коллизии в федеральном законодательстве. Решение этих проблем возможно путем пересмотра нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Заброда Д. Г. Классификация форм несения службы участковым уполномоченным полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 130-135.
2. Интерфакс.ру - Глава МВД РФ заявил об увольнении из ведомства 5 тыс. сотрудников в июле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/915654> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Коммерсантъ - МВД сообщило о нехватке 100 тыс. сотрудников, в основном строевых подразделений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6267569> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Челпанова М. М. Взаимодействие участкового уполномоченного полиции с другими службами и подразделениями ОВД по профилактике правонарушений // В сборнике: Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции на современном этапе. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов. – Москва, 2022. – С. 133-141.

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЯРАХМЕДОВ Шамиль Русланович

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы правового статуса иностранных граждан на территории России в период чрезвычайного и военного положения, а также его особенности. Выделяются пределы ограничений прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства на российской территории в период чрезвычайного и военного положения. Анализируются нормы федеральных законов «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ и «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Делается вывод о необходимости совершенствования пребывания иностранцев в России, в том числе законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: права и свободы, правовой статус, возмещение ущерба, социальные гарантии, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, федеральные законы, международным договорам, проживающие в России иностранные граждане.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

YARAKHMEDOV Shamil Ruslanovich

magister student of the Department of Civil Law, Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE CONDITIONS OF A STATE OF EMERGENCY AND MARTIAL LAW

The article examines the problems of the legal status of foreign citizens on the territory of Russia during a state of emergency and martial law, as well as its features. The limits of restrictions on the rights and freedoms of foreign citizens and stateless persons on the territory of Russia during a state of emergency and martial law are highlighted. The provisions of the federal laws "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" dated July 25, 2002 № 115-FZ and "On Martial Law" dated January 30, 2002 № 1-FKZ are analyzed. A conclusion is made about the need to improve the stay of foreigners in Russia, including legislation in this area.

Keywords: rights and freedoms, legal status, compensation for damage, social guarantees, state of emergency, martial law, federal laws. international treaties, foreign citizens residing in Russia.

На территории Российской Федерации, кроме граждан России, проживает множество иностранных граждан. Российское государство выполняет взятые на себя международные обязательства, исполняет множество обязанностей в отношении иностранцев. Законодательство касательно правового статуса иностранцев в России основано на Конституции РФ, Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и иных федеральных законах. Согласно закону иностранным гражданином является «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства (абз. 1 ст. 2)¹.

Прежде всего, надо сказать, что иностранные граждане, на законных основаниях пребывающие в нашу страну, имеют определенные права и свободы, которые государство обязано реализовать и соблюдать. Для их правового статуса большое значение имеет признание высшей ценностью чести и достоинства. Помимо этого, каждому иностранному гражданину в РФ полагается защита его чести, свободы и семейной тайны, личной неприкосновенности. Также законом определяются некоторые ограничения их прав и свобод. Однако не всегда они применяются обоснованно, чем и обусловлена актуальность темы настоящей статьи.

Как подчеркивает С. И. Сушинская, административно-правовой статус человека и гражданина – это часть общего правового статуса личности, установленного Конституцией

Российской Федерации, Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Всеобщей декларацией прав человека и т.д. [5, с. 131]

Основы правового статуса иностранцев закреплены не только в Конституции России, но и в других нормативных правовых актах, специально адресованных иностранцам. Так, согласно Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ст. 4), для иностранных граждан устанавливаются ограничения прав и свобод, освобождение от ряда обязанностей, которые являются лишь с появлением российского гражданства. Согласно российской Конституции (ч. 3 ст. 62) «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации». М. А. Долгушина и Л. В. Акопов обращают внимание на то, что «иностранцы граждане ограничиваются только в правах, связанных с участием в политической жизни страны» [2, с. 748].

В экстремальных ситуациях в Российской Федерации вводится чрезвычайное или военное положение с особым правовым режимом, который регулируется федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года и «О военном положении» от 30 января 2002 года.

При наличии чрезвычайных ситуаций иностранцы имеют те же права, что и российские граждане. Так, Закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяет особен-

1 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ: в ред. от 08.08.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ности выплаты пострадавшим от природных и техногенных катастроф на российской территории, иностранным гражданам и лицам без гражданства², в частности, компенсации:

– на возмещение ущерба, причиненного здоровью и имуществу;

– в том числе социальные гарантии за проживание и работу в местах чрезвычайного положения, на оказание психологической помощи;

– за ущерб, который был причинен их здоровью в связи с ликвидацией последствий чрезвычайного положения.

Что касается постоянно проживающих в России иностранных граждан, то они имеют право на это возмещение ущерба и компенсации лишь на основе принципа взаимности согласно международным договорам РФ и страной их гражданства.

В период чрезвычайного и военного положения возможно ограничение прав граждан в ряде местностей или на всей российской территории. Эти ограничения являются законными, как предусмотрено международными актами о правах человека и статьей 56 Конституции России [4, с. 124].

Для обоснованного применения ограничений прав и свобод в статье 55 Конституции России находится предписание о том, что ограничения допускается применять в связи с необходимостью защиты прав других лиц, а также охраны конституционного строя страны и правопорядка в ней.

Значимое место в период чрезвычайного и военного положения занимают меры, которые, с точки зрения О. В. Зиборова и С. О. Харламова, включают интернирование, или изоляцию, иностранных граждан государства, воюющего с РФ, военную цензуру за почтовыми отправлениями и т.д. [3, с. 17]. Особенностью следует считать то, что арест, заключение под и содержание под стражей допускаются только по судебному решению и не более 48 часов в мирное время, тогда как в условиях военного положения это допустимо без судебного решения и на срок более 48 часов. К тому же, согласно ФКЗ «О военном положении» от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ (п. 16 ч. 2 ст. 7) в отношении иностранных граждан государства, воюющего с Россией, допустимо интернирование (изоляция) согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [6, с. 210].

Тем не менее, в условиях действия режима чрезвычайного и военного положения у иностранных граждан возникают некоторые проблемы, связанные с их правовым статусом и ограничением прав, требующие своего решения. Проблемой следует считать то, иностранцы не имеют возможности для обращения за защитой своих прав непосредственно в государственные органы или органы местного самоуправления, хотя в законодательстве прямого запрета не содержится, что с точки зрения международного права, нарушает их права. Проблемы также возникают в случае применения мер депортации и административного выдворения иностранных граждан [1, с. 81].

В ряду чрезвычайных мероприятий военного положения можно выделить те из них, которые служат основаниями для возникновения новых административных правоотношений, изменения или прекращения имеющихся. К таким мерам относятся: возможность интернирования (изоляции) граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией, введения военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами, создание органов цензуры, непосредственно занимающихся указанными вопросами.

Интернирование определенных категорий лиц осуществляется в интересах обеспечения государственной безопасности как средство контроля заданными лицами. Сегодня применить принудительную изоляцию возможно только в отношении граждан иностранных государств, находящихся в состоянии войны с Российской Федерацией, но никак не в отношении граждан своего государства, к какой бы социальной общности они не относились.

Сегодняшнее состояние административного законодательства, по мнению ученых, с которыми следует согласиться, диктует настоятельную необходимость обобщения имеющегося опыта и закрепления его положительных моментов

в виде подзаконного нормативно-правового акта применительно к современному времени [3, с. 18].

Актуальными проблемами являются те, которые возникают при применении депортации и административного выдворения иностранцев из страны. Так, иностранные граждане не могут в полном объеме защитить свои права в случае подачи жалобы на применение административного выдворения или депортации. Это связано с тем, что они помещаются в изолятор временного содержания до момента выдворения или депортации и поэтому лишаются права, обжалования в полной мере решения суда.

Значимой проблемой, по мнению С. С. Амбарцумова, надо считать то, что законодательство не обеспечивает эффективного контроля по вопросам проживания в стране, своевременной регистрации и легального проживания иностранных граждан на российской территории [1, с. 79].

Думается, следует согласиться с автором в том, что в нашей стране недостаточно контролируются эти вопросы, вследствие чего, полагаем, его следует дополнить в этой сфере.

Такие же и даже более жесткие ограничения конституционных прав и свобод граждан возможны в условиях военного положения, которое объявляет своим указом Президент РФ. В. В. Ковалев отмечает, что такие меры возможны в случае агрессии против России или непосредственной угрозы агрессии независимо от формального объявления другим государством войны нашей стране [4, с. 126]. Режим военного положения по своей правовой природе схож с режимом чрезвычайного положения. Согласно части 4 статьи 1 ФКЗ «О военном положении» от 30.01.2002 г. во время действия военного положения законом могут ограничиваться права и свободы граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства... в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В заключение можно сделать некоторые выводы.

Законодательство России о правовом статусе иностранных граждан является несовершенным, в связи с чем необходимо не только его совершенствование, но и восполнение правовых пробелов, а также установление исчерпывающего перечня оснований для применения чрезвычайных мер, их реализации. Так как в нашей стране недостаточно контролируются эти вопросы, полагаем, его следует дополнить в этой сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Амбарцумов С. С. Проблемы правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2022. - № 11 (406). - С. 79-82.
2. Долгушина М. А., Акопов Л. В. Административно-правовой статус иностранного гражданина на территории Российской Федерации // Экономика и социум. - 2015. - № 6 (19). - С. 745-751.
3. Зиборов О. В., Харламов С. О. Особенности правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в период введения чрезвычайного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № (6). - С. 17-21.
4. Ковалев В. В. Права и обязанности человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения // Современная научная мысль. - 2013. - № 3. - С. 123-128.
5. Суцинская С. И. Сравнительно-правовой анализ административно-правового статуса гражданина Российской Федерации и иностранного гражданина на территории Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 4. - С. 130-134.
6. Шилов А. И. Ограничения гражданских прав при введении военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях // Молодой ученый. - 2020. - № 10 (300). - С. 210-213.

² В случае чрезвычайных ситуаций иностранные граждане будут пользоваться такими же правами, как и граждане РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/139549/> (дата обращения: 09.10.2024).

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПАУК Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России

УСМАНОВА Диана Рафаэлевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России

ОХРАНА ПРАВ АВТОРОВ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ, КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НАУКИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования в сфере науки и научно-технической деятельности. Авторами обосновано, что правовая природа результатов научной деятельности в российском правовом поле остается недостаточно определенной. В достаточной степени развито регулирование комплекса отношений, связанных с охраной тех результатов научной деятельности, которые одновременно признаются объектами интеллектуальных прав. Вместе с тем, не все результаты научной деятельности охраноспособны с законодательной точки зрения законодательства об интеллектуальной собственности. В результате проведенного исследования авторами сформулированы предложения правового и организационного характера, направленные на охрану личных неимущественных прав авторов научных открытий.

Ключевые слова: наука, научно-техническая деятельность, научное открытие, интеллектуальная собственность, личные неимущественные права.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PAUK Natalya Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

USMANOVA Diana Rafaelevna

Ph.D. in Law, lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PROTECTION OF THE RIGHTS OF AUTHORS OF SCIENTIFIC DISCOVERIES AS AN ELEMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF SCIENCE

The article discusses the problems of legal regulation in the field of science and scientific and technical activities. The authors substantiate that the legal nature of the results of scientific activity in the Russian legal field remains insufficiently defined. The regulation of a complex of relations related to the protection of those results of scientific activity that are simultaneously recognized as objects of intellectual rights is sufficiently developed. At the same time, not all the results of scientific activity are protected from the legislative point of view of intellectual property legislation. As a result of the study, the authors formulated legal and organizational proposals aimed at protecting the personal non-property rights of authors of scientific discoveries.

Keywords: science, scientific and technical activity, scientific discovery, intellectual property, personal non-property rights.

Наука и научно-техническая деятельность представляет собой один из определяющих факторов общественного прогресса и развития производства. Научная деятельность, по существу, это драйвер социально-экономического развития общества. Условием роста современной экономики является способность генерировать новые научные знания и трансформировать их в технологии производства товаров и услуг. В такой ситуации все большую актуальность приобретает поиск резервов для повышения эффективности государственного управления наукой и научной деятельностью.

Нет сомнений в том, что основной фокус государственного управления в научной сфере необходимо сосредоточить на её центральном субъекте – ученом и коллективах ученых. Научно-исследовательская деятельность даст тем больший социально-экономический эффект, чем больше (и, главное, эффективнее) государство вложит средств в раскрытие интеллектуального потенциала граждан, в создание стимулов для субъектов научной деятельности, и, в частности, в формировании гарантий защиты прав научных работников. Одна из проблем, тесно связанных с обеспечением правовых гарантий, лежит в плоскости соотношения законодательства о науке и законодательства об охране интеллектуальной собственности.

Правовая природа результатов научной деятельности в российском правовом поле остается недостаточно определенной. В достаточной степени развито регулирование комплекса отношений, связанных с охраной тех результатов научной деятельности, которые одновременно признаются объектами интеллектуальных прав. Вместе с тем, не все результаты научной деятельности охраноспособны с законодательной точки зрения законодательства об интеллектуальной собственности.

Специалисты выделяют несколько вариантов совершенствования механизма правового регулирования отношений по поводу результатов научной деятельности:

расширение круга охраняемых объектов интеллектуальных прав в рамках существующей системы;

признание результатов научной деятельности самостоятельными объектами интеллектуальных прав и разработка для них специальных правил;

рассмотрение результатов научной деятельности как результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР);

разработка модели особых абсолютных прав на результаты научной деятельности и др. [1, с. 167].

Отметим, что каждая из перечисленных моделей имеет под собой логическое основание. В соответствии с действующим законодательством результаты научной деятельности могут выступать объектом охраны различных институтов права интеллектуальной собственности: авторского права, патентного права, прав на топологии интегральных микросхем, селекционные достижения и др. Кроме того, даже в пределах одного института права интеллектуальной собственности существует большое разнообразие возможных результатов научной или научно-технической деятельности, подпадающих под правовую охрану.

Например, объектом авторско-правовой охраны являются произведения науки (диссертации, монографии, научные публикации и др.), программы для ЭВМ, базы данных. Также следует отметить, что в соответствии с действующим законодательством (ст. 2 Закона о науке) научная и (или) научно-техническая продукция – научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации. Таким образом, не всякий результат научной деятельности обязательно образует охраноспособный с точки зрения законодательства об интеллектуальной собственности объект (результат интеллектуальной деятельности – интеллектуальную собственность).

На наш взгляд, результаты научной и научно-технической деятельности, как таковые, не следует признавать самостоятельным объектом интеллектуальных прав и регулировать их в рамках отдельных правил. Вместе с тем, важным с точки зрения обеспечения гарантий научных работников является вопрос об охране их личных неимущественных прав на неохраняемые с точки зрения российского права интеллектуальной собственности результаты научной деятельности. Прежде всего, речь идет о научных открытиях.

Согласно действующему законодательству, не все научные открытия могут быть охраноспособны. Так, в соответствии с п. 5 ст. 1259 ГК РФ авторские права не распространяются на идеи и концепции, которые не упоминаются и в качестве объектов иных институтов права интеллектуальной собственности. Тем не менее, справедливо было бы переформулировать данную правовую норму и сделать акцент на том, что авторские права на идеи и концепции возникают, но не охраняются нормами четвертой части ГК РФ. Очевидно, что в охране авторства научных открытий ученые, их совершившие, заинтересованы не меньше, чем авторы произведений, изобретений или селекционных достижений.

Известно, что споры по поводу авторства научных открытий ведутся десятилетиями, иногда так и оставаясь неразрешенными. С точки зрения справедливости необходим правовой механизм, обеспечивающий признание лица, совершившего такой значимый для науки шаг, как открытие, его автором. Кроме того, важное для государства и общества значение имеет донесение соответствующей информации до сведения научного сообщества и общества в целом, а также позволяющий защитить право авторства в случае его нарушения.

По нашему мнению, важным шагом с точки зрения обеспечения правовых и социальных гарантий научных работников является отдельное регулирование научных открытий и авторских прав на них в рамках законодательства о науке. Представляется, что в Законе о науке необходимо сформулировать дефиницию научного открытия, основываясь на международно-правовых актах¹, отечественном опыте закрепления данного понятия².

При этом в соответствующей правовой норме важно уточнить, что научное открытие не всегда является охраноспособным результатом интеллектуальной деятельности с точки зрения гражданского законодательства. В развитие данной нормы также представляется целесообразным законодательно предусмотреть обязательность ведение общегосударственного реестра научных открытий, критерии отнесения научных результатов к данному реестру, порядок разрешения потенциальных споров, а также возможность дополнительных правовых и социальных гарантий для авторов научных открытий. В государственном реестре научных открытий будет фиксироваться личность авторов открытия, что само по себе будет важным элементом охраны их личных неимущественных прав и интересов, как научных работников.

Безусловно, детальная, в том числе юридико-техническая проработка предложенных законодательных изменений требует широкой дискуссии и участия научного сообщества. Вместе с тем, законодательное регулирование научных открытий – не только важный шаг с точки зрения защиты интересов научных работников, но и государственного управления наукой в целом. Следует согласиться с тем, что помимо обеспечения личных неимущественных прав ученых, введение государственной регистрации научных открытий позволит выявить наиболее перспективные направления научных исследований, привлечь в соответствующую сферу финансовые и кадровые ресурсы.

Достижению этой цели может, в частности, способствовать учет положений, заявленных в качестве открытий, но пока не получивших подтверждения достоверности (такая практика существовала в СССР). Наконец, создание государственного реестра научных открытий и в большей степени – единого реестра открытий в рамках ЕАЭС является способом охраны государственных интересов в сфере науки [2, с. 54].

В завершении параграфа еще раз отметим, что государственное управление в научной сфере следует сосредоточить на её центральном субъекте – ученом и коллективах ученых. Важным шагом с точки зрения обеспечения правовых и социальных гарантий научных работников является отдельное регулирование научных открытий и авторских прав на них в рамках законодательства о науке. Представляется, что в Законе о науке необходимо сформулировать дефиницию научного открытия, основываясь на международно-правовых актах, отечественном опыте закрепления данного понятия. В соответствующей правовой норме важно уточнить, что научное открытие не всегда является охраноспособным результатом интеллектуальной деятельности с точки зрения гражданского законодательства. При этом законодательно следует предусмотреть, что на научное открытие возникают личные неимущественные права (прежде всего, право авторства – то есть право признаваться автором научного открытия), для охраны которых целесообразно предусмотреть специальные средства правовой защиты (в том числе меры административной и гражданско-правовой ответственности).

В развитие данной нормы также представляется целесообразным законодательно предусмотреть обязательность ведение общегосударственного реестра научных открытий, критерии отнесения научных результатов к данному реестру, порядок разрешения потенциальных споров, а также возможность дополнительных правовых и социальных гарантий для авторов научных открытий.

Пристатейный библиографический список

- 1 Женевский договор о международной регистрации научных открытий (Женева, 3 марта 1978 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (далее - Женевский договор).
- 2 Постановление Совмина СССР от 24 апреля 1959 г. № 435 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях и Инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения» // СПС «КонсультантПлюс» (далее - Положение 1959 г.); Постановление Совмина СССР от 21 августа 1973 г. № 584 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» (в ред. от 9 января 1989 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (далее - Положение 1973 г.).

1. Мурзин Д. В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой // Российский юридический журнал. - 2019. - № 4. - С. 167.
2. Салицкая Е. А. Научное открытие как объект правовой охраны // Вестник гражданского права. - 2015. - № 4. - С. 54.

ПЕТРОВСКАЯ Мирослава Ивановна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БАЗИС ПРАВ И СВОБОД ВЫНУЖДЕННОГО МИГРАНТА

В статье исследован статус вынужденного мигранта сквозь призму базовых международно-правовых актов, закрепляющих основные права и свободы. Вынужденная миграция рассматривается как комплексное социально-политическое явление, требующее особого административно-правового подхода к регулированию. Базовые международно-правовые акты являются, по мнению автора, ориентиром для правового регулирования и реализации государственной политики в сфере вынужденной миграции.

Ключевые слова: вынужденная миграция, политическое убежище, беженец, временное убежище, миграция, права и свободы человека, национальная безопасность.

PETROVSKAYA Miroslava Ivanovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

Петровская М. И.

INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF A FORCED MIGRANT

The article examines the status of a forced migrant through the prism of basic international legal acts that enshrine fundamental rights and freedoms. Forced migration is considered as a complex socio-political phenomenon that requires a special administrative and legal approach to regulation. According to the author, basic international legal acts are a guideline for legal regulation and implementation of state policy in the field of forced migration.

Keywords: forced migration, political asylum, refugee, temporary asylum, migration, human rights and freedoms, national security.

Вынужденная миграция как категория миграции в настоящее время, принимая во внимание текущие геополитические события, является крайне актуальной темой для проведения научного исследования. В тоже время вынужденная миграция как социально-политическое явление и вынужденные мигранты как наименование категории мигрантов, которые в своем решении о миграционном перемещении руководствуются сугубо гуманитарными целями, связанными с обеспечением и сохранением жизни и здоровья, личной свободы, представляют собой в международно-правовом смысле недостаточно определенные и конкретизированные категории [7], [9], хотя и содержится в международном глоссарии по миграции¹.

На уровне национального правового регулирования вынужденная миграция также не получила в основном законодательного признания. В законодательстве России вынужденная миграция ассоциируется со статусами беженца и убежища [2].

Вынужденные переселенцы к вынужденным мигрантам, по мнению автора, отнесены быть не могут в силу специфики обстоятельств своего миграционного перемещения, в том числе по причине того, что они имеют устойчивые социокультурные связи с Российским государством и обществом, и не требуют особого управленческого подхода в части социальной адаптации и интеграции [4, с. 44-53].

Соотечественники за рубежом также не могут рассматриваться как вынужденные мигранты в сложившемся в на-

уже понимании этого термина, поскольку имеют устойчивые социальные связи с Россией, являются носителями российской культуры и в силу различных программ по поддержке переселения соотечественников из-за рубежа в отношении данной категории мигрантов уже осуществляются специальные меры, направленные на их поддержку.

В тоже время категория «классических» вынужденных мигрантов традиционно считается одной из самых проблемных в силу вполне определенных и понятных причин, среди которых можно выделить такие, как недостаточность материального обеспечения, неподготовленность миграционного перемещения, языковые и социокультурные барьеры для эффективной и самостоятельной адаптации и интеграции в общество. Коммуникационный барьер также представляет собой значительную сложность для эффективного интегрирования вынужденных мигрантов и членов их семей в экономическое и культурное пространство государства прибытия [3].

Культурный барьер также создает значительные затруднения для вынужденных мигрантов: осложняет коммуникацию с окружающими людьми, поиск работы, интеграцию в общество и сложившийся социокультурный контекст. Не случайно, что за рубежом существует практика «медиации в культурной сфере», когда специально обученный специалист – медиатор – предоставляет вынужденным мигрантам в ненавязчивой форме полезные знания о культуре, обществе и экономике государства, где они находятся в настоящее время [10]. Это облегчает и ускоряет процессы социальной, культурной и экономической адаптации и интеграции [5].

¹ Glossary on migration. International Organization for Migration (IOM). № 34. 2019. P. 77.

В отличие от трудовых мигрантов, которые целенаправленно и осознанно принимают решение о миграционном перемещении, получают знания о законах, культуре, языке и экономике государства прибытия, вынужденные мигранты принимают решение спонтанно под влиянием объективных обстоятельств, испытывая реальную угрозу жизни, здоровью и свободе и, как правило, не имеют достаточного представления о культуре, законах, языке и экономике государства прибытия.

В результате незапланированного и неподготовленного миграционного перемещения, которое можно охарактеризовать как экстренное, вынужденным мигрантам особенно на первых этапах жизни в государстве прибытия объективно необходима поддержка в части изучения языка, законодательства, поиске жилья и работы, соответствующей их квалификации. Такие же трудности испытывают и члены семей вынужденного мигранта [6].

Поскольку вынужденное миграционное перемещение обусловлено нарушением гарантированных в общепризнанных международных актах прав и свобод, то именно эти права и свободы составляют международно-правовой базис статуса вынужденного мигранта, поскольку являются неотъемлемыми и обладают свойством универсальности, то есть признаются большинством развитых демократических государств и закреплены в соответствующих конституционных актах.

К таким актам можно отнести Всеобщую декларацию права человека², Международный пакт о гражданских и политических правах³ и Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах⁴.

По мнению автора, нарушение прав и свобод, указанных в данных правовых актах и невозможность устранения данных нарушений средствами внутригосударственной защиты может являться достаточным основанием для совершения вынужденного миграционного перемещения.

Таким образом, при оценке необходимости вынужденного миграционного перемещения государственным органам государства прибытия, рассматривающих ходатайство вынужденного мигранта о предоставлении ему определенного правового статуса, позволяющего легально находиться на территории государства прибытия следует также оценивать связь между излагаемыми вынужденным мигрантом обстоятельствами и нарушениями его базовых прав и свобод.

В этом смысле базовые международные правовые акты, содержащие права и свободы человека и гражданина являются гарантией прав и свобод вынужденного мигранта независимо от государства, в которое он совершает вынужденное миграционно перемещение.

Поэтому, по мнению автора, международный базис прав и свобод человека, состоящий из трех указанных выше международно-правовых документов является отправной точкой при определении текущего правового статуса вынужденного мигранта на территории государства прибытия.

При этом государство прибытия самостоятельно определяет основания для предоставления конкретных правовых статусов с учетом требований общественной безопасности, а также принимая во внимание, что лица, имеющие цель совершения террористических или экстремистских преступлений, могут использовать указанные статусы для легализации своего пребывания на территории государства [1, с. 69-72].

Таким образом, в современных условиях необходимо найти баланс между ценностями общественной и национальной безопасности, профилактики преступности в среде мигрантов [8, с. 12-14] и признаваемыми гуманитарными целями, чтобы обеспечить с одной стороны устойчивое развитие и интересы населения государства, а с другой стороны оказать помощь и поддержку вынужденным мигрантам, которые действительно в этом нуждаются.

Пристатейный библиографический список

1. Андрейцо С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России: права человека, трудовая, вынужденная незаконная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2022. - № 2 (55). - С. 69-72.
2. Егорова Е. Н., Гукешев А. А. Правовое регулирование вынужденной миграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Миграционное право. - 2023. - № 2. - С. 17-20.
3. Петровская М. И. Категория вынужденной миграции в российском праве и миграционной политике // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 12. - С. 132-133.
4. Петровская М. И. Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект // Юрист. - 2021. - № 1. - С. 44-53.
5. Петровская М. И. Административно-правовое регулирование государственного управления в сфере вынужденной миграции в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. - Москва, 2024. - 233 с.
6. Рогульский Д. А. Культурно-идеологические проблемы в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Миграционное право. - 2024. - № 1. - С. 32-36.
7. Перрушу Р. Международное миграционное право: глоссарий терминов // Женева: Международная организация по миграции (МОМ). - 2005.
8. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Профилактика миграционной преступности: правообразующий аспект // Миграционное право. - 2024. - № 1. - С. 12-14.
9. Blair C., Grossman G., Weinstein J.M. Forced Displacement and Asylum Policy in the Developing World. April 5, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3565557>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3565557>.
10. Venables E., Whitehouse K., Spissu C. Roles and responsibilities of cultural mediators // Forced migration review. - 2021. - Is. 66. - P. 27.

2 «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант плюс».

3 «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант плюс».

4 «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах». (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

РУДЕНКО Артем Валериевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь, Заслуженный юрист Республики Крым

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь, Заслуженный юрист Республики Крым

ГАСАНОВА Тамилла Илгаровна

студент 5-го курса, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НУДИСТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса о социальной, психологической и правовой сущности такого явления, как «нудизм». Исследуется значение и понимание категории «нудизм» с позиции теоретиков права, законодателей и правоприменителей, а также вопросы и проблемы правоприменительной практики реализации правоотношений в сфере «нудизма».

На основании исследования данной проблемы авторы пришли к выводу о необходимости законодательного урегулирования и закрепления правоотношений в сфере «нудизма». В статье предложена авторская позиция по решению обозначенной проблемы.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, правоотношения в сфере нудизма, Республика Крым.

RUDENKO Artem Valerievich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Honored Lawyer of the Republic of Crimea

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor, Head of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Honored Lawyer of the Republic of Crimea

GASANOVA Tamilla Ilgarovna

student of the 5th course, Crimean branch, Russian State University of Justice, Simferopol

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF NUDISTS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA: THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH

This article is devoted to the study of the question of the social, psychological and legal essence of such a phenomenon as "nudism". The meaning and understanding of the category of "nudism" is investigated from the perspective of legal theorists, legislators and law enforcement officers, as well as issues and problems of law enforcement practice in the implementation of legal relations in the field of "nudism". Based on the study of this problem, the authors came to the conclusion about the need for legislative regulation and consolidation of legal relations in the field of "nudism". The article suggests the author's position on solving the indicated problem

Keywords: administrative offenses, administrative responsibility, legal relations in the field of nudism, the Republic of Crimea.

На сегодняшний день проблема правопонимания и правового урегулирования вопросов реализации правоотношений в сфере «нудизма» остается открытой и остро стоит на повестке дня в отдельных регионах нашей страны, например, в Республике Крым [1].

Стоит отметить, что само слово «нудизм» «происходит от латинского «nudus», от французского «nu» – голый, обнаженный». Также удало обнаружить, что существует официальное определение нудизма (либо натурализма), которое было принято 08 августа 1974 г., XIV всемирным конгрессом Международной федерации натуралистов, согласно которому «натурализм – это образ жизни в гармонии с природой, который характеризуется практикой наготы людей в обществе с целью создания благоприятных условий для уважения человеком самого себя, других людей и окружающей среды» [2].

В целом в социуме нудизм понимается точно таким же образом, однако далеко не все люди понимают, что нудизм есть образ жизни, а не психическое расстройство либо даже психосексуальное отклонение. Нудисты придерживаются такого образа жизни поскольку полагают, что практика наготы в обществе помогает достичь гармонии с природой, принять собственное тело как творение природы или Бога. Среди нудистов, стоит отметить, имеются лица, исповедующие хри-

стианство, они даже именуют себя адамитами (так называлась христианская секта, приверженцы которой считали, что нагота и ее практика приведет человека к первозданному раю [3]). Иным словом, многие люди заблуждаются насчет нудизма, считая нудистов психически нездоровыми людьми, хотя по сей день отсутствует какое-либо исследование ученых, доказывающих это.

Однако в обществе ошибочно понятие нудизма отождествляется с определением «экспозиционизм». Если нудизм – это образ жизни, в основе которого лежит единение с природой посредством пребывания нагим в обществе, то такое явление как экспозиционизм традиционно определяется как сексуальное отклонение.

Явление нудизма (экспозиционизма) обсуждалось и исследовалось не только социологами и психиатрами, но и юристами и общественными деятелями с точки зрения его квалификации, а также законодательного урегулирования. Стоит рассмотреть, какие имелись предложения по поводу законодательного регулирования нудизма (экспозиционизма) на федеральном уровне, а также имеются ли нормы регионального законодательства в данной сфере.

Хотелось бы отметить, что дискуссия о законодательном урегулировании нудизма (экспозиционизма) отнюдь не нова

и периодически органы внутренних дел интенсивно сталкиваются с данным явлением, однако, в силу отсутствия законодательного урегулирования, бороться с данным явлением крайне сложно.

Так, Ю. К. Валяев отметил, что нахождение без одежды в общественных местах – на улицах, площадях, парках, в транспорте и иных объектах попадает под поведение, охватываемое ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство), но только при наличии факультативных признаков [5].

Кроме того, в начале сентября 2023 г. Виталий Милонов, депутат Государственной Думы РФ, выступил с предложением о расширении диспозиции ст.20.1 КоАП РФ, указав в диспозиции статьи на появление в общественных местах в обнаженном или полубнаженном виде [6].

В научном сообществе уже высказывалась точка зрения, которую разделяет Виталий Милонов. Р. А. Пестов в 2017 г. в своей статье писал, что необходимо «...введение части 3 статьи 20.1. КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за оголение в общественных местах за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [7, с. 89].

В Республике Крым данная проблема стоит достаточно остро, как перед законодателями, так и перед простыми гражданами [8], поскольку, Республика Крым является привлекательным курортным регионом, особенно в летнее время, в том числе, и для «нудистов», которые, в свою очередь, являются серьезной проблемой, как для Республики Крым, так и для его жителей и гостей, которые могут быть «морально» не готовы к такому явлению. В этой связи, особо актуальным является законодательное урегулирование данного «явления» и введения механизма административной ответственности за нарушение порядка его осуществления.

При этом, следует иметь в виду, что такая противоправная деятельность, нарушающая права и законные интересы граждан, по факту должна осуществляться в общественном месте, т.е. одним из квалифицирующих признаков такого правонарушения будет привязка к общественному месту, в том понимании, в каком понимает общественное место законодатель в КоАП РФ, однако, не забывая, что в случае специального отведения мест для нудизма, такое место будет считаться специально предназначенным местом для нудизма, хоть и может быть общественным в силу скопления в нем большого количества людей, придерживающихся такой формы отдыха.

Таким образом, сегодня перед Республикой Крым и другими субъектами, стоит проблема, определения и урегулирования правоотношений в сфере нудизма, определения перечня территорий и мест отдыха, предназначенных для нудизма, которые будут обустроенными и предназначенными для отдыха нудистов («нудистские пляжи») и имеющими соответствующие обозначения, а также внесения изменения и дополнения в региональное административно-деликтное законодательство. В этой связи, предлагается внести соответствующую норму в Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» [9], предусматривающую административную ответственность за нудизм в неотведенных для этого местах (вне нудистского пляжа).

«Ст. 7.4. Нахождение в непредназначенном для целей нудизма общественном месте в обнаженном виде

1. Нахождение в непредназначенном для целей нудизма общественном месте в обнаженном виде, выражающее явное неуважение к обществу, -

влечет наложение административного штрафа на граждан – в размере от двух до пяти тысяч рублей.

Примечание: Под непредназначенным местом нудизма общественным местом по смыслу настоящей статьи понимается любое общественное место кроме специально отведенного пляжа для нудистов (нудистский пляж). Общественными местами при этом являются улицы, стадионы, скверы, парки, транспортное средство общего пользования и другие места общего пользования неопределенным кругом лиц».

Вместе с тем, обязательно необходимо внести изменения в ст. 8.11 ЗРК «Об административных правонарушениях в Республике Крым», поскольку дела по ст. 7.3 обязательно должны рассматриваться определенным органом, и лучшим решением нам видится возложение данной категории дел на мировых судей. Тем самым, с учетом введения новой нормы

в административно-деликтное законодательство Республики Крым ст. 8.11 предлагается изложить в следующей редакции: «Статья 8.11. Полномочия мировых судей Республики Крым

Мировые судьи Республики Крым рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 2.3, 2.4, 3.1 - 3.4, 3.6, 3.8 - 3.10 и 3.17, частью 1 статьи 3.20, статьями 5.4, 7.2 и 7.4 настоящего Закона».

Кроме того, думается, что протоколы о совершении данного правонарушения должна по классической схеме составлять полиция, следовательно, изменений требует пп. 2 п. 2 ст. 9.1 ЗРК «Об административных правонарушениях в Республике Крым», указав на новую предлагаемую нами статью. Так, пп. 2 п.2 ст.9.1 ЗРК «Об административных правонарушениях в Республике Крым» необходимо изложить в следующей редакции:

«2) должностные лица органов внутренних дел (полиции), в случае если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и высшим исполнительным органом Республики Крым о передаче осуществления части полномочий, - об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 2.1, 7.2, 7.4 настоящего Закона».

Таким образом, указанные предложения помогут решить обозначенный в исследовании круг проблем, урегулировать надлежащим образом правоотношения в сфере нудизма, определить механизм административной ответственности за нарушение законодательства в обозначенной сфере, привлечь виновных к ответственности, а значит, обеспечить стабильность и правопорядок в регионе, повысить туристическую привлекательность Республики Крым, привлечь еще больший поток туристов, обеспечить экономическое и туристическое развитие региона, безопасность и процветание.

Пристатейный библиографический список

1. «Нудистские пляжи Крыма: список и описание мест». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://allbeaches.ru/nudistские-пляжи-kryma-spisok-i-opisanie-mest/> (дата обращения: 11.10.2024).
2. «Натуризм – здоровый образ жизни для всей семьи» // Клуб натуралистов «Здоровая семья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naturism.su/books/11-nudzizm-pro-i-contra.html> (дата обращения: 12.10.2024).
3. «Кем были адамиты? История нудистской христианской секты» // Дневник истории. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diaryrh.ru/istoriya-hristianstva/kem-byli-adamity-istoriya-nudistskoj-hristianskoj-sekty> (дата обращения: 12.10.2024).
4. «МВД России: хождение по улицам голыми не является правонарушением». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalpress.ru/view/1881> (дата обращения: 12.10.2024).
5. «В России предложили расширить определение мелкого хулиганства в КоАП РФ. Появление в обнаженном и полубнаженном виде предлагается трактовать как хулиганство». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runews24.ru/society/06/09/2023/327db795098a061a694fb0f03afa4859> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Пестов Р. А. Проблемы правовой регламентации различных аспектов административной деликтности // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – Т. 7. № 3-1. – С. 86-92.
7. «Нужно ли запретить нудистам отдыхать на общественных пляжах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gorod24.online/crimea/news/299762-nujno_li_zapretit_nudistam_otdyihat_na_obschestvennyih_plyajah.html (дата обращения: 08.09.2023).
8. 9. Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2015. – № 6. – Ч. 2.

САИДОВ Фархад Зирофович

кандидат юридических наук, слушатель 2-го Факультета, Академия управления МВД России

ХАСАН Хасан Хунар Амеен

кандидат юридических наук, доцент кафедры управления бизнесом, Бизнес-колледж, Университет Чармо, Республика Ирак

ШАМРИН Максим Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОМБУДСМЕНА ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И В ИРАКЕ

Проведён комплексный анализ административно-правового механизма защиты прав несовершеннолетних в Кыргызской Республике и Республике Ирак. Рассмотрен передовой международный опыт в данной сфере. Обосновывается необходимость законодательного закрепления статуса специализированного института Омбудсмена по правам ребенка в Кыргызской Республике как ключевого элемента в системе защиты прав ребенка. Отдельное внимание уделено исследованию специфики функционирования механизмов защиты прав детей в Ираке, включая деятельность государственных институтов и международных организаций. На основе проведенного анализа сформулированы концептуальные предложения по усовершенствованию существующих механизмов защиты прав детей в рассматриваемых государствах с учетом современных вызовов и международных стандартов.

Ключевые слова: омбудсмен по правам ребенка, административно-правовой статус, Кыргызская Республика, Ирак, права детей, защита прав несовершеннолетних, международные стандарты, ЮНИСЕФ, организация «Спасем детей».

SAIDOV Farhad Zirofovich

Ph.D. in Law, student of the 2nd Faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

HASAN Hasan Hunar Ameen

Ph.D. in Law, associate professor of Business management sub-faculty, College of Business, Charmo University, Republic of Iraq

SHAMRIN Maksim Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and process sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

IMPROVING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE OMBUDSMAN FOR CHILDREN'S RIGHTS IN THE KYRGYZ REPUBLIC AND IRAQ

A comprehensive analysis has been conducted of the administrative and legal mechanism for protecting minors' rights in the Kyrgyz Republic and the Republic of Iraq. Leading international experience in this field has been examined. The necessity of legislatively establishing the status of a specialized Children's Rights Ombudsman institution in the Kyrgyz Republic as a key element in the child rights protection system is substantiated. Special attention is paid to studying the specific features of child rights protection mechanisms in Iraq, including the activities of state institutions and international organizations. Based on the conducted analysis, conceptual proposals have been formulated to improve the existing mechanisms for protecting children's rights in the countries under consideration, taking into account modern challenges and international standards.

Keywords: children's rights ombudsman, administrative and legal status, Kyrgyz Republic, Iraq, children's rights, protection of minors' rights, international standards, UNICEF, The Save the Children Fund.

Саидов Ф. З.

Хасан Х. Х. А.

Шамрин М. Ю.

Дефиниция «status» с латинского языка переводится как положение¹. Если говорить о научной литературе, то в данном случае этот термин (как статус субъекта права) означает

то же самое, а именно: положение, провозглашённое определенными правовыми нормами².

Правовой статус – элемент системы права – выступает как независимый регулятор общественных отношений, по-

1 Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Издательство «Мир и образование», 1989. – С. 72.

2 Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: Издательство «ИНФРА-М», 2004. – С. 587.

казывающий особенности и место субъектов права в общественной среде, их права и обязанности применительно к другим субъектам³.

Во времена СССР в структуре правового статуса субъекта права было множество элементов⁴: гарантии, гражданство⁵, правоспособность, принципы⁶ и ответственность⁷.

В связи с этим вызывает интерес мнение Н. А. Богдановой об административно-правовом статусе омбудсмана, которое характеризует его (правовой статус) посредством анализа социально-политической значимости омбудсмана для общества и его компетенции, юридической ответственности и гарантий функционирования⁸.

В Кыргызской Республике (далее – КР) обязанности Уполномоченного по правам ребенка с 2019 г. возложены на одного из заместителей Омбудсмана КР⁹. Такое решение было принято в связи с участвующимися случаями насилия над несовершеннолетними и ростом преступности среди них. Полномочия Омбудсмана по правам ребенка КР предусматривают оказание оперативной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от насилия, а также педагогам учебных и специализированных заведений, обучающим несовершеннолетних, сотрудникам социальной защиты, опеки и попечительства, участковым инспекторам по делам несовершеннолетних и комиссии по делам несовершеннолетних, родителям, опекунам, попечителям. Проведение профилактических мероприятий по соблюдению прав и свобод каждого ребенка невозможно без координации работы омбудсмана с органами публичного управления, институтами гражданского общества и СМИ¹⁰.

Следует напомнить, что в 2012 г. в КР возникал вопрос об утверждении должности Омбудсмана по правам ребенка, однако Омбудсмен КР не посчитал необходимым учреждение этой должности¹¹. Спустя 6 лет необходимость специализированных омбудсменов стала крайне востребованной.

Результаты исследования, проведенного ЮНИСЕФ, о положении детей в КР¹² вызывают определенное опасение. В приведенном отчете ЮНИСЕФ отмечаются рост числа беспризорных детей, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, увеличение количества правонаруше-

ний и преступлений, совершаемых несовершеннолетними, случаев детского суицида, смерти детей в возрасте до 5 лет, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов¹³. Несмотря на проводимые мероприятия органами публичной власти (увеличение социальных выплат, повышение роли fosterных семей), снижение роста количества детей-сирот не наблюдается. Проведенный социологический опрос граждан КР показывает, что родителей очень беспокоит будущее их детей¹⁴.

В 1994 г. КР ратифицировала Конвенцию о правах ребенка¹⁵, тем самым взяв на себя обязательство защищать и обеспечивать права и свободы ребенка. В целях обеспечения и защиты прав несовершеннолетних в КР была учреждена должность Омбудсмана по правам ребенка, при этом должностью была встроена в структуру института Омбудсмана КР. По мнению авторов, такое положение Омбудсмана по правам ребенка не позволяет ему в полном объеме реализовать функциональные обязанности. Кроме того, цели Омбудсмана по правам ребенка могут быть достигнуты только в случае его самостоятельного функционирования¹⁶.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что учреждение должности Омбудсмана по правам ребенка КР не отвечает международным стандартам Комитета ООН по правам ребенка. Зарубежный опыт деятельности омбудсменов по правам ребенка Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании и других государств, в частности РФ, показывает, что существует нормативно-правовой акт¹⁷, который обладает высшей юридической силой и регулирует элементы правового статуса детского омбудсмана.

В настоящее время в КР назрела крайняя необходимость утверждения Закона КР об Омбудсмене по правам ребенка, так как отсутствие такого закона препятствует эффективному осуществлению публичного управления в области защиты детства и не позволяет в полной мере гарантировать защиту прав и свобод детей, проживающих на территории КР¹⁸.

В этой связи, по мнению авторов, необходим законопроект об Омбудсмене по правам ребенка, который повысит значимость омбудсмана и будет способствовать его независимости (относительной и абсолютной¹⁹), провозглашенной Парижскими принципами, от иных государственных органов.

Авторы полагают, что принятие законопроекта позволит в полной мере реализовать положения Конвенции ООН по правам ребенка; повысить приоритетность вопро-

3 Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 41-48.

4 Дотдаева О. Н. К вопросу о понятии и структуре конституционно-правового статуса // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 2. – С. 25-39.

5 Щетинин Б. В. Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 4.

6 Воеводин Л. Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 42-50.

7 Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Издательство Саратовского юридического университета, 1972. – С. 189-205.

8 Богданова Н. А. Система науки конституционного права. – М.: Издательство «Юрист», 2001. – С. 27.

9 Омбудсмен по правам ребенка в Кыргызской Республике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vb.kg/doc/379168_v_kyrgyzstane_poiavilsia_detskiy_ombydsmen.html (дата обращения: 10.12.2023).

10 Омбудсмен по правам ребенка в Кыргызской Республике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vb.kg/doc/379168_v_kyrgyzstane_poiavilsia_detskiy_ombydsmen.html (дата обращения: 10.12.2023).

11 Нужен ли Омбудсмен по правам ребенка в Кыргызской Республике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/9954-bit-ili-ne-bit-detskomu-ombudsmenu?.html&=1> (дата обращения: 10.12.2023).

12 Отчет Юнисеф. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/media/pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

13 Отчет Юнисеф. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/media/pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

14 Cabar Central News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/kyrgyzstan-kakie-prava-est-u-rebenka-i-kakoni-dolzny-zashhishhatsya> (дата обращения: 10.12.2023).

15 Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.12.2023).

16 Сунгуров А. Ю. Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). – СПб.: Издательство «Норма», 2005. – С. 86-87 @ Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус детского Омбудсмана в России // Административное право и процесс. – 2020. – № 7. – С. 76-79.

17 Об Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (в действ. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.12.2023).

18 Корабельникова Ю. Л. Сравнительно-правовой анализ статуса омбудсмана в современных демократических государствах // Право – явление цивилизации и культуры / Отв. ред. М. В. Немьтина. – М.: Издательство РУДН, 2019. – С. 163-171.

19 Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка на Ямайке: историко-теоретический аспект // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 69-74.

сов, касающихся несовершеннолетних; широко привлекать общественность к решению детским проблем; влиять на национальное законодательство и политику государства путем внесения предложений и рекомендаций в органы государственной власти и органы местного самоуправления; эффективно сотрудничать с органами публичной власти в разрешении вопросов относительно защиты прав ребенка; пропагандировать знания о правах ребенка среди граждан КР; проводить расследования правонарушений в отношении несовершеннолетних; стимулировать рост научных исследований в области разработки мероприятий по защите прав детей; анализировать жалобы и обращения несовершеннолетних в оказании им помощи; реагировать на жалобы несовершеннолетних, представлять и защищать их интересы во всех инстанциях судебного и досудебного производства.

Таким образом, принятие данного законопроекта позволит в большей степени уделять внимание проблемам несовершеннолетних и выделить Омбудсмена по правам ребенка КР из структуры института Омбудсмена КР как независимого самостоятельного органа.

Вышеуказанный порядок учреждения должности Омбудсмена по правам ребенка гарантирует принцип независимости его деятельности согласно международным стандартам Комитета ООН по правам ребенка и назначение его на должность парламентом КР с регулированием его правового статуса посредством специального закона²⁰.

В данном исследовании определен интерес вызывает деятельность омбудсменов по правам ребенка Норвегии, Финляндии, Новой Зеландии, Шотландии и Российской Федерации. Основными задачами омбудсменов являются оказание своевременной правовой помощи несовершеннолетним в случае нарушения их прав и интересов, а также поддержка семей в воспитании несовершеннолетних; уважение прав несовершеннолетних; повышение совместно с органами публичной власти их благосостояния; использование инструментария защиты прав несовершеннолетних, уже имеющегося в практической деятельности; разработка и совершенствование новых методов и средств защиты прав несовершеннолетних.

В упомянутых государствах в отличие от КР правовой статус Омбудсмена по правам ребенка урегулирован специальным законом²¹.

Весьма интересным является опыт деятельности Омбудсмена по правам ребенка Шотландии, выступающего инициатором создания специальной комиссии, в состав которой в обязательном порядке включают самих несовершеннолетних, столкнувшихся с проблемой (преступности, наркомания, алкоголизм и т.д.), и которая совместно с Омбудсменом по правам ребенка вырабатывает программы незамедлительной помощи.

По мнению ООН, важнейшим принципом деятельности омбудсмена по правам ребенка является его независимость, основные методы оценки которой содержатся в Парижских принципах.

Кроме того, деятельность Омбудсмена по правам ребенка КР должна включать элементы реагирования и профилактики. Особое внимание следует обращать на проблемы насилия в семье и на меры, принимаемые государством в целом относительно несовершеннолетних. Омбудсмен по правам ребенка КР в целях усовершенствования прав ребенка вместе с компетентными органами разрабатывает долгосрочные программы по предупреждению нарушений прав несовершеннолетних²².

Президент КР С. Н. Жапаров в своих посланиях ежегодно отмечает, что деятельность органов публичной власти должна быть эффективной и полезной для общества²³. Представители гражданского общества, которые занимаются правами несовершеннолетних, выражают мнение о том, чтобы статус Омбудсмена по правам ребенка КР был повышен с учетом требований реалий настоящего времени для обеспечения прав несовершеннолетних в соответствии с нормами международного права.

Принятие законопроекта позволит выделить основные элементы правового статуса Омбудсмена по правам ребенка КР: организационные²⁴; функциональные²⁵; гарантийные²⁶ и морально-этические²⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативное закрепление правового статуса Омбудсмена по правам ребенка в КР приобретает первостепенное значение. Вслед за принятием законопроекта необходимо проработать механизм использования административно-правовых средств исполнения поручений и актов реагирования²⁸ Омбудсмена по правам ребенка КР, тем самым обеспечивая имплементацию норм Конвенции ООН о правах ребенка в национальное законодательство и их пропаганду в обществе КР.

Необходимо отметить, что именно такой способ регулирования общественных отношений позволит более эффективно проводить работу с несовершеннолетними и усилить контрольную деятельность омбудсмена за ходом исполнения нормативно-правовых актов органами публичной власти.

Что касается совершенствования системы защиты детства в Ираке, то должностным лицам публичной администрации в сфере защиты детства стоит обратить внимание на опыт Киргизии, которая за короткий период добилась

20 Шамрин М. Ю. Совершенствование законодательства о статусе Уполномоченного по правам ребенка: теоритический аспект // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 225-233.

21 Резник В. Формы семейных отношений и их отражение в законодательстве / Семейное право в Швеции // Svensk & Rysk Juridik AB, 2016. Официальный интернет портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.swemarket.se/files/FamilySweden.pdf> (дата обращения 10.12.2023) @@ Резник В. Обзор законодательства о правах детей в Швеции // Svensk & Rysk Juridik AB, 2016. Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srjuridik.se/resources/barnratt.pdf> (дата обращения 10.12.2023) @@ Tim Whewell «Norway's Barnevernet: They took our four children. then the baby» // BBC News. Официальный интернет портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/magazine-36026458> (дата обращения: 10.12.2023) @@ Швец Л. Датский специалист по защите детей: «Государство вмешивается в дела семьи, если ребёнку плохо» // The Village, 13 января 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/172391-spetsialist-pozaschite-detey-danya-o-tom-u-kogo-i-kak-v-skandinavii-zabirayut-detey-i-kuda-detey-otpravlyayu> (дата обращения 10.12.2023) @@ Об Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (в действ. ред.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.12.2023).

22 Доклад Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики 2015-2020 г. // Официальный сайт Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsman.kg/images/files/Ombudsman'sAnnualReportru.pdf> (дата обращения 10.12.2023).

23 Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.kg> (дата обращения: 10.12.2023).

24 Требования, предъявляемые к кандидатам на должность омбудсмента; порядок назначения и освобождения от занимаемой должности; ограничения, связанные с замещением должности защитника и его ответственность.

25 Цели и задачи деятельности; полномочия; функции.

26 Принципы и гарантии деятельности.

27 Высокий авторитет и безупречная репутация.

28 Колобова Т. В. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам человека РФ в субъекте РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2021. – 26 с.

значительных успехов в этой области. Киргизский подход к решению проблем детского благополучия, включая инновационные методы социальной поддержки и образовательные инициативы, может предоставить ценные идеи для иракских законодателей и специалистов по защите детей. Изучение и адаптация успешных практик Киргизии могли бы способствовать ускорению позитивных изменений в сфере защиты прав детей в Ираке.

По оценкам ЮНИСЕФ, 4,7 миллиона иракских детей нуждаются в помощи, а это примерно 33 % от общего числа детей, проживающих в стране. Необходимо отметить, что с начала войны в Сирии в 2011 году в Ирак приехали более 245 тысяч сирийских беженцев, примерно четверть из которых составляли дети. Почти две трети (66 %) иракских детей, нуждающихся в помощи, проживают в районах, которые ранее находились под контролем ИГИЛ²⁹.

В Ираке защита прав детей регламентируется несколькими ключевыми законами и международными соглашениями. Основой национального законодательства является Конституция Ирака 2005 года, которая признает права детей и обязуется их защищать³⁰. Ирак также ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребенка в 1994 году, что накладывает обязательства по соблюдению международных стандартов в области прав детей.

Основной Закон о защите детей (Law on the Protection of Children) провозглашает главнейшие принципы защиты детей от насилия, эксплуатации и пренебрежения. Кроме того, целью данного закона следует считать обеспечение безопасности, оказание медицинской помощи, восстановление здоровья детей и достижение высокого уровня жизни для каждого ребенка. Необходимо отметить, что предотвращение любых форм насилия, эксплуатации и дискриминации – важнейшее требование Конвенции ООН о правах ребенка, на соблюдение которого направлена деятельность органов публичного управления в Ираке. Исследование содержания закона показало, что в нем закреплены важнейшие дефиниции сферы защиты прав и свобод ребенка, среди которых «ребенок», «насилие», «эксплуатация» и др.

Иракское законодательство в сфере защиты детства основывается на ключевых принципах, среди них – обеспечение защиты, помощи и поддержки каждому ребенку в кризисных ситуациях и при стихийных бедствиях вне зависимости от социального, экономического и культурного происхождения.

Иракский Закон о защите детей, реализуя положения Конвенции ООН, подробно раскрывает права ребенка на жизнь, развитие, образование, здоровье и участие в общественной жизни. Особое внимание уделяется правам детей с особыми потребностями и их интеграции в общество. Образовательные и медицинские учреждения Ирака обязаны предоставлять равный доступ к своим услугам всем детям. Закон гарантирует бесплатное образование и доступ к качественной медицинской помощи. Вводятся строгие меры по предотвращению и наказанию всех форм насилия и эксплуатации детей, включая физическое, сексуальное насилие, детский труд и торговлю детьми. Предусмотрены механизмы защиты детей в таких ситуациях.

Иракское законодательство признает важность семейной среды для развития ребенка и предусматривает меры поддержки семей. В случаях, когда дети остаются без попе-

чения родителей, особое внимание уделяется соблюдению законности в процессах усыновления, установления опеки и т.д. Отдельные положения касаются обращения с детьми, нарушившими закон. Подчеркивается необходимость применения подходов, ориентированных на реабилитацию и социальную интеграцию. В Ираке функционируют специальные суды для рассмотрения дел, связанных с детьми.

Для контроля за исполнением закона в Ираке формируются различные государственные и негосударственные органы. Они обязаны регулярно отчитываться о своей деятельности. Важную роль играют общественные организации и международные партнеры, участвующие в мониторинге. Иракское государство обязуется выделять необходимые ресурсы для реализации всех положений по защите детей, включая финансирование программ поддержки, обеспечение работы социальных служб и обучение специалистов.

Ирак активно стремится к сотрудничеству с международными организациями, такими как ЮНИСЕФ, для улучшения стандартов защиты детей и обмена опытом.

В Ираке защита прав детей осуществляется через координацию различных государственных органов, каждый из которых играет ключевую роль в обеспечении соблюдения законов и международных обязательств. Центральное место в системе защиты прав детей занимает Министерство труда и социальных дел (Ministry of Labour and Social Affairs), отвечающее за разработку и реализацию политики в области социальной защиты, включая защиту прав детей. В его составе функционируют специализированные подразделения, занимающиеся вопросами поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, главное из которых – Управление по вопросам благосостояния детей (далее – CWA), созданное в соответствии с Законом № 272 от 1982 года и включающее в свой состав представителей 12 различных министерств.

CWA наблюдает за работой различных учреждений и департаментов, включая, например, школы, Департамент труда и профессионального обучения и т.д. В 2008 году CWA было создано и в Иракском Курдистане.

К обязанностям CWA относятся разработка общей политики по защите и продвижению прав детей; координация деятельности органов, работающих в области защиты детства; улучшение качества различных услуг для детей; мониторинг реализации государственных программ; содействие внесению поправок в законодательство о защите детей; представление предложений по соглашениям между Ираком и другими государствами, касающимся защиты детей; консультации с национальными и международными экспертными группами. Кроме того, CWA использует данные результатов опросов детей при написании отчета Ирака о соблюдении требований Конвенции ООН о правах ребенка.

В настоящее время механизмы работы CWA требуют корректировки, поскольку дети в Ираке сталкиваются со многими сложными проблемами.

В 1998 году Комитет ООН по правам ребенка выразил обеспокоенность отсутствием независимого механизма для регистрации и рассмотрения жалоб детей, касающихся нарушений их конвенционных прав и свобод. Он рекомендовал создать независимый механизм, доступный для каждого ребенка, с целью рассмотрения жалоб о нарушениях их прав и предоставления средств правовой защиты в случае таких нарушений.

В результате в 2008 году Правительством Ирака был принят Закон № 53 о создании такого органа – Независимой высшей комиссии по правам человека (Higher Committee for Child Protection), состоящей из пяти депутатов парламента, четырех членов Секретариата Совета министров, трех членов Высшего судебного совета, двух членов организаций гражданского общества и одного члена ООН в Ираке. Таким образом, защита детей в Ираке стала намного эффективнее.

29 Qader M.M. Violence against children in Iraq: the interplay of legal rights and realities. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/333165752_Violence_Against_Children_In_Iraq_The_Interplay_Of_Legal_Rights_And_Realities. – P. 333.

30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mofa.gov.iq/losangeles/wp-content/uploads/sites/85/2019/11/THE-CONSTITUTION.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

Министерство труда и социальных дел также сотрудничает с международными организациями для привлечения ресурсов и получения опыта в этой области, например, с Международным комитетом спасения (International Rescue Committee), который действует на территории Ирака в качестве международной гуманитарной организации, оказывающей помощь детям, пострадавшим от различных кризисов.

Комитет создан для обеспечения взаимодействия между различными государственными и негосударственными структурами, а также для мониторинга соблюдения прав детей. Он анализирует текущую ситуацию, вырабатывает рекомендации и разрабатывает стратегии для улучшения условий жизни и защиты детей в Ираке.

Международный комитет спасения также наделяет дополнительными полномочиями Комитеты по защите детей (CPCs) (с целью выявления случаев нарушения их прав), которые выявляют проблемы и определяют тенденции в области защиты конвенционных прав ребенка в Ираке посредством инициирования информационно-просветительских инициатив.

Международный комитет спасения также подготавливает отчеты о выполнении Ираком международных обязательств в области защиты детства, что помогает обеспечивать прозрачность и подотчетность государственной политики в области прав ребенка. Комитет реализует свой статус в тесном сотрудничестве с судебными органами и правоохранительными структурами Ирака.

Таким образом, негосударственные организации (NGOs) в настоящее время приобрели важную роль в деле защиты прав ребенка в Ираке. Среди них особо выделяются такие международные и национальные организации, как UNICEF, Save the Children и Iraqi Child Rights Network. Эти организации предоставляют необходимую помощь и поддержку детям, проводят образовательные программы и оказывают юридическую помощь. Они также активно участвуют в разработке и продвижении законодательных инициатив, направленных на улучшение защиты прав детей.

Вместе эти организации и государственные органы образуют комплексную систему защиты прав детей в Ираке, обеспечивая их правовую и социальную поддержку. Однако для повышения эффективности этой системы необходимо дальнейшее укрепление сотрудничества между различными органами в сфере защиты детства Ирака, улучшение законодательной базы и усиление контроля за соблюдением прав детей.

Пристатейный библиографический список

1. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. – М.: Юрист, 2001. – 254 с.
2. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: Издательство «ИНФРА-М», 2004. – 587 с.
3. Воеводин Л. Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 42-50.
4. Дотдаева О. Н. К вопросу о понятии и структуре конституционно-правового статуса // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 2. – С. 25-39.
5. Корабельникова Ю. А. Сравнительно-правовой анализ статуса омбудсмена в современных демократических государствах // Право – явление цивилизации и культуры / Отв. ред. М. В. Немытина. – М.: Издательство «РУДН», 2019. – С. 163-171.
6. Колобова Т. В. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам человека РФ в субъек-

те РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2021. – 26 с.

7. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Издательство «Саратовский юридический университет», 1972. – С. 189-205.
8. Резник В. Формы семейных отношений и их отражение в законодательстве / Семейное право в Швеции // Svensk & Rysk Juridik AB, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sweamarket.se/files/FamilySweden.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
9. Резник В. Обзор законодательства о правах детей в Швеции // Svensk & Rysk Juridik AB, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srjuridik.se/resources/barnratt.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
10. Сунгуров А. Ю. Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). – СПб.: Издательство «Норма», 2005. – С. 86-87.
11. Tim Whewell «Norway's Barnevernet: They took our four children. then the baby» // BBC News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/magazine-36026458> (дата обращения: 10.12.2023).
12. Шамрин М. Ю. Совершенствование законодательства о статусе Уполномоченного по правам ребенка: теоритический аспект // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 225-233.
13. Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка на Ямайке: историко-теоретический аспект // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 69-74.
14. Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус детского омбудсмана в России // Административное право и процесс. – 2020. – № 7. – С. 76-79.
15. Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 41-48.
16. Швец Л. Датский специалист по защите детей: «Государство вмешивается в дела семьи, если ребёнку плохо» // The Village, 13 января 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/172391-spetsialist-pozaschite-detey-danya-o-tom-u-kogo-i-kak-v-skandinavii-zabirayut-detey-i-kuda-detey-otpravlyayu> (дата обращения: 10.12.2023).
17. Щегинин Б. В. Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 4.

ЦЕЛИЩЕВ Антон Александрович

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ КАК КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

В настоящей статье автором делается вывод о фактическом существовании частных военных компаний и отсутствии их должного правового регулирования в России. В этой связи описываются попытки соответствующего законодательного регулирования, отмечается тренд на необходимость легализации данной сферы, учитывая ее актуальность в настоящее время. Автором делается предположение о причинах отклонения профильных законопроектов при их принятии, предлагается оригинальный вариант упрощенной легализации частных военных компаний, позволяющий избежать принятия специального закона, при этом ввести частные военные компании в правовое поле России.

Ключевые слова: частная военная компания, государственный орган, государственные полномочия, делегирование полномочий, правовой статус, негосударственная организация, военные услуги.

TSELISHCHEV Anton Alexandrovich

lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty, Mari State University, Yoshkar-Ola

ON THE ISSUE OF LEGALIZING PRIVATE MILITARY COMPANIES AS COMMERCIAL ORGANIZATIONS EXERCISING CERTAIN STATE POWERS

In this article, the author concludes about the actual existence of private military companies and the lack of proper legal regulation in Russia. In this regard, attempts at appropriate legislative regulation are described, and the trend towards the need to legalize this area is noted, given its current relevance. The author makes an assumption about the reasons for the rejection of relevant bills when they are adopted, and proposes an original version of the simplified legalization of private military companies, which allows avoiding the adoption of a special law, while introducing private military companies into the legal field of Russia.

Keywords: private military company, government agency, government authority, delegation of authority, legal status, non-governmental organization, military services.

Целищев А. А.

Вопрос о легализации частных военных компаний в современной России, а это в разное время «ЧВК Вагнер», «РСБ-Групп», «Cossaks», «Редут-Антитеррор», «Феракс», ЧВК «Царские волки», ЧВК «Поток», ЧВК «Ястреб», ЧВК «Мар», ЧВК «Медведь» и прочие, сегодня остается одним из неразрешенных и требующих соответствующего правового регулирования. Подтверждением этому можно считать юридическую неопределенность с частными военными компаниями, фактически принимающими участие в Сирии, странах Африки, в специальной военной операции в Украине наряду с регулярными воинскими формированиями согласно постановлению Совета Федерации Федерального Собрания России от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

Так, в настоящее время не представляется возможным не только точно определить организационно-правовую форму частной военной компании, направленность и правовые основания ее деятельности, но и статус ее сотрудников, в том числе социальные гарантии, права и обязанности в рамках вооруженного конфликта. Дискуссионным остается вопрос о юридической возможности получения частными военными компаниями бюджетного финансирования и военной техники, а также получения их сотрудниками задач, связанных непосредственно с принятием участия в боевых действиях без обязанности соблюдения соответствующих боевых уставов и подчинения руководству профильных силовых ведомств.

Другой причиной необходимости легализации частных военных компаний, помимо отсутствия должного национального регулирования, можно считать международное регулирование, которое обосновывает невозможность применения частных военных компаний. Указанное

соответствует положениям о наемниках в редакции статьи 47 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977, то есть о лицах, которые специально завербованы, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и фактически принимают непосредственное участие в военных действиях за материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение комбатантов такого же ранга и функций, не являясь гражданами стороны конфликта и не входя в личный состав вооруженных сил стороны конфликта. При этом признание сотрудников частных военных компаний наемниками, очевидно, поднимает вопрос о возможности их привлечения к уголовной ответственности в России на основании статьи 359 Уголовного кодекса России, прямо запрещающей вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте.

Решением обозначенного вопроса, как и прочих смежных, в свою очередь, могло бы стать соответствующее законодательное регулирование правового положения частных военных компаний в России, учитывая то, что отказ от применения частных военных компаний, как видно, не отвечает современной ситуации в мире. Так, пунктом 17 Указа Президента России от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» установлено, что рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются повышением угрозы использования военной силы, в связи с чем возрастает значение военной силы как инструмента достижения субъектами международных отношений своих геополитических целей, как заявлено в пункте 34 Указа Пре-

зидента России «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400.

Интересно в этой связи и то, что в пункте 40 Указа Президента России от 02.07.2021 № 400 заявлено о достижении целей обороны страны не только посредством повышения мобилизационной готовности Российской Федерации, но и посредством совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. При этом если под Вооруженными Силами Российской Федерации понимается государственная военная организация, предназначенная для отражения агрессии, направленной против России, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории, а также для выполнения соответствующих задач согласно статье 10 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», то как раз в качестве других войск, воинских формирований и органов потенциально вполне оправданно могут восприниматься именно частные военные компании.

Соответствующая попытка законодательного регулирования положения частной военной компании в свое время предпринималась депутатом Государственной Думы России А. В. Митрофановым, его проект федерального закона «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» № 62015-6 определяет частную военную компанию как юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, имеющее специальное разрешение (лицензию) для оказания на договорной основе военных услуг иностранным юридическим лицам в иностранных государствах. Финансирование такой коммерческой организации по данному законопроекту должно осуществляться за счет внебюджетного финансирования, а ее деятельность направлена на оказание военных услуг, которые оказываются в иностранных государствах и связаны с разминированием территории, строительством и охраной военных объектов, высших должностных лиц и учреждений, организацией и проведением войсковых учений, оказанием помощи в экспорте российской продукции военного назначения, имущества и снаряжения.

Депутатом Государственной Думы России Г. С. Носовко в рамках законопроекта «О частной военной деятельности» № 1016663-6 частная военно-охранная организация прямо признается коммерческой, специально учрежденной для выполнения и оказания на возмездной договорной основе военно-охранных работ и услуг, зарегистрированной в установленном законом порядке и имеющей специальное разрешение (лицензию). Лицензирование таких организаций по положениям законопроекта осуществляется на территории России Министерством обороны Российской Федерации, при этом частная военная компания может быть создана только в форме общества с ограниченной ответственностью и не может осуществлять иную деятельность, кроме военно-охранной, ее уставный капитал не может быть менее десяти миллионов рублей. Заказчиком военно-охранных работ и услуг по законопроекту может быть физическое или юридическое лицо, при этом под военными работами и услугами понимается обучение личного состава вооруженных сил, полиция и иных сил безопасности государства, обслуживание и ремонт боевой техники и вооружения, услуги военного консалтинга, разминирование территории, зданий, сооружений и прочее.

Ни один из законопроектов до настоящего времени, как известно, не был принят в качестве федерального закона, на наш взгляд, из-за несоответствия предложенных вариантов регламентации действительному положению дел. В частности, один из обозначенных законопроектов не учитывает то, что заказчиком частных военных компаний может быть, кроме прочих акторов, государство с соответствующим бюджетным финансированием. Другой законопроект прямо запрещает оказание военных услуг на территории России, что сейчас, в частности, противоречило бы федеральным конституционным законам о вхождении в состав России Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей. Оба законопроекта, описывающие военные услуги, также не содержат указания на возможность непосредственного участия в боевых действиях, которое опять же фактически имеет место быть в настоящее время.

Определение частной военной компании, аналогичное обозначенным выше, можно найти у Е. Е. Корольковой, ко-

торая под таковой понимает коммерческую организацию, оказывающую на возмездной основе военизированные услуги в условиях вооруженного конфликта, в том числе стратегическое планирование, разведку, воздушные операции с использованием беспилотных летательных аппаратов, передачу любого рода знаний для военного применения, материально-техническую поддержку [2, с. 144]. Подобным образом частную военную компанию представляет А. В. Овчаров, который, указывая на отсутствие регламентации статуса частной военной компании в отечественном законодательстве, считает, что помимо четкого определения организационно-правовой формы частной военной компании, требований к размеру уставного капитала и соответствующей деятельности как единственной, данная организация не должна иметь право принимать участие в непосредственных боевых действиях, поскольку это противоречит статье 71 Конституции России [1, с. 88].

С последним выводом формально трудно не согласиться, однако следует принять во внимание и то, что положение статьи 71 Конституции России лишь указывает на предмет ведения Российской Федерации, кроме прочего, в части обороны и безопасности, оборонного производства, обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. В этой связи нет повода говорить о том, что частная военная компания не вправе осуществлять указанные функции, если они ей должным образом переданы. При этом следует согласиться и с тем, что в данном случае речь не будет идти об оказании военных услуг, поскольку таковые не предусмотрены статьей 71 Конституции России.

Полагаем, важно указать на то, что как авторы законопроектов, так и представители научного сообщества едины во мнении, что частная военная компания при всей своей специфике является коммерческой. При этом, как было нами отмечено, основной задачей таких предприятий часто являются не сопутствующие военные услуги, а именно участие в боевых действиях, которое при этом не должно трактоваться как наемничество.

В этой связи удачным, на наш взгляд, вариантом легализации частной военной компании могло бы стать ее определение ее как предприятия, оказывающего военные услуги по частному контракту, а как коммерческой организации, осуществляющей переданные ей отдельные государственные полномочия в сфере обороны и безопасности. Такой подход в настоящее время не только юридически обосновывает возможность деятельности частной военной компании в правовом поле, но и не требует принятия соответствующего федерального закона, поскольку сама возможность передачи отдельных государственных полномочий негосударственной организации, в том числе частной военной компании, предусмотрена статьей 66 Конституции России, статьей 78 Конституции России, статьей 132 Конституции России при интерпретации данных положений Постановлением Конституционного Суда России от 19.05.1998 № 15-П и Постановлением Конституционного Суда России от 19.12.2005 № 12-П.

В таком случае отдельные государственные полномочия в сфере обороны и безопасности частной военной компании как коммерческой организации передаются Министерством обороны России, являющимся первоначально уполномоченным органом на осуществление данных полномочий согласно подпункту 7 пункта 7 Указа Президента России от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации». Деятельность частной военной компании при этом не может противоречить действующему законодательству и дополнительно регламентируется профильным государственным органом в соответствии с подпунктом 2 пункта 7 названного указа Президента России.

Пристатейный библиографический список

1. Овчаров А. В. Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018. - № 3. - С. 84-93.
2. Королькова Е. Е. К вопросу о понятии «частные военные и охранные компании» и видах оказываемых ими услуг в вооруженных конфликтах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2018. - № 2. - С. 141-145.

ЩЕГЛОВА Елена Валериевна

кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Кизляре

ПРАВООЩИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ

В данной статье рассматривается роль и функции комиссий по делам несовершеннолетних в контексте защиты прав детей. Автор анализирует правозащитный потенциал этих комиссий, их способность эффективно реагировать на нарушения прав несовершеннолетних и обеспечивать их защиту. Особое внимание уделяется законодательной базе, регулирующей деятельность комиссий, а также практическим аспектам их работы. Автор также предлагает рекомендации по усилению правозащитной функции комиссий, включая улучшение межведомственного взаимодействия и повышение квалификации специалистов, работающих в этой сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения, профилактика, несовершеннолетние, органы исполнительной власти.

SHCHEGLOVA Elena Valerievna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Dagestan State University, branch in Kizlyar

HUMAN RIGHTS POTENTIAL OF COMMISSIONS FOR JUVENILE AFFAIRS AND PROTECTION OF THEIR RIGHTS

This article examines the role and functions of juvenile commissions in the context of the protection of children's rights. The author analyzes the human rights potential of these commissions, their ability to effectively respond to violations of the rights of minors and ensure their protection. Special attention is paid to the legislative framework governing the activities of the commissions, as well as the practical aspects of their work. The author also offers recommendations on strengthening the human rights function of the commissions, including improving interagency cooperation and professional development of specialists working in this field.

Keywords: administrative offenses, prevention, minors, executive authorities.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) является важным элементом системы органов исполнительной власти в России, выполняя ключевую роль в защите прав и интересов детей.

КДН и ЗП координирует действия различных государственных и муниципальных органов, включая правоохранительные органы, образовательные учреждения, органы социальной защиты и здравоохранения. Она обеспечивает межведомственное взаимодействие для решения проблем несовершеннолетних. Рассмотрение дел об административных правонарушениях: Комиссия имеет право рассматривать дела об административных правонарушениях, связанных с несовершеннолетними, что позволяет оперативно реагировать на случаи нарушения их прав. Профилактическая деятельность: КДН и ЗП осуществляет профилактическую работу, направленную на предотвращение правонарушений среди несовершеннолетних. Это включает проведение профилактических бесед, организацию мероприятий и программ для подростков.

Законодательство, регулирующее деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, претерпело значительные изменения с момента принятия первоначального Закона 1967 года. Эти изменения отражают эволюцию подходов к защите прав детей и адаптацию к современным условиям. Рассмотрим основные различия между Законом 1967 года и Федеральным законом № 120-ФЗ от 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Закон 1967 года

1. Основы создания: Закон 1967 года заложил основы создания комиссий по делам несовершеннолетних как органов, занимающихся вопросами профилактики правонарушений среди детей и подростков.

2. Функции и задачи: Основное внимание уделялось профилактике правонарушений, работе с трудными подростками и их семьями, а также координации усилий различных организаций в этой сфере.

3. Ограниченные полномочия: Полномочия комиссий были ограничены, они в основном выполняли консультативные функции и оказывали содействие другим органам власти.

Федеральный закон № 120-ФЗ от 1999 года

1. Расширение полномочий: Закон № 120-ФЗ значительно расширил полномочия комиссий, наделив их правом принимать решения об административных правонарушениях несовершеннолетних и их родителей, а также участвовать в разработке и реализации программ по профилактике правонарушений.

2. Межведомственное взаимодействие: Усилено внимание на межведомственное взаимодействие. Комиссии стали играть ключевую роль в координации действий различных органов власти, включая правоохранительные органы, образовательные учреждения и органы социальной защиты.

3. Профилактика безнадзорности: Закон акцентирует внимание на профилактике безнадзорности и правонарушений, что включает работу с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, и организацию мероприятий для подростков.

4. Защита прав детей: Усилен акцент на защите прав детей, включая защиту от насилия и эксплуатации. Комиссии получили больше инструментов для мониторинга ситуации с правами детей.

5. Образовательная деятельность: Включение образовательных функций, направленных на повышение правовой грамотности среди несовершеннолетних и их родителей.

6. Адаптация к современным условиям: Закон предусматривает использование современных технологий и методов работы, что позволяет комиссиям более эффективно реагировать на вызовы времени.

Таким образом, изменения в законодательстве отразили необходимость более комплексного подхода к вопросам защиты прав детей и профилактики правонарушений, что по-

зволило комиссиям по делам несовершеннолетних стать более эффективным инструментом в системе защиты детства.

Правовой статус Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) можно определить как административно-юрисдикционный орган, который играет ключевую роль в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и защите их прав. Комиссия выполняет функции как профилактического, так и контрольного характера, что позволяет ей эффективно взаимодействовать с несовершеннолетними и их семьями, а также другими субъектами профилактики правонарушений. Д. Ю. Донич в своей работе подчеркивает, что комиссия является субъектом профилактики ювенальных юридических конфликтов, что подразумевает её активное участие в предотвращении правонарушений [3].

А. А. Марианов и соавторы также отмечают, что комиссия выступает как субъект профилактики правонарушений несовершеннолетних, акцентируя внимание на её роли в предотвращении противоправных действий [5]. Н. В. Малахова [4] и Э. Г. Джахиева с Х. Г. Сурхаевой [2] указывают на специфические аспекты рассмотрения таких дел, включая необходимость учета психологических и социальных факторов, влияющих на поведение несовершеннолетних. Важность индивидуального подхода к каждому случаю и необходимость участия специалистов из различных областей для комплексного рассмотрения дела также подчеркиваются в этих работах.

М. А. Горин и В. М. Деревскова [1] обсуждают проблемы привлечения к ответственности за неуплату штрафов по постановлениям комиссии, что подчеркивает её юрисдикционные функции.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных рядом статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в которых затрагиваются интересы несовершеннолетних. Рассмотрим каждую из перечисленных статей и проанализируем их с точки зрения роли комиссии.

Статья 5.35 КоАП РФ

Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних:

– Эта статья применяется к родителям или законным представителям, которые не выполняют свои обязанности по воспитанию детей. Комиссия может рассматривать такие дела и выносить предупреждения или штрафы.

– Пример из практики: Родители систематически не отправляют ребенка в школу, не обеспечивают его необходимыми условиями для обучения. Комиссия может вынести решение о наложении штрафа и обязать родителей исправить ситуацию.

Статья 5.36 КоАП РФ

Нарушение законодательства об образовании:

– Эта статья касается нарушений в сфере образования, например, когда образовательные учреждения не выполняют установленные законодательством требования.

– Пример из практики: Школа не обеспечивает условия для обучения ребенка с особыми образовательными потребностями. Комиссия может привлечь к ответственности руководство школы и обязать устранить нарушения.

Статья 6.10 КоАП РФ

Вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ:

– Вовлечение несовершеннолетних в употребление алкоголя или наркотиков является серьезным правонарушением. Комиссия рассматривает такие дела с целью защиты детей от негативного влияния.

– Пример из практики: Взрослые лица вовлекают подростков в распитие спиртных напитков. Комиссия может

наложить штраф на виновных лиц и передать материалы дела в правоохранительные органы для дальнейшего разбирательства.

Статья 6.23 КоАП РФ

Пропаганда наркотиков и психотропных веществ среди несовершеннолетних:

– Эта статья направлена на предотвращение пропаганды наркотиков среди молодежи. Комиссия играет важную роль в выявлении таких случаев и привлечении виновных к ответственности.

– Пример из практики: Распространение рекламных материалов с пропагандой наркотиков вблизи школ. Комиссия может инициировать проверку и привлечь к ответственности распространителей.

Статья 20.22 КоАП РФ

Потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними или потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача:

– Комиссия рассматривает случаи, когда несовершеннолетние сами употребляют алкоголь или наркотики. Задача комиссии — выяснить обстоятельства, оказать помощь подросткам и их семьям.

– Пример из практики: Подросток был задержан за распитие алкоголя в общественном месте. Комиссия может провести профилактическую беседу с подростком и его родителями, а также направить их на консультацию к психологу.

Комиссия по делам несовершеннолетних выполняет не только юрисдикционные функции, но и профилактические. Она взаимодействует с различными органами и учреждениями, чтобы обеспечить защиту прав несовершеннолетних и предотвратить повторные правонарушения. Важным аспектом работы комиссии является индивидуальный подход к каждому случаю, учет социального окружения и психологического состояния несовершеннолетнего.

Эффективность работы комиссии во многом зависит от её способности выявлять причины правонарушений и принимать меры для их устранения, а также от сотрудничества с правоохранительными органами, образовательными учреждениями и социальными службами.

Пристатейный библиографический список

1. Горин М. А., Деревскова В. М. Проблемы привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ в связи с неуплатой штрафов по постановлениям комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав // Сборник статей. Иркутский юридический институт. – 2022. – Выпуск 13. – С. 49-55. – EDN OXDCHT.
2. Джахиева Э. Г., Сурхаева Х. Г. Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 149-151. – EDN ZLIOPB.
3. Донич Д. Ю. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект профилактики ювенальных юридических // Modern Science. – 2020. – № 8-1. – С. 133-136. – EDN YPCVFL.
4. Малахова Н. В. Некоторые особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 185-187. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10349.
5. Арсланбекова Р. А., Абдулмуталимова З. М., Марианов А. А. Комиссия по делам несовершеннолетних как субъект профилактики правонарушений несовершеннолетних // Казанская наука. – 2014. – № 11. – С. 162-164. – EDN TELOZL.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-148-151

БАБАЯН Эмма Карленовна

аспирант кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Бабаян Э. К.

КОНТРОЛЬ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

В содержании настоящей статьи к рассмотрению принимается значение и место арбитражных судов в контексте контроля и надзора за функционированием исполнительно-властных органов и их представителей (должностных лиц). Ключевой акцент сделан на порядке, в соответствии с которым суды-арбитражи рассматривают дела из категории «административные». Также особенное внимание уделено значимости данных инстанций в целях исполнения касающихся правопорядка принципов и нормативных предписаний, закрепленных на конституционном уровне. Помимо прочего, настоящая публикация в себя включает результаты аналитической работы относительно специфических особенностей контроля арбитражного характера, осуществляемого в рамках области административной деятельности (в т.ч. подробное обозрение прецедентов и трендов в плане решения споров, появляющихся между юрлицами/физлицами и исполнительно-властными структурами).

Кроме того, акцент сделан на значимости сформированных и внедренных в практику судами-арбитражами решений, а также на их воздействии на повышение уровня качества и эффективности функционирования исполнительно-властных структур, при обязательном обращении внимания на прецедентную значимость и актуальность источников отечественной административно-правовой системы. В содержании заключения раскрываются дальнейшие перспективы эволюции контрольной системы судов-арбитражей в области работы исполнительно-властных структур и представляющих их лиц. Уделено некоторое внимание вопросам модернизации, улучшения практики функционирования судебных инстанций и существующей законодательной системы для оптимизации юстиции административного порядка в этой сфере. К подробному изучению принимаются возможные пути и ориентиры развития, выделяются и обосновываются имеющие наибольшее значение аспекты, требующие учета в процессе реализации в данной сфере реформ в будущем. Настоящая статья может принести пользу практикам, теоретикам-исследователям и всем имеющим соответствующий интерес лицам, испытывающих желание дополнить собственные познания и понимание в сфере контроля/надзора судов-арбитражей в области работы исполнительно-властных структур и их представителей.

Ключевые слова: административная юрисдикция, реформа, правоприменение, прецеденты, конституционные нормы, контроль за деятельностью, рассмотрение споров, административно-юридическая деятельность, должностные лица, деятельность органов-исполнительной власти, исполнительные органы, арбитражные суды.

BABAYAN Emma Karlenovna

postgraduate student of Administrative law and process sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CONTROL BY ARBITRATION COURTS IN THE SPHERE OF ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES AND THEIR OFFICIALS

This article examines the role of arbitration courts in controlling the activities of executive authorities and their officials in the field of administrative jurisdiction. The main focus is on the procedures for reviewing administrative-legal disputes in arbitration courts and their importance in maintaining constitutional norms and principles of the rule of law.

The article also provides an analysis of the specifics of arbitration control in the field of administrative activities, including a review of precedents and trends in resolving disputes between executive authorities and individuals/legal entities. Special attention is paid to the significance of arbitration court decisions and their impact on optimizing the work of executive authorities, taking into account the precedential value of sources of Russian administrative law.

The conclusion of the article outlines the prospects for the development of the arbitration court control system in the field of administrative-legal activities. Attention is given to the issues of improving legislation and judicial practice with the aim of increasing the efficiency of justice in this area. Potential directions for development are analyzed, and important aspects that should be considered when shaping further reforms in this field are identified.

This article will be useful for researchers, practitioners, and all interested parties who wish to deepen their knowledge and understanding in the field of arbitration court control over the administrative-legal activities of executive authorities and their officials.

Keywords: arbitration courts, executive authorities, activities of executive authorities, officials, administrative-legal activities, dispute resolution, control over activities, constitutional norms, precedents, legal enforcement, reforms, administrative jurisdiction.

Суды-арбитражи занимают особенное место в контексте контроля/надзора за исполнением своих функций исполнительно-властными структурами и их представителями в части поддержания исполнения порядка административно-юридического характера. Эти инстанции выступают в качестве органов юстиции, которые занимаются разрешением

споров из разрядов «административные» и «экономические» (включая споры, касающиеся работы исполнительно-властных структур).

Данные инстанции контролируют аргументированность и правомерность осуществляемых исполнительно-властными органами и их должностными лицами действий, произ-

вода соответствующую проверочную процедуру на предмет исполнения ими законодательно регламентированных нормативных предписаний (в т.ч. административных процедур и правил). Именно эти суды формулируют и принимают акты-решения по подаваемым гражданскими лицами, юристами и прочими правовыми субъектами исковым заявлениям и жалобам при несоблюдении их интересов и прав госорганами.

Кроме того, арбитражные суды поддерживают процесс выполнения принимаемых властными структурами в ходе административной работы решений. У них есть возможность издавать акты-предписания и акты-постановления, говорящие о потребности в выполнении обязательств и законодательных регламентаций исполнительно-властными органами, определяя за неисполнение соответствующие меры ответственности.

В качестве примера, взятого из практики работы судов в России, можно выделить дело, в рамках которого производилось оспаривание не соответствующих нормам права действий исполнительно-властного органа. В частности, если должностное лицо, являющееся представителем госструктуры, не имея законодательно закрепленных оснований формирует и наделяет силой решение, наносящее вред интересам и правам организаций или обычных граждан.

В подобных ситуациях исполнительно-властный орган принуждается к прекращению не соответствующих правовым предписаниям действий и незамедлительному восстановлению подвергнутых нарушению прав. И делается это именно судом-арбитражем.

К примеру, последний можно возложить на исполнительно-властную структуру обязанность издать новый акт-решение, соответствующий законодательству, либо осуществить отмену прошлого акта-решения. Помимо этого, арбитражная судебная инстанция способна обязать госструктуру компенсировать нанесенный ущерб (в т.ч. моральный), закрепить за ней штрафную сумму или подвергнуть ответственности административного характера, когда подобные меры имеют законодательную фиксацию [1, с. 110].

Из представленной выше информации следует, что суды-арбитражи занимают особую позицию в контексте исполнения порядка административно-юридического плана, так как держат под контролем/надзором действия исполнительно-властных органов, поддерживая исполнение прав и интересов юрист и физлиц, а также принцип законности. Принимаемые ими акты-решения обладают силой с точки зрения юриспруденции и обладают обязательным характером для каждой стороны. Такой подход обеспечивает поддержание господства и защиту гражданских свобод, интересов и прав.

Суды-арбитражи имеют большое значение в части решения споров из разряда «административно-юридические», появляющиеся между юристами/физлицами и государственно-властными структурами [6]. В подавляющем большинстве случаев данные споры имеют отношение к исполнению функций административного плана, реализации публично-властных полномочий и исполнению законности государственно-властными органами в своей работе.

Регламентированные процедуры, касающиеся анализа споров административно-юридического характера в судах-арбитражах подразумевают организацию и осуществление заседаний, в процессе которых стороны-участники предоставляют доказательственные материалы и аргументацию, а судебная инстанция формулирует и подкрепленные должными обоснованиями и объективные решения, исходя из связанных с делом фактов-обстоятельств и действующих нормативно-правовых предписаний. Следовательно, суды-арбитражи контролируют исполнение норм, отраженных в Основном Законе государства, и связанных с правопорядком принципов в работе госорганов.

Значимость процедур, касающихся рассмотрения споров из разряда «административно-юридические» судами-арбитражами состоит в обеспечении имеющихся у юрист и физлиц прав на сохранение состояния защищенности от не соответствующих нормам права действий госструктур, а также в поддержании законности и справедливости в рамках социума.

Справедливость и должная упорядоченность в ходе анализа споров в судах-арбитражах позволяют закрепить правовое государства, поддерживают состояние защищенности касающихся правопорядка принципов и норм конституционного характера, а также помогают закрепить и сформировать в социуме культуру правового типа.

В качестве примера можно назвать дело, касающееся оспаривания принятого госструктурой решения о несоблюдении интересов и прав юрист и физлиц. В частности, когда исполнительно-властная структура, не имея законодательно регламентированных оснований, формирует и внедряет в практику акт-приказ о воспрещении заниматься конкретным видом деятельности или штрафе [3].

В подобных обстоятельствах у суда-арбитража есть возможность рассмотреть соответствующее дело, сформировать и издать акт-решение о том, чтобы признать осуществленное госорганом действие противоречащим имеющим силу законодательным регламентациям. В результате, может произойти отмена запрета или штрафа. Также может появиться возможность для взимания морального ущерба и возмещения понесенных убытков.

Из приведенной выше информации можно сделать вывод о том, что суды-арбитражи представляют собой крайне значимый компонент судебно-властной системы, так как поддерживаются исполнение принципов законности, интересов и прав юрист и физлиц. Кроме этого, они обеспечивают восстановление справедливости в рамках области, связанной со взаимоотношениями административно-юридического характера.

Производимое на регулярной основе рассмотрение подобных спорных ситуаций в судах-арбитражах обеспечивает закрепление государства правового типа и исполнение нормативных предписаний, закрепленных на уровне Конституции, и связанных с правопорядком принципов в социуме.

Контроль арбитражного типа в области деятельности административного характера – это специфический формат сохранения состояния защищенности интересов и прав юрист и физлиц от несоответствующих правовым нормам действий или бездействия исполнительно-властных структур. Данная разновидность контроля реализуется судами-арбитражами и ориентируется на решение споров, появляющихся между лицами-«частниками» и госструктурами.

Ключевыми принципами контроля рассматриваемого вида представляются обязательный характер принимаемых решений, автономность (отсутствие зависимых отношений) и справедливость. Принцип справедливости предполагает обязательный учет интересов каждой стороны в процессе разрешения спорной ситуации и принятие подкрепленного должными обоснованиями и объективного решения.

Принцип независимости призван гарантировать отсутствие зависимости отношений и их решений от тех или иных воздействий извне. Обязательный характер актов-решений судов-арбитражей предполагает, что они в обязательном порядке должны исполняться каждым субъектом-участником спора¹.

В рамках осуществляемого контроля арбитражного типа в области деятельности административного характера суды-арбитражи принимают к рассмотрению разные спо-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

ры, включая о законности осуществленных исполнительно-властными структурами действий, о компенсации ущерба (морального и материального), о несоблюдении интересов и прав юрлиц и физлиц. Формулируя и внедряя в практику решение по подобным спорным ситуациям, суды-арбитражи руководствуются действующими законодательными нормативными предписаниями, принятыми правовыми принципами и судебными прецедентами.

В контексте настоящей публикации целесообразно привести указание на то обстоятельство, что в течение последних нескольких лет отмечается тенденция, связанная с укреплением роли и значимости контроля арбитражного типа в области деятельности административного характера. Данное обстоятельство имеет связь с наращением уровня активности гражданского общества и ростом количественного состава гражданских со стороны юрлиц и физлиц, даваемых в суды-арбитражи [5].

Помимо всего прочего, отмечается тенденция к наращению степени грамотности жителей страны в юридических вопросах, благодаря чему укрепляется позиция контроля арбитражного типа, рассматриваемого в качестве действенного механизма сохранения состояния защищенности интересов и прав юрлиц и физлиц.

В качестве примера можно назвать дело, в котором идет речь о споре, который возник между налоговой структурой и гражданским лицом. Допустим, что последнее подало в суд-арбитраж исковое заявление об отмене и признании противоречащим нормам права налогового уведомления о том, что был начислен налоговый сбор на тот или иной имущественный объект. Гражданское лицо полагает, что занимающееся налогами ведомство некорректно установило подлежащий налогообложению объект, вследствие чего незаконно использовало регламентированные нормативные предписания.

Суд-арбитраж организует и осуществит подробную аналитическую работу относительно наличествующих доказательственных материалов, актов законодательства и правил, после чего сформирует и издаст акт-решение, в соответствии с которым решение налоговой структуры будет подтверждено или признано противозаконным. В ситуации, когда судебная инстанция сочтет совершенные налоговым органом действия противоправными, то уведомление будет отменено, а оплаченный налоговый сбор – вернется гражданскому лицу.

Необходимо уточнить, что в рамках контроля арбитражного типа в области деятельности административного характера беспрерывно имеют место перемены, обуславливаемые эволюцией прецедентного права. Во всех отдельно взятых ситуациях судебные инстанции детально изучают аналогичные прежде изданные акты-решения, чтобы поменять или закрепить собственные позиции. Такой подход дает им возможность упорядоченным образом создавать единообразную трактовку нормативных предписаний и административно-правовых правил, поддерживая законности и соответствие принципу справедливости при решении споров из категории «административные».

Исходя из представленных положений, можно сделать вывод о том, что рассматриваемая разновидность контроля обладает большим значением в контексте поддержания справедливости и равенства с правовой точки зрения, а также сохранения состояния защищенности прав и интересов юрлиц и физлиц от нарушений и произвола со стороны исполнительно-властных структур и представляющих их должностных лиц.

Беспрерывное развитие данного типа контроля и подробное изучение соответствующих тенденций и прецедентов обеспечивает укрепление государства правового типа и исполнение законности в рамках социума.

Суды-арбитражи обладают большим значением в сфере оптимизации функционирования исполнительно-властных

структур [11]. Акты-решения, которые они формируют и интегрируют в практику, представляются крайне важными и оказывают явное воздействие на процессы развития взаимоотношений административно-правового характера на всей государственной территории. Согласно точке зрения большого количества специалистов-правоведов, значимость решений судов-арбитражей с прецедентной позиции в отечественной административно-правовой системе невозможно переоценить.

Среди ключевых аспектов их воздействия на исполнительно-властные структуры выделяется выработка практики использования законодательных регламентаций. Дело в том, что суды-арбитражи используют последние в ходе разрешения спорных и конфликтных ситуаций. Всякое вновь принятое такой инстанцией решение приобретает статус юридического прецедента, в перспективе применимого иными исполнительно-властными структурами или судьями для разрешения схожих споров/конфликтов. То есть, суды-арбитражи детерминируют трактовку законодательных актов и их прикладное использование.

Помимо всего прочего, прецедентная значимость анализируемых решений обеспечивает унификацию правоприменительной практики. Благодаря этому возрастает результативность функционирования исполнительно-властных структур, происходит сокращение степени сложности связанного с принятием решений процесса, предупреждаются коллизии в практике использования нормативно-правовых предписаний.

В качестве свидетельства этого можно назвать дело о споре, возникшем между налоговой структурой и субъектом-предпринимательской деятельности, в части вопроса об использовании регламентированных и связанных с налоговой областью НПА (нормативно-правовых актов). Допустим, субъект предпринимательской деятельности хочет оспорить законность осуществленных налоговой структурой действий по затребованию и начислению НДС на конкретные услуги/продукты. В этой ситуации суд-арбитраж произведет подробную аналитическую работу относительно использованных законодательных предписаний и прошлых актов-решений судебных инстанций по схожим спорным случаям.

Когда суд-арбитраж издаст акт-решение, удовлетворив требования субъекта предпринимательской деятельности, признав не соответствующим нормам права действия налоговой структуры в плане начисления НДС, то данное решение способно оказать воздействие на функционирование исполнительно-властных органов. Налоговая структура имеет возможность применять данный акт-решение в качестве «инструкции», позволяющей скорректировать рабочие процессы и привести их в должное соответствие законодательству. Такой подход дает возможность осуществлять оптимизацию функционирования исполнительно-властных структур, предотвратить ошибочное использование законодательных регламентаций и сохранить состояние защищенности имеющихся у субъектов предпринимательской деятельности прав.

Решения прецедентного плана, принимаемые судами-арбитражами, дополнительно выступают фактором развития отечественной административно-правовой системы. Применяя накопленный опыт прецедентного характера, судебные инстанции обеспечивают единообразную трактовку административно-правовых правил и норм, благодаря чему сокращается вероятность возникновения неоднозначности и коллизий в процессе формирования и практической интеграции соответствующих решений. Благодаря этому уменьшается риск противоправных действий исполнительно-властных структур и укрепляется правопорядок на территории государства.

Из представленной выше информации следует, что акты-решения, издаваемые арбитражными судами, обладают большим значением в контексте улучшения функционирования исполнительно-властных структур, воздействуя на выработку правоприменительной практики и стандартизацию, единообразии трактовки законодательных предписаний. Произво-

димое на регулярной основе исследование решений прецедентного характера и обращение на них внимания в процессе принятия решений обеспечивает повышение уровня качества функционирования исполнительно-властных структур и подержание законности в государстве.

Существующая система контроля/надзора судов-арбитражей в области деятельности административно-юридического характера имеет особую важность в части поддержания законности и справедливости актов-решений судов. Тем не менее, имеет место потребность в непрерывном повышении эффективности и качества данной системы для поддержания правового порядка [9].

В первый черед, необходимо сделать акцент на потребности в улучшении законодательных регламентаций в сфере арбитражного процесса. Высокая динамика в законодательной сфере требует от судебных инстанций непрерывного приспособления и выполнения новых нормативных предписаний, что осложняет и затормаживает касающийся рассмотрения дел процесс. По этой причине нужно поддерживать стабильный характер законодательства и его упорядоченное использование.

Помимо всего прочего, значимым нюансом увеличения результативности арбитражного контроля выступает совершенствование практики работы судов. Систематичный и стабильный обмен накопленным опытом и подробная аналитическая работа относительно допущенных ошибок и проблемных аспектов при рассмотрении дел из разряда «административные» даст возможность оптимизировать качество актов-решений судов и нарастить уровень доверия населения страны к судебно-властной системе.

Помимо всего прочего, нужно учитывать значимость профподготовки и квалификационный уровень судей, рассматривающих дела из категории «административные». Наличие у судей на данный момент требования, предъявляемые к ним, представляются весьма значительными. Существующие у судей компетенции должны находиться на высоком уровне, достаточном для поддержания справедливости и объективности актов-решений судебных инстанций.

Наконец, нужно создать результативную систему контроля/надзора за выполнением актов-решений судов в делах административного типа. Такой подход даст возможность поддерживать процесс достижения целевых ориентиров юстиции в этой сфере и удостовериться в исполнении законности.

В качестве примера, отражающего перспективы развития арбитражного контроля, можно назвать рассмотрение исков административного плана относительно действий органов из разряда «контролирующие». В частности, речь может идти о споре, который возник между субъектом предпринимательской деятельности и антимонопольную структуру, ФНС и прочими государственно-контрольными органами.

Допустим, субъект предпринимательской деятельности подал исковое-заявление в суд-арбитраж, чтобы признать противоречащими нормам права действия антимонопольной структуры, наложившей на него штрафную сумму за несоблюдение законодательных предписаний в антимонопольной сфере. При рассмотрении этой спорной ситуации суд-арбитраж изучает и оценивает законность действий антимонопольной структуры, соответствие их правомочиям и законодательно регламентированным требованиям.

Принятое по этому спору судом-арбитражем решение способно обеспечить развитие арбитражного контроля. Когда судебная инстанция признает произведенные антимонопольной структурой действия противоречащими закону и отменит соответствующий штраф, это сформирует прецедент, способный влиять на судебную практику в будущем [10]. Структуры госконтроля будут в обязательном порядке должны брать в расчет данное решение и соответствующе корректировать собственную деятельность.

Помимо всего прочего, такое решение суда-арбитража может выступать «фундаментом» для оптимизации законодатель-

ных предписаний в сфере госконтроля. Разъяснение органами судебно-властной системы трактовки НПА и законодательных требований способно стать фактором дополнения и корректировки соответствующих законодательных актов, что стимулирует эффективность административной юстиции.

Из представленной информации следует, что оптимизация арбитражного контроля не может обойтись без комплексного подхода, предполагающего законодательные корректировки/дополнения, изменения в судебной практике, профподготовку судей и надзор за выполнением судебных актов-решений. Лишь при исполнении данных аспектов возможно достичь результативности юстиции в этой сфере и поддерживать состояние защищенности гражданских прав.

Пристатейный библиографический список

1. Щепалов С. В., Зайцев Д. И. Административное и судебное усмотрение в российской науке: проблемы соотношения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 107-118. doi: 10.17223/22253513/46/8
2. Анисифорова М. В., Машугина Е. В., Андреев М. В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам административных правонарушений: монография / Под науч. ред. А. П. Шергина. М.: ИНФРА-М, 2020. 119 с.
3. Гартин Ю. А. Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы // Наука. Общество. Государство. 2022. № 3 (39). С. 3-12.
4. Голещихин В. С. Проект новой кодификации административно-деликтного законодательства: проблемы терминологии, дефекты структурирования и другие недостатки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 34-49.
5. Грудцына Л. Ю. Цифровое будущее права: к вопросу об аддитивных технологиях // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 5-14.
6. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / Отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
7. Никитин Е. О., Лютикова Е. С. Независимость арбитражных управляющих при проведении процедур несостоятельности (банкротства) // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 4 (23). С. 45-50.
8. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 356 с.
9. Сасыкин К. Ю. Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 3. С. 381-393.
10. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуально-кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44-51.
11. Тесис Д. Д. Механизмы обеспечения независимости арбитражного управляющего // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 90-96.
12. Улезко А. Когда арбитражный управляющий признается заинтересованным лицом: взгляд судов // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 1 (63). С. 53-57.

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России

ТЕМНИКОВ Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России

ВИНОГРАДОВА Светлана Лидиевна

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НАУКИ

В статье рассматриваются проблемы административно-правового регулирования в сфере науки и научно-технической деятельности. В результате проведенного исследования авторами сформулированы ряд направлений совершенствования административно-правового регулирования в указанной сфере. В частности, верным направлением реформирования управления российской наукой является кратное увеличение доли автономных научных лабораторий в числе непосредственных получателей бюджетных средств, выделенных на поддержку науки. Кроме того, необходимо дальнейшее более активное внедрение системы грантового финансирования научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: наука, научно-техническая деятельность, научно-исследовательские институты, гранты, самоуправление.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

TEMNIKOV Alexey Yuryevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

VINOGRADOVA Svetlana Lidievna

senior lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

SEPARATE AREAS FOR IMPROVING ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF SCIENCE

The article discusses the problems of administrative and legal regulation in the field of science and scientific and technical activities. As a result of the conducted research, the authors have formulated a number of directions for improving administrative and legal regulation in this area. In particular, the right direction for management reform is a multiple increase in the share of autonomous scientific laboratories among the direct recipients of budgetary funds allocated to support science. In addition, further more active implementation of the grant financing system for research activities is needed.

Keywords: science, scientific and technical activity, research institutes, grants, self-government.

Научная деятельность, как важнейший драйвер социального прогресса, безусловно, выступает в роли одного из приоритетных объектов государственного управления. В качестве стратегической цели Российского государства обозначено формирование необходимых условий перехода отечественной экономики на инновационный путь развития. Вместе с тем, современный уровень развития российской науки нельзя признать в полной мере отвечающим целям и задачам, обозначенным в документах стратегического планирования в качестве политических приоритетов развития Российской Федерации. Наличие отдельных выдающихся ученых, конкурентоспособных лабораторий и даже целых научно-исследовательских учреждений нельзя, к сожалению, не свидетельствует о том, что российская наука занимает одно из ведущих мест в мировой науке. Эффективность российской науки с точки зрения, прежде всего, её экономической функции, на сегодняшний день недостаточна для построения инновационной экономики, в основе которой лежит оборот интеллектуальной собственности. На конец «нулевых» численность исследователей сократилась более чем в два раза в сравнении с советским периодом развития российского государства. Обозначенная тенденция сохраняется и сегодня [2, с. 68], когда число желающих поступить в аспирантуру и посвятить свою карьеру научной деятельности ежегодно снижается.

Сказанное свидетельствует о необходимости реформирования государственного управления наукой и научно-технической деятельностью. На сегодняшний день в условиях обострения геополитической обстановки и критической технологической зависимости Российской Федерации по целому ряду ключевых отраслей, задача по реформированию управления наукой без преувеличения вышла на первый план. Участие государства в этой сфере имеет, пожалуй, решающее значение, хотя излишнее вме-

шательство государства в научную деятельность тоже губительно. Основной фокус государственного управления в научной сфере необходимо сосредоточить на её центральном субъекте – ученом и коллективах ученых. Научно-исследовательская деятельность даст тем больший социально-экономический эффект, чем больше (и, главное, эффективнее) государство вложит средств в раскрытие интеллектуального потенциала граждан, в создание стимулов для субъектов научной деятельности, и, в частности, в формировании гарантий защиты прав научных работников. Одна из проблем, тесно связанных с обеспечением правовых гарантий, лежит в плоскости соотношения законодательства о науке и законодательства об охране интеллектуальной собственности.

В Федеральном законе о науке и научно-технической деятельности (далее также – Законе о науке) закреплены два важных положения:

во-первых, закрепляется принцип государственного регулирования и самоуправления (ч. 1 ст. 7);

во-вторых, закреплено, что приоритетные направления развития науки и техники определяются уполномоченными органами государства (ч. 2 ст. 7).

С одной стороны, в силу ч. 1 ст. 13 Закона о науке направления государственной научно-технической политики на среднесрочный и долгосрочный периоды определяются главой государства на основе специального доклада федерального Правительства. С другой стороны, данный механизм в значительной степени носит устаревший в современных условиях свободы экономической деятельности административно-командный характер.

Результатом длительных дискуссий относительно реформы РАН стал Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации»¹. Наиболее спорным являлся вопрос об управлении имуществом РАН. Этот вопрос лаконично решен в ч. 2 ст. 2 Закона: функции и полномочия учредителя и собственника федерального имущества РАН осуществляются Правительством.

Современная наука, разумеется, не может быть автономной, ее структуры нуждаются в разумном административно-правовом регулировании. Тем не менее минимизация имущественной самостоятельности научных учреждений вряд ли является эффективным административным решением. Организация научно-технической деятельности должна быть исключительно гибкой, максимально полно и быстро учитывать любые изменения исследовательской конъюнктуры.

В современной науке выделяют три основные формы участия государства в управлении наукой путем финансовой помощи (или финансовой поддержки, осуществляемой государством):

организация и содержание научных центров, находящихся на бюджетном финансировании, выполняющих государственные заказы;

предоставление безвозмездных субсидий на проведение фундаментальных научных исследований ученым и научным центрам вне зависимости от форм собственности и с учетом дифференциации отраслей по приоритетам при определенном соотношении государственных и частных инвестиций, исследования и разработки;

предоставление налоговых льгот (субсидий) бизнесу, вкладывающему свои средства в научные разработки.

Организация научных центров, находящихся на бюджетном финансировании, осуществляется в форме научно-исследовательских и опытно-конструкторских институтов, т.е. достаточно больших учреждений. Такая форма управления наукой часто подвергается критике как неэффективная.

Как правило, конкретными проектами занимается определенная группа ученых, организованная в форме лаборатории. Именно эта форма является наиболее эффективной и мобильной в научно-исследовательской деятельности. Разумеется, лаборатории объединяются в более обширные тематические структуры – институты, но такие объединения – лишь необходимая форма консолидации ученых, но никак не форма организации научно-исследовательской деятельности.

Организация научной деятельности в форме научных лабораторий характеризуется рядом преимуществ. Одно из таких преимуществ связано с возможностью более точечного финансирования. Узкая специализация коллективов ученых, работающих в лаборатории, позволяет найти и профинансировать конкретную лабораторию, а не группу лабораторий, объединенных в научно-исследовательский институт. В качестве второго преимущества научно-лабораторной формы организации научно-технической деятельности следует отметить снижение административно-бюрократических барьеров. Если финансируется какая-либо конкретная лаборатория, то средства, необходимые для покупки оборудования, реактивов, оплаты труда ученых, распределяются быстрее, прозрачнее и эффективнее внутри самой научной деятельности.

Еще одно преимущество – прозрачность отчетности и ответственности самих ученых (ответственность лабораторий за расходование средств, выделенных для реализации того или иного научно-исследовательского проекта, является открытой и адресной, любые необходимые проверки деятельности лаборатории могут осуществляться в кратчайшие сроки). Так, на сегодняшний день под эгидой Федерального медико-биологического агентства на базе Курчатовского института атомной физики за счет средств федерального бюджета создано более десятка научных лабораторий, которые сосредоточены на синтезе нано и биотехнологий с технологиями искусственного интеллекта. Данная задача признана одной из приоритетных в условиях четвертой научно-технической революции, в связи с чем государство сосредоточило

финансовые ресурсы на решении соответствующих задач именно в научно-лабораторной организационной форме².

Еще одно важное направление реформирования управления российской наукой в условиях свободной экономики и продолжающегося развития рыночных отношений – развитие грантового финансирования научных проектов на конкурентной основе. В качестве одной из ключевых задач в этом контексте следует признать формирование системы независимого экспертного обоснования и определения направлений (объектов, тематики исследования). В определении конкретных направлений научных исследований решающий голос должен оставаться за учеными, а не за должностными лицами ведомств, реализующих функции государственного управления в области науки.

Другой существенный недостаток, предопределяющий неэффективность формирующейся в России грантовой системы финансирования научной деятельности, лежит в плоскости налогообложения. Грантовые средства, направляемые на научные проекты из бюджетов разного уровня (прежде всего – федерального) облагаются разными видами налогов, в результате чего происходит фактическое уменьшение средств, выделяемых на проведение исследований. Фактически имеет место перманентное недофинансирование науки. Ситуацию, когда государственные средства выделяются на научные разработки и частично в виде налогов вновь изымаются в бюджет, вряд ли можно охарактеризовать как эффективное государственное управление. Пример государств с развитой экономикой и глубоким взаимодействием научных и хозяйствующих субъектов указывает на эффективность освобождения субъектов научной деятельности от уплаты налогов при получении ими грантовой поддержки [1, с. 97]. Видится правильным обеспечить соответствующие условия и в России.

Подводя итог, сформулируем приоритетные направления реформирования государственного управления научной сферой в Российской Федерации.

В условиях свободы экономических отношений, равноправия всех видов собственности и защиты конкуренции оптимальной формой организации научной и научно-технической деятельности являются компактные научные лаборатории, а не преобладающие в России научно-исследовательские институты. Верным направлением реформирования управления российской наукой в этом контексте представляется если не полный переход от формы научно-исследовательских институтов, то, по крайней мере, кратное увеличение доли автономных научных лабораторий в числе непосредственных получателей бюджетных средств, выделенных на поддержку науки.

Необходимо дальнейшее более активное внедрение системы грантового финансирования научно-исследовательской деятельности. Такая форма финансирования науки позволяет концентрировать ресурсы непосредственно на конкретных научных проектах, сократить сроки поступления средств непосредственно субъектам научной деятельности в обход бюрократического аппарата и, как следствие, ускорить получение конкретных научно-исследовательских результатов. Кроме того, требуется законодательно запретить налоговую нагрузку на средства, направляемые научным учреждениям в рамках грантов.

Пристатейный библиографический список

1. Аракелян К. Э., Акулинин Ф. В., Зенин А. Е., Кравцова Ю. А. Проблемы развития грантовой системы в России // Научные труды Вольного экономического общества России. - 2011. - Т. 149. - С. 97.
2. Бланков А. С., Топоркова М. К. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования организации и функционирования сферы высшего образования // Административное право и процесс. - 2020. - № 2. - С. 68.
3. Рыкова И. Н. Подходы к определению результативности научно-исследовательской деятельности в России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. - 2013. - № 3. - С. 73.

1 Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 39. Ст. 4883.

2 Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

ПЕТРОВСКАЯ Мирослава Ивановна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Петровская М. И.

К ВОПРОСУ О БАЗОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

В статье рассмотрены базовые концептуальные характеристики вынужденной миграции на современном этапе развития публично-правовой науки и практики. Вынужденная миграция рассматривается как особый вид миграционного перемещения, характеризующийся вынужденным характером, под влиянием определенных объективных обстоятельств. Сформулированы основные подходы к научному изучению вынужденной миграции.

Ключевые слова: вынужденная миграция, беженец, вынужденный мигрант, добровольная миграция, права человека.

PETROVSKAYA Miroslava Ivanovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

ON THE ISSUE OF BASIC CHARACTERISTICS OF FORCED MIGRATION

The article examines the basic conceptual characteristics of forced migration at the current stage of development of public law science and practice. Forced migration is considered as a special type of migration movement, characterized by a forced nature, under the influence of certain objective circumstances. The main approaches to the scientific study of forced migration are formulated.

Keywords: forced migration, refugee, forced migrant, voluntary migration, human rights.

Вынужденная миграция представляют собой достаточно актуальную и востребованную область для публично-правовых исследований. Вынужденная миграция, как явление социально-политического и правового характера, отражает в своей сущности прежде всего интересы определенного круга граждан, преследующих гуманитарных цели, не связанные с личным обогащением и корыстными целями. Вместо этого лица, получившие обобщенное название «вынужденные мигранты», встречающееся в международных документах¹, стремятся к обеспечению безопасности собственной жизни и здоровья и жизни и здоровья членов своей семьи от противоправных преследований со стороны органов власти за свои убеждения или определенные персональные характеристики (пол, раса, национальность, язык и пр.), которые в стране прибытия не признаются правонарушением или преступлением. Такой подход отражает сложившуюся в науке палитру научных мнений относительно вынужденной миграции [4].

В настоящей статье видится необходимым рассмотреть базовые характеристики вынужденной миграции, которые позволяют с одной стороны идентифицировать вынужденную миграцию как особый вид миграционного перемещения, а с другой стороны дают возможность отграничить вынужденную миграцию от всех иных видов миграции таких, как добровольная, трудовая или экономическая миграция, и иных видов, представленных в теории и практической деятельности.

Рассмотрение заявленной проблематики видится необходимым начать с изучения такой ключевой характеристики вынужденной миграции как вынужденность. Вынужденность

миграционного перемещения является логичным и совершенно объективным следствием характера и степени нарушения прав и свобод человека и гражданина, что в конечном итоге и повлекло указанное вынужденное миграционное перемещение [9].

Автор рассматривает вынужденную миграцию как комплексное явление, характеризующееся целым спектром причин и обстоятельств, которые не могут быть объективно определены в национальном законодательстве государств, принимающих вынужденных мигрантов.

Следует также иметь в виду, что вынужденная миграция характеризуется экстремальными и непредсказуемыми условиями, которые и влекут за собой реакцию человека, оказавшегося под влиянием таких условий, в виде оперативного и вынужденного миграционного перемещения, учитывая объективно существующую угрозу нарушения прав человека и основных свобод, выразившиеся в причинении или угрозе причинения вреда жизни, здоровью, угрозе лишения свободы [5, с. 69-80].

В целом, по мнению автора, вынужденность как базовая характеристика и критерий вынужденной миграции является также и основным правовым основанием вынужденной миграции, поскольку качественно характеризует миграционное перемещение и связана с определенными обстоятельствами, оценка которых является прерогативой государства приема вынужденного мигранта [6].

Следует отметить, что критерий вынужденности также используется для объективной характеристики наличия или отсутствия утверждаемого вынужденным мигрантом принуждения со стороны органов власти государства проживания, а также вынужденность как базовая характеристика вынужденной миграции определяет экстремальный характер

¹ Glossary on migration. International Organization for Migration (IOM). № 34. 2019. P. 77.

условий прибытия вынужденного мигранта и его неподготовленность к миграционному перемещению.

Так, если в случае с добровольной миграцией, например трудовой или образовательной, основным миграционным мотивом служат лучшие условия труда или получение образования, а сама миграция носит подготовленный и осмысленный характер, то в случае с миграцией вынужденной миграционное перемещение обусловлено не желанием улучшить условия жизни или получением знаний и повышением квалификации, а нарушением фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, отраженных в базовых международно-правовых документах и проистекающей из этого объективной потребностью вынужденных мигрантов в содействии для успешной социально-культурной адаптации и интеграции [8, с. 32-36].

Указанные обстоятельства дополняются такими важнейшими признаками как неспособность государства обеспечить соблюдение общеправовых принципов на своей территории, признанных международным сообществом и большинством государств с развитыми демократическими устоями и традициями [7, с. 111-113].

Необходимость использования данного признака при определении и характеристике вынужденной миграции как политико-правового и социального феномена обусловлена в первую очередь растущим запросом со стороны мигрантов в части обеспечения возможности для реализации своих основополагающих прав, установленных такими международными правовыми актами, как Всеобщая декларация прав человека 1948 года², Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года³, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года⁴.

Конкретный перечень обстоятельств объективно не может быть отражен в тексте международных правовых актов из-за своего исключительного характера, поскольку значение в этом случае имеет даже не сам факт события, а те социально-экономические и правовые последствия, которые данное событие повлекло.

Поэтому критерий вынужденности в каждом конкретном случае должен толковаться компетентными государственными структурами индивидуально, применительно к каждому отдельному случаю и к каждому конкретному мигранту, то есть персонализировано.

Такими обстоятельствами могут быть вооруженные конфликты, революции, а также стихийные бедствия и действия государства, которые являются в такой мере нерациональными и неправовыми, что влекут за собой необратимые последствия в части невозможности обеспечения государственными структурами достойных условий проживания на всей территории государства [6].

Перечень таких обстоятельств может быть весьма широким и едва ли может быть оспоримым тезис о том, что каждое государство самостоятельно вправе определять какие конкретные события или действия других государств считать достаточными для вынужденной миграции. Безусловно, это прерогатива принимающего государства определять перечень таких событий и действий и давать им надлежащую оценку.

В тоже время, как было указано выше, определяя перечень таких событий и действий государство руководствуется не только гуманитарными соображениями, но и внутренней социально-экономической ситуацией [5, с. 69-80], поскольку прием вынужденных мигрантов предполагает определенный уровень затрат бюджета, предоставления социальных гарантий, рабочих мест, а также соображениями национальной безопасности, профилактики и превенции преступности в сфере мигрантов [10, с. 12-14], а также защитой прав вынужденных мигрантов [1], [2], [3].

В этом смысле можно утверждать, что базовой характеристикой вынужденной миграции является вынужденность миграционного перемещения, при этом достаточность и объективность оснований для вынужденного миграционного перемещения первоначально определяет сам мигрант, а затем после прибытия в государство, способное, по мнению мигранта, обеспечить ему защиту от преследования, достаточность и объективность оснований оценивают уже компетентные государственные органы.

Пристатейный библиографический список

1. Андрейцо С. Ю., Соболева М. М. Направления совершенствования защиты отдельных групп иностранных граждан: трудовых, вынужденных, незаконных мигрантов // Журнал правовых и экономических исследований. - 2021. - № 3. - С. 34-41.
2. Андрейцо С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России: права человека, трудовая, вынужденная незаконная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2022. - № 2 (55). - С. 69-72.
3. Андрейцо С. Ю. К вопросу о некоторых аспектах защиты прав иностранных граждан в России: проблемы вынужденной и незаконной миграции // Закон. Право. Государство. - 2024. - № 2 (42). - С. 58-60.
4. Квачахия Р. Г. Понятие вынужденной миграции // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 1 (116). - С. 42-45.
5. Петровская М. И. Институт беженца как объект государственного управления в России: проблемы административно-правового регулирования // Право и политика. - 2023. - № 11. - С. 69-80.
6. Петровская М. И. Административно-правовое регулирование государственного управления в сфере вынужденной миграции в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. - Москва, 2024. - 233 с.
7. Петровская М. И. Основные подходы к административно-правовому регулированию государственного управления в сфере вынужденной миграции в России // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 7. - С. 111-113.
8. Рогульский Д. А. Культурно-идеологические проблемы в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Миграционное право. - 2024. - № 1. - С. 32-36.
9. Перрушу Р. Международное миграционное право: глоссарий терминов. - Женева: Международная организация по миграции (МОМ). - 2005.
10. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Профилактика миграционной преступности: правообразующий аспект // Миграционное право. - 2024. - № 1. - С. 12-14.

2 «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант плюс».

3 «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант плюс».

4 «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

НАЗАРАЛИЕВ Нариман Тимурович*

магистрант 2-го курса, магистерская программа «Проблемы гражданского и арбитражного процессуального права», Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА

В статье рассматриваются проблемы деятельности арбитражного суда по отправлению правосудия, которые заключаются в том, чтобы вынести законное и обоснованное решение, дело из спорного перевести в бесспорное. Вся деятельность по осуществлению правосудия направлена на вынесение судебного решения, которое венчает всю деятельность суда. На выполнение этой цели направлены действия суда, совершаемые при возбуждении дела, подготовка дела к рассмотрению и собственно рассмотрению дела. Судебное решение содержит решение всех заявленных требований. В нем суд реализует свои властные полномочия, осуществляемые от имени государства.

Ключевые слова: арбитражный процесс, признаки, правовая природа, решение суда, деятельность, суд, проблема, правосудие.

NAZARALIEV Nariman Timurovich

magister student of the 2nd course, master's program "Problems of civil and arbitration procedural law", Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

THE ESSENCE AND LEGAL NATURE OF THE DECISION OF THE ARBITRATION COURT

The article examines the problems of the arbitration court's activities in the administration of justice, which consist in making a lawful and reasonable decision, transferring the case from controversial to indisputable. All activities in the administration of justice are aimed at making a judicial decision, which crowns all the activities of the court. The actions of the court, performed when initiating a case, preparing the case for consideration and the actual consideration of the case, are aimed at achieving this goal. The judicial decision contains a solution to all stated claims. In it, the court exercises its powers, exercised on behalf of the state.

Keywords: arbitration process, features, legal nature, court decision, activity, court, problem, justice.

Главной формой реализацией судебной власти является правосудие. В науке нет единой точки зрения относительно понятия правосудия. В толковых словарях также данная категория трактуется по-разному. В большинстве из них правосудие определяется как деятельность. В частности, как «форма государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных и гражданских дел» определяется правосудие в Большом энциклопедическом словаре [2].

По мнению С. И. Ожегова правосудие - это деятельность суда [9]. Д. Н. Ушаков считает правосудием деятельность суда, основанную на законе и судебную деятельность органов юстиции [19].

В толковом словаре Ефремовой правосудие определяется как «Решение, суждение, основанное на законах и справедливости» [5].

Еще в советское время Н. И. Авдеенко к существенным признакам правосудия по гражданским делам относил разрешение судом правового спора по существу и констатация правомерности применения в конкретных случаях мер государственного принуждения [1], которая на наш взгляд должна содержаться в решении суда по делу, так как конечной целью арбитражного судопроизводства в первой инстанции является разрешение дела по существу и принятие решения, которое представляет собой акт правосудия. Арби-

тражно-процессуальное значение судебного решения заключается в том, что оно является основным актом правосудия по экономическим спорам. Арбитражное процессуальное законодательство не дает понятие судебного решения. Его доктринальное понятие выработано учеными в области арбитражного и гражданского процессуального права.

Основная деятельность арбитражного суда по отправлению правосудия заключается в том, чтобы вынести законное и обоснованное решение, дело из спорного перевести в бесспорное. Вся деятельность по осуществлению правосудия направлена на вынесение судебного решения, которое венчает всю деятельность суда. На выполнение этой цели направлены действия суда, совершаемые при возбуждении дела, подготовки дела к рассмотрению и собственно рассмотрению дела. Судебное решение содержит решение всех заявленных требований. В нем суд как суд реализует свои властные полномочия, осуществляемые от имени государства.

Проблемам судебного решения большое внимание уделялось в науке гражданского. В арбитражном процессуальном праве научные исследования в данной области стали появляться совсем недавно, но основой научных исследований являются выводы, сделанные учеными в области гражданского процессуального права.

В работах таких ученых как М. Г. Авдюков, Н. Б. Зейдер, М. А. Гурвич, Н. А. Чечина, В. Н. Щеглов, Д. М. Чечот и др., написанных в 1960-80-е годы были исследованы актуальные проблемы сущности судебного решения [14, с. 15-26], [15], [16], предъявляемых к нему требований, а также вопросы за-

* Научный руководитель – Ахмедов Джалил Ахмедович, старший преподаватель, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

конной силы судебного решения. Исследования в области проблем судебного решения в арбитражной процессуальной науке немногочисленны.

Еще в дореволюционный период немецкие ученые в области гражданского процессуального права (Гельвинг, Лабанд, Бюлов) выдвинули две теории, характеризующие сущность судебного решения: теория приказа и теория подтверждения, или установления права. Смысл теории приказа сводится к тому, что судебное решение рассматривается как обязательный приказ, санкция, адресованная государством ко всем, на кого распространяется решение. Решение согласно этой теории, рассматривается как равное норме права. Критикуя теорию приказа, О. Бюлов определил решение как «волеизъявление, соответствующее закону», как выражение правовой воли, исходящей из государственной власти [23]. Эти теории были восприняты и известными русскими дореволюционными учеными-процессуалистами Е. В. Васильевым [18], К. Малышевым [8], И. Я. Фойницким [20] и др.

Так, В. А. Краснокутский рассматривал судебное решение как «ответ судебного органа на поставленный государству вопрос бытия права, признания обязательности его для всех» [10]. В судебном решении исследователь выделял материально-правовую природу судебного решения. По его мнению, судебный акт является одной из форм конкретизации юридических норм, т.е. одной из форм применения абстрактных норм к конкретным случаям жизни, вызванной предъявлением иска. С процессуальной стороны решение есть результат целого ряда волевых процессов и умозаключений, это синтез и соединение всех процессуальных действий в одно целое, даваемое судом по окончании судебного рассмотрения по делу, это «последний завершительный формальный акт искового производства, связанный с рассмотрением дела по существу» [10, с. 532].

Данные теории были подвергнуты серьезной критике в советский период. На недопустимость рассмотрения сущности судебного решения через теории приказа и подтверждения указывали М. Г. Авдюков, А. Ф. Клейман, Н. А. Чечина и др. Несмотря на имевшиеся разногласия, фактически, элементы теорий «приказа» и/или «подтверждения» присутствовали в работах многих советских ученых.

По мнению Л. В. Левшина, судебное решение представляет собою основанное на конкретной правовой норме предписание определенного поведения конкретным участником спорного правоотношения [17]. Таким образом, автор, все равно, свел сущность судебного решения к приказу суда.

Если проанализировать существовавшие в советский период определения понятия судебного решения, его сущность, то увидим, что большинство авторов фактически объединяют эти теории, формулируют свои выводы, в завуалированной форме рассматривая судебное решение как совокупность двух частей: приказа и подтверждения.

В частности, Н. А. Чечина рассматривает судебное решение как акт, сочетающий в себе два начала – констатационное и императивное.

Констатационный момент – подтверждение решением существование или отсутствие экономического правоотношения; **императивный момент** – само предписание суда от имени государства о конкретных правах и возложенных обязательствах на конкретных лиц [22].

В процессе охраны гарантированных законом прав граждан и организаций А. Ф. Клейман выделял две составляющие судебного решения: признание у истца спорного права или отсутствия такового, а также приказ суда как органа государственной власти подчиняться решению под страхом применения мер в случае отказа добровольно выполнить решение суда [4]. Фактически он объединил эти теории, хотя определяя сущность судебного решения А. Ф. Клейман исходил из того, что это акт органа судебной власти, который предоставляет защиту нарушенному или оспариваемому праву, охраняет правопорядок и выполняет воспитательную функцию [7].

Позицию соединения теории приказа и подтверждения придерживается М. А. Вукот. Она рассматривает судебное решение как акт волеизъявления органа государственной власти, которым властно конкретизируется и подтверждается правоотношение, право и факт [3].

По мнению Л. В. Тумановой, сущность судебного решения заключается в том, что оно воздействует на материальные правоотношения, тем самым, императивно подтверждая их наличие или отсутствие, устраняет спорность права или неопределенность в праве и создает правовую возможность беспрепятственной реализации права или охраняемого законом интереса и тем самым оказывает им защиту [13].

Сторонником этой теории является и В. В. Ярков. Он считает, что в решении проявляется свойство как приказа (властный характер решения суда о праве), так и свойство подтверждения (разрешается спор о праве) [11].

В науке цивилистического процесса в течение продолжительного времени дискуссионным является вопрос определения основного признака, который может позволить раскрыть сущность и природу судебного решения.

Некоторые ученые в качестве такового выделяли защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов [14, с. 16]. Соглашаясь с М. Г. Авдюковым по сути, А. Ф. Клейман указал на слишком узкое понятие судебного решения. Понятие данное М. Г. Авдюковым охватывает только судебные решения по делам искового производства и не учитываются судебные решения по другим видам судебных производств; также им не учтена превентивная функция судебного решения.

Иную точку зрения отстаивали ученые, которые рассматривали судебное решение как акт правоприменения. Так, Н. А. Чечина указывала, что сущность судебного решения определяется сущностью той нормы материального права, которая применена судом к спорному правоотношению. Н. А. Чечина писала: «Правовая природа решения суда как акта применения права сводится: 1) к регулированию правом через суд спорных общественных отношений, т.е. к осуществлению защиты субъективных прав, составляющих содержание спорных правоотношений; 2) к регулированию общественных отношений путем воспитания граждан в духе строжайшего соблюдения законности, в духе соблюдения норм действующего права» [21, с. 656].

Такого же мнения придерживается О. В. Иванов, который рассматривает судебное решение как правоприменительный акт, издаваемый с целью защиты прав и охраняемых законом конкретных лиц, охраны государственных и общественных интересов, воспитательного воздействия на граждан в установленной законом процессуальной форме [6].

Следует согласиться с Н. А. Чечиной в том, что под «сущностью решения необходимо понимать его правовую природу, механизм его воздействия на спорные правоотношения» [21, с. 720].

Проанализировав взгляды ученых на судебное решение А. К. Стариков

интерпретировал «данный институт как результат процессуальной деятельности суда, направленной на установление фактических обстоятельств дела, их правовую оценку, защиту нарушенного или оспариваемого права (или иные цели), выражающийся в применении норм права к конкретной юридической ситуации» [12].

В целях конкретизации правовых категорий следовало бы в ч. 1 ст. 167 АПК дать следующее понятие судебного решения «Решение арбитражного суда - это акт правосудия, принимаемый судом первой инстанции от имени Российской Федерации при разрешении дела по существу».

Пристатейный библиографический список

1. Авдеенко Н. И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. - Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. - С. 50.
2. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. - М., 1997
3. Гражданский процесс России / Под ред. М. А. Викут, И. М. Зайцева. - М., 1998. - С. 248.
4. Абрамов С. Н., Бельдюгин В. Н., Гранберг В. Г., Клейнман А. Ф., и др. Гражданский процесс. Учебник / Под ред.: Клейнман А. Ф. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. - С. 215.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: Русский язык, 2000.
6. Иванов О. В. К вопросу о сущности и содержании решения по гражданскому делу // Проблемы гражданского права и процесса. Труды Иркутского ун-та. Серия юридическая. - 1970. - Т. 78. - Вып. 10. - Ч. 2. - С. 101.
7. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. - М., 1967.
8. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: В 3 т. Т. I. - СПб., 1875. - С. 406. [Электронный ресурс]. - СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2024).
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. - М.: Оникс, 2011. - С. 511.
10. Очерки гражданского процессуального права: Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судостроительству и гражданскому судопроизводству / Проф. В. А. Краснокутский. - Кинешма: Ив. - Вознесенск. губсоюз п-ных о-в, 1924. - [4], 170, [2] с.
11. Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданский процесс: Краткий учебный курс. - М., 2000. - С. 200.
12. Стариков А. К. Судебное решение в гражданском процессе: теоретико-правовые основы // Научный альманах. - 2016. - № 4-1 (18). - С. 405-407.
13. Абова Т. Е., Абросимова Е. Б., Боровский М. В., Булаковский С. В., и др. Судебная власть. Научное издание / Отв. ред.: Петрухин И. Л. - М.: ООО «ТК Велби», 2003. - 720 с. - С. 678. (автор этой части параграфа – Л. В. Туманова).
14. Авдюков М. Г. Судебное решение. - М.: Госюриздат, 1959.
15. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. - М.: Юрид. лит., 1966. - С. 30.
16. Чечот Д. М. Судебное решение в советском гражданском процессе - важнейший акт социалистического правосудия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1953. - 10 с.
17. Левшин Л. В. Сущность и значение судебного решения в советском гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1953. - 12 с. - С. 6.
18. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса / Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. - М.: Зерцало, 2003. - 464 с.
19. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. - М.: Альта-Прин, 2005. - VIII. - С. 764.
20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. I. - М., 1902. - С. 154. [Электронный ресурс].-СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2024).
21. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002-2003. - СПб.: Издат. Дом С. Петерб. гос. ун-та. 2004. - № 2.
22. Чечина Н. А. Судебное решение как акт государственной власти // Вопросы советского государства и права. Ученые записки Ленинградского университета. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1954. - № 182. - Вып. 5. - С. 149.
23. BuLow O. Gesetz und Richteramt S. - I., 1885. - S. 3-4.

АБУЛАДЗЕ Теа

магистр юридического права, Сухумский государственный университет

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ГРУЗИЯ

В статье рассматривается образование муниципальных образований в постсоветском пространстве с первых лет становления независимым государством на примере Грузии, также рассматривается уникальность некоторых муниципальных образований и особенные статусы некоторых городов.

Проблема муниципального устройства в Грузии остается актуальной и в определенной степени болезненной, поскольку, несмотря на более чем 20 лет независимости, страна до сих пор не достигла четкого понимания модели муниципального управления. Последние десятилетия Грузия переживала непростые времена как в экономическом, так и в политическом плане. Каждый раз, когда происходила смена власти, менялось и законодательство. Изначально, после распада Советского Союза, Грузия стала стремиться к англосаксонской модели государственного устройства, что требовало периодической корректировки и совершенствования законодательства.

Грузия интересна своим устройством, в частности тем, что внутри страны действуют две конституции: одна — это Конституция Грузии, вторая — Конституция Аджарской автономной республики, которая является автономной республикой в составе Грузии. Это обстоятельство также вызывает интерес, особенно учитывая, что площадь Грузии составляет всего 69 700 км², а площадь Аджарской автономной республики — 2 899 км².

В данной статье детально анализируется развитие государственного устройства и муниципальных образований Грузии в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Хартия, ААР, ПРООН, ЕС.

ABULADZE Tea

master's of legal studies, Sukhum State University

GENERAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES IN THE REPUBLIC OF GEORGIA

The article examines the formation of municipal entities in the post-Soviet space from the early years of state independence, using Georgia as a case study. It also explores the uniqueness of certain municipal formations and the special statuses of some cities.

The issue of municipal structure in Georgia remains relevant and, to some extent, painful, as the country has not yet achieved a clear understanding of the model of local governance, despite more than 20 years of independence. In recent decades, Georgia has gone through difficult times both economically and politically. Each time there was a change in power, the legislation was altered. Initially, after the collapse of the Soviet Union, Georgia aimed to adopt an Anglo-Saxon model of state organization, which necessitated periodic adjustments and improvements to the legislation.

Georgia is particularly interesting in its structure, especially in that the country operates under two constitutions: one is the Constitution of Georgia, and the other is the Constitution of the Autonomous Republic of Adjara, which is an autonomous republic within Georgia. This situation is noteworthy, particularly considering that the area of Georgia is 69,700 km², while the Autonomous Republic of Adjara covers 2,899 km².

This article provides a detailed analysis of the development of the state structure and municipal entities in Georgia within the post-Soviet space.

Keywords: Charter, AAP, UNDP, EU.

Прежде чем рассматривать вопросы возникновения муниципальных образований и их управления, разумно упомянуть, что представляют собой эти институты и каково их значение в современных государствах.

Муниципальные образования — это населенные территории, на которых осуществляется управление местными органами власти, избранными местными жителями, что дает им право принимать участие в решении вопросов местного значения. Согласно законодательству Грузии, муниципалитеты должны иметь собственные доходы и управлять ими на свое усмотрение в зависимости от потребностей своего региона.

После распада Советского Союза в Грузии были приняты как минимум пять ключевых реформ в области местного управления и самоуправления. Первой из них стало закрепление статуса местного самоуправления в Конституции Грузии 1991 года. Вопрос о необходимости формирования таких институтов встал еще в 1990-х, когда стало очевидно, что центральная власть не может полноценно управлять всей страной без органов власти местного значения, это стало ос-

новой для создания первых муниципальных образований в стране¹.

Первый закон о местном самоуправлении был принят в Грузии в 1997 году, где были четко прописаны функции и полномочия органов местного самоуправления. Этот закон неоднократно претерпевал изменения. Например, в 2005 году была проведена важная реформа, направленная на децентрализацию власти, в результате которой были аннулированы более тысячи единиц муниципальных образований, которые затем объединялись в муниципалитеты. Согласно реформам 2007 года, муниципальные образования стали более подконтрольными центральной власти, что привело к уменьшению полномочий органов местного самоуправления. В 2010 году была проведена еще одна реформа, согласно которой мэры, представляющие муниципальные образования на государственном уровне, должны были избираться

1 Закон о порядке решения вопросов административно-территориального устройства республики Грузия.

исключительно населением муниципалитетов (директивные выборы). Мэры избираются на определенный срок, что позволяет контролировать решения в вопросах местного значения. В 2014 году полномочия местных органов власти были увеличены, что позволило им самостоятельно принимать решения как в экономической сфере, так и в здравоохранении и образовании на уровне муниципалитетов.

В 2014 году появился первый в стране кодекс о местном самоуправлении, в основу которого были положены принятые правительством Грузии «Основные принципы децентрализации и развития местного самоуправления на 2013-2014 гг.». Грузия, в основном, ориентируется на англосаксонскую модель местного самоуправления, что обусловлено взаимосвязями с Европой, она присоединилась к Европейской хартии местного самоуправления 1 апреля 2005 года и ратифицировала все нормы Хартии.

Кодекс местного самоуправления² состоит из 8 разделов, 22 глав и 197 статей. Первый раздел включает общие положения кодекса, который подразумевает деление на 13 муниципалитетов с численностью населения не менее 15 000 человек. Во втором разделе описаны органы местного самоуправления, включая новшества, такие как возможность смещения с должности главы муниципалитета при поддержке 2/3 членом Сакребуло (орган местного самоуправления, избираемый на 4 года). Вопрос о смещении главы может быть инициирован 20% населения муниципалитета или 50% состава Сакребуло. Третий раздел посвящен определению статуса города Тбилиси как столицы Грузии. В четвертом разделе описано участие населения в местном самоуправлении. Пятый раздел включает экономические основы и бюджет местного самоуправления, а шестой – статьи, касающиеся аудита и контроля со стороны центральной власти. Седьмой раздел касается региональных объединений муниципалитетов, а восьмой включает в себя заключительные положения.

В сентябре 2013 года авторы законопроекта «Кодекс местного самоуправления» представили его правительству Грузии. Основная цель изменений заключалась в улучшении административно-территориального деления страны. Согласно первоначальному плану, города с населением более 10 000 человек должны были быть разделены на самоуправляющиеся города и бывшие муниципалитеты, на остальной территории предполагалось создание нескольких самостоятельных общинных муниципалитетов. После обсуждения законопроекта в правительстве, порог для самоуправляющегося города был повышен до 15 000 жителей, при этом город должен был обладать потенциалом для развития. Однако после первых слушаний в парламенте этот критерий был отменён, и была установлена формулировка: «Самоуправляющимся городом является поселение городской категории, которому в соответствии с настоящим Кодексом присвоен или будет присвоен статус муниципального образования»³.

Ранее статус самоуправляющегося города предоставлялся тем населённым пунктам, где находились офисы государственного попечителя или губернатора. Согласно статье 151 Переходных положений Кодекса самоуправления, статус самоуправляющегося города был установлен для пяти городов, существовавших до 2014 года (Тбилиси, Рустави, Кутаиси, Поти и Батуми), а также для семи новых: Телави, Мцхета, Гори, Ахалцихе, Амбролаури, Озургети и Зугдиди.

Эти изменения иллюстрируют стремление Грузии к более эффективному местному управлению, а также к децентрализации власти и ресурсов на уровне муниципалитетов. По состоянию на 2020 год в Грузии функционирует 69 муниципалитетов, из которых 64 представляют собой сельские самоуправляющиеся общины, а 5 – городские самоуправляющиеся города. Несмотря на наличие такой классификации, следует отметить, что юридического различия между двумя типами муниципалитетов фактически нет; оба типа имеют схожие правовые рамки и функции, что делает их управленческие достаточно унифицированными⁴.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2244429?publication=73>.

3 Конституция Грузии.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>.

Самоуправляющиеся города в Грузии обычно расположены в более урбанизированных регионах и имеют более развитую инфраструктуру и экономику. Тбилиси, как столица, является самым крупным и населённым городом страны с населением более миллиона человек. Город, помимо политической роли, служит культурным и экономическим центром Грузии, играя ключевую роль в формировании национальной идентичности. Другие самоуправляющиеся города, такие как Батуми, Кутаиси, Рустави и Поти, также имеют свои уникальные характеристики и важное значение для местной экономики, представляя важные центры промышленности, торговли и туризма.

Самоуправляющиеся общины чаще встречаются в более сельских районах, где население живет в небольших населённых пунктах и деревнях. Эти общины сталкиваются с особыми вызовами, такими как экономическая депопуляция, недостаточное развитие инфраструктуры и сложности с доступностью общественных услуг.

Таким образом, несмотря на формальное различие между сельскими и городскими муниципалитетами, они функционируют в одной системе местного самоуправления, которая требует адаптации к современным вызовам, таким как региональное неравенство и необходимость повышения качества жизни населения как в городах, так и в сельской местности.

До принятия Кодекса существующие законодательные инициативы не позволяли эффективно вовлекать местные власти в процессы, касающиеся планирования и реализации региональных инициатив, это часто приводило к недостаточной согласованности между уровнями управления и, следовательно, к менее эффективным результатам в области регионального развития. Новые подходы направлены на устранение этих недостатков⁵.

Кодекс был разработан с активным участием представителей органов местного самоуправления, что значительно повысило его практическую применимость и учёт местных реалий. Процесс вовлечения местных властей в разработку Кодекса гарантировал, что он будет более адаптирован к реальным потребностям и вызовам регионов.

Аджарская автономная республика (ААР) представляет собой уникальный институт в составе Грузии, обладая особенностями, которые значительно влияют на её административное устройство и правовую систему. Она существует с 1921 года и сохраняет свою автономию в рамках Грузии. В соответствии с Конституцией Грузии, Аджария имеет свой устав, который регулирует местные вопросы и устанавливает специфические нормы управления в этом регионе.

Конституция и нормативные акты: Аджарская автономная республика имеет свою конституцию, которая, несмотря на уникальность, должна соответствовать общегрузинскому законодательству. Это указывает на необходимость гармонизации нормативных актов, действующих в Аджарии, с общими правовыми нормами Грузии.

Аджария – единственная республика, которая географически и по закону входит в состав Грузии и наделена правом создавать собственные законы, касающиеся местного самоуправления, экономического и социального развития, культуры и образования, что значительно увеличивает степень самоуправления.

Аджарская автономная республика, расположенная на юго-западе Грузии, обладает уникальной системой муниципального управления, отражающей как местные, так и общенациональные традиции. Вот некоторые интересные аспекты, связанные с муниципальным управлением в этом регионе:

Муниципальные образования: В Аджарии существует несколько уровней муниципального управления, включая муниципалитеты и сельские советы. Наиболее крупные муниципалитеты, такие как Батуми (столица республики), играют важную роль в экономическом и культурном развитии региона.

5 Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространство.

Выборные органы: Муниципальные органы власти формируются на основе выборов. Местные советы (Сакребуло) избираются жителями муниципалитетов, что способствует более активному участию граждан в процессе принятия решений.

Разработка программ и стратегий: Муниципальные органы активно разрабатывают различные программы для улучшения качества жизни в своих территориях. Это может включать проекты по улучшению инфраструктуры, социальной поддержке и развитию туризма, который важен для региона.

Интеграция с центральной властью: Муниципалитеты Аджарии работают в тесной связи с центральным правительством Грузии, что позволяет обеспечивать согласованность в политике и финансировании. Центральные власти также предоставляют помощь в разработке и реализации местных инициатив.

Местное самоуправление: В Аджарии активно внедряются принципы местного самоуправления, что позволяет гражданам участвовать в процессе принятия решений, касающихся их жизни и развития муниципалитетов.

Взаимодействие с международными организациями: Регион активно сотрудничает с международными организациями, такими как ПРООН, ЕС и другими, для получения финансирования и технической помощи в реализации проектов муниципального развития⁶.

Культурное разнообразие: Аджария — многонациональный регион с богатой культурной историей. Муниципальное управление учитывает культурные особенности и интересы различных этнических групп, способствуя социальной гармонии и интеграции.

Развитие устойчивого туризма: Одной из приоритетных задач муниципального управления в Аджарии является развитие туризма. Муниципалитеты разрабатывают стратегии по улучшению инфраструктуры, сохранению природных ресурсов и поддержке местных предпринимателей.

Таким образом, муниципальное управление в Аджарской автономной республике представляет собой динамичную систему, ориентированную на улучшение жизни местных жителей, развитие инфраструктуры и учет потребностей различных групп населения.

Также отличается политическая структура Аджарской автономной республики, которая включает в себя ряд органов власти, таких как:

Рада автономной республики: Основной законодательный орган, который принимает законы и регулирует различные аспекты жизни автономии.

Председатель Рады: исполняет функции представителя автономии и координирует работу всех органов власти.

Аджария обладает значительным экономическим потенциалом благодаря своему географическому положению и туристическим возможностям. Республика активно развивает курортный бизнес, способствующий росту местной экономики и созданию рабочих мест.

Взаимодействие Республики с центральным правительством Грузии иногда бывает неоднозначным, особенно в вопросах бюджетных трансфертов и автономных полномочий. Таким образом, развивается диалог, требующий постоянного внимания с обеих сторон для достижения устойчивого и эффективного управления.

Аджарская автономная республика – это пример того, как автономия может функционировать в рамках единого государства, обеспечивая местные интересы, сохраняя культурные особенности и одновременно интегрируясь в общегрузинскую общественно-политическую и правовую систему. Важно, чтобы все нормативные акты и инициативы продолжали разрабатываться в духе уважения к законодательству Грузии, что будет способствовать стабильности и развитию региона.

Децентрализация власти: в последние годы в Грузии, включая Аджарию, наблюдается тенденция к децентрализации, что подразумевает передачу большего количества полномочий и ресурсов местным органам власти. Это позволяет

муниципалитетам более гибко реагировать на лица и проблемы своей территории.

Программа местного самоуправления: В Аджарии реализуются различные программы, направленные на поддержку местного самоуправления. Эти программы часто включают обучение местных чиновников, поддержку инициатив по развитию бизнеса и улучшению социальных условий.

Финансирование: Муниципалитеты в Аджарии финансируются как из местного бюджета, так и из республиканского бюджета. Значительная часть финансирования также поступает из международных организаций и грантов, направленных на развитие инфраструктуры и социальных проектов.

Экологические инициативы: Учитывая богатую природу региона, муниципальные власти также уделяют внимание экологическим вопросам. Разрабатываются и внедряются местные инициативы для сохранения окружающей среды, охраны природных ресурсов и создания комфортной городской среды.

Культурное наследие и туризм: Аджария богата культурным наследием, и местные органы власти стремятся развивать туристическую инфраструктуру и продвигать культурные мероприятия. Это может включать фестивали, выставки и другие события, которые привлекают туристов и способствуют укреплению местной экономики.

Таким образом, муниципальное управление в Аджарии является сложным и многогранным процессом, от которого зависит не только стабильное развитие региона, но и улучшение качества жизни его жителей. Текущие инициативы и программы направлены на создание более учетной и открытой системы управления, что, в свою очередь, способствует социально-экономическому развитию всей республики.

В заключение следует подчеркнуть, что процесс становления и развития муниципальных образований в Грузии является важной частью широких реформ, направленных на укрепление местного самоуправления и децентрализации власти. С момента принятия первого закона о местном самоуправлении в 1997 году до настоящего времени, система местных органов власти претерпела множество изменений, адаптируясь к новым реалиям и вызовам.

Важно отметить, что эффективное функционирование муниципальных образований зависит не только от законодательных и структурных преобразований, но и от активного участия граждан в управлении местными делами. Осознание местными жителями своей роли в процессе принятия решений и ответственность за свой регион создают возможность для более динамичного и устойчивого развития.

Таким образом, будущее местного самоуправления в Грузии будет определяться не только качеством административных реформ, но и уровнем вовлеченности общества. Для достижения поставленных целей необходимо продолжать совершенствование законодательства, расширение полномочий местных органов власти и поддержку инициатив граждан, что в конечном счете приведет к улучшению качества жизни на местах и более эффективному управлению ресурсами страны.

Пристатейный библиографический список

1. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chaertemartvashi.ge/files/Local-Governance-Georgia-1994-2014.pdf>.
3. Чихладзе Л. Т. Становление и развитие местного управления и местного самоуправления в Республике Грузия.
4. Кодекс о местном самоуправлении Грузии от 05.02.2024 г.
5. Конституция Грузии.
6. Закон о порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Грузия.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru>.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru>.

БОЯРСКАЯ Юлия Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия

БАЛАБАНОВ Андрей Аркадьевич

кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по комплексной безопасности, доцент кафедры педагогики и валеологии, Северо-восточный государственный университет, г. Магадан

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В Российской Федерации эволюция функционирования транспортной системы — одно из приоритетных направлений политики государства. Тренды мировой экономики и права — цифровизация, роботизация, а также возрастающие потребности международных и локальных заказчиков требуют незамедлительного реагирования, а именно развития рынка перевозок в направлении создания новых типов инновационных и технологических решений, таких как внедрение беспилотных транспортных средств в гражданский оборот. Однако на сегодняшний день существует проблема совершенствования действующих, а также формирование новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по использованию беспилотных транспортных средств.

Анализ отечественного и зарубежного нормативного материала и научной литературы показал, что термин «беспилотное транспортное средство» («беспилотное воздушное судно») неприменим для регулирования отношений, связанных с производством и использованием такого транспорта.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, беспилотное воздушное судно, автономное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, полностью автоматизированное транспортное средство.

BOYARSKAYA Yuliya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty, Saratov State Academy of Law

BALABANOV Andrey Arkadjevich

Ph.D. in agricultural sciences, Vice-Rector for integrated safety, associate professor of Pedagogy and valueology sub-faculty, North-Eastern State University, Magadan

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS REGARDING THE USE OF UNMANNED VEHICLES

In the Russian Federation, the evolution of the functioning of the transport system is one of the priority areas of state policy. Trends in the world economy and law - digitalization, robotics, as well as the growing needs of international and local customers require an immediate response, namely, the development of the transportation market in the direction of creating new types of innovative and technological solutions, such as the introduction of unmanned vehicles into civil circulation. However, today there is a problem of improving existing, as well as the formation of new regulatory legal acts governing relations on the use of unmanned vehicles.

An analysis of domestic and foreign regulatory material and scientific literature has shown that the term "unmanned vehicle" ("pilotless aircraft") is not applicable to regulating relations related to the production and use of such transport.

Keywords: unmanned vehicle, unmanned aircraft, autonomous vehicle, highly automated vehicle, fully automated vehicle.

Информационные технологии получили свое активное и стремительное развитие практически во всех сферах жизни общества. Особую актуальность они приобрели, в том числе, и в условиях стремительного изменения геополитической ситуации после начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года.

В Федеральном законе от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»¹ предполагалось, что в 2023 году государство на оборону страны потратит не более 4,98 трлн рублей. Однако, как отмечает одно из крупнейших в мире международных агентств новостей и финансовой информации Reuters² только в первой половине 2023 г. Российская Федерация потратило на оборону страны на 12%, или на 600 млрд. рублей, больше, чем было запланировано на весь год³. Общий объем

государственных закупок и закупок государственных компаний по итогам 2023 года превысил 30 трлн рублей⁴. В рамках государственного оборонного заказа одним из наиболее востребованных направлений является разработка и производство беспилотных авиационных систем. Это обусловлено, прежде всего, постоянным спросом на автоматизированные транспортные средства для нужд специальной военной операции.

Помимо использования беспилотного транспорта в условиях специальной военной операции, в настоящее время он также активно производится для его интеграции в гражданскую инфраструктуру. С этой целью российские компании осуществляют деятельность по разработке и производству беспилотного воздушного транспорта и комплектующих для него, а также разрабатывают бизнес-модели применения БАС⁵. В некоторых регионах страны установлены экспериментально-правовые режимы⁶, в рамках которых беспилот-

1 См.: Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 50 (Ч. 1). — Ст. 8760.

2 Международное агентство новостей и финансовой информации Reuters. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com>.

3 Международное агентство новостей и финансовой информации Reuters. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www>.

[reuters.com](https://www.reuters.com).

4 Новости информационного агентства Интерфакс. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru>.

5 ООО «Транспорт будущего». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tb-drone.ru>.

6 Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 458 «Об установлении экспериментального

ные воздушные суда применяются для доставки грузов и почты, в частности, в удаленные и труднодоступные районы, а также для мониторинга состояния нефте- и газопроводов, посевных площадей, фото и видеосъемки, и иных целей. В последующем планируется использовать такой транспорт и для перевозки пассажиров.

Важно отметить, что в рамках экспериментально-правового режима⁷ полеты на беспилотном транспорте выполняются без излишнего нормативно-правового регулирования, что в свою очередь, позволяет ускорить развитие сегмента беспилотной авиации [3].

В свою очередь, активное развитие инновационных идей требует своевременного реагирования законодателя по совершенствованию действующих, а также формированию новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области использования беспилотного транспорта. Первостепенной задачей в данном случае является выработка устойчивого, выверенного терминологического ряда в сфере регулирования отношений, связанных с использованием высоких технологий [4].

В Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р (далее – Концепция)⁸, для описания различных форм автоматизации наземного транспортного средства в РФ и зарубежных странах используются такие термины, как автономный автомобиль (autonomous car); высокоавтоматизированное транспортное средство (highly automated vehicle); беспилотный автомобиль (driverless car); беспилотное транспортное средство (unmanned vehicle); полностью автоматизированное транспортное средство (fully automated vehicle); роботизированный автомобиль (robotic car); самоуправляемое транспортное средство (self-driving vehicle).

Определения, которые используются в Концепции, в частности, термин «высокоавтоматизированное транспортное средство» имеет приоритет над термином «беспилотное транспортное средство». Термин «беспилотный» является менее точным, поскольку он подчеркивает отсутствие в транспортном средстве водителя (пилота), а это не всегда может быть реализовано при современном уровне развития техники, также данный термин не учитывает наличие промежуточных уровней автоматизации. Кроме того, беспилотное транспортное средство может управляться дистанционно, посредством команд внешнего оператора, что может означать отсутствие автоматизации транспортного средства как таковой.

В данной Концепции отмечается, что наиболее корректным представляется понимание термина «беспилотное

транспортное средство» как высоко- или полностью автоматизированного транспортного средства, функционирующего в беспилотном режиме, который означает, что во время использования данного режима транспортное средство находится под управлением автоматизированной системы вождения⁹.

Таким образом, на сегодняшний день термин «беспилотное транспортное средство» употребляется наравне с другими терминами: «автономное транспортное средство», «высокоавтоматизированное транспортное средство», «полностью автоматизированное транспортное средство», «роботизированное транспортное средство», «самоуправляемое транспортное средство». Однако ни один из перечисленных терминов так и не стал общепризнанным и нормативно закрепленным.

В статье 32 Воздушного кодекса Российской Федерации¹⁰ содержится определение «беспилотного воздушного судна», под которым понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот).

Действующее понятие такого судна также не учитывает, что в числе высокоавтоматизированного транспорта выделяется, в том числе, и полностью автоматизированный, который технически может эксплуатироваться даже без внешнего управления (контроля) в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна, т. е. технически внешний пилот не обязателен [1]. Аналогичная позиция отражена и в определении, одобренном Ассамблеей ИКАО, которое учитывает, что «беспилотный летательный аппарат (дрон) представляет собой воздушное судно без пилота, которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту и либо полностью дистанционно управляется из другого места с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса, либо запрограммировано и полностью автономно»¹¹.

В зарубежной литературе беспилотный транспорт также отнесен к автономному [7]. Ученые из университета Sunway (Малайзия), Института информационных технологий (Пакистан), колледжа Коммуникаций и информации (США) отмечают, что беспилотное воздушное судно – это транспортное средство с возможностями автономной навигации, мониторинга в режиме реального времени и планирования задач с использованием наземных станций. Оно способно выполнять определенные задачи в нестандартных, экстремальных условиях [9].

Как уже было отмечено, в российском законодательстве также неоднократно предпринималась попытка на законодательном уровне закрепить термин «беспилотное транспортное средство» («беспилотное воздушное судно»). Так, в ГОСТ Р 56122-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования» под беспилотным воздушным судном понимается воздушное судно, предназначенное выполнять полет без пилота на борту. Также в вышеназванном акте к автономному воздушному судну было отнесено беспилотное воздушное судно, которое не предусматривает вмешательство пилота в управление полетом.

Схожие определения содержат концептуальное различие, позволяющее раскрыть сущность объектов. Автономное транспортное средство предполагает высокую степень самостоятельности объекта, в свою очередь, беспилотные воздуш-

правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждения Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области». Доступ из СПС «Консультант-Плюс». Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 462 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждения Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Чукотском автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

7 Федеральный закон от 31 июля 2020 г. (ред. от 08.08.2024) № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5017.

8 Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СЗ РФ. – 2020. – № 13. – Ст. 1995.

9 См.: там же.

10 Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

11 ICAO MODEL UAS REGULATIONS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icao.int/safety/UA/Documents/Model%20UAS%20Regulations%20-%20Parts%20101%20and%20102.pdf>.

ные суда определяются по принципу отсутствия пилота на борту, не исключая возможности дистанционного управления судном [4].

Таким образом, на сегодняшний день важно устранить противоречия относительно значения и объема понятия «беспилотного транспортного средства», разграничить его со смежными с ним понятиями – «автономное транспортное средство», «автоматизированное транспортное средство», «высокоавтоматизированное транспортное средство» и др., а также определить правовую природу данного объекта.

Использование термина «беспилотное транспортное средство» наряду с «автономным» и (или) «автоматизированным транспортным средством (высокоавтоматизированным или полностью автоматизированным)» вызывает множество споров как в российской, так и зарубежной литературе: может ли оно быть полностью автономным, не требующим вмешательства человека и не подконтрольным ему, умеющим адаптироваться под конкретные жизненные ситуации или же все-таки обладает определенной степенью автоматизации, требующей в необходимый момент контроля и управления со стороны внешнего оператора? Разрешение данного вопроса в последующем позволит, в том числе, определить границы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, который также вызывает в научном сообществе множество споров и дискуссий [2], [5].

Отвечая на первоначальный вопрос, прежде всего, стоит отметить, что термин «автоматизация» используется для характеристики возможностей системы управления реализовывать те функции, которые до этого реализовывались человеком [8]. Автоматизация является необходимой для реализации автономности, но при этом сама по себе автоматизация не приводит к автономности. Степень или уровень автономности зависит от имеющихся у системы возможностей, которые могут находиться в широком диапазоне – от интегрированной системы автоматических сенсоров до управляемого компьютером процесса принятия решений. В этом диапазоне и будут находиться возможности, предоставляемые автоматизацией [6].

Автономия характеризуется способностью беспилотной системы анализировать, общаться, планировать, принимать решения и выполнять задачи для достижения конкретных целей, поставленных оператором посредством разработанного интерфейса человек-робот или другой системой, с которой взаимодействует с беспилотной¹².

Таким образом, сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного нормативного материала и научной литературы позволяет прийти к следующим закономерным выводам: на сегодняшний день термин «беспилотное транспортное средство» («беспилотное воздушное судно») неприемлем для регулирования отношений, связанных с производством и использованием такого транспорта. Современные информационные технологии продолжают эволюционировать, оказывая существенное влияние на развитие транспортного отрасли. Уже сегодня в мире появляются беспилотные транспортные средства, которые полностью автономны и не подконтрольны человеку¹³.

Научно-технический прогресс не стоит на месте. Стремительное развитие информационных технологий свидетельствует о том, что уже сегодня созданы и используются в рамках экспериментально-правового режима беспилотные транспортные средства, которые относятся к высоко или полностью автоматизированным, а не только характеризуются по признаку отсутствия пилота на борту. Кроме того, уже в скором времени российскими учеными будут разработаны модели беспилотного транспорта, которые будут полностью автономны, и, соответственно, будут нуждаться в правовой модели его использования. Поэтому, уже сейчас важно совершенствовать законодательную базу, регулиующую отношения по использованию беспилотного транспорта, в целях достижения единообразного использования понятийно-категориального аппарата с учетом современных реалий.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева А. А. Оказание услуг по диспетчерскому управлению беспилотными транспортными средствами как средство достижения баланса между потребностями цифровой трансформации транспортного комплекса и защитой прав потребителей // Российское правосудие. – 2022. – № S1. – С. 46-56.
2. Боярская Ю.Н. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 7 (194). – С. 163-165.
3. Боярская Ю. Н. Беспилотные воздушные перевозки: проблемы и особенности правового регулирования // Юрист. – 2023. – № 12. – С. 59-62.
4. Вавилин Е. В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. – 2023. – № 8 (559). – С. 3-21.
5. Вавилин Е. В. Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. – 2023. – № 10 (561). – С. 3-11.
6. Королев А. С. Рязанов Д. В. Современные подходы к осмыслению понятия автономности технических систем // International Journal of Open Information Technologies. – 2022. – № 12. – С. 110-115.
7. Kshitij Tiwari, Nak Young Chong Utilizing robots: Robots to assist with monitoring // Multi-robot Exploration for Environmental Monitoring. – 2020. – P. 19-29.
8. Parasuraman, R. and Riley, V., Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. – 1997. – № 39 (2). – P. 230-253.
9. Yasir Saleem, Mubashir Husain Rehmani, Sherali Zeadally Integration of Cognitive Radio Technology with unmanned aerial vehicles: Issues, opportunities, and future research challenges // Journal of Network and Computer Applications. – 2015. – № 50. – P. 15-31.

12 Autonomy Levels for Unmanned Systems (ALFUS) Framework. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nist.gov/system/files/documents/el/isd/ks/NISTSP_1011-I-2-o.pdf.

13 В августе 2024 г. компания Zero Zero Robotics анонсировала складные мини-дроны HoverAir X1 Pro и HoverAir X1 ProMax, которые позиционируются в качестве летающей альтернативы экшен-камерам. Особенность устройств заключается в том, что они способны летать без управления человеком. Беспилотники используют систему бортовых датчиков для надежного позиционирования и планирования движения на любой местности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru>.

ГАЛУШИН Павел Викторович

кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ФИЛИПСОН Ксения Юрьевна

преподаватель Центра профессиональной подготовки ГУ МВД России по Запорожской области

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ МАЙНИНГА КРИПТОВАЛЮТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В данной статье обсуждается возможность отнесения майнинга криптовалюты к предпринимательской деятельности. Приводится обзор современной юридической научной литературы по данному вопросу с детальным анализом высказанных авторами аргументов.

Несмотря на то, что ряд исследователей считают, что майнинг не является предпринимательством, можно сделать вывод о том, что позиция в пользу признания майнинга предпринимательской деятельностью лучше аргументирована как с точки зрения соответствия российскому законодательству, так и с точки зрения правильного понимания технической и алгоритмической сути процесса майнинга.

Также в статье приведена методика расчёта затрат на майнинг в натуральной и денежной форме, а также возможного дохода от этого вида деятельности. Данная методика может быть использована в процессе административного и уголовного судопроизводства при рассмотрении дел о хищения электроэнергии в целях осуществления майнинга криптовалюты и незаконном предпринимательстве.

Ключевые слова: криптовалюта, майнинг, предпринимательская деятельность, имущество, прибыль.

GALUSHIN Pavel Viktorovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Information and legal disciplines and special equipment sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

FILIPSON Kseniya Yurjevna

lecturer of the Vocational Training Center of the MIA of Russia in the Zaporozhye region

ON THE RECOGNIZING CRYPTOCURRENCY MINING AS AN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

This article discusses the possibility of classifying cryptocurrency mining as an entrepreneurial activity. It provides an overview of modern legal scientific literature on this issue with a detailed analysis of the arguments put forward by the authors.

Despite the fact that a number of researchers believe that mining is not an entrepreneurship, it can be concluded that the position in favor of recognizing mining as an entrepreneurial activity is better argued both from the point of view of compliance with Russian legislation and from the point of view of a correct understanding of the technical and algorithmic essence of the mining process.

The article also provides a methodology for calculating mining costs in natural form and in cash, as well as possible income from this type of activity. This methodology can be used in the process of administrative and criminal proceedings when considering cases of theft of electricity for the purpose of cryptocurrency mining and illegal entrepreneurship.

Keywords: cryptocurrency, mining, entrepreneurial activity, property, income.

В августе 2024 был принят так называемый «закон о майнинге»¹, который существенно изменил ландшафт правового регулирования данной сферы. Прежде всего, в законодательстве было закреплено понятие «майнинг» и некоторые связанные с ним термины. Законодатель также определил правила участия в майнинге для физических и юридических лиц, а также ответственность за их нарушения.

Новая редакция федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» включает следующее положение: «Майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе».

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон [от 08.08.2024 № 221-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 12.08.2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4917.

Глоссарий терминов, используемых органами внутренних дел (полицией) государств-участников Содружества Независимых Государств, по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым посредством блокчейн-технологий и криптовалют, определяет майнинг несколько иначе²: «Майнинг (от англ. mining – добыча полезных ископаемых) – отличная от создания собственных цифровых знаков деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Происходит так называемая эмиссия криптовалют, основанная на предоставлении пользователю вознаграждения за осуществление вычислений (proof of work (PoW) – доказательство выполненной работы), в результате которых формируется каждый следующий блок, включаю-

2 О Глоссарии терминов, используемых органами внутренних дел (полицией) государств-участников Содружества Независимых Государств, по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым посредством блокчейн-технологий и криптовалют: постановление № 54-11 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Принято в г. Самарканде 28.10.2022). // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2023. – № 77 (часть 2).

щий в себя информацию о совершенных транзакциях. Лицо, осуществляющее майнинг, становится владельцем цифровых знаков (токенов, криптовалюты), возникших (добытых) в результате его деятельности по майнингу, и может получать цифровые знаки (токены, криптовалюту) в качестве вознаграждения за верификацию совершения операций в реестре блоков транзакций (блокчейне).

Определение, приведённое в «Законе о цифровых финансовых активах, является менее ограничительным. В частности, в нём вообще не упоминается «доказательство выполненной работы», поэтому под него подпадает получение криптовалют, работающих по другим принципам, например, «доказательство ресурсов» (proof-of-space). А также не обязательным с точки зрения Федерального закона является применение технологии распределённого реестра (блокчейна в терминологии Глоссария). Подобная факультативность позволяет распространить понятие майнинга на цифровые валюты, не являющиеся децентрализованными (например, цифровой рубль³).

Недостатком «Закона о майнинге» следует признать отсутствие однозначного ответа на вопрос, является ли майнинг предпринимательской деятельностью. Это обстоятельство затрудняет привлечение лиц, нарушающих порядок осуществления или организации майнинга, к административной или уголовной ответственности.

Отсутствие чёткой позиции по отнесению майнинга к предпринимательству, по-видимому, имеет объективные причины. Так изначально законопроект «О цифровых финансовых активах» майнинг предлагалось признавать предпринимательской деятельностью в случае, если майнер «в течение трёх месяцев подряд превышает лимиты энергопотребления, установленные Правительством Российской Федерации». Однако ко второму чтению понятие майнинга было полностью исключено из данного законопроекта [8].

Однозначной позиции по данному вопросу нет и в судебной практике. Некоторые суды указывают, что майнинг не отнесён законом к предпринимательской деятельности, в то время как другие указывают на то, что оборудование для майнинга не предназначено для использования в быту и поэтому его эксплуатация должна рассматриваться как предпринимательская деятельность [7].

Рассмотрим, какие мнения и аргументы об относимости майнинга к предпринимательской деятельности высказываются в российской научной печати.

Многие авторы выступают за признание майнинга предпринимательской деятельностью, но не приводят аргументов в пользу своей позиции или ссылаются на источники, которые содержали бы такие аргументы [5].

Некоторые исследователи не приходят к однозначному выводу, но приводят аргументы и в пользу признания майнинга криптовалютой предпринимательством, и против него. Так, например, М. А. Егорова и А. В. Балицкая высказывают следующее соображение в пользу признания майнинга криптовалютой: «Стоит отметить, что, если бы майнинг ... не содержал бы в себе предпринимательских рисков, не требовал бы инновационных решений, криптовалюты не были бы оценены рынком столь высоко» [4, с. 133]. Этот аргумент, по нашему мнению, нельзя признать достаточно сильным, так как его применение к прошлому приводит к противоположным выводам: курс криптовалюты биткойн оставался низким, но при этом сущность майнинга была той же самой. Обязательность наличия риска в предпринимательской деятельности как раз и означает, что результат такой деятельности может быть как очень востребован, так и проигнорирован рынком.

Однако авторы приводят и другие аргументы, уже в пользу противоположной позиции, например [4, с. 134]: «Так как криптовалюту можно признать товаром, ее производство – майнинг можно признать видом предпринимательской деятельности» и «Майнер стремится к созданию криптовалюты именно для получения прибыли, причем если он торгует ею на биржах, можно сказать, что его дея-

тельность носит направленность именно на систематическое получение прибыли».

С этими аргументами также сложно согласится. Согласно точке зрения авторов, если майнер не продаёт полученную в процессе майнинга криптовалюту, то он не занимается предпринимательской деятельностью.

В качестве примера точки зрения о том, что майнинг не является предпринимательской деятельностью можно указать статью А. А. Маскурова [6]. В этой статье автор утверждает, что в деятельности майнера отсутствует риск: «Поскольку при майнинге при определенных действиях и затратах (времени и электроэнергии) достижение интересующего майнера результата гарантировано, то речь идет не о риске, а о затратах». Учитывая, что гарантированный результат при майнинге требует, чтобы вычислительные ресурсы майнера превышали суммарные вычислительные ресурсы всех остальных майнеров (так называемая «атака 51 %») [1], то гарантированность представляется практически нереализуемой в современных условиях и, во всяком случае, недоступной всем участникам майнинга, кроме одного.

Кроме того, А. А. Маскуров считает, что при майнинге не имеет место систематическое извлечение прибыли, так как приобретаются не деньги, а криптовалюта, причём не в результате пользования имуществом. С этой точки зрения невозможное согласиться, так как майнинг осуществляется с использованием вычислительной техники, а законодательство предусматривает получение дохода в натуральной форме.

Аналогичные аргументы высказывает А. А. Гончаренко [3], он также считает, что получение вознаграждения в криптовалюте исключает систематичность получения прибыли и называет вопрос о риске майнинга спорным, хотя и не приводит каких-либо аргументов или ссылок.

О. К. Яковлев подробно рассматривает соответствие майнинга критериям предпринимательской деятельности, установленным в абзаце 3 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [8]: самостоятельный характер, принятие лицом на себя повышенного риска, направленность на систематическое получение прибыли и регистрация субъектов предпринимательской деятельности в качестве юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Он приводит аргументы в пользу того, что все указанные критерии для майнинга выполняются.

Самостоятельный характер связан с необходимостью приобретения устройств для майнинга и оплаты электроэнергии, в качестве рисков указывается возможность получить меньшее вознаграждение, чем было потрачено электроэнергии.

Систематическое получение прибыли увязывается с возможностью получения награды в виде криптовалюты после успешного построения очередного блока транзакций криптовалюты. Из текста статьи не вполне ясно, считает ли автор прибылью саму полученную криптовалюту или средства вырученные от её продажи на бирже.

В целом, работа О. К. Яковлева содержит наиболее глубокой анализ возможности отнесения майнинга к предпринимательской деятельности. Его аргументы не противоречат как российскому законодательству, так и принципам функционирования криптовалют [2].

Таким образом, следует признать правильной позицию о возможности отнесения майнинга криптовалюты к предпринимательской деятельности.

Майнинг криптовалюты часто сопряжён с хищением электрической энергии. Вопрос квалификации такого деяния как административного правонарушения или преступления зависит от объема похищенной электроэнергии. Рассмотрим, как может быть потребление электроэнергии связано с доходом от майнинга.

В качестве примера рассмотрим криптовалюту Биткойн, так как эта криптовалюта является исторически первой, оказала и продолжает оказывать влияние на большинство других криптовалют и до сих пор обладает самой высокой капитализацией.

Затраты на майнинг криптовалюты могут быть рассмотрены в трёх аспектах: затраты вычислительных ресурсов, затраты электроэнергии и затраты денег. Затраты вычисли-

3 Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/faq/dr/> (дата обращения: 16.10.2024).

тельных ресурсов измеряются в терахешах (миллиардах вычислений значений хэш-функции криптовалюты, далее также – Тх). Производительность оборудования для майнинга называется хэшрейтом, соответственно, измеряется в терахешах в секунду (далее также – Тх/с).

Затраты электроэнергии измеряются в киловатт-часах (кВт-ч) и зависят от вычислительных затрат, производительности и электропотребления оборудования. Затраты в денежном выражении зависят от затрат электроэнергии и цены электроэнергии, если не учитывать капитальные затраты в виде покупки оборудования и помещения для майнинга.

В итоге, рентабельность майнинга и ущерб от незаконного майнинга определяется рядом факторов, имеющих существенную разную природу: от фундаментальных физических законов до политики тарифного регулирования в том или ином регионе.

Все приводимые величины указываются с существенным округлением, так как хэшрейт сети Биткойн и, как следствие, все остальные величины подвержены колебаниям. Интерес представляет порядок цифр. Кроме того, производители постоянно выпускают новые модели оборудования для майнинга, что также влияет на значения показателей. Доход майнера криптовалюты Биткойн состоит из двух частей: выпуска новой криптовалюты и комиссии всех транзакций, включённых в блок. В настоящий момент комиссия многократно уступает выпуску новой криптовалюты. Поэтому наличие комиссии мы также будем игнорировать.

Исходить будем из общего хэшрейта сети Bitcoin. Точное значение этой величины неизвестно, но его можно оценить исходя из сложности блока и количества блоков, «добываемых» в единицу времени. По данным сайта blockchain.com эта величина достаточно стабильно растёт и на сегодняшний день оценивается примерно в 680 миллионов Тх/с⁴.

Сеть Биткойн настраивает сложность майнинга таким образом, чтобы новый блок формировался в среднем каждые 10 минут (или 600 секунд). Умножая среднее время формирования блока на хэшрейт, получим требуемое количество вычислений для формирования одного блока: 408 миллиардов терахешей.

На сегодняшний день вознаграждение майнера за блок составляет 3,125 биткойна. Поделив требуемое количество вычислений для формирования одного блока на вознаграждение майнера за блок, получим 130 560 000 000 терахешей на 1 биткойн.

Определим, за какой период такое количество вычислений можно выполнить на современном оборудовании. Возьмём для оценки ASIC Bitmain Antminer S21 Pro⁵, выпущенный в июле 2024 года. Его хэшрейт составляет 234 Тх/с, поэтому для «добычи» 1 биткойна ему понадобится примерно 560 (или 155 тысяч часов, примерно 6500 суток).

Учитывая, что потребляемая мощность такого устройства составляет 3510 Вт, на «добычу» 1 биткойна будет израсходовано примерно 540 тысяч кВт-часов. Расчёты для других ASIC дают сопоставимые результаты.

Тариф на электроэнергию в России с начала 2024 года достигает 7,88 рублей за киловатт-час (учитывая полученные затраты электроэнергии можно игнорировать существование социальной нормы). То есть майнинг одного биткойна обойдётся примерно в 4 миллиона рублей.

Рыночная цена одного биткойна составляет около 63 тысяч долларов⁶ или примерно 6 миллионов рублей по курсу Банка России на момент написания данной статьи⁷.

Приведённые расчёты могут быть положены в основу методики проведения экономической экспертизы при рассмотрении дел, связанных с нарушением правил майнинга.

Таким образом, в данной статье рассмотрены и проанализированы аргументы за и против отнесения процесса майнинга криптовалюты к предпринимательской деятельности, высказанные в современной юридической научной печати.

Несмотря на то, что ряд исследователей считают, что майнинг не является предпринимательством, можно сделать вывод о том, что позиция в пользу признания майнинга предпринимательской деятельностью лучше аргументирована как с точки зрения соответствия российскому законодательству, так и с точки зрения правильного понимания технической и алгоритмической сути процесса майнинга.

Кроме того, в настоящей статье приведена методика расчёта затрат на майнинг в натуральной и денежной форме, а также возможного дохода от этого вида деятельности. Данная методика может быть использована в процессе административного и уголовного судопроизводства при рассмотрении дел о хищении электроэнергии в целях осуществления майнинга криптовалюты и незаконном предпринимательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Бабак П. В., Кириллова Т. К., Пинин И. Е. Безопасность криптовалют // Информационные технологии и математическое моделирование в управлении сложными системами. – 2024. – № 2 (22). – С. 30-38. – EDN NYDHBVU.
 2. Галушин П. В., Филипсон К. Ю. К вопросу права собственности на криптовалюту (на примере биткойн) // Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей 7-й Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 22 мая 2020 года / Редакционная коллегия: Амельчаков И. Ф., Озеров И. Н., Акапьев В. Л., Прокопенко А. Н., Насонова В. А. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2020. – С. 170-176. – EDN BVLHVY.
 3. Гончаренко А. А. Правовой статус криптовалюты и майнинга в современном российском законодательстве // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XIX Всероссийской научной конференции Студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 12-13 ноября 2020 года. Том Выпуск 19. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2020. – С. 615-620. – EDN JBOOYN.
 4. Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 4 (68). – С. 129-136.
 5. Кужиков В. Н. Некоторые вопросы, связанные с легализацией майнинга в России // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – № 4. – С. 156-159.
 6. Максуров А. А. Майнинг как юридическая и информационная категория // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – Т. 12. № 2. – С. 256-265. – DOI 10.21202/1993-047X.12.2018.2.256-265. – EDN XQVSN.
 7. Черешнева И. А. К вопросу о правовой квалификации майнинга // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 48-55. – DOI 10.7256/2454-0706.2019.9.30750. – EDN ZDIDOB.
 8. Яковлев О. К. Правовая квалификация майнинга // Актуальные проблемы экономического права: от хозяйственного права к праву цифровой экономики: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Н. Абрамовой. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 86-91.
- 4 Total hash rate // Blockchain.com. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blockchain.com/explorer/charts/hash-rate> (дата обращения: 07.10.2024).
- 5 <https://promminer.ru/product/bitmain/asic-mayner-bitmain-antminer-s21-pro-234-th-s/>.
- 6 Market price (USD) // Blockchain.com. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blockchain.com/explorer/charts/market-price> (дата обращения: 04.10.2024).
- 7 Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно // Банк России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/currency_base/daily/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.To=04.10.2024 (дата обращения: 04.10.2024).

ДАДАЯН Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

СТОРОЖЕВА Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

ВОПРОСЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА: ОТДЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящей статье на конкретном примере из судебной практики показывается, что имеют место быть ситуации, когда суды неоднозначно толкуют лицензионное законодательство. К примеру, по одному из дел суды достаточно интересно истолковали лицензионное законодательство, а именно при рассмотрении вопроса об утверждении положения о порядке, сроках и условиях реализации имущества должника, являющегося и не являющегося предметом залога, посчитали, что потенциальный приобретатель имущества на торгах должен соответствовать лицензионным требованиям, предъявляемым к эксплуатанту объекта промышленной безопасности. В связи с этим суд апелляционной инстанции изменил форму торгов по продаже имущества должника-банкрота, посчитав, что торги по продаже имущества должника должны быть проведены в форме конкурса, участие в котором могут принимать только определенные субъекты, имеющие лицензии на осуществление эксплуатации взрывопожарных и химически опасных производственных объектов I, II, III классов опасности. Причем суд кассационной инстанции поддержал выводы нижестоящего суда. В настоящей статье попробуем разобраться с выводами судов и представить свое видение по разрешению данного вопроса.

Ключевые слова: лицензия, лицензионные требования, объект промышленной безопасности, банкрот, должник, эксплуатант, положение о торгах, гражданский оборот.

DADAYAN Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

STOROZHEVA Anna Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

LICENSING ISSUES OF THE ENTITY'S ACTIVITIES: A SEPARATE LEGAL ASPECT

This article, using a specific example from judicial practice, shows that there are situations when the courts interpret licensing legislation ambiguously. For example, in one of the cases, the courts interpreted the licensing legislation in a rather interesting way, namely, when considering the issue of approving the regulation on the procedure, terms and conditions for the sale of the debtor's property, which is and is not the subject of a pledge, they considered that a potential purchaser of property at an auction must meet the licensing requirements imposed on the operator of an industrial safety facility. In this regard, the appellate court changed the form of the auction for the sale of the property of the bankrupt debtor, considering that the auction for the sale of the debtor's property should be held in the form of a competition, in which only certain entities that have licenses for the operation of explosion and fire and chemically hazardous industrial facilities of I, II, III hazard classes can participate. Moreover, the cassation court supported the findings of the lower court. In this article, we will try to understand the findings of the courts and present our vision of the resolution of this issue.

Keywords: license, licensing requirements, industrial safety facility, bankrupt, debtor, operator, tender regulations, civil circulation.

В настоящее время законодатель достаточно четко и императивно определил понятие «лицензия». Так, позиция законодателя однозначно отражена в статье 3 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ, а именно лицензия - специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий¹.

Представляется, что указанное определение должно быть отправной точкой для решения вопроса, что понимается под осуществлением лицензируемого вида деятельности в отношении объектов гражданского оборота, относящихся к объектам промышленной безопасности. От решения данного вопроса зависит, требуется ли получение лицензии для приобретателя (потенциального приобретателя) промышленного оборудования, который не ставит своей целью осуществлять его непосредственную эксплуатацию, а, скажем,

приобретает оборудования для последующей сдачи в аренду или лизинг.

На примере конкретной практической ситуации покажем, что в некоторых ситуациях суды произвольно (несистемно) толкуют лицензионное законодательство, предъявляя специальные требования к потенциальному приобретателю оборудования с торгов при реализации имущества должника – банкрота, в отсутствии таких требований при приобретении имущества не с торгов.

Так, по одному обособленному спору в деле о банкротстве было утверждено положение о порядке, сроках и условиях реализации имущества должника, являющегося и не являющегося предметом залога [1]. Предметом торгов явились две установки каталитической переработки углеводородов №№ 1-2 (УКПУ №1, УКПУ №2). В рассматриваемом случае право собственности на спорные установки каталитической переработки углеводородов возникло у должника в 2011 году (договор купли-продажи №11-08/1 от 15.08.2011) и более 10 лет указанное имущество находилось в свободном гражданском обороте, в том числе выступало в качестве предмета залога. Суд первой инстанции, учитывая специфичность спорного имущества и его совместное расположение на одной территории, поддержал довод залогового кредитора о целесоо-

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».

бразности продажи имущества в составе единого лота залогового и незалогового имущества на открытых электронных торгах в форме аукциона. Торги проводятся в форме аукциона, открытые по составу участников, открытые по форме подачи предложений о цене. Выигравшим аукцион признается участник, предложивший наиболее высокую цену.

Суд апелляционной инстанции изменил форму торгов на торги в форме конкурса, мотивируя это тем, что у покупателя имущества должна быть лицензия на эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности. В обосновании, изложенных выводов суд ссылается на нормативные правовые акты в области лицензионной деятельности и акт экспертизы промышленно опасного объекта.

Так, суд апелляционной инстанции сослался на «акт экспертизы от 30.04.2021 № 015-05-00071, проведенной экспертом союза «Центрально-Сибирская торгово-промышленная палата». Эксперт, исходя из общей информации технологического регламента на опытно-промышленную установку каталитической переработки углеводородов, сделал вывод, что установки предназначены для переработки углеводородов фракций СНП-1, получаемой на установке жидкофазного каталитического крекинга производства ПМХ, а также прямогонных бензинов, легких нефтяных фракций и газового конденсата, с целью получения бензина с октановым числом 95-98 стандарта Евро-4, сжиженного пропан-батана и дизельного топлива.

В соответствие со статьей 2, а также приложением 1 к Федеральному закону от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее - Закон о промышленной безопасности) объекты, на которых получают, используются, перерабатываются, образуются, хранятся, транспортируются, уничтожаются в указанных в приложении 2 к Закону о промышленной безопасности количества опасные вещества такие, как горючие вещества (жидкости, газы, способные самовозгораться, а также возгораться от источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления), относятся к категории опасных производственных объектов. Согласно статье 9 Закона о промышленной безопасности организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана иметь лицензию на осуществление конкретного вида деятельности в области промышленной безопасности, подлежащего лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации. В силу пункта 12 части 1 статьи 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» подлежит лицензированию деятельность по эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности» [2].

Из буквального толкования анализируемых судом апелляционной инстанции правовых актов, следует, что деятельность по хранению, переработке, транспортировке и т.п. лицензируется. Отсюда получается, что субъект, эксплуатирующий указанный объект должен соответствовать определенным требованиям, позволяющим обеспечить безопасное использование (эксплуатацию) объекта промышленной безопасности.

Возникает вопрос, а если лицо не осуществляет действий по эксплуатации объекта, а является его приобретателем, скажем для дальнейшей перепродажи объекта промышленной безопасности или сдаче объекта в аренду или лизинг, тоже должен иметь лицензию. По логике суда апелляционной инстанции получается, что, безусловно, должен иметь такое разрешение.

Так, на странице 15 анализируемого судебного акта (абзац 1) суд апелляционной инстанции делает вывод, что при продаже опасных производственных объектов надлежит устанавливать требования в отношении покупателя имущества о наличии у него лицензии на эксплуатацию взрывопо-

жароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности.

Между тем, каких-либо нормативных правовых актов, из которых следует, что лицензионные требования устанавливаются и для покупателя промышленного оборудования в судебном акте не приведено.

Залоговый кредитор не согласился с выводом суда апелляционной инстанции изменившим форму торгов на торги в форме конкурса только потому, что у покупателя имущества должна быть лицензия на эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности.

Так, в кассационной жалобе залоговый кредитор приводил вполне убедительные доводы о том, что лицензионные требования должны устанавливаться не к продавцу или покупателю промышленного оборудования, а к эксплуатанту такого оборудования, именно об этом, по мнению залогового кредитора, свидетельствует лицензионное законодательство.

Кроме того, залоговый кредитор привел следующие аргументы в защиту своей позиции: 1) должник (банкрот), приобретая установки каталитической переработки углеводородов (УКПУ 1, УКПУ 2) по договору купли-продажи не имел лицензии на приобретение и на эксплуатацию оборудования; 2) должник (банкрот) самостоятельно не эксплуатировал установки. Промышленные установки были сданы должником в аренду другому юридическому лицу. Именно данное юридическое лицо (арендатор) осуществляло пусконаладочные работы, регистрировало установки в государственном реестре опасных производств и получало лицензию на их эксплуатацию.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции, не приняв во внимание вышеприведенные доводы заявителя кассационной жалобы [3].

Кроме того, вышестоящие суды не привели в обоснование своей позиции нормативные правовые акты, которые бы устанавливали лицензионные требования не к эксплуататору оборудования, а к его покупателю или продавцу.

Таким образом, анализируемый пример из судебной практики, создает некую неопределенность для гражданского оборота. В частности, следует ли распространять данную судебную практику, устанавливающую специальные требования к потенциальному приобретателю оборудования для приобретения имущества не только с банкротных торгов.

Представляется, что установленные вышестоящими судами специальные требования (в виде наличия лицензии у покупателя) не только создают новую норму лицензионного законодательства, но и препятствуют продаже заложенного имущества по максимальной цене и как следствие доступу к проведению торгов неограниченного круга потенциальных покупателей.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 11.05.2022 по делу №А33-36598-13/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 28.08.2024).
2. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.04.2024 по делу № А33-36598/2019к13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 28.08.2024).
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа Ф02-2777/2024 по делу № А33-36598/2019 от 25.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 28.08.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-170-172

КОБЧИКОВА Елена Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ГАРАЕВА Гелюса Хадиевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В статье на основе первоисточников римского частного права, прежде всего Кодификации Юстиниана, производится анализ положений римского частного права относительно важнейшего института римского и современного наследственного права – завещательного отказа (легата). На материалах *Corpus iuris civilis* доказываем, что такое правовое явление, как завещательный отказ (легат), прошел многовековой путь развития в римском праве, в результате чего он сформировался как полноценный институт континентальной правовой семьи.

Ключевые слова: римское частное право, легат, завещательный отказ, наследодатель, наследник, фидеикомиссы.

КОВЧИКОВА Elena Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, Kazan (Privolzhie) Federal University

ГАРАЕВА Gelyusa Khadievna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law sub-faculty, Kazan (Privolzhie) Federal University

TESTAMENTARY REFUSAL IN ROMAN PRIVATE LAW

Based on the primary sources of Roman private law, primarily the Codification of Justinian, this article analyzes the provisions of Roman private law regarding the most important institution of Roman and modern inheritance law – testamentary waiver (legate). Based on the materials of *Corpus iuris civilis*, it is proved that such a legal phenomenon as a testamentary waiver (legate) has passed a centuries-old path of development in Roman law, as a result of which it was formed as a full-fledged institution of the continental legal family.

Keywords: Roman private law, legate, testamentary refusal, testator, heir, fide commissions.

Кобчикова Е. В.

Гараева Г. Х.

Институт завещательного отказа (легат – *legatum*) возник в архаическом праве Древнего Рима как обычай когда наследодатель устанавливал некое предоставление в случае своей смерти в пользу тех лиц, которые не были назначены в завещании наследниками [1, с. 259].

В древнейшем памятнике римского права – Законах XII таблиц также упоминается завещательный отказ (легат) [4, с. 60].

Юристы классического периода сформулировали несколько определений завещательного отказа. Наиболее краткое, но емкое определение было дано Ульпианом: «легат – это то, то отказано в завещании по образцу за-кона, т.е. в повелительной форме (*Ulp. 24.1*) [9, с. 208].

Более подробное определение предложил Флорентин: «Легат – это умаление наследства, посредством которого завещатель желает обратить в пользу третьего лица что-либо из того, что в совокупности будет принадлежать наследнику (*D. 30.116. pr*) [2, с. 224].

Завещательный отказ (легат) в римском частном праве можно понимать, как одностороннее волеизъявление наследодателя о том, что в случае его смерти наследник или наследники обязаны совершить некое действие имущественного характера в пользу другого, не являющегося наследником. Справедливости ради надо отметить, что в источниках глухо упоминаются и действия неимущественного характера, в частности, легат в виде предоставления

легатария права на захоронение в гробнице завещателя (*C. 6.37.14*) [7, с. 21].

Легат предполагает, что в акте последней воли содержится распоряжение о назначении наследника (наследников) и распоряжение о завещательном отказе, которое должно быть выполнено наследником или третьим лицом, в результате чего у легатария возникает так называемое не-прямое наследование (*titulo singulari*).

Для наследодателя (отказодателя) требовалось наличие *testamenti factio activa*; для исполнителя легата и легатария – *testamenti factio passive* (*D. 41.8.7*) [3, с. 158].

Таким образом, завещательный отказ предполагает наличие трех лиц: наследодателя, обремененного и получателя. Условием действительности легата является наличие прямого наследника. Так, завещательный отказ отпадает, если назначенный наследник, обязанный исполнить легат, не примет наследства, даже если вступили последующие наследники, так как они не были назначены к исполнению легата (*D. 31; I. 1. p. 9; D. 32*) [2, с. 333].

Кроме того, легат обращается в пользу обремененного, если не окажется легатария и при этом ему не подназначен другой легатарий в силу субституции (*D. 3.4; C. 6.51*) [6, с. 61].

Легат всегда распространяется только на наследников по завещанию (*heredes testamentarii*). В данном случае можно говорить о сделке одностороннего характера, которая порождает сингулярное правопреемство, т.к. имеет место переход

к легатарии от наследника только прав, но не обязанностей [7, с. 21].

Для обязанного наследника завещательный отказ являлся в некотором роде «законом». Для легатария завещательный отказ устанавливает сингулярное правопреемство, даже если предметом легата является все наследство, и поэтому легатарий не является обязанным перед кредиторами наследодателя. При этом легатарий приобретает право собственности на предмет легата либо обязательственное право к наследнику.

Так, завещатель устанавливает в пользу легатария право гражданской (квиритской) собственности на вещь, в отношении которой он сам является квиритским собственником либо во время совершения легата либо во время своей смерти. Легатарий может реализовать свое право посредством *actio rei vindicationis*, который он может предъявить как к наследнику, так и к третьему лицу, держащему наследство.

Предметом завещательного отказа также могли быть требования, принадлежащие наследодателю, а также вещи, на которые он имел право бонитарной собственности. В ряде случаев завещательный отказ не устанавливал для легатария права собственности, а создавал обязательство наследника передать ему некую вещь либо совершить в его пользу какие-либо действия.

Завещатель имел право отменить легат формулой, содержание которой было противоположно той, по которой он был составлен. К примеру, *legatum per vindicationem* (один из видов легата, который устанавливался формулой «do lego») мог быть отменен формулой «non do, non lego» (Ulp. 24.29) [9, с. 209].

В законодательстве Юстиниана было определено, что независимо от того, какие выражения были употреблены при установлении легата (ранее законодательство знало четыре формулы, которыми он устанавливался), в любом случае будет возникать право требования легатария к наследнику.

Фидеикомиссом (*fideicommissum*) признавался отказ, устанавливаемый в завещании или кодицилле в виде просьбы к лицу, получающему что-либо из наследства, выдать некую вещь третьему лицу. Такой институт возник в конце Республиканского периода из-за того, что по *ius civile* некоторые лица не имели *testamenti factio passiva*, т.е. не могли получать наследство по завещанию. Фидеикомисс являлся институтом *ius gentium* и был свободен от строгих правил в отношении легата по *ius civile*. Прежде всего, фидеикомисс мог быть составлен в пользу лиц, не имеющих *testamenti factio passiva*. Кроме того, он мог быть возложен на любого, получившего что-либо *mortis causa* (на наследников по закону и по завещанию), легатариев, фидеикомиссариев). И главное – его форма зависела от усмотрения наследодателя. Фидеикомисс мог быть составлен на иностранном языке, выражен жестом, а также мог быть составлен как ранее назначения наследника, так и после.

Различия между легатом и фидеикомиссом в течение Императорского периода постепенно исчезают прежде всего вследствие того, что форма выражения легата была со временем упрощена. В законодательстве Юстиниана окончательно устраняется различие между легатом и фидеикомиссом. В обоих случаях легатарий и фидеикомиссарий приобретают *actio rei vindicationis* и *actio personalis* в отношении обремененного и *actio hypothecaria* к наследству обремененного. В 531 г. было установлено, что завещатель может составить и легат, и фидеикомисс в любых выражениях.

По законодательству Юстиниана отказы (т.е. легаты и фидеикомиссы) могут быть подразделены:

А) отказ отдельных вещей (*legata et fideic. singularum rerum*). При этом имеет место *successio singularis*.

Б) универсальные отказы, предметом которых является часть наследства или все наследство. При этом будет иметь место *successio per universitatem*.

Как уже указывалось, установить отказ могли только те лица, которые обладали *testamenti factio activa* в случае, если отказ предусматривался в завещании. Но для действительности отказа не обязательно составление завещания; поэтому лица, не обладавшие *testamenti factio activa*, могли установить отказ в кодицилле, в том числе лица *alieni iuris*, если они ко времени своей смерти станут лицами *sui iuris* и не изменят своей воли.

Возложить обязанность по выдаче отказа можно было на наследника, легатария, одаренного *mortis causa*, получающего *conditionis implendae causa*, наследника наследников, наследника отказополучателя, пупиллярного субститута. Все эти лица не могли быть обязаны сверх того, что они получали от наследодателя.

Из числа нескольких наследников могли быть обременены:

А) один из них;

Б) все поименно, при этом они становились обязаны поровну; при этом есть мнение, что они были обязаны *in partem virilem* (N. 1.2.2) [11, с. 230];

В) некоторые из наследников альтернативно или *conjunctum* (D. 30; I. 25. pr. D. 32) [2, с. 335].

Г) также могло быть обременение без указания лица – в этом случае при наличии нескольких наследников *pro portionibus hereditariis*, а при неделимости предмета отказа солидарно (D. 31; I. 11. pp. 23.24; D. 32) [2, с. 325].

Некоторые категории лиц не могли быть обременены отказом:

А) необходимый наследник, который получает законную долю, т.к. эта доля назначена законом, который запрещает ее ограничивать;

Б) не может быть обременения наследника в его же пользу, т.к. нельзя быть должником и кредитором в отношении одного и того же обязательства. В то же время возможно обременение отказом одного из сонаследников в пользу других сонаследников (*praelegatum*).

Отказополучателю может быть подназначен другой отказополучатель (т.е. может иметь место субституция). (I. 50 pr. 1.77 p. 13; D. 31.1.3. D. 31.1.3. 4. D. 34.1.6. C. 6.43) [2, с. 388].

Возможно также была такая субституция, чтобы первый отказополучатель, получив отказ, был обязан передать его другому при наступлении определенного события или срока. Кроме того, и второй отказополучатель мог быть обязан передать отказ третьему и т.д. – *substitutio fideicommissaria*.

Представляется целесообразным остановиться на предмете завещательного отказа, т.к. он мог быть совершен в отношении самых разных объектов гражданского оборота.

1. Прежде всего надо упомянуть отказ телесных вещей. Здесь могла иметь место передача права собственности как вещей, принадлежащих наследодателю, так и не принадлежащих ему.

Мог иметь место отказ индивидуально-определенной вещи (*legatum speciei*), а также отказ денежной суммы или определенного количества родовых (заменяемых) вещей (*pondere, mensure*). Выбор заменяемых вещей принадлежал обремененному; при этом было неважно наличие отказанной вещи в наследстве, если завещатель не дал на этот случай особого распоряжения. При отказе заменяемых вещей без определения их количества считалось, что предметом отказа

будет все, что есть в наследстве подходящего рода (D. 30; I. 7. pr. D. 33.6) [3, с. 154].

К отказу телесных вещей можно также отнести *annuum legatum vel menstruum legatum* – т.е. отказ уплачиваемой периодически ренты; определение периодов и продолжительности этой ренты определял завещатель. Такая рента могла быть предоставлена на какой-либо срок, пожизненно или навсегда; по умолчанию считалось, что она предоставлена пожизненно. К видам отказа ренты можно отнести отказ дохода с вещи (*reditus*); величиной ренты здесь является доход, приносимый вещью; при этом отказополучатель не имеет никакого права на эту вещь.

2. Отказ периодической выдачи средств (*alimenta*) деньгами или в натуральном виде как вид отказа ренты; при неопределенности суммы она определяется судом. Целью такого отказа является помощь нуждающимся. Таким лицом могло быть, например, лицо, не имеющее способности получить *mortis causa* либо несовершеннолетнее лицо.

3. *Legatum generis* – отказ родовых вещей, при условии, что эти вещи находятся в составе наследства. Выбор вещей принадлежит награжденному при отсутствии распоряжений на этот счет со стороны завещателя. При этом нельзя выбирать из этих вещей лучшую, но и обремененный не может дать худшую. Если не определено число вещей, то награжденный может выбрать три вещи.

4. Как вид *legatum generis* можно назвать *legatum alternativum* – отказ вещи, которую можно выбрать альтернативно. Выбор принадлежит награжденному при отказе права собственности, а при отказе обязательства или фидеикомиссах – обремененному (Uр. 24.14) [9, с. 223]. По законодательству Юстиниана право выбора уже всегда принадлежит награжденному при отсутствии указаний со стороны завещателя (L. 1. Dig. 33.5) [2, с. 227].

5. *Legatum universitatis* – отказ совокупности вещей (например, библиотека) или совокупности имущественных прав (*пекулий*). Это является одним отказом, сколько бы вещей ни входило в него, но награжденный приобретал право на те вещи, которые существуют на момент смерти завещателя.

6. Отказ *res incorporales* – завещатель мог возложить на обремененного установление в пользу *ius in re aliena* – сервитут как личный, так и вещный; залоговое право и т.д. При отказе права пользования за наследником остается *nudum ius* собственности. Если право пользования отказано нескольким лицам, то это право делится между ними поровну.

7. *Nomen legatum* – отказ требования, принадлежащему завещателю или его наследнику или третьему лицу. На основании этого отказа награжденный или его наследник имеет право требовать уплаты от должника завещателя, наследника, третьего лица (Inst. 2. 20; I. 44. р. 6. D. 30) [8, с. 403].

8. По древнему цивильному праву награжденный не приобретал требование *ipso iure*, так как кредитором оставался наследник, который во исполнение отказа обязан был совершить передачу иска награжденному. По законодательству Юстиниана награжденный приобретал *ipso iure* требование, принадлежащее завещателю или обремененному.

9. *Legatum liberationis* – отказ должнику того, что он должен завещателю или наследнику завещателя ли третьему лицу (D. 30) [2, с. 277].

Отказополучатель (легатарий) в целях защиты своего права имел возможность предъявлять ряд исков.

1. Прежде всего это был иск виндикационный (*action rei vindicatio*). Он предъявлялся против любого, владеющего отказанной вещью, если вещь была индивидуально-определенной (С. 6.43.1.p.1) [6, с. 62].

2. Возможна была и петиторная защита отказанного права *ius in re aliena*. Например, для защиты сервитута применялся *action confessoria* (D. 31; С. 6.43 [6, с. 67]).

3. В основном, легатарий предоставлялся личный иск *actio personalis ex testament (action legati)* – который предъявлялся к наследнику по завещанию о выдаче отказа (С. 6.43.1. pr.) [6, с. 69].

4. Легатарий также мог воспользоваться ипотечным иском *actio hypothecaria*, т.к. он имел закладное право на имущество, которое обремененный получает от наследодателя. Этот иск служил для реализации такого закладного права. Иск мог быть предъявлен к любому держателю этого имущества (С. 6.43.1.p.1) [6, с. 259] и относился к вещным искам.

Зародившись еще в архаический период, прежде всего, как способ защиты имущественных интересов семьи, к концу Республики завещательный отказ (*легат*) становится разработанным и устоявшимся институтом римского частного права, позволяющим учитывать интересы участников наследственного правоотношения. Речь идет о самом легатарии, наследниках по завещанию, а также кредиторах завещателя. В период Империи происходят изменения, касающиеся в первую очередь упрощения условий его действительности. В результате в законодательстве Юстиниана содержатся самые разнообразные объекты гражданского права, которые могли быть предметом завещательного отказа.

Пристатейный библиографический список

1. Дернбург Г. Пандекты. Том III (книги IV и V). Семейственное и наследственное право / Пер. с последнего немецкого издания А. Г. Гойхбарга и Б. И. Элькина; под редакцией А. С. Кривцова – Санкт-Петербург: издание юридического книжного склада «Право», 1911. – 496 с.
2. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. V. Полут. 1. – Москва: Статут, 2004. – 584 с.
3. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VI. Полут. 2. – Москва: Статут, 2005. – 728 с.
4. Законы XII таблиц / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр романистики; Сост. и перевод Л. Л. Кофанова; Отв. ред. В. И. Уколова. – Москва: ИВИ, 1996. – 228 с.
5. Избранные новеллы Юстиниана. Пер. и комм. В. А. Сметанина. – Екатеринбург. УрГУ, 2005. – 340 с.
6. Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus: Пер. с лат. / Отв. ред. А. В. Копылов; [пер. с лат. А. В. Щеголева; фил. ред. А. И. Солопов]; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юрид. фак., НОЦ «Римское частное право». – Москва: Статут, 2021. – 372 с.
7. Копылов А. В. Легаты, фидеикомиссы и дарения на случай смерти в римском частном праве. – Москва: Издательский дом «Городец», 2021. – 176 с.
8. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институтации Гая. Дигесты Юстиниана. – Москва: Зерцало, 1997. – 608 с.
9. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. с лат. Л. М. Штаерман; отв. ред. и сост. Л. Л. Кофанов. – Москва: Зерцало, 1998. – 285 с.

ЛИННИКОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, адвокат Коллегии адвокатов Московской области «Линников и Партнёры», председатель Правления Ассоциации участников рынка платежных услуг «Некоммерческое партнерство «Национальный платежный совет»

КОНТРОЛЬ СТОРОН ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА

В работе рассмотрены особенности цивилистического контроля, осуществляемого сторонами договора банковского счета. Определены нормативные предпосылки правового регулирования контрольных функций сторон договора банковского счета. Установлено, что публично-правовой контроль, в отличие от цивилистического, является принудительным, основан на нормативно-правовом акте и направлен на охрану публичного порядка. Объективация публично-правового контроля, как правило, происходит в виде отказа в совершении тех или иных операций по требованию клиента.

Выводы автора основаны на анализе действующего законодательства, судебной практики и существующих доктринальных подходов к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: гражданско-правовой контроль, договора банковского счета, контрольно-надзорная деятельность, управление.

LINNIKOV Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, lawyer of the Moscow Region Bar Association "Linnikov and Partners", chairman of the Board of the Association of Participants in the payment services Market "Non-profit Partnership "National Payment Council"

CONTROL OF THE PARTIES TO THE BANK ACCOUNT CONTRACT

The article considers features of civilizational control carried out by parties to a bank account agreement. The normative prerequisites of legal regulation of control functions of parties to the bank account contract have been defined. It was established that public legal control, unlike civilizational, is mandatory, based on a normative legal act and aimed at protecting public order. The objection of public-law control, as a rule, occurs in the form of refusal to perform certain operations at the request of the client.

The author's conclusions are based on an analysis of current legislation, jurisprudence and existing doctrinal approaches to the problem under consideration.

Keywords: civil-legal control, bank account contract, control and supervisory activities, management.

На первый взгляд в законодательстве, регулирующем договор банковского счета, отсутствуют правила о гражданско-правовом контроле. Однако в этой договорной конструкции законодатель в том или ином смысле использует упоминает о контроле, который требует своего научного осмысления, в том числе и в части соотношения с гражданско-правовым контролем.

Нормативные предпосылки правового регулирования *банковского счета* закреплены в ст. 845 ГК РФ, в п. 3 которой есть указание на контроль. Однако в этой норме права обращается внимание на отсутствие контроля в отношениях, опосредованных договором банковского счета (далее по тексту также – ДБС). Так, отмечается, что банк не вправе контролировать направления использования денежных средств, принадлежащих клиенту.

Представляется важным рассмотрение вопроса о том, какие формы и способы гражданско-правового контроля актуальны для правоотношений, возникших из ДБС. Прежде всего, стоит отметить, что эти отношения складываются по поводу зачисления денежных средств на счет клиента, а также их списания по распоряжению клиента. В этом смысле банк является непреодолимым звеном в цепочке правоотношений, опосредующих движение денежных средств по счету клиента. Из этого следует вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев банковский гражданско-правовой контроль заключается в запрете на проведение тех или иных операций по счету. Однако этим не ограничивается банковский гражданско-правовой контроль: он может быть реализован путем запроса подтверждающих документов.

По поводу нормы п. 3 ст. 845 ГК РФ сформировалась достаточно обширная практика. Например, в постановлении Девятого арбитражного суда сделан вывод о том, что норма п. 3 ст. 845 ГК РФ, запрещающая банку контролировать распоряжение клиентом денежными средствами, соответствует существу договора банковского счета. Эта норма, в частности,

предполагает недопустимость списания денежных средств без распоряжения владельца счета, поскольку только ему законом и договором банковского счета предоставлено исключительное право определять юридическую судьбу принадлежащих ему денежных средств. При этом такое положение дел предопределено не только принципами гражданского законодательства, но и конституционными положениями ч. 3 ст. 35 Конституции РФ¹.

При этом логико-грамматическое толкование п. 3 ст. 845 ГК РФ позволят квалифицировать такого рода контроль в качестве ограничения прав клиента распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению. В то же время из буквального толкования нормы п. 3 ст. 845 ГК РФ следует также вывод о том, что это правило диспозитивно: законом или договором банковского счета могут быть предусмотрены те или иные ограничения прав клиента распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению, может быть предусмотрен условиями ДБС. Например, клиент может дать банку распоряжение контролировать объем операций, осуществляемых по его счету, за конкретный промежуток времени (например, в день, в месяц). Гражданско-правовой контроль банка в отношении лимита проводимых операций основан на ДБС и предопределён соответствующим распоряжением клиента.

Анализируя правовую природу договора комплексного банковского обслуживания физических лиц, С.К. Соломин и Н.Г. Соломина пришли к выводу о том, что некоторые банки,

1 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2020 г. № 09АП-79701/2019 по делу № А40-218102/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

включая в этот договор обязанность клиента распоряжаться принадлежащими ему денежными средствами, хранящимися на счете, фактически нарушают запрет, предусмотренный п. 3 ст. 845 ГК РФ, поскольку неосновательно трансформируют право клиента в его обязанность [1].

Комментируя правило п. 3 ст. 845 ГК РФ, Арбитражный суд Уральского округа подчеркнул, что клиент банка является его кредитором в отношении средств, размещенных на его счете. Необходимость в такой констатации была вызвана тем, что в рассматриваемом споре банк списал со счета клиента принадлежащие ему денежные средства в счет погашения очередной суммы кредита, что явилось нарушением правила п. 3 ст. 845 ГК РФ². Поскольку кредитный договор является договором присоединения, постольку его конкретные условия формируются банком в одностороннем порядке, что нередко создает почву для злоупотреблений со стороны кредитных организаций.

Неудивительна в связи с этим и квалификация банка в качестве более сильной стороны гражданского правоотношения. Так, для преодоления нормы п. 3 ст. 845 ГК РФ, банки стали включать в условия кредитного договора правило о том, что займодавец вправе списывать денежные средства в счет погашения кредитных обязательств с любого счета заемщика, открытого в банке займодавца. Это правило можно трактовать как предоставленный акцепт на списание заранее не установленной суммы с заранее не установленного счета, что недопустимо в отношениях с потребителем, поскольку ущемляет его права и является поводом для привлечения банка к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ³.

Так, Управление Роспотребнадзора по Новосибирской области обнаружило ущемляющие права потребителей условия в кредитных договорах, предлагаемых к заключению «ЮниКредит Банком», и вынесло предписание о необходимости устранения допущенных нарушений. В свою очередь «ЮниКредит Банк» обратился в суд с требованием о признании предписания незаконным. Рассматривая спор, суд пришел к выводу о том, что банк не вправе включать в кредитный договор условие о безакцептном списании денежных средств с любого счета клиента, поскольку тем самым нарушается правило п. 3 ст. 845 ГК РФ⁴. Добавим, что указанная позиция находит отражение в подавляющем большинстве правоприменительных актов, посвященных аналогичным спорам⁵. Однако судебной практике известны и прямо противоположные случаи, ссылающиеся на свободу договора и квалифицирующие заранее данный акцепт в качестве распоряжения по счету обслуживающему счет банку⁶.

2 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04 мая 2016 г. № Ф09-5543/15 по делу № А50-17399/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2024).

4 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14 мая 2014 г. по делу № А45-11571/2013 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2024).

5 См., например: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02 ноября 2017 г. № Ф01-5063/2017 по делу № А31-14152/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 июня 2019 г. № Ф06-47788/2019 по делу № А72-17462/2018; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 апреля 2018 г. № Ф02-995/2018 по делу № А19-12781/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 ноября 2017 г. № Ф09-4855/17 по делу № А60-60180/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

6 См., например: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2016 г. № 13АП-5490/2016 по делу № А56-91034/2015; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 59-КГ16-13 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2024).

Важно иметь в виду, что в отношениях между банком и клиентом, основанных на ДБС, банк является субъектом публично-правового контроля, поскольку законом на него возложены соответствующие обязанности. Так, на банк возложена контрольная функция в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Эта функция по своей правовой сущности является публичной и основана на соответствующих нормативно-правовых актах⁷, а не на договоре банковского счета.

Вопрос о правовой природе такого контроля был предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. Между сторонами договора банковского счета – гражданином и «Совкомбанком» – возник спор относительно примененной банком повышенной комиссии к операции по счету клиента. При этом условиями ДБС было предусмотрено право банка в одностороннем порядке применить повышенный (10 % вместо 1 %) размер комиссии, если он сочтет, что операция, совершенная клиентом, несет репутационный риск для банка. Так, на счет гражданина, открытый в банке, поступили денежные средства в размере около 5 млн. руб. в качестве платы по договору купли-продажи. Банк, расценив эту операцию сомнительной, заблокировал счет клиента, сохранив за ним право на возврат полученных денежных средств, однако с повышенной комиссией (10 %). Клиент дал распоряжение банку о закрытии договора банковского счета и о возврате поступивших на его счет денежных средств (5 млн. руб.), за что банк списал со счета клиента комиссию в размере 500 тыс. руб. Не согласившись с таким решением банка, клиент обратился в суд. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ поддержала клиента, заявив, что банк не вправе извлекать выгоду из своей публичной функции контроля. При этом дополнительно отмечено, что эта публичная функция не может применяться в частноправовых целях, поскольку это противоречит существу специального правового регулирования, предусмотренного Законом № 115-ФЗ⁸.

Судебная практика, подтверждающая тенденцию повышения комиссии банка в случае осуществления им сомнительных сделок, составляющих репутационный риск для банка, достаточно обширна. В этом смысле показателен спор, рассмотренный Арбитражным судом Центрального округа. В этом споре интерес представляют доводы банка по поводу повышения им комиссии в отношении операций по сомнительным сделкам. Банк обосновал свою позицию следующим образом: повышение тарифов по сомнительным сделкам следует квалифицировать в качестве специальной меры, имеющей экономическую природу и направленной на создание экономического барьера для клиента, намеренного вовлечь банк в преступную деятельность, связанную с легализацией доходов⁹.

Таким образом, публично-правовой контроль, осуществляемый банком в рамках возложенных на него законом полномочий, не должен трактоваться в качестве привилегии банка, используемой им в частноправовых отношениях, основанных на ДБС.

Публично-правовой банковской контроль принято именовать «внутренним», поскольку он проводится внутри кредитной организации по поводу выявления подозрительных сделок, совершенных клиентами, а также определения степени (уровня) их риска [2]. Общие правила осуществления вну-

7 См., например: О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон РФ от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

8 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. по делу № 5-КГ20-54-К2, 2-4461/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

9 Постановление ФАС Центрального округа от 23.08.2010 № А64-3257/09 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

тренного контроля содержатся в Положении Банка России от 02 марта 2012 г. № 375-П¹⁰, однако в каждой кредитной организации должны быть разработаны собственные правила. Например, в указанном Положении Банка России не названа конкретная сумма банковской операции, которая может быть квалифицирована в качестве подозрительной, поскольку этот вопрос остается на усмотрение банка и может быть урегулирован в его внутренних документах.

Публично-правовой контроль, в отличие от гражданско-правового, является принудительным, основан на нормативно-правовом акте, направлен на охрану публичного порядка. Объективация публично-правового контроля, как правило, происходит в виде отказа в совершении тех или иных операций по требованию клиента. Так, банк отказался выполнять платежное поручение индивидуального предпринимателя, поскольку установил, что у спорной операции присутствуют признаки необычной сделки и она не соответствует общепринятой рыночной практике совершения операций. Однако суд, рассматривая спор, вытекающий из этой ситуации, пришел к выводу о необоснованности решения банка в признании соответствующей операции необычной сделкой, что предопределило вывод о нарушении банком прав клиента¹¹. Примечательно, что неправомерное осуществление публично-правового контроля приводит к дисбалансу частноправовых отношений, возникших из ДБС.

Представляется также важным сопоставление обязанности банка воздержаться от гражданско-правового контроля направления использования денежных средств, принадлежащих клиенту и размещенных на его банковском счете, и права займодавца осуществлять гражданско-правовой контроль целевого использования кредитных денежных средств. Такое сопоставление, в частности, связано с тем, что вступление в кредитные правоотношения предполагает одновременное открытие банковского счета клиенту. По этому поводу Арбитражный суд Центрального округа специально разъяснил: гражданско-правовой контроль целевого использования кредитных денежных средств, особенности которого урегулированы кредитным договором, не осуществляется путем анализа операций, совершаемых по банковскому счету. Кроме того, перечисление земных денежных средств на счет клиента-заемщика приводит к их обезличению, что предопределяет невозможность разграничения платежей, осуществляемых по счету клиента. В силу действия правила п.3 ст. 845 ГК РФ гражданско-правовой контроль в отношении операций по счету клиента, в том числе фактических обстоятельств, а также определения направления использования денежных средств клиента считается недопустимым. Поэтому банк анализирует платежные документы исключительно по формальным признакам, придавая требованию клиента статус «текущего». Таким образом, гражданско-правовой контроль целевого использования заемных/кредитных денежных средств ограничен правилом п. 3 ст. 845 ГК РФ¹².

Итак, по договору банковского счета гражданско-правовой контроль направления использования денежных средств по умолчанию является правом клиента, что детерминировано существом договора банковского счета, принципами

гражданского законодательства, а также конституционно-правовыми гарантиями неприкосновенности частной собственности. Гражданско-правовой контроль направления использования денежных средств заключается в самостоятельном определении клиентом юридической судьбы денежных средств, размещенный на счете в банке.

Условием ДБС может быть предусмотрено закрепление контрольной функции за банком только в строго ограниченных случаях и с обязательной конкретизацией этой функции (например, гражданско-правовой контроль лимита денежных средств, участвующих в операциях за определённый промежуток времени).

В отличие от гражданско-правового контроля, являющегося договорным, банку принадлежит возложенное на него законом полномочие по осуществлению публично-правового контроля в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [3]. Поскольку гражданско-правовой контроль, основанный на ДБС и охраняющий частноправовой интерес клиента, существенно отличается от публично-правового контроля, основанного на законе и охраняющего публичные интересы, банк не вправе допускать их смешение, в том числе в аспекте извлечения имущественной выгоды из возложенных на него контрольных полномочий (например, путем повышения комиссии за проведение подозрительных сделок, влекущих для банка репутационный риск).

При соотношении правила п. 1 ст. 814 ГК РФ о гражданско-правовом контроле целевого использования кредитных денежных средств и правила п. 3 ст. 845 ГК РФ о запрете осуществления гражданско-правового контроля распоряжения клиентом денежными средствами установлено, что первое не отменяет второе. Из этого следует, что банк, будучи одновременно займодавцем по договору банковского вклада и стороной ДБС, не вправе осуществлять гражданско-правовой контроль целевого использования кредитных денежных средств путем анализа движений средств по счету. Кроме того, банк не вправе списывать денежные средства в счет погашения кредитных обязательств клиента с любого его счета, открытого в этом банке.

Пристатейный библиографический список

1. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Правовая природа договора комплексного банковского обслуживания физических лиц // Право и экономика. 2022. № 12. С. 12-19.
2. Фролова Е. Е. Риск-ориентированный подход в формировании организацией политики управления рисками // Правозащитник. 2016. № 2. С. 1.
3. Фролова Е. Е. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, как самостоятельное направление государственного финансового контроля в сфере денежного обращения. Монография. Иркутск, 2010. 127с.

10 О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Положение Банка России от 02 марта 2012 г. № 375-П (ред. от 07.11.2022) (Зарегистрировано в Минюсте России 06 апреля 2012 г. № 23744) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 15.05.2024).

11 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06 июля 2016 г. № Ф08-4481/2016 по делу № А53-34111/2015 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

12 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 октября 2015 г. № Ф10-3850/2015 по делу № А14-3632/2015 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024). Аналогичная практика: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28 мая 2013 г. по делу № А32-4724/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-176-178

МАРКС Юлия Алильевна

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Тульский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

СУБСИДИИ НА ОПЛАТУ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ И КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ: ЗАКОН, ДОКТРИНА, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Научная статья посвящена исследованию субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг как вида мер социальной поддержки граждан. Автор указывает на недостаточную систематизированность и пробельность действующего в данной сфере законодательства, а также отсутствие единых подходов к пониманию правовой природы субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг.

Особое внимание обращено на низкую эффективность работы управляющих компаний и поставщиков жилищно-коммунальных услуг, а также изношенность системы коммунального хозяйства. Для решения этой проблемы предлагается закрепить на законодательном уровне требование обязательного аудита, проверки хозяйственной деятельности управляющих компаний и поставщиков жилищно-коммунальных услуг.

Ещё одной проблемой является недостаточная информированность потенциальных получателей субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, а также сложности оформления данных субсидий. Для решения этой проблемы предложено законодательно закрепить за муниципальными органами социальной защиты населения обязанность информирования малоимущих граждан об имеющемся у них праве на субсидии по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также максимально упростить порядок её оформления.

Ключевые слова: объекты гражданских правоотношений, недвижимые вещи, жилое помещение, социальная поддержка, субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, жилищно-коммунальные услуги.

MARKS Yuliya Aliiljevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

SUBSIDIES FOR HOUSING AND UTILITIES: LAW, DOCTRINE, ENFORCEMENT

The scientific article is devoted to the study of subsidies for housing and utilities as a type of social support measure for citizens. The author points out the insufficient systematization of the legislation in force in this area, the lack of uniform approaches to understanding the legal nature of subsidies for housing and utilities, as well as the poor theoretical development of existing problems.

As one of the reasons for subsidizing payments for housing and utilities, the author names the low efficiency of management companies and providers of housing and communal services, as well as the deterioration of the public utilities system. To solve this problem, it is proposed to enshrine at the legislative level the requirement for mandatory audits and verification of the economic activities of management companies and suppliers of housing and communal services.

Keywords: objects of civil legal relations, real estate, residential premises, social support, subsidies for payment of residential premises and utilities, housing and communal services.

Маркс Ю. А.

Конституция Российской Федерации¹ провозгласила приоритет прав и свобод человека, что потребовало создание эффективного механизма их реализации и защиты. Право на жилье относится к числу фундаментальных прав человека, без осуществления которого не только не возможна нормальная жизнь, но и реализация иных прав и свобод.

Конституция Российской Федерации оперирует термином «жилище», закрепляя в ст. 25 принцип неприкосновенности жилища, а в ст. 40 – гарантии права каждого на жилище и запрет его произвольного лишения. При этом, если Конституция РФ говорит о праве каждого на жилище, то Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ² (далее – ГК РФ) – лишь о предназначенности

для проживания граждан. Перечисляющая объекты гражданских прав ст. 128 части первой ГК РФ ставит на первое место вещи.

Жилые помещения относятся к недвижимым вещам, то есть к объектам, прочно связанным с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (п. 1 ст. 130 ГК РФ). В свою очередь, термин «домовладение» является более широким по объему, нежели термины «жилой дом» и «жилое помещение». По этой причине недопустимо отождествлять понятия «жилой дом» и «домовладение».

Жилые помещения как объекты жилищных прав, независимо от своей принадлежности, отнесены к недвижимому имуществу, недвижимым вещам, недвижимости (ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004

1 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газета. – 04.07.2020. – № 144.

2 См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской

Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

г. № 188-ФЗ³ (далее – ЖК РФ)). Жилые помещения (недвижимые вещи, недвижимое имущество) выступают, тем самым, одновременно объектами и гражданских, и жилищных прав.

Полноценная реализация конституционного права на жилище сопряжена с необходимостью исполнения обязательств по оплате жилищно-коммунальных услуг. При этом, одной из острейших проблем современной России остается кризисное состояние жилищно-коммунального хозяйства. Подавляющее большинство многоквартирных домов эксплуатируются десятки лет и требуют капитального ремонта.

Учитывая крайне бедственное материальное положение значительного числа российских граждан и социальный характер нашего государства, законодатель предусмотрел возможность назначения субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. При этом, в действующем законодательстве имеется немало пробелов, а иногда и прямых противоречий между отдельными положениями, закрепленными в Конституции РФ и различных федеральных законах, а также подзаконных нормативных правовых актах. Кроме того, немаловажные аспекты предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг не нашли до настоящего времени должной правовой регламентации, соответствующей их социально-экономическому значению. Подтверждением этому служит обширная и противоречивая правоприменительная практика, сложившаяся к настоящему времени.

Решение государственной задачи по реализации жилищных прав представителями социально незащищенных слоев населения неразрывно связано с необходимостью совершенствования законодательства, что невозможно без осмысления общетеоретических проблем.

Термин «субсидия» используется, прежде всего, в бюджетном законодательстве. Данный термин имеет латинские корни *subsidium* (от лат. – помощь, поддержка) и *subsidio* (от лат. – укрываться, задерживаться, находиться в засаде). Льготы и субсидии по оплате жилого помещения и коммунальных услуг (далее – ЖКУ), по общему правилу, представляют собой скидку на оплату соответствующих услуг или освобождение от их оплаты.

Льготы и субсидии по оплате ЖКУ являются мерами социальной поддержки граждан. Именно в таком качестве они рассматриваются в действующем законодательстве⁴. Юридическим лицам субсидии на оплату жилья предоставлены быть не могут, что обусловлено правовой сущностью и социальным значением рассматриваемого вида государственной поддержки.

«Субсидия на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (жилищная субсидия) по своей сути – это компенсация, которая предоставляется гражданам в качестве помощи для оплаты жилого помещения и коммунальных услуг» [1, с. 96]⁵.

3 См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

4 См.: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.11.1995. № 48. Ст. 4563; Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 16.01.1995. № 3. Ст. 168.

5 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального

Правовое обеспечение субсидирования оплаты жилого помещения и коммунальных услуг как вида социального обеспечения осуществлено законодателем посредством целого ряда нормативных правовых актов. При этом, в настоящее время отсутствует единый закон, который отражал бы все нюансы мер социальной поддержки населения.

Рассматриваемый вид социальной поддержки прямо оговорён в нормах жилищного законодательства (ст. 159 и ст. 160 ЖК РФ). Однако, в специально посвящённом видам государственной социальной помощи п. 1 ст. 12 Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»⁶ упоминание о субсидиях по оплате жилого помещения и коммунальных услуг не содержится. Соответствующего упоминания нет и в посвящённой видам социальных услуг ст. 20 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁷. Для снятия существующей правовой неопределённости разумнее было бы прямо закрепить юридическую характеристику субсидий по оплате жилого помещения и коммунальных услуг в качестве вида социальных услуг.

Серьёзной проблемой остаётся недостаточная информированность потенциальных получателей субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, а также сложности оформления данных субсидий [3, с. 17]. Для решения этой проблемы необходимо законодательно закрепить за муниципальными органами социальной защиты населения обязанность информирования малоимущих граждан об имеющемся у них праве на субсидии по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также максимально упростить порядок её оформления. Позитивную роль в этой связи могла бы сыграть запущенная 1 января 2024 г. государственная информационная система «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере».

В качестве одной из причин субсидирования оплаты жилого помещения и коммунальных услуг выступает неэффективная работа поставщиков жилищно-коммунальных услуг и изношенность системы коммунального хозяйства. Решение этой проблемы лежит не только в экономической, но и в юридической плоскости. Так, в частности, можно предложить закрепить на законодательном уровне требование обязательного аудита, проверки хозяйственной деятельности управляющих компаний и поставщиков жилищно-коммунальных услуг. Реализация этого предложения должна способствовать снижению цен на данном рынке и, соответственно, уменьшению числа потребителей, нуждающихся в субсидиях.

На важный аспект обращает внимание Л.Ю. Цыганова: «жилые помещения – это объекты недвижимости, в сохранности и нормальной эксплуатации которых заинтересовано общество в целом. Это обусловлено и назначением, и значительной стоимостью жилья, и его нехваткой» [4, с. 68].

При этом, как пишет в частности Е.Е. Мачульская, «отсутствие надежных экономических гарантий социальной за-

найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

6 См.: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.07.1999. № 29. Ст. 3699.

7 См.: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2013. № 52 (часть I). Ст. 7007.

щиты населения приводит к росту бедности» [2, с. 16]. Одним из негативных последствий бедности населения выступает противоправное поведение части потребителей коммунальных услуг, на что указывает, в частности, Е.С. Шахова. «Не исключено, что в сфере потребления коммунальных услуг в сложный экономический период возрастет незаконное потребление и различные случаи хищения» [5, с. 84].

Значимым источником регулирования рассматриваемых общественных отношений выступают постановления Правительства РФ и указы Президента РФ. Так, 27 мая 2023 года Правительство РФ издало Постановление № 835 «Об утверждении единого стандарта предоставления компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг отдельным категориям граждан»⁸, в котором указаны основные шаги по получению названных компенсаций, а также даны рекомендованные формы заявлений и иных документов в связи с получением таких компенсаций.

Санитарные правила и нормы регламентированы, прежде всего, положениями Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁹. А именно, СанПиН 2.1.2.2645-10, СанПиН 2.1.8/2.2.4.2489-09, СанПиН 2.2.1/2.1.1.1278-03 и другим. Технические правила и нормы, обуславливающие пригодность помещения для проживания, устанавливаются на основе требований Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»¹⁰. Принимаемые в данной области подзаконные нормативно-правовые акты развивают положения данного федерального закона¹¹.

Позитивную роль в регулировании рассматриваемых общественных отношений призван сыграть Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»¹², а также изданные и готовящиеся к принятию в его исполнение документы¹³.

Кроме того, в Государственную Думу РФ внесён проект федерального закона № 575626-8 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». В пояснительной записке к законопроекту сказано, что он направлен на реализацию положений Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 года¹⁴.

Рассматриваемые вопросы урегулированы и нормативными актами региональных органов государственной власти¹⁵.

Вместе с тем, следует признать, что законодательство, регламентирующее вопросы субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, недостаточно систематизировано. Пробелы в законодательстве, отсутствие единых подходов к пониманию правовой природы субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, недостаточная теоретическая разработанность существующих проблем, существенно затрудняют широкое использование данного вида социального обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 432 с.
2. Мачульская Е. Е. Проблемы формирования базовых понятий права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. – 2023. – № 3. – С. 12-18.
3. Фаррахутдинов И. Ф. Рассмотрение механизмов предоставления субсидий и компенсаций на оплату жилищно-коммунальных услуг // Международный научный журнал «Символ науки». – 2021. – № 12-2. – С. 17-19.
4. Цыганова Л. Ю. К вопросу бесхозяйственного обращения с жильем // Жилищное право. – 2020. – № 10. – С. 67-76.
5. Шахова, Е. С. Ретроспективный анализ института оплаты за жилищные и коммунальные услуги: практический аспект в условиях пандемии / Е.С. Шахова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3. – С. 76-84.

8 См.: Постановление Правительства РФ от 27.05.2023 № 835 «Об утверждении единого стандарта предоставления компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг отдельным категориям граждан» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023. № 23 (часть I). Ст. 4150.

9 См.: Федеральный закон Российской Федерации от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.04.1999. № 14. Ст. 1650.

10 См.: Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

11 См.: Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» // Российская газета. 23.10.2003. № 214.

12 См.: Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

13 См.: Приказ Минтруда России от 02.04.2024 № 164н «Об утверждении официальных разъяснений по вопросам применения Указа Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

14 См.: Законопроект № 575626-8 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» // Электронный документ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/575626-8?ysclid=lvcg7wbwtw444446582>.

15 См., например: Закон Тульской области от 28.04.2016 № 33-ЗТО «О предоставлении компенсации расходов на уплату взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Тульской области» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»; Постановление администрации Тульской области от 15.01.2010 № 30 «Об утверждении Положения о порядке предоставления мер социальной поддержки по оплате жилого помещения, коммунальных услуг и топлива отдельным категориям жителей Тульской области» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

НЕКРАСОВ Михаил Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

ТАРХАНОВА Александра Владимировна

бакалавр 3-го курса направления «Юриспруденция», Институт государства и права, Тюменский государственный университет

ЯСЬКОВ Родион Борисович

студент 3-го курса направления «Судебная и прокурорская деятельность», Институт государства и права, Тюменский государственный университет

МАШИНОЧИТАЕМОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РФ

Развитие машиночитаемого права в настоящее время находится на стадии первоначального развития. В статье изучаются основные риски и вызовы, связанные с введением и использованием машиночитаемого права, такие как информационная безопасность и юридическая неопределенность. Кроме того, определены потенциальные выгоды, такие как упрощение и ускорение сделок, защита интересов сторон и развитие электронной торговли. Исследование сущности и перспектив применения машиночитаемого права будет способствовать эффективному внедрению и использованию этой технологии в гражданском обороте РФ.

Ключевые слова: машиночитаемое право, гражданское право, цифровизация, нормативно-правовое регулирование, машиночитаемые нормы.

NEKRASOV Mikhail Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theoretical and public law disciplines sub-faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University

TARKHANOVA Alexandra Vladimirovna

bachelor of the 3rd course, direction of «Law», Institute of State and Law, Tyumen State University

YASKOV Rodion Borisovich

student of the 3rd course, direction of the «Judicial and Prosecutorial Activity», Institute of State and Law, Tyumen State University

MACHINE-READABLE LAW: THE CONCEPT, RISKS AND PROSPECTS OF APPLICATION IN THE CIVIL TURNOVER OF THE RUSSIAN FEDERATION

The development of machine-readable law is currently at the stage of initial development. The article examines the main risks and challenges associated with the introduction and use of machine-readable law, such as information security and legal uncertainty. In addition, potential benefits are identified, such as simplification and acceleration of transactions, protection of the interests of the parties and the development of electronic commerce. The study of the essence and prospects of the application of machine-readable law will contribute to the effective implementation and use of this technology in the civil turnover of the Russian Federation.

Keywords: machine-readable law, civil law, digitalization, legal regulation, machine-readable norms.

Машиночитаемое право является одним из направлений цифровых трансформаций в праве и элементом регуляторных технологий LegalTech [3]. На сегодняшний день проблематика развития машиночитаемого права и внедрения в гражданский оборот как во всем мире, так и в России, является одной из самых распространённых, так как развитие технологий требует постепенной автоматизации и цифровизации всех сфер человеческой жизни для упрощения пользования теми или иными услугами.

Машиночитаемое право не имеет единого понятия, поэтому необходимо рассмотреть различные подходы к пониманию данного термина.

Согласно подходу А. М. Вашкевича и А. Дуюнова, «машиночитаемые нормы – это однозначно сформулированные и понятные программе правила на базе унифицированного программного языка или других средств» [1]. Данная концепция опирается прежде всего на технологический аспект, в основе которого лежит понимание использования программных машиночитаемых норм.

В противовес данному понятию, О. М. Родионова считает, что возможность машиночитаемой записи нормативных

положений, позволяющая использовать их для обработки с помощью ЭВМ не приводит к формированию права как системы; машиночитаемость лишь позволяет провести «инвентаризацию» всех легально установленных правил в рамках огромного набора данных» [4].

По мнению О. С. Шепелева, М. А. Сучкова, А. В. Богатова и др., «под переводом законодательства в код, как правило, понимают перевод норм права в алгоритмизированный вид, который может быть прочитан машиной» [5].

Представленные выше определения, акцентируют внимание в большей степени на технологическом аспекте машиночитаемого права и предполагают, что машиночитаемое право не приобрело глобального распространения для выделения отдельной отрасли. Прежде всего, по мнению авторов, данная сфера права предполагает упрощение использования машин, а не упрощение коммуникации между людьми.

На наш же взгляд, машиночитаемое право представляет собой возможность заключения и исполнения сделок и договоров с использованием электронных и машиночитаемых средств. Мы опираемся на автоматизацию производства и

минимизацию коммуникации между людьми посредством упрощения бухгалтерии, логистики и т.п.

Для понимания сущности исследуемого понятия необходимо выявить общие принципы данной сферы права. В частности, к ним относятся достоверность, целостность, доступность, аутентичность и конфиденциальность машиночитаемых данных и документов.

Достоверность означает, что содержание данных и документов должно быть точным и достоверным. Целостность предусматривает, что документы должны быть защищены от несанкционированных изменений или удалений, а в случае, если это все-таки произошло, должны быть предусмотрены механизмы проверки и восстановления информации. Доступность предполагает, что данные должны быть доступны пользователям, имеющим разрешение на их использование. Аутентичность позволяет установить, что данные и документы являются истинными и соответствуют воле сторон, а также должны быть привязаны к конкретной стороне и/или учетной записи. И, наконец, конфиденциальность означает, что системы и политики безопасности предприятий должны быть реализованы для защиты данных от утечек и несанкционированного доступа.

Общие принципы машиночитаемого права являются основополагающими для обеспечения надежности, безопасности и доверия в использовании электронных средств и документов в правовых отношениях. Они помогают снизить риски несоответствия информации и обеспечить соответствие электронных процессов нормативным требованиям и стандартам.

Внедрению в гражданский оборот термина машиночитаемое право предшествовало использование еще во времена СССР таких понятий как «машиночитаемый формат» и «машиночитаемая форма».

Первым нормативно-правовым документом, предусматривающим использование машиночитаемого вида (формата), стал документ «Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения» (одобр. коллегией Главархива СССР 27.04.1988, Приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33)¹.

Далее в современной российской практике стали использоваться такие документы, как Постановление ЦИК России от 29.03.2017 № 78/681-7 (ред. от 10.06.2020) «О Перечне и формах документов, в том числе в машиночитаемом виде, представляемых политическими партиями и кандидатами в избирательные комиссии при проведении дополнительных выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатному избирательному округу», Приказ МВД России от 16.11.2017 № 864 (ред. от 16.01.2019) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Россий-

ской Федерации» (в части правил формирования машиночитаемой зоны паспорта) и т.п.

Сегодня сферу машиночитаемого права регулируют различные федеральные законы, нормативно-правовые акты и концепции.

В первую очередь, следует отметить наличие концепции развития машиночитаемого права, подготовленной Министерством экономического развития РФ, в которой прописаны риски, перспективы, а также практика внедрения технологий как за рубежом, так и в России. Данная концепция акцентирует внимание на том, что в настоящее время технологии применения машиночитаемого права в Российской Федерации связаны с процессом автоматизации права на уровне отдельных бизнес-проектов².

Регулирование же машиночитаемого права, а в частности, машиночитаемого формата, осуществляется на основании Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (вступил в силу с 01.03.2021). Согласно части 3 статьи 10 Федерального закона «порядок формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований, в том числе сферы общественных отношений, в отношении которых он ведется, оператор реестра обязательных требований, перечень содержащейся в указанном реестре информации и обязанности федеральных органов исполнительной власти и уполномоченных организаций по её внесению устанавливаются Правительством Российской Федерации. Правительство Российской Федерации также вправе утвердить требования к форме и формату установления обязательных требований в целях перевода их в машиночитаемый вид (формат)».

Действующая нормативно-правовая база позволяет создавать площадки для внедрения технологий машиночитаемого права в гражданский оборот.

В частности, в системе Консультант Плюс относительно недавно был внедрен новый сервис «Конструктор договоров», который позволяет быстро и грамотно составить договоры, а также документы в сфере труда. Консультант Плюс в данном случае является одной из самых крупных площадок не только за счет ежедневного обновления нормативно-правовой базы, но и за счет постоянной интеграции технологий машиночитаемого права.

Безусловно, существует проблема недостаточного нормативно-правового регулирования машиночитаемого права, что приводит к увеличению рисков от его внедрения и использования. К данным рискам относятся:

1. Риск информационной безопасности. Машиночитаемое право требует использования электронных средств, таких как компьютеры, интернет и электронные подписи. Это создает уязвимости в системе, которые могут быть использованы злоумышленниками для несанкционированного доступа к информации или вмешательства в процессы сделок и договоров.

2. Риск технических проблем. Внедрение и использование машиночитаемого права требует надежного и стабильного функционирования технических систем. Несовместимость, сбои в работе, неполадки в электронных устройствах и программном обеспечении могут привести к потере данных,

1 Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-mashinocitaemogo-i-mashinopolnyaemogo-prava-aktualnost-naznachenie-mesto-v-regtehe-soderzhanie-ontologiya-i-perspektivy> (дата обращения: 13.10.2023).

2 Концепция развития технологий машиночитаемого права. Министерство экономического права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6abf3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf.

ошибкам в документации или проблемам с заключением и исполнением сделок.

3. Риск юридической неопределенности. В связи с быстро меняющейся технологической средой и относительной новизной машиночитаемого права, возникают юридические неопределенности и проблемы интерпретации нормативных актов. Это может затруднить применение машиночитаемого права и вызвать споры и конфликты между сторонами сделок.

4. Риск доступности и цифрового неравенства. Внедрение машиночитаемого права предполагает доступ к электронным устройствам и интернету. Однако не все люди имеют доступ к этой технологии, что может создать проблемы для тех, кто не может использовать ее или не владеет необходимыми навыками.

5. Риск изменения в рабочих процессах и культуре организаций. Переход на использование электронных документов и процессов требует изменений в рабочих процессах и культуре организаций. Введение новых систем и стандартов может вызвать сопротивление сотрудников, адаптационные затраты и необходимость обучения.

Для управления рисками внедрения и использования машиночитаемого права важно проводить анализ и планирование, применять соответствующие меры информационной безопасности, обеспечивать обучение и поддержку персонала, а также тщательно следить за развитием законодательства и судебной практики в этой области. Это поможет минимизировать риски и добиться максимальной эффективности и безопасности при использовании машиночитаемого права.

Перспективы применения машиночитаемого права в гражданском обороте РФ значительны. Они включают:

1. Упрощение и ускорение сделок. Машиночитаемое право позволяет проводить сделки и передавать документы в электронной форме, минимизируя бумажную работу и предоставляя возможность для моментального обмена информацией. Это способствует ускорению и упрощению процессов заключения и исполнения сделок.

2. Защита интересов сторон. Машиночитаемое право предоставляет возможность использования электронной подписи для проверки подлинности и целостности электронных документов. Это помогает защитить интересы сторон и предотвратить возможные мошеннические действия.

3. Развитие электронной торговли. Машиночитаемое право способствует развитию электронной торговли, позволяя проводить электронные платежи, заключать договоры на расстоянии и осуществлять дистанционные продажи товаров и услуг.

4. Снижение затрат. Использование машиночитаемого права позволяет сократить затраты на бумажную документацию, хранение и передачу документов, обслуживание юридических отделов и т.д. Это может быть выгодно для бизнеса и граждан, снижая их финансовые издержки.

В целом, дальнейшее применение машиночитаемого права в гражданском обороте РФ будет способствовать положительным изменениям, стимулирующим развитие и модернизацию бизнес-процессов, повышение эффективности и удобства взаимодействия между сторонами сделок и договоров. Однако для этого необходимо совершенствовать техническую и правовую инфраструктуру и повысить уровень информационной безопасности.

Важно отметить, что регулирование машиночитаемого права может быть изменчивым и требует постоянного об-

новления с точки зрения соответствия быстроменяющимся технологиям и потребностям бизнеса и граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Вашкевич А. М., Дуюнов А. Автоматизация права: Законодательство. Публичное правоприменение. Договоры и частноправовые нормы. Ограничения: Концепция. – М.: Симплойер, 2019. – 19 с.
2. Концепция развития технологий машиночитаемого права. Министерство экономического права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf.
3. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-mashinocitaemogo-i-mashinoispolnyaemogo-prava-aktualnost-naznachenie-mesto-v-PerTehе-soderzhanie-ontologiya-i-perspektivy> (дата обращения: 13.10.2023).
4. Родионова О. М. Право и цифровые технологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 6. – С. 85-89.
5. Шепелева О. С., Сучкова М. А., Богапова А. В. и др. Вопросы регулирования цифровой экономики: Аналитический отчет / Фонд «Центр стратегических разработок». – М., 2019. – 491 с.

САВЧЕНКО Светлана Антоновна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Институт деловой карьеры в Тюменской области

АЛИКИЕВА Альбина Мунировна

старший преподаватель, Тюменский государственный университет

ВОПРОСЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В РАЗРЕЗЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Стремление, заложенное в предлагаемой работе, исследование корреляции норм, правил, законов, сведённых в кодексы на правоприменительную практику в структуре гражданского права. Особенностью данной работы является исследование проблемы в двух не связанных напрямую областях, эксплуатации гидротехнических сооружений и охраны памятников, в том числе природных. Автор выражает надежду, что приведенные свидетельства актуальны для освещения проблем, представляющие свежий взгляд на имплементацию норм относимых к действию гражданского права. Для суждения и освещения проблем, относящихся к заявленной проблематике, автор использовал следующие методы: аналитический, индуктивный и теоретический методы. В работе приведен обширный, для данного формата, набор фактов, норм, положений из структуры гражданского права, в общем, его понимании. Выражаем скромную уверенность, что в некоторой степени эти задачи были решены, также полагаем необходимым продолжить исследовательскую работу в этом направлении.

Ключевые слова: торговля, гидротехнические сооружения, памятники природного и культурного наследия, охрана окружающей среды, имущественные права.

SAVCHENKO Svetlana Antonovna

Ph.D. in Law, professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty, Institute of Business Career in the Tyumen Region

ALIKIEVA Albina Munirovna

senior lecturer, Tyumen State University

ISSUES OF OPERATION OF HYDRAULIC STRUCTURES AND PROTECTION OF MONUMENTS IN THE CONTEXT OF CIVIL LAW

The aim of the proposed work is to study the correlation of norms, rules, and laws summarized in codes of law enforcement practice in the structure of civil law. A special feature of this work is the study of the problem in two unrelated areas, the operation of hydraulic structures and the protection of monuments, including natural ones. The author expresses the hope that these testimonies are relevant for highlighting problems that present a fresh perspective on the implementation of norms related to the operation of civil law. To judge and highlight the problems related to the stated problem, the author used the following methods: analytical, inductive and theoretical methods. The paper presents an extensive set of facts, norms, and provisions from the structure of civil law, in its general understanding, for this format. We are modestly confident that these tasks have been solved to some extent, and we also believe it is necessary to continue research in this direction.

Keywords: trade, hydraulic structures, monuments of natural and cultural heritage, environmental protection, property rights.

Сооружение инфраструктурных объектов имеет давнюю историю, со школьной скамьи мы помним: Великая Китайская Стена, Суэцкий канал, Змиевы Валу, Троянова дорога и многие другие. Развитие международной торговли в девятнадцатом веке потребовало совершенствование торговых путей, первыми из которых были, конечно, каналы. Сооружение и дальнейшая эксплуатация изначально носила международный характер, что не исключало доминирование одного государства. Каналы представляют из себя сложные искусственные гидротехнические сооружения, соединяющие океаны и моря, пересекают участки суши под национальной юрисдикцией, предназначены для обеспечения международного судоходства. По характеру эксплуатации к международным каналам относятся Суэцкий, Панамский и Кильский каналы, имеющие важное значение для международного судоходства, Коринфский и Сайменский каналы в целом региональные. Географическое положение каналов обуславливает их международный характер. В отличие от проливов, используемых для международного судоходства, каналы обычно открываются на территории одного государства и в силу этого обстоятельства относятся к территориально го-

сударственному суверенитету. В соответствии с этим суверенитетом государство, через территорию которого проходит международный канал, может сдать его в аренду, что подлежит регулированию, в том числе и в области гражданского права. Сайменский канал, в юридической литературе называют «многонациональным», был построенный в 1845-1856 годах, имеет длину 43 километра, проходит по территориям Финляндии (23 километра) и России (20 километров), после реконструкции в 1963-1968 годах каналу был возвращен современный вид. С самого начала эксплуатации канал имел большое экономическое значение для Финляндии и давал стране возможность транспортировать суда из внутренних портов в европейские прибрежные порты, а также во внутренние порты Центральной и Восточной Европы и России, предлагая, таким образом, наиболее экономичный вид водного транспорта для внешне торговых грузов.

Суммируем некоторые моменты изложенного: правовые нормы, регулирующие основные системы международных каналов, без сомнения схожи и определяют, прежде всего, важнейший принцип свободного прохода по этим каналам судов всех государств участников международной

Савченко С. А.

Аликиева А. М.

торговли. Второй принципиальный момент, использование международных каналов кроме регулирования принципами и нормами международного права, учитывающих нормы международных конвенций, но ещё и законодательством государств, обладающих суверенитетом над инфраструктурными объектами. Третье, международно-правовой режим, применяемый для обеспечения международного судоходства, не отрицает права государства, на территории которых проходят соответствующие гидротехнические сооружения, вводить соответствующие правила для иностранных судов, проходящих по каналу, и осуществлять контроль над каналом. Включая, право создавать административные органы для пропуска иностранных судов, проходящих этим маршрутом. В четвертых, свобода судоходства в международных каналах может быть ограничена в исключительных случаях, предусмотренных национальным законодательством и соответствующими международными договорами.

Механизм правового регулирования инфраструктурных объектов, среди которых и водные пути имеет долгую историю в России. Например, 18 февраля 1759 г. был издан указ "О порядке судоходства по Волге, Тверце и прочим рекам в С.-Петербург, этим указом определялся не только непосредственно порядок судоходства, но и устанавливал порядок содержания и технические условия содержания береговой полосы. В девятнадцатом веке, а именно 14 февраля 1809 г. в России были впервые официально введены "Правила для судоходства по Мариинскому каналу и Вышневолоцкому пути", содержание которых сводилось по существу к ограничению размеров и осадки судов, полагаем, что это один из первых правовых актов, регулирующих эксплуатацию инфраструктурных объектов. Двадцатый век отметился не только значительными социальными движениями, но и значительными достижениями в области сооружения инфраструктурных объектов, в том числе гидротехнических. Полагаем необходимым дать краткую характеристику упомянутым объектам по их назначению, классу опасности, типу обслуживания и другим общим признакам.

Гидротехнические сооружения это такие сооружения, как плотины, здания гидроэлектростанций, водосбросы, водосборные сооружения, тоннели, каналы, насосные станции, шлюзы и лодочные подъемники. Прочие сооружения, предназначенные для защиты набережных водохранилищ, берегов и русел рек от наводнений и разрушений, плотины, предназначенные для защиты хранилищ сточных вод промышленных и сельскохозяйственных организаций, сооружения для защиты водохранилищ, берегов и русел рек от наводнений и разрушений. Классификация гидротехнических сооружений по степени опасности, класс 1 это гидротехнические сооружения очень высокого риска, класс 2 сооружения повышенного риска, класс 3 гидротехнические сооружения общего риска, класс 4 гидротехнические сооружения низкого риска. Кроме того, гидротехнические сооружения систематически классифицируются по ряду признаков - отрасль народного хозяйства, условия эксплуатации, назначение, капитальность, конструкция. По типу назначения, предназначенные для орошения, осушения и использования земель, гидроэнергетика, для использования энергии воды. Водный транспорт для навигационных целей: шлюзы и каналы, судоподъемники, волнорезы и речные причалы, водоснабжение и канализация, рыболовство, рыбопропускные сооружения, рыбоводные пруды. Несмотря на то, что в правоведении продолжают споры, к какому виду права отнести правовые нормы, регулирующие инфраструктурные, природные объекты, памятники культуры и истории, полагаем не противоречащим отнесению их в общем виде к гражданскому праву. Отсюда позволим сказать несколько слов о методологии и системе гражданского права. Основные черты гражданско-правового метода урегулирования это равный правовой статус участников гражданских правоотношений, равенство

означает, что они не подчинены друг другу, но и не пользуются одинаковыми правами. Автономия участников гражданских правоотношений заключается в следующем, каждый участник вправе самостоятельно решать, вступать ли ему в гражданские правоотношения, каждый участник имеет обособленное имущество на праве собственности или ином вещном праве. Санкции носят компенсационный характер, восстановление имущественной территории лица, чьи права были нарушены, на практике применение этого принципа вызывает сомнения, вопрос о возможности применения норм гражданского права к общественным отношениям имущественного характера, в частности, в части взыскания убытков, неустойки, морального вреда. Правовая система подразумевает под собой совокупность из отраслей национального права, внутренняя структура которого состоит из общепринятых норм, институтов, подразделений и отраслей права. Области права регулируют конкретные виды общественных отношений, гражданское право регулирует имущественные и личные неимущественные отношения. Система гражданского права как отрасли права представляет единство внутреннего строения данной отрасли права и взаимосвязанных с ней институтов. Если система права образована отраслями, то сама отрасль состоит из нижестоящих отраслей, институтов и учреждений, подчиненная отрасль гражданского права это сумма правовых норм, регулирующих один и тот же круг отношений и имеющих свои общие положения. В Гражданском кодексе можно выделить следующие подзаконные отрасли, имущественное право, исковое право, личные неимущественные права, наследственное право, право интеллектуальной собственности. На первый взгляд эти направления напрямую не относятся к вопросам эксплуатации гидротехнических сооружений, однако при внимательном рассмотрении законодательных актов можно без сомнения отметить большое влияние основополагающих норм гражданского права к их содержанию. В развитие вышесказанного считаем необходимым тезисно затронуть вопросы, относящиеся к природопользованию и связанным с ними экологических проблем.

Поскольку нормы вышеуказанных отраслей права совпадают по содержанию, предмету и субъектам, соотношением между нормами этих отраслей права является актуальным и, следовательно, взаимосвязанным, отношения, связанные с использованием природных ресурсов, почти всегда носят имущественный характер, объектами этих отношений являются природные ресурсы. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» рассматривает следующие понятия, ресурс это компоненты природной среды, природные объекты и природные артефакты. Земля, почва, недра, леса, вода, животные, воздух и другие, которые могут быть использованы для осуществления хозяйственной и иной деятельности, всё перечисленное напрямую связано с вопросами эксплуатации инфраструктурных объектов, включая гидротехнические сооружения и нормами других отраслей гражданского права. Безусловно, природные ресурсы имеют свои уникальные характеристики, к примеру, они имеют ярко выраженные эстетические свойства. Экологическая безопасность, охрана природной среды - важные интересы человека в процессе взаимодействия общества и природной среды, подпадают не только под действие Федерального законодательства, но и под соответствующие статьи конституции.

Природные ресурсы подпадают под действие Гражданского кодекса Российской Федерации, свидетельством тому служит факт, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ не различает термин «природные ресурсы», а использует термин «объект», при том часть 3 статьи 129 го-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/.

ворит, законодатель включил природные ресурсы в это понятие. Анализ действующего законодательства показывает, что гражданско-правовые нормы, содержащиеся в Законе о природных ресурсах, имеют особый характер по сравнению с общими правилами, закрепленными в Гражданском кодексе Российской Федерации. Однако эти нормы не входят в противоречие с общими принципами гражданского права. Экологическое право, содержащееся в экологическом законодательстве, должно рассматриваться как часть гражданского права. В вопросе разделения норм гражданского и экологического права очень важным является разделение полномочий по вопросу права собственности. Это регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации и Конституцией Российской Федерации. Основной закон четко разделяет предметы ведения.

По нашему мнению к перечисленным законодательными отраслям, ассоциированным с общим Гражданским правом необходимо отнести и «Федеральный закон о безопасности гидротехнических сооружений». Кратко рассмотрим вопросы эксплуатации инфраструктурных объектов, включая гидротехнические сооружения в контексте гражданского права, уделим внимание к вопросам, ассоциированным посредством структуры гражданского права, имеем ввиду проблематику охраны памятников. Подчеркнём, к памятникам относятся не только памятники искусства и истории, но и памятники природы, мы уже затрагивали эту проблематику ранее. До шестидесяти процентов территории Российской Федерации - природные территории, не подвергшиеся серьезному ущербу в результате хозяйственной деятельности, указанные объекты природы значимы не только для жизни человека, но и для функционирования целых экосистем, сохранения биоразнообразия и устойчивости биосферы. Понятие «памятники природы», как и другие объекты материального мира, имеет историческое происхождение, тем не менее, до сих пор в правоведении нет единого мнения по поводу его определения. На наш взгляд, природный реликт можно определить как объект или природный комплекс, представляющий часть ландшафта, созданного природой, уникальный по своей структуре, форме и характеру, был юридически оформлен решением компетентного органа, это подчеркивает особую аутентичность памятников природы. Содержание в национальном законодательстве подробных и четких норм, гарантирующих правовую охрану памятников природы, уточнение субъектов, реализующих эти нормы, и объема их прав и обязанностей; расширение сферы правовой охраны памятников природы, безусловно, относится к области гражданского права. Общетеоретическое понимание предмета правоотношений все возможные варианты этого понимания практически во всех случаях базируется на данных одной юридической науки, мы подразумеваем гражданское правоведение.

В содержании и контексте нашей работы мы полагаем, следует понимать предмет гражданских прав с плюралистической точки зрения, в наибольшей степени, задействованной в научной и практической среде. Одной из наиболее распространенных признаков объектов гражданских прав, служат потенциал к удовлетворению основных интересов человека, отсюда атрибуция вещей должна найти негативное или позитивное отражение в описании закона реальности. Несомненно, материальные блага создают возможность удовлетворения законных интересов гражданина, тем самым предопределяет характер, содержание и динамику этого права и наряду с этим определяет возможность удовлетворения законных интересов гражданина. Следовательно, объектами гражданского права совокупность материальных и нематериальных объектов, с указанным комплексом субъект права состоит в гражданских правоотношениях, реализуемых через законодательный процесс.

Уже упоминавшаяся статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит достаточно подробный перечень понятий определяющих объектов гражданского права, очевидно, что объекты культурного наследия должны быть отнесены к объектам или иному имуществу. Несмотря на то, что перечень объектов гражданских прав, составленный законодателем, является практически исчерпывающим, следует подчеркнуть, что для некоторых объектов право применение достаточно сложно, в силу недостаточно чётко прописанности формулировок. Законодатель прописал норму, по которой недвижимым имуществом может быть только то, что может быть использовано по назначению, если оно неотделимо от земли. Это понятие, по мнению большого, числа правоведов, служит наиболее приемлемым критерием для отнесения имущества к недвижимому. Выше указанные критерии также применимы к культурному наследию, иными словами, в соответствии со статьей 130 Гражданского кодекса Российской Федерации к историко-культурному наследию относятся, в том числе объекты недвижимого имущества, это значит объекты гражданских прав, тесно связанные с землей.

Приведённые выше данные позволяют сделать вывод, что культурное наследие, включая памятники природы можно отнести к объектам гражданского права, прежде всего, потому, что оно обладает всеми признаками указанного объекта. Некоторые категории объектов памятников, включая природные, могут быть аналогичны иному недвижимому имуществу, другими словами являются объектами этого вида собственности в силу особенностей приобретения права собственности, в том числе по аналогии с другим движимым и недвижимым имуществом. Что же такое культурное наследие, условно их можно разделить на следующие основные категории, а именно, объекты, полностью включенные в частный оборот, и объекты, ограниченные в частном обороте, ограничения на оборот объектов культурного наследия включают в себя ограничения связанные с оборотом и охраной. Факты, приведённые в нашем исследовании безусловно говорят о том, что памятники природного и культурного наследия это объекты прав граждан, многие из этих объектов имеют недвижимую природу, прочно связаны с землёй, отметим многие из гидротехнических сооружений возможно следует отнести к памятникам природы и культурного наследия, все они без сомнения попадают под применение гражданского права. Дополнительно несколько слов о системе гражданско-правовой защиты определяется как совокупность норм и правовых средств, направленных на регулирование отношений защиты в процессе реализации имущественных прав, это значит права владения, пользования и распоряжения объектом природного или культурного наследия. При реализации имущественных прав на объекты культурного наследия, приобретаемые или передаваемые в пользование, на них накладываются определенные обременения, связанные с особым режимом этих объектов. В связи с особым режимом в отношении движимых объектов культурного наследия установлен особый порядок проведения работ по охране культурного, включая ремонт, консервацию, реставрацию, реконструкцию и перепланировку, правовой основой проведения указанных работ являются прежде всего нормы гражданского законодательства, закрепленные в главе 37 Гражданского кодекса Российской Федерации. Административно-правовая система охраны памятников природы культурного наследия отличается от гражданско-правовой системы, как правило, своим субъектным составом. Формат данной работы, не позволяет более подробно остановиться, на многих интересных аспектах рассматриваемой проблематики, однако полагаем что наша скромная работа даёт достаточно информации для понимания темы.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-185-187

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиала «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАЦИЕНТА ДО И ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ БЕЗ ЕГО СОГЛАСИЯ

Раскрыто, что за использование изображения пациента без его согласия предусмотрены уголовная, гражданская и административная ответственность. Отмечено, что из самых важных обязанностей клиник пластической хирургии – является защита их пациентов, что включает в себя защиту их права на неприкосновенность частной жизни. Гражданин, чье изображение было опубликовано и использовано без его согласия, вправе обратиться в суд с требованием удаления этого изображения, запрещения дальнейшего его распространения, компенсации морального вреда. Выявлено, что по данным делам существуют проблемы определения надлежащего ответчика и подтверждения факта размещения и использования изображения без согласия истца. Обращено внимание, что изображение гражданина не имеет нормативного определения.

Ключевые слова: пациент, согласие, фотография, изображение, публикация, пластический хирург, клиника пластической хирургии, врачебная тайна, ответственность.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer of the Leningrad regional bar association, branch of the Law Firm "Pelevin and Partners"

TYPES OF LEGAL LIABILITY FOR USING THE PATIENT'S IMAGE BEFORE AND AFTER PLASTIC SURGERY WITHOUT HIS CONSENT

It is revealed that criminal, administrative, and civil liability is provided for the use of a patient's image without his consent. It is noted that one of the most important duties of plastic surgery clinics is to protect their patients, which includes protecting their right to privacy. A citizen whose image was published and used without his consent has the right to apply to the court with a demand to remove this image, prohibit its further distribution, and compensate for moral damage. It was revealed that in these cases there are problems in determining the proper defendant and confirming the fact of placing and using the image without the consent of the plaintiff. Attention is drawn to the fact that the image of a citizen does not have a normative definition.

Keywords: patient, consent, photograph, image, publication, surgeon, clinic, medical secrecy, responsibility.

Ястремский И. А.

Результат пластической операции зависит от достигнутого улучшения внешнего вида пациента, который отображается в фотографиях и видеоизображениях пациента. При этом именно изображение пациента позволяет его идентифицировать.

Демонстрация фотографии пациента является как минимум разглашением сведений о том, что данное лицо обращалось за оказанием того или иного вида медицинской помощи. Помимо этого фото пациента в большинстве случаев может непосредственно указывать на повод обращения к врачу, демонстрировать физическое и психическое состояние человека, свидетельствовать о характере и тяжести заболевания, включая диагноз, факте проведения медицинского вмешательства, выдавать некоторые обстоятельства личной жизни пациента [7].

Изображения гражданин должны размещаться и использоваться только с их согласия. Также клиники должны соблюдать правила хранения изображений пациентов. Необходимо обеспечить конфиденциальное использование мест нахождения фотографий, видеофайлов, ограничив доступ к ним и предоставив его только конкретным работникам, несущим персональную ответственность за соблюдение правил обращения с изображениями пациентов.

Требования к хранению и управлению изображениями аналогичны тем, которые предъявляются к документам и материалам, образующим историю болезни. Фотография или видеоизображение пациента относятся к процессу оказания медицинской помощи. Поэтому использование изображе-

ний пациента в медицинских, образовательных целях имеет большое значение для врачебной практики.

Обеспечение клиникой конфиденциальности изображений пациентов зависит от должного соблюдения мер по их защите и хранению. С развитием информационных технологий возрастают риски получения неправомерного доступа к изображению гражданина, что может повлечь нарушение его личных неимущественных прав.

При отсутствии согласия пациента на съемку и использование соответствующего изображения, действия виновного лица образуют нарушение врачебной тайны. Для клиники предпочтительной является письменная форма согласия. Это обусловлено возложением обязанности доказывания размещения и использования видео или фотографии на лицо, изображенное на нем.

Во избежание споров в согласии необходимо указать условия использования изображения: форма изображения (фото или видео), цели, пределы, способ использования изображения, порядок, место размещения изображения. Необходимо получить согласие пациента как на само получение (изготовление) изображения (фотографирование или видеосъемку), так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях. Согласие пациента должно содержать все возможные виды и формы использования его изображений. Важно, чтобы пациенты были полностью проинформированы о последствиях публикации фотографий в Интернете, до подписания формы согласия.

Клиникам пластической хирургии необходимо сохранять конфиденциальность и защищать изображения пациентов, поэтому необходимо знать об уязвимости хранения и электронной передачи изображениями и принимать меры по обеспечению безопасности изображений, чтобы защитить не только пациента, но и врача и клинику. Большое значение имеет место хранения изображений, поскольку с развитием технологий увеличиваются шансы ненадлежащего обмена фотографиями или видеоизображениями, что наносит ущерб неприкосновенности частной жизни и правам пациента на конфиденциальность. Информированное согласие является средством, посредством которого клиника разъясняет все виды и формы использования изображений пациента, в лечении, а также в научных и учебных публикациях.

Ст. 137 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за соби́рание и распространение информации о частной жизни лица. Фотосъемка пациента помимо его воли является соби́ранием такой информации, а незаконное ее распространение без согласия пациента – это сообщение (разглашение) информации кому-либо любым способом (в том числе путем передачи, размещения информации (материалов) в Интернете).

Уголовный закон в ч. 2 ст. 137 УК РФ устанавливает ответственность за данное деяние, совершенное с использованием служебного положения виновного, в том числе врача. С его помощью виновный может собирать сведения и распространять сведения.

Уголовно-правовой охране подлежат не любые сведения о частной жизни лица, а только те, которые составляют его личную или семейную тайну. К сведениям, составляющим личную тайну, могут относиться любые сведения о лице, касающиеся его интересов, убеждений, взглядов, привычек, взаимоотношений, которые он стремится сохранить в тайне от окружающих, и в отношении которых потерпевшим необходимо принять меры, обеспечивающие их конфиденциальность. Обязательным условием отнесения к таким сведениям является их недоступность третьим лицам [9, с. 539].

Некоторыми учеными, в силу повышенной общественной опасности таких деяний, поскольку помимо ущемления чести и достоинства потерпевших страдают и сферы его социальной жизни, в том числе не только семейные, но и профессиональные, предлагается установить самостоятельную уголовную ответственность за нарушение права граждан на изображение [8].

Следует отметить, что из существующей редакции ст. 137 УК РФ четко не следует, что она включает ответственность за размещение и использование фотографий, видеоизображений потерпевшего. В этой связи, целесообразно внести в данную статью изменения и уточнения в целях более тщательной дифференциации ответственности, предусмотрев ее конкретно за публикацию и использования изображения потерпевшего помимо его воли.

КоАП РФ в ст. 13.14 предусмотрена административная ответственность за разглашение врачебной тайны, лицом, имевшей к ней доступ, в том числе врачом.

Обязанность врача соблюдать конфиденциальность информации, касающейся пациента – это отношения, построенные на доверии. Эта обязанность создает доверительную среду, которая побуждает пациентов делиться конфиденциальной информацией и сообщать о своих симптомах, опыте, убеждениях, опасениях и ожиданиях в отношении своей болезни, не опасаясь, что эта информация будет разглашена другим. Обязательство медицинской профессии соблюдать сохранение конфиденциальности направлено на защиту достоинства, неприкосновенности частной жизни и автономии пациента.

Обязанность соблюдать конфиденциальность служит различным целям в медицине.

Во-первых, конфиденциальность признает автономию пациента. Это подтверждает уважение к чувству индивидуальности и неприкосновенности частной жизни пациента.

Во-вторых, конфиденциальность защищает честность врача, которая является основополагающей составляющей для улучшения здоровья пациента. Конфиденциальность позволяет людям быть уверенными в том, что информация, предоставленная их врачам, не будет распространяться в дальнейшем.

Медицинская этика рассматривает обязанность сохранять врачебную тайну как один из основных и не подлежащих обсуждению принципов медицинской практики. Таким образом, врачи не должны разглашать информацию, собранную в ходе их профессиональных отношений со своими пациентами, или даже информацию, собранную вне медицинской деятельности.

Врачебную тайну составляют данные, позволяющие идентифицировать пациента, в том числе и его изображение. Ее соблюдение является обязанностью врачей, медицинских работников и медицинских клиник.

За неправомерную публикацию и использование изображения пациента виновный несет гражданско-правовую ответственность, т.е. обязанность лица, нарушившего права другого лица, устранить последствия этого нарушения. Согласно п. 1 ст. 152.1 ГК РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина по общему правилу допускаются только с его согласия.

Изображение пациента может давать информацию о его состоянии, характере и тяжести заболевания, виде проведенного медицинского вмешательства. Размещение изображения пациента в открытом доступе (в том числе в СМИ, Интернете, литературе, рекламных листовках, буклетах и пр.) является разглашением врачебной тайны, в том в связи с проведением пластической операции.

Клиника привлекается к ответственности только в случае, если соблюдены условия гражданско-правовой ответственности: размещение и использование изображения, противоправность действия (бездействия) клиники (ее персонала), т.е. отсутствие согласия пациента.

Экземпляры носителей, хранящих изображение, полученное или используемое без согласия гражданина, должны быть по решению суда изъяты из оборота и уничтожены без компенсации. Если такое изображение распространено в сети Интернет, по требованию пострадавшего оно может быть удалено, пресечено или запрещено для дальнейшего распространения.

ГК РФ в ст. 152.1 не исключает возможность обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, если он был причинен неправомерным использованием изображения [4, с. 109].

Если пациент узнает, что его изображение стало известно посторонним, пациент может испытывать нравственные и физические страдания (переживать, ощущать дискомфорт, что может привести к ухудшению здоровья, например, повышению давления, головным болям). Соответственно, суд может также взыскать с клиники денежные средства в качестве компенсации морального вреда.

Основываясь на материалы существующей судебной практики, можно точно сказать, что суд в большинстве случаев удовлетворяет дела частично, а также уменьшает размер компенсации в несколько раз по сравнению с заявленным требованием и не всегда данная сумма как-то может исправить положение потерпевшей стороны [3, с. 115].

Клиника вправе в порядке регресса требовать возмещения убытков с врача, который нарушил и допустил утечку в виде размещения изображения, а также наложить дисциплинарное взыскание в соответствии с нормами трудового законодательства.

Необходимо получить согласие пациента как на само получение (изготовление) изображения (фотографирование или видеосъемку), так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях.

Невыполнение данных требований может повлечь судебные споры.

Так, с согласия пациентки Б. клиника пластической хирургии разместила ее фотографии до и после операций. Через некоторое время Б. узнала о публикации ее фотографий в рекламе другой клиники, в отсутствие согласия истицы.

Исходя из заключения судебно-портретной экспертизы, на фотографиях запечатлена данная пациентка. В итоге суд установил нарушение требований п. 1 ст. 152.1 ГК РФ (использование в рекламных целях фотографии пациентки без ее согласия) и взыскал с клиники денежные средства в качестве компенсации морального вреда.

Следовательно, пострадавший гражданин вправе обратиться за защитой нарушенного права на изображение в суд, используя предусмотренные законом способы защиты гражданских прав. При этом истец должен доказать факт неправомерного размещения и использования изображения другим лицом. В случае размещения изображения в Интернете, гражданин вправе получить подтверждение данного факта у нотариуса (для составления протокола осмотра доказательств) и/или у администрации сайта. Установление ответчика возможно путем обращения к администрации сайта.

Получение надлежащего согласия имеет первостепенное значение. Так, фотографии лица пациента были использованы в рекламных целях. Несмотря на то, что устное согласие было получено, пациент заявил о вторжении в частную жизнь, штрафных санкциях, нарушении фидуциарных обязанностей и изображении пациента в ложном свете. За исключением редких случаев, устные соглашения не имеют силы в суде.

Соответственно, публикация фотографий с изображением лица пациента несет повышенную ответственность для клиник пластической хирургии.

По другому делу пациент согласился принять участие в новостном сюжете о рисках косметической хирургии и важности выбора хирурга. Однако запись транслировалась в Интернете, на что пациент не давал согласия.

Пациент давал согласие на то, чтобы его фотографировали или показывали по телевидению до, во время и после операции или процедуры, которые должны быть выполнены в медицинских, научных или образовательных целях, при условии, что его личность не раскрывается на фотографиях. Однако репортер случайно раскрыл имя пациента во время новостного сюжета.

Указанные нарушения прав и интересов пациента (выход за пределы форм использования изображения пациента, оговоренных в согласии) повлекли предъявление к клинике претензий.

Еще в одном случае пациентка дала клинике согласие на визуализацию, однако она не предоставила согласия на передачу изображений другим лицам. По ошибке хирург в процессе получения предварительного разрешения на операцию направил фотографии по почте ее работодателю. Как следствие, пациентка заявила о нарушении конфиденциальности, вторжении в частную жизнь, халатности.

В рекламном бюллетене, содержащем подарочные карты в свою клинику, пластический хирург разослал фотографии пациента до и после членам сообщества. Первоначальное согласие, полученное от пациента, позволяло хирургу раскрывать фотографии только в образовательных целях. Обнаружив нарушение согласия, пациент подал в суд.

Следовательно, практическую важность имеет объем согласия. В то время как согласие отвечает на вопрос о том, могут ли быть сделаны и опубликованы фотографии пациента, область охвата определяет, как это можно сделать. При разборе этого случая важно понимать предполагаемую цель действий хирурга.

Клиника пластической хирургии получила согласие на съемку и распространение фотографий пациента. Тем не

менее, сфера действия согласия ограничивала его распространение только в образовательных целях. Включение подарочных карт делало основной целью этого информационного бюллетеня рекламной, а не образовательной.

Для избежания возможного привлечения к ответственности клиники должна внимательно просматривать каждую форму согласия перед публикацией, чтобы проверить соблюдение объема соглашения. Должен быть внедрен формализованный процесс ведения учета, к которому легко получить доступ, чтобы обеспечить быстрое и точное подтверждение согласия на фотографирование. Часто это можно сделать в качестве рабочего процесса для новых пациентов в электронных медицинских картах.

Устное согласие пациента, при отсутствии свидетелей, не может быть подтверждено в суде. Так, клиника пластической хирургии использовала фотографии истца для печатных рекламных материалов. Пациентка дала устное согласие на распространение своих фотографий в обмен на снижение стоимости второй операции, письменное согласие не оформлялось. В результате пациентка подала в суд, заявив о вторжении в частную жизнь.

К проблемам данной категории судебных споров относятся определение надлежащего ответчика и подтверждение факта размещения и использования изображения без согласия истца. Кроме того, изображение гражданина, несмотря на теоретическую разработанность, не имеет своего нормативного определения.

Пристатейный библиографический список

1. Букалерева Л. А., Остроушко А. В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2017. № 1.
2. Гришаев С. П., Николаева А. А. Комментарий правового регулирования использования, охраны и защиты изображения гражданина // Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ», 2016.
3. Гущина Я. Е. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Закон и общество: история, проблемы, перспективы. Материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ. Красноярск, 2022.
4. Мазаев Д. В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113).
5. Микрюков В. А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2.
6. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013.
7. Согласие пациента на использование его изображения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdrav.ru/articles/102066-qqe-16-m01-soglasie-patsienta-na-ispolzovanie-ego-izobrazheniya?yclid=lm5q4vkn781282577>.
8. Ступина С. А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение // Эпоха науки. 2018. № 16.
9. Стяжкина С. А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29. № 4.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-188-191

КОНОВАЛОВ Алексей Сергеевич

аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Коновалов А. С.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ПРАВ, КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблематика, связанная с правовой природой и сущностью цифровых прав. Основная цель работы заключается в анализе российского законодательства о цифровых правах и определении места этих прав в общей системе объектов гражданских прав. Автором приводятся существующие в российской доктрине концептуальные подходы к пониманию цифровых прав. Затрагивается проблема сущностного соотношения криптоактивов (цифровых активов) и цифровых прав. В статье делается вывод о том, что попытки российского законодателя урегулировать оборот криптоактивов пока не привели к должному результату. В то же время в статье отмечается важность развития российской нормативно-правовой базы, применимой к обороту цифровых активов.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые активы, криптоактивы, правовое регулирование, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы.

KONOVALOV Aleksey Sergeevich

postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia

ISSUES OF CIVIL LAW REGULATION OF DIGITAL ASSETS IN RUSSIA: LEGAL NATURE AND ESSENCE OF DIGITAL RIGHTS AS AN OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

The article deals with the issues related to the legal nature and essence of digital rights. The main purpose of the work is to analyze the Russian legislation on digital rights and to determine the place of these rights in the general system of civil rights objects. The author presents the existing conceptual approaches to the understanding of digital rights in the Russian doctrine. The issue of the essential correlation between cryptoassets (digital assets) and digital rights is touched upon. The article concludes that the attempts of the Russian legislator to regulate cryptoassets have not the desired result. At the same time, the article notes the importance of the development of the Russian regulatory framework applicable to the turnover of digital assets.

Keywords: digital rights, digital assets, cryptoassets, legal regulation, utilitarian digital rights, digital financial assets.

Введение

Развитие информационных технологий и цифровизация общественных отношений на нынешнем этапе развития социума обуславливают серьезные вызовы, связанные с необходимостью адаптации правового регулирования к непрерывно меняющимся общественным отношениям в окружающей нас действительности. Примером таких процессов может являться, в частности, развитие и внедрение в виртуальную экономику таких технологий, как технология распределенных реестров (далее – ТРР) и технология смарт-контрактов. Перед правовыми порядками всех государств в той или иной степени стоит проблема правового регулирования оборота так называемых криптоактивов: токенов и криптовалют, функционирование которых осуществляется на основе указанных технологий.

Криптоактивы, которые также иногда называют цифровыми активами, преимущественно распространены на финансовом рынке, однако, их применение возможно в самых разных областях. Криптоактивы могут являться как цифровым представлением других объектов гражданских прав, так и самостоятельными, существующими исключительно в цифровом пространстве объектами, обладающими определенной ценностью¹. Предметом рассмотрения данной статьи

является российское законодательство, регулирующее оборот цифровых активов, а именно законодательство о цифровых правах.

Цель данной статьи заключается в анализе правовой природы и сущности цифровых прав, а также определении их места в системе объектов гражданских прав в законодательстве Российской Федерации. Для достижения этой цели автором анализируется российское нормативно-правовое регулирование, а также рассматриваются теоретико-правовые аспекты данного вопроса, исследующиеся отечественной доктриной.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что цифровые активы становятся все более распространенными в современном обществе и требуют соответствующего внимания со стороны государственных органов. Отсутствие системного и непротиворечивого законодательства создает проблемы как для инвесторов и представителей бизнес-сообщества, так и для правоприменителей. Для дальнейшего научного осмысления такого объекта гражданских прав, как цифровые права, представляется необходимым проанализировать их правовую природу и сущность.

¹ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // cbr.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cbr.ru/search/?text=Криптовалюты%3A+тренды%2C+риски%2C+меры.+Доклад+для+общественных+консультаций> (дата обращения: 02.08.2024).

Понятие цифровых прав

Цифровые права появились в отечественном законодательстве в 2019 году, когда в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены изменения². В новой редакции статьи 128 ГК РФ в качестве одной из разновидностей имущественных прав были указаны цифровые права. В появившейся статье 141.1 ГК РФ было закреплено легальное определение, включившее в себя существенные признаки нового объекта гражданских прав.

Для появления новых разновидностей цифровых прав требуется внесение изменений в законодательство. Иными словами, право не является цифровым в случае отсутствия прямого указания на это в законе. Особенности возникновения, содержания и реализации цифровых прав устанавливаются информационной системой, в рамках которой такие права возникли. Осуществление цифровых прав также происходит только в информационной системе, без обращения к третьим лицам, а переход цифрового права на основании сделки не требует согласия обязанного лица.

Анализируя легальное определение, Кресс В. В. отмечает противоречие: с одной стороны, перечисляются юридически значимые признаки, которым должно соответствовать право для того, чтобы признаваться цифровым, а с другой – указывается, что цифровыми правами являются только те права, которые прямо поименованы в законе в качестве таковых [2].

Нельзя не отметить, что сформулированное законодателем определение цифровых прав с момента появления в 2019 году вызвало немало дискуссий в российской правовой доктрине. Данная разновидность имущественных прав неоднократно подвергалась экспертами серьезной критике. Научное и экспертное сообщество разделилось на два лагеря. Одни ученые, например, Габов А. В., Асосков А. В. и Савельев А. И., признавая имеющиеся недостатки принятых в 2019 году новелл, указывали на положительные для отечественной криптоиндустрии тенденции – начало создания системного правового регулирования данной отрасли в России [5]. Другие, в частности, Сарбаш С. В. [5, с. 40], Рожкова М. А.³, Санникова Л. В. и Харитоновна Ю. С. [6], указывали, что принятые нововведения скорее вредны для гражданско-правового оборота и нарушают уже существующую систему объектов гражданских прав.

Отдельные специалисты также полагают, что принятая законодательная база не регулирует оборот криптоактивов, а скорее, формирует какую-то уникальную правовую действительность. Так, Новоселова Л. А. отмечает, что выбранный законодателем термин «цифровое право» является не самым удачным с точки зрения того, какие именно объекты под ним понимаются. У цифровых прав фактически нет уникального содержания, они выделяются в отдельную категорию ввиду особенностей их учета – цифровой формы [5, с. 33].

Анализируя легальное определение цифровых прав, а также принимая во внимание существующие оценки ученых и экспертов, следует согласиться, что закрепленная в законе

дефиниция довольно декларативна и далека от совершенства. Фактически представленное в статье 141.1 ГК РФ определение не отражает каких-либо существенных особенностей цифровых прав, отличающих их от других объектов гражданских прав.

Несмотря на то, что цифровые права выделяются в ГК РФ в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, следует согласиться с исследователями, указывающими, что данный объект в том виде, в каком он определен в законе в настоящее время, является лишь одной из форм записи других, уже существующих прав. Сущностно же цифровые права наиболее близки к бездокументарным ценным бумагам. В обоих случаях вся информация о праве не записана на каком-либо одном материальном носителе, а хранится в электронной форме в специальной системе учета.

Разновидности цифровых прав

На 2024 год в специальных законах закреплено только два вида цифровых прав: утилитарные цифровые права (далее – УЦП) и цифровые финансовые активы (далее – ЦФА). Эксперты Банка России (далее – ЦБ РФ), консалтинговых компаний и институциональных участников российского финансового рынка (банки, фонды и т.д.) выделяют также гибридные цифровые права, обладающие признаками УЦП и ЦФА⁴. Следует подробнее рассмотреть перечисленные разновидности цифровых прав.

Утилитарные цифровые права

Утилитарные цифровые права – одна из первых разновидностей цифровых прав, появившихся в российском законодательстве в 2019 году. Основанием для возникновения УЦП является заключение договора о приобретении УЦП на специальной, предусмотренной для этих целей инвестиционной платформе. Требования к условиям такого договора и порядку организации инвестиционной платформы устанавливаются законом⁵.

Фактически УЦП представляют собой права требования в форме цифровых прав на получение вещей, выполнение работ, оказание услуг или передачу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Такие цифровые права должны создаваться и использоваться в рамках инвестиционной деятельности (краудфандинга) на специальных инвестиционных платформах, представляющих собой информационные системы, основанные на ТРР. УЦП могут удостоверяются только те права, которые прямо указаны в законе.

В виде УЦП не могут быть оформлены права требования на имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) если сделки с таким имуществом подлежат государственной регистрации или должны удостоверяются у нотариуса. К таким сделкам, например, можно отнести сделки с недвижимостью.

2 Федеральный Закон Российской Федерации «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 12. Ст. 1224.

3 Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Zakon.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 19.08.2024).

4 Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад для общественных консультаций // cbr.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/search/?text=++Развитие+рынка+цифровых+активов++Российской+Федерации> (дата обращения: 25.08.2024).

5 Федеральный закон Российской Федерации «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2019. - № 31. - Ст. 4418.

Требования, предъявляемые законом к инвестиционной платформе, на которой осуществляется выпуск УЦП, довольно близки по своей сути к классическому пониманию сети, функционирующей на базе ТРР. При анализе сопроводительной документации к законопроекту № 419090-7 от 20.03.2018⁶ становится понятно, что законодатель стремился учитывать возможность внедрения на российском финансовом рынке элементов указанной технологии в процессы краудфандинга и краудинвестинга. В то же время ввиду необходимости соблюдения принципа технологической нейтральности в процессе доработки законопроекта законодатель отказался от регулирования конкретных технологий или технологических решений и свел к минимуму подобные «юридические привязки».

УЦП являются новым для российского правового поля способом привлечения инвестиций, основанным на правах требования. Их можно назвать аналогами токенов, удостоверяющих какое-либо предусмотренное законом право. В этой связи экспертами ЦБ РФ в 2022 году указывалось на то, что отдельные УЦП могут иметь характеристики невзаимозаменяемых токенов⁷.

Цифровые финансовые активы

Цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) также как и УЦП, появившиеся в российском законодательстве в 2019 году, являются еще одной разновидностью цифровых прав. ЦФА могут быть изначально выпущенные в форме цифровых прав денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права требования по обязательствам, связанным с передачей эмиссионных ценных бумаг внутри специализированных информационных систем, или иные права, предусмотренные законом. Содержание удостоверяемых ЦФА прав определяется решением о выпуске ЦФА⁸.

Фактически в законе отсутствует как таковое определение ЦФА. Приводится лишь перечень прав, которые в соответствии с законом могут выпускаться в форме ЦФА. Также указывается, каким условиям должны отвечать такие права и обеспечивающая их существование и обращение техническая инфраструктура, чтобы закон признавал конкретное право цифровым.

Такой подход прямо противоречит доктринальному пониманию объектов гражданских прав, в соответствии с которым каждый объект обладает уникальным перечнем существенных признаков и особенностей [1, с. 351]. В этой связи нормы закона, регулирующие ЦФА, являются еще одним доказательством в пользу точки зрения, что цифровые права – это не самостоятельный объект права, а лишь форма записи других прав.

Вместе с тем необходимо отметить, что первоначально при разработке нормативно-правового регулирования ЦФА перед законодателем стояла цель урегулировать именно имущественные отношения, связанные с оборотом крипто-

активов. Согласно первоначальной редакции законопроекта⁹, токены и криптовалюта признавались разновидностями ЦФА. Если изначально предполагалось, что ЦФА будет отечественным аналогом понятия «криптоактив» то в процессе доработки законопроекта его сущность стала не совсем ясна.

Принятие нового закона потребовало приведения его терминологии в соответствие с уже действовавшим законодательством и другими разрабатывавшимися законопроектами в данной области. Из итоговой редакции закона, регулирующего ЦФА, исключили общепринятые названия разновидностей криптоактивов. Также, как и в случае с законом, регулирующим УЦП, требовалось следовать принципу технологической нейтральности, и упоминания о ТРР свели к минимуму.

Из системного анализа положений законодательства о ЦФА следует, что ЦФА фактически являются деривативами, т.е. производными финансовыми инструментами, выпускаемыми, прежде всего, для целей обращения на финансовом рынке. При этом экспертами ЦБ РФ отмечалось, что отдельные ЦФА, включающие денежные требования, обладая схожими экономическими характеристиками, сущностно могут быть близки к стейблкоинам¹⁰.

Среди уже эмитированных на 2024 год ЦФА эксперты Sber CIB – консалтингового подразделения ПАО «Сбербанк», перечисляют следующие цифровые права:

- Долговые ЦФА;
- ЦФА с привязкой к цене базового актива;
- ЦФА с привязкой к цене на недвижимость;
- ЦФА с привязкой к цене дохода от сдачи в аренду майнинговых центров обработки данных;
- ЦФА на паевые инвестиционные фонды;
- Гибридные ЦФА¹¹.

Гибридные цифровые права

Гибридные цифровые права, которые также называют гибридными цифровыми финансовыми активами, представляют собой категорию цифровых прав, обладающих свойствами и признаками одновременно нескольких разновидностей цифровых прав. Например, гибридные ЦФА, обладая всеми признаками обычных ЦФА, могут при этом включать в себя различные права требования, характерные для УЦП.

Законодательство о ЦФА предусматривает возможность эмитирования в рамках одной информационной системы активов, обладающих наряду с ЦФА свойствами и признаками других цифровых прав. При этом выпуск, учет и обращение таких цифровых прав должны соответствовать требованиям законодательства о ЦФА, а расчеты по сделкам с гибридными цифровыми правами должны отвечать еще и требованиям законодательства о национальной платежной системе¹².

В законодательстве, регулирующем УЦП, также устанавливается, что на одной инвестиционной платформе наряду с

6 Законопроект № 419090-7. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // [sozd.duma.gov.ru](https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7> (дата обращения: 01.09.2024).

7 Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. С. 14.

8 Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 31 (часть I). - Ст. 5018.

9 Законопроект № 419059-7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // [sozd.duma.gov.ru](https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 05.09.2024).

10 Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. С. 13.

11 Цифровые финансовые активы: обзор рынка в 2024 году // [sbercib.ru](https://sbercib.ru/publication/tsifrovie-finansovie-aktivi-obzor-rinka-v-2024-godu) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbercib.ru/publication/tsifrovie-finansovie-aktivi-obzor-rinka-v-2024-godu> (дата обращения: 10.09.2024).

12 Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 27. - Ст. 3872.

УЦП могут приобретаться и отчуждаться ЦФА, а также гибридные цифровые права, т.е. цифровые права, являющиеся одновременно УЦП и ЦФА. В этом случае выпуск, учет и обращение ЦФА и гибридных цифровых прав должен соответствовать требованиям законодательства о ЦФА.

Выводы

По итогам рассмотрения и анализа цифровых прав как объекта гражданских правоотношений автором был сделан ряд выводов. Следует отметить, что цифровые права являются довольно новым феноменом для отечественного правового порядка, возникшим в результате попытки урегулировать имущественные отношения, связанные с развитием информационных технологий и цифровой экономики. Подобная ситуация приводит к необходимости осмысления сущности цифровых прав доктриной, в частности, раскрытия содержания и ключевых признаков этой разновидности имущественных прав.

С точки зрения цивилистики цифровые права имеют весьма противоречивое нормативно-правовое регулирование, а закрепленное в ГК РФ легальное определение не раскрывает должным образом правовую природу данного объекта гражданских прав. Не определены также сущность и ключевые признаки у существующих в настоящее время разновидностей цифровых прав, таких как УЦП и ЦФА. Представленные в специальных законах определения, по сути, являются перечислением имущества (имущественных прав), содержание которых в соответствии с законом может быть записано в форме цифрового права.

Не слишком удачным решением видится и указание в статье 141.1 ГК РФ на закрытый перечень разновидностей цифровых прав. Развитие рынка цифровых активов может быть затруднительным в условиях, когда для признания какого-либо права цифровым каждый раз требуется принятие нового федерального закона. Учитывая реалии законодательного процесса, такое нормативно-правовое регулирование далеко не всегда способно адекватно отвечать потребностям делового оборота. В условиях активного развития информационных технологий и цифровизации общественных отношений данная проблема приобретает особую актуальность.

При анализе сопроводительной документации и первоначальных редакций законопроектов, направленных на регулирование цифровых прав, становится понятно, что целью законодателя было урегулировать оборот криптоактивов. В то же время действующее законодательство о цифровых правах применимо к данной сфере с большими оговорками. При определенных условиях в качестве ЦФА и УЦП могут быть признаны отдельные категории токенов и стейблкоинов, не обладающих расчетной функцией. Если же толковать положения действующих законов буквально, нельзя сказать, что категория цифровых прав тождественна категории криптоактивов или отдельным ее разновидностям.

Следует согласиться с существующей среди ученых точкой зрения, что принятое нормативно-правовое регулирование скорее создает альтернативную правовую реальность, чем устраняет существовавший ранее регуляторный пробел. Для полноценного применения законодательства о цифровых правах к обороту криптоактивов представляется целесообразным принятие дополнительных подзаконных актов на уровне ЦБ РФ и профильных органов федеральной исполнительной власти. В рамках таких подзаконных актов возможно определить соотношение данных понятий, а также порядок

применения законодательства о цифровых правах к криптоактивам.

На данном же этапе цифровые права, несмотря на выделение их в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, скорее представляют собой цифровую форму записи других имущественных прав. В то же время сущностно цифровые права довольно близки к бездокументарным ценным бумагам. Нельзя исключать, что в будущем, при дальнейшем развитии законодательства, эти две категории будут объединены.

Признавая обозначенные выше недостатки российского законодательства о цифровых правах, нельзя не отметить и позитивные аспекты. Развитие регуляторной базы, пускай и с оговорками, но все же применимой к обороту цифровых активов, должно положительно сказаться на держателях данного цифрового имущества. Нахождение такого значительного сектора финансового рынка в серой зоне негативно сказывается не только на инвесторах, но и на стабильности финансовой системы государства. Учитывая новизну и сложность рассмотренной проблематики, правопорядку России предстоит пройти долгий путь на пути к созданию эффективного регулирования данной отрасли.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2021. Т. 1. - 1040 с.
2. Кресс В. В. Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия // Экономика. Право. Общество. - 2023. - Т. 8. № 4 (36). - С. 66-71. - DOI 10.21686/2411-118X-2023-4-66-71. - EDN EKSTWN.
3. Кресс В. В. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) прав // экономика. Право. Общество. - 2024. - Т. 9. № 1 (37).
4. Кресс В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекта гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. - 2024. - № 1.
5. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон - 2019. - № 5. - С. 31-54.
6. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. - 2018. - № 9. - С. 86-95.
7. Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. - 2021. - № 5. - С. 7-20.
8. Пащенко И. Ю., Потапенко С. В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование // труды по интеллектуальной собственности. - 2024. - Т. 48. №1.
9. Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А., Звездкина А. С. Отдельные аспекты признаков цифровых прав // Государственная служба и кадры. - 2024. - № 2.

ЛИННИКОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, адвокат Коллегии адвокатов Московской области «Линников и Партнёры», председатель Правления Ассоциации участников рынка платежных услуг «Некоммерческое партнерство «Национальный платежный совет»

КОНТРОЛЬ СТОРОН ДОГОВОРОВ НОМИНАЛЬНОГО СЧЕТА И ПУБЛИЧНОГО ДЕПОЗИТНОГО СЧЕТА

В работе рассмотрены особенности гражданско-правового контроля, осуществляемого сторонами договоров номинального счета и публичного депозитного счета. Определены нормативные предпосылки правового регулирования контрольных функций сторон указанных видов договоров, установлен характер контрольных функций, особенности их реализации и защиты.

Выводы автора основаны на анализе действующего законодательства, судебной практики и существующих доктринальных подходов к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: гражданско-правовой контроль, договора номинального счета, контрольно-надзорная деятельность, публичный депозитный счет.

LINNIKOV Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, lawyer of the Moscow Region Bar Association "Linnikov and Partners", chairman of the Board of the Association of Participants in the payment services Market "Non-profit Partnership "National Payment Council"

CONTROL OF THE PARTIES TO THE NOMINAL ACCOUNT CONTRACTS AND PUBLIC DEPOSIT ACCOUNT

The article considers the features of civil-law control carried out by the parties to the contracts of the nominal account and the public deposit account. The normative prerequisites of legal regulation of control functions of parties to these types of contracts have been defined, the nature of control functions, features of their implementation and protection have been established.

The author's conclusions are based on an analysis of current legislation, jurisprudence and existing doctrinal approaches to the problem under consideration.

Keywords: civil-legal control, contract of nominal account, control and supervisory activity, public deposit account.

О договорном гражданско-правовом контроле упоминается в контексте одной из банковских новелл 2013 г.¹ – *договора номинального счета* (далее по тексту также – ДНС). Согласно п. 3 ст. 860.1 ГК РФ, за банком может быть закреплена обязанность осуществлять гражданско-правовой контроль в отношении использования денежных средств, находящихся на номинальном счете.

Этот вид договорного гражданско-правового контроля интересен с позиции комплексного изучения договорного гражданско-правового контроля в силу следующих обстоятельств. Во-первых, в силу п. 3 ст. 860.1 ГК РФ гражданско-правовой контроль квалифицируется в качестве обязанности банка, что обычно не характерно для договорного гражданско-правового контроля, позиционирующегося в качестве права контролирующего лица. Во-вторых, гражданское законодательство исходит из того, что установление такой контрольной обязанности банка может иметь одно из двух оснований – закон или договор. В-третьих, гражданско-правовой контроль по ДНС осуществляется не в интересах владельца счета, а в интересах бенефициара. В-четвертых, объектом такого гражданско-правового контроля выступают распорядительные действия владельца счета в отношении находящихся на этом счету денежных средств, что тоже крайне необычно для договорного гражданско-правового контроля.

Преимущества номинального счета принято связывать с минимизацией операционных рисков [1], что предопределено в числе прочего разграничением «денежных средств, на-

ходящихся непосредственно на номинальном счете, и денежных средств держателя номинального счета» [2].

Обозначенная специфика гражданско-правового контроля, свойственного договору номинального счета, позволяет О. В. Грабко сформулировать вывод о том, что такой контроль не является гражданско-правовым, а представляет собой какое-то иное явление. При этом автор не уточняет, о каком явлении следует рассуждать применительно к правилу п. 3 ст. 860.1 ГК РФ. Кроме того, по мнению О. В. Грабко, если контроль осуществляется в интересах третьего лица (в частности бенефициара), а не контролирующего субъекта, то такой контроль недопустимо квалифицировать гражданско-правовым [3]. На наш взгляд, факт того, что контроль, упоминаемый применительно к номинальному счету, не соответствует «классическим» признакам гражданско-правового контроля, которые принято выделять в научной литературе, не является достаточным основанием для оспаривания правовой природы и правовой сущности такого контроля. Представляется, что методологически некорректно, выделяя общие родовидовые признаки, свойственные подавляющему большинству случаев договорного гражданско-правового контроля, отрицать наличие такого контроля там, где он не соответствует всем признакам. Научно-исследовательская задача состоит в том, чтобы, учитывая все многообразие гражданско-правовых контрольных отношений, основанных на договоре, облечь их в единый терминологически-категориальный аппарат, а также сформировать объективное научное представление о них. Представляется, что подход О. В. Грабко к гражданско-правовому контролю намеренно сужен до «классических» контрольных правоотношений без учета ситуаций-исключений, обладающих не всеми признаками гражданско-правового контроля, но не теряющих при этом свою отраслевую специфику и правовую сущность. В каче-

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2024).

стве контраргумента относительно позиции О. В. Грабко можно привести точку зрения Ю. А. Александровой, которая, комментируя правило п. 3 ст. 860.1 ГК РФ, пришла к выводу о том, что в силу этой нормы права «банк получил право контролировать денежные потоки на номинальном счете клиента» [4].

Объясняя правило п. 3 ст. 860.1 ГК РФ, А.Г. Карапетов уточняет, что гражданско-правовой контроль, вмененный банку, связан с существом номинального счета, поскольку его функциональное предназначение заключается в обслуживании интересов бенефициара. В этом смысле правило п. 3 ст. 860.1 ГК РФ выступает своеобразной гарантией для бенефициара, «дополнительным “рубежом обороны” интересов бенефициара в лице банковского контроля» [5]. Как отмечает В. А. Белов, «режим операций по номинальному счету определяется договором, но всегда в его основе лежит идея ограничения права распоряжения средствами по счету (и вообще доступа к ним во всякой форме) со стороны его номинального владельца» [6].

М. А. Егорова, рассуждая в аналогичном смысловом ключе применительно к номинальному счету, открытому в интересах учредителей юридического лица, подчеркивает, что конструкция такого счета «предусматривает режим разносторонней защиты бенефициара, элементами которого являются, в частности, возложение на банк обязанности контроля за использованием владельцем счета денежных средств в интересах бенефициара» [7].

В комментаторской литературе по поводу правила п. 3 ст. 860.1 ГК РФ отмечается, что оно существенно отличается от общих положений о договоре банковского счета, поскольку в нем банк ни вправе и не обязан осуществлять гражданско-правовой контроль в отношении использования денежных средств клиента². По мнению Е. Н. Абрамовой, ДНС отличается от договора банковского счета в том числе на основании такого признака, как расширение функций банка по правилам п. 3 ст. 860.1 ГК РФ [8]. Л. Г. Ефимова, предлагая классификации договоров номинального счета, небезосновательно дифференцировала по принципу наличия/отсутствия банковского контроля в соответствующих отношениях [9]. Г. Л. Цуканова по поводу контроля банка справедливо подчеркивает, что правило п. 3 ст. 860.1 ГК РФ актуально только для договоров номинального счета, открытых с участием бенефициара [10].

С точки зрения А.В. Белицкой, благодаря правилу п. 3 ст. 860.1 ГК РФ номинальный счет представляет собой правовое средство осуществления контроля за целевым использованием денежных средств [11]. Этот вывод примечателен тем, что в таком же смысловом ключе сконструировано правило в договоре целевого займа, согласно которому займодавец вправе осуществлять гражданско-правовой контроль целевого использования заемных/кредитных денежных средств. Разница между сопоставляемыми правовыми средствами заключается в том, что применительно к договору целевого займа контрольная функция банка осуществляется им в своих интересах, а применительно к ДНС – в интересах бенефициара. Из этого следует вывод о том, что гражданско-правовой контроль предназначен для охраны интересов контролирующего субъекта или третьего лица.

С содержательной точки зрения гражданско-правовой контроль банка может сводиться к мониторингу назначения платежей/получателей переводов, которые планируется провести по распоряжению владельца номинального счета. Если в ходе такого мониторинга будет обнаружен выход за рамки установленных законом или договором ограничений, то банк обязан отказать в исполнении соответствующих операций. В этом случае действия банка надлежит признать правомерными и не влекущими гражданско-правовой ответственности банка.

Несмотря на то, что гражданско-правовой контроль упоминается только в контексте ст. 860.1 ГК РФ, в действительности он конкретизируется также и в правилах ст. 860.3 ГК РФ, которые посвящены порядку ограничения операций по номинальному счету. Так, в указанной статье отмечается, что ограничение операций по номинальному счету, фиксируемое в законе или договоре, может осуществляться по следующему алгоритму: по кругу лиц, которым могут перечисляться денежные средства; по кругу лиц, чье согласие необходимо для осуществления тех или иных операций по счету; по документам, которые могут быть положены в основу соответствующих операций, а также по иным критериям. При этом эти «иные критерии» именуется в научной литературе «обстоятельствами, критичными для осуществления банком гражданско-правового контроля» [12].

Добавим, что ограничение операций по номинальному счету может быть установлено в законе или в договоре. Так, «законные» ограничения операций по номинальному счету предусмотрены в отношении специального счета, открытого для совершения финансовых сделок³, номинального счета, открытого для осуществления деятельности по организации привлечения инвестиций⁴, номинального счета, открытого для осуществления расчетов по сделкам, совершенным с использованием электронной платформы⁵.

Судебная практика, сформированная вокруг номинального счета, не очень обширна, однако есть интересные примеры, наглядно демонстрирующие особенности осуществления гражданско-правового контроля по этому договору. Так, управляющая компания обратилась в суд с иском банку, в котором на имя управляющей компании был открыт номинальный счет. При этом указанный счет был предназначен для формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома. Невзирая на данное обстоятельство, банк списал с указанного номинального счета денежные средства в рамках исполнительных производств, касающихся владельца номинального счета. Возражая против такого решения банка, управляющая компания, будучи истцом, заявила, что банк обязан контролировать операции, совершаемые по номинальному счету, с целью охраны интересов бенефициара.

3 См. об этом: О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

4 О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

5 О национальной платежной системе: Федеральный закон РФ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

2 Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021 (дата обращения: 20.05.2024).

Суд, вынося решение, встал на сторону истца, удовлетворив его требование о взыскании ущерба, причиненного незаконными действиями банка⁶.

Заметим, что правомочность открытия номинального счета для осуществления расчетов за жилищно-коммунальные услуги была предметом рассмотрения в другом деле. Так, применяя нормы о договоре номинального счета к возникшим отношениям, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о том, что у номинального счета и специального банковского счета платежного агента разные правовые режимы. С учетом возникшего спора вокруг номинального счета, открытого с целью осуществления расчетов за жилищно-коммунальные услуги, суд пришел к выводу о том, что заключение договора номинального счета для такой цели не предусмотрено действующем законодательству и противоречит ему⁷.

Заметим, что действующая редакция ст. 860.3 ГК РФ является второй по счету и изложена с учетом поправок, принятых Федеральным законом РФ от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ⁸. В первоначальной редакции ст. 860.3 ГК РФ уточнялось, что законом или договором могут быть определены обстоятельства, «позволяющие банку контролировать соблюдение установленных ограничений в совершении операций». Таким образом, в первоначальной редакции ст. 860.3 ГК РФ содержалось упоминание гражданско-правового контроля. Однако впоследствии это упоминание было исключено по той причине, что оно породило правовую неопределенность в отношении субъекта контроля. Буквальное толкование первоначальной редакции ст. 860.3 ГК РФ наводило на мысль о том, что субъектом гражданско-правового контроля по ДНС всегда является банк, хотя в действительности им может быть и владелец номинального счета [13].

А.Г. Карапетов, комментируя правила ст.ст. 860.1 и 860.3 ГК РФ, приводит пример с договором условного депонирования, отмечая, что в целях его исполнения стороны могут открыть именно номинальный счет. В этом случае банк будет вынужден осуществлять гражданско-правовой контроль как в интересах депонента, так и в интересах бенефициара [14]. Л.Ю. Василевская называет номинальные счета, открываемые опекуну или попечителю в интересах подопечного, агенту в интересах принципала, доверительному управляющему в интересах учредителя управления, залогодателя в интересах залогодержателя при залоге обязательственных прав [15].

А.В. Белицкая дополняет примерный ряд также проектным финансированием [16]. По мнению Н.А. Темниковой, конструкция договора номинального счета может использоваться в качестве средства охраны интересов алиментополучателя (а именно – несовершеннолетнего ребенка). Актуальность такой конструкции связана прежде всего с правилами, позволяющими банку контролировать операции по этому счету [17]. Интересно, что в этом последнем случае номи-

нальный счет является своеобразной гарантией не только плательщика алиментов, но и их плательщика.

Е.А. Останина предлагает использовать конструкцию номинального счета для сохранения денежных средств, принадлежащих несовершеннолетним лицам и возникшим у них в результате продажи недвижимого имущества [18], а В.В. Васькин и А.Г. Матвеев – по любым сделкам, направленным на приобретение недвижимого имущества [19]. Анализируя эти и другие примеры, иллюстрирующие прикладное значение договора номинального счета, Е.С. Матянова справедливо пишет: «Владельцами номинальных счетов могут выступать опекуны, попечители, нотариусы, доверительные управляющие, сервисные агенты по ценным бумагам с ипотечным покрытием, агенты, эскроу-агенты, адвокаты, поверенные, брокеры, комиссионеры и др.» [20]. На основании правового статуса владельцев номинального счета М.А. Томаков приходит к выводу о том, что такой счет порождает «правовой режим безналичных денежных средств, находящихся у лица, которому они в экономическом смысле не принадлежат» [2].

В научной литературе достаточно часто обращается внимание на то, что договор номинального счета с участием бенефициара заключается под условием. Благодаря такой договорной конструкции стороны того или иного правоотношения обуславливают передачу денежных средств, находящихся на номинальном счете, наступлением тех или иных обстоятельств, как правило, зависящих от воли одной из сторон соответствующей сделки.

Как мы видим, что гражданско-правовой контроль, осуществляемый в рамках договора номинального счета, является видом частноправовой управленческой деятельности, целью которого выступает осуществление операций, отвечающих целевому предназначению этого счета. В самом общем виде гражданско-правовой контроль в ДНС направлен на охрану частноправовых и публично-правовых интересов, а именно – интересов бенефициара, если номинальный счет открыт с его участием.

В отличие от договора банковского счета, в котором по умолчанию предусмотрен запрет на осуществление банковского гражданско-правового контроля, в ДНС такой контроль позиционируется в качестве обязанности банка, если это предусмотрено законом или договором. Ограничение прав номинального владельца отражает ключевую специфику гражданско-правового контроля, заключающуюся в добровольном ограничении своих прав в рамках властных отношений. Вступая в такие правоотношения, бенефициар как будто заранее дает обязательное указание владельцу номинального счета по поводу допускаемых по этому счету операций, контроль за которыми возложен на банк.

Гражданско-правовой контроль упоминается в контексте еще одной договорной конструкции, обслуживающей банковский счет, – *договор публичного депозитного счета* (далее по тексту также – ДПДС). Так, согласно правилу, содержащемуся в п. 2 ст. 860.11 ГК РФ, в отношении указанной договорной конструкции банк лишен контрольной функции в отношении операций владельца такого счета. При этом в комментируемой норме права объект контроля сужен до ответственности операций, совершаемых по публичному депозитному счету, правилам о депонировании.

В комментаторской литературе по поводу контроля в ДПДС отмечается, что он может быть предусмотрен только законом, но не договором [21]. В качестве примера приводится ситуация с операциями, проводимыми по публично-

6 Решение Арбитражного суда Псковской области от 17 ноября 2017 г. по делу № А52-2146/2017. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024).

7 Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2017 г. № 11АП-14347/2017 по делу № А49-1633/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2024).

8 О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2024).

му депозитному счету, открытому для правоохранительных органов. Так, для проведения операций по такому счету банк обязан осуществлять контроль, в том числе путем запроса подтверждающих документов (в качестве таковых могут выступать копия приговора, копия определения, копия постановления, выписка из постановления)⁹.

С. В. Сарбаш, анализируя правило п. 2 ст. 860.11 ГК РФ, делает следующее замечание: отрицая наличие гражданско-правового контроля в отношениях, связанных с публичным депозитным счетом, он в то же время обращает внимание на то, что банк контролирует правовой статус лиц, открывающих такие счета, поскольку они предназначены только для специальных субъектов [5]. Заметим, что именно с этими специальными субъектами С. В. Сарбаш связывает отсутствие потребности в банковском контроле применительно к договору публичного депозитного счета. Так, ученый пишет о том, что действия суда, судебного пристава-исполнителя, нотариуса или иных лиц, которые являются владельцами публичного депозитного счета, презюмируются законной и ввиду этого обстоятельства не требующей дополнительной проверки [22]. В некотором роде механизм контроля банка является избыточным регулированием, если владельцем счета выступает специальный субъект, законность деятельности которого не ставится под сомнение. В то же время перечень лиц, которые могут быть владельцами публичного депозитного счета, является открытым. Это означает, что в будущем в их число могут войти участники имущественного оборота, банковский контроль в отношении которых не представляется избыточным.

По мнению А.А. Борисенко, правило о запрете контроля в договоре публичного депозитного счета вполне согласуется с аналогичным общим запретом, предусмотренным в отношении ДБС (п. 3 ст. 845 ГК РФ). При этом законом на банк может быть возложена контрольная функция в отношении публичного депозитного счета. Она может проявляться, например, в отказе в совершении операций, по которым не предоставлено подтверждающих документов или которые противоречат правовому режиму публичного депозитного счета. Аналогичные контрольные функции банка предусмотрены в законодательстве о государственном оборонном законе¹⁰, а также в ЖК РФ¹¹.

Перед Банком России были поставлены вопросы, связанные с публичным депозитным счетом нотариуса. Так, Ассоциация «Россия» обратилась к Юридическому департаменту Банка России с вопросом о том, наделен ли банк правом запрашивать у нотариуса документы, касающиеся деятельности депонента или бенефициара, а также отказать в выполнении распоряжения владельца счета о совершении операции. В ответ на поставленные вопросы Банк России разъяснил, что общее правило, зафиксированное в п. 2 ст. 860.11 ГК РФ о за-

прете банку осуществлять гражданско-правовой контроль по договору публичного депозитного счета, ограничено правилами о публично-правовом контроле, возложенным на банк и регулируемым законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. При этом отмечено, что Закон № 115-ФЗ не содержит специфики применения правила п. 11 ст. 7 указанного закона применительно к тем или иным видам банковских счетов. Под публично-правовой банковской контроль подпадают правоотношения, возникшие и из договора публичного депозитного счета. В силу обозначенного обстоятельства банк вправе запрашивать у нотариуса документы, касающиеся деятельности депонента или бенефициара, а также отказать в выполнении распоряжения владельца счета о совершении операции¹².

Поскольку общее правило заключается в отсутствии у банка контрольной функции относительно соблюдения правил депонирования, постольку эта функция возлагается на владельца публичного депозитного счета [23]. От того, кто является ответственным за соблюдение правил депонирования, зависит и решение вопроса о привлечении к гражданско-правовой ответственности за убытки [24]. Так, п. 3 ст. 860.12 ГК РФ ограничивает ответственность банка за возможные убытки, которые могут быть причинены депоненту или бенефициару вследствие ненадлежащих операций, осуществленных владельцем счета, если законом на банк не была возложена контрольная функция.

Сопоставляя норму п. 2 ст. 860.11 ГК РФ и норму п. 3 ст. 860.12 ГК РФ, С. В. Сарбаш обнаруживает разницу в предметах банковского контроля. Если в п. 2 ст. 860.11 ГК РФ законодатель говорит о банковском контроле соответствия операций правилам депонирования, то в п. 3 ст. 860.12 ГК РФ – о банковском контроле за использованием денежных средств на счете. Очевидно, что п. 3 ст. 860.12 ГК РФ необоснованно расширяет сферу банковского контроля, что может породить прикладные трудности, связанные с установлением границ соответствующего вида контроля. С. В. Сарбаш в своем исследовании делает предположение о том, что обнаруженное разночтение, возможно, обусловлено решением задачи законодательной экономии «в связи со стремлением законодателя не создавать громоздких норм, в которых повторяются одни и те же термины, образуя нежелательные для закона длинноты» [25].

Возложение контрольной функции на банк призвано обеспечить интересы депонента и бенефициара, создавая дополнительный контрольный механизм. Этот механизм назван нами дополнительным, поскольку основным механизмом контроля публичного депозитного счета выступает деятельность владельца такого счета.

В научной литературе критикуются ситуации, в которых банки контролируют финансовую активность своих клиентов, допуская необоснованное вмешательство в частные дела участников имущественного оборота либо в публичные дела органов государственной власти. По мнению С.В. Сарбаша, банковский контроль за органом публичной власти с учетом частноправового статуса банка нарушает необходимый баланс между частным и публичным [25].

9 Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2024).

10 О государственном оборонном заказе: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

11 Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).

12 Позиция регулятора по вопросам работы с публичными депозитными счетами, счетами участников закупок и другими видами счетов // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2019. № 2. С. 87-94.

Договору публичного депозитного счета не свойственен договорной гражданско-правовой контроль, однако в отношениях, опосредованных указанной договорной конструкцией, может присутствовать законный гражданско-правовой контроль, что подтверждает вывод о том, что гражданско-правовой контроль не всегда основан на договоре как универсальном юридическом факте, свойственном частноправовым отношениям.

Общее правило о запрете банковского гражданско-правового контроля в отношении соблюдения правил депонирования вторит аналогичному общему правилу о запрете гражданско-правового контроля в отношениях, основанных на ДБС. Однако в отличие от последнего, ДПДС не может предусматривать условие о возложении на банк контрольной функции. Такое возложение может иметь место только в случаях, предусмотренных законом. В тех случаях, когда закон возлагает на банк обязанность по осуществлению правил депонирования по гражданско-правового контроля в отношении соблюдения публичному депозитному счету, соответствующий договор приобретает черты правоохранительного средства, стоящего на страже интересов депонента и бенефициара и создающего для них дополнительные правовые гарантии.

Пристатейный библиографический список

1. Ручкина Г. Ф. Правовое обеспечение страхования финансовых рисков субъектов предпринимательской деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 46-52.
2. Токмаков М. А. Соотношение номинального счета и счета эскроу и некоторые особенности их правового регулирования // Банковское право. 2017. № 3. С. 25-29.
3. Грабко О. В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9. С. 60-68.
4. Алексанова Ю. А. Договор номинального счета: некоторые вопросы правового регулирования и применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 45-49.
5. Байбак В. В., Иванов О. М., Карапетов А. Г. и др. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807-860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. 1282 с. (автор комментария – А. Г. Карапетов).
6. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. М.: Юрайт, 2014. 183 с.
7. Беликова К. М., Габов А. В., Гаврилов Д. А. и др. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / Отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с. (автор параграфа – М. А. Егорова).
8. Абрамова Е. Н. Специальный банковский счет: правовая природа и классификация // Право и экономика. 2016. № 7. С. 46-54.
9. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020. 776 с. (автор главы – Л. Г. Ефимова). См. об этом также: Алексеева Д. Г., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. и др. Банковское право: учебник для бакалавров / Отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 608 с.
10. Бадулина Е. В., Бандурина Н. В., Борисенко А. А. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42-46 и 47.1 / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. 400 с. (автор комментария – Г. Л. Цуканова).
11. Белицкая А. В. Защищенность специализированного общества от банкротства // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 4. С. 36-40.
12. Крохина Ю. А. Номинальный счет: проблемы доктринальной идентификации, судебной практики и перспективы развития в цифровой экономике // Банковское право. 2023. № 1. С. 27-42.
13. Алексанова Ю. А. Договор номинального счета: некоторые вопросы правового регулирования и применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 45-49.
14. Крохина Ю. А. Дискуссионные вопросы правовой природы договора счета эскроу // Банковское право. 2021. № 4. С. 7-16.
15. Василевская Л. Ю. Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации // Гражданское право. 2017. № 3. С. 3-5 @@ Василевская Л. Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 90-98.
16. Белицкая А. В. Понятие и правовые основы проектного финансирования // Юрист. 2015. № 11. С. 31-36.
17. Темникова Н. А. Алименты на несовершеннолетних детей: к вопросу о принадлежности средств // Семейное и жилищное право. 2022. № 6. С. 25-27.
18. Останина Е. А. Институт законного представительства с точки зрения защиты гражданского оборота // Закон. 2020. № 10. С. 77-94 @@ Хватова М. А. Правоотношения с участием несовершеннолетних в банковской сфере // Банковское право. 2020. № 1. С. 38-43.
19. Васькин В. В., Матвеев А. Г. Оплата недвижимости по договору купли-продажи: правовое регулирование и практика // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 27-36.
20. Матьянова (Губенко) Е. С. Счет эскроу и номинальный счет как элементы конструкции условного депонирования (эскроу) // Финансовое право. 2019. № 5. С. 27-32.
21. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020. 776 с. @@ Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. М.: Проспект, 2018. 432 с. @@ Алексеева Д. Г., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. и др. Банковское право: учебник для бакалавров / Отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 608 с.
22. Сарбаш С. В. Ответственность за нарушение обязательств по договорам банковского счета (избранные комментарии к гл. 45 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 50-83.
23. Глеба О. В. Сделки с недвижимостью: проблема выбора безопасного способа расчетов // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1. С. 19-27.
24. Витрянский В. Новеллы о договорах в сфере банковской и иной финансовой деятельности // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 3-29; № 12. С. 3-28.
25. Сарбаш С. В. Ответственность за нарушение обязательств по договорам банковского счета (избранные комментарии к гл. 45 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 50-83.

САРГСЯН Геворг Мишович

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ИНВЕСТИЦИЙ И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАМИ ЦЕННЫХ БУМАГ

В данной статье автором рассмотрены особенности законодательства о рынке ценных бумаг, которое возможно применить к регулированию криптовалюты в Российской Федерации. Исследованы позиции ученых относительно инвестиций в криптовалюту и способы её регулирования. Выявлены актуальные проблемы и тенденции в рамках оборота криптовалюты в Российской Федерации. Также проведен анализ и исследование применения криптовалюты в сделках и каким образом они регулируются в зарубежных странах.

Ключевые слова: криптовалюта, инвестиции, закон «о рынке ценных бумаг».

SARGSYAN Gevorg Mishovich

postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

CRYPTOCURRENCIES AS AN INVESTMENT ASSET AND THEIR REGULATION AS SECURITIES INSTRUMENTS

This article examines the features of securities market legislation that can be applied to regulating cryptocurrency in the Russian Federation. The author explores the positions of scholars regarding investments in cryptocurrency and methods of regulation. Current issues and trends within the circulation of cryptocurrency in the Russian Federation are identified. An analysis and study of the use of cryptocurrency in transactions and how it is regulated in foreign countries have also been conducted.

Keywords: cryptocurrencies, investments, Securities Market Law.

На сегодняшний день рынок криптовалюты в Российской Федерации не имеет правовых норм способных регулировать правоотношения и защитить интересы владельцев цифровых денег. Несмотря на это, криптовалюта продолжает набирать популярность в области инвестиций из-за её высокой волатильности и её потенциала на высокую прибыль. При этом на рынке криптовалюты количество цифровых денег с каждым годом увеличивается и возможность инвестировать в ту или иную монету сильно возрастает, что может привести в случае обвала курса криптовалюты к большим потерям.

При этом стоит отметить, что рынок криптовалюты имеет ценность в западных странах, часто криптовалюту приравнивают к ценным активам. Например, Комиссия по ценным бумагам и биржам США криптовалюту оценивает в зависимости от их характеристик в качестве ценных бумаг. Комиссия по торговле товарными фьючерсами применяет криптовалюты в роли сырьевых товаров и разрешает торговать фьючерсами на их базе [2, с. 131].

Также в западных странах активно практикуется применение смарт-контрактов, где по исполнению своих обязательств сторона договора получает вознаграждение в виде цифровых денежных средств [1, с. 63].

В 2023 году Председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) Гэри Генслер заявил, что в дополнительном законодательстве для криптовалют нет необходимости, Существующие законы о ценных бумагах «покрывают большую часть деятельности, которая происходит на криптовалютных рынках.

Из-за отсутствия правовых норм, регулирующих криптовалюту, инвесторы сталкиваются с проблемами в части своей деятельности на криптовалютном рынке, например, при выводе денежных средств нередки случаи, когда банки блокируют счета на основании Федерального закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, получен-

ных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ.

Вышеуказанные меры вызывают у инвесторов негативное впечатление о рынке криптовалюты в Российской Федерации, т.к. инвестирование в криптовалюту является предпринимательской деятельностью, где главной целью является извлечение прибыли путем продажи криптовалюты, где заработок инвестора зависит от разницы стоимости покупки и конечной реализации.

Помимо вышесказанного, блокировка счетов также несет дополнительную нагрузку на судебную систему, с целью защиты своих денежных средств, владельцы заблокированных счетов обращаются в суд для разрешения споров.

По данным РБК количество судебных дел, связанных с криптовалютой, выросло в 5 раз, в период с 2021 по 2023 год было рассмотрено более 2000 дел. При этом в этих делах присутствуют споры, связанные с блокировкой счетов из-за подозрительных поступлений денежных средств.

Действия банков в части блокировки счетов заключается в том, что некоторые участники рынка криптовалюты используют криптовалюту как способ отмывания денежных средств. Отсутствие условий и правил, в том числе и на законодательном уровне, приводит к тому, что банки не имеют механизмы для точечного выявления мошенников, в связи с чем при поступлении подозрительных денежных средств риск-модели реагируют как на угрозу в отмывании денежных средств и блокируют счет при такой транзакции.

Отсутствие регулирования может нести негативные последствия не только для инвесторов, но и для государства в целом. Загруженность судов приводит к рассмотрению дел более продолжительное время, чем предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Для обеспечения стабильности и защиты интересов участников рынка необходимо разработать эффективные механизмы регулирования инвестиций в криптовалюту. Это

может включать в себя введение лицензирования для криптовалютных бирж, ужесточение требований к проведению ICO (Initial Coin Offering), контроль за обменом криптовалютой на фиатные деньги и другие меры.

Такие механизмы помогут снизить риски инвестирования в криптовалюту, защитить инвесторов от мошенничества и обеспечить стабильность рынка. Кроме того, правильное регулирование может способствовать развитию инноваций в данной области и привлечению новых инвестиций [5, с. 664].

Таким образом, разработка эффективных механизмов регулирования инвестиций в криптовалюту является необходимой и актуальной задачей для обеспечения устойчивого развития данного сектора и защиты интересов всех его участников.

В России криптовалюта не является законным средством платежа, и ее регулирование осуществляется различными органами в соответствии с действующим законодательством. Однако, некоторые инструменты из «закона о ценных бумагах» могут быть применены для регулирования криптовалюты.

Например, «закон о ценных бумагах» предусматривает обязательное лицензирование деятельности по организации торговли ценными бумагами. Подобный механизм можно применить и к криптовалюте, чтобы контролировать и регулировать их оборот на рынке.

Кроме того, механизмы защиты прав инвесторов, предусмотренные «законом о ценных бумагах», могут быть применены и к инвесторам, участвующим в сделках с криптовалютой.

Таким образом, хотя криптовалюта не является ценной бумагой, некоторые инструменты из закона о ценных бумагах могут быть использованы для регулирования криптовалюты в России.

При этом, стоит выделить основной и общий признак между криптовалютой и ценными бумагами. В первую очередь они выполняют функцию инвестиций, которые влияют на дальнейший заработок, также они оба торгуются на различных рынках, где их цены могут колебаться в зависимости от спроса и предложения.

Кроме того, как криптовалюта, так и ценные бумаги могут быть использованы для диверсификации инвестиционного портфеля и защиты от инфляции [4, с. 98].

Таким образом, «Закон о ценных бумагах» в России не регулирует криптовалюту, так как криптовалюта не является ценной бумагой. Однако некоторые нормы из «закона о ценных бумагах» могут быть применены для регулирования криптовалюты, например:

Нормы о защите прав инвесторов могут быть применены для защиты пользователей криптовалютных бирж от мошенничества и недобросовестных действий [3, с. 124].

Нормы о прозрачности и раскрытии информации могут быть использованы для обеспечения доступа к информации о криптовалюте и ее эмитенте.

Нормы о регулировании рынка ценных бумаг могут быть адаптированы для создания правил и стандартов для криптовалютных бирж и платформ.

Однако для полноценного регулирования криптовалюты может потребоваться принятие специального закона или нормативного акта, учитывающего особенности криптовалютного рынка.

Дополнительно к «закону о ценных бумагах» для регулирования криптовалюты могут применяться следующие нормативные акты и меры:

«Закон о цифровых финансовых активах» (криптовалюта может быть определена как цифровой финансовый актив).

Налоговое законодательство (установление налоговых правил для операций с криптовалютой).

Законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (включая меры по контролю за операциями с криптовалютой).

Законодательство о защите прав потребителей (для обеспечения безопасности и защиты прав пользователей криптовалютных услуг).

Нормативные акты о кибербезопасности (для обеспечения защиты криптовалютных платформ от кибератак и хакерских атак).

Международное сотрудничество и стандартизация в области регулирования криптовалюты (для обеспечения согласованного подхода к регулированию на международном уровне).

Эти меры и нормативные акты могут помочь создать эффективную систему регулирования криптовалюты, обеспечивая ее развитие в соответствии с законодательством и интересами всех участников рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Берниске Крис, Татар Джек. «Криптоактивы: руководство инвестора-инноватора». – М.: McGraw-Hill Education, 2017. – 256 с.
2. Винья Пол, Майкл Дж. Кейси. «Эпоха криптовалют: Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок»: пер. с англ. – М: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2017. – 432 с.
3. Мурадян С. В. (2023). Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (1). – С. 123–151.
4. Поппер Натаниэль. «Цифровое золото: невероятная история Биткойна»: пер. с англ. – М: ООО «И.Д. Вильямс», 2016. – 316 с.
5. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2020. – 920 с.
6. Информационный портал РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6602adf09a794774ae975acf> (дата обращения: 09.05.2024).

СЕРИХ Данил Насер

магистр юриспруденции, аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассматриваются особенности использования концессионных соглашений в сделках, участниками которых выступают публично-правовые образования. Уточнено понятие концессионных соглашений, их виды, функции и отличия от иных форм государственно-частного партнерства. Основное внимание в статье уделено выявлению особенностей, проблем и путей совершенствования заключения и исполнения концессионных соглашений с участием публично-правовых образований. Автором разработаны рекомендации по развитию законодательства.

Ключевые слова: концессионные соглашения, публично-правовые образования, концессия, государственно-частное партнерство, предпринимательство.

SERIKH Danil Naser

master of Law, postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia

FEATURES OF THE CONCESSION AGREEMENTS USE IN CONTRACTUAL RELATIONS INVOLVING PUBLIC LEGAL ENTITIES

The article examines the specific features of using concession agreements in transactions involving public-law entities. The concept of concession agreements is clarified, including their types, functions, and distinctions from other forms of public-private partnership. The article focuses on identifying the characteristics, challenges, and improvement pathways for the conclusion and implementation of concession agreements with the participation of public-law entities. The author proposes recommendations for legislative development.

Keywords: concession agreements, public-law entities, concession, public-private partnership, entrepreneurship.

Актуальность темы обусловлена значимостью концессионных соглашений как инструмента для привлечения частных инвестиций в общественно значимые проекты с участием публично-правовых образований. В условиях ограниченности государственных ресурсов концессии позволяют реализовывать крупные инфраструктурные и социальные проекты, улучшать качество и доступность общественных услуг, развивать транспортную, коммунальную и социальную инфраструктуру. При этом специфика правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательской деятельности, их особая ответственность и интересы требуют тщательной разработки инструментов правового регулирования, учитывающего их публичные обязательства и гарантии. Взаимодействие частного и публичного секторов через концессию сопровождается рядом правовых, организационных и финансовых проблем, что порождает необходимость совершенствования законодательной базы для соблюдения интересов сторон, снижения инвестиционных рисков и повышения привлекательности подобных проектов для частного бизнеса.

Концессионное соглашение в российском праве представляет собой договор, в рамках которого одна сторона (концедент) предоставляет другой стороне (концессионеру) право на создание или реконструкцию и последующую эксплуатацию определенного объекта [3, с. 27]. Такое право передается на условиях временного владения и пользования объектом при обязательном сохранении права собственности за концедентом. Ключевой нормативный акт, регулирующий концессионные соглашения в Российской Федерации, – это Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2].

Сущность концессионного соглашения заключается в том, что оно является правовым инструментом для привлечения частных инвестиций в целях создания и эксплуатации объектов, предназначенных для общественного пользования и обеспечения общественных нужд. Отсюда концессионные соглашения направлены на реализацию важных ин-

фраструктурных проектов, таких, как строительство дорог, мостов, больниц, школ и иных, имеющих повышенную социальную значимость. По мнению исследователей, изучающих практику использования концессионных соглашений в историческом разрезе, их эффективность доказана опытом и свидетельствует о целесообразности дальнейшего развития данного механизма государственно-частного партнерства [5, с. 336]. Главным образом концессионные соглашения характеризуют следующие аспекты:

- ориентация на публичные интересы: концессионные соглашения заключаются с целью реализации проектов, направленных на удовлетворение потребностей общества и государства;

- разделение прав и обязанностей: концедент сохраняет право собственности на объект, а концессионер принимает на себя обязательства по строительству, реконструкции и эксплуатации объекта;

- возврат объекта: по завершении срока действия соглашения объект подлежит возврату в распоряжение концедента [8, с. 326].

На основании положений Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» о концессиях можно выделить несколько видов концессионных соглашений в зависимости от характера и цели проекта: инфраструктурные (направлены на строительство и эксплуатацию транспортных объектов, таких как дороги, мосты, аэропорты и железнодорожные пути); социальные (включают проекты, направленные на создание объектов социальной инфраструктуры – больниц, школ, детских садов, культурных центров и иных учреждений, ориентированных на удовлетворение социальных потребностей общества); коммунальные (касаются водоснабжения, водоотведения, энергетического обеспечения, обращения с отходами и т.п.); международные (концессионные соглашения с участием иностранных юридических лиц для привлечения международных инвестиций и технологии, чаще реализуются на уровне федеральных органов) [10, с. 302].

Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» предусмотрены различные правовые механизмы, регулирующие заключение и расторжение концессионных соглашений. Во-первых, заключение соглашения через конкурсные процедуры: согласно ст. 8 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», концессионное соглашение заключается, как правило, на конкурсной основе, за исключением отдельных случаев, предусмотренных законодательством. Конкурсная процедура обеспечивает прозрачность отбора концессионера и поддерживает конкурентную среду, при этом проведение конкурса обязательно для субъектов, чьи проекты затрагивают стратегически значимые объекты. Во-вторых, важно учитывать императивные условия соглашения, а именно такие условия, как конкретные обязанности концессионера по строительству или реконструкции объекта, порядок передачи объекта концессионеру, права и обязанности сторон по эксплуатации объекта, механизм контроля за деятельностью концессионера и санкции за неисполнение условий договора. При этом закон о концессиях допускает изменение условий соглашения по соглашению сторон или в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств. Расторжение соглашения возможно по инициативе одной из сторон в случае существенного нарушения условий договора другой стороной, а также по решению суда. В-третьих, в целях минимизации рисков для сторон концессионного соглашения закон регулирует механизм их распределения. Так, риски, связанные с форс-мажорными обстоятельствами, могут быть разделены между сторонами. Кроме того, концессионер может рассчитывать на государственную поддержку в виде субсидий, налоговых льгот и других стимулов, предусмотренных федеральными и региональными программами. В-четвертых, для исследуемой формы договорных отношений важен контроль со стороны концедента, который может осуществляться через регулярные проверки объекта, оценку соблюдения стандартов качества, применение санкций за несоблюдение условий соглашения. По истечении срока действия концессионного соглашения или при досрочном расторжении концессионер обязан передать объект в состоянии, соответствующем условиям договора. Закон закрепляет обязанность концессионера провести все необходимые мероприятия для передачи объекта концеденту в надлежащем техническом состоянии [9, с. 90].

Концессионные соглашения играют важную роль в реализации проектов, направленных на социально-экономическое развитие государства. Они снижают нагрузку на бюджет за счет привлечения частных инвестиций, при этом сохраняя контроль государства над объектами договорных отношений. В рамках настоящего исследования рассматриваются особенности использования концессионных соглашений в договорных отношениях с участием публично-правовых образований. В гражданском праве отсутствует полное определение публично-правовых образований, при этом в статье 125 Гражданского кодекса РФ уточняется порядок участия в правоотношениях публично-правовых образований, среди которых выделены Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования [1].

Среди общих особенностей участия публично-правовых образований в договорных отношениях на основе концессионных соглашений можно выделить следующие:

- концессионные соглашения с публично-правовыми образованиями направлены на решение социально значимых задач, развитие инфраструктуры, повышение доступности и качества ее объектов;
- поскольку публично-правовые образования действуют от имени государства, они должны учитывать законодательно регулируемые требования к процедурам отбора концессионеров и заключения договоров;
- в концессионных соглашениях значительное внимание уделяется контролю за выполнением обязательств со стороны концессионера, особенно по стратегическим проектам;
- поскольку концессии связаны с крупными инвестициями в инфраструктуру, важно сбалансированное распределе-

ние рисков между публичной стороной и частным концессионером;

- концессионные соглашения с участием государства чаще носят долгосрочный характер, а сами публично-правовые образования выступают гарантом надежности концессионных проектов [4, с. 54].

Для заключения концессионного соглашения с публично-правовым образованием обязательным является проведение конкурса или аукциона (за исключением отдельных случаев), что обеспечивает прозрачность и равные условия для частных инвесторов. Согласно ст. 10 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», соглашение должно включать такие аспекты, как условия передачи объекта концессионеру, обязательства сторон по строительству и эксплуатации, права контроля публичной стороны и др. Законодательство предусматривает, что публично-правовые образования могут предоставлять концессионерам различные формы поддержки (например, субсидии, налоговые льготы, освобождать от таможенных пошлин).

В рамках настоящего исследования были выделены проблемы использования концессионных соглашений в договорных отношениях, участниками которых являются публично-правовые образования, для решения которых предложены соответствующие рекомендации.

Учитывая продолжительность процедуры заключения концессионных соглашений и требование предоставления обширного пакета документов, предлагается дополнить ст. 8 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» положениями, упрощающими согласовательные процедуры для типовых проектов, а именно ввести отдельные правила для типовых объектов, которые требуют менее сложных процедур согласования, а также предусмотреть возможность подачи документов и отчетности через электронные системы. Так, названную статью следует дополнить следующим положением: «для типовых объектов, включенных в перечень, утвержденный Правительством РФ, согласовательные процедуры сокращаются за счет обязательного применения электронных систем подачи и обработки документов». Помимо этого, упрощение согласовательных процедур может быть достигнуто за счет более активного использования цифровых платформ как механизма, сокращающего сроки согласования типовых проектов. Перспективность цифровых технологий в договорных отношениях регулярно подчеркивается исследователями [6, с. 47], среди конкретных технологий авторы называют смарт-контракты, clickwrap, browse-wrap и shrink-wrap соглашения [7].

Согласно действующему законодательству концессионные соглашения могут заключаться только в отношении определенного перечня объектов, что в некоторой степени ограничивает сотрудничество частного партнера с публично-правовыми образованиями. Предлагается внести дополнение в ст. 4 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» с целью установления открытого перечня объектов соглашения: «объектом концессионного соглашения может являться и иное имущество, не указанное в настоящей статье», что решит проблему ограниченного числа возможных объектов соглашений и расширит потенциал концессионных соглашений как формы предпринимательских отношений с участием публично-правовых образований.

Наблюдается жесткое регулирование условий соглашений, что затрудняет их изменение при изменении экономической ситуации, что свидетельствует о целесообразности повышения гибкости концессионных соглашений и возможности пересмотра их условий по соглашению сторон. Предлагается внести дополнение в ст. 13 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» для возможности пересмотра существенных условий договора по соглашению сторон в случаях значительных экономических изменений, включая инфляцию и изменения валютных курсов: «стороны могут пересмотреть условия концессионного соглашения в случае существенного изменения экономических условий, при условии согласования таких изменений с органом, заключившим концессионное соглашение».

Риски концессионера часто не сбалансированы, например, признание конкурса недействительным антимонопольным органом после заключения соглашения или увеличение стоимости создания объекта, что снижает привлекательность проектов и требует предоставления гарантий концессионерам. Предлагается дополнить ст. 12 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» нормой о механизмах распределения рисков, включить возможность страхования рисков на этапе строительства и эксплуатации, а также конкретизировать риски, которые берет на себя концедент: «при заключении концессионного соглашения стороны обязаны конкретизировать и распределить риски, а также указать механизмы страхования рисков для обеспечения устойчивости проекта».

Для повышения объема инвестиций, привлекаемых по концессионным соглашениям, правовое регулирование должно включать механизмы, направленные на стимулирование интереса частных инвесторов. В этой связи предлагается внести изменения в ст. 10 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», расширив перечень доступных мер государственной поддержки для концессионеров, включая налоговые льготы и прямые субсидии: «государственная поддержка может включать предоставление субсидий на этапе строительства и реконструкции объектов, налоговые льготы на весь срок действия соглашения, а также освобождение от уплаты отдельных пошлин и сборов».

В рамках реализации концессионных соглашений наблюдается проблема недостаточно прозрачного контроля, что приводит к задержкам и снижению качества исполнения проектов на фоне низкой цифровизации мониторинга проектов и отсутствия единых стандартов отчетности. В связи с этим предлагается закрепить стандарты контроля и отчетности, а именно внести дополнения в ст. 9 об обязательном мониторинге исполнения концессионных соглашений: «концедент обязан обеспечивать электронный мониторинг выполнения условий соглашения. Концессионер обязан представлять регулярные отчеты о ходе реализации проекта через государственную систему мониторинга, периодичность которых устанавливается концессионным соглашением».

Для предупреждения возможных споров по состоянию объектов при возврате концеденту видится целесообразным введение обязательных промежуточных проверок состояния объектов силами независимых экспертов, в связи с чем предлагается внести изменения в ст. 18 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», указав обязательное привлечение независимых экспертов для оценки состояния объекта при его возврате концеденту по завершении срока действия соглашения: «при возврате объекта концеденту после завершения действия концессионного соглашения должна проводиться независимая оценка технического состояния объекта, привлекаемыми концедентом экспертами».

В судебной практике встречаются случаи отказа публично-правового образования в возмещении концессионеру понесенных расходов в случае досрочного расторжения соглашения, что приводит к нарушению интересов частного инвестора. Предлагается право концедента по возмещению расходов концессионеру в случае досрочного расторжения соглашения перекалвалифицировать в обязанность, а именно внести изменения в ст. 15 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»: «В случае досрочного расторжения концессионного соглашения концедент обязан возместить концессионеру понесенные расходы по соглашению».

В заключение можно отметить, что концессионные соглашения с участием публично-правовых образований играют важную роль в реализации социально значимых проектов и развитии инфраструктуры государства. Проведенный в рамках настоящей статьи анализ сущности, правового статуса и функций концессий показывает их потенциал как формы предпринимательской деятельности, однако автором были выявлены и проблемы, среди которых – длительные и сложные согласовательные процедуры, ограниченный пере-

чень объектов, жесткие ограничения на изменение условий соглашений, неравномерное распределение рисков, проблема компенсации расходов концессионером, а также недостаточные меры государственной поддержки, сдерживающие интерес частного сектора. Сложности усугубляются ограниченными профессиональными компетенциями органов власти, которые препятствуют эффективному сопровождению концессионных проектов. Для преодоления этих барьеров предложены рекомендации по совершенствованию законодательства: упрощение согласований, расширение мер государственной поддержки и объектов соглашения, закрепление гибких механизмов пересмотра условий соглашений, установление обязанности концедента по возмещению расходов, внедрение стандартов контроля и отчетности. Реализация предложенных мер позволит сбалансировать интересы сторон, повысить привлекательность концессий для частных инвесторов и улучшить качество выполнения проектов в интересах общества за счет более рационального нормативно-правового обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/53408843126f2204aba45a6195da864ff0319198/ (дата обращения: 01.11.2024).
2. Федеральный закон от 21.07.2005 №115-ФЗ «О концессионных соглашениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 01.11.2024).
3. Егоров О. В. Концессионное соглашение и соглашение о государственно-частном партнерстве как гражданско-правовой договор // Юрист. – 2024. – № 4. – С. 26-32.
4. Литвинов Д. А., Темникова Н. А. Эффективность механизмы правового регулирования концессионных соглашений в российском праве // Право и управление. – 2024. – № 6. – С. 54-58.
5. Немыгина М. В., Краснов А. Б. Концессионная политика советского государства: механизм реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 321-337.
6. Русакова Е. П., Фалькина Г. Ю. Подходы к регулированию смарт-контрактов: опыт ЕС // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10. – С. 47-51.
7. Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 57-83.
8. Харькова О. М. Концессионные соглашения как форма государственно-частного партнерства // Вестник Академии знаний. – 2023. – №4 (57). – С. 324-328.
9. Шавалеева Ч. М. Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 89-92.
10. Шигонина Л. А., Волкова И. Ю. Концессионные соглашения: анализ законодательства и системности правоприменительной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 1. – С. 302-310.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-202-206

ТЕЛЬНОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, главный юрист ООО «Сбербанк Факторинг»

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОТ ДИФФАМАЦИИ РЕПУТАЦИИ ОРГАНОВ И ЛИЦ, ВЫСТУПАЮЩИХ ОТ ИМЕНИ И В ИНТЕРЕСАХ ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

В статье производится анализ законодательства и судебной практики Индии, касающийся проведенного научного исследования правовых возможностей органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, которые обеспечивают юридическую защиту своей репутации и, фактически, репутации государства от диффамации (от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений). Объектом исследования стали: явления общественных отношений с примерами их законодательного регулирования в случаях диффамации; порядок разрешения ситуаций, связанных с распространением сведений, представляющих собой спорное диффамационное изложение фактов или мнений, негативно влияющих на репутацию государства и публичных лиц, непосредственно связанных с государством; процессуальные вопросы, которые решают пострадавшие от диффамации субъекты; процедуры инициирования юридической защиты указанными лицами своих нарушенных нематериальных благ и прав от диффамации. Делается вывод о том, что органы и лица, выступающие от имени и в интересах Индии, наряду с другими пострадавшими от диффамации субъектами, имеют равные права по защите репутации от диффамации. И фактически имеют равные возможности по использованию предусмотренных законодательством и положениями судебной практики Индии юридических способов защиты своей репутации от диффамации, даже в условиях провозглашенного права на свободное выражение мнений. Успешная защита репутации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах Индии, надежно обеспеченная действующим законодательством Индии и положениями судебной практики, положительно влияет на уровень репутации индийского государства, в целом.

Ключевые слова: диффамация, Индия, государство, органы и лица, выступающих от имени и в интересах государства, юридическая защита гражданских прав, нематериальные блага, репутация.

TELNOV Alexey Vladimirovich

Ph.D. in Law, General Counsel of Sberbank Factoring LLC

LEGAL PROTECTION AGAINST DEFAMATION OF REPUTATION OF BODIES AND PERSONS ACTING ON BEHALF OF AND IN THE INTERESTS OF THE STATE IN THE REPUBLIC OF INDIA

The article analyzes the legislation and judicial practice of India concerning the conducted scientific study of the legal possibilities of bodies and persons acting on behalf of and in the interests of the state, which ensure legal protection of their reputation and, in fact, the reputation of the state from defamation (from the dissemination of false defamatory information). The object of the study was: phenomena of public relations with examples of their legislative regulation in cases of defamation; the procedure for resolving situations related to the dissemination of information that is a controversial defamatory statement of facts or opinions that negatively affect the reputation of the state and public figures directly associated with the state; procedural issues that are resolved by subjects affected by defamation; procedures for initiating legal protection by the said persons of their violated intangible benefits and rights from defamation. It is concluded that bodies and persons acting on behalf of and in the interests of India, along with other subjects affected by defamation, have equal rights to protect their reputation from defamation. And in fact, they have equal opportunities to use the legal means provided by the legislation and provisions of judicial practice of India to protect their reputation from defamation, even in the conditions of the proclaimed right to freedom of expression. Successful protection of the reputation of bodies and persons acting on behalf of and in the interests of India, reliably provided by the current legislation of India and provisions of judicial practice, has a positive effect on the level of reputation of the Indian state, as a whole.

Keywords: defamation, India, the state, bodies and persons acting on behalf and in the interests of the state, legal protection of civil rights, intangible benefits, reputation.

Тельнов А. В.

Поиск разумного баланса между свободой выражения мнений и допустимыми основаниями ее ограничения всегда был предметом научных дискуссий, в том числе, в правовой литературе. Действительно, и право на свободное выражение мнений, и право на защиту от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (от диффамации), относятся к числу фундаментальных гражданских прав, гарантированных на международном уровне и на уровне законодательства большего числа стран мира. Но, установление приоритета для реализации одного из указанных прав

(например, в отношении права на свободное выражение мнений) неизбежно ведет к сдерживанию в осуществлении другого права (соответственно – в отношении права на защиту от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (от диффамации)). Для целей предотвращения злоупотреблений правом на свободное выражение мнений необходимо определить границы, которые необходимо соблюдать лицами, реализующие указанное право, во избежание таких злоупотреблений. В этих условиях необходимо максимально учитывать корреспондирующие

права других лиц, в отношении которых могут допускаться злоупотребления правом, чтобы эти лица могли свободно реализовать свои права на защиту от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (от диффамации).

Примером особенностей достаточно развитого правового регулирования общественных отношений в сфере юридической защиты репутации публичных лиц и государства от диффамации может быть Республика Индия. Индия является одним из самых быстроразвивающихся государств современного мира, с самым большим населением в мире, с наилучшим, по сравнению с другими странами мира, приростом ВВП: согласно статистическим данным, экономика Республики Индия за 2023 год произвела прирост ВВП на 7,5 %¹.

Национальная правовая система Индии относится к числу тех примеров правовых систем, где «гармонично сочетаются интересы различных слоев населения страны, исповедующих разные религии, имеющих неодинаковый уровень дохода, обладающих как традиционалистскими, так и модернистскими взглядами» [2]. Указанная правовая система имеет признаки смешанной правовой системы, аккумулирующей в себе «характеристики англо-саксонской, романо-германской правовых систем, а также систем религиозных норм и правовых обычаев» [1], и, исходя из этого, является во многом предметом для пристального изучения, в том числе, для поиска баланса между правом на свободу слова и правом на защиту от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (от диффамации).

Особенно интересным представляется выявление особенностей достаточно развитого правового регулирования защиты от диффамации в Индии органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства², поскольку такие субъекты, наряду с физическими и юридическими лицами, также могут пострадать от указанного правонарушения. К примеру, в законодательстве Российской Федерации, в отличие от законодательства Индии, какие-либо нормативно закрепленные специальные правила защиты репутации от диффамации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, полностью отсутствуют, хотя, при этом, данные органы и лица, в соответствии с п. 1 ст. 124 Гражданского кодекса РФ, являются такими же субъектами общественных отношений, как и другие участники отношений, и обладают по сравнению с ними равными возможностями

для реализации прав, которые предусмотрены действующим законодательством Российской Федерации. В отличие от законодательства многих стран мира в законодательстве Российской Федерации отсутствует такой вид нематериальных благ, как репутация, не дано правовое определение такого общественного явления, как диффамация.

Негативными последствиями отсутствия правовых норм по защите репутации от диффамации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, может стать подрыв доверия не только к указанным лицам, но и к государству, иным публично-правовым образованиям, что, как следствие приведет к несению ими больших репутационных и имущественных потерь.

Конституция Республики Индия от 26.01.1950 г.³ являющаяся верховным законом Индии, представляет собой основу, на которой построены фундаментальные политические принципы республики Индия, установлена структура, процедуры, полномочия и обязанности правительства Индии и отражены основные права и обязанности граждан Индии.

В п. 1 ст. 19 раздела 3 Конституции Республики Индия предусматривается положение о праве всех граждан на свободу слова и выражения мнения. В то же время, в п. 2 ст. 19 Конституции Республики Индия говорится о том, что ничто (в том числе и право на свободу слова и выражения мнения) не должно влиять на возможность государства принимать любой закон, налагающий разумные ограничения на осуществление прав в интересах суверенитета и целостности Индии, безопасности государства, дружественных отношений с иностранными государствами, общественного порядка, приличия или морали или в отношении неуважения к суду, диффамации или подстрекательства к правонарушению.

Кроме того, ст. 21 Конституции Республики Индия в качестве одного из основополагающих, естественных прав провозглашает право на репутацию, включая ее защиту, в составе права на жизнь и на личную свободу. В решениях по некоторым судебным делам Верховным судом Республики Индия была также подтверждена важность права на репутацию⁴, которая может быть подвергнута ущемлению в результате диффамации.

Определение диффамации, как правонарушения, установлено ст. 354 Бхаратия Нья Санхита от 2023 г. (Bharatiya Nyaya Sanhita (BNS) – «Индийский кодекс правосудия»)⁵, в

1 См. статья на интернет-портале «Lenta.ru». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/02/06/nazvana-samaya-bystrorastuschaya-ekonomika-v-mire/#:~:text=%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B9%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B9,%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D1%8D%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4%D0%B0%2C%20%D1%83%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BB%20%D0%BE%D0%BD> (дата обращения: 12.11.2024).

2 Под органами и лицами, выступающими от имени и в интересах государства, в рамках настоящей статьи автор понимает Президента Индии, депутатов палат Парламента Индии, министров различных министерств, суды судебной системы, армию, флот, органы государственной власти и управления, их представителей, граждан, состоящих на общественной службе или имеющих публичные полномочия, иных лиц, связанных с Индией, как с государством.

3 Здесь и далее по тексту автором анализировалась редакция Конституции Республики Индия от 26.01.1950 г., размещенная в сети Интернет. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa78ccfedf1b99b5d8f/uploads/2024/07/20240716890312078.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

4 См. Решение Верховного суда Республики Индия по делам Rajiv Kumar vs State Of U.P. and Another on 11 March, 2019. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/32424330/> (дата обращения: 12.11.2024); Board Of Trustees Of The Port Of Bombay vs Dilipkumar Raghavendranath Nadkarni ... on 17 November, 1982 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/1787020/> (дата обращения: 12.11.2024); Smt. Gian Kaur vs The State Of Punjab on 21 March, 1996. 1982 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/217501/> (дата обращения: 12.11.2024); Subramanian Swamy vs Union Of India, Min. Of Law. on 13 May, 2016 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/80997184/> (дата обращения: 12.11.2024).

5 Здесь и далее по тексту автором анализировалась редакция Бхаратия Нья Санхита от 2023 г., размещенная в сети Интернет. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nyaya_Sanhita_2023.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

соответствии с которой под диффамацией понимается «произнесение слов, публикация печатных материалов, визуальная демонстрация или иные действия в отношении другого лица, порочащие это лицо, причиняющие вред или намеревающиеся причинить вред репутации этого лица».

Вместе с тем, приведенная норма указывает на ряд особенностей, которые необходимо принимать во внимание при квалификации правонарушения в качестве диффамации: диффамацией можно признать также распространение не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении умершего человека, если эти сведения оскорбляют чувства его близких родственников; распространение не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении какого-либо лица может быть приравнено к диффамации в отношении юридического лица, ассоциации или иной группы лиц, к которой относится данное лицо; диффамацией можно признать не соответствующие действительности порочащие сведения, распространенные в виде альтернативного суждения или с иронией; диффамация может причинять вред репутации, если обвинение прямо или косвенно снижает моральный или интеллектуальный облик лица, принижает образ лица по отношению к его касте или снижает доверие к нему или заставляет думать, что лицо находится в ужасном или позорном состоянии.

Имеется также и ряд исключений в отношении того, что можно признавать диффамацией, а что нет:

– любое предположение, которое соответствует действительности в отношении любого лица, сделанное или опубликованное в интересах общества, не является диффамацией. Вопрос о том, сделано ли предположение в интересах общества, является вопросом факта;

– добросовестное выражение какого-либо мнения в отношении поведения государственных служащих при исполнении ими должностных обязанностей или в отношении их характера, в той мере, в какой их характер проявляется в этом поведении, не является диффамацией;

– добросовестное выражение какого-либо мнения в отношении поведения любого лица, по любому общественному вопросу должно быть сделано с уважением его характера в той мере, в какой его характер проявляется в этом поведении, не является диффамацией;

– правдивый отчет о судебном разбирательстве или о его результатах, о решении суда, участниках судебного процесса, лиц, присутствующих в судебном заседании с учетом уважения к личности и характера каждого из этих лиц, не является диффамацией;

– выражение мнения в отношении литературного, музыкального и иного произведения, которое автор представил для всеобщего обозрения, должно быть сделано в заседании с учетом уважения к личности и характера автора, не является диффамацией;

– утверждение лица, сделанное по отношению к своему подчиненному в силу трудовых правоотношений, закона или договора, не является диффамацией;

– предъявление иска в отношении характера другого лица, сделанное добросовестно для защиты своих собственных интересов или в интересах общества, не является диффамацией;

– добросовестное предостережение другому лицу, не является диффамацией, если направлено на благо того, кому оно передается либо лица, которое в этом заинтересовано либо в интересах общества.

Приведенные примеры норм законодательства Индии достаточно подробно раскрывают ситуации, какие действия могут считаться диффамацией, а какие нет. В законодательстве Индии раскрыты способы, какими может быть совершена диффамация в Индии: вербально; с помощью знаков, печатных материалов; с использованием аудиовизуальных изображений, произведений; с использованием электронных средств связи.

В других нормах Бхаратия Ньяя Санхита от 2023 г. предусмотрены квалифицированные составы диффамации, как правонарушения, к числу которых относятся и нарушения в отношении органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства.

Так, в ч. 1 ст. 351 Бхаратия Ньяя Санхита от 2023 г. указано, что «Тот, кто делает, публикует или распространяет какое-либо заявление, ложную информацию, слухи или сообщения, в том числе посредством электронных средств с намерением причинить или которое может причинить любому офицеру, солдату, матросу или летчику армии, флота или военно-воздушных сил Индии, в результате чего произошел мятеж или кто-либо из перечисленных лиц проигнорировал или потерпел неудачу в исполнении своего долга или с намерением вызвать или которое может вызвать страх или тревогу у общественности, или любой части общества, посредством чего любое лицо может быть склонено к совершению преступления против государства или против общественного спокойствия; или с намерением подстрекать или способно подстрекать какой-либо класс или сообщество лиц совершить какое-либо преступление против любого другого класса или сообщества, наказываются лишением свободы на срок до трех лет, либо штрафом, либо и тем, и другим». Вместе с тем, следует иметь в виду, что по смыслу данной нормы не является правонарушением ситуация, когда лицо, делающее, публикующее или распространяющее любое такое заявление, ложную информацию, слух или сообщение, имеет разумные основания полагать, что такое заявление, ложная информация, слух или сообщение правдивы и создает, публикует или распространяет их добросовестно и без каких-либо намерений, как указано выше.

Исходя из этого, в случае, если будут сделаны какие-либо высказывания, изданы печатные материалы, созданы аудиовизуальные произведения, сделаны изображения, или будут совершены любые другие аналогичные действия, либо указанные действия будут совершены с помощью электронных средств в отношении органов и лиц, выступающих в Индии от имени и в интересах государства, то эти диффамационные правонарушения будут не только наносить ущерб чести, достоинству, репутации конкретно этих упомянутых субъектов, но и, как следствие, могут нанести ущерб репутации Индии в целом, поскольку данные лица неизбежно ассоциируются в глазах общественности с Индийским государством, и уровень их личной репутации напрямую связан с уровнем репутации республики Индии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правом на репутацию в Индии обладают все без исключения субъекты общественных отношений, в том числе, органы и лица, выступающие в Индии от имени и в интересах государства. Указанное обстоятельство подтверждается не только вышеприведенной нормой законодательства Индии, но и рядом решений Верховного суда Индии⁶. Кроме того, в ст. 14 Кон-

6 См., например, решение Верховного суда республики Индия по делам Khushwant Singh and Anr. vs Maneka Chandhi от 18.09.2001 г.

ституции Республики Индия говорится о равенстве прав всех субъектов общественных отношений в Индии.

За посягательство на репутацию посредством диффамации нарушителя в Индии можно привлечь как к гражданско-правовой, так и к уголовно-правовой ответственности. Квалификация уголовных правонарушений и ответственность за их совершение определена в Бхаратия Ньяя Санхита от 2023 г. В свою очередь возможность привлечь нарушителя к гражданско-правовой ответственности определяется исключительно судебными прецедентами, ввиду отсутствия соответствующих законодательно определенных гражданско-правовых норм. Соответственно, для того, чтобы органы и лица, выступающие в Индии от имени и в интересах государства, могли произвести защиту принадлежащего им права на репутацию от диффамации, у них есть возможность воспользоваться как уголовно-правовым, так и гражданско-правовым способом защиты своего права. При этом, уголовная ответственность не исключает одновременного применения гражданской ответственности.

Как можно догадаться, уголовное законодательство Индии предусматривает ответственность за наиболее серьезные правонарушения. Кроме того, разница между уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственностью заключается в целях, которые достигаются применением наказания за нарушение. Цель наказания за уголовное правонарушение, направленного против интересов общества, государства, будет состоять в общественном порицании нарушителя, а наказание нарушителя со стороны государства может быть в виде лишения свободы. Ответственность же за гражданское правонарушение предусматривает, как правило, возмещение ущерба, причиненного совершением противоправных действий, в пользу конкретного пострадавшего лица, и восстановление его положения, которое существовало до совершения правонарушения.

В случае, когда совершается диффамация, первый шаг, который должен сделать пострадавший - это определить лицо, к которому будет возможно предъявить требования. Основными лицами, к которым можно обращаться с требованиями, являются: директора изданий или издатели, а также соруководители изданий. В случае их отсутствия - авторы. В случае, если к диффамации причастны директор или содиректор издания, или редакторы, то авторы, по общей логике, должны привлекаться к ответственности как соучастники правонарушения.

Затем пострадавший от диффамации орган или лицо, выступающие от имени и в интересах государства, может использовать либо внесудебный порядок защиты своих прав, либо воспользоваться положениями Уголовно-процессуального кодекса Индии от 1973 г.⁷ или Гражданско-процессуального кодекса Индии от 1908 г.⁸ для определения официального порядка действий с использованием судебных органов.

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/1203848/> (дата обращения: 12.11.2024); R.R. Gopal, Nakkheeran vs J, Jayalalitha and Mrs, M, Sassikala от 06.04.2006 г. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanoon.org/doc/61393091/> (дата обращения: 12.11.2024).

7 Здесь и далее по тексту автором анализировалась редакция Уголовно-процессуального кодекса Индии от 1973 г., размещенная в сети Интернет. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15272/1/the_code_of_criminal_procedure,_1973.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

8 Здесь и далее по тексту автором анализировалась редакция Гражданско-процессуального кодекса Индии от 1908 г.,

В рамках использования внесудебного порядка защиты своих прав орган или лицо, выступающие от имени и в интересах государства, может обратиться напрямую к печатному изданию (директору печатного издания) с целью исправления неточностей в опубликованной информации или с целью опубликования своего ответа в отношении информации, распространенной посредством спорной публикации.

В случае, если порочащий материал был опубликован в сети Интернет, то у органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, также существует возможность обращения к автору публикации с требованием об исправлении либо удалении порочащей информации, содержащейся в публикации. Если автор отказывается исправлять либо удалять контент, либо игнорирует просьбу, пострадавший вправе обратиться со своим требованием к владельцу сайта. Вместе с тем, ст. 79 Закона об информационных технологиях от 2000 г.⁹, устанавливает, что посредник в размещении информации (к их числу можно отнести интернет-платформы, владельцев социальных сетей) не несет ответственности за информацию, данные и ссылки третьих лиц, размещенные на его платформе. Однако, его иммунитет ограничен определенными условиями, а именно: посредник несет ответственность, если он по своей инициативе передает диффамационный материал, выбирает получателя такого контента или изменяет такой контент.

При оставлении указанного обращения, адресованного печатному изданию (директору печатного издания) или к автору (владельцу сайта в сети Интернет), без ответа, либо при отказе в удовлетворении обращения, органу или лицу, выступающему от имени и в интересах государства, следует воспользоваться порядком защиты своих прав с использованием судебных органов. Срок исковой давности по диффамационным спорам составляет 6 месяцев со дня предполагаемого размещения диффамационного материала в печатном издании либо на сайте в сети Интернет (ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Индии).

Анализ законодательства Индии, проведенный автором в настоящей статье, подтверждает, что орган или лицо, выступающие от имени и в интересах государства, при совершении в отношении них диффамационного правонарушения, обладают такими же правами, как и физические и юридические лица без государственного-властных полномочий и публичного статуса, и имеют возможность реализовать право на обращение в суд за защитой своих прав. Вместе с тем, для цели реализации права на обращение в суд, в случае диффамации в отношении Президента или Вице-Президента Индии, губернатора штата, администратора союзной территории или любого министра, или любого другого государственного служащего, лица или органа, указанным органам и лицам требуется предварительно получить соответствующее одобрение правительства штата (в случае диффамации в отношении губернатора штата или министра, члена правительства штата, любого государственного служащего штата) или центрального правительства (в любом другом случае) (ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Индии).

размещенная в сети Интернет. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2191/1/A1908-05.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

9 Здесь и далее по тексту автором анализировалась редакция Закона об информационных технологиях от 2000 г., размещенная в сети Интернет. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1999/1/A2000-21%20%281%29.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

Далее, суд может, либо, в соответствии со ст. 203 Уголовно-процессуального кодекса Индии, отклонить обращение и отказать в возбуждении судебного процесса (в случае отсутствия представленных со стороны заявителя доказательств, подтверждающих его позицию), либо возбудить дело при наличии представленных доказательств (ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Индии).

Для возбуждения гражданского дела о диффамации органу или лицу, выступающему от имени и в интересах государства, требуется доказать, что диффамационный материал имеет уничижительный характер, этот материал был сделан именно в отношении пострадавшего лица, материал был распространен (стал доступен широкому кругу лиц). Суд, при таких обстоятельствах, принимает дело к своему производству и инициирует судебный процесс (ст. 9 Гражданско-процессуального кодекса Индии)

Государственный служащий, исполняющий свои официальные обязанности, может иметь право на возмещение ущерба от диффамации только в том случае, если сумеет доказать, что распространенный материал носит ложный характер или сделано с безрассудным пренебрежением к правде¹⁰.

По результатам рассмотрения гражданского дела суд имеет возможность наложить на ответчика промежуточный или окончательный запрет на дальнейшее распространение диффамационного материала¹¹ и (или) присудить денежную компенсацию понесенного ущерба.

По результатам рассмотрения уголовного дела суд имеет возможность наложить на нарушителя наказания в виде штрафа, общественных работ или лишения свободы (п. 2-4 ст. 354 Бхаратия Ньяя Санхита).

Судебное решение, при необходимости, может быть обжаловано в вышестоящий судебный орган (кроме Верховного суда Индии, решение которого окончательно)

Исходя из проведенного в настоящей статье исследования, следует отметить, что положения действующего законодательства и судебной практики Индии отличаются достаточно высоким уровнем правового регулирования общественных отношений в сфере юридической защиты репутации от диффамации заинтересованных в такой защите лиц, в том числе, защиты от диффамации репутации органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства. В правовом регулировании общественных отношений обеспечен разумный баланс соотношения свободы выражения мнений с ее необходимыми ограничениями. Нормы законодательства и положения судебной практики Индии раскрывают определения понятий, составляющих явление «диффамация»; «репутация». В законодательстве закреплена процедура юридического разрешения различных ситуаций, связанных с распространением сведений, представляющих собой спорное изложение фактов или мнений; а также различные способы защиты интересов указанных органов и лиц, в отношении которых передается (распространяется) порочащая, не соответствующая действительности информация, и которые

могут пострадать от нарушений при передаче информации и при выражении мнений.

Можно сделать вывод, что законодательство и положения судебной практики Индии позволяет осуществлять достаточную надежную юридическую защиту репутации от диффамации, не только органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, но и Индии, как государства. В законодательстве Индии имеется специальная достаточно широкая регламентация видов и размеров юридической ответственности за различные виды диффамации в отношении органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства, что позволяет достаточно эффективно бороться с диффамацией во всех сферах общественной жизни страны и, одновременно, обеспечивать соблюдение жестких гарантий свободы слова и свободы выражения мнений.

Это оказывает положительное влияние на всю общественную жизнь в стране, обеспечивает высокий уровень такого нематериального блага, как репутация государства Индии, а также органов и лиц, выступающих от имени и в интересах государства.

Пристатейный библиографический список

1. Маринчев Н. В. (2012). О комплексном подходе к изучению права Древней Индии. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 1. С. 3.
2. Пчелинцева В. В. Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1-6 (70). С. 38-39 (DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566).

¹⁰ См. Решение Верховного суда Индии по делу R. Rajagopal vs State Of T.N от 01.10.1994 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indiankanon.org/doc/501107/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹¹ См. Решение Верховного суда Индии по делу Bonnard vs Perryman от 02.01.1891. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s-warb.co.uk/bonnard-v-perryman-ca-2-jan-1891/> (дата обращения: 12.11.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-207-209

ТРАНКАЛАН Фёдор Иванович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ РОЗНИЧНОГО РЫНКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

Автором статьи рассмотрено влияние цифровизации на систему технологий, используемых в процессе разрешения частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии. Автором сделан вывод о том, что внедрение современных инновационных технологий позволяет сократить финансовые, временные, кадровые и иные затраты, направленные на урегулирование возникшего спора. Отмечено, что данные технологии содействуют повышению значимости досудебного (претензионного) этапа в разрешении имеющего конфликта и снижении нагрузки на российские суды. В то же время, имплементация таких технологий требует соответствующего механизма правового регулирования, устанавливающего юридический алгоритм их применения в практической плоскости. На первоначальном этапе обращение субъектов розничного рынка электроэнергии к таким технологиям допускается на добровольной основе. В дальнейшем с учетом итогов их апробации и уровня цифровизации российской экономики и общества возможно придание современным технологиям статуса обязательной досудебной стадии при рассмотрении частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии.

Ключевые слова: энергетическое право, розничный рынок электроэнергии, субъекты розничного рынка электроэнергии, частноправовые споры.

TRANKALAN Fedor Ivanovich

postgraduate student of Civil law and process and international private law, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MODERN TECHNOLOGIES IN THE RESOLUTION OF PRIVATE LAW DISPUTES BETWEEN SUBJECTS OF THE RETAIL ELECTRICITY MARKET

The author of the article examines the impact of digitalization on the system of technologies used in the settlement of private law disputes between subjects of the retail electricity market. The author concludes that the introduction of modern innovative technologies makes it possible to reduce financial, time, personnel and other costs aimed at resolving the dispute. It is noted that these technologies contribute to increasing the importance of the pre-trial (claim) stage in resolving the existing conflict and reducing the burden on Russian courts. At the same time, the implementation of such technologies requires an appropriate mechanism of legal regulation, which establishes a legal algorithm for their application in practice. At the initial stage, the use of such technologies by subjects of the retail electricity market is allowed on a voluntary basis. In the future, taking into account the results of their testing and the level of digitalization of the Russian economy and society, it is possible to give modern technologies the status of a mandatory pre-trial stage when considering private law disputes between subjects of the retail electricity market.

Keywords: energy law, digitalization, retail electricity market, subjects of the retail electricity market, private law disputes.

Современный рынок электроэнергии охватывает множество субъектов, включая производителей, поставщиков и потребителей. На этом фоне возникают споры, связанные с платежами, качеством электроэнергии и выполнением сторонами, возложенных на них обязательств. Значительная часть споров касается прав потребителей, что делает важным внедрение технологий, позволяющих эффективно реагировать на возникающие частноправовые конфликты между субъектами розничного рынка электроэнергии. Проблемы, с которыми сталкиваются участники розничного рынка, могут варьироваться от технических сбоев в поставках до споров о правомерности тарифов. Как отмечает П. Н. Максименко, «в розничном сегменте электроэнергетики исторически накопился перечень проблем, подходы к полноценному разрешению которых ни законодателем, ни правоприменительной практикой не найдены. В частности, в указанный перечень входят рост перекрестного субсидирования, недостаточно высокий уровень платежной дисциплины и избыточная публично-правовая интервенция в договорные отношения по

энергоснабжению» [1]. В этом контексте технологии играют важную роль, позволяя автоматизировать процессы и минимизировать временные затраты на разрешение конфликтов. В то же время П. Н. Максименко обращает внимание на наличие административных барьеров, препятствующих развитию и применению цифровых технологий в данном секторе, в том числе в процессе разрешения частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии [1].

Следует отметить, что предотвращение последствий, оказывающих негативное воздействие на национальную экономику, развитие бизнеса и снижение рисков в результате влияния различных внешних и внутренних факторов невозможно на современном этапе развития общества и государства без интеграции в сферу энергетической безопасности новых технологий, большинство которых представлено в формате новейших передовых информационно-коммуникационных достижений. При этом применение новых технологий в сфере урегулирования частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии может осу-

Транкалан Ф. И.

ществляться как на макроуровне (в рамках обеспечения государственной деятельности в энергетической сфере), так и микро (например, в пределах одного субъекта хозяйственной деятельности при разрешении споров с потребителями). Внедрение современных технологий в процесс разрешения споров не только облегчает взаимодействие между сторонами, но и способствует более эффективному управлению конфликтами.

Разрешение частноправовых споров на рынке электроэнергии с применением современных технологий стало особенно актуальным в последние годы, когда в стране наблюдается рост объемов потребления и усложнение отношений между участниками розничной энергетической системы.

Основная проблема применения современных технологий при разрешении частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии в Российской Федерации заключается в их «непопулярности». Российское общество, а особенно простые граждане-потребители электрической энергии предпочитают урегулировать имеющийся спор традиционным способом: в досудебном порядке путем направления письменной претензии и в дальнейшем (при недостижении консенсуса) – путем обращения в суд.

Практика зарубежных государств ориентирована на внедрение и применение различных инновационных технологий для разрешения частноправовых споров, в том числе в энергетическом секторе. Можно выделить следующие современные технологии, которые могли быть востребованы на российском рынке: онлайн платформы для медиации и арбитража, цифровые инструменты для учета и мониторинга данных, системы искусственного интеллекта.

Так в последние годы за рубежом возросла популярность онлайн-медиации, которая позволяет сторонам разрешать споры в виртуальной среде. Такие платформы предоставляют доступ к квалифицированным медиаторам и арбитрам, что существенно ускоряет процесс урегулирования конфликта. Например, платформы, как Kleros и Modria, предлагают интерфейсы, где пользователи могут подать заявку на медиацию или арбитраж, а также отслеживать процесс в режиме реального времени.

Преимущества онлайн-платформ очевидны: участники спора могут избежать длинных судебных разбирательств, сэкономить время и средства. «Кроме того, такие платформы обладают потенциалом для бесплатного или низкобюджетного разрешения споров, что особенно актуально для небольших потребителей» [2].

Платформы для онлайн-разрешения споров (ODR) предлагают эффективные инструменты, позволяющие сторонам быстро и удобно решать возникающие конфликты без необходимости длительных судебных процедур [2]. Такие платформы обеспечивают безопасную среду для обмена документами, видеоконференций и автоматизированного анализа данных, что значительно ускоряет процесс урегулирования конфликта.

Полагаю, что в качестве положительного последствие цифровизации российского рынка следует рассматривать признание онлайн-сервисов разрешения споров между субъектами розничного рынка электроэнергии как одного из универсальных способов их урегулирования (без дополнительного обращения в суд).

Проблема российского общества заключается в непринятии медиации как действенного способа разрешения имеющихся конфликтов. Данная модель урегулирования спора в России носит добровольный характер и не является

обязательной к применению. Именно в рамках розничного сектора электроэнергетики придание медиации характера обязательной стадии разрешения споров позволит повысить востребованность данной процедуры.

Помимо медиации, важную роль в разрешении споров играют технологии, которые позволяют вести учет потребляемой электроэнергии и предоставлять прозрачную информацию о тарифах. Например, системы умных счетчиков являются важным шагом к оптимизации процессов, позволяя получать оперативные данные о потреблении. Это существенно упрощает выявление и разрешение конфликтов, связанных с неправильным начислением тарифов.

Системы автоматизации и обработки данных помогают интегрировать информацию о платежах и потреблении. Это не только облегчает контроль за задолженностями, но и способствует быстрому реагированию на возникшие вопросы.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения открывает новые горизонты для разрешения частноправовых споров на рынке электроэнергии. Эти технологии способны предлагать сторонние решения на основе анализа большого объема данных.

Системы ИИ могут анализировать данные о предыдущих спорах, их исходах и факторах, способствующих конфликтам. Например, путем обработки статистических данных, ИИ может выявлять закономерности в возникновении споров и предлагать меры профилактического характера. Это может быть особенно полезно для организаций, занимающихся поставками электроэнергии, позволяя им выявлять уязвимости в своих процессах и устранить их на ранней стадии.

Совершенно новым направлением является использование ИИ для поддержки медиации. С помощью алгоритмов может разрабатываться сценарий возможного разрешения спора, что облегчит взаимодействие сторон. Эти элементы поддержки могут ускорить принятие решений и повысить вероятность достижения консенсуса.

К основным преимуществам можно отнести: ускорение процесса разрешения споров, снижение затрат на юридические услуги, повышение прозрачности и доверия между сторонами, улучшение доступа к правосудию для потребителей с низким уровнем дохода.

Однако есть и несколько недостатков, которые стоит учитывать: потеря личного контакта может снизить качество взаимодействия; вопросы безопасности и конфиденциальности данных остаются актуальными; необходимость соблюдения законодательства в области защиты персональных данных.

Внедрение новых технологий невозможно вне правового обеспечения данного процесса. Особую значимость решение указанного вопроса получило именно в эпоху масштабной цифровизации общественных отношений. Цифровизация затронула все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, в том числе создание «удобных» и «эффективных» технологий урегулирования имеющихся споров без обращения в суд. В то же время отмечается «сложность в имплементации новых правоотношений в устоявшуюся регуляторную среду» [3], происходит «адаптация права к возможностям современных цифровых технологий» [4]. При этом государство и право должны успевать и отвечать современным запросам и потребностям информационного общества. Как указывают А. В. Алтухов и С. Ю. Кашкин, «самое большое количество ошибок в законодательстве проявляется тогда, когда технологии стремительно развиваются, а право за ними не успевает» [5].

Деятельность субъектов правотворчества Российской Федерации должна быть ориентирована на разработку и принятие нормативных правовых актов, в том числе отражающих результаты влияния цифровизации на механизм разрешения частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергетики.

В последние двадцать лет национальные стратегические задачи, направленные на развитие России, отражаются в нормативных документах программного характера, утвержденных Президентом или принятые Правительством Российской Федерации. С формальной стороны указанные нормативные правовые акты являются подзаконными, но по своей сути они выступают базисом, определяющим вектор правотворческой деятельности российского парламента и других государственных органов.

Правительство Российской Федерации, учитывая неизбежность цифровизации всех направлений развития российской экономики, утвердило в 2017 году программу «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. В 2019 году Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации поставил конкретную задачу по разработке законодательной основы для внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий в государственное управление².

В качестве фундаментальной юридической основы, гарантирующей проникновение цифровизации во все сферы управления, является Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»³, закрепляющий в качестве государственной цели развития Российской Федерации цифровую трансформацию.

С одной стороны, данные стратегические нормативные правовые акты прямо не регулируют правовые основы интеграции новых цифровых технологий в сектор розничной электроэнергетики, но, с другой, гарантируют их внедрение и применение во всех сферах жизнедеятельности человека и бизнес-процессы. Таким образом, действие Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 охватывает общественные отношения, связанные с интеграцией и применением цифровых технологий при разрешении частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергетики.

Резюмируя проведенное исследование можно сделать следующие выводы:

Современное российское государство заинтересовано в цифровизации механизма урегулирования частных споров.

Интеграция новых цифровых технологий в сферу розничного рынка электроэнергетики невозможно без реформирования действующего законодательства и создания новейших правовых основ данного процесса.

На современном этапе развития общества и государства интеграция новых цифровых технологий в сферу розничного

рынка электроэнергетики является предпосылкой для неизбежной трансформации права.

Современные технологии играют ключевую роль в разрешении частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергии. В условиях быстро меняющейся энергетической среды, где цифровизация и автоматизация становятся основными тенденциями, использование инновационных решений становится неотъемлемой частью эффективного и справедливого взаимодействия между участниками.

Таким образом, современные технологии должны стать важным инструментом в разрешении частноправовых споров, обеспечивая повышенную эффективность, доступность и надежность процессов, что, в свою очередь, способствует гармонизации отношений на рынке электроэнергии.

Ключевым направлением развития технологий в области разрешения частноправовых споров на рынке электроэнергии станет интеграция ИИ и блокчейн-технологий. Блокчейн обеспечит высокий уровень защищенности данных и позволит создать децентрализованные платформы для разрешения споров. Это не только повысит доверие сторон, но и существенно сократит время, затрачиваемое на процесс разрешения спора.

По своей правовой природе они направлены, прежде всего, на развитие досудебной стадии урегулирования имеющегося конфликта. Полагаю, что востребованность их с каждым годом только будет возрастать, в том числе за счет придания им статуса обязательной стадии разрешения частноправовых споров между субъектами розничного рынка электроэнергетики.

Пристатейный библиографический список

1. Максименко П. Н. Розничные рынки электрической энергии: гражданско-правовые аспекты. дис. к.ю.н. – М., 2023. – 199 с.
2. Ермакова Е. П., Протопопова О. В. Плюсы и минусы цифрового арбитража // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8 (183). – С. 177-180. – EDN DHDTRK.
3. Авдыев М. А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. ISSN 2226-9339. – № 8 (56). – № 5601. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovman.ru/article/5601/>.
4. Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. – 2020. – № 4. – С. 22-26.
5. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7. – С. 86-94.

1 Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – 07.08. – № 32. – Ст. 5138 (утратило силу).

2 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. – 2019. – 21.02. – № 38.

3 Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 27.07. – № 30. – Ст. 4884.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-210-211

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиала «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИМ ХИРУРГОМ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» БЕЗ СОГЛАСИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВ АВТОРА РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены фотографические произведения как объект авторского права, подлежащий правовой защите в сети Интернет. Сделан вывод, что ГК РФ устанавливает требования только к процессу создания фотографий и не устанавливает никаких требований (кроме объективной формы) к его результату. Автор предлагает сделать оригинальность требованием для защиты авторских прав на фотографическое произведение, т.е. фотография должна отражать личный подход автора и отличаться от других произведений.

Ключевые слова: фотография, фотографическое произведение, изображение, пластический хирург, авторское право, автор, Интернет, персональные данные.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer of the Leningrad regional bar association, branch of the Law Firm "Pelevin and Partners"

THE USE BY A PLASTIC SURGEON OF PHOTOGRAPHIC WORKS FROM THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK "INTERNET" WITHOUT THE CONSENT OF THE COPYRIGHT HOLDER AS A VIOLATION OF THE RIGHTS OF THE AUTHOR OF THE RESULT OF INTELLECTUAL ACTIVITY

The article considers photographic works as an object of copyright, subject to legal protection on the Internet. It is concluded that the Civil Code of the Russian Federation establishes requirements only for the process of creating photographs and does not establish any requirements (except for the objective form) for its result. It is proposed that originality should become a requirement for the protection of copyrights to works; a photograph should be considered such if it can be characterized as reflecting the personal approach of the author and being different from others.

Keywords: photography, photographic work, image, copyright, author, Internet, personal data.

Ястремский И. А.

В эпоху развития информационных технологий и цифровизации общества актуальным представляется исследование вопроса об использовании фотографических произведений, размещенных в Интернете. Множество элементов формируют концепцию прав на фотоизображение. Растущая автономия изображения от представляемого человека была значительно облегчена и усилена огромными и ранее неизвестными возможностями, предлагаемыми технологиями, с точки зрения простого и быстрого создания и распространения изображения. Появились новые культуры и тенденции в использовании образа человека в новых коммуникативных пространствах.

Использование Интернета и социальных сетей разнообразило использование фотографий, что привело к росту озабоченности по поводу повышения осведомленности о правах на изображение. Права на изображение теперь учитываются не только знаменитостями, медийными личностями и спортсменами, что было нормой.

Коммерциализация использования фотографий распространилась на обычных людей, которые не обязательно обладают всесторонней видимостью по сравнению со знаменитостями или общественными деятелями. Осознание этого растет и в основном связано с правом на неприкосновенность частной жизни, особенно в тех случаях, когда фотоизображения публикуются или используются в коммерческих целях без согласия. Часто это остается незамеченным в течение длительного периода времени.

Права на изображение упоминаются в разной терминологии и подлежат различному правовому регулированию в разных юрисдикциях. В Европейском союзе (ЕС) они называются «правами личности», тогда как в Соединенных Штатах (США) они более широко известны как «права на публичность». Двойственная природа прав на фотоизображение защищает два основополагающих интереса: интересы достоинства/автономии и экономические интересы. Интересы достоинства относятся к предоставлению человеку контроля над своим имиджем. В данном контексте это относится к уважению его достоинства и автономии, к свободе жить и осуществлять контроль над своей личностью.

Права на фотоизображение охватывают права личности в отношении государства, права личности в отношении средств массовой информации, права личности в отношении коммерческого предприятия и права личности в отношении другого лица. В результате права на изображение получают защиту с помощью множества средств правовой защиты, которые являются либо договорными, либо законными. Это дублирование средств защиты происходит из законодательства об интеллектуальной собственности, законодательства о правах человека и законодательства о защите персональных данных. Защита прав на изображение также варьируется от юрисдикции к юрисдикции.

Кроме того, степень, в которой физическое лицо может контролировать или ограничивать использование своего изображения, варьируется в зависимости от различных областей законодательства. Интеллектуальная собственность (ИС) является одним из методов защиты прав на изображение. Названия, бренды или логотипы защищены посредством регистрации товарных знаков, в то время как фотографии, изображения, фильмы, видео, аудио или иллюстрации защищены авторским правом.

Законы об авторском праве защищают два типа прав: экономические права, т.е. право создателей извлекать финансовую выгоду из использования их произведений другими лицами, и юрисдикционные права, т.е. права совершать необходимые действия для сохранения и защиты связи со своим произведением, например, право предотвращать искаженное воспроизведение своих произведений. Различие между правами на изображение и авторским правом в данном контексте устанавливается на основе взаимоотношений между фотографом, объектом съемки и возможной третьей стороной.

Размещенные в Интернете фотографии могут являться объектами авторского права, использование которых пластическим хирургом без разрешения на это правообладателя не допускается.

Однако эти произведения должны быть результатом творческого труда автора, и, соответственно, являться результатом интеллектуальной деятельности (РИД). Фотографии делаются на информационные ("отчетные", фиксирующие определенную

информацию) и эстетические фотографии (отражающие художественное восприятие автора, фотографа). В связи с этим, это не удивительно, что некоторые фотографии не соглашаются с тем, что каждая фотография должна считаться РИД.

На взгляд автора, отсутствие оригинальности у произведения исключает творческий характер работы. Согласно европейскому подходу, фотография, чтобы быть защищенной авторским правом, должна отражать личность ее автора и быть оригинальной.

При этом в ГК РФ отсутствуют четкие критерии защиты авторских прав на фотографические произведения. Это влечет ситуации, когда фотографии, не обладающие существенными признаками для защиты авторским правом, как правило, фактически им защищены, и наоборот, как право на оригинальные произведения может быть не обеспечено соответствующей охраной.

Российское законодательство не проводит четкого различия между эстетическими и информативными фотографиями. Однако, российское законодательство действительно предоставляет правовую охрану фотографиям в их различных проявлениях, что наводит на мысль о том, что такое различие может быть неявным.

ГК РФ содержит статью 152.1, озаглавленную «Защита изображения гражданина». Публикация, воспроизведение и совместное использование произведений изобразительного искусства с изображением физического лица допустимы только с их согласия. При этом ст. 152.1 ГК РФ не касается авторского права.

В ней прямо указано, что изображенное лицо имеет право разрешить другому лицу, в том числе пластическому хирургу, использовать свое изображение в том числе в коммерческих целях.

Поскольку ст. 152.1 ГК РФ включена в главу о нематериальных благах, она направлена на пресечение нарушения неприкосновенности частной жизни человека. Положения статьи 152.1 ГК РФ устанавливают правовую основу для осуществления права на внешний вид, которое принадлежит лицу в силу рождения [8].

Персональные данные представляют собой информацию, относящуюся к физическому лицу. Это физическое лицо должно быть идентифицировано прямо или косвенно по одному или нескольким идентификаторам или по факторам, специфичным для данного физического лица. Поскольку фотографии содержат изображения лиц или человеческого тела, личности могут быть идентифицированы и эти фотографии являются личными данными по смыслу закона. Действительно, портретные фотографии могут быть даже лучшим идентификатором, чем имена людей. Персональные данные могут собираться и обрабатываться только в целях и на условиях, определенных законом.

Физическими и юридическими лицами, которые собирают и обрабатывают такие данные (контролеры данных), являются лица, на которые распространяются обязательства по защите их от злоупотреблений. Что касается портретной фотографии, то охраняемый интерес здесь - это не интерес правообладателя, а неприкосновенность частной жизни изображенного лица.

Анализ ст. 11(1) Закона о персональных данных (далее – Закон) показал, что фотографии классифицируются как биометрические персональные данные [4, с. 80-89]. Однако фотографическое изображение может являться таковыми, только если оно обрабатывается пластическим хирургом с целью идентификации субъекта персональных данных.

В силу Закона, фотография человека может относиться к персональным данным, так как включает информацию о человеке, идентифицирующую его, а иногда также содержат другие дополнительные данные, например, дату и время съемки, настройки камеры, местоположение по GPS и т.д.

Однако в случаях, когда фотография гражданина является обработанной для других целей, не имеющих ничего общего с их идентификацией, мы будем говорить о нормальном использовании пластическим хирургом фотографии, подпадающей под действие вышеупомянутой статьи 152.1 ГК РФ.

Ввиду отсутствия в законе условий признания фотографических произведений защищенными авторским правом, автор пользуется авторским правом на любую фотографию в силу самого факта ее создания и независимо от ее художественной ценности и важности [9, р. 3].

При этом в п. 80 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 указано, что пока не было доказано иное, РИД,

выраженные в объективной форме, следует признавать созданными творческим трудом.

Подход, согласно которому любая фотография должна считаться защищенной авторским правом независимо от ее оригинальности и индивидуальности, полагает автор, не является верным. Это ведет к предоставлению охраны практически любой фотографии: например, похожим фотографиям туристических достопримечательностей, фотографиям товаров, выставленных на продажу, и т.д.

На взгляд автора, в ГК РФ следует использовать европейский подход: оригинальность должна быть требованием для защиты авторских прав на фотографическое произведения (т.е. она должна отражать личный подход автора и отличаться от других произведений).

Таким образом, в российском законодательстве отсутствует четкие границы различных фотографических изображений.

В России фотографии пациентов в подавляющем большинстве случаев можно отнести к объектам авторских прав, т.е. к РИД. Поэтому правомерное использование фотографий пластическим хирургом допускается лишь при условии соблюдения авторских прав, предусматривающем наличие согласия правообладателя на это. При этом отсутствие запрета на использование, имени автора (правообладателя) рядом с фотографией либо авторского знака не считается согласием.

Поэтому использование пластическим хирургом фотографии, находящейся в Интернете (в виде копирования, распечатки, отправления, редактирования и пр.), допускается по общему правилу с письменного согласия правообладателя, кроме случаев: использования фотографии в личных целях (ст. 1273 ГК РФ), при правомерном цитировании (п. 1 ч. 1 ст. 1274 ГК РФ), в качестве иллюстраций в учебных целях (п. 2 ч. 1 ст. 1274 ГК РФ).

Таким образом, важной проблемой выступает правомерность использования фотографий в Интернете, а также признание фотографии защищенной авторским правом.

Сложностью является и доказывание права авторства на фотографию. Для этого, в порядке самозащиты, применяются следующие меры: обнародование своих произведений в СМИ, журналах, выставках и т.д., использование опции автоматического встраивания цифрового водяного знака, нанесение на фотографию информации о фамилии, имени автора, года публикации и пр.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланова Н. А., Бурдакова М. А., Агибалова Е. Н. Правовая защита фотографических произведений в сети Интернет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-zaschita-fotograficheskikh-proizvedeniy-v-seti-internet?ysclid=lrkwolex1749573424>.
2. Гайдук В. П. Использование фотографий, взятых из Интернета: правовые риски, практика, рекомендации // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 6 // СПС «Консультант Плюс».
3. Коваленко Ю. А. Актуальные проблемы охраны изображения гражданина в сети «Интернет» // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е. В. Трофимов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт, 2021.
4. Кривогин М. С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2.
5. Кубышкин А. И. Проблемы защиты фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии в сети Интернет // Matters of Russian and International Law. 2018, Vol. 8. Is. 7A.
6. Лушина В. Е. Незаконное использование фотоизображений граждан, размещенных в сети Интернет // Вестник магистратуры. 2015. № 3 (42).
7. Полищына А. А., Дмитриев Р. О. Фотографические произведения и способы их защиты // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 2 (32).
8. Рожкова М. А. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6-12 (Статут, Москва, 2014).
9. Rozhkova M., Isaeva O. Legal protection of photographs in the digital age: Russian regulation. SHS Web of Conferences 109, 01032 (2021).

КУЛИК Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального и трудового права, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НОТАРИУСОВ

Право на судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ, может быть реализовано надлежащим образом только в том случае, если у лица, которое обращается за судебной защитой, имеется четкое представление относительно суда, к компетенции которого относится рассмотрение возникшего спора. Процессуальные отрасли права, будучи отраслями публичного права, содержат достаточно разработанные правовые механизмы, которые позволяют лицам, чьи права и законные интересы были нарушены, определить суд, в который ему необходимо обратиться за защитой своего права. Но относительно некоторых дел единообразие подходов до сих пор не выработано, что мешает достижению задач правосудия. Одним из таких дискуссионных вопросов и в теории, и на практике остается рассмотрение дел с участием нотариусов. В настоящее время рассмотрение таких дел возможно и судами общей юрисдикции, и арбитражными судами. Несмотря на, казалось бы, определённые нормы Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ, на практике зачастую сложно бывает эффективно реализовать свое право на судебную защиту. В статье автором анализируется практика применения норм процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение дел с участием нотариусов.

Ключевые слова: нотариальная деятельность, арбитражный суд, нотариальные действия, компетенция, споры, вытекающие из деятельности нотариусов, подсудность.

KULIK Tatyana Yurievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil procedural and labor law sub-faculty, Southern Federal University, Rostov-on-Don

ON THE ISSUE OF THE COMPETENCE OF ARBITRATION COURTS IN CASES INVOLVING NOTARIES

The right to judicial protection, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, can be properly implemented only if the person who applies for judicial protection has a clear idea of the court whose competence includes consideration of the dispute. Procedural branches of law, being branches of public law, contain sufficiently developed legal mechanisms that allow persons whose rights and legitimate interests have been violated to determine the court to which they must apply for protection of their rights. However, with respect to some cases, uniformity of approaches has not yet been developed, which hinders the achievement of the objectives of justice. One of such debatable issues, both in theory and in practice, remains the consideration of cases involving notaries. Currently, such cases can be considered by both courts of general jurisdiction and arbitration courts. Despite the seemingly certain norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, in practice it is often difficult to effectively exercise one's right to judicial protection. In the article, the author analyzes the practice of applying the norms of procedural legislation governing the consideration of cases involving notaries.

Keywords: notarial activity, arbitration court, notarial acts, competence, disputes arising from the activities of notaries, jurisdiction.

Процессуальные отрасли российского права отличаются своей проработанностью, точным правовым регулированием действий всех участников процессуальных отношений, правовой определённой относительно движения дела в зависимости от выбранной правовой позиции и императивно установленными правилами определения компетенции судов. Процедура рассмотрения дела должна осуществляться в рамках процессуальной формы, которая доктринально обоснована в теории процессуального права и нашла свое отражение в принятых процессуальных кодексах. Даже предоставляя участникам процессуального правоотношения выбор поведения, законодатель все равно рассматривает его в рамках процессуальной формы, ограничивая вариативность поведения участников процесса границами, которые позволяют принимать законные и обоснованные судебные акты, не нарушая при этом прав и законных интересов других лиц. Многие процессуальные институты имеют долгую историю, и в теории и на практике давно сформировались основные подходы правового регулирования. Это объясняется отчасти тем, что процессуальные отрасли прав, в отличие от материальных отраслей, не столь динамично меняются под воздействием изменяющихся общественных отношений. Прежде чем вносить изменения в процессуальные кодексы законо-

датель должен убедиться, что от этого не пострадает сама процедура рассмотрения дела, а задачи правосудия будут достигнуты без ущерба интересам граждан и организаций, которые обращаются в суд за защитой своих прав. Нельзя говорить о большем значении каких-либо процессуальных институтов перед другими, все они одинаково важны в достижении целей правосудия. Однако есть некоторые процессуальные институты, реализация которых позволяет обеспечить надлежащую защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов уже на начальном этапе. Одним из таких институтов является институт подсудности. Правильное определение компетентного суда, хотя и не гарантирует принятие законного и обоснованного решения, но является важной предпосылкой для реализации конституционного права на судебную защиту.

Компетенция арбитражных судов по оспариванию нотариальных действий недвусмысленно закреплена в пункте 9 статьи 225.1 АПК РФ. По сути, арбитражные суды полномочны рассматривать только одну категорию дел с участием нотариусов. Пункт 9 статьи 225.1 АПК РФ относит к компетенции арбитражных судов «споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью».

Перечень этот исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию. Однако законодатель не поясняет, что имеет в виду под «спорами, вытекающими из деятельности нотариусов...». Судебная практика по этому вопросу также весьма противоречива. И если в одном случае отказ арбитражных судов в рассмотрении дел по мотиву неподсудности сомнения не вызывает (хотя бы исходя из действующих норм АПК РФ), то в других случаях отказ весьма дискуссионен.

Анализируя судебную практику можно прийти к выводу о том, что для судов главное определить наличие экономического характера спора и его субъектный состав – участие в споре индивидуальных предпринимателей и/или юридических лиц. Эти критерии являются решающими для отнесения дела к компетенции арбитражных судов. И вторым вопросом, который должен решить арбитражный суд, является вопрос о том, подпадает ли дело под действие п. 9 статьи 225.1 АПК РФ.

Причем, если для гражданских дел достаточно установления характера спора (хотя на практике арбитражные суды чаще оценивают субъектный состав в качестве основного критерия для определения подсудности дела), то для отнесения дела с участием нотариуса к подсудности арбитражного суда необходимо также второе условие, императивно и исчерпывающим образом закрепленное в п. 9 статьи 225.1 АПК РФ.

Например, дела об отказе в совершении нотариального действия по обеспечению доказательств, равно как и дела, связанные с отказом в предоставлении нотариусом квитанции, очевидно к компетенции арбитражных судов не относятся (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.02.2017 № Ф07-13168/2016 по делу № А56-44176/2016). Не относятся к компетенции арбитражных судов и дела об отказе в заверении копии документов, выполненных рукописным способом (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.10.2016 № Ф07-9812/2016 по делу № А56-32774/2016), оспаривание отказа нотариуса в заверении копии согласия супруга на продажу 1/2 доли квартиры (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.12.2015 по делу № А56-186/2015).

Но в других делах правомерность отказа арбитражных судов рассмотреть дело об оспаривании отказа в совершении нотариального действия не столь очевидна.

Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в деле № А53-13901/2019, в котором предприниматель Д. просил отменить состоявшиеся судебные акты, согласился с арбитражными судами нижестоящих инстанций, которые отказались рассматривать дело по мотивам неподсудности его арбитражным судам. Хотя Д. обратился в Арбитражный суд Ростовской области с иском к нотариусу Донецкого нотариального округа Ростовской области о признании незаконным отказа в совершении нотариального действия – удостоверении договора дарения доли в размере 100% в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и возложении на нотариуса обязанности удостоверить данный договор (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.07.2019 № Ф08-6786/2019 по делу № А53-13901/2019). Суд, рассматривая дело, установил, что «предметом заявленного иска является требование о признании незаконным отказа в совершении нотариального действия – удостоверении договора дарения доли в размере 100% в уставном капитале ООО «Действительный юридический советник», а не требование о признании права на долю в уставном капитале. Предъявленные требования Д., по сути, сводятся к несогласию с отказом нотариуса совершить опре-

деленные нотариальные действия в связи с его обращением». Соответственно, по его мнению, спор не относится к подсудности арбитражных судов. Примечательно, что Верховный Суд РФ оставил в силе постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, несмотря на то, что, во-первых, имел место спор, вытекающий из деятельности нотариусов, во-вторых, эта деятельность подразумевала удостоверение сделок с долями в уставном капитале ООО.

Следовательно, по мнению арбитражных судов, требование о признании незаконным отказа нотариуса в совершении нотариального действия не подпадает под действие п. 9 статьи 225.1 АПК РФ.

В связи с этим интересно будет разобраться, какие функции выполняются судами в рамках рассмотрения дел с участием нотариусов в гражданском и арбитражном процессе, а для этого необходимо обратиться к правовому статусу нотариуса. Статус нотариуса и перечень нотариальных действий, которые он вправе совершать определены Основами законодательства РФ о нотариате, утвержденными утв. ВС РФ 11 февраля 1993 № 4462-1 (далее – Основы). Уже в ст. 1 Основ законодатель отводит нотариату значимую роль по обеспечению защиты прав и законных интересов всех участников правоотношений. Эта функция выполняется нотариусами от имени Российской Федерации и в соответствии с действующим законодательством. А их полномочие выступать от имени государства подкрепляется специальными требованиями к порядку подготовки и вступления в должность нотариуса, а также контролем за их деятельностью, который осуществляют как органы профессионального сообщества – Федеральная нотариальная палата, так и компетентные государственные органы – Министерство юстиции РФ. Предусмотрен в Основах и судебный контроль за деятельностью нотариусов. Так, в ст. 33 Основ предусмотрена возможность обжалования в суде отказа в совершении нотариального действия или неправильное его совершение. Таким образом, в компетенцию судов входит осуществление контроля за совершением нотариальных действий.

Так, Конституционный Суд РФ в своем Определении от 30.05.2024 по делу № 1305-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мамонтова Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 47 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» указал, что судебным контролем обеспечивается соблюдение «принципов беспристрастности и независимости нотариусов».

По мнению С. С. Шестало, в рамках судебного контроля осуществляется последующая проверка законности совершенных действий [3]. Тем самым, суды, не вмешиваясь в установленную законодателем процедуру совершения определенных действий уполномоченными органами государственной власти или иными органами и организациями, обеспечивают защиту прав, которые могли пострадать в случае нарушения данной процедуры.

Традиционно судебный контроль рассматривается авторами применительно к делам с участием публично-властных субъектов. В то же время, например, В. Р. Беспалова отмечает, что применение судебного контроля гораздо шире и включает в том числе контроль за нотариальной деятельностью [1]. Кроме того, по ее мнению, судебный контроль относится к функции суда, которая раскрывается через призму принадлежащих ему полномочий по проверке законности принятых решений и совершенных действий (бездействия). Таким образом, в рамках судебного контроля суд, так или иначе,

проверяет компетенцию органа государственной власти, иного органа или организации, порядок совершения ими действий или основания для отказа в их совершении, последствия для реализации прав заинтересованными лицами. Отсюда можно говорить о том, что в отношении нотариальной деятельности суды осуществляют такой же контроль, что и в отношении органов государственной власти, местного самоуправления, иных органов и организаций.

Анализ научной литературы позволяет говорить о том, что авторами выделяют два вида судебного контроля за деятельностью нотариусов – прямой и косвенный. Первый подразумевает проверку законности совершенных нотариальных действий или обоснованности отказа в их совершении. И порядок деятельности судов при осуществлении этой проверки определяется главой 37 ГПК РФ и правилами особого производства. В рамках прямого же контроля, но уже по правилам искового производства осуществляется рассмотрение исков о возмещении имущественного вреда, который был причинен нотариусами при осуществлении нотариальных действий [3].

Косвенный контроль подразумевает, что нотариус не является стороной спорного материального правоотношения. Сам спор возникает между лицами, которые, например, заключили договор, заверенный нотариально. При этом нотариус привлекается в процесс, который будет регулироваться правилами искового производства, для помощи стороне, в качестве третьего лица. Другими словами, участие нотариуса в таком процессе обусловлено потенциальной угрозой предъявления к нему впоследствии иска в связи с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей и то не всегда, а лишь в случае, когда под сомнение будет поставлен правомерность действия нотариуса [2].

Примечательно также, что процессуальные кодексы содержат иную терминологию по сравнению с Основами. Так, в ч. 1 ст. 49 Основ лицу, которое считает неправильными совершение нотариального действия или отказа в их совершении, предлагается *обжаловать* такие нотариальные действия или отказ в их совершении, обратившись в суд с *жалобой*. Тогда как глава 37 ГПК РФ, предусматривающая порядок рассмотрения таких дел, подразумевает подачу заявления. Конечно, обращение в суд с заявлением больше отвечает сущности особого производства. Однако применительно к делам с участием нотариуса все же правильнее было бы исключение этой категории из дел, относящихся к особому производству, ввиду отличия в правовой природе. Дела особого производства подразумевают отсутствие спора о праве. В рамках особого производства устанавливаются факты, правовой режим которых не определен или недостаточно определен. Применительно к делам с участием нотариусов суд осуществляет контроль за правильностью совершения нотариальных действий, который, по сути, сходен с судебным контролем, осуществляемым за публично-властными субъектами. Суд не устанавливает факт, он анализирует основания для совершения нотариального действия или отказа в его совершении и делает вывод об их соответствии или несоответствии закону. Следовательно, и форма обращения в суд должна быть приведена в соответствие с сущностью производства. Но поскольку жалоба предусмотрена процессуальными кодексами как форма обращения в суды проверочных инстанций, часть 1 ст. 49 Основ необходимо привести в соответствие с действующим ГПК РФ и АПК РФ, предусмотрев, что заинтересованное лицо обращается в суд с заявлением (исковым

заявлением в случае, когда дело с участием нотариуса рассматривается в рамках искового производства.

Возвращаясь к разграничению компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, следует определить, что законодатель понимает под экономическим спором.

В теории процессуального права не раз ставился вопрос о законодательном закреплении если не дефиниции экономического спора, то хотя бы четких критериев того, что к экономическому спору можно отнести. Однако до сих пор этот вопрос до конца не решен ни в науке, ни в правоприменительной практике. При теоретико-методологическом обосновании понятия экономического спора ученые исходят либо из вида деятельности, в котором чаще всего такие споры возникают, либо из характера последствий, с которыми чаще всего сталкиваются стороны спора. Нетрудно заметить, что законодатель в ст. 27 АПК РФ выбрал первый подход к определению экономического спора – вид деятельности, с которой чаще всего связаны спорные правоотношения. По мнению законодателя, экономический спор вытекает из предпринимательской и иной экономической деятельности. Несмотря на то, что в АПК РФ при определении компетенции арбитражных судов на первое место поставлен именно характер спора, суды по-прежнему за основу берут субъектный состав спора, руководствуясь правилом: если в споре участвуют юридические лица или индивидуальные предприниматели, то спор относится к подсудности арбитражного суда.

Что касается последствий, которые может повлечь экономический спор, то чаще всего выделяется имущественный характер таковых. Хотя, если обратиться к особенностям предпринимательской деятельности, а тем более иной экономической деятельности, то можно увидеть, что вред может быть причинен не только имущественным интересам лица, но и его немущественным интересам. Так, например, арбитражные суды в силу прямого указания ст. 27 АПК РФ рассматривают дела, связанные с защитой деловой репутации в сфере предпринимательской деятельности. Подтверждает этот вывод и Верховный Суд РФ, который отнес деятельность товарищества собственников жилья к иной экономической, а поэтому в случае предъявления иска о защите деловой репутации товарищества, дело должно рассматриваться в арбитражном суде. Конечно, применительно к юридическим лицам споров, влекущих немущественные последствия для организаций, не так уж много по сравнению со спорами имущественного характера, но их нельзя сбрасывать со счетов и сводить экономический спор только к имущественным последствиям.

Казалось бы, ответ на вопрос, что можно отнести к экономической деятельности и, следовательно, к экономическому спору можно найти в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, утвержденном Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. Само его название говорит о том, что в нем должен содержаться перечень этих видов и предполагается, что полный. Однако при его изучении становится понятно, что нотариальная деятельность также относится к видам экономической деятельности. И если брать за основу определения компетенции арбитражного суда характер спора – экономический, т.е. вытекающий из предпринимательской или *иной экономической деятельности*, то и дела с участием нотариусов следует относить к компетенции арбитражных судов, а не судов общей юрисдикции.

Оказание нотариусами услуг, согласно ОКВЭД, находится в разделе М, включающем деятельность профессиональ-

ную, научную и техническую. Примечательно, что наряду с работой нотариусов, сюда же включена и деятельность арбитров и патентных поверенных, а также деятельность судебных приставов и третейских судей. Другими словами, в данном разделе отсутствует сколь-нибудь логичное и перечисление видов деятельности в области права. Более того, в него включены категории видов деятельности, которые имеют кардинально отличающуюся правовую природу. Ведь судебные приставы представляют собой государственных гражданских служащих, тогда как нотариусы не относятся к таковым. Нотариат подразумевает профессиональное сообщество, которому предоставлено исключительное право по осуществлению нотариальной деятельности. Более того, государственная служба исключает возможность заниматься иными видами оплачиваемой деятельности. Тогда как, например, патентные поверенные профессионально оказывают возмездные услуги в сфере оформления прав на результаты интеллектуальной деятельности. Отсюда следует вывод, что ОКВЭД, несмотря на название, не может служить отправной точкой для окончательного определения видов экономической деятельности. Более того, работа судебных приставов не может быть отнесена к экономической деятельности, поскольку, будучи государственными гражданскими служащими, судебные приставы выполняют функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в этой сфере (ст. 1 Федерального закона от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В общем то, если анализировать определение экономической деятельности, данное в самом классификаторе, то можно выделить несколько признаков такой деятельности. Во-первых, в рамках экономической деятельности используются различного рода ресурсы, которые могут быть как материальными, так и нематериальными. Во-вторых, использование этих ресурсов осуществляется в рамках процесса, конечной целью которого является либо производство продукции, либо предоставление услуг. Другими словами, для экономической деятельности прослеживается цепочка: затраты – процесс – результат.

В целом, характеристика экономической деятельности, которая закреплена в ОКВЭД, хотя и условно, но может применяться к нотариальной деятельности. Поэтому к компетенции арбитражных судов могут быть отнесены споры с участием нотариусов.

Также интересным является и токование самого понятия «спор». Если обратиться к семантике слова «спор», то можно увидеть, что большинство толковых словарей толкует его как разногласие, взаимное притязание, обсуждение, где каждый отстаивает свою точку зрения. Следовательно, в рамках спора всегда присутствуют как минимум две стороны, которые отстаивают свою точку зрения, приводя аргументы. Применительно к делам с участием нотариусов также можно увидеть наличие определенного разногласия между лицом, который обращается к нотариусу за совершением нотариального действия, и самим нотариусом, который в его совершении отказывает. Чаще всего, как показывает судебная практика, речь идет именно о разрешении судом разногласий в этой сфере.

Тем не менее, в приведенном примере из практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А53-13901/2019 вывод о неподсудности дела арбитражному суду

не столь очевиден (хотя и Верховный Суд РФ подтвердил вывод нижестоящих судов (Определение Верховного Суда РФ от 15.11.2019 № 308-ЭС19-18570 по делу № А53-13901/2019)).

В связи с этим, необходимо внести определенность в компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению дел с участием нотариусов. Для этого целесообразно все дела с их участием передать в компетенцию судов общей юрисдикции. Это можно аргументировать не только тем, что суды общей юрисдикции рассматривают большую часть дел с участием нотариусов и знакомы со спецификой законодательства о нотариальной деятельности. Роль нотариусов в тех же корпоративных спорах не сводится только к удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Поэтому объяснить отнесение именно этих споров к компетенции арбитражных судов только лишь их корпоративным характером нельзя. По всем другим делам заинтересованные лица все равно обращаются за судебной защитой в суд общей юрисдикции. Поэтому в целях унификации судебной практики и формирования эффективной судебной защиты целесообразно упростить и сделать максимально понятной и определенные компетентного рассматривать возникший спор суда.

Пристатейный библиографический список

1. Беспалова В. Р. Правовая природа судебного контроля в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 5. – С. 3-6.
2. Анисимова А. А., Бевзенко Р. С., Белов В. А. и др. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / Под ред. Д. Я. Малешина. – М.: Статут, 2018. – 719 с.
3. Шестало С. С. Понятие и виды судебного контроля // СПС КонсультантПлюс. – 2024 (дата обращения: 25.10.2024).

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Новосибирский ордена Жукова военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доцент кафедры гражданского и уголовного права, Сибирский государственный университет путей сообщения

БЫКОВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и уголовного права, Сибирский государственный университет путей сообщения

МИНЯЙЛЕНКО Николай Николаевич

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ СТОРОН КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

На основе краткого анализа нормативной правовой базы, доктринальных источников и правоприменительной (судебной) практики в публикации исследованы понятие, процессуально-правовая природа мирового соглашения и его значение как элемента системы примирительных процедур при осуществлении правосудия по гражданским делам. Наряду с этим, рассмотрены правомерные условия его заключения сторонами по гражданскому делу, процессуальная форма оформления и утверждения судом, а так же новеллы правового механизма его исполнения.

Ключевые слова: примирительные процедуры, система, элемент, мировое соглашение, понятие, правовая природа, значение, правовые основы, доктринальные подходы, правоприменительная практика, заключение, форма, правовые последствия, исполнение.

MOGILEVSKIY Grigoriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty, Army general I. K. Yakovlev Novosibirsk order of Zhukov of the Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Siberian State University of Railway Engineering

BYKOVSKAYA Elena Anatoljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of Civil and criminal law sub-faculty, Siberian State University of Railway Engineering

MINYAYLENKO Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Civil process sub-faculty, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation

AMICABLE AGREEMENT OF THE PARTIES AS ELEMENT OF THE SYSTEM OF CONCILIATION PROCEDURES IN CIVIL PROCEEDINGS

Based on a brief analysis of the regulatory legal framework, doctrinal sources and law enforcement (judicial) practice, the publication examines the concept, procedural and legal nature of the settlement agreement and its importance as an element of the system of conciliation procedures in the administration of justice in civil cases. Along with this, the lawful conditions for its conclusion by the parties in a civil case, the procedural form of registration and approval by the court, as well as the novelties of the legal mechanism for its execution are considered.

Keywords: conciliation procedures, system, element, amicable agreement, concept, legal nature, meaning, legal basis, doctrinal approaches, law enforcement practice, conclusion, form, legal consequences, enforcement.

Исследование мирового соглашения сторон как элемента системы примирительных процедур в гражданском судопроизводстве с точки зрения теоретико-правового содержания — с одной стороны, а так же с правоприменительно-ориентированных позиций — с другой, детерминировано безусловным постулатом: в современном гражданском процессе временные параметры и процессуальные ресурсы имеют крайне высокую ценность. В связи с этим, совершенно очевидно, что мировое соглашение представляет собой эффективный по времени и экономный по процессуальным средствам правовой механизм урегулирования материально-правовых споров [1].

Наряду с изложенным, реализация правового института мирового соглашения позволяет участникам гражданского процесса урегулировать спор на выгодных друг для друга условиях, снизить или предотвратить финансовые потери, сохранить репутацию, обеспечить формирование партнерских деловых отношений между сторонами конфликта.

Процессуально-правовой основой излагаемых авторами суждений выступает ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ), где

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от

одной из задач гражданского судопроизводства помимо правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел, является также укрепление законности, правопорядка и формирование уважительного отношения к закону и суду путем способствования мирному урегулированию споров. В свете данной позиции законодателя обратим внимание так же и на то, что в 2019 г. в ГПК РФ федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ была введена глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение»². Однако, несмотря на внесенные изменения, на данный момент как в процессуальном законодательстве, так и в доктринальных подходах, а вместе с тем и в проваприименительной практике продолжает оставаться значительное количество дискуссионных вопросов. Одним из них является проблема, касающаяся юридической природы и содержания мирного соглашения в гражданском судопроизводстве, что в свою очередь вызывает сложности применения его отдельных положений, лежащие в основе ограниченного правоприменения. Косвенно это способствует определенному числу судебных ошибок, которые совершают суды при утверждении мирного соглашения или отказе в его принятии. Стоит отметить, что из-за этой проблемы формируются порой ошибочные правовые позиции по вопросам мирного соглашения в гражданском судопроизводстве на уровне судов всех судебных инстанций.

Примечательно, что несмотря на то, что сам термин «мировое соглашение» активно используется в нормах действующего как материального, так и процессуального законодательства, тем не менее, законодателем он нигде легально не раскрывается, что представляется значительным пробелом в праве. К слову, введенная в 2019 г. в ГПК РФ глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», так и не дает легального определения мирного соглашения. Названные вновь введенные законоположения лишь практически полностью повторяют гл. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³, что свидетельствует о достаточно длительном их применении для разрешения споров в арбитражном судопроизводстве.

Следствием того, что в законодательстве отсутствует определение мирного соглашения, явились разнообразные интерпретации данного термина в литературе и изложение разных подходов к пониманию его правовой природы. Вкратце рассмотрим разные точки зрения авторов о понятии, сущности и содержании мирного соглашения.

Так, по мнению П. В. Крашениникова, мирное соглашение (соглашение о примирении) представляет собой договор, заключаемый сторонами спора на взаимосогласованных ими условиях и подлежащий обязательному утверждению судом [2].

Схожей позиции придерживается А. А. Власов, указывая, что мирное соглашение является добровольным волеизъявлением сторон, которое направлено на достижение определенности в их отношениях с целью окончания процес-

са путем саморегулирования правового конфликта. Кроме того, автор более полно раскрывает смысл определения, обозначая, что мировое соглашение представляет собой добровольное урегулирование сторонами возникшего между ними правового спора, и в большинстве случаев содержанием мирного соглашения являются взаимные уступки, к которым стороны прибегают для разрешения возникшего спора [3].

Как утверждает А. А. Мохов, мировое соглашение — это процессуально закрепленное волеизъявление сторон, направленное на установление ясности и определенности в правоотношениях между ними с целью завершения процесса путем самостоятельного урегулирования правового конфликта [4].

К. А. Исмаилова считает, что судебное мировое соглашение — это сделка, заключенная сторонами при рассмотрении дела и утверждённая судом, по которой истец и ответчик путём взаимных уступок по-новому определяют свои права и обязанности, и прекращают возникший между ним спор [5].

В комментарии Ю. Ф. Беспалова к ст. 39 ГПК РФ отмечается, что мировое соглашение обладает двойственной природой и представляет собой не только процессуальный акт, но в некоторых случаях выступает как гражданско-правовой договор [6]. Оно является взаимным договором сторон об условиях прекращения спора. Заклячая мировое соглашение, как правило, истец уменьшает или изменяет свои требования, а ответчик соглашается с такими условиями, улучшающими его положение.

Нельзя обойти вниманием и позицию высших судебных органов по данному вопросу. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1—О содержится следующее толкование понимания мирного соглашения — это соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок как одно из процессуальных средств защиты субъективных прав⁴.

Сопоставив вышеизложенные различные доктринальные точки зрения, учитывая позицию высших судебных органов, авторы приходят к выводу о том, что наиболее адекватным в определении правовой природы мирного соглашения является межотраслевой подход, определяющий мировое соглашение, заключенное в рамках судебного производства, как гражданско-правовую сделку, т.е. материально правовой институт, — с одной стороны; в то же время — как институт процессуального права — с другой. Такое понимание правовой сущности мирного соглашения стало более объективным и адекватным в связи с узаконением в ГПК РФ концепции судебного примирения (по сравнению с аналогичным институтом медиации, поскольку законодательно расширены полномочия суда в отношении мирного соглашения).

Рассмотрев понятие и правовую природу мирного соглашения, представляется возможность раскрытия его значения. Оно сводится к тому, что стороны могут договориться о

08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2019. № 30.- Ст. 4099.

3 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

4 О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 № 1-О [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика» (дата обращения: 12.10.2024).

прекращении спора и закончить производство по делу самостоятельно, на условиях, которые будут устраивать обе стороны. Окончание спора данным способом позволит заключить взаимовыгодное соглашение без необходимости длительного судебного разбирательства, а также без вложения материальных (в первую очередь денежных) средств. Именно поэтому мировое соглашение как раз и представляет собой более приемлемый правовой механизм разрешения споров, чем судебное разбирательство.

Кроме того, стороны могут заключить мировое соглашение по всем исковым требованиям, и в таком случае производство по делу прекращается. Вместе с тем, мировое соглашение может быть заключено сторонами так же и в отношении части требований, но, в этом случае, производство по делу продолжается. И еще немаловажный факт: мировое соглашение может быть заключено не только на любой стадии гражданского процесса⁵, но и при исполнении судебного акта в исполнительном производстве.

Форма заключения мирового соглашения — письменная, и требуются подписи сторон или их представителей (ч. 1 ст. 153.9 ГПК РФ). Несоблюдение письменной формы влечет его недействительность. Мировое соглашение имеют право подписывать только лица, которые обладают соответствующими полномочиями. Полномочие представителя стороны на заключение мирового соглашения должно быть действующим как по времени, так и по содержанию; оно подлежит проверке судом на момент утверждения мирового соглашения.

По содержанию мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону, иначе суд откажет в его удовлетворении (ч. 2 ст. 153.8 ГПК РФ). Утверждая мировое соглашение, суд должен проверить данные обстоятельства.

Мировое соглашение порождает следующее последствие — истец лишается права обратиться в суд еще раз по тождественному иску, в ином случае суд откажет в принятии искового заявления (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ). Данное утверждение согласуется с понятием исключительности, как свойством законной силы судебного постановления.

Определение суда об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению. В течение одного месяца со дня вынесения данного определения оно может быть обжаловано в суд кассационной инстанции (ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ). Вышезаконное положение является процессуальной новеллой для отечественного законодательства, поскольку процессуальный закон исключает возможность обжаловать определение суда об утверждении мирового соглашения в апелляционном порядке (как обжалование судебных постановлений, не вступивших в законную силу). Тем самым, значительно снижается вероятность его пересмотра. Следовательно, участники споров получили дополнительные возможности для разрешения конфликта путем заключения мирового соглашения.

Резюмируя изложенное правомерно сделать вывод о том, что изложенное понятие мирового соглашения, исследуемые его свойства, условия его заключения и исполнения

совокупно обосновывают его как элемент системы примирительных процедур в гражданском судопроизводстве, а также характеризуют его как особый юридический факт в указанных отношениях.

Пристатейный библиографический список

1. Афтахова А. В. Примирительные процедуры и мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: теоретические аспекты и особенности правоприменения // Вестник Тверского государственного университета. - 2019. - № 1 (57). - С. 160.
2. Крашенинников П. В. Гражданское процессуальное право: учебник [в 2 т.] Том 1. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2022. - С. 263.
3. Власов А. А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2024. - С. 233.
4. Мохов А. А., Воронцова И. В., Семёнова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник. - М.: Контракт, 2017. - С. 109.
5. Исмаилова К. А., Алиева А. Б. Учебное пособие по дисциплине «Гражданский процесс». - М.: Статут, 2020. - С. 107.
6. Беспалов Ю. Ф. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный; 3-е изд., перераб. и доп.). - М.: Проспект, 2020. - С. 62.

5 О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2008. - № 9.

ОМАРОВ Масум Масудович

магистрант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

РАМАЗАНОВА Зарема Магомедрасуловна

магистрант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются отдельные вопросы использования электронных доказательств, проблемы законодательного регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе, законодательное отнесение доказательств к электронным, а также свойства электронных доказательств, их непосредственное влияние на судебную практику, проблемы использования электронных доказательств в судах общей юрисдикции и арбитражном суде, в данной статье изучается вопрос отнесения электронных доказательств к числу письменных в цивилистическом процессе. На современном этапе развития научно-технического прогресса и внедрение цифровых технологий вопрос о месте электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств в цивилистическом процессе играет важную роль необходимость установления и закрепления электронных доказательств в действующем законодательстве. Рассматриваются пути решения возникающих в ходе исследования вопросов законодательного урегулирования электронных доказательств.

Изучаются мнения различных ученых юристов и правоведов в данной области, в силу своей специфики электронные доказательства имеют свои свойства и признаки, благодаря которым их можно различать от письменных и вещественных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, письменные доказательства, электронный документ, цифровой носитель, цивилистический процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, средства доказывания.

OMAROV Masum Masudovich

magister student, Dagestan State University, Makhachkala

RAMAZANOVA Zarema Magomedrasulovna

magister student, Dagestan State University, Makhachkala

ELECTRONIC EVIDENCE AS AN INDEPENDENT TYPE OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

The article examines certain issues of the use of electronic evidence, problems of legislative regulation of electronic evidence in the civil process, legislative classification of evidence as electronic, as well as the properties of electronic evidence and their direct impact on judicial practice, problems of using electronic evidence in courts of general jurisdiction and arbitration courts, this article examines the issue of classifying electronic evidence as written evidence in the civil process. At the present stage of development of scientific and technological progress and the introduction of digital technologies, the question of the place of electronic evidence as an independent type of evidence in the civil process plays an important role, the need to establish and consolidate electronic evidence in the current legislation. Ways to resolve issues of legislative regulation of electronic evidence that arise during the study are considered.

The opinions of various legal scholars and legal scholars in this area are being studied; due to their specificity, electronic evidence has its own properties and characteristics, thanks to which they can be distinguished from written and physical evidence.

Keywords: electronic evidence, written evidence, electronic document, digital graphic records, civil process, arbitration process, civil process, means of evidence.

Развитие технического прогресса и цифровизации во многом повлияли на развитие электронного документа оборота, в том числе это коснулось и такой области как доказательства, в данном случае речь идет об электронных доказательствах.

Проблемные вопросы электронных доказательств на сегодняшний день остаются актуальными несмотря на многочисленные труды различных ученых и авторов, которые изучали данные вопросы, к таковым можно отнести А. Т. Боннер, М. К. Треушников, А. П. Вершинин. Действующее гражданское и арбитражное законодательство не имеет четкого регулирования в данной сфере, законодательство не содержит понятия электронного доказательства.

Однако Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации относит электронные доказательства к письменным, а именно в статье 71 установлено что, письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разреше-

ния дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи [1].

Такая же норма содержится и в статье 75 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации, однако наряду с этим необходимо выделить часть 2 статьи 89 АПК РФ которая закрепляет иные документы и материалы которые могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной так и в иной форме. В данной статье законодатель не определил, что понимается под иной формой, при этом иные носители информации должны быть получены, истребованы или представлены в порядке установленном Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В юридической литературе дается следующее определение, электронные доказательства – это информация, выражаемая непосредственно в электронной форме в виде документа без документирования на бумаге.

Из данного определения следует, что юридическая сила документа, которая непосредственно хранится и обрабатывается с помощью информационных и телекоммуникационных систем, может подтверждаться электронной цифровой подписью. Так, в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» закреплено понятие электронной подписи, это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией, и которая используется для определения лица, подписывающего информацию.

Более развернутое понятие того, что является электронным документом дается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

В данном постановлении ВС РФ указывает, что документом в электронном виде является электронный образ документа или электронный документ. Эти два понятия необходимо правильно различать между собой.

Электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) – это переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [2].

Исходя из данного определения видно, что электронным образом документа является документ, который был изготовлен в бумажной форме и в последующем при помощи информационно-технических средств перенесенный в электронную форму и заверенный электронной подписью.

Самым простым примером будет документ, переведенный в электронную форму при помощи технических средств сканирования текста, после этого документ может быть подписан электронной подписью и направлен в соответствующее учреждение или организацию через информационно-телекоммуникационные системы «Интернет» различные официальные сайты государственных учреждений, (так в качестве примера можно выделить официальный сайт Арбитражного суда Республики Дагестан, в главном меню данного сайта есть раздел «Подача документов в электронном виде», данный раздел как раз и отсылает нас к системе «Мой арбитр», благодаря которой лица, обращающиеся в суд, могут направить различные заявления и ходатайства в электронной форме).

Электронный же документ – это документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Кроме того, после принятия к производству обращения, к которому в качестве доказательств обоснованности заявленных требований приложены распечатанные копии страниц сайтов в сети «Интернет», суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания доказательств незамедлительно провести осмотр данных страниц.

Направление в суд электронных образов доказательств не лишает суд права затребовать у лица, направившего такие электронные доказательства, подлинников данных доказательств, в том числе в бумажном виде.

Действующее законодательство не относит электронные доказательства к самостоятельному виду доказательств, многие ученые юристы относят электронные доказательства к категории письменных доказательств, а другие к вещественным доказательствам.

Однако исходя из вышеперечисленных норм, содержащихся в гражданском и арбитражно-процессуальном законодательстве, можно сделать вывод, что законодатель так или иначе подразумевает распределение электронных доказательств к числу письменных доказательств, о чем свидетельствуют статьи 71 ГПК РФ и 75 АПК РФ. Но несмотря на законодательную неопределенность электронных доказательств они широко применяются на практике судов общей юрисдикции и арбитражного суда.

При этом М. К. Треушников в своей работе отмечает, что «при исследовании информации, полученной с электронных приборов фото, видеофиксации, в случаях, когда предметом исследования являются предметы материального мира, информацию необходимо исследовать в качестве вещественного доказательства, в случаях, когда суд интересуется номером автомобиля, информация должна исследоваться в качестве письменного доказательства».

Иными словами, один и тот же объект может выступать в качестве разных видов доказательств, в зависимости не от его природы, а от той информации, которую он несет.

Атрибутами, характеризующими доказательство как электронный документ, являются: создание и существование в электронном виде, а также тот факт, что документ подписан электронной подписью.

Следует отметить, что электронные доказательства по своим специфическим свойствам являются не только электронными документами и электронными образами документов, но и информацией, которая содержится в сети «Интернет», то есть это могут быть различные сайты, которые содержат в себе информацию необходимую для разрешения спора [3].

Зачастую, в качестве доказательств в различных судах представляются скриншоты с сайтов и каких либо мессенджеров (переписка между сторонами), в таком случае необходимо прежде всего правильно представить такое электронное доказательство в суд, так как в противном случае суд не примет такое электронное доказательство, об этом свидетельствует и абзац 1 пункта 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 доказательства, подтверждающие распространение определенной информации в сети «Интернет», до обращения заинтересованного лица в суд могут обеспечиваться нотариусом, при оценке таких доказательств суд не вправе признать недопустимым обеспеченное нотариусом доказательство только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети «Интернет» информацию, относящуюся к предмету спора.

Таким образом, прежде чем представлять такого рода электронные доказательства (скриншоты сайтов и т.п.) необходимо заверить содержимое страницы у нотариуса, который подтвердит то, что он видит на экране. Помимо содержания, нотариус также может подтвердить другие данные, например, контактную информацию сторон. Тот же алгоритм применяется к переписке в социальных сетях и мессенджерах – она должна быть распечатана и заверена нотариально [4].

Остановимся на конкретном примере из судебной практики. Верховный Суд Российской Федерации своим Опреде-

лением от 07.02.2023 № 5-КГ–22–144-К2 по делу о взыскании компенсации за нарушение исключительного права отменил решение и определение нижестоящих судов. Верховный Суд пришел к выводу, что, отклонив незаверенные скриншоты электронной переписки как недопустимые доказательства, несмотря на то, что в ходе судебного процесса ответчиком не было заявлено о фальсификации доказательств, «суд первой инстанции не создал необходимые условия для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела» 2030. Приведенная оценка Верховного Суда позволяет сделать следующий вывод: незаверенные скриншоты электронной переписки могут приниматься судами и оцениваться как достоверные доказательства вопреки уже устоявшейся практике заверения таких доказательств нотариусом.

Необходимо выделить мнение еще одного автора А. Т. Боннера, в своих трудах относительно электронных доказательств данный автор относит электронные доказательства к числу вещественных доказательств, основывая свое мнение на том, что электронные доказательства – это прежде всего информация в ее цифровом состоянии.

То есть, цифровой носитель, в том числе различные сайты, на которых содержится такая информация, являются вторичными и вне зависимости от носителя такая информация является электронным доказательством [5].

Исходя из этого мы видим, различные дискуссии по этому поводу, мнения разных ученых юристов и правоведов разнятся и создают два основных мнения о том, к какому же виду доказательств относятся электронные доказательства, с одной стороны, это точки зрения авторов, которые придерживаются мнения о том, что электронные доказательства относятся к письменным доказательствам так как имеют природу цифрового носителя и электронной подписи. Для них цифровой носитель занимает ключевое место, именно благодаря цифровому носителю информация в бумажном виде становится электронным документом.

Это стало возможно именно благодаря информационно-техническим средствам, которые и позволяют переносить содержимое на бумаге в электронный документ, который может в свою очередь передаваться через информационно-телекоммуникационные системы, в том числе «Интернет», в таком случае полагается, что первичным носителем информации, содержащейся в документе электронного образа, будет прежде всего бумажный носитель, документ благодаря которому информация была преобразована в цифровой вид на персональном компьютере.

Данный документ электронного образа и электронный документ, который в свою очередь был создан изначально благодаря информационно-техническим средствам (под ними мы понимаем персональный компьютер на котором был создан электронный документ), может передаваться через информационно-телекоммуникационные системы и важным условием достоверности такой информации и ее принятия в базах данных различных организаций будет наличие простой или усиленной квалифицированной электронной подписью, которая по своей сути подтверждает живую подпись своего отправителя [6].

В данной ситуации при необходимости представления электронных доказательств необходимо помнить о нормах гражданского и арбитражного законодательства, а также разъяснениях Верховного суда Российской Федерации о том, каким образом необходимо подтвердить информацию из сети «Интернет» и других источников если такая информа-

ция будет готовиться для представления в суд в качестве доказательства в виде скриншота с сайта или мессенджера, речь идет об обеспечении такого доказательства непосредственно в нотариальном порядке, нотариус заверит такой документ, видя данную информацию на сайте.

С другой стороны, нельзя пропустить и мнение тех ученых и юристов, которые придерживаются позиции отнесения электронных доказательств к числу вещественных доказательств, так как сама по себе информация, содержащаяся в сети «Интернет» и других источников, автоматически становится электронным доказательством, а следовательно может быть изучена и исследована непосредственно судом на заседании, то есть в данном случае цифровой носитель занимает вторичное место, так как такая информация может изучаться в определенное судом время и место.

На наш взгляд, рассмотрение правовой природы электронных доказательств в условиях современной цифровизации невозможно без учета специфики конкретного доказательства.

Если анализировать конкретный вид электронных доказательств, например, скриншот из мессенджера, содержащий переписку сторон, то с точки зрения режима исследования доказательств его возможно классифицировать как письменное доказательство.

Однако, рассматривая иные электронные доказательства, например, информацию, описывающую особенности функционирования домена в сети «Интернет», можно сделать вывод о том, что такое доказательство проблематично классифицировать как вещественное или письменное, так как такая информация изначально находится в «цифре» (не на материальном носителе), ее содержание формируется как результат работы соответствующего программного обеспечения, и простое ее прочтение судом не позволит сделать каких-либо выводов относительно обстоятельств дела.

Таким образом, подводя итоги рассмотренных нами вопросов, необходимо отметить тенденцию развития электронного документооборота и информационно-технических средств, которые способствуют развитию электронного доказательства, а также непосредственно самой возможности представления таких электронных доказательств.

С каждым годом растет количество исковых заявлений и ходатайств, которые направляются в суды общей юрисдикции и арбитражные суды через их официальные сайты в электронном виде, подписанные электронной подписью, все это во многом облегчает взаимодействие сторон и суда, экономит прежде всего время тех лиц, которые обращаются за судебной защитой своих прав, находясь на большом расстоянии от места проведения судебного заседания.

Целесообразно выделить электронные доказательства в отдельный вид доказательств, дать законодательное закрепление электронным доказательствам и тем самым разграничить электронные доказательства от письменных и вещественных доказательств, выделить их в отдельную категорию и дать четкое определение тому, что же все-таки понимается под электронными доказательствами [7].

В связи с этим хотим выделить и предложить законодательно закрепить как в Гражданско-процессуальном кодексе РФ так и в Арбитражно-процессуальном кодексе РФ следующее понятие электронных доказательств: электронное доказательство – это информация и данные, существующие в электронном виде и содержащие значимую для правильного рассмотрения и разрешения дела информацию, размещен-

ную на материальном носителе и в ином информационно источнике.

При этом необходимо определить, какая информация будет относиться к электронным доказательствам, в связи с чем целесообразно закрепить законодательно критерии и признаки, которые позволяют отнести документ и информацию к электронным доказательствам.

А именно закрепить такие признаки электронного доказательства как:

1) электронная форма создания или же преобразования с бумажного носителя на электронный;

2) подписание такого документа электронной подписью;

3) наличие сведений, которые имеют значение для разрешения и рассмотрения дела.

Также необходимо закрепить на законодательном уровне перечень документов и соответственно информации, которая будет относиться к электронным доказательствам, что позволит четко разграничить электронные доказательства от вещественных и письменных, такое закрепление перечня документов во многом окажет содействие лицам, участвующим в деле, в представлении электронных доказательств в суд, в их правильном оформлении и собирании.

Такой перечень документов, относящихся к электронным документам, даст ясность и исчерпывающий перечень электронных доказательств, в первую очередь, это повлияет на работу судов, улучшит судебную практику судов первой инстанции и даст новый толчок для вынесения судами справедливого и законного решения.

Хотим выделить примерный перечень электронных доказательств, а именно:

1) электронный документ;

2) документ электронного образа;

3) сайты различных интернет-ресурсов, содержащие информацию, имеющую значение для правильного и своевременного рассмотрения дела;

4) аудио файлы записанные на цифровых носителях;

5) лог-файлы;

6) иные виды электронных доказательств отвечающих признакам электронного доказательства.

Вышеизложенное предложение позволит закрепить гарантии использования электронного доказательства, его достоверность, порядок исследования и правовые критерии к форме электронного документа.

Мы видим, что перед законодателем стоит огромная задача по внедрению изменений в действующее законодательство, необходимое для правильного регулирования отношений в области гражданского и арбитражно-процессуального права, так как научно-технический прогресс и век цифровых технологий двигают порядок и правила представления доказательств на совершенно новый уровень, который требует особого внимания со стороны нормативно-правового регулирования, дабы обеспечить законность и правомерность использования различных видов информации в информационном пространстве.

В целом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день проблема электронных доказательств является актуальной в связи со все нарастающими процессами цифровизации общества.

Несмотря на недочеты, электронные способы оформления процессуальных правоотношений с использованием информационных технологий положительно сказываются на конструктивном взаимодействии с государственными ор-

ганами, содействуют оперативному доступу к правосудию, способствуя его открытости.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процесс: учебное пособие для вузов / М. Ю. Лебедев [и др.]; под редакцией М. Ю. Лебедева. – 14-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С. 138-145.
2. Практика применения арбитражного процессуального кодекса РФ / И. В. Решетникова [и др.]; ответственный редактор И. В. Решетникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – С. 300-306.
3. Зигалов И. А. Электронные доказательства в гражданском процессе: проблемы применения и представления // Гражданское право и процесс. – 2019. – № 5 (2). – С. 136-138.
4. Кожич И. С., Рогачева В. Н. Аудио и видеозаписи как средство доказывания в гражданском процессе // Научный лидер. – 2022. – № 24 (69).
5. Боннер А. Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 22-38.
6. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 44-46.
7. Емалтынов А. Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 5. – С. 31-35.

ОРДАШОВА Анисат Шайхмагомедовна

магистрант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

АХМЕДОВА Джамия Магомедовна

соискатель кафедры гражданского процесса, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ С ПРИНЦИПОМ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье проводится сравнительный анализ диспозитивности и состязательности как принципов гражданского судопроизводства. Отмечается проблема определенности данных основополагающих идей в юридической науке. Обращается внимание на единство диспозитивности и состязательности, выраженное в направленности данных принципов на защиту прав личности при осуществлении судопроизводства и в справедливом исследовании фактических обстоятельств дела. Отмечается, что диспозитивность и состязательность сочетают в себе качественные характеристики принципов права и, одновременно, метода правового воздействия; имплементируются в нормы права, составляя особый институт в системе права. Обе категории предполагают инициативу и активность субъектов процесса, необходимые для достижения ими своих целей. Состязательность выступает важным фактором реализации диспозитивности, равно как диспозитивность является гарантией осуществления состязательности.

Ключевые слова: принципы гражданского судопроизводства, состязательность, диспозитивность, активность суда, представление доказательств.

ORDASHOVA Anisat Shayikmagomedovna

magister student, Dagestan State University, Makhachkala

AKHMEDOVA Djamilya Magomedovna

competitor of Civil process sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

THE RELATIONSHIP OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION WITH THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN CIVIL PROCEEDINGS

The article provides a comparative analysis of dispositivity and competitiveness as principles of civil proceedings. The problem of the certainty of these fundamental ideas in legal science is noted. Attention is drawn to the unity of dispositivity and competitiveness, expressed in the orientation of these principles to protect the rights of the individual in the conduct of legal proceedings and in a fair study of the factual circumstances of the case. It is noted that dispositivity and competitiveness combine the qualitative characteristics of the principles of law and, at the same time, the method of legal influence; they are implemented into the norms of law, forming a special institution in the legal system. Both categories presuppose the initiative and activity of the subjects of the process necessary to achieve their goals. Competitiveness is an important factor in the implementation of dispositivity, as well as dispositivity is a guarantee of the implementation of competitiveness.

Keywords: principles of civil proceedings, adversarial nature, dispositivity, activity of the court, presentation of evidence.

Осмысление и анализ какого-либо принципа в изоляции от других не отражает его истинной роли и места в рамках конкретной отрасли права. Действительно, каждый принцип, независимо от его значимости, взаимодействует с другими, формируя единую систему, направленную на достижение общих целей. Такое взаимодействие не только подчеркивает целостность и согласованность принципов, но и позволяет каждому из них проявить себя в различных аспектах процессуальной работы. В итоге, их коллективное влияние на процесс правоприменения, особенно в сфере гражданского судопроизводства, становится ключевым фактором, определяющим эффективность и справедливость судебного разбирательства.

В данном аспекте, в доктрине процессуального права подчеркивается, что принципы не объединяются случайно. Они формируют систему, где каждый элемент важен и взаимосвязан с остальными, следуя общим целям и задачам. Эта система принципов создает уникальное качество, необходимое для определенного вида судебного производства. Без такой интеграции и согласованности принципов, судопроизводство не смогло бы функционировать как единое целое.

В каждой специфической области права уникальна своя система основополагающих принципов. Понимание этой

системы в общем виде открывает понимание целей и задач, для которых предназначен каждый принцип в её составе. В. С. Букина утверждает, что система принципов, на которой базируется гражданское процессуальное право, представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, объединённых общими целями и гарантиями, выраженных в нормах права. В то же время, утверждение о том, что система принципов процессуального права является неделимой, подчёркивает, что не существует отдельных принципов, которые могли бы применяться исключительно к определённым стадиям процессуальной деятельности или конкретному процессуальному институту [2].

Рассуждая о том, как с 1995 года изменилась роль судебной системы в процессе представления доказательств, теперь преимущественно возложенной на участников судопроизводства, мы не можем не задуматься о важности принципов, на которых строится гражданское судопроизводство. Ведь именно их взаимодействие определяет, насколько эффективным и демократичным будет процесс судопроизводства. Анализируя нормы гражданского процессуального законодательства важно подчеркнуть, что целесообразность оценки принципа состязательности можно понять только рассматривая его в контексте со всеми другими принципами.

В основе гражданского судопроизводства лежит диспозитивность, подразумевающая активное участие и инициативу сторон в деле. Эта концепция тесно связана с принципом состязательности, который невозможен без предварительного закрепления его в законодательстве. И. А. Евдотьева подчеркивала, что без принципа состязательности, являющегося ключевым для гражданского процесса, невозможно эффективное осуществление и реализация диспозитивных прав и обязанностей сторонами. Таким образом, диспозитивность, являясь основополагающим началом, направляет стороны к активному и ответственному участию в судебном процессе.

Гукасян Р. Е. подчеркнул, что личная заинтересованность сторон является ключевым фактором для продвижения гражданского судопроизводства, говоря о том, что они выступают в роли основания возбуждения дела. В контексте судебного разбирательства, когда ставится вопрос о защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов, логично, что стороны обладают возможностью воздействовать на судопроизводство в гражданских делах. Такая возможность обусловлена принципом диспозитивности, который отражает их право на участие в процессе. В процессе анализа эволюции гражданского процессуального права, наблюдается изменение ключевых аспектов и взаимосвязей между элементами принципа диспозитивности, хотя его существенная значимость остается неизменной [3].

В. В. Самсонов продвигал идею, что для понимания принципов диспозитивности и состязательности важно смотреть на них под разными углами. Он утверждал, что диспозитивный принцип тесно связан с тем, как начинается, развивается и завершается процесс, а также с возможностью сторон управлять правом, которое вызывает спор. С другой стороны, суть состязательного принципа Самсонов видел в создании таких условий в судопроизводстве, где обе стороны конфликта - как истец, так и ответчик - имеют право самостоятельно выбирать и предоставлять доказательства, необходимые для обоснования своих позиций и возражений против аргументов противоположной стороны [6].

Автор выдвигает мысль, что диспозитивный принцип дает участникам процесса свободу в управлении как своими материальными, так и процессуальными правами. Это подразумевает не только право на возбуждение, ведение и завершение судебного разбирательства, но и определение его пределов и объема защиты. В отличие от этого, принцип состязательности обязывает обе стороны представлять доказательства в поддержку своих позиций и встречных аргументов, налагая ответственность за исход дела на сами стороны.

В судебном процессе ключевую роль играют действия участников, влияющих на его начало, ход и переход от одной стадии к другой. Основанием для рассмотрения споров служат факты, представленные сторонами, что подчеркивает их активную роль в доказывании своих позиций и возражений против аргументов другой стороны. Этот подход, признающий активность и самостоятельность участников в имущественных и сопутствующих неимущественных спорах, отражает принцип диспозитивности, который остается неизменно важным на протяжении всей истории гражданского процессуального права.

В контексте судебного разбирательства, когда дело представляет собой спор между сторонами, стремящимися доказать свою правоту, они не только обязаны собрать и представить доказательства, но также имеют право использовать свои юридические возможности для защиты. Суть состязательного процесса заключается в том, что роль судьи - решить спор на основании представленных данных, в то время как участники должны представить все необходимые аргументы в словесной форме для выявления истины. Эта концепция, впервые предложенная Т. М. Яблочковым и позже расширенная А. А. Ференс-Сороцким, подчеркивает зна-

чимость активного участия сторон в процессе для обеспечения справедливого разрешения спора.

Изложение Т. В. Докучаева подчеркивает, что принцип состязательности в традиционной теории тесно связан с защитой индивидуальных прав, которые являются предметом спора между сторонами. Поскольку интерес к гражданскому праву имеет значение лишь для его владельца, следовательно, его защита в судебном порядке должна зависеть от желания субъекта права [4].

Дальнейшая связь между диспозитивностью и состязательностью проявляется на стадии подачи искового заявления. Здесь заявитель не только самостоятельно определяет предмет и объем исковой защиты, следуя принципу диспозитивности, но также излагает основания своих претензий и предоставляет соответствующие доказательства их поддержки, что позволяет суду принять во внимание обе стороны спора.

В процессе гражданского судопроизводства, когда истец решает, как принимать участие — лично или через посредника, он не просто использует своё право выбора, но и формирует метод своего участия в судопроизводстве для выяснения истины. Это решение включает в себя возможность участия в процессе других участников, таких как соистцы или третьи лица, тем самым расширяя список лиц, участвующих в доказывании и обогащая процесс разнообразными аргументами и доводами. С другой стороны, когда истец отправляет ответчику материалы и исковое заявление, это не только знаменует начало судебного разбирательства, но и предоставляет ответчику возможность активно участвовать в разрешении конфликта. Получив информацию о деле, ответчик получает возможность либо добровольно удовлетворить требования истца, либо пойти на мировое соглашение. Это действие подчёркивает последнее как часть принципа состязательности в рамках правил, определённых в статье 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Изменение предмета иска и направления доказательственной работы истца часто связано с анализом уже пройденных этапов судебного процесса. Истец обычно рассматривает аргументы, представленные ответчиком, свидетельские показания и результаты рассмотрения доказательств, прежде чем приступить к корректировке своих первоначальных требований. Этот процесс наглядно показывает, как важно для сторон обладать возможностью диспозитивно управлять своими правами в рамках судебного разбирательства. Ведь даже уже представленные доказательства могут оказаться недостаточными для подтверждения новых требований, что подчеркивает значимость внесения новых данных для успешного обоснования изменений в искомом заявлении.

В процессе судебного разбирательства, истец может решить изменить свои требования к ответчику, либо увеличив их объем, либо сократив. Это действие основано на принципе диспозитивности, который позволяет сторонам самим управлять своими правами и обязанностями в рамках дела. Подобное решение со стороны истца не только отражает ход разбирательства, но и стимулирует другую сторону активно участвовать в процессе, предлагая новые доказательства, привлекая свидетелей и делясь с судом своими точками зрения. Так, в статье 56 Гражданско-процессуального кодекса РФ, подчеркивается значение состязательности для судопроизводства, выраженное в активных действиях обеих сторон. Отсюда следует, что одностороннее увеличение или уменьшение требований истцом недостаточно для обеспечения справедливого разбирательства, без активного взаимодействия обеих сторон.

Для того чтобы изменить объем предъявленного иска, истец обязан не только аргументировать причины своего решения, но и представить доказательства его обоснованности. Кроме того, необходимо отразить все потенциальные возра-

жения от ответчика, что является отражением принципа состязательности в процессе.

В соответствии с статьей 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд может принять решение о мировом соглашении, отказе или признании иска, только если эти действия не нарушают закон и права других участников. Для того чтобы удостовериться в соответствии предложений сторон законодательству, суд должен провести тщательный анализ представленных аргументов и доказательств, следуя принципу состязательности. Этот процесс требует активного участия обеих сторон, которым предоставляется возможность влиять на ход судебного разбирательства, что демонстрирует взаимосвязь между принципом диспозитивности, подразумевающим инициативность участников, и принципом состязательности, определяющим динамику судопроизводства.

Важным аспектом тут является активное участие сторон, поскольку от их желания и действий в значительной мере зависит выяснение фактов по делу. Чтобы обеспечить тщательный анализ и объективное рассмотрение всех доказательств, что соответствует принципам состязательности и поиска объективной истины, необходима активная позиция заинтересованных сторон. Это подразумевает, что начало и ход судебного процесса во многом определяются желанием и возможностью сторон использовать свои права в соответствии с принципом диспозитивности.

Для того, чтобы процесс мог считаться справедливым, необходимо, чтобы участники обладали идентичными процессуальными возможностями и правами. Это создаёт условия для равноправной защиты интересов обеих сторон. Именно равноправие участников процесса становится ключевым элементом, делающим судебное разбирательство возможным и эффективным. Р. Иеринг подчёркивал важность принципа равенства, лежащего в основе идеи справедливости, указывая на его критическую роль в создании равных условий для всех участников процесса.

Для обеспечения защиты прав граждан, в процессе реформирования гражданско-процессуального законодательства должно приниматься во внимание не только упрощение процесса использования прав сторонами, но и поддержание справедливого соотношения интересов обеих сторон конфликта - истца и ответчика. Важность обеспечения равных прав участников процесса, признавалась как в прошлые времена, так и в наше время. Это, в свою очередь, предполагает наличие определённых экономических гарантий для поддержания этого равенства, как в процессуальной сфере, так и за её пределами.

К сожалению, в настоящее время судебная практика часто сводится к поверхностному упоминанию прав участников процесса, при этом редко кто затрагивает важность конкретных полномочий. Это приводит к тому, что лица, вовлеченные в судебный процесс, зачастую не знают о возможностях, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством.

Важно, чтобы в судебной системе существовали инструменты, гарантирующие равные права для участников процесса, независимо от их финансового статуса. В доктрине гражданского процессуального права часто подчеркивается, что состязательность процесса не имеет смысла без учета реального положения вещей. В. В. Самсонов акцентирует внимание на социальных барьерах, мешающих реализации принципа состязательности в гражданском судопроизводстве, таких как недостаточность государственной поддержки в предоставлении квалифицированной юридической помощи всем категориям населения, что, несмотря на положения Конституции РФ, зачастую остается недостижимым [6].

Изучение научных работ, касающихся применения принципа состязательности в гражданском судопроизводстве, выявило сложности, связанные с его осуществлением не

только в наше время. Взаимодействие ключевых принципов, таких как состязательность, равноправие участников процесса и возможность сторон влиять на его ход, способствует установлению истины по делу.

Пристатейный библиографический список

1. Алиэскеров М. А. Состязательность гражданского процесса и сущность установленных судом материальных правоотношений // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 ноября 2022 года. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2023. – С. 400-404.
2. Букина В. С. Принципы советского гражданского процессуального права (теоретические вопросы понятия и системы): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Ленинград, 1975. – 167 с.
3. Гукасян Р. Е. Проблемы интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов, 1970.
4. Докучаева Т. В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX - XX веков (Историко-правовое исследование): специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Докучаева Татьяна Васильевна. – Москва, 1999. – 181 с.
5. Салей Н. Н. О некоторых проблемах реализации принципа состязательности в гражданском процессе // Принеманские научные чтения: Сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции, Гродно, 07 апреля 2023 года. – Гродно: Учреждение образования «БИП - Университет права и социально-информационных технологий», 2023. – С. 255-259.
6. Самсонов В. В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 1999. – 146 с.

ХАНАПИЕВА Анисат Ханapieвна

магистрант, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

АХМЕДОВ Джалил Ахмедович

старший преподаватель кафедры гражданского процесса, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЗАЩИТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются образовательные права в Российской Федерации, включая право на образование, доступность образования и равенство образовательных возможностей. Описаны ключевые международные и российские нормативные акты, регулирующие защиту образовательных прав. Представлен исторический обзор развития законодательства в данной области, с акцентом на реформы 1990-х и 2000-х годов. Анализируются актуальные проблемы, такие как: нарушение права на доступное и качественное образование, дискриминация в образовательной сфере и защита прав детей с особыми образовательными потребностями. Рассматриваются государственные и общественные меры защиты образовательных прав, а также перспективы развития в условиях цифровизации и дистанционного обучения. В заключении предложены рекомендации по улучшению ситуации и преодолению существующих проблем.

Ключевые слова: образовательные права, право на образование, доступность образования, равенство возможностей, дискриминация, инклюзивное образование.

KHANAPIEVA Anisat Khanapievna

magister student, Dagestan State University, Makhachkala

AKHMEDOV Dzhaliil Akhmedovich

senior lecturer of Civil process sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

PROTECTION OF EDUCATIONAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines educational rights in the Russian Federation, including the right to education, accessibility of education, and equality of educational opportunities. Key international and Russian regulatory acts governing the protection of educational rights are described. A historical overview of the development of legislation in this area is presented, with a focus on the reforms of the 1990s and 2000s. Current issues such as the violation of the right to accessible and quality education, discrimination in the educational sphere, and the protection of the rights of children with special educational needs are analyzed. State and public measures for the protection of educational rights, as well as development prospects in the context of digitalization and distance learning, are considered. The conclusion offers recommendations for improving the situation and overcoming existing problems.

Keywords: educational rights, right to education, accessibility of education, equality of opportunities, discrimination, inclusive education.

Образовательные права являются фундаментальной частью прав человека и играют ключевую роль в развитии общества. В России защита образовательных прав имеет особое значение, так как она влияет на доступность и качество образования для всех граждан. Проблема, которая будет решаться в научной статье, заключается в анализе существующих проблем в системе защиты образовательных прав и предложении путей их решения.

Обзор литературы показывает, что тема защиты образовательных прав широко исследована как в международной, так и в российской научной литературе. Группы исследователей, которые изучали данную тематику, включают: 1) исследователей, фокусирующихся на правовых аспектах и законодательстве (например, анализ Конституции РФ и Закона «Об образовании»), 2) исследователей, изучающих социальные аспекты и проблемы дискриминации в образовании, 3) исследователей, занимающихся вопросами инклюзивного образования и поддержки учащихся с ограниченными возможностями здоровья. Между этими группами существуют как сходства, так и различия в подходах и выводах.

Для анализа правовых аспектов защиты образовательных прав в Российской Федерации использовались методы правового анализа и сравнительного правоведения.

Социальные аспекты и проблемы дискриминации в образовании исследовались с использованием такого социологического метода, как опрос. Данный метод позволил выявить конкретные случаи дискриминации и оценить их влияние на доступность и качество образования.

Вопросы инклюзивного образования и поддержки учащихся с ограниченными возможностями здоровья изучались с применением методов педагогического анализа и наблюдения. Педагогический анализ помог оценить эффективность существующих программ инклюзивного образования, а наблюдение за учебным процессом позволило выявить практические проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся с особыми образовательными потребностями.

Историческое развитие законодательства, касающегося образовательных прав в России, включает ключевые этапы и реформы, особенно в 1990-е и 2000-е годы. В этот период были приняты важные нормативные акты, которые заложили основу для современной системы защиты образовательных прав. В 1992 году была принята Конституция Российской Федерации, которая закрепила право на образование как одно из основных прав граждан. В статье 43 Конституции РФ говорится: «Каждый имеет право на образование. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях» [1, с. 145].

В 1996 году был принят Федеральный закон «Об образовании», который детализировал права и обязанности участников образовательного процесса, а также установил механизмы их защиты. Этот закон стал основой для дальнейшего развития образовательного законодательства в России. В 2012 году был принят новый Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который заменил предыдущий закон и ввел ряд нововведений, направленных

на улучшение качества образования и обеспечение равенства образовательных возможностей.

В 2000-е годы также были проведены значительные реформы в системе образования, направленные на модернизацию образовательных программ, повышение квалификации педагогов и улучшение материально-технической базы образовательных учреждений. Таким образом, историческое развитие законодательства в сфере образования в России прошло через несколько ключевых этапов, каждый из которых внес значительный вклад в формирование современной системы защиты образовательных прав.

Актуальные проблемы защиты образовательных прав в Российской Федерации включают несколько ключевых аспектов, требующих особого внимания. Во-первых, нарушение права на доступное и качественное образование остается одной из наиболее острых проблем. Финансирование образовательных учреждений часто оказывается недостаточным, что приводит к неравенству в доступе к образованию между различными регионами страны. В некоторых случаях, особенно в отдаленных и сельских районах, качество образования значительно уступает уровню, предлагаемому в крупных городах.

Во-вторых, дискриминация в образовательной сфере по признаку социального статуса, инвалидности, национальности и другим основаниям остается серьезной проблемой. Несмотря на законодательные меры, направленные на обеспечение равенства образовательных возможностей, на практике часто возникают случаи дискриминации, которые требуют вмешательства и коррекции. Например, дети из малообеспеченных семей или дети с ограниченными возможностями здоровья нередко сталкиваются с препятствиями в получении качественного образования.

В-третьих, защита прав детей с особыми образовательными потребностями, включая инклюзивное образование и поддержку учащихся с ограниченными возможностями здоровья, требует дальнейшего развития и совершенствования. Инклюзивное образование, направленное на интеграцию детей с особыми потребностями в общую образовательную среду, сталкивается с множеством вызовов, в частности, к ним относятся недостаток квалифицированных специалистов и адаптированных учебных материалов.

Государственные и общественные меры защиты образовательных прав играют важную роль в обеспечении их соблюдения и реализации. Государство, органы местного самоуправления и правозащитные организации активно участвуют в этом процессе, используя различные механизмы контроля и надзора.

Одним из ключевых инструментов контроля за соблюдением образовательных прав является прокуратура. Прокурорские проверки позволяют выявлять и устранять нарушения в сфере образования, обеспечивая защиту прав учащихся и педагогов. Как отмечает Е. А. Терещенко, «прокурорские проверки остаются самым эффективным средством борьбы с нарушениями права на образование, при их коллективной форме, при которой задействуются в проверке представители иных государственных контролирующих органов, эксперты, представители институтов гражданского общества, исключается возможность принятия решений в индивидуальном порядке, а значит, эффективность противодействия нарушениям на порядок увеличивается» [5, с. 144].

К образовательным и общественным мерам защиты образовательных прав в России относятся следующие. Уполномоченные по правам человека и по правам ребенка также играют значительную роль в защите образовательных прав. Они рассматривают жалобы граждан, проводят проверки и вносят предложения по улучшению законодательства и практики его применения. Важным аспектом их деятельности является взаимодействие с образовательными учреждениями и органами власти для обеспечения соблюдения прав учащихся.

Специализированные общественные организации, такие как ассоциации родителей, профсоюзы педагогов и правозащитные группы, также вносят значительный вклад в защиту образовательных прав. Они проводят мониторинг

ситуации в образовательных учреждениях, оказывают юридическую помощь и консультирование, а также организуют общественные кампании и акции в поддержку прав учащихся и педагогов.

Перспективы развития защиты образовательных прав в Российской Федерации требуют всестороннего анализа и учета современных вызовов. Одним из ключевых направлений реформ является цифровизация образования, которая открывает новые возможности для обеспечения доступности и качества образовательных услуг. Введение цифровых технологий в образовательный процесс позволяет расширить доступ к образовательным ресурсам, особенно для учащихся из отдаленных и сельских районов, где традиционные формы обучения могут быть ограничены.

Однако цифровизация также ставит перед системой образования ряд вызовов. Важно обеспечить равный доступ к цифровым технологиям для всех учащихся, независимо от их социального статуса и места проживания. Это требует значительных инвестиций в инфраструктуру, а также в подготовку педагогов к работе с новыми технологиями. Как отмечает Л. Н. Масленникова, «образовательные права являются фундаментальной частью прав человека и играют ключевую роль в развитии общества» [2, с. 179]. Таким образом, цифровизация должна быть направлена на укрепление этих прав и создание условий для их реализации.

Дистанционное обучение, ставшее особенно актуальным в условиях пандемии COVID-19, также требует внимания. Необходимо разработать и внедрить стандарты качества дистанционного образования, чтобы обеспечить его эффективность и соответствие образовательным требованиям. Важно также учитывать психологические и социальные аспекты дистанционного обучения, обеспечивая поддержку учащихся и педагогов в новых условиях.

Таким образом, текущее состояние защиты образовательных прав в Российской Федерации требует значительных улучшений. Исследование показало, что несмотря на наличие нормативной базы, включающей Конституцию РФ, Федеральный закон «Об образовании» и другие акты, существуют серьезные проблемы в реализации права на образование. Основные выводы исследования включают необходимость улучшения финансирования образовательных учреждений, борьбы с дискриминацией и развития инклюзивного образования.

Возможные направления для будущих исследований включают дальнейшее изучение цифровизации образования, особенно в контексте дистанционного обучения, и развитие инклюзивного образования.

Пристатейный библиографический список

1. Жуков А. П. К вопросу о системе законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере образования // Правовая политика и правовая жизнь. - 2014. - № 4. - С. 144-150.
2. Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Об итогах научно-практической конференции «Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе» // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - № 8 (153). - С. 179-190.
3. Попова И. Н. Закон «Об образовании в Российской Федерации»: воспитание и социализация несовершеннолетних // Народное образование. - 2014. - № 7 (1440).
4. Сосновская Л. Р. Конституционное право на образование и его защита в современном российском судопроизводстве // ВЭПС. - 2019. - № 2. - С. 81-84.
5. Терещенко Е. А., Иванченко Е. А., Засеев Е. А. Защита органами прокуратуры Российской Федерации права на образование и соблюдение образовательными организациями СКФО Федерального законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - № 4. - С. 132-145.

МАЛИНОВА Анна Григорьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ СЕМЬИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассмотрены проблемные вопросы гражданско-правового понимания, широко употребляемого в юридической лексике понятия «неимущественные интересы семьи». Наглядно показано, что отсутствие общепризнанного доктринального определения этого понятия обусловлено отсутствием законодательного определения родового понятия, каковым является слово «интерес». В этой связи достаточно подробно рассмотрены основные доктринальные точки зрения по определению значений этого понятия. Учитывая, что 2024 год объявлен в России Годом семьи, в работе также показано, что этому важному обстоятельству в современных юридических исследованиях уделяется недостаточное внимание.

Ключевые слова: интерес, неимущественный интерес, права, субъективные права, принадлежность, субъект права, отчуждаемость, неотчуждаемость, семья.

MALINOVA Anna Grigorjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

NON-PROPERTY INTERESTS OF THE FAMILY AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

The article discusses the problematic issues of the civil law understanding, widely used in the legal vocabulary of the concept of “non-property interests of the family”. It is clearly shown that the absence of a generally recognized doctrinal definition of this concept is due to the lack of a legislative definition of the generic concept, which is the word “interest”. In this regard, the main doctrinal points of view on the definition of the meanings of this concept are considered in sufficient detail. Given that 2024 has been declared the Year of the Family in Russia, the paper also shows that insufficient attention is paid to this important circumstance in modern legal research.

Keywords: interest, non-property interest, rights, subjective rights, belonging, subject of law, alienability, inalienability, family.

В начале работы с таким заголовком необходимо дать два пояснения. Во-первых, совершенно очевидно, что с юридической точки зрения название настоящей работы весьма уязвимо для критики. И вот почему. Поскольку семья не является субъектом права, постольку возникает естественный вопрос, а способны ли вообще интересы не субъекта права быть объектом правового регулирования? Ответ на этот вопрос будет сформулирован в заключительной части настоящей работы. Во-вторых, любая работа при изложении вопросов, связанных с рассмотрением каких-либо аспектов интереса, неизбежно должна начинаться с предисловия или введения. Необходимость такого введения обусловлена тем, что термин «интерес» не имеет не только легального, но и разделяемого большинством специалистов, доктринального определения [см.: 11]. А поскольку таких доктринальных определений понятия интерес не просто много, а очень много, постольку авторы любой работы об интересе вынуждены знакомить читателя хотя бы с наиболее популярными точками зрения и пояснять, на какую из них они ориентируются и почему.

В 1960-е годы советская цивилистическая наука одной из центральных своих проблем предопределила гражданско-правовую охрану интересов личности. В 1969 г. вышло первое на эту тему монографическое исследование, среди авторов были такие известные имена, как: О. С. Иоффе, А. А. Собчак, Ю. К. Толстой, Б. Б. Черепахин, В. Ф. Яковлев [см.: 3]. В монографии были представлены почти все важнейшие гражданско-правовые институты, применяемые к отношениям с участием граждан. Удивительно, но авторы монографии сумели воздержаться от доктринального определения понятия «интерес». Вероятно, в этой ситуации следует усмотреть яркое подтверждение влияния на русскую юридическую мысль традиций римского права. Именно римские юристы избегали точных определений правовых понятий и институтов и считали, что «всякое определение в гражданском праве опасно, ибо редкое определение нельзя опровергнуть» [см.: 21, с. 37]. С 1970-х годов поиски такого определения понятия интереса сосредоточились в основном в теории права, но и отраслевые юридические науки не оставались в стороне. В современной отечественной цивилистической доктрине сложилась достаточно стройная теория *неимущественных прав*.

Однако нельзя не заметить, что многие положения этой теории проецируются и на *неимущественные интересы*. Но если *неимущественные права* имеют довольно четкие очертания, то с *неимущественными интересами* совсем иная картина. Трудно даже представить то количество разнообразных интересов, которые не имеют связи с имуществом и уже поэтому могут называться неимущественными. Сегодня в теории права и в отраслевых науках имеется много точек зрения на определение понятия «интерес», рассмотрим кратко наиболее, на наш взгляд, значимые.

Первая точка зрения. Рассматривать интерес как общественное отношение впервые предложил Н. А. Шайкенов [см.: 27], [см.: 28]. Когда ему задали вопрос: «В чем смысл концепции интереса, предложенной Вами?», последовал ответ: «Я предлагаю различать два реальных явления – социальный и психологический интерес» [20, с. 196], «...то есть различать интерес и психологическую заинтересованность» [20, с. 197]. Казалось бы, зачем потребовалось различать эти понятия, если никто их не соединял? Но оказывается, что как раз в правоведении незадолго до этого их и соединили. Я имею в виду просто «неувядающее» учение о единстве объективного и субъективного в интересе. Теорию законного интереса, в которой интерес понимается как психологическое желание, а законный интерес как психологическое стремление, можно рассматривать как одну из не очень удачных попыток исследовать психические явления юридическим инструментарием. Что нового в юридическую мысль может внести эта теория? Психические явления, к которым относятся чувства, желания, стремления, чаяния, надежды, мечтания и т. п., и под юридическим взглядом не меняют своего содержания. Они как были, так и остаются понятиями психологии. Многолетние попытки юридической теории рассматривать интерес как явление, имеющее две стороны, субъективную и объективную, призваны показать сложность этого явления и прямо или косвенно намекнуть, что за этим явлением можно разглядеть некое отношение. Не только в работах Н. А. Шайкенова, но и в некоторых других публикациях так и утверждается, интерес – это общественное отношение. На самом же деле, это только хорошо или плохо завуалированное юридической и социологической терминологией, но всё то же психическое отношение субъекта к предмету своего интереса.

Вторая точка зрения получила более широкое распространение. Дело в том, что выработанное в психологии и социологии (и широко критикуемое самими же представителями этих наук) определение: «интерес – это осознанная потребность», в 1990-е годы обрело «новую» жизнь именно в правоведении. Новое определение: «...интерес – осознанное выражение потребности» [15, с. 209-210] было предложено А. В. Малько, однако оно просуществовало не очень долго. Уже через десять лет А. В. Малько и В. В. Субочев предложили считать, что «интерес – это осознанная необходимость удовлетворения потребности, а не необходимость в удовлетворении осознанной потребности» [16, с. 15].

Третья точка зрения получила распространение в гражданском праве. С. В. Михайлов предложил подход, объединивший две выше упомянутые точки зрения. «Интерес есть по форме общественное отношение, имеющее содержанием потребность субъекта, носящую социальный характер и проявляющуюся в осознании и реализации целей» [17, с. 26].

Четвертая точка зрения основывается на взглядах великих французских материалистов. Дени Дидро (1713–1784) в энциклопедической статье об интересе заметил, что «...это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т. п., если отвлечься от полезности для других и особенно если добавить прилагательное «личный»» [25, с. 302]. «Интересом называется предмет, – утверждал Клод Адриан Гельвеций (1715–1771), – с которым каждый человек соответственно характеру связывает свое благосостояние» [1, с. 89]. Отечественная философская и юридическая мысль не обошла вниманием эти взгляды. Академик А. М. Деборин (1881–1963) переформулировал мнение Гельвеция в более краткую форму: «Интерес есть то, что каждый человек считает необходимым для своего счастья» [4, с. 28]. Очень похожая позиция у И. А. Ильина (1883–1954), он считает, что «интересом следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему необходимо или важно» [6, с. 62]. Слово «благополучие» стало основой для такой содержательной формулировки в Манифесте об отмене крепостного права в России: «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона» [22, с. 31]. Заметим, что именно такое покровительство осуществляет и современное законодательство, беря правомерные интересы под свою защиту и охрану. Эта точка зрения сформулирована в следующем определении: «интересы – это условия благополучия субъекта, зависящие от его способности создавать, выбирать и использовать конкретные возможности для удовлетворения своих социально адекватных потребностей в системе общественных взаимодействий и отношений» [см.: 12, с. 62–65].

Пятая точка зрения, без сомнения самая влиятельная, поскольку среди ее сторонников находится и отечественный законодатель, который уже несколько веков несмотря на многочисленные призывы не дает законодательного определения понятия «интерес». В краткой форме суть этой точки зрения изложена известным советским и российским философом Э. Ю. Соловьевым: «...Интересы людей не подлежат властно-законодательному определению, они являются предпосылками самодисциплины, или, как говорил Кант, «способности быть господином себе самому»» [24, с. 208]. «Демократически развитое право, – по мнению Соловьева, – санкционирует вовсе не интересы (скажем, «интерес большинства» в противовес «интересу меньшинства»), а, как выражался А. Смит, «свободу самостоятельного преследования личного интереса». «Интерес большинства», «интерес всего общества» – это понятия, поддающиеся самому произвольному толкованию, которое с охотой берет на себя государственная власть. Что касается интереса личного, то он успешно отталкивает любые произвольные интерпретации, поскольку достаточно очевиден для его носителя до всяких толкований» [24, с. 212].

На этом можно закончить пояснения о том, какие имеются в юридической науке определения понятия «интерес», и перейти непосредственно к теме неимущественных интересов.

Трудно даже представить то количество разнообразных интересов, которые не имеют связи с имуществом и уже поэтому могут называться неимущественными. Современные научные представления о неимущественных интересах так или иначе опираются на работы дореволюционных отече-

ственных правоведов, в том числе и на классический труд Е. В. Пассека (1860–1912) «Неимущественный интерес в обязательстве» [см.: 18]. Поэтому очень важно знать не только то, что сам Пассек понимал под интересом, но и что легло в основание его выводов. По мнению Пассека, честь, доброе имя, покой, здоровье – все эти блага представляют интерес и имеют для человека свою ценность. Этот интерес и эта ценность должны быть названы неимущественными уже потому, что они как объекты, не имеют материального характера.

Но при ссылках на работы дореволюционных классиков отечественной цивилистики очень важно учитывать две особенности университетского образования того времени. О первой особенности И. А. Покровский (1868–1920) сказал так: «римское право при существующей постановке цивилистического преподавания заменяет для нас общую теорию гражданского права» [21, с. 11]. Вторая особенность состоит в том, что Университетский устав 1884 г. закрепил изучение немецких пандектов в качестве основы отечественного юридического образования. Поэтому понятно, почему в работе Пассека столь повышенное внимание и значительное место уделено изложению конструкций римского права и немецкой пандектики.

В этой связи нельзя не учитывать еще одно обстоятельство, а скорее, заблуждение, распространенное не только в цивилистике, но и вообще в современном отечественном правоведении. Ограничься только одной цитатой из современных авторов: «...На всем протяжении периода развития гражданского права, начиная со времен римского права, существовали (и существуют) две противоположные точки зрения на возможность существования неимущественного интереса в обязательстве» [5, с. 24].

Мягко говоря, это совсем не так. И дело здесь не в противоположных точках зрения, которые действительно имеются. Дело в том, что и во времена римского права и даже значительный период после него (а это практически – целое тысячелетие) в латинском языке вообще не было такого слова – «интерес». В качестве возражения часто ссылаются на слово «interesse», оно встречается в источниках римского права [подробнее см.: 10, с. 29-42]. Да, встречается, но это не существительное, это производный глагол, его значение: *быть среди кого-то, принимать участие*. Он образован от глагола «esse» (*быть*) с помощью предлога «inter» (*между, среди, в числе*). В свою очередь предлог «inter» происходит от наречия «intra» (*внутри*), которое употреблялось как с глаголами, так и с существительными для уточнения. От этого же наречия происходит префикс «interest» (*важно*) [12, с. 62-65]. На этапе римского права из безличной конструкции *interesse*, связанной с различием, выявилась идея имущественного дифференциала (ущерба или прибýtка) [7, с. 119].

Только в конце XVI в. в европейских языках возникли слова, производные от этого латинского глагола, они быстро получили широкое распространение. В немалой степени этому способствовало то, что «это понятие было первоначально введено в оборот как эвфемизм уже в конце Средних веков, чтобы сделать respectableным получение «интереса» (процента) по займам...» [25, с. 210]. Не забудем, что под эвфемизмом обычно понимается завуалированное обозначение того, что в конкретной ситуации неуместно обозначить прямым наименованием. Именно поэтому *благозвучный* термин «интерес» стал очень приемлемой заменой термину «процент» – понятию, ставшему к тому времени не очень respectableным, главным образом, по религиозно-этическим причинам.

В Новое время понятие «интерес» пережило в Европе сложную эволюцию: от средневековой предубежденности против частного интереса – до культивирования последнего. В средневековой Европе понятие *интерес* развивалось одновременно с понятием *капитал* и было призвано заменить понятие *государственный расчет*, а также греховные с точки зрения церкви понятия *рост и лихва*. *Интерес* все более утверждался в значениях *процент* и *существенно*, которые органично соответствовали духу нарождающегося капитализма [см.: 7, с. 120]. Именно из Европы пришло слово «интерес» в русский язык и в российскую юридическую лексику.

Завершая этот краткий обзор истории интереса, еще раз подчеркнем, что римские юристы не оперировали такими современными понятиями как «неимущественный интерес», «публичный интерес» [см.: 13, с. 65-84], «частный интерес» и др., поскольку само понятие «интерес» в устоявшихся сегодня значениях не было им знакомо. Между тем, никакой

научной неточности в том, чтобы интерпретировать какие-либо римско-правовые реалии (которые были «важны» для государства или частных лиц, содействовали их «пользе») с позиций современных представлений о публичных, общественных, государственных или частных интересах, разумеется, нет, если только не вкладывать эти представления в уста самих древнеримских юристов.

В современной юридической теории (за короткий по историческим меркам срок) сложилось достаточно стройное учение о личных неимущественных правах. Напомним, что впервые в советском законодательстве некоторые личные неимущественные права получили защиту только с принятием в 1961 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Небольшой перечень личных неимущественных прав, предусмотренный этими Основами и гражданскими кодексами союзных республик, состоял из права на честь и достоинство, права на собственное изображение и права на частные письма.

Трудно не заметить, что многие положения этого учения проецируются и на неимущественные интересы. Но если личные неимущественные права имеют достаточно четкие очертания, то с неимущественными интересами совсем иная картина. Прежде всего, из-за их труднообозримого количества, из-за неясности их регулирования (или только их охраны и защиты?). Нет ответа и на вопрос, почему в качестве объекта регулирования предложены именно неимущественные интересы, а не, например, невещественные, нематериальные, неэкономические и т. п.

В заключение вернемся к началу настоящей статьи, где говорилось о том, что название «Неимущественные интересы семьи как объект правового регулирования» весьма уязвимо с критической точки зрения, поскольку семья в юридическом смысле – только носитель интересов и субъект интересов, но не субъект права, т. е. лицо, физическое или юридическое. Правоведы не отрицают наличия интересов у социальных субъектов, например, у субъектов гражданского общества, которые в большинстве своем являются одновременно и субъектами права. Хотя некоторые субъекты гражданского общества, как и семья, не являются субъектами права, например, социальные группы, слои населения – способность их быть субъектами интересов не оспаривается.

Положение о том, что единственным субъектом интереса является человек – единственный объект природы, имеющий сознание, в отечественном правоведении устоялось настолько, что даже не обсуждается, тем не менее оно постепенно уходит в прошлое. Сегодня ничего не мешает считать любые интересы семьи, включая и неимущественные, объектами правового регулирования. Более того, анализ современного российского законодательства показывает, что к носителям интересов стали относиться не только субъекты права, но и некоторые состояния [см.: 10, с. 21-44] и действия этих субъектов, и даже материальные предметы. Вот только некоторые, достаточно неожиданные, формулировки из действующего законодательства: «интересы защиты и охраны», «интересы обеспечения безопасности», «интересы обеспечения физической безопасности», и, наконец, «интересы груза». Осталось ответить на вопрос, кто или что носители этих интересов?

Пристатейный библиографический список

1. Гельвеций. Истинный смысл системы природы. – М.: Новая Москва, 1923. – 163 с.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / И. А. Андреев, И. З. Аюшеева, А. С. Васильев [и др.]: под ред. С. А. Степанова. – М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2011. – 712 с.
3. Гражданско-правовая охрана интересов личности. – М.: Юридическая литература, 1969. – 256 с.
4. Деборин А. Предисловие // Гельвеций. Истинный смысл системы природы. – М.: Новая Москва, 1923. – 163.
5. Ем В. С., Бердников В. В. Вступительная статья // Пассек Е. В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. – М.: Статут, 2003. – 399 с. (Классика российской цивилистики).
6. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. – М.: Русское слово, 1994. – 624 с.
7. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
8. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под общей ред. С. А. Степанова. – М.: Проспект, 2018. – 352 с.
9. Маковский А. Л. Выпавшее звено // Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с.
10. Малинова А. Г. Баланс интересов и его «ипостаси» в правоведении // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 21-44.
11. Малинова А. Г. Возможны ли легальные определения понятий «интерес» и «законный интерес»? // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 84-85.
12. Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 62-65.
13. Малинова А. Г. Публичные интересы: история, теория и аргументы против использования этого термина в отечественном законодательстве // Российский юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 65-84.
14. Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. – 2020. – № 4 (133). – С. 73-79.
15. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 250 с.
16. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 359 с.
17. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. – М.: Статут, 2002. – 205 с.
18. Пассек Е. В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. – М.: Статут, 2003. – 399 с. (Классика российской цивилистики).
19. Пассек Е. Неимущественный интерес в обязательстве. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1893. – 217 с.
20. Подвижник Права: Памяти Нагашбая Шайкенова. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 / Авт.-сост. Л. А. Шайкенова; Предисл.: Премьер-министр РК И. Н. Тасмагамбетов; член-корр. НАН РК М. К. Сулейменов. – Астана: Фолиант, 2002. – 440 с.
21. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с. (Классика российской цивилистики).
22. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник). Пер. с македонского. – М.: Зерцало, 1999. – 448 с.
23. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. – М.: Юрид. лит., 1989. – 482 с.
24. Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах / Сост.: В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
25. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – М.: Наука, 1994. – 720 с.
26. Хиршман А. О. Интересы // «Невидимая рука» рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. Н. А. Макашева. – М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2008. – 388 с.
27. Шайкенов Н. А. Категория интереса в советском праве (право как средство реализации интересов личности): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 16 с.
28. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 200 с.

САДЕКОВ Ильдар Равилевич

ведущий юрисконсульт Центрального банка Российской Федерации (Банка России)*

СБЛИЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОДАТЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена анализу правового регулирования работодателского контроля в юрисдикциях стран-членов ЕАЭС. Автором затрагивается проблематика гармонизации трудового законодательства стран-членов ЕАЭС в части регулирования работодателского контроля. Показаны точки соприкосновения и тенденции в регулировании работодателского контроля в законодательстве стран-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: работодателский контроль, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), гармонизация трудового законодательства.

SADEKOV Ildar Ravilevich

Lead lawyer of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)

THE ISSUE OF CONVERGENCE OF LABOR LEGISLATION OF THE EAEU MEMBER COUNTRIES ON THE EXAMPLE OF REGULATION OF EMPLOYER'S CONTROL IN LABOR RELATIONS

The article analyzes the regulation of employer's control in the jurisdictions of the EAEU member states. The article raises the problem of harmonization of labor legislation of the EAEU member states on the example of regulation of employer's control. The article shows common points of contact and trends in the regulation of employer's control in the legislation of the EAEU member states.

Keywords: employer's control, Eurasian Economic Union (EAEU), harmonization of labor legislation.

В ответ на геополитические изменения, финансовые шоки в мировой экономике, а также усиливающееся санкционное давление Российская Федерация с каждым годом все активнее развивает процесс евразийской экономической интеграции. В связи с этим ее внешнеполитический и внешнеэкономический фокус направлен в том числе на развитие Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), причем для стран-членов ЕАЭС роль данной организации в последние годы также значительно возросла. В настоящее время ЕАЭС объединяет пять стран: Республику Армению, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Республику Кыргызстан и Российскую Федерацию.

Основополагающим правовым документом в рамках ЕАЭС является Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор), ратифицированный всеми странами-членами ЕАЭС и ставший неотъемлемой частью правовой системы каждой из стран-членов. Так, например, применительно к сфере труда п. 1 ст. 96 Договора регулируются вопросы сотрудничества государств-членов в области трудовой миграции, где можно заметить, что государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах. Отметим, что в ст. 2 Договора содержится определение понятия «согласованная политика», которая предполагает гармонизацию правового регулирования государств-членов в различных сферах. В свою очередь, гармонизация законодательства определяется ст. 2 Договора как сближение

законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. При этом, как отмечает К. Л. Томашевский, проводя сравнение между такими формами трудовправовой интеграции как унификация и гармонизация, гармонизация является более мягким способом сближения национальных законодательств и правовых систем, заключающимся в выработке общих подходов, моделей, допускающих некоторые расхождения в национальном регулировании, поэтому в рамках ЕАЭС, а именно на этапе экономической интеграции, предполагающей объединение рынков товаров, капитала, услуг и рабочей силы, достаточно мягкой формы правовой интеграции, а именно гармонизации [4, с. 382].

Как отмечают некоторые авторы, положения Договора выступают показателем наличия единой правовой основы у государств-членов Союза и возможности интеграции законодательства в рамках единого экономического пространства, предусмотренного Договором [1, с. 107]. Поэтому считаем, что трудовое законодательство стран-членов ЕАЭС согласно Договору должно иметь тенденцию на сближение, направленное на установление сходного нормативного правового регулирования. С учетом того, что п. 1 ст. 97 Договора предусматривает, что работодатели государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда, а трудящимся государств-членов ЕАЭС не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства, полагаем, что для упрощения процесса трудовой миграции в рамках ЕАЭС отдельные сферы нормативного регулирования в области труда стран-членов ЕАЭС должны иметь тенденцию на сближение. В настоящей работе на примере положений о работодателском контроле будет произведен обзор пра-

* Позиция автора отражает его личное мнение и не является официальной позицией Центрального банка Российской Федерации (Банка России).

вового регулирования в государствах-членах ЕАЭС данного института, проблематика которого стала особенно актуальна после пандемии COVID-19.

Отталкиваясь от российского правового регулирования, следует отметить, что на данный момент российское трудовое законодательство не содержит легального определения работодателю контроля. Однако в ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), законодатель определяет трудовые отношения как «отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату *трудовой функции ... под ... контролем работодателя*» (выделено мной – И. С.). Исходя из теологического толкования нормы, нетрудно заметить, что законодатель определяет контроль со стороны работодателя как один из основных признаков трудовых отношений, закрепляя его на законодательном уровне. Соответственно, отношения, в которых отсутствует элемент контроля со стороны работодателя, согласно ст. 15 ТК РФ, нельзя считать трудовыми.

Однако законодатель в рамках определения трудовых отношений делает акцент на контроле выполнения трудовой функции («выполнении... трудовой функции... под контролем работодателя»). Вместе с тем, представляется, что работодателю контроль осуществляется не только за выполнением трудовой функции, а в рамках трудовых отношений в целом. При этом, выходя за рамки дискуссии положений ст. 15 ТК РФ, добавим, что, на наш взгляд, работодателю контроль осуществляется не только в рамках трудовых отношений, но и в иных непосредственно связанных с ними отношениях, указанных в ст. 1 ТК РФ.

Также добавим, что законодатель, определяя понятие трудового договора в ст. 56 ТК РФ, использует схожую формулировку: «трудовой договор – соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым ... работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением *трудовую функцию ... под контролем работодателя*» (выделено мной – И. С.). Следовательно, контроль со стороны работодателя является одним из основных признаков не только трудовых отношений, но и трудового договора.

Переходя к анализу положений Трудового кодекса Республики Армения (далее – ТК РА)¹, обратим внимание, что ТК РА содержит упоминание о работодателю контроле в ст. 132 ТК РА. Здесь указывается, что работодатель при обработке персональных данных работника обязан соблюдать предписание о том, что обработка персональных данных работника может осуществляться исключительно в целях в том числе контроля количества и качества выполняемой работы. При этом работодатель осуществляет контроль количества и качества выполняемой работы работником, что, на наш взгляд, является существенным аспектом трудовых правоотношений, так как ч. 4 ст. 178 ТК РА предусматривается, что заработная плата работника зависит в том числе от качества и количества работы. Отметим сходство с российским правовым регулированием, предусмотренным пунктом первым ч. 1 ст. 86 ТК РФ, что отчасти может свидетельствовать о гармонизационных процессах в области трудового законодательства стран-членов ЕАЭС.

Рассматривая далее законодательство стран-членов ЕАЭС, отметим, что в Трудовом кодексе Кыргызской Респу-

блики (далее – ТК КР)² упоминание о работодателю контроле встречается в разделе 6 (главе 17) об охране труда. Так, законодатель Кыргызстана обозначает работодателю контроль как один из признаков в определении рабочего места, так как согласно абз. 3 ст. 209 ТК КР рабочее место определяется как место, на котором работник должен находиться или на которое ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя. Данное определение практически идентично определению рабочего места в ст. 209 ТК РФ. Также упоминание о работодателю контроле в ТК КР можно встретить в ст. 211 ТК КР, закрепляющей обязанности работодателя по обеспечению охраны труда. Так, ТК КР возлагает на работодателя обязанность по обеспечению организации контроля за состоянием условий труда на рабочих местах, а также соблюдением работником требований охраны труда. Данная норма также схожа с нормой, введенной российским законодателем в абз. 10 ч. 2 ст. 212 ТК РФ. Вышеуказанные пересечения в правовом регулировании работодателю контроля в очередной раз свидетельствуют о пути гармонизации отдельных сфер правового регулирования в области труда стран-членов ЕАЭС.

Обращаясь к Трудовому кодексу Республики Беларусь (далее – ТК РБ)³, отметим, что прямого упоминания работодателю контроля в нормах ТК РБ не прослеживается. Несмотря на то, что в настоящее время действует норма ст. 31 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., которая закрепляет, что в Союзном государстве действует унифицированное трудовое законодательство и законодательство в области социальной защиты населения и пенсионного обеспечения⁴, в научной литературе отмечается, что данная норма – цель в настоящее время реализована в незначительной степени и во многом не выполняется [4, с. 384].

Однако интересно то, что законодатель Республики Беларусь дает определение понятию «уполномоченного должностного лица нанимателя»⁵. Он определяется в ст. 1 ТК РБ как руководитель (его заместители) организации (ее обособленного подразделения), руководитель структурного подразделения (его заместители), иной работник, которому нанимателем предоставлено право принимать все или отдельные решения, вытекающие из трудовых и связанных с ними отношений, или иное лицо, которому такое право предоставлено законодательством. В контексте рассматриваемой проблематики важно отметить то, что здесь законодатель легально определил фигуру, обладающую властными полномочиями в трудовых и непосредственно связанных с ними отношениях. Соответственно, исходя из теологического толкования нормы, данные полномочия также могут включать и полномочие контроля.

Переходя к рассмотрению законодательства Республики Казахстан, нельзя не отметить, что в подп. 25 п. 2 ст. 23

1 Трудовой кодекс Республики Армения от 14 декабря 2004 года № ЗР-124 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.06.2024 г.).

2 Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 4 августа 2004 года № 106 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.07.2024 г.).

3 Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 296-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08 июля 2024 г.).

4 Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 4. – 2/118.

5 Согласно ст. 1 ТК РБ сторонами трудового договора являются – наниматель и работник. Однако существует ряд законов Республики Беларусь, где помимо термина «наниматель» используется и термин «работодатель» (например, Закон Республики Беларусь от 23.06.2008 № 356-З «Об охране труда»).

Трудового кодекса Республики Казахстан (далее – ТК РК)⁶ предусмотрена обязанность работодателя «осуществлять внутренний контроль по безопасности и охране труда». Здесь законодатель прямо возложил на работодателя обязанность по проведению внутреннего контроля в целях соблюдения норм по охране труда. Затрагивая проблематику охраны труда, нельзя не отметить и обязанность работодателя внедрять систему управления охраной труда, а также осуществлять контроль за ее функционированием согласно подп. 18 п. 2 ст. 182 ТК РК.

Кроме того, п. 1 ст. 137-1 ТК РК содержит порядок осуществления деятельности по оказанию услуг по предоставлению персонала, где направляющая сторона заключает трудовой договор либо дополнительное соглашение к трудовому договору и направляет работников к принимающей стороне для выполнения ими трудовых функций, определенных их трудовыми договорами, в интересах, под управлением и контролем принимающей стороны. При этом направляющая сторона является работодателем для направляемых ею работников. Нельзя не заметить, что схожие нормы содержатся в ст. 341.1 и 341.2 ТК РФ, которые посвящены общим положениям и особенностям регулирования труда работников, направляемых частным агентством занятости к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). Стоит отметить, что ТК РК не имеет нормы, которая определяет понятие трудового отношения как в ТК РФ, однако есть ст. 24 ТК РК, содержащая определение предмета трудового договора, в которой также нет упоминания работодателя контроля. В упомянутой норме, регулирующей предоставление персонала, указано, что в компетенцию принимающей стороны входят управление и контроль; при этом работодателем остается направляющая сторона. Представляется, что это может быть одной из причины невключения в ст. 24 ТК РК упоминания о работодателем контроле, так как, возможно, по мнению казахстанского законодателя, монополия на контроль со стороны работодателя теряется.

Как отмечают Р. К. Сарпеков и А. Арыстан, в трудовых правоотношениях между работниками и агентством последнее выступает в правовом статусе работодателя, однако заключенный трудовой договор между данными сторонами является нетипичным, так как по нему трудовая функция работника осуществляется под контролем и на территории-пользователя [2, с. 17], поэтому классическая конструкция трудового договора к таким отношениям применяться не может [3, с. 40].

В ТК РФ монополия на работодателский контроль в рассматриваемом случае также размывается. Однако, говоря о предоставлении труда работников (персонала) в рамках ТК РФ, заметим, что речь идет о регулировании труда отдельной категории работников, то есть об особых трудовых отношениях, выделенных законодателем в самостоятельную группу. Соответственно, стоит говорить и об особых «нетипичных» (в рамках ст. 15 ТК РФ) субъектах-работодателях, обозначенных законодателем для осуществления данной деятельности – частных агентствах занятости или других юридических лицах, которые в соответствии с законодательством РФ о занятости населения вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников (персонала).

Таким образом, с одной стороны, в некоторых положениях законодательства стран-членов ЕАЭС, регулирующих работодателский контроль, можно найти схожие и даже идентичные с ТК РФ нормы. Но с другой стороны, законодательство стран-членов ЕАЭС в настоящее время содержит незначительное количество норм о работодателском контроле. При этом трудовые кодексы стран-членов ЕАЭС (за исключением ТК РФ) вовсе не имеют прямого закрепления контроля как элемента деятельности работодателя в трудовых отношениях (трудовом договоре). Поэтому для дальнейшей гармонизации трудового законодательства стран-членов ЕАЭС необходима проработка вопроса о сближении отдельных институтов в области регулирования труда, в том числе нормативного регулирования работодателского контроля в трудовых правоотношениях.

Пристатейный библиографический список

1. Дуйсенов Е. Э. Некоторые теоретические вопросы интеграции конституционного законодательства в странах ЕАЭС // Журнал российского права. – 2023. – № 4. – С. 107-121.
2. Коркин А. Е. Нетипичные трудовые отношения: замный труд, телеработа и работа по вызову: правовая природа, зарубежное законодательство и российские перспективы. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 208 с.
3. Сарпеков Р. К., Арыстан А. Перспективы внедрения института заемного труда в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 2 (60). – С.37-46.
4. Томашевский К. Л. Источники трудового права государств – членов Евразийского экономического союза (проблемы теории и практики): моногр. / К. Л. Томашевский. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 560 с.

⁶ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21 июля 2024 г.).

ТОМАШЕВСКИЙ Кирилл Леонидович

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

ПАВЛОВА Анастасия Леонтиевна

студент 3-го курса Юридического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

РАБОТА ЧЕРЕЗ ОНЛАЙН ПРИЛОЖЕНИЯ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И АКТУАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА*

В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при разрешении гражданских споров, связанных с применением труда посредством цифровых трудовых платформ. Авторами анализируется правовая основа работы через цифровые трудовые платформы, высказываются предложения по ее урегулированию в законодательстве Российской Федерации. В статье проведен анализ решений судов общей юрисдикции различных инстанций, касающихся нарушений социально-экономических и трудовых прав и гарантий платформенных занятых.

Ключевые слова: трудовые споры, платформенная занятость, трудовые отношения, цифровые трудовые платформы, платформенные занятые.

TOMASHEVSKIY Kirill Leonidovich

Ph.D. in Law, professor of Civil and business law sub-faculty, V. G. Timiryasov Kazan Innovation University (IEPU)

PAVLOVA Anastasiya Leontjevna

student of the 3rd course of the Faculty of Law, V. G. Timiryasov Kazan Innovation University (IEPU)

WORK VIA ONLINE APPLICATIONS: LEGISLATION GAPS AND CURRENT JUDICIAL PRACTICE OF RUSSIA

The article deals with problematic issues that arise when resolving civil disputes related to the use of labor through digital labor platforms. The authors analyze the legal basis of work through digital labor platforms, put forward proposals for its regulation in the legislation of the Russian Federation. The article analyzes the decisions of courts of general jurisdiction of various instances concerning violations of socio-economic and labor rights and guarantees of platform employees.

Keywords: labor disputes, platform employment, employment relations, digital labor platforms, platform worker.

Томашевский К. Л.

Павлова А. Л.

С развитием цифровой экономики возникли новые нетипичные формы занятости, одной из которых является платформенная занятость как такая разновидность занятости, которая связана с деятельностью граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая посредством цифровых платформ занятости, обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ.

Платформенная занятость с каждым годом расширяется как во всем мире, так и в Российской Федерации, о чем свидетельствуют данные статистики. По данным, опубликованным в отчете Международной организации труда имеет место существенный рост числа цифровых трудовых платформ в мире: со 193 в 2010 году до 1070 в 2023 году [7]. По оценкам экспертов Высшей школы экономики «во II квартале 2024 г. численность платформенных работников в России немного снизилась и составила 3,2 млн человек или 4,3 % от общей численности занятых» [3]. Все это обуславливает научный интерес к определению правового статуса платформенных

занятых, отражение его в законодательстве и анализ актуальной судебной практики по спорам с их участием.

Сущность платформенной занятости и работы через онлайн приложения

Состав субъектов, участвующих в отношениях в сфере платформенной занятости входят: 1) платформенный занятый; 2) оператор цифровой трудовой платформы; 3) клиент или заказчик, которому оказывается услуга или в интересах которого выполняется работа [2, с. 120].

Учитывая разнообразие моделей и видов платформенной занятости в настоящей статье коснемся только одной ее разновидности – работы по запросу через мобильные приложения (work on demand via apps). Такая работа осуществляется в реальном мире и, как правило, в пределах одного населенного пункта. Для такого способа работы характерен труд, который не требует специальной подготовки или квалификации – это работа в таких сферах, как такси, услуги по доставке еды, клининг и т.п. Такие платформенные занятые могут сами определять свое рабочее время, выбирать место выполнения работы, задания и заказчиков. При краудворкинге заказчики размещают определенные задания на онлайн-платформах, а независимые исполнители (физические лица) готовы выполнять их за вознаграждение онлайн.

* Статья подготовлена при поддержке стипендиальной программы Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

Проблемность правового регулирования платформенной занятости в России

Одним из недостатков платформенной занятости является отсутствие ее четкого законодательного урегулирования в России на момент написания статьи. С одной стороны, отсутствие законодательной базы открывает возможности для быстрого развития данной нетипичной формы занятости. Однако, с другой стороны, недостаток законодательного регулирования негативно сказывается на уровне социальной защищенности тех платформенных занятых, кто работает на постоянной основе (а не разово) через цифровые трудовые платформы, в особенности через приложения.

Н. Л. Лютов и И. В. Войтковская справедливо отмечают, что в российском законодательстве «понятие трудовых отношений фактически не адаптировано к регулированию труда через онлайн-платформы» [1]. Одним из способов подключения сотрудника к таким платформам является оформление его самозанятым либо индивидуальным предпринимателем. Однако по факту, он таким не является, поэтому здесь мы можем говорить о «фиктивной самозанятости». Другим вариантом является исполнение заказов вовсе без оформления, назовем это теневого или неформальной занятостью. В реальности правового вакуума платформенные занятые лишаются многих трудовых и иных социально-экономических прав и гарантий, которые установлены трудовым законодательством, тогда как цифровые трудовые платформы перекладывают финансовые риски и свои издержки на самих занятых. В связи с чем требуется более четкое правовое регулирование данного типа занятости. Осуществление трудовой деятельности посредством мобильных приложений в какой-то степени «стирает грань» между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями. Специфика работы, осуществляемой через онлайн-платформы, заключается в том, что в этих отношениях участвуют три стороны: лицо, которое выполняет работу (или оказывает услугу), сам заказчик и посредник, которым выступает оператор мобильного приложения. Нередко к этим отношениям добавляется еще и четвертый субъект – партнер цифровой трудовой платформы, которым может быть как коммерческая организация, так и индивидуальный предприниматель. Именно этот партнер, как правило, и привлекает платформенных занятых к работе через приложения и рискует приобрести статус работодателя в рамках установленных судом трудовых отношениях.

Одной из проблем данного вида занятости является установление отношений в качестве трудовых. С одной стороны, отношения в сфере платформенной занятости напоминают гражданско-правовые, поскольку сама цифровая платформа выступает всего лишь «цифровым инструментом» для заключения договора о выполнении работ или оказания услуг заказчику (клиенту). С другой стороны, оператор или партнер цифровой трудовой платформы может выступать в качестве работодателя для лиц, которые будут выполнять работу. Здесь можно усматривать трудовые отношения.

В настоящее время данная форма занятости на практике оформляется на основе гражданско-правового договора с самозанятым лицом (чаще всего по договору возмездного оказания услуг). Согласно ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации¹ (далее – ТК РФ) отношения, основанные на договорах гражданско-правового характера, не охватываются сферой действия трудового законодательства. Вместе с тем, правовые нормы ст. 19.1 ТК РФ позволяют переqualificировать гражданско-правовые отношения (в том числе с платформенными занятыми), которые отвечают признакам наемного труда, в трудовые отношения. Тем самым, трудовое законодательство отдает приоритет фактически складываю-

щимся между сторонами общественным отношениям, независимо от того как поименован заключенный между ними договор.

Анализ судебной практики по спорам платформенных занятых и онлайн цифровых трудовых платформ

Верховный Суд Российской Федерации в п.24 Постановления от 29 мая 2018 г. №15 разъяснил, что суды вправе признать наличие трудовых отношений между сторонами, которые формально связаны гражданско-правовым договором, если будет доказано, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения².

Проиллюстрируем данную проблему через актуальную судебную практику. Большая ее часть связана с работой водителей на основе цифровой трудовой платформы «Яндекс.Такси». В основном трудовые споры с водителями этого агрегатора связаны с признанием возникающих отношений в качестве трудовых.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда, рассматривая дело № 33-9567/2024 по иску гражданина Ф., осуществляющего трудовую деятельность в должности водителя такси с регистрацией в приложении «Яндекс Про», к индивидуальному предпринимателю К., проанализировала фактически сложившиеся отношения³.

Суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии между сторонами трудовых отношений, поскольку каких-либо объективных данных, свидетельствующих о наличии в отношениях признаков трудовых, суду не представлено. Несмотря на то, что истец в обоснование иска указал, что он подчиняется установленным правилам внутреннего трудового распорядка, взаимоотношения с ответчиком носят деловой характер, истец имеет доступ на стоянку автомобилей, ответчик выплачивал истцу заработную плату.

В ходе апелляционного рассмотрения решение суда первой инстанции было отменено и было принято новое решение, которым установлен факт трудовых отношений между Ф. и ИП К. в период с 10 марта 2021 года по 21 марта 2022 года. Суд обязал ИП К. внести в трудовую книжку Ф. запись о приеме на работу в должности водителя 10 марта 2021 года, об увольнении по пункту 3 части 1 статьи 77 ТК РФ (по инициативе работника) с 21 марта 2022 года. При этом судебной коллегией были отклонены доводы ответчика о том, что трудовой договор не оформлялся, записи в трудовую книжку не вносились, страховые взносы и налог на доходы физических лиц за него не отчислялись, поскольку данные обстоятельства не исключают возможности признания отношений между сторонами трудовыми, поскольку они соответствуют всем признакам трудовых правоотношений.

Приведенный пример из судебной практики подтверждает вывод о том, что важнейшее значение для правильной квалификации возникающих правоотношений имеют не формализованный между сторонами договор, сколько признаки реально складывающихся между сторонами общественных отношений.

Обратимся еще к одному спору. Так, Ленинский районный суд г. Перми, рассматривая дело по иску С. к ООО «Ф.», проанализировал фактически сложившиеся отношения

1 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. – № 1 (часть I). – Ст. 3.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Российская газета от 6 июня 2018 г. – № 121.

3 Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 03.04.2024 по делу № 33-9567/2024 // СПС «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339276066/paragraph/84:0> (дата обращения: 25.10.2024).

между сторонами на предмет наличия в них трудовых отношений. Следующее: в отношении С. не принимались кадровые решения, приказ о приеме его на работу не издавался, трудовой договор с ним не заключался; доказательств того, что С. в заявленный спорный период приступил к работе и осуществлял деятельность в должности водителя с вехом или по поручению руководителя либо иного работника не имеется. В итоге решением суда в удовлетворении исковых требований было отказано.

Указанная позиция не была поддержана апелляционной инстанцией, поскольку услуги такси оказывались истцом в интересах ответчика, действуя от имени и по поручению перевозчика легковым такси; денежные средства получались С. после удержания расходов на содержание автомобиля; именно ответчик зарегистрировал истца в сервисе «Яндекс.Про», выдав мобильное устройство для возможности удаленного доступа к сервису.

Таким образом, суд пришел к выводу о том, что заключенный между сторонами договор аренды фактически регулировал сложившиеся между сторонами трудовые отношения, установив факт трудовых отношений. Далее наличие трудовых отношений поддержала и кассационная инстанция, в рамках которой был рассмотрен вопрос об отмене апелляционного определения по жалобе представителя ООО «Ф.»⁴.

Важно отметить, что крупнейшая платформа «Яндекс.Такси» позиционирует себя лишь, как информационно-справочный сервис и указывает на то, что лица, которые получают доход не являются наемными работниками. Тем самым, как отмечает М. В. Чудиновских эта платформа «защищает себя от дополнительных расходов и издержек, связанных с применением норм трудового законодательства» [6].

Вместе с тем, в судебной практике есть случаи, когда при наличии всех признаков трудовых отношений, в иске об установлении их факта было отказано. Так, Судебной коллегией по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.05.2024 по делу № 8Г-7756/2024⁵ были отменены решения суда первой и апелляционной инстанций по иску гражданина Ч., работающего водителем такси у ИП Ф., поскольку не понятны мотивы, по которым одни доказательства приняты им в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты. В обосновании было указано, что Ч. осуществлял перевозку пассажиров и багажа легковым такси, для чего ему был предоставлен автомобиль. Однако трудовые отношения не были оформлены надлежащим образом. В качестве доказательств Ч. были предоставлены путевые листы легкового такси, выданные ИП Ф. и другие доказательства.

Рассмотренные выше примеры из судебной практики, а также анализ зарубежной судебной практики и социологических опросов среди платформенных занятых показывают, что наиболее проблемными местами в регулировании их труда по-прежнему остаются: нестабильность заработка (вознаграждений), частое превышение нормального рабочего времени без повышенной оплаты за сверхурочные работы, работа в выходные праздничные дни, выходные дни, наруше-

нием требований по охране труда, отсутствие страхования от несчастных случаев во время работы [4].

Поведенный анализ действующего законодательства Российской Федерации и судебной практики по спорам с участием платформенных занятых и цифровых трудовых платформ позволяет сделать следующие **выводы**:

1) следует ввести в правовое поле новый статус занятости (платформенный занятый), разработанный с учетом особенности работы через онлайн-платформы;

2) требуется установка четких критериев, которые позволят определить, являются ли отношения трудовыми в сфере платформенного труда;

3) поскольку оператор и/или партнер онлайн-платформ нередко выступает в качестве фактического работодателя, можно говорить о солидарном возложении на этих субъектов обязанности и ответственности, характерных для работодателей.

Несмотря на то, что судебная практика (в частности, по вопросам установления факта трудовых отношений с платформенными занятыми и партнерами онлайн-платформ) в последние годы сложилась, законодательного регулирования труда через цифровые платформы в России пока нет.

Разрабатываемый в настоящее время проект федерального закона «О платформенной занятости», который планируется внести в Государственную думу до конца 2024 г.⁶, мог бы снять часть поднятых в статье вопросов и устранить неопределенность в правовом статусе платформенных занятых в России.

Пристатейный библиографический список

1. Лютов Н. А., Войтковская И. В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. № 6. – С. 149-159.
2. Мотина Е. В., Томашевский К. А., Чичина Е. В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции. – Минск: Амалфея, 2024. – 244 с.
3. Платформенная занятость в России // Сайт НИУ «Высшая школы экономики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/975577465.html> (дата обращения: 25.10.2024).
4. Томашевский К. А. Правовые аспекты меры и охраны труда платформенных занятых (опыт зарубежных стран) // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 3. – С. 49-52.
5. Чесалина О. В. Трудово-правовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 108-117.
6. Чудиновских М. В. Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 3 (56). – С. 280-284.
7. Realizing decent work in the platform economy: Report V (1). International Labour Conference 113th Session, 2025 // Сайт Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_909906.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

4 Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2024 по делу № 8Г-31-61/2024 [88-5395/2024] // СПС «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339538810/paragraph/1:0> (дата обращения: 25.10.2024).

5 Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 мая 2024 г. по делу N 8Г-7756/2024 [88-10598/2024] // СПС «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/340051701/paragraph/6:0> (дата обращения: 25.10.2024).

6 В России готовят закон о платформенной занятости // Парламентская газета. 2024. 3 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-gotovyat-zakon-o-plattformennoy-zanyatosti.html> (дата обращения: 26.10.2024).

ГЕЙМУР Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права, Тюменский государственный университет

КРАСНОВА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института государства и права, Тюменский государственный университет

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ МЕДИАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ: РЕАЛЬНЫЕ И МИФИЧЕСКИЕ РИСКИ

В статье рассмотрены особенности заключения медиативного соглашения и риски использования данного правового инструмента в противоправных целях. Авторы исследуют этапы формализации медиативного соглашения, механизм противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем. Описаны новеллы законодательства в сфере нотариального удостоверения медиативного соглашения. Внесены предложения, направленные на развитие института медиативного соглашения и укрепление мер обеспечения финансовой безопасности государства при заключении медиативных соглашений.

Ключевые слова: финансовая безопасность, медиативное соглашение, нотариальное удостоверение, фиктивные соглашения.

GEYMUR Olga Gennadjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theoretical and public law disciplines sub-faculty of the Institute of State and Law, Tyumen State University

KRASNOVA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Institute of State and Law, Tyumen State University

FINANCIAL SECURITY OF THE STATE AT THE CONCLUSION OF MEDIATION AGREEMENTS: REAL AND MYTHICAL RISKS

The article discusses the specifics of concluding a mediation agreement and the risks of using this legal instrument for illegal purposes. The authors explore the stages of the mediation agreement formalization, the mechanism of countering the laundering of proceeds from crime. Legislative innovations in the field of a mediation agreement notarization are described. Proposals have been made aimed at developing the institution of a mediation agreement and strengthening measures to ensure the financial security of the state when concluding mediation agreements.

Keywords: financial security, mediation agreement, notarization, fictitious agreements.

Медиация, как относительно новый для отечественной практики правовой инструмент, приобрел широкую известность. Научное юридическое сообщество с готовностью откликнулось на возможность погрузиться в освоение новых междисциплинарных примирительных технологий, основанных преимущественно на результатах психологических исследований. В спектре делящихся правоотношений был определен большой потенциал завершения конфликтов медиативным соглашением. Были организованы центры подготовки медиаторов, соответствующая сертификация, профессиональные объединения, среди которых можно выделить школы Москвы¹, Санкт-Петербурга² и Екатеринбурга³. Влияние психологов ощущалось не только в базовых технологиях процедуры, но и, полагаем, отразилось в ряде законодательных норм. В частности, не придавалось необходимого значения нормам, увязывающим медиативные процедуры с отраслевыми регламентами, а при первых подходах к регулированию медиативного соглашения действовали положе-

1 Основатель Центра медиации и права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mediacia.com/our-center/founder/> (дата обращения: 17.10.2024).
2 Ассоциация «ЛИГА МЕДИАТОРОВ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbimed.ru/> (дата обращения: 17.10.2024).
3 Центр медиации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usla.ru/science/uniims/nic/tsentr-mediatsii.php> (дата обращения: 17.10.2024).

Геймур О. Г.

Краснова Т. В.

ния, не в полной мере соотносимые с общими правилами о сделках в российском праве [3].

На сегодняшний день проведена большая работа по развитию института медиации в результате которой, медиативные соглашения стали одним из видов исполнительных документов (в том числе, в случае его достижения вне рамок судебного процесса). Ученые с оптимизмом отметили произошедшее повышение практического интереса к данному институту, что связывают с совершенствованием общественной культуры отношений, привитием участникам гражданского оборота цивилизованной модели работы с конфликтами. Между тем, объективные данные свидетельствуют о том, что одной из причин статистической трансформации явились противоправные интересы участников гражданских правоотношений, в том числе в обналачивании денежных средств [4]. Особенности процедуры, первоначально заложенные в идеи недопущения эскалации конфликтов, призванные гарантировать возможность сочетания интересов сторон с юридически противоположными позициями, стали использоваться для заключения фиктивных соглашений. При этом последствием является «привлечение всех сторон соглашения, в том числе медиаторов, к уголовной ответственности» [1]. Тем самым следует сделать вывод о неожиданном повороте в развитии практики заключения медиативных соглашений, создающем реальную угрозу финансовой безопасности государства.

Об отсутствии надуманности в констатации рисков говорят данные публичного отчета национальной оценки ри-

сков отмывания доходов⁴. Так, случаям нотариально удостоверенного медиативного соглашения присвоен повышенный уровень риска (предпоследний по «силе риска»). Ключевой фигурой в обеспечении финансовой безопасности государства является Росфинмониторинг, который разрабатывает и реализует механизмы «антиотмывочной системы». В механизме противодействия легализации противоправных доходов при заключении медиативного соглашения задействованы кредитные организации и нотариусы. Росфинмониторингом разработаны классификаторы признаков подозрительности обязательства, о выявлении которых необходимо представлять сведения. Банком России разработаны рекомендации для финансовых организаций по выявлению и пресечению подозрительных операций⁵. До нотариусов также доведены разработанные типологии, опираясь на которые нотариус может принять решение об отказе в удостоверении медиативного соглашения, если в нем, по мнению нотариуса, усматриваются признаки подозрительности. Последние законодательные обновления⁶ в исключение принципа тайны нотариальной деятельности содержат требование законодателя представлять сведения по удостоверенным медиативным соглашениям по запросу уполномоченного органа. Кроме того, говоря о медиативных соглашениях, предметом спора которых является договор займа, предусмотрено требование о взаимодействии нотариусов и банков, в рамках которого банк обязан представить сведения о достоверности документа, подтверждающего перечисление денежных средств заемщику.

Предпосылки заключения фиктивных медиативных соглашений совпадают с общими схемами злоупотребления системой исполнительных документов, в основе которых лежит оформление обязательства, неисполнение которого повлекло к необходимости обращения взыскания. Как известно, для банка поручение клиента в рамках исполнительного документа является обязательным для перевода средств. Дополнительно в цепочку финансовых операций может быть включена Федеральная служба судебных приставов России, когда деньги поступают в качестве промежуточного на счет ФСПП, которая, в свою очередь, производит исполнение на счет взыскателя. Принципы процедуры медиации (добровольность и конфиденциальность процедуры) являются заманчивыми условиями для злоупотреблений. Вот почему анализ материальных отношений по существу спора приобретает особое значение и позволяет оценить фиктивность (реальность) требований. На этапе нотариального удостоверения выявление подлинности предмета спора вменено в обязанность нотариуса. Тем самым нотариальное удостоверение медиативных соглашений играет значимую роль в противодействии отмыванию доходов и обеспечении финансовой безопасности государства. Между тем в этой связи напрашивается ряд комментариев.

Суть нотариального делопроизводства – его бесспорный характер. Тем самым нотариальная проверка, полагаем, может быть сведена в формальный аспект к запросу и анализу подтверждающих документов. Следует учитывать, что нотариусу для удостоверения предъявляется соглашение, представляющее собой конечный результат процедуры медиации. Полагаем, что сбор необходимых документов и фактов, подтверждающих подлинность обязательства, должен быть организован еще в период этой процедуры. Ведь одним из значимых принципов работы медиатора по выработке договоренностей является их исполнимость [2]. Если процедура медиации организована надлежащим образом, то в организацию процедуры уже должно быть заложено обеспечение исполнимости «на выходе». Следовательно, требования об установлении фактов и обстоятельств, подтверждающих факт существования обязательства, должны быть предписаны в ходе этапов этой процедуры.

4 Информационное письмо Банка России от 18.01.2023 № ИН-08-12/6 «О национальной оценке рисков ОД и ФТ» // СПС Консультант Плюс (документ опубликован не был).

5 Указание Банка России от 20.10.2020 № 5599-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 2 марта 2012 года № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. - № 1. - 13.01.2021.

6 Федеральный закон от 08.08.2024 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 33 (Часть I). - Ст. 4918.

При работе с конфликтом медиатор дифференцирует позиции сторон от их интересов, которые для самих участников конфликта могут существовать имплицитно. По мере продвижения процедуры открываются события и факты, позволяющие медиатору оценить информацию, поступившую от сторон. Кроме этого, во многих медиативных технологиях предусмотрен этап проверки исполнимости уже достигнутых договоренностей. Полагаем, что добросовестный медиатор должен быть мотивирован не столько в заключении соглашения, сколько в достижении реализуемых взаимных договоренностей, которые будут исполнены, в первую очередь, под влиянием совместного побуждения сторон по причине ответственности их согласованным интересам. Можно сказать, что целям добросовестного медиатора, как специалиста, отвечающего за правильную организацию процедуры переговоров, соответствует обеспечение такого итога, который не будет нивелирован отказом в его оформлении на этапе нотариального удостоверения. В этой связи представляется целесообразным установление обязанности медиатора по выявлению подлинности предмета спора. При этом, поскольку медиатор не наделен иным ресурсом, помимо возможностей технологии, закономерно, что в ряде случаев придется говорить об отсутствии объективной возможности медиатора убедиться в наличии обязательства. Полагаем, что для таких случаев целесообразно установить законодательные алгоритмы процедуры, позволяющие медиатору «переключать» участников на другой порядок достижения соглашения в рамках судебного процесса. При этом могут быть установлены льготы по оплате государственной пошлины участникам процедур медиации, чтобы изменение порядка проведения процедуры не повлияло на решение добросовестных участников о ее продолжении. Бесспорно, что в целях определения предмета спора в распоряжении суда не только технологии работы с доказательствами, обеспеченные нормами гражданского процессуального законодательства, но и доступ к информации по запросу суда от любых лиц и организаций. Предлагаем включить соответствующие обновления в законодательство о медиации⁷. Возможные опасения об усилении юридической составляющей в компетенции медиаторов [5] можно отнести к ряду «мифических рисков» с учетом приоритетов в обеспечении правовой безопасности процедуры, что повлияет в конечном счете на ее существование и развитие в целом.

Концентрация фокуса внимания на медиаторах повысит их профессиональную ответственность и подготовку, позволит укрепить нормативные основы медиативной деятельности, послужат импульсом для создания и совершенствования методических разработок для медиаторов в сфере противодействия злоупотреблениям. В сфере «антилегализационного» законодательства предложенные изменения приведут к созданию «двухуровневой защиты».

Пристатейный библиографический список

1. Балашова И. Н. Право на исполнение результатов медиации: от добровольности до принудительности // Арбитражный и гражданский процесс. - 2023. - № 3. - С. 7-12.
2. Киселев О. А., Головачева Ю. А. Исполнимость медиативного соглашения // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 4 (196). - С. 182-186.
3. Краснова Т. В. О соглашениях родителей, супругов и других членов семьи в медиации и семейном праве: предложения по совершенствованию законодательства // Право и политика. - 2016. - № 3. - С. 419-425.
4. Соломеина Е. А., Шереметова Г. С. Порядок нотариального удостоверения медиативного соглашения: анализ содержания соглашения // Нотариальный вестник. - 2024. - № 5. - С. 6-17.
5. Хасан Б. И., Лопатин А. А. Границы компетенций и профессиональные риски в работе с конфликтом (на примере работы центра медиации юридического института Сибирского федерального университета) // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. - 2012. - № 3. - С. 60-64.
- 7 Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4162.

ДОБРИН Даниил Александрович

аспирант кафедры банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на функционирование механизма ипотечного жилищного кредитования (ИЖК) в условиях неопределенности. В рамках исследования проведен анализ существующих подходов к классификации факторов, оказывающих воздействие на механизм ИЖК и представлена авторская классификация, разделяющая факторы на внешние и внутренние. Целью исследования является систематизация и анализ факторов, влияющих на механизм ИЖК в целом. Результаты исследования имеют практическую значимость для разработки мер по совершенствованию механизма ипотечного жилищного кредитования, направленных на обеспечение доступности жилья для населения и устойчивости банковского сектора.

Ключевые слова: ипотека, ипотечное кредитование, механизм ипотечного жилищного кредитования, банки, факторы, риски.

DOBRIIN Daniil Alexandrovich

postgraduate student of Banking and insurance sub-faculty, Orenburg State University

CLASSIFICATION OF FACTORS INFLUENCING THE FUNCTIONING OF THE HOUSING MORTGAGE LENDING MECHANISM UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

The article examines the factors influencing the functioning of the mortgage housing lending mechanism under conditions of uncertainty. The study analyzes existing approaches to classifying factors affecting the mortgage housing lending mechanism and presents an original classification that divides factors into external and internal. The aim of the study is to systematize and analyze the factors affecting the mortgage housing lending mechanism as a whole. The results of the research are of practical significance for developing measures to improve the mortgage housing lending mechanism, focusing on ensuring housing affordability for the population and the stability of the banking sector.

Keywords: mortgage, mortgage lending, mortgage housing lending mechanism, banks, factors, risks.

Механизм ипотечного жилищного кредитования (далее – ИЖК) играет важную роль в экономике, обеспечивая доступность приобретения жилья для широких слоев населения и стимулируя развитие строительного сектора. В условиях неопределенности, вызванной экономическими, политическими или социальными факторами, функционирование этого механизма может подвергаться значительным изменениям. Понимание факторов, влияющих на ипотечное кредитование в таких условиях, является актуальной задачей для банков, регулятора и заемщиков.

Специфика механизма ИЖК определяется его долгосрочным характером, обеспечением залогом недвижимости, влиянием процентных ставок и регулятивной средой. Ипотечные кредиты предоставляются на длительные сроки, обычно от 10 до 30 лет, что требует устойчивости экономической среды для обеспечения своевременного погашения задолженности. Залогом выступает недвижимость, что снижает риски для кредиторов, но также делает механизм чувствительным к изменениям на рынке недвижимости. Ключевая ставка, устанавливаемая центральными банками, играет важную роль в обеспечении доступной стоимости ипотечных жилищных кредитов. Важной спецификой является государственная поддержка ипотечного механизма, так как во многих странах мира существуют специальные субсидированные программы по поддержке целевых групп населения. В условиях нестабильности важно понимать, какие факторы и в какой мере определяют динамику ипотечного механизма, чтобы своевременно принимать наиболее эффективные решения.

К изучению факторов, влияющих на механизм ипотечного кредитования, приковано внимание многих отечественных специалистов, таких как Коростелева Т. С., Татаринова Л. В., Гриценко Т. С., Передера Ж. С., Теряевой А. С., Крячковой Л. И., Крячкова И. Т., Петрачковой Ю. Л., Третьяковой И. Н., Яблонская А. Е., Алехина Е. С., Кузнецова Д. В. и Зернова Л. Е.

Например, Коростелева Т. С. в качестве факторов, влияющих на механизм ипотечного кредитования выделяет следующие: социально-экономическое развитие, уровень банковской концентрации, уровень финансовой грамотности населения, развитие жилищного строительства, доступность жилья для населения, развитие социальной ипотеки [1].

После проведенного анализа состояния механизма ИЖК Татаринова Л. В. и Плотнокова В.А. пришли к выводу, что в первую очередь оказывают влияние следующие факторы: цены на рынке недвижимости, доходы и расходы населения, состояние жилищного фонда страны, величина ключевой ставки, наличие конкурентов на рынке ипотечного кредитования, степень законодательного обеспечения и наличие государственных программ. Помимо этого, исследователи выделяют факторы микроуровня – структура и объем ресурсной базы кредитной организации, уровень квалификации персонала, а также способы и пути продвижения банком ипотечных продуктов [2].

В работах отечественных исследователей нередко встречается разделение факторов ИЖК на две большие группы – внешние и внутренние. По мнению Третьяковой И. Н., Яблонская А. Е., Алехина Е. С. в группу внешних факторов входят следующие:

- государственная политика;
- уровень жизни населения;
- стабильность рынка недвижимости;
- уровень правовой среды;

К внутренним факторам ученые относят следующие:

- эффективная кредитная политика банка;
- корректная и эффективная постановка стратегических и тактических целей и задач кредитной организации [3].

На основании изученных работ составим авторскую классификацию факторов, влияющих на механизм ИЖК. Факторы, воздействующие на механизм ипотечного кредитования в условиях неопределенности, можно условно разде-

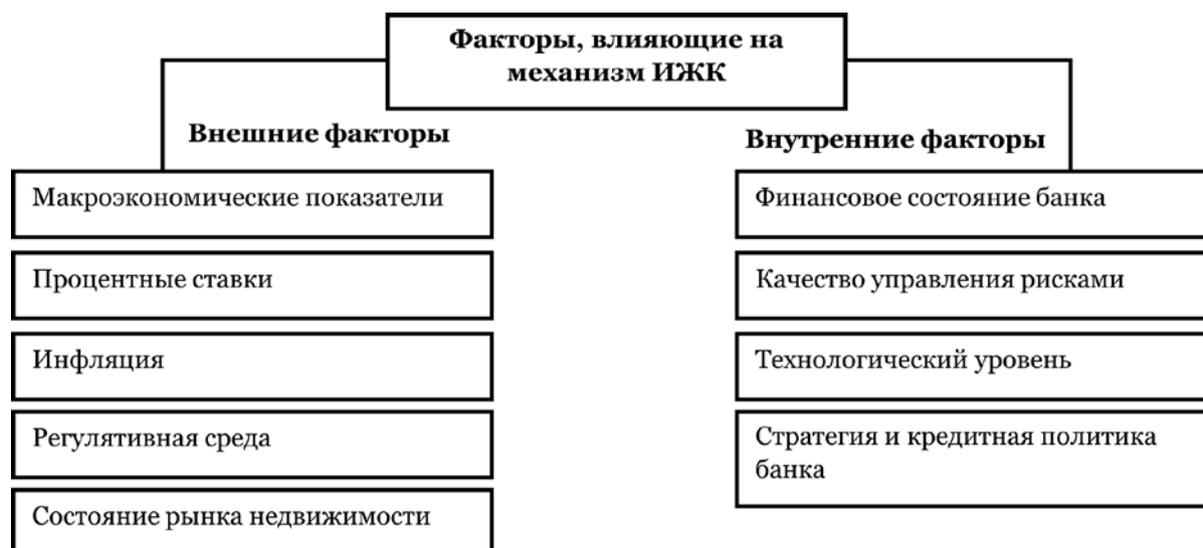

Рисунок 1. Классификация факторов, влияющих на механизм ипотечного жилищного кредитования

лить на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся те, которые находятся вне непосредственного контроля отдельных банков и кредиторов, но оказывают на них значительное влияние. Внутренние факторы связаны с деятельностью самих кредитно-финансовых институтов и их способностью адаптироваться к меняющимся условиям.

Внешние факторы, влияющие на механизм ипотечного жилищного кредитования, формируют условия, в которых функционируют участники механизма ИЖК. Разбирая влияние каждого фактора, стоит отметить, что макроэкономические показатели, такие как уровень ВВП, безработица и покупательская способность населения, определяют общий уровень экономической активности в стране. Ключевая ставка центральных банков непосредственно влияет на стоимость ипотечных кредитов, стимулируя или сдерживая спрос на них. Инфляция, снижая реальную стоимость денег, способствует повышению стоимости недвижимости и снижению доступности жилья для населения. Регулятивная среда задает правила игры механизма ИЖК, регулируя риски и защищая интересы участников. В свою очередь состояние рынка недвижимости определяет спрос, предложение и уровень цен на жилье, что оказывает значительное влияние на объемы и размеры ипотечных жилищных кредитов.

Внутренние факторы связаны с деятельностью конкретных финансовых институтов и их способностью адаптироваться к внешним изменениям. Финансовое состояние банка, включая его капитализацию, ликвидность и устойчивость, определяет способность кредитовать заемщиков и выдерживать последствия экономической неопределенности. Качество управления рисками влияет на способность банка минимизировать убытки и поддерживать стабильность кредитного портфеля. Технологический уровень определяет эффективность взаимодействия с клиентами и обработки данных, улучшая доступность и скорость принятия решений. Стратегия и кредитная политика банка формируют подходы к выбору заемщиков, условиям кредитования и управлению ипотечным портфелем, определяя его устойчивость в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В условиях неопределенности влияние внешних и внутренних факторов на механизм ипотечного жилищного кредитования становится особенно выраженным. Внешние факторы, такие как колебания макроэкономических показателей, рост инфляции или внезапные изменения регулятивной среды, создают способствовать нестабильности, затрудняя долгосрочное прогнозирование механизма ИЖК, что особенно важно, так как в основном кредиты предоставляются именно на продолжительный период (от 10 лет). Например, в условиях повышения процентных ставок банки вынуждены адаптировать свои цены по ипотечным продуктам, что снижает доступность кредитов для населения. Одновременно

состояние рынка недвижимости может подвергаться резким изменениям, связанным с неопределенностью в экономике, что влияет на объемы продаж жилья и величину спроса на ИЖК. В условиях экономической турбулентности особенно важным становится нивелирование внешних факторов, и в этом огромную роль имеют государственные органы. Правительство разрабатывает льготные ипотечные программы по поддержке наиболее нуждающихся в улучшении жилищных условий слоев населения, а центральный банк работает над снижением системных рисков. Внутренние факторы, такие как финансовое состояние банка и качество управления рисками, играют роль буфера, позволяя банкам адаптироваться к внешним шокам. Однако в условиях неопределенности их эффективность может снижаться из-за увеличения числа неплатежеспособных заемщиков и трудностей в прогнозировании кредитоспособности новых клиентов. Таким образом, условия неопределенности требуют от участников рынка гибкости, продуманной стратегии и способности к оперативному реагированию на изменяющиеся условия.

В ходе исследования факторов, влияющих на функционирование механизма ипотечного жилищного кредитования, была предложена авторская классификация, включающая внешние и внутренние категории. Рассмотренные концепции продемонстрировали, что воздействие факторов формирует как возможности, так и ограничения для устойчивого развития механизма ИЖК. Предложенная классификация позволяет глубже понять природу воздействия различных факторов, что создает основу для разработки эффективных стратегий управления ипотечным механизмом в условиях неопределенности на практике. Такой подход способствует формированию сбалансированной системы, обеспечивающей доступность ипотечных кредитов для населения и стабильность финансового сектора.

Пристатейный библиографический список

1. Коростелева Т. С. Региональная ипотека: вектор развития // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 42 (369). – С. 45-60. – EDN SXKGTD.
2. Татарина Л. В., Плотнокова В. А. Факторы, оказывающие влияние на ипотечное кредитование в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 4 (45). – С. 208-216. – DOI 10.25683/VOLBI.2018.45.444. – EDN VLCNYR.
3. Трегьякова И. Н., Яблонская А. Е., Алехина Е. С. Экономические условия и факторы, определяющие развитие ипотечного кредитования в Российской Федерации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 4 (56). – С. 300-308. – EDN VINETT.

ОЧИРОВА Полина Игоревна

аспирант 3-го курса направления «Предпринимательское и финансовое право», Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Очирова П. И.

ЭМИССИЯ СТЕЙБЛКОИНОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В контексте регулирования криптовалют юрисдикции всех стран стремятся обеспечить защиту инвесторов, но все они применяют различные правовые стратегии и инструменты, а также преследуют частично несовпадающие цели. Объект исследования – цифровые валюты. Предмет исследования – стейблкоины. Цель исследования – сравнительно-правовой анализ эмиссии стейблкоинов. Стейблкоины – это криптоактивы, целью которых является поддержание стабильной стоимости по отношению к определенному активу, пулу или корзине активов, их можно разделить на две большие категории в зависимости от характера резервных активов. В большинстве случаев эмиссия стейблкоинов регулируется на основе общих законов, которыми регулируются все криптовалюты, но существует достаточно мало регулирующих положений, специально посвященных стейблкоинам. Странам необходимы специальные правила для действительного обращения стейблкоинов в их нынешнем виде, так как законы, как правило, несколько различаются, поэтому регулирование является сугубо юрисдикционной проблемой.

Ключевые слова: цифровые валюты, цифровые активы, эмитент, проспект эмиссии, криптовалюта.

OCHIROVA Polina Igorevna

postgraduate student of the 3rd course of the direction «Business and financial Law», Baikal State University, Irkutsk

STABLECOIN ISSUANCE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

In the context of cryptocurrency regulation, jurisdictions of all countries strive to provide investor protection, but all of them apply different legal strategies and tools, and pursue partially divergent objectives. The object of the study is digital currencies. The subject of the study - stablecoins. The aim of the study is a comparative legal analysis of the issuance of stablecoins. Stablecoins are crypto-assets whose purpose is to maintain a stable value against a specific asset, pool or basket of assets, they can be divided into two broad categories depending on the nature of the reserve assets. In most cases, the issuance of stablecoins is regulated based on the general laws that govern all cryptocurrencies, but there are very few regulations that specifically address stablecoins. Countries need specific regulations for the actual circulation of stackablecoins as they are, as laws tend to vary somewhat, so regulation is a purely jurisdictional issue.

Keywords: digital currencies, digital assets, issuer, prospectus, cryptocurrency.

Введение

Стейблкоин — это криптовалюта, привязанная к стоимости другого актива, (например, фиатной валюты), то есть это экономический инструмент использовать преимущества технологии блокчейн без «хаотичной» волатильности и других проблем, присущих традиционным криптовалютам. Любая криптовалюта, привязанная к цене физического актива, считается стейблкоином так как эти активы не имеют собственной стоимости, как биткоин, но стейблкоины формируют свою стоимость от стоимости активов, к которым они привязан (например, доллар США). Привязка стейблкоина к цене физического актива является ключевым отличием от других цифровых валют, поскольку существуют и другие валюты, поддерживающие привязку к цифровым активам, например, обернутые токены (англ. wrapped token). Обернутые токены очень похожи на стейблкоины и их легко спутать. Однако они отличаются тем, что, в отличие от стейблкоинов, обернутые токены предназначены только для погашения другого актива, а не для поддержания его стоимости.

Основная часть

Общий механизм регулирования во всех странах мира заключается в том, что выдача разрешения может быть отклонена в случаях, когда руководство эмиссии не соответствует установленным требованиям; когда эмитент-заявитель не выполняет или существует вероятность, что он не сможет

выполнить соответствующее требование и, что особенно критично, если бизнес-модель эмитента-заявителя может представлять собой значительную угрозу для финансовой стабильности, денежной политики или монетарного суверенитета государства [1], [2]. Эмитенты обязаны разработать, поддерживать и внедрять надежные механизмы управления, которые охватывают все важные аспекты их бизнес-модели: от управления резервными активами и способов разрешения конфликтов интересов до протоколов, предназначенных для подтверждения транзакций и так далее.

Эмитенты криптовалют не обязаны обращаться за предварительным разрешением, но они должны составить «Белую книгу», уведомить об этом компетентный орган и опубликовать ее на своем веб-сайте [3]. Только после уведомления и публикации криптовалюта может претендовать на доступ к криптовалютной торговой платформе, но эти платформы не должны допускать к торговле криптовалютами, если их белая книга не была опубликована должным образом и должны оценивать качество и надежность криптовалюты в соответствии со своими правилами работы, включая процедуру страхования, требования к прозрачной торговле и т.д. Белая книга, своего рода упрощенный проспект эмиссии, является ключевым инструментом, позволяющим инвесторам сделать осознанный объективный выбор так как в ней эмитент должен предоставить, среди прочего, подробное описание проекта, основных вовлеченных участников, прав и

обязанностей, связанных с криптоактивом, и рисков, связанных с ним. Подобные требования прозрачности дополняются правилами для эмитента криптоактивов, который должен действовать профессионально и предоставлять четкую и не вводящую в заблуждение информацию, предотвращать, выявлять, регулировать и раскрывать любые конфликты интересов, которые могут возникнуть.

Регулирование эмиссии стейблкоинов в США крайне неопределенно, так как существует несколько различных определений, когда Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) может рассматривать такие активы как ценные бумаги, однако это не имеет четкого подтверждения. В США действуют различные организации, такие как Комиссия по борьбе с финансовыми преступлениями (англ. FinCEN), Управление за контролем денежного обращения (англ. OCC) и Комиссия по торговле товарными фьючерсами (англ. CFTC), каждая из которых применяет собственные федеральные правила по отношению к стейблкоинам.

В Европейском Союзе было опубликовано законодательство о криптовалютах, значительная часть которого сосредоточена на вопросах, касающихся стейблкоинов: в документе «Регулирование рынков криптоактивов» (англ. MiCA), отражено, что стейблкоины, несмотря на свою схожесть с традиционными инвестициями, могут обеспечивать более высокие годовые проценты за счет кредитования на децентрализованных платформах. В связи с этим новые правила регулирования стейблкоинов требуют, чтобы они регистрировались в соответствующих регулирующих органах, прежде чем кто-либо сможет легально проводить с ними операции, что также может повлиять на уровень процентных ставок по займам, выданным в стейблкоинах, с указанием, что это может полностью исключить возможность получения процентов по таким активам.

В июне 2022 года страна приняла закон, который определяет стейблкоины как цифровые деньги и устанавливает строгие правила для их эмиссии. В Японии различают два типа стейблкоинов: стейблкоины, относящиеся к категории криптоактивов и стейблкоины, классифицируемые как цифровые деньги. Стейблкоины, являющиеся цифровыми деньгами, привязываются к фиатной валюте и могут быть выкуплены по номинальной стоимости и должны создаваться лишь одобренными учреждениями. К числу организаций, уполномоченных на выпуск таких стейблкоинов в Японии, относятся: лицензированные правительством банки, зарегистрированные агенты по переводам денег и трастовые компании. Стейблкоины, относящиеся к категории криптоактивов, представляют собой все остальные стейблкоины, которые не подпадают под определение стейблкоинов категории цифровых денег и подчиняются Закону о платежных услугах или Закону о финансовых инструментах и биржах [4].

Сингапур известен своим прогрессивным подходом, который предусматривает соответствие стейблкоинов нормативным требованиям при условии применения Закона о ценных бумагах и фьючерсах (англ. SFA). В октябре 2022 года Денежно-кредитное управление Сингапура (англ. MAS) опубликовало нормативные требования, специально разработанные для стейблкоинов, а к августу 2024 года MAS завершит формирование этих правил, которые включают требования к резервным активам, достаточности капитала и стандартам раскрытия информации [5]. Эмитенты стейблкоинов должны соблюдать эти правила для работы в Сингапуре.

Страны Ближнего Востока, следуют правилам, близким к регулированию Европейского союза. Организации, желающие создать компании, связанные с криптовалютой, также должны соблюдать так называемый режим OSAB - правила конкретно касаются активов, предлагаемых этими организациями. Стейблкоины должны иметь один к одному обеспечение со своими фиатными аналогами и регулироваться как активы, сохраняющие свою резервную стоимость, а эмитен-

ты стейблкоинов должны быть классифицированы как предприятия, предоставляющие денежные услуги, и должны соблюдать соответствующее налоговое законодательство.

Китай фактически запрещает любую деятельность, связанную с цифровыми валютами, поэтому она является незаконной, особенно в части их приобретения и использования. Правительство страны также запретило финансовым учреждениям предоставлять любые услуги, связанные с криптовалютами - такая политика также распространяется на все виды стейблкоинов. Гражданам, которые уже владеют криптовалютами, разрешено их хранение, возможно, такая мера предшествует внедрению стейблкоина, выпускаемого Центральным банком Китая, в ближайшем будущем.

Россия занимает неоднозначную позицию в вопросах регулирования стейблкоинов и криптовалют в целом. Страна заявляет, что краудфандинговые платформы и проекты, связанные с криптовалютами, должны соблюдать особый закон о «цифровых правах», введенный правительством в 2019 году. В этом регулировании мало упоминаний о стейблкоинах, поэтому можно предположить, что правила применяются и к активам, обеспеченным фиатом. Подобно Китаю, ожидается, что Россия введет свой собственный стейблкоин, выпущенный банком, и потребует использовать только его по сравнению с другими. Кроме того, из-за санкций Россия может отменить свои законы, ограничивающие использование криптовалют в качестве платежных услуг, в 2024 году, но только для международных платежей.

Заключение

В большинстве случаев эмиссия стейблкоинов регулируется на основе общих законов, которыми регулируются все криптовалюты, но существует достаточно мало регулирующих положений, специально посвященных стейблкоинам. Этот вопрос активно изучается экономистами по всему миру, учитывая значительные различия между стейблкоинами и традиционными криптовалютами — это насущная проблема глобальной финансовой системы. Странам необходимы специальные правила для действительного обращения стейблкоинов в их нынешнем виде, так как законы, как правило, несколько различаются, поэтому регулирование является сугубо юрисдикционной проблемой.

Пристатейный библиографический список

1. Schwarcz S. L. Regulating Global Stablecoins: A Model-Law Strategy // *Vand. L. Rev.* – 2022. – Т. 75. – С. 1729.
2. Nøkleholm B. A., Kviseth G. V. Regulation of Cryptocurrency: An Analysis of the Proposed Markets in Crypto-Assets Regulation Emphasizing on the Issuer of Stablecoin: дис. – *Handelshøyskolen BI*, 2021.
3. Moorkattil X. Blockchain White Paper // Available at SSRN 4176506. – 2022.
4. Kochergin D. Crypto-assets: Economic nature, classification and regulation of turnover // *International organisations research journal.* – 2022. – Т. 17. № 3. – С. 75-113.
5. Quek B. Monetary authority of Singapore. – 2022.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Татьяна Эдуардовна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет (МГЮА)

КАРТАШОВ Александр Викторович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет (МГЮА)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ*

В современных условиях финансовый рынок претерпевает кардинальные изменения, обусловленные развитием и внедрением новых технологий. С целью построения устойчивой системы правового регулирования финансового рынка государство и общество стремятся выработать подходы, обеспечивающие внедрение инноваций, сбалансированное технологическое развитие, соблюдение прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, устойчивое развитие финансовых посредников, функционирующих на финансовом рынке. Для достижения этих целей регуляторы финансового рынка различных стран в последние годы активно используют экспериментальные правовые режимы. В статье анализируется зарубежный опыт установления экспериментальных правовых режимов на финансовом рынке.

Ключевые слова: финансовый рынок, технологии на финансовом рынке, экспериментальный правовой режим.

KARTASHOV Alexander Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Financial law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ROZHDESTVENSKAYA Tatyana Eduardovna

Ph.D. in Law, professor of Financial law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN THE FINANCIAL MARKET: FOREIGN EXPERIENCE

In modern conditions, the financial market is undergoing fundamental changes due to the development and introduction of new technologies. In order to build a sustainable system of legal regulation of the financial market, the state and society strive to develop approaches that ensure the introduction of innovations, balanced technological development, respect for the rights and legitimate interests of consumers of financial services, and sustainable development of organizations operating in the financial market. To achieve these goals, financial market regulators in various countries have been actively using experimental legal regimes in recent years. The article analyzes the foreign experience of establishing experimental legal regimes in the financial market.

Keywords: financial market, technologies in the financial market, experimental legal regime.

Развитие общества и государства неразрывно связано с различными научно-техническими достижениями. Научно-технический прогресс влияет на развитие различных секторов экономики, при этом драйвером технологического развития выступает финансовый сектор, участники которого наиболее активно применяют новые технологии, которые позволяют им совершенствовать способы оказания финансовых услуг. Указанные преобразования не могут не оказывать влияние на выбор правовых и организационных средств, которые обеспечивают возможность адаптации технологий на финансовом рынке. Важную роль в обеспечении правового регулирования технологического развития финансового рынка играют экспериментальные правовые режимы (далее – ЭПР на финансовом рынке).

ЭПР на финансовом рынке представляют собой разновидность эксперимента (правового эксперимента). Что такое эксперимент и в чем заключается специфика правового экс-

* Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Рождественская Т. Э.

Карташов А. В.

перимента, а также в чем заключаются отличия эксперимента на финансовом рынке от традиционного подхода к регулированию общественных отношений – вопросы, которые возникают при обсуждении заявленной темы.

В толковом словаре Ожегова под экспериментом понимается попытка понять, что-то новое или же неиспытанное ранее¹. В Большой российской энциклопедии содержится схожее понятие – эксперимент определяется, с одной стороны, как метод познания, с другой стороны, как итог такого познания – тип опыта, имеющий целенаправленно исследовательский характер и проводимый в специально заданных, воспроизводимых условиях путём их контролируемого изменения². Приведенные подходы к определению «экспери-

1 Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36165> (дата обращения: 15.06.2024).

2 Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/eksperiment-509478> (дата обращения: 15.06.2024).

Таблица 1. Участники ЭПР на финансовом рынке в зарубежных странах (примеры) [7, с. 179-241]

Страна	Участник ЭПР
Бразилия	Юридическое лицо, предлагающее технологические решения с учетом различных направлений их использования, например, решения для валютного рынка, оказывающие содействие предоставлению кредитов субъектам малого предпринимательства*.
Дания	Юридическое лицо, которое стремится протестировать новую технологию и/или бизнес-модель.
Иордания	Субъект, оказывающий услуги на финансовом рынке в сфере электронных платежей, управление денежными средствами (сберегательное дело), услуги, связанных с использованием криптовалют, Regtech-услуги.

мент» позволяют утверждать, что суть последнего заключается в том, чтобы, с одной стороны, в том, чтобы обеспечить наблюдение исследуемого явления, а, с другой стороны, определить условия, при которых это явление может происходить [3, с. 5]. Эксперимент обеспечивает познание действительности и позволяет управлять различными явлениями и оказывает влияние на поведение участников общественных отношений (т.н. социальный эксперимент) [4, с. 6], [5, с. 17-18].

Социальный эксперимент, как правило, применяется с целью выявления общественных закономерностей и поиска оптимальных способов воздействия, обеспечивающих упорядоченность поведения его участников. В последние годы социальные эксперименты активно распространяются в сфере финансового рынка. Причинами расширения количества данного вида экспериментов являются, во-первых, стремление регуляторов финансового рынка адаптировать предлагаемые как ими самими, так и прочими участниками финансового рынка технологии, произвести их тестирование и последующее внедрение при условии получения ожидаемых результатов. Указанные действия регуляторов сопряжены с выработкой соответствующих правовых механизмов, что свидетельствует о том, что ЭПР на финансовом рынке являются разновидностью правового эксперимента. Во-вторых, важное значение имеет то, что в рамках ЭПР на финансовом рынке можно «безболезненно» достигнуть указанных результатов без риска нарушения устойчивости всего финансового рынка, в-третьих, такого рода «вакуумирование» участников (ограничение их деятельности рамками ЭПР на финансовом рынке - прим. авторов статьи) в рамках ЭПР дает возможность оценить влияние внедряемых технологий на финансовую стабильность.

Рассматривая подходы, используемые в различных странах в процессе применения ЭПР на финансовом рынке, следует учитывать, что они различаются по ряду ключевых характеристик, к которым можно отнести:

- цели установления экспериментального правового режима на финансовом рынке (т.н. «нулевая гипотеза» [6]);
- круг (количество) участников эксперимента;
- субъектов, которые инициируют эксперименты и определяют условия его проведения;
- требования, которые должны быть соблюдены в процессе и по итогам участия в эксперименте;
- виды актов, служащих правовой основой для регулирования отношений.

Несмотря на то, что цели установления ЭПР на финансовом рынке в разных странах могут отличаться, общими базовыми целями вне зависимости от страны, на территории которой применяется экспериментальный правовой режим на финансовом рынке, являются обеспечение финансовой стабильности и защита прав потребителей финансовых услуг. Реализация указанных целей и определяет виды тех-

нологий, подлежащих апробации в рамках эксперимента. Примечательно, что указанные цели применения ЭПР могут быть закреплены в различных актах, таких, как: специальный закон, акт регулятора финансового рынка, акт стратегического планирования (общий или затрагивающий только сферу финансового рынка). Анализ положений указанных актов позволяет нам сделать вывод о том, что стратегической целью применения ЭПР на финансовом рынке выступает оценка и создание условий для внедрения финтех-продуктов (услуг)³.

Следовательно, в процессе установления и дальнейшего применения ЭПР на финансовом рынке центральные банки и иные регуляторы финансового рынка должны определить круг субъектов, участвующих в ЭПР на финансовом рынке и виды применяемых ими технологий. При выборе участников ЭПР регуляторы финансового рынка зарубежных стран довольно часто указывают в своих документах, что деятельность такого рода субъектов должна носить инновационный характер и обозначают соответствующего участника ЭПР на финансовом рынке как «fintech-участника» [9]. К таким участникам, по-нашему мнению, относятся 1) финансовые посредники, предлагающие использование инновационных технологий; 2) субъекты, не являющиеся финансовыми посредниками, но претендующие на получение соответствующего статуса и предлагающие инновационные технологии; 3) субъекты, не являющиеся финансовыми посредниками и не претендующие на получение соответствующего правового статуса (лицензирование, включение в соответствующий реестр саморегулируемой организации и т.п.). Последняя группа субъектов может обслуживать финансового посредника, который использует определенные инновационные технологии с целью взаимодействия с потребителями финансовых услуг в процессе осуществления деятельности на финансовом рынке и (или) за его пределами (см. таблицу 1).

Несмотря на то, что участниками ЭПР в большинстве стран являются юридические лица, в ряде зарубежных государств регуляторы допускают до участия в ЭПР на финансовом рынке и физических лиц (например, Иордания, Кувейт, Тайвань). Безусловно, допуск физических лиц к участию в ЭПР в зарубежных странах является исключением из правил, что обусловлено, на наш взгляд, следующими причинами:

- во-первых, в большинстве стран мира получение разрешения (лицензии), наличие которого (ой) позволяет оказывать услуги на финансовом рынке, возможно только для юридических лиц. Физические лица, обладающие статусом финансового посредника, в основном выполняют определенные вспомогательные услуги (например, аудит или оценку рисков);

- во-вторых, физические лица не располагают существенными материальными ресурсами в случае необходимости уплачивать штрафы (например, в тех ситуациях, когда

* BCB Resolution No. 50, of December 16, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bcb.gov.br/content/config/Documents/Regulatory_Sandbox_Regulation_BCB_Resolution_50_2020.pdf (дата обращения: 12.07.2024).

3 ESMA strategy 2023-2028. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma_strategy_2023-2028.pdf (дата обращения: 15.01.2024); Digital financial services policy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mofep.gov.gh/sites/default/files/acts/Ghana_DFS_Policy.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

Таблица 2. Наличие (отсутствие) требований к получению лицензии участника ЭПР на финансовом рынке

Страна	Лицензия национального регулятора финансового рынка
Австрия	Требуется
Бахрейн	Требуется
Бутан	Не требуется
Индонезия	Не требуется
Оман	Зависит от вида участника ЭПР

речь идет о применении к ним мер принуждения регулятором финансового рынка или при возникновении обязанности исполнения финансовых обязательств перед потребителями финансовых услуг и иными участниками отношений);

– в-третьих, в процессе и по итогам участия в ЭПР его участники обязаны (в большинстве случаев) предоставлять соответствующие документы (отчетность), анализ которой позволит оценить результаты их участия в эксперименте. Однако следует учесть, что указанные документы (отчетность) разрабатываются регуляторами финансового рынка, как правило, в отношении юридических лиц. Соответственно, в случае допуска для участия в ЭПР физического лица у регулятора финансового рынка возникает необходимость разработки специальных форм отчетности и необходимости индивидуализировать выполняемые участниками эксперимента требования, что представляется не всегда целесообразным.

Общий подход, связанный с выбором участника(ов) ЭПР в зарубежных странах, заключается в том, что его (их) поведение должно быть законным (правомерным). Регуляторы финансового рынка ограничивают возможность участия субъектов, которые либо преследуют противоправные цели, либо чье поведение будет негативно влиять на иных участников финансового рынка или же на устойчивость экономической системы общества. Так, например, в Пакистане, лица, предлагающие внедрить технологии на финансовом рынке, не могут стать участниками экспериментального правового режима, если: 1) предложенные ими продукты (услуги) являются аналогичными тем, которые уже используются, 2) они используют нормативно запрещенные технологии на территории Пакистана, 3) у данных лиц отсутствует обоснование целей внедрения предложенных ими технологий, 4) юридические лица, заявители, бенефициары (руководители) которых ранее были признаны виновными в совершении финансовых преступлений или вовлечены в легализацию доходов, полученных преступным путем, 5) заявители находятся в процессе банкротства или признаны неплатежеспособными, 6) внедрение технологии (продукта, услуги) повлечет за собой нарушение международных обязательств⁴.

Вопрос о наличии или же отсутствии лицензии у субъекта, стремящегося стать участником ЭПР на финансовом рынке, разрешается регуляторами зарубежных стран по-разному (см. таблицу 2).

Центральные банки и (или) органы государственной власти национальных государств, осуществляющие регулирование и контроль (надзор) на финансовом рынке, в качестве одной из основных целей установления ЭПР преследуют обеспечение стабильности финансового рынка своей страны. Именно поэтому возможность допуска ими лиц, которые не являются субъектами национальной экономики, определяется с учетом необходимости обеспечения интересов общества и государства. Это же обстоятельство влияет и на численность участников ЭПР.

Следует отметить, что количество участников ЭПР инициаторами введения ЭПР чаще всего не ограничивается. Немаловажное значение в ходе определения субъектного состава ЭПР имеет то, что регуляторы финансового рынка не могут не учитывать тот факт, что участники ЭПР получают целый ряд преимуществ по сравнению с иными участниками финансового рынка. Это выражается, прежде всего, в том, что субъекты, участвующие в ЭПР, имеют возможность быстрее прочих участников финансового рынка внедрить (усовершенствовать) предлагаемые технологии, оценив не только затраты на их применение, но и их соответствие требованиям, предъявляемым регуляторами финансового рынка. В конечном итоге, участники ЭПР будут иметь преимущество, что в итоге может отрицательно повлиять на конкуренцию между финансовыми посредниками на финансовом рынке.

В ходе определения круга лиц, допущенных для участия в ЭПР, приоритет отдается тем субъектам, которые, во-первых, являются юридическими лицами, во-вторых, зарегистрированы на территории того государства, регулятором финансового рынка которого устанавливается экспериментальный правовой режим⁵.

Период участия в ЭПР в разных странах в среднем варьируется от 6 до 24 месяцев. Выбор периода участия в ЭПР зависит от различных факторов, например, необходимости дополнительной оценки поведения финансовых посредников и потребителей финансовых услуг, оценки уровня защищенности данных, что, в результате, может потребовать увеличения периода участия в ЭПР (см. таблицу 3).

По-нашему мнению, интересным и малоизученным в научной литературе является вопрос об источниках правового регулирования, принимаемых с целью регулирования отношений, складывающихся в ходе введения экспериментальных правовых режимов на финансовом рынке. В ряде зарубежных стран (например, Казахстан, Мексика, Испания) правовую основу экспериментальных правовых режимов на финансовом рынке составляют общие или специальные законодательные акты, в развитие положений которых могут приниматься и иные акты о правовых экспериментах. Выбор вида принимаемого акта зависит, во-первых, от особенностей правовой системы государства, во-вторых, от того, какие субъекты – центральные банки, финансовые органы и иные органы власти, выполняют функции, связанные с осуществлением регулирования и (или) контроля (надзора) на финансовом рынке (см. таблицу 4).

Как уже было отмечено ранее, качество правового эксперимента на финансовом рынке зависит от выбора целей и задач, которые поставлены перед его участниками. Немаловажное значение, наряду с целеполаганием, имеет система принципов, которую должны соблюдать участники рассматриваемых нами отношений. Принципы ЭПР получают свое закрепление не только в документах, принимаемых с целью установления ЭПР, но и содержатся в программно-плановых актах, устанавливающих общие подходы к обеспечению цифровизации финансового рынка и (или) экономики в целом. Так, например, в программных документах Централь-

4 Securities and Exchange Commission of Pakistan regulatory sandbox Guidelines, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.secp.gov.pk/document/secp-regulatory-sandbox-guidelines-2019/?wpdmdl=37476&refresh=626a638ed3d821651139470> (дата обращения: 12.11.2023).

5 Кроме того, в ряде случаев устанавливаются требования к лицензии финансового посредника для участника ЭПР.

Таблица 3. Период действия ЭПР на финансовом рынке [7, с. 179-241]

Страна	Период
Австралия	24 месяца
Канада	в пределах 2-х лет
Кувейт	1 год
Нигерия	до 6 месяцев

Таблица 4. Виды нормативных актов, закрепляющие требования, предъявляемые к участию в ЭПР на финансовом рынке [7, с. 174], [8, с. 183-184]

Форма	Страна
Акт главы государства	Тайвань
Акт стратегического планирования	Бруней
Акт органа исполнительной власти или центрального банка	
Декрет	Венгрия, Грузия
Правила	Дубай
Постановление	Индонезия
Приказ	Мозамбик
Резолюция	Бразилия
Разъяснения	Австралия
Руководство	Зимбабве
Циркуляр	Филиппины
Акт информационного характера	Дания

ного Банка Египта закрепляется, что применение ЭПР на финансовом рынке требует от его участников соблюдения принципов поддержки инноваций в области финансовых технологий и эффективности контроля⁶.

В качестве принципов, которые подлежат соблюдению участниками эксперимента на финансовом рынке, регуляторы ряда зарубежных стран (например, Филиппины, Шри-Ланка, Южная Корея) также закрепляют обязательность соблюдения ограничений и принцип контроля за возникающими в процессе тестирования технологий (прочих инноваций).

Выполнение принципа соблюдения ограничений означает необходимость соблюдения участником эксперимента требований к видам тестируемых технологий, периоду их тестирования и количеству потребителей финансовых услуг. Важное значение в данном случае имеет то, что, участник ЭПР, соблюдая соответствующие ограничения, должен учитывать права потребителей финансовых услуг (иных участников режима), что предполагает, в частности, доведение до их сведения информации об условиях участия, порядке компенсации затрат, возникших по вине участника ЭПР.

Соблюдение принципа контроля за возникающими в процессе тестирования рисками, в свою очередь, предполагает необходимость создания и обеспечения функционирования системы оценки и управления рисками, возникающими в процессе тестирования внедряемых технологий.

Анализ документов регуляторов финансового рынка зарубежных стран, позволяет сделать вывод о наличии довольно гибкого подхода в ходе установления требований, которые предъявляются к участникам ЭПР. По-нашему мнению, указанные требования могут быть разграничены на общие и специальные.

В частности, к общим требованиям для субъекта, подающего заявку или же участника экспериментального режима, относятся: получение лицензии (разрешения), представление отчетности и прочих документов по требованию центрального банка или органа власти (в зависимости от модели публичного управления на финансовом рынке – прим авторов), заключение соглашения с регулятором. Важное значение также имеет разработка регулятором финансового рынка плана тестирования, который, как правило, должен содержать целый ряд ключевых показателей, включая информацию о видах тестируемых технологий, указание на основания, при соблюдении которых участник ЭПР может допускать снижение общих требований в сравнении с теми, которые соблюдаются субъектами, не относящимися к участникам правового эксперимента, требования к срокам участия в ЭПР (в целом и его отдельным этапам), предоставление отчетности и раскрытие информации о текущих (промежуточных) результатах тестирования и полное раскрытие данных на момент завершения участия в ЭПР (или для последующего участия в случае продления периода). Акты регуляторов финансового рынка не содержат, как правило, исчерпывающего перечня общих требований или указывают на возможность исключений в соблюдении некоторых из них. Например, Центральный банк Венгрии дает возможность частичного несоблюдения общих требований для участников правового экспериментального режима в отношении использования порядка удаленной идентификации потребителей финансовых услуг, расчетов, стоимости оказываемых услуг, систем управления и порядка представления отчетности и пр.⁷

6 Highlights of The Central Bank of Egypt's FinTech and Innovation Strategy December 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fintech.cbe.org.eg/home/index?ar> (дата обращения: 25.06.2024).

7 См.: MNB Decree 47/2018 (XII.17.) on diverging rules of compliance with obligations under certain MNB Decrees. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnb.hu/letoltes/mnb-regulatory-sandbox-decree.pdf> (дата обращения: 23.05.2024) @@ Financial innovation and stability fintech strategy of the Magyar Nemzeti Bank. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnb.hu/letoltes/mnb-fintech-strategy-eng-cov.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).

Наряду с общими требованиями, участники ЭПР на финансовом рынке обязаны выполнять также ряд специальных требований. Так, например, в Объединенных Арабских Эмиратах участники ЭПР должны обладать минимальным размером уставного капитала, оказывать финансовые услуги не менее 2-3-х лет на рынке (в разъяснениях регулятора не содержится указания на сферу деятельности – прим. авторов статьи), сформировать систему управления рисками, возникающими в результате применения нового продукта, услуги или технологии.

Следовательно, усложнение отношений на финансовом рынке вызывает объективную потребность у регуляторов пересмотреть подходы, используемые в процессе обеспечения публичного управления поведением участников отношений. В результате этого происходит трансформация системы правового регулирования и надзора на финансовом рынке. Бесспорно то, что внедрение ЭПР на финансовом рынке позволяет органам и иным субъектам, осуществляющим регулирование в сфере финансового рынка, разрабатывать политику и принимать акты с целью обеспечения контроля (надзора) за использованием отраслевых технологий в рамках и (или) за пределами правового эксперимента. Установление ЭПР на финансовом рынке позволяет, во-первых, выработать универсальные подходы, обеспечивающие сбалансированное регулирование за деятельностью как традиционных финансовых посредников, так и fintech-участников финансового рынка, во-вторых, снизить влияние рисков, вызванных применением технологий на финансовом рынке, в-третьих, оптимизировать надзор на финансовом рынке и, как следствие, расширить доступ к финансовым услугам, обеспечить защиту прав потребителей финансовых услуг и достигнуть целей стратегического развития государства и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36165> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/eksperiment-509478> (дата обращения: 15.06.2024).
3. Чемезов О. В., Маковская О. Ю. Теория эксперимента: учебное пособие / Под общ. ред. канд. хим. наук, доц. О. В. Чемезова; М во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 5.
4. Задорожная Е. А. Теория планирования эксперимента: учебное пособие. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018.
5. Бэкон, Фрэнсис (1561-1626). Новый Органон = *Novum organum scientiarum* / Франциск Бэкон Веруламский; ред. и вступ. ст. Г. Тьянско-го; пер. С. Красильщикова. – Ленинград: Соцэкгиз. Ленинградское отделение, 1935. – С. 17-18.
6. Denson, Thomas & Anderson, Craig. (2023). *Experimental Methods*. 10.1017/9781009010054.017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/371015474> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Карташов А. В. Публично-правовые аспекты цифровизации финансового рынка: монография. – Тула: Изд-во ТулГУ. – 2022. – 291 с.
8. Карташов А. В. Правовые аспекты цифровизации финансового рынка: монография. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2023. – 399 с.
9. Карташов А. В. Особенности лицензирования финтех-банков в европейских странах // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12 (187). – С. 279-281.
10. ESMA strategy 2023-2028. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma_strategy_2023-2028.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
11. Digital financial services policy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mofep.gov.gh/sites/default/files/acts/Ghana_DFS_Policy.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
12. Securities and Exchange Commission of Pakistan regulatory sandbox Guidelines, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.secp.gov.pk/document/secp-regulatory-sandbox-guidelines-pdmdl=37476&refresh=626a638ed3d821651139470> (дата обращения: 12.11.2023).
13. ASIC embarks on regtech innovation initiative into poor market disclosure. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asic.gov.au/for-business/innovation-hub/news/> (дата обращения: 31.03.2024).
14. Innovation and technology. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dfsa.ae/innovation#> (дата обращения: 17.04.2024).
15. BCB Resolution No. 50, of December 16, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bcb.gov.br/content/config/Documents/Regulatory_Sandbox_Regulation_BCB_Resolution_50_2020.pdf (дата обращения: 12.07.2024).
16. Highlights of The Central Bank of Egypt's FinTech and Innovation Strategy December 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fintech.cbe.org.eg/home/index?ar> (дата обращения: 25.06.2024).
17. Financial Technology and Regulatory Technology Submission 14. Select Committee on Financial Technology and Regulatory Technology Submission by the Australian Securities and Sound Practices, Implications of fintech developments for banks and bank Supervisors (2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bis.org/bcbs/publ/d431.pdf (дата обращения: 18.05.2024).
18. MNB Decree 47/2018 (XII.17.) on diverging rules of compliance with obligations under certain MNB Decrees. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnb.hu/letoltes/mnb-regulatory-sandbox-decree.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).
19. Financial innovation and stability fintech strategy of the Magyar Nemzeti Bank. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnb.hu/letoltes/mnb-fintech-strategy-eng-cov.pdf> (дата обращения: 16.06.2024).
20. Guidelines for Financial Institutions adopting Enabling Technologies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://365343652932-web-server-storage.s3.eu-west-2.amazonaws.com/files/7716/3699/0399/Guidelines_for_Financial_Institutions_adopting_Enabling_Technologies_20211107.pdf (дата обращения: 23.06.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-248-251

ЮСУПОВ Эмиль Флорович

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ В СПОРАХ ОБ ИСТРЕБОВАНИИ АКЦИЙ, ПРИОБРЕТЕННЫХ НА ОРГАНИЗОВАННЫХ ТОРГАХ

Работа затрагивает ключевые аспекты правового регулирования и защиты прав акционеров на рынке организованных торгов. Статья подчеркивает важность изменений, внесенных Федеральным законом № 325-ФЗ, который предусматривает, что акции, приобретенные добросовестно на организованных торгах, не подлежат виндикации. Автор указывает, что данное положение направлено на укрепление стабильности гражданского оборота и увеличение доверия к торговым механизмам. В работе анализируются проблемы правового регулирования института добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах и указывается необходимость точной индивидуализации ценных бумаг (акций) для эффективного истребования, также предлагаются пути решения проблем, связанных с истребованием активов.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, институт, истребование акций, организованные торги, виндикация, ценные бумаги.

YUSUPOV Emil Flurovich

postgraduate student, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

INSTITUTE OF A BONA FIDE ACQUIRER IN DISPUTES OVER THE RECLAMATION OF SHARES ACQUIRED AT ORGANIZED AUCTIONS

The work touches on key aspects of legal regulation and protection of shareholders' rights in the organized trading market. The article emphasizes the importance of the changes introduced by Federal Law No. 325-FZ, which provides that shares acquired in good faith at organized auctions are not subject to vindication. The author points out that this provision is aimed at strengthening the stability of civil turnover and increasing confidence in trade mechanisms. The paper analyzes the problems of legal regulation of the institution of a bona fide acquirer in disputes over the reclamation of shares purchased at organized auctions and indicates the need for accurate individualization of securities (shares) for effective reclamation, and also suggests ways to solve problems related to the reclamation of assets.

Keywords: bona fide acquirer, institution, stock claim, organized auctions, vindication, securities.

Юсупов Э. Ф.

В контексте защиты прав добросовестного приобретателя акций на организованных торгах, важно осознавать особенности, которые вносит Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ «Об организованных торгах»¹ (далее – ФЗ № 325). В частности, часть 7.3 статьи 18 ФЗ № 325 утверждает, что активы, купленные на таких торгах, не могут быть предметом виндикации у добросовестного покупателя. Данное положение, введенное в 2017 году было сформировано с целью укрепить стабильность гражданского оборота и повысить доверие к механизмам организованных торгов.

Так, с 2017 года принципы защиты добросовестного приобретения стали предметом еще более широкого обсуждения в юридической литературе, в том числе в рамках истребования акций.

В современном правовом поле часто возникают ситуации, когда одно лицо по различным основаниям заключает сделки по передаче одного и того же имущества нескольким покупателям, что приводит к явлению «двойного» отчуждения. Указанное приводит к тому, что несколько лиц одновременно обладают правом требовать передачу им этого объекта. Поскольку право собственности может быть передано только одному из них, необходимо определить, кто

именно станет его обладателем, а остальные покупатели будут ограничены правом требовать от продавца исполнения договорных обязательств. На это обращает внимание Л. А. Новоселова [4, с. 3] – доктор юридических наук, профессор и заведующая кафедрой интеллектуальных прав МГЮА им. О. Е. Кутафина.

Исполняющий обязанности директора МГЮА имени О. Е. Кутафина В. И. Галкин [3, с. 103] отмечает, что согласно статье 302 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ), ответчик в виндикационном иске может быть как добросовестным, так и недобросовестным приобретателем.

Однако в настоящее время недостаточно внимания уделяется более глубоким аспектам, таким как правовое регулирование статуса добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных биржах. В этом контексте важно подчеркнуть, что исследователи единогласно считают практику разделения прав на документарные и бездокументарные ценные бумаги некорректной. Поэтому в данной статье мы придерживаемся этой позиции. Об этом также указывают профессор кафедры гражданского права МГЮА имени О. Е. Кутафина Л. Ю. Ва-

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об организованных торгах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6726.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

силевская, старший преподаватель той же кафедры Е. Б. Подузова и Ф. А. Тасалова [2, с. 24].

Основной трудностью в исследованиях выступало отсутствие возможности четкой индивидуализации бездокументарных акций, что противоречит основному условию виндикации – наличию в споре точно определенной вещи [1, с. 38].

Ключевое различие между документарными и бездокументарными ценными бумагами заключается лишь в способе фиксации прав: первые существуют в материальной форме, а вторые – в электронной. Однако правовая сущность этих прав остается одинаковой, что делает предложение о невозможности истребования бездокументарных ценных бумаг логичным и обоснованным шагом. Внедрение подобных норм в законодательство снижает юридическую неопределенность и укрепляет эффективность и безопасность гражданского оборота, обеспечивая участникам рынка уверенность в стабильности и предсказуемости правовой системы.

Так, бездокументарные ценные бумаги являются нематериальными объектами, представленными записями в электронных системах, которые отражают объем прав владельца. Поэтому традиционные методы истребования, применимые к материальным объектам, не подходят для бездокументарных ценных бумаг. Вместо этого правообладатель может требовать изменения записей на счетах для восстановления своих прав, что фактически является требованием изменения информации о праве собственности, а не физической виндикации.

Данная специфика также подчеркивает отличие между бездокументарными ценными бумагами и документарными или наличными денежными средствами, для которых возможно применение традиционных методов защиты прав собственности. Использование термина «истребовать» в отношении бездокументарных ценных бумаг действительно может вводить в заблуждение, так как подразумевает возможность возврата физического объекта, что неприменимо в данном контексте.

Согласно статье 2 ФЗ № 325, к объектам организованных торгов относятся товары, включающие допущенные к торгам вещи, ценные бумаги, иностранную валюту и производные финансовые инструменты. Поскольку правовая природа этих объектов различна, ограничения на виндикацию не могут применяться к тем из них, которые не являются вещами и не подпадают под вещно-правовой режим. Поэтому вопрос об истребовании имущества, приобретенного на организованных торгах, следует рассматривать не только в контексте возврата материальных вещей по статье 301 ГК РФ, но и в отношении имущества другой правовой природы.

В отношении ценных бумаг законодатель справедливо делает исключение из общего правила защиты добросовестного приобретателя. Для таких активов критически важно, чтобы покупатель действовал добросовестно, то есть не знал и не мог знать о незаконном происхождении ценной бумаги или денежных средств. Указанное обусловлено тем, что ценные бумаги на предъявителя и наличные деньги обладают свойствами, которые облегчают их обращение и делают практически невозможным отслеживание их источника после ряда сделок.

На сегодняшний день часть 3 статьи 302 ГК РФ исключает возможность истребования акций у добросовестного приобретателя, даже если они были утрачены собственником без его согласия. Добросовестный приобретатель представляет собой лицо, которое приобрело имущество (в данном случае ценные бумаги), не зная и не могло знать о том, что оно было

незаконно выбывшим из владения собственника. Для бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих денежное требование (например, облигаций) и приобретенных на организованных торгах, установлен особый режим: такие бумаги не подлежат истребованию у добросовестного приобретателя.

Защита прав приобретателя осуществляется независимо от того, была ли сделка возмездной или безвозмездной, и вне зависимости от обстоятельств, при которых собственник утратил владение имуществом. Данное положение отличается от части 2 рассматриваемой статьи, где указано, что имущество, полученное добросовестным приобретателем безвозмездно, может быть возвращено независимо от обстоятельств.

Часть 3 статьи 302 ГК РФ вводит специальные нормы защиты для приобретателей акций, действуя как «общий правовой принцип» по отношению к более общим положениям данной статьи. Указанное подтверждается статьей 51.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³, которая устанавливает, что сделки, заключенные на организованных торгах, являются публичными и открытыми, а участники этих сделок действуют прозрачно и под надзором регулирующих органов.

Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» предусматривает высокие стандарты прозрачности и надежности на организованных торгах, что направлено на повышение уровня доверия участников рынка и обеспечение стабильности финансовой системы. Высокий уровень прозрачности достигается через обязательное раскрытие информации эмитентами и профессиональными участниками рынка. Согласно статьям 30–32 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» эмитенты обязаны предоставлять полную и достоверную информацию о своей финансово-хозяйственной деятельности, существенных фактах и событиях, способных повлиять на стоимость ценных бумаг, что позволяет инвесторам принимать обоснованные решения на основе актуальной и достоверной информации. Кроме того, организаторы торговли, такие как фондовые биржи, обязаны обеспечивать доступ к информации о текущих ценах, объемах торгов и других существенных параметрах рынка (статья 11).

Надежность организованных торгов обеспечивается строгим регулированием деятельности профессиональных участников рынка. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливает требования к лицензированию, капиталу, системе внутреннего контроля и управлению рисками для брокеров, дилеров, управляющих компаний и других участников. Центральный банк Российской Федерации осуществляет надзор и контроль за соблюдением этими участниками установленных норм и правил. Система клиринга и расчетов также играет ключевую роль в обеспечении надежности торгов. Клиринговые организации обязаны гарантировать выполнение обязательств по заключенным сделкам, что снижает риски невыполнения контрагентами своих обязательств.

Таким образом, закон презюмирует добросовестность приобретателя на организованных торгах. Однако доказывание добросовестности приобретателя является ключевым фактором в защите его прав в случаях, когда на приобретенные ценные бумаги предъявляются претензии третьих лиц.

3 Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

В качестве основных доказательств можно выделить следующее:

- наличие официальных документов, подтверждающих приобретение ценных бумаг на организованных торгах, является первостепенным доказательством добросовестности;
- организаторы торгов обязаны предоставлять участникам информацию о заключенных сделках. Такие подтверждения служат доказательством того, что сделка была совершена в рамках официальной торговой системы;
- профессиональные участники рынка ценных бумаг обязаны вести учет и предоставлять клиентам отчеты о совершенных операциях: выписки по счетам депо, подтверждающие зачисление ценных бумаг на счет приобретателя; отчеты о совершенных сделках, содержащие информацию о времени, объеме и условиях покупки ценных бумаг.

Добросовестный приобретатель также заранее может самостоятельно убедиться в отсутствии обременений или ограничений на приобретаемые ценные бумаги с целью избегания дальнейших споров. Например, можно проверить реестр владельцев ценных бумаг, где отражаются права собственности и возможные ограничения; публичные базы данных и регистры, предоставляемые уполномоченными органами и т.д.

На сегодняшний день квази-виндикация стала одним из ключевых, но относительно новых методов защиты интересов акционеров в случаях потери акций вопреки их желанию, как это закреплено в законодательстве. Данный метод обозначен в статье 149.3 ГК РФ и был введен в контексте широкомасштабной реформы гражданского законодательства. Он направлен на обеспечение эффективной защиты прав собственности акционеров, нарушенных без их согласия.

Согласно статье 149.3 ГК РФ в случаях неправомерного списания бездокументарных ценных бумаг с чьего-либо счета, правообладатель имеет право требовать возврата идентичного количества таких же ценных бумаг от лица, на счет которого они были переведены. В рамках процедуры, известной как квази-виндикация, ответчиком по такому иску выступает владелец счета, где находятся спорные активы. Это может быть как нарушитель, так и третье лицо-приобретатель. При этом, в контексте данного метода защиты, добросовестность приобретателя не учитывается, если только ценные бумаги были изъяты из имущественной массы правообладателя незаконно и без его согласия.

Важно подчеркнуть, что в контексте квази-виндикации статус добросовестного приобретателя приобретает значимость только в определенных ситуациях, которые касаются случаев, когда приобретены бездокументарные ценные бумаги, подтверждающие денежные требования, или те, что были куплены на организованных торгах. Особенность заключается в том, что оценка добросовестности проводится не по общим положениям ГК РФ, а согласно специальной норме Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Применение квази-виндикации, вне зависимости от добросовестности последнего владельца бездокументарных акций, которые были потеряны неправомерно, является значительным преимуществом. Данный механизм позволяет истребовать акции даже в случаях, когда происходила «цепочка» их передачи. В отличие от традиционной виндикации, которая не всегда позволяет вернуть вещь от последнего приобретателя, квази-виндикация обеспечивает более эффективную защиту интересов акционеров. Указанное особенно актуально на рынке ценных бумаг, где операции с

активами могут происходить очень быстро, а цепочки приобретателей могут быть значительно продолжительными.

Одной из ключевых особенностей квази-виндикации также является возможность возврата бездокументарных ценных бумаг, которые были преобразованы в другие виды. Согласно части 2 статьи 149.3 ГК РФ, если неправомерно утраченные бездокументарные ценные бумаги были конвертированы в иные ценные бумаги, законный владелец имеет право требовать возвращения эквивалентного количества новых бумаг. Данная норма основана на принципе сохранения единой стоимости, который также применяется в других областях гражданского права, например, в залоговых отношениях. Так, часть 2 статьи 345 ГК РФ устанавливает, что имущество, полученное в результате переработки или изменения ранее заложенного имущества, продолжает находиться в залоге.

Несмотря на то что в юридической науке существует определенное несогласие с этим принципом, основанное на аргументе, что это подобно виндикации вещи, созданной из чужих материалов, приобретенных недобросовестно, в контексте квази-виндикации и с учетом особенностей правовой природы бездокументарных ценных бумаг, принцип единой стоимости действует в интересах правообладателя. Указанное значительно упрощает процесс защиты его прав, позволяя эффективно реагировать на современные сложности в обороте ценных бумаг и предотвращать потери при их конвертации.

Одним из важных преимуществ, которые предоставляет акционерам механизм квази-виндикации, является норма, закрепленная в пункте 2 статьи 149.4 ГК РФ. Указанная норма дает право законному владельцу акций оспаривать решения общего собрания акционеров, если они были приняты с участием лиц, неправомерно владеющих акциями, и если эти решения нарушают его права или законно защищаемые интересы. Такое право на ретроспективное оспаривание эффективно устраняет последствия незаконного выбытия акций из собственности акционера и фактически служит инструментом восстановления контроля в корпоративной структуре. Однако следует учитывать ограничения этого права. Если признание недействительности решения акционерного общества приведет к несоразмерному ущербу для кредиторов компании, суд может отказать акционеру в удовлетворении его иска.

Такое законодательное ограничение служит защите баланса интересов всех участников корпоративных отношений, предотвращая возможное негативное воздействие на финансовое состояние и стабильность компании.

Исследуя преимущества и недостатки обсуждаемого правового регулирования института добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах, стоит обратить внимание на проблемы в законодательном регулировании. Встречаются случаи, когда недобросовестные лица осуществляют незаконное списание бездокументарных акций с чужого счета, а затем производят их распределение между множеством участников. Такое действие, известное как «распыление» акций, создает ситуацию, при которой акции оказываются разделенными таким образом, что у каждого участника нет полного количества изначально списанных акций. Указанное затрудняет задачу истца в определении, против кого и на какой объем акций следует подавать квази-виндикационный иск.

В юридической доктрине и судебной практике развились различные методы решения вопроса истребования

ценных бумаг. Один из таких методов называется «долевым истребованием», при котором возврат акций происходит в равных долях от каждого из лиц, кто приобрел утраченные бездокументарные акции. Иск, в этом случае, направляется против всех владельцев счетов, на которые были переведены данные акции. Второй метод основан на судебных решениях Высшего Арбитражного Суда РФ и предусматривает возврат акций в полном объеме, определенном истцом, если приобретатели не докажут свою добросовестность⁴. При этом, если установлено, что приобретатели знали о неправомерности получения акций, их отказ предоставить информацию может рассматриваться как подтверждение обвинений со стороны истца.

Так, по нашему мнению, в рамках института добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах, механизм квази-виндикации бездокументарных акций представляет собой уникальный метод защиты прав акционеров, который был введен законодателем как альтернатива традиционному вещно-правовому виндикационному иску в отношении обязательственных бездокументарных ценных бумаг. Данный инструмент отличается от классической виндикации, несмотря на применение некоторых аналогичных правил к документарным ценным бумагам.

Квази-виндикация представляет собой специализированный правовой механизм, предназначенный для защиты прав акционеров на акции, утраченные без их согласия, и не должна рассматриваться лишь как расширение стандартной виндикации. Исходя из этого, квази-виндикационный иск следует понимать как самостоятельное юридическое требование, которое также направлено на восстановление контроля над компанией.

В рамках изучения вопроса правового регулирования института добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах, следует также отметить, что при анализе норм, регулирующих вопросы истребования акций, приобретенных на организованных торгах, от добросовестного приобретателя, важно учитывать, что как часть 3 статьи 302, так и часть 3 статьи 147.1 ГК РФ определяют особенности возврата имущества, делая их специальными по отношению к общим правилам, изложенным в части 1 статьи 302 ГК РФ. Следовательно, эти две нормы не являются специальными друг к другу, а дополняют общие правила истребования.

При анализе проблемы приоритета между вышеуказанными статьями ГК РФ можно действительно применить правило, согласно которому более поздний закон отменяет ранее действующий. Учитывая, что часть 3 статьи 147.1 ГК РФ была принята позже, чем часть 3 статьи 302 ГК РФ, в случае возникновения конфликта между этими положениями, более новое положение, вероятно, будет иметь приоритет.

Дополнительное подтверждение такого приоритета было дано Пленумом Верховного Суда РФ, который в пункте 42 Постановления от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ указал, что истребование документарных ценных бумаг производится в

соответствии с общими правилами истребования вещей из чужого незаконного владения (ст. 301-303 ГК РФ), но с учетом особенностей, определенных в ст. 147.1 ГК РФ.

Однако, чтобы минимизировать возможные юридические коллизии, было бы целесообразно внести изменения в законодательство. Дополнение части 3 статьи 302 ГК РФ положениями, аналогичными тем, что закреплены в статье 147.1 ГК РФ, позволило бы унифицировать подход к вопросам возврата не только предъявительских ценных бумаг, но и ордерных, а также именных ценных бумаг, удостоверяющих денежные требования. Это обеспечило бы более четкое и последовательное применение норм права при решении споров, связанных с возвратом ценных бумаг, приобретенных на организованных торгах.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что основное правило правового регулирования института добросовестного приобретателя в спорах об истребовании акций, приобретенных на организованных торгах, заключается в том, что согласно части 7.3 статьи 18 ФЗ № 325 активы, приобретенные на таких торгах, не подлежат виндикации, если покупатель действовал добросовестно. Данное нововведение было введено с целью правовой защиты добросовестного приобретателя на организованных торгах, что на сегодняшний день обеспечивает важный баланс между защитой прав собственников и поддержанием стабильности гражданского оборота. Однако указанное вынуждает участников рынка искать альтернативные пути защиты своих прав, включая использование процедуры квази-виндикации, которая позволяет истребовать акции даже в сложных «цепочках» передач. В связи с этим, учитывая возникающие на практике сложности, необходимо дальнейшее уточнение и дополнение нормативной базы, чтобы обеспечить более четкое и эффективное применение закона в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Берзон Н. И. Рынок ценных бумаг: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 514 с.
2. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалова Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография. – М.: Проспект, 2021. – 230 с.
3. Галкин В. И. Проблема достижения баланса интересов при виндикации недвижимого имущества от добросовестного приобретателя по иску публично-правового образования // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 102-107.
4. Новоселова Л. А. Защита добросовестного приобретателя от претензий «конкурирующих» приобретателей // Хозяйство и право. – 2020. – № 8 (523). – С. 3-9.

4 Постановление Президиума ВАС РФ от 20 марта 2012 г. по делу № 14989/11 // Судебные и нормативные акты РФ.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

ЧЕПКАСОВА Анастасия Олеговна

аспирант, Высшая школа государственного аудита, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ НАЛОГОВОМ ПРАВЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Развитие цифровых технологий существенным образом влияет на традиционные принципы и стандарты международного налогообложения. Цель данного исследования состоит в выявлении ключевых тенденций изменения принципа справедливости в международном налоговом праве. В силу своей многоаспектности трансформация принципа справедливости раскрывается в совершенно разных направлениях и вопросах. Так, для достижения справедливого налогообложения необходимо уделить особое внимание разработке теоретической концепции «цифрового резидентства» налогоплательщиков и практической реализации модели налогообложения в рыночной юрисдикции. Права на доходы транснациональных цифровых корпораций должны распределяться в пользу юрисдикций, где находятся потребители их цифровых услуг. Справедливость в современном международном налоговом праве заключается в ускорении процессов налогового администрирования без нарушения конфиденциальности налогоплательщиков, а также в максимальной автоматизации процесса сбора и обмена информацией между юрисдикциями.

Ключевые слова: принцип справедливости, международное налоговое право, цифровизация, цифровые кочевники, подоходный налог, международное налогообложение.

ЧЕПКАСОВА Anastasiya Olegovna

postgraduate student, School of State Audit, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE PRINCIPLE OF FAIRNESS IN INTERNATIONAL TAX LAW: NEW CHALLENGES OF DIGITAL AGE

The development of digital technologies significantly affects the traditional principles and standards of international taxation. The purpose of this study is to identify key trends in the changing principle of fairness in international tax law. Due to its multidimensional nature, the transformation of the principle of fairness is revealed in completely different directions and issues. Thus, in order to achieve fair taxation, it is necessary to pay special attention to the development of the theoretical concept of “digital residency” of taxpayers and the practical implementation of the taxation model in a market jurisdiction. The income rights of multinational digital corporations should be distributed in favor of the jurisdictions where the consumers of their digital services are located. Fairness in modern international tax law consists in speeding up the processes of tax administration without violating the confidentiality of taxpayers, as well as in maximizing the automation of the process of collecting and exchanging information between jurisdictions.

Keywords: principle of fairness, international tax law, digitalization, digital nomads, income tax, international taxation.

Стремительное развитие цифровизации и глобализация лежат в основе коренных перемен существующих налоговых норм и стандартов. С появлением новых технологий и возможностью для компаний оперировать на мировом рынке без значительных ограничений, вопросы налогообложения приобретают новые оттенки и вызовы. Одним из ключевых аспектов становится баланс между интересами государств и корпораций, между желанием привлечь инвестиции и обеспечить справедливое распределение налоговой нагрузки. В условиях цифровизации экономики традиционные формы налогообложения часто не соответствуют новым реалиям. Это приводит к тому, что крупные цифровые корпорации могут уклоняться от уплаты налогов или минимизировать свои налоговые обязательства. Классические принципы, разработанные для мира материальных активов и физического присутствия, с трудом отражают нематериальную природу цифровых транзакций и услуг.

В данной статье мы рассмотрим проблему влияния технологического прогресса на принцип справедливости как фундаментальной основы международного налогового права. Объектом исследования выступают урегулированные нормами права общественные отношения по установлению, взиманию и распределению налогов на международном уровне. Цель настоящей работы заключается в определении основных тенденций преобразования принципа справедливости в международном налоговом праве и разработке рекомендаций для практического обеспечения справедливости

международного налогообложения в динамически меняющихся экономических условиях.

Теоретические основы принципа справедливости в международном налоговом праве

Принцип справедливости является одним из древнейших принципов, присущих праву и государству. В силу своей многогранности и разноплановости «справедливость» принимает уникальное смысловое наполнение в любой общественной науке, будь то экономика, юриспруденция, социология или философия. Зачастую справедливость представляет собой нравственный ориентир и толкуется через «честность» и «беспристрастность» [11, с. 34]. Справедливость является «не только вечной, но и высшей ценностью, с которой все остальные должны согласовываться» [6, с. 4]. В правоведении принято считать, что «справедливость входит в само понятие права» [8, с. 45], выступая его сущностным свойством и качеством. Таким образом, справедливость – это так называемый принцип принципов: «все остальные принципы от него производны» [4, с. 54-62] и раскрывают его содержание в различных отраслях и институтах.

Принципы права не выступают как самостоятельная сущность. Во все времена они отражали ключевые закономерности в социальном прогрессе. Появление новейших принципов права, а также их изменение, либо исчезновение связывается с некоторым периодом в развитии общества. Огромное влияние на формирование и детерминацию принципов права оказывают экономические отношения: уровень

развития производства, состояние рыночной экономики, преобладающие формы собственности. Как правило, «выделяются и закрепляются в законе именно те основные начала правовой системы, которые формируются в процессе развития общества» [11, с. 3] и обладают «наиболее важным значением в данных социально-экономических и политических обстоятельствах» [5, с. 16].

Исторически принцип справедливости развивался вместе с концепцией налогообложения. В древних цивилизациях налоговые системы часто были произвольными и зависели от воли правителей. С развитием государственности и правовых систем начали формироваться более структурированные подходы к налогообложению. Так, в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адам Смит впервые установил четыре классические основы налогообложения: справедливость, удобство, эффективность и определенность. Под справедливостью понималась строгая равномерность в распределении налога между его плательщиками. Основой данного принципа служила идея о соразмерности налоговой обязанности и платежеспособности лица (*ability to pay*). Так, «налоговое бремя должно распределяться согласно относительному благосостоянию лиц» [3], то есть уровню дохода в сравнении с другими налогоплательщиками.

С начала XX века, с ростом международной торговли и инвестиций, возникла необходимость в разработке общих принципов налогообложения на международном уровне. В этом контексте принцип справедливости начал активно обсуждаться на международных форумах и конференциях, в рамках Лиги наций и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В результате были разработаны многосторонние соглашения и рекомендации, направленные на устранение двойного налогообложения и обеспечение справедливого распределения налоговых поступлений.

В международном налоговом праве принцип справедливости имеет собственное, уникальное содержание. В. А. Гидирим вслед за А. А. Шахмаметьевым определяет принцип справедливости как взаимосвязь принципа всеобщности, соразмерности, недискриминации и равного налогового бремени [3, с. 189]. Справедливой в международном налогообложении является модель распределения прав на налоговые поступления между юрисдикциями в зависимости от объективных факторов участия каждого государства в получении налогооблагаемого дохода. В связи с этим важным становится вопрос достижения единообразного понимания факторов участия в извлечении прибыли и общая договоренность о сотрудничестве между государствами и международными организациями. Помимо этого, справедливость в международном налогообложении включает в себя идеи равенства налогового бремени, предсказуемости налоговых обязательств, защиты прав налогоплательщика и уважения национальных суверенитетов.

Одним из основных подходов к справедливости в международном налоговом праве является концепция горизонтальной равноправности государств, выраженная в принципе недискриминации и уважения суверенитета каждого государства. Согласно данному подходу, все страны должны иметь равные права и обязанности в налоговой сфере, и никто не должен подвергаться недопустимым налоговым дискриминационным мерам со стороны других стран.

Другой аспект справедливости в международном налоговом праве связан с вертикальным распределением налоговых обязательств между развитыми и развивающимися странами. В связи с этим в международном сообществе часто обсуждается необходимость установления механизмов справедливого распределения налоговых доходов и обязательств между странами с учетом их экономического развития и потребностей.

Соблюдение всех критериев горизонтального и вертикального равенства в совокупности с принципами соразмер-

ности и недискриминации является сложнейшей задачей даже в условиях привычной нам физической международной торговли, но еще более усложняется с введением цифровых технологий. Цифровизация экономики спровоцировала появление целого ряда теоретических и практических проблем в реализации принципа справедливости международного налогообложения. Рассмотрим их более подробно.

Резидентство

Появление платформенных компаний, таких как Яндекс, Uber, Google или Amazon, привело к изменению традиционных бизнес-моделей и вызвало споры в международном сообществе по поводу налогообложения таких организаций. Ключевой проблемой стало определение налоговой юрисдикции для таких компаний, учитывая их глобальный характер и отсутствие физического присутствия в большинстве стран.

Формальные критерии налогового резидентства (место инкорпорации и место юридического местонахождения) имеют физическое воплощение, а потому не меняются в связи с глобальной цифровизацией рынка. Однако во многих случаях места юридического нахождения организации может не быть, так как офис или любое иное здание факультативно для современного бизнеса. В то же время критерий инкорпорации не может оставаться единственным надежным методом определения резидентов государства, так как им легко манипулировать, учредив компанию в низконалоговой юрисдикции.

В равной степени цифровая трансформация затронула критерии, распространённые в англо-саксонской системе права, а именно критерий места управления. Место управления компанией в международной практике находится там, где принимаются ключевые управленческие решения. Важную роль здесь играет место нахождения головного офиса компании, а также бухгалтерских документов. Благодаря современным средствам коммуникации управленческий состав компании может проводить виртуальные собрания посредством телефонных и видеоконференций, а также принимать решения через обмен электронными сообщениями. «Архивы и бухгалтерская отчетность могут храниться в сервере в электронной форме» [7]. При таких обстоятельствах определить резидентство на основании критерия места управления достаточно затруднительно. Потенциальным решением поставленной проблемы может быть концепция домицилия управляющего состава компании. Однако возникает вопрос, каким образом определять резидентство, если контролируемые лица находятся в разных странах или в какой-то момент сменили место жительства. На сегодняшний день нет единого решения поставленной проблемы.

Отметим также, что технологический прогресс повлиял на резидентство не только юридических, но и физических лиц. Одной из важнейших дилемм современного международного налогового права стал вопрос налогообложения так называемых «цифровых кочевников». Цифровые кочевники или *digital nomads* относятся к социально-экономической категории «физических лиц, которые ведут мобильный образ жизни и с помощью цифровых технологий осуществляют трудовую или профессиональную деятельность (в дизайне, IT или образовательной сфере), путешествуя по миру» [13, с. 300].

В Российской Федерации 4,1 млн. граждан относят себя к категории цифровых кочевников¹. Более того, количество таких лиц постоянно растет, ввиду открытия новых возможностей цифровых платформ и популяризации удаленной работы после пандемии Covid-19 [9, с. 54].

1 Nomadlist.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nomadlist.com/digital-nomad-statistics> (дата обращения: 22.10.2024).

В условиях всё более ускоряющейся цифровизации становится ясно, что тесные экономические связи между физическим лицом и государством уже не требуют физического присутствия на той или иной территории. Доходы могут извлекаться в различных юрисдикциях, но лицо при этом не обязательно становится налоговым резидентом. Фрилансеры, самозанятые и лица на аутсорсинге имеют возможность перемещаться между странами, не создавая для себя налоговых обязательств.

Кроме того, некоторые государства активно внедряются специальные программы налогообложения для цифровых кочевников, известные как digital nomad visa. Такие визовые программы зачастую предлагают льготные условия для физических лиц – «кочевников», что противоречит общей тенденции к созданию равных условий налогообложения по всему миру и борьбе с офшорами. Цифровые кочевники оказываются в неравном положении с другими физическими лицами – налогоплательщиками, имеющими резидентство и уплачивающими налог в соответствии с классическими правилами налогообложения. Решение данной проблемы некоторые видят в разработке на международном уровне концепции «цифрового» резидентства [10, с. 29].

Справедливая аллокация дохода

Ключевая проблема, обусловленная цифровой экономикой, заключается в практической сложности определения источника дохода, то есть географической области, где осуществляется экономическая деятельность, приносящая доход. Хорошим примером является продажа товаров с крупных площадок мировых маркетплейсов: домен сайта может быть зарегистрирован в любой стране по выбору создателя, компания может находиться в третьем государстве и при этом не иметь постоянного представительства в месте реализации товара. При такой модели налог с дохода будет уплачен в стране резидентства компании-продавца, так как физические лица - покупатели не будут выступать налоговыми агентами за иностранное предприятие. Еще более осложняется данный вопрос при переходе к модели нематериального бизнеса: например, поисковые платформы зарабатывают на рекламе и сборе персональных данных пользователей по всему миру, но качественно оценить источник их доходов чрезвычайно сложно.

Цифровизация привела к ситуации, когда конечное потребление продукта территориально не связано с местом его изготовления. Такая экономическая модель производства и распределения привела к научной дискуссии о месте возникновения прибыли компании. Исходя из классических постулатов, потребительский рынок не является фактором действительного функционирования капитала. Однако в эпоху Интернет-торговли «получение прибыли и взимание налогов перестает быть атрибутом фактического присутствия» [12, с. 45]. Чтобы перераспределить налоги от доходов цифровой компании без постоянного представительства в страну местонахождения потребителей, необходимо установить факт существенного экономического присутствия (taxing nexus) такой компании в юрисдикции.

В мире, однако, все еще распространена практика, когда «цифровые предприятия могут легко обойти правило существенного экономического присутствия, используя комиссионера вместо дочерних компаний и постоянных представителей» [12, с. 49]. Именно поэтому наиболее прогрессивной моделью для сферы налогообложения является «определение представительства через рынки (market jurisdictions)², то

есть в юрисдикциях, в которых группа многонациональных компаний продает продукты или услуги, а в случае бизнеса с высокой степенью цифровизации, предоставляет услуги пользователям или собирает данные, контент от них» [12, с. 49].

9 октября 2019 г. Секретариат ОЭСР обнародовал «Предложение по унифицированному подходу в «Pillar One»³, разработанное с целью решения налоговых проблем, обусловленных цифровизацией, и предоставления новых налоговых прав рыночным юрисдикциям. Так, международное сообщество, основываясь на идеях и разработках ОЭСР, активно работает над внедрением новых правил налогообложения цифровых компаний в юрисдикциях местонахождения их потребителей. Технически внедрение данной инициативы существенно осложняется выбором объективных критериев подсчета потребителей на территории той или иной юрисдикции. В рамках проекта ОЭСР активно прорабатываются идеи использования иерархически построенных индикаторов: геолокации, IP-адреса и информации из открытых источников. Данные критерии, несомненно, необходимо применять в совокупности, так как каждый из них сам по себе не способен обеспечить должную степень точности.

Равенство и налоговый суверенитет

Принцип равенства является неотъемлемой частью принципа справедливости. В международном налоговом праве он раскрывается через принцип суверенного равенства государств и равенства прав налогоплательщиков. Безусловно, принцип равенства не предполагает обязанность государства устанавливать одинаковое налоговое бремя для всех категорий налогоплательщиков, и тем более не подразумевает установление одинакового бремени среди всех государств мира. Однако современные тенденции к офшоризации экономики заставляют мировое сообщество по-другому взглянуть на реализацию данного принципа. «Офшорные юрисдикции предлагают «удобные» условия для размещения капитала, включающие в себя политическую и правовую стабильность, льготный налоговый режим» [1, с. 19]. Такие условия нарушают глобальное равенство государств и приводят к частым ситуациям уклонения от оплаты налогов.

8 октября 2021 года 136 стран-участников проекта BEPS (Inclusive Framework) утвердили положения нового механизма международного налогообложения – Two - Pillar Solution. Указанная реформа налогообложения направлена, в том числе, на введение глобальной минимальной ставки налога на прибыль международных групп компаний (Pillar Two)⁴. Проект ОЭСР заключается в установлении «минимальной ставки для международных групп компаний на уровне 15 %, если годовой доход такой группы превышает 750 миллионов евро»⁵. Следует признать, что инициатива ОЭСР частично накладывает ограничения на налоговый суверенитет стран-участниц, устанавливая пределы для налоговой ставки налога на прибыль. Концепция суверенного равенства государств принимает иной контекст: государства вправе устанавливать собственные правила налогообложения, но должны действо-

the-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-january-2020.pdf (дата обращения 02.04.2024).

3 OECD Public Consultation Document: Secretariat Proposal for a «Unified Approach» under Pillar One, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/public-consultation-document-secretariat-proposal-unified-approach-pillar-one.pdf> (дата обращения: 02.04.2024).

4 OECD (2021), Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS, OECD, Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-global-anti-base-erosion-model-rules-pillar-two.htm> (дата обращения 02.03.2024).

5 Там же.

2 OECD (2020), Statement by the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS on the Two-Pillar Approach to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy – January 2020, OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, OECD, Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/tax/beps/statement-by-

вать в единых рекомендованных рамках. Уклон в международном налоговом праве смещается на принцип равенства прав налогоплательщиков и политику ограничения налоговой конкуренции юрисдикций.

Автоматизация и сбор информации

Решение вопроса прозрачности бизнеса в условиях цифровой трансформации зависит в большей степени не от правил налогообложения, а от глобального преобразования налогового администрирования, адаптированного к условиям цифровой экономики. По данным некоторых исследователей в распоряжении налоговых органов Российской Федерации находится свыше двадцати различных информационных комплексов [2]. Среди ведущих цифровых программ в области налогового контроля можно выделить АИС «Налог-3», АСК ККТ, АСК НДС и «ЕГР ЗАГС». Например, в 2016 г. была введена автоматизированная информационная система ФНС России (АИС «Налог-3»)⁶. Программа расширила возможности по автоматической обработке данных, создала единый централизованный массив данных как о налогоплательщиках, так и о налоговых проверках.

Подобные программы и технологии, полезные для налогового администрирования созданы и на уровне международных организаций. Так, например, общая система передачи данных (СТС) и вся технологическая инфраструктура для обмена данными была разработана ОЭСР и предоставляется всем государствам, осуществляющим автоматический обмен информацией. Данные о налогоплательщиках передаются между государствами практически мгновенно и защищаются системой двух ключей.

На сегодняшний день основная задача международного налогообложения – максимальная автоматизация. Это касается и сбора информации о налогоплательщике, и некоторых иных функций налоговых органов, не требующих участия человека (например, анализ рисков, расчет налога, взаимодействие с налогоплательщиком). В теории также существует мнение о возможности и даже необходимости полной автоматизации процесса уплаты налогов.

С точки зрения принципа справедливости данный подход видится вполне оправданным, так как автоматизация позволит минимизировать риск сознательных искажений налоговой информации и как следствие должна повлечь снижение количества случаев уклонения от уплаты налогов. Однако данный подход с точки зрения реализации принципа справедливости поднимает еще один немаловажный вопрос, а именно – баланс между правом налогоплательщика на защиту частной жизни и полномочиями налоговой службы на сбор сведений о них.

Например, в статье Michael Hatfield (Майкла Хэтфилда) «Privacy in Taxation» рассматривается проблематика, касающаяся вмешательства исполнительной власти в частную жизнь граждан (плательщиков налогов). «Налоговая служба США (IRS) ежегодно собирает информацию о более чем 290 млн. налогоплательщиков, включая медицинские данные, сведения о семье, религиозные убеждения, подписки на периодические издания и другие детали частной жизни»⁷. Из-за недостатка этой информации (information gap) бюджет США год от года теряет до 450 миллиардов долларов. В свою очередь стремление увеличить сбор налогов путем расширения использования информационных технологий создает существенное давление на частную жизнь налогопла-

тельщиков. В связи с этим важно на международном уровне определить, где находится предел вмешательства налоговых органов в личную жизнь физических лиц или коммерческую информацию юридических лиц. Автоматизация и сбор информации не могут превращаться в тотальный контроль со стороны государства.

Вывод

Принцип справедливости, как основа налоговой системы, требует адаптации к новым экономическим реалиям, где нематериальные активы и цифровые транзакции становятся доминирующими. Для реализации справедливого налогообложения следует уделить отдельное внимание вопросам теоретической разработки концепции «цифрового резидентства» и практической реализации модели распределения прав на цифровой доход транснациональных корпораций в пользу юрисдикций местонахождения потребителей. Справедливость в современном международном налоговом праве заключается в ускорении процессов налогового администрирования без нарушения частной жизни налогоплательщиков, максимальной автоматизации процесса сбора и обмена информацией между юрисдикциями.

Многоаспектность самого принципа справедливости приводит к тому, что его трансформация раскрывается в совершенно разных направлениях и вопросах. Именно поэтому преобразование принципа справедливости наиболее демонстративно показывает трансформацию международного налогового права в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Андрианова Н. Г. Деофшоризация как институт финансового права: основные тенденции формирования и развития: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.
2. Анисина К. Т., Бадмаев Б. Г., Бит-Шабо И. В. и др. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / Под ред. И. А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2019.
3. Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения. – «Автор», 2016. – 794 с. – ISBN 978-5-9908572-2-3.
4. Демин А. В. К вопросу об общих принципах налогообложения // Журнал российского права. – 2002. – № 4.
5. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. – М.: Наука, 1988.
6. Мартышин О. В. Справедливость и право // Право и политика. – 2000. – № 12.
7. Милешенко И. П. Применение принципов резидентства и источника дохода к налогообложению электронной коммерции // Юрист. – 2007. – № 10.
8. Нерсисянц В. С. Философия права: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
9. Рябова Е. В. Удаленная работа и // Налоговед. – 2021. – № 12.
10. Рябова Е. В. Цифровая миграция физических лиц: правовые вопросы международного налогообложения // Миграционное право. – 2021. – № 2.
11. Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация: монография / по ред. док. юрид. наук, проф. Н. Н. Химичевой. – М.: Юрлитинформ, 2011.
12. Степнов И. М., Ковальчук Ю. А. Цифровые вызовы и справедливость налогов // Цифровое право. – 2020. – Т. 1, № 1.
13. Чепкасова А. О. Принцип справедливости в налогообложении цифровых кочевников // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27.

6 Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»): Приказ ФНС России от 14.03.2016 года № ММВ-7-12/134 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Michael Hatfield, Privacy in Taxation, 44 Fla. St. U. L. Rev. 579 (2018) C& 580. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.law.fsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2579&context=lr>.

СИРАЗЕЕВ Равиль Раидович

начальник управления стратегического планирования и экономического развития. Правительство Московской области

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена новеллам и перспективам правового регулирования отношений с участием субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) в современном гражданском обороте. В результате исследования выявлены тенденции снижения публично-правовых ограничений в отношении субъектов МСП. Показана значимость развития превентивных механизмов обеспечения предпринимательской деятельности и усиления роли гражданско-правовых стимулов для субъектов МСП. Обоснована необходимость расширения спектра правовых средств, усиливающих защищенность предпринимателей от внешних и внутренних угроз. Предложено внедрение комплаенс-систем на цифровых платформах поддержки МСП. Отмечен цивилистический потенциал специальных цифровых и финансовых инструментов, расширяющих возможности участия предпринимателей в гражданском обороте. Обозначена идея формирования в России электронной торговой площадки, способствующей выходу субъектов МСП на международные рынки. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего выстраивания поддержки МСП на основе принципа единства и дифференциации правового регулирования.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, МСП, малый и средний бизнес, гражданский оборот, поддержка, меры поддержки, комплаенс, цифровая платформа.

Сиразеев Р. Р.

SIRAZEEV Ravil Raidovich

Head of the Strategic Planning and Economic Development Department. Government of the Moscow Region

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: LEGAL ASPECT

The purpose of the study is to reveal innovations in the field of legal regulation of small and medium-sized businesses (SMEs), to identify prospects for the development of legal regulators and the practice of entrepreneurial relations.

As a result of the study, trends in reducing public law restrictions, strengthening preventive mechanisms to prevent risks for entrepreneurs were identified. The introduction of compliance systems to digital platforms for supporting SMEs is proposed. The potential of special digital and financial instruments expanding the opportunities for entrepreneurs to participate in civil circulation is noted. The idea of forming an independent electronic trading platform in Russia, facilitating the entry of SMEs into international markets, is outlined. It was noted that further legal regulation of SME support should be based on the principle of unity and differentiation.

Keywords: small and medium-sized enterprises, SME, civil circulation, support, support measures, compliance, digital platforms.

За последние пять лет гражданский оборот с участием субъектов малого и среднего предпринимательства существенно поменялся. Связано это с рядом экономических потрясений, вызванных сначала коронавирусной пандемией, затем прекращением ряда геополитических отношений, введением санкций и иных ограничительных мер со стороны зарубежных стран и организаций. С одной стороны, эти и другие процессы сильно ударили по малому бизнесу как наиболее уязвимым субъектам гражданско-правовых отношений. С другой же стороны, параллельно происходит усиление иных форм экономической интеграции, и возникают новые потребности в товарах, работах, услугах, которые способны удовлетворить небольшие, более гибкие формы предпринимательства. По утверждению исследователей, экономика вступает в такую фазу развития, когда малый и средний бизнес становится еще более важным звеном в поддержании стабильности и динамики оборота [5], [12, с. 93].

В неблагоприятных экономических условиях многие средства поддержки МСП приобретают срочный, оперативный характер, проявляются как фрагментарные, фокусирующиеся на определенном участке отношений. Например, с целью реагирования на институциональные и кадровые проблемы IT-отрасли, предпринят ряд мер по льготному кредитованию соответствующих компаний, налоговому стимули-

рованию, финансовой грантовой поддержке, освобождению от некоторых публично-правовых обязанностей¹.

Технологические ограничения и необходимость переоборудования российских производителей стали катализаторами для упрощения процедур оформления, продления лицензий и других разрешительных документов, легализации параллельного импорта и др.²

На региональном уровне в рамках обязательств с участием субъектов МСП косвенной поддержкой стало субсидирование затрат и инвестиционных проектов, связанных с

1 Меры поддержки IT-отрасли в 2024 году. Центр развития предпринимательства Московской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mспмо.ru/public/mery-podderzhki-it-otrasli-v-2024-godu/?ysclid=m2yde1cqmy20270479> (дата обращения: 05.11.2024).

2 «Автоматическое продление лицензий коснется более 3 млн предпринимателей и компаний». Сайт Министерства экономического развития РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/avtomaticheskoe_prodleniya_licenziy_kosnetsya_boleee_3_mln_predprinimateley_i_kompaniy.html?ysclid=m31cj0bx5j219073092 (дата обращения: 05.11.2024).

оказанием услуг субъектам малого и среднего предпринимательства – участникам кластеров, технопарков³.

В настоящий момент реализуется и планируется комплекс иных дополнительных мер помощи для МСП [8].

Так, важные изменения коснутся оптимизации налогового регулирования. С 2025 года планируется введение переходного налогового режима «МСП+», обеспечивающего плавный переход предпринимателей из своего сегмента в категорию более крупного⁴. Предполагается, что закрепление промежуточного стимулирующего режима позволит распространить на данную группу субъектов льготное кредитование и «зонтичные» поручительства «Корпорации МСП», снизить злоупотребления⁵, а также упростить квалификацию действий компаний на предмет «дробления бизнеса».

В то же время сегодня важно переосмыслить всю концепцию поддержки малого и среднего предпринимательства. Это касается и программных документов, в частности, Стратегии развития малого и среднего предпринимательства⁶, принятой достаточно давно и не вполне отвечающей реалиям гражданского оборота, и системы правовых регуляторов в целом.

Сам институт поддержки предпринимателей, воспринимаемый преимущественно в вертикальном ключе, как помощь государства, способен трансформироваться в сторону большего саморегулирования и углубления частноправовых элементов. Преобразование качественных аспектов предпринимательской деятельности происходит, прежде всего, за счет создания благоприятного климата, улучшения условий совершения гражданско-правовых сделок. Попробуем определить, какие основные направления развития субъектов МСП можно выделить с точки зрения гражданско-правового стимулирования их деятельности.

Как показывает практика, какими бы разнообразными не были меры имущественной, финансовой и иной помощи МСП, система поддержки неэффективна, если не соблюдается баланс методов публично-правового и частноправового воздействия на среду. Одним из важных аспектов усиления гражданско-правовых возможностей предпринимателей является снижение административной нагрузки [9, с. 248].

Продление моратория на проверки, либерализация института административной ответственности (от карательных мер к превентивным – уменьшение размеров административных штрафов для малых предприятий и микропредприятий и замена их предупреждением) принесло свои положительные плоды. Распространение риск-ориентированного подхода формирует тренды повышения качественных аспектов предпринимательства за счет снижения частоты контроля и придания внимания к интересам добросовестных предпринимателей.

М. В. Сайдашева, Р. З. Сайдашев, анализируя новеллы в сфере поддержки МСП, отмечают ряд позитивных изменений в части контрольно-надзорных мероприятий [8, с. 36], в частности,

сокращение проверок на 70 %, увеличение предупреждений с 22,49 % до 41,7 %⁷.

Надо понимать, что улучшение административно-правового режима деятельности МСП достигается не только вышеприведенными мерами. Превентивным механизмам, направленным на недопущение правонарушений и сохранение платежеспособности, стоит уделять большее внимание. Например, такой инструмент как предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований⁸, хоть и еще недостаточно востребованный⁹, значим в контексте содействия микро- и малому бизнесу в том, чтобы те оставались в правовом поле.

На внутриорганизационном уровне деятельности субъектов МСП важный превентивный эффект имеет комплаенс.

Как справедливо отмечают А. Х. Аллахвердиев [1, с. 62-63], О. А. Чепарина [11, с. 184], для малого и среднего бизнеса комплаенс приобретает особую инструментальную роль в обеспечении устойчивости и своевременного отражения комплекса рисков.

Формирование системы комплаенса при малых экономических оборотах может выглядеть как финансово и организационно затратное мероприятие. Но в то же время вопросы режима безопасности актуализируются с увеличением внешних угроз (санкции, меры ограничительного характера) и иных неблагоприятных факторов.

Именно безопасность предпринимательской деятельности, как обоснованно подчеркивает А. В. Михайлов, становится залогом поддержания устойчивости в условиях высокой рыночной конкуренции [6, с. 9-10].

В. Ф. Попондопуло и Д. А. Петров пишут, что эффективные комплаенс-процедуры помогут выявить факторы, влияющие на предпринимательскую безопасность, независимо от масштаба бизнеса [7, с. 102].

Применительно к малому и среднему бизнесу внедрение и использование методов комплаенса позволит не только повысить качество исполнения гражданско-правовых обязательств, но также и создать определенный имиджевый эффект.

Поскольку субъекты МСП обладают недостаточными материальными, кадровыми, информационными и иными ресурсами, то представляется, что существующая инфраструктура поддержки¹⁰ может быть дополнена опцией «Комплаенс для бизнеса». Механизм ее использования видится следующим образом: 1) решение вопроса о целесообразности введения комплаенса на основе анализа организационно-правового статуса лица, вида деятельности, потенциальных рисков, целей и других критериев; 2) консультативная, образовательная, кадровая помощь, связанная с внедрением комплаенс-процедур.

Расширение эффекта частноправовых средств поддержки МСП кроется, в том числе, в преобразовании информационных технологий, интегрированных в гражданский оборот [10, с.22]. Предпринимательские отношения все больше «сливаются» с

3 Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства. Сайт Министерства экономики Республики Татарстан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mert.tatarstan.ru/subsidirovanienekonomicheskim-organizatsiyam.htm?ysclid=m31clm5zhx549799913> (дата обращения: 05.11.2024).

4 Минэкономразвития предложило ввести категорию «МСП+» для сохранения льгот при росте бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/896060> (дата обращения: 05.11.2024).

5 См.: Определение Верховного Суда РФ от 07.06.2024 № 303-ЭС24-7842 по делу № А51-17815/2022 @@ Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2024 № 308-ЭС24-5149 по делу № А53-41246/2022 @@ Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2024 № 308-ЭС24-6031 по делу № А53-30654/2022 @@ Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2024 № 306-ЭС24-8116 по делу № А12-24987/2022 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

6 Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // Собрание законодательства. – 2016. – № 24. – Ст. 3549.

7 «Борис Титов: за год число проверок бизнеса сократилось на 70 процентов» // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/05/30/boris-titov-za-god-chislo-proverok-biznesa-sokratilos-na-70-procentov.html>, свободный (дата обращения: 05.11.2024).

8 Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 6249 @@ Постановление Правительства РФ от 10.02.2017 № 166 «Об утверждении Правил составления и направления предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, подачи юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем возражений на такое предостережение и их рассмотрения, уведомления об исполнении такого предостережения» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 8. – Ст. 1239.

9 См.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 31.01.2023 № 02АП-11380/2022 по делу № А28-11353/2022 @@ Решение арбитражного суда Республики Башкортостан от 2 мая 2023 г. по делу № А07-19648/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

10 Портал поддержки малого и среднего бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мойбизнес.рф> (дата обращения: 05.11.2024).

цифровыми технологиями, эти тенденции отражаются и на плоскости функционирования МСП.

Так, цифровая платформа МСП.РФ конструирует многоуровневые меры адресной помощи предпринимателям и самозанятым, опираясь на отраслевую специфику, особенности правового статуса. Общим для большинства инструментов знаменателем выступает направленность на расширение диспозитивности и предпринимательской инициативности.

Определенные тенденции развития поддержки МСП обнаруживаются в диверсификации «гибридных» частно-публичных инструментов.

В качестве примера взаимодействия публично-правовых регуляторов и частноправовых средств можно привести совместные Программы Минэкономразвития и цифровых инфраструктур (онлайн-сервисов, агрегаторов и т.д.)¹¹. Интеграция с площадками «Яндекс-Бизнес», «Авито», «Росмолодежь», «SuperJob», «hh.ru» позволяет получить субъектам МСП организационную, кадровую, маркетинговую, рекламную, иную помощь. У подобных коллабораций есть потенциал в удовлетворении потребностей бизнеса, как на старте, так и на других стадиях.

Внедрение специализированных цифровых платформ, таких как «Биржа импортозамещения»¹², например, опосредует прямое взаимодействие между отечественными производителями и заказчиками, позволяет проводить закупки у субъектов МСП импортозамещающих товаров, аналогов санкционной продукции.

Интенсивная цифровизация гражданского оборота предопределяет расширение способов поддержки, соответствующих специфике информационных систем. Малое и среднее предпринимательство пластично воспринимает тенденции креативной экономики и иных новых форм отношений [10, с. 23-24]. Представляется, что в рамках моделей сорегулирования акцент должен быть сделан на содействии в продвижении предприятий на наиболее востребованных цифровых платформах (соцсети, маркетплейсы), в том числе, на защите предпринимателей при нарушении их прав (навязывание невыгодных условий торговли, применение «штрафных» санкций и т.п.) [4]. В перспективе государственные регуляторы в области поддержки отечественного производителя можно направить на запуск собственных торговых площадок международного уровня, где экспортный стержень будут составлять именно небольшие российские компании. Шаги в этом направлении соотносятся с целями реализации Национального проекта «Международная кооперация и экспорт»¹³. Одним из примеров успешной государственной поддержки МСП на электронных торговых площадках является опыт Китая (Alibaba), где сегодня малый бизнес создает основную конъюнктуру рынка [2, с. 417].

Интеграции МСП на мировые онлайн-рынки могут способствовать расширение инвестиционных инструментов поддержки, в частности, венчурного финансирования, гибридного финансирования, формирование разветвленных блокчейн-сервисов и т.п. [3, с. 96].

Как показывают данные Единого Реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, сектор стремится к росту¹⁴. По данному индексу RSBI за 2024 год, аккумулялирующего показатели комфортного и безопасного предпринимательства, деловые настроения малого и среднего бизнеса также стабилизировались¹⁵.

Помимо данных измерений динамики МСП считаем необходимым проводить общероссийские комплексные исследования качества и продолжительности жизни небольших компа-

ний. Это позволит более глубоко увидеть состояние сегмента, оценить сложности, с которыми сталкиваются предприниматели, выявить, какие неблагоприятные факторы способствуют прекращению деятельности, спрогнозировать тенденции гражданского оборота и сформировать релевантный правовой инструментарий поддержки.

Итак, меры поддержки малого и среднего предпринимательства сегодня неоднородны. Основной упор делается на наиболее важных отраслях экономики, отношения регулируются разноуровневыми актами. Несмотря на неравномерность потребностей и мер поддержки в отдельных отраслях, считаем, что развитие малого и среднего предпринимательства должно восприниматься как единое, стратегически значимое направление экономической политики государства.

Концепцию поддержки субъектов МСП стоит переосмыслить в постоянный инструмент, своевременно отслеживающий и претворяющий риски, с высокой степенью обратной связи, функционирующий на всех циклах предпринимательской деятельности. В то же время, принимая во внимание то, что каждый правовой статус субъекта МСП уникален в силу своих возможностей, потребностей, территории деятельности, состояния отрасли и иных признаков, требуется еще большая дифференциация и индивидуализация механизма поддержки.

Пристатейный библиографический список

1. Аллавердиев А. Х. Правовое регулирование комплаенса в торговой деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 189 с.
2. Долда Н. И. Перспективы интернационализации российских малых и средних предприятий с использованием торговых интернет-площадок // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 12(175). – С. 416-418.
3. Захарова Н. В. Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: основные особенности развития // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2020. – № 4. – С. 88-102.
4. Ключевская Н. Торговля на маркетплейсах: современные тенденции судебной практики по спорам между предпринимателем и интернет-площадкой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1620205/?ysclid=m31ibkw2q1185915867> (дата обращения: 05.11.2024).
5. Крупнов Ю. А. О роли малого и среднего предпринимательства в экономике современной России // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1.
6. Михайлов А. В. Безопасность предпринимательской деятельности: вопросы методов правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 6. – С. 9-13.
7. Попондопуло В. Ф., Петров Д. А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. – 2020. – № 11. – С. 102-114.
8. Сайдашева М. В., Сайдашев Р. З. Новеллы правовой поддержки российского предпринимательства в условиях ограничительных мер // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2023. – № 8. – С. 29-39.
9. Сиразеев Р. Р. Особенности межотраслевых правовых средств поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8 (195). – С. 246-249.
10. Сиразеев Р. Р. Особенности информационно-правовых средств поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Современное право. – 2024. – № 7. – С. 20-27.
11. Чепарина О. А. Управление правовыми рисками в деятельности хозяйствующего субъекта // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: Монография / Отв. редакторы И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2023. – С. 184-189.
12. Юнусов И. А., Чумарина Г. Р. Государственное регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства как объективная необходимость // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 2 (48). – С. 91-96.

11 Портал поддержки малого и среднего бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мойбизнес.рф> (дата обращения: 05.11.2024).

12 Биржа импортозамещения на ЭТП ГПБ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://szudc.ru/import-substitution/?ysclid=m31fku8u1e979070990> (дата обращения: 05.11.2024).

13 Национальный проект «Международная кооперация и экспорт». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 05.11.2024).

14 Единый Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?ysclid=15w72nl6e0559737590> (дата обращения: 05.11.2024).

15 Индекс Опоры RSBI деловой активности малого и среднего бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://opora.ru/site/assets/files/17096/индекс_op (дата обращения: 05.11.2024).

ЮХТАНОВА Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМПАНИЯ КАК УЧАСТНИК КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы правового положения управляющей компании как лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа. Автор приводит доктринальные подходы к пониманию ее статуса, оценки правовой природы договора с ней и ее ответственности. Автор рассматривает предлагаемые подходы с точки зрения практического применения в рамках корпоративного управления и предлагает эффективные механизмы реализации рассматриваемого способа корпоративного управления через управляющую компанию.

Ключевые слова: управляющая компания (организация), корпоративное управление, хозяйственное общество, единоличный исполнительный орган.

YUKHTANOVA Anastasiya Sergeevna

postgraduate student of Entrepreneurial and corporate law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

A MANAGEMENT COMPANY AS A PARTICIPANT OF CORPORATE GOVERNANCE: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT

The article deals with the issues of the legal position of the management company as a person exercising the powers of the sole executive body. The author provides doctrinal approaches to understanding its status, assessing the legal nature of the contract with it and its liability. The author considers the proposed approaches from the point of view of practical application in the corporate governance framework and offers reliable mechanisms for implementing the considered method of corporate governance through a management company.

Keywords: management company (organization), corporate governance, commercial entity, sole executive body.

Современное корпоративное право включает в себя правоотношения, связанные с различными механизмами осуществления управления хозяйственными обществами. Одним из лиц, реализующих полномочия единоличного исполнительного органа юридического лица, является управляющая компания (организация).

При этом дискуссионным является вопрос места управляющей компании в рамках корпоративных правоотношений. Так, к субъектам корпоративного управления традиционно относят корпорацию и ее членов.

Между тем ряд авторов полагают, что ограничение круга субъектов лишь указанными участниками сужает рассматриваемое понятие. О. В. Гутников считает, что корпоративные отношения составляют не только взаимодействие между учредителями (участниками) и корпорацией, но и органами управления в связи с управлением корпорацией [2, с. 34].

Расширяют перечень участников корпоративных правоотношений В. К. Андреев и В. А. Лаптев, относя к ним также предпринимательские объединения корпоративного типа, управляющие компании либо управляющих, менеджмент, кредиторов, собственников активов и других лиц [1, с. 197].

Принимая во внимание вышеуказанную позицию, в рамках настоящего исследования рассмотрим правовое положение управляющей компании как участника корпоративного управления, порядок взаимодействия с корпорацией, ее полномочия и ответственность перед хозяйственным обществом.

В статье 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указано, что единоличный исполнительный орган может быть представлен юридическим лицом [8],

к такому относится управляющая компания. Такая управляющая компания должна являться коммерческой корпорацией.

Отметим, что функции председателя коллегиального исполнительного органа не могут быть переданы управляющей компании (ст. 41 Закона об ООО [9]).

Управляющая компания не является органом управления компании, в данном случае полномочия органа корпорации передаются внешнему субъекту, представленному управляющей компанией на срок, закрепленный в договоре. Также к ней не применяются нормы института представительства, поскольку она не является представителем, а лишь реализует компетенцию ЕИО.

Именно механизм передачи полномочий характеризует рассматриваемый способ управления корпорацией через управляющую компанию. Так, внешнему субъекту передается объем полномочий, определенный в договоре с корпорацией. В. А. Лаптев называет такую компетенцию по управлению текущей хозяйственной деятельностью «вверенной» [4, с. 35].

Особенность передачи полномочий генерального директора управляющей компании усматривается и в том, что ее основанием является решение общего собрания участников, в котором указываются условия будущего соглашения, и сам договор.

Такое решение принимается простым большинством голосов, т.е. большинством от общего числа голосов участников общества, составляющих кворум собрания, или советом директоров, если данный вопрос отнесен к его компетенции. При этом согласно разъяснениям Верховного Суда Россий-

ской Федерации, такое решение не подлежит специальному одобрению как крупная сделка или сделка с заинтересованностью [12].

Дискуссионным является вопрос о правовой природе договора, в рамках которого передаются полномочия единоличного исполнительного органа хозяйственного общества внешнему субъекту - управляющей компании.

В теории и практике выработаны три наиболее распространенные точки зрения на правовую природу рассматриваемого договора. Сторонники первой полагают, что такой договор образует самостоятельный не поименованный в законодательстве вид договора. Так, Е. В. Тычинская указывает, что договор, в рамках которого передаются полномочия органа корпорации, является самостоятельным видом гражданско-правового договора, опосредующий предоставление юридико-фактических услуг [7, с. 83].

Сторонники второй точки зрения, в частности С. Д. Могилевский, утверждают, что такой договор является договором возмездного оказания услуг [5, с. 375].

Согласно позиции Президиума ВАС РФ он представляет собой гражданско-правовую сделку, в силу которой управляющая организация оказывает хозяйственному обществу управленческие услуги [14]. Подобную точку зрения высказал также Верховный Суд РФ, отметив, что заказчиком в рассматриваемом случае является само общество в лице органа управления, принявшего решение о передаче полномочий [13].

Сторонники третьей позиции, в числе которых Д. И. Степанов, считают, что рассматриваемый договор имеет черты агентского в рамках реализаций управляющей компанией полномочий представителя хозяйственного общества [6, с. 68]. При этом такие действия как: формирование и реализация воли корпорации не входят в предмет агентского договора.

На наш взгляд, договор о передаче полномочий управляющей компании является специальным не поименованным, смешанным договором, обладающим отдельными чертами договора возмездного оказания услуг и агентского договора, что подтверждается:

1. наличием собственного предмета – осуществление юридических и фактических действий по управлению обществом и формированию его воли, представлению его интересов перед третьими лицами. При этом такой предмет императивно закреплен, поскольку передаются все полномочия в рамках компетенции единоличного исполнительного органа, которые определены в законодательстве и уставе;

2. особым порядком заключения договора посредством предварительного принятия решения общим собранием (советом директоров);

3. специальным порядком регистрации передачи полномочий (в течение 7 рабочих дней с момента передачи полномочий управляющей компании необходимо сообщить об этом регистрирующему органу [11]);

4. правом досрочного расторжения без обозначения конкретных причин;

5. правом требовать возмещения убытков, причиненных хозяйственному обществу недобросовестным управлением.

Управляющая организация в лице своего единоличного исполнительного органа реализует полномочия руководи-

теля хозяйственного общества и действует от его имени без доверенности.

Полномочия управляющей компании включают реализацию ей не только текущего руководства деятельностью, но исполнение решений общего собрания и совета директоров управляемой компании.

Указанное является отличительной чертой рассматриваемого способа управления, поскольку управляющая компания, имеющая статус самостоятельного юридического лица, приводит в исполнение решения не собственных органов, а управляемого.

Управляющая компания обязана осуществлять свои полномочия добросовестно и разумно, что прямо предусмотрено п. 1 ст. 44 Закона об ООО [10], п. 1 ст. 71 Закона об АО [9]. Добросовестность включает в себя действия органа управления в интересах общества. Разумность предполагает выбор управляющей компании таких способов управления и принятие таких решений, которые в сложившихся обстоятельствах не создают для общества неоправданных рисков возникновения негативных последствий.

Данные принципы являются безусловно важными для рассмотрения деятельности управляющей компании. В частности, с одной стороны, есть ряд сделок и действий, которые требуют одобрения со стороны общего собрания и (или) совета директоров (крупные сделки, изменение адреса (местонахождения) хозяйственного общества и т.п.). С другой стороны большинство операций являются частью обычной хозяйственной деятельности, в таком случае возможно злоупотребление правом со стороны управляющей компании. Данный фактор обусловлен наличием у нее собственных бенефициаров и органов управления, преследующих свои интересы.

Обеспечить защиту управляемого общества призвано:

1. досрочное прекращение полномочий управляющей компании по решению общего собрания или совета директоров;
2. страхование ответственности;
3. возмещение убытков с управляющей компании.

Остановимся подробнее на праве хозяйственного общества требовать возмещения убытков, причиненных ему недобросовестными виновными действиями (бездействием) управляющей компании.

Исходя из п. 2 ст. 71 Закона об АО и п. 2 ст. 44 Закона об ООО органы управления корпорации отвечают за убытки, причиненные хозяйственному обществу, только при наличии вины.

Между тем В. В. Долинская считает, что ответственность управляющей компании должна регламентироваться положениями п. 3 ст. 401 ГК РФ, т.е. наступать за ненадлежащее исполнение ей своих обязательств по договору, за исключением случаев их неисполнения вследствие непреодолимой силы [3, с. 607]. Таким образом, она подчеркивает, что ответственность управляющей компании может наступать и без вины, аргументируя свой вывод договорным характером правоотношений, и тем, что управляющая компания по своему статусу является самостоятельным юридическим лицом.

Мы полагаем что, с одной стороны, вышеуказанный подход является обоснованным, поскольку исходит из правового положения управляющей компании как юридического лица, осуществляющего хозяйственную деятельность и

отвечающего по своим обязательствам вне зависимости от наличия или отсутствия вины. С другой стороны, специфика корпоративных правоотношений отсылает нас к специальным положениям законодательства, устанавливающим ответственность единоличного исполнительного органа при доказанности его вины.

Закрепление иного подхода в отношении управляющей компании, как предлагают цивилисты, приведет к искусственному разграничению статуса единоличного исполнительного органа, представленного физическим и юридическим лицом, что неверно. Управляющая компания осуществляет в том числе руководство текущей деятельностью, которое не всегда приносит обществу выгоду и носит зачастую рискованный характер. В случае риска привлечения к ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства управляющая компания будет значительно ограничена в принятии необходимых, но иногда рискованных и неоднозначных решений. Текущий подход, исходящий из взыскания убытков с управляющей компании при наличии ее вины, является более эффективным для корпоративного управления.

Полагаем, что обеспечить защиту интересов хозяйственного общества от ненадлежащего руководства со стороны управляющей компании возможно посредством обязательного страхования ответственности. В настоящее время применительно к управляющим компаниям хозяйственных обществ данное действие не является обязательным. Однако, в решении о заключении договора с управляющей компанией может быть указано положение о страховании ответственности, поскольку предъявляемые требования остаются на усмотрение органа, принявшего решение.

Таким образом, осуществление управления хозяйственным обществом управляющей компанией является отдельным способом корпоративного управления, при котором не изменяется структура органов управления хозяйственным обществом. Однако, такой способ управления имеет свои особенности, выражающиеся в порядке одобрения передачи полномочий единоличного исполнительного органа управляющей компании, заключении договора с ней, порядка осуществления полномочий, обеспечении защиты прав хозяйственного общества и оснований ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: Монография. - М.: Проспект, 2017. - 352 с.
2. Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. - 2013. - № 1. - С. 26-39.
3. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - 736 с.
4. Лаптев В. А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации и ее управляющего // Журнал российского права. - 2023. - № 3. - С. 31-42.
5. Могилевский С. Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. - М.: Дело, 2014. - 672 с.
6. Степанов Д. И. Компания, управляющая хозяйственным обществом // Хозяйство и право. - 2000. - № 10. - С. 66-68.

7. Тычинская Е. В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // Под ред. Л. Ю. Михеевой. - М., 2012. - 176 с.
8. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Российская газета. - 1994. - 8 декабря. - № 238-239.
9. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» / Собрание законодательства РФ. - 01 января 1996 г. - № 1. - Ст. 1.
10. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» / Собрание законодательства РФ. - 16 февраля 1998 г. - № 7. - Ст. 785.
11. Федеральный закон от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / Собрание законодательства РФ, 13 августа 2001 г. - № 33 (часть I). - Ст. 3431.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» / Российская газета. - 2018. - № 145.
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2017 г. № 301-ЭС17-16245 дело № А31- 12051/2015 / СПС Консультант Плюс.
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 января 2007 года № 11578/06/ СПС Консультант Плюс.

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

ГОРДОПОЛОВ Юрий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

АНДРЕЕВ Кирилл Владимирович

магистрант кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия корпоративного права и договорных отношений, а также их взаимное влияние на деятельность современных корпораций. Анализируется роль корпоративного законодательства в формировании условий для эффективной договорной работы и сделана попытка выявить ряд основных проблем, возникающих на стыке корпоративного и договорного права как самостоятельных правовых отраслей, в числе которых авторы особо выделили конфликты интересов, правовую неопределенность и сложность исполнения обязательств. Статья предлагает возможные решения для преодоления этих проблем, включая рекомендации по усовершенствованию нормативной базы, повышению прозрачности и гибкости договорных механизмов, а также сделана попытка интеграции международного опыта. Результаты исследования подчеркивают важность понимания корпоративных процессов для оптимизации договорных практик и обеспечения правовой устойчивости в бизнес-среде.

Ключевые слова: корпоративное право, договорное право, договорные отношения, корпорация, защита прав участников, экономическое влияние, инновации в праве, бизнес-среда.

CHATTAEV Azamat Ruslanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, Federal State University of Education, Moscow

GORDOLOV Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, Federal State University of Education, Moscow

ANDREEV Kirill Vladimirovich

magister student of Constitutional and civil law sub-faculty, Federal State University of Education, Moscow

CORPORATE LAW AND ITS IMPACT ON CONTRACTUAL RELATIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article considers key aspects of interaction between corporate law and contractual relations, as well as their mutual influence on the activities of modern corporations. It analyzes the role of corporate law in creating conditions for effective contractual work and attempts to identify a number of major problems arising at the intersection of corporate and contract law as independent legal branches, among which the authors highlighted conflicts of interest, legal uncertainty and complexity of performance of obligations. The article offers possible solutions to overcome these problems, including recommendations to improve the regulatory framework, increase the transparency and flexibility of contractual mechanisms, and an attempt to integrate international experience. The results of the study emphasize the importance of understanding corporate processes to optimize contractual practices and ensure legal sustainability in the business environment.

Keywords: corporate law, contract law, contractual relations, corporation, protection of participants' rights, economic impact, innovations in law, business environment.

Чаттаев А. Р.

Гордолов Ю. В.

Андреев К. В.

В современных условиях глобализации и интеграции рынков корпоративное право приобретает все большую значимость, играя ключевую роль в формировании основ функционирования бизнес-структур. В то же время, эффективные договорные отношения являются критически важными для устойчивого развития корпораций и минимизации рисков. Нормативная база корпоративного права непосредственно

влияет на условия, полномочия и обязанности сторон в рамках различных договоров, создавая тем самым определенные юридические рамки для ведения бизнеса.

Однако на практике многие участники корпоративных отношений сталкиваются с рядом проблем. Противоречия в законодательстве, недостаточная регулированность некоторых аспектов договорных отношений, а также конфлик-

ты интересов среди акционеров и менеджмента приводят к правовой неопределенности и затруднениям в исполнении обязательств. Эти факторы могут негативно сказаться на стабильности и эффективности корпораций [1].

В данной научной статье ставится цель проанализировать влияние корпоративного права на договорные отношения, выявить существующие проблемы и предложить практические решения для их преодоления. В процессе исследования будут рассмотрены как теоретические, так и практические аспекты, включая анализ законодательного регулирования, изучение актуальной практики и выявление лучших практик из международного опыта. Ожидается, что результаты данного исследования помогут лучше понять сложные механизмы взаимодействия корпоративного права и договорных процессов, способствуя тем самым более эффективному управлению корпоративными рисками в заданной области исследования.

Корпоративное право играет важнейшую роль в регулировании договорных отношений, так как оно устанавливает рамки и правила, в которых действуют корпорации и их участники. Одной из ключевых функций корпоративного права является обеспечение стабильности и предсказуемости в деловых отношениях, что способствует здоровому развитию экономики в целом. Важность корпоративного права для договорных отношений можно рассмотреть через призму трех основных аспектов: защита прав участников корпорации, регулирование внутренних договорных отношений и обеспечение доверия между сторонами на корпоративном уровне. Изначально корпоративное право сформировалось как инструмент защиты прав меньшинства в корпорации, что предотвратило бы злоупотребления со стороны большинства. В рамках договорных отношений это выражается в установлении правил и процедур, защищающих интересы всех участников, будь то акционеры, директора или другие заинтересованные стороны. Таким образом, корпоративное право создает правовую основу, которая позволяет участникам корпорации эффективно взаимодействовать друг с другом и с внешними контрагентами, минимизируя риски и неопределенности [2, 3].

Важным аспектом корпоративного права в контексте договорных отношений является регулирование внутренних процедур и обязательств в рамках корпорации. Фактически, корпоративное право регламентирует порядок заключения, исполнения и прекращения внутренних договоров, касающихся, например, распределения прибыли, распоряжения имуществом или управления активами компании. Эти правила доходчиво излагаются в уставах компаний, внутренних положениях и корпоративных кодексах, что позволяет четко определять границы полномочий и ответственности отдельных лиц или органов в корпорации. В результате корпоративное право способствует прозрачности и легитимности процессов принятия решений и их реализации, что, в свою очередь, формирует доверие участников корпоративных отношений к результатам заключенных договоров. Например, соблюдение корпоративных процедур при заключении сделок с аффилированными лицами позволяет предотвратить конфликты интересов и возможное злоупотребление служебным положением, обеспечивая тем самым справедливое и честное отношение ко всем участникам. В конечном счете это приводит к снижению уровня корпоративных споров и повышению общей эффективности управления корпорацией.

Еще одной существенной функцией корпоративного права является обеспечение доверия и прозрачности в отношениях внутри корпорации и между корпорацией и внешними контрагентами. Корпоративное право помогает устанавливать ясные и понятные правила взаимодействия, которые могут включать такие элементы, как информационная открытость, требования об обязательной отчетности

и аудитах, а также механизмы разрешения корпоративных споров. Эти меры направлены на профилактику возможных нарушений и злоупотреблений, связанных с договорными отношениями внутри корпорации. Для внешних партнеров прозрачность корпоративных процедур и соблюдение правовых стандартов также являются гарантом надежности и добросовестности корпоративного партнера. Например, компании с высоким уровнем корпоративного управления привлекают больше инвестиций, заключают более выгодные контракты и имеют меньше проблем с регуляторами. В этом контексте корпоративное право функционирует как важный инструмент управления рисками, повышая уверенность всех участников рынка в честности и предсказуемости деловых партнеров. Таким образом, корпоративное право не только регулирует договорные отношения, но и активно способствует созданию благоприятного делового климата [6, 7].

Основные проблемы корпоративного права в Российской Федерации касаются как малых и средних предприятий, так и крупных компаний. Во многом они связаны с недостаточной прозрачностью, защитой миноритарных акционеров и неравномерным распределением прав и ресурсов. Эти проблемы порождают конфликты внутри компаний, судебные споры, и могут привести к убыткам для участников.

Например, несоответствие в долевом распределении акций или недостаточная защита миноритарных акционеров нарушают их права, что противоречит принципам защиты, установленным в Гражданском кодексе РФ (ст. 6, ст. 65), а также в законе «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ. Неэффективное корпоративное управление и манипулятивные практики отчетности противоречат принципам транспарентности, предусмотренным Законом № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» и ст. 81 Трудового кодекса РФ, что создаёт риски для всех участников корпоративных отношений

Также это создает риски для кредиторов и поставщиков, которые основывают свои решения на недостаточно достоверной информации, что может привести к невыполнению контрактных обязательств и финансовым потерям. Проблема прозрачности особенно остро стоит в случаях, когда компании с государственным участием занимают доминирующее положение в экономике. Такие компании часто имеют сложные и непрозрачные структуры владения и управления, что делает их более подверженными коррупционным рискам и снижает эффективную конкуренцию в отрасли. Отсутствие прозрачности препятствует реализации принципов добросовестной конкуренции и подталкивает компании к использованию нечестных практик. В результате пострадавшими оказываются все участники корпоративных отношений: сотрудники, инвесторы, контрагенты и широкая общественность, что подрывает основы рыночной экономики [4, 5].

Условия договоров в рамках корпоративного управления играют ключевую роль в формализации и регулировании отношений между участниками корпорации. Эти условия охватывают множество аспектов, включая права и обязанности акционеров, процедуры принятия решений, защиту миноритарных акционеров и многие другие элементы. При формировании условий договоров их согласовании между сторонами-участниками корпоративных процессов, разрабатываются и закрепляются основные принципы корпоративного управления, которые помогают обеспечить справедливое отношение ко всем заинтересованным сторонам и стабилизировать корпоративные процессы. Эффективное корпоративное управление способствует повышению доверия инвесторов и улучшению репутации компании на рынке. Важно отметить, что условия договоров должны отражать не только текущие потребности корпорации, но и учитывать будущие изменения в правовом и экономическом поле. Каждое условие должно быть тщательно согласовано с участниками корпорации и, при необходимости, поддержано юридическими консультантами. Это увеличивает вероят-

ность того, что корпоративное управление будет направлено на достижение долгосрочных целей компании, а не на удовлетворение временных интересов отдельных участников [3].

Одним из существенных условий корпоративного договора является положение о правах и обязанностях акционеров. В этом разделе определяется, кто имеет право на участие в управлении корпорацией, как распределяются дивиденды, а также какие существуют ограничения на передачу акций. Особое внимание уделяется процедурам принятия решений на общем собрании акционеров, поскольку здесь формируются основные стратегии развития корпорации. Не менее важно и положение о защите миноритарных акционеров, которое позволяет предотвратить злоупотребления со стороны мажоритарных акционеров и обеспечивает справедливое отношение ко всем участникам. Кроме того, в корпоративных договорах часто прописываются условия касаемо руководства и управления. Эти положения включают процедуры назначения и снятия с должности директоров и других ключевых исполнителей, а также их ответственность перед корпорацией и акционерами. Четко сформулированные условия корпоративного договора помогают снизить риски и конфликты, создавая прозрачные и надежные механизмы управления.

Становление традиций и правил корпоративных договоров увеличивает свою роль как гаранта стабильности и предсказуемости корпоративных отношений. Основные направления, определяемые корпоративным правом, выстраивают нормативные ориентиры и функционал договорного законодательства, устанавливающего требования к форме и содержанию договоров, что в свою очередь позволяет участникам корпорации, верно, ориентироваться в сложном правовом поле, не выходя за рамки дозволенного. Специализированные нормативно-правовые акты вкупе с судебной практикой выстраивают основы регулирования корпоративных договоров, служа защите всех участников корпорации [9]. Увеличивается роль способности максимально быстро подстраиваться под стремительные изменения законодательства и конкурентного окружения, поэтому важно учитывать ее уже на стадиях разработки и заключения корпоративных договоров. С этой целью компании привлекают профессионалов в области корпоративного права, которые адаптируют ключевые условия не столько к современным, а столько к предстоящим событиям. Тесная связь правовых норм и управления корпорацией обуславливает создание устойчивой и предсказуемой бизнес-среды через грамотное и четкое юридическое оформление, что в свою очередь приводит к привлечению инвестиций и развитию корпоративного сектора в целом.

Таким образом экономическое развитие обуславливается корпоративным правом, которое создает правовой базис для устойчивого развития корпораций. Законодательство РФ (в частности, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью» и т.п.) определяет основные принципы управления, прав и обязанностей участников корпораций. Стабильность и универсальность правовой основы снижает предпринимательские риски и способствует повышению финансовых показателей, а также улучшению деловой репутации.

Помимо этого, корпоративное право затрагивает и внешние договорные отношения, гарантируя правовую устойчивость и защиту сторон, что особенно важно для крупных корпораций. Процедуры разрешения споров, поддерживаемые государством, позволяют увеличить доверие к соглашениям сторон. При ведении коммерческой деятельности снимается правовая неопределенность именно для крупнейших корпораций с их многочисленным аппаратом и множеством контрактов, ведь корпоративное право содержит в себе легальные механизмы разрешения споров, применение санкций за нарушение договорных обязательств.

Значимым аспектом является роль корпоративного права в стимулировании инноваций в системе управления и контроля. Постоянная адаптация законодательства к меняющимся экономическим условиям способствует внедрению современных стандартов управления и отчетности. Это помогает защитить права акционеров и инвесторов, снизить операционные и финансовые риски, а также обеспечить прозрачность и предсказуемость деятельности корпораций. Благодаря таким изменениям компании получают конкурентные преимущества, что особенно важно в условиях глобализации и роста международной конкуренции.

Совместные усилия бизнеса и государственных органов по совершенствованию корпоративного законодательства помогают создавать благоприятный инвестиционный климат и способствуют устойчивому экономическому развитию, что, в свою очередь, положительно влияет на стабильность и рост компаний на российском и международном рынках.

Анализ современного состояния обозначенных авторами настоящей статьи проблем в области корпоративного права выявил несколько путей их решения, в числе которых основным направлением авторам представляется проведение законодательных изменений и реформ. Совершенствование существующего законодательства должно учитывать современные реалии и вызовы, с которыми сталкиваются корпорации и их участники. В первую очередь, необходимо создать четкие и прозрачные механизмы разрешения корпоративных споров. В этом контексте особое внимание нужно уделить законодательному обеспечению защиты прав миноритарных акционеров от действий мажоритарных акционеров и руководства корпораций. Для этого стоит пересмотреть и уточнить нормы корпоративного права, регулирующие порядок созыва и проведения собраний акционеров, процедуры принятия решений и другие ключевые аспекты взаимодействия между участниками корпорации. Важную роль также играет гармонизация корпоративного права с международными стандартами, что позволит создать благоприятные условия для иностранного инвестирования и ведения международного бизнеса.

Для этого стоит внедрить обязательные стандарты отчетности и раскрытия информации, которые будут способствовать более прозрачному функционированию корпораций. Регулярная публикация финансовых отчетов, проведение независимых аудитов, а также открытый доступ к информации о принятии ключевых корпоративных решений помогут повысить доверие к компаниям со стороны инвесторов, сотрудников и общественности. Введение строгих требований к квалификации и ответственности руководителей корпораций также станет на шаг к снижению случаев злоупотребления полномочиями. В этой связи стоит рассмотреть возможность создания специализированных институтов и органов, которые будут осуществлять надзор за соблюдением принципов корпоративного управления и защитой интересов участников корпораций [5].

Еще одним действенным способом решения проблем в корпоративном праве можно выделить применение и активное внедрение альтернативных методов разрешения споров (АДР). Введение таких методов, как медиация и арбитраж, предоставит участникам корпораций гибкие и эффективные инструменты для разрешения конфликтов без необходимости обращаться в суд. Медиация, как процесс с участием нейтрального посредника, позволит сторонам не только решить спор, но и сохранить деловые отношения и минимизировать репутационные риски. Арбитраж представляет собой независимый и конфиденциальный способ разрешения споров, что особенно важно в условиях коммерческой тайны. На законодательном уровне можно предусмотреть обязательную попытку применения АDR перед обращением в суд для определенных категорий споров. Внедрение таких механизмов повысит оперативность и гибкость в разрешении корпо-

ративных конфликтов, что в итоге положительно скажется на стабильности и устойчивости коммерческих отношений.

Внедрение современных технологий в договорные отношения стало одним из ключевых аспектов развития корпоративного права в XXI веке. В условиях стремительного прогресса цифровых и информационных технологий, практика заключения и исполнения договоров претерпела значительные изменения. Электронные подписи, смарт-контракты и блокчейн-технологии становятся всё более востребованными инструментами, обеспечивающими прозрачность и безопасность сделок. Новаторские подходы в рамках цифровизации юридических процессов приносят новые возможности, но также вызывают и множество правовых вопросов, требующих внимательного анализа и реформирования законодательной базы. Цель данного раздела заключается в рассмотрении этих вопросов, анализе текущего положения и выработке рекомендаций по применению современных технологий в договорных отношениях.

Одной из первых технологических инноваций, внедренных в договорную практику, стали электронные подписи. Возможность аутентификации личности и гарантии неизменности документа с использованием криптографических методов значительно упрощает и ускоряет процессы заключения договоров. В большинстве юрисдикций электронные подписи имеют равноправный статус с традиционными письменными подписями, что обеспечивается соответствующими законами и нормативными актами. Тем не менее, их применение вызывает ряд вопросов. В первую очередь, это проблемы с признанием иностранными юрисдикциями, сложности, связанные с различными уровнями безопасности электронных подписей, а также вопрос обороноспособности электронных документов в различных правовых системах. Для решения этих задач требуется дальнейшая гармонизация законодательства на международном уровне, а также усовершенствование технологий безопасности и разработка стандартов в сфере криптографии и хранения данных [3].

Одним из самых революционных подходов в области договорных отношений стали смарт-контракты, основанные на технологии блокчейн. Смарт-контракты представляют собой самоисполняемые контракты, условия которых прописаны в виде программного кода. Эти контракты автоматически выполняют и контролируют выполнение заложенных в них условий, что позволяет исключить человеческий фактор и повысить надежность сделок. Блокчейн обеспечивает децентрализованное ведение реестров, что исключает возможность подделки или изменения данных. Однако использование смарт-контрактов сопряжено с рядом правовых и технических трудностей. Это проблемы с юридическим признанием смарт-контрактов, отсутствие единых стандартов и необходимость в разработке специальных правовых норм, регулирующих их использование. Не менее актуальны и вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных в рамках блокчейн-систем. Таким образом, максимальная эффективность и безопасность применения смарт-контрактов требуют комплексного подхода, включающего реформирование законодательства, развитие технологической инфраструктуры и международное сотрудничество в области стандартизации и правоприменения.

Анализ корпоративного права в проведенном исследовании выявляет ключевые проблемы, тормозящие развитие договорных отношений внутри корпораций. Основной проблемой является недостаточная защита прав участников, особенно миноритарных акционеров, что приводит к финансовым потерям и снижению доверия между партнерами. Законодательство Российской Федерации содержит множество «серых зон», которые способствуют возникновению корпоративных конфликтов и юридической неопределенности.

Согласно Гражданскому кодексу РФ (ГК РФ) и Федеральному закону № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», права

миноритарных акционеров требуют дополнительной защиты. В частности, статьи ГК РФ и вышеуказанного закона регулируют порядок заключения сделок с заинтересованностью и условия раскрытия информации акционерам, однако на практике остаются недостатки в их применении.

Кроме того, в проведенном исследовании отмечается, что договорные отношения внутри корпораций осложняются отсутствием универсальных правовых норм, что приводит к возникновению противоречий и конфликтов. В действующих правовых актах нередко встречаются лазейки, используемые в ущерб интересам отдельных участников. Действующее корпоративное законодательство требует модернизации, чтобы более точно регулировать взаимоотношения внутри компаний, особенно в условиях глобализации и цифровизации экономики. Примером может служить необходимость пересмотра правил заключения корпоративных договоров и механизмов защиты прав акционеров.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что для повышения эффективности корпоративных отношений в России требуется комплексный пересмотр законодательства. Необходимо устранить юридические неопределенности, усилить защиту прав акционеров, особенно миноритарных, и обеспечить прозрачные и предсказуемые механизмы разрешения корпоративных споров. Эти шаги создадут более стабильную и защищенную среду для ведения бизнеса и позволят снизить риски конфликтов, повышая доверие к корпоративным структурам и договорным отношениям.

Пристатейный библиографический список

1. Грибанов С. А. Корпоративное право: теоретические и практические аспекты. – Москва: Юрайт, 2020. – 256 с.
2. Кузнецова И. В. Договорное регулирование в корпоративных отношениях // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 45-50.
3. Лещенко А. Ю. Влияние корпоративного права на развитие договорных отношений // Журнал российского права. – 2019. – Т. 30. № 6. – С. 23-32. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-6-23-32.
4. Михайлов В. В. Корпоративное право и корпоративная культура. – Санкт-Петербург: Питер, 2021. – 180 с.
5. Федосов И. А. Проблемы применения корпоративного права в договорной практике // Российская юстиция. – 2022. – № 11. – С. 12-18.
6. Шевелева, Н. Е. Корпоративные споры и их влияние на договорные отношения // Научные записки. – 2020. – Т. 52. № 3. – С. 67-73.
7. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 22.09.2024).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 22.09.2024).
9. Пороховник В. Г., Гордополов Ю. В. Неисполнение корпоративных обязанностей в рамках корпоративной ответственности. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 540-544.

ФЕДОТОВА Ирина Юрьевна

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ОПЫТ РОССИИ И ПРИДНЕСТРОВЬЯ

В статье рассматриваются понятие и отличительные особенности крупной сделки в законодательстве Приднестровья и Российской Федерации. На примерах судебной практики выявлены общие критерии взаимосвязанности крупных сделок, рассмотрены вопросы отнесения сделки к обычной хозяйственной деятельности общества, а также вопросы терминологического характера. Изучение особенностей регулирования данного вида экстраординарных сделок позволило сделать вывод о необходимости их более подробной правовой регламентации.

Ключевые слова: крупная сделка, хозяйственное общество, взаимосвязанные сделки, обычная хозяйственная деятельность, экстраординарная сделка, одобрение сделки, имущество общества.

FEDOTOVA Irina Yurjevna

postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF MAJOR TRANSACTIONS CARRIED OUT IN BUSINESS ENTITIES: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND PRIDNESTROVIE

The article examines the concept and distinctive features of a major transaction in the legislation of Pridnestrovie and the Russian Federation. Examples from case law have revealed common criteria for the interconnection of major transactions, examined issues related to classifying a transaction as part of the ordinary business activities of a company, as well as questions of terminology. The study of the specifics of regulating this type of extraordinary transactions led to the conclusion that more detailed legal regulation is necessary.

Keywords: major transaction, business entity, related transactions, ordinary business activity, extraordinary transaction, approval of the transaction, property of the company.

Федотова И. Ю.

Огромный интерес для корпоративного права представляют сделки, значительно отличающиеся от привычной деятельности организации. Особой разновидностью экстраординарных сделок является крупная сделка. Под крупной сделкой в соответствии с Законом Приднестровья от 10 июля 2002 года № 153-3-III «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон Приднестровья об ООО) понимается сделка или же несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого превышает 25 % балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, перед датой принятия решения о заключении таких сделок, при условии, что уставом общества не предусмотрена большая сумма крупной сделки. Законом установлено, что не признаются крупными сделки, которые происходят в ходе обычной хозяйственной деятельности общества¹. Следует отметить, что в Российской Федерации понятие расширено и рассматривает в качестве крупной сделки предоставление обществом третьему лицу права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а также обязанность общества по передаче имущества во временное владение или пользование².

Выделение таких сделок в качестве самостоятельного правового института выражается в специальном режиме их совершения. Основная цель этого правового института – защита прав и имущественных интересов акционеров путем предотвращения вывода крупных активов компании, в связи

с этим существуют определенные этапы процедуры совершения крупной сделки.

Первым этапом является ее инициирование, которое может происходить как по инициативе третьих лиц, так и самого общества. В случае, если инициатива исходит от третьего лица, необходимо определить кем оно является по отношению к обществу, а в случае возникновения заинтересованности, то необходимо использовать нормы о сделках с заинтересованностью.

Второй этап – утверждение заключения о крупной сделке с обязательным указанием целесообразности заключения таковой и последствий ее совершения для самого общества. Следует отметить, что до 1 января 2017 года закон не содержал необходимость утверждения советом директоров заключения о крупной сделке. В законодательстве Приднестровья такое требование отсутствует. Перечень информации по крупной сделке должен быть открытым, что позволяет судам свободно толковать ее содержание. Профессор И.С. Шиткина отмечает: «... из закона косвенно следует, что заключение должно быть только в том случае, если сделка требует согласования на общем собрании акционеров общества» [1].

В крупной сделке можно выделить также еще одну отличительную особенность, соответственно, и следующий этап – особый порядок одобрения такой сделки, закрепленный в законе. Порядок одобрения сделки закреплен в ст. 80 Закона Приднестровья об ООО. Так, процедура одобрения крупной сделки может находиться в руках совета директоров или общего собрания в зависимости от модели управления и стоимости имущества. Огромное значение имеет определение вопроса со временем одобрения такой сделки. В соответствии с общим правилом заключения любых сделок, сделка должна быть одобрена до ее заключения. В самом законодательстве Приднестровья о юридических лицах не присутствует возможность применения процедуры последующего одобрения сделки. Некоторые авторы, например, А. А. Маковская полагает, что крупная сделка может быть признана крупной

1 Закон Приднестровья от 10.07.2002 № 153-3-III «Об обществах с ограниченной ответственностью» // САЗ ПМР. – 02-28.

2 Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

в любой момент, в том числе на стадии судебного разбирательства, в ходе которого рассматривается спор о признании такой сделки недействительной [2]. Автор разделяет данную точку зрения, поскольку вопрос о соблюдении сроков одобрения крупной сделки не влияет на содержание такой сделки.

Заключительный этап одобрения крупной сделки – принятие решения о согласии на ее заключение или решение о последующем одобрении. Остановимся на отдельных вопросах, касающихся правового регулирования этого института.

По поводу целесообразности нормативного закрепления данного института в доктрине существуют различные точки зрения: одна группа исследователей положительно оценивает существование данного института, другие стоят на позиции необходимости его отмены, третьи – о сужении сферы действия данных положений. На сегодняшний день российский законодатель стоит на позиции реформирования данного института, о чем свидетельствует практика применения российского законодательства, в том числе и судебная практика, что нельзя сказать о крупных сделках в законодательстве Приднестровья.

Из определения следует, что основным критерием признания крупной сделки является ее выход за рамки обычной экономической деятельности компании. Очевидно то, что законодатель оставляет открытым вопрос, что же необходимо подразумевать под обычной хозяйственной деятельностью и будет ли иметь юридическое значение тот факт, совершались ли такие сделки ранее или нет. Представляется возможным отметить, что к такой категории можно отнести и иные сделки, которые не ведут к прекращению хозяйственной деятельности самой организации, а, значит, не влекут изменения характера и масштаба такой деятельности.

Исходя из сложившейся правоприменительной практики Российской Федерации к крупным сделкам кроме договоров об отчуждении имущества, к которым относят договоры купли-продажи, мены, дарения, могут относиться договоры об уступке права требования, прощении долга, внесении вклада в уставный капитал другого хозяйственного общества, договоры выполнения работ или оказания услуг³. Трудовой договор или его отдельные условия также могут быть квалифицированы как крупная сделка. Отметим, что Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 мая 2014 года № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» хоть и утратило силу, но за исключением двух положений, одно из которых касается возможности признания трудового договора крупной сделкой. При решении вопроса о нарушении интересов юридического лица заключением трудового договора суды должны оценивать соответствие его условий обычным условиям трудовых договоров, заключаемых со специалистами соответствующего профессионального уровня и квалификации, а также с учетом характера обязательств работника, в том числе о неразглашении информации, масштабах и прибыльности бизнеса. О возможности рассмотрения трудового договора в качестве крупной сделки могут указывать его положения, предусматривающие, в том числе, выплату работнику денежных средств в случае расторжения трудового договора и (или) наступления иных обстоятельств, или выплата заработной платы за период действия трудового договора, сумма которого составляет двадцать пять и более процентов от стоимости активов⁴.

В судебной практике Российской Федерации нашло свое отражение признание судом крупной одностороннюю сделку по выходу из общества с ограниченной ответственностью. Так, удовлетворяя иск о признании недействительной односторонней сделки ООО «Т...» о выходе из состава ООО «Б...», доля в уставном капитале которой составляет 99,9 %, суд пришел к выводу, что сделка по выходу ООО «Т...» из ООО «Б...» является крупной и требует одобрения одного члена. Оценив

в совокупности представленные доказательства, свидетельствующие об осуществлении ООО «Б...» на момент возникновения спорных отношений хозяйственной деятельности, значительной рыночной стоимости доли в размере 99,9 % в уставном капитале общества, отсутствии у ООО «Т...» иного имущества, за исключением спорной доли, суд пришел к выводу, что оспариваемая односторонняя сделка по выходу из состава ООО «Б...» повлекла для ООО «Т...» существенные неблагоприятные последствия⁵.

Крупной может быть признана сделка не только исходя из общего понимания сделки как возможности заключения договора или одностороннего соглашения, но и как изменение условий или расторжение сделки, или ее расторжение. Об этом свидетельствует и судебная практика, например, в одном из дел суд признал крупной сделкой дополнительное соглашение к договору уступки права требования⁶.

В понятии крупной сделки упоминается о такой категории как «взаимосвязанные сделки». В действующем законодательстве Приднестровья и Российской Федерации нет точного определения взаимосвязанных сделок, а существующая правовая практика не является единообразной. Так, например, понятие взаимосвязанных сделок в законодательстве о банкротстве используется, прежде всего, в связи с установлением ограничений на заключение сделок в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве при финансовом оздоровлении, внешнем управлении, в корпоративном праве – для решения процедурных вопросов заключения крупных сделок и сделок, в которых есть заинтересованность. Верховным Судом Российской Федерации в пункте 14 Постановления Пленума от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 27) определено, что преследование единой хозяйственной цели при совершении сделок, в том числе общехозяйственное назначение реализуемого имущества, объединение всего отчуждаемого имущества по сделке с одним лицом, а через небольшой промежуток времени между несколькими сделками, могут свидетельствовать о взаимосвязанности крупных сделок⁷.

Так, на примере решения Арбитражного суда Приднестровья от 11 декабря 2017 года по иску гражданина «Ю...» к ООО «Л...», ОАО «А...» о признании недействительными кредитных договоров, суд Приднестровья находит взаимосвязанность сделок в следующих критериях:

- а) сторонами таких сделок выступают одни и те же субъекты;
- б) по своему смыслу заключаемые сделки однородны;
- в) данные сделки совершаются за непродолжительный период времени;
- г) имеется единая хозяйственная цель при заключении сделок;
- д) такая сделка направлена на достижение единых правовых последствий.

По мнению суда, о взаимосвязанности кредитных договоров говорит тот факт, что каждый последующий кредитный договор заключался в период действия предыдущих кредитных договоров. Также о взаимосвязанности кредитных договоров свидетельствует факт того, что ЗАО «Т...» обратилось в Арбитражный суд с одним иском к ООО «Л...» о взыскании задолженности по четырем кредитным договорам и все они приняты судом к рассмотрению в рамках одного дела⁸.

В научной доктрине по поводу разработки концепции взаимосвязи сложились определенные мнения. Так, профессор А. В. Майфат считает, что разработать приемлемую концепцию взаимосвязи сложно, а то и невозможно, и утверж-

3 Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2018 по делу № А60-17130/2018 // СПС «Консультант плюс».

4 О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 № 28 // СПС «Консультант плюс».

5 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.11.2017 по делу № А17-1372/2016 // СПС «Консультант плюс».

6 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.11.2016 по делу № А06-10516/2015 // СПС «Консультант плюс».

7 Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 // СПС «Консультант плюс».

8 Решение Арбитражного суда Приднестровья от 11.12.2017 по делу № 726/17-06.

дает, что в такой концепции нет необходимости⁹. Можно не согласиться с таким подходом, но введение определения взаимосвязанных сделок в законодательство возможно несколькими способами: путем изменения отдельных законов или путем разработки определения, которое можно использовать во всех институтах. Взаимосвязанные сделки часто бывают объективными, что выражается обусловленностью заключения одной сделки заключением другой. При квалификации сделок взаимосвязанными, на примере решения Арбитражного суда Приднестровья, можно определить, что суды обычно руководствуются такими признаками как единая экономическая цель, совпадение оснований сделки, совпадение субъектного состава и однородного имущества.

Суды Российской Федерации при квалификации сделки как крупной ссылаются на Постановление Пленума ВС РФ № 27. Согласно пункту 9 Постановления сделка или же несколько взаимосвязанных сделок могут быть признаны крупной сделкой, если сделка имеет две характеристики на момент ее исполнения: количественную и качественную¹⁰. В целом можно отметить, что вопрос взаимосвязанности сделок остается открытым и желательно провести теоретическое осмысление понятия взаимосвязанных сделок в связи с изучением механизма правового регулирования таких сделок.

Еще одной важной характеристикой при определении сделки крупной следует отнести имущество организации. В Приднестровье Постановлением Верховного Совета Приднестровья № 1448 от 12 июля 2017 года представлено толкование нормы Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части определения понятия стоимости имущества общества при совершении крупных сделок. Согласно данному толкованию при принятии решения о совершении обществом крупной сделки и необходимости ее одобрении в качестве стоимости имущества должна учитываться балансовая стоимость активов общества, определенная на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении такой сделки¹¹. Таким образом, применительно к предмету крупных сделок необходимо учитывать специфическую характеристику: это размер имущества, находящегося на балансе организации. Следует отметить, что на сегодняшний день нет единого определения понятия «имущество», в связи с чем и нет подробностей по вопросу о том, какая категория имущества может быть использована для заключения сделок.

Рассматривая вопросы соотношения понятий «имущество» и «актив», можно утверждать, что некоторые авторы не делают различий между имуществом и активами предприятия. Так, в своих трудах правовед Г. Ф. Шершеневич отмечал, что имущество юридического лица состоит из актива и пассива. С точки зрения ученого, имущественный актив – это набор вещей, принадлежащих одному лицу, и совокупность прав на действия других лиц, а пассив – это вещи, которыми лицо хоть и владеет, но они принадлежат по праву собственности другим лицам, а также совокупность обязательств, которые ложатся на это лицо¹².

Закон Приднестровья от 17 августа 2004 года № 467-3-III «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» дает определение понятия «активы». Под активами понимаются принятое организацией к бухгалтерскому учету недвижимое и движимое имущество, в том числе деньги и ценные бумаги, находящиеся в собственности, хозяйственном ведении

или оперативном управлении организации, имущественные права организации по отношению к другим лицам, а также исключительные права – результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые ценятся и, как ожидается, принесут экономические выгоды в будущем¹³.

Если принять во внимание положение об идентичности понятий «активы» и «имущество», то, соответственно, расчет крупной сделки в отношении акционерных обществ не будет существенно отличаться от расчета крупных сделок, которые заключаются другими организационно-правовыми формами организаций. В данном случае не зря в законе оговаривается, что стоимость точно сравнивается с «активами» и отдельно «имущество» является подтверждением того, что понятия могут не совпадать, даже если для них существуют одинаковые условия, то есть те же двадцать пять и более процентов. Следовательно, чтобы определить любую крупную сделку, необходимо проследить взаимосвязь между концепциями стоимости как собственности организации в целом, так и прямых активов организации.

Устав корпораций может предусматривать случаи, когда существенные условия крупной сделки могут применяться и к другим сделкам, заключенным корпорациями. Заключение таких сделок играет важную юридическую роль для деятельности организации в целом. Например, в учредительных документах общества может быть установлено условие, что только те сделки, в которых объектом сделки является имущество, стоимость которого составляет не менее 25 % балансовой стоимости активов или 25 % стоимости сделки, могут считаться крупными. Кроме того, в уставе организации могут содержаться положения о других сделках, которые могут подпадать под категорию крупных.

Одним из значимых вопросов крупных сделок в законодательстве Приднестровья является институт оспаривания. Анализ оспаривания крупных сделок показывает, что оспаривание, по сути, представляет собой корпоративный спор. В законе Приднестровья не определен круг лиц, которые правомочны оспаривать крупные сделки, однако в законодательстве Российской Федерации ранее таким правом наделялись любые участники общества, а на данный момент это право принадлежит самому обществу, членом совета директоров общества или его акционерам, владеющих в совокупности не менее чем 1 % голосующих акций общества. Создание исчерпывающего списка субъектов, правомочных обратиться в суд, позволит надлежащим образом защитить интересы всех участников правоотношений.

Возвращаясь к вопросу о понятии обычной хозяйственной деятельности, поскольку законодатель не установил официального толкования термина, трудно решить, подлежит ли оспариванию сделка, а также классифицируется ли сделка, которая была заключена и осуществлена организацией, как необходимая для реализации обычной хозяйственной деятельности. Справедливее было бы утверждать, что это должно исходить из особенностей деятельности организации, его специфики и самих учредительных документов.

В заключение представляется возможным обратить внимание, что для комплексного регулирования в корпоративном праве такого правового феномена как крупная сделка важно на законодательном уровне устранить существующие правовые пробелы.

Пристатейный библиографический список

- Крупные сделки и юридическая инвестиционная конструкция «согласование интересов»: некоторые вопросы законодательства и судебной практики / Майфат А. В. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urallaw.ru> (дата обращения: 25.09.2024).
- Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 // СПС «Консультант плюс».
- Постановление Верховного Совета Приднестровья от 12.07.2017 № 1448 «О толковании статьи 46 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части определения понятия «стоимость имущества общества» при совершении крупных сделок» // САЗ ПМР. – 17-29.
- Соколова Е. С. Международные стандарты учета и финансовой отчетности. – Москва: Евразийский открытый институт, 2011. – С.127.

- Шиткина И. С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования. – Москва: Статут, 2020. – 226 с.
- Маковская А. А. Порядок одобрения крупных сделок акционерным обществом. – Москва: Юридическая литература, 2016. – 164 с.
- Соколова Е. С. Международные стандарты учета и финансовой отчетности. – Москва: Евразийский открытый институт, 2011. – 186 с.

¹³ Закон Приднестровья от 17.08.2004 № 467-3-III «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» // САЗ ПМР. – 04-34.

БЕЛОПЛОТОВ Антон Олегович

аспирант кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

РЕЕСТРОВЫЕ ОШИБКИ ПРИ КАДАСТРОВОМ УЧЕТЕ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются проблемные аспекты возникновения и устранения реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов. Автор обосновывает, что исправление реестровой ошибки в отношении линейного объекта затрагивает права правообладателя соответствующего земельного участка в связи с наличием, по общему правилу, ограниченного вещного права, а также действующего режима ЗОУИТ в отношении земельного участка.

Автором выделены основные способы защиты права при выявлении реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов.

Ключевые слова: линейный объект, объект недвижимого имущества, линейная амнистия, зоны с особыми условиями использования территории, сервитут, публичный сервитут.

BELOPLOTOV Anton Olegovich

postgraduate student of Land, urban planning and environmental law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

REGISTRY ERRORS IN THE CADASTRAL REGISTRATION OF LINEAR OBJECTS

The article discusses the problematic aspects of the occurrence and elimination of registry errors in the cadastral registration of linear objects. The author substantiates that the correction of a registry error in relation to a linear object affects the rights of the rightholder of the relevant land plot due to the presence, as a general rule, of a limited proprietary right, as well as the current ZOUIT regime in relation to the land plot.

The author highlights the main ways to protect the law when identifying registry errors in the cadastral registration of linear objects.

Keywords: linear object, real estate object, linear amnesty, zones with special conditions for the use of the territory, easement, public easement.

Введение.

Как известно, в ходе осуществления государственного кадастрового учета и регистрации прав на объекты недвижимого имущества возникают реестровые ошибки, нормативное определение которых содержится в части 3 статьи 61 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218).

Институт исправления реестровых ошибок достаточно подробно рассмотрен в юридической литературе, предложены классификации реестровых ошибок, исследованы основные способы защиты нарушенного права [3], [5], [6], [7].

Однако в подавляющем большинстве случаев проблематика возникновения реестровых ошибок рассматривается применительно к земельным участкам. В отношении иных объектов недвижимости практика применения механизма исправления реестровых ошибок исследуется значительно реже.

В рамках настоящей статьи считаем необходимым более подробно рассмотреть проблематику возникновения и устранения реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов, что обусловлено следующим.

Во-первых, как следует из пояснительной записки к проекту Федерального закона от 04.08.2023 № 430-ФЗ в настоящее время остаются неоформленными права примерно на 720 тыс. км линейных объектов из-за отсутствия на них правоустанавливающих документов. При этом сам по себе снос (демонтаж) подобных объектов, которые имеют особую общественную значимость (объекты коммунальной инфраструктуры), не обеспечивает баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота, в том числе населения, пользующегося коммунальными услугами.

15.08.2023 вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2023 № 430-ФЗ¹, который предусматривает упрощенный порядок оформления прав на линейные объекты (трубопроводы, газопроводы, линии электропередач и др.), построенные до 30.12.2004.

Так, закон предусматривает упрощенный порядок государственного кадастрового учета и регистрации прав на линейные объекты на основании декларации, предусмотренной частью 11 статьи 24 Закона № 218.

Полагаем, что ускоренное применение упрощенного порядка регистрации прав на линейные объекты хозяйствующими субъектами приведет к значительному росту числа реестровых ошибок, особенно в части верного отражения контуров линейного объекта на публичной кадастровой карте.

Во-вторых, в настоящее время весьма актуальным вопросом является совершенствование правового регулирования выноса инженерных сетей из «пятна застройки».

Федеральным законом от 01.07.2021 № 276-ФЗ² в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ) введена статья 52.2, которая посвящена регулированию освобождения земельного участка от существующих линейных объектов.

1 Федеральный закон от 04.08.2023 № 430-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2023, № 32 (Часть I), ст. 6162.

2 Федеральный закон от 01.07.2021 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть I), ст. 5104.

Однако приведенная статья предусматривает лишь несколько случаев, когда правообладатель линейного объекта обязан заключить соответствующий договор, которые связаны со строительством объектов, имеющих публичное значение (пункт 1 статьи 52.2 ГК РФ). В иных случаях собственник инженерных сетей вправе не заключать договор, по которому осуществляется вынос линейного объекта из «пятна застройки».

Как указывает М. Т. Хамидуллин: «В деловом обороте получило распространение заключение застройщиками соглашений с собственниками сетей об их выносе, по которым производятся демонтаж старых и строительство новых сетей за пределами застраиваемого участка. В результате проведенного переустройства изменяется месторасположение сетей и проектируемое здание уже не попадает в охранную зону (зону минимального расстояния)» [8, с. 95].

Однако если пункт 12 статьи 52.2 ГК РФ предусматривает при необходимости включение в договор обязательства по оформлению правоустанавливающих документов на линейные объекты после завершения их реконструкции, капитального ремонта, то при использовании иных механизмов выноса сетей данный вопрос остается на усмотрение сторон.

В свою очередь после осуществления перемещения линейных объектов, являющихся объектами недвижимости, необходимо внести соответствующие изменения в ЕГРН. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения данной обязанности также может возникнуть реестровая ошибка относительно местонахождения соответствующего линейного объекта

Здесь необходимо учитывать, что не все линейные объекты являются объектами недвижимого имущества [1].

В отдельных случаях водопроводы, тепловые сети не признаются самостоятельными объектами недвижимости в связи со вспомогательным характером таких сооружений³.

С учетом изложенного проблематика возникновения и устранения реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов представляется более чем актуальной.

1. Причины реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов и проблемы их досудебного устранения.

Выше нами были приведены некоторые причины возникновения реестровых ошибок при учете инженерных сетей.

В юридической литературе выделяются следующие общие причины реестровых ошибок.

По весьма обоснованному утверждению А. О. Гусева, для реестровых ошибок нередкой причиной является человеческий фактор, связанный с низким качеством подготовки кадастровыми инженерами межевых планов, технических планов и актов обследования [2].

Ошибки могут возникать при неточности измерительных приборов, применяемых кадастровым инженером, при переводе описания местоположения земельного участка из старой системы координат в современную систему координат [2], [9].

Приведенные причины реестровых ошибок в полной мере применимы и к кадастровому учету и регистрации прав в отношении линейных объектов.

В качестве специфических причин применительно к линейным объектам можно также выделить: вынос инженерных сетей из «пятна застройки», реконструкция линейных объектов (пункт 14.1 статьи 1 ГК РФ), демонтаж инженерных сетей (их частей) без внесения соответствующих изменений в ЕГРН.

Устранение реестровой ошибки при учете линейного объекта, как и в случае с иными объектами, возможно в досудебном порядке.

Порядок изменения сведений ЕГРН о местоположении границ земельного участка (земельных участков), местоположении здания, сооружения, объекта незавершенного строительства при исправлении реестровой ошибки утвержден Приказом Росреестра от 27.12.2023 № П/0565.

Вместе с тем в силу части 4 статьи 61 Закона № 218 в случаях, если исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи, содержащиеся в ЕГРН, такое исправление производится только по решению суда.

В этой связи при исправлении реестровой ошибки в отношении линейного объекта в досудебном порядке необходимо учитывать следующее.

Во-первых, отечественный правопорядок предусматривает ряд юридических механизмов оформления прав на землю для размещения линейных объектов.

Для земельных участков, находящихся в частной собственности, одним из способов оформления прав является установление сервитута для обеспечения строительства и (или) эксплуатации линейных объектов (статья 23 ЗК РФ, статья 274 ГК РФ).

Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, по общему правилу, не предоставляются в собственность или в аренду для строительства и размещения линейных объектов, если такие объекты могут быть размещены на основании сервитута⁴, публичного сервитута или в соответствии со статьей 39.36 ЗК РФ (пункт 1.1 статьи 39.20 ЗК РФ).

Примечательно, что в отсутствие нормативного правового акта об установлении публичного сервитута собственник линейного объекта вправе обратиться к собственнику земельного участка с иском об установлении сервитута в целях эксплуатации и ремонта линейного объекта⁵.

Установление публичного сервитута для размещения инженерных сетей осуществляется в порядке главы V.7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) независимо от формы собственности на земельный участок.

В результате применения обозначенных механизмов оформления прав на землю для размещения линейных объектов правообладатель земельного участка вынужден претерпевать соответствующее ограничение его права в определенных границах, которые устанавливаются, в том числе, на основании сведений ЕГРН.

3 См., например, постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 30.03.2021 по делу № А72-1293/2020, от 05.06.2019 по делу № А06-883/2018, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.12.2020 по делу № А51-21882/2019, от 18.03.2022 по делу № А51-2179/2020.

4 В данном случае сервитут оформляется посредством заключения соглашения в порядке главы V.3 ЗК РФ.

5 Пункт 4 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «Консультант Плюс».

Во-вторых, кроме обременения земельного участка, возникающего в результате оформления прав для размещения инженерных сетей, у собственника такого участка возникают ограничения в связи с нахождением на участке соответствующих объектов, которые действуют в силу закона.

Земельный кодекс предусматривает ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ) в качестве одного из видов ограничений прав на землю (пункт 2 статьи 56 ЗК РФ).

В статье 105 ЗК РФ содержатся ЗОУИТ линейных объектов (охранная зона трубопроводов, тепловых сетей и др.), которые действуют при размещении соответствующих объектов на земельном участке.

Как пишет О. А. Золотова: «общим для всех охранных и защитных зон является распространение режима зоны на все земли и земельные участки, входящие в нее, вне зависимости от формы собственности на них и их категории, а также вида разрешенного использования» [4].

В судебной практике распространен правовой подход, в соответствии с которым установление охранных зон имеет своей целью не предоставление права на использование участков, а установление ограничений хозяйственной деятельности в определенных целях. Охранные зоны не предоставляют право использования земельных участков, а само по себе установление таких зон не свидетельствует об использовании земельных участков⁶.

Таким образом, в связи с нахождением на земельном участке линейного объекта у правообладателя земельного участка возникает ряд ограничений его прав, пространственные границы которых зависят не только от фактического нахождения сетей, но и от сведений, содержащихся в ЕГРН, ИСОГД и др.

Принимая во внимание принцип достоверности публичного реестра (статья 8.1 ГК РФ), полагаем, что исправление реестровой ошибки в отношении линейного объекта затрагивает права правообладателя соответствующего земельного участка, а также может повлиять на права третьих лиц, учитывая изменение координат ЗОУИТ.

В этой связи представляется, что при досудебном устранении реестровых ошибок в отношении линейных объектов заявитель может столкнуться с отказом уполномоченного органа в исправлении ошибки на основании пункта 4 статьи 61 Закона № 218.

2. Способы защиты при выявлении реестровой ошибки в отношении линейного объекта.

По результатам анализа правоприменительной практики можно выделить следующие способы защиты при выявлении реестровой ошибки в отношении линейного объекта.

2.1. Иск о признании права отсутствующим.

Как разъяснено в пунктах 52, 53 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой

права собственности и других вещных прав» в случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Данный способ защиты напрямую не связан с исправлением реестровой ошибки в отношении какого-либо объекта.

Вместе с тем полагаем, что при решении вопроса о выборе способа защиты при выявлении реестровой ошибки для начала необходимо установить наличие у спорного линейного объекта признаков недвижимой вещи.

Как указывалось ранее, не все линейные объекты могут признаваться самостоятельными объектами недвижимости.

Несмотря на то, что в силу пункта 10.1 статьи 1 ГК РФ линейные объекты квалифицируются как один из видов сооружений, наличие у соответствующего объекта признаков недвижимости подлежит установлению в каждом конкретном случае.

Как разъяснено в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1160/13 термин «объект капитального строительства» является специальным понятием градостроительного законодательства, поэтому он не может подменять собой правовую категорию «объект недвижимого имущества», имеющую иную отраслевую принадлежность, объем и содержание. Поскольку требование о государственной регистрации прав установлено лишь в отношении недвижимости как категории гражданского права, вывод о необходимости распространения в отношении того или иного объекта капитального строительства соответствующего правового режима может быть сделан в каждом конкретном случае только с учетом критериев, установленных нормами Гражданского кодекса.

Данная правовая позиция является актуальной, содержится в более поздних судебных актах высшей судебной инстанции⁷.

Так, например, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 08.11.2017 по делу № А12-31525/2016 суд округа поддержал позицию нижестоящих судов, которые удовлетворили иски о признании права отсутствующим.

Суды в данном деле пришли к выводу, что водопроводные и канализационные сети предназначены для обслуживания главной вещи (строения павильонов), следуют судьбе главной вещи в силу статьи 135 ГК РФ, не являются самостоятельными объектами недвижимого имущества.

Схожий правовой подход содержится, например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.04.2019 по делу № А42-6034/2017 и иных судебных актах.

Необходимо учитывать, что иск о признании права отсутствующим является исключительным способом защиты, не связан напрямую с проблематикой исправления реестровых ошибок.

Однако, по нашему мнению, основания к указанному иску должны проверяться перед выбором способа защиты в

6 См., определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2020 № 306-ЭС20-20310 по делу № А55-28612/2011; постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 18.08.2021 по делу № А72-9639/2020; Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.04.2023 по делу № А10-4981/2019.

7 См., например, определения Верховного Суда РФ от 27.06.2022 № 308-ЭС22-9622 по делу № А32-16282/2019, от 14.10.2019 № 306-ЭС19-11309 по делу № А72-17824/2017.

случае выявления реестровой ошибки в учете линейного объекта.

2.2. Иск об исправлении реестровой ошибки.

Иск об исправлении реестровой ошибки закономерно применим и в ситуации с ошибками в отношении линейных объектов.

В правоприменительной практике встречается достаточно примеров, когда сведения ЕГРН о здании, сооружении признают реестровыми ошибками, которые подлежат устранению⁸.

В судебной практике применительно к линейным объектам встречаются также случаи, когда одновременно с требованием о признании сведений ЕГРН реестровыми ошибками заявляется требование о признании недействительным технического плана соответствующего сооружения.

Так, в деле № А13-11510/2016 открытое акционерное общество «Российские железные дороги» обратилось с иском о признании недействительным технического плана сооружения, подготовленного кадастровым инженером, а также об исправлении реестровой ошибки путем внесения в ЕГРН сведений о характерных точках контура сооружения, установленных в экспертном заключении по делу.

При первоначальном рассмотрении дела суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований. Суд округа постановлением от 27.06.2017 судебные акты отменил, направил дело на новое рассмотрение.

При этом Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 11.02.2020 по делу № А13-11510/2016 отметил: «В результате допущенной кадастровым инженером ошибки в государственный кадастр недвижимости внесены ошибочные сведения о местоположении сооружения, принадлежащего ответчику, что повлекло частичное наложение объектов истца и ответчика.

<...>

При таких обстоятельствах суды, установив, что в отношении объекта <...> в ЕГРН содержатся ошибочные сведения, внесенные на основании ошибочных сведений технического плана, правомерно удовлетворили уточненные требования».

В контексте указанного вывода суда представляется весьма интересным вопрос относительно необходимости вынесения судом в таком случае частного определения и направления его в саморегулируемую организацию для решения вопроса о привлечении кадастрового инженера к ответственности (статья 188.1 АПК РФ).

Полагаем, что данный вопрос должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом характера допущенной ошибки, а также иных обстоятельств дела.

Заключение.

Правовое регулирование и правоприменительная практика, касающаяся возникновения и устранения реестровых ошибок при кадастровом учете линейных объектов, позволяют сделать следующие выводы:

1) Исправление реестровой ошибки в отношении линейного объекта затрагивает права правообладателя соответствующего земельного участка в связи с наличием, по общему правилу, ограниченного вещного права, а также дей-

ствующего режима ЗОУИТ, что в отдельных случаях может стать основанием для весьма обоснованного отказа в исправлении реестровой ошибки в досудебном порядке.

2) Судебная практика демонстрирует возможность применения нескольких способов защиты права при выявлении реестровой ошибки.

Так, в случае отсутствия у спорного сооружения признаков недвижимости, установленных статьей 130 ГК РФ, возможно обращение в суд с иском о признании права отсутствующим.

В иных случаях может применяться иск об исправлении реестровой ошибки как наиболее распространенный способ защиты нарушенного права при схожих обстоятельствах.

3) Принимая во внимание, что размещение значительного количества линейных объектов порождает необходимость соблюдения режима ЗОУИТ в определенных границах, при исправлении реестровой ошибки в отношении соответствующего объекта подлежат корректировке и границы соответствующих ЗОУИТ в ЕГРН, если таковые установлены.

Пристатейный библиографический список

1. Белоплотов А. О. К вопросу о самовольности строительства линейных объектов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 7 (194). С. 280-283.
2. Гусев А. О. О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. № 1. С. 78-102.
3. Гусев А. О. О судебных спорах, связанных с исправлением ошибок, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости (об иске об исправлении реестровой ошибки) // Арбитражные споры. 2024. № 1. С. 129-151.
4. Золотова О. А. К вопросу о понятии и видах зон с особыми условиями использования территорий // Экологическое право. 2020. № 3. С. 9-13.
5. Мотлохова Е. А. Иск об исправлении кадастровой ошибки как способ защиты права собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 7. С. 71-83.
6. Овчинникова А. Г. Классификация ошибок в сведениях государственного кадастра недвижимости о земельных участках // Известия вузов «Геодезия и аэрофотосъемка». 2013. № 2. С. 90-95.
7. Тоточенко Д. А. Споры, связанные с исправлением кадастровых ошибок // Юрист. 2017. № 20. С. 31-35.
8. Хамидуллин М. Т. Застройка земельного участка, занятого чужими инженерными сетями // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 88-97.
9. Усачев В. Проблемные моменты геодезического (картографического) обеспечения кадастрового учета недвижимости // Земельный вестник. 2011. № 6.

⁸ См., например, постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.12.2021 по делу № А46-10115/2019; Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.05.2019 по делу № А56-50531/2016.

ДВОРЦЕВАЯ Анна Владимировна

кандидат педагогических наук, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

ВОЛКОВА Галина Ивановна

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются различные формы участия общественности в охране окружающей среды, исследуется состояние правового регулирования в данной сфере, обосновывается необходимость проведения общественного контроля в сфере окружающей природной среды, даны предложения по совершенствованию отдельных аспектов правового обеспечения участия общественности в охране и рациональному использованию природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

Ключевые слова: общественность, охрана окружающей природной среды, экологическое законодательство, референдум, общественный контроль, общественные инспекторы, общественные слушания, экологическая информация, экологическая правосознательность.

DVORTSEVAYA Anna Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Social and humanitarian disciplines sub-faculty, Lugansk branch, Voronezh Institute of MIA of Russia

VOLKOVA Galina Ivanovna

senior lecturer of Social and humanitarian disciplines sub-faculty, Lugansk branch, Voronezh Institute of MIA of Russia

LEGAL ASPECTS OF PUBLIC PARTICIPATION IN ENVIRONMENTAL PROTECTION

The article examines various forms of public participation in environmental protection, examines the state of legal regulation in this area, substantiates the need for public control in the field of the environment, and makes proposals to improve certain aspects of legal support for public participation in the protection and rational use of natural resources, ensuring environmental safety.

Keywords: public, environmental protection, environmental legislation, referendum, public control, public inspectors, public hearings, environmental information, environmental awareness.

Одной из принципиально важных проблем современности является формирование эффективной экологической политики как в мировом масштабе, так и в масштабах отдельных государств и регионов. Решение проблем в сфере охраны окружающей среды должно стать приоритетным направлением и неотъемлемым элементом государственной политики при осуществлении социально-экономических реформ и обеспечении устойчивого развития нашего государства.

Одним из приоритетных направлений экологической политики Российской Федерации является обеспечение и реализация экологических прав общественности, важное место среди которых отводится праву на осуществление контроля в сфере охраны окружающей среды. Общественный контроль в сфере охраны окружающей среды стал предметом исследования многих ученых – А. К. Голиченкова, М. М. Бринчук, О. Л. Дубовик В. В. Петрова. Эти вопросы также исследовались в трудах других ученых Ю. С. Шемшученко, Н. И. Малишко, Н. Р. Кобецкой и др. Кроме того, практически все юристы-экологи в своих трудах, посвященных исследованию другим эколого-правовым вопросам, как правило, уделяют внимание проблемам экологического контроля.

Основные ключевые положения участия российских граждан в охране окружающей природной среды зафиксиро-

рованы в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (от 10.01.2002 г.)¹. В соответствии с законом, это право обеспечивается планированием и нормированием качества окружающей природной среды, мерами по предотвращению экологически вредной деятельности и оздоровлению окружающей природной среды, предупреждению и ликвидации последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий; социальным и государственным страхованием граждан, образованием государственных и общественных резервных фондов помощи; возмещением в судебном или административном порядке вреда, причиненного здоровью граждан в результате загрязнения окружающей природной среды и иных вредных воздействий на нее, в том числе последствий аварий и катастроф; государственным контролем за состоянием окружающей среды и соблюдением природоохранительного законодательства, привлечением к ответственности лиц, виновных в его нарушении.

Для реализации данного фундаментального права важно, что Законом предусмотрен ряд существенных полно-

1 Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 03.10.2014).

Дворцевая А. В.

Волкова Г. И.

мочий граждан и общественных экологических объединений в области охраны окружающей природной среды. Они включают право принимать участие в собраниях, митингах, пикетах, референдумах по охране окружающей среды, обращаться с письмами, жалобами, заявлениями, требовать их рассмотрения; требовать от соответствующих органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии природной среды и мерах по ее охране; требовать в административном или судебном порядке отмены решений о размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, эксплуатации экологически вредных объектов, ограничении, приостановлении, прекращении деятельности предприятий и других объектов, оказывающих отрицательное влияние на окружающую природную среду и здоровье человека; ставить вопрос о привлечении к ответственности виновных юридических лиц и граждан, предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан экологическими правонарушениями (ст. 12, 13).

Эти и другие базовые положения Федерального закона «Об охране окружающей среды» рассматриваются также и в других законах и подзаконных нормативных и правовых актах. В частности, основные природоресурсные законодательные акты: Лесной кодекс РФ² (ст.ст. 1, 96), Водный кодекс Российской Федерации (ст.3)³, Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» (ст. 29)⁴ и др. зафиксировали участие общественных объединений в охране природных ресурсов и контроле в этой сфере. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 г.⁵ довольно детально определил формы и методы общественных объединений в осуществлении такого вида экспертизы. Полномочия общественных инспекторов по охране окружающей среды, касающиеся выявления административных экологических правонарушений, закреплены в Кодексе РФ об административных правонарушениях⁶.

А ведь именно в интересах человека принимаются нормативные и правовые акты, с помощью которых реализуется государственная экологическая политика, осуществляются мероприятия по охране и рациональному использованию природных ресурсов, предупреждение возникновения чрезвычайных экологических ситуаций. Результаты этой деятельности являются интересными как для отдельного человека, так и для общества в целом, поэтому граждане должны знать

о состоянии окружающей среды, перспективах природоохранной деятельности с точки зрения обеспечения экологической безопасности в государстве. При этом общественность не является пассивным наблюдателем того, как решаются проблемы в сфере взаимодействия человека и природы, а может активно вмешиваться в процессы охраны окружающей среды. Все обозначенные моменты отражены в законодательстве, однако невозможно обеспечить и гарантировать реализацию экологических прав граждан без участия общественных объединений и осуществления общественного контроля.

Необходимо отметить, что общественный контроль в сфере окружающей природной среды является одним из эффективных механизмов обеспечения экологической безопасности. Его ценность заключается в том, что он позволяет исполнять превентивную функцию. Реализация общественного контроля в каждом конкретном случае дает возможность населению контролировать деятельность органов власти с момента принятия экологически важных решений и до их исполнения. По мнению ученых-экологов, основная цель деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности – это предотвращение загрязнения окружающей среды [1, с. 498].

Необходимость исследования общественного контроля в сфере охраны окружающей среды как одного из эффективных механизмов обеспечения экологической безопасности обуславливается, на наш взгляд, определенными факторами. Во-первых, в юридической науке теоретические вопросы общественного контроля в сфере охраны окружающей среды не были предметом комплексного целостного изучения. Во-вторых, отсутствие теоретического основания правового регулирования вопросов общественного контроля в сфере охраны окружающей среды тормозит процесс нормотворчества в соответствующей сфере.

При изучении любого правового вопроса, исследуя при этом понятие общественного экологического контроля, каждый ученый применяет собственный подход и опирается в процессе на собственную концепцию. Это, с одной стороны, дает возможность последующим исследователям изучить данную проблему как можно шире, а с другой – порождает ряд сложных вопросов как теоретического, так и сугубо практического характера. Во-первых, является ли главным при изучении данного вопроса определение понятия общественного контроля в сфере охраны окружающей среды и можно ли осуществлять основательное исследование при отсутствии такого определения. Во-вторых, как соотносятся понятие общественного контроля в сфере охраны окружающей среды с понятием государственного экологического контроля. Эта проблема усложняется необходимостью учета норм европейского права при достаточно низком уровне экологической культуры и экологической правосознательности рядовых граждан. Также открытым, на наш взгляд, остается вопрос: возможно ли при изучении общественного экологического контроля рассматривать правовые нормы, регулирующие государственный экологический контроль как источник исследования? Обозначенные проблемы не остаются вне внимания ученых, но, однако и сегодня эти проблемы не имеют однозначного решения.

Известно, что в сфере охраны окружающей среды применяется четыре основных вида контроля направленных на

2 «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 02.10.2014).

3 «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 02.10.2014).

4 Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96-ФЗ (последняя редакция) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 12.10.2024).

5 Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ (последняя редакция) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 12.10.2024).

6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.10.2024).

предотвращение, выявление и пресечение нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, а также на обеспечение экологической безопасности, это государственный, муниципальный, производственный и общественный. В последнее время существенно усилилось значение общественного контроля. Это, прежде всего, связано с общими процессами демократизации в обществе, усилением роли общественности и принятием экологически важных государственных решений, а в первую очередь вопросов, касающихся гарантирования экологических прав граждан.

Что же представляет собой общественный контроль в сфере охраны окружающей среды? Это правовое явление можно рассматривать в ракурсе правового института как элемент эколого-правового статуса гражданина [3, с. 162-167]. Конституция и законы Российской Федерации определяют общественный контроль по охране окружающей среды как конституционный принцип экологического права. Его можно определить как комплексную деятельность по мониторингу за сохранением окружающей среды, которую осуществляет общественность (граждане или общественные организации) на основании и в границах, предусмотренных законом. Для осуществления общественного контроля в сфере охраны окружающей среды общественность имеет достаточно широкие возможности, установленные законодательством: свободный доступ к информации о состоянии окружающей природной среды; разработка и пропаганда собственных природоохранных программ; участие в рассмотрении органами местного самоуправления вопросов охраны окружающей среды; проведение общественной экологической экспертизы. Общественный экологический контроль проводят общественные инспекторы по охране окружающей среды, которые наделены полномочиями выявлять административные экологические правонарушения, составлять протоколы, а также предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного вследствие нарушения экологического законодательства.

Несмотря на то, что институт общественных инспекторов, осуществляющий экологический контроль, существует достаточно давно, он не является популярным в последнее время и причин для этого множество. Основные среди них – это бесплатное выполнение работы общественными инспекторами и отсутствие возможности их надлежащей подготовки. К этим причинам необходимо также отнести несовершенство правового статуса общественных инспекторов.

Необходимо отметить, что важной отличительной чертой общественных инспекторов в сфере охраны окружающей природной среды от государственных является то, что общественные инспекторы не наделены полномочиями применять меры наказания к нарушителям норм природоохранного законодательства, т.е. регламентация деятельности общественных инспекторов реально ограничена. При этом состав их полномочий указывает на то, что они не являются самостоятельными (независимыми) субъектами экологического контроля. Эти инспекторы проводят проверки соблюдения законодательства об охране окружающей среды, соблюдение норм экологической безопасности и использования природных ресурсов вместе с работниками органов государственного контроля, предоставляя помощь органам государственного контроля. Помимо этого, Правила организации деятельности общественных инспекторов по охране

окружающей среды от 28 июня 2024 года № 877⁷ утверждены Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Все это свидетельствует, о том, что по своему реальному статусу общественные инспекторы в сфере охраны окружающей среды являются помощниками (внештатными инспекторами) органов государственного контроля в этой сфере, зависимыми от них, т.е. дополнением к государственной инспекции в сфере охраны окружающей среды.

Что касается сущности общественного контроля в рассматриваемой сфере, то он может быть сосредоточен на наблюдении за выполнением государственными органами, их должностными лицами своих функций по осуществлению природоохранных мероприятий, в том числе государственного контроля с точки зрения эффективности, результативности их деятельности и реагирования на выявленные недостатки в порядке, установленном законодательством (обращение с соответствующими материалами в суд, прокуратуру и другие правоохранительные органы). Именно на этом необходимо акцентировать внимание в ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸ при определении базовых положений по организации общественного контроля в этой сфере. Также необходимо обозначить все формы общественного контроля в сфере охраны окружающей среды. Эти формы позволят получать от государственных органов официальную информацию об их деятельности, подавать представление этим органам об устранении недостатков в выполнении природоохранных мероприятий различными предприятиями, учреждениями, организациями, осуществлять общественную экологическую экспертизу, давать оценку проектам хозяйственной деятельности в процессе проведения общественных слушаний по соответствующим вопросам.

При рассмотрении вопросов, связанных с развитием регулирования прав граждан на осуществление контроля в сфере охраны окружающей среды, одним из основных объектов исследования является экологическая информация. Получение экологической информации гражданами тесно связано с их правом на участие в принятии экологически важных решений.

Экологическая информация является тем выходным элементом, вокруг которого расположены все составляющие общественного экологического контроля – возможность принимать участие в принятии органами власти экологически важных решений, право на осуществление экологической экспертизы и других прав граждан в этой сфере. Поэтому изучение вопросов, касающихся проблемы реализации общественного контроля, целесообразно связывать не только с сущностью самой экологической информации, а и с понятием права граждан на получение экологической информации, его соотношением с правом граждан на осуществление экологического контроля.

7 Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2024 г. № 877 «Об утверждении Правил организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409169340/> (дата обращения: 13.10.2024).

8 Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 03.10.2014).

Исследуя данный симбиоз правовых проблем, необходимо отметить, что закрепление экологических прав граждан, в том числе права на экологическую информацию, имело место в законодательстве Советского Союза. Однако такие нормы, закрепленные на конституционном уровне, оставались лишь декларативными. Фактически граждане СССР не имели достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и экологической ситуации в стране. Со стороны государственных органов происходило нарушение права граждан на экологическую информацию, примером этого может быть событие 1986 г. – дезинформация населения, проведение праздничной демонстрации и массовых мероприятий, проходивших 1 мая 1986 года, а также сокрытие реальных данных, касающихся последствий аварии на ЧАЭС. Средства массовой информации в то время также не выполняли свою функцию по информированию населения. Вследствие нарушений этих общечеловеческих прав очень много людей погибло, так как они не имели достоверной информации о последствиях аварии, работали в зоне экологического бедствия и находились на загрязненных территориях сразу же после взрыва и на протяжении долгого времени после него. Поэтому достоверная и своевременная экологическая информация дает возможность общественности (будь это гражданин или общественное объединение) не только осуществлять экологический контроль, но и правильно понимать его сущность.

Анализируя законодательство, можно констатировать, что экологическое законодательство уделяет достаточно большое внимание участию общественности по охране окружающей среды. Однако есть еще резервы по его совершенствованию в данном вопросе. Так, например, в ФЗ «Об экологической экспертизе» (ст.12) уставлено, что выводы общественной экологической экспертизы имеют рекомендательный характер и учитываются только лишь при проведении государственной экологической экспертизы, а также при принятии решений о дальнейшей реализации объекта экологической экспертизы. Слабым местом законодательных предписаний является то, что они не требуют от соответствующих органов отчетности о степени учета выводов общественной экологической экспертизы, общественных слушаний или обоснования своих предложений, если они не совпадают с выводами общественных слушаний. Необходимо устранить обозначенные недостатки законодательства, чтобы в дальнейшем способствовать росту авторитета общественной экологической экспертизы и соответствующих общественных слушаний, усилить ответственность органов исполнительной власти по учету общественного мнения.

Исследуя вопросы, связанные с реализацией общественного экологического контроля, нельзя оставить без внимания такое понятие как «экологическая правосознательность». Понимание значение права для осуществления контроля за действиями органов власти в экологической сфере возможно лишь при наличии у граждан существенного уровня экологической правосознательности.

Формирование экологической правосознательности осуществляется на условиях взаимодействия трех элементов: эколого-правового просвещения, воспитания и образования, которое осуществляется в сфере природопользования и охраны окружающей среды [2, с. 42-50]. К субъектам эколого-правового просвещения в науке экологического права

относят государство в лице уполномоченных органов, СМИ и общественные организации. На сегодняшний день СМИ являются одним из основных и наиболее перспективных образований, реализующих просветительскую деятельность эколого-правового направления. Эпизодичность эколого-правового просвещения в средствах массовой информации не мешает последним обеспечивать контакт граждан с проблемами окружающей среды и привлечением общественности к их решению. Поэтому можно утверждать, что экологическая правосознательность является неотъемлемым условием реализации общественного контроля в сфере охраны окружающей природной среды.

Анализируя вышеизложенное, можно констатировать, что правовое регулирование участия общественности в охране окружающей среды обеспечивается многочисленными предписаниями, которые, однако, не устраняют необходимости в дальнейшем его совершенствовании. В частности, необходимо доработка и совершенствование вопросов правового статуса общественных инспекторов, осуществления экологической экспертизы, организации референдумов по экологическим вопросам, осуществления общественного контроля в сфере окружающей среды.

На наш взгляд, необходима разработка региональных программ по охране окружающей природной среды и использованию природных ресурсов с поквартальным отчетом представителей органов местного самоуправления перед населением региона о выполнении программы.

Пристатейный библиографический список

1. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права. – М.: Юрайт, 2021. – С. 498.
2. Вершок И. Л. Об экологическом правосознании // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 42.
3. Ефимова Е. И. Развитие института «экологического права и обязанности» в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. – 2012. – № 5. – С. 162-167.
4. Лалл Дж. Медиа, коммуникации, культура: Глобальный подход / Пер. с англ. – К.: КИС. – 2015. – С. 32.

МАРТИНЧУК Никита Александрович

магистрант, Высшая школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ОВЧИННИКОВА Дарья Дмитриевна

магистрант, Высшая школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ЖДАНОВ Михаил Алексеевич

магистрант, Высшая школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В данной статье раскрывается роль экологического страхования в обеспечении возмещения вреда окружающей среде в России. Анализируются проблемы развития института: отсутствие надлежащей правовой основы, несовершенство нормативно-правового регулирования, многообразие видов экологического ущерба, отсутствие единого подхода к оценке страховых рисков. Подчеркивается проблема недостаточности страховых премий для покрытия масштабных выплат при крупных авариях.

Ключевые слова: экологическое страхование, обязательное и добровольное экологическое страхование, проблемы экологического страхования.

MARTINCHUK Nikita Alexandrovich

magister student, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

OVCHINNIKOVA Darya Dmitrievna

magister student, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ZHDANOV Mikhail Alexeevich

magister student, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL INSURANCE AS A WAY TO ENSURE COMPENSATION FOR ENVIRONMENTAL DAMAGE: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

This article reveals the role of environmental insurance in ensuring compensation for environmental damage in Russia. The problems of the institute's development are analyzed: the lack of an appropriate legal basis, imperfection of legal regulation, the diversity of types of environmental damage, the lack of a unified approach to assessing insurance risks. The problem of insufficient insurance premiums to cover large-scale payments in case of major accidents is emphasized.

Keywords: environmental insurance, compulsory and voluntary environmental insurance, environmental insurance issues.

Решение проблем окружающей среды имеет первоочередное значение для государства, что подтверждается на конституционном уровне. Так, ст. 42 Конституции РФ содержит положение, согласно которому гарантируется право на возмещение ущерба, причинение которого произошло в силу экологического правонарушения¹. Указанная правовая норма подчеркивает внимание законодателя к вопросам охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности граждан. Одним из эффективных механизмов реализации конституционного права на возмещение экологического ущерба и является институт экологического страхования.

Актуальность изучения роли экологического страхования как способа обеспечения возмещения вреда окружающей среде, проблемы и перспектив развития данной области обусловлены тем, что в современных условиях возрастающей техногенной нагрузки на окружающую среду и увеличения риска экологических аварий и катастроф экологическое страхование становится одним из ключевых инструментов экономико-правового механизма обеспечения экологической безопасности. Соответственно, проблемы правового регулирования экологического страхования приобретают особую значимость и требуют детального анализа.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

Действующее российское законодательство не содержит легального определения понятия «экологическое страхование». Как справедливо отмечает Т. А. Белова, отсутствие нормативно закрепленной дефиниции данного термина создает ситуацию правовой неопределенности, когда содержание и объем понятия «экологическое страхование» могут трактоваться по-разному в зависимости от контекста и конкретных обстоятельств [2, с. 86]. В связи с этим будет целесообразным обратиться к современным научным подходам к раскрытию данного понятия. Так, в научной литературе указывается, что экологическое страхование представляет собой страхование гражданской ответственности за причинение предприятием вреда окружающей среде, жизни, здоровью людей и имуществу [3, с. 282].

В настоящее время выделяют обязательное и добровольное экологическое страхование [1, с. 73]. Вне зависимости от вида экологического страхования, в соответствующем правовом институте существуют проблемы, оказывающие влияние на его эффективность.

Следует признать справедливым утверждение о том, что в настоящее время развитие экологического страхования в Российской Федерации сдерживается отсутствием надлежащей правовой основы. Несовершенство нормативно-правового регулирования данной сферы препятствует полноценной реализации потенциала этого важного инструмента обеспечения экологической безопасности [5, с. 38].

Обращается внимание на то, что страховые компании на практике сталкиваются с серьезной проблемой – многообразием видов экологического ущерба и отсутствием единого подхода к оценке страховых рисков. Это приводит к тому, что размеры страховых премий для различных экологических

рисков могут существенно различаться. Особенно острой данная проблема становится в случае наступления масштабных экологических инцидентов техногенного характера, таких как, например, разливы нефти. Страховые выплаты в таких ситуациях могут достигать огромных размеров, что самым непосредственным образом сказывается на убыточности экологического страхования в целом. Страховые премии, уплачиваемые мелкими страхователями (такими как, скажем, сельскохозяйственные производители), зачастую оказываются недостаточными для покрытия столь значительных выплат. В результате возникает ситуация, когда экологическое страхование в целом оказывается убыточным для страховщиков [6, с. 119].

Для решения обозначенной проблемы можно рекомендовать создание специального государственного перестраховочного фонда для экологических рисков. Такой фонд мог бы принимать на перестрахование часть рисков по договорам экологического страхования, заключаемым страховыми компаниями.

Механизм функционирования такого фонда мог бы выглядеть следующим образом:

1. Страховые компании, осуществляющие экологическое страхование, передают в перестраховочный фонд часть ответственности по заключенным договорам (например, в отношении рисков, превышающих определенный размер страховой суммы).

2. Перестраховочный фонд формируется за счет перестраховочных премий, уплачиваемых страховщиками, а также за счет бюджетных средств, выделяемых государством на цели обеспечения экологической безопасности.

3. При наступлении крупных страховых случаев (масштабных экологических аварий, катастроф) и необходимости осуществления значительных страховых выплат, часть этих выплат покрывается за счет средств перестраховочного фонда.

Кроме того, учитывая сложность правового регулирования экологического страхования, а также его специфику, отличную от многих иных видов страхования, перспективным направлением развития данного института может стать принятие специального правового акта, в котором были бы комплексно урегулированы основные вопросы, связанные с осуществлением экологического страхования.

Существенное препятствие на пути к развитию экологического страхования в России – это отсутствие специального федерального закона [4, с. 20].

Отсутствие специального правового акта, регулирующего экологическое страхование, может послужить причиной следующих негативных последствий:

1. Правовая неопределенность в отношениях между страховщиками, страхователями и третьими лицами, что может привести к спорам и конфликтам при наступлении страховых случаев.

2. Сложности с определением страховых сумм, тарифов и премий, адекватно отражающих реальный уровень экологических рисков. Без четких правовых ориентиров страховые компании могут завышать стоимость страховых услуг, делая экологическое страхование недоступным для многих природопользователей.

3. Отсутствие единых стандартов оценки экологических рисков и ущерба, что может привести к недооценке или, напротив, к избыточному страхованию отдельных объектов и видов деятельности.

4. Риск недобросовестного поведения участников страховых отношений, попыток уклонения от выплаты страхового возмещения или, напротив, получения такого возмещения обманным путем.

5. Сложности с осуществлением государственного надзора за деятельностью в сфере экологического страхования, с пресечением возможных нарушений и злоупотреблений.

6. Отсутствие ясных правовых стимулов для природопользователей к развитию экологического страхования, к использованию этого инструмента для управления своими экологическими рисками.

7. Фрагментация рынка экологического страхования, отсутствие на нем крупных и финансово устойчивых игроков, способных принимать на страхование масштабные экологические риски.

8. Сложности с интеграцией экологического страхования в общую систему управления охраной окружающей среды, с использованием страховых механизмов для финан-

сирования природоохранных мероприятий и ликвидации накопленного экологического ущерба.

Все это в совокупности может привести к тому, что потенциал экологического страхования как инструмента обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития останется в значительной мере нереализованным. Без прочной правовой базы экологическое страхование рискует остаться маргинальным сегментом страхового рынка, не оказывающим серьезного влияния на процессы принятия экологически значимых решений в экономике.

Именно поэтому принятие специального федерального закона об экологическом страховании представляется столь важным и актуальным.

Данный правовой акт (например, федеральный закон «Об экологическом страховании») мог бы включать в себя:

1. Легальное определение понятия «экологическое страхование», четко устанавливающее сущность и границы данного института.

2. Принципы осуществления экологического страхования, такие как обязательность для определенных категорий страхователей, независимость оценки экологических рисков, полнота возмещения вреда и др.

3. Виды экологического страхования (обязательное и добровольное) и особенности их осуществления.

4. Круг субъектов экологического страхования (страхователи, страховщики, застрахованные лица, выгодоприобретатели), их права и обязанности.

5. Порядок определения страховых сумм, тарифов и премий, исходя из специфики экологических рисков.

6. Механизм осуществления страховых выплат при наступлении страхового случая (аварийного загрязнения окружающей среды).

7. Меры государственного надзора за осуществлением экологического страхования, ответственность за нарушение законодательства в данной сфере.

Безусловно, принятие такого специального закона потребует значительной подготовительной работы, включая анализ существующей практики экологического страхования, изучение зарубежного опыта, широкое обсуждение с участием всех заинтересованных сторон (государственных органов, страхового сообщества, предприятий-природопользователей, экологической общественности).

Можно сделать вывод, что роль экологического страхования в России в обеспечении возмещения вреда окружающей среде чрезвычайно важна, однако на сегодняшний день этот институт сталкивается с рядом серьезных проблем, препятствующих его полноценному развитию и эффективному функционированию. Полагаем, что для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий как совершенствование законодательной базы, так и создание эффективных организационно-финансовых механизмов обеспечения устойчивости и надежности системы экологического страхования.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов К. С., Афанасьев Д. А. Правовое регулирование экологического страхования в Российской Федерации // *Дневник науки*. – 2020. – № 5 (41). – С. 71-76.
2. Белова Т. А. Экологическое страхование – как способ обеспечения экологической безопасности // *Энигма*. – 2020. – № 28-2. – С. 84-90.
3. Жочкина И. Н., Пугачев О. В. Некоторые теоретические вопросы экологического страхования в Российской Федерации // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2021. – № 3. – С. 280-284.
4. Магомедова Р. М. Некоторые проблемы развития института экологического страхования // *Юридический факт*. – 2022. – № 166. – С. 19-21.
5. Немцурова Э. М. Проблемы развития механизма экологического страхования в Российской Федерации // *Colloquium-journal*. – 2020. – № 10-10 (62). – С. 36-39.
6. Рязанова А. С. Страхование в экологическом праве: проблемы и пути их решения // *Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. – Пенза, 2020. – С. 117-120.

ПЛАЧИНДА Мария Дмитриевна

аспирант кафедры экологического и земельного права, Юридический факультет, Московский государственный университета имени М. В. Ломоносова, старший юристконсульт АО «СИТРОНИКС»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В статье рассматриваются международные нормы и правила охраны атмосферного воздуха в различных странах мира. Изучаются основные критерии выявления необходимости правового регулирования охраны атмосферного воздуха и его защиты от загрязнения, а также определяются наиболее эффективные механизмы, используемые как законодателями, так и правоприменителями в различных странах. Выявляются основные проблемы, с которыми сталкивается правовое регулирование охраны и защиты атмосферного воздуха в настоящее время, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: атмосферный воздух, правовое регулирование, иностранное правовое регулирование, ответственность, снижение выбросов в атмосферный воздух.

PLACHINDA Mariya Dmitrievna

postgraduate student of Environmental and land law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University, senior legal adviser of JSC «SITRONICS»

INTERNATIONAL STANDARDS FOR ATMOSPHERIC AIR PROTECTION: EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN LEGISLATION

This article studies the classification of atmospheric air as an object of legal protection. The main criteria for identifying objects of legal protection are studied, the requirements imposed on certain institutions for the purposes of defining them as an object of legal protection are analyzed, and the most significant principles of protecting atmospheric air as an object of legal protection are highlighted. The key problems that legal regulation of atmospheric air currently faces are highlighted, and ways to solve them are proposed.

Keywords: atmospheric air, legal regulation, foreign legal regulation, responsibility, reduction of emissions into the atmosphere.

В современных условиях особую важность и значимость приобретает формирование и соблюдение международных стандартов охраны атмосферного воздуха. Данная проблематика становится все более актуальной в связи с трансграничным характером загрязнения воздушной среды, что требует согласованных действий мирового сообщества.

Атмосферный воздух, являясь важнейшим природным ресурсом и основой жизнедеятельности на Земле, не признает государственных границ. Загрязнения, производимые в одной стране, могут оказывать существенное негативное воздействие на экологическую обстановку в других государствах. Именно поэтому разработка и внедрение единых международных стандартов качества воздуха представляется критически важной задачей.

Научное сообщество и практикующие специалисты подчеркивают, что отсутствие унифицированных подходов к охране атмосферного воздуха существенно снижает эффективность национальных природоохранных мер. В условиях глобализации экономики и промышленного производства только согласованные международные стандарты могут обеспечить действенную защиту воздушного бассейна планеты.

Особую остроту данному вопросу придают современные вызовы: изменение климата, рост промышленных выбросов в развивающихся странах, увеличение транспортной нагрузки на атмосферу. Эти факторы требуют выработки единых подходов к нормированию выбросов, методам контроля качества воздуха и механизмам ответственности за его загрязнение.

Целью настоящей статьи является анализ существующих международных стандартов охраны атмосферного воздуха, оценка их эффективности и определение перспективных направлений развития системы защиты атмосферного воздуха в Российской Федерации на примере законодательной деятельности в зарубежных государствах.

В Российской Федерации начиная с 2014 года активно реализуется государственная программа «Охрана окружающей среды», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об

утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды», в которую регулярно вносились изменения и дополнения, выделены различные подпрограммы, ориентированные на регулирование вопросов по защите атмосферы.

Среди них выделены задачи государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного решения в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности¹. Так, основной задачей в данной сфере указано строительство и модернизация очистных сооружений, а также внедрение технологий, направленных на снижение объема или массы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сбросов загрязняющих веществ в водные объекты.

В Стратегии экологической безопасности РФ в области охраны атмосферы закреплены такие задачи, как предотвращение дальнейшего загрязнения и снижение уровня загрязнения воздуха в населенных пунктах, а также смягчение негативных последствий изменения климата на природные компоненты.

В зарубежных странах реализация эффективной политики по охране атмосферного воздуха является одним из приоритетных направлений экологической стратегии.

Лидером по загрязнению воздуха выступает Китайская Народная Республика из-за высоких показателей рождаемости. С 2014 года китайское правительство обязало все предприятия, включая государственные, публично раскрывать данные о выбросах в атмосферу. За нарушения в этой сфере КНР взымает неограниченные штрафы с компаний, а органы местного самоуправления привлекаются к административной ответственности за сокрытие правонарушений [1].

Федеративная Республика Германия - индустриальная страна с развитой промышленностью. В борьбе с выбросами, загрязняющими атмосферу, Германия активно использует новейшие технологии, такие как электрофильтры и катализаторы.

¹ Госпрограмма ООС в редакции 7декабря22.pdf (mnr.gov.ru)

Природоохранное законодательство здесь одно из самых строгих: за умышленные преступления в этой сфере предусмотрено уголовное наказание до 5 лет лишения свободы, а за особо тяжкие - до 10 лет [2].

Более детально вопросы правового регулирования охраны атмосферного воздуха проработаны в законодательстве Австрии. Так, начиная с 2018 года экологические проекты в Австрии финансируются в значительно большем объеме, чем было ранее.

Помимо финансирования австрийское правительство запустило также большое количество различных проектов, направленных на охрану и защиту климата, а также в целом проекты в сфере энергетики и климата, которые реализовываются не только на государственном, но и на частном уровнях. Помимо этого, также на уровне отдельных регионов осуществляется определенное регулирование данного вопроса для целей осуществления охраны атмосферного воздуха в регионах.

Если обратиться непосредственно к нормативному правовому регулированию данного вопроса, то важно отметить Федеральный закон о национальных обязательствах по сокращению выбросов определённых загрязнителей атмосферы, а также Закон об эмиссии воздуха 2018 г.

Последний имеет своей основной целью не только защиту и охрану атмосферного воздуха от загрязнения, но также и улучшение его качества, которое может быть достигнуто за счет реализации различных государственных программ.

Так, в частности, с 2018 года в Австрии происходит активная реализация государственной программы, а именно, климатической и энергетической стратегии развития государства. Основной целью данной стратегии является реализация 11 ключевых проектов, которые в перспективе должны привести к переходу к, так называемой, «зеленой экономике».

Данные направления затрагивают такие сферы общественной жизни как транспорт, энергоснабжение, исследовательские программы, зеленое финансирование и иные. Все они направлены, в первую очередь, на охрану и защиту атмосферного воздуха от загрязнения.

Для того, чтобы отслеживать результаты реализации данной программы правительство Австрии и Федеральное агентство по окружающей среде несут ответственность за ведение и актуализацию специализированного кадастра выбросов, который фиксирует показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

На уровне регионов, как уже было отмечено выше, также реализовываются аналогичные программы, которые, однако, затрагивают более узкие и точечные вопросы, зачастую являющиеся актуальными для конкретной местности или региона.

Не менее интересное правовое регулирование охраны и защиты атмосферного воздуха установлено и реализуется в Великобритании. Так, для того, чтобы мотивировать бизнес подразделения и промышленные предприятия снижать выбросы в атмосферный воздух, в Великобритании введены различные льготы и компенсации для тех, кто минимизирует негативное воздействие на окружающую среду, применяет экологически чистые технологии.

Все эти мероприятия являются составными элементами программы Climate Change Levy – CCL, основной целью которой является очищение атмосферного воздуха и поддержание его в таком состоянии.

Говоря про налоговые льготы, которые также выступают в качестве действенного механизма мотивации компаний, важно выделить, так называемый, экологический налог. По основной ставке такого налога оплачиваются такие виды деятельности как коммерческая деятельность, оказание общественных услуг, промышленное производство.

Однако некоторые компании освобождаются от уплаты соответствующего налога в том случае если они:

- Потребляют небольшое количество энергии,
- Потребление энергии происходит со стороны внутренних потребителей,
- Потребление энергии происходит со стороны некоммерческих организаций, основной вид деятельности которых – благотворительность.

Помимо этого, получить определенные льготы предприятие может в том случае, если оно заключило специальное соглашение с Агентством по охране окружающей среды о том, что предприятие оказывает противодействие изменению климата. В таком случае оно может рассчитывать на скидку в размере до 90% на электроэнергию, газ и уголь.

Таким образом, проведя исследование международных норм и правил в сфере охраны атмосферного воздуха, а также выделив основные способы реализации данных норм и правил в зарубежных странах, можно сделать следующий вывод о том, что именно и каким образом можно реализовать в Российской Федерации.

Так, для решения экологической проблемы в России необходимо реализовать ряд мероприятий по улучшению ситуации с загрязнением атмосферного воздуха, в том числе:

1. Снизить долю выбросов автотранспорта в населенных пунктах за счет применения экологичных видов топлива;
2. Усилить государственный мониторинг и контроль над потенциально опасными предприятиями;
3. Модернизировать устаревшие заводы, применяя наилучшие доступные технологии, которые позволят минимизировать негативное воздействие на атмосферный воздух
4. Озеленять территории, сократить вырубку и восстановить леса;
5. Повысить экологическую культуру населения²

Государственное регулирование и контроль в сфере охраны атмосферного воздуха имеют огромное значение для обеспечения экологической безопасности и здоровья населения. К основным направлениям государственного регулирования в области охраны атмосферного воздуха можно отнести:

1. Установление нормативных требований к качеству воздуха. Государство определяет предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ, что позволяет контролировать загрязнение атмосферы.

2. Мониторинг состояния атмосферного воздуха. Государственные органы организуют систему наблюдений и сбора данных о качестве воздуха для отслеживания динамики загрязнения и своевременного реагирования.

3. Регулирование деятельности хозяйствующих субъектов. Посредством выдачи разрешений на выбросы, установления нормативов и требований к технологиям государство контролирует негативное воздействие предприятий различных отраслей на атмосферу.

4. Экономические механизмы. Платежи за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы за экологические правонарушения, льготы для внедряющих «зеленые» технологии создают стимулы для снижения выбросов.

5. Международное сотрудничество. Участие государства в глобальных усилиях по борьбе с трансграничным загрязнением воздуха и изменением климата способствует решению проблем в мировом масштабе.

6. Информирование и вовлечение общественности. Государство обеспечивает доступ граждан к экологической информации, поддерживает экообразование, учитывает мнение населения при принятии решений.

Эффективное госрегулирование и контроль, сбалансированно учитывающие экологические, экономические и социальные факторы - необходимое условие для реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и чистый воздух. Без этого невозможно устойчивое развитие общества и сохранение здоровья людей.

Пристатейный библиографический список

1. Брославский Л. И. Государственный экологический контроль в КНР // Журнал российского права. - 2010. - 73 с.
2. Копылов М. Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран (международно-правовые аспекты). - М., 2012. - 85 с.
- 2 Зайнашева З. Г., Гавриленко И. Г. Информатизация системы управления региональным развитием (на примере Республики Башкортостан). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://esj.today/PDF/76ECVN518.pdf>.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-281-283

БАЙГУБАТОВА Надира Рахымбековна

кандидат юридических наук, младший научный сотрудник, Институт стратегического анализа и прогноза, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина

ЭСЕНБЕКОВА Асия Таштанбековна

доктор юридических наук, доцент

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В статье рассматриваются проблемы определения религиозного экстремизма, что является ключевым аспектом для формирования системы национальной безопасности и правового регулирования. Авторами проводится анализ различных научных подходов к определению и классификации религиозного экстремизма в контексте его кроссдисциплинарной природы. Отмечается, что отсутствие единого научного подхода затрудняет правовую квалификацию проявлений экстремизма. Исследование выделяет характерные признаки религиозного экстремизма и его влияние на социальные и политические институты. Особое внимание уделено правовым аспектам борьбы с экстремизмом в международной практике, с учётом современных тенденций, как появление новых форм религиозного экстремизма и легализация ранее запрещённых, например, как движение «Талибан». Обосновывается необходимость выделения специфической феноменологии как «религиозный криминальный экстремизм», с указанием его типичных форм.

Ключевые слова: экстремизм, религия, национальная безопасность, религиозный экстремизм, проблемы, экстремистская идеология, мотивация экстремизма.

BAYGUBATOVA Nadira Rahimbekovna

Ph.D. in Law, junior researcher, Institute of Strategic Analysis and Forecast, B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University

ESENBEKOVA Asiya Tashtanbekovna

Ph.D. in Law, assistant professor

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF RELIGIOUS EXTREMISM

The article addresses the challenges of defining religious extremism, which is a key aspect in shaping the system of national security and legal regulation. The authors analyze various scientific approaches to the definition and classification of religious extremism in the context of its cross-disciplinary nature. It is noted that the absence of a unified scientific approach complicates the legal qualification of manifestations of extremism. The study highlights the characteristic features of religious extremism and its impact on social and political institutions. Special attention is paid to the legal aspects of combating extremism international practice, taking into account modern trends, such as the emergence of new forms of religious extremism and the legalization of previously prohibited ones, for example, the Taliban movement. The necessity of distinguishing a specific phenomenology as "religious criminal extremism" is substantiated, indicating its typical forms.

Keywords: extremism, religion, national security, religious extremism, problems, extremist ideology, motivation of extremism.

Эффективное противодействие религиозному экстремизму самым непосредственным образом связано с разработкой системы классификации признаков и проявлений религиозного экстремизма, как с научной точки зрения, так и на законодательном уровне. Четкое определение религиозного экстремизма является базовым элементом системы противодействия религиозной экстремистской деятельности в Кыргызской Республике наряду с правовыми механизмами предупреждения создания экстремистских группировок, разработкой соответствующей нормативно-правовой базы и механизмами привлечения к уголовной ответственности за совершенные противоправные действия. В таком контексте определение понятия «религиозного экстремизма» становится важной задачей не только в рамках правового исследования, но и имеет практическое значение для формирования и развития системы национальной безопасности.

Следует признать, что до сих пор не выработан единый научный подход к определению религиозного экстремизма, не в последнюю очередь это связывается с кроссдисциплинарным характером явления: вопросы изучения религиозного экстремизма занимают исследователи в рамках юриспруденции, религиоведения, политологии, криминологии,

геополитики, социологии, философии, психологии и т.д. Это отражается в различных классификациях и формулировках определения экстремизма в целом, и религиозного, в частности.

Изучение проявлений экстремизма среди религиозных групп было положено в конце 19 века, но тогда это понятие включало самый широкий диапазон явлений: «от обосновываемых религиозной риторикой выступлений за трезвость до самоубийств в состоянии религиозного иступления» [1, с. 182]. Лишь позднее под этим стали подразумевать радикальную религиозную или политическую идеологию. Впервые в научной среде в начале 20 века понятие «экстремизм» было предложено французским юристом М. Лероем, который под этим понятием описывал радикальные действия различных политических группировок, в частности, большевистских («красных экстремистов») и монархистских («белых экстремистов») [2]. В тот период экстремизм рассматривался исключительно как политическое явление – без религиозной и этнической составляющих.

Само значение понятия «экстремизм» восходит к латинскому слову «extremus», что означает «крайний». Исходя из такого распространенного в научной литературе понимания,

Байгубатова Н. Р.

Эсенбекова А. Т.

под «религиозным экстремизмом» можно считать «приверженность к крайней религиозности, нетерпимость к другим религиям и идеологиям». Религиозные экстремисты преследуют цель установление своей религии как единственной «правильной и угодной Богу», а также подавляют другие конфессии, в том числе и через противоправные действия. В таком контексте чаще всего можно в научной среде встретить определения религиозного экстремизма, например, у исследователя А. П. Забияко: «экстремизм религиозный – тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении» [3, с. 120]. Похожее по смыслу определение религиозного экстремизма наблюдается у М. А. Яворского: «религиозный экстремизм выражается в крайней форме реализации радикальной религиозной идеологии, направленной на совершение по религиозным мотивам деяний, запрещенных действующим законодательством, а также в публичных призывах к совершению данных деяний к лицам и социальным группам, которые придерживаются иного мировоззрения по сравнению с экстремистами» [4]. Е. Л. Забарчук под религиозным экстремизмом понимает «деятельность в сфере межрелигиозных отношений, находящую свое выражение в насильственных попытках навязывания обществу определенной системы религиозных воззрений, а также обоснование либо оправдание такой деятельности» [5, с. 5]. В целом, среди исследователей экстремизма превалирует политологический подход, который зачастую игнорирует правовые аспекты религиозного экстремизма, ограничиваясь изучением идеологических и политических характеристик, что затрудняет юридическую квалификацию проявлений религиозного экстремизма. К примеру, правоведы выражают несогласие с утверждением о том, что наличие крайних взглядов уже априори является экстремизмом, так как «они могут и не повлечь за собой совершение конкретных насильственных и иных противоправных действий, а также заведомо не предполагать принуждение по отношению ко всем несогласным» [6, с. 13].

На наш взгляд, логично мнение о том, что не каждый убежденный верующий, соблюдающий все каноны своей религии, обязательно является экстремистом, т.е. необходимо учитывать принцип презумпции невиновности. Несмотря на то, что религиозный фанатизм по своим внешним признакам часто отождествляется с религиозным экстремизмом, при правовых оценках необходимо четко разграничивать эти два явления. Важно понимать, что экстремистская идеология, несмотря на то, что опирается на религиозные учения, имеет ряд принципиальных отличий от обычной религиозной идеологии и нацелена, прежде всего, на конфликт с обществом и государством, причем практически во всех общественных сферах: политической, правовой, культурной, экономической. Кроме того, необходимо учитывать и законодательную практику в ряде стран, например, в Саудовской Аравии, где официально разрешен ваххабизм, который наоборот запрещен в Турции и Республике Дагестан. Также можно вспомнить деятельность исламских проповедников движения «Таблиги Джамаат», которое запрещено в Казахстане, Российской Федерации, Таджикистане, Узбекистане, но активно действуют в Кыргызской Республике. И наконец, наблюдаемые с середины 2024 года начавшиеся процессы легализации Движения Талибан, к примеру, в Казахстане¹, Кыргызстане², и о чем поговаривают также и в России³.

1 Казахстан вывел режим талибов из террористического списка // ИА «Радио Азаттык» (03.06.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/32977056.html> (дата обращения: 15.10.2024).

2 МИД Кыргызстана дал пояснения по поводу исключения «Талибана» из списка запрещенных организаций // ИА «Радио Азаттык» (07.09.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/33110480.html> (дата обращения: 15.10.2024).

3 Решение об исключении «Талибана» из списка террористов принято на высшем уровне // ИА «Тасс» (04.10.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/22043279?utm_source=twitter.com&utm_medium=social&utm_campaign=smm_social_share (дата обращения: 15.10.2024).

Таким образом, на международном уровне нет четко согласованных рекомендаций по определению и классификации религиозного экстремизма, каждое государство имеет право самостоятельно определять радикальность того или иного движения или организации, а рекомендации со стороны международных институтов (ООН, ШОС и т.д.) де-факто носят рекомендательный характер.

Следует обратить внимание на тот факт, что к экстремизму необходимо причислять не только совершение деяний экстремистской направленности, но и призывы к их совершению. Дискуссионным признаком является, пожалуй, мотивация экстремизма. Однако, по мнению А. В. Петрянина, «основными мотивами экстремизма выступают религиозная и расовая неприязнь» [7, с. 142]. Юридическую сущность религиозного экстремизма отражает определение Т. А. Скворцовой, которая с политико-правовой позиции трактует его как «исповедование некоторыми религиозными группами или отдельными лицами идеологии, основанной на нетерпимости к представителям других конфессий и (или) атеистам или противоборстве в рамках одной конфессии, ведущее к совершению этими группами или лицами противоправных деяний, нарушающих права и законные интересы граждан, государства и общества в целом» [6, с. 16]. На наш взгляд, приемлемым представляется подход, учитывающий нормативно-правовые основы понятия, указывающий на противозаконный характер экстремистских действий, но не причисляющий к экстремистам тех, кто имеет мнение, отличающееся от общепринятого. И так, *под религиозным экстремизмом следует понимать систему религиозной идеологии, отличающуюся своей радикальностью, нетерпимостью к другим идеологиям – как религиозным, так и светским, направленную на возникновение общественно-политического конфликта (связанного с попытками изменения общепринятых политических, социальных и духовно-нравственных основ государства и общества) и реализующуюся методами, обладающими высокой степенью общественной опасности и негативными последствиями.*

Следует отметить, что не все исследователи религиозного экстремизма согласны с актуальностью данной проблемы или даже отрицают сам факт существования экстремизма у верующих. В частности, отечественные исследователи Э. Насритдинов, Н. Эсенаманова в работе «Религиозная безопасность в Кыргызской Республике» отмечали излишнюю политизированность вопроса со стороны светских институтов, по их мнению, «религиозный экстремизм существует больше как политический дискурс, сильно муллируемый средствами массовой информации, нежели как реально существующая проблема» [8, с. 12]. К схожим выводам приходят западные исследователи Джон Хизершо и Дэвид У. Монтгомери, которые в своем докладе «Миф о радикализации ислама в республиках Средней Азии в постсоветский период» отрицают масштабы радикализации населения в Центральной Азии, так как, по их мнению «имеются недостаточно доказательств в поддержку тезиса о радикализации ислама в постсоветском периоде». Авторы доклада даже не используют понятие «религиозный экстремизм», заменяя его на «воинствующий экстремизм», а также вводят в оборот понятие «воинствующий секуляризм», который, по мнению авторов, более опасен, чем «воинствующий экстремизм», так как является инструментом подавления и проведения авторитарной политики у светских властей постсоветского пространства [9]. Здесь необходимо отметить, что эти работы публиковались в 2014 году, т.е. до пика массовой вербовки граждан Центральной Азии в ряды запрещенных религиозных группировок, воюющих на Ближнем Востоке и вполне возможно, что позже, получив данные о количестве завербованных, исследователи, не были бы столь категоричны в своих оценках «о недостатке фактов наличия угрозы от религиозного экстремизма» и отрицания самого существования религиозного экстремизма. Ведь по примерным подсчетам, в целом из Центральной Азии более 3 тыс. человек, в свое время, выехали в Сирию и Ирак, зачастую с семьями, где присоединились к рядам «Исламского государства»⁴.

4 Наджибулла Ф., Ахмади М. Вернуть нельзя оставить. Вдовы и дети боевиков ИГ из Центральной Азии // ИА «Радио Азаттык» (21.02.2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/why-tajikistan-is-fighting-to-bring-its-islamic-state-widows-back-home/29782290.html> (дата обращения: 15.10.2024).

Религиозный экстремизм всегда представлял собой сложное для изучения явление, которое включает одновременно в себя девиантное психологическое состояние, деструктивные взгляды и противоправные действия. Не менее дискуссионным является вопрос классификации религиозного экстремизма и способов его проявления, поэтому здесь важно определить характерные признаки, которые проявляются у религиозных экстремистов. На наш взгляд, к ним можно отнести: 1) принадлежность к определенной религиозной группе, причем внутри своей конфессии они могут считаться «ненастоящими» верующими (например, различные секты); 2) нетерпимость и агрессия к другим религиозным конфессиям и светским принципам; 3) наличие сформированной идеологической платформы, на основании которой декларируются лозунги и цели (например, создание «всемирного халифата», внедрение шариатского права и т.д.), которые обычно носят ярко выраженный клерикальный, консервативный и антисветский характер, а также характеризуется правовым нигилизмом и активной пропагандой радикальных ценностей; 4) выдвижение формальных и неформальных религиозных лидеров, создание четкой иерархической структуры; 5) угрозы и использование противоправных действий, в том числе, направленных на подрыв конституционных основ и смену политического режима.

Исследователи А. К. Алиев, З. С. Арухов и К. М. Ханбабаев предлагают следующую классификацию религиозного экстремизма: 1) внутриконфессиональный экстремизм, который характеризуются борьбой между различными течениями (сектами) внутри одной конфессии, ведет к религиозному расколу и является неким подобием «гражданской войны»; 2) экстраконфессиональный экстремизм – это борьба между различными конфессиями внутри одного государства; 3) этноконфессиональный экстремизм имеет не только религиозные причины, но и этнические; 4) социальный религиозный экстремизм – трансформация общественных отношений с целью перестройки архаичных религиозных институтов; 5) религиозно-политический экстремизм – слом существующей политико-правовой системы под прикрытием религиозных лозунгов [10, с. 27].

Казахстанский исследователь Д. А. Сатпаев предлагает иную классификацию: 1) антиконфессиональный – направленный против других религий и даже других направлений в рамках одной конфессии (противоборство суннитов и шиитов и т.д.); 2) антимодернизационный – используется для борьбы с распространением новых идеологий, преимущественно западных; 3) антисистемный – борьба со светскими режимами, не признающими то или иное религиозное движение или течение; 4) сектантский – приводит к появлению таких опасных структур как секты, многие из которых могут трансформироваться в террористические организации; 5) специальный экстремизм – используется в межгосударственных конфликтах [11].

Поскольку религиозный экстремизм представляет собой сложное явление, которое может одновременно включать в себя девиантное психологическое состояние, деструктивные взгляды и противоправные действия, зачастую сопряженные с насилием либо угрозой его применения, выходящими в совершение общественно-опасных, антиконституционных деяний, связанных с многочисленными злоупотреблениями свободой совести и вероисповедания, мы приходим к выводу о необходимости выделения специфической феноменологии как «религиозный криминальный экстремизм», под которым следует понимать систему общественно опасных действий, направленных на популяризацию и распространение религиозных идей, произвольно объявленных истинными в ущерб иным религиоз-

ным либо светским идеям и реализуемых уголовно-наказуемыми способами.

Учитывая факт возможности самопроизводства явления посредством его организованных форм, представляющих качественно опасную форму, можно выделить следующие его типичные формы:

- структурированный религиозный криминальный экстремизм, т.е. экстремизм, имеющий организационные формы, прямо запрещенные уголовным законом (ст. 200, 331 Уголовного кодекса Кыргызской Республики⁵ (далее УК КР));
- самостоятельный неструктурированный религиозный криминальный экстремизм, т.е. применительно к которому признаки отношения к религии или религиозного мотива прямо указаны в тексте закона (ст. 330 УК КР);
- терроризм и иные преступления террористического характера, совершаемые по религиозным мотивам;
- общественно опасные злоупотребления свободой совести и вероисповедания (посвягающие на жизнь, здоровье, свободу, половую неприкосновенность и половую свободу человека, права и свободы несовершеннолетних, конституционные права и свободы человека и гражданина, собственность, здоровье населения и нравственность, основы безопасности государства в части, относящейся к обеспечению равноправия граждан, мир и безопасность человечества).

Пристатейный библиографический список

1. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 7. – С. 177-184.
2. Дворянов В. А. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. – М.: Институт политического и военного анализа – 2002. – С. 47-48.
3. Забияко А. П. Экстремизм религиозный // Религиоведение. Энци. Словарь. – М., 2006. – 1256 с.
4. Яворский М. А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. – 2008. – № 11. – С. 22-24.
5. Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 3-10.
6. Скворцова Т. А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 177 с.
7. Петрянин А. В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2014. – 501 с.
8. Насритдинов Э., Эсенманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – 64 с.
9. Хизершо Д., Монтгомери Д. Миф о радикализации ислама в республиках Средней Азии в постсоветский период. Программа «Россия-Евразия», 2014. – 22 с.
10. Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007. – 582 с.
11. Сатпаев Д. А. Проблема распространения религиозного экстремизма: анализ глобальных тенденций // Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии: сборник материалов международной конференции Казахстанского института стратегических исследований. – Алматы, 2001. – С. 45-46.

15.10.2024) @@ Мендкович Н. Туркмения под ударом. Произойдет ли в стране экстремистская революция? // ИА «REGNUM» (21.07.2018). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2434765.html> (дата обращения: 15.10.2024) @@ Кожобаева З. Ош: вернувшиеся из Сирии кыргызстанцы на контроле у силовиков // ИА «Радио Азаттык» (20.06.2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/30009759.html> (дата обращения: 15.10.2024) @@ Узбекские боевики: от Афганистана до Сирии // ИА «Радио Азаттык» (15.06.2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/boeviki-iz-uzbekistana-syria-ig/27859628.html> (дата обращения: 15.10.2024).

5 Уголовный кодекс Кыргызской Республики, от 28 октября 2021 года № 127 (В редакции законов КР, от 7 августа 2024 года № 161). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru> (дата обращения: 15.10.2024).

БИЧЕНОВА Анна Роландиевна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

КЕРОПЯН Манучак Оганесовна

курсант 4-го курса 1-го взвода, Самарский юридический институт ФСИН России

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И МЕРАХ БОРЬБЫ С НЕЙ

Данная статья посвящена рассмотрению общественного мнения о насильственных преступлениях и мерах борьбы с ней. В ней представлены виды насильственных преступлений и меры борьбы с насилием, а также проблемы, над предотвращением и устранением преступлений насильственного характера. Помимо этого, в статье проиллюстрированы основные методы общего предупреждения насильственной преступности

Ключевые слова: насилие, психологические последствия, предупреждение преступности, преступник.

BICHENOVA Anna Rolandievna

senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

KEROPYAN Manushak Oganosovna

cadet of the 4th course, of the 1st platoon, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PUBLIC OPINION ON VIOLENT CRIMES AND MEASURES TO COMBAT IT

This article is devoted to the consideration of public opinion on violent crimes and measures to combat it. It presents the types of violent crimes and measures to combat violence, as well as problems related to the prevention and elimination of violent crimes. In addition, the article illustrates the main methods of general prevention of violent crime.

Keywords: violence, psychological consequences, crime prevention, criminal.

Общественное мнение о насильственных преступлениях обычно является крайне негативным, ведь такие действия причиняют физическое и психологическое страдание другим людям. Насилие порой вызывает у общества чувство непредсказуемости и угрозы, что приводит к повышенному уровню тревожности и страха.

Насилие как форма поведения часто не является спонтанным действием, а скорее результатом сознательного выбора индивида. Это происходит, когда человек решает использовать агрессивные или насильственные методы для достижения своих целей. Здесь мы можем рассмотреть несколько важных аспектов:

– Поведенческая программа: это означает, что насилие выбирается в качестве стратегии для достижения определенных результатов. Этот выбор может зависеть от личного опыта, вашего окружения или усвоенных норм и ценностей.

– Цели и потребности: каждый стремится удовлетворить свои собственные потребности – физические, социальные или психологические. В некоторых случаях, когда традиционные способы достижения целей оказываются неэффективными, индивид может использовать насилие как средство решения своих проблем.

– Антисоциальное отношение: решение использовать насилие часто основывается на антисоциальных убеждениях, которые могут включать эгоизм, личные интересы или даже бесчеловечное отношение. На эти взгляды влияют различные факторы, включая социальные, культурные и личные обстоятельства.

– Приемлемость насилия: в некоторых кругах или обществах насилие может восприниматься как приемлемый способ борьбы за свои права или достижения целей. Это мо-

жет зависеть от субкультуры, в которой растет человек, и от преобладающих там норм.

– Долгосрочные последствия: использование насилия как средства достижения целей может иметь разрушительные последствия не только для жертв, но и для самого насильника, поскольку такое поведение может привести к цепной реакции насилия и ухудшению межличностных отношений.

Для этой категории преступников субъективизм восприятия окружающего мира характерен в большей степени, чем для других. Их собственная агрессия проецируется вовне, и поэтому ситуации, в которых они оказываются, часто воспринимаются как потенциально угрожающие, хотя на самом деле это может быть и не так.

В отличие от других, такие преступники в сфере межличностных отношений отличаются высокой чувствительностью, ранимостью и незащищенностью, но эти качества проявляются не в плане соперничества другим, а направлены на самих себя. Причины этого следует искать в ранней семейной ситуации, особенно если обратить внимание на ключевой возраст, такой как 5-7 лет.

Насилие становится сложным явлением, корни которого лежат в сознательном выборе людей, их социальном контексте и их внутренних убеждениях. Понимание этих факторов может помочь разработать более эффективные подходы к предотвращению насилия и помочь людям найти конструктивные решения конфликтов.

Мотивация преступного насилия также может быть связана с тем, что в определенных жизненных ситуациях «Я-концепция» и, по сути, вся структура личных ценностей разрушаются, что приводит к деструктивным действиям.

Психологические последствия отчуждения выражаются в отсутствии эмоциональных контактов между людьми,

в восприятии личностью окружающего мира как чуждого и враждебного, в расхождении между ее потребностями, ожиданиями, желаниями и действующими социальными нормами.

Комплекс неполноценности, в той или иной степени свойственный любой психологически или социально отчужденной личности, ведет к тому, что не понимаемые или не принимаемые ею свойства другой личности или формы ее поведения могут восприниматься как враждебные, угрожающие и потому требующие ответной агрессивной реакции.

В криминологии выделяют 2 типа насильственных преступлений:

- Насильственно эгоистические (насилие является сущностью криминальной мотивации). Эти преступления совершаются под влиянием различных мотивов, таких как месть, неудовлетворенность, ревность, издевательство, сексуальные побуждения и других личных причин, которые характеризуются откровенным и крайне эгоистичным характером. Эгоизм, проявляющийся через насилие, является одной из искаженных форм самоутверждения.

- Корыстно-насильственные (насилие является способом достижения определенного результата)¹. Особенность преступлений, связанных с насилием в корыстных целях, заключается в характере насилия, применяемого виновным к жертве. Оно используется как способ завладеть собственностью и удовлетворить корыстные потребности субъекта.

Меры борьбы с насильственными преступлениями могут быть разнообразными и включать в себя как законодательные действия, так и общественные кампании. Важно создать эффективную систему наказания и предотвращения преступлений, чтобы дать жертвам возможность ощущать справедливость и защиту [1].

Есть несколько направлений борьбы с насильственной преступностью и её предупреждению.

1. Законодательные меры

- Ужесточение наказаний: принятие законов, усиливающих ответственность за насильственные преступления, может служить сдерживающим фактором.

- Создание специальных норм: принятие законодательства о домашнем насилии и законов о защите жертв, включая определенные меры защиты.

- Упрощение процесса рассмотрения жалоб: обеспечение доступности и удобства обращения жертв насилия в правоохранительные органы.

2. Правоохранительные меры

- Увеличение численности и подготовки полиции: обучение сотрудников полиции, работающих со случаями совершения насилия, для повышения оперативности и эффективности реагирования.

- Создание специализированных подразделений: формирование групп по борьбе с насильственными преступлениями, которые фокусируются на конкретных видах насилия.

- Сотрудничество с социальной службой: партнерство с социальными службами и психологическими центрами для

оказания помощи пострадавшим от насилия и предотвращения рецидивов.

3. Общественные кампании

- Образовательные программы: проведение публичных мероприятий, семинаров и тренингов для информирования общественности о насилии и его предотвращении.

- Инициативы по повышению осведомленности: кампании по разрушению мифов о насилии и повышению осведомленности о его опасностях и последствиях.

- Поддержка благотворительных организаций: сотрудничество с объединениями, оказывающими помощь жертвам насилия, включая приюты, юридическую помощь и психологическую реабилитацию.

4. Психологическая поддержка и реабилитация

- Центры консультирования пострадавших: предоставление доступа к консультациям психологов, которые помогают пострадавшим справиться с травмой.

- Программы реабилитации правонарушителей: например, программы по борьбе с агрессивным поведением для лиц, совершивших насильственные преступления, которые помогают снизить вероятность рецидива.

5. Системы оценки и мониторинга

- Сбор статистических данных: создание систем мониторинга и оценки эффективности мер по предотвращению насильственных преступлений.

- Анализ данных: применение аналитики с целью выявления тенденций и разработки целевых стратегий.

Создание комплексного подхода к борьбе с насильственными преступлениями, который включает вышеупомянутые меры, позволяет не только снизить уровень насилия в обществе, но и создать среду, в которой жертвы могут чувствовать себя защищенными и услышанными.

К мерам общего предупреждения насильственной преступности А. И. Долгова относит [2]:

- создание условий для цивилизованного, правового разрешения конфликтов между гражданами, уменьшения их числа и вредных последствий;

- повышение культурного и образовательного уровня граждан, обеспечение здоровых условий для формирования личности;

- социальный контроль, позволяющий осуществлять быстрое реагирование на мелкие правонарушения и социальные конфликты, сглаживающий их последствия и стимулирующий правопослушное поведение;

- формирование в общественном сознании негативного отношения к насилию как способу разрешения конфликтов, повышение престижа правомерных способов защиты своих прав.

В числе объектов воздействия специальных мер она называет прежде всего криминальную и криминогенную среду, в которой находятся лица молодого возраста (до 20 лет), лиц без постоянного источника дохода и лиц, ранее совершавших преступления. А. И. Долгова называет следующие меры специального предупреждения:

- воздействие на лиц, злоупотребляющих алкоголем и иными психоактивными веществами с целью ресоциализовать их и побудить к отказу от употребления этих веществ;

- ресоциализация лиц, освобождённых из мест лишения свободы: их трудоустройство, обеспечение жильём и т.д.;

¹ Учебник по криминологии Е. О. Филиппова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-elena-filippova/109015-kriminologiya-elena-filippova/read/page-12.html/c-10/>.

– коррекция поведения лиц с аномалиями психики, особенно на раннем этапе (в детских учреждениях);

– создание психологических консультативных центров, направленных на реабилитацию жертв бытового насилия и предотвращение новых посягательств на их интересы;

– виктимологическая профилактика, призванная по возможности вывести людей из «групп риска», подверженных совершению насильственных преступлений, обучить их навыкам по избежанию опасных криминогенных ситуаций.

Предупреждение преступности — это система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминации преступности, может также осуществляться косвенно, путём воздействия на другие виды преступности.

Цели предупреждения преступности:

– Снижение преступности: основная цель - снизить количество преступлений и преступных действий в обществе.

– Защита граждан: обеспечение безопасности и защиты прав граждан от преступных посягательств.

– Формирование правосознания: повышение правовой культуры и осведомленности населения о предупреждении преступности путем осуждения и просвещения.

– Повышение социальной ответственности: поощрение социальной активности и ответственности граждан за соблюдение законов.

– Создание безопасной социальной среды: улучшение условий жизни в обществе, что снижает факторы, способствующие преступности.

– Эффективность правоохранительных органов: повышение роли и эффективности правоохранительных органов в превентивных мерах.

– Сокращение числа повторяющихся преступлений: предотвращение повторных преступлений и успешная реабилитация.

Например, борьба с организованной преступностью влечёт уменьшение общей насильственной преступности, поскольку именно насилие лежит в основе деятельности организованных преступных формирований.

В соответствии с частью 2 статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса основные средства исправления осужденных:

1. формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития;

2. стимулирование у них правопослушного поведения;

3. установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим);

4. воспитательная работа;

5. общественно полезный труд;

6. получение общего образования, профессиональное обучение;

7. общественное воздействие.

Важное место в системе профилактики насильственных преступлений занимают уголовно-правовые нормы с так называемой двойной превенцией, устанавливающие ответственность за деяния, которые предшествуют совершению тяжких насильственных преступлений в «преступной карьере» большинства опасных преступников: хулиганство, угроза убийством, незаконный оборот оружия и т. д. Фактическая

безответственность лиц, совершающих подобные деяния, создаёт у них чувство безнаказанности и приводит к эскалации преступного поведения.

Также важно активно сотрудничать с правоохранительными органами и усиливать меры по предупреждению и расследованию насильственных преступлений. Проведение профилактических мероприятий, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также использование современных технологий в борьбе с преступностью могут значительно улучшить ситуацию.

Психологические аспекты отношения общества к преступности также играют важную роль. Негативное отношение к преступникам, стигматизация и исключение из общества могут усугубить проблему и привести к повышению уровня преступности. Важно обращать внимание на корректировку поведения преступников, а не просто изоляцию и наказание. Необходимы социальные программы по предотвращению преступности, реабилитации преступников и изменению отношения общества к ним [3].

Таким образом, борьба с насильственными преступлениями требует комплексного подхода, вовлечения всех уровней общества и постоянной работы над предотвращением и устранением этой проблемы. Важно помнить, что каждый человек играет свою роль в общественной безопасности и может внести свой вклад в создание более безопасной среды для всех.

Пристатейный библиографический список

1. Научная статья: «Исправление сужденных как мера предупреждения насильственных преступлений» // 2021. - С. 3.
2. Статья: «Меры предотвращения насильственных преступлений» // 2022 г. - С. 2.
3. Научная статья: Кудряшов А. В. «Теория и практика противодействия преступности» // 2022 г. - С. 89-96.

ВЛАДИМИРОВА Оксана Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ И БЕЗ ТАКОВОГО

Статья посвящена исследованию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Автор обращает внимание на классификацию данных преступлений по признаку: совершены они с применением насилия, или без такового. В связи с этим дается анализ признаков физического, а также психического насилия. Рассматривается фактор беспомощного состояния несовершеннолетнего и причины возникновения такого состояния. Статья содержит детальное исследование нормативного материала, а также примеры ситуаций из правоохранительной практики, статистические данные.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступление, применение насилия, беспомощное состояние, половая неприкосновенность.

VLADIMIROVA Oksana Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS COMMITTED WITH OR WITHOUT VIOLENCE

The article is devoted to the study of crimes against the sexual integrity of minors. The author draws attention to the classification of these crimes on the basis of: they were committed with or without violence. In this regard, the analysis of signs of physical as well as mental violence is given. The factor of the helpless condition of a minor and the causes of such a condition are considered. The article contains a detailed study of the normative material, as well as examples of situations from law enforcement practice, statistical data.

Keywords: minor, crime, use of violence, helpless state, sexual integrity.

Владимирова О. А.

Несовершеннолетние занимают особое место в системе объектов уголовно-правовой охраны. В силу особенностей своего развития, дети, не всегда способны оценить характер угрозы, степень опасности тех или иных действий, которые на них направлены и, соответственно, не всегда могут противостоять наступающей угрозе и защитить самих себя.

Следует подчеркнуть, что подлинной статистики о количестве преступлений рассматриваемой нами группы не существует как в России, так и в зарубежных странах, поскольку данный вид преступлений относится к преступлениям с высоким уровнем латентности и несовершеннолетние в силу различных обстоятельств длительное время способны скрывать и не рассказывать о совершенных в отношении них преступных посягательствах, в том числе по причине исходящих от преступника угроз или запрета разглашать сведения о произошедшем, либо боязни огласки или общественного порицания.

Прежде чем рассматривать особенности половых преступлений против несовершеннолетних, стоит определиться с рядом понятий, которые мы будем использовать далее в своей работе. Это требуется в связи с тем, что ученые и практики используют немало количество различных понятий, определяющих сексуальные посягательства на несовершеннолетних: половые преступления, сексуальные преступления, сексуальные посягательства, насильственные и ненасильственные преступления против несовершеннолетних. Такое многообразие терминов, обусловлено отсутствием законодательного определения полового или сексуального преступления [4].

В нашей работе мы будем использовать термин «сексуальные преступления против несовершеннолетних», так как само понятие «секс» подразумевает под собой не только половую связь, но и связь психологическую, определенные эмоциональные переживания и так далее, тогда как термин «половое преступление» более узкий, и имеет под собой основную мысль непосредственного физического контакта между мужчиной и женщиной и не затрагивает более тонкую материю, такую как чувства и психика.

Сексуальные преступления против несовершеннолетних условно можно разделить на два вида: преступления, которые совершаются с применением насилия со стороны субъекта преступления и без применения насилия.

Насилие по отношению к несовершеннолетним проявляется в различных формах – от психологического, то есть унижение и оскорбление ребенка, угроза расправы, шантаж, демонстрация неприязни, до применения физического насилия. Физическое насилие выражается в виде побоев, в том числе с применением различных предметов, будь то ремень, бытовые принадлежности или специальные предметы, также физическое насилие выражается в удерживании жертвы, то есть это связывание жертвы, приковывание к батарее и заключение в закрытое помещение [2].

Все указанные способы относятся к насилию, то есть преднамеренному негативному воздействию, на объект в том или ином виде. И указанные действия, помимо самого полового контакта против воли, влияют на дальнейшее развитие и формирование не только психики ребенка, но и его физиологического развития, так как минимальный возраст жертвы в таких преступлениях начинается примерно с 1

года, когда тело ребенка не сформировалось для полноценного полового акта.

Также видим необходимость в том, чтобы отметить некоторую особенность в установлении объекта сексуального преступления против несовершеннолетних. При совершении преступлений, объединенных главой 18 Уголовного Кодекса Российской Федерации, объектом посяательства являются половая свобода и половая неприкосновенность личности. Между тем, если сексуальное преступление совершается против совершеннолетнего лица, то объектом преступления будут являться как половая неприкосновенность личности, так и половая свобода, если же сексуальное преступление совершено против несовершеннолетнего, то объектом следует считать только половую неприкосновенность. Такую позицию разделяет не все научное сообщество, например, А. Б. Баумштейн утверждает, что разделение половой неприкосновенности и половой свободы является искусственным и противоречит конституционным принципам [1].

Указанное утверждение, с нашей точки зрения, является безосновательным, так как применение термина половая свобода к несовершеннолетним сомнительно. Общеизвестно, что самостоятельная реализация личностью своих прав в сексуальной сфере возможна лишь при достижении совершеннолетия и именно половая неприкосновенность, является правом несовершеннолетнего не подвергаться вовлечению в такие отношения.

Изучая главу 18 Уголовного Кодекса Российской Федерации, мы можем видеть довольно четкое разграничение между преступлениями, которые связаны с применением насилия и без использования такового. Например, статья 131 УК РФ Изнасилование, в первой части мы уже можем увидеть указанное нами разграничение. «Изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам» это две диспозиции, которые содержатся в первой части, то есть указанные диспозиции это два разных деяния, которые имеют равный вред и соответственно относятся к сексуальному преступлению, совершенному с применением насилия, в первом случае насилие подразумевает под собой физическое воздействие и удержание жертвы, во втором случае это психологическое насилие, выражающееся в угрозе применение физического насилия. Третья диспозиция звучит следующим образом: «Изнасилование, то есть половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей», в указанном фрагменте не идет речь о физическом насилии, здесь указывается факт того, что субъект преступления воспользовался беспомощным состоянием жертвы для совершения полового акта.

Сравнивая между собой два подвида сексуальных преступлений против несовершеннолетних, нельзя сказать, что один из выделенных подвидов несет за собой более тяжкие последствия. Сексуальное преступление с применением физического насилия приносит больше физического страдания жертве, так как помимо боли от непосредственно полового акта или каких-либо действий сексуального характера, жертва страдает от других физических действий субъекта преступления. Сексуальное преступление против несовершеннолетнего с применением психологического насилия несет за собой также ужасные последствия, боли от полового акта, либо же действия сексуального характера идут в совокупности с чувствами страха, стыда, психологического унижения и так далее и сказать наверняка, какой подвид сексуальных преступлений несет больший вред просто невозможно [3].

Приведем несколько примеров сексуальных преступлений против несовершеннолетних с применением физического и психологического насилия.

В 2016 году в коттедже, который 8 молодых парней арендовали для празднования дня рождения одного из них, была изнасилована 16-ти летняя девушка. Фигурант дела воспользовался беспомощным состоянием жертвы, она была в сильном алкогольном опьянении, наблюдались все признаки алкогольного отравления, ударил ее скрутил руки, а потом изнасиловал. При этом фигурант не ограничился традиционным половым актом, а разнообразил его извращениями. Позже были сняты побои, синяки на руках от удерживания, проведена судебно-медицинская экспертиза, которая указала на насильственный половой акт и другие подробности¹. В рассматриваемом случае мы можем говорить о том, что жертва подверглась одному из видов насилия – физическому.

В Башкирии произошел случай, который мы можем рассмотреть в качестве примера психологического насилия. 15-ти летняя школьница подвергалась сексуальному насилию в течении двух лет от 45-летнего гражданина Таджикистана. Насильник втерся в доверие недавно переехавшей из Уфы семье, ухаживал за матерью семейства, заботился о дочерях и престарелой бабушке. Воспользовавшись хорошей репутацией, он пригласил в гости двух девочек семейства, напоил их алкоголем, и одну из них изнасиловал. Девушка никому не рассказала о случившемся с ней, так как насильник шантажировал ее сделанным в процессе изнасилования видео, угрожал, что ее мать депортируют, а девочек выгонят из школы. И на протяжении 2х лет насильник использовал психологическое насилие над девочкой, чтобы совершать с ней половые акты и другие действия сексуального характера².

В январе 2024 года зарегистрировано 151.3 тыс. преступлений, или на 0.2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Всего преступлений против личностизарегистрировано 19484, из них 195 изнасилование и покушение на изнасилование³[36]. В официальной статистике не указано, сколько из этих 195 преступлений были совершены против несовершеннолетних, но мы можем предположить, что примерно половина. Плюс к этому, стоит сказать о том, что огромная часть преступлений совершается и остается без огласки, так как жертвы изнасилований боятся заявлять в полицию по факту совершаемых действий. Поэтому мы не можем полностью доверять официальной статистике и из этого делаем вывод, что настоящее количество изнасилований и действий сексуального характера, совершаемых против несовершеннолетних намного больше, чем мы можем предполагать.

В рамках различных научных исследований установлено, что наибольшая часть субъектов, совершающих подобные преступления, относится к возрастной категории от 35

1 Дивеева Ю. История изнасилования, о которой говорит вся страна // Комсомольская правда: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26652.7/3672546/> (дата обращения: 10.10.2024).

2 Министерство Внутренних Дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Состояние преступности в России за январь 2024 года // мвд.рф: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (дата обращения: 14.05.2024).

3 Апарина Э. Жила в страхе за свою маму и сестер // Комсомольская правда: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27043.4/4107536/> (дата обращения: 10.04.2024).

до 45 лет, чуть реже совершают такого рода преступления лица в возрасте 18-25 лет, еще меньше – лица в возрасте от 55 и старше и лица в возрасте от 25 до 35 лет. Наименьшую активность в этом виде преступлений проявляют возрастные группы 16-18 и 45-55 лет [5]. Также важным элементом криминалистической характеристики преступлений такого типа являются связи между субъектом посягательства и жертвой. Более половины осужденных по ст. 134, 135 УК РФ являлись родными или приемными родителями потерпевших, сожителями матерей пострадавших детей либо их соседями. Таким образом, мы можем говорить о том, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица многочисленными совершаются по большей части их ближайшим окружением, людьми, которым дети доверяют в полном объеме и от которых никогда не ждут таких действий.

Итак, предлагаем использовать термин сексуализированное (сексуальное) насилие, так как половое преступление, на наш взгляд, является более узким понятием, так как не охватывает тонкую сторону совершаемого преступления, а именно чувства и психику в целом. Сексуальные преступления могут совершаться с применением насилия и без применения такого.

Ошибочно будет утверждать, что сексуальные преступления против несовершеннолетних, совершенные без применения насилия относятся к менее тяжким преступлениям. В подавляющем количестве стран остро стоит проблема изнасилования и действий сексуального характера против несовершеннолетних лиц и, к сожалению, на данном этапе развития общества получить правдивую статистику по такому виду преступлений невозможно.

Самая большая сложность заключается в том, что большинство жертв сексуального насилия предпочитают не сообщать об этом. Существует множество возможных причин для такого решения: смущение, невозможность в силу физиологии рассказать о преступлении, позор жертвы, страх возмездия со стороны насильника, даже страх перед тем, как отреагирует собственная семья жертвы. Кроме того, законы многих стран о борьбе с сексуальными домогательствами недостаточны, непоследовательны или регулярно не соблюдаются. Это может убедить жертву в том, что привлечение правоохранительных органов ни к чему хорошему не приведет, а в некоторых случаях действительно может ухудшить ситуацию, а не улучшить.

Чаще всего такие преступления совершаются с использованием беспомощного состояния жертвы. В статье 131 УК РФ третьей диспозицией является: «Изнасилование, то есть половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей», в указанном фрагменте не идет речь о каком-либо насилии, здесь указывается факт того, что субъект преступления воспользовался беспомощным состоянием жертвы для совершения полового акта. Также в статье 132 УК РФ аналогично, как и в 131 статье выделяется третья диспозиция, которая звучит следующим образом: «Мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего», то есть мы можем говорить о том, что указанные преступления стоят наравне с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних, совершенные с применением насилия.

Как мы уже говорили ранее, нельзя говорить о том, что такого типа преступления с применением насилия наносят больший вред жертве преступления, нежели без применения такого, так как первое: законодательно такие способы

совершения данного вида преступления стоят наравне друг с другом, соответственно и наказание идентичное, и второе: факт отсутствия физического насилия или психологического не умаляет вреда от самого полового акта или действий сексуального характера против воли человека. Сам половой акт или действия сексуального характера, которые совершаются против воли человека, приносят жертве огромные страдания, в том числе как физическую боль, так и психологическую.

Физическая боль при половом акте с жертвой в беспомощном состоянии заключается в неготовности организма к такому виду действий, неготовность заключается как в физиологических особенностях организма, так и в психологической неготовности самой жертвы преступления. Помимо физической боли, жертва, несомненно, на всех стадиях полового акта и действий сексуального характера, а именно подготовка, совершение действий и после совершения преступления, находится в тяжелом психическом состоянии, которое может заключаться в страхе, стыде, панике, ненависти и так далее. Для того, чтобы понять, что такое беспомощное состояние, мы обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В пункте 5 данного Постановления мы можем видеть, что беспомощное состояние может иметь разные причины, например, алкогольное или наркотическое опьянение, физические недостатки, психические расстройства, болезненное состояние, слабоумие, возраст и другое, но суть заключается в том, что лицо не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий, либо может понимать, но не имеет возможности дать отпор преступнику.

Разберем каждую причину беспомощного состояния подробнее:

Алкогольное или наркотическое опьянение. Не имеет значения, что предшествовало опьянению, жертва сама довела себя до такого состояния или же преступник «накачал» жертву. Также стоит отметить, что в пункте 6 указанного Постановления, не каждая стадия опьянения может считаться беспомощным состоянием, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана только та стадия опьянения, которая мешала или искажала восприятие совершаемых с жертвой действий или исключала возможность сопротивления преступнику.

Физические недостатки. Физические недостатки влияют именно на возможность лица физически дать отпор преступнику, оттолкнуть, ударить, убежать и так далее.

Психические расстройства и слабоумие. В данной категории, мы можем опираться на понятие «невменяемости» в уголовном праве, которое используется к лицам, которые совершили преступление. В данной категории нас интересуют именно психические расстройства, которые влияют на восприятие происходящих событий, критерии таких расстройств указаны в статье 21 УК РФ, основной характеристикой является понимание совершаемых действий и последствий. Примером может послужить: шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, слабоумие и другое. Слабоумие или деменция также являются психическими расстройствами, так как при таких заболеваниях у человека снижается интеллект, память, внимательность и способность мыслить абстрактно [5].

Возраст. В данной категории выделяют малолетних детей и престарелых лиц. Малолетние дети, опираясь на примечание к статье 131 УК РФ, это лица, не достигшие 12-ти

летнего возраста, так как в силу возраста они не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий. Но также стоит отметить, что понятие «малолетний», например, в п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ понимается как лицо, не достигшее 14-летнего возраста, также в некоторых ведомственных нормативных актах⁴ указывается, что малолетним лицом нужно считать лицо, не достигшее 14-ти летнего возраста. Мы считаем, что в рассматриваемом нами случае, малолетним лицом, считается лицо, не достигшее 12-ти лет, Уголовный закон автоматически относит детей до 12-ти лет к лицам, которые находятся в беспомощном состоянии. Престарелое лицо находится в беспомощном состоянии с наступления пенсионного возраста, но также, в данном случае суд обращает внимание на самочувствие человека, на его способность мыслить, анализировать ситуацию, на его физическую способность дать отпор преступнику и на многое другое.

Другое. В категорию «другое» могут входить такие состояния, как потеря сознания (в следствие повышенной температуры тела или по каким-либо другим причинам), спутанность сознания (вследствие черепно-мозговой травмы и т.д.) и многие другие, индивидуальные для каждого случая условия.

Рассмотрим некоторые ситуации, которые помогут нам понять на практике как определяется указанное состояние. В 2022 году 54-летний мужчина был задержан за изнасилование приемного сына шести лет и новорожденной дочери. Преступник на протяжении шести лет снимал и фотографировал процесс, чтобы продать материалы на иностранных ресурсах. Супруга обо всем знала, но не сообщала органам полиции. В 2024 году педофилу вынесли беспрецедентный приговор за всю историю отечественной судебной практики, приговорив его к пожизненному заключению, жена получила 17 лет лишения свободы.

Разбирая указанный случай, мы опираемся на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В части 5 указанного Постановления рассматриваются условия беспомощного состояния жертвы изнасилования. В рассматриваемой ситуации изнасилование приемного шестилетнего сына и новорожденной дочери будет являться изнасилованием, совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, так как малолетство является одним из условий беспомощного состояния.

Неоднозначный случай с доведением лица до беспомощного состояния: группа лиц познакомилась с 15-ти летней девушкой в чат-рулетке, они пригласили ее на квартиру. Далее девочке предложили наркотические вещества, а позже изнасиловали ее. Неоднозначность заключается в следующем: по вышеупомянутому Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, беспомощным состоянием также является алкогольное или наркотическое опьянение, но суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть

признана лишь такая степень опьянения, которая лишала бы лицо возможности понимать характер и значение совершаемых им действий либо оказать сопротивление виновному. В рассматриваемом случае, адвокат обвиняемого утверждал, что девушку не доводили до беспомощного состояния, что она могла осознавать, что происходит и дать оценку.

Подводя итоги, данной статьи отметим, что в ней сформировано достаточно корректное понятие для рассматриваемого вида преступлений, а именно сексуализированное (сексуальное) насилие, также выделено, что сексуальные преступления могут совершаться с применением насилия и без применения такого. Анализ особенностей беспомощного состояния позволил выявить условия, при которых такое состояние возможно. Сексуальные преступления против несовершеннолетних, совершенные без использования какого-либо насилия, наносят такой же ущерб жертве, как и такого же типа преступления совершенные с использованием насилия

Пристатейный библиографический список

1. Исмаилов Э. Э. Некоторые вопросы по определению объекта изнасилования // Евразийский научный журнал. 2019. № 3. С. 10.
2. Корнакова С. В. Квалификация насильственных преступлений сексуального характера, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 7.
3. Кручинина Н. В., Бабаева Э. У., Смахтин Е. В. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности. Тюмень: ЛитРес, 2017. 503 с.
4. Паршин Н. М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: Диссертация на соискание кандидата юридических наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. 130 с.
5. Шиповская В. В. Психологический феномен беспомощности // Южно-российский журнал социальных наук. 2009. № 1. С. 9.

4 Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // СПС Консультант.

ГАНТЕМИРОВ Казбек Рустамович

секретарь судебного заседания, Краснодарский краевой суд

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ: ПОДХОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ

Цель: изучить сформулированные научные подходы определения вины в делах о преступлениях против объектов патентных прав, направленные на всестороннее понимание психического состояния виновного лица.

Методы: всеобщий метод познания в виде диалектического подхода, общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы в виде логического и системного анализа.

Результаты: зарубежными учеными разработаны способы определения субъективной стороны преступлений против объектов патентных прав, которые могут дополнить или даже развить отечественную науку уголовного права в рамках указанной темы исследования. Это соотношение причиненного ущерба к умыслу, соотношение предмета преступления и противоправных действий, оценка вероятности рисков нарушения патентных прав по сравнению с мерами предосторожности, а также выявление самого умысла совершить нарушение, а не спровоцировать его.

Выводы: определение вины в делах о преступлениях против объектов патентных прав – сложный вопрос, требующий глубокого понимания субъективной стороны указанных преступлений. Анализ различных подходов обеспечивает всеобъемлющую основу для понимания психического состояния виновного лица, а также выявляет проблемы и ограничения при его определении в связи со спецификой природы патентного права и его сочетания с положениями уголовного права. При дальнейшей проработке данная тема может иметь практическое значение для правоприменителей и судебных органов.

Ключевые слова: объекты патентных прав, субъективная сторона, вина, психическое состояние, статья 147 УК РФ.

GANTEMIROV Kazbek Rustamovich

secretary of the court session, Krasnodar Regional Court

THE SUBJECTIVE SIDE OF CRIMES AGAINST OBJECTS OF PATENT RIGHTS: APPROACHES TO DETERMINING GUILT

Purpose: to study formulated scientific approaches to determining guilt in cases of crimes against objects of patent rights aimed at a comprehensive understanding of the mental state of the guilty person.

Methods: the universal method of cognition in the form of a dialectical approach, general scientific methods of cognition, as well as private scientific methods in the form of logical and systematic analysis.

Results: foreign scientists have developed ways to determine the subjective side of crimes against objects of patent rights, which can complement or even develop the domestic science of criminal law within the framework of this research topic. This is the ratio of the damage caused to intent, the ratio of the subject of the crime and illegal actions, the assessment of the likelihood of risks of patent infringement compared with precautionary measures, as well as the identification of the intent to commit a violation rather than provoke it.

Conclusions: determining guilt in cases of crimes against objects of patent rights is a complex issue that requires a deep understanding of the subjective side of these crimes. The analysis of various approaches provides a comprehensive basis for understanding the mental state of the perpetrator, as well as identifies problems and limitations in determining it due to the specifics of the nature of patent law and its combination with the provisions of criminal law. With further elaboration, this topic may be of practical importance for law enforcement and judicial authorities.

Keywords: objects of patent rights, subjective side, guilt, mental state, Article 147 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Патентное право – сложная и динамично развивающаяся область, которая играет решающую роль в продвижении инноваций и творчества. Одним из наиболее важных аспектов защиты объектов патентного права является определение виновности в случаях совершения преступлений против указанных объектов. Способность установить субъективную сторону лиц, обвиняемых в совершении данных преступлений, имеет важное значение для защиты патентных прав и поощрения честной конкуренции. Однако данная задача в подобных делах является сложной задачей, требующей тонкого понимания сложностей патентного права и субъективной стороны преступлений в соответствии с положениями уголовного права.

Несмотря на важность рассматриваемого вопроса, в отечественной науке не было проявлено должного внимания на него. Большинство исследований о нарушении

патентных прав сосредоточено на их объективные характеристики, при этом мало внимания уделяется субъективным признакам, что приводит к их ограниченному пониманию и, вследствие этого, неразработанности подхода выявления указанных признаков. Это создает значительные пробелы в правоприменительной практике и затрудняет эффективное преследование нарушителей патентных прав.

В зарубежной науке, напротив, разработаны различные подходы к определению субъективной стороны в нарушениях патентных прав. Эти подходы предлагают разнообразные методы анализа и оценки, которые могут быть полезны для правоприменителей. В настоящей статье будут рассмотрены взгляды на определение субъективной стороны под авторством профессора Лемли, Тимоти Р. Холбрука, Дмитрия Карштедта, Джейсона А. Рантанена. Каждый из этих исследователей внес значительный вклад в понимание и разработ-

ку методов определения вины в преступлениях против объектов патентных прав.

Материалы и методы

Для осуществления исследований изучались зарубежные ученые, сформулировавшие подходы определения вины у лица, совершившего нарушение изобретательских и патентных прав. В качестве методов исследования были применены: всеобщий метод познания в виде диалектического подхода, общенаучные методы познания в виде индукции, дедукции, абстрагирования, а также частнонаучные методы логического и системного анализа.

Литературный обзор

Нарушение изобретательских и патентных прав по статье 147 Уголовного кодекса РФ включает в себя причинение крупного ущерба, который указывает на наличие умысла, в соответствии с теорией уголовного права. Однако, несмотря на важность этого аспекта, законодательство и судебная практика не дают четких критериев для определения крупного ущерба.

Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ уточняет, что к преступлению не относится использование объектов патентного права для удовлетворения личных, семейных, бытовых или иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, при условии, что лицо не преследует цель получения прибыли. При этом подчеркивается, что субъективная сторона преступления должна включать цель получения прибыли [1].

Тем не менее, ученые продолжают спорить о способах определения крупного ущерба, и до сих пор не существует единого подхода к этому вопросу. Законодатель также не предоставляет четких указаний, что создает неопределенность и затрудняет правоприменительную практику. В результате, суды вынуждены самостоятельно интерпретировать понятие крупного ущерба, что может приводить к различным и иногда противоречивым решениям.

В ходе изучения зарубежной литературы нами выявлены четыре подхода определения субъективной стороны нарушения изобретательских и патентных прав под авторством профессора Лемли, Тимоти Р. Холбрука, Дмитрия Карштедта, Джейсона А. Рантанена. Указанные точки зрения представляют собой ценные инструменты для правоприменителей и могут быть полезны для разработки более эффективных методов реализации уголовно-правовой защиты объектов патентных прав.

В первую очередь рассмотрим подход профессора Лемли. Он фокусируется на поведении виновного лица, устанавливает, намеренно ли оно скопировало или использовало запатентованное изобретение без разрешения, либо добросовестно совершало действия. В данном подходе чем значительнее ущерб нанесен патентообладателю, тем вероятнее умысел. Знание патента также является важным фактором, а именно знает ли его виновное лицо или он ему не был известен [4, с. 240].

Данный подход основан на взаимодействии поведения и умысла. Ключевыми критериями для определения вины являются поведение виновного лица и степень умысла. Лемли утверждает, что чем более значительный ущерб нанесло лицо своими действиями, тем меньше умысла требуется суду для привлечения к ответственности. Это означает, что даже при отсутствии прямого умысла, если действия лица привели к значительным негативным последствиям для патенто-

обладателя, это может служить основанием для признания вины.

Патенты являются «неотъемлемо вероятностными» правами, ведь суды часто признают патенты недействительными при оспаривании [4, с. 241]. Таким образом, лицо, нарушающее патентные права, может не иметь точной информации о действительности патента. При этом наличие у лица знания о существовании патента необязательно указывает на намерение нарушить его. Важно учитывать, что знание о патенте не всегда означает умысел на его нарушение, поскольку лицо может искренне полагать, что патент недействителен или не применим к его действиям.

Поэтому подход профессора Лемли подчеркивает необходимость выявления умысла за совершения деяний в сочетании с определением размера ущерба и снижает значимость знания о существовании патента как доказательства умысла, что позволяет более гибко подходить к различным ситуациям и учитывать специфические обстоятельства каждого дела. Однако подход зависит от патентного законодательства, например, не учитывает понимание лицом правовой природы патентного права, различия норм в различных странах.

Тимоти Р. Холбрук предлагает подход, который фокусируется на умысле подстрекателя к нарушению патентных прав. Подстрекатель должен нести ответственность при наличии умысла спровоцировать преступление против объектов патентных прав [5, с. 404]. Это означает, что, если лицо намеренно подстрекает других к действиям, которые приведут к указанному преступлению, оно должно нести ответственность.

В соответствии с данным подходом, если были намерения совершить неправомерные действия, то убеждения виновного лица не имеют значения. Соответственно, данный подход охватывает более широкую категорию субъектов, включая тех лиц, которые не осознают неправомерность своих действий, могут быть признаны виновными, если их действия привели к нарушению патентных прав.

Поэтому подход Тимоти Р. Холбрука четко определяет, что ответственность наступает при наличии умысла спровоцировать нарушение патентных прав, при этом снижает значимость исследования субъективных убеждений виновного лица. По данному подходу привлекаются к ответственности лица, которые намеренно провоцируют нарушение патентных прав, даже если они непосредственно не совершают противоправных действий. Однако указанный подход может привести к привлечению к ответственности лиц, которые искренне верили в правомерность своих действий, что может оказать негативное влияние на деятельность изобретателей. Также данный подход может быть уязвим для злоупотреблений, например, для запугивания конкурентов.

Дмитрий Карштедт предлагает подход, основанный на анализе причинно-следственных связей между действиями виновного лица и самим нарушением патентных прав. Для определения вины необходимо соотнести действия виновного лица и характер причиненного ущерба, что предполагает оценку того, насколько действия виновного лица непосредственно привели к нарушению патентных прав.

Надежность указанной связи зависит от ожиданий относительно поведения конечного пользователя. Карштедт различает активных и пассивных пользователей патентной информации. Активные пользователи проводят патентный поиск в соответствии с технологической специализацией, тогда как пассивные пользователи не проводят такой поиск ввиду отсутствия на то специализации. Данный подход

обращает внимание, что активные пользователи, которые проводят патентный поиск, могут быть более осведомлены о патентных правах и, следовательно, более ответственны за их нарушение. Пассивные пользователи, напротив, могут не иметь необходимой информации и, следовательно, их вина может быть менее очевидной [2, с. 633].

Данный подход позволяет более точно определить, как именно действия виновного лица привели к нарушению патентных прав. Разделение пользователей на активных и пассивных позволяет учитывать уровень их осведомленности и специальности, что делает подход гибким к различным ситуациям. Также указанный подход может быть адаптирован к различным технологическим областям, где уровень знаний и доступ к патентной информации могут сильно варьироваться.

Однако анализ причинно-следственных связей сам по себе затрудняется его применением на практике, может требовать значительных ресурсных затрат, например, привлечение экспертов. Разделение пользователей на активных и пассивных может быть субъективным и зависеть от интерпретации правоприменителя.

Джейсон А. Рантанен предлагает объективное расследование нарушений патентных прав в качестве более эффективного способа выявления субъективной стороны преступлений против объектов патентных прав. Оно включает оценку вероятности рисков нарушения патентных прав, которые виновное лицо знает или должно знать. Правоприменитель выясняет, существуют ли высокие риски нарушения по сравнению с мерами предосторожности, которые может предпринять потенциальный нарушитель [3, с. 1623]. Это включает в себя оценку очевидных обстоятельств, таких как копирование объектов патентных прав, продолжительность неправомерного поведения, получения уведомления о нарушении указанных прав, действия виновного лица после получения данного уведомления, поведение бывшего лицензиата патента.

Джейсон А. Рантанен подчеркивает, что меры предосторожности, которые может предпринять потенциальный нарушитель, играют важную роль в определении вины [3, с. 1626]. Если лицо не предприняло достаточных мер для предотвращения нарушения патентных прав, это указывает на наличие у него вины.

В качестве преимуществ подход Джейсона А. Рантанена обеспечивает объективную основу для оценки вероятности риска, снижая влияние личных убеждений и эмоций на процесс принятия решений. Благодаря учету указанных ранее факторов обеспечивается тщательное исследование обстоятельств, помогает составить четкое представление о них, что позволяет более точно определить степень вины. Данный подход способствует последовательности в исследовании признаков субъективной стороны, снижает вероятность принятия произвольных решений. С другой стороны, некоторые факторы открыты для толкования, что потенциально может привести к спорам по поводу их применения.

Обсуждение

Способы определения субъективной стороны преступлений против объектов патентных прав является темой, вызывающей значительный интерес и дискуссии в зарубежном научном сообществе. В отечественной науке рассматриваемая тема недостаточно изучена, что создает определенные пробелы в правоприменительной практике и подчеркивает

необходимость заимствования и адаптации зарубежных подходов.

Заключение

Вопрос определения вины в нарушениях патентных прав остается актуальным и требует тщательного анализа и разработки эффективных подходов. В отечественной науке данный аспект пока не получил достаточного внимания, что подчеркивает важность изучения зарубежного опыта.

Подходы, предложенные такими учеными, как Дмитрий Карштедт, Тимоти Р. Холбрук, Джейсон А. Рантанен и Лемли, представляют собой ценные инструменты для правоприменительной практики. Дмитрий Карштедт акцентирует внимание на причинно-следственных связях и поведении конечного пользователя, что позволяет более точно определять вину. Тимоти Р. Холбрук фокусируется на умысле подстрекателя, что помогает привлечь к ответственности лиц, намеренно способствующих нарушению. Профессор Лемли, в свою очередь, подчеркивает вероятностную природу патентных прав и снижает значимость знания о патенте как доказательстве умысла.

Важно также отметить вклад Джейсона А. Рантанена, который предложил оценку вероятности рисков нарушения патентных прав, которые виновное лицо знает или должно знать в сравнении с мерами предосторожности, которые может предпринять потенциальное виновное лицо.

Несмотря на их достоинства, каждый из подходов имеет свои недостатки. В условиях отсутствия отечественных разработок, в отечественной науке возможно использовать разработки зарубежных ученых для создания собственных методик. Таким образом, интеграция и адаптация зарубежного опыта могут способствовать более эффективному решению проблем, связанных с нарушениями изобретательских и патентных прав.

Пристатейный библиографический список

1. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 года № 14 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/ (дата обращения: 25.09.2024).
2. Dmitry Karshedt, Causal Responsibility and Patent Infringement // *Vanderbilt Law Review*. – Vol. 70. – Iss. 1. – Article 3, 2019. – Pp. 565-649.
3. Jason A. Rantanen, An Objective View of Fault in Patent Infringement // *American University Law Review*. – Vol. 60. – Iss. 1. – Article 1, 2011. – Pp. 1575-1633.
4. Lynda J. Oswald, The Intent Element of Inducement to Infringe under Patent Law: Reflections on *Grokster* // *Mich. Telecomm. & Tech. L. Rev.* – Vol. 13. – Iss. 1. – Article 6. – Pp. 225-246.
5. Timothy R. Holbrook, The Intent Element of Induced Infringement // *Santa Clara High Tech. L. J.* – Vol. 22. – Iss. 3. – Article 2, 2006. – Pp. 399-412.

КАБАКОВА Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ЛИТВИНОВ Роман Викторович

преподаватель кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В СВЯЗИ С ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, НЕЗАКОННО ПЕРЕМЕЩЕННОГО ИЗ ЗОНЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО)

В условиях современных геополитических реалий вопрос незаконного оборота оружия приобретает всё большую актуальность. Особенно остро эта проблема проявляется на фоне проведения специальной военной операции, которая неизбежно увеличивает риск нелегального вооружения. Ситуация осложняется тем, что в зону конфликта поступают большие объёмы оружия, и, часть которого, оказавшись трофейным, попадает в руки не только к участникам боевых действий, но и к криминальным элементам, инициирующим противоправные действия и ухудшающим общественную безопасность.

Кроме того, анализируя проблему незаконного оборота оружия в условиях спецопераций, важно учитывать экономические, социальные и политические факторы, способствующие её обострению. Военные действия зачастую приводят к разрушению инфраструктуры, вынужденной миграции части населения и изменениям условий жизни людей, могут способствовать ослаблению правопорядка, что в свою очередь может создать благоприятные условия для развития нелегального рынка оружия. Все это может способствовать финансированию терроризма, эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, сбыт оружия, уголовная ответственность, незаконное вооружение, общественная безопасность, профилактика, специальная военная операция.

KABAKOVA Ekaterina Sergeevna

lecturer of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

LITVINOV Roman Viktorovich

lecturer of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

PECULIARITIES OF CRIMINAL SITUATION IN CONNECTION WITH THE TRAFFICKING OF WEAPONS ILLEGALLY TRANSFERRED FROM THE SPECIAL MILITARY OPERATION (SMO) ZONE

In the context of modern geopolitical realities, the issue of illegal arms trafficking is becoming increasingly relevant. This problem is especially acute against the backdrop of a special military operation, which inevitably increases the risk of illegal weapons proliferation. The situation is complicated by the fact that large volumes of weapons are delivered to the conflict zone, and some of them, being captured, fall into the hands not only of combatants, but also of criminal elements initiating illegal actions and worsening public safety. In addition, when analyzing the problem of illegal arms trafficking in the context of special operations, it is important to take into account the economic, social and political factors that contribute to its aggravation. Military actions often lead to the destruction of infrastructure, forced migration of part of the population and changes in people's living conditions, can contribute to the weakening of law and order, which in turn can create favorable conditions for the development of the illegal arms market. All this can contribute to the financing of terrorism, the escalation of interethnic and interfaith conflicts.

Keywords: illegal arms trafficking, arms sales, criminal liability, illegal weapons, public safety, prevention, special military operation.

Кабакова Е. С.

Литвинов Р. В.

Долгушина Л. В.

В Российской Федерации оборот оружия контролируется государством. Любая деятельность по хранению, применению и распространению оружия в социуме, осуществляемая вопреки установленным законом правилам, является незаконной. Лицо, нарушившее законодательство, касающееся правил обращения с оружием и его оборотом, подлежит привлечению к ответственности.

Статьями 222, 222.1, 222.2, 226 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за незаконные действия, связанные с приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой или ношением оружия, его основных компонентов и боеприпасов, а также хищением оружия [1].

Преступлением нарушается общественная безопасность, то есть защищенность населения от применения в отношении него оружия, взрывчатых веществ. Предметом преступления являются огнестрельное оружие и взрывчатые вещества в комплекте с его основными частями и боеприпасами.

Согласно Федеральному закону «Об оружии», под оружием понимаются устройства и предметы как отечественного, так и зарубежного производства, предназначенные для поражения живых целей или иных объектов [2].

Огнестрельным оружием считается как серийное, так и самодельное изготовление, предназначенное для механического поражения на расстоянии посредством снарядов, запускаемых при помощи энергии порохового или иного заряда.

Боеприпасами являются такие предметы, как артиллерийские снаряды и мины, инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и прочее, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от их калибра и способа изготовления.

Под незаконной перевозкой этих объектов понимается их транспортировка любым видом транспорта, но не при непосредственном нахождении у виновного. Незаконное приобретение этих предметов включает их покупку, получение в дар или в уплату долга, обмен на товары и вещи, а также присвоение найденного оружия.

Незаконный оборот оружия – это глобальная проблема, которая затрагивает многие страны и регионы. Каждый год тысячи единиц оружия незаконно переходят из рук в руки, оказываясь в распоряжении преступных группировок, террористов и других злонамеренных субъектов. Это создает угрозу для безопасности граждан, усиливает конфликтные ситуации и способствует росту преступности.

Существуют различные пути, через которые оружие попадает в незаконный оборот.

Специалистами отмечается, что источниками пополнения нелегального рынка оружия и боеприпасов указываются изготовление средств поражения на основе списанного оружия, модификация гражданского оружия в боевые аналоги, контрабанда из-за рубежа. Кроме того, часть оружия попадает на соответствующий «черный» рынок из субъектов РФ, в которых ранее, например, в годы Великой Отечественной войны, велись активные боевые действия. Также, в качестве источника, следует указать нелегальное производство и продажа оружия, когда теневые заводы выпускают продукцию, минуя законные каналы. Другой источник – это похищенное оружие, в том числе из зоны проведения специальной военной операции (СВО).

СВО, и увеличение объемов поставок различных видов вооружения, послужили катализатором для формирования сложной и динамичной сети нелегального оборота оружия. Это представляет серьезную угрозу не только для региональной безопасности, но и для глобального правового порядка. По оценкам экспертов, из зон активных боевых действий вывозится значительное количество стрелкового оружия, боеприпасов и военного снаряжения. Оружие и боеприпасы привозят либо для себя, либо с целью продажи. Наиболее опаснейшими последствиями этого является возможность попадания оружия в руки террористических и преступных организаций [3].

Сейчас в России существует потенциальная опасность незаконного оборота оружия, бойцы, возвращающиеся из зоны СВО, незаконно привозят «трофейное» оружие.

Партия вооружения была обнаружена в городе Нефтекумск. Задержание проводилось полицией совместно с бойцами Росгвардии и сотрудниками ФСБ. У местного жителя было изъято 6 боевых гранат со взрывателями. Против жителя Нефтекумска возбуждено уголовное дело.

Также отмечается, что это не первое сообщение об оружии, которое попадает в регионы из зоны СВО. Особенно много их было в начале прошлого года. В частности, в марте 2023 года полиция изъяла 14 противотанковых управляемых ракет, 67 гранатометов, 77 ручных гранат и запалов и более 60 тротильных шашек в Белгородской области.

Впрочем, с проблемой распространения оружия из зоны СВО сталкиваются не только регионы России. Западное вооружение активно перетекает из «страны У» на Ближний Восток. Подобная техника уже успела «засветиться» в конфликте в Палестине [4].

Необходимо учитывать, что несанкционированное обращение оружия имеет катастрофические последствия для общественной безопасности и правопорядка.

Экономические трудности, вызванные военными действиями, способствуют росту преступности, в том числе и связанной с незаконным оборотом оружия. Повышенная потребность в средствах самообороны среди населения, а также финансовая нестабильность, побуждают отдельных граждан к приобретению оружия нелегальным путём.

Следует обратить внимание на усиливающуюся международную поляризацию и санкции, которые усложняют легальный оборот оружия и провоцируют рост нелегального рынка. Ввиду этого, правоохранительным органам и спецслужбам следует ужесточить контроль на трансграничных территориях за возможными каналами нелегального перемещения и распространения оружия на внутреннем и международном уровнях.

Кроме того, активное информационное противостояние в рамках специальных военных операций создает питательную почву для подготовки дезинформационных кампаний, которые могут служить обоснованием незаконной торговли оружием. Задача государственных структур в данном случае состоит в том, чтобы эффективно отслеживать и пресекать подобные попытки, используя современные технологии и аналитические методы.

Также необходимо уделить особое внимание на информирование граждан о последствиях незаконного оборота оружия и ответственности за участие в подобных деяниях. Профилактика и просветительская работа могут значительно снизить уровень преступной активности и усилить общественную осведомленность и сотрудничество с правоохранительными органами.

В заключение, комплексный подход к вопросу незаконного оборота оружия требует от государства активного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами: общественными организациями, международными партнерами, медиа и гражданами. Только таким образом можно выработать эффективную стратегию, направленную на минимизацию рисков и обеспечение безопасности в условиях проведения специальной военной операции.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.08.2024).
3. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 2. Учебник / Под ред. О. С. Капинус. - М., 2015.
4. «Оружие СВО потекло в регионы. Небратья «одарили» Россию ещё одной проблемой». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kemerovo.tsargrad.tv/news/oruzhie-svo-poteklo-v-regiony-nebratja-odarily-rossiju-eshhjo-odnoj-problemoj_959862 (дата обращения: 08.10.2024).

КНЯЗЕВА Ольга Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, Академия ФСИН России

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Современное уголовно-исполнительное законодательство направлено на развитие уголовно-исполнительной системы, а также совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными. Учитывая указанные обстоятельства, представляется необходимым внесение изменений в существующие формы социальной работы, внедрение новых методов и способов, а также совершенствование методик, связанных с комплексным изучением личности осужденных, нуждающихся в социальной помощи.

Ключевые слова: общество, осужденный, постпенитенциарный период, преступность, криминальное поведение, предупреждение.

KNYAZEVA OLGA VASILJEVNA

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law, international and European law sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

ANALYSIS OF STUDIES OF THE PERSONALITY OF CONVICTS IN THEORETICAL SOURCES: CRITICAL EVALUATION AND BRIEF CHARACTERISTICS

Modern penal legislation is aimed at the development of the penal correctional system, as well as the improvement of educational, psychological and social work with convicts. Taking into account these circumstances, it seems necessary to make changes in the existing forms of social work, to introduce new methods and techniques, as well as to improve the methods related to the comprehensive study of the personality of convicts in need of social assistance.

Keywords: society, convict, post-penitentiary period, crime, criminal behavior, prevention.

Сегодняшний мир находится в постоянном развитии, обществу присущи процессы глобализации и урбанизации, а также усложнение и изменение социальной структуры общества. В связи с данными особенностями развития и изменением жизнедеятельности, люди начали все чаще сталкиваться с проблемами социального характера, поэтому необходимым стало активное развитие, как социальной работы, так и ее технологий.

В исправительных учреждениях осужденные являются той категорией лиц, у которых социальные проблемы наиболее ярко выражены.

Благодаря комплексному изучению личности осужденных, специалист по социальной работе поможет разобраться в их социальных проблемах, а также качественно провести социальную диагностику и, конечно же, получить нужный результат совместной деятельности. Поэтому необходимо постоянное совершенствование действующих и внедрение новых методик исследования личности осужденных, нуждающихся в социальной помощи, благодаря которым деятельность специалиста по социальной работе была бы более продуктивной.

Князева О. В.

Для того чтобы провести качественный анализ теоретических источников по данной проблематике необходимо определиться с рядом критериев, в рамках которых им будет дана сравнительная характеристика. Данный критический анализ носит исключительно конструктивный характер, целью которого является обозначение наиболее часто встречающихся проблем в исследованиях и устранение данных недочётов в работах.

Для проведения аналитической работы предлагаем выделить следующие критерии (так же следуют учесть, что критерии являются взаимодополняющими и обуславливающими друг друга): 1) достоверность полученных результатов; 2) влияние различных факторов на результаты исследования; 3) механизмы социально-психологической защиты обследуемых (осужденных) в противодействии проводимому исследованию; 4) практические рекомендации исследований.

Что касается факторов, влияющих на результаты исследований комплексного изучения личности осужденных, то, необходимо учитывать следующее: 1) влияние условий изоляции на поведение, психику, характер осуж-

денного; 2) вид ИУ и особенности режима; 3) принадлежность к той или иной классификации осужденных; 4) особенности проведения работы в условиях исполнения уголовного наказания; 5) особенности микросреды осужденных в ИУ; 6) влияние криминальной субкультуры на осужденных; 7) изменение социального статуса и изменение социальной роли; 8) психологические состояния; 9) влияние персонала ИУ на осужденных; 10) фактор социальной желательности.

Далее мы рассматриваем особенности микросреды осужденных, а также социально-психологические явления, происходящие в них.

Микросреда осужденных в ИУ имеет ряд важных отличий от микросреды граждан в условиях свободы. Эти отличия возникают в результате изоляции осужденных от общества, большей, чем на свободе, интенсивности влияния среды на личность, замкнутости и ограниченности сферы общения и социальных связей, схожести судеб и социальных статусов осужденных [1, с. 272].

Наблюдаемые отличия связаны с условиями вынужденной изоляции, в которых среда намного интенсивнее влияет на личность. В ситуации пребывания в местах лишения свободы человек лишается не только привычного образа, ритма жизни, своих повседневных дел и привычек, но, самое главное, он теряет возможность самостоятельно формировать свой круг общения, то есть выбирать себе «товарищей» свободно, а также не может избегать нежелательных контактов [2, с. 168].

Рационализация – защитный механизм, нахождения правдоподобных причин, оправдывающих мысли, чувства, побуждения, поведение, которые на самом деле неприемлемы.

Нередко жизнь осужденных в постпенитенциарный период напрямую зависит от деятельности специалистов по социальной работе.

Таким образом, рассмотрев критерии, составленные на основе часто допускаемых ошибок, мы увидели какие факторы необходимо учитывать при организации исследований в рамках комплексного изучения личности осужденных. Учет данных условий поможет исследователям проводить качественную работу и получать достоверные результаты, которые можно будет внедрить в виде практических рекомендаций в деятельность групп социальной защиты осужденных ИУ.

Пристатейный библиографический список

1. Гонеев А. Д., Лифинцева Н. И., Ялпаева Н. В., Сластенин В. А. Основы коррекционной педагогики: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – С. 272.
2. Роговенко Я. С. Деструктивные действия осужденных как предпосылки совершения групповых эксцессов в исправительных колониях // Теоретические и практические вопросы пенитенциарной педагогики и психологии. Сб. науч. ст. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2019. – С. 168-172.

ЛАВРОВ Владимир Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородский академия МВД России

ДВОРЯНОВ Илья Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

МАГИСТРАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются те направления современной уголовной политики, которые, по мнению авторов, в современных условиях становятся магистральными в связи с тем, что приобретают важное значение в деле борьбы с различными антиобщественными проявлениями в широком диапазоне – от корыстной преступности до экстремизма. Предлагаются авторами и различные модальности применения уголовно-правовых средств для достижения целей обеспечения законности и правопорядка в отдельных сферах.

Ключевые слова: магистральные направления уголовной политики, уголовно-правовые средства, модальность применения правовых средств.

LAVROV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal and criminal-executive law, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

DVORYANOV Ilya Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of International police cooperation and countering crime via the channels of Interpol sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

THE MAINSTREAM DIMENSIONS OF DOMESTIC CRIMINAL POLICY AT THE MODERN STAGE

The article examines those areas of the modern criminal policy that, according to the authors, are becoming the mainstream ones under current conditions due to the fact that they are becoming immensely important in the struggle against various antisocial behaviors in a wide range – from acquisitive crimes to extremism. The authors also suggest some modalities for the use of criminal law remedies in order to achieve the goals of ensuring the rule of law and order in certain areas.

Keywords: mainstream dimensions of criminal policy, criminal law remedies, modality for the use of legal remedies.

Сформулировать наиболее полно, что именно следует считать магистральными направлениями современной уголовной политики, достаточно сложно в силу того, что для уголовной политики характерно многообразие аспектов. Тем не менее, представляется возможным выявить то, что может в настоящее время служить маркерами указанных направлений, обнаруживаемых в области нормотворчества и правоприменения, применительно к отправлению правосудия и сопутствующего формированию правовых основ охраны интересов социума в различных сферах. Исходя из современных тенденций в указанной области, а также возникающих законодательных инициатив, магистральные направления современной уголовной политики также отличаются многообразием, обусловленным различными уровнями их возникновения и дальнейшего формирования. Вполне целесообразным представляется отметить и описать отдельные из них.

• Укрепление правовых основ применения конфискации имущества, как меры уголовно-правового характера (гл. 15¹ УК РФ), отличной от предусмотренных действующим российским Уголовным законом наказаний, представляет собой одно из приоритетных направлений уголовной политики, какое возникает на уровне нормотворчества высших органов представительной власти.

С сожалением приходится констатировать, что к настоящему времени не сформированы надлежащие уголовно-процессуальные основы применения рассматриваемой меры уголовно-правового характера. Применение судами такой меры по её истинному назначению в отечественной правовой системе, какое диктуется буквой и духом норм уголовно-правового института конфискации имущества (гл. 15¹ УК РФ), заходит в законодательный тупик. Он образован взаимосвязанными положениями п.4¹ ч.3 ст. 81 «Вещественные доказательства», п. 4¹ ст. 307 «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора», а также статей 308 и 309 УПК РФ

– «Резолютивная часть обвинительного приговора» и «Иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части приговора», соответственно. Проблема состоит в том, что ни одной из указанных норм не определено, как должен решаться вопрос о применении конфискации применительно к имуществу, образующему доходы от преступной деятельности, если таковое не является вещественным доказательством по уголовному делу. Разумеется, и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, какие содержатся в Постановлении от 14 июня 2018 г. №17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», не могут восполнить этого пробела, выступая лишь интерпретационным актом. Ведь акт нормативного толкования, как известно, не может подменять закона ни функционально, ни, тем более, юридически, особенно, если закон этот – уголовно-процессуальный.

Решение затронутой проблемы лежит, таким образом, в другой плоскости. Соответствующие изменения и дополнения, какие способны изменить архитектуру всего комплексного межотраслевого института применения меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества, какой со времени его появления в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве по-прежнему находится в состоянии, близком к эмбриональному, могут явиться результатом только законодательной реформы этого института. Для её осуществления юридической наукой могут быть предложены различные теоретические модели. В частности, может быть разработан проект отдельного процессуального института производства по применению конфискации имущества. Основной его чертой должна быть полная «автономия» (т.е. юридическая обособленность) производства по обнаружению и обращению взыскания на имущество, образующего доходы от преступной деятельности, а также используемого или предназначенного для использо-

вания в преступных целях, от производства по уголовному делу о преступлении. В этой связи, в качестве характерного принципа такого института должна выступать проходящая красной нитью по ряду его норм опровержимая презумпция преступного происхождения подлежащего конфискации имущества, образующего доходы из неустановленных источников, которое обнаруживается в фактическом обладании виновного или аффилированных с ним лиц.

• Магистральным направлением современной уголовной политики является и упорочение правовых основ соблюдения отраслевого принципа законности (ст. 3 УК РФ). Это необходимо в первую очередь для того, чтобы исключить из практики применение норм отечественного Уголовного закона по аналогии, какое получает последнее время относительно широкое распространение. Ведь не секрет, что на сегодняшний день многие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержат разъяснения, которые способны привести руководствующиеся ими суды к применению норм уголовного законодательства по аналогии. Относится это, например, к разрешению Пленумом вопросов квалификации изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершённого исключительно посредством использования виновным своего служебного положения и предоставленных ему в этой связи полномочий, а не путём обмана или посредством присвоения вверенного имущества лицом с использованием его служебного положения. Происходит подобное по двум причинам. Во-первых, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда, по сложившейся практике, уже относительно давно и достаточно часто подменяют законодательство (по крайней мере, уголовное) функционально, оставаясь формально и юридически лишь актами его нормативного толкования; во-вторых, со времени принятия и введения в действие в 1997 году УК РФ, часто наблюдается дефицит (местами даже острый) нормативно-правового материала – уголовно-правовых запретов, адекватных современным формам общественно-опасной деятельности, а также смыслового и соответствующего ему нормативного наполнения законодательных моделей отдельных мер уголовно-правового характера социального и гуманистического назначения. Достаточно вспомнить, что со времени введения в действие УК РФ и до криминализации посредничества во взяточничестве и, через некоторое время, в коммерческом подкупе (ст. ст. 291¹ и 204¹ УК РФ, соответственно) прошло без малого пятнадцать лет. И всё это время Пленум Верховного Суда РФ указывал в своих руководящих разъяснениях, что подобного рода общественно опасная деятельность должна квалифицироваться, как пособничество дачи и/или получению взятки или коммерческого подкупа, требуя имплицитно от правоприменителя давать уголовно-правовую оценку содеянному по аналогии. Именно так, поскольку посредничество при передаче незаконного вознаграждения функционеру (т.е. взятки или коммерческого подкупа) лишь в редких случаях приобретает одну из известных форм материального или интеллектуального пособничества, какие указаны в части пятой статьи 33 УК РФ.

• Широкою огласку получила ещё в конце минувшего 2023-го года инициатива по «криминализации рукофобии» – установлению уголовной ответственности за дискриминационные действия в отношении граждан РФ и соотечественников, проживающих за рубежом, а также публичные призывы к дискриминации их по признаку происхождения или языка, путём внесения в УК РФ статьи 136¹ соответствующего содержания.

Вне всякого сомнения, подобное следует рассматривать в качестве одного из магистральных направлений современной уголовной политики. Поэтому, полагаем, одной лишь криминализацией общественно опасных действий дискриминационного характера, как равно и публичных призывов к осуществлению дискриминации по национальному признаку здесь не обойтись. С одновременным признанием такого рода деятельности уголовно-противоправной следует пенализовать, т.е. признать

законодательно видами наказаний, назначаемых обвинительным приговором суда, отдельные принудительные по своему характеру меры воздействия, известные отечественной правовой системе, и предусмотренных нормами других, отличных от уголовного отраслей права. В подобном качестве может рассматриваться в перспективе признание судом нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или апатрида, не проживающего в Российской Федерации постоянно, с запрещением им въезда в пределы территории на определённый срок. Такая мера государственного принуждения в порядке её пенализации может быть признана законодательно видом наказания путём внесения соответствующих дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Обращает на себя внимание очевидное парадигмальное сходство рассматриваемой меры государственного принуждения с некоторыми из известных национальной правовой системе России видов наказаний, предусмотренных или предусматривавшихся ранее в уголовном законодательстве. В частности, с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью (ст. 47 УК РФ), лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), а также увольнением от должности (ст. 31 УК РСФСР) и общественным порицанием (ст. 33 УК РСФСР). Это обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу всемерного признания такой теоретической модели предлагаемого законодательного решения.

Ожидаемый эффект от пенитенциарного (штрафного) воздействия, какое будет оказываться на осуждённого в результате применения обсуждаемой меры в формате наказания, назначаемого по обвинительному приговору суда, может быть заметно усилен, если внести некоторые дополнения и в уголовно-исполнительное законодательство. Суть предлагаемых дополнений может быть сведена к установлению обязанности органов, исполняющих наказания направлять по дипломатическим каналам сведения о применении судом наказания в виде признания нежелательности пребывания в России иностранного гражданина с запрещением ему въезда в РФ, властям государств, вступивших с Российской Федерацией в различные альянсы (ОДКБ, БРИКС и др.).

• Один из векторов современной уголовной политики был указан получившим известность правоприменительным актом высшей инстанции судов общей юрисдикции – принятым 30 ноября 2023 года Верховным судом Российской Федерации решением о признании транснационального движения ЛГБТ экстремистской организацией и запрете её деятельности на территории России. Надо полагать, что российские власти этим не ограничатся и компания криминализации в аналогичном формате (кстати, относительно новом для отечественной правовой системы) идеологии и практики других транснациональных движений подобной с ЛГБТ политико-идеологической ориентации будет продолжена. Так, в частности, на повестке может оказаться признание деструктивной в установленном законом судебном порядке идеологии современного феминизма, радикализация которого ставит его на грань трансформации в гендерный фашизм, и «child free» («чайлд-фри») – пропаганда «идеалов» бездетного супружества или сожительства. Это создаст правовые основы для признания формирующихся на основе подобных идеологических течений любых транснациональных или местных движений, которые возбуждают ненависть или вражду по признаку пола, религиозных или других убеждений и политических взглядов, экстремистскими. Это создаст надёжные предпосылки для применения в рамках предлагаемой модальности традиционных уголовно-правовых средств противодействия экстремизму, в частности, норм Особенной части УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за организацию экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации (ст.ст. 282¹ и 282² УК РФ).

ЛАРИОНОВ Александр Витальевич

старший преподаватель кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Пермский институт ФСИН России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с вопросами правового регулирования и содержания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Ставится под сомнение целесообразность закрепления наказания в части «лишения права занимать определенные должности» и корректность термина «иная деятельность» в содержании наказания. Пробелом в законодательстве является отсутствие ответственности осужденных за несоблюдение требований приговора суда о назначенном запрещении, что свидетельствует о недостаточном обеспечении правовыми инструментами процесса исполнения наказания. Поднимаются иные проблемы, возникающие при применении норм, регулирующих применение и исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и предлагаются варианты их решения.

Ключевые слова: уголовное наказание; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; постановление приговора; исполнение наказания.

LARIONOV Alexander Vitaljevich

senior lecturer of Criminal, penal law and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from the society sub-faculty, Perm Institute of the FPS of Russia

IMPROVING PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES

The article discusses problematic aspects related to issues of legal regulation and the content of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. The expediency of fixing the punishment in terms of "deprivation of the right to hold certain positions" and the validity of the term "other activity" in the content of the punishment is questioned. A gap in the legislation is the lack of responsibility of convicts for non-compliance with the requirements of the court's verdict on the prescribed prohibition, which indicates insufficient provision of legal instruments for the execution of punishment. Other problems arising from the application of norms governing the punishment of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities are raised and solutions are proposed.

Keywords: criminal punishment; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities; sentencing; execution of punishment.

Правовое закрепление института наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью имеет ряд проблем теоретического и прикладного характера. Легальная конструкция данного вида наказания представлена элементами уголовно-правового запрещения, которые распространяются на должности государственной службы, органы местного самоуправления или на занятие профессиональной или иной деятельностью¹.

Сущность наказания, выраженная в части «лишения права занимать определенные должности», предполагает ограниченную сферу действия запрещения, которая распространяется только на должности государственной и (или) муниципальной службы. «Должность» неразрывно связана с «деятельностью», через которую раскрывается понятие должности. Элемент наказания «профессиональная деятельность» на терминологическом уровне охватывает признаки государственной, муниципальной службы, а также может распространяться на должности в коммерческих образованиях. Тем самым оперирование элементом наказания «лишение права занимать определенные должности» будет более верным с лексической точки зрения.

Некоторые сложности возникают на стадии постановления приговора суда при применении наказания в виде

лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Суть в том, что содержание рассматриваемого вида наказания, в соответствии со ст. 47 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), имеет практически неограниченную область применения в части «иной деятельности» (может распространяться на любую деятельность человека). Верховный суд Российской Федерации рекомендует судам при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, определить конкретные признаки круга должностей, на который распространяется запрещение, или конкретизировать вид запрещаемой деятельности². Как известно неоднозначное восприятие содержания правовых норм может повлечь трудности в правоприменительной деятельности.

Перечисленные особенности указывают на необходимость формулирования наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, с учетом обстоятельств, способствовавших совершению преступления. То есть суд должен сформулировать запрещение в обвинительном приговоре. Конструкция наказания, приведенная законодателем, уточняется правоприменителем. При этом суд не учитывает фак-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тор реального исполнения сформулированного запрещения. Например, наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)³, проконтролировать предписанное запрещение весьма затруднительно, особенно в современном мире развития технологического прогресса и повсеместного использования сети «Интернет». Возможно, правоприменитель имел в виду только трудовую деятельность осужденного. В этом случае заключение трудовых отношений, предусматривающих осуществление запрещенной деятельности, возможно отследить и предпринять меры в соответствии с законодательством. Однако, не уточнив сферу распространения запрещения, суд фактически назначил наказание, которое невозможно исполнить в должной мере, поскольку реальная возможность исключения использования осужденным сети «Интернет», может быть реализована только в условиях полной изоляции от общества, при которой он будет лишен физического доступа к различным гаджетам и компьютерам.

Таким образом, законодательная конструкция наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью воспринимается довольно широко. Для предотвращения казусов при формулировании запретов необходимо оптимизировать содержание и структуру наказания. Видение автора представляет целесообразным исключить элемент наказания, связанный с «лишением права занимать определенные должности». Кроме того, понятие «иная деятельность» требует сужения сферы применения запрета, который должен распространяться на специальные права, использованных преступником вопреки уголовному закону. Возможное правовое оформление наказания может быть изложено в следующем виде: «Лишение права заниматься определенной деятельностью заключается в запрещении осужденному осуществлять профессиональную деятельность или деятельность, для которой требуется наличие специального права».

Вышеуказанное определение сводит к минимуму расширительное толкование наказания, что позволит более конкретно формулировать запрещение при вынесении приговора.

Реализация запрещения, предусмотренного наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, также не лишена недостатков. Уголовное наказание должно обладать определенными свойствами, характерными для его сущности. В частности, именоваться уголовным наказанием может такая мера, которая выражает имманентный метод уголовного права в виде кары или угрозы ее применения [1, с. 16]. Эффективность уголовного наказания может быть оценена совокупностью средствами правового обеспечения его исполнения и карательной составляющей.

Карательное свойство уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью можно усмотреть в лишении осужденного возможности свободно распоряжаться правом на труд либо заниматься какой-либо деятельностью (в зависимости от назначенного запрещения). При этом отсутствие возможности заниматься иной запрещенной деятельностью не является абсолютным с позиции отчуждения права в одностороннем порядке (как в случае назначения наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград). В качестве примера можно привести «лишение права зани-

маться деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами», исключить управление автомобилем, только лишь вынесением соответствующего судебного решения, не представляется возможным, осужденный может продолжить управлять автомобилем в нарушении судебного решения. Учитывая, что контроль за вышеуказанным запрещением предусматривает аннулирование и изъятие водительского удостоверения⁴ и дальнейшее отслеживание фактов привлечения к административной ответственности⁵, можно говорить, что во многом исполнение наказания зависит от деятельности сотрудников ГАИ МВД, а не самого контролирующего органа, исполняющего наказание.

Последствия несоблюдения осужденным требований приговора суда о назначенном запрещении в законодательстве не представлены. В случае, если осужденный не был освобожден от должности или профессиональной деятельности, которую ему запрещено занимать или заниматься, к ответственности может быть привлечен работодатель, исходя из смысла ст. 315 УК РФ. В отношении самого осужденного применяется не зачет в срок наказания времени, в течение которого он занимал запрещенную должность или занимался запрещенной деятельностью, путем вынесения соответствующего постановления⁶. Однако данная мера не может рассматриваться в качестве взыскания, так как является логичным корректором срока наказания и не несет в себе негативных последствий для осужденного из-за противоправного поведения.

Контролирующий орган, исполняющий наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ориентирован на контроль за назначенным запрещением, а не поведением осужденного. Данный вывод можно сделать, проанализировав регламентацию исполнения рассматриваемого наказания, которая представлена в главе 6 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) и разделе 4 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Как исключение следует выделить воспитательную работу, однако ее организация не раскрыта в нормативных правовых актах. В связи с чем, вопрос ответственности осужденных нарушающих требования приговора о назначенном наказании, стоит особенно остро.

Частично, проблему ответственности осужденных к анализируемому виду наказания, которым запрещено управлять транспортными средствами, решил законодатель, криминализовав «управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость⁷» (ст. 264³ УК РФ). Диспозиция ч. 1 ст. 264³ УК РФ, в качестве обязательного признака содержит административную преюдицию, предусматривающую неоднократность управления транспортным средством лицом,

3 Приговор Семилукского районного суда Воронежской области от 22 октября 2020 г. по делу № 1-199/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [база данных]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ihTXcoPCEVn/> (дата обращения 14.04.2024).

4 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений: приказ Минюста России № 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 (ред. от 20.01.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лишенным права управления. В ч. 2 ст. 264³ УК РФ представлен квалифицированный состав и более строгая санкция в отношении лиц, имеющих судимость за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2, п. «в» ч. 4 или п. «в» ч. 6 ст. 264 УК РФ, и вновь допустивших факт управления транспортным средством. В перечисленных случаях субъектом преступления может стать осужденный к наказанию в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами.

Возникает некоторый дисбаланс в вопросах возможности привлечения к уголовной ответственности отдельной категории осужденных к лишению права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами и отсутствия ответственности у осужденных к другим запрещениям, в рамках одного вида наказания. Учитывая, что ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания, должна решаться в пределах уголовно-исполнительного права, а не выполнение осужденным требований приговора суда о назначенном уголовном наказании, в пределах уголовного права (посягательство направлено против правосудия), целесообразно ввести отдельный норму с уголовно-исполнительной преюдицией. По мнению автора, оптимальным вариантом может стать ст. 314² УК РФ в следующей интерпретации: «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», с диспозицией, предусматривающей признаки злостного уклонения от отбывания указанного вида наказания и выделение в квалифицированный состав злостное уклонение от отбывания запрещения управления транспортными средствами. Уголовно-исполнительная преюдиция должна содержать критерии признания осужденным злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, отраженные в ст. 38¹ УИК РФ: «Ответственность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Вопрос обоснованности криминализации составов преступлений, предусматривающих уклонение от отбывания наказания, изучало множество авторов [2, с. 49], [3, с. 182], [4, с. 160]. Введение отдельной уголовно-правовой нормы за злостное уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не преследует цель ухудшить правовое положение осужденного. Устранение существующего дисбаланса и приведение к единому подходу в вопросе ответственности осужденных к данному виду наказания, что позволит повысить эффективность исполнения наказания и будет способствовать дисциплинированности самих осужденных.

Исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусматривает положение, закрепленное п. «г» ч. 2 ст. 34 УИК РФ. Данное положение обязывает работодателя внести запись в трудовую книжку о том на какой срок и на основании чего, осужденному запрещено занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в случае увольнения до окончания срока отбывания наказания. В свою очередь трудовое законодательство приводит исчерпывающий перечень сведений, которые подлежат внесению в трудовую книжку работника⁸. Сведения о судимости, сроке и виде наказания, приговоре, не должны вноситься в трудовую книжку, однако уголовно-исполнительное законодательство предписывает обратное. Более того ведение электронной трудовой книжки предусматривает

заполнение строго установленных форм⁹. Электронной формы, которая может содержать сведения о неотбытом наказании, не существует, в этом случае выполнить требования уголовно-исполнительного законодательства не представляется возможным. Необходимость внесения сведений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 34 УИК РФ, не находит логического обоснования, поскольку отслеживанием дальнейшего трудоустройства осужденного занимается контролирующий орган и извещает работодателя о имеющихся запретах трудовой деятельности, в соответствии с назначенным наказанием.

Учитывая явную коллизионность п. «г» ч. 2 ст. 34 УИК РФ, а также отсутствие целесообразности ее применения, представляется рациональным исключить п. «г» из ч. 2 ст. 34 УИК РФ. Следствием исключения данной нормы будет не только устранение конкуренции норм законодательства, но и улучшение положения осужденного, так как внесенная запись может негативно повлиять на дальнейшее трудоустройство лица, уже отбывавшего наказание, в том числе и после погашения судимости.

Предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего правовое закрепление, применение и исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, позволят повысить эффективность наказания и устранить диспропорции в вопросе ответственности осужденных указанной категории.

Пристатейный библиографический список

1. Валеев М. Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Томск, 2005. – 25 с.
2. Дядькин Д. С. К проблеме формализации системы наказаний // Российский следователь. – 2006. – № 8. – С 46-49.
3. Подройкина, И. А. К вопросу о последствиях уклонения от отбывания уголовных наказаний // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. № 6-1. – С. 179-182.
4. Жикудина А. С., Рахвалова Н. А., Рахматулин З. Р. «Злостность» как признак преступления, предусмотренного статьей 314 УК РФ // Modern Science. – 2020. – № 2-1. – С. 160-165.

9 Об утверждении формы сведений о трудовой деятельности, предоставляемой работнику работодателем, формы предоставления сведений о трудовой деятельности из информационных ресурсов Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и порядка их заполнения (вместе с «Порядком заполнения формы «Сведения о трудовой деятельности, предоставляемые работнику работодателем» (СТД-Р) и формы «Сведения о трудовой деятельности, предоставляемые из информационных ресурсов фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации»): приказ Минтруда России от 10.11.2022 № 713н // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МИРЗАЕВ Закир Мукайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

МИРЗАЕВА Зейнаб Закировна

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

МУСАЕВ Казбек Батырович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаше

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТОУБИЙСТВО

В статье рассматриваются основные аспекты уголовной ответственности за детоубийство, включая юридическое определение данного преступления, его квалифицирующие признаки и особенности правоприменительной практики. Анализируются факторы, влияющие на квалификацию деяния как детоубийства, такие как психическое состояние, матери, социальные условия и мотивы совершения преступления.

Статья направлена на выявление пробелов в действующем законодательстве и выработку рекомендаций по его совершенствованию для повышения эффективности правоприменения и профилактики подобных преступлений.

Ключевые слова: убийство мать новорожденного ребенка, неонатический, филицид.

MIRZAEV Zakir Mukailovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

MIRZAEVA Zeynab Zakirovna

senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

MUSAEV Kazbek Batyrovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash

GENERAL ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR INFANTICIDE

The article examines the main aspects of criminal liability for infanticide, including the legal definition of this crime, its qualifying features and features of law enforcement practice. The factors influencing the qualification of the act as infanticide, such as the mental state, the mother, social conditions and motives for committing the crime, are analyzed.

The article is aimed at identifying gaps in the current legislation and developing recommendations for its improvement to increase the effectiveness of law enforcement and prevention of such crimes.

Keywords: Mother's murder of a newborn child, neonaticide, filicide.

Почему дети становятся жертвами неспособности своих родителей справиться с жизнью? Являются ли дети расходным материалом? Что может побудить родителя убить ребенка, особенно новорожденного? Люди приходят в ужас, когда родители убивают своих детей, и средства массовой информации уделяют различное внимание таким преступлениям. Профессионалы и непрофессионалы должны понимать, почему происходят эти инциденты и какие семейные, медицинские, государственные учреждения, образовательные и законодательные меры могут и должны быть предприняты для их уменьшения.

В таком обществе, как сегодня, в котором ребенок защищен и защищен правовыми нормами, феномен детоубийства остается одним из преступлений, которые вызывают тревогу в обществе все сильнее и сильнее из-за крайней жестокости, с которой часто проявляется убийственное поведение. Поскольку терминология и законодательство разных стран различаются, для классификации убийства очень маленьких детей использовался ряд терминов, включая детоубийство (убийство младенца в возрасте от 1 месяца до 1 года), неонатический (убийство новорожденного в течение первых 24 часов его жизни; другие определения расширяют это понятие до 28-30 дней после рождения) и филицид (убийство ребенка родителем).

Как только их дети рождаются, большинство из этих молодых женщин ведут себя, таким образом, который демонстрирует их истощение, панику и, опять же, их отрицание. Удивительно, но, учитывая долгие месяцы беременности, те, кто совершает убийство новорожденного, редко бывают готовы к схваткам, родам и своему новорожденному. Вместо этого

обычно молодые женщины ведут себя импульсивно, в первую очередь, беспокоясь о том, что их обнаружат. Вместо того, чтобы вытаскивать ребенка из туалета, многие из них оставляют ребенка тонуть, пока они пытаются очиститься от крови и тканей, которые сопровождают роды. Другие душат своих новорожденных сразу после рождения, пытаясь заставить их замолчать. Убийство новорожденного, преступление, совершаемое почти исключительно биологической матерью, происходит во всем мире, и, по-видимому, является одним из наименее предотвратимых преступлений. Большинство новорожденных погибают в результате удушья, травмы головы, утопления или безнадзорности. В большинстве случаев место, где находят мертвого новорожденного, не соответствует месту родов, и можно наблюдать большое разнообразие методов утилизации.

Выделяются три основных вида неонатического. Первый вид, который предусмотрен уголовным законом, – убийство матерью новорожденного ребенка во время или же после родов. В данном законе не трактуется четкий промежуток времени. «Однако, согласно судебно-медицинскому критерию новорожденности, он охватывает довольно краткий промежуток времени и составляет одни сутки, то есть 24 часа» [1]. Вторым видом – убийство матерью, когда она находится в психотравмирующей ситуации. Данная ситуация охватывает более длительный промежуток времени. В педиатрическом критерии он равен четырем неделям с момента появления ребенка на свет. Третьим и заключительным видом является убийство матери в состоянии психического расстройства, не исключающей вменяемости. В этом же случае возраст новорожденного ребенка не превышает

четырёх недель. В данном виде детоубийства необходимо определить, что обвиняемая не понимала в полной мере опасность своих действий.

Таким образом, суть правонарушения заключается в добровольном убийстве ребенка в возрасте до одного года его матерью.

Гормональные изменения после родов обычно приводят к временной депрессии, которая может перерасти в клиническую депрессию. В тяжелых случаях это может привести к тому, что мать убьет ребенка. В последние годы раздавались призывы к перестройке состава преступления/защиты с учетом текущего состояния доказательств, связанных с убийством новорожденных младенцев.

Во-первых, кажется очевидным, что относительно небольшое число таких убийств является результатом психического дисбаланса, вызванного кормлением грудью или фактом родов.

Культурные нравы, экономическое развитие и технический прогресс в медицине создали сообщества, которые могут обеспечить более благоприятную среду для семей. Тем не менее, проблема детоубийства остается, хотя и в меньших масштабах, чем в прошлом. Молодые люди пользуются большей свободой от надзора взрослых, имеют большие экономические возможности и гораздо более продолжительный подростковый возраст, чем раньше. Растущий уровень разводов и более раннее физическое созревание молодежи способствуют более ранней сексуальной активности.

Давление, вынуждающее вступать в половые сношения, является существенным. Это привело к резкому увеличению подростковой беременности, которая только начала снижаться в последние несколько лет.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, выражена деянием в форме действия – убийства, т.е. причинения смерти, последствиями в виде смерти новорожденного ребенка и причинно-следственной связью. Кроме того, к признакам объективной стороны относятся определенное время и психотравмирующая ситуация. **Данные обстоятельства являются достаточно важными и очень значимыми, учитывая то, в каком психологическом состоянии находится женщина, как во время родов, так и после них.**

Объективная сторона состава ст. 106 УК РФ в качестве обязательных признаков включает также обстановку совершения преступления и время. Диспозиция нормы указывает на 4 признака объективной стороны: 1) во время родов; 2) сразу же после родов; 3) в условиях психотравмирующей ситуации; 4) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Указанные признаки являются привилегированными, что позволяет разграничить состав ст. 106 с составом п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По общему правилу вина при убийстве матерью новорожденного ребенка может быть совершено, исключительна в форме умысла, что исходит из логики совершения убийства.

Субъективная сторона состава ст. 106 УК РФ в основном характеризуется внезапно возникшим умыслом, который формируется под влиянием психического состояния роженицы. В первую очередь, это связано с тем, что женщина находится в стрессовом состоянии.

Состав преступления статьи 106 УК РФ предусматривает специальный субъект женщину-мать. «Исполнителем данного состава преступления всегда будет мать новорожденного, но в качестве подстрекателя или пособника может выступать и третьи лица, например, отец ребенка, бабушка и т.д.» [2]. «Субъектом «преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является вменяемая, достигшая шестнадцатилетнего возраста мать ребенка, находящаяся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, либо в условиях психотравмирующей ситуации» [3].

Таким образом, в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и органов здравоохранения по предупреждению детоубийств, необходимо [4]:

Рекомендовать Министерству здравоохранения РФ разработать и принять новые законодательные акты в области оказания акушерско-гинекологической помощи с учетом современной социально-экономической обстановки в стране и предусмотреть в них меры, направленные на повышение эффективности деятельности «кабинетов по планированию семьи».

В целях неразглашения тайны операции по прерыванию беременности в медицинских учреждениях Министерству здравоохранения РФ необходимо разработать и принять Феде-

ральный закон «Об основных гарантиях анонимного производства операций по прерыванию беременности».

Необходимо принять целевую программу «Охрана материнства и детства» и разработать эффективный механизм реализации данной программы, как на федеральном, так и на местном уровне.

Для эффективного предотвращения детоубийства и повышения уровня защиты прав новорожденных можно предложить следующие рекомендации:

1. Улучшение социальной поддержки матерей: Разработка и внедрение программ, направленных на поддержку беременных женщин и молодых матерей, включая психологическую помощь, консультации по вопросам воспитания, финансовую поддержку и доступ к медицинским услугам.

2. Образовательные программы: Проведение образовательных кампаний, направленных на информирование общественности о важности защиты прав детей, а также о доступных ресурсах и поддержке для женщин, находящихся в кризисных ситуациях.

3. Раннее выявление и поддержка в кризисных ситуациях: Создание механизмов раннего выявления женщин, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, и предоставление им необходимой помощи. Это может включать сотрудничество с медицинскими учреждениями, социальными службами и неправительственными организациями.

4. Усиление межведомственного взаимодействия: Повышение эффективности взаимодействия между различными государственными органами, ответственными за защиту прав детей и поддержку семей, для обеспечения комплексного подхода к предотвращению преступлений против новорожденных.

5. Совершенствование законодательства: Проведение анализа действующего законодательства с целью выявления пробелов и разработки предложений по его улучшению, включая ужесточение наказания за детоубийство и введение дополнительных мер защиты детей.

6. Повышение квалификации специалистов: Организация регулярного обучения для сотрудников правоохранительных органов, социальных служб и медицинских работников по вопросам выявления и предотвращения случаев жестокого обращения с детьми и детоубийства.

7. Поддержка анонимных отказов от ребенка: Создание безопасных условий для анонимного отказа от ребенка для матерей, которые не могут или не хотят воспитывать ребенка, что может помочь предотвратить случаи детоубийства.

Эти меры могут способствовать созданию более безопасной среды для новорожденных и снижению числа преступлений против их жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Закиров А. Р., Шарафуллина Э. М. Значение психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации // Символ науки. – 2022. – № 4-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-psihicheskogo-sostoyaniya-materi-obvinyayemy-v-ubiystve-novorozhdennogo-rebenka-v-usloviyah-psihotravmiruyushey-situatsii> (дата обращения: 02.03.2024).
2. Маргънов Ю. Ю. Актуальные проблемы определения субъекта, предусмотренного ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка // Science Time. – 2016. – № 3 (27). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-opredeleniya-subekta-predusmotrennogo-st-106-uk-rf-ubiystvo-materiyu-novorozhdennogo-rebenka> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Чочуева З. А. Некоторые вопросы квалификации субъективных признаков убийства матерью новорожденного ребенка // Право и практика. – 2018. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-subektivnykh-priznakov-ubiystva-materiyu-novorozhdennogo-rebenka> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Щербань А. И. К вопросу проблем правильной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Евразийский Союз Ученых. – 2018. – № 11-3 (56). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-problem-pravilnoy-kvalifikatsii-ubiystva-materiyu-novorozhdennogo-rebenka> (дата обращения: 06.02.2024).

ОЛИФИРЕНКО Екатерина Павловна

кандидат политических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск

СПЕЦИФИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье рассматриваются особенности реализации национального проекта «Здравоохранение», полномочия и функции органов прокуратуры в сфере исполнения законодательства при их реализации. Специфика заявленной проблемы автором раскрывается на примере конкретного субъекта Российской Федерации, Карачаево-Черкесской Республики. Автором уделено внимание раскрытию вопросов правового регулирования данного нацпроекта, выявлению надзорным ведомством проблемных аспектов его реализации, освещению наиболее распространенных групп нарушений. В содержании статьи также обозначен ряд направлений для дальнейшего развития и совершенствования прокурорского надзора в здравоохранении.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы прокуратуры, национальный проект, здравоохранение, население, здоровье, медицинская помощь.

OLIFIRENKO Ekaterina Pavlovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, North Caucasus State Academy, Cherkessk

SPECIFICS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «HEALTHCARE» (ON THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)

The article examines the specifics of the implementation of the national project «Healthcare», the powers and functions of the prosecutor's office in the sphere of law enforcement during their implementation. The specifics of the stated problem are disclosed by the author using the example of a specific subject of the Russian Federation, the Karachay-Cherkess Republic. The author pays attention to the disclosure of issues of legal regulation of this national project, the identification of problematic aspects of its implementation by the supervisory authority, and coverage of the most common groups of violations. The content of the article also identifies a number of areas for further development and improvement of prosecutorial supervision in healthcare.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutorial authorities, national project, health care, population, health, medical care.

Состояние здоровья граждан выступает основой национального богатства страны, а повышение качества оказываемой медицинской помощи и ее доступности для всех категорий населения рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере здравоохранения [1, с. 25], услугами которой пользуется граждане нашего государства независимо от половой, расовой, религиозной принадлежности. Суждение Н. В. Черемисиной о том, что «здравоохранение – это ключевое звено в системе обеспечения национальной безопасности» [4, с. 194], на наш взгляд, не подлежит оспариванию.

Раскрывая особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Здравоохранение», считаем целесообразным обозначить, что данное направление выступает одним из «основных национальных проектов социальной направленности, призванным обеспечить увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения» [2, с. 17]. А учитывая первостепенную значимость рассматриваемой сферы в системе общественных отношений, реагирование со стороны органов правоохранительной системы на выявляемые нарушения должны быть оперативными и незамедлительными [5, с. 13]. Актуальность и значимость проблем, возникающих в сфере здравоохранения, постоянно отмечается как со стороны руководства нашего государства, так и сопровождается пристальным вниманием самого надзорного ведомства. В частности, на заседании Совета Федерации Федерального

Собрания 24 апреля 2024 года Генеральным прокурором РФ И. В. Красновым в качестве одного из главных приоритетов и национальных целей российского государства была обозначена охрана жизни и здоровья жителей страны. «Основным вектором в работе прокуроров на данном направлении стало обеспечение законности при возведении новых, ремонте существующих объектов здравоохранения, их комплектовании оборудованием в рамках мероприятий национального проекта. Нашего реагирования потребовали факты изменения системы организации медицинской помощи. Стоит отметить, что еще сохраняется напряженность с надлежащим обеспечением лекарственными средствами больниц, а также пациентов-льготников, не во всех регионах процесс закупки и распределения препаратов осуществлялся с учетом сведений об их запасах»,¹ – и ряд других первоочередных проблем отметил в своем выступлении Игорь Викторович, характеризуя сложившуюся ситуацию.

Надзорная деятельность органов прокуратуры, являющаяся ключевой точкой нашего исследования, призвана обеспечивать законность, выявлять и устранять нарушения законодательства. Действия сотрудников прокуратуры должны быть направлены на обнаружение, предупреждение, пре-

1 Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.geNproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/News?item=94616909> (дата обращения: 02.10.2024).

сечение и устранение имеющихся место нарушений закона, в том числе со стороны государственных и иных организаций и учреждений, их должностных лиц [6, с. 17].

Регулирование исследуемого сегмента прокурорской деятельности наряду с нормативно правовой базой федерального уровня осуществляется также посредством реализации положений Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов». Осознавая, что данное направление является потенциально уязвимым для возникновения злоупотреблений руководство надзорного органа обозначает его как одно из приоритетных в деятельности надзорного ведомства [5, с. 15] и обязывает все нижестоящие органы системы прокуратуры «установить системный надзор за исполнением законодательства при оказании гражданам медицинской и медико-санитарной помощи, внедрении инновационных медицинских технологий, строительстве медицинских центров, функционировании единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, развитии детского здравоохранения. Особое внимание обращать на незаконные факты закрытия медицинских учреждений в населенных пунктах»².

Анализ проведенных прокурорских проверок в сфере здравоохранения на территории Карачаево-Черкесской Республики показал следующую ситуацию в 2023 году:

– выявлено более 400 нарушений закона в данной сфере, в целях их устранения принято 157 актов прокурорского реагирования. К дисциплинарной ответственности привлечены 127 должностных лиц, к административной – 27, о недопустимости нарушений закона объявлено 20 предостережений;

– зафиксированы нарушения, связанные с ненадлежащим обеспечением льготных категорий граждан лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, в том числе случаи ненадлежащего обеспечения пациентов с заболеванием «сахарный диабет» медицинскими изделиями;

– выявлены факты ненадлежащего финансирования мероприятий, связанных с закупкой лекарственных средств, приобретения пациентами за счет собственных средств лекарственных средств, несвоевременного и недостаточного контроля со стороны Минздрава республики за деятельностью подведомственных учреждений;

– отмечено отсутствие единой системы информационного обмена между медицинскими учреждениями, фармацевтическими организациями и курирующим министерством;

– устранены нарушения правил обращения лекарственных средств и требований лицензионного законодательства;

– выявлены случаи отсутствия необходимого оборудования в медицинских учреждениях либо нахождения его в нерабочем состоянии;

– вскрыты факты непринятия мер по обеспечению доступности зданий для маломобильных групп населения³.

Анализируя особенности реализации прокурорского надзора за исполнением законодательства в ходе исполнения национального проекта «Здравоохранение» на примере Карачаево-Черкесской Республики можно отметить следующее. За 2023 год надзорным ведомством региона были проведены проверки в сфере здравоохранения и выявлен ряд существенных нарушений по следующим направлениям:

– при реализации региональным министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства мероприятий национального проекта «Здравоохранение» было установлено, что в соответствии с условиями государственных контрактов в установленные сроки не проведен капитальный ремонт поликлиники РГБУЗ «Малокарачаевская центральная районная больница»; не осуществлено строительство врачебных амбулаторий в п. Октябрьский Прикубанского района и в ст. Преградной Зеленчукского района, ФАП в а. Верхний Учкулан. По результатам проверки в Правительство КЧР внесено представление об устранении нарушений закона, требования прокуратуры республики о принятии мер к устранению выявленных нарушений закона удовлетворены. Фактическое устранение нарушений закона остается в прокуратуре КЧР на контроле⁴;

– в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» при строительстве трех фельдшерско-акушерских пунктов, расположенных на территории Урупского муниципального образования, в результате преступных действий застройщика совершено хищение бюджетных денежных средств на сумму 850 тыс. рублей. Урупским районным судом вынесен приговор по уголовному делу в отношении генерального директора подрядной организации, который признан виновным по ч.3 ст.159 УК РФ (мошенничество). По иску прокурора района причиненный ущерб возмещен в полном объеме, денежные средства перечислены в бюджет Карачаево-Черкесской Республики⁵;

– одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры в указанной сфере является проверка исполнения законодательства в разрезе сроков выполнения работ. Так, Хабезская межрайонная прокуратура провела проверку исполнения законодательства при реализации национального проекта «Здравоохранение». Установлено, что между КЧРКП «Дирекция капитального строительства» и двумя подрядными организациями заключены государственные контракты на ремонт врачебной амбулатории в а. Кош-Хабль и строительство врачебной амбулатории в а. Зеюко. Вместе с тем обязательства по контрактам подрядчики в установленные сроки не исполнили. По данным фактам прокуратурой в отношении руководителей подрядных организаций возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ (нарушение порядка заключения, изменения контракта). По результатам их рассмотрения виновные лица привлечены к административной ответственности в виде штрафов на общую сумму более 280 тыс. рублей. Полное вы-

2 Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72100538/> (дата обращения: 02.10.2024).

3 По результатам надзорных мероприятий в минувшем году пресечено свыше 400 нарушений в сфере здравоохранения // Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09/mass-media/Nnews?item=93739118 (дата обращения: 13.04.2024).

4 Прокуратурой республики пресечены нарушения при реализации национального проекта «Здравоохранение». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09/search?article=88134917 (дата обращения: 30.09.2024).

5 По иску прокуратуры Урупского района возмещен ущерб на сумму 850 тыс. рублей, причиненный в результате хищения бюджетных денежных средств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09/search?article=89077092 (дата обращения: 30.09.2024).

полнение контрактных обязательств контролируется прокуратурой⁶.

Таким образом, анализ практики надзорной деятельности органов прокуратуры при исполнении своих полномочий в процессе реализации приоритетного национального проекта «Здравоохранение» на примере конкретного субъекта Российской Федерации показал о наличии и распространённости следующих видов нарушений:

- обнаружение нарушений, допускаемых органами государственной власти и местного самоуправления, руководителями, возглавляющих государственные и муниципальные учреждения, имеющие место при издании нормативно-правовых актов, относящихся к сфере здравоохранения;

- нецелевое использование бюджетных средств, а также выявление нарушений закона на всех этапах освоения средств, выделяемых в рамках реализации национального проекта;

- несоблюдение медицинскими учреждениями здравоохранения требований статей 18 «Право на охрану здоровья» и 19 «Право на медицинскую помощь» Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

- выявление нарушений по факту отсутствия у отдельных медицинских учреждений лицензий;

- фиксация нарушений, имеющих место при организации медицинского кабинета, а именно отсутствие необходимых лекарственных средств, не соблюдение условий их хранения; нарушения, связанные с ведением или отсутствием медицинских карт пациентов;

- установление нарушений при использовании автотранспорта, поступившего в рамках нацпроекта «Здравоохранение» в личных целях.

Анализ практики прокурорского реагирования на перечисленные группы нарушений законодательства в сфере здравоохранения наглядным образом свидетельствует об использовании работниками органов прокуратуры всех доступных им полномочий, предусмотренных Законом о прокуратуре и ведомственными актами. Отдельно можно отметить активность прокуроров при организации работы по борьбе с нарушениями, так сотрудниками прокуратуры использовались меры по привлечению виновных лиц к дисциплинарной, административной и уголовно-правовой ответственности.

В целях совершенствования организации прокурорского надзора в сфере здравоохранения считаем целесообразным обозначить следующие направления для дальнейшего развития и совершенствования прокурорского надзора в здравоохранении:

- обобщение и распространение положительного опыта правоприменительной практики в регионах посредством издания информационно-методических материалов, научно-практических пособий и сборников, с размещением на сайте Генеральной прокуратуры;

- проведение заседаний коллегий прокуратур субъектов по вопросам, касающимся данной сферы, а также по отдельным актуальным направлениям данной сферы (качество и доступность оказываемой медицинской помощи, исполнение законодательства при строительстве и вводе медицин-

ских центров и учреждений здравоохранения, лекарственного обеспечения и др.);

- налаживание тесного взаимодействия с контролирующими органами посредством взаимного обмена сведениями о выявленных нарушениях, согласования планов работы во избежание дублирования плановых проверок исполнения законодательства;

- активного привлечения специалистов в области медицины к проведению проверок;

- проведение мониторинговых исследований средств массовой информации, анализа уголовных и гражданских дел, организации встреч с представителями медицинского сообщества;

- проведение независимых опросов отдельных пациентов медицинских учреждений на предмет удовлетворенности качеством оказываемой медицинской помощи;

- обеспечение оперативного реагирования на выявленные нарушения посредством вынесения мотивированных актов прокурорского реагирования с последующим осуществлением контроля за реальным исполнением прокурорских требований и фактическим устранением нарушений;

- обеспечение гласности в надзорной деятельности прокуратуры с информированием Генеральной прокуратуры, населения о выявляемых нарушениях прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь;

- организация правового просвещения граждан, антикоррупционных экспертиз проектов нормативных актов, профилактических мероприятий по предупреждению законности, совместных семинаров, конференций, круглых столов и др.

Пристатейный библиографический список

1. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь: науч.-практ. пособие / Н. Д. Бут и др.; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2022. – С. 25.
2. Прокурорский надзор за исполнением законов при реализации национальных проектов: информационно-аналитический обзор. – М.: НИИ УП РФ, 2021. – С. 14-17.
3. Трухин А. С. Надзор за исполнением законодательства о качестве и доступности оказания медицинской помощи // Законность. – 2014. – № 7. – С. 17-19.
4. Черемисна Н. В., Ивлев М. И., Талаев Д. Д. Здравоохранение России как фактор национальной безопасности // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 12. – С. 194.
5. Шерегова Ф. Х. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о правах граждан на медицинскую помощь: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Москва, 2009. – 31 с.
6. Шибина А. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здоровья: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – М., 2018. – 29 с.

⁶ По постановлению Хабезского межрайонного прокурора руководители подрядных организаций привлечены к административной ответственности за несвоевременное исполнение контрактных обязательств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09/search?article=94636055 (дата обращения: 01.10.2024).

САКАЕВА Резеда Рамилевна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРОКЬЮРЕМЕНТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Система государственных и муниципальных закупок (контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд) – одна из сфер функционирования учреждений Российской Федерации, финансируемых за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, муниципального бюджета. С каждым годом уделяется все большее внимание реформированию и повышению эффективности сферы приобретения товаров, работ и услуг для нужд государственных и муниципальных учреждений. В целях усиления юридической ответственности за преступления в данной области, в 2017-2018 году были криминализованы наиболее общественно опасные деяния, связанные с нарушениями в сфере закупок (ст. 200.4-200.6 УК РФ).

Однако, практика квалификации преступлений по данным статьям Особенной части УК РФ практически отсутствует, что свидетельствует о сложности в процессе доказывания данной категории дел.

Ключевые слова: субъект преступления, государственные закупки, уголовная ответственность за нарушения в сфере госзакупок, контрактная система, должностное лицо.

SAKAEVA Rezeda Ramilevna

lecturer of Civil law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF RUSSIAN PROCUREMENT: CRIMINAL LEGAL ASPECT

The system of state and municipal procurement (contract system for the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs) is one of the areas of functioning of institutions of the Russian Federation, financed from the federal budget, the budget of a constituent entity of the Russian Federation, and the municipal budget. Every year, more and more attention is paid to reforming and improving the efficiency of the acquisition of goods, works and services for the needs of state and municipal institutions. In order to strengthen legal liability for crimes in this area, in 2017-2018 the most socially dangerous acts related to violations in the field of procurement were criminalized (Article 200.4-200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation).

However, the practice of qualifying crimes under these articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is practically absent, which indicates the difficulties in the process of proving this category of cases.

Keywords: subject of crime, public procurement, criminal liability for violations in the field of public procurement, contract system, official.

Систему государственных (муниципальных) закупок именуют прокьюремент [1, с. 57]. Прокьюремент в России регулируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ).

Согласно открытым данным Единой информационной системы в сфере закупок, на сегодняшний день размещено закупок на 14 231,23 млрд рублей, и эта сумма ежедневно увеличивается.

Ежегодно данной сфере уделяется все больше внимания. За последние годы законодательство о государственных и муниципальных закупках трансформировалось в межотраслевой институт, так как правовое регулирование, помимо специального закона, осуществляется на основе положений Конституции РФ, Гражданского и Бюджетного кодексов РФ, а ответственность за правонарушения в сфере госзакупок установлена Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Однако, в современных законодательных реалиях система прокьюремента не лишена недостатков, как и регламентация ответственности за нарушения в данной сфере.

Специфика нарушений в сфере госзакупок связана с деятельностью по осуществлению специальных процедур при совершении сделок, заключении контрактов при этом, нарушения могут носить как общегражданский характер [2, с. 73], так быть связана с преступной деятельностью и причинени-

ем ущерба, указанного в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ), несоблюдением норм Федерального закона № 44-ФЗ, содержащий императивные предписания, не свойственные гражданско-правовым отношениям, но связанным с крупным ущербом.

Отметим, что они могут совершаться по причине невысокого профессионализма сотрудников, занимающихся государственными закупками, что создает неизбежный риск причинения вреда экономическим отношениям.

Это вызывает необходимость дополнительного обоснования решения отдельных уголовно-правовых вопросов, возникающих в связи с оценкой общественно опасных деяний, совершаемых в данной сфере. Данные вопросы касаются как объективных, так и субъективных признаков преступлений в сфере государственных закупок [3, с. 119].

Ужесточение ответственности за незаконные действия в сфере государственного экономического сектора – последовательный этап уголовной политики нашей страны. В 2018 году Уголовный кодекс РФ был дополнен новыми нормами, предусматривающими уголовную ответственность за нарушения в сфере госзакупок (ст. 200.4 УК РФ) либо усиливающими уголовную ответственность за действия, связанные со сферой госзакупок (ст.ст. 200.5, 304 УК РФ). Так, в главу 22 УК РФ были введены новые виды преступлений – злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ) и подкуп работника контрактной службы, контрактного

управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ).

Несомненно, оборот крупных денежных средств провоцирует всевозможные коррупционные риски.

Так, в пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в целях усиления ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд) указывается, что не все деяния, связанные с так называемыми «откатами» при осуществлении поставок товаров можно квалифицировать как различные формы хищения чужого имущества (в первую очередь как мошенничество), злоупотребления полномочиями, в том числе должностными, а также о коммерческой подкуп, дача и получение взяток.

Ряд нарушений, связанных с целями осуществления закупок, определением цены государственного или муниципального контракта, заключением или исполнением государственного или муниципального контракта и совершаемых из корыстной или иной личной заинтересованности, не может рассматриваться как уголовно наказуемое злоупотребление служебным положением, поскольку эти нарушения совершаются представителями заказчика, которые не являются должностными лицами (например, работниками контрактной службы, контрактными управляющими, членами комиссии по осуществлению закупок, лицами, осуществляющими приемку поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг) [4].

Преступление, предусмотренное статьей 200.4 УК РФ, содержится в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Раздела VIII «Преступления в сфере экономики».

Установление уголовной ответственности за нарушения в сфере госзакупок является одним из комплекса правовых средств, социально-правовая природа которых состоит в формировании позитивного и правомерного поведения участников рынка [5, с. 39].

Объект преступления, предусмотренный рассматриваемой статьей – это поставленные под охрану уголовного закона общественные отношения между участниками контрактной системы в сфере госзакупок, против которых направлено преступление.

Ранее за нарушения в сфере госзакупок была предусмотрена только административная ответственность. Она устанавливается статьей 7.29 - 7.32.5 КоАП РФ. Среди них общей нормой выступает статья 7.29, остальные являются специальными.

Административная ответственность, на наш взгляд, является необходимым и действенным механизмом регулирования отношений, нацеленным на соблюдение установленного порядка заключения контракта при принятии решения о способе и условиях определения поставщика, но не в том виде, в котором она представлена сегодня.

Однако, законодатель, криминализовав действия, связанные с нарушением законодательства о контрактной системе в сфере закупок, подчеркивает их значимость, высокую общественную опасность данных деяний.

Отметим, что на сегодняшний день образовалось две диаметрально противоположные точки зрения касаемые оценки необходимости включения специальных составов преступления в сфере госзакупок.

Важным моментом является также уточнение круга лиц, которые могут быть признаны субъектами преступления по статье 200.4. Необходимо определить, действительно ли каждый участник закупки может быть субъектом этого преступления или существует определенный круг лиц, ответственных за их проведение.

Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине отмечают неэффективность уголовно-правовой охраны отношений в закупочной сфере, объясняя это определенной «распыленностью» элементов преступных деяний по различным нормам Особенной части УК РФ, а также отсутствием специальных норм, направленных исключительно на предотвращение преступлений участниками контрактной системы.

На наш взгляд, с одной стороны необходимость включения преступных нарушений в сфере госзакупок продиктована объективной потребностью в уголовно-правовой охране данных общественных отношений в сфере прокьюремета, с другой стороны, на сегодняшний день они требуют доработок путем совершенствования юридических конструкций и признаков преступлений в контрактной системе для отсутствия конкуренции с другими составами преступлений (злоупотребление, превышение должностных полномочий, мошенничество и халатность и другие).

Пристатейный библиографический список

1. Джаримок С. А. Прокьюремент как элемент эффективного государственного регулирования экономики // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2010. – № 34. – С. 57-59.
2. Солостина Т. А. Аудит в сфере закупок в развитии новой системы государственного прокьюремета // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2019. – № 3. – С. 73-79.
3. Костюков П. С., Кореняк Н. Н. Методы борьбы с мошенничеством и коррупцией при прокьюременте // Современные проблемы экономической науки: Сборник статей / Редколлегия: В. Я. Андрухова, О. В. Архипкин. Том Выпуск 3. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. – С. 119-124/
4. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/>
5. Степанова Е. Е. Цифровизация публичных закупок как способ противодействия коррупции в сфере прокьюремета // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 25 марта 2021 года / Отв. ред. Б. В. Яценко; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. – С. 39-44.

СЕЙФЕТДИНОВА Екатерина Ирековна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин, Московский гуманитарный университет

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автором проанализированы составы преступлений, посягающих на информационную безопасность общества и государства. Обосновывается необходимость криминализации деяний, причиняющих вред в сфере информационной безопасности. Приводятся разъяснения по вопросам правоприменения отмеченных составов, раскрываются обязательные признаки объективной стороны. Дается личная оценка существующим официальным доктринам по данному вопросу. Рекомендуется руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного суда РФ по вопросам распространения информации, ложности распространяемой информации в сфере общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, информация, распространение ложной информации, интересы общества и государства, интернет.

SEYFETDINOVA Ekaterina Irekovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and special disciplines sub-faculty, Moscow Humanitarian University

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES THAT INFRINGE ON THE INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author analyzes the elements of crimes that infringe on the information security of society and the state. The necessity of criminalizing acts that cause harm in the field of information security is substantiated. Clarifications are provided on the issues of law enforcement of the mentioned compositions. A personal assessment of the existing official doctrines on this issue is given. It is recommended to be guided by the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the dissemination of information, the falsity of the disseminated information.

Keywords: public safety, information, dissemination of false information, interests of society and the state, the Internet.

Сейфетдинова Е. И.

В современных условиях неправомерное распространение информации может повлечь причинение вреда правоохраняемым интересам. Наше общество является информационным, скорость распространения информации может составлять считанные минуты, за такой короткий промежуток времени путем использования неправомерной информации возможно причинение вреда интересам личности, общества и государства. Перечисленные социальные субъекты нуждаются в защите от распространения ложной, противоправной информации. Проблема состоит в том, что общество, группы людей, индивиды могут ориентироваться в действительности, в происходящих событиях только при получении достоверной и объективной информации, на основе которой они принимают решения, делают умозаключения и выводы. Пользователи информационных сетей нуждаются в получении актуальной и достоверной информации для удовлетворения своих потребностей. Соответственно, информационная сфера деятельности общества, отдельных групп людей, государства должна быть защищена силой уголовного закона от возможности распространения ложной информации [1, с. 18]. Обеспечение информационной безопасности общества и государства возлагается на законодателя, а ее реализация на правоохранительные органы. Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, каждый вправе свободно искать, получать и распространять информацию.

Информационная безопасность неразрывно связана с национальной безопасностью государства. В правовом документе информационная безопасность Российской Федерации (далее - информационная безопасность) – раскрывается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [2].

Действующий УК РФ предусматривает три состава преступлений, посягающих на информационную безопасность общества и государства:

– публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1. УК РФ);

– публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2. УК РФ);

– публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 207.3. УК РФ).

Закрепляя в уголовном кодексе РФ три состава преступлений, посягающих на информационную безопасность общества и государства, законодатель стремится создать уголовно-правовой институт ответственности за совершение преступлений против информационной безопасности. Социальные условия жизни общества подтвердили необходимость криминализации данных деяний. Ст. 207.1 и 207.2 УК РФ были приняты законодателем в период пандемии коронавируса для борьбы с заведомо ложной информацией.

У всех трех перечисленных составов преступлений единый родовый и видовой объект охраны. Факультативным объектом может выступать честь и достоинство личности. Предметом всех трех составов преступлений выступает ложная информация. Объектом преступления по ст. 207.1 УК РФ является общественная безопасность. Объективная сторона преступления предусматривает совершения публичного распространения заведомо ложной информации, которая касается безопасности жизни граждан. Под информацией, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан, следует

понимать различного рода чрезвычайные ситуации, аварии, эпидемии, которые могут повлечь гибель людей, причинить вред здоровью неопределенному кругу лиц, нарушить безопасные условия жизнедеятельности общества. Если распространением заведомо ложной информацией занимается юридическое лицо, то оно подлежит административной ответственности [3, с. 79].

Объективная сторона ст. 207.2 УК РФ предусматривает публичное распространение заведомо ложной общественной значимой информации, повлекшей тяжкие последствия. Под такой ложной информацией понимаются сведения, на основе которых граждане дают оценку происходящим событиям, принимают решения, в результате обеспечивается качество и безопасность жизни человека. К подобной информации следует отнести также деятельность государственных и муниципальных органов по реагированию на происшедшие события и факты. [4, с. 72]. Состав преступления материальный, необходимо наступление последствий, указанных законодателем. При этом требуется установить наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями в виде тяжких последствий.

В условиях продолжения СВО ст. 207.3 УК РФ приобретает особую значимость для общества и государства, манипулирование информацией в отмеченной сфере способно привести к дестабилизации обстановки в обществе. Ст. 207.3 УК РФ является специальной нормой по отношению к общей норме клеветы. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 207.3. УК РФ, является информационная безопасность государства, вооруженных сил и общества. Перечисленные составы являются новеллами уголовного закона, следственная практика по ним только начала нарабатываться. Общественная опасность отмеченных составов преступлений заключается в том, что в результате распространения заведомо ложной информации нарушаются права граждан и общества на получение достоверной информации. Общая диспозиция данных составов предполагает два обстоятельства: публичность распространения информации и заведомая ложность распространяемой информации. Публичность распространения информации следует отличать от обсуждения такой информации с целью установления ее достоверности. Для разграничения этих понятий может назначаться судебно-лингвистическая экспертиза для определения оценки текста: является ли представленный текст информацией или содержит оценку происшедшего события [5, с. 146].

Публичность распространения информации означает доведение информации двум и более лицам любым способом (выступление, СМИ, интернет). Обсуждение информации предполагает, что существующая информация является предметом изучения, анализа со стороны должностных лиц или экспертного сообщества, указанные лица не являются распространителями данной информации. Заведомая ложность распространяемой информации означает, что виновный заранее знал о недостоверности информации, о ее несоответствии действительности, либо допускал, что информация может быть недостоверной, непроверенной. Причем информация должна быть ложной на момент ее распространения. Ложная информация выдается за действительную. Случаи с добросовестным заблуждением относительно достоверности распространяемой информации исключают признаки объективной стороны в действиях лица. Ложная информация должна носить порочащий, дискриминирующий характер. Если распространяется ложная информация о вооруженных силах Российской Федерации, не связанная с интересами Российской Федерации и ее граждан, то состав преступления, предусмотренный ст. 207.3 УК РФ отсутствует. Возможно, что распространяемая информация содержит признаки состава клеветы (ст. 128.1 УК РФ), но квалификации по совокупности статей не требуется, так как здесь предусмотрен специальный адресат (потерпевший) – Российская Федерация, ее вооруженные силы, военизированные формирования. Указание виновным на источник информации, которая распространяется, не исключает состав преступления. Здесь решающим признаком будет выступать только официальный источник распространяемой информации. Обязанность распространения юридически значимой информации возлагается только на уполномоченное должностное лицо. Вместе с тем, на физических лиц законом не возлагается обязанность проверять достоверность распространяемых сведений [6, с. 8].

По конструкции состав преступления формальный, преступление признается оконченным с момента публичного распространения ложных, порочащих сведений, наступление последствий и их характер значения для квалификации деяния не имеют, характер и размер причиненного вреда учитывается при назначении наказания. Наступление тяжких последствий предусматривается по ч. 3 ст. 207.3. УК РФ, под которыми понимается причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью, факты нарушения общественного порядка. Квалифицирующими признаками по ст. 207.3. УК РФ выступают использование виновным своего служебного положения (должностное лицо) либо совершения преступления группой лиц по предварительному сговору (соисполнители).

Субъективная сторона всех трех составов преступлений характеризуется умышленной формой вины, на это указывает признак объективной стороны, что распространяемая информация является заведомо ложной. Виновный осознает, что распространяемая им информация является ложной и желает совершения данного деяния. Мотив преступления может быть различным: из корыстных побуждений, ненависти, вражды. Целью преступления является умаление авторитета Российской Федерации, ее вооруженных сил, военизированных формирований. Состав преступления, предусмотренный ст. 207.3 УК РФ, призван укрепить авторитет Российской Федерации и ее вооруженных сил [7, с. 152]. Субъект преступления общий, физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Изучение трех составов преступлений, посягающих на информационную безопасность, показало, что отмеченные составы имеют ряд общих признаков по объекту, объективной стороне. Практически нет различий и по признакам субъективной стороны преступления. Единый объект информационной безопасности, единый предмет преступления – информация. Объективная сторона характеризуется в публичном распространении заведомо ложной информации, которая может причинить вред интересам общества, государства. Состав преступления по конструкции формальный. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, целью преступления выступает причинение вреда охраняемым интересам. Субъект преступления общий. Исходя из данных посылок, нам видится целесообразным объединить три самостоятельных состава преступления в один состав, с тремя квалифицирующими частями. Статья будет содержать общую бланкетную ссылку «публичное распространение заведомо ложной информации под видом достоверной».

Пристатейный библиографический список

1. Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Некоторые вопросы, касающиеся преступлений, направленных на публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2023. - № 2. - С. 18.
2. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
3. Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207. 1 и 207. 2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности. Теория и практика общественного развития. - 2020. - №6 (148). - С. 79.
4. Гордейчик С. А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. - 2020. - № 6. - С. 72.
5. Луценко Е. П. Уголовная ответственность за фейки по действующему законодательству // Право и управление. - 2022. - № 10. - С. 146.
6. Балекина В. М. Понятие заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений // Административное и муниципальное право. - 2022. - № 2. - С. 8.
7. Малышев К. С. Особенности уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2024. - № 1 (41). - С. 152.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

АБДУЛМУТАЛИМОВА Замира Магомедовна

кандидат политических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

ГАСАНАЛИЕВА Кахравани Магомедрамазановна

соискатель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Уголовная ответственность занимает особое место в системе юридической ответственности, что обусловлено важностью объектов, охраняемых уголовным законодательством, и спецификой уголовно-правового воздействия.

В последние годы появилось большое количество монографических исследований, либо непосредственно посвященных проблемам уголовной ответственности, либо исследующих ее сущностные, формальные стороны. Данное обстоятельство объясняется тем, что любая уголовно-правовая проблема так или иначе связана с уголовной ответственностью и ее основаниями. В статье рассматриваются принципы, указанные законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации, оцениваются преимущества и недостатки их законодательных определений. Также анализируются различные правовые идеи, которые могут быть включены в их содержание.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, уголовная ответственность.

SERKEROV Samur Elmirovich

Ph.D. in Law, Head of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

ABDULMUTALIMOVA Zamira Magomedovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

GASANALIEVA Karavany Magomedramazanovna

competitor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

CRIMINAL LIABILITY AS A TYPE OF LEGAL LIABILITY

Criminal liability occupies a special place in the system of legal liability, which is due to the importance of objects protected by criminal law and the specifics of criminal legal impact.

In this article, it can be noted that in recent years a large number of monographic studies have appeared, either directly devoted to the problems of criminal liability, or exploring its essential, formal aspects. This circumstance is explained by the fact that any criminal law problem is somehow connected with criminal liability and its grounds. The article examines the principles specified by the legislator in the Criminal Code of the Russian Federation, assesses the advantages and disadvantages of their legislative definitions. It also analyzes various legal ideas that can be included in their content.

Keywords: legal liability, offense, criminal liability.

В настоящее время одной из важных задач нашего государства является искоренение преступности и причин, ее порождающих, решение этой задачи осуществляется совместными усилиями всех государственных органов, общественных организаций и всех слоев общества. Практически любое правонарушение, а тем более преступление, вызывает определенную реакцию (отклик) со стороны государства и общества. И здесь важно, чтобы институт уголовной ответственности посредством имеющегося арсенала видов наказаний служил своего рода регулятором общественного поведения.

Сущность любой ответственности, в том числе и уголовной, определяется взаимодействием трех основных составляющих человеческого существования: личности, общества и государства. Каждый человек подвергается, по крайней мере, тройкой социально-нравственной коррекции: его собственному сознательно-волевому регулирова-

нию, социальному воздействию и влиянию государственных институтов.

Объективная сторона уголовной ответственности заключается в том, что общеобязательное требование к определенному поведению (состоянию) индивида, закрепленное в соответствующей уголовно-правовой норме (системе норм), обусловлено объективными закономерностями общественной жизни людей. Таким образом, уголовное право поощряет и стимулирует ответственное поведение участников общественных отношений. В этой связи важно отметить, что уголовно-правовая среда – это не просто нечто внешнее по отношению к индивиду. Это единое социально-правовое явление, основная суть которого пронизана нравственным принципом.

Субъективная сторона ответственности находит свое выражение в том, что общеобязательные уголовно-правовые требования определенного поведения (состояния), об-

условленные общественными отношениями, преломляются в сознании и психологии человека (любой социальной общности), в усвоении им уголовно-правовых норм и развитии социально позитивных мотивация.

Содержательная характеристика отношений между людьми на уголовно-правовом уровне во многом зависит от ориентации человека в мире социальных ценностей, охраняемых уголовным правом, личных возможностей и умений человека избирательно вести себя по отношению к этим ценностям. Только в этом смысле можно говорить об уголовной ответственности человека за его действия, которые способны причинить или фактически причиняют вред этим ценностям.

Проблеме уголовной ответственности в советской, а затем и в российской юриспруденции уделялось значительное внимание. Достаточно отметить тот неоспоримый факт, что большое количество монографических исследований были либо непосредственно посвящены проблемам уголовной ответственности, либо исследовали ее сущностные, формальные стороны. Это обстоятельство объясняется тем, что любая проблема уголовного права так или иначе связана с уголовной ответственностью и ее основаниями.

Мнения ученых касательно института уголовной ответственности противоречивы: некоторые ученые отрицают наличие положительного аспекта уголовной ответственности. Другая часть, в отличие от первой группы, утверждает, что уголовная ответственность возникает только как положительное явление.

Многие ученые рассматривают юридическую ответственность как правоотношение между государством и гражданином, в котором государство в лице своих органов имеет право наказать преступника, и он обязан понести это наказание.

Согласно этой точке зрения, у преступника возникает, как бы обязанность пройти определенные лишения, установленные государственно-властным путем за правонарушения, которые совершил преступник.

Но это все еще слишком формальное и идеализированное понимание юридической ответственности, поскольку далеко не каждый правонарушитель, особенно преступник, берет на себя обязательство «вынести» наказание, напротив, он всячески старается избежать его.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно определить, что юридическая ответственность – это установленные законом меры воздействия на правонарушителя, содержащие неблагоприятные для него последствия, применяемые государственными органами в порядке, также установленном государством.

Юридическая ответственность возникает в результате правонарушения и представляет собой особое правоотношение ответственности.

Рассматривая отношение ответственности в развитии, в нём нужно выделить следующие стадии:

1. Возникновение юридической ответственности.
2. Выявление правонарушения.
3. Официальная оценка правонарушения как основания юридической ответственности в актах уполномоченных органов.
4. Реализация юридической ответственности.

Юридическая ответственность прекращается в связи с конкретным юридическим фактом (амнистия или помилование, отбытие наказания или истечение срока давности

привлечения к ответственности и т.д.), во всех случаях соответствующие правоотношения прекращаются.

Таким образом юридическая ответственность имеет место быть на всех этапах возникновения и развития правоотношений, в основе которых лежит правонарушение.

Подводя итоги, можно сказать, что понятие уголовной ответственности в уголовном праве не до конца раскрыто. Можно проанализировать, что ретроспективная уголовная ответственность имеет прямое юридическое значение, т.е. ответственность лица за уже совершенный акт поведения (преступное поведение).

Соответственно, уголовная ответственность может реализоваться и существовать только в рамках уголовно-правовых отношений. Об этом говорят множество ученых. Однако взаимосвязь между уголовной ответственностью и уголовно-правовыми отношениями понимается по-разному.

Уголовная ответственность, как и другие виды юридической ответственности, налагается на лицо только после совершения преступления и, следовательно, носит ретроспективный характер, применяется к лицу, которое реализовало свою личную (субъективную) волю вопреки уголовно-правовому запрету и, несмотря на угрозу уголовной ответственности, совершило преступление.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 25.12.1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в ред. от 2.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Байчоров С. И. Уголовная ответственность и ее основания // Молодой ученый. – 2014. – № 10 (69). – С. 302-305. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/69/11822/> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 564 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18550-8 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/535355> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Агеева Е. А. Юридическая ответственность в государственном управлении: (социально-правовой аспект). – СПб.: ЛГУ, 2008. – С. 125.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

Ступина С. А.

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ПОДДЕРЖКУ ИЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИЛИ ИНОСТРАННОЙ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОЙ ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ положений уголовного законодательства в части ответственности за информационную поддержку или финансирование деятельности иностранного агента или иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Отдельное внимание уделено составу преступления, предусмотренному ч. 2 ст. 284.1 УК РФ. Кроме этого, рассмотрена возможность определения ответственности иностранных агентов.

По итогу автором сформулированы предложения, обосновывающие необходимость совершенствования уголовной политики в части противодействия общественно-опасной деятельности указанных лиц и организаций.

Ключевые слова: преступление, иностранные агенты, организации, в отношении которых принято решение о признании нежелательными на территории Российской Федерации, финансирование, информационная поддержка как способ преступления.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

ON CRIMINAL LIABILITY FOR INFORMATION SUPPORT OR FINANCING OF THE ACTIVITIES OF A FOREIGN AGENT OR A FOREIGN OR INTERNATIONAL ORGANIZATION IN RESPECT OF WHICH A DECISION HAS BEEN MADE TO DECLARE ITS ACTIVITIES UNDESIRABLE ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the provisions of criminal legislation in terms of responsibility for information support or financing of the activities of a foreign agent or a foreign or international organization, in respect of which a decision was made to recognize its activities undesirable in the territory of the Russian Federation in accordance with the legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the composition of the crime provided for in Part 2 of Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the possibility of determining the responsibility of foreign agents was considered.

As a result, the author formulated proposals justifying the need to improve criminal policy in terms of countering socially dangerous activities of these individuals and organizations.

Keywords: crime, foreign agents, organizations against which a decision has been made to declare undesirable on the territory of the Russian Federation, financing, information support as a method of crime.

В настоящее время отмечается перманентная тенденция к увеличению количества лиц, признаваемых в соответствии с российским законодательством иностранными агентами, а также иностранных или международных организаций, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Современные условия, определяемые проведением Россией специальной военной операции, широко затронули все стороны общественного бытия.

При этом на фоне консолидации российского общества активизировалась деструктивная деятельность враждебных России иностранных государств через подконтрольных им или находящихся под их влиянием организации или отдельных лиц.

Распространение социальной активности таких субъектов стали благоприятной средой для развития деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя и безопасности России [1, с. 87].

Еще в 2021 г. органами законодательной власти Российской Федерации при рассмотрении законопроекта «О внесении изменения в статью 284-1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ было отмечено, что внутривнутриполитические, военные и международные конфликты, в которые в последнее время втягиваются все больше государств, создают почву для развития на их территориях деструктивных организаций

1 Пояснительная записка к законопроекту № 1165661-7 «О внесении изменения в статью 284-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об уточнении ответственности за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165661-7?nw=1620218527000> (дата обращения: 30.09.2024).

– носителей террористических, экстремистских и националистических идей.

В современных реалиях со стороны недружественных России государств, в первую очередь, «коллективного Запада» предпринимаются всевозможные попытки вмешательства во внутренние дела РФ, с целью чего различные организации как таких государств, так и международные вырабатывают тактики и методики опосредованного воздействия на внутренние общественные процессы в России через привлечение граждан нашего государства к участию в таких организациях.

Статья 284.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за осуществление деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, была введена в уголовное законодательство Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Впоследствии изменения в указанную уголовно-правовую норму вносились Федеральным законом от 01.07.2021 № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому была определена новая редакция статьи, существенным аспектом которой были изменения признаков объективной стороны предусмотренного ст. 284.1 УК РФ состава преступления.

В дальнейшем Федеральный закон от 08.08.2024 № 220-ФЗ «О внесении изменений в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» внес корректировки в определение организаций, деятельность которых на территории РФ признается нежелательной, путем расширения перечня последних за счет исключения их определения через неправительственные.

Указанное коррелировало аналогичным изменениям, одновременно внесенным Федеральным законом от 08.08.2024 № 219-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

Уточнение объективной стороны преступления в связи с расширением перечня организаций, деятельность которых может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с положениями статьи 3.1 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» имеет своей целью минимизацию деструктивного влияния на социальные и политические институты российского общества со стороны иностранной или международной организации, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства².

За время действия уголовно-правовой нормы ст. 284.1 УК РФ, за предусмотренное ей преступление согласно официальным данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2015 г. по 2023 г. было осуждено одиннадцать человек, из которых шесть – в 2023 г., два – в 2022 г., один – в 2021 г. и два – в 2020 г.

Анализ указанных данных также показал, что осуждаются лица либо за участие деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законо-

дательством РФ (ч. 1 ст. 284.1 УК РФ), либо за организацию деятельности таких организаций (ч. 3 ст. 284.1 УК РФ).

Так, соответственно по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ подвергнуто наказанию восемь чел., из которых три в 2023 г., два – в 2022 г., один – в 2021 г. и два – в 2020 г.

По ч. 3 ст. 284.1 УК РФ осуждено три чел. по итогам 2023 г.

Как видно, по ч. 2 ст. 284.1 УК РФ нет осужденных. Независимо от того, что в научной литературе признаки действий, указанных в составе объективной стороны преступления по ч. 2 ст. 284.1 УК РФ, раскрыты на высоком научном уровне [2], [3], [4], правоприменительная практика остается не выработанной.

По ч. 2 ст. 284.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем, в век современных технологий, определяющих широкое распространение информации посредством не только СМИ, но и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, со стороны иностранных государств и соответствующих организаций осуществляется достаточно активное воздействие на российское информационное поле путем транслирования в том числе и сведений о деятельности рассматриваемого вида организаций, а также происходит активное вовлечение российской аудитории не только во враждебную России повестку дня, но воздействие на неустойчивое сознание отдельных лиц, прежде всего молодежи, проходящей путь личностного становления, с целью как вовлечения их в деятельность таких организаций, так и получения с их помощью материальных средств для этой незаконной деятельности.

Такие организации предлагают различные мероприятия информационного характера, ориентированные на определенные группы населения с учетом их взглядов, убеждений и настроений, за установленную плату. Кроме этого, широко распространены со стороны таких организаций сбор пожертвований (донатов).

Отдельные граждане РФ в силу различных обстоятельств могут оказать такую финансовую помощь, а также осуществить информационную поддержку деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации, путем как участия в обсуждении вопросов, освещаемых этими организациями на их платформах, так и путем использования деструктивной информации, ее ретранслирования в своем общении.

Все это, несомненно, оказывает негативное влияние на российское общество, которое именно сейчас, как никогда ранее, консолидируется.

Кроме этого, явно негативное воздействие на информационную составляющую общественного развития оказывают и лица, признанные иностранными агентами, деятельность большинства из которых причиняет ущерб национальной безопасности Российской Федерации, поскольку последняя согласно Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 определяется в том числе и через такой важный аспект, как обеспечение гражданского мира и согласия в стране.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, т.е. восемь лет назад, уже отмечалось тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации.

В настоящее же время, такой материал активно доводится до российских граждан не только через нежелательную деятельность организаций, но и через иностранных агентов с целью оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитиче-

2 Пояснительная записка к законопроекту № 549382-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части признания иностранной организации нежелательной в Российской Федерации) // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/549382-8> (дата обращения: 30.09.2024).

ской и социальной ситуации, для чего широко используются возможности информационных технологий.

При явной общественной опасности и распространении в настоящее время деструктивного воздействия со стороны иноагентов закономерен вопрос об уголовной ответственности таких лиц за их враждебную России деятельность.

Ответ на него позволит сформулировать и акцессорно зависимую ответственность лиц, оказывающих иноагентам информационную или финансовую поддержку.

Заметим, что согласно ст. 1 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее – Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ) под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены ст. 4 этого же закона, в перечне видов которой есть и такая деятельность, как целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации. Правда при этом в Федеральном законе от 14.07.2022 № 255-ФЗ оговаривается, что при такой деятельности должно быть установлено отсутствие признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ.

В настоящее время, когда России противоостоит «коллективный Запад», полагаем, что вряд ли уместно говорить о возможности определения лиц, которые осуществляют политическую деятельность, а также целенаправленный сбор вышеуказанных сведений, что, несомненно, причиняет вред интересам национальной безопасности РФ и подрывает устои гражданского мира, как о просто иностранных агентах, а не о преступниках.

В УК РФ ответственность иностранных агентов установлена только за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах в ст. 330.1 УК РФ, видом объектом которой выступают общественные отношения в сфере функционирования органов управления. Уголовная ответственность за указанное деяние обусловлена общественной опасностью личности иностранного агента и последствий неисполнения им установленных правил [5, с. 193].

Анализ отечественного уголовного законодательства, а также правоприменительной практики показывает, что при совершении таких действий, как информационная поддержка в любых формах ее проявления, финансирование путем пожертвований деятельности иностранных агентов не содержит признаков состава преступления, поскольку и сама деятельность последних не является уголовно-наказуемой.

Уголовная ответственность возможна только в случае сбора соответствующих сведений, либо оказания консультационной, материально-технической или иной, в том числе информационной, помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Еще раз обоснованно, по нашему мнению, утверждение о том, что в настоящее время любая помощь лицам, находящимся под влиянием враждебных России иностранных государств, является деятельностью, направленной против безопасности РФ.

Соответственно, обоснованно распространение правоприменительной практики по привлечению таких лиц к уголовной ответственности за государственную измену или шпионаж.

Что же касается деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, то следует скоординировать и активизировать деятельность соответствующих государственных органов по выявлению и пресечению такой преступной деятельности, особенно в части ее финансирования.

В настоящих условиях нелишне обратиться и такой форме прикосновенности к преступлению, как недонесение, поскольку молчаливое согласие ряда членов нашего общества на информационное и финансовое сопровождение деятельности, направленной против интересов РФ, продуцирует не только ее безнаказанность, но и дальнейшее вредоносное распространение.

Различные деструктивные сведения отдельными лицами ретранслируются, в том числе через различные социальные сети.

Кроме этого, некоторые граждане РФ позволяли себе вести переписку в чатах, сопровождающих информационные выпуски, передачи как иностранных агентов, так и организаций, деятельность которых признана на территории РФ нежелательной.

Соответственно своевременный анализ таких сообщений со стороны не только соответствующих государственных органов, но и всех граждан РФ, позволит «перекрыть» поток вредоносной информации на наше общество, сформировать информационную безопасность.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время вопрос об уголовной ответственности иностранных агентов не урегулирован, что требует более пристального внимания к общественно-опасным аспектам деятельности таких лиц, в том числе и с участием всего общества.

Последнее ставит вопрос о целесообразности введения в уголовное законодательство новой нормы об ответственности иноагентов, либо выработку соответствующих рекомендаций для правоприменителя о вариантах квалификации их преступной деятельности, как деятельности, направленной против основ конституционного строя и безопасности государства.

Также, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть возможность введения в УК РФ общей нормы о несообщении о преступлении и выработки специальных, кроме установленной ст. 205.6 УК РФ, норм для каждого вида преступлений.

В отношении оказания финансовой помощи деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, обоснованно вести речь о выработке методик по выявлению и фиксации преступлений по ч. 2 ст. 284.1 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Васильченко К. В. Решение прокурора о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 6 (92). – С. 87-93.
2. Терешков Н. В. К вопросу об объективной стороне финансирования обеспечения деятельности нежелательной иностранной или международной неправительственной организации (ч. 2 ст. 284.1 УК РФ) // Криминалист. – 2023. – № 1 (42). – С. 40-44.
3. Губко В. А. Уголовная и административная ответственность за осуществление деятельности организации, признанной нежелательной // Уголовное право. – 2022. – № 9 (145). – С. 10-18.
4. Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 480 с.
5. Долгиева М. М., Долгиев М. М. Административная преюдиция уголовной ответственности иностранных агентов // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 490. – С. 192-197.

ХМЕЛЕВ Сергей Александрович

кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, полковник полиции в отставке

ХМЕЛЕВА Златослава Александровна

старший преподаватель кафедры уголовного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, полковник полиции

ХМЕЛЕВА Маргарита Сергеевна

следователь 10 отдела следственной части ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, капитан юстиции

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ, ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

В статье авторы проводят анализ оснований, причин и условий, способствующих принятию решений о прекращении производства и уголовного преследования по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств. На основании анализа, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, статистических данных, а также материалов судебно-следственной практики выработаны рекомендации по устранению причин необоснованного прекращения уголовных дел и уголовного преследования в сфере незаконного оборота оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Ключевые слова: незаконный оборот, оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, следователь, приостановление, прекращение, уголовное преследование, следственные действия.

KHMELEV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in Law, lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, retired colonel of police

KHMELEVA Zlatoslava Alexandrovna

senior lecturer of Criminal Law sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, lieutenant of police

KHMELEVA Margarita Sergeevna

investigator of the 10th Department of the Investigative Unit Main Directorate of the Main Directorate of the MIA of Russia for Moscow, captain of justice

GROUND FOR TERMINATION OF PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN WEAPONS, EXPLOSIVES, EXPLOSIVE DEVICES

In the article, the authors analyze the grounds, causes and conditions that contribute to the adoption of decisions to terminate proceedings and criminal prosecution in criminal cases related to illegal trafficking in weapons, explosives, and explosive devices. Based on the analysis of the current criminal and criminal procedural legislation, statistical data, as well as materials from judicial and investigative practice, recommendations have been developed to eliminate the reasons for the unreasonable termination of criminal cases and criminal prosecution in the field of illegal trafficking in weapons, explosives and explosive devices.

Keywords: illegal trafficking, weapons, explosives, explosive devices, investigator, suspension, termination, criminal prosecution, investigative actions.

Совершенствование деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств является приоритетной задачей органов внутренних дел ввиду складывающейся международно-политической обстановки и тяжести последствий для общественной и личной безопасности граждан.

Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой, достижение целей национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач, в том числе по выявлению и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [1].

Так, согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2023 году зарегистрировано 19,9 тыс. преступлений рассматриваемой категории, в 2022 году – 22,5 тыс. Предварительно расследовано 13 610, в 2022 году – 15 611, преступлений, из которых направлено в суд – 10 570 в 2022 году – 10 881.

Наиболее распространенными преступлениями в сфере незаконного оборота оружия (98,86 %) являются деяния, предусмотренные ст.ст. 222 (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов), 222.1 (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств), 223 (незаконное изготовление оружия) УК РФ [4].

Изучение складывающейся судебно-следственной практики показало, что при расследовании уголовных дел обозначенной категории возникают определенные проблемные вопросы.

Так, следователями органов внутренних дел, не всегда выполняются мероприятия по выявлению каналов поступления огнестрельного оружия, основных частей и боеприпасов к нему, взрывчатых веществ и взрывных устройств в незаконный оборот, не проверяется наличие следов пальцев рук и микрообъектов, биологических следов на указанных предметах, не проводятся экспертные исследования, направленные на установление даты изготовления и завода производителя, имеющейся или уничтоженной маркировки. За-

просы об установлении производителя и места хранения до поступления в незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, гранатометных боеприпасов и ручных гранат не направляются. [5]

В нарушении требований ст.ст. 150 и 151 УПК РФ принимаются процессуальные решения о возбуждении уголовных дел, относящихся к компетенции дознания, неверно квалифицируются действия лиц, совершивших противоправные деяния, в части хранения и сбыта огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. [6]

Необходимые для выявления каналов сбыта оружия оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», не проводятся и следователями не иницируются [2].

Также актуальной остается проблема расследовании уголовных дел обозначенной категории в связи с отсутствием судебно-следственной практики по преступлениям, связанным взрывчатым веществом – порохом, которая обусловлена отсутствием законодательного закрепления минимальных размеров (массы) взрывчатого вещества, необходимых для установления наличия состава преступления.

Анализ судебных постановлений о прекращении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, а также вынесенных надзирающими прокурорами постановлений о возвращении уголовных дел для дополнительного расследования свидетельствует о том, что большинство данных решений принимались на основе небольшого количества изъятых взрывчатых веществ (в основном пороха), и боеприпасов (патронов). При этом судебные органы указывали, что в ходе расследования не установлено, намеревался ли подозреваемый (обвиняемый) использовать предметы ограниченные или запрещенные к обороту на территории Российской Федерации в каких-либо целях и является ли он владельцем оружия.

Частично обозначенный проблемный вопрос разрешен в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2023 г. № 52-П, в п. 1 которого указано, что порох, предназначенный для самостоятельного снаряжения гражданами патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, позволяет – если этот порох был приобретен привлекаемым к ответственности лицом законно, а в последующем незаконно хранился и (или) был сбыт им в количестве, не ставящем под сомнение его использование по назначению в личных целях, при отсутствии разумных оснований сомневаться в его сбыте для использования приобретателем в тех же целях – обеспечивать справедливость и соразмерность уголовно-правовой оценки содеянного путем применения таких предусмотренных УПК РФ инструментов, как решение вопроса о малозначительности инкриминируемого лицу деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [3].

В качестве примера можно привести уголовное дело № 123011110005... прекращенное в отношении К.А.С. 30.05.2023 Архангельским гарнизонным военным судом по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.1 УК РФ.

Так, судом указано, что масса взрывчатого вещества (бездымного пороха) – 49,8 граммов не представляет общественной опасности, поскольку не причинили существенного вреда и не создали угрозу причинения такого вреда личности, обществу и государству [7].

Обратным примером является уголовное дело № 12201730009..., прекращенное в марте 2023 года на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в отношении К.В.П., хранившего бездымный порох массой 360 г (в связи с малозначительностью). Сенгилеевским районным судом Ульяновской области данное решение отменено, 27.06.2023 вынесен обвинительный

приговор, согласно которому обвиняемому назначено наказание в виде 360 часов обязательных работ [9].

Основаниями отмены первоначального решения суда послужили как количество пороха (360 г, которое не может быть признано малозначительным), место хранения (комната жилого дома), так и период незаконного владения, исчисляющийся с 1990 года, что не может свидетельствовать об отсутствии общественной опасности такого незаконного хранения.

29.11.2023 в прокуратуру Кировского района г. Саратова поступило уголовное дело № 12301630048... для утверждения постановления о его направлении в суд для применения принудительных мер медицинского характера в отношении Н.А.А. по факту совершения последним общественно-опасного деяния, запрещенного ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, в части незаконного приобретения и хранения в квартире взрывчатого вещества (бездымного пластичного пороха массой 261,3 грамма).

Изучив собранные по уголовному делу доказательства, установлено, что Н.А.А. на момент обнаружения у него пороха никакого оружия не имел, не мог использовать данное взрывчатое вещество по назначению. Согласно показаниям последнего, банку с порохом он нашел на улице и забрал ее домой для использования в бытовых нуждах (применять для розжига печи в квартире в целях обогрева, поскольку в квартире отсутствует отопление).

Так, 08.12.2023 заместителем прокурора Кировского района г. Саратова указанное уголовное дело возвращено следователю для производства дополнительного следствия, так как доказательств, свидетельствующих о том, что содеянное Н.А.А. обладает признаками высокой общественной опасности, что он своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, что позволило бы признать содеянное им общественно-опасным деянием, в материалах уголовного дела не имеется. Кроме того, обстоятельства приобретения Н.А.А. пороха материалами уголовного дела не подтверждены. 26.12.2023 СУ УМВД России по г. Саратову уголовное дело № 12301630048... прекращено по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи со смертью Н.А.А [10].

Следует также обратить внимание на то, что наравне с массой взрывчатого вещества, при рассмотрении вопроса о количестве обнаруженных боеприпасов (в основном патронов) у судов также возникают вопросы при вынесении решений об отсутствии в деянии общественной опасности.

Так, 01.03.2023 Нюрбинским районным судом Республики Саха (Якутия) прекращено уголовное дело № 12301980014... за отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 222 УК РФ, связанное с незаконным сбытом боеприпасов в количестве 15 патронов, в связи с малозначительностью. Суд установил, что действия подсудимого не повлекли существенный вред объектам, охраняемым законом, или угрозу причинения такого вреда, и не представляют большой общественной опасности.

Так же по вышеуказанному уголовному делу установлено нарушение уголовнопроцессуального законодательства, а именно в ходе предварительного следствия не выяснены обстоятельства сбыта патронов, нарушены права на защиту обвиняемого, установлены разногласия в части наличия судимости, отраженных в обвинительном заключении с материалами, характеризующими личность обвиняемого, не включение одного из основных свидетелей в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. 09.03.2023 прокуратурой Нюрбинского района Республики Саха (Якутия) подано апелляционное представление в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) на постановление Нюрбинского районного суда [11]. По результатам нового рассмотрения по уголовному делу вынесен обвинительный приговор.

В то же время к проблемным вопросам при принятии решений о прекращении уголовных дел (уголовного преследования) следует отнести и невозможность опровергнуть позицию, сформированную подозреваемым (обвиняемым) о своей непричастности к инкриминируемому деянию.

Так, 28.12.2023 СО ОМВД России по Кингисеппскому району Ленинградской области по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, прекращено уголовное дело № 12301410025..., возбужденное 31.03.2023 по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, и уголовное преследование в отношении К.Д.В.

11.04.2023 К.Д.В. предъявлено обвинение в совершении незаконного приобретения, хранения и перевозки взрывного устройства. В ходе предварительного расследования исследована версия обвиняемого о том, что в период с 10 часов 00 минут до 15 часов 20 минут 14.02.2023, К.Д.В., находясь на участке местности в лесном массиве, расположенном в районе населенного пункта «Нежново» Кингисеппского района Ленинградской области, путем присвоения найденного, незаконно приобрел ручную осколочную оборонительную гранату, внешне схожую с гранатой Ф-1, относящуюся к категории ВУ, пригодную для производства взрыва; две ручные осколочные наступательно-оборонительные гранаты РГД-33, относящиеся к категории неокончательно снаряженных ВУ, содержащие заряд бризантного взрывчатого вещества тротила, массой 140 г, пригодные для производства взрыва. После этого, К.Д.В. поместил указанные выше гранаты в салон принадлежащего ему автомобиля и перевез от места приобретения до участка местности, расположенного около дома № 5 пос. Котельского Кингисеппского района Ленинградской области, где они в этот же день были обнаружены и изъяты сотрудниками полиции.

Допрошенный в качестве подозреваемого К.Д.В. показал, что у него имеется металлоискатель, который он использует для поиска металла в лесном массиве Кингисеппского района Ленинградской области. 14.02.2023 он, находясь в указанном месте, обнаружил несколько металлических предметов, похожих на гранаты времен ВОВ и штык-нож от винтовки «Мосина». Собрав данные предметы, он на принадлежащем ему автомобиле, повез их в отдел полиции Кингисеппского района Ленинградской области, чтобы сдать их в установленном законом порядке правоохранительным органам. По пути следования, он был остановлен сотрудниками дорожно-патрульной службы, которыми в ходе досмотра его транспортного средства были обнаружены найденные им предметы. После чего, сотрудниками полиции были изъяты обнаженные в его автомобиле предметы [12].

Анализ вышеуказанных материалов судебно-следственной практики направлен на выработку выводов о наличии или отсутствии оснований для прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении лиц по указанной категории преступлений, являющегося предметом исследования в рамках настоящей статьи. В зависимости от полученных результатов следователем еще на стадии проверки сообщения о преступлении, во избежание принятия решения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в последующем, необходимо установить совокупность все признаков состава преступления, и как следствие особое внимание обратить на критерии малозначительности в каждом действии либо бездействии лица.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2024).
2. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.2023 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 222.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вичутского городского суда Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2024).
4. Статистика. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 24.06.2024).
5. Попенков А. В. Соблюдение сроков ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы // Вестник. Государство и право. – 2020. – № 27. – С. 54-55. – EDN QTALKQ.
6. Нуйкин С. Ю. О правовом положении и процессуальной самостоятельности дознавателя // Проблемы криминалистики и уголовного судопроизводства в современных условиях: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 25 октября 2021 года. – Москва: ИП Черняева Ю. И., 2021. – С. 97-102. – EDN NTGRRС.
7. Постановление Архангельского гарнизонного военного суда о прекращении уголовного дела № 123011110005... (уголовного преследования в отношении в отношении К.А.С.) от 30.05.2023 находящееся в архиве Архангельского гарнизонного военного суда.
8. Приговор Сенгилеевского районного суда Ульяновской области по уголовному делу № 12201730009... от 27.06.2023 в отношении К.В.П. находящийся в архиве Сенгилеевского районного суда Ульяновской области.
9. Постановление о прекращении уголовного дела № 12301630048... и уголовного преследования в отношении Н.А.А. от 26.12.2023 находящееся в архиве УМВД России по г. Саратову.
10. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) №22-788/2023 от 27.04.2023 по делу № 22-788/2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vs--jak.sudrf.ru>, 06.06.2024. (дата обращения: 06.06.2024).
11. Постановление о прекращении уголовного дела № 12301410025 от 28.12.2023 находящееся в архиве ОМВД России по Кингисеппскому району Ленинградской области.

ШОГЕНОВА Фатима Олеговна

кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Институт права, экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

МАХОВ Алим Русланович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Институт права, экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ НОВЕЙШИХ ДОСТИЖЕНИЙ НЕЙРОФИЗИОЛОГИИ, НЕЙРОБИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ

Изучение механизмов преступного поведения человека является одной из наиболее сложных и актуальных проблем современной науки. На протяжении многих лет ученые стремились разгадать тайны человеческой психики и понять, что заставляет людей совершать преступления. С появлением новейших достижений в области нейрофизиологии, нейробиологии и психологии открываются новые перспективы для изучения этой проблемы. В рамках статьи раскрываются механизмы преступного поведения человека на основе новейших достижений нейрофизиологии, нейробиологии и психологии.

Целью статьи является анализ проблем исследования механизма преступного поведения человека на основе новейших достижений нейрофизиологии, нейробиологии и психологии.

Методика. Цель достигается посредством использования таких методов, как: анализ, обобщение, наблюдение, эксперимент, описание.

Обсуждение. Исследования в области нейрофизиологии, нейробиологии и психологии позволяют нам получить более глубокое понимание причин и механизмов преступного поведения человека. Эти знания помогают нам не только предотвращать преступления, но и разрабатывать более эффективные методы реабилитации и социальной адаптации для лиц, нуждающихся в помощи.

Резюме. В последние десятилетия количество исследований, посвящённых взаимосвязи между нейробиологическими факторами и антисоциальным поведением, выросло в геометрической прогрессии. В результате преступное поведение стали связывать с нарушениями в различных биологических системах, таких как генетика, гормоны и функционирование мозга. Развитие инновационных методов, например методов визуализации мозга и физиологических измерений, может частично объяснить рост числа нейробиологических исследований преступного поведения. Несмотря на недавнее изменение духа времени, которое привело к более широкому признанию нейробиологии в качестве дополнительного подхода к изучению преступного поведения, нейробиологические измерения пока не играют более значимой роли в криминологических исследованиях и практике.

Ключевые слова: преступное поведение, головной мозг, психические расстройства, нейроправо.

SHOGENOVA Fatima Olegovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Criminal law, process and criminology sub-faculty, Institute of Law of Economics and Finance, H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

MAKHOV Alim Ruslanovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law, process and criminology sub-faculty, Institute of Law of Economics and Finance, H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

PROBLEMS OF RESEARCH OF THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR OF THE PERSON ON THE BASIS OF THE LATEST ACHIEVEMENTS OF NEUROPHYSIOLOGY, NEUROBIOLOGY AND PSYCHOLOGY

The study of the mechanisms of criminal human behavior is one of the most complex and urgent problems of modern science. For many years, scientists have sought to unravel the mysteries of the human psyche and understand what makes people commit crimes. With the latest advances in neurophysiology, neuroscience, and psychology, new perspectives for studying this problem are opening up. The article reveals the mechanisms of criminal human behavior based on the latest achievements of neurophysiology, neurobiology and psychology.

The purpose of the article is to analyze the problems of studying the mechanism of criminal human behavior based on the latest achievements of neurophysiology, neurobiology and psychology.

The methodology. The goal is achieved through the use of such methods as: analysis, generalization, observation, experiment, description.

Discussion. Research in the fields of neurophysiology, neuroscience, and psychology allows us to gain a deeper understanding of the causes and mechanisms of human criminal behavior. This knowledge helps us not only to prevent crimes, but also to develop more effective methods of rehabilitation and social adaptation for people in need of help.

Resume. In recent decades, the number of studies devoted to the relationship between neurobiological factors and antisocial behavior has grown exponentially. As a result, criminal behavior has been linked to disorders in various biological systems, such as genetics, hormones, and brain function. The development of innovative methods, such as brain imaging and physiological measurements, may partially explain the growing number of neurobiological studies of criminal behavior. Despite the recent change in the zeitgeist, which has led to a wider acceptance of neuroscience as an additional approach to the study of criminal behavior, neurobiological measurements have not yet played a more significant role in criminological research and practice.

Keywords: criminal behavior, brain, mental disorders, neuro-law.

Шогенова Ф. О.

Махов А. Р.

Введение

Актуальной проблемой современной криминологии является исследование механизма преступного поведения человека. Ученые на протяжении многих лет ведут разработки теории взаимосвязи работы головного мозга и преступного поведения. Появление новейших достижений в области нейрофизиологии, нейробиологии и психологии открывает возможности для изучения преступного поведения человека.

Изучение механизмов, повлиявших на принятие человеком тех или иных решений, лежит в основе исследования преступного поведения. Нейрофизиология, подразумевающая изучение активности мозга, позволяет понять, какие участки головного мозга ответственны за то или иное поведение человека. Генетические и биологические факторы, влияющие на поведение человека, изучает нейробиология. Не менее важным является исследование психологических аспектов, позволяющих идентифицировать эмоциональное состояние человека, а также выявлять психические особенности личности. Получить полное представление о механизме преступного поведения человека возможно благодаря комбинированию данных из вышеуказанных областей науки.

Использование нейрофизиологических, нейробиологических и психологических методов в криминологических исследованиях

В настоящее время попытки выявить взаимосвязь между активностью головного мозга и поведением человека обусловили появление нейроправа – нового направления науки, которое представляет собой процесс изучения «структуры и функционирования головного мозга с помощью применения методов (магнитно-резонансная томография, функциональная магнитно-резонансная томография, компьютерная томография и т.д.)» [2, с. 12].

Современные нейробиологические исследования в области криминологии сосредоточены на нейробиологических характеристиках, связанных с антисоциальным поведением, прогнозировании антисоциального поведения в дальнейшей жизни на основе нейробиологических факторов риска, а также на том, как нейробиологические факторы взаимодействуют с психологическими и экологическими факторами риска [8, с. 349]. Можно выделить четыре основные области, в которых нейробиология играет или может играть важную роль:

- криминологические исследования, направленные на понимание преступного поведения;
- выявление/прогнозирование девиантного поведения и вмешательство в него;
- уголовные разбирательства: оценка ответственности и вынесение приговора;
- судебно-медицинская реабилитация и лечение [4, с. 68].

Исследования взаимосвязи между нейробиологическими факторами и антисоциальным поведением за последние десятилетия выросли в геометрической прогрессии. В результате преступное поведение было связано с нарушениями в различных (нейро) биологических системах, таких как генетика, гормоны и функционирование мозга. Развитие инновационных методов, например, методов визуализации мозга и физиологических измерений, может частично объяснить увеличение числа нейробиологических исследований преступного поведения.

Одно из основных направлений современных нейробиологических исследований в рамках криминологии фокусируется на вопросе, какие нейробиологические характеристики связаны с антисоциальным поведением.

Другой важной областью исследований является прогнозирование с помощью нейробиологических факторов антисоциального поведения в дальнейшей жизни.

Например, Пардини и др. показали, что в группе мужчин низкий объем миндалевидного тела – структуры мозга, участвующей в обработке эмоций, – значительно предсказывает агрессивное поведение в детстве и проактивную агрессию в возрасте 16 лет. Кроме того, нейробиологические факторы, по-видимому, связаны с вероятностью повторного совершения преступления после ареста. В выборке подрост-

ков мужского пола Де Врис-Боу и др. обнаружили связь между ослабленной реакцией сердечного ритма на стрессовую ситуацию и количеством повторных правонарушений [6, с. 110].

Несмотря на расширение знаний о нейробиологических коррелятах антисоциального поведения в последние годы, нейробиологические методы пока не играют существенной роли в области криминологии. Однако игнорирование биологического влияния на антисоциальное поведение может оказаться чем-то вроде упущенной возможности. Не только потому, что интеграция существенных биологических знаний может модернизировать и расширить область криминологии, но особенно потому, что нейробиологические механизмы в сочетании с социальными факторами часто приводят к возникновению поведенческих факторов риска, которые занимают центральное место в криминологических теориях.

Жестокое обращение в детстве является примером важного социального фактора риска развития антисоциального поведения и играет центральную роль в различных криминологических теориях (например, теория самоконтроля, теория напряжения и теория принуждения). Однако у одних людей после травмирующих событий в детстве развивается антисоциальное поведение, а у других – нет.

Таким образом, возникает вопрос, как объяснить это различие. Важное исследование, проведенное Каспари и др., показало, что различные проявления так называемого гена «MAOA» влияют на развитие проблем с антисоциальным поведением в более позднем возрасте после жестокого обращения в детстве. Оказалось, что у детей с генотипом, обеспечивающим высокий уровень экспрессии MAOA, вероятность развития проблем с антисоциальным поведением в ответ на жестокое обращение в детстве была ниже. Другим примером, в котором биологические факторы влияют на поведенческие результаты, является исследование, в котором участвовали дети с расстройством поведения (DBD), проходившие поведенческую терапию. По-видимому, пациенты с низкой частотой сердечных сокращений в состоянии покоя хуже реагируют на этот вид терапии [14, с. 213].

Эти исследования показывают, что нейробиологические факторы не просто связаны с преступным поведением, но, возможно, более тесно связаны с существующими / традиционными криминологическими теориями и концепциями, чем это известно большинству криминологов в настоящее время [11, с. 344]. По этой причине интеграция биологических знаний с современными психосоциальными взглядами на преступное поведение может улучшить понимание индивидуальных различий в наличии, стойкости и развитии антисоциального поведения.

Причины преступного поведения могут сильно различаться в каждом конкретном случае, но всё же их можно разделить на две основные категории – генетика и окружающая среда.

Когда в середине 19-го века был поднят вопрос о причинах преступного поведения, многие психологи настаивали на том, что единственной причиной является генетика. Они даже считали, что склонность человека к преступлению можно измерить в зависимости от психического состояния родителей, т.е. если у них были какие-то даже незначительные психические проблемы, то у их сына / дочери было больше шансов стать преступником [1, с. 176]. У ученых были свои варианты решения проблемы, но справедливо ли, если государство и общество не позволят людям с более высоким риском совершения преступления нормально жить и заводить детей?

С течением времени проводилось все больше исследований и экспериментов, и современный подход к этому вопросу заключается в том, что, конечно, генетика действительно является важной причиной преступного поведения, но окружающая среда также не менее важна [15]. Сюда входит семья, в которой ребенок родился и вырос, пример, который родители и семья могут ему подать, социальный статус, который у него есть, образование и т.д.

Как описано, нейрокринологические исследования показали, что специфические индивидуальные характеристики, связанные с антисоциальным поведением, могут иметь биологическую основу в лобной области мозга. Лобная часть – это новейшая развивающаяся часть мозга, которая дает начало нашим наиболее сложным поведенческим функциям, таким как моральное мышление, поведенческое торможение, планирование и сопереживание. Имеются доказательства того, что в лобной области мозга у лиц с антисоциальным поведением существуют как функциональные, так и структурные нарушения [9, с. 121].

Усовершенствование методов визуализации пролило больше света на характеристики мозга людей с антисоциальным поведением. Эмпирические исследования показали, что как функциональные, так и структурные нарушения лобных долей, по-видимому, смещают социальное поведение в антисоциальном направлении. Например, недостаток самоанализа и несоблюдение социальных правил связаны с нарушениями медиально-полярной префронтальной коры, тогда как нарушения вентрально-орбитофронтальной коры связаны с плохими процессами принятия решений и нарушением эмоциональной регуляции. Кроме того, неспособность воздерживаться от поведения, за которое наказывают, и неправильное восприятие намерений / поведения других, по-видимому, связаны с нарушениями в дорсолатеральной префронтальной коре. Нейропсихологические тесты, поведенческие показатели, оценивающие функции лобных долей мозга, по-видимому, сильно отличают антисоциальных личностей от обычных людей, при этом средний размер эффекта варьируется от $d = 0,44$ до $0,68$. Особенно тесты, оценивающие рабочую память, по-видимому, сильно отличают антисоциальное поведение от нормального.

В целом, вышеупомянутые результаты предполагают сильную взаимосвязь между дисфункцией лобных отделов мозга и антисоциальным поведением. Тем не менее, глубинные причины, по которым ребенок страдает от дефицита мозга, ведущего к антисоциальному поведению, все еще менее разгаданы. Было предложено множество причин, таких как специфические гены, влияние окружающей среды (например, плохое родительство), никотин и недоедание во время беременности, а также осложнения при родах [12, с. 9]. Кроме того, не только антисоциальное поведение в целом связано с дефицитом мозга, похоже, что между индивидуумами с антисоциальным поведением существуют большие различия в нейропсихологическом дефиците. Например, заключенные с высокими психопатическими чертами характера, по-видимому, демонстрируют более избирательные проблемы с вниманием по сравнению с непсихопатическими заключенными. Хоакен и др. продемонстрировали, что заключенные, совершившие насилие, значительно хуже справились с задачей когнитивного сопереживания по сравнению с ненасильственными преступниками. Кроме того, Брумхолл показали нарушения сложного префронтального функционирования у правонарушителей с реактивной агрессией и в значительной степени интактные функции у правонарушителей с преимущественно инструментальной агрессией.

Что касается функционирования головного мозга, то необходимо отметить следующее. Международная группа ученых полагает, что уменьшение конкретных участков мозга может вызывать антисоциальное поведение человека. При этом ученые отмечают, что проявления такого уменьшения считаются нормой в подростковом возрасте. При этом, если человек с самого детства склонен ко лжи, воровству и хулиганству, то существует большая вероятность, что во взрослом периоде он станет преступником-рецидивистом. Подобное исследование было проведено специалистами Университетского колледжа в Лондоне.

В эксперименте принимали участие 672 человека из Новой Зеландии, родившиеся в 1972–1973 годах. Суть эксперимента заключалась в том, что каждые два года с 7 до 26 лет родители предоставляли отчет о поведении своих детей. При этом свою точку зрения предоставляли и сами дети.

К тому времени, когда участники эксперимента повзрослели, у 80 из них наблюдалось устойчивое антисоциальное

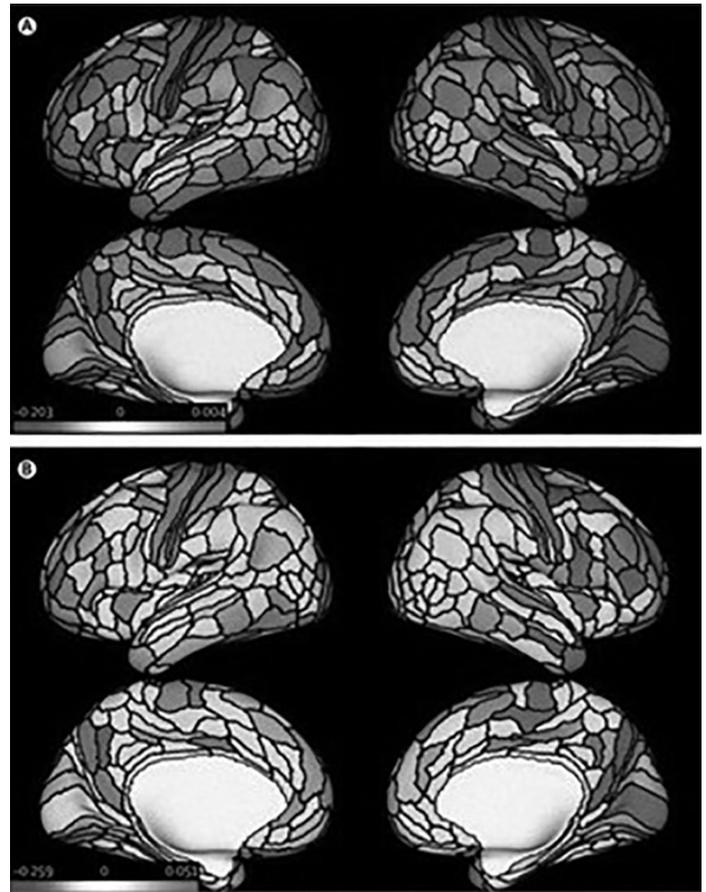

Рисунок 1. Головной мозг

поведение. Еще 151 человек проявлял его только в подростковом возрасте. У остальных значимых эпизодов антисоциального поведения не наблюдалось [7, с. 84].

Исследования показывают, что такие люди в пять раз чаще совершают противоправные действия, за которые позднее несут уголовное наказание.

Помимо этого, у данной группы людей наблюдается более высокая склонность к употреблению наркотиков и алкоголя. Это может быть связано с попыткой снять психологическое напряжение и дискомфорт, вызванные их антисоциальным поведением. Кроме того, у таких людей чаще наблюдается более низкий уровень интеллекта, что также может способствовать их негативному поведению.

Психические заболевания также часто встречаются среди людей, демонстрирующих антисоциальное поведение. Это может быть связано с тем, что такие люди испытывают сложности в установлении и поддержании отношений с окружающими, что в свою очередь может привести к чувству изоляции и одиночества.

Когда участникам исполнилось 45 лет, исследователи сделали им МРТ головного мозга и изучили площадь коры и ее толщину в 360 областях.

Как оказалось, у участников с антисоциальным поведением поверхность коры была меньше в 282 областях. Также еще в 11 областях кора была тоньше.

Изменения, в частности, наблюдались в участках, связанных с регуляцией эмоций, мотивацией и целеполаганием (рис. 1).

Перейдем к вопросу исследования генетических влияний. В 1960-х и начале 1970-х годов в наиболее типичных исследованиях преступности использовались данные о семьях или близнецах. Благодаря им преступное поведение было определено как генетическая характеристика. Таким образом, исследования семей были сосредоточены на возможной генетической наследственности преступности или схожих состояний. Большинство из них пытались напрямую доказать способность генерировать преступников. Они искали информацию о родственниках. Первое научное исследование,

подтверждающее преступное поведение, было проведено Готтфредсоном и Хирши [13, с. 32]. Они увидели, что такие заболевания, как диабет или рак, имеют чёткую биологическую основу и что хроническое преступное поведение неразрывно связано с ухудшающимися формами правонарушений, при которых у человека нарушается самоконтроль. Таким образом, они пришли к выводу, что преступность эквивалентна определённому биологическому состоянию. Причиной того, что не удалось выявить наследственное влияние, должна быть либо методология, либо общее отсутствие на более низких уровнях поколений действительно хронической и повторяющейся преемственности в преступном поведении. Также, в дополнение к заболеваниям, упомянутым Готтфредсоном и Хирши, предполагая, что это тип биологического состояния, мы можем упомянуть шизофрению или алкоголизм, при которых определённые люди, по-видимому, предрасположены к этим типам социального поведения [5, с. 65].

Такое поведение характеризуется необъяснимой предрасположенностью к развитию иррационального страха смерти или превращению в рабов алкоголя, независимо от того, приносит он им пользу или нет [10, с. 45]. Они такие же, как и другие, наблюдаемые у людей, причастных к преступным деяниям, таким как насилие над людьми или собственностью. Поскольку существуют предрасположенности и / или рациональные объяснения развития нелогичного страха перед явлением, несмотря на отсутствие выгоды, у определенных людей также могут быть предрасположенности или рациональные объяснения совершения преступных действий. Чтобы показать генетическое влияние поведения, часто использовались однояйцевые близнецы. Эти исследования основаны на предположении, что у однояйцевых братьев и сестер 100% общих генов. То есть их ДНК совершенно одинакова [3, с. 122].

Согласно этой логике, если бы в этой характеристике было продемонстрировано генетическое влияние, можно было бы продемонстрировать значительно более высокое соответствие характеристики между идентичными братьями и сестрами, поскольку влияние окружающей среды постоянно и, следовательно, не оказывает влияния.

Заключение

Таким образом, современное исследование механизма преступного поведения человека на основе новейших достижений нейрофизиологии, нейробиологии и психологии позволяет нам получить более глубокое и всестороннее понимание этой проблемы. Работа ученых в этих областях не только помогает нам предотвращать преступления, но и развивать более эффективные методы реабилитации и социальной адаптации лиц, склонных к преступному поведению.

Пристатейный библиографический список

1. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 470 с.
2. Алферова Е. В. Нейробиотехнологии, уголовное право и процесс: взгляд российских ученых // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2023. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrobiotekhnologii-ugolovnoe-pravo-i-protsess-vzglyad-rossiyskih-uchenyh> (дата обращения: 04.10.2024).
3. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 366 с.
4. Арутюнова К. Р., Созинова И. М., Александров Ю. И. Мозговые основы моральной оценки действий // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. № 2. – С. 67-81.
5. Беличенко Р. В. Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц // Вестник

- Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 65-69.
6. Булыгина В. Г., Исангалиева И. М., Пеева О. Д., Ремева А. Ф., Лысенко Н. Е. Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений // Психология и право. – 2023. – Том 13. № 2. – С. 110-126.
7. Векленко С. В., Беличенко Р. В. Векторы перемен в развитии уголовно-правовых институтов вины и вменяемости с учетом позиций современных нейронаук // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (60). – С. 84-87.
8. Газиева М. В. Современные подходы к проблеме исследования стресса и стрессоустойчивости // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3 (70). – С. 348-350.
9. Дидикин А. Б., Беяев М. А. [Рец.] // Труды Ин-та государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. № 1. – С. 215-225. – Рецензия на монографию: *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience* / Ed. by D. Patterson, M. S. Pardo. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 272 p.
10. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения // Горький: Учебник. – 2009. – 168 с.
11. Орехова Л. С., Павленко В. Б. Специфика морального поведения личности: анализ современного состояния проблемы // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-1. – С. 342-346.
12. Полубинская С. В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Ин-та государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. № 5. – С. 9-37.
13. Филипова И. А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. № 2. – С. 32-49.
14. Хьелл А. Зиглер Дж., Теории личности. Основные положения, исследования и применение: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2014. – 608 с.
15. Шуточкина А. С., Фастович Г. Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // *Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* – 2019. – № 5 (62). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/7126> (дата обращения: 14.10.2024).

КИПКЕЕВ Ислам Магомедович

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

В статье исследуются вопросы, которые касаются применения электронных средств платежа в преступных целях. Это обусловлено тем, что современные технологии все больше и больше нацелены именно на электронное производство операций, что должно в определенной степени облегчить жизнь человека. Так, каждый обладатель банковской карты имеет возможность с использованием определенных технических средств снимать денежные средства с такой карты. Однако, применение электронных средств платежа способствует возникновению определенного ряда проблем. Проблема кроется в том, что для снятия денежных средств с банковской карты не требуется никакой идентификации, что способствует привлечению мошенников к таким средствам платежа. Цель представленного исследования состоит в том, чтобы провести комплексный анализ проблем, которые связаны с электронными средствами платежа, а именно совершение мошенничества с применением указанных средств. В статье рассматриваются позиции авторов по поводу трактовки термина «электронное средство платежа», а также его видов. Автор предполагает, что целесообразно признать средством электронного платежа подарочные сертификаты, которые оцениваются в стоимость такого сертификата. Обращается внимание на мнение ученых по поводу объективной стороны мошенничества с применением электронных средств платежа, а также квалификации данного деяния. Формулируется вывод о том, что в настоящее время отсутствует достаточное понимание и эффективное применение исследуемой нормы уголовного права, что требует существенного ее реформирования.

Ключевые слова: электронные средства платежа, мошенничество, банковская карта, технические средства, уголовная ответственность.

KIPKEEV Islam Magomedovich

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CURRENT ISSUES OF APPLICATION OF CRIMINAL LAW ON LIABILITY FOR FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

In the modern world, the use of various electronic means of payment is quite common. This is due to the fact that modern technologies are increasingly aimed specifically at electronic production of operations, which should make human life easier to a certain extent. Thus, each holder of a bank card has the opportunity to withdraw funds from such a card using certain technical means. However, the use of electronic means of payment contributes to a certain number of problems. The problem lies in the fact that no identification is required to withdraw funds from a bank card, which helps attract fraudsters to such means of payment. The purpose of the presented research is to conduct a comprehensive analysis of the problems that are associated with the application of the criminal law on liability for fraud, which is committed through the use of electronic means of payment. The article discusses the authors' positions on the interpretation of the term «electronic means of payment», as well as its types. The author suggests that it is advisable to recognize gift certificates as a means of electronic payment, which are estimated at the cost of such a certificate. Attention is drawn to the opinion of scientists about the objective side of fraud with the use of electronic means of payment, as well as the qualification of this act. The conclusion is formulated that at present there is a lack of sufficient understanding and effective application of the investigated norm of criminal law, which requires significant reform.

Keywords: electronic means of payment, fraud, bank card, technical means, criminal liability.

Кипкеев И. М.

Исследование вопросов, которые касаются мошенничества с применением электронных средств платежа, началось сравнительно недавно. Соответственно, говорить о том, что в изучение данного аспекта проводится в полном и достаточном объеме говорить рано. Большой вклад в изучение особенностей преступлений, которые совершаются с применением электронных средств платежа, внесли исследователи, которые затрагивали проблемные аспекты экономических [14, с. 324] и компьютерных [9, с. 546] преступлений. Интерес к проблеме мошенничества с применением электронных систем платежа возникает у многих исследователей отечественной [2], [8] и зарубежной [15], [16], [17] науки.

Авторы научных трудов обращают особое внимание на объективную сторону рассматриваемого преступления. Достаточно большой интерес проявляется и в области разграничения рассматриваемого состава со смежными преступлениями [6], [13].

Предлагаем обратить внимание на доктринальные исследования в области понимания термина «электронные средства платежа». В современной науке возникают определенные дискуссии по поводу того, что именно следует относить к таким средствам. Так, И. А. Мусьял полагает, что: «в качестве средства преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, подарочные карты или сертификаты, дающие право приобретения товара на сумму, эквивалентную их стоимо-

сти, следует рассматривать как электронное средство платежа» [10, с. 150]. Совершенно противоположную позицию занимают Н. А. Лопашенко [9] и Г. А. Есаков [3], которые считают не целесообразным подарочные сертификаты и карты рассматривать как электронные средства платежа.

Таким образом, отсутствие единого мнения о том, что именно относится к электронным средствам платежа, а равно законодательного регулирования данного вопроса, приводит к определенным проблемам в правоприменительной практике.

Для того чтобы определить вектор устранения имеющихся проблем, изначально необходимо исследовать уголовно-правовую характеристику рассматриваемого состава преступления.

Обратим внимание на объект и предмет мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа.

Статья 159³ Уголовного кодекса РФ¹ (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Введение данной статьи было обусловлено тем, что требуется определенное регулирование в области нормального функционирования кредитных организаций и иных организаций, которые предоставляют работы и услуги, оплачиваемые посредством определенных электронных средств платежа.

Отметим, что исследуемая статья имеет бланкетный, то есть отсылочный характер, что требует обращения к нормативно-правовым актам, которые регламентируют отношения в сфере обращения платежных карт [8, с. 546].

Родовым объектом рассматриваемого преступления выступают экономические отношения, это обусловлено тем, что данная норма определена в разделе XIII УК РФ. Размещение данного состава в главе «Преступления против собственности» свидетельствует о том, что видовым объектом выступают отношения, которые возникают по поводу собственности. Непосредственный объект преступления – обязательственные отношения между участниками платежной системы [12, с. 35].

Рассматриваемый состав преступления не может иметь дополнительного объекта. Данное утверждение подтверждается тем, что в случае наличия непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, потребуется исключение из УК РФ статей 187 и 272–274¹.

Денежные средства, которые размещены на банковских счетах в банке, выступают предметом рассматриваемого преступления.

Состав данного преступления является материальным, а само преступление может быть совершено лишь посредством выполнения активных действий.

Внимания заслуживает способ и средство совершения преступления. Преступление, предусмотренное статьей 159³ УК РФ, совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Средством совершения данного преступления выступают определенные электронные средства платежа [6, с. 79].

Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»²

(далее – Пленум ВС РФ от 30.11.2017 № 48). Представленное постановление дает характеристику обмана, в соответствии с которой формулируется вывод о том, что преступления, которые совершаются указанным способом, требуют установления личностного контакта между субъектами преступления. Таким образом, тайность данного преступления отсутствует. Если же говорить о хищении денежных средств без личностного контакта субъектов преступления, например, при помощи банковской карты и банкомата, то здесь имеет место совершенно иной состав преступления – кража п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Таким образом, опираясь на Пленум ВС РФ от 30.11.2017 № 48, следует говорить о том, что все хищения, которые совершаются тайно, следует рассматривать как кражу чужого имущества.

Вторым способом совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа выступает злоупотребление доверием. Данный способ совершения преступления возможен лишь между людьми, так как предполагает наличие знакомства между преступником и потерпевшим.

Средством совершения преступления выступает поддельная или принадлежащая иному лицу банковская карта. Ввиду того, что банковская карта не обладает какой-либо экономической ценностью, она не может являться предметом преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ [1, с. 46].

Существует ряд проблем, которые сводятся к тому, что вопрос, касающийся понимания термина «средства электронных платежей» остается до сих пор мало разработанным.

Определение рассматриваемого термина дано в п. 19 ч. 1 ст. 3 Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ № 161-ФЗ): «электронное средство платежа представляет собой средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств»³.

Таким образом, актуальным остается вопрос относительно приравнивания подарочных сертификатов и карт к электронным средствам платежа [4, с. 20].

По данному поводу не дается объяснение законодателем, лишь в Письме Минфина от 25.04.2011 года № 03-03-06/1/268 (далее – Письмо № 03-03-06/1/268) указано определение подарочного сертификата: «в качестве подарочного сертификата принято понимать документ, удостоверяющий право его держателя приобрести у лица, выпустившего сертификат, товары, работы или услуги на сумму, равную номинальной стоимости этого сертификата»⁴.

3 Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ в ред. от 28.12.2022 № 569-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 27. – 04.07.201. – Ст. 3872.

4 Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 25 апреля 2011 г. № 03-03-06/1/268 «Об учете в целях налогообложения прибыли сумм оплаты подарочных сертификатов, полученных организацией-продавцом от потенциальных покупателей в счет предстоящей поставки товаров, а также об обязанности организации при продаже подарочных сертификатов применять контрольно-кассовую технику» // «Учет. Налоги. Право» – «Официальные документы» от 17 мая 2011 г. – № 19.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 25. – 17.06.1996. – Ст. 2954.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc.

Анализ данного определения показывает, что приравнивать подарочные карты и сертификаты к электронным средствам платежа нецелесообразно. Такое утверждение исходит из того, что указанные сертификаты и карты у их обладателя формируют лишь право на приобретение определенных услуг или товаров.

Отметим, что Письмо № 03-03-06/1/268 не является правовым актом, соответственно, говорить о том, что закрепленное в нем определение подарочного сертификата имеет должную юридическую силу, не представляется возможным. Соответственно в научной литературе имеют место различные точки зрения по данному поводу. Так, Н. А. Лопашенко утверждает, что: «Основным признаком подарочных карт и сертификатов выступает стоимость, поэтому они могут выступать средством совершения любой формы хищения» [9, с. 369].

Считаем возможным согласиться с указанным мнением и полагаем, что на законодательном уровне следует закрепить относимость подарочных сертификатов и карт к электронным средствам платежа.

Еще один спорный момент возникает при квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, в том случае, если такое преступление совершается посредством осуществления расчетов краденой банковской картой посредством бесконтактной оплаты.

По данному поводу имеют место две точки зрения. Так, Е. А. Корепанова утверждает, что: «данные деяния не образуют состава ст. 159³ УК РФ, так как умолчание о незаконном использовании карты не является обманом в виду того, что уполномоченный сотрудник не обязан устанавливать факт законности владения указанной картой» [7, с. 136]. Противоположной точки зрения придерживается А. П. Перетолчин: «в данном случае присутствует обман, но в пассивной форме, так как предполагается, что лицо использует банковскую карту на законных основаниях» [11, с. 74].

Итак, как следует из представленного выше, имеются определенные разногласия, устранение которых возможно посредством исключения из диспозиции статьи 159³ УК РФ таких признаков состава преступления, как обман и злоупотребление доверием.

Проанализировав основные моменты, которые связаны с составом преступления, предусмотренного статьей 159³ УК РФ, целесообразно говорить о ряде проблем, которые приводят к сложностям в правоприменительной практике. Необходимо понимать, что технологический прогресс не стоит на месте, общество постоянно совершенствуется, что предвещает лишь усугубление проблем в рассматриваемой области. Соответственно, требуется своевременное совершенствование действующих уголовных норм данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Горбунова Л. В. Вопросы квалификации хищений с использованием банковских карт // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 1. – С. 45-47.
2. Гузеева О. С. Квалификация преступления в сфере компьютерной информации. – М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2016. – 59 с.
3. Есаков Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 48-53.
4. Иванов В. Ю. Понятие электронного средства платежа в российском законодательстве // Банковское право. – 2014. – № 3. – С. 18-24.
5. Карпов А. С. Проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Проблемы науки. – 2017. – № 10. – С. 78-80.
6. Карпов А. С. Проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Проблемы науки. – 2017. – № 10. – С. 78-80.
7. Корепанова Е. А. Платежная карта – предмет или средство совершения мошенничества? // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. № 4. – С. 135-140.
8. Лаврушкина А. А. Уголовно-правовая характеристика мошенничества с использованием платежных карт // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. № 5. – С. 544-549.
9. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.
10. Мусьял И. А. Мошенничество с использованием платежных карт // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 147-152.
11. Перетолчин А. П. Некоторые проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 71-77.
12. Петрякова Л. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 34-42.
13. Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социальноэкономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11. № 1. – С. 141-145.
14. Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. – 2015. – № 8. – С. 47-52.
15. Becker I., Hutchings A., Abu-Salma R., Anderson R., Bohm N., Murdoch S.J., Sasse M.A., Stringhini G. International comparison of bank fraud reimbursement: customer perceptions and contractual terms // Journal of Cybersecurity. – 2017. – Vol. 3. № 2. – P. 109-125.
16. Suha J.B., Nicolaideseb R., Trafford R. The effects of reducing opportunity and fraud risk factors on the occurrence of occupational fraud in financial institutions // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2019. – Vol. 56. – P. 79-88.
17. Wei W., Li J., Cao L., Ou Y., Chen J. Effective detection of sophisticated online banking fraud on extremely imbalanced data // World Wide Web. – 2013. – Vol. 16. № 4. – P. 449-475.

ТЕМИРБЕКОВ Кемран Арсенович

аспирант, Российский государственный университет правосудия, помощник судьи во Втором Кассационном суде общей юрисдикции, г. Москва

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ противодействия киберпреступлениям в России и зарубежных странах. Рассматриваются наднациональное и внутригосударственное регулирование мер противодействия киберпреступности в России и зарубежных странах. Отмечается, что значительно преуспели в борьбе с киберпреступностью страны Европейского союза. Раскрываются меры противодействия киберпреступлениям, которые были разработаны в последние годы в Европейском союзе. Подчеркивается, что Европейский союз уделяет большое внимание профилактике киберпреступлений, поскольку стратегически важные сектора стран Европейского союза страдают от действий киберпреступников. Франция и Германия являются странами Европейского союза, которые ведут наиболее активную борьбу с киберпреступностью на внутригосударственном уровне. Выявляются особенности построения системы правоохранительных органов, которые реализуют меры противодействия киберпреступлениям во Франции и Германии. Указывается, что США оказывают большое влияние на развитие законодательства о противодействии киберпреступлениям в странах Европейского союза. Анализируются правоохранительные органы США, которые занимаются обеспечением кибербезопасности. Характеризуется специфика противодействия киберпреступности в Российской Федерации. Определяется, что противодействие киберпреступлениям в Российской Федерации больше соответствует европейскому опыту. В заключение автором делается вывод о том, что для Российской Федерации полезно заимствование опыта Франции в сфере противодействия киберпреступлениям.

Ключевые слова: ЕС, Интернет, кибератаки, киберпреступления, киберпреступность, киберпространство, противодействие киберпреступлениям, Российская Федерация, США.

TEMIRBEKOV Kemran Arsenovich

postgraduate student, Russian State University of Justice, assistant judge in the Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow

COUNTERING CYBERCRIME IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article provides a comparative legal analysis of countering cybercrime in Russia and foreign countries. Supranational and domestic regulation of measures to counter cybercrime in Russia and foreign countries is considered. It is noted that the countries of the European Union have significantly succeeded in combating cybercrime. The measures to counter cybercrime that have been developed in recent years in the European Union are disclosed. It is emphasized that the European Union pays great attention to the prevention of cybercrime, since strategically important sectors of the European Union countries suffer from the actions of cybercriminals. France and Germany are the countries of the European Union that are most actively fighting cybercrime at the domestic level. The features of building a system of law enforcement agencies that implement measures to counter cybercrime in France and Germany are revealed. It is indicated that the United States has a great influence on the development of legislation on countering cybercrime in the countries of the European Union. The article analyzes the law enforcement agencies of the United States, which are engaged in ensuring cybersecurity. The specifics of countering cybercrime in the Russian Federation are characterized. It is determined that countering cybercrime in the Russian Federation is more in line with European experience. In conclusion, the author concludes that it is useful for the Russian Federation to borrow from France's experience in countering cybercrime.

Keywords: EU, Internet, cyberattacks, cybercrime, cyberspace, countering cybercrime, Russian Federation, USA.

Развитие сети Интернет начиная с 1990-х годов и распространение подключенных устройств (ожидается, что к 2025 году к сети Интернет будет подключен 41 миллиард устройств по всему миру¹) привели к возникновению как новых возможностей для государства и общества, так и новых угроз. Так, с одной стороны, цифровизация обеспечивает дистанционное общение, онлайн-покупки, более быстрый доступ к информации и пр., а с другой – она стала причиной появления нового вида преступлений – киберпреступлений [6]. Под последними следует понимать общественно опасные деяния, совершаемые в киберпространстве, то есть посредством использования сети Интернет. Киберпреступления в

настоящее время имеют тенденцию ускоряться и усложняться, причем повсеместно, и это побуждает многие страны рассматривать разработку мер противодействия киберпреступлениям в качестве одной из приоритетных задач [7].

В связи со сказанным интересен опыт стран Европейского союза (далее – ЕС), которые значительно преуспели в борьбе с киберпреступностью. Так, начиная с 2013 года ЕС были предприняты множество эффективных мер, направленных на противодействие киберпреступлениям, а именно:

1. В 2013 году был учрежден Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, расположенный на территории Европола в Гааге (Нидерланды) и направленного на борьбу с киберпреступностью в странах ЕС;

2. В 2016 году была принята Директива по безопасности сетей и информационных систем. Данный нормативно-правовой акт стал первой законодательной мерой, принятой на уровне ЕС для активизации сотрудничества

¹ В 2025 году в мире будет насчитываться 41,6 млрд подключенных IoT-устройств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovzond.ru/press-center/news/it/5929/> (дата обращения: 18.09.2024).

Темирбеков К. А.

между странами ЕС по важнейшему вопросу кибербезопасности;

3. В 2019 году Советом ЕС был принят Регламент о кибербезопасности, который предусматривал, прежде всего, учреждение Агентства кибербезопасности ЕС – органа, помогающего государствам-членам, институтам ЕС и другим заинтересованным сторонам бороться с кибератаками;

4. В 2022 году ЕС принял директиву SRI 2, направленную на учет новых цифровых угроз в сфере здравоохранения, транспорта и энергетики;

5. В 2022 году Европейской комиссией было выдвинуто предложение о принятии Закона о киберустойчивости с целью установления общих правил кибербезопасности на протяжении всего срока службы продаваемых цифровых продуктов;

6. В 2022 году Совет ЕС утвердил «Стратегический компас». Это первая Белая книга ЕС по безопасности и обороне, которая включает решительные меры по борьбе с киберпреступностью;

7. ЕС стал одним из первых, кому удалось законодательно урегулировать проблемы, связанные с искусственным интеллектом. Так, в 2023 году был принят Закон об искусственном интеллекте. Появление данного нормативно-правового акта имеет непосредственное отношение к борьбе с киберпреступлениями, поскольку искусственный интеллект позволяет киберпреступникам разрабатывать более сложные и персонализированные атаки.

ЕС стремится развивать меры противодействия киберпреступлениям не только на законодательном уровне. Так, в июле 2020 года ЕС ввел первые в истории санкции после кибератак против шести физических и трех юридических лиц [8].

Европол (орган ЕС по сотрудничеству правоохранительных органов) также сделала киберпреступность одним из приоритетных направлений в своей деятельности. Так, одним из достижений Европола стало то, что ей удалось взломать сети зашифрованной связи EncroChat и Sky ECCS, которыми пользовались многие киберпреступники. Сейчас Европол работает над новыми киберугрозами и недавно опубликовало отчет об использовании ChatGPT в преступных целях [2].

Страны-участницы ЕС уделяют особое внимание вопросам противодействия киберпреступлениям не случайно. Так, в 2024 году сектор здравоохранения государств-членов ЕС особенно пострадал от атак программ-вымогателей. Согласно отчету Агентства кибербезопасности ЕС в этом году около 25% медицинских учреждений в странах ЕС подверглись атакам программ-вымогателей². Эти нападения привели не только к серьезным перебоям в оказании медицинских услуг, но и к вымогательству (в некоторых делах вымогатели требовали денежную сумму в размере 10 миллионов евро).

Безусловно, меры противодействия киберпреступлениям разрабатываются и принимаются не только на уровне ЕС, но и в самих государствах-членах. Например, активная борьба с киберпреступлениями ведется сегодня во Франции. Так, с 2015 года в этой стране действует Национальная стратегия цифровой безопасности («La Stratégie nationale pour la sécurité du numérique»). В Национальной стратегии цифровой безопасности были провозглашены следующие цели:

1. защита национального суверенитета Франции;
2. усиление мер реагирования на совершение киберпреступлений;
3. повышение осведомленности общественности о кибербезопасности;
4. развитие конкурентного преимущества в сфере цифровой безопасности для отечественных компаний;
5. активное участие Франции в международной борьбе с киберпреступлениями.

Правоохранительная система Франции включает сразу несколько органов государственной власти, которые занимаются противодействием киберпреступлениям. В частности, к ним относятся:

1. Управление по борьбе с киберпреступностью («L'office anti-cybercriminalité»). Данный государственный орган был создан осенью 2023 года. В его основные задачи входят:

- 1) предотвращение кибератак на компьютерные системы и незаконной деятельности в даркнете (сегменте сети Интернет, скрытого из общего доступа);
- 2) координация выполнения Национальной стратегии цифровой безопасности.

Управление по борьбе с киберпреступностью Франции разработало две платформы, позволяющие оперативно получать информацию о киберпреступлениях. Первая платформа «Pharos» предназначена для направления пользователями сети Интернет информации о незаконном контенте: о терроризме, угрозах и (или) призывах к насилию, педофилии, кибермошенничеству и пр. Вторая платформа «Thésée» позволяет направлять сообщения о совершении таких киберпреступлений, как взлом электронной почты, социальных мессенджеров, вымогательство и др. [3].

2. Управление по делам несовершеннолетних («L'office mineurs de la Police nationale») занимается противодействием совершению преступлений в отношении несовершеннолетних, в том числе в сети Интернет. Так, данный государственный орган выявляет производителей детской порнографии, иного преступного контента, расследует вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность.

3. Командование Министерства внутренних дел (далее – МВД) Франции в киберпространстве («Le Commandement du ministère de l'Intérieur dans le cyberspace»). Данный государственный орган координирует все службы МВД Франции, занимающиеся борьбой с киберпреступлениями, внутри страны и за рубежом. Командование МВД Франции в киберпространстве несет ответственность за эффективность всей системы МВД в сфере профилактики киберпреступности. Кроме того, оно занимается закупкой и установлением в службах МВД Франции специального оборудования для борьбы с киберугрозами [5].

Еще одним наглядным примером страны-участницы ЕС, где ведется активная борьба с киберпреступлениями, является Германия. Как и Российская Федерация, Германия является государством с федеративным устройством. Это обуславливает специфику ее системы противодействия киберпреступлениям: она действует на федеральном уровне и уровне земель.

Федеральным правоохранительным органом, занимающимся противодействием киберпреступлениям в Германии, является Федеральное ведомство уголовного полиции Германии («Bundeskriminalamt») [9].

Федеральное ведомство уголовного полиции Германии раз в год публикует федеральный отчет о киберпреступности. В нем представлены данные о киберпреступности в Германии, включая статистику, примеры из практики. Кроме того, данный федеральный орган выпускает предупреждения и специальные оценки в случае актуальных киберугроз.

В качестве центрального правоохранительного органа Федеральное ведомство уголовного полиции Германии также выполняет координационные задачи в области борьбы с киберпреступностью, предоставляет информацию и инструменты и участвует в международном сотрудничестве по противодействию киберпреступлениям. Кроме того, Федеральное ведомство уголовного полиции Германии проводит расследования киберпреступлений в рамках своих первоначальных полномочий, например, когда киберпреступления совершаются в отношении стратегически важных объектов. За выполнение этих задач отвечает в первую очередь Отдел по борьбе с киберпреступностью, являющийся структурным подразделением Федерального ведомства уголовного полиции Германии.

На уровне земель борьба с киберпреступлениями ведется местной полицией. Например, в Баварии внутри полиции функционирует Центральный пункт по вопросам киберпреступности («Zentrale Ansprechstelle Cybercrime»). По факту совершения киберпреступлений в это специализированное подразделение могут обратиться только представители органов государственной власти, юридических лиц. Если киберпреступление было совершено в отношении частного лица, то оно должно обратиться в баварскую полицию по месту жительства одним из трех способов: 1) непосредственно; 2) посредством онлайн-обращения; 3) по телефону.

2 Киберпреступность во Франции и Европе в 2024 году: растущая угроза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csb.school/la-cybercriminalite-en-france-et-en-europe-csb-school/> (дата обращения: 18.09.2024).

Большое влияние на принятие соответствующего законодательства в странах ЕС оказывают США. В этой стране деструктивная деятельность в киберпространстве наказывается гораздо строже, чем в странах ЕС. Например, в США установлена уголовная ответственность за ненадлежащее хранение и обработку персональной информации или ее уничтожения способом, отличным от установленного законом. В отличие от США, в государствах-членах ЕС уголовное дело возбуждается лишь в том случае, если есть общественно опасное последствие в виде причинения вреда государству или правам и свободам граждан [1].

Так же, как и в странах ЕС, в США функционирует система правоохранительных органов, реализующих меры противодействия киберпреступлениям. В частности, к ним можно отнести:

1. Кибернетическое командование США («United States Cyber Command») – подразделение вооруженных сил США, основными задачами которого являются централизованное проведение операций кибервойны, управление и защита военных компьютерных сетей США;

2. Компьютерная команда экстренной готовности США («United States Computer Emergency Readiness Team») – часть Национального отдела киберзащиты Министерства внутренней безопасности США, которая публикует сведения об актуальных вопросах национальной безопасности, в том числе в сфере киберпространства, а также занимается поиском специального оборудования, направленного на обеспечение кибербезопасности;

3. Отдел компьютерной преступности и интеллектуальной собственности («Computer Crime and Intellectual Property Section») – отдел по уголовным делам Министерства юстиции США по расследованию киберпреступлений и нарушениям интеллектуального законодательства, который специализируется в зоне поиска и захвата цифровых доказательств в компьютерах и сетях [10].

Полагаем, что противодействие киберпреступлениям в Российской Федерации в целом соответствует зарубежному опыту, однако оно имеет определенные отличия. Так, в нашем государстве борьба с киберпреступлениями не ведется на наднациональном уровне. Она ограничивается международным и внутригосударственным уровнем.

Говоря об участии России в международном сотрудничестве по противодействию киберпреступлениям, в первую очередь мы должны упомянуть Содружество независимых государств (далее – СНГ). Так, Российская Федерация, будучи страной-участницей СНГ, в 2021 году ратифицировала Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28.09.2018 года. В 2022 году Россия приняла активное участие в разработке Модельного закона СНГ «О противодействии киберпреступности» [4]. При этом СНГ – это не наднациональное образование, в отличие от ЕС.

Как и в странах-участницах ЕС и США, внутригосударственная система Российской Федерации включает сразу несколько правоохранительных органов, занимающихся противодействием киберпреступлениям:

1. Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – УБК) МВД России. Данное специализированное подразделение МВД России было создано в 2022 году для борьбы с киберпреступлениями³. Главными задачами УБК МВД России выступают: предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений в сфере IT-технологий, а также координация этой деятельности в системе МВД России;

2. Центр информационной безопасности Федеральной службы безопасности России (далее – ЦИБ ФСБ). Это специализированное подразделение ФСБ занимается обеспечением информационной безопасности России, в том числе в сфере киберпространства. Помимо прочего, в полномочия данного органа входят:

- 1) расследование киберпреступлений;
- 2) мониторинг публичных сетей и OSINT-разведка;

3) поиск и деанонимизация хакеров.

4) Генеральная прокуратура Российской Федерации (далее – Генпрокуратура России). Данный орган государственной власти осуществляет надзор за следственными органами, осуществляющими расследование киберпреступлений. Кроме того, он разрабатывает законопроекты, направленные на совершенствование уголовной ответственности за совершение киберпреступлений. Например, летом 2024 года стало известно о том, что Генпрокуратура России подготовила законопроекты об уточнении составов преступлений, совершенных с использованием специальных технических средств (фишинг, социальная инженерия, кибервымогательство, DDoS-атаки), и об ужесточении ответственности за них⁴.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что противодействие киберпреступлениям в России и зарубежных странах (США, странах ЕС) имеет как схожие, так и отличительные черты. Безусловно, заимствование положительного опыта зарубежных стран может способствовать улучшению ситуации с киберпреступностью в нашей стране. Так, нам видится полезным для России заимствование французского опыта в части создания нескольких государственных электронных платформ, позволяющих гражданам оперативно сообщать информацию о киберпреступлениях.

Пристатейный библиографический список

1. Беспалов Д. А. Киберпреступность // Современные проблемы экономики, социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: материалы Международной научно-практической конференции текстовое электронное издание. – Краснодар, 2024.
2. Джафарли В. Ф. Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы: монография; под ред. докт. юрид. наук С. Я. Лебедева. – М.: Проспект, 2024.
3. Жмырко Е. Р., Семенцова И. А. Проблемные аспекты уголовно - правового совершенствования мер противодействия киберпреступлениям // Междисциплинарные подходы в современной науке: вызовы, достижения и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2024.
4. Крайнова Н. А. О концепции модельного закона стран - участниц СНГ «О борьбе с киберпреступностью» // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 2.
5. Мосечкин И. Н. Преступления против безопасности цифровой информации: понятие, виды и дифференциация ответственности: монография. – Киров: Вятский гос. ун-т, 2023.
6. Перина А. С. Феномен использования компьютерных технологий при совершении преступлений против личности: анализ международных документов и уголовного законодательства отдельных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 5.
7. Поляков В. В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 7.
8. Фаткиева Р. Р., Судаков А. С., Дедов Д. О. Анализ сетевых киберпреступлений // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. – 2024. – Т. 1.
9. Харисова З. И., Елизарьев А. Н., Ишмеева А. С., Губайдуллина И. Н. Основы обеспечения информационной безопасности в глобальной сети Интернет // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № 2.
10. Шипулин Г. Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024.

3 Указ Президента РФ от 30.09.2022 № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 40. – Ст. 6787.

4 Генпрокурор анонсировал ужесточение ответственности за киберпреступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/254309/> (дата обращения: 18.09.2024).

ХИСМАТОВА Анжелика Рустамовна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ОТГРАНИЧЕНИЕ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ, А РАВНО НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ, СБОРА И ОБОРОТА ОСОБО ЦЕННЫХ РАСТЕНИЙ И ГРИБОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К ВИДАМ, ЗАНЕСЕННЫМ В КРАСНУЮ КНИГУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И (ИЛИ) ОХРАНЯЕМЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ДОГОВОРАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ОБЪЕКТУ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

В современном мире сохранение биологического разнообразия становится все более актуальной задачей. В целях обеспечения экологической безопасности законодателем была введена уголовная ответственность за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконную добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Настоящая статья посвящена исследованию объекта преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ, а также вопросам отграничения исследуемого преступления от преступлений против собственности в зависимости от объекта посягательства.

Ключевые слова: объект преступления, экологические преступления, преступления против собственности, проблемы квалификации, экологическая безопасность, особо ценные растения и грибы, Красная книга Российской Федерации.

KHISMATOVA Angelika Rustamovna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

DELINEATION OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE, AS WELL AS ILLEGAL EXTRACTION, COLLECTION AND TRAFFICKING OF ESPECIALLY VALUABLE PLANTS AND FUNGI BELONGING TO SPECIES LISTED IN THE RED BOOK OF THE RUSSIAN FEDERATION AND (OR) PROTECTED BY INTERNATIONAL TREATIES OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM CRIMES AGAINST PROPERTY ON THE OBJECT OF ENCROACHMENT

In the modern world, the conservation of biological diversity is becoming an increasingly urgent task. In order to ensure environmental safety, the legislator introduced criminal liability for intentional destruction or damage, as well as illegal extraction, collection and trafficking of especially valuable plants and fungi belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation. This article is devoted to the study of the object of the crime provided for in art. 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as issues of distinguishing the crime under investigation from crimes against property, depending on the object of encroachment.

Keywords: the object of the crime, environmental crimes, crimes against property, qualification problems, environmental safety, especially valuable plants and mushrooms, the Red Book of the Russian Federation.

Антропогенное воздействие человека на природу за последние десятилетия возросло в геометрической прогрессии, что закономерно повлекло негативные последствия для окружающей среды. Вопрос сохранения биологического разнообразия год от года становится все более актуальным. Согласно статистическим данным, представленным на сайте Красной книги России – скорость исчезновения различных видов растений превышает естественный ход эволюции в 5000 раз. При сохранении данной тенденции через 50 лет исчезнет половина видов наземных организмов [1].

Данный факт не может не вызывать опасений у мирового сообщества. В Российской Федерации обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования определены в качестве основных направлений обеспечения национальной безопасности [2]. В целях реализации Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов, законодателем, в том числе, Федеральным законом от 14.04.2023 № 113-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена уголовная ответственность за умышленные уничтожение или повреждение, а рав-

но незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (далее – особо ценные растения и грибы). Ст. 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вступила в законную силу 12 октября 2023 года.

Совершение противоправных деяний в отношении особо ценных растений и грибов, в первую очередь, посягает на экологическую безопасность государства и сохранение биологического разнообразия. Ввиду этого представляется логичным отнесение законодателем исследуемого деяния к экологическим преступлениям и закрепление соответствующей статьи в 26 главе УК РФ.

В современной теории уголовного права господствующим является подход, определяющий в качестве объекта преступления общественные отношения, охраняемые уголовным законом РФ [3, с. 138]. В соответствии с данным подходом, в качестве родового объекта умышленного уничтожения или повреждения, а равно незаконной добычи, сбора и оборота особо ценных растений и грибов следует понимать общественные отношения, обеспечивающие общественную

безопасность и общественный порядок. В свою очередь, видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ выступают общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности государства. Нельзя не отметить, что данные определения являются дискуссионными.

Споры относительно соотношения понятий «экологическая безопасность» и «общественная безопасность», а также вопросы разграничения видового и родового объектов экологических преступлений ведутся на протяжении длительного времени. Такие ученые как А. Н. Безрук, П. Р. Базаров, П. В. Еремкин и И. В. Лавыгина выступали за необходимость выделения преступлений против экологической безопасности в отдельный раздел УК РФ. Отмечая, к примеру, что только в таком случае «раздел будет правильно отражать родовой объект экологических преступлений» [4, с. 55]. В современных реалиях данное предложение представляется целесообразным, в первую очередь, с целью систематизации норм, предусматривающих наступление уголовной ответственности за преступления экологической направленности, а также для разрешения дискуссий относительно объекта исследуемой категории преступлений.

В соответствии с данным подходом, под родовым объектом экологических преступлений предлагаем понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих экологическую безопасность Российской Федерации, под видовым – общественные отношения, обеспечивающие охрану биологического разнообразия. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ будут являться общественные отношения в сфере охраны особо ценных растений и грибов. В качестве факультативного объекта может выступать порядок оборота особо ценных растений и грибов, их частей, дериватов.

Представляется логичным, что не все особо ценные растения и грибы, являющиеся предметом преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ, произрастают в условиях дикой природы или на особо охраняемых природных территориях. Нельзя исключать возможность нахождения их на приусадебных участках граждан или на территориях, собственником которых являются субъекты отличные от Российской Федерации. При совершении посягательства на такие особо ценные растения и грибы возникает необходимость отграничения преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ, от преступлений против собственности.

Отраслевое законодательство Российской Федерации в настоящий момент не регулирует множество вопросов, связанных с объектами растительного мира и грибами, которые, в том числе, влияют и на возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ. Так, в частности, не оговаривается право собственности на объекты растительного мира, в том числе на особо ценные растения и грибы.

Проведем аналогию с особо ценными животными и водными биологическими ресурсами, уголовная ответственность за посягательство на которые закреплена в ст. 258.1 УК РФ. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» – «животный мир в пределах Российской Федерации является государственной собственностью». При этом допускаются иные формы собственности (частная, муниципальная и иная) на объекты животного мира, которые были изъяты из естественной среды в установленном порядке. Отдельные вопросы правоотношений, возникающие относительно данных объектов, разрешаются

в гражданско-правовом поле. Таким образом, совершение преступления, посягающего на особо ценное животное или водный биологический ресурс, находящийся в негосударственной собственности, первоочередно, нарушает права собственности. Так, к примеру, П. Р. Базаров предлагал проводить разграничение преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ от преступлений против собственности в зависимости от места нахождения объекта животного мира – в естественной природе, похуволе или неволе [4, с. 20].

Как было отмечено ранее, в отличие от объектов животного мира и водных биологических ресурсов, законодательство, регулирующее вопросы относительно растительного мира и грибов, в настоящий момент, не получило должного развития. Отдельными авторами уже была обозначена необходимость проведения разграничения прав собственности на особо ценные растения и грибы. К примеру Е. Ю. Стефанова отмечает, что собственник земельного участка, на котором произрастает особо ценный гриб или растение, фактически, не вправе уничтожить его без наступления правовых последствий [5, с. 234].

Полагаем, что при формировании отраслевого законодательства должен быть закреплён примат государственной собственности на особо ценные растения и грибы с возможностью передачи их в собственность граждан или юридических лиц в исключительных случаях (к примеру, в целях их сохранения и воспроизводства).

В вышеописанной ситуации, когда собственник земельного участка не желает дальнейшего произрастания особо ценного растения или гриба на принадлежащей ему земле, следует изъять данный объект растительного мира или гриб с земельного участка с целью передачи в специализированные учреждения. В случае умышленного уничтожения такого растения или незаконного оборота его частей и дериватов –лицо должно подлежать уголовной ответственности в соответствии со ст. 260.1 УК РФ.

Иным примером может выступать ситуация в которой собственник земли не препятствует произрастанию или, напротив, заинтересован в сохранении особо ценного растения или гриба (такими субъектами могут являться, к примеру, негосударственные ботанические сады или иные научные организации по воспроизводству редких растений и грибов). В данном случае государством может быть передано право собственности на особо ценное растение или гриб.

Совершение преступного посягательства в отношении таких объектов растительного мира и грибов должно быть квалифицировано как преступление против собственности (к примеру, уничтожение или повреждение чужого имущества, его хищение и т.д.). В такой ситуации преступное деяние, первоочередно, причиняет вред общественным отношениям, регулирующим имущественные права граждан и юридических лиц, что является родовым объектом преступлений против собственности.

В поддержку данной позиции также приведем тот факт, что для содержания и воспроизводства особо ценных растений и грибов лицу или организации необходимо создать подходящие условия: освещение, температурный режим и режим полива, удобрения, соблюдение «соседства» растений для недопущения переопыления, паразитизма и т.д. Все это требует ресурсов, как материальных, так и человеческого труда. Представляется логичным, что собственник, вкладывая силы и средства в данные растения или грибы рассчитывает на получение прибыли (к примеру, ботанические сады проводят соответствующие выставки и экскурсии) и причинение

вреда особо ценному растению или грибу, соответственно, причиняет имущественный вред лицу или организации. В случае квалификации такого преступного посягательства в соответствии со ст. 260.1 УК РФ лицо не может быть признано потерпевшим и не будет иметь возможности предъявить гражданский иск, что нарушает его права на возмещение вреда, причиненного преступлением.

При этом совершение посягательства на особо ценное растение или гриб, находящееся в частной собственности, если оно заведомо было направлено на дальнейший незаконный оборот похищенных частей или полученных дериватов, требует дополнительной квалификации по ст. 260.1 УК РФ. Так как в данном случае лицо причиняет вред не только общественным отношениям в сфере собственности, но и общественным отношениям, регулирующим порядок оборота особо ценных растений и грибов, их частей и дериватов.

Отметим также, что совершение посягательства на особо ценные растения и грибы, находящиеся в государственных ботанических садах, дендрариях и иных учреждениях, следует квалифицировать в соответствии со ст. 260.1 УК РФ, так как их содержание и воспроизводство оплачивается за счет средств федерального бюджета. Полагаем, что в данном случае преступное деяние причиняет вред непосредственно общественным отношениям в сфере охраны особо ценных растений и грибов, а не общественным отношениям в сфере имущественных прав граждан и юридических лиц.

Проводить отграничение преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ от преступлений против собственности следует в зависимости от принадлежности особо ценного растения или гриба государству (в том числе в лице его органов и учреждений) или иному субъекту. Полагаем, что до создания механизма перехода прав собственности на объекты растительного мира и грибы, проводить отграничение возможно по субъекту, обеспечивающему произрастание и воспроизводство конкретного объекта.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что при формировании отраслевого законодательства должен быть закреплен примат государственной собственности на особо ценные растения и грибы с возможностью передачи их в собственность граждан или юридических лиц в исключительных случаях (к примеру, в целях их сохранения и воспроизводства).

Считаем необходимым формирование отраслевого законодательства в следующих аспектах:

– урегулирование вопросов прав собственности на особо ценные растения и грибы, а также создание механизма приобретения/прекращения данных прав;

– разработка механизма изъятия особо ценных растений и грибов из собственности субъектов, не желающих произрастания их на земельном участке, принадлежащем на праве собственности;

– определение органов, осуществляющих контроль за соблюдением условий, необходимых для содержания и воспроизводства особо ценных растений и грибов, находящихся в собственности иных субъектов кроме государства.

Разграничение прав собственности на особо ценные растения и грибы непосредственно влияет на вопросы квалификации преступных деяний, совершенных в отношении них. Представляется логичным, что преступные посягательства на особо ценные растения и грибы могут причинять вред общественным отношениям как в сфере их охраны, так и в сфере имущественных прав граждан и юридических лиц.

Проводить отграничение преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ от преступлений против собственности следует в зависимости от принадлежности особо ценного растения или гриба государству (в том числе в лице его органов и учреждений) или иному субъекту. До создания механизма перехода прав собственности на объекты растительного мира и грибы проводить отграничение возможно по субъекту, обеспечивающему произрастание и воспроизводство конкретного объекта.

Пристатейный библиографический список

1. Растения Красной книги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cicon.ru/rastenia.html>.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Электронный ресурс: Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Уголовное право. Общая часть / А. А. Абдульманов, Е. Р. Абызова, Е. А. Алференок [и др.]. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. – 524 с.
4. Базаров П. Р. Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2017. – 245 с.
5. Стефанова Е. Ю. Особенности квалификации деяний, связанных с уничтожением редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений // Сборник научных трудов. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. – С. 231-234.

КИПКЕЕВ Ислам Магомедович

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

В рамках данной статьи обращается внимание на проблемы, которые связаны с квалификацией и отграничением от смежных составов преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ. Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основании анализа судебной практики определить особенности хищения, которое совершается в присутствии определенных лиц или же без такового, выявить проблемы в области квалификации преступлений по ст. 1593 УК РФ и отграничения от смежных составов преступлений. Помимо сказанного в статье раскрываются особенности множественного осуществления платежей, с учетом того, что определенные операции были отклонены. Берутся во внимание научные труды авторов, которые раскрывают проблемы определения окончания длящегося преступления, а также указывают на особенности мошенничества, совершенного с применением электронных средств платежа. Исследуются особенности квалификации рассматриваемого преступления, на основании чего формулируются рекомендации по спорным моментам в данной области.

Ключевые слова: хищение, кража, мошенничество, электронные средства платежа, квалификация преступления, отграничение смежных составов, банковская карта, банковский счет.

KIPKEEV Islam Magomedovich

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROBLEMS OF DELIMITATION AND QUALIFICATION OF RELATED TYPES OF THEFT USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Within the framework of this article, attention is drawn to the problems that are associated with the qualification and separation from related elements of the crime provided for in Article 1593 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of this study is to determine, based on the analysis of judicial practice, the features of embezzlement, which is committed in the presence of certain persons or without such, to identify problems in the field of qualification of crimes under Article 1593 of the Criminal Code of the Russian Federation and delineation from related crimes. In addition to what has been said, the article reveals the features of multiple payments, taking into account the fact that certain transactions were rejected. The authors' scientific works are taken into account, which reveal the problems of determining the end of a continuing crime, and also indicate the features of fraud committed using electronic means of payment. The features of the qualification of the crime in question are investigated, on the basis of which recommendations are formulated on controversial issues in this area.

Keywords: theft, theft, fraud, electronic means of payment, qualification of a crime, delineation of adjacent compounds, bank card, bank account.

Современные реалии развития общества диктуют свои особенности. Если обратить внимание на технологический процесс, который вторгается во все сферы жизнедеятельности, то следует говорить о том, что его достижения формируют для преступного мира совершенно новые возможности.

В настоящее время сложно представить товарно-денежные операции без применения электронных средств платежа, которыми выступают банковские карты. Практически каждый гражданин Российской Федерации имеет банковские карты, банковские счета. Развитие безналичных расчетов привело к тому, что преступники все чаще и чаще стали посягать на чужие денежные средства, пытаясь завладеть ими посредством обмана или злоупотребления доверием.

Таким образом, возникла необходимость законодательного регулирования данного вопроса и в результате

в Уголовный кодекс РФ¹ (далее – УК РФ) была введена ст. 159³ УК РФ, которая предусматривает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Казалось бы, что введение данного состава должно было устранить определенные проблемы и, соответственно, определенные из них были решены, но при этом сформировались новые, которые сопряжены с квалификацией деяний по рассматриваемой статье, а также стали возникать трудности в области отграничения данного состава преступления от смежных составов.

За период действия данной статьи в нее уже были внесены определенные изменения, которые оставили некото-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. - № 25. - 17.06.1996. – Ст. 2954.

Кипкеев И. М.

рые негативные последствия в области квалификации тех составов преступлений, которые по формальным признакам подходили под квалификацию по ст. 159³ УК РФ.

Обратим внимание на некоторые изменения. Первоначально ст. 159³ УК РФ имела название «Мошенничество с использованием банковских карт». В настоящее время ее название преобразилось и сформулировано как «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». При этом отметим, что предыдущая редакция была более четкой, диспозиция рассматриваемой статьи указывала на самые распространенные способы совершения мошенничества в рассматриваемой области, в то время как нынешняя редакция не разъяснены способы совершения данного преступления.

Для того чтобы понять, что подразумевается под термином «электронные средства платежа» (далее – ЭСП) требуется обращение к Федеральному закону «О национальной платежной системе», в котором определено, что таковой является: «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств»².

Из представленного определения следует, что в нем перечень ЭСП не является исчерпывающим, на что указывает формулировка «иных технических устройств».

Для более глубоко осмысления данного определения обратимся к научной литературе. Так, П. С. Яни трактует техническое устройство в двух смыслах. Во-первых, как кошелек, в котором охраняться деньги, а во-вторых, как предмет, который способствует открыть доступ к денежным средствам, которые хранятся на счетах [3, с. 32].

Обратившись к судебной практики по данному вопросу [2] отметим, что наиболее распространенным способом совершения данного преступления выступает применение чужой банковской карты, которой злоумышленник расплачивается за те или иные товары и услуги. Исходя из сказанного, правоприменитель сталкивается с определенными трудностями, которые возникают при квалификации содеянного. Так, проблемы имеют место при отграничении преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ от преступления, которое предусмотрено п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ: «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)»³.

Полагаем, что в перспективу разграничения указанных составов должен быть положен способ совершения данных преступлений. Обратим внимание, что именно способ совершения рассматриваемых преступлений выступает обязательным признаком преступлений.

В ч. 1 ст. 158 УК РФ определено, что кража выступает тайным хищением чужого имущества. По данному поводу имеется конкретизация в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС РФ). Так в ППВС РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что тайным хищением является: «незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них»⁴.

Мошенничество совершается посредством обмана или злоупотребления доверием лица, которое является потерпевшим. Обратим внимание, что совершение такого преступления в определенной степени должно быть совершено явно. Иными словами, при мошенничестве, лицо, которое является потерпевшим, должно присутствовать при совершении тех или иных действий, признающихся хищением, и находится в состоянии заблуждения.

Проблема отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ от кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, состоит в том, что преступления, предусмотренные указанными статьями, совершаются с одинаковым умыслом, то есть, действия преступника совершаются с корыстным умыслом, с целью завладеть чужими денежными средствами.

Предлагаем определить момент отграничения кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств от мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Преступное деяние следует квалифицировать как кражу в том случае, если оно совершается тайно, то есть в момент совершения преступления лицо, которое является потерпевшим не находится рядом с преступником и не может наблюдать процесс совершения преступления. Тем не менее, если преступник при получении денежных средств посредством обмана или злоупотребления доверием вводит в заблуждение, например, сотрудников банка, а не самого потерпевшего, то в таком случае следует говорить о квалификации содеянного по ст. 159³ УК РФ.

Представленное утверждение следует из того, что законодатель не дает ограничение круга лиц, которые должны быть введены в заблуждение посредством обмана или злоупотребления доверием. Иными словами, деяние следует квалифицировать как мошенничество даже независимо от того введено ли в заблуждение потерпевшее лицо или иные лица.

Также совершаются преступления, которые имеют длящийся характер. В ППВС РФ от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» было определено, что длящимся является преступление, которое совершается посредством совершения тождественных действий, приближающих общую цель и составляющих единое преступление⁵.

2 Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ в ред. от 28.12.2022 № 569-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - № 27. - 04.07.201. - Ст. 3872.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. 17.06.1996. ст. 2954.

4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // СПС «Консультант-Плюс».

5 Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям». [Электронный

Так, если лицо совершает аналогичные действия в разное время в отношении разных лиц, для достижения разных целей, то в таком случае невозможно говорить о делящемся преступлении, но если преступные деяния совершаются в отношении одного лица, даже если его денежные средства размещены на различных счетах, то в такой ситуации имеет место делящееся преступление.

В рамках делящегося преступления также имеются проблемы с правильностью квалификации содеянного, а именно проблема возникает тогда, когда преступник не успел завершить одно из тождественных деяний и был, например, задержан полицией при оплате товара на кассе магазина или же банк отменил денежную операцию по определенным обстоятельствам. Так возникают проблемы с определением момента окончания преступления.

В научных кругах имеются различные точки зрения по данному поводу. Обратим внимание на позицию Р. О. Долотова, который в своих исследованиях проводит существенный анализ данной ситуации.

Так автор, проводя исследование, анализирует несколько позиций. В соответствии с первой, если преступник совершает делящееся преступление, направленное на хищение чужих денежных средств и сумел похитить хотя бы часть денежных средств потерпевшего, то в таком случае, следует говорить об оконченом преступлении.

Вторую позицию Р. О. Долотов раскрывает следующим образом: «если последнее из тождественных преступных деяний окончено не было, то все продолжаемое преступление должно квалифицироваться как неоконченное» [1, с. 123].

Третья позиция в исследовании данного автора сводится к тому, что в таком случае преступление следует квалифицировать по совокупности оконченом преступления и покушения на преступление.

Полагаем, что поддержать последнюю позицию Р. О. Долотова не представляется целесообразным, так как опровергается тезис о делящемся преступлении, в соответствии с которым совершение тождественных действий выступает именно делящимся преступлением и никак не образует совокупности преступлений.

Наиболее приемлемой на наш взгляд выступает первая позиция Р. О. Долотова, считаем целесообразным с ней согласиться и признавать оконченом делящиеся преступления, если была похищена хоть какая-то часть денежных средств.

В настоящее время достаточно распространенным способом оплаты товаров и услуг выступает оплата по QR-коду, для чего используется смартфон, на котором установлена определенная программа и включена функция бесконтактной оплаты.

Обратим внимание, что в отличие от банковской карты смартфон обладает самостоятельной ценностью, что порождает необходимость квалифицировать деяние по совокупности преступлений. То есть, потребуются квалификация хищения денежных средств потерпевшего лица в совокупности с кражей или грабежом смартфона.

В завершении определим основные выводы. Во-первых, отграничение таких составов как мошенничество с использованием ЭСП и кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств должно осуществляться в соответствии со способом совершения преступления. Во-вторых, если имеет место делящееся преступление, а отдельные эпизоды не были доведены до конца, то в таком случае говорить об оконченом преступлении.

Пристатейный библиографический список

1. Долотов Р. О. Момент окончания продолжаемого хищения с конкретизированным умыслом // Журнал российского права. - 2018. - № 11. - С. 121-128.
2. Приговор Московского районного суда г. Калининграда от 24.07.2019 по делу № 1-290/2019 // Архив Московского районного суда г. Калининграда @@ Приговор Московского районного суда г. Калининграда от 14.05.2019 по делу № 1-165/2019 // Архив Московского районного суда г. Калининграда @@ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2019 № 31-УД19-4 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. - 2019. - № 4. - С. 30-35.

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МУСАЕВ Казбек Батырович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин, филиал Дагестанского государственного университета в г. Избербаш

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РАЙОННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДАХ

В статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкивается российская судебная система при внедрении института присяжных заседателей в районных федеральных судах. Анализируются законодательные и практические аспекты, влияющие на эффективность и объективность рассмотрения дел с участием присяжных. Особое внимание уделяется вопросам отбора и подготовки присяжных заседателей, а также их роли в процессе принятия решений. Рассматриваются примеры из судебной практики, иллюстрирующие существующие сложности и предлагаются возможные пути их преодоления для повышения качества правосудия.

Ключевые слова: присяжные заседатели, подсудность, федеральный суд, отвод.

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor, North Caucasian Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MUSAEV Kazbek Batyrovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash

SOME PROBLEMS OF THE RUSSIAN COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS IN DISTRICT FEDERAL COURTS

The article examines the key problems faced by the Russian judicial system when introducing the institution of jurors in district federal courts. The article analyzes the legislative and practical aspects that affect the effectiveness and objectivity of jury trials. Special attention is paid to the selection and training of jurors, as well as their role in the decision-making process. Examples from judicial practice illustrating the existing difficulties are considered and possible ways to overcome them to improve the quality of justice are proposed.

Keywords: jurors, jurisdiction, federal court, recusal.

Институт суда присяжных в России был восстановлен в 1993 году после длительного перерыва. Первоначально суды присяжных были введены только в некоторых регионах и рассматривали дела об особо тяжких преступлениях. В 2018 году в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, согласно которым суды присяжных были введены во всех районных (городских) судах. Таким образом, была расширена подсудность дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей.

Согласно изменениям в УПК РФ, суду присяжных в районных (городских) судах подсудны дела об умышленных убийствах, а также некоторые другие особо тяжкие преступления против личности.

Кандидаты в присяжные заседатели отбираются из общего списка граждан, проживающих на территории, на которую распространяется юрисдикция соответствующего районного (городского) суда. Стороны процесса (обвинение и защита) имеют право на отвод присяжных заседателей. Окончательный состав коллегии присяжных определяется судом.

Таким образом, внедрение суда присяжных в районные (городские) суды является важным шагом в развитии российского правосудия, однако сопряжено с рядом организационных, правовых и кадровых проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Можно выделить следующие особенности рассмотрения суда присяжных в Республике Дагестан:

1. Гаджирамазанова П. К. «Проблемы формирования и деятельности суда присяжных в районных (городских) судах Республики Дагестан» [1]:

– Автор отмечает проблемы с формированием коллегии присяжных заседателей в районных и городских судах Дагестана, связанные с низкой явкой граждан, отводами и самоотводами.

Согласно статье Гаджирамазановой П. К. «Проблемы формирования и деятельности суда присяжных в районных (городских) судах Республики Дагестан», основные проблемы рассмотрения дел судом присяжных в районных судах Дагестана включают:

1. Сложности с формированием коллегии присяжных заседателей:

– Низкая явка граждан, вызванных в суд для участия в качестве присяжных заседателей.

– Большое количество отводов и самоотводов кандидатов в присяжные заседатели.

– Недостаточная правовая грамотность и правосознание граждан.

2. Организационные проблемы:

– Отсутствие специально оборудованных помещений для работы суда присяжных.

– Недостаточное финансирование для обеспечения деятельности суда присяжных.

3. Проблемы, связанные с квалификацией участников процесса:

– Недостаточная подготовленность судей, прокуроров и адвокатов к работе с судом присяжных.

– Сложности в формулировании вопросов, поставленных перед присяжными заседателями.

Рамазанов Т. Б., Миспахов С. А. «Расширение применения института присяжных заседателей и его отражение на практике райгорсудов» [2]:

– Авторы положительно оценивают расширение применения института суда присяжных в Дагестане, отмечая его важность для обеспечения прав и свобод граждан.

– Предлагают дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего деятельность суда присяжных, в том числе в части упрощения процедуры его формирования.

4. Рамазанов Т. Б. «Кризисные проявления в уголовном судопроизводстве России» [3]:

– Автор указывает на кризисные явления в уголовном судопроизводстве России, в том числе в части применения института суда присяжных.

– Предлагает меры по преодолению кризисных явлений, включая совершенствование законодательства и повышение эффективности деятельности суда присяжных.

5. Каммагаджиев Г. М. «Об институте суда присяжных в свете нововведений в Уголовно-процессуальном кодексе России» [4]:

– Автор анализирует нововведения в УПК РФ, касающиеся суда присяжных, и их влияние на практику.

– Отмечает положительные аспекты расширения применения института суда присяжных, но также указывает на проблемы, связанные с его реализацией.

6. Седиров М. А. «Место и значение суда присяжных в современном уголовном процессе России» [5]:

– Автор рассматривает роль и значение суда присяжных в современном уголовном процессе России.

– Отмечает важность института суда присяжных для обеспечения справедливости и независимости правосудия.

Таким образом, авторы в целом положительно оценивают расширение применения института суда присяжных в Республике Дагестан, но при этом указывают на ряд проблем, связанных с его формированием и деятельностью, и предлагают меры по совершенствованию законодательства и практики в данной сфере.

Исходя из анализа статьи Каммагаджиева Г. М. «Об институте суда присяжных в свете нововведений в Уголовно-процессуальном кодексе России», можно выделить следующие рекомендации по совершенствованию института суда присяжных в районных судах:

1. Необходимо повысить правовую грамотность и правосознание граждан, привлекаемых в качестве присяжных заседателей. Для этого предлагается:

– Организовывать специальные обучающие программы и тренинги для присяжных.

– Усилить информационно-разъяснительную работу среди населения о роли и значении суда присяжных.

2. Совершенствовать процедуру формирования коллегии присяжных:

– Упростить процедуру отбора присяжных, сократив количество оснований для их отвода.

– Предусмотреть меры ответственности для граждан, уклоняющихся от исполнения обязанностей присяжного заседателя.

Авторы в целом отмечают как положительные, так и отрицательные аспекты внедрения суда присяжных в районных судах.

К положительным моментам относятся:

– Повышение гарантий защиты прав и свобод граждан при рассмотрении уголовных дел.

– Возможность более объективной оценки доказательств и вынесения справедливого вердикта.

– Повышение правовой культуры и правосознания граждан.

К отрицательным моментам можно отнести:

– Сложности с формированием коллегии присяжных заседателей (низкая явка граждан, большое количество отводов и самоотводов).

– Недостаточная правовая грамотность и правосознание граждан, привлекаемых в качестве присяжных.

– Организационные проблемы (отсутствие специально оборудованных помещений, недостаточное финансирование).

– Недостаточная подготовленность судей, прокуроров и адвокатов к работе с судом присяжных.

Для совершенствования законодательства и практики функционирования суда присяжных в районных судах Дагестана авторы предлагают:

1. Внесение изменений в законодательство, регулирующее порядок формирования коллегии присяжных заседателей, в том числе:

– Упрощение процедуры отбора присяжных.

– Повышение ответственности граждан за неявку в суд.

2. Повышение правовой культуры и правосознания граждан, привлекаемых в качестве присяжных заседателей.

3. Совершенствование материально-технического обеспечения деятельности суда присяжных.

4. Существуют опасения манипулирования присяжными со стороны заинтересованных сторон.

5. Дальнейшее развитие института суда присяжных требует системных изменений в судебной системе России.

6. Увеличить размер компенсаций и социальных гарантий для присяжных заседателей.

Реализация данных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности и качества функционирования института суда присяжных в районных судах.

Пристатейный библиографический список

1. Гаджирамазанова П. К. Проблемы формирования и деятельности суда присяжных в районных (городских) судах Республики Дагестан // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-formirovaniya-i-deyatelnosti-suda-prisyazhnyh-v-rayonnyh-gorodskih-sudah-respubliki-dagestan> (дата обращения: 28.09.2024).
2. Рамазанов Т. Б., Миспахов С. А. Расширение применения института присяжных заседателей и его отражение на практике райгорсудов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenije-primeneniya-instituta-prisyazhnyh-zasedateley-i-ego-otrazhenie-na-praktike-raygorsudov> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Рамазанов Т. Б. Кризисные проявления в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnye-proyavleniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 28.09.2024).
4. Каммагаджиев Г. М. Об институте суда присяжных в свете нововведений в Уголовно-процессуальном кодексе России // Закон и право. – 2019. – № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-institute-suda-prisyazhnyh-v-svete-novovvedenii-v-ugolovno-protsessualnom-kodekse-rossii> (дата обращения: 28.09.2024).
5. Седиров М. А. Место и значение суда присяжных в современном уголовном процессе России // Закон и право. – 2022. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-znachenie-suda-prisyazhnyh-v-sovremennom-ugolovnom-protsessualnom-kodekse-rossii> (дата обращения: 28.09.2024).

БАБЕНКО Светлана Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

СЕМЕНЦОВА Ирина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); доцент кафедры уголовного права и процесса, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону

ТИШКИН Дмитрий Николаевич

кандидат политических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки, Волгодонский филиал, Ростовский юридический институт МВД России

ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются отдельные проблемы применения мер государственной защиты свидетелей. Авторы отмечают, что в настоящее время у правоприменителя отсутствует необходимый комплекс правовых средств, регламентирующих вопросы правовой защиты и обеспечения безопасности лиц, задействованных в уголовном судопроизводстве, особенно свидетелей, чьи показания занимают особое место в системе доказательств. Несогласованность, противоречие и неопределенность формулировки правовых норм, а также наличие иных проблем, негативно влияет на построение системы государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Предложено внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят обеспечить безопасность и эффективную защиту свидетеля в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, государственная защита, участники уголовного судопроизводства, свидетель, меры безопасности, уголовное судопроизводство.

BABENKO Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Rostov Institute (branch), Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

SEMENTSOVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Rostov Institute (branch), Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, Rostov-on-Don branch

TISHKIN Dmitriy Nikolaevich

Ph.D. in political sciences, Deputy Head of Tactical and special training sub-faculty, Volgodonsk branch, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

WITNESS PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article discusses some problems of the application of state witness protection measures. The authors note that currently the law enforcement officer does not have the necessary set of legal means regulating the issues of legal protection and ensuring the safety of persons involved in criminal proceedings, especially witnesses whose testimony occupies a special place in the evidence system. Inconsistency, contradiction and uncertainty in the formulation of legal norms, as well as the presence of other problems, negatively affects the construction of a system of state protection of participants in criminal proceedings. It is proposed to amend the criminal procedure legislation, which will ensure the safety and effective protection of a witness in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, state protection, participants in criminal proceedings, witness, security measures, criminal proceedings.

Вопрос правовой защищенности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, на современном этапе в условиях гуманизации российского законодательства продолжает оставаться дискуссионным, занимая лидирующие позиции в правовой системе отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Обращаясь к части 1 и 2 ст. 6 УПК РФ, отметим, что установленные этой нормой задачи уголовного судопроизводства на практике реализуются не в полном объеме, что в большей степени связано с наличием пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, порождающих проблемы правоприменения. К числу одной из таких проблем следует отнести установление государственной защиты лиц, задействованных в уголовном судопроизводстве, особенно свиде-

телей, чьи показания занимают особое место в системе доказательств.

Одной из причин, когда свидетель отказывается от дачи показаний, уклоняясь от исполнения установленной законом обязанности, является страх перед лицами, совершившими преступление, вызванный отсутствием уверенности на поддержку и защиту со стороны государства.

Так, распространённым явлением зачастую выступает оказание психологического давления, под воздействием которого свидетели отказываются от своих показаний (или изменяют их) в пользу подсудимого (обвиняемого). При этом, санкция ст. 309 УК РФ, являясь чрезмерно мягкой, не способна предотвратить совершение действий, препятствующих получению от свидетелей достоверной информации [1, с. 38-40].

В этом смысле интерес представляет приговор суда, согласно которому Ф. (имевший судимость по ч. 3 ст. 309 УК РФ), за совершение незаконного проникновения в жилище П. и угрозы ее убийством, заставил последнюю [2, с. 101-105], дать ложных показания, признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 309 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы¹. И такой пример, к сожалению, является не единичным.

Показательным является также пример, когда апелляционный суд в отношении Ш. и Н. отменил приговор в части их осуждения по ч. 2 ст. 309 УК РФ. Согласно принятому решению, при рассмотрении дела, судом не установлено наличие фактов высказывания со стороны указанных лиц угроз убийством, телесные повреждения потерпевшей по делу, ими не причинялись. Что же касается действий А. и И., осужденных этим же приговором по ч. 3 названной статьи УК РФ [2, с. 101-105], то по угрозам убийством и применению насилия при принуждении С. к даче ложных показаний, являлись эксцессом исполнителей, не входивших в сговор с другими соучастниками. Отсутствие в действиях Ш. и Н. названных признаков, по мнению апелляционной инстанции, не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, что повлекло прекращение в отношении них уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ².

Обращаясь к статистике, отметим, что судами в 2021 году по ст. 309 УК РФ осуждено 53 человека, и только 18 из них приговорены к реальному отбытию наказания, остальным назначен штраф или обязательные работы³. В этой связи, как нам представляется, законодателю необходимо изменить санкцию ст. 309 УК РФ, предусмотрев более строгое наказание за совершение указанных в ней преступлений.

Законодателю также следует внести изменения в ст. 307 УК РФ, предусмотрев в ней ответственность за лжесвидетельство лиц, к которым применены меры государственной защиты. Этот вид преступления должен характеризоваться существенным усилением наказания для названных лиц. Так, по мнению практических работников давление, которое оказывается на свидетелей в процессе расследования по уголовному делу и их отказ от дачи показаний является одной из причин роста преступлений и их низкой уровень раскрываемости. Подтверждением этому являются данные официальной статистики, согласно которой, за 10 месяцев 2022 года остались не раскрытыми более 700 тыс. преступлений, из которых по причине неустановления лица, совершившего преступление, нераскрыто 122 убийства и покушения на убийство, 4,1 тыс. грабежей и 176 разбойных нападений⁴.

Установленное уголовно-процессуальным законом обязательное соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права [3, с. 165-171] позволяет отметить, что безусловной заслугой законодателя является закрепление в

нормах УПК РФ наряду с другими, такого принципа как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Казалось бы, участвующим в деле лицам, которые оказывают содействие правоохранительным органам в осуществлении уголовного преследования, гарантируется защита от противоправных посягательств.

Вместе с тем, меры безопасности перечень которых приведен законодателем в ст. 11 УПК РФ не является исчерпывающим. Поводом для таких выводов является указание в ч. 3 названной статьи на возможность применения так называемых «иных» мер безопасности защиты свидетелей, предусмотренных законодательством РФ. Но о каких именно иных мерах безопасности идет речь, законодателем не конкретизировано. В связи с такой расплывчатой формулировкой неясным также остается вопрос о механизме реализации эти «иных» мер безопасности, как в прочем и о том, кто и в каких пределах уполномочен осуществлять их реализацию.

До настоящего времени также неясным остается вопрос относительно обеспечения мер безопасности, предусматриваемой в ч. 5 ст. 278 УПК право суда при необходимости провести допрос свидетеля без оглашения подлинных данных его личности в условиях, исключающих его визуальное наблюдение участниками судебного разбирательства. Что ж, почти безупречно, но это только на первый взгляд, поскольку анализ этой нормы свидетельствует о том, что ее применение вряд ли способно обеспечить выполнение функции защиты. Указанные сомнения вполне объяснимы, поскольку законодатель не принял во внимание, что данные о личности отражены в протоколе судебного заседания, с которым в соответствии со ст. 259 УПК РФ, можно ознакомиться по окончании судебного разбирательства.

Кроме того, исходя из содержания ч. 3 ст. 11 УПК РФ, меры по безопасности будут применяться только при наличии достаточных данных к их применению. В свою очередь, Закон № 119-ФЗ⁵ выделяет критерий реальности угрозы, который интерпретируется как объективно существующий акт, выразившийся в действии, которое подпадает под запрет уголовного закона, что на наш взгляд, представляется нецелесообразным, поскольку УПК РФ и принимаемые на его основе акты, должны реализовывать установленные УК РФ задачи по осуществлению уголовного правосудия, а стало быть, основанием к применению мер по защите должно являться наличие реальной, а не мнимой угрозы нарушения прав и свобод свидетеля, проявившийся в совершении какого-либо противоправного деяния и наступлении общественно опасных последствий.

Препятствием для реализации мер защиты является отсутствие четкой правовой регламентации применения не только норм федерального законодательства, но и государственной программы по защите свидетелей⁶. В частности, когда, например, речь идет о перемене места жительства свидетелей, замене паспортных и иных данных, о корректировке внешности свидетеля и др., вряд ли применимы, поскольку,

1 Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 10.11.2021 по делу № 1-384/2021 // Документ опубликован не был. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/7c3BQYBoDsLC/> (дата обращения: 14.10.2024).

2 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04 марта 2015 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения: 14.10.2024).

3 Судебная статистика / Документ опубликован не был. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=m2opgbw48m978161493> (дата обращения: 25.10.2024).

4 Краткая характеристика состояния преступности в России за январь-октябрь 2022 года / МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/33913311?ysclid=m2opawd3qr650068296> (дата обращения: 25.10.2024).

5 Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. – 23.08.2004. – № 34. – Ст. 3534.

6 Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024 – 2028 годы» утв. постановлением Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 // Собрание законодательства РФ. – 18.09.2023. – № 38. – Ст. 6901.

во-первых, подобного рода специальные меры защиты не предусмотрены в смежных отраслях права, что предполагает необходимость внести соответствующие корректировки, в частности, в налоговое, жилищное, семейное, трудовое законодательство.

Особую актуальность вопросы защиты свидетелей приобрели в связи с ростом транснациональной преступности. Как справедливо отмечает ряд авторов, по уголовным делам о преступлениях, совершаемых организованными группами, зачастую защищаемыми лицами становятся как раз таки сами преступники, согласившиеся сотрудничать со следствием, руководствуясь при этом исключительно меркантильными интересами, рассчитывая на смягчение наказания [4, с. 162-171], а не стремлением содействовать осуществлению правосудия. Между тем, до настоящего времени в законодательстве отсутствуют четкие критерии отбора кандидатов на участие в программе защиты свидетелей, что позволяет последним нарушать действующее законодательство.

В целях совершенствования механизма уголовного судопроизводства, по нашему мнению, также необходимо выработать четкую систему нормативного правового регулирования [5, с.132-138], исключающую возможность утечки информации о защищаемых лицах из коррупционной и иной личной корыстной заинтересованности и (или) заинтересованности в пользу третьих лиц, что предполагает корректировку ст. 311 УК РФ, в которой с учетом наличия в деянии коррупционной составляющей, следует предусмотреть санкции, усиливающие наказание за совершение указанных преступлений. Аналогичным образом необходимо откорректировать и ст. 17.13 КоАП РФ.

Действенной мерой противодействия коррупционным проявлениям в указанной сфере на досудебной стадии уголовного судопроизводства будет являться принятие решения о включении в программу защиты свидетелей именно судом, который, как нам представляется, должен будет рассматривать мотивированное ходатайство органов предварительного расследования, после его согласования прокурором.

Реализация предлагаемых нами предложений безусловно требует от законодателя откорректировать ст. 37 УПК РФ, предусмотрев в пункт 5.2 ч. 2 наделение прокурора полномочиями рассматривать ходатайства о включении в программу защиты свидетелей и принимать процессуальные решения по результатам его рассмотрения. Во избежание противоречий правовых норм в вышеуказанной сфере, аналогичные корректировки необходимо внести также в ст. 29 УПК и в часть 1 ст. 30 Закона о прокуратуре.

В рамках исследуемой темы полагаем необходимым также отметить, что в ряде случаев, законодательная неопределенность приводит к ошибкам со стороны правоприменителей.

Определенный интерес в этой связи вызывает уголовное дело, приговор по которому отменен, дело направлено на новое рассмотрение. Так, при рассмотрении уголовного дела суд огласил показания свидетеля, в отношении которого были приняты меры безопасности. Согласно материалам дела вопреки требованиям ч. ч. 2 и 5 ст. 278 УПК, перед оглашением показаний свидетеля суд первой инстанции не убедился в наличии постановления следователя и в его соответствии требованиям УПК, как и не убедился в том, удостоверяется ли следователем личность свидетеля, имеется ли в постановлении образец его подписи, а также в том, соответ-

ствует ли этот образец подписи в протоколе допроса, который был оглашен судом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)⁷.

Таким образом, как показывает правоприменительная практика становится вполне очевидным, что принятое по уголовному делу судебное решение (обвинительный приговор) еще не является гарантом дальнейшей безопасности свидетеля обеспечение защиты, которого, как нам представляется, возможно, в том числе с учетом предложений, выдвинутых в рамках нашего исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Дометеев В. Ответственность за заведомо ложные показания свидетелей // Законность. – 2006. – № 6 (860). – С. 38-40.
 2. Епихин А. Ю. Межотраслевые проблемы квалификации подкупа, принуждения к даче показаний или уклонения от дачи показаний либо к неправильно-му переводу (ст. 309 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 101-105.
 3. Крапивко А. А., Бабенко С. В. Проблемы розыска без вести пропавших лиц и установления личности неопознанных трупов // Сборник научных трудов Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) / Под. ред. канд. юрид. наук, проф. Магомедова Б. М.; канд. юрид. наук, доц. Вакула А. И. // Изд-во Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2021. – Т. 13. – С. 165-171.
 4. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. Сколько стоит жить под псевдонимом: критический взгляд на программу защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 162-171.
 5. Бабенко С. В., Гишкин Д. Н. Стратегия развития современной уголовно-правовой политики России в сфере противодействия коррупции: вопросы правоприменения // Философия права. – 2022. – № 1 (100). – С. 132-138.
7. Постановление Президиума Тульского областного суда от 27 января 2015 г. по делу № 4У-2054/2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitr.garant.ru> @@ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 31.08.2021 № 22-2545/2021 по делу № 1-314/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vs--krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2024).

БАРАНОВА Екатерина Павловна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Псковский филиал, Университет ФСИИ России

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ ИМИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Статья посвящена особенностям организации трудовой деятельности осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Автором проведена сравнительная характеристика нескольких периодов становления пенитенциарного законодательства, с 30-х годов 20 века до настоящего времени. Выявлены проблемные вопросы рассматриваемого правового института, предложены пути решения.

Ключевые слова: исправление осужденных, организация труда в исправительных учреждениях, цели привлечения к осужденным к труду, труд осужденных женщин в пенитенциарных учреждениях, пробелы уголовно-исполнительного законодательства.

BARANOVA Ekaterina Pavlovna

lecturer of Civil law disciplines sub-faculty, Pskov branch, University of the FPS of Russia

Баранова Е. П.

ORGANIZATION OF THE LABOR ACTIVITY OF CONVICTED WOMEN DURING THE PERIOD OF THEIR IMPRISONMENT

The article is devoted to the peculiarities of the organization of labor activity of convicted women serving a sentence of imprisonment. The author has carried out a comparative characteristic of several periods of the formation of penitentiary legislation, from the 30s of the 20th century to the present. The problematic issues of the legal institution under consideration have been identified, and solutions have been proposed.

Keywords: correction of convicts, organization of labor in correctional institutions, the purpose of bringing convicts to work, the work of convicted women in penitentiary institutions, gaps in penal enforcement legislation.

Согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ), исправление осужденных – это формирование уважительного отношения к человечеству, обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения¹. Рассматривая организацию труда осужденных в целом, мы уделим особое внимание осужденным женщинам.

Трудоустройство женщин в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы преследует следующие цели:

Обучение правилам, установленным в социуме, выработку стремления заниматься общественно полезной деятельностью.

Как писал выдающийся педагог К. Д. Ушинский, «воспитание гражданина в труде и через труд определяет его нравственный подход в жизни: жизнь без труда – жизнь паразитическая, лишаящая человека элементарного достоинства» [1].

Предотвращение совершения новых и повторных преступлений в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

Возмещение, хотя бы частичное, расходов, понесённых государством на содержание осужденных.

Обучение новым навыкам. Осужденные женщины имеют возможность реализоваться в различных сферах, чаще всего, в легкой промышленности, пройдя обучение на швею, повара, фасовщика и т.д.

Обучение работе в коллективе, при котором можно видеть как индивидуальный результат труда, так и общий трудовой итог.

Статьей 113 УИК РФ предусмотрены следующие меры поощрения для осужденных, зарекомендовавших себя с по-

ложительной стороны: благодарность, денежная премия, награждение подарком и др.

В правовой литературе иногда встречается мнение, что цели уголовно-исполнительного законодательства противоречат одной из конституционных норм. Так, ст. 37 Конституции Российской Федерации закрепляет тезис о том, что труд свободен, а принудительный труд запрещён². Никто не может быть лишен основных гражданских прав, и осужденные не являются исключением. Идея о труде по отношению к ним применяется как обязанность, а не право. По нашему мнению, это вполне справедливо, ведь лицо, которому по приговору суда назначена мера уголовной ответственности, получает иной статус как субъект правоотношений, закрепленный специальным термином «осужденный».

Отсутствие законодательного закрепления на уровне Конституции обязанности осужденных трудиться привело к тому, что ряд исследователей [2], [3] рассматривают обязанность трудиться как принуждение и чуть ли не приравнивают его к наказанию. На наш взгляд, это не совсем корректно, так как труд не входит в перечень мер уголовного наказания, реализуемым по отношению к осужденным в местах лишения свободы, а значит, мерой наказания считаться не может. Исключением являются обязательные и принудительные работы как мера воздействия (ст. УК РФ)³. Но они не применяются к лицам, лишённым свободы, а значит, в данном случае ссылаться на них было бы безосновательно.

Ряд правоведов в корне не согласны с рассмотрением труда как меры принуждения. Так, Нурбаев М. С. в научной

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024).

1 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020, с изм. и доп. от 13.06.2023).

статье «Труд осужденных в местах лишения свободы: право или обязанность?», проанализировав отечественные и международные нормы о порядке отправления наказания в виде лишения свободы, высказал согласие с мнением Емельяновой Е. В. о том, что обязанность осужденных трудиться не противоречит ни Конституции Российской Федерации, ни международным нормам, принципам, стандартам, правилам [4], [5].

Стоит отметить, что в советский период отечественной юриспруденции труд осужденных был неотъемлемой частью наказания. Принудительный труд начал применяться после выхода в июле 1929 года постановления Совета народных комиссаров «Об использовании труда уголовно-заключенных». Пять лет спустя система лагерей получила свою всемирно известную аббревиатуру — ГУЛАГ [6].

На сегодняшний день наиболее распространенным вариантом труда в женских колониях является лёгкая промышленность, в частности, швейное производство. Что касается периода ГУЛАГов, то в таких учреждениях женщины не только шили одежду, валяли валенки, но также были задействованы на строительстве электростанций, каналов, рубке леса, работали в шахтах и на тяжелом производстве [там же, с. 4].

Радзиловская Ф. Н. и Орестова Л. П., в своих воспоминаниях о Мальцевском трудовом лагере отмечали, что качество еды было настолько низким, что принимать пищу было практически невозможно. Да и поддерживать силы с таким скудным рационом не представлялось возможным [7].

Женщина всегда являлась объектом повышенного внимания со стороны мужского пола. По свидетельствам тех же Радзиловской Ф. Н. и Орестовой Л. П. «многие каторжанки приходили с этапа в место заключения уже будучи беременными» [там же, с. 36].

Хотя беременность в условиях лагеря считалась скорее удачей. Правила содержания в ГУЛАГах предусматривали отдельные нормы для беременных. По ним женщине, ожидающей ребёнка, был положен повышенный рацион питания, а также щадящий трудовой режим со сбалансированными периодами отдыха.

Система ГУЛАГов с 1956 года прекратила своё существование. Преемником стали исправительно-трудовые учреждения. С учетом всех подвидов исправительных учреждений в советский период функционировало практически пятьдесят категорий учреждений для отбывания наказания в виде лишения свободы [8, с. 743].

Советская пенитенциарная система планомерно шла по пути «наказание (изоляция) + труд = исправление». В обществе существовал тезис о том, что нет лучшего способа исправить советского гражданина, чем общественно полезный труд. К 1968 году в колониях отбывали наказание 99,7 процента всех осужденных к лишению свободы [6].

Условия отбывания наказания и труда в новых учреждениях были лояльнее, чем в ГУЛАГах. После принятия в 1969 Основ исправительно-трудового законодательства во всех союзных республиках были приняты новые Исправительно-трудовые кодексы. Согласно ст. 37 Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 18.12.1970 (далее – ИТК РСФСР), труд не был обязательным для женщин, у которых в домах ребёнка, организованных на базе исправительных учреждений, находились дети. И конечно, учитывалось состояние беременности - на сроке свыше четырёх месяцев выход на работу был добровольным.

Труд осужденных был оплачиваемым. Согласно статье 40 ИТК РСФСР, из ежемесячного заработка производились удержания стоимости питания, комплекта одежды и обуви, белья. Помимо бытовых расходов, производились удержания по исполнительным листам и иным исполнительным документам. В статью расходов не включалась спецодежда, а также спецпитание. Стоит отметить, что несовершеннолетним, инвалидам 1 и 2 групп, а также беременным женщинам

на сроке свыше четырёх месяцев комплекты одежды и обуви выдавались бесплатно.

В результате перехода от ГУЛАГов к исправительно-трудовым учреждениям и набирающей популярность тенденции к гуманизации существенно изменились условия содержания осужденных.

Трудовая деятельность строилась на основе требований трудового законодательства. Так, максимальная продолжительность рабочего дня не должна была превышать восьми часов. Каждый осужденный имел право на еженедельный выходной день. Кроме того, на лиц, отбывающих наказание, распространялись государственные праздничные выходные.

Политические, экономические реформы 90-х годов 20 века, смена общественной идеологии требовали нового подхода, что сказалось и на тенденциях уголовно-исполнительного законодательства. Вместо ИТК РСФСР с 1 июля 1997 года вступил в силу УИК РФ. Соответственно, вместо исправительно-трудовых учреждений осужденные к лишению свободы стали направляться для отбывания наказания в исправительные и воспитательные колонии.

Перечень применяемых в отношении осужденных средств исправления претерпел некоторые изменения.

Новым средством стало общественное воздействие, применение которого вызывает немало вопросов. Трудности реализации связаны с тем, что отсутствует четкая регламентация, кто именно и как должен воздействовать на осужденных.

В данном случае мы согласны с мнением Малолеткиной Н. С. о том, что общественное воздействие является по своей природе одним из самых всеобъемлющих средств, которое имеет широкий спектр применения к осужденным в контексте их исправления. Но при этом данный институт недостаточно изучен в юридической литературе [9].

Можно сделать вывод о том, что вносимые в законодательство изменения не затронули общественный труд – он по-прежнему остается одним из основных средств исправления. Мы поддерживаем идею обязательности труда для осужденных. Как показали результаты проведенного исследования, большинство осужденных женщин не имеют высшего образования, далеко не все из них имели стабильную работу до осуждения [10]. Получив знания и профессиональные навыки, женщины имеют больше шансов трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы.

Перемолотова Л. Ю. и Черноярва И. М. в своем исследовании об особенностях женского труда в исправительных учреждениях выявили такую проблему, как низкая трудовая мотивация осужденных женщин. По общему правилу, вакантные рабочие места заполняются сначала теми осужденными, которые имеют долги по исполнительным документам. Затем трудоустраиваются остальные. И по факту получаются, что те лица, которых обеспечили работой, далеко не всегда в ней заинтересованы. Чтобы избежать необходимости трудиться, используются разные методы: симуляция плохого самочувствия, изготовление бракованных изделий, провоцирование конфликтов на производстве и т.д. [1, с. 118].

Как реагировать на подобное поведение? На наш взгляд, к наиболее эффективным методам относится материальное наказание - дисциплинарный штраф (хотя думается, верхний его предел стоит изменить в сторону увеличения, до 5000 тысяч рублей), а также перевод нарушительниц режима в условия еще большей изоляции - помещение камерного типа. Данные меры закреплены в ст. 115 УИК РФ.

Отметим, что отпуск, положенный осужденным женщинам по действующему законодательству, имеет аналогичную продолжительность со сроком, действовавшим в период существования исправительно-трудовых учреждений: 12 рабочих дней для лиц, содержащихся в исправительных колониях и 18 рабочих дней для осужденных в воспитательных колониях.

У женщин, имеющих ребенка, который находится в доме ребенка при исправительной колонии остается право на 15 суток, выделяемых для сопровождения малыша из дома ребенка к родственникам или в детский дом. При наличии ребенка младше четырнадцати лет, осужденная мать имеет право на два выезда в год для встречи с ним, продолжительностью до десяти суток каждый. А если ребенок является инвалидом, то таких выездов в течение года может быть до четырех, продолжительностью до пятнадцати суток (ч. 2 ст. 97 УИК РФ).

Отметим, что согласно ст. 9 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»⁴, помощь в организации жизни после освобождения из мест лишения свободы будет возложена на компетентные органы и соответствующих должностных лиц, а значит, решать в одиночку проблемы, связанные с организацией быта и трудоустройством, осужденным уже не придется. К сожалению, обозначенный федеральный закон не имеет положений, посвященных особенностям пробации несовершеннолетних женского пола и женщин, имеющих несовершеннолетних детей, что, на наш взгляд, является явным упущением в силу особого статуса данных категорий осужденных.

Да и в целом, информация о порядке отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, в том числе, регламентация их трудовой деятельности не вынесена в отдельный раздел, а включена в текст имеющихся статей в виде уточнений. Такое положение вещей не раз подвергалось критике. Так, например, мы согласны с мнением Самойловой А. А. о том, что учет физиологических особенностей, сказывающихся, в том числе, на режиме трудовой деятельности, особые меры воспитательного воздействия, а также иной режим отбывания наказания беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, находящихся в домах ребенка при исправительном учреждении, должны быть предусмотрены для удобства в отдельной главе и распространяться только на женщин [11].

С учетом того, что уголовно-исполнительное законодательство не статично и совершенствуется, предполагаем, что в перспективе данная недоработка имеет шансы к законодательному рассмотрению для повышения эффективности реализации соответствующих норм. Как и упущение по поводу не отражения особого статуса «осужденный» в Конституции РФ, что провоцирует дебаты не только по поводу обязательности привлечения осужденных к труду, но и по иным вопросам.

Также отметим важность законодательной детализации пробационных мероприятий применительно к осужденным женщинам.

Пристатейный библиографический список

1. Перемолотова Л. Ю, Черноярова И. М. Особенности организации труда женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник СурГУ. 2023. № 4 (42). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-truda-zhenschin-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 09.08.2024).
2. Шаповалова Д. А. Правовое регулирование труда осужденных // Science Time. 2015. № 3 (15). С. 627-630. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-truda-osuzhdennyh> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Хильман Д. В. Правовые особенности труда осужденных // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3 (16). С. 38-44. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-truda-osuzhdennyh> (дата обращения: 09.08.2024).

4. Нурбаев М. С. Труд осужденных в местах лишения свободы: право или обязанность? // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-osuzhdennyh-v-mestah-lisheniya-svobody-pravo-ili-obyazannost> (дата обращения: 09.08.2024).
5. Емельянова Е. В. К вопросу о праве государства использовать труд осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prave-gosudarstva-ispolzovat-trud-osuzhdennyh> (дата обращения: 09.08.2024).
6. Тюрьма и кормилица Женщины на каторге и в колонии: со времен Ивана Грозного до «перестройки». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2013/09/27/gulag/?ysclid=lvgib2or5k699065672> (дата обращения: 09.08.2024).
7. Радзиловская Ф. Н., Орестова Л. П. Мальцевская женская каторга 1907-1911 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 10.
8. Савушкин С. М. О видах исправительных учреждений // Пенитенциарная наука. 2021. № 4. С. 742-752. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vidah-ispravitelnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 09.08.2024).
9. Малолеткина Н. С. Общественное воздействие в перечне основных средств исправления осужденных: некоторые вопросы // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennoe-vozdeystvie-v-perechne-osnovnyh-sredstv-ispravleniya-osuzhdennyh> (дата обращения: 09.08.2024).
10. Шеманюк М. С. Факторы, влияющие на рецидивную женскую преступность // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/2-128-2023-february/10.23670/IRJ.2023.128.67> (дата обращения: 12.08.2024). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.128.67
11. Самойлова А. А. К вопросу о правовой регламентации условий и правил отбывания наказания в исправительных колониях для осужденных женщин // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2. С. 56-62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-reglamentatsii-uslovii-pravil-otbyvaniya-nakazaniya-v-ispravitelnyh-koloniayah-dlya-osuzhdennyh-zhenschin> (дата обращения: 09.08.2024).

⁴ Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024).

БЕЛОЗЕРОВА Ирина Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; профессор кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), г. Москва

МОРДВИНЦЕВА Надежда Сергеевна

студент бакалавриата кафедры уголовно-процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), г. Москва

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (период японской оккупации – начало 21 века)

Ни для кого не секрет, что современное состояние права требует определенных доработок практически по всем отраслям, не является исключением и уголовно-процессуальное право. Вместе с тем, следует отметить, что для полного и всестороннего исследования проблемы, какой бы она ни была, целесообразно вернуться к истокам, а точнее, к истории исследуемого понятия, предмета или отрасли. Уголовно-процессуальное право весьма успешно развивается на мировой арене, появляются новые институты, реформируются уже действующие. Однако, невозможно добиться хорошего результата без учета исторического анализа как в отечественном уголовно-процессуальном праве, так и зарубежном. В последнее время наметилась тенденция в исследовании уголовно-процессуального права стран Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, не является исключением и Республика Корея. Уголовно-процессуальное право Республики Корея интересно ввиду того, что в нем нашли отражение особенности различных периодов становления этого государства. В зависимости от того или иного исторического периода, в уголовный процесс Республики Корея имплементировалось законодательство не только различных правовых систем, но и законодательство отдельных стран. В этой связи, авторы решили обратить внимание на влияние правовой системы Японии на уголовно-процессуальное право Республики Корея времен Японской оккупации и до первого десятилетия 21 века.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право Республики Корея, эпоха японской оккупации, отдельные правовые институты, развитие уголовного процесса в странах Африки, Азии, Латинской Америки.

BELOZEROVA Irina Ivanovna

Ph.D., associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; professor of Procedural law sub-faculty, All-Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), Moscow

MORDVINTSEVA Nadezhda Sergeevna

student-bachelor of Criminal procedure law sub-faculty, All-Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), Moscow

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KOREA (THE PERIOD OF JAPANESE OCCUPATION - THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

That is not the secret that the current state of law requires certain improvements in almost all branches, and criminal procedure law is no exception. At the same time, it should be noted that for a complete and comprehensive study of the problem, whatever it may be, it is advisable to return to the origins, or rather, to the history of the concept, subject or industry under study. Criminal procedure law is developing very successfully on the world stage, new institutions are emerging, existing ones are being reformed. However, it is impossible to achieve a good result without taking into account historical analysis in both domestic and foreign criminal procedure law. Recently, there has been a trend in the study of criminal procedure law in Africa, Asia, the Middle East, Latin America, and the Republic of Korea is no exception. The criminal procedure law of the Republic of Korea is interesting due to the fact that it reflects the peculiarities of various periods of the formation of this state. Depending on a particular historical period, the legislation of not only various legal systems, but also the legislation of individual countries was implemented in the criminal process of the Republic of Korea. In this regard, the authors decided to pay attention to the influence of the Japanese legal system on the criminal procedure law of the Republic of Korea during the Japanese occupation and up to the first decade of the 21st century.

Keywords: criminal procedure law of the Republic of Korea, the era of the Japanese occupation, individual legal institutions, the development of criminal procedure in Africa, Asia, Latin America.

Введение

Актуальность темы. История развития уголовно-процессуального законодательства Республики Корея представляет собой важный аспект изучения правовой системы страны, которая претерпела значительные изменения на

протяжении последних десятилетий. В условиях глобализации и интеграции правовых норм, анализ эволюции уголовно-процессуальных норм в Корее становится особенно актуальным, так как это позволяет выявить как уникальные

Белозерова И. И.

Мордвинцева Н. С.

черты, так и общие тенденции, характерные для стран с развивающимися правовыми системами.

Цель работы. Целью данной работы является анализ истории развития уголовно-процессуального законодательства страны в контексте изменений уголовно-процессуального кодекса Республики Корея (далее – УПК РК) и с акцентом на ключевые этапы, изменения и влияние различных факторов на формирование правовых норм.

Задачи работы: сравнение редакций уголовно-процессуального законодательства Республики Корея; исследование влияния исторических и политических факторов на формирование уголовно-процессуальных норм; оценка тенденций и изменений в уголовно-процессуальном праве Республики Корея; выявление недостатков и пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Корея.

Методология исследования. Методология исследования будет основана на использовании историко-правового, сравнительно-правового и системного подходов. Это позволит глубже понять эволюцию уголовно-процессуального законодательства и его место в контексте международных правовых норм.

Теоретическая значимость исследования заключается в восполнении пробелов в научных знаниях о законодательстве стран Восточной Азии, в частности, Южной Кореи, в России. Исследование может стать основой для дальнейших научных работ и дискуссий в области уголовного права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно предоставляет глубокое понимание уголовно-процессуального законодательства Республики Корея, что может быть полезно как для правоведов, так и для практикующих юристов. Результаты работы могут служить основой для повышения квалификации специалистов в области международного права. Кроме того, исследование может способствовать углублению сотрудничества в области правоприменения и правового обучения.

Основная часть

Говоря о становлении современной системы уголовно-процессуального законодательства Республики Корея, следует отметить, что развитие уголовно-процессуального права имело достаточно большую историю. В частности, в период с 1910 по 1945 гг. Корейский полуостров (ныне Республика Корея и Корейская Народная Демократическая Республика) находился под японской оккупацией, то есть был в подчинении Японии и имел особый статус. В то время Корея не имела суверенитета и управлялась генерал-губернатором, назначаемым из Токио. Во время оккупации не существовало современного разделения между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти Корейского полуострова. Вся власть находилась в руках генерал-губернатора, которому Япония делегировала исполнительные и законодательные полномочия. В основе уголовно-исполнительных законов того времени лежало японское право. Генерал-губернатор осуществлял свои правотворческие полномочия через издание специальных постановлений – 제령 (черён), которые регулировали различные сферы жизни колониальной Кореи [1]. Что касается уголовно-процессуального закона, то Постановление об Уголовном кодексе Кореи (조선형사령 Чосон Хёнса-рён) было обнародовано 11-м указом генерал-губернатора 18 марта 1912 года и вступило в силу 1 апреля того же года. Этот указ был основан на статьях уголовного и уголовно-процессуального права, которые соответствовали действующим японским уголовным и уголовно-процессуальным кодексам того времени. Статьи, касающиеся уголовного процесса, были переписаны с японского УПК 1890 г., в основном составленному по французскому образцу Закона об уголовной процедуре 1880 г. Также указ частично отражал положения германского права. Этот Указ был основным источником уголовного и уголовно-процессуального права весь

колониальный период Кореи, а также действовал длительное время после обретения независимости во время власти американского правительства. После освобождения от японской оккупации под влиянием США в 1945 году Корея была разделена на советскую и американскую сферы влияния по соглашению. Американское военное правительство, которое было специально создано для этой цели, удерживало власть над страной в течение трех лет. 15 августа 1948 года была провозглашена Первая Республика Корея под руководством проамериканского президента Ли Сын Мана. До 1954 года правовая основа как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства по-прежнему основывалась на японских законах колониального периода и новшествах, заимствованных из американского права. Однако стоит отметить, что параллельно с этим постепенно формировались и развивались собственные правовые нормы [3]. В результате всех изменений и эволюции национального законодательства в 1954 году был принят Закон об уголовном процессе Республики Корея, введённый приказом № 341 и вступивший в силу 23 сентября того же года¹.

Принятие Закона об уголовном процессе Республики Корея было направлено на юридическое закрепление процесса расследования и судебного разбирательства по различным преступлениям и обеспечение прав лиц, совершивших противоправные деяния. Следует отметить, что отнесение уголовно-процессуального законодательства Кореи к той или иной правовой семье до сих пор еще остаётся под вопросом, так как оно подверглось влиянию одновременно романо-германской правовой семьи, в результате включения в УПК РК 1954 года статей японского УПК, которое в свою очередь было сформировано под влиянием французского и германского кодексов, и англо-саксонской правовой семьи (через принятие части норм американского права). После военного переворота в 1961 году в Корее была принята новая редакция Закона об уголовном процессе, введённая приказом № 705². Добавились новые положения, например, теперь закон позволял стенографировать или записывать вопросы и ответы во время судебного разбирательства. Так, новый закон о прокуроре, обязывал проверять место задержания подозреваемого не реже одного раза в месяц для расследования возможности незаконного задержания. Существенные изменения коснулись процедуры обжалования, Высшей судебной инстанцией признавался Верховный суд РК. В условиях авторитарного режима, установленного после военного переворота 16 мая 1961 года, демократия в Южной Кореи носила формальный характер. Власти прибегали к незаконным актам, которые затрагивали и уголовный процесс, включая применение пыток с использованием воды и электричества, а также незаконные задержания и аресты. Количество нарушений было огромным и не поддавалось разумному толкованию [4]. Далее следует указать на тот факт, что не прошло и двух лет как снова вносятся поправки в законодательство об уголовном процессе. Редакция процессуального кодекса 1963 года³ определила своей целью корректировку причин обжалования и самой апелляционной жалобы. В 1972 году была принята новая Конституция Четвёртой Республики Корея, названная конституцией Юсин. После обнародования новой Конституции необходимо было пересмотреть положения уголовно-процессуальных отношений, регулируемых старой Конституцией, и тем самым компенсировать противоречия и нестыковки, обнаруженные в результате применения действующего закона. Так в 1973 году два раза вносились поправки в Закон об Уголовном

1 형사소송법 [시행 1954. 5. 30.] [법률 제341호, 1954. 9. 23., 제정].

2 형사소송법 [시행 1961. 9. 1.] [법률 제705호, 1961. 9. 1., 일부개정].

3 형사소송법 [시행 1963. 12. 17.] [법률 제1500호, 1963. 12. 13., 일부개정].

процессе: 2 января⁴ и 20 декабря⁵. Январской редакцией был отменён принцип проверки законности задержания подозреваемого «구속 적부 심사», впервые введённый в 1948 году американским правительством путём принятия их из Хабеас Корпус. Были установлены правила передачи дел между судами общей юрисдикции, военным трибуналом, прокуратурой и военной прокуратурой, упростились требования к срочному задержанию лиц, совершивших «금고 이상의 죄» – все преступления, минимальное наказание за которые было заключением под стражу, а также был определен перечень наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления. На основании таких нововведений прокурор теперь мог заявить судье о допросе свидетеля до начала первого слушания. Декабрьской поправкой были изменены всего два положения: сроки тюремного заключения, при которых возможно досрочное освобождение, а также дополнился перечень случаев, при которых допускалось срочное задержание без ордена на арест при определённых условиях. В 1980 году Конституция была в очередной раз пересмотрена, что также повлекло изменения в уголовно-процессуальном законодательстве. В редакции УПК 1980 г.⁶ восстанавливается принцип проверки законности задержания, отменённый редакцией 1973 года. Впервые в уголовно-процессуальном законодательстве КР появляется упоминание о презумпции невиновности. Данная презумпция была утверждена в статье 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 года. Корея признавала данный принцип как естественный и он нашел закрепление в Уголовно-процессуальном законе от 18 декабря того же года. Однако, данные поправки все равно не улучшили положение политического режима страны и политические настроения граждан. Произвол власти в области уголовного процесса все также активно применялся, что можно проследить на примере следующих дел 1980 годов. Приверженцы президента Ким Дэ Чжуна, политического диссидента, были жестоко избиты при задержании под обвинением в предполагаемом заговоре с целью свержения власти в 1980 году. А в 1987 году профессор Квон Ин Сук, активист рабочего движения, стал жертвой сексуального насилия со стороны полицейского при его аресте [4]. Далее в 1987 году разгорается Июньское Демократическое движение в Корее. Причинами стало недовольство населения непрямыми президентскими выборами, когда 10 июня президент военного режима Чон Ду Хван сообщил о своем решении назначить Ро Дэ У в качестве своего преемника на посту президента страны. На этой почве произошло множество волнений, некоторые из которых закончились смертью для активистов, примером такого волнения может послужить восстание в Кванджу 1980 года. Толпы студенческих активистов в то время выступали за пересмотр Конституции и демократизацию страны. Одним из них был Пак Чон Чхоль. Власти задержали студента, пытаясь выведать у него информацию о местонахождении других активистов, но он отказывался отвечать на вопросы, после чего его стали пытать водой, а в 14 января 1987 года студент ушёл из жизни⁷. Это был далеко не единственный случай смерти активистов в результате произвола действия властей. После всех этих событий правительство провело новые выборы и демократические

реформы, которые привели к созданию Шестой республики, нынешнего режима в Республике Корея.

Период шестой республики

Новая Конституция 1987 г.⁸ существенно повлияла на уголовный процесс, пункты 1 и 3 статьи 12 Конституции прямо закрепляли принцип надлежащей правовой процедуры в уголовном судопроизводстве. По мнению Конституционного суда, принцип заключается в том, чтобы «обеспечить не только законность процедуры, но и ее легитимность»⁹. Билль о правах Конституции 1987 года включал строгие требования для получения судебных постановлений о применении принудительных мер, право не подвергаться пыткам, право на адвоката, право быть проинформированным о причине ареста или задержания, право на справедливое судебное разбирательство, право на компенсацию и т.д. Суммируя все нововведения в Конституции 1987 г., можно выявить стремление власти гарантировать все те права, которые были номинальными при авторитарном режиме, а соответственно, неоднократно нарушались до этого. С этого момента законодательство РК пошло на путь «конституционализации уголовного процесса». УПК был пересмотрен в 1988¹⁰ и в 1995 году он пересматривался 2 раза¹¹. Последней редакцией на тот момент была демократизирована процедура ареста и система содержания под стражей. Вводит система «ордеров на арест». Это направлено на прекращение незаконной практики обхода системы «ордеров на арест», когда полиция имеет «некие основания» полагать, что подозреваемый совершил преступление, и не сотрудничает с запросами следователей. Теперь власти не могут арестовать подозреваемого без ордера, выданного судьей. Уголовно-процессуальный кодекс также вводит обычный «ордер на задержание» как для подозреваемых, так и для обвиняемых, который требует более строгих условий и имеет более длительный срок действия по сравнению с ранее уже упомянутым «ордером на арест». Судьи выдают такие ордера по запросу прокуроров, если подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства или если имеются «достаточные основания» полагать, что он может уничтожить доказательства или попытаться скрыться. Также была введена норма, согласно которой задержанный подозреваемый должен быть освобожден полицией, если его/ее не передадут прокурору в течение десяти дней. Не менее важным будет упоминание о нововведении в праве, которое предоставляет задержанным право на адвоката и право хранить молчание. Это означает, что после ареста или содержания под стражей подозреваемые и обвиняемые имеют право быть информированными о своем праве хранить молчание и праве на получение адвокатской помощи. В 1992 году суд вынес знаковое решение, которое часто сравнивают с корейской версией Миранды¹². Он постановил следующее: «Пункт 2 статьи 200 (УПК) предусматривает, что прокуроры или полицейские должны проинформировать присутствующего подозреваемого о праве хранить молчание перед допросом. Это право основано на привилегии не свидетельствовать против себя, которая гарантирована Конституцией. Следовательно, показания, полученные без уведомления о праве на молчание во время допроса, являются незаконно полученными доказательствами и поэтому должны быть исключены,

4 형사소송법 [시행 1973. 2. 1.] [법률 제2450호, 1973. 1. 25., 일부개정].
5 형사소송법 [시행 1973. 12. 20.] [법률 제2653호, 1973. 12. 20., 일부개정].
6 형사소송법 [시행 1980. 12. 18.] [법률 제3282호, 1980. 12. 18., 일부개정].
7 Seoul student's torture death changes political landscape, By Clyde Haberman, Special To The New York Times, Jan. 31, 1987. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1987/01/31/world/seoul-student-s-torture-death-changes-political-landscape.html> (дата обращения: 09.11.2023).

8 Constitution of the Republic of Korea (1987). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Republic_of_Korea_\(1987\)](https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Republic_of_Korea_(1987)) (дата обращения: 09.11.2023)].

9 Decision of Dec. 24, 1992, 92 heon ka 8 (Korean Constitutional Court); Decision of July 29, 1993, 90 heon ba 35 (Korean Constitutional Court).

10 형사소송법 [시행 1988. 2. 25.] [법률 제3955호, 1987. 11. 28., 일부개정].

11 형사소송법 [시행 1995. 12. 29.] [법률 제5054호, 1995. 12. 29., 일부개정].

12 Miranda v. Arizona, 384 U.S. 436 (1966).

даже если они оглашаются добровольно»¹³. Чтобы устранить злоупотребления при задержании, поправка 1995 года к УПК вновь ввела систему предварительного слушания для выдачи ордера на задержание. Перед выдачей ордера судья может по своей инициативе назначить слушание, которое является необходимым этапом перед арестом подозреваемого, и в котором он обязан участвовать. До 1995 года такие слушания были редкостью. Обычно судья выдавал ордер на задержание, основываясь лишь на документах, предоставленных прокурором, что могло препятствовать борьбе с незаконными и необоснованными арестами. Однако из-за многочисленных возмущений со стороны следственных органов новая система была пересмотрена в 1997 году¹⁴, чтобы работать с учетом и по просьбе подозреваемого или его/её адвоката. Следственные органы были обязаны уведомить подозреваемого или его защитника о праве подозреваемого на требование проведения слушания. Поправка 1997 года ввела систему освобождения под залог подозреваемых, по аналогии с Хабеас Корпус. Несмотря на то, что данное право было ограничено, поскольку недоступно для многих подозреваемых, это все равно, безусловно, важный шаг вперед к демократизации уголовного процесса. Вместе с тем, несмотря на все поправки, свидетельствующие о демократизации уголовно-процессуального законодательства в Корее, оставались «рычаги», препятствующие полной защите и гарантии прав участников уголовного процесса, а также дающие возможности органам власти выходить за рамки дозволенного. Примером такого «рычага» может стать процедура «добровольного сопровождения» в соответствии с Законом о Полицейских Обязанностях¹⁵. По данному закону, полиция теперь имеет право остановить и допросить «подозрительное лицо», а также попросить его добровольно пройти в ближайший полицейский участок, если есть обоснованные подозрения, что это лицо совершило или собирается совершить преступление, или обладает информацией о совершенных преступлениях или возможных преступлениях. Поскольку «добровольное сопровождение» официально не считается принудительной мерой, к нему не применяются конституционные ограничения, касающиеся ордера. При этом стандарт определения «вероятной причины» в Законе о служебных обязанностях полиции был неясным, что способствовало возникновению необоснованных арестов. Безусловно, упомянутое ранее право подсудимого на адвоката и молчание явилось значительным шагом к демократизации, но и здесь остались «недочёты». Во-первых, как и в других континентальных системах уголовного правосудия, корейская система уголовного правосудия не была оснащена системой государственных защитников в полном объеме. Конституция предоставляла назначаемого государством адвоката только лицам, обвиняемым в совершении уголовного преступления, после возбуждения уголовного преследования. А подозреваемые, которые не могут нанять адвоката из-за своей бедности или отсутствия права на адвоката за государственный счет, классифицируются как «уязвимые» истцы. Во-вторых, согласно следственной практике, адвокатам, нанятым подозреваемыми после официального задержания, не разрешалось присутствовать на допросах, хотя положение о праве на адвоката ни в Конституции, ни в УПК не предусматривали каких-либо основания для запрета участия адвоката [4]. С 1997 года по 2010 годы в УПК РК поправки вносились более 9 раз, но и они в полном объеме не решили всех задач уголовно-процессуального права в Республике Корея. Рассматривая уголовно-процессуальное право Республики Корея, отдельно стоит упомянуть появление суда присяжных в Корее. Южная Корея стала первой стра-

ной в Восточной Азии, которая ввела суд присяжных в XXI веке [2]. Ранее суд присяжных существовал только в Японии с 1928 по 1943 год, но был восстановлен в Южной Корее в 2009 году в более демократичной форме. Первый суд присяжных в Южной Корее прошел в Сеуле в феврале 2008 года, завершив разработку и реализацию пилотного проекта. В настоящее время коллегия присяжных работает над последней редакцией закона «Об участии общественности в уголовных судах» от 9 января 2021 года¹⁶.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что проведенный исторический анализ уголовно-процессуального права Республики Корея, со времён японской оккупации и до начала 21 века показал, что Республика Корея (Южная Корея) прошла через многочисленные, сложные проблемы, в том числе, находясь под управлением США, прошла смену политических режимов, и в конце концов встала на путь демократизации и либерализации, это относится и к уголовно-процессуальному законодательству, что является одним из значимых направлений внутренней политики Республики Корея в настоящее время.

Пристатейный библиографический список

1. Панова А. С. История становления и развития уголовного права Республики Корея (с периода освобождения от японской оккупации до наших дней) // Вестник российского корееведения. – 2018. – № 10. – С. 43-48.
2. Реховский А. Ф. Рождение суда присяжных в Республике Корея // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 1. – С. 195-200.
3. Сумин А. А., Химичева О. В. Введение в уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея. – М.: Юрлитинформ, 2020.
4. Kuk Cho. The unfinished criminal procedure revolution of post-democratization South Korea, 30 Denv. J. Int'l L. & Pol'y. – 377 (2002). – P. 377-394.

¹³ Decision of June 26, 1992, 92 Do 682 [Korean Supreme Court].

¹⁴ 형사소송법 [시행 1997. 12. 13.] [법률 제5435호, 1997. 12. 13., 일부개정].

¹⁵ 경찰관직무집행법 [시행 1981. 4. 13.] [법률 제3427호, 1981. 4. 13., 전부개정].

¹⁶ 국민의 형사재판 참여에 관한 규칙 [시행 2021. 1. 29.] [대법원규칙 제 2949호, 2021. 1. 29., 타법개정].

БИЧЕНОВА Анна Роландьевна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ЛОБАНОВ Денис Алексеевич

курсант 3-го курса 1-го взвода, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОФАЙЛИНГ КАК ОСНОВА РАБОТЫ ОПЕРАТИВНО РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Данная научная статья посвящена актуальному вопросу применения профайлинга в оперативной работе подразделений уголовно-исполнительной системы (УИС). В статье рассматриваются теоретические основы профайлинга, его историческое развитие и методы, применяемые в УИС. Авторы анализируют особенности профайлинга в контексте работы оперативных подразделений, включая его роль в расследовании преступлений, совершенных осужденными, и других правонарушений, а также в предупреждении и пресечении преступной деятельности. Авторы предлагают практические рекомендации по оптимизации использования профайлинга в деятельности оперативных подразделений УИС с целью повышения эффективности их работы и улучшения условий отбывания наказания осужденными.

Ключевые слова: профайлинг, оперативная работа, уголовно-исполнительная система, оперативные подразделения, преступность, криминалистика, психология, эффективность.

BICHENOVA Anna Rolandjevna

senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPA of Russia

LOBANOV Denis Alexeevich

cadet of the 3rd course of the 1st platoon, Samara Law Institute of the FPA of Russia

PROFILING AS THE BASIS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

This scientific article is devoted to the topical issue of the application of profiling in the operational work of the units of the penal enforcement system (UIS). The article discusses the theoretical foundations of profiling, its historical development and the methods used in the UIS. The authors analyze the features of profiling in the context of the work of operational units, including its role in the investigation of crimes committed by convicts and other offenses, as well as in the prevention and suppression of criminal activity. The authors offer practical recommendations on optimizing the use of profiling in the activities of the operational units of the criminal justice system in order to increase the efficiency of their work and improve the conditions of serving sentences by convicts.

Keywords: profiling, operational work, penal enforcement system, operational units, crime, criminology, psychology, efficiency.

Профайлинг как метод анализа поведения и криминалистики начал развиваться в середине XX века. Основывался он на изучении психологических и социальных характеристик преступников.

Одним из первых, кто применил профайлинг в практике, был американский психолог Джон Э. Дуглас, который работал в ФБР. В 1970-х годах он начал разрабатывать методы, позволяющие составлять психологические портреты преступников на основе их действий и поведения.

В криминалистике профайлинг применяется для идентификации и понимания преступников, а также для предсказания их будущего поведения.

Основные аспекты профайлинга включают следующие направления:

- изучение действий преступника, их последовательности и особенностей, чтобы выявить паттерны;
- составление характеристик личности, таких как мотивация, эмоциональное состояние и социальные факторы;
- учет обстоятельств, в которых произошли преступления, включая культурные и экономические факторы;
- классификация преступников по различным критериям, таким как типы преступлений или мотивы;
- оценка вероятного поведения преступника в будущем на основе собранных данных.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что профайлинг крайне актуален при работе оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы.

В связи с недавним возникновением данного метода криминалистического анализа и отсутствием актуализации во время обучения курсантов, абитуриентов, которые в дальнейшем будут проходить службу в оперативных подразделениях, необходимо сделать больший акцент на методе профайлинга.

Учитывая, что оперативно-розыскная работа находится под грифом «секретно», имеется возможность парировать информацией, которую можно получить из нормативной базы, литературы и интернет материалов.

Из вышеперечисленных ресурсов, оперативное подразделения занимается курированием следующих направлений:

- Профилактика правонарушений.
- Выявление и предотвращение преступлений и правонарушений среди осужденных.
- Оперативная работа.
- Сбор и анализ информации о возможных угрозах безопасности, включая преступные связи и действия осужденных.
- Выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях.

- Проведение расследований по фактам правонарушений, совершенных в местах лишения свободы.
- Работа с информаторами.
- Установление контактов с осужденными и другими лицами для получения информации о возможных преступлениях, как на территории исправительного учреждения, так и вне.
- Взаимодействие с правоохранительными органами.
- Сотрудничество с другими правоохранительными органами в сфере обеспечения порядка и законности для обмена информацией и координации действий
- Обеспечение безопасности.
- Участие в мероприятиях по обеспечению безопасности на территории исправительного учреждения с сотрудниками отдела безопасности, а также предотвращение конфликтов и беспорядков.

Проанализировав вышеперечисленное, можно сделать вывод, что профайлинг в случае его непосредственного интегрирования в деятельность оперативных подразделений, существенно облегчит выполнение служебных обязанностей.

В связи с тем, что деятельность оперативников связана с непосредственным общением контактированием с подозреваемыми, обвиняемыми и лицами совершившими преступление, методы профайлинга, а именно прогнозирование поведения, анализирование психологических травм и в целом биография вышеупомянутого лица поможет конструктивно выстроить диалог для получения максимальной выгоды и получения большего объема информации.

Так же стоит выделить метод оперативной психодиагностики, который непосредственно затрагивает метод профайлинга.

Оперативная психодиагностика создает условия для адаптации к личности, а так же дальнейшего взаимодействия с целью получения более выгодного положения.

В достижении поставленных целей вне зависимости от направленности: получение выгоды при взаимодействии с вышестоящими лицами, бытовом взаимодействии или же оперативной деятельности.

Но касаясь дальнейшего развития темы, а именно оперативной работы, следует проанализировать более подробно метод оперативной психодиагностики.

Определение архетипа человека способствует дальнейшему планированию и прогнозированию взаимодействия в деятельности оперативных подразделений.

Определить психотип представляется возможным по вербальным и невербальным методам коммуникации.

В случае правильного определения архетипа, у оперативника появляется возможность парировать знаниями об положительных и негативных качествах архетипа, для достижения целей, на которое направлено непосредственное взаимодействие.

Каждый психотип, как ранее говорилось имеет индивидуальными позитивными и негативными качествами.

Что касается деятельности оперативников, то наиболее значимое значение имеют именно негативные качества для, дезадаптации личности, с целью получения информации касаясь деятельности оперативника.

Анализируя вышесказанную информацию, можно сделать определенный вывод:

Максимально точно и быстро подстроиться под собеседника, а при необходимости даже дезадаптировать именно данные действия подразумевает под собой оперативная психодиагностика.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что полноценное внедрение системы профайлинга в работу оперативных подразделений, будет способствовать более продуктивному осуществлению возложенных обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. Профайлинг: теория и практика / Под ред. А. И. Гурова, А. В. Дулова. – М.: Юридическая литература, 2019. – 400 с.
2. Громов А. Н., Ключева Н. П. Психология преступника: методы профайлинга. – СПб.: Питер, 2021. – 352 с.
3. Кудрявцев В. М., Семенов Ю. В. Профайлинг в правоохранительной деятельности. – М.: Юрист, 2020. – 280 с.
4. Уголовно-исполнительное право России / Под ред. А. И. Долговой. – М.: Проспект, 2023. – 700 с.
5. Психология преступного поведения / Под ред. А. В. Карапетянц. – М.: ЮрКнижник, 2022. – 450 с.

ВЕЛЕЖЕВ Сергей Иванович

профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных Самарского юридического института ФСИН России

МИНСАФИНА Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент ВАК, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

В представленной статье авторами рассматриваются вопросы законодательной регламентации противоправных деяний, направленных против свободы личности. Анализ проблем регулирования в указанной сфере позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правовых положений, устанавливающих уголовную ответственность за похищение человека, которые способны повысить эффективность борьбы с преступлениями, объектом посягательств которых является свобода личности.

Ключевые слова: преступление, противоправные деяния, свобода личности, уголовное дело.

VELEZHEV Sergey Ivanovich

Ph.D. in Law, professor of Penal enforcement law and organization of execution of sentences not related to the isolation of convicts sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

MINSAFINA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, Head of Penal enforcement law and organization of execution of sentences not related to the isolation of convicts sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMES AGAINST PERSONAL FREEDOM

In the presented article, the authors examine the issues of legislative regulation of illegal acts directed against personal freedom. The analysis of regulatory problems in this area allows us to conclude that it is necessary to improve the legal provisions establishing criminal liability for kidnapping, which can increase the effectiveness of combating crimes whose object of encroachment is personal freedom.

Keywords: crime, illegal acts, personal freedom, criminal case.

Важное значение для развития основ правового государства имеет борьба с преступными деяниями, нарушающими права человека, в частности, права на свободу личности. Изучение статистической информации свидетельствует об особой актуальности вопросов, связанных с уголовно-правовой охраной свободы личности. В частности, существенный правовой интерес вызывают вопросы, касающиеся похищения человека.

Анализ расследованных и рассмотренных уголовных дел судебными органами к примеру в 2022 году показывает, что по статье 126 УК РФ осуждено 333 человек, из которых: по части 1 указанной статьи – 19 человек; по части 2 указанной статьи – 287 человек; по части 3 указанной статьи – 27 человек и что наибольшее число преступных деяний совершено при наличии признаков квалифицированного состава. По статье 127 уголовного закона рассмотрено 114 уголовных дела, из которых: по части 1 указанной статьи – 21 дело; по части 2 указанной статьи – 89 дел; по части 3 указанной статьи – 4 дела, наибольшее число преступных деяний по указанной норме совершено с наличием признаков квалифицированного состава, по статье 127.1 уголовного закона рассмотрено 11 уголовных дел, из которых по части 2 указанной статьи осуждено 9 человек, по части 3 указанной статьи осуждено 2 человека, а по части 2 статьи 127.2 УК РФ рассмотрены 2 дела с обвинительными приговорами. Анализ рассмотренных дел показывает, что за указанный период наибольшее количество уголовных дел рассмотрено по части 2 статьи 126 уголовного закона.

Отмечаем, что реализация механизмов предупреждения и борьбы с преступными деяниями, связанными с похищением человека, в контексте обеспечения конституционных гарантий свободы человека, приобретают особую существенность.

В свою очередь, эффективность борьбы с преступными деяниями, связанными с похищением человека, зависит от реализуемой уголовной политики государства, законодательного регулирования указанных вопросов.

В настоящее время норма российского уголовного законодательства, устанавливающая ответственность за похищение человека, не раскрывает понимание термина «похищение».

Так многие исследователи в своих научных трудах обращают внимание на сложности в правоприменительной практике, возникающие в виду «не конкретности определений диспозиции статьи 126 УК РФ (простая диспозиция)» [1, с. 8]. Например, А. В. Наумов, указывая на сложность определения содержания понятия похищения, отмечает обманчивость простоты диспозиции рассматриваемой нормы [2, с. 117].

По мнению современных исследователей, отсутствие законодательной регламентации толкования указанного понятия является одной из причин возникновения ошибок при квалификации преступного деяния.

Подтверждением указанного довода являются материалы судебной практики, свидетельствующие об отсутствии единого подхода к разрешению уголовных дел, предусмотренных статьей 126 УК РФ. Так суды различных инстанций

иногда по одному и тому же уголовному делу принимают взаимоисключающие позиции.

Так, областным судом гражданин С. был признан виновным в совершении похищения несовершеннолетнего и изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей, заведомо не достигшей четырнадцатилетнего возраста. Приговор в части осуждения лица по статье 126 УК РФ был отменен вышестоящим судом, который ссылался на то, захват с применением насилия и перемещение потерпевшей охватывались объективной стороной преступления, предусмотренного статьей 131 УК РФ. Более того, решение судебной коллегии было мотивировано тем, что «захват и перемещение в указанном случае являлись формой насилия» [3].

Суды расходятся во мнениях при квалификации преступных деяний против свободы личности со смежными составами.

Так, судом гражданин К. и гражданин Ш. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного подпунктами «а» и «г» части 2 статьи 127 УК РФ (незаконное лишение свободы, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). В апелляционном определении действия указанных лиц были переqualифицированы на подпункты «а», «в» и «г» части 2 статьи 126 УК РФ (похищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). В соответствии с позицией суда апелляционной инстанции утверждение суда первой инстанции о том, что у виновных отсутствовал умысел на удержание потерпевшего в другом месте, является ошибочным. Действия лиц необходимо квалифицировать в качестве похищения потому, что «виновными были осуществлены захват потерпевшего, перемещение и удержание» [4].

Отсутствие законодательного закрепления толкования понятия «похищение» в статье 126 УК РФ в соответствии с позицией ряда исследователей ставит под сомнение соответствие указанной нормы конституционным требованиям. Так в качестве одного из критериев законности регламентации мер уголовной ответственности Конституционным Судом Российской Федерации названы «ясность и единообразие определения криминалообразующих признаков в нормах уголовного закона» [5]. В связи с вышеуказанным вопросы, возникающие по поводу соответствия статьи 126 УК РФ данным требованиям, представляются обоснованными.

С целью устранения неоднозначности толкования понятия «похищение» научными деятелями не единожды приняты попытки определения смысла указанного термина.

Р. А. Адельханян трактует похищение человека как умышленное преступное деяние, состоящее в захвате, изъятии из привычной микросреды, перемещении и удержании человека в конкретном месте с помощью «применения физического либо психического насилия» [6, с. 28]. Полагаем, что указанное толкование также может вызывать вопросы в правоприменительной и судебной практике в связи с указанием «изъятия из привычной микросреды» в качестве квалифицирующего признака. Из толкования понятия не ясно, что понимается под привычной микросредой, а также не понятно исключается ли состав преступления при изъятии человека из «непривычной микросреды».

Г. Габибова похищение человека определяет в качестве противоправного тайного либо «открытого, совершаемого с применением насилия либо без применения насилия, с использованием обмана или злоупотребления доверием либо без использования обмана, без злоупотребления доверием, сопряженного с ограничением физической свободы преступления, которое состоит в изъятии и перемещении человека из привычной микросреды против его воли и воли иных лиц» [7, с. 28].

С учетом рассмотренных подходов, а также Постановления Пленума ВС РФ № 58 полагаем, что статья 126 УК РФ требует законодательного совершенствования. Так представляется целесообразным в целях исключения ошибок при квалификации, а также достижения единообразного толкования понятия похищения внести в указанную норму изменение, после слов «похищение человека, дополнив ее словами «, то есть незаконный захват, перемещение и последующее удержание человека в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам».

Внесение предлагаемого изменения, по мнению правоприменителей и современных исследователей, будет способствовать приведению нормы уголовного законодательства к единому пониманию, правильной квалификации преступного деяния, а также достижению целей уголовного законодательства.

Также в качестве одной из актуальных тем можно отметить правовую регламентацию и практическую реализацию положений, устанавливающих юридическую возможность освобождения от ответственности в случае добровольного освобождения похищенного при условии, что в действиях виновного не содержится иного состава преступления.

Одной из особенностей, характерных статье 126 УК РФ, является наличие примечания, устанавливающего возможность освобождения от ответственности за преступление. Закрепления примечания объяснялось законодателем необходимостью формирования условий, при которых виновное в совершении рассматриваемого преступного деяния лицо, раскаиваясь в содеянном, будет иметь возможность освободить похищенного и избежать ответственности.

Буквальное толкование примечания к статье 126 УК РФ позволяет выделить два условия, при которых существует возможность освобождения от ответственности за совершение похищения. К данным условиям относятся:

- добровольный характер освобождения похищенного;
- отсутствие в действиях виновного в совершении похищения иного состава преступления.

Законодатель, предусматривая возможность освобождения от ответственности за похищение, не конкретизировал мотивы освобождения, по его мнению в данном случае они не имеют значения для реализации рассматриваемого положения.

Реализация примечания к статье 126 УК РФ вызывает немало судебных споров.

При рассмотрении дел об освобождении от ответственности в связи с добровольным освобождением похищенного Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что «освобождение потерпевшего не является добровольным в случае фактического выполнения потерпевшим незаконных требований злоумышленника» [8].

Важное значение имеет наличие реальной возможности удержания похищенного. Верховный Суд РФ указал на отсутствие оснований для освобождения от ответственности «в случае отсутствия реальной возможности удержания по-

хищенного» [9]. В качестве примера суд приводит такое обстоятельство как развитие у похищенного психического заболевания, которое обусловило невозможность достижения цели похищения.

Вместе с тем на практике известны случаи, когда лицо, добровольно освободившее потерпевшего, но совершившее иное деяние помимо похищения освобождалось от ответственности по рассматриваемой нами статье и привлекалось к ответственности за совершение иного деяния предусмотренного законом. Так, Тюменский областной суд в постановлении от 2016 года отметил, «что по смыслу закона виновный в похищении человека и другом преступлении, при добровольном освобождении потерпевшего, должен нести ответственность за преступления, сопряженные с похищением, а не за похищение»¹⁰. Указанная судебная практика свидетельствует о противоречивости примечания к статье 126 УК РФ.

По мнению одних ученых поощрительное содержание нормы, устанавливающей возможность освобождения от ответственности по указанному основанию, имеет высокий предупредительный потенциал, другие считают что полное освобождение от уголовной ответственности при совершении тяжкого преступления не оправдано, не согласуется с целями уголовной политики, а также не способствует борьбе с рассматриваемыми деяниями, снижению их количества, а также объективно не создает условий для компенсации моральных и физических страданий, причиненных потерпевшему.

Изучив подходы относительно законодательного закрепления рассматриваемого положения, полагаем, что его существование и применение в уголовном праве достаточно обоснованно, т.к. его действие направлено на защиту жизни похищенного, которая имеет приоритет над целями наказания виновного, однако требует законодательного совершенствования.

Так, считаем, что в настоящее время в целях повышения эффективности борьбы с указанными деяниями существует объективная необходимость внесения в рассматриваемое примечание изменения, предусматривающего, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной исключительно частью 1 статьи 126 УК РФ, а также, что при освобождении должен учитываться срок удержания и условия принудительного содержания.

Освобождение не должно применяться если продолжительность удержания составила более 3-х дней, т.к. длительное удержание влияет на психологическое состояние похищенного и тем более если он содержался в не человеческих условиях.

Буквальное толкование действующей редакции примечания к статье 126 УК РФ не предусматривает применение освобождения по усмотрению суда. В связи с этим в целях совершенствования нормы уголовного законодательства предлагаем закрепить в ней то, что освобождение от уголовной ответственности применяется по усмотрению суда.

Исходя из вышеизложенного, отмечаем, что анализ проблем законодательной регламентации преступлений против свободы личности позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правовых положений, устанавливающих уголовную ответственность за похищение человека. Полагаем, что обозначенные предложения по совершенствованию положений уголовного закона способны повысить эффективность борьбы с преступлениями, объектом посягательств которых является свобода личности.

Пристатейный библиографический список

1. Волкова О. В. Уголовная политика в сфере защиты личной свободы человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Международный институт экономики и права, 2014. – С. 8.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2-х т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 117.
3. Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2008 № 38-О08-31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 10.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2019 г. № 70-АПУ18-4.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П // СЗ РФ. – 2017. – № 9. – Ст. 1422.
6. Адельханян Р. А. Расследование похищения человека. – М.: МЗ-Пресс, 2003. – С. 28.
7. Габибова Г. Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы // Законность. – 2002. – № 9. – С. 28.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 78-АПУ19-36 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 12.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2022 г. № 29-УД22-7-А4 // Официальный портал справочной правовой системы «Консультант Плюс».

КОНОВАЛОВА Екатерина Евгеньевна

младший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ VS ПЕРЕДАЧА ДЕЛА ПО ПОДСУДНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТЛИЧИЯ ИНСТИТУТОВ

В статье анализируются исторические предпосылки возникновения института изменения подсудности в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о том, что институт изменения подсудности впервые был нормативно выделен в УПК РФ. Автор выделяет принципиальные отличия институтов передачи уголовного дела по подсудности и изменения подсудности уголовного дела. Первое отличие состоит в основаниях применения рассматриваемых институтов. Второе заключается в разнице процессуальной формы. Третье отличие коренится в том, что применение данных институтов допускается на разных этапах уголовного процесса.

Ключевые слова: право на законный суд, изменение подсудности уголовного дела, передача уголовного дела по подсудности.

KONOVALOVA Ekaterina Evgenjevna

Junior researcher of the Department of criminal law, criminal process and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

CHANGE OF JURISDICTION VS TRANSFER OF A CASE TO JURISDICTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: DIFFERENCES BETWEEN INSTITUTIONS

The article analyzes the historical background of the emergence of the institution of changing jurisdiction in criminal proceedings. It is concluded that the institution of changing jurisdiction was first normatively identified in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author highlights the fundamental differences between the institutions of transferring a criminal case by jurisdiction and changing the jurisdiction of a criminal case. The first difference lies in the grounds for applying the institutions under consideration. The second is the difference in the procedural form. The third difference is rooted in the fact that the application of these institutions is allowed at different stages of the criminal process.

Keywords: right to a legal court, changing the jurisdiction of a criminal case, transfer of a criminal case to jurisdiction.

Впервые в отечественной истории право на рассмотрение уголовного дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, было установлено в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ 1993 года. Данное право в литературе некоторые авторы называют «правом на законный суд» [2], [3, с. 26]. Впоследствии данное право нашло отражение в ч. 3 ст. 8 УПК РФ 2001 года. В отличие от некоторых зарубежных государств право на законный суд появилось в отечественном законодательстве достаточно поздно. Например, во Франции право на законный суд было установлено еще в конце XVIII века (Конституция 1791 года) [5, с. 11-12]. Из ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, ч. 3 ст. 8 УПК РФ следует, что подсудность должна определяться законом, в котором заранее должны быть закреплены критерии, исключающие возможность появления какой-либо неопределенности при направлении уголовного дела в надлежащий (компетентный) суд для его рассмотрения по существу¹.

Поскольку право на законный суд не было закреплено в советский период на конституционном уровне, в уголовно-процессуальном законодательстве устанавливались широкие возможности для передачи уголовных дел как «по вертикали» судебной системы (ст. ст. 38, 40 УПК РСФСР), так и «по горизонтали» (ст. 44 УПК РСФСР 1960 года). Безусловно, на-

личие некоего «процессуального простора» при определении суда, который наделен полномочиями рассмотреть по существу уголовное дело, не способствовало обеспечению прав участников уголовного судопроизводства. Так, уже спустя почти пять лет после принятия Конституции РФ статья 44 УПК РСФСР была признана неконституционной, поскольку передача уголовных дел допускалась «без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом»². Наличие у вышестоящего суда права принять к своему производству в качестве суда первой инстанции любое дело, подсудного нижестоящему суду, влияло «на инстанционный потенциал пересмотра приговора и возможности обвиняемого по его обжалованию» [1, с. 7]. И это влияние было негативным, поскольку влекло сокращение количества возможных инстанций, в которые могли бы обратиться участники процесса с целью пересмотра постановленного по уголовному делу приговора.

Таким образом, существовали определенные предпосылки для формирования в уголовно-процессуальном законодательстве института изменения подсудности, который

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - № 3.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - № 3.

содержал бы в себе основания для отступления от общих правил подсудности, то есть четкие обстоятельства, наличие которых могло влечь подобное отступление, а также порядок рассмотрения вопроса об определении суда, в который следует направить уголовное дело для рассмотрения его по существу.

Институт изменения подсудности впервые был нормативно выделен в УПК РФ 2001 года, (ст. 35). Стоит также отметить, что термин «изменение подсудности» был ранее упомянут в постановлении Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П. До настоящего времени УПК РФ остается единственным процессуальным кодексом, который закрепляет институт изменения подсудности. Анализ гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного судопроизводственного законодательства, в частности ст. 33 ГПК РФ, ст. 39 АПК РФ, ст. 27 КАС РФ, показывает, что на нормативном уровне в указанных кодексах институты изменения подсудности и передачи дела по подсудности не разграничиваются. В связи с появлением института изменения подсудности возник вопрос об отграничении его от института передачи уголовного дела по подсудности. Следует выделить три принципиальных отличия данных институтов.

Во-первых, основания изменения подсудности и основания передачи дела по подсудности различны. Как справедливо отмечал К. Ф. Гуценко, передача дела по подсудности имеет место, когда исправляется ошибка, допущенная при первоначальном определении подсудности дела [4, с. 427]. Согласно действующему законодательству ошибка в предметной подсудности должна быть исправлена во всех случаях (ч. 3 ст. 34 УПК РФ), а ошибка в территориальной подсудности в некоторых случаях может не исправляться с согласия подсудимого, и если суд приступил к рассмотрению дела в судебном заседании (ч. 2 ст. 34 УПК РФ). Изменение подсудности допускается лишь при возникновении указанных в законе оснований (например, в ч. 1 ст. 35 УПК РФ).

Во-вторых, отличается и процессуальная форма изменения данных институтов. Принятие решения о передаче уголовного дела по подсудности осуществляется без проведения судебного заседания, а если суд приступил к рассмотрению уголовного дела, и ошибка допущена в территориальной подсудности, то нужно выяснить мнение подсудимого (ч. 2 ст. 34 УПК РФ). Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» если суд, приступив к судебному разбирательству, в ходе судебного заседания установил, что уголовное дело подсудно другому суду того же уровня, то, выяснив мнение подсудимого (подсудимых), суд вправе с его (их) согласия оставить данное дело в своем производстве (часть 2 статьи 34 УПК РФ). Согласия на это других участников уголовного судопроизводства не требуется. При отсутствии согласия хотя бы одного из подсудимых на рассмотрение дела данным судом оно подлежит передаче в другой суд в соответствии с установленной подсудностью. Если уголовное дело подсудно вышестоящему суду или военному суду, то оно во всех случаях подлежит передаче по подсудности (часть 3 статьи 34 УПК РФ).

Принятие решения об изменении подсудности возможно исключительно лишь после проведения судебного заседания при предоставлении участникам уголовного процесса права донести до суда свою позицию по данному вопросу. При передаче уголовного дела по подсудности в случае нару-

шения территориального ее вида в настоящее время выясняется мнение исключительного подсудимого, что не отвечает публичным интересам уголовного процесса. Правила территориальной подсудности, установленные в законе, призваны обеспечить всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела, реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, поэтому их соблюдение не должно ставиться в зависимость от усмотрения (мнения) только подсудимого. При этом в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, если выяснится, что дело принято с нарушением правил подсудности, то оно подлежит передаче в другой суд, которому оно подсудно (п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 27 КАС РФ) без выяснения мнения участников соответствующего процесса.

Третье отличие институтов передачи уголовного дела по подсудности и изменения подсудности состоит в том, что последнее по общему правилу допускается лишь до начала судебного разбирательства, а первое – возможно как до начала судебного разбирательства, так во время него³. Любая ошибка, допущенная в определении подсудности, пусть она и возникла после начала судебного разбирательства, должна быть устранена, что вытекает из содержания ч. 1 ст. 47 Конституции РФ.

Таким образом, разграничение института передачи уголовного дела по подсудности и института изменения территориальной подсудности в теоретической плоскости стало актуальным именно с закреплением в Конституции РФ 1993 года права на законный суд. Только с принятием УПК РФ 2001 года данные институты стали четко разграничиваться на нормативном уровне (ст. ст. 34 и 35 УПК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Головкин Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. - М., 2024. - С. 5-14.
2. Кондрашин П. В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. - 2019. - № 14. - С. 51-53.
3. Кондрашин П. В., Попова Е. И. Право на законный суд в уголовном судопроизводстве России: теория и практика. - Красноярск, 2023.
4. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К. Ф. Гуценко. - М., 2007.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. Изд. 4-е. - СПб., 1912.

3 См.: п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела».

ЛУЦЕНКО Павел Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин, Гуманитарно-правовой факультет, Воронежский государственный аграрный университета имени императора Петра I

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ПО СУЩЕСТВУ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье поднимается комплекс вопросов, связанных с формированием внутреннего убеждения судьи при вынесении итогового решения по уголовному делу. Автор акцентирует внимание на объективных (внешних) факторах, формирующих внутреннее убеждение судьи, поднимая острые вопросы, касающиеся совмещения полномочий по судебному контролю и рассмотрению уголовного дела по существу, границ судейского усмотрения, психологических аспектов формирования общего подхода к вынесению итогового решения при коллегиальном рассмотрении уголовного дела.

Ключевые слова: судья, внутреннее убеждение, уголовно-процессуальное познание, приговор, правосудие, судебный контроль, судебное следствие, оценка доказательств.

LUTSENKO Pavel Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Faculty of Humanities and Law, Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University

ON THE ISSUE OF OBJECTIVE CRITERIA FOR THE FORMATION OF AN INTERNAL CONVICTION OF A JUDGE WHEN CONSIDERING AND RESOLVING A CRIMINAL CASE ON THE MERITS

The article raises a set of issues related to the formation of an internal conviction of a judge when making a final decision on a criminal case. The author focuses on objective (external) factors that form the judge's inner conviction, raising acute issues concerning the combination of powers of judicial control and consideration of a criminal case on the merits, the boundaries of judicial discretion, psychological aspects of the formation of a common approach to making a final decision in a collegial review of a criminal case.

Keywords: judge, internal conviction, criminal procedural cognition, sentence, justice, judicial control, judicial investigation, evaluation of evidence.

Формирование внутреннего судейского убеждения является длящимся мыслительным процессом, гносеологически связанным с исследованием фактов, составляющих содержание предмета доказывания по данному уголовному делу. В процессе судебного следствия осуществляется накопление знаний об обстоятельствах, являющихся предметом судебного разбирательства, что имеет своим результатом вынесение итогового судебного решения. Как справедливо отмечается в специальной литературе, одной из ключевых гарантий реализации принципа независимости судей является вынесение судебного решения при отсутствии постороннего воздействия, исключительно на основе свободно сформировавшегося внутреннего убеждения, которое основано на непосредственном исследовании судьей материалов уголовного дела в контексте интегративного правопонимания и толкования норм уголовного и уголовно-процессуального права [3, с. 29]. Существуют обстоятельства, которые объективно влияют на формирование внутреннего убеждения субъекта доказывания. Их наличие не находится в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых осуществляется уголовно-процессуальное познание.

Во-первых, это легально существующие границы реализации судебной власти, установленные уголовно-процессуальным законодательством. Так, например, ст.ст. 6, 29 УПК РФ исчерпывающим образом регламентируют компетенционную составляющую в уголовно-процессуальной деятельности суда. Следует обратить внимание на тот факт, что публично-правовой характер уголовно-процессуальных отношений определяет границы судейского усмотрения, а, следовательно, и пределы формирования внутреннего убеждения, формы и способы его изложения в решениях, принимаемых по уголовному делу [2, с. 17]. В контексте содержания и особенностей реализации полномочий судьи достаточ-

но давно на страницах юридической печати дискутируется проблема соотношения свободного формирования судейского убеждения при вынесении итогового судебного решения с реализацией полномочий по судебному контролю на этапе предварительного расследования. Мы неоднократно высказывали и обосновывали позицию о недопустимости совмещения полномочий по санкционированию следственных действий и избранию мер пресечения с рассмотрением уголовного дела по существу, однако до настоящего времени указанная проблема не нашла законодательного решения. В соответствии с ч. 9 ст. 31 УПК РФ районный суд и военный суд соответствующего уровня уполномочены осуществлять функцию судебного контроля, что может, на наш взгляд, рассцениваться как фактор, оказывающий влияние на формирование позиции по уголовному делу, которая, как показывает анализ судебной практики, в редких случаях отличается от той, что была выражена в судебных актах, вынесенных на стадии предварительного расследования.

Если мы говорим о возможном влиянии существующей компетенции судьи на вынесение итогового решения по уголовному делу, то проблема предрешенности вопроса о виновности возникает и в связи с исследованием материалов уголовного дела в стадии подготовки к судебному заседанию. Как отмечает О. В. Батищев, первая судебная стадия уголовного процесса характеризуется наличием судебного контроля за законностью досудебного производства, в том числе и в части соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Кроме того, в рамках своей компетенции судья подвергает исследованию доказательства, собранные стороной обвинения с целью решения вопроса об обоснованности дальнейшего его движения [1]. На необходимость решения обозначенной проблемы неоднократно указывалось в специальной литературе, однако до настоящего времени она

относится к числу дискутируемых и не нашедших легального решения.

С точки зрения правового основания формирования внутреннего убеждения судьи нельзя обойти вниманием проблему судейского усмотрения, которая, на наш взгляд, тесно коррелирует с его пределами. Неясность и противоречивость действующего законодательства, пробелы в правовом регулировании общественных отношений, являющихся предметом судебного разбирательства, оценочные дефиниции, содержащиеся в нормативных правовых актах с неизбежностью, влекут за собой расширение границ судейского усмотрения, снижают эффективность реализации императивных предписаний законодателя при формировании внутреннего убеждения судьи за счет расширения поля его субъективного понимания. Так, достаточно иллюстративен пример, приводимый О. А. Егоровой, о существующем противоречии в понимании отношений между супругами согласно Семейному кодексу РФ и согласно УПК РФ: в первом случае супруги родственниками не признаются и императивно запрещается брак между близкими родственниками (ст. 15 СК РФ), во втором – супруг относится к близким родственникам (п. 4 ст. 5 УПК РФ) [5, с. 14].

Особо следует обратить внимание на некоторую специфику формирования внутреннего убеждения судьи при коллегиальном рассмотрении уголовного дела в различных судебных инстанциях. Несмотря на то, что мы говорим о профессиональной группе, она по своей сути не является однородной, поскольку, как правило в ней присутствует психологический лидер, который с использованием своего авторитета, опыта, в том числе и профессионального, оказывает влияние на остальных членов коллегии. Закрытый режим совещания судей с одной стороны является гарантией их независимости при принятии итогового решения, а с другой – высказанное лидером мнение, т.е. внутреннее убеждение одного из членов коллегии с неизбежностью оказывает влияние на остальных. Можно утверждать, что отраженные в приговоре выводы суда выражают общее, а не индивидуальное внутреннее убеждение, сформированное в результате коллегиального поиска общего решения. Нередки ситуации, когда коллегиальное мнение в силу различных причин (например, корпоративной этики, авторитета, личных взаимоотношений и т.д.) превалирует над индивидуальным и судья, оказавшийся в меньшинстве, принимает позицию большинства, меняя тем самым свое внутреннее убеждение на иное, превалирующее в данной ситуации. Вместе с тем, коллегиальность при принятии итогового решения, по мнению подавляющего большинства специалистов, имеет существенный плюс, отсутствующий при единоличном рассмотрении судьей уголовного дела – поиск решения уголовно-правового спора в ходе дискуссии, где возникает ситуация обсуждения с коллегами спорных и неоднозначных ситуаций, поиск оптимальных формулировок, коллегиальное правоприменение [4, с. 142].

Во-вторых, самостоятельное значение с точки зрения совокупности объективных обстоятельств, влияющих на формирование внутреннего убеждения судьи, имеет практика рассмотрения аналогичных уголовных дел, а также позиция вышестоящих судебных инстанций, которые наделены полномочиями по внутрисистемному контролю и надзору. Нельзя отрицать того факта, что при принятии итогового судебного решения судьей изучаются обзоры судебной практики и позиция, высказанная Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ, которая не является нормативно установленной, но оказывает существенное влияние на формирование уголовно-процессуального законодательства и отражает толкование его норм, которому следуют судьи в процессе правоприменения.

Формирование внутреннего убеждения и судебная практика имеют прочную связь, так как судебная практика, отра-

жает результат «обобщенного доказывания» аналогичных обстоятельств с учетом ранее допущенных судебных ошибок. Можно, на наш взгляд, утверждать, что в рамках общих требований к приговору с учетом принципов его законности и справедливости судебная практика является инструментом унификации правоприменения, предполагающим формирование внутреннего убеждения с учетом ранее принятых судебных решений, но при отсутствии в российской правовой системе института их вынесения по аналогии, что оставляет поле для судейского усмотрения и расширяет границы самостоятельности судьи при формировании внутреннего убеждения с учетом конкретных фактов и обстоятельств находящегося в его производстве уголовного дела.

Исследование совокупности императивно существующих факторов, влияющих на формирование внутреннего убеждения судьи, на наш взгляд, является одним из условий поиска оптимальной модели дальнейшего реформирования деятельности судебной власти, поскольку позволяет акцентировать внимание на существующих в законодательстве противоречиях и компетенционных коллизиях, которые снижают эффективность осуществления правосудия.

Представляя результат оценки доказательств внутреннее убеждение должно быть обосновано и сформировано только на тех доказательствах, которые были собраны, проверены, рассмотрены в совокупности и каждое в отдельности в установленном законом порядке. Также как результат оценки доказательств внутреннее убеждение должно быть основано на полном, всестороннем и объективном рассмотрении всех имеющихся в деле материалов и обосновано имеющимися и рассмотренными в установленном законом порядке доказательствами таким образом, чтобы сформулированный по итогам рассмотрения материалов дела вывод был единственно возможным, исключая какие-либо сомнения в его верности.

Пристатейный библиографический список

1. Батищев О. В. К вопросу о месте этапа предварительного слушания в системе уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1728400452&tld=ru&lang=ru&name=scienceconf-11-2021> (дата обращения: 09.10.2024).
2. Бурмагин С. В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2017. - Вып. 1 (15). - С. 13-21.
3. Кудрявцева А. В., Спиридонов М. С. Понятие и содержание тайны совещательной комнаты в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». - 2020. - Т. 20. № 3. - С. 28-35.
4. Проблемы развития процессуального права России: Монография / Под ред. В.М. Жуйкова. - М.: Норма, 2016. - 224 с.
5. Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. - М.: Юстицинформ, 2020. - 176 с.

МИРОШНИЧЕНКО Анна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский юридический институт МВД России, полковник полиции

КОРОЛЕНКО Ирина Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ВИСЛОБОКОВ Олег Игоревич

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПОДАЧЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Объектом научной статьи выступают общественные отношения в сфере защиты и обеспечения прав потерпевшего при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях на начальном этапе уголовного судопроизводства. Обосновывается новый способ, который исключит возможность у должностных лиц отказывать в принятии заявления о преступлении. Материалами исследования послужили доктринальные труды ученых правоведов уголовного процесса, а также анализ нормативно-правовой документации, методами исследования являлись общенаучные и частнонаучные (аналитический, диалектический, обобщения и сравнительно-правовой, др.) методы исследования.

Авторами указывается на необходимость создания системы «единого электронного окна», с помощью которой граждане смогут подавать сообщения о преступлении на один ресурс, и впоследствии они будут распределяться по соответствующим ведомствам. В будущем будет уже возможность говорить о цифровизации всей системы уголовного процесса, в которой можно достичь общения следователя и потерпевшего с помощью чата, где будут происходить все необходимые процессуальные действия: сбор доказательств, вызов в суд, вызов на следственные действия и т.д. Цифровизация стадии принятия сообщения о преступлении должна стать началом всеобщей цифровизации уголовного производства.

Ключевые слова: заявление о преступлении, сообщение о преступлении, цифровизация, уголовный процесс.

MIROSHNICHENKO Anna Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

KOROLENKO Irina Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Procedural law sub-faculty, Rostov State University of Economics (RINE)

VISLOBOKOV Oleg Igorevich

student of the 4th course, Faculty of Law, Rostov State University of Economics (RINE)

DIGITALIZATION OF LEGAL RELATIONS TO ENSURE THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE VICTIM WHEN SUBMITTING A CRIME REPORT

The object of the scientific article is public relations in the field of protection and ensuring the rights of the victim when receiving, registering and reviewing reports of crimes at the initial stage of criminal proceedings. A new method is being justified, which will exclude the possibility for officials to refuse to accept a statement about a crime. The research materials were the doctrinal works of legal scholars of the criminal process, as well as the analysis of normative legal documentation, the research methods were general scientific and private scientific (analytical, dialectical, generalization and comparative legal, etc.) research methods.

The authors point out the need to create a "single electronic window" system, through which citizens will be able to submit crime reports to one resource, and subsequently they will be distributed to the relevant departments. In the future, it will be possible to talk about the digitalization of the entire criminal process system, in which it is possible to achieve communication between the investigator and the victim through a chat, where all necessary procedural actions will take place: collection of evidence, summons to court, summons to investigative actions, etc. Digitalization of the crime reporting stage should be the beginning of the universal digitalization of criminal proceedings.

Keywords: crime statement, crime report, digitalization, criminal process.

Актуальность темы исследования связана с тем, что обеспечение прав человека закреплено основным законом страны, государство, наделяя полномочиями должностных лиц [1], следует цели обеспечения механизма реализации прав, однако действия (бездействия) отдельных государственных служащих в части обеспечения гарантированных прав становится фактором дисбаланса, который порождает недоверия к правовой системе.

Подача заявления при уголовном происшествии является одной из самых важных стадий течения уголовного расследования, поскольку на основании данного сообщения проводится проверка соответствия криминального деяния заявленным положениям.

Согласно статье 144 УПК РФ, происходит рассмотрение заявления о преступлении и выявляются обстоятельства, которые могут послужить удовлетворением в случае,

если наличествуют признаки, дающие основания полагать, что имеют место быть события преступления, или же отказом к удовлетворению в случае, если отсутствуют какие-либо основания¹.

На основании статьи 145 УПК РФ выносится решение о возбуждении уголовного дела или же о таком отказе. Указанный нормативный акт не удостоверяет возможности отказа в приеме заявления о преступлении, таким образом, должностное лицо, получившее соответствующий документ, на основании закона обязано принять любое написанное заявление или в устной форме. Типовое положение аналогично не содержит обоснований, на которые допускается сослаться, отказывая в принятии заявления².

Вследствие указанного, становится возможным заключить, что при любых обстоятельствах и независимо от формы и содержания заявления о преступлении должностное лицо обязано принять заявление, провести проверку и вынести решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Фундамент невозможности отказа в приеме заявления устанавливается ввиду потребности общества в защите, хотя присутствуют мнения о допустимости, если в заявлении содержатся ложные сведения, оно написано специально, чтобы напугать другого человека, или же лицо по незнанию юриспруденции не осознает, что в отношении него не совершено на самом деле преступление.

В случае предоставления должностным лицам возможности отказывать в приеме заявлений о преступлении однозначно снизилась бы техническая нагрузка, так как отсутствовала бы необходимость регистрации заявления в книге учета сообщений о преступлениях (далее – КУСП), в выдаче талона, в вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. По причине этого, должностные лица могли бы обращать большее внимание на реальные факты о совершенном или готовящемся преступлении, оперативно реагировать, пресекать и привлекать лиц к уголовной ответственности.

Б. Я. Гаврилов придерживается следующей позиции: «отсутствие учета указывает на отсутствие преступления и соответственно самого правосудия» [2, с. 49]. Нет возможности без сомнения утверждать, что должностное лицо по одному лишь заявлению, будет способно выявить, что изложенное является событием преступления.

Ситуация, узаконившая отказа в приеме заявления может привести к тому, что фактически должностное лицо отказывает в правосудии в том случае, если не смогло в момент подачи выявить аспекты уголовно-правового деяния.

А. Л. Аристархов придерживается аналогичного мнения: «Уголовно-процессуальные отношения начинаются после того, как уполномоченными лицами (в том числе следователями) завершены все регистрационные действия. Вне

регистрации принятого сообщения о преступлении уголовно-процессуальных отношений быть не может» [3, с. 83].

Доктрина обозначает, что принятие законного и обоснованного решения по большинству сообщений о преступлениях невозможно без дополнительной информации, получаемой в результате проверки» [4, с. 19].

Несмотря на то, что отказ в принятии заявления о преступлении является нарушением закона, нельзя отрицать, что имеет место быть данные случаи. Мотивация у должностных лиц может быть различной: осознание факта, что по делу не получится привлечь подозреваемого и правосудие не осуществится, чем испортит статистику раскрываемости, должностное лицо знает, кто совершил преступление и не желает совершать установленные процедуры, а решает дело непосредственно с преступником, что здесь может уже являться превышением должностных полномочий или присутствовать коррупционная составляющая, и одно нарушение закона влечет за собой последующее.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации на совещании «О подведении итогов работы органов прокуратуры в первом полугодии 2023 г. и исполнении ранее данных поручений» отмечается: «Не теряет своей актуальности надзор за процессуальной деятельностью органов расследования. В текущем году на фоне снижения следственной нагрузки число выявленных нарушений возросло (+2,9 %), причем как на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях (+1,9 %), так и непосредственно при производстве следствия и дознания (+4,9 %)»³.

Гражданин, желающий сообщить о совершении в отношении него противоправного деяния, может столкнуться с недобросовестностью должностного лица, что в итоге приведет к обстановке отсутствия каких-либо вещественных доказательств, поскольку нет записи в КУСП и талона уведомления. В подобного рода положении процедура обжалования, если не просто ни к чему не приведет, то окажется крайне затруднительной.

Допускается оценить критически вероятность дачи свидетельских показаний со стороны должностных лиц, служащих вместе с недобросовестным, о совершенном противоправном деянии, аналогичную проблематичность можно предположить, если потерпевший будет с адвокатом. Исключительно остается доказывание фактов совершения противоправного деяния в жалобе, а впоследствии ее подача в органы прокуратуры, ссылаясь на то, что ввиду изложенных обстоятельств не было принято законного решения, права потерпевшего не восстановлены, правосудие не совершено.

В связи с этим необходимо создание новой системы, при которой если не получится в целом устранить факты отказа в принятии сообщения о преступлении, то максимально снизить данное нарушение закона для последующего возбуждения уголовного дела, обеспечения всестороннего, полного и объективного преследования и совершения правосудия.

Вполне допустимо отметить, что система приема электронных сообщений посредством официальных сайтов является одним из вариантов решения проблемы, так как сообщение автоматически регистрируется в системе и в данном случае каким-либо образом убрать его проблематично. Но в данном аспекте появляется немаловажный вопрос удобства подачи такого рода заявления, так как не у каждого гражда-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4924.

2 Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339.

3 Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egrp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89251489>.

нина может быть желание или возможность сообщить о совершенном или готовящемся преступлении таким образом.

В данном вопросе представляется возможным отметить создание системы «единого электронного окна», как пример созданные органы МФЦ, где позволяется подать заявление по любому вопросу, а в дальнейшем оно будет перенаправлено в необходимое ведомство, а ответ соответственно будет также в МФЦ.

Создание системы «единого электронного окна» может решить множество задач уголовного производства, а также положить начало для цифровизации всех стадий уголовного процесса, так как цифровизационные процессы отвечают критериям удобства и доступности.

Удобство выражается в том, что гражданин может подать заявление в отсутствие необходимости идти в территориальный орган по месту своего проживания или же в любой иной, а сделать это с помощью телефона или компьютера.

Доступность выражается в невозможности встретиться с противоправными деяниями должностного лица в момент подачи заявления, как отмечалось ранее, отказ в приеме сообщения равнозначен отказу в правосудии, так как именно с этой стадии государственный механизм по восстановлению прав граждан начинает свою работу.

Внесение сообщения о преступлении в реестр «единого электронного окна», а затем его последующее перенаправление в ведомство, полностью исключает возможность отказа в его принятии, так как оно автоматически будет зарегистрировано и должностное лицо будет обязано отреагировать на него. В случае же отсутствия реакции, становится возможным говорить о бездействии со стороны уполномоченного лица и в данной ситуации процесс доказывания не производства следственных действий по сообщению во многом упрощается, так как присутствует юридический факт бездействия, на который можно ссылаться, аналогичного обстоятельства не имеется при непосредственной подаче сообщения должностному лицу в территориальном органе.

Ввиду этого вопрос цифровизации стадии сообщения о преступлении в данный момент стоит достаточно остро, так как мы можем отметить повсеместное проявление свидетельств текущей обстановки дел в иных сферах деятельности людей, а также отраслях правового регулирования. В последующем не исключено также развитие цифрового уголовного регулирования вплоть до возможности непосредственного общения потерпевшего через отдельное информационное окно с должностным лицом, ведущим уголовное дело, исследование документов, вызов на следственные действия и т.д.

Однако не следует определенно предполагать, что указанная цифровизация по созданию «единого электронного окна», соответствующего приложения для подачи заявления, в последующем непосредственного общения с должностным лицом посредством чата, исследования документов и оперативным вызовом на следственные действия может произойти в ближайшее время, так как цифровизация вместе со своей однозначной пользой приносит некоторые трудности, которые важно учитывать: подготовка протоколов информационной безопасности, повсеместное распространение, реакция людей на данную технологическую разработку.

Рассматривая протяженность нашего государства, различность культуры, расположенность населенных пунктов можно отметить, что в некоторых территориальных образованиях отсутствует не только связь, но и иные коммунальные услуги, в таком аспекте проблематично говорить об интернет-соединении, не то, чтобы о цифровизации уголовного процесса.

Важно совершать поэтапно и планомерно действия по подключению различных территориальных образований к цифровизационным процессам для всеобъемлющего, прямого и равного доступа к правосудию, а также пресечения совершения должностных правонарушений.

Зайцев О. А. также отмечает: «Внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство препятствуют следующие проблемы:

- недостаточное финансирование имеющихся проектов относительно применения современных информационных технологий;
- слабая система обеспечения безопасности используемых информационных систем и сети;
- ненадлежащий уровень подготовки лиц по применению современных информационных технологий при производстве по уголовному делу» [5, с. 19].

По результатам вышеизложенного становится возможным подвести следующие итоги:

- 1) Создание системы «единого электронного окна», с помощью которой потерпевший сможет подать заявление, а в последствии непосредственно вести диалог со следователем по время уголовного расследования;
- 2) Проведение всеобщей цифровизации стадий уголовного судопроизводства для обеспечения равного доступа граждан к совершению правосудия;
- 3) Информирование граждан о возможности электронного уголовного судопроизводства.

Все вышесказанное позволит надлежащим образом обеспечить механизм реализации прав граждан, а следовательно, обеспечить законность в деятельности полиции [6].

Пристатейный библиографический список

1. Рыдченко К. Д., Пестов Р. А. Полномочия должностных лиц полиции в сфере содействия физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей // *Философия права*. – 2015. – № 5 (72). – С. 87-91.
2. Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // *Государство и право*. – 2001. – № 1. – С. 47-62.
3. Аристархов А. Л. О некоторых проблемах, возникающих в стадии возбуждения уголовного дела // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. – 2019. – № 2. – С. 80-86.
4. Мичурин В. С. Нарушение уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 19.
5. Зайцев О. А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2020. – № 3. – С. 18-20.
6. Осяк А. Н., Понежина Л. Ю., Пестов Р. А., Поликарпов Д. И. Административная деятельность полиции: Учебное наглядное пособие. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – 64 с.
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (режим доступа к сайту. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89251489>.

ПОПОВА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации следственной работы Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

При изучении материалов уголовных дел обращено внимание на отсутствие в постановлениях следователя анализа и оценки доказательств, послуживших основой для принятия закрепленных в них решений. В статье исследуются требования действующего уголовно-процессуального закона в части необходимости отражения анализа и оценки доказательств в материалах предварительного расследования. Анализируются причины, побуждающие следователя отказаться от подробного изложения основания для возбуждения уголовного дела. Поднимается вопрос о целесообразности наличия в постановлениях следователя ссылок на доказательства.

Ключевые слова: анализ доказательств, оценка доказательств, достаточность, мотивированность, процессуальное решение, возбуждение уголовного дела.

POPOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor, Management of investigative activities of the Educational and Scientific Complex Preliminary Investigation in the Internal Affairs, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ANALYSIS AND EVALUATION OF EVIDENCE IN PRELIMINARY INVESTIGATION MATERIALS

When studying the materials of criminal cases, attention was drawn to the absence in the decisions of the investigator of the analysis and assessment of evidence that served as the basis for making the decisions enshrined in them. The article examines the requirements of the current criminal procedure law regarding the need to reflect the analysis and assessment of evidence in the materials of the preliminary investigation. The reasons are analyzed that prompt the investigator to abandon the detailed presentation of the grounds for initiating a criminal case. The question is raised about the appropriateness of the presence of references to evidence in the investigator's decisions.

Keywords: analysis of evidence, assessment of evidence, sufficiency, motivation, procedural decision, initiation of a criminal case.

Любое расследование представляет собой ретроспективное познание фактов объективной действительности, осуществляемое при помощи общенаучных и специальных методов. Анализ доказательств как метод научного познания служит основой для их оценки и принятия процессуальных решений. Анализ – метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств [1, с. 26]. Оценка позволяет установить соответствие выявленных в ходе анализа отдельных свойств доказательств предъявляемым к ним уголовно-процессуальным законом требованиям.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ обязывают следователя анализировать доказательства, в том числе, «сопоставляя их с другими доказательствами» (ст. 87 УПК РФ), и оценивать собранные им доказательства, руководствуясь критериями, закрепленными в ч. 1 ст. 88 УПК РФ. При этом обращает на себя внимание тот факт, что важнейшие познавательные процессы анализа и оценки доказательств крайне редко находят свое отражение в материалах уголовного дела, составляемых в стадии предварительного расследования. Опрошенные следователи называют лишь несколько процессуальных документов, в которых ими делается ссылка или осуществляется анализ и оценка собранных доказательств:

постановление о признании доказательства недопустимым – 100 % опрошенных;

постановление о признании предмета вещественным доказательством – 100 %;

постановления, составленные в результате разрешения ходатайств, касающихся собранных по делу доказательств – 93 %;

протокол задержания – 100 % (переписывается лишь текст п. 1, 2 или 3 ч. 1 ст. 91 без конкретизации данных о потерпевших или очевидцах, указавших на данное лицо как на совершившее преступление, и без изложения содержания их показаний);

постановления о производстве следственных действий – 67 % (как правило, обыска или выемки, если свидетели указывают на возможность обнаружения доказательств, без указания данных о них и без изложения содержания их показаний);

постановление о возбуждении уголовного дела – 17 %;

постановление о привлечении в качестве обвиняемого – 70 % (при этом приведение доказательств в тексте касается лишь ссылок на заключения экспертиз, как правило, автотехнической, компьютерной, лингвистической либо на исследование наркотических средств и психотропных веществ);

обвинительное заключение – 3 % (если доказательства, на которые ссылается сторона защиты, противоречат доказательствам обвинения, и правоприменительная практика, сложившаяся на определенной территории, допускает высказывание следователем своего мнения по этому поводу в обвинительном заключении. Как правило, включение следователем фразы о том, что «к показаниям обвиняемого следует отнестись критически, ввиду того...» с последующим обоснованием данной позиции, не приветствуются судами, которые ссылаются на принцип свободы оценки доказательств).

При этом можно отметить и другие нормы, прямо не указывающие на необходимость отражения анализа и оценки доказательств в материалах дела, но подразумевающие ее. Так, согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановления следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Применительно к судебным решениям Верховный суд РФ поясняет, что мотивированность предполагает наряду с указанием установленных судом фактов также *приведение доказательств, на которых основаны выводы суда* [2], и указывает: «Мотивировка ... решения ... должна основываться на нормах материального и процессуального права, а также на доказательствах» [3]. Верховный Суд РФ отмечает: «Суды при мотивировании вывода об обоснованности подозрения, как пра-

вило, ссылались на доказательства, представленные органами предварительного расследования, кратко излагая в постановлении их содержание. Однако в отдельных случаях доказательства, содержащие такие данные, не исследовались в судебном заседании и не приводились судом в постановлении. Подобные ошибки устранялись вышестоящими судами» [4]. Из приведенных цитат можно заключить, что отсутствие ссылок на доказательства в судебных решениях Верховный суд РФ считает ошибкой, влекущей нарушение ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Несмотря на то, что требование мотивированности процессуальных решений относится не только к суду, но и к лицам, уполномоченным осуществлять предварительное расследование, большинство следователей предпочитают ограничиваться не столько приведением конкретных доказательств и их анализом, сколько лишь сделанными на его основе выводами и общими фразами, выписанными из текста УПК РФ (например, «Основание – материалы доследственной проверки, свидетельствующие о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления...», или в постановлениях об избрании мер пресечения – «принимая во внимание, что имеются достаточные данные основания полагать, что обвиняемый...» и т.п.), без указания того, какие именно данные им определены как достаточные для принятия данного процессуального решения. Таким образом, следователь анализирует и оценивает доказательства, определяет, какие из них служат основанием для принятия данного решения, и их достаточность, лишь умозрительно, и не транслируя ход своих мыслей в принятые процессуальные решения.

Заслуживает внимания утверждение Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилковой и Л. М. Володиной о том, что аргументационно-логический элемент доказывания в деятельности следователя или суда имеет два аспекта: «внутренний» – выражающийся мыслительной деятельностью следователя, и «экспортный» – направленный на обоснование сформированной правоприменительной позиции перед всеми потенциальными «читателями», взаимосвязанный с требованием, предъявляемым к правоприменительным актам, – с их мотивированностью [5].

Высказанная позиция подтверждается и анализом норм УПК РФ, касающихся вынесения постановления о возбуждении уголовного дела: согласно п. 3 ч. 2 ст. 146 УПК РФ в постановлении о возбуждении уголовного дела указываются повод и основание для возбуждения уголовного дела, а исходя из положений ч. 2 ст. 140 УПК РФ «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Следовательно, в постановлении о возбуждении уголовного дела должны быть приведены данные, из которых следователь сделал вывод о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Как справедливо отметил С. О. Махтук, «основание – есть ... проанализированные данные, достаточность которых установлена по результатам этого анализа» [6]. Как уже было отмечено выше, лишь 17 % опрошенных следователей в постановлении о возбуждении уголовного дела ссылаются на собранные данные, анализируют их и дают им оценку. Между тем, такой подход значительно облегчает процессуальный контроль и способствует реализации прав участников уголовного судопроизводства, дает им возможность обосновать заявленные ходатайства.

Большинство следователей, отказываются приводить конкретные собранные в стадии возбуждения уголовного дела данные, ссылаясь на то, что правом на получения копии постановления о возбуждении уголовного дела обладает значительный круг лиц (потерпевший, подозреваемый, защитник), что приводит к преждевременному ознакомлению их с объемом собранных по делу доказательств. Например, указание опрошенных лиц и изложение полученных от них сведений, обличающих подозреваемого (в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица) в со-

вершении преступления и указывающих на возможность обнаружения иных доказательств, создает почву для оказания противодействия расследованию путем воздействия на потенциальных свидетелей или сокрытия следов преступления, которые можно было бы обнаружить в процессе расследования. Некоторые прокуроры на местах, соглашаясь с приведенной позицией, тем не менее, требуют от следователя дополнительных пояснений, в том числе – в форме письменного анализа собранных доказательств в непроцессуальных документах, именуемых ими «Аналитической справкой», «Анализом доказательств».

Также уместно отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ, оперирует оценочными категориями, создающими условия для совершения следственных ошибок [7, с. 9], такими как достаточность данных, оснований, доказательств. Достаточность каждый из участников уголовного судопроизводства может оценивать неоднозначно, поэтому представляется целесообразным обязать следователя мотивировать принятые решения, ссылаясь на собранные доказательства. Можно предложить такую структуру описательной части постановления о возбуждении уголовного дела:

- 1) указание повода;
- 2) описание признаков преступления (выводов следователя по результатам рассмотрения материала проверки сообщения о преступлении);
- 3) изложение основания – краткого содержания собранных данных с указанием на конкретные установленные при помощи этих данных юридические факты;
- 4) вывод о достаточности данных для принятия процессуального решения.

Аналогичным образом следует обосновывать достаточность доказательств, данных или сведений и в иных процессуальных решениях.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд. 11-е. – Москва: «Русский язык», 1975. – 846 с.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 02.10.2024).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 02.10.2024).
4. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Антонович Е. К., Вилкова Т. Ю., Володина Л. М. и др. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. – 448 с. // Справоч.-правовая система «КонсультантПлюс.– Режим доступа: по подписке.
6. Махтук С. О. К вопросу о достаточности доказательств, оснований и данных в уголовном процессе // Российский следователь. – 2022. – № 2. – С. 31-35.
7. Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем: учеб. пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2012. — 88 с.

ОДИНАЗОДА Исфандиёр Ахмад

кандидат юридических наук, Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, докторант кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассматриваются особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве согласно законодательству Республики Таджикистан. Исследуются характерные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности, их роль и значение в досудебном производстве. Обосновываются классификационные критерии и способы использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, досудебное производство, уголовный процесс, использование результатов, Республика Таджикистан, законодательство, классификационные критерии, доказывание.

Одиназода И. А.

ODINAZODA Isfandiyor Akhmad

Ph.D. in law, Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, doctoral student of Criminal process sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES AND THEIR USE IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS UNDER THE LAWS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article examines the features of using the results of operational-search activities in pre-trial proceedings in accordance with the legislation of the Republic of Tajikistan. The characteristic aspects of using the results of operational-search activities, their role and importance in pre-trial proceedings are studied. The classification criteria and methods of using the results of operational-search activities at the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation are substantiated.

Keywords: operational-search activity, pre-trial proceedings, criminal process, use of results, Republic of Tajikistan, legislation, classification criteria, evidence.

В современном правовом поле Республики Таджикистан наблюдается актуальная проблема, связанная с регламентацией и использованием результатов оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД) в рамках уголовного судопроизводства, особенно на стадиях досудебного производства. В связи с этим возникает необходимость анализа существующих правовых коллизий и законодательных инициатив, направленных на оптимизацию нормативной правовой базы в этой сфере. Особое внимание уделяется вопросам использования результатов ОРД в системе уголовного судопроизводства, определения статуса лиц, привлекаемых к оперативно-розыскным мероприятиям, а также уточнения понятийного аппарата и механизма практического использования результатов ОРД в ходе досудебного производства.

По мнению В. А. Семенцова и У. К. Дзабиева, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность тесно взаимосвязаны, объединены общей целью и схожими задачами [3, с. 162]. Результаты оперативно-розыскной работы широко применяются в досудебном производстве, где ключевым направлением их использования является уголовно-процессуальное доказывание.

В. А. Семенцов и У. К. Дзабиев в своем исследовании указывают и на другие направления использования результатов ОРД: они могут служить основой для подготовки следственных действий, содействовать розыску скрывающихся лиц, выступать поводом к возбуждению уголовного дела и обеспечивать безопасность участников судопроизводства. Отмечается

также непроцессуальное использование этих результатов в качестве ориентирующей информации, помогающей следователям определять направления расследования и выстраивать тактику, что свидетельствует о значимости данного института в системе уголовного судопроизводства [3, с. 163].

Н. Б. Ходжаева рассматривает различные аспекты работы с вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве по законодательству Республики Таджикистан, в том числе имеющие отношение к проблематике использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве [4, с. 227].

З. Х. Искандаров и А. И. Сафарзода проводят комплексное исследование проблем использования результатов ОРД в уголовном процессе Республики Таджикистан касательно определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» и их признания в качестве доказательств. Авторы рассматривают опыт других государств, в частности России, по данному вопросу, вместе с тем изучают различные мнения ученых относительно определения и использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства при использовании результатов ОРД в доказывании. На основе проведенного анализа З. Х. Искандаров и А. И. Сафарзода вносят предложения по совершенствованию законодательства Таджикистана в сфере использования результатов ОРД в уголовном процессе с учетом международного опыта [5, с. 52-53].

Изучение процессуально-правовых аспектов использования результатов оперативно-розыскной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства согласно законодательству Таджикистана обусловлено рядом факторов. Прежде всего важно рассмотреть специфические задачи, решаемые с помощью ОРД на начальном этапе – при проверке информации о преступлениях [6, с. 83]. Многолетняя практика проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) показывает, что эффективное противодействие преступности невозможно без интеграции ОРД во все стадии уголовного процесса [7, с. 11].

Необходимо акцентировать внимание на правозащитных аспектах обеспечения конституционно-правовых гарантий граждан Республики Таджикистан в рамках оперативно-розыскной деятельности. Особую значимость данный аспект приобретает в рамках досудебного производства, характеризующегося ограниченными возможностями реализации судебного контроля. В частности, на стадии предварительного расследования судебный контроль осуществляется не только в отношении отдельных следственных действий и мер процессуального принуждения, затрагивающих конституционные права граждан, но и при обжаловании в суд любых действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования. В то же время большинство оперативно-розыскных мероприятий проводится без предварительного судебного санкционирования [8, с. 60].

Актуальность анализа уголовно-процессуальных аспектов использования результатов оперативно-розыскной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в Таджикистане обусловлена двойственной природой факторов: спецификой оперативно-тактических задач и необходимостью обеспечения правозащитной функции государства. Это формирует комплексный подход, учитывающий прагматические аспекты правоохранительной деятельности и соблюдение прав личности.

В рамках исследования целесообразно осуществить анализ нормативно-правового определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» и выявить особенности оперативно-розыскных мероприятий, реализуемых на этапах досудебного производства. Такой подход позволит систематизировать особенности использования результатов ОРД не только на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщений о преступлении, но и на других этапах уголовного процесса, включая предварительное расследование и судебное разбирательство. Это обеспечит комплексное понимание роли и значения результатов ОРД в уголовном судопроизводстве в целом.

Р. Р. Рахмаджонзода, А. Л. Арипов, А. М. Махмадализода и другие авторитетные представители таджикской юриспруденции сформулировали консолидированную позицию в отношении определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности». Согласно их трактовке, под результатами ОРД следует понимать фактические данные, полученные сотрудниками уполномоченных ведомств при реализации своих законных полномочий в соответствии с Законом Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД РТ) [2, с. 25]. Этот информационный комплекс содержит сведения о лицах, причастных к подготовке и осуществлению преступлений, в том числе о содержательных аспектах потенциальных угроз национальной безопасности [9, с. 40].

Представленная дефиниция анализируемого термина демонстрирует определенную степень ограниченности.

Данная ограниченность определения может быть аргументирована следующим образом: в предложенной концептуализации отсутствуют элементы, касающиеся действий фигурантов по сокрытию обстоятельств, ассоциированных с совершенным криминальным деянием. Более того, неполный характер вышеуказанного определения обусловлен недостаточной интеграцией в него спектра задач ОРД, которые, однако, явно представлены в ст. 3 Закона об ОРД РТ. Эти задачи включают:

- комплекс правоохранительных функций ОРД по противодействию преступным акциям, с идентификацией лиц, причастных к их совершению;
- задачи, связанные с выявлением и фиксацией имущества, подлежащего судебной конфискации, что осуществляется правоохранительными органами в рамках обеспечения исполнения потенциального приговора суда;
- информационно-аналитические задачи ОРД в сфере обеспечения безопасности используемых информационно-технологических систем;
- превентивные и стратегические задачи по аккумуляции данных, отражающих потенциальные угрозы нарушения общепризнанных прав и свобод граждан и безопасности Республики Таджикистан в различных аспектах.

Следует отметить, что указанные задачи ОРД имеют косвенное отношение к использованию результатов ОРД в уголовном процессе, так как они определяют общие направления оперативно-розыскной деятельности, результаты которой могут быть в дальнейшем использованы в уголовном судопроизводстве.

Дефиниция «результаты оперативно-розыскной деятельности» не отражена в нормативно-правовом поле Таджикистана, что создает амбивалентность в правоприменительной практике. Отсутствие четкой регламентации данного понятия в законодательстве представляет барьер для адекватной интерпретации и использования результатов ОРД [10, с. 183].

Предлагается дополнить ст. 1 Закона об ОРД РТ абзацем 24 следующего содержания: «Результаты оперативно-розыскной деятельности – это совокупность сведений, полученных в соответствии с настоящим законом уполномоченными сотрудниками при выполнении задач ОРД. Эти сведения включают информацию о признаках преступлений и лицах, причастных к их совершению, а также о возможных угрозах национальной безопасности Республики Таджикистан». Это позволит устранить пробел в законодательстве и создать единый подход к пониманию результатов ОРД.

Предложенная дефиниция обладает следующими преимуществами:

- 1) охватывает весь спектр задач ОРД, предусмотренных законодательством;
- 2) акцентирует внимание на легитимности получения информации;
- 3) подчеркивает комплексный характер получаемых данных;
- 4) указывает на связь с обеспечением национальной безопасности.

Введение предложенной дефиниции имеет потенциал для существенного улучшения правоприменительной практики в области оперативно-розыскной деятельности и способен обеспечить более строгую регламентацию использования ее результатов в уголовном судопроизводстве. Данное улучшение может быть реализовано посредством нескольких ключевых механизмов. Прежде всего, уточнение понятия

«результаты оперативно-розыскной деятельности» позволит минимизировать возможности для неоднозначных интерпретаций при их оценке и использовании в уголовном процессе. Кроме того, четкое определение содержания результатов ОРД предоставит следователям и судьям более ясное представление о том, какого рода информацию они могут ожидать от оперативных подразделений.

Унификация подхода к пониманию результатов ОРД не исключает стать катализатором для более эффективного взаимодействия между оперативными и следственными подразделениями, что в свою очередь может привести к повышению качества и скорости расследования уголовных дел. Более того, наличие четкого определения способен послужить основой для разработки более детальных инструкций и методических рекомендаций по использованию результатов ОРД в процессе доказывания. Это, в свою очередь, может способствовать повышению качества подготовки материалов ОРД для их последующего использования в уголовном процессе, что потенциально способен привести к увеличению доли успешно расследованных и раскрытых преступлений.

В результате проведенного исследования актуальных аспектов использования результатов ОРД в досудебном производстве по законодательству Республики Таджикистан можно сделать следующие выводы: во-первых, выделены правовые особенности дефиниции «результаты оперативно-розыскной деятельности» в виде отсутствия в законодательстве этого термина. Для устранения этого недостатка рекомендовано включить в закон соответствующее понятие; во-вторых, обобщены характерные аспекты результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в виде данных, которые установлены согласно Закону об ОРД РТ [2] компетентными сотрудниками и могут включать оперативные сведения, необходимые для реализации задач ОРД до момента направления в суд соответствующего уголовного дела. В этой связи установлено формальное несоответствие некоторых норм и предложено соответствующее изменение норм УПК РТ [1].

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. 816 с.
2. Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. по сост. на 18 июля 2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. 155 с.
3. Семенцов В. А., Дзабиев У. К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161-165.
4. Ходжаева Н. Б. Собираение и представление вещественных доказательств в уголовном процессе // Права человека: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной празднованию дня принятия Всеобщей декларации прав человека, Душанбе, Таджикистан, 09 декабря 2022 года / Под редакцией Н. Ш. Курбонализода. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2022. С. 221-232.

5. Искандаров З. Х. и Сафарзода А. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 3 (43). Р. 51-57. – EDN RHNAOQ Васьяковская Е. В. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис... канд. юрид. наук. 12.00.09. Красноярск, 2005. 22 с.
6. Васьяковская Е. В. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Красноярск, 2005. 22 с.
7. Карягина О. В., Шевченко А. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2024. № 1 (41). С. 59-63.
8. Рахимзода Р. Х. Оперативно-розыскная политика по обеспечению экономической безопасности Республики Таджикистан: проблемы теории, методологии и практики (историко-правовой и общетеоретический анализ): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Душанбе, 2018. 582 с.
9. Рахмаджонзода Р. Р., Арипов А. Л., Самиев Н. М., Махмадализода А. М., Касимова М. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Республики Таджикистан: научно-практическое пособие. Душанбе: «ЭР-граф», 2019. 44 с.
10. Рахмаджонзода Р. Р., Ализода П. Х., Таджали Д. А. Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан. Душанбе: «ЭР-граф», 2019. 236 с.

СИНКЕВИЧ Вероника Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России

КОЛБАСИНА Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

КАТРЫЧ Анастасия Александровна

преподаватель кафедры уголовного процесса, Ростовский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЛИЧНОГО ОБЫСКА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРИЧИНА ФОРМИРОВАНИЯ НЕДОПУСТИМОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В научной статье анализируется правовая регламентация личного обыска в части производства данного следственного действия при проведении обыска в жилище в призме соблюдения конституционных прав человека и гражданина, недопустимости необоснованного ущемления таких прав. Посредством изучения соответствующей научной литературы, судебной и следственной практики автором обосновывается вывод о существовании правового пробела в ст. 184 УПК РФ и его негативном влиянии с точки зрения реализации назначения уголовного судопроизводства в целом, так и формирования недопустимого доказательства. В научной статье формулируется предложение о внесении в ст. 184 УПК РФ изменений в части производства личного обыска в случаях, не терпящих отлагательства, в ходе обыска в жилище, помещении или ином месте.

Ключевые слова: доказательство, недопустимое доказательство, личный обыск, обыск в жилище, судебный контроль, назначение уголовного судопроизводства, ограничение конституционных прав.

SINKEVICH Veronika Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor Criminal process sub-faculty of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies, Volgograd Academy of the MIA of Russia

KOLBASINA Elena Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

KATRICH Anastasiya Alexandrovna

lecturer of Criminal process sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PERSONAL SEARCH UNDER THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A REASON FOR THE FORMATION OF INADMISSIBLE EVIDENCE

The scientific article analyzes the legal regulation of a personal search in terms of the production of this investigative action when conducting a search in a home in the prism of respect for the constitutional rights of man and citizen, the inadmissibility of unjustified infringement of such rights.

By studying the relevant scientific literature, judicial and investigative practice, the author substantiates the conclusion about the existence of a legal gap in Art. 184 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and its negative impact from the point of view of the implementation of the purpose of criminal proceedings in general, and the formation of inadmissible evidence.

The scientific article formulates a proposal to include in Art. 184 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the conduct of a personal search in urgent cases during a search in a home, premises or other place.

Keywords: evidence, inadmissible evidence, personal search, home search, judicial control, appointment of criminal proceedings, limitation of constitutional rights.

Уголовно-процессуальная деятельность для успешного разрешения назначения уголовного процесса предполагает необходимость оперирования только такими доказательствами, которые собраны в точном соответствии с установленной процессуальной формой. Доказательства, полученные в нарушение процессуального порядка, признаются в уголовном судопроизводстве недопустимыми доказательствами и не могут использоваться при расследовании преступления. Вопросы признания доказательств недопустимыми доказательствами значимы и злободневны, как с точки зрения теории уголовно-процессуального права, так и следственной и судебной практики. Проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель в практической деятельности, как в досудебном, так и в судебном производстве, обусловлены, в том

числе, несовершенством уголовно-процессуального закона, наличием пробелов и коллизий норм, регулирующих, в частности, порядок производства следственных действий, являющихся основным инструментарием собирания и проверки доказательств по уголовному делу.

Еще в 2006 году В. В. Терехин в своем диссертационном исследовании «Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты» обращал внимание на «острейшую научно-практическую дискуссию» исследуемой тематики [1, с. 3]. Ученый-процессуалист отмечал противоречивость правовых норм, расплывчатость отдельных положений ст. 75 УПК РФ, негативное влияние неопределенности правовых положений, в частности, п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, с точки зрения единообразия практики

применения закона. На существенное, важное с практической точки зрения несовершенство ст. 75 УПК РФ обратила внимание и Н. А. Верещагина, обоснованно предлагая п. 3 ч. 2 исключить из ст. 75 УПК РФ в силу дублирования ч. 1 ст. 75 УПК РФ [2, с. 10]. Исследования вопросов допустимости доказательств, недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве проводились и многими другими процессуалистами [3], [4], [5], [6].

В 2017 и 2019 годах ст. 75 УПК РФ претерпела существенные изменения в виде дополнения части второй тремя пунктами (п. 2.1, п. 2.2, п. 2.3) [7], что также обуславливает значимость анализируемых процессуальных проблем.

В настоящей статье вопрос о недопустимости полученных доказательств будет рассмотрен в призмe корреляции с правовыми пробелами положений, регулирующих производство личного обыска.

Изучение судебной практики показало, что несовершенство ч. 5 ст. 165 УПК РФ, ст. 184 УПК РФ отрицательно влияет на формирование единой практики применения соответствующих норм, выполнение назначения уголовного судопроизводства в свете обеспечения прав участников уголовно-процессуальных правоотношений, соблюдения конституционных прав человека.

Приведем пример из судебной практики. В ходе досудебного производства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УК РФ, судом было удовлетворено ходатайство следователя о производстве обыска в жилище ФИО6. При производстве обыска в жилище ФИО6 также находился ее сын ФИО1, у которого в ходе личного обыска был изъят мобильный телефон с установленной в нем сим-картой. Сведения о проведении личного обыска ФИО1 и изъятии мобильного телефона внесены в протокол обыска в жилище ФИО6. Проведение личного обыска ФИО1 обжаловано им в порядке ст. 125 УПК РФ, в результате чего судья вынес постановление о признании личного обыска ФИО1 незаконным, так как следственное действие проведено в нарушение требований ч. 5 ст. 165 УПК РФ, а именно не выполнены требования предоставления соответствующих процессуальных документов в прокуратуру и суд для проверки законности его производства. В дальнейшем прокурором было подано представление в апелляционную инстанцию на данное решение суда с просьбой его отменить в связи с тем, личный обыск ФИО1 не являлся неотложным следственным действием и не проводился в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, что исключало необходимость судебного порядка проверки законности следственного действия, как неотложного. Апелляционным судом представление прокурора оставлено без удовлетворения. В обоснование принятого решения суд апелляционной инстанции указал, что производство личного обыска (без соответствующего постановления) в ходе обыска в жилище предполагает необходимость осуществления последующего судебного контроля на основании ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Таким образом, личный обыск ФИО1 признан незаконным, а органу предварительного следствия предписано устранить допущенные нарушения путем возврата изъятых во время личного обыска имущества [8].

Оспаривание конституционности статей 182, 184 УПК РФ явились также предметом жалобы, поданной недавно в Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, оспаривалась процессуальная возможность производства личного обыска в рамках обыска в жилище без вынесения постановления должностным лицом и без последующей проверки его законности судом при изъятии предметов, до-

кументов или ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела [9]. При том в Определении Конституционным Судом исследованы положения, допускающие производство личного обыска при проведении обыска в жилище, а вопросы последующего судебного контроля в решения суда не рассмотрены.

Ученые также обращали внимание на несовершенство норм, регулирующих производство личного обыска, в части, касающейся исключения возможности осуществления судебного контроля за его проведением при производстве обыска в жилище. Так, например, А. А. Торков, А. А. Лихова предлагали при производстве личного обыска в рамках обыска в жилище выносить постановление о производстве личного обыска в случаях, не терпящих отлагательства, после чего проводить процедуру последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Также авторы обоснованно предлагают помимо вынесения постановления о производстве личного обыска в случаях, не терпящих отлагательства, составление и отдельного протокола, в котором будут зафиксированы ход, результаты, а главное фактическое основание для производства личного обыска [10].

На необходимость руководствоваться ч. 5 ст. 165 УПК РФ при производстве личного обыска в рамках обыска в жилище указывают и другие авторы [11].

Безусловно, в ходе расследования преступлений нередко возникает необходимость в применении процессуальных мер и действий правоограничительного характера, в том числе могут быть в установленном законом порядке ограничены и конституционные права граждан. В качестве гаранта обоснованного и законного применения таких мер выступает суд, осуществляющий в уголовном судопроизводстве контроль за указанной деятельностью должностных лиц [12].

Соглашаясь с точкой зрения вышеуказанных ученых, полагаем, что в случаях, когда в ходе расследования преступления при производстве обыска в помещении или обыска в жилище возникает необходимость в проведении личного обыска, основываясь на положениях ч. 2 ст. 184 УПК РФ, он может быть проведен без постановления о производстве личного обыска, однако после его проведения следователь или дознаватель должны выполнить требования ч. 5 ст. 165 УПК РФ, предусматривающей осуществление последующего судебного контроля посредством направления соответствующих процессуальных документов в прокуратуру и суд. Это позволит минимизировать последствия, которые могут наступить в результате состоявшегося юридического действия без судебного санкционирования или устранения уже наступивших последствий путем наступления уголовно-процессуальных санкций [13]. Личный обыск в ходе обыска в жилище, полагаем, проводится в целях недопущения сокрытия предметов или орудий преступления, а также иных предметов, которые могут иметь значение для установления предмета доказывания по делу. Это те основания неотложности, которые указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации [14].

В целях единства правоприменительной практики и недопущения дуализма толкования правовых норм при производстве личного обыска в рамках обыска в помещении или жилище считаем целесообразно дополнить ч. 2 ст. 184 УПК РФ положением о необходимости в таком случае выполнить требования, предусмотренные ч. 5 ст. 165 УПК РФ, уведомив прокуратуру и суд о производстве личного обыска. Предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 165 УПК РФ «Личный обыск может быть произведен без соответствующего постановле-

ния при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. В этом случае следователь или дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия».

Думается, такое формулирование ч. 2 ст. 184 УПК РФ позволит не только избежать двоякого толкования необходимости осуществления последующего судебного контроля при производстве личного обыска в рамках иных видов обыска, но и избежать формирования недопустимых доказательств при расследовании преступлении.

Пристатейный библиографический список

1. Терехин В. В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 28 с.
2. Верещагина Н. А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2008. – 26 с.
3. Меринов Э. А. Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – 22 с.
4. Зубарев А. А. Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 29 с.
5. Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – 28 с.
6. Ерпылев И. В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 30 с.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 17.04.2017 № 73-ФЗ (последняя редакция) @@ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2019 № 498-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341805/#dst100009 (дата обращения: 24.09.2024).
8. Дело № 22-2070/2020 // Верховный суд республики Крым, апелляционное постановление. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/K1p8LMGT5qZE/> (дата обращения: 24.09.2024).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2023 № 2612-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Булатниковой Татьяны Вадимовны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетних детей статьями 182 и 184 Уголовно-процессуально-го кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=782812#lsFdmPUwdRwgTjvY1> (дата обращения: 29.09.2024).
10. Торовков А. А., Лихова А. А. О некоторых процессуальных особенностях производства личного обыска при производстве обыска в жилище // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (41). – С. 66-68.
11. Шепелева С. В. Судебный контроль при производстве личного обыска // Право и законность: вопросы теории и практики: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 23-24 апреля 2021 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2021. – С. 50-51.
12. Митькова Ю. С., Синкевич В. В. Судебный контроль за производством следственных действий на стадии предварительного расследования: учебное пособие. – Волгоград, 2023. – 78 с.
13. Митькова Ю. С. Проверка судом законности осмотра жилища, проведенного в безотлагательном режиме: отдельные правовые и практические аспекты // Форум. – 2022. – № 1 (27). – С. 190-193.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения 29.09.2024).

СМОЛЬЯКОВ Анатолий Антонович

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общеправовых дисциплин, Ленинградский областной филиал, Санкт-Петербургский университет МВД России, Заслуженный юрист РФ

ШУНК Виктория Эдуардовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

В статье подчеркивается важность создания системы ювенальной юстиции в России, целесообразность введения которой обусловлена ее направленностью на регулирование наиболее приоритетного для государства вопроса: защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Обсуждаются принципы работы судебной системы через призму введения ювенальной юстиции.

Ключевые слова: осуществление правосудия, ювенальная юстиция, правосудие, несовершеннолетний преступник, ювенальный суд, осуждение несовершеннолетних, органы опеки.

SMOLYAKOV Anatoliy Antonovich

Ph.D. in Law, professor, professor of General legal disciplines sub-faculty, Leningrad regional branch, St. Petersburg University of the MIA of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

SHUNK Viktoriya Eduardovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor of Labor law sub-faculty, St. Petersburg University of the EMERCOM of Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF JUVENILE JUSTICE IN THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

The article emphasizes the importance of creating a juvenile justice system in Russia, the expediency of which is due to its focus on regulating the most priority issue for the state: protecting the rights and legitimate interests of minors. The principles of the judicial system through the prism of the introduction of juvenile justice are discussed.

Keywords: administration of justice, juvenile justice, justice, juvenile offender, juvenile court, conviction of minors, guardianship authorities.

Совершенствование российской судебной системы происходит на фоне общей гуманизации российского законодательства и либерализации уголовного процесса. Особое внимание отечественных законодателей, правоприменителей и ученых акцентируется на защите прав и законных интересов лиц, которые относятся к наиболее незащищенным слоям населения. Активно и остро поднимаются процессуальные вопросы изменения уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Следует отметить, что применение к лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, особого порядка судопроизводства не является новшеством для отечественного права. Первые, пробные попытки применения ювенальной юстиции в нашем государстве проходили еще в Российской Империи. В 1910 году в Санкт-Петербурге был создан первый орган государственной власти, осуществляющий правосудие в отношении несовершеннолетних. Позднее подобные суды стали активно появляться по территории всего государства: в Москве, Киеве, Саратове и других городах России. Юрисдикцию такого суда составляли дела о преступлениях несовершеннолетних, совершеннолетних подстрекателях, дела о несовершеннолетних в возрасте до 17 лет [2, с. 54]. Судья избирался соответствующим населением с учетом знания специфики возрастной психологии, вследствие данных особенностей на должность назначались не эксперты в области права, а психологи или педагоги, такой подход оказался ошибочным, ведь затрагивает лишь психолого-педагогический аспект ювенальной юстиции. Однако такое явление, как создание «детских судов» не свидетельствует о существовании единой, организованной системы. У такого рода судов не

было даже общего названия, практика осуществления правосудия отличалась разительно, однако такой ценный опыт крайне ярко продемонстрировал возможность применения и выбора более гуманных наказаний за преступления несовершеннолетних, а именно, порядка 60-70 процентов правонарушителей отправлялись под надзор и контроль законных попечителей, а не в тюрьму, как в отсутствие подобных органов. В таком первичном виде «детские суды» просуществовали вплоть до 1918 года, а затем Декретом новой власти они были упразднены.

Ювенальная юстиция – это особо важная правовая область, которая регулирует правовые отношения между несовершеннолетними участниками и государством в лице большого количества различных органов исполнительной и законодательной власти. Осуществление правосудия в отношении лиц, не достигших возраста совершеннолетия, строится на принципе максимальной индивидуализации судопроизводства. Речь идет об исключении формального подхода при осуществлении досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу.

Принцип максимальной индивидуализации уголовного судопроизводства при осуществлении правосудия в отношении детей гарантирует, что каждый несовершеннолетний будет рассмотрен как индивидуум, а не просто как очередное дело на потоке огромного количества других. Это помогает справедливо решать вопросы, связанные с правами и интересами несовершеннолетних и обеспечивает защиту их прав.

Кроме того, ювенальной юстицией можно назвать разветвленную систему, включающую специализированные органы и организации, осуществляющие правосудие, органы

контроля и надзора, а также другие органы, которые занимаются вопросами несовершеннолетних лиц, совершивших преступления. Она создается в целях защиты прав и законных интересов детей, оступившихся и преступивших черту закона.

Наличие правовых элементов ювенальной юстиции, закрепленных в действующей 50 главе Уголовно-процессуального кодекса, таких как особый порядок уголовного судопроизводства, применение принудительных мер воспитательного воздействия, а также возможность освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности и от возможного наказания с заменой на принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего, обусловлены требованиями Конституции Российской Федерации, а также отчасти обязательствами по международным договорам, принятым и ратифицированным Российской Федерацией [1]. Среди них, это Конвенция о правах ребенка, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), Рекомендация 20 Комитета министров Совета Европы «О новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних».

Таким образом, рассмотрев приведенные выше международные договоры можно сформулировать ряд основных целей уголовного судопроизводства в отношении лиц, не достигших совершеннолетия:

1. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних;
2. Недопущение и предотвращение совершения ими новых, повторных преступлений;
3. Профилактика девиантного и делинквентного поведения после отбытия уголовного наказания;
4. Повторная социализация таких несовершеннолетних лиц и их интеграция в нормальное общество;

Следует отметить, что сегодня Российская Федерация реализует уголовную политику в отношении несовершеннолетних лиц без создания специализированных судов. Тем не менее, в некоторых регионах нашего государства проводится ряд экспериментов по внедрению подобных специализаций в суды общей юрисдикции, в них существуют специализированные судебные составы по делам в отношении несовершеннолетних лиц. Так, в ювенальном суде Таганрога проводятся дни профилактики с участием самих осужденных, а также их родителей, представителей органов и учреждений профилактики правонарушений несовершеннолетних лиц. Некоторые российские ученые утверждают, что подобные эксперименты недопустимы и якобы нарушают принцип равенства перед законом и судом, ставят несовершеннолетних участников из разных регионов в неравное положение, однако мы считаем, что без подобных экспериментальных методов, введение изменений в судебную систему может оказаться невозможным.

Проанализировав имеющуюся статистику совершения преступлений несовершеннолетними лицами за 2023 год, можно прийти к выводу о том, что с каждым годом их совершается все меньше и меньше, что конечно же является положительным показателем. В сравнительном анализе с 2010 годом, в 2023 году лицами, не достигшими возраста 18 лет совершено на 46387 преступлений меньше. В 2010 г. – 72692 преступления, в 2023 году – 26310 преступления. Однако показатели все равно остаются высокими, а значит необходимо продолжать совершенствовать уголовно-процессуальную деятельность по делам с несовершеннолетними.

Говоря о правовой системе ювенальной юстиции, следует отметить и действительную необходимость более детального и глубокого анализа работы воспитательных колоний, где несовершеннолетние лица по решению суда отбывают наказание. Как показывает практика, осуждение несовершеннолетних лиц к лишению свободы с очень большой долей вероятности может привести к вовлечению юных, не достаточно окрепших умов в преступные сообщества, вызвать повышенный интерес к антиобщественному противоправному поведению, спровоцировать и инициировать их на вступление в тюремные организации с неправильным образом мышления, в качестве такого негативного примера тюремной организации можно выделить признанную экс-

тремистской криминальную субкультуру «АУЕ» (сокращение от «Арестанский уклад един»), которая до официального запрета была очень популярной среди молодежи отбывающей наказания и не только, в ней пропагандировались ценности, тождественные криминальной идеологии. Следует также признать проблему «криминологического рецидива» несовершеннолетних лиц. Использование этого не стандартного термина обусловлено необходимостью отграничения от уголовного рецидива, так как при признании уголовного рецидива в соответствии с пунктом «б» части 4 статьи 18 УК РФ не учитываются судимости за предыдущие преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет. Особое внимание следует уделить профилактике и недопущению повторных преступлений несовершеннолетних лиц, по аналогии с Таганрогским ювенальным судом проводить дни профилактики, организовать профилактическую работу педагогов-психологов с родителями, законными представителями и преступниками, не достигшими совершеннолетия.

В связи с чем полагаем, что в ювенальных судах необходимо организовать и в дальнейшем реализовывать более подробный анализ возможности исправления несовершеннолетнего преступника без применения к нему такого вида судебного наказания, как лишение свободы, применять принудительные меры воспитательного воздействия, более активно привлекать педагогов-психологов к уголовному процессу и процессу ресоциализации и реинтеграции в российское общество. Активно осуществлять привлечение несовершеннолетнего осужденного и его родителей, законных представителей к различного рода деятельности, направленной на исправление несовершеннолетнего преступника. Есть возможность предположить, что применение к несовершеннолетним лицам такой меры судебного решения, как обязательные и принудительные работы вполне может стать результативным, а для большей эффективности предлагать к существующим ограничениям для лиц до 18 лет увеличить верхнюю параметр нормы выработки в день. При этом ко всем вступившим в законную силу судебным решениям проводить с несовершеннолетними лицами воспитательную и разъяснительную работу целях повышения их образовательного и культурно-нравственного уровня.

Подводя итоги рассмотренному вопросу, хотелось бы сказать, что существует действительно реальная необходимость создания системы ювенальных судов, которые будут осуществлять уголовное правосудие, опираясь на более подробный, качественный анализ не только характеристик несовершеннолетнего, как субъекта преступления, но и его личностные характеристики. Считаем, что необходимо выделить ювенальные суды из судов общей юрисдикции и принять должные меры по качественной, профессиональной подготовке кадров для их будущих сотрудников, обратится к опыту прошлых лет в системе образования и включить как обязательный предмет для всех юридических специальностей возрастную психологию, повышать специализированную компетентность судей в этой отрасли. Только комплексная, многокомпонентная работа в сотрудничестве с органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних, органами управления в сфере образования, органами социальной защиты населения и другими государственными органами, способна в реальности улучшить показатели в области профилактики преступности несовершеннолетних лиц и понизить статистику криминологических рецидивов лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Атаманов Руслан Равилевич История развития отечественной ювенальной юстиции // Вопросы российской юстиции. - 2019. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-otechestvennoy-yuvenalnoy-yustitsii> (дата обращения: 06.04.2023).

ШАМШИНА Ольга Сергеевна

старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Волгоградская академия МВД России

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается понятие и сущность принципа законности при производстве по уголовному делу, анализируется содержание ст. 7 УПК РФ, а также отдельные нормы УПК РФ. Поднимается проблема перманентности того закона, строгие требования о применении которого содержит ч. 1 ст. 7 УПК РФ. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие уголовно-процессуального закона должно учитывать не только аспекты законодательной техники, но и практику его применения, а также положительный опыт и мнение ученых процессуалистов.

Ключевые слова: законность, принципы уголовного процесса, принцип законности при производстве по уголовному делу, недопустимые доказательства, существенные нарушения.

SHAMSHINA Olga Sergeevna

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE CONCEPT AND MAINTENANCE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the concept and essence of the principle of legality in criminal proceedings, analyzes the content of Article 7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as certain norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The problem of the permanence of the law, the strict requirements for the application of which contains Part 1 of Article 7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is raised. The conclusion is made that the further development of the criminal procedure law should take into account not only aspects of legislative technique, but also the practice of its application, as well as the positive experience and opinion of scientific processualists.

Keywords: legality, principles of criminal procedure, the principle of legality in criminal proceedings, inadmissible evidence, significant violations.

В уголовно-процессуальной доктрине принцип законности при производстве по уголовному делу относится к категории самых исследованных, несмотря на то, что нормативное закрепление он получил лишь с принятием УПК РФ, до этого момента он не был оформлен в самостоятельную уголовно-процессуальную норму. Тема законности, которая является актуальной на протяжении всего существования правоохранительных органов, не потеряла интереса к обсуждению и в настоящее время.

Прежде чем характеризовать принцип законности и особенности его реализации в уголовном процессе, следует сказать, что принцип законности является общеправовым принципом. Универсальность этого понятия заключается в том, что оно применимо к любой отрасли права, что не раз подчёркивалось правоведами.

Большинством авторов понятие законности при производстве по уголовному делу раскрывается через содержание ст. 7 УПК РФ, как неукоснительное требование о строгом применении норм уголовно-процессуального закона, при этом также поднимается проблема перманентности того закона, строгие требования о применении которого содержит ч. 1 ст. 7 УПК РФ.

Кроме того, ряд авторов отмечают несовершенство законодательной конструкции ст. 7 УПК РФ, начиная с наименования статьи. Полагается, что формулировка наименования нормы «Принцип законности при производстве по уголовному делу», ограничивает сферу его действия момент возбуждения уголовного дела, оставляя процессуальную проверку сообщения о преступлении, поскольку уголовное дело еще фактически нет, вне сферы действия. Аналогичная ситуация складывается и со стадией исполнения приговора, поскольку производство по делу уже завершено [1, с. 37].

Так, в ходе процессуальной проверки сообщения о преступлении, когда по сути уголовного дела еще не существует, поскольку оно не возбуждено, производятся следственный и иные процессуальные действия, несмотря на то, что их перечень ограничен ст. 144 УПК РФ, все же порядок их производства регулируется нормами УПК РФ. Следовательно,

публичные субъекты досудебного уголовного производства, которые принимают участие на данном этапе уголовного судопроизводства, также должны соблюдать принцип законности, который следуя данной логике стоило бы изложить в иной редакции и поименовать, как «принцип законности уголовного судопроизводства».

Продолжая анализировать содержание ст. 7 УПК РФ, стоит также остановиться на требованиях законности, обоснованности и мотивированности постановлений публичных субъектов уголовного судопроизводства, закрепленных в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Соблюдение указанных требований к составлению постановления, позволяет проверить законность принятых процессуальных решений. Механизмами, которые обеспечивают законность в уголовном судопроизводстве будут выступать прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль.

Кроме того, положение о недопустимости доказательств, полученных при нарушении норм действующего уголовно-процессуального законодательства, закрепленное в ч. 3 ст. 7 УПК РФ, также выступает гарантией реализации рассматриваемого принципа на всех стадиях уголовного судопроизводства. Поскольку нарушение норм УПК РФ может быть совершено на стадии досудебного производства по уголовному делу, а выявлено только лишь в ходе судебного разбирательства. Так как уголовно-процессуальная деятельность направлена, в конечном счете, на то, чтобы устранять нарушения закона, сама она также должна осуществляться в строгом соответствии с законом.

Как уже отмечалось ранее, тему перманентности УПК РФ, то есть тех норм, которые следует применять затрагивают ряд авторов. Так, многоуважаемый профессор Поляков М. П., обращает внимание на огромное количество изменений, внесенных в УПК РФ с момента его принятия, размышляя над вопросом обоснованности таковых, приходит к выводу, что их необходимость продиктована изменениями в объективной действительности. Подвергает критике принятие в одночасье, в прямом смысле этого слова, законов, которые в случае неудачной попытки легко можно отменить, но в то же

время отмечает, что происходит постоянное развитие сферы общественных отношений и их юридикация, которые как следствия требуют изменений под меняющиеся условия объективной действительности. Вследствие этого вводит новый термин «корректируемая законность», указывающий на перманентность самого закона, который подлежит применению в соответствии с «задачами текущего момента, а не вечной справедливости». [2, с. 475]

Сказанное также находит свое подтверждение в позиции приведенной Маликовой Н. В. и Ямалетдиновой Н. В., которые также отмечают большое количество внесенных изменений в УПК РФ, ввиду изменений в общественных отношениях досудебного и судебного производства, а также предлагают решить некоторые проблемы, возникающие в ходе предварительного расследования очередными правками и дополнениями уголовно-процессуального закона [3, с. 319].

Кроме того, определяя принцип законности при производстве по уголовному делу, также необходимо остановиться и на положениях, закрепленных в ч. 3-4 ст. 7 УПК РФ.

Так, ч. 3 ст. 7 УПК РФ содержит положение о недопустимости доказательств, полученных при нарушении норм действующего уголовно-процессуального законодательства, что выступает гарантией реализации рассматриваемого принципа на всех стадиях уголовного судопроизводства. При этом понятие недопустимых доказательств раскрывается в ст. 75 УПК России, в которой приводятся конкретные ситуации, при которых доказательства признаются таковыми, кроме того ч. 3 данной нормы содержит указания на признание иных доказательств недопустимыми вследствие нарушений требований УПК РФ, это еще раз подчеркивает, что законодатель отвел главенствующую роль в обеспечении принципа законности данному нормативно-правовому акту.

В этой связи, стоит привести позицию профессора Печников Г. А. и Блинкова А. П., которые отмечают данный факт в негативной окраске как дубляж, который обеспечивает «формально-юридическую законность», при этом являются сторонниками «объективно-истинной законности», которая возможна лишь в уголовном процессе с объективной истиной, которую необходимо закрепить в нормах действующего УПК РФ, при этом отмечают, что в состязательном уголовном процессе законность «призвана обслуживать состязательность», таким образом, беря ориентир на «формальную» истину, что носит негативный характер и может привести к судебной ошибке [4, с. 143].

Вместе с тем, ч. 4 ст. 7 УПК РФ содержит требование принципа законности, через обоснованность и мотивированность постановлений публичных субъектов уголовного судопроизводства. Соблюдение указанных требований к составлению постановления, позволяет проверить законность принятых указанными лицами процессуальных решений. Так, к примеру, отсутствие мотивировки в постановлениях следователя может послужить основанием для признания данного процессуального акта незаконным и повлечь его отмену, что может повлечь утрату доказательств, полученных на основании, оформленного данным документом процессуального решения об их получении или изъятии, и как следствие волокиту в расследовании уголовного дела, затрагивая уже иной принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

В доктрине уголовного процесса встречается позиция, что принцип законности, является принципом – принципов, и ему отводится главенствующая роль, ввиду того, что, нарушая любой из принципов уголовного судопроизводства, одновременно затрагивается и принцип законности.

Автору солидаризирует позиция Быданцева Н. А., который отмечает, что исследование данного принципа далеко не исчерпано и невозможно его содержание сводить к тому, что закреплено в ст. 7 УПК РФ, поскольку проблематично поставить знак тождества между законностью и верховенством закона, это всего лишь одна из составляющих. Еще одной составляющей Быданцев Н. А. указывает - наличие эффективного механизма восполнения достаточности правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, поскольку в результате развития социальных отношений могут

возникать пробелы и коллизии, путем толкования права, в том числе применением аналогии, что на его взгляд удачно демонстрирует КС РФ в Постановлениях и Определениях и ВС РФ соответственно в Постановлениях Пленума ВС РФ и Обзорах Президиума ВС РФ. Еще одной составляющей законности выступает – применение, как и понимание, норм уголовно-процессуального права субъектами указанной сферы правоотношений должно быть единообразное, в том числе должен быть предусмотрен механизм правового реагирования на нарушения данных норм. Еще одной составляющей выделяет - неукоснительное соблюдение исполнения, использования и применения участниками уголовного процесса в зависимости от их процессуального статуса правовых норм и правовых позиции КС РФ и ВС РФ, при исключении злоупотребления правом, поскольку на его взгляд законность при злоупотреблении правом законность существовать не может [5, с. 48].

Таким образом, принцип законности является доминирующим в системе принципов права, в том числе занимает главенствующее положение в системе принципов уголовного процесса. С этих позиций принцип законности признаётся конституционным принципом. Принцип законности реализуется через всю систему уголовного процесса. Режимный характер принципа законности обуславливает непрекословное подчинение закону и соблюдение его предписаний в деятельности не только органов расследования, прокуратуры и суда, но и иных участников уголовного процесса.

Подводя итог, следует согласиться с авторами, которые ставят под сомнение полное раскрытие существенных характеристик принципа законности при производстве по уголовному делу через содержание нормы ст. 7 УПК РФ. Думается, что продолжающиеся активные научные дискуссии относительно вопросов совершенствования и применения УПК РФ являются небезосновательными. Таким образом, крайне важно, чтобы дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства учитывало не только аспекты законодательной техники, но и практику его применения, а также положительный опыт и мнение ученых процессуалистов.

Пристатейный библиографический список

1. Чиковани М. А., Есина А. С. К вопросу о законности в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика. – 2024. – № 1. – С. 37-45.
2. Поляков М. П. Корректируемая законность как принцип уголовного процесса // Юридическая техника. – 2023. – № 14. – С. 473-476.
3. Маликова Н. В., Ямалетдинова Н. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: нет предела совершенства // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3 (231). – С. 318-319. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_318.
4. Печников Г. А., Блинков А. П. О формальной и объективно-истинной законности в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46). – С. 140-146. – DOI 10.25724/VAMVD.DGHI.
5. Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 2) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30. № 1 (92). – С. 42-48.
- 6.

ЗАХАРЯН Алексей Александрович

исследователь-выпускник аспирантуры кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной, Российский государственный университет юстиции

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ СУДА И ПРОКУРОРА В ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Данная статья посвящена проблемам участия суда и прокурора в доказывании при рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства сделан вывод о наличии взаимосвязи и взаимообусловленности полномочий суда и прокурора при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: доказывание, суд, прокурор, применение мер пресечения.

ZAKHARYAN Alexey Alexandrovich

researcher-graduate of N. V. Radutnaya Criminal process law sub-faculty, Russian State University of Justice

ON CERTAIN ISSUES OF COURT AND PROSECUTOR PARTICIPATION IN PROVIDING EVIDENCE WHEN THE COURT CONSIDERS APPLYING PRE-TRIAL RESTRICTIONS IN THE FORM OF REMAND IN CUSTODY

This paper is devoted to issues of court and prosecutor participation in providing evidence when the court considers applying pre-trial restrictions in the form of remand in custody. Subsequent to the analysis of the current criminal procedure legislation, the author makes a conclusion about interrelation and interdependence of court and prosecutor powers in cases where the court recourses to pre-trial restrictions in the form of remand in custody.

Keywords: evidence, court, prosecutor, application of pre-trial restrictions.

Конституционное право человека и гражданина на свободу при производстве по уголовному делу может быть ограничено в исключительных случаях, произвольное ограничение этого права не допускается. Ключевую роль в обеспечении прав и свобод личности при применении судами мер пресечения в том числе в виде заключения под стражу играют суд и прокурор.

Эта роль обусловлена общностью целей и схожестью задач суда и прокурора в уголовном судопроизводстве, определенных в качестве его назначения (ст. 6 УПК РФ) и состоящих в обеспечении принятия законных, обоснованных и мотивированных промежуточных судебных решений. Именно назначение уголовного судопроизводства, на наш взгляд, является «неким ядром» или, скажем так, общим «духом деятельности суда и прокурора в уголовном процессе» [2], в том числе и на досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. Эти обстоятельства способствуют процессуальному взаимодействию суда и прокурора в части их участия в доказывании на данном этапе производства по делу, несмотря на имеющиеся различие их уголовно-процессуальных функций.

Обратимся к полномочиям суда по мерам пресечения на стадии предварительного расследования. Как известно, только суд правомочен принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога и о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий (п.1, 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Для обеспечения принятия правосудных решений по этим вопросам при применении мер пресечения на стадии предварительного расследования прокурор обязан доказать, а суд

установить наличие определенной совокупности специальных условий и оснований для избрания указанных мер пресечения (предмет доказывания).

К предмету доказывания при рассмотрении судом материалов уголовного дела в досудебном производстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует отнести:

Во-первых, наличие условий для избрания данной меры пресечения (обоснованность подозрения (обвинения) лица в совершении преступления, не исключающего применение заключения под стражу в качестве меры пресечения и отсутствие обстоятельств, исключающих возможность помещения лица под стражу).

Во-вторых, одного из следующих оснований: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена избранная ранее мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

В-третьих, невозможность применения иной меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Как справедливо указывают А. М. Багмет, Н. В. Османова, установление предмета доказывания требует своего доказывания в соответствующем судебном решении [1].

Обеспечение прокурором прав личности происходит при рассмотрении возможности направления в суд незаконных и необоснованных ходатайств дознавателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В связи с этим прокурор решает задачи по оказанию содействия суду в принятии правосудных решений по уголовным делам, оказывая в даче согласия дознавателю на обращение в суд при

установлении в материалах уголовного дела в досудебном производстве отсутствия необходимых и достаточных оснований и условий для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Другая ситуация складывается в отношениях прокурора при направлении подобного ходатайства следователем, которому в действующем правовом регулировании допускается обращаться в суд с соответствующим ходатайством без санкции прокурора. Как справедливо указывается в литературе, это связано с проблемой «дифференциации надзора прокурора в зависимости от формы предварительного расследования» [6]. Несмотря на отсутствие научно обоснованных критериев для различия полномочий прокурора по отношению к следователю и дознавателю, такая дифференциация продолжает сохраняться в актуальной редакции УПК РФ.

Кроме этого, важным составляющим этапом обеспечения прав и свобод личности в досудебном производстве является стадия подготовки к судебному заседанию по рассмотрению судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Исходя из этого, как указывается в литературе, подготовка к судебному заседанию по рассмотрению материалов в досудебном производстве имеет важное значение для «формирования совокупности материалов, подлежащих рассмотрению в судебном заседании» [5].

Качество сформированного материала уголовного дела в досудебном производстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обеспечивает возможность принятия его судом к производству. К сожалению, в практической деятельности суда возникают ситуации, когда указанные ходатайства, поступающие от органов предварительного следствия, не отвечают требованию обоснованности. В этой связи И. С. Дикарев, С. М. Юткина отмечают, что «на практике сформировался дополнительный критерий возвращения ходатайства об избрании или продления меры пресечения без рассмотрения – отсутствие материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства» [3].

Взаимообусловленность полномочий суда и прокурора при применении мер пресечения в виде заключения под стражу проявляется в исследовании и оценке судом и прокурором доказательств. Как справедливо отмечают И. Р. Хроменков, О. В. Качалова, «суд активно участвует в досудебном производстве во время рассмотрения различных материалов (ходатайств и жалоб), осуществляя индивидуальное судебное регулирование при обеспечении правовых интересов в каждом конкретном случае» [4]. Соглашаясь с мнением указанных учёных, полагаем, что именно исследование и оценка судом фактических обстоятельств дела позволяет вынести в том числе правосудное промежуточное судебное решение об избрании (продлении срока) меры пресечения или об отказе в её применении.

Как верно указывает Конституционный Суд Российской Федерации в своём Определении от 06.04.2023 № 753-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарубина Александра Игоревича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 108 Уголовно-процессуального закона Российской Федерации», «при разрешении вопросов, связанных с заключением под стражу, каждый суд в равной мере должен исследовать фактические и правовые основания для избрания этой

меры пресечения при обеспечении подозреваемому возможности довести до суда свою позицию¹». В ином своём Постановлении от 06.12.2011 № 27-п «По делу о проверке конституционности ст.107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской республики А. Т. Федина» Конституционный Суд Российской Федерации также делает вывод о том, что вопрос о применении мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, фактически связанных с лишением свободы человека, «не должен решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий», а должен основываться «на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств»². В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации также обращает внимание судей, прокуроров и иных участников уголовного судопроизводства на невозможность вынесения без проведения полноценного доказывания правосудного промежуточного судебного решения по такой категории материалов уголовного дела в досудебном производстве.

Взаимосвязанность полномочий суда и прокурора по исследованию и оценке доказательств в том числе относится к признанию доказательств недопустимыми. В соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ прокурор вправе по собственной инициативе или по ходатайству подозреваемого, обвиняемого признать доказательство недопустимым. Это правомочие прокурора распространяется в том числе на досудебные стадии уголовного судопроизводства. Не относится к исключению и этап предварительного расследования, связанный с решением вопроса об аресте подозреваемого (обвиняемого). В соответствии с ч. 4 ст. 88 УПК РФ таким же полномочием наделен и суд, но только в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ, то есть уголовно-процессуальный закон определил тем самым отлагательные условия для реализации права на признание судом доказательства недопустимым в виде распространения этого права только на судебные стадии. Как свидетельствует судебная практика³, суды в процессе рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения, отказывают сторонам в удовлетворении их ходатайств о признании доказательств, подтверждающих те или иные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения об аресте, недопустимыми.

Подобная практика вызывает необходимость внесения изменений в ст. 88 УПК РФ с указанием на полномочие суда признавать доказательства недопустимыми на всех стадиях уголовного судопроизводства. При действующей редакции этой статьи было бы желательным внести дополнение в по-

- 1 Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 753-о от 06.04.2023 О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарубина Александра Игоревича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 108 Уголовно-процессуального закона Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023).
- 2 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 27-п от 06.12.2011 «По делу о проверке конституционности ст.107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» (СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2023).
- 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/3/19/nedopustimost_dokazatelstv_ispolzuemyh_sudom_dlya_izbraniya_mery_presecheniya (дата обращения: 02.10.2023).

становление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41⁴ о разъяснении права подозреваемому (обвиняемому) на обращение с подобным ходатайством к прокурору. На наш взгляд, реализация указанного предложения в большей степени обязывает прокурора рассматривать соответствующее ходатайство и при наличии оснований признавать доказательства недопустимыми. Поэтому данное решение будет учитываться, в первую очередь, самим прокурором для определения его позиции в разрешении вопроса о заключении под стражу подозреваемого (обвиняемого).

Подобное соотношение контрольно-надзорных полномочий суда и прокурора характерно и при решении вопросов, связанных с рассмотрением ходатайств следователя, дознавателя о продлении сроков содержания под стражей обвиняемого. При этом основным отличием существа доказывания обоснованности таких ходатайств является расширение предмета доказывания. Из-за действий ряда недружественных стран, связанных с введением неправомерных ограничительных мер (санкций) и исключением (прекращением) членства России в Совете Европы, Российская Федерация была вынуждена выйти из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, денонсировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод.⁵

Несмотря на эти обстоятельства, идеи, содержащиеся в данных правовых позициях Европейского суда по правам человека, могут использоваться в действующей судебной и прокурорской практике в части, касающейся обоснования необходимости ограничения основополагающего права человека на свободу и личную неприкосновенность. В связи с этим, основываясь на указанных правовых позициях и российской судебной правоприменительной практики, суд и прокурор при исследовании и оценке доказательств должны исходить из «презумпции свободы» и принимать во внимание в первую очередь не основания, по которым лицо не может быть освобождено, а возможные основания освобождения данного лица, приводя более веские основания о необходимости продления данной меры пресечения [7]. Таким образом, большее внимание в этой судебной ситуации и суд, и прокурор при использовании своих полномочий должны уделять доказыванию возможности избрания мер пресечения, альтернативных заключению под стражу.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что изложенные аспекты соотношения полномочий суда и прокурора по решению вопросов о мере пресечения в виде заключения под стражу подтверждают тезис о наличии взаимосвязи их полномочий и о дополнении их друг другом.

Пристатейный библиографический список

1. Багмет А. М., Османова Н. В. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 39-41.
2. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. – М.: ИД «Городец», 2022. – С. 284.
3. Дикарев И. С., Юткина С. М. Возвращение судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей // Законность. – 2021. – № 11. – С. 44-47.
4. Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. – 2023. – № 1. – С. 177-192.
5. Крипиневиц С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства // Мировой судья. – 2018. – № 9. – С. 27-35.
6. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел. – М.: Норма, 2020. – С. 151.
7. Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: Учебно-методические материалы, подготовленные в рамках программ сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. – Москва: Деловой стиль, 2019. – 82 с.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (СПС КонсультантПлюс).

5 Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» (СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023)).

КОКОРЕВА Любовь Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

КОКОРЕВ Роман Александрович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 207 УК РФ И НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность расследования ложных сообщений об акте терроризма требует комплексного подхода, который включает в себя оперативные, юридические, психологические и технологические аспекты. Основное содержание исследования составляет анализ деятельности следователя по проверке заведомо ложных сообщений об акте терроризма, а также на первоначальном этапе расследования данных преступлений. По итогам исследования авторами сделан вывод, что создание и внедрение конкретных алгоритмов действий для сотрудников правоохранительных органов по реагированию на сообщение о терроризме, а также первоначальных следственных действий при расследовании уголовных дел, возбужденных по статье 207 УК РФ, будет способствовать своевременности раскрытия и эффективности расследования рассматриваемых уголовных дел.

Ключевые слова: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, проверка сообщения о преступлении, первоначальный этап расследования уголовного дела.

KOKOREVA Lyubov Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

KOKOREV Roman Alexandrovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminalistics sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ALGORITHM OF THE INVESTIGATOR'S ACTIONS TO VERIFY REPORTS OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 207 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION

The effectiveness of investigating false reports of an act of terrorism requires a comprehensive approach that includes operational, legal, psychological and technological aspects. The main content of the study is an analysis of the investigator's activities to verify deliberately false reports of an act of terrorism, as well as at the initial stage of the investigation of these crimes. Based on the results of the study, the authors concluded that the creation and implementation of specific algorithms for law enforcement officers to respond to a message about terrorism, as well as initial investigative actions in the investigation of criminal cases initiated under Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation, will contribute to the timely disclosure and effectiveness of the investigation of criminal cases under consideration.

Keywords: knowingly false report of an act of terrorism, verification of a crime report, the initial stage of the investigation of a criminal case.

Расследование уголовных дел, возбужденных по факту заведомо ложных сообщений об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) представляет собой сложную и многоплановую деятельность. Однако действия следователя по проверке ложного сообщения об акте терроризма имеет немало важное значение для эффективности дальнейшего расследования рассматриваемых преступлений. Главное значение проверки рассматриваемых сообщений заключается в предотвращении возможных трагических последствий, связанных с реальным террористическим актом. Конечно, негативным моментом является то, что проверка ложного сообщения требует значительных затрат ресурсов и времени со стороны правоохранительных органов, которые могли бы быть направлены на предотвращение реальной угрозы.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела, возбужденного по факту заведомо ложного сообщения об акте терроризма важным является доказывание события расследуемого преступления, установление лица, его совершившего, определение мотива преступления. Результаты изучения следственной и судебной практики позволяют сделать вывод, что ложные сообщения, чаще всего, происходят

по причине хулиганских побуждений, в целях шутки или по неосторожности и др.

Из проанализированной следственной практики следует, что алгоритм действий следователя по проверке заведомо ложного сообщения об акте терроризма и первоначального этапа расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 207 УК РФ, чаще всего, складывается из производства следующих процессуальных действий. Обозначим данные действия.

1. Осмотр места происшествия, в ходе которого проводится проверка сведений по сообщению об акте терроризма, на наличие взрывных устройств, других опасных предметов, веществ в помещениях. Как следует из анализа результатов правоприменительной практики, в некоторых случаях, лица, сообщившие заведомо ложную информацию, находятся недалеко от места происшествия, являются наблюдателями происходящей эвакуации. Таким образом, следователю, в ходе осмотра места происшествия следует поручить сотруднику уголовного розыска провести оперативно-розыскные мероприятия по установлению лица, причастного к совершению преступления и возможных очевидцев (свидетелей) среди лиц, находящихся недалеко от места происшествия. Кроме этого, у работников, выполняющих функции по охра-

не объекта, следует выяснять нет ли среди лиц, находящихся недалеко от места происшествия тех, с кем были конфликты, кого не пропустили в помещение, кто из посетителей вызвал подозрение или слова с угрозами. Следователю рекомендуется организовать просмотр видеозаписей с видеорекамер наблюдения (при наличии).

2. Явка с повинной. При получении явки с повинной целесообразно уточнять у лица, сообщившего ложную информацию об акте терроризма, мотив преступления, в каком состоянии он находился в момент сообщения о преступлении, по какой причине решил сознаться в преступлении.

3. Объяснение. В ходе получения объяснения у лица, сообщившего ложную информацию (заподозренного, так как процессуальный статус подозреваемого на этапе проверки сообщения о преступлении, к сожалению, пока не нашел своего законодательного закрепления) целесообразно выяснять причины его преступного поведения и условия его совершения. В целях предупреждения новых преступлений следует уточнять у заподозренного лица следующую информацию: что конкретно способствовало принятию решения о ложном сообщении, какую цель преследовал, думал ли о последствиях, предупредили ли его при телефонном разговоре об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, какую информацию лицо предоставило в телефонном разговоре (смс-уведомлении, по электронной почте), имеет ли навыки применения специальных технических средств, в каком состоянии находился в момент ложного сообщения и другое, в зависимости от сложившейся следственной ситуации, и др.

4. Допрос участников уголовного судопроизводства, который является самым распространенным следственным действием на первоначальном этапе расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 207 УК РФ. Допросу подлежат разные группы участников, условно предлагаем их поделить на *пять групп*: 1) лицо, сообщившее заведомо ложную информацию об акте терроризма; 2) должностное лицо, принявшее сообщение о совершенном преступлении; 3) должностные лица, уполномоченные проводить проверку сообщения о преступлении по факту заведомо ложного сообщения об акте терроризма; 4) руководители и иные должностные лица, представляющие организации, предприятия, учреждения, понесшие финансовые убытки вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма; 5) лица, которым что-либо известно о личности звонившего, его преступном деянии, а также сообщившие иные сведения, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела.

К первой группе следует отнести подозреваемых и обвиняемых, у которых в ходе допроса целесообразно выяснять: дату, время сообщения, их количество и способ передачи (телефонный звонок, смс-сообщения, электронные сообщения в информационно-телекоммуникационной сети); абонентские номера телефонов, с которых он звонил (писал сообщения), адрес электронной почты, учетная запись пользователя, IMEI телефона, ID и никнейм учетной записи пользователя в социальной сети или мессенджере; дословное содержание разговора (сообщения), кто ответил на звонок, кем представился, какую информацию сообщил, на каком языке, с применением каких-то жаргонных слов или сленга, были ли угрозы и какие именно; мотив, цель совершения деяния, планировал ли его заранее; когда возник умысел на сообщение ложной информации об акте терроризма, в каком состоянии находился, что побудило на совершение преступления (личная инициатива или было чье-либо влияние), какую подготовку осуществлял (приобретение телефонного аппарата, сим-карты, создание аккаунта, ознакомление с объектом воздействия и т.п.); были ли ранее психические расстройства (сильное душевное волнение), проходил ли лечение, совершал ли ранее в таком состоянии подобные или иные поступки,

связанные с нарушением закона или общепринятых норм поведения; выносилось ли ему ранее официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешения которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, кем и когда; круг лиц, состоящих в близких, семейных либо профессиональных или иных отношениях, лиц, имеющих доступ к средствам связи, которыми он пользуется; и другую подлежащую уточнению информацию, в зависимости от уже сообщенной. По итогам допроса предупреждать, предостерегать подозреваемого (обвиняемого) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешения которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Ко второй группе следует отнести лиц, которые непосредственно получили сообщение о преступлении. Чаще всего это оперативный дежурный, помощник дежурного, дежурный смены в дежурной части, оператор службы «112», специалисты контактного центра. В ходе допроса у данных лиц следует выяснять: что конкретно входит в должностные обязанности по приему информации о террористическом акте; какие конкретно действия обязан предпринять; реально ли воспринималась угроза звонившего о террористическом акте; о чем конкретно разговаривали, уточнял ли возможности звонившего по реализации террористического акта (служил в армии, имеет навыки минирования, владеет ли специальными навыками); предупреждал ли звонившего про ответственность и последствия заведомо ложного сообщения об акте терроризма; текст сообщения (язык, стиль, употребление специальных терминов, жаргона и иных особенностей), указывающий на личность, возраст, его возможное место нахождения; причиненный материальный ущерб, затраченный на выезд задействованных сотрудников для проверки заведомо ложного сообщения: отвлечение их от выполнения функциональных обязанностей, затраченные средства по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности; и др.

К третьей группе следует отнести должностных лиц, которые принимают непосредственное участие в выезде на место происшествия: ответственные от руководства, следователи, дознаватели, сотрудники уголовного розыска, участки уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы, сотрудники аварийно-спасательных служб, водитель и персонал скорой медицинской помощи и др. В ходе допроса необходимо выяснить обстоятельства, позволяющие установить: лицо, получившее информацию, дату, время, место отработки данного сообщения; круг должностных обязанностей (в том числе при работе в составе группы/коллектива) при получении сообщения и прибытии на место происшествия; место нахождения по прибытию для проверки на месте происшествия, какие конкретно действия осуществляли (например, был ли установлен пожарный гидрант, было ли его предварительное развертывание, применялась ли служебная собака на предмет обнаружения целевых объектов по запаху взрывных веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов). Полученные сведения могут указывать на ущерб причиненный в ходе проверки ложного сообщения; количество эвакуированных лиц и вывезенных материальных ценностей, обследуемые места и территории; результаты осмотра (выявление взрывных веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов, их муляжей или их отсутствие); и др.

При допросе лиц *четвертой группы* целесообразно выяснять обстоятельства: о наличии серьезных конфликтных ситуаций и их сторон (например, увольнение с работы, лишение премии или штрафные санкции, связанные с невыполнением или недолжным выполнением работы, отказ в

принятии на работу, неудовлетворительные оценки, планируемые формы аттестации обучающихся); о лицах, ранее допускаявших высказывания с угрозами, их причины, возможные очевидцы таких ситуаций; какие убытки потерпели со стороны лица, сообщившего заведомо ложное сообщение об акте терроризма (конкретные финансовые потери, в чем они выразились (к примеру, потеря потенциальных клиентов и выручки и др.);

К пятой группе участников следует отнести знакомых, близких лиц или родственников подозреваемых (обвиняемых), у которых необходимо выяснить: в каких отношениях они находятся с подозреваемым (обвиняемым); знали ли о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (находились рядом, узнали лично от подозреваемого (обвиняемого); пользовался ли подозреваемый (обвиняемый) их мобильными устройствами (электронной почтой), знал ли он пароли для входа, когда последний раз отправлял и кому от их имени сообщения, их содержание; пользовались ли мобильными устройствами или электронной почтой подозреваемого (обвиняемого), знали ли пароли; совершал ли ранее подозреваемый (обвиняемый) подобные ложные сообщения об акте терроризма; что могло стать мотивом совершения преступления, в каком состоянии он находился в последние несколько дней, знают ли какую цель преследовал совершением преступления; и др.

5. Выемка и обыск. В кратчайшие сроки необходимо оформить выемку оптического диска, на котором содержится аудиозапись телефонных разговоров поступающих на номер 112. Чаще всего изъятие происходит в дежурной части территориального ОМВД России либо Контактном центре службы «112». В протоколе выемки (обыска) обязательно указать все технические характеристики оптического диска (марка «VS», объем памяти Мб, сколько на нем содержится аудиозаписей телефонных разговоров, поступающих на номер 112 в определенный период времени). К протоколу следственного действия желательно приобщить фототаблицу. По месту жительства у подозреваемого (обвиняемого) при проведении выемки или обыска может быть изъят мобильный телефон (компьютер, ноутбук), с которого был совершен ложный звонок (сообщение) об акте терроризма. В протоколе следственного действия необходимо сделать отметку, имеет ли изымаемое устройство средства защиты своего файлового содержания (цифровой пароль, графический ключ, разблокировка устройства по отпечатку пальца или лицу). Необходимо зафиксировать добровольно или нет выданы искомые предметы, пояснения подозреваемого (обвиняемого) кому принадлежит мобильный телефон (компьютер, ноутбук), кто им пользовался и имел такую возможность.

6. Осмотр предмета. В кратчайшие сроки следователю необходимо осмотреть изъятые в ходе процессуальных действий объекты, имеющие значение для уголовного дела. Целесообразно осматривать и прослушивать стенограмму аудиозаписи заведомо ложного сообщения об акте терроризма в присутствии лица, сообщившего ложную информацию. В протоколе осмотра предмета следует сделать отметку о том, что лицо (подозреваемый или обвиняемый) узнает свой голос и подтверждает факт ложного сообщения, а также внести его пояснения о мотивах ложного сообщения. Сведения, полученные в ходе следственных действий, прямо или косвенно могут указывать на те обстоятельства, которые способствовали и облегчали совершение преступления.

7. Следователь должен установить абонентский номер отправителя сообщения и инициировать его блокировку: направить поручение на имя начальника органа внутренних дел, о проведении оперативно-розыскных мероприятий с заданием об установлении принадлежности абонентского номера конкретному абоненту связи, персональных

данных, используемых при его регистрации, в том числе истории их изменений; определения IP-адресов при регистрации и последующей авторизации мобильного устройства (его местонахождения), с детализацией звонков/сообщений в период совершения деяния (с указанием точных дат и времени получения заведомо ложных сообщений); направляет запрос о получении данных абонента оператору связи. В случае подтверждения информации о совершении звонка (сообщения) с указанного в поручении абонентского номера, IP-адреса, следует выяснить кем фактически был произведен звонок.

При установлении обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого) следователю целесообразно дать поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях выяснения круга общения лица, сообщившего ложную информацию, о возможном общении с лицами, создавшими организацию, выдавшими задание, подстрекавшими к преступному действию. При установлении таких лиц следует организовать с ними профилактическую работу по предупреждению подобных действий, при наличии основания привлечь к ответственности.

Следователю рекомендуется обращаться к лицам, обладающим специальными познаниями и способным применять современные высокие технологии. К примеру, применение анализа больших данных, систем машинного обучения, систем мониторинга способствует выявлению лиц, склонных к совершению заведомо ложных сообщений, в том числе об акте терроризма. Становится возможным отследить потенциальные угрозы в реальном времени. Кроме этого, в результате регулярного взаимодействия правоохранительных органов с общественностью и средствами массовой информации необходимо стремиться к снижению рисков и предотвращению панических настроений населения. Своевременное информирование населения приводит к снижению числа ложных тревог. Необходимо соблюдать баланс между безопасностью и правами граждан.

При проверке ложного сообщения об акте терроризма и в дальнейшем расследовании уголовного дела имеет первоочередное значение соблюдение уголовно-процессуальных норм – от момента регистрации сообщения до уголовного преследования. Важнейшим представляется именно сохранение доказательств по уголовному делу – записи с камер видеонаблюдений, записи разговоров, и др., так как они будут выступать в суде обвинительным доказательством в виновности лица, совершившего преступление.

В заключение отметим, что эффективность расследования ложных сообщений об акте терроризма требует комплексного подхода, который включает в себя оперативные, юридические, психологические и технологические аспекты. К сожалению, в настоящее время раскрытие данных преступлений остается на низком уровне. В данной связи, не следует недооценивать проверку сообщения о ложном акте терроризма, которая является важной и необходимой деятельностью, требующей высокой степени ответственности и профессионализма со стороны следователя. Эффективность деятельности следователя во взаимодействии с другими правоохранительными органами позволяет не только предотвратить возможность угрозы террористического акта, но и поддерживать общественное доверие к системе безопасности. Полагаем, что создание и внедрение конкретных алгоритмов действий для сотрудников правоохранительных органов по реагированию на сообщение о терроризме, а также первоначальных следственных действий при расследовании уголовных дел, возбужденных по ст. 207 УК РФ, будет способствовать своевременности раскрытия и в дальнейшем эффективности расследования рассматриваемых уголовных дел.

МАЕВСКИЙ Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ГЕРАСЕНКОВ Вадим Михайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ И КОПИРОВАНИЯ С НИХ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В рамках настоящей статьи рассматривается развитие уголовно-процессуального законодательства с учетом тенденции цифровизации современного общества. Рассмотрены особенности современных электронно-вычислительных машин, виды электронных носителей информации, хранения на них компьютерной информации, а также ее копирования в рамках производства следственных действий. Авторами делается вывод о необходимости внесения корректив в содержание ст. 164.1 УПК РФ, разработан тактический алгоритм копирования компьютерной информации, проводимого по инициативе следователя с учетом специфики содержания ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ.

Ключевые слова: электронный носитель информации, компьютерная информация, копирование компьютерной информации, изъятие, следственные действия, доказательства, следователь, компьютер.

MAEVSKIY Sergey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

GERASENKOV Vadim Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

SEIZURE OF ELECTRONIC MEDIA AND COPYING OF INFORMATION FROM THEM IN THE PROCESS OF CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS: PROBLEMS AND TACTICAL RECOMMENDATIONS

Within the framework of this article, the development of criminal procedure legislation is considered, taking into account the trend of digitalization of modern society. The features of modern electronic computers, types of electronic media, storage of computer information on them, as well as its copying within the framework of investigative actions are considered. The authors conclude that it is necessary to make adjustments to the content of Article 164.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a tactical algorithm for copying computer information conducted on the initiative of the investigator, taking into account the specifics of the content of Part 3 of Article 164.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: electronic media, computer information, copying of computer information, seizure, investigative actions, evidence, investigator, computer.

Процесс цифровизации современного общества происходит стремительно, поэтому компьютер в настоящее время стал неотъемлемой частью быта современного человека. С учетом достижений в области технического прогресса персональный компьютер и электронные гаджеты стали доступны каждому. С одной стороны, внедрение компьютерных технологий существенно облегчает жизнь, позволяя человеку осуществлять обмен информацией за секунды, вне зависимости от расстояний. С другой стороны, достижения научно-технического прогресса в этой сфере нуждаются в четкой правовой регламентации, в том числе, касательно уголовного судопроизводства.

Данный тезис подтверждается тем, что с использованием компьютерных технологий совершаются многие преступления, причем, не только в сфере компьютерной информации, но и во многих других сферах общественной жизни. В процессе раскрытия и расследования преступлений в настоящее время практически всегда возникает острая необходимость в исследовании компьютерной информации, которая может быть криминалистически значимой и иметь существенное значение для субъектов расследования, а также лиц, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Несмотря на указанные тенденции, законодатель весьма осторожно реагирует на введение в уголовный процесс Российской Федерации электронных доказательств. И это несмотря на то, что в настоящее время электронный документооборот и электронный обмен информацией начинает преобладать над использованием традиционных бумажных носителей. Все это свидетельствует о необходимости четкой регламентации особенностей процесса изъятия компьютерной информации для последующей работы с нею в рамках экспертных исследований, а также ее использования в процессе доказывания по уголовным делам.

Касательно регламентации процесса изъятия электронных носителей информации в 2012 году в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации [1] в (далее – УПК РФ) были внесены изменения в порядок производства обыска и выемки, которыми регламентировался процесс изъятия компьютерной информации в процессе проведения данных следственных действий. Однако в дальнейшем внесенные изменения (ч. 9.1. ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ) были признаны утратившими силу с учетом внесенных корректив в содержание действующего уголовно-процессуального законодательства.

В результате, в конце 2018 года в УПК РФ появилась новая статья – 164.1 «Особенности изъятия электронных носи-

телей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». По нашему мнению, данный шаг законодателя был обусловлен необходимостью обеспечения защиты лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность от необоснованного изъятия у них электронных носителей информации и предоставления им права сохранить имеющиеся цифровые базы данных на другой электронный носитель информации. Легко представить себе ситуацию, при которой происходит изъятие электронных носителей на неопределенный срок, в результате чего происходит простаивание деятельности предприятия, бизнесмены могут потерпеть убытки.

Ранее, до принятия ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации подвергались изъятию при обысках и выемках, однако после ее принятия механизм, предусмотренный анализируемой статьей, стал распространяться на все следственные действия, при проведении которых приходится сталкиваться с носителями компьютерной информации.

В рамках осуществления производства предварительного расследования следователя интересует компьютерная информация, которая представляет собой цифровой код, который сосредоточен на материальном носителе и может быть воспроизведен с помощью электромагнитного поля на электронном устройстве считывания информации. Таким образом, компьютерная информация содержится на жестком диске (HDD) или SSD-диске персонального компьютера, в результате чего сам компьютер – это средство воспроизведения компьютерной информации, а упомянутые выше HDD и SSD диски – это электронные носители информации. Необходимо также отметить, что в настоящее время компьютерная информация может храниться на flash-накопителях, картах памяти, оптических дисках, изредка и на гибких магнитных дисках - 3,5 или 5,25-дюймовых дискетах. Производство дискет было прекращено в 2016 году.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время с учетом развития научно-технического прогресса в обиход вошли смартфоны, мини-ПК stick, представляющие собой мини-компьютеры, подключаемые к телевизору или монитору и едва превышающие по размеру обычную «флешку», планшеты на операционных системах Windows, IOS или Android. Особенность данных компьютеров состоит в том, что постоянные запоминающие устройства неотделимы от них, поэтому если на практике приходится сталкиваться с такими компьютерами, то придется либо копировать с них информацию, либо проводить их изъятие с учетом специфики ст. 164.1 УПК РФ. В юридической литературе справедливо отмечается, что если какое-либо устройство имеет слот для установки карты памяти, то информацию можно копировать и на нее, или же изъять например, только карту памяти с видеорегистратора, но не производить его непосредственное изъятие [3, с. 644].

С учетом того, насколько юридическая конструкция содержания ст. 164.1 учитывает современное развитие компьютерных технологий, ее содержание вряд ли можно назвать совершенным. Касательно обоснования данного утверждения можно привести аргументы, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, в названии ст. 164.1 используется термин «Электронный носитель информации», однако ни в содержании анализируемой статьи, ни в ст. 5 УПК РФ не содержится разъяснение этого термина. Судебная практика также не расшифровывает, что следует понимать под электронным носителем информации.

Анализ Постановления Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [2] раскрывает лишь содержание такого действия, как «копирование компьютерной информации», под которым следует понимать «перенос имеющейся информации на другой электронный носитель при сохранении неизменной первоначальной информации либо ее воспроизведение в материальной форме (в том числе отправка по электронной почте, распечатывание на принтере, фотографирование, переписывание от руки и т.п.)».

С учетом развития тенденций цифровизации уголовного судопроизводства возникает объективная необходимость закрепления термина «Электронный носитель информации» на нормативном уровне, дополнив содержание ст. 5 УПК РФ п. 60.1 следующего содержания: «электронный носитель информации – это «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств электронной вычислительной техники».

Во-вторых, в перечне оснований для обязательного изъятия электронных носителей информации в содержании ст. 164.1 не урегулирована ситуация, когда электронный носитель защищен паролем. В результате, чтобы избежать неоправданной траты времени на получение судебного решения для изъятия, возможно дополнение перечня изъятия в ч. 1 ст. 164.1 п.4 следующего содержания: «4) на электронных носителях информации в отношении содержащейся на них информации установлена защита паролем, блокирующим непосредственный доступ».

В-третьих, содержание ч. 3 ст. 164.1 вызывает нарекания касательно ее изложения. В содержании ч. 2 ст. 164.1 указывается, что изъятие электронных носителей и копирование с них информации на носитель, предоставляемый ее законным владельцем, происходит с участием специалиста, а также в присутствии понятых. Однако же, если инициатива, направленная на копирование информации с электронного носителя исходит от следователя, то в содержании ч. 3 ст. 164.1 имеются нерешенные вопросы, следующего содержания:

- На чей носитель (следователя или владельца информации) должно производиться копирование компьютерной информации, если инициатива об этом исходит от следователя?

- Нужно ли привлекать специалиста при копировании компьютерной информации, если данное действие осуществляется по инициативе следователя?

- Может ли следователь, не обладая специальными познаниями, производить копирование компьютерной информации самостоятельно?

- Нужны ли понятые при производстве копирования информации по инициативе следователя?

По результатам интервьюирования 20 практических работников из числа следователей органов внутренних дел и Следственного комитета РФ, 80% респондентов отметили, что при копировании компьютерной информации по инициативе следователя в порядке ч. 3 ст. 164.1 данная процедура должна осуществляться на электронный носитель информации, предоставляемый следователем. При этом 90 % опрошенных отметили, что проведение копирования

компьютерной информации по инициативе следователя с учетом специфики содержания ч. 3 ст. 164.1 осуществляется на практике крайне редко. Объяснялось это тем, что следователь просто боится утратить доказательственное значение полученных данных, а также может оказаться в неприятной ситуации, когда на компьютере может быть установлено скрытое программное обеспечение, способное повредить имеющиеся файлы, в результате чего непосредственный доступ к ним будет невозможен, кроме того, компьютерная информация может быть безвозвратно утрачена.

На необходимость участия специалиста при проведении копирования компьютерной информации и по инициативе следователя 100 % респондентов указали на необходимость его привлечения в процессе производства копирования компьютерной информации.

По нашему мнению, привлечение понятых также необходимо, несмотря на то, что далеко не во всех странах данный институт на сегодняшний момент времени существует.

Присутствие понятых в данном случае, выступает в качестве «перестраховки» следователя от необоснованных жалоб.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что содержимое статьи 164.1 далеко от совершенства и не учитывает многих реалий, с которыми приходится сталкиваться практическим работникам при осуществлении изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

В связи с этим предлагается:

1. Закрепить термин «Электронный носитель информации» на нормативном уровне, дополнив содержание ст. 5 УПК РФ п. 60.1 следующего содержания: «электронный носитель информации – это «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств электронной вычислительной техники»;

2. Дополнить перечень изъятия в ч. 1 ст. 164.1 п.4 следующего содержания: «4) на электронных носителях информации в отношении содержащейся на них информации установлена защита паролем, блокирующим непосредственный доступ».

3. Разработка тактического алгоритма при проведении копирования компьютерной информации по инициативе следователя с учетом специфики содержания ч. 3 ст. 164.1:

– При необходимости следователь вправе осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе информации. При этом участникам следственного действия, при проведении которого такое копирование производится, должна быть разъяснена сущность и назначение каждого технического средства, а также процесса производства копирования.

– Производство копирования должно осуществляться с обязательным участием специалиста и понятых и производиться на электронный носитель, предоставляемый следователем.

– Носитель электронной информации должен быть полностью отформатирован и не содержать сторонней компьютерной информации

– Перед проведением копирования специалист должен продемонстрировать участвующим в производстве следственного действия лицам отсутствие какой-либо сторонней компьютерной информации на электронном носителе информации путем его непосредственного подключения к ЭВМ и демонстрации его содержимого на дисплее технического средства, после чего понятые удостоверяют факт при-

годности электронного носителя информации в протоколе следственного действия. Тактически верным шагом будет обеспечение в протоколе следственного действия и подписи лица, у которого производится копирование компьютерной информации об отсутствии замечаний в пригодности электронного носителя информации для проведения копирования. В случае возникновения замечаний, их необходимо обязательно внести в протокол.

– Позитивным будет присутствие защитника при проведении копирования компьютерной информации, так как это будет способствовать лишь повышению доказательственного значения скопированной компьютерной информации.

– В протоколе следственного действия также необходимо указать все технические характеристики электронных носителей информации и ЭВМ, с помощью которой копирование компьютерной информации осуществляется.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. – № 294. – 28.12.2022.
3. Добровлянина О. В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 641-649.

МАХОВА Маргарита Львовна

соискатель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО И АДВОКАТА ПОЛУЧИТЬ КОПИИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ Ч. 2. СТ. 217 УПК РФ

Одним из фундаментальных принципов уголовно-процессуального права является право обвиняемого на защиту. Это право включает в себя доступ к материалам уголовного дела. В соответствии с ч. 2 ст. 217 УПК РФ, после завершения предварительного следствия обвиняемый и его защитник имеют право ознакомиться с материалами уголовного дела, снимать с них копии и делать выписки. Однако, законодательством предусмотрены определенные ограничения, направленные на защиту государственной тайны и иных охраняемых законом интересов. В данной статье рассматриваются основания и практика применения этих ограничений, а также предложены возможные направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: материалы уголовного дела, ознакомление, государственная тайна, обвиняемый, защитник, справедливое судебное разбирательство.

МАКHOVA Margarita Lvovna

competitor of P. M. Davydov Judicial activity and criminal process sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

RESTRICTION OF THE RIGHT OF THE ACCUSED AND THE LAWYER TO RECEIVE COPIES OF THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE IN ACCORDANCE WITH PART 2 OF ARTICLE 217 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

One of the fundamental principles of criminal procedure law is the right of the accused to defense. This right includes access to the materials of the criminal case. In accordance with Part 2 of Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, after the completion of the preliminary investigation, the accused and his defense attorney have the right to familiarize themselves with the materials of the criminal case, make copies and extracts from them. However, the legislation provides for certain restrictions aimed at protecting state secrets and other interests protected by law. This article examines the grounds and practice of applying these restrictions, and also suggests possible areas for improving the legislation.

Keywords: materials of the criminal case, familiarization, state secret, accused, defense attorney, fair trial.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации заложены основные правила, регулирующие предоставление обвиняемому и его защитнику возможности ознакомиться с материалами уголовного дела. В частности, ст. 217 УПК РФ закрепляет порядок ознакомления с материалами после завершения предварительного следствия, а также право снимать копии и делать выписки. Однако, установленное право не является абсолютным и имеет свои ограничения.

Перед тем как углубиться в анализ ограничений, следует обозначить основные права, которыми обладает обвиняемый и его защитник в ходе уголовного процесса. В соответствии с частью 1 статьи 47 УПК РФ, обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, представлять доказательства своей невиновности, иметь защитника, истребовать доказательства и принимать участие в судебном разбирательстве. Право на ознакомление с материалами уголовного дела и получение их копий также входит в эту категорию основных прав.

Защитник обвиняемого, действуя в рамках своих полномочий, обязан воспользоваться всеми законными средствами и способами для защиты прав и интересов подзащитного. Это включает в себя проведение независимого расследования, сбор доказательств, опрос свидетелей и консультацию с экспертами. Одним из ключевых аспектов работы адвоката является ознакомление с материалами дела, что позволяет ему строить грамотную линию защиты.

Статья 217 УПК РФ регулирует процедуру ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Ознакомление

должно способствовать равноправию сторон и обеспечению права на защиту. Согласно части 1 данной статьи, следователь, дознаватель или прокурор обязаны предоставить обвиняемому и его защитнику возможность ознакомиться с материалами дела. Часть 2 статьи 217 УПК РФ, однако, вводит ряд ограничений, предусматривающих определенные обстоятельства, при которых обвиняемому и его защитнику может быть отказано в получении копий материалов дела.

Часть 2 статьи 217 УПК РФ гласит: «Обвиняемый и его защитник имеют право делать выписки из материалов уголовного дела и снимать копии с помощью технических средств. При этом, в случае если уголовное дело содержит сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, а также сведения, касающиеся личной жизни участников уголовного судопроизводства, следователь, дознаватель или прокурор вправе ограничить возможность обвиняемого и его защитника делать выписки из таких материалов и снимать с них копии» [4].

Основной целью данных ограничений является защита государственных интересов, а также прав и законных интересов других участников уголовного судопроизводства. Включение такого ограничения направлено на предотвращение утечки конфиденциальной информации, которая может повлиять не только на ход расследования, но и на личную жизнь и безопасность участников процесса.

Составляющие государственную или иную охраняемую законом тайны материалы уголовного дела могут включать в себя различную информацию. Это могут быть данные о

методах и средствах оперативно-розыскной деятельности, сведения о лицах, сотрудничающих с правоохранительными органами, и другие данные, раскрытие которых может нанести ущерб государственной безопасности.

Также в уголовное дело могут входить данные, касающиеся личной жизни участников процесса, такие как медицинские сведения, интимные подробности, финансовые и другие персональные данные. Защита такой информации важна для обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан.

Применение части 2 статьи 217 УПК РФ на практике демонстрирует ряд сложностей и проблемных аспектов. Часто решения о введении ограничений на ознакомление и копирование материалов дела принимаются произвольно, без достаточного обоснования и разъяснения причин. Это может приводить к злоупотреблениям со стороны следственных органов и ущемлению прав обвиняемого и его защитника.

По мнению Барабанова П. К., такие ограничения могут создавать прецеденты нарушения принципов справедливого судебного разбирательства и прав на защиту. Например, обвиняемый и его адвокат могут быть лишены возможности детального изучения материалов дела, что негативно скажется на их способности эффективно строить линию защиты [1].

Судебная практика показывает, что в ряде случаев ограничения на получение копий материалов дела носят безусловный характер. Например, в одном из дел, рассмотренных Конституционным судом РФ, следственные органы запретили обвиняемому и его защитнику делать выписки из материалов дела, ссылаясь на наличие в деле конфиденциальной информации, однако ни точное содержание этой информации, ни причины такой секретности не были достоверно обоснованы [2].

Конституционный суд РФ в своем решении указал на необходимость тщательного и аргументированного подхода к вопросам ограничения прав на ознакомление с материалами дела. Суд отметил, что каждое такое ограничение должно быть обосновано реальной необходимостью и подтверждено конкретными фактами, иначе оно нарушает права обвиняемого и является незаконным.

С одной стороны, введение части 2 статьи 217 УПК РФ имеет положительный характер с точки зрения защиты государственной и иной охраняемой законом тайны, а также информации, касающейся личной жизни участников процесса. Это способствует поддержанию общественной безопасности и правопорядка.

В то же время, данные ограничения могут использоваться необоснованно, что создаёт препятствия для обвиняемого и его защитника в осуществлении своих прав на защиту. Практическая реализация положений этой статьи выявила тенденции к злоупотреблению властью, недостаточному обоснованию решений о введении ограничений и отсутствию четких критериев для принятия таких решений.

Юристы и правозащитники выражают разные мнения по поводу ограничений, предусмотренных частью 2 статьи 217 УПК РФ. Так Лубенский А. И. отмечает, что защита информации, содержащей государственную тайну или касающейся личной жизни, безусловно важна [3]. Рабцевич О. И. считает, что законодательство должно предусматривать более четкие и прозрачные механизмы введения таких ограничений, чтобы исключить произвольные и необоснованные решения со стороны органов предварительного расследования [4].

Также звучат предложения о необходимости внесения изменений в статью 217 УПК РФ, направленных на конкре-

тизацию оснований для введения ограничений и улучшение контроля за их обоснованностью [6].

Сравнение с международным опытом и стандартами прав человека показывает, что в ряде зарубежных стран также существуют ограничения на доступ к материалам уголовного дела, если они содержат конфиденциальную информацию. Однако в большинстве случаев такие ограничения сопровождаются строгими процедурами и гарантиями для защиты прав обвиняемого [5].

Например, в правовых системах некоторых европейских стран предусмотрены независимые судебные органы, которые принимают решения о допустимости введения ограничений на доступ к материалам дела. Такие органы действуют как гарантии против злоупотреблений со стороны следственных и правоохранительных органов.

Интересным является зарубежный опыт стран СНГ, таких как Белоруссия и Казахстан, где предусмотрены более строго регламентированные меры защиты данных участников процесса. Например, в Казахстане такие документы хранятся отдельно от уголовного дела по правилам секретного делопроизводства. Это предотвращает возможность несанкционированного доступа к информации на разных этапах расследования и судебного разбирательства.

На основании проведенного анализа можно заключить, что часть 2 статьи 217 УПК РФ, несмотря на её важную роль в обеспечении защиты государственной тайны и конфиденциальной информации, требует совершенствования. Необходимо разработать более прозрачные и четкие механизмы введения ограничений на ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела.

Внесение изменений в законодательство должно быть направлено на создание условий, при которых права обвиняемого на защиту не будут необоснованно ограничиваться. Важно обеспечить баланс между необходимостью защиты конфиденциальной информации и правом обвиняемого на справедливое разбирательство, что является ключевым принципом правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Барабанов П. К. Следует ли сохранить право ознакомления стороны защиты с материалами предварительного следствия (дознания) // Российская юстиция. - 2021. - № 3. - С. 415.
2. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс современной России. - М.: Зерцало-М, 2020. - С. 610.
3. Лубенский А. И. Предварительное расследование в уголовном праве России. - М.: ЮРАИТ, 2023. - С. 390.
4. Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. - М.: Лекс-Книга, 2019. - С. 430.
5. Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Сравнительно-правовой анализ уголовного права зарубежных государств: учебное пособие. - Красноярск: Красноярский государственный университет, 2022. - С. 822.
6. Ринчинов Б. А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. - 2018. - № 1. - С. 210.

ПЕРЕТОКИНА Виктория Викторовна

аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, Российский государственный университет правосудия

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦА, ПОМЕЩАЕМОГО В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются доктринальные вопросы детерминации сущности дефиниции «уголовно-процессуальные гарантии», анализируется их система с учетом специфики производства по уголовному делу в отношении лица, страдающего психическим заболеванием. Автор делает утверждение, что лицо, подвергающееся принудительной госпитализации, имеет особый процессуальный статус, предполагающий наличие акцентированного внимания законодателя к обеспечению реализации принципиальных положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих реализацию базового права – права на защиту.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные гарантии, право на защиту, уголовно-процессуальная форма, меры уголовно-процессуального принуждения, принудительная психиатрическая госпитализация, принципы уголовного процесса.

PERETOKINA Viktoriya Viktorovna

postgraduate student of N. V. Radutnaya Criminal process law sub-faculty, Russian State University of Justice

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF GUARANTEES FOR ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF A PERSON PLACED IN A MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN INPATIENT CONDITIONS

The article discusses the doctrinal issues of determining the essence of the definition of “criminal procedural guarantees”, analyzes their system, taking into account the specifics of criminal proceedings against a person suffering from mental illness. The author makes a statement that a person subjected to forced hospitalization has a special procedural status, which implies the presence of focused attention of the legislator to ensuring the implementation of the fundamental provisions of the criminal procedure law regulating the implementation of the basic right – the right to defense.

Keywords: criminal procedural guarantees, right to defense, criminal procedural form, measures of criminal procedural coercion, forced psychiatric hospitalization, principles of criminal procedure.

Проблема правового положения личности при производстве по уголовному делу относится к числу наиболее сложных и трудно решаемых, поскольку уголовное преследование с неизбежностью сопряжено с применением принудительных мер, существенно ограничивающих права и свободы граждан. В тех случаях, когда уголовное судопроизводство ведется в отношении лица, страдающего психическим заболеванием, она дополнительно отягощается тем, что такое лицо зачастую в силу объективных и субъективных причин в правовом отношении беспомощно при реализации базового права – права на защиту.

В этой связи представляется, что решение правозащитных задач в рамках механизма уголовно-процессуального регулирования требует корректировки формы реализации государственного принуждения, что актуализирует научную разработку проблем, касающихся системы уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов лица, страдающего психическим заболеванием и вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства, поскольку принудительная госпитализация с очевидностью сопряжена с поражением субъекта в базовых конституционных правах.

В доктрине уголовного процесса существует большое количество подходов к определению одной из основных научных дефиниций – «уголовно-процессуальные гарантии», которые объединяет их функциональное назначение, за-

ключающееся в том, что они представляют собой «систему правовых средств реализации, защиты, восстановления прав участника уголовного судопроизводства, сообразно его уголовно-процессуальному статусу» [1, с. 186]. Следует отграничивать собственно гарантии как средство защиты и деятельность уполномоченных субъектов уголовного процесса по их обеспечению. В логической дефинитивной цепочке права и законные интересы выступают в качестве исходного объекта, деятельность должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, — это процесс, а, соответственно, уголовно-процессуальные гарантии выступают в качестве средства. Проиллюстрируем данный тезис. Например, лицо, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, имеет совокупность конституционных прав, обеспечивающих свободу и неприкосновенность (исходное право), деятельность уполномоченных органов по обеспечению данного права заключается, в том, что должностное лицо органа уголовной юстиции, с учетом правил внутриведомственного контроля и надзора после соответствующих согласований возбуждая выходя с ходатайством в суд, должны изложить мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в принудительной госпитализации, а также должны быть приложены материалы, подтверждающие обоснованность соответствующего ходатайства; гаран-

тием обеспечения обозначенного права выступает судебный контроль.

Изучение обширной библиографии вопроса показало, что система уголовно-процессуальных гарантий представляется следующей совокупностью элементов: принципы уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальную форму; судебный контроль; прокурорский надзор; обжалование процессуальных действий и решений [2, с. 64-71]. Одним из наиболее сложных и значимых элементов названной системы являются принципы уголовного судопроизводства, которые представляют собой основополагающие начала осуществления любого вида уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 13-18]. Совершенно очевидно, что отдельные принципиальные положения УПК РФ являются гарантиями обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при избрании и применении в отношении него меры принуждения в виде помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. В этой связи обратимся к содержанию некоторых принципов, имеющих с нашей точки зрения определяющее значение применительно к специфике процессуального положения лица, страдающего психическим заболеванием.

В уголовно-процессуальном законе закреплен целый ряд принципов, имеющих конституционно-правовой статус и, по мнению большинства специалистов, отражающий гуманистический подход государства к сфере уголовной юстиции [4, с. 206]: уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). Дублирование положений Конституции РФ в УПК РФ вызывает определенные возражения с точки зрения соответствия названных выше положений критериям принципиальных с точки зрения отраслевого законодательства в силу их общеправового значения, декларативного характера и политической направленности [5, с. 94]. Однако, мы позволим себе солидаризироваться с точкой зрения В. Т. Томина, который совершенно справедливо отмечает, что положения ст.ст. 9-13 УПК РФ рассчитаны на проявление более общей идеи, характерной для уголовного процесса как вида государственной деятельности – защиту интересов личности, вовлекаемой в уголовный процесс [6, с. 181]. Принудительная госпитализация предполагает применение к субъекту, приобретающему положение пациента, ряда специальных ограничений, предусмотренных режимом пребывания в закрытой лечебной организации, которые в определенных случаях дополняются ограничениями, составляющими содержание конкретной меры пресечения. В силу принципиальных положений, закрепленных в ст.ст. 9-13 УПК РФ она применяется при наличии к тому оснований в строго определенной уголовно-процессуальной законом форме, а именно: в процессе реализации функции уголовного преследования компетентным должностным лицом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, а также законодательством в сфере здравоохранения. Ограничение конституционных прав в данном случае обусловлено наличием цели обследования и лечения лица, обеспечением его безопасности и безопасности окружающих, а также обеспечением вы-

полнения обвиняемым (подозреваемым) возлагаемых на него обязанностей, при наличии обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК РФ. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве применительно к описываемой нами ситуации предполагает обязательность разъяснения органами предварительного расследования, а в необходимых случаях – судом, принудительно госпитализируемому лицу (его законному представителю) прав, обязанностей и ответственности. Вместе с тем данный принцип обязывает возместить вред, причиненный обвиняемому в результате нарушения его прав и свобод судом либо должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, включая случаи незаконного и(или) необоснованного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Законность и обоснованность принудительной госпитализации обеспечивается через реализацию важнейшего права, возведенного в уголовно-процессуальный принцип, – права подозреваемого, обвиняемого на защиту. Конституционные положения, составляющие содержание данного принципа (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ), гарантируют каждому лицу, в отношении которого реализуется функция уголовного преследования, право на профессиональную юридическую помощь с момента начала применения мер, ограничивающих его свободу, либо с момента вынесения уголовно-процессуального акта, которым оно наделяется соответствующим статусом, приобретая комплекс уголовно-процессуальных прав и обязанностей.

С учетом того факта, что принудительная госпитализация может быть применена к лицу, в отношении которого назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, а также к субъекту, содержащемуся под стражей при необходимости его стационарного психиатрического лечения, а также к лицам, у которых заболевание наступило до приобретения статуса обвиняемого (подозреваемого), гарантированность участия в уголовном процессе защитника имеет особую значимость.

Приведенная выше конституционная норма детерминирует право на защиту как принадлежащее лишь обвиняемому, в то время как лицо, страдающее психическим заболеванием, может и не находиться в этом статусе, равно, как и в статусе подозреваемого, на которого формально положения ст. 48 Конституции РФ также не распространяются. Полагаем, что справедливым является утверждение о наличии технической неточности, которая устраняется положениями ч. 3 ст. 49 УПК РФ [7, с. 87-88]. Данный тезис подтверждается и неоднократно приводимой позицией Конституционного Суда РФ, который указал, что помощь адвоката-защитника должна быть предоставлена лицу сообразно его фактическому положению в уголовном судопроизводстве, что не связывает наличие права на защиту с вынесением статусного уголовно-процессуального акта (например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого). Высшая судебная инстанция определила, что именно реально существующее ограничение в конституционных правах, налагаемое представителем публичной власти и сопряженное с уголовным преследованием, является основанием для начала реализации права на защиту [8].

Как показывает анализ правоприменительной практики нарушение права на защиту является наиболее востребованным основанием для отмены или изменения уголовно-процессуальных решений, что стало основанием для внесения значительного количества предложений о совершенствовании механизма реализации исследуемого принципа с целью его более последовательного воплощения в специальных уголовно-процессуальных нормах. С точки зрения непосредственного предмета нашего исследования интерес представляет вопрос том, каким образом (непосредственно или опосредованно) реализуется право на защиту. Ограниченная уголовно-процессуальная дееспособность либо недееспособность предполагают, что участие лица осуществляется через защитника либо законного представителя (ст.ст. 437, 438 УПК РФ).

Опосредованное участие лица, которое фактически обвиняется в совершении запрещенного уголовным законом деяния, в производстве по уголовному делу Конституционным Судом РФ было признано изъятием из общего процессуального статуса обвиняемого, которое не во всех случаях является оправданным и, соответственно, нивелирует содержание всей системы уголовно-процессуальных гарантий [9]. Несколько норм уголовно-процессуального закона (например, ст. 402, ч. 3 ст. 433, ст. 437, 438 и др.) были признаны не соответствующими Конституции РФ именно по этому основанию. В прямой связи с возможностью личного участия лица, предположительно нуждающегося в психиатрическом обследовании и лечении, в производстве по возбужденному в отношении него уголовному делу находится вопрос о легализации его процессуального статуса, который, на наш взгляд, имеет ряд особенностей, отличающих его от существующего правового положения обвиняемого и не позволяет идентифицировать названное лицо в данном качестве. До настоящего времени, несмотря на длящиеся научные дискуссии и существующие сложности в правоприменительной практике этот вопрос на законодательном уровне не нашел решения.

Общий обзор некоторых принципиальных положений, входящих в систему гарантий прав и законных интересов лица, подвергнутого принудительной госпитализации, позволяет констатировать, что общее ее функциональное назначение остается неизменным, вне зависимости от формы производства по уголовному делу, однако требует легального уточнения специфики процессуального статуса лица, страдающего психическим заболеванием. Гарантии обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого реализуется уголовное преследование, не могут ставиться в зависимость от деятельности участников уголовного судопроизводства или процессуального статуса личности, состояния здоровья и иных факторов. Они в равной степени распространяются на всех участников уголовного судопроизводства без каких-либо дополнительных условий.

Пристатейный библиографический список

1. Белякова А. В., Воскобитова Л. А., Габов А. В. и др. Проблемы развития процессуального права России: монография / Под ред. В. М. Жуйкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - 2016. - 224 с.
2. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе. - М.: Буквояд, 2007. - 416 с.
3. Вилкова Т. Ю. Вопросы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства в трудах профессоров кафедры уголовно-процессуального права МПЮА // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 3 (64). - С. 11-21.
4. Кибардин Д. О. Принципы уголовного процесса: понятие, роль и общая характеристика // Бизнес. Образование. Право. - 2022. - № 1 (58). - С. 203-208.
5. Давлетов А. А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. - 2008. - № 2. - С. 92-102.
6. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. - М.: Юрайт, 2009. - 376 с.
7. Безруков С. С. Оценочные понятия в системе принципов российского уголовного процесса. В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции: В 2 частях. - Красноярск, 2020. - С. 87-88.
8. По делу о проверке соответствия Конституции РФ положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // РГ. - 2000. - 4 июля.
9. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2024).

БОРЧЕНКО Вера Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

КОБАЛЕВА Виктория Андреевна

курсант 4-го курса, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность темы научной статьи обусловлена тем, что институт гражданско-правовой ответственности, в настоящее время, является действенным средством восстановления нарушенных имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов самого широкого круга субъектов права. Данная статья посвящена анализу и исследованию особенностей гражданско-правовой ответственности осужденных, должностных лиц и учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Изучение данного вопроса имеет важное значение для целей обеспечения интересов государства, а также осужденных, должностных лиц, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Кроме того, в статье обозначена проблема, возникающая в процессе порядка применения мер гражданско-правовой ответственности в уголовно-исполнительной системе, бюджетных и иных публичных правоотношениях.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, имущественные и личные неимущественные права, законные интересы, гражданское правонарушение, уголовно-исполнительная система, осужденные, учреждения уголовно-исполнительной системы, должностные лица.

BORCHENKO Vera Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

KOBALOVA Viktoriya Andreevna

cadet of the 4th course, Samara Law Institute of the FPS of Russia

APPLICATION OF CIVIL LIABILITY IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the topic of the scientific article is due to the fact that the institute of civil liability, at present, is an effective means of restoring violated property and personal non-property rights and legitimate interests of a wide range of subjects of law. This article is devoted to the analysis and research of the features of civil liability of convicts, officials and institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation. The study of this issue is important for the purposes of ensuring the interests of the State, as well as convicts, officials, bodies and institutions of the penal enforcement system. In addition, the article identifies a problem that arises in the process of applying civil liability measures in the penal enforcement system, budgetary and other public legal relations.

Keywords: civil liability, property and personal non-property rights, legitimate interests, civil offense, penal enforcement system, convicts, institutions of the penal enforcement system, officials.

Анализ понятия и сущности института гражданско-правовой ответственности неоднократно предпринимался в теоретической литературе. Вместе с тем, в настоящее время данная категория является одной из наиболее дискуссионных в правовой доктрине, что связано, в первую очередь, с акцентированием внимания исследователей на различных признаках, присущих гражданско-правовой ответственности.

Рассмотрев точки зрения различных ученых на содержание определения «гражданско-правовой ответственности», наиболее полноценным представляется определение данное Е. А. Сухановым, что гражданско-правовая ответственность является формой государственного принуждения, с помощью которой судом взыскивается с правонарушителя в сторону потерпевшего компенсация за его имущественные потери [1, с. 621]. Главным предназначением такого вида от-

Борченко В. А.

Кобалева В. А.

ветственности, по мнению цивилиста, является возложение на правонарушителя негативных имущественных последствий, которые будут направлены на восстановление имущественных прав потерпевшего.

Ч. 1 ст. 102 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее УИК РФ), установлено, что гражданско-правовая ответственность осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы заключается в несении им материальной ответственности за причиненный в результате отбывания наказания ущерб.

При этом, уголовно-исполнительным законодательством предусмотрен «дуализм» правового регулирования возмещения такого ущерба в рамках трудового и гражданского законодательства. В случаях причинения ущерба в рамках исполнения осужденным трудовых обязанностей при-

менению подлежит трудовое законодательство, в случаях совершения осужденным действий в соответствии с ч. 2 ст. 102 УИК РФ (дополнительные затраты, связанные с пресечением побега осужденного, а также его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью), то гражданским законодательством.

Следует отметить, что главной трудностью при взыскании с осужденного причиненного в результате отбывания наказания в виде лишения свободы ущерба является отсутствие в системе действующего уголовно-исполнительного права специальных норм, регламентирующих порядок и основания определения имущественного ущерба, нанесенного учреждениям УИС. Отсутствуют специальные нормы и в гражданском законодательстве, что вынуждает судебную практику, при разрешении конкретных споров о возмещении ущерба, руководствоваться преимущественно общими положениями ГК РФ о гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК РФ и ст. 102 УИК РФ осужденный обязан возместить ущерб, причиненный исправительному учреждению и дополнительные затраты, связанные с пресечением побега. К числу таких дополнительных расходов может быть отнесена фактическая стоимость проведения оперативно-розыскной работы по розыску ответчика (командировочные расходы сотрудников отделения розыска УФСИН России, компенсация за работу сверх установленной законом продолжительности рабочего времени сотрудников, привлеченных к розыску ответчика, стоимость израсходованного автомобильного топлива и т.п.).

При этом достаточно противоречива судебная практика по взысканию ущерба, причиненного исправительному учреждению в результате уклонения осужденного от работы. Поскольку, исходя из положений ч. 4 ст. 99 УИК РФ, материально бытовое обеспечение осужденных осуществляется за счет заработной платы или пенсии, а в случае уклонения от работы - из средств, имеющихся на их личных счетах, то буквальное толкование данной нормы не позволяет исправительным учреждениям обратиться за взысканием на иное имущество и денежные средства осужденных. Однако, некоторые суды все же допускают возложение на осужденных мер гражданско-правовой ответственности по возмещению бюджету стоимости своего содержания.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность осужденных, хотя и регулируется преимущественно нормами гражданского законодательства, имеет свои специфические черты, обусловленные имущественным и правовым положением осужденных и выраженные в специальных нормах уголовно-исполнительного законодательства. В качестве первой особенности, можно отметить построение гражданско-правовой ответственности по модели ограниченной компенсационной защиты, выражающейся в привлечении осужденного лишь к материальной ответственности.

На сегодняшний день, в ходе применения института гражданско-правовой ответственности в отношении осужденных, существует проблема невозможности обращения взыскания на имущество или денежные средства осужденных, в соответствии с общими правилами ГК РФ, в случае уклонения осужденного к лишению свободы от работы и

причинения бюджету убытков в виде расходов на его содержание. Данная проблема ставит под сомнение эффективность использования инструментария гражданско-правовой ответственности в уголовно-исполнительной сфере и требует скорейшего разрешения, путем корректировки ст. 99, 102 УИК РФ, в части возможности компенсации расходов бюджета на содержание осужденного за счет принадлежащих ему на праве собственности имущества и денежных средств при его злостном уклонении от работы в исправительном учреждении.

Кроме осужденных, к гражданско-правовой ответственности могут привлекаться учреждения УИС. Привлечение учреждений УИС к гражданско-правовой ответственности имеет ряд существенных особенностей, связанных с их публично-правовым статусом.

В первую очередь особенность заключается в том, что нормы, регулирующие ответственность публичных образований, содержатся преимущественно в Бюджетном кодексе РФ (далее - БК РФ) [2]. Данная особенность вытекает из возмещения ущерба или взыскания убытков, в случае совершения учреждением уголовно-исполнительной системы гражданского правонарушения, за счет средств казны РФ (ст. 1069 ГК РФ)

Вторая особенность гражданско-правовой ответственности казенных учреждений УИС заключается в субсидиарном характере ответственности органа государственной власти, в чьем ведении находится данное учреждение и осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств (п. 1 ст. 161 БК РФ).

Условиями привлечения органа государственной власти, в чьем ведении находится казенное учреждение (в данном случае - ФСИН РФ) к субсидиарной ответственности по обязательствам подведомственных ему казенных учреждений являются: а) неправомерное виновное деяние казенного учреждения, б) недостаток доведенных лимитов бюджетных средств у казенного учреждения для исполнения обязательств, в) причинная связь между условиями 1 и 2 [3, с. 152].

Данное положение напрямую закреплено и в абз. 3 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» [4].

Из вышесказанного следует сделать вывод, что в случае возбуждения перед судом спора о взыскании убытков или возмещении вреда за счет казны РФ, для истца достаточно важным является верное определение надлежащего ответчика по делу под угрозой отказа в удовлетворении иска, что следует из специфичности ответственности казенных учреждений.

Особенности ответственности должностных лиц учреждений УИС определены в ч. 4 ст. 15 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [5], где указано, что вред,

причиненный противоправными действиями (бездействием) сотрудника при исполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а именно ГК РФ и БК РФ. При этом, федеральный орган УИС имеет право предъявления регрессного требования непосредственно к сотруднику в размере выплаченного возмещения.

Помимо возможности возмещения материального вреда, в ГК РФ предусмотрена обязанность органов государственной власти и казенных учреждений по компенсации нематериального (морального вреда) при нарушении личных неимущественных прав потерпевшего. Такая компенсация, исходя из п. 3 ст. 1099 ГК РФ производится независимо от размера имущественного ущерба и, в ряде случаев, от вины причинителя (п. 1 ст. 1070, ст. 1079, 1095 и 1100 ГК РФ).

Вместе с тем, в целях совершенствования механизма компенсации нематериального вреда, причиненного органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, законодателем была введена специальная норма ст. 12.1 УИК РФ, предусматривающая право осужденного на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении.

Основной причиной неэффективности института компенсации морального вреда является необоснованное завышение стандарта доказывания, что на практике приводит к отказу в удовлетворении таких исков, либо взысканию сугубо символических сумм компенсации. Так, абз. 2 п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [6], судам предписывается выносить решение по данной категории дел с учетом длительности и условий содержания под стражей, однократности и неоднократности такого содержания, вида и продолжительности назначенного уголовного наказания, вида исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, личности истца (в частности, образа жизни и рода занятий истца, привлечения ранее к уголовной ответственности), ухудшения состояния здоровья и так далее.

На наш взгляд, решением данной проблемы мог бы стать переход при определении компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении от субъективной модели, основанной на судебском усмотрении к объективной, опирающейся на конкретные размеры прирассуждаемой компенсации за конкретное нарушение, закрепленные в отдельном нормативном акте, с возможностью увеличения/уменьшения такой компенсации в зависимости от обстоятельств конкретного дела, но в установленных нормативным актом пределах. Иное же, по сути, приводит к необоснованному дублированию института компенсации морального вреда.

В связи с этим, при решении вышеуказанных проблем, было бы целесообразно:

1. организовать незамедлительное доведение информации до лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы о порядке применения мер гражданско-правовой ответственности в отношении них;

2. проводить беседы и занятия с осужденными по ознакомлению с порядком несения ими материальной ответ-

ственности за причиненный в результате отбывания наказания ущерб;

3. разместить на стендах наглядной агитации нормативно-правовые акты, регулирующие порядок несения осужденными гражданско-правовой ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / Отв. ред.: Е. А. Суханов. - М, 2010. - Т. 1. - С. 621.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон (принят 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ; с изм. и доп. на 4 августа 2023 г. № 416-ФЗ). [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
3. Касаткин Д. М. Гражданско-правовая ответственность ФСИН России по обязательствам подведомственных казенных учреждений // Вестник Кузбасского института. - 2020. - № 4. - С. 149-153.
4. О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ (принят 28 мая 2019 г. № 13) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - №9.
5. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: федеральный закон (принят 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ; с изм. и доп. на 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ). [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
6. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ (принят 15 ноября 2022 г. № 33) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2023. - № 2.

ИГОШИН Владимир Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИИ России

КОРОЛЕВА Ксения Алексеевна

курсант, Самарский юридический институт ФСИИ России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассмотрены проблемные вопросы побегов из учреждений государственного и муниципального здравоохранения. Актуальность проблемы вызвана не снижающимся числом подобных случаев из года в год. В работе рассматривается правовая основа, регулирующая данную сферу правоотношений, на основании которой медицинская помощь оказывается в учреждениях государственного и муниципального здравоохранения. Проанализированы области с ежегодным числом побегов из данных учреждений.

Ключевые слова: осужденные, побег, самовольное оставление, медицинская помощь, учреждения государственного и муниципального здравоохранения.

IGOSHIN Vladimir Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Regime organization, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

KOROLEVA Kseniya Alexeevna

cadet, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ENSURING THE REGIME OF DETENTION IN MUNICIPAL BUDGETARY HEALTHCARE INSTITUTIONS

The article discusses the problematic issues of escapes from public and municipal health institutions. The urgency of the problem is caused by the continuing number of such cases from year to year. The paper considers the legal framework governing this area of legal relations, on the basis of which medical care is provided in public and municipal health care institutions. The areas with the annual number of escapes from these institutions are analyzed. Specific cases of escapes committed in various regions of Russia are presented, in connection with which a number of problems have been identified that require urgent consideration.

Keywords: convicts, escape, unauthorized abandonment, medical care, public and municipal health institutions.

Согласно Приказу Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» медицинская помощь лицам, заключенным под стражу, или осужденным предоставляется структурными подразделениями (филиалами) медицинских организаций, подведомственных ФСИИ России. Однако, если оказание медицинской помощи в медицинских организациях УИС невозможно, осужденные направляются в другие медицинские организации государственной и муниципальной системы здравоохранения.

Благодаря данной возможности, осужденные могут получить безотлагательную медицинскую помощь от квалифицированных специалистов, однако, даже в этом случае осужденные и заключенные под стражу, совершают попытки побега, воспользовавшись временем нахождения в медицинской организации, где контроль за данными лицами является значительно слабее, чем в учреждениях, где они отбывают наказание [1].

Вопреки неоднократным указаниям ФСИИ России об усилении надзора в муниципальных медицинских организациях, при нахождении в них осужденных, по-прежнему сохраняется число случаев незаконного оставления ими мест лечения. Так, в 2018 году зарегистрировано 19 подобных случаев [2]. Одним из примеров может послужить побег из противотуберкулезного диспансера ФГБУЗ № 172 ФМБА России г. Димитровграда. В связи с тем, что осужденная Ш. содержалась в противотуберкулезном диспансере, допуск сотрудников внутрь был ограничен. Контроль за осужденной

осуществлялся посредством телефонной связи с медицинской сестрой, что напрямую ограничивало полноценный контроль за осужденной. Воспользовавшись этим, осужденная договорилась с лицом, находящимся за территорией медицинской организации, по средствам телефонной связи и убыла из медицинской организации, на поджидавшем автомобиле.

Данный случай показывает отсутствие возможности организации должного надзора со стороны сотрудников учреждений УИС, вызванной спецификой данного учреждения. Однако, со стороны медперсонала данный контроль также не осуществлялся [3].

В 2019 году количество таких фактов составило - 18. Одним из подобных случаев, является ситуация произошедшая в УФСИН России по Мурманской области. 28 февраля 2019 г. допущен факт повторного совершения побега осужденным В., который находился в городской больнице скорой медицинской помощи г. Мурманска с диагнозом «неизвестное отравление», а ранее 25 февраля 2019 г. осужденным В. совершен побег с территории Центральной базы ФКУ БМТиВС УФСИН России по Мурманской области.

В данном случае, отсутствует учет всесторонних возможностей личности перед помещением в данную организацию, при котором требуется организация определенных сил, направленных на осуществление надзора за лицом, склонным к совершению побега.

Следующим случаем подтверждающим факт отсутствия изучения личности, является побег в городской больнице № 1 г. Рыбинска. 12 сентября 2019 г. осужденная Г., отбывающая наказание на УКП при ФКУ ИК-2 УФСИН России по Ярос-

лавской области совершила побег медицинской организации г. Рыбинска. В данном случае сотрудниками учреждения не был принят во внимание тот факт, что осужденная Г. ранее находилась в федеральном розыске, что также требовало усилить контроль за данным лицом [4].

За 2020 год зарегистрировано 12 подобных случаев [5]. Примером данных случаев является побег, совершенный также в г. Дмитровграде. Так, 29 января 2020 г. осужденный Н., отбывающий наказание в ФКУ КП-5, совершил побег из государственного учреждения здравоохранения ФГКУЗ «Клиническая больница № 172 ФМБА России МПС №1» г. Дмитровграда. В ходе служебной проверки было выявлено, что осужденный Н., находился на стационарном лечении с 10 января 2020 г по 27 января 2020 г., следовательно, выписан был 27 января 2020 г., однако администрация ФКУ КП-5 данной информацией не располагала. В своем письменном объявлении осужденный Н, пояснил, что после того как был выписан, он ожидал сотрудников ФКУ КП-5, однако никто так и не приехал, поэтому ему пришлось переночевать у знакомой. 28 января 2020 г., по его словам, он снова вернулся в больницу и ожидал сотрудников, но снова никто не приехал. 29 января 2020 г. снова пошел в больницу, но испугавшись наказания зато, что находился в нетрезвом виде, в больницу не зашел. В этот же день был пойман сотрудниками ФКУ КП-5 [6].

Таким образом, мы видим, неудовлетворительную работу сотрудников колонии поселения за осуществлением контроля за сроком лечения осужденного в организации здравоохранения, а также отсутствия информирования со стороны медперсонала о выписке осужденного.

За 2021 год зарегистрировано 18 подобных случаев [7]. Одним из примеров является побег, произошедший в г. Нытва, Пермского края. Так, 18 октября 2021 г. осужденная Г., отбывающая наказание в ФКУ КП-39 ГУФСИН России, совершила побег, находясь на лечении в ГБУЗ ПК «Нытвенская районная больница». Стоит отметить, что отдаленность больницы от ФКУ КП-39 ГУФСИН (далее – КП-39) составляет 63 км.

14 октября 2021 осужденная Г. была вывезена бригадой скорой медицинской помощи из КП-39 в Нытвенскую районную больницу. В ходе проведения обследования, персоналом больницы поставлен диагноз: острый эндомитрит. После проведенного обследования была оставлена для прохождения стационарного лечения. Надзор осуществлялся путем внезапных проверок на месте, а также путем проверки наличия осужденной через медицинский персонал больницы по телефону. Последняя проверка на месте была произведена младшим инспектором отдела безопасности. 17 октября 2021 г. в вечерний период с 19.00 до 20.00. В ночное время звонки осуществлялись медперсоналу. Отсутствие осужденной было обнаружено только на утро 18 октября 2021 г.

Однако, стоит отметить, что в ходе служебной проверки, при осуществлении внезапных проверок переносные видеорегистраторы не использовались, в связи с чем видеархив о проверках данной осужденной в больнице отсутствует, в связи с чем нельзя утверждать о постоянном нахождении осужденной на территории данного учреждения в конкретный период [8].

Таким образом, мы видим халатность со стороны сотрудников колонии поселения в рамках организации проверок на местах, и отсутствие соблюдения всех требований к проведению данных проверок.

В 2022 г. в количество побегов составило 18 случаев. Так, 3 июня 2022 г. допущен побег из БУЗ Орловской области «Мценская ЦРБ» осужденного, вывезенного из ФКУ КП-7 УФСИН России по Орловской области для планового осмотра, в результате чего им были совершены преступления, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 131 УК, в отношении 2 потерпевших [9].

Данный случай показывает возможный результат побега при дальнейшем не урегулировании организации контроля со стороны сотрудников ФСИН, и сотрудников мед организаций.

Проведя анализ данного отчетного периода с 2018 г. по 2022 г. мы выявили ряд фактов. Был выявлен определенный перечень областей с практически ежегодным количеством побегов из муниципальных медицинских организаций (см. рис. 1). Данный анализ показал, что лишь в 2021 году количество побегов в данных областях практически отсутствовало.

Рисунок 1. Обзор областей с наиболее частыми случаями оставления осужденными учреждений государственного и муниципального здравоохранения.

Таким образом, рассмотрев период с 2018 г. по 2022 г., стоит отметить, что количество побегов из учреждений здравоохранения остается стабильно высок, в связи с этим необходимо предпринять следующие меры, которые позволят урегулировать данную сферу, в отношении организации сотрудничества между учреждением предоставляющим медицинскую помощь осужденным и администрацией учреждения.

1. Обеспечить должный контроль за осужденными, со стороны персонала медицинских учреждений, и своевременном уведомлении в случае изменения обстановки и их поведения, в связи с этим проработать вопрос по заключению договоров с руководителями государственных медицинских организаций о своевременном сообщении в дежурную часть подведомственного ТО ФСИН России учреждения информации в случаях отсутствия осужденного, находящегося в нем на лечении;

2. Организовать более тщательное изучение личности осужденных, так как в приведенных случаях был выявлен факт покидания объекта государственного и муниципального здравоохранения лицами, имеющими отрицательную направленность, и стоящими на профилактическом учете;

Пристатейный библиографический список

1. Шиханов В. А., Казначеев В. А. Проблемные вопросы организации безопасных условий во время охраны больных осужденных и заключенных под стражу лиц в медицинских учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения // Вестник Самарского юридического института. - 2020. - № 2 (38).
2. Аналитический обзор ФСИН России от 28.03.2019 г. № исх 03-22260 «О состоянии режима и надзора в ИУ и СИЗО территориальных органов ФСИН России за 2018 год».
3. Заключение о результатах служебной проверки ФСИН ГУ по Ульяновской области (УФСИН по Ульяновской области) от 11.05.2018 г.
4. Аналитический обзор ФСИН России от 27.03.2020 г. № исх-03-665 «О состоянии режима и надзора в ИУ и СИЗО территориальных органов ФСИН России за 2019 год».
5. Аналитический обзор ФСИН России от 03.03.2021 г. № исх-03-13240 «О состоянии работы по профилактике побегов из-под надзора в 2020 году».
6. Заключение о результатах служебной проверки ФСИН ГУ по Ульяновской области (УФСИН по Ульяновской области) от 27.02.2020 №вн-14/5-392.
7. Аналитический обзор ФСИН России от 17.02.2022 г. № исх-03-9830 «О состоянии работы по профилактике побегов из-под надзора в 2021 году».
8. Заключение о результатах служебной проверки ФСИН ГУ по Пермскому краю (ГУФСИН по Пермскому краю) от 22.11.2021 №60/то/14-345.

МИНКОВА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и организации деятельности УИС, Академия ФСИН России

ТРУДОУСТРОЙСТВО ОСУЖДЕННЫХ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ, ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Статья посвящена проблеме трудоустройства осужденных в рамках реализации положений Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Трудоустройство является одним из ключевых направлений в процессе ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации осужденных на всех этапах пробации: исполнительной, пенитенциарной, постпенитенциарной. Автор попытался выявить проблемные моменты и пути их решения на современном этапе становления института пробации в Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовое устройство, исполнительная пробация, пенитенциарная пробация, постпенитенциарная пробация, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация осужденных.

MINKOVA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Management and organization of UIS activities sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

EMPLOYMENT OF CONVICTS AS ONE OF THE KEY AREAS OF EXECUTIVE, PENITENTIARY AND POST-PENITENTIARY PROBATION

The article is devoted to the problem of employment of convicts within the framework of the implementation of the provisions of the Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation". Employment is one of the key areas in the process of resocialization, social adaptation, social rehabilitation of convicts at all stages of probation: executive, penitentiary, post-penitentiary. The author tried to identify problem areas and ways to solve them at the present stage of the formation of the probation institution in the Russian Federation.

Keywords: employment, executive probation, penitentiary probation, post-penitentiary probation, resocialization, social adaptation, social rehabilitation of convicts.

В рамках принятия Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» произошла существенная трансформация государственной уголовно-исполнительной политики, где одной из приоритетных задач ставится создание условий для оказания помощи осужденным в вопросах трудоустройства как в рамках исполнительной, так и пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

В свете указанных новелл трудоустройство осужденных становится одним из приоритетных и одновременно проблемных направлений деятельности УИС в процессе ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных.

Нет необходимости доказывать, что труд имеет многофункциональный характер, поскольку его сущность заключается в биологическом, социально-экономическом и воспитательном значении для человека. Кроме того, в педагогическом плане труд является важнейшим фактором формирования личности, воспитания ее способностей, характера, нравственных и волевых качеств, поскольку повышает уровень сознательности, укрепляет чувство ответственности, дает ощущение радости созидания [3, с. 56].

Особое значение труд приобретает в местах лишения свободы, являясь, с одной стороны, средством самореализации и самовыражения осужденных, включения их в трудовой коллектив, углубления и расширения межличностных связей, ограниченных условиями изоляции от общества, с другой стороны, это возможность получить дополнитель-

Минкова Е. А.

ные финансовые средства для удовлетворения собственных потребностей как в процессе отбывания наказания, так и после освобождения в рамках ресоциализации и социальной адаптации. Осужденный, получивший профессию и трудовой стаж во время отбывания наказания, без сомнения, легче адаптируется к условиям жизни на свободе, чем полностью или частично утративший профессиональные трудовые навыки [1, с. 373].

На приоритетность трудового устройства осужденных в рамках социальной адаптации и ресоциализации последних неоднократно обращал внимание директор ФСИН России Аркадий Гостев, определяя основные задачи ведомства¹. В этой связи на современном этапе развития перед УИС стоит сложнейшая задача по созданию необходимого количества рабочих мест, возможностей и условий для освоения осужденными рабочих профессий, приобретения трудовых навыков, которые пригодятся им после освобождения и позволят вернуться в общество в качестве его полноправного члена.

Иными словами, привлечение осужденных к труду наряду с другими средствами исправления, должно сформировать у спецконтингента социальную, нравственную и психологическую потребность трудиться, стимулировать его правопослушное поведение, что, в конечном итоге, должно привести и к сокращению рецидивной преступности в це-

1 Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=649562.

лом, поскольку последние находятся в тесной корреляционной связи [2, с. 123].

Кроме того, работающие осужденные значительно снижают издержки уголовно-исполнительной системы на их содержание, компенсируя затраты на материально-бытовое обслуживание отбывающих наказание лиц.

По данным ФСИН России на 01.01.2024 структуру производственного сектора УИС составляют 596 учреждений, где трудоустроено 127,9 тыс. осужденных, а объем производства товаров, выполненных работ и оказанных услуг увеличился на 2,6 % к АППГ и составил 44,3 млрд рублей².

Однако несмотря на значительные успехи в этом направлении, статистические данные свидетельствуют о том, что в исправительных учреждениях на работах, связанных с приносящей доход деятельностью, привлечено к труду 127,9 тыс. осужденных, что составляет лишь 29,3 % от общей численности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы³. Получается, что практически 70 % спецконтингента не охвачены трудом и, следовательно, вопрос трудового устройства осужденных стоит очень остро.

Еще одной новеллой Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» стало включение в качестве одного из субъектов пробации государственные учреждения службы занятости населения, на которые возложены обязанности по оказанию помощи в трудоустройстве осужденных и лиц, отбывших наказание.

В частности, на этапах исполнительной и постпенитенциарной пробации государственные учреждения службы занятости населения в рамках своих полномочий обязаны взаимодействовать с уголовно-исполнительными инспекциями в целях содействия в трудоустройстве нуждающимся лицам по вопросам имеющихся вакансий на рынке труда, условиях труда, о заработной плате и квалификационных требованиях к соискателям вакансий (ст. 9). Уголовно-исполнительные инспекции, в свою очередь, должны содействовать лицам в трудоустройстве в соответствии с их специальностью и квалификацией, в том числе путем предоставления бесплатного доступа к Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России».

Безусловно помощь в трудовом устройстве после освобождения, а также получение пособия по безработице в установленном законом порядке будут являться достаточно ощутимыми для лица, утратившего социальные связи, которое никто не ждет после освобождения и которому неоткуда ждать помощи и поддержки, в том числе материальной.

Велика роль, на наш взгляд, в вышеуказанной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и исправительных учреждений, чтобы этот процесс не был формальным, и не ограничивался составлением отчетных документов.

В соответствии с действующим законодательством в рамках подготовки осужденных к освобождению администрация должна оказывать им содействие в трудовом устройстве. Что же включает в себя эта деятельность?

Прежде всего, как нам кажется, это должна быть информационно-разъяснительная работа. Осужденному необходимо рассказать, как и где он может получить информацию о вакансиях, как подготовить резюме, как вести себя на собеседовании, как получить пособие по безработице и т.д. Это очень актуально, поскольку в последнее время этот процесс сместился в дистанционный формат. Найти вакансию, пройти собеседование, устроиться на работу, получить статус безработного и получить пособие можно дистанционно,

что значительно сокращает время и материальные ресурсы в процессе трудоустройства и социального обеспечения.

Кроме того, необходимо ознакомить осужденного с нормами трудового законодательства, судимое лицо будет знать свои права и обязанности при приеме на работу, законны ли причины отказа и его возможности по защите и восстановлению нарушенных трудовых прав.

Немаловажной в процессе пробации является и помощь в освоении новых профессий, в частности, в получении высшего и среднего профессионального образования, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки⁴.

По данным ФСИН в 254 профессиональных образовательных учреждениях ФСИН России и их филиалах ежегодно проходит обучение около 114 тыс. человек более чем по 165 профессиям, востребованным как в местах лишения свободы, так и на рынках труда субъектов Российской Федерации⁵.

В этой связи важно отметить, что постоянно должна проводиться верификация образовательных программ, по которым обучают осужденных, поскольку зачастую полученные ими профессии во время отбывания наказания, оказываются невостребованными на рынке труда, и реабилитирующее воздействие вышеуказанной деятельности нивелируется и практически сводится к нулю.

В заключении хотелось бы отметить, трудоустройство в процессе пробации – это достаточно длительный и кропотливый процесс, требующий тесного взаимодействия между субъектами пробации, налаживания взаимопонимания на всех уровнях власти в решении данных проблем, и только грамотная организация данной деятельности будет залогом успеха и приведет к желаемым результатам в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. Минкова Е. А. Трудовая адаптация в процессе ресоциализации осужденных к лишению свободы // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 373-374.
2. Минкова Е. А. Трудовая занятость осужденных в процессе детерминации пенитенциарной преступности // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4 (87). – С. 121-125.
3. Шамсунов С. Х., Павлова Е. В. Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных к лишению свободы в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2017. – № 2 (43). – С. 55-58.

4 См.: О пробации в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [от 06 февраля 2023 г. №10] // Рос. газ. – 2023. – 9 февраля. – № 29 @@ О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации: приказ Министерства юстиции РФ: [от 29 ноября 2023 г. № 350]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/?ysclid=m1uco2ocm314261699>.

5 См.: Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/adaptation/>.

2 Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/adaptation/>.

3 Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/adaptation/>.

МИНСАФИНА Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент ВАК, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, Самарский юридический институт ФСИН России

ДОЛГОВ Никита Аликович

курсант 4-го курса, Самарский юридический институт ФСИН России

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ НОРМАТИВНО ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных. Сложную и многогранную проблему, требующую внимания со стороны общества и государства, представляет собой исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных. Наиболее острым вопросом является создание условий, способствующих коррекции и реабилитации несовершеннолетних, которые совершили преступления. Важно, чтобы места лишения свободы не превращались в изолированные пространства, а стали центрами для восстановления личности и социальной адаптации.

Ключевые слова: лишение свободы, несовершеннолетний, воспитательный центр.

MINSAFINA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, associate professor of Penal enforcement law and organization of execution of sentences not related to the isolation of convicts sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

DOLGOV Nikita Alikovich

cadet of the 4th course, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF EXECUTION AND SERVING OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN RELATION TO MINORS

The article focuses on topical issues of the penalty of imprisonment in a juvenile convicted. The execution of a custodial sentence against juvenile convicts is a complex and multifaceted problem that requires attention from society and the State. The most pressing issue is the creation of conditions conducive to the correction and rehabilitation of minors who have committed crimes. It is important that places of detention do not turn into isolated spaces, but become centers for personal recovery and social adaptation.

Keywords: imprisonment, juvenile, educational center.

Совокупность преступлений, совершенных несовершеннолетними являются одной из частей института подростковой преступности. Этот вид правонарушений представляет собой особую опасность для общества, поскольку угрожают его будущему.

Преступность среди несовершеннолетних - это многогранное и запутанное явление, корни которого лежат в целой сети социальных, экономических и психологических факторов. Подростковый период - это время становления личности, время, когда подростки находятся в хрупком равновесии между поиском собственной идентичности и попытками вписаться в социальные рамки. Давление со стороны сверстников, острая потребность в признании и поддержке, которых они могут не получать от своей семьи, создают благодатную почву для формирования антиобщественного поведения, которое постепенно становится привычкой.

Однако мотивы большинства молодых преступников часто далеки от сознательного зла или преднамеренной жестокости. Напротив, исследования показывают, что они часто совершают преступления, на которые влияют незрелость, недостаток жизненного опыта и неспособность предвидеть последствия своих действий. Это подчеркивает ключевую роль образовательных и реабилитационных программ, направленных на переоценку ценностей, обучение молодежи альтернативным способам разрешения конфликтов и привитие им осознанного понимания важности законопослушного поведения.

Согласно международным документам, пенитенциарные учреждения для подростков должны соответствовать современным стандартам, чтобы направить их на путь законо-

послушной жизни, внушить уважение к труду и обучению, способствовать их личностному росту, что впоследствии поможет им избавиться от преступного поведения. В настоящее время необходимо пересмотреть подход к местам заключения и исправления для юных правонарушителей, организовать процесс их реформирования и улучшения [3, с. 73].

В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года одно из направлений предусматривает создание правовых и организационных условий для превращения воспитательных учреждений в центры реабилитации для несовершеннолетних нарушителей закона.

В настоящее время создается правовая база для регулирования деятельности таких центров. На сайте ФСИН представлена модель воспитательного центра для общественного обсуждения [6].

Одним из ключевых различий между исправительной колонией и исправительным центром является их цель - помочь осужденным в успешной реабилитации для адаптации к современному обществу с помощью индивидуальных подходов. Согласно части 1 статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в учреждениях исправительной системы в настоящее время осуществляется комплексное воспитание осужденных, включающее нравственное, правовое, трудовое, физическое и другие аспекты, способствующие их реабилитации.

Воспитательная деятельность проводится как индивидуально, так и в группах, а также массово, основываясь на психолого-педагогических методах (часть 2 статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). В исправительных центрах предусмотрены как индивидуальные, так и групповые меро-

приятия с осужденными, используя разнообразные специализированные социальные технологии, включая социальную диагностику, социальную реабилитацию, социальную адаптацию к окружающей среде и другие.

В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года одно из направлений предусматривает создание правовых и организационных условий для превращения воспитательных учреждений в центры реабилитации для несовершеннолетних нарушителей закона.

Одни из основных условий ресоциализации осужденного является его материальное положение. Согласно части 1 статьи 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, минимальная жилая площадь для одного несовершеннолетнего осужденного составляет не менее трёх с половиной квадратных метров. В этом контексте предлагается объединить понятия «жилая площадь» и «санитарная площадь» под единым термином - «общая площадь».

Кроме того, чтобы условия содержания в СИЗО соответствовали стандартам Европейских пенитенциарных правил предлагается увеличить норму жилой площади для несовершеннолетнего, а именно: «не менее семи квадратных метров», что способствует созданию наилучших условий для их физического, психологического и социального развития. В настоящее время у специалистов и исследователей вызывает серьезную озабоченность увеличение преступности среди подростков [1, с. 82].

Министерство внутренних дел Российской Федерации сообщает, что ежегодно молодые люди, не достигшие совершеннолетия, принимают участие или осуществляют около 34 тысяч правонарушений вне заключительных учреждений. С особым тревожным вниманием следует отметить случаи, когда юные люди поддаются влиянию и оказываются вовлеченными в деятельность организованных преступных групп или сообществ, которые занимаются различными видами преступной деятельностью [5, с. 32].

Современный вектор политики в области обеспечения прав человека направлен на необходимость соответствия правового статуса детей не только принципам отечественного законодательства, но и международным стандартам и нормам, международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией.

Этот аспект оказывает положительное воздействие на уменьшение количества преступлений, совершаемых молодёжью, и способствует достижению целей, заложенных в уголовно-исполнительном законодательстве, таких как изменение поведения и предупреждение повторных правонарушений. Это свидетельствует о влиянии международных правовых норм в области исполнения наказаний на российскую систему исправительных учреждений.

Чтобы глубже понять эту тенденцию, важно подчеркнуть основополагающие принципы международных стандартов, которые были внедрены в законодательство России. К таким международным нормативным актам, определяющим условия исполнения и отбывания наказаний и подход к работе с несовершеннолетними осужденными, относятся: Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными (далее – Минимальные правила) [3].

Некоторые аспекты пункта 8 Минимальных правил отражены в отдельном содержании несовершеннолетних и взрослых осужденных; пункты 9–14 касаются вопросов материально-бытового обеспечения воспитательных колоний.

Однако, для выполнения пунктов 15-16 необходимо подробно регулировать вопросы личной гигиены несовершеннолетних, включая максимально допустимую длину волос на голове и лице, как это указано в Приказе Минюста РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка

исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Данное утверждение находит подтверждение в процедуре, обеспечивающей эффективное исполнение.

Третья глава Правил, касающихся пенитенциарных учреждений, устанавливает стандарты для персонала. Одним из ключевых аспектов этих стандартов является необходимость постоянного обновления и повышения квалификации работников, а также накопления ими полезного опыта для повышения эффективности своей работы. Эти требования особенно важны для учебных колоний, где высококвалифицированные и компетентные специалисты, способные работать с несовершеннолетними, играют ключевую роль в предотвращении повторных преступлений [3, с. 70].

В настоящее время существует вероятность, что комплексный подход к вопросам исполнения и отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества, способствует снижению рецидива преступлений, особенно среди несовершеннолетних. Следует отметить, что в воспитательных учреждениях обеспечивается контроль и наблюдение за несовершеннолетними осужденными, порученные соответствующим службам.

Согласно установленным правилам, перемещение подопечных между жилыми и рабочими зонами осуществляется при участии младших инспекторов или воспитателей. Организация работы воспитательного персонала, включая воспитателей и педагогов, направлена на обеспечение постоянного контроля над осужденными с момента пробуждения до времени отбоя, что способствует их реабилитации [4].

Пристатейный библиографический список

1. Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа: материалы всерос. заочной науч.-практ. конф. - Издательский дом Юг, 2023 г. - С. 80-85.
2. Мамедов А. И. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: монография. - Омск: Омская академия МВД России, 2022. - 135 с.
3. Николук В. В., Пупышева Л. А. Обязательные работы для несовершеннолетних // Уголовный процесс: проблемы исполнения. - 2024. - С. 67-75.
4. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. - 2024. - Т. 12. № 1. - С. 5-14.
5. Юдина И. Р. Динамика преступности несовершеннолетних в России. // Отечественная юриспруденция. - 2021. - № 21. - С. 32-34.
6. Марковичева Е. В. Направление несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: проблемы законодательной регламентации // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сб. статей межведом. круглого стола и всерос. круглого стола / Ред. А. В. Бульжкин [и др.]; Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова. - Орел, 2024. - 88 с.

БОРЧЕНКО Вера Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

СОХРАНЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ЖЕНЩИНАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ОТБЫВАНИЮ НАКАЗАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы нарушает семейные связи, способствуя тем самым увеличению числа детей, оставшихся без родительского попечения. Несомненно, лишение свободы влечет ограничение ряда прав, но вместе с тем осужденный родитель продолжает быть участником семейно-родительских отношений, что обуславливает исполнение им родительских обязанностей и реализацию родительских прав. В связи с этим сохранение и восстановление детско-родительских отношений женщин, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы, имеет большое значение. Именно этим вопросам и посвящена данная статья. Автором проанализированы основные случаи лишения родительских прав, а также рассмотрены основные проблемные вопросы касающиеся реализации детско-родительских отношений и предложены пути их решения.

Ключевые слова: семья, родительские права, детско-родительские отношения, осужденные женщины, права на общение и поддержание связей с детьми, дом ребенка.

BORCHENKO Vera Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PRESERVATION AND RESTORATION OF CHILD-PARENT RELATIONS WITH WOMEN SENTENCED TO SERVING SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Serving a criminal sentence in the form of imprisonment disrupts family ties, thereby contributing to an increase in the number of children left without parental care. Undoubtedly, imprisonment entails the restriction of a number of rights, but at the same time, the convicted parent continues to be a participant in family-parent relations, which determines the performance of parental responsibilities and the implementation of parental rights. In this regard, the preservation and restoration of parent-child relations of women sentenced to serving a sentence in the form of imprisonment is of great importance. This article is devoted to these issues. The author analyzed the main cases of deprivation of parental rights, and also considered the main problematic issues related to the implementation of parent-child relations and proposed ways to solve them.

Keywords: family, parental rights, parent-child relations, convicted women, rights to communicate and maintain ties with children, children's home.

Конституция Российской Федерации в ст. 38 определяет основной вектор движения государства, выражающийся в гарантии защиты материнства, детства и семьи, а также оказание им государственной поддержки. Семья выступает одним из самых основных и начальных социальных институтов, формирующих личность человека, его взгляды, отношение к нормам права и другим гражданам. От политики развития и обеспечения института семьи в целом зависит развитие общества. Между тем, на семейные узы и взаимоотношения оказывается влияние таких факторов, как социальное неравенство, военно-политическое противостояние, финансовый кризис, трудная жизненная ситуация и т.д. Указанное негативно сказывается на супружеских и детско-родительских отношениях, что ведет к повышению напряженности и конфликтности во взаимоотношениях.

В связи с этим, актуальным направлением развития политики государства является сохранение и укрепление детско-родительских отношений во всех сферах и областях жизни, в том числе касается это и уголовно-исполнительной системы.

Юридически взаимоотношения родителей и детей основаны на факте кровного родства, порождающем неотчуждаемые права и обязанности по отношению к детям. Однако, лишение данных прав, на основе законодательства РФ, может произойти в двух случаях:

1. На добровольной основе, когда родители сами отказываются от ребенка.

Борченко В. А.

2. Нарушение правовых норм, влекущих ответственность в виде ограничения, либо лишения родительских прав по решению суда.

В первом случае родители могут столкнуться с трудной жизненной ситуацией либо оказаться в социально-опасном положении, что вынуждает их помещать детей в социальные учреждения, которые на время берут на себя обязанности по воспитанию и уходу за ними. Однако зачастую даже после истечения определенного времени родители не имеют возможности забрать детей обратно ввиду нерешенных проблем. В результате чего дети передаются под опеку, попечительство, усыновление либо удочерение, в государственные организации для детей-сирот и др.

Во втором случае ситуация в виде ограничения, либо лишения родительских прав по решению суда возникает в результате пренебрежения, злоупотребления или невыполнения родителями обязанностей по воспитанию и уходу за детьми, а также совершение ими противоправных деяний, и как следствие помещение их в места лишения свободы. Между тем, стоит отметить, при ограничении либо лишении родительских прав, законодательством РФ предусмотрена возможность их восстановления. Однако, как показывает практика, в большинстве случаев родители не пользуются данным правом [1].

В рамках данного вопроса все большую значимость приобретает реализация основных прав и интересов женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Прежде всего это связано с тем, что женщины отличаются

от других категорий осужденных наличием специфического правового положения, а также с порядком и условиями отбывания наказания.

Стоит отметить общую тенденцию снижения количества числа осужденных женщин, что является положительным аспектом УИС, однако, их число не приближено к нулю, поэтому существует ряд проблем, на которые стоит обратить внимание.

Важно указать на факт гуманного подхода в Российской Федерации к содержанию осужденных женщин, имеющих несовершеннолетних детей в местах лишения свободы, поскольку законодателем оговорены определенные условия такого содержания, а именно для осужденных женщин предусмотрена возможность совместного проживания с ребенком, а также установлены более легкие режимные требования, такие как улучшенное питание, дополнительное медицинское обслуживание и др.

Существенные трудности возникают при реализации осужденными женщинами в местах лишения свободы, прав на общение и поддержание связей со своими детьми. Учитывая все особенности осужденных женщин, стоит отметить, что данная категория осужденных тяжелее переносит разрыв социальных связей со своими родственниками и близкими.

В целом, совместное проживание матери и ребенка в местах лишения свободы направлено именно на решение данной проблемы, поскольку такое проживание имеет своей целью создание условий для развития прочной психологической связи между матерью и ребенком, а также в целях реабилитации самой осужденной женщины.

Следовательно, деятельность администрации исправительного учреждения должна быть направлена на сохранение контактов осужденной женщины с ребенком, семьей, а также родственниками.

В России, на данном этапе, при женских колониях функционируют всего 13 домов ребенка. На практике такого количества учреждений крайне недостаточно для полной реализации прав по воспитанию ребенка осужденной женщиной. При этом территориальные учреждения, которые предусмотрены для совместного проживания матери и ребенка, могут находиться на значительном расстоянии от места проживания осужденной до назначения ей наказания в виде лишения свободы. Данное обстоятельство, несомненно, ведет к разрыву социальных связей с родственниками и знакомыми, а также усложняет процесс проведения свиданий и передачи посылок.

Вышеуказанную ситуацию можно расценивать по-разному: в одном случае есть положительный момент, что осужденная-женщина может отбывать наказание и параллельно заниматься воспитанием своего ребенка, реализуя себя как мать; в другом – возможна потеря социальных связей, что негативно может сказаться на семейных отношениях, которые важны для процесса дальнейшей ресоциализации осужденной.

К сожалению, нельзя не отметить тот факт, что большое количество матерей, находящихся в исправительных колониях для женщин с функционирующими при них детскими учреждениями, лишь формально участвуют в воспитании ребенка. В основном, их участие в воспитании направлено на получение тех или иных льгот (облегченные условия, уменьшение время работы и т.д.), и после отбывания наказания многие из них оставляют своих детей на воспитание родственников, в детских домах и т.п. В такой ситуации жизнь и нормальное развитие ребёнка ставится под угрозу, так как для матери он является средством для достижения определенной цели.

Представляется необходимым рассмотреть случаи, когда, осужденная женщина не имеет возможности проживать совместно со своим ребенком, либо он остается на воспитании супруга или родственников. Попадая в места лишения свободы, женщина приобретает статус осужденной, влекущий определенные ограничения, связанные со свободным передвижением, общением и т.д. Условия изоляции в пенитенциарных учреждениях негативно влияют на нормальное поддержание связей со своей семьей и детьми, а также зачастую женщины не имеют возможности восстановить свои родительские права после отбывания наказания.

Необходимо отметить, что существуют объективные и субъективные причины, затрудняющие восстановление родительских прав.

К первой категории причин стоит отнести низкий уровень правовой грамотности; отсутствие независимых учреждений по оказанию помощи родителям в восстановлении их прав над ребенком; семейное неблагополучие в семье, выражающееся в необеспеченности необходимыми жизненными условиями и ресурсами; слабый контроль за неблагополучными семьями и неэффективная профилактика безнадзорности и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Во вторую категорию входят обстоятельства, исходящие от самих родителей, в частности, злоупотребление спиртными напитками, наркотическими веществами, психологическая незрелость, безответственность и т.д.

В комплексе данные причины, несомненно, ведут к откату в восстановлении родительских прав. Между тем, не все так однозначно. Возникают случаи, когда осужденных-женщин лишают родительских прав и в дальнейшем препятствуют общению и воспитанию кровных детей, ввиду факта ее отбывания наказания. При этом супруг или родственники осужденных женщин всячески препятствуют поддержанию связей со своим ребенком.

Определенные условия в исправительных учреждениях, в частности, изоляция и относительная отдаленность от городских районов затрудняют процесс подачи заявлений, жалоб, ходатайств в органы опеки и попечительства со стороны осужденных женщин.

В большинстве случаев даже после отбытия наказания женщина не может восстановить свои родительские права ввиду формализма и бюрократии при подаче заявления в суд. Между тем, родственники и другой супруг различными способами препятствуют общению освободившейся из мест лишения свободы женщине со своими детьми. Отметим, что на практике органы опеки и попечительства не всегда в должной мере содействуют восстановлению связей осужденной женщины со своими детьми, в связи с чем, рассматриваемая нами проблема имеет большое значение в сохранении нормальных детско-родительских отношений.

Исходя из вышеуказанных проблем, целесообразным, по нашему мнению, является следующий ряд мер:

Во-первых, предоставление осужденным женщинам, изъявившим желание восстановить свои права и обязанности по воспитанию и уходу за ребёнком, квалифицированной юридической помощи, а также комплексной социальной помощи. Данная мера поможет осужденным женщинам с низким уровнем правовой грамотности корректно подавать заявления на восстановление родительских прав в суд.

Во-вторых, следует расширить и повысить эффективность работы органов опеки и попечительства с родителями, лишенными родительских прав, но желающих поддерживать связи с детьми и стремящихся к этому, в целях оказания помощи в реализации прав на общение с детьми, в случаях, когда супруг или родственники препятствуют этому.

В-третьих, законодательно закрепить право родителя, лишенного родительских прав, на общение с детьми, если оно не наносит вред его физическому и моральному развитию, а также не противоречит интересам самого ребенка. Такая мера поспособствует в решении вопроса, касающегося препятствованию родственников и другого супруга в подражании общения осужденной женщины с ребенком, так как будет законное основание на такое общение.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое положение женщин, находящихся в местах лишения свободы создает определенные трудности в поддержании социальных связей со своими детьми. В связи с чем, необходимо оказывать помощь женщинам, отбывающим наказание в восстановлении родительских прав и поддержании общения с ребенком в целях увеличения количества «кровных» семей и уменьшения детей-сирот.

Пристатейный библиографический список

1. Бессчетнова О. В. Детско-родительские отношения в восстановленной биологической семье // Society and Security Insights. – 2018. – № 3. – С. 208.

ХАРЗИНОВА Виолета Мухамединовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье кратко описывается историко-правовое развитие кассационного суда России. Автор, проанализировав нормы уголовно-процессуального кодекса, регламентирующие кассационное производство, выявил некоторые пробелы в изложении норм уголовно-процессуального законодательства, предписывающие основания пересмотра в кассационном суде, и предлагает пути их разрешения. В частности, для обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства автор полагает возможным осуществление проверки объективности и справедливости приговора кассационным судом. Кроме того, в работе отмечается целесообразность участия защитника в кассационной инстанции, наряду с государственным обвинителем, при наличии оснований обязательного участия защитника.

Ключевые слова: кассационное производство, право на защиту, законность, объективность, справедливость, судебное решение, прокурор, защитник.

KHARZINOVA Violeta Mukhamedinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law, process and criminalistics sub-faculty, H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF CASSATION PROCEEDINGS

The article briefly describes the historical and legal development of the Court of Cassation of Russia. The author, having analyzed the norms of the Code of Criminal Procedure regulating cassation proceedings, identified some gaps in the presentation of the norms of criminal procedure legislation prescribing the grounds for review in the court of cassation and suggests ways to resolve them. In particular, in order to ensure the implementation of the purpose of criminal proceedings, the author considers it possible to verify the objectivity and fairness of the verdict by the court of cassation. In addition, the paper notes the expediency of the defender's participation in the cassation instance, along with the public prosecutor, if there is a basis for the mandatory participation of the defender.

Keywords: cassation proceedings, right to defense, legality, objectivity, fairness, judicial decision, prosecutor, defender.

Кардинальные изменения судебной системы 2018 года были произведены для обеспечения гарантированных государством конституционных прав и свобод на судебную защиту лиц, которым такая защита была необходима, для полной реализации независимости судебных инстанций судов общей юрисдикции и для исправления судебных ошибок, допущенных нижестоящими судами в связи с нарушением процессуального и материального права. При этом цели реорганизации судов не в полной мере достигнуты, поскольку наряду с реорганизацией судебных инстанций содержание некоторых норм уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающих гарантированные государством конституционные права и свободы на судебную защиту осталось без изменения. В связи с этим необходимо внесение изменений и дополнений в процессуальное законодательство. В этой связи рассматриваемая тема представляется актуальной.

Целью исследования является осуществление анализа проблем, связанных с правовой регламентацией ст. 401.1 и 401.13. УПК РФ.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать историко-правовое развитие кассационного суда России;
- произвести анализ норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих кассационное производство;
- выявить проблемы и найти пути их разрешения.

На территории Российской империи пересмотр приговоров как институт впервые появился в результате судебной

реформы 1864 года [1]. Принятый в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства нормативно закрепил кассационную форму уголовного судопроизводства, предметом рассмотрения которой являлся пересмотр приговора в связи с нарушением норм права. При этом кассационный суд не рассматривал справедливость и верность установленных фактических обстоятельств дела нижестоящим судом.

Появление в уголовном законодательстве такой инстанции трактовалось разными авторами однозначно: как суд, пересматривающий решения нижестоящих судов в связи с неправильным применением закона. Так, М. Н. Гернет писал: «Кассационное обжалование необходимо для исправления исключительно юридических погрешностей, допущенных при производстве дела в низшей инстанции» [2, с. 93]. И. Я. Фойницкий отмечал: «Кассационное производство – это пересмотр уголовного приговора, ограничивающийся юридической стороной его, не касаясь фактической, т.е. доказательной, или существа дела» [3, с. 583].

С тех пор полномочия кассационного суда все время менялись с развитием правовой системы Российского государства. Вместе с тем следует отметить, что кассационная инстанция действовала как суд, пересматривающий приговоры судов первой, апелляционной инстанции, не вступившие в законную силу. Несмотря на реформы, данный институт сохранял сущность и основные принципы деятельности до 2010 года.

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу отдельных законодательных актов (положений

законодательных актов) Российской Федерации» [4] полномочия суда кассационной инстанции изменились. Указанные изменения в процессуальной литературе называли сближением двух инстанций, кассаций и надзора. В частности, А. С. Омарова указывала: «Предметы судебного разбирательства, средства проверки, а также основания для отмены приговора и виды принимаемых решений в надзорной и кассационной инстанции идентичны» [5, с. 23-24]. Такое же мнение высказывали И. С. Дикарев, М. Е. Нехороших [6, с. 12, 45-46].

Нам представляется, что указанные суждения обоснованны, поскольку положение ч. 2 ст. 401.13. УПК РФ об обязательном участии прокурора в ходе судебного разбирательства свидетельствует о том, что кассационное производство выполняет больше надзорную функцию.

Существенные изменения были внесены в кассационное производство с принятием Федерального Конституционного закона от 29 июля 2018 г. [7] и Федерального закона от 11 октября 2018 года [8], поскольку судебная система с принятием указанных законов поменялась кардинально. Изменился кассационный порядок проверки судебных приговоров и иных решений судов 1-ой и апелляционной инстанций. Кассационный суд стал двухуровневым судом, рассматривающим приговоры и иные решения, вступившие в законную силу, и в большей степени стал выполнять функцию надзора. Кроме того, создание кассационного суда вне пределов территории субъектов Российской Федерации стал предоставлять участникам, имеющим право на обжалование, дополнительные процессуальные гарантии на установление и устранение ошибок, допущенных нижестоящими судами. Анализ статистики рассмотренных кассационным судом уголовных дел за 1 полугодие 2023 года [9] подтверждает эффективность процессуального механизма по установлению и исправлению судебных ошибок.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на кардинальные изменения в судебной системе, некоторые положения уголовно-процессуального законодательства остались неизменными. В частности, не изменились предметы рассмотрения кассационной инстанции. Такое утверждение можно сделать исходя из ст. 401 УПК РФ, поскольку в данной норме указано, что предметом рассмотрения кассационных судов могут быть только решения нижестоящих судов, вступившие в законную силу в связи с нарушением законности, т.е. норм материального и процессуального права.

Пленум Верховного суда РФ отмечает, что «под законностью судебных решений как предмета судебного разбирательства в кассационном порядке подразумевается их соответствие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов с учетом оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в кассационном порядке» [10]. Установление объективности и справедливости приговора в соответствии со ст. 401.1. УПК РФ не входит в предмет рассмотрения кассационного суда, поскольку эти положения в соответствии с законодательством относятся к предметам рассмотрения апелляционного суда. Вместе с тем Пленум Верховного суда предоставляет судам возможность рассмотрения кассационной жалобы (представления) на несправедливость приговора, если назначенное наказание не соответствует тяжести преступления, личности осужденного, а также в случаях чрезмерной мягкости или суровости приговора ввиду неправильного применения уголовного закона [10]. Данное разъяснение свидетельствует, что на практике положение ст. 401.1. УПК трактуется шире, чем предписано законодателем. Такая трактовка указанной нормы является

обоснованной, поскольку кассационный суд окончательно не может признать приговор законным, если не будут рассмотрены обстоятельства, подтверждающие обоснования выводов нижестоящего суда, и справедливым без установления обстоятельств, указывающих на признаки совершения преступления.

М. С. Строгович писал: «Справедливость приговора означает то, что он должен устанавливать действительную вину или невиновность подсудимого и наказывать его в соответствии с его виной» [11, с. 319]. Такое понимание справедливости приговора указывает на то, что предметами рассмотрения кассационного суда должны быть не только законность приговора или иного решения, но и обоснованность, и справедливость приговора нижестоящего суда.

Узкое законодательное изложение предмета рассмотрения кассационного суда полагает необоснованным, поскольку «Понятие «законность» «предполагает справедливое изложение фактических и юридических аргументов, которые подтверждают выводы и решение суда» [12]. С учетом этого представляется, что законный приговор должен быть одновременно обоснованным и справедливым.

Кроме того, кассационное производство в соответствии с законодательством имеет ревизионное начало, поскольку ст. 401.16. УПК РФ предоставляет кассационному суду право проверять производство в полном объеме. Предписания ч. 1 ст. 401.1 УПК РФ дает возможность кассационному суду проверять и устанавливать все судебные ошибки, допущенные нижестоящими судами, если возникает в этом необходимость.

С учетом изложенных положений нам представляется целесообразным изложение ст. 401.1. УПК РФ в следующей редакции: «Суд кассационной инстанции проверяет по кассационной жалобе, представлению законность, объективность, справедливость приговора, определения или постановления суда, вступившие в законную силу».

Анализируя нормы, предписывающие правила рассмотрения кассационными судами жалоб и представлений, мы столкнулись с некоторыми упущениями уголовно-процессуальных норм. В частности, это касается участников процесса. Согласно п. 2 ст. 401.13. УПК РФ судебное заседание по кассационной жалобе, представлению проводится при обязательном участии прокурора. В п. 2 ст. 401.13. УПК РФ законодатель не указывает, даже в порядке исключения, положения ст. 51 УПК РФ, то есть случай обязательного участия защитника. При этом необходимо заметить, что положение статьи 51 УПК РФ распространяется на любую стадию уголовного судопроизводства, в том числе на кассационную инстанцию. По содержанию п. 2 статьи 401.13 УПК можно предположить, что другие участники без какого-либо исключения могут участвовать только при подаче ходатайства, однако без подачи ходатайства защитник обязательно участвует при наличии оснований, указанных в ст. 51 УПК РФ. Для правильного применения и толкования п. 2 ст. 401.13. УПК РФ целесообразно изложить данную статью с ссылкой на ст. 51 УПК. С учетом этого мы полагаем обоснованным дополнение указанной нормы после слов «прокурора» словами «защитника в случаях, предусмотренных ст.51 УПК РФ».

Проведенный анализ судебной практики и действующего законодательства позволили сделать следующие выводы:

1. Создание кассационного суда вне пределов территории субъектов Российской Федерации стало предоставлять участникам, имеющим право на обжалование, дополнительные процессуальные гарантии на установление и устранение

судебных ошибок, допущенных судами первой и апелляционной инстанций.

2. Представляется целесообразным осуществление проверки по кассационной жалобе или представлению, наряду с законностью, таких свойств приговора, как объективность и справедливость, поскольку такое изложение нормы ст. 401.1 УПК РФ будет способствовать реализации назначения уголовного судопроизводства в полном объеме.

3. Участие защитника наряду с прокурором при кассационном пересмотре, в случаях его обязательного участия, позволит наиболее полно и правильно толковать п. 2 ст. 403 УПК РФ, а также обеспечить принцип обеспечения право на защиту.

Пристатейный библиографический список

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Конституция РФ офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 01.08.2024). – Доступна на сайте консультант гарант. – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
2. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. V: Ст. ст. 765-999 / Под общей редакцией проф. М. Н. Гернета. – М.: Издание М. М. Зива, 1916. – С. 93. // Электронный научный архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета офиц. Сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18189?mode=full>.
3. Курс уголовного судопроизводства: учебник В 2 т. / И. Я. Фойницкий. – Санкт- Петербург. Сенатская типография, 1910 – Т. 2. – 583 с. // Электронный научный архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета офиц. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18189?mode=full> (дата обращения: 6.08.2024).
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федер. закон № 433-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 2010 г.: одобрен Советом Федерации 24 декабря 2010 г.: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 02.08.2024).
5. Омарова А. С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» диссертация на соискания ученой степени кандидата юридических наук. Саратовская государственная юридическая академия. – Волгоград, 2015. – 242 с.
6. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография. – Волгоград: ВолГУ, 2016. – 398 с. @@ Нехороших М. Е. Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» диссертация на соискания ученой степени кандидата юридических наук. – Томск, 2018. – 288 с.
7. Российская Федерация. Конституционные законы. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»: Федеральный Конституционный закон № 1-ФКЗ: [принят Государственной Думой 23 октября 2006 г.: одобрен Советом Федерации декабря 1996 г.: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 02.08.2024).
8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон № 361-ФЗ: [принят Государственной Думой 25 сентября 2018 г.: одобрен Советом Федерации 3 октября 2018 г.: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 4.08.2024).
9. Верховный суд Российской Федерации. Главные цифры первого полугодия 2023 года: Статистика Верховного суда РФ сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.fu/>
10. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции (НП-19): официальное издание: Принято Пленумом Верховного Суда РФ от 25.06.2019 послед. ред.: // Консультант Плюс: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 4.08.2024).
11. Харзинова В. М. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России. М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т, Нальчикский фил. – Нальчик: НлФКрУ МВД России, 2009 (Нальчик: ОНиРИО Нальчикского филиала Краснодар. ун-та МВД России). – 460 с.

АГАРКОВА Татьяна Константиновна

преподаватель кафедры уголовного процесса, Калининградский филиал, Санкт-Петербургский университет МВД России

МЕРЗЛИКИН Роман Александрович

начальник кафедры огневой подготовки, Волгоградская академия МВД России

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

ХАНИНА Наталья Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Калининградский филиал, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УБИЙСТВОМ

Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с убийством, имеет значение в части производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. В статье проанализированы особенности работы специалиста при осмотре места происшествия, связанного с убийством, относительно способа совершения убийства. Представлены наглядные тактико-графические рекомендации в виде схем, для эффективной реализации функционала специалиста.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, осмотр места происшествия, преступление, убийство, раскрытия и расследование преступлений.

AGARKOVA Tatyana Konstantinovna

lecturer of Criminal process sub-faculty, Kaliningrad branch, St. Petersburg University of the MIA of Russia

MERZLIKIN Roman Alexandrovich

Head of Fire training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROKOFJEVA Elena Vasiljevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Forensic technology sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

KHANINA Natalya Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and management sub-faculty, Kaliningrad branch, Moscow University of Finance and Law (MFUL)

USE OF SPECIALIZED KNOWLEDGE IN SOLVING AND INVESTIGATING MURDER CRIMES

Participation of a specialist in the detection and investigation of crimes related to murder is important in terms of investigative actions and operational-search activities. The article analyzes the features of the specialist's work during the inspection of the scene of a crime related to murder, regarding the method of committing the murder. Visual tactical-graphic recommendations are presented in the form of charts for the effective implementation of the specialist's functionality.

Keywords: specialist, special knowledge, inspection of the scene of a crime, crime, murder, detection and investigation of crimes.

Преступления, связанные с убийством, на сегодняшний день остаются наиболее серьезными из всех видов преступлений, так как посягают на фундаментальные ценности общества – жизнь человека. Эффективное раскрытие и расследование таких преступлений требует комплексного подхода и применения специальных знаний и методов.

По данным МВД России, за семь месяцев 2024 года [2] общее количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, по сравнению аналогичным периодом 2023 года, сократилось на 2,1%, наблюдается снижение количества убийств и покушений на убийство – на 7,2%, однако общий уровень остается на высоком уровне. Использование специальных знаний в борьбе с преступностью – важный элемент этого процесса. Осмотр места происше-

ствия по факту убийства имеет свои особенности в частности работы специалиста, знание которых позволит реализовать данное следственное действие наиболее эффективно в рамках раскрытия и расследования преступлений. Большой объем работы специалиста направлен на обнаружение следов, их фиксацию и изъятие. Реализуемые осмотры могут быть затруднены существующей спецификой, обусловленной способом совершения убийства, в этой связи мы будем рассматривать тактические особенности работы специалиста на месте происшествия относительно обозначенного решающего фактора.

В трудах Алхиминой И. А. [1], [2] отмечается, что осмотры мест происшествий по фактам убийств относительно способа совершения, возможно классифицировать на со-

Рисунок 1. Особенности ОМП с применением огнестрельного оружия.

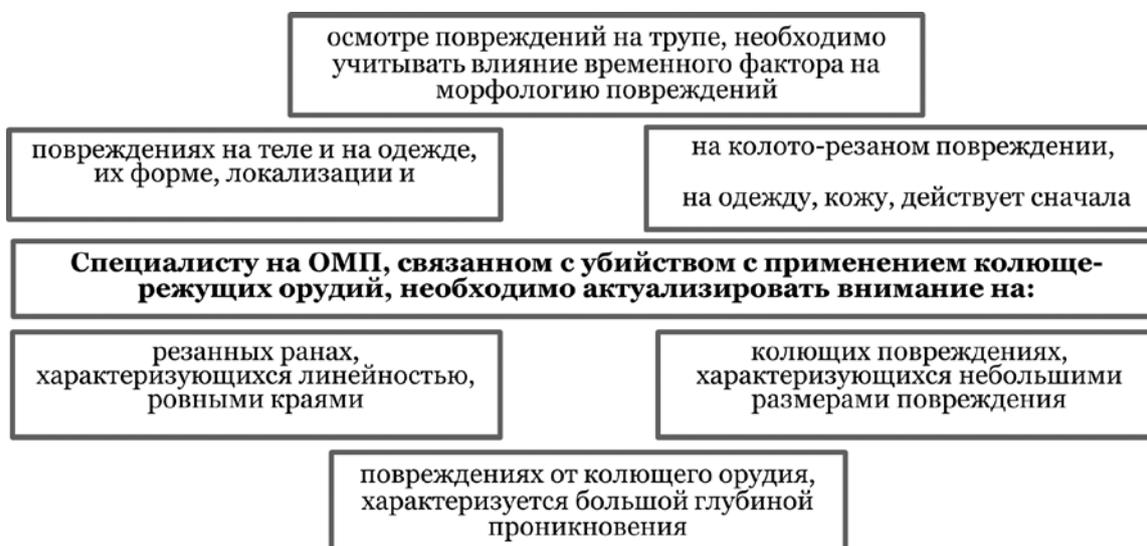

Рисунок 2. Особенности ОМП с применением холодного оружия.

вершенные: с применением огнестрельного оружия; острыми орудиями (колюще-режущими); через утопление; через удушение и повешение; и др. Соглашаясь с изложенным, для эффективной реализации участия специалиста в осмотре места происшествия и выбора правильного вектора расследования преступления, в качестве наглядных тактико-графических рекомендаций разработаны схемы, отражающие информацию для специалистов относительно определения способа убийства при осмотре места происшествия с определением спектра поиска следов и дифференциации обнаруженного материала (рис. 1-4). Преступления с применением огнестрельного оружия характеризуются появлением специфических материальных последствий (следов), выявление и оценка которых облегчает розыск оружия, установление его типа, модели, способствует выяснению направления и дальности выстрелов, их числа и очередности, других параметров, а также обстоятельств использования холодного оружия [1], [2].

Тактика осмотров мест происшествий по делам об убийствах, совершенных с применением острых орудий (колюще-

режущих), схожа с ОМП с применением огнестрельного оружия, имеющиеся особенности обусловлены многообразием предметов, которыми могут быть нанесены повреждения (см. рис. 2).

В водоемах труп может быть обнаружен в случаях утопления или смерти в воде. Основной вопрос при этом — установление причины смерти. Смерть в воде может наступить от разных причин, в том числе в результате сердечно-сосудистой недостаточности, от удара головой о какое-либо препятствие после прыжка с возвышенности и т.п., тактические правильно выстроенный осмотр, акцент на деталях, внешних параметрах тела, кожного покрова, позволят в значительной степени упростить ход дальнейшего расследования в виду дифференциации и сепарирования убийства от смерти по неосторожности [3] (см. рис. 3).

Тактические особенности работы специалиста на осмотре места происшествия при обнаружении трупа с признаками удушения или повешения обусловлены необходимостью установления способа задушения и механизма события [2], [4] (см. рис. 4).

Рисунок 3. Особенности ОМП при утоплении.

Рисунок 4. Особенности ОМП при удушении и повешении.

Осмотр мест происшествий, связанных с убийством, отличается разнообразием приемов и методов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений и преступника. Работа специалиста на основе разработанных наглядных тактико-графических рекомендаций схематического отображения позволит аккумулировать теоретический потенциал и практический опыт эффективной реализации тактико-поисковой работы на месте происшествия, с целью выбора верного вектора расследуемого преступления.

Пристатейный библиографический список

- Алхимина И. А. Тактика и методика расследования отдельных видов преступлений // Методические рекомендации. - 2011. - С. 47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studylib.ru/doc/2591091/taktika-i-metodika-rassledovaniya-otdel_nyh-vido
- Бакланов Л. А., Павлов А. В. Осмотр места происшествия в жилище с согласия проживающих в нем лиц до возбуждения уголовного дела // Вестник волгоградской академии МВД России. - 2020. - № 1 (52). - С. 87-92.
- Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - июль 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/54040412/?ysclid=m1kbe370c2664930715> (дата обращения: 27.09.2024).
- Руководство для следователей / Под общ. ред. В. В. Мозяикова. - М.: Экзамен, 2005. - С. 255.

АРХИПОВА Надежда Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент профессор кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Важность рассматриваемой темы статьи подтверждается многочисленными научными исследованиями. При этом, несмотря на имеющиеся освещения проблемных вопросов по данной теме, она нуждается в дальнейшем исследовании. Автором определены основные аспекты расследования незаконной охоты. В статье определяется, что одним из часто совершаемых преступлений в сфере экологии является незаконная охота, в связи с этим рассмотрение особенностей расследования данного преступления особенно актуально. Автор считает, что результативность расследования незаконной охоты зависит от слаженной работы правоохранительных органов. Важно при расследовании незаконной охоты привлекать специалистов из разных областей знаний.

Ключевые слова: незаконная охота, животный мир, расследование преступлений, следственные действия.

ARKHIPOVA Nadezhda Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SOME ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF ILLEGAL HUNTING

The importance of the topic under consideration in the article is confirmed by numerous scientific studies. At the same time, despite the existing coverage of problematic issues on this topic, it needs further research. The author identifies the main aspects of the investigation of illegal hunting. The article determines that one of the most frequently committed crimes in the field of ecology is illegal hunting, in this regard, consideration of the peculiarities of the investigation of this crime is especially relevant. The author believes that the effectiveness of the investigation of illegal hunting depends on the coordinated work of law enforcement agencies. It is important to involve specialists from different fields of knowledge when investigating illegal hunting.

Keywords: illegal hunting, wildlife, crime investigation, investigative actions.

За последние годы проблема браконьерства в России и мире не теряет своей актуальности. Незаконная охота подрывает основы устойчивого управления природными ресурсами, способствует сокращению популяций диких животных и нарушает экологическое равновесие. Основной причиной распространения незаконной охоты можно назвать имеющуюся неблагоприятную социальную среду, отрицательно влияющую на формирование личности и приведшую к антиобщественной установке. Большинство этих деяний совершается из корыстных побуждений, направленных на удовлетворение потребностей и реализацию своих интересов.

Согласно данным официальной статистики количество экологических преступлений, регистрируемых на территории нашего государства в течение нескольких последних лет, снижается. Так, в январе-августе 2024 года зарегистрировано 9,0 тыс. экологических преступлений, что на 19,4% меньше, чем за аналогичный период прошлого года¹.

Однако незаконная охота в последние годы остается самым распространенным экологическим преступлением. Уголовная ответственность за совершение данного преступления определена в ст. 258 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

На территории Российской Федерации имеются обширные пространства, занятые лесами, степями, пустынями и другими природными зонами, занимающими обширные пространства с востока на запад и с севера на юг. Подобные факты предопределили биологическое разнообразие животного мира России, что сказалось на широком распространении незаконной охоты во всех субъектах Федерации [1, с. 50-59].

Согласно анализу материалов уголовных дел незаконная охота чаще всего совершалась в местах, удаленных от населенных пунктов. Этими местами могут быть территории за-

поведника, заказника, зеленые зоны вокруг городов и другие населенные пункты.

Существует широкий спектр способов осуществления незаконной охоты. Незаконная охота может совершаться разными способами: охота с подхода, охота с использованием автомобилей, охота с использованием охотничьих собак, загонная охота. Ещё меньше примеров, когда браконьеры используют укрытия или технологические новинки в виде дронов и тепловизоров для отслеживания добычи. Чаще всего орудием незаконной охоты является огнестрельное оружие, которое может быть не поставлено на учет.

Так, у В. возник преступный умысел, направленный на осуществление незаконной охоты на лосей с целью добычи мяса животных, с применением охотничьего одноствольного гладкоствольного ружья, при отсутствии разрешения на его хранение и ношение, незарегистрированное в установленном законом порядке. В., управляя снегоходом, стал преследовать животных - двух лосей. В., не имея законного права на охоту, в отсутствие охотничьего билета и именной разовой лицензии на право добычи лося, с целью незаконной добычи, догнал двух лосей (одна самка и один самец), после чего произвел не менее двух прицельных выстрелов на поражение в животных из находившегося у него вышеуказанного оружия, в результате чего, две особи лося упали и перестали двигаться, тем самым довел свой преступный умысел до конца².

После совершенного преступления преступники осуществляют сокрытие огнестрельного оружия, боеприпасов, специальные средства для снаряжения огнестрельного оружия, иные орудия охоты. При сокрытии следов совершенного преступления преступники разделяют туши убитого животного сразу же после завершения охоты. Транспортировка туши убитого животного и его разделка может осуществляться в другом месте. Кроме того, преступники

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/>

2 Приговор № 1-07\2017 Мирового судьи судебного участка Солтонского района Алтайского края. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/magistrate/doc/ShyjmiE3wqJQ/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo

различными способами скрывают следы подошвы обуви и транспортных средств. Дополнительно действия по сокрытию незаконной охоты могут выражаться в даче ложных показаний.

Механизм слеодообразования незаконной охоты составляют следы биологического происхождения, следы транспортных средств и обуви, тела мертвых животных, птиц и их части, следы от применения огнестрельного или холодного оружия, шерсть и следы животных и т.д. Также возможно обнаружение следов в электронном виде (электронные чипы, видеозаписи с камер квадрокоптеров).

Следовая картина преступления дает возможность сформировать представление о произошедшем событии, а обнаружение, фиксация, изъятие и изучение следов незаконной охоты способствует получению доказательственной базы по делам данной категории.

Изучение судебно-следственной практики позволило сформировать сведения о личности преступника, которым чаще всего являются работающие люди. В основном незаконными охотниками становятся лица в возрасте от 27 до 45 лет. Вместе с тем незаконной охотой чаще всего занимаются в составе группы лиц. При этом большинство из них являются местными жителями.

Учитывая, что наиболее распространенным поводом для возбуждения уголовного дела о незаконной охоте является сообщение о факте незаконной охоты, поступившие от лесничеств и иных компетентных природоохранных служб.

В ходе сбора материала проверки о незаконной охоте устанавливаются следующие обстоятельства:

1) предмет незаконной охоты, которым могут быть дикие звери и птицы, обитающие в состоянии естественной свободы в охотничьих угодьях, а также выпущенные на свободу в целях разведения независимо от того, в чьем ведении эти угодья находятся;

2) незаконность производимой охоты имеет место во всех случаях, когда при ее осуществлении лицо нарушает общие запреты на охоту, либо не получает специальных документов, разрешающих охоту, либо нарушает условия таких разрешений;

3) сумма ущерба, нанесенного лесному фонду, должна превышать порог наступления уголовной ответственности и быть крупным (п. «а» ч. 1 ст. 258 УР РФ);

4) наличие механического транспортного средства или воздушного судна, использовались ли взрывчатые вещества, газы или иные способы массового уничтожения птиц и зверей (п. «б» ч. 1 ст. 258 УР РФ);

5) выяснить, в отношении каких птиц и зверей велась охота (п. «в» ч. 1 ст. 258 УР РФ);

6) установить, на какой территории велась охота (п. «г» ч. 1 ст. 258 УР РФ);

7) определить, не велась ли охота лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Для уточнения полученных данных о факте производства незаконной охоты, целесообразно провести опрос заявителя, очевидцев, осмотр места происшествия для точного установления совершенного деяния. По результатам проверочных действий решается вопрос о последующем возбуждении уголовного дела или имело место быть административное правонарушение [2, с. 324-327].

Когда на месте происшествия обнаружен труп животного, целесообразно проводить его осмотр со специалистом ветеринаром или зоотехником для установления причины гибели животного, описания и фиксации отдельных частей туши животного, а также имеющихся повреждений.

Анализ изученных уголовных дел о незаконной охоте свидетельствует, о наличии специфических особенностей в производстве данного следственного действия при расследовании указанных преступлений.

Эффективность расследования дел по незаконной охоте в первую очередь зависит от собранного материала в ходе предварительной проверки, его применения в дальнейшем расследования, в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Расследование незаконной охоты сопровождается целым спектром трудностей: от поиска свидетельских показаний до сбора доказательств, которые зачастую быстро утрачиваются под воздействием природных условий. Ключевую роль играет оперативное получение информации и её анализ.

В комплекс следственных действий и иных мероприятий, характерных для первоначального этапа расследования незаконной охоты, обычно включаются следующие: изучение необходимой нормативно-экологической и управленческой документации, выемка и осмотр потерпевшего и документов, допрос свидетелей, представителя потерпевшего, подозреваемого, назначение и производство экспертиз, обыск, проверка показаний на месте, очные ставки и др.

Работники экологических служб и охотничьих управлений оказываются в числе основных фигурантов расследований, связанных с нарушениями правил охоты. Иногда свидетели, близкие или знакомые с обвиняемыми, отказываются свидетельствовать или утверждают, что ничего не знают. В малых населенных пунктах, где процветает браконьерство, местные жители могут молчать из-за страха перед возможной мстостью. Честные граждане избегают обращаться в полицию, опасаясь за свою безопасность и своё имущество.

Последующий этап расследования незаконной охоты в значительной мере зависит от объема и качества фактического материала, который собирается на первоначальном этапе расследования уголовного дела. Как показывает практика, зачастую этот этап заключается в продолжении собирания, проверке и криминалистическом анализе полученных доказательств путем проведения иных следственных действий после предъявления обвинения и допроса обвиняемого.

В ходе расследования незаконной охоты необходимо назначить большое количество различных экспертиз. Каждый из экспертов вносит свой весомый вклад в формирование полной картины совершенного преступления.

Необходимо отметить, что расследование незаконной охоты представляет определенную сложность в части необходимости наличия у лица, производящего предварительное расследование, соответствующих специальных познаний. Кроме этого, для эффективного расследования указанных преступлений требуется комплексный подход. Ввиду этого как при документировании, так и в ходе расследования незаконной охоты в обязательном порядке требуется привлечение специалистов в соответствующих областях знаний (охотоведении, биологии, ветеринарии и т.д.).

С развитием технологий возможности по борьбе с браконьерством значительно расширились. Применение беспилотников для мониторинга больших территорий, камер видеонаблюдения, систем спутникового слежения — все это помогает в выявлении фактов незаконной добычи живых ресурсов.

Необходимость межгосударственного взаимодействия обуславливается границами ареалов обитания животных, которые часто не соответствуют политическим картам. Обмен информацией и координированные акции являются эффективным инструментом препятствия интернациональному браконьерскому сообществу.

Проблематика незаконной охоты требует комплексного подхода со стороны государства: от законодательного закрепления строгих мер ответственности до разработки новых методик расследования преступлений и повсеместного использования передовых технологий контроля за состоянием дикой природы. Только так можно сохранить уникальное природное наследие для будущих поколений.

Пристатейный библиографический список

1. Коломинов В. В., Бельков В. А. Некоторые особенности, возникающие при расследовании незаконной охоты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2021. - № 4 (34). - С. 50-59.
2. Ромадин А. Н. Особенности возбуждения уголовного дела и обстоятельства, подлежащие установлению, по делам о незаконной охоте // Евразийский научный журнал. - 2016. - № 2. - С. 324-327.

БИРЮКОВ Святослав Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права и криминалистики института права, Волгоградский государственный университет

ТРУБЧАНИНОВ Алексей Викторович

старший преподаватель кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ СУБЪЕКТА РАССЛЕДОВАНИЯ

Анализ современных организационных проблем расследования преступлений, а также имеющихся в распоряжении субъектов расследования методических рекомендаций, связанных с такими родами вопросов, дает основание говорить о произошедшей в криминалистике замене версионного подхода ситуационным, что связано, как представляется, в т.ч. и с утерей доверия правоприменителя к первому. Думается, однако, что возможности версионного подхода к расследованию не утратили своей значимости и понимание субъектами расследования методологических основ построения версий способствовало бы качеству как построения версий, так и расследованию в целом. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты версионной работы следователя

Ключевые слова: версия, гипотеза, следственная версия, расследование преступления, субъект расследования.

BIRYUKOV Svyatoslav Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Procedural law and criminology sub-faculty of the Institute of Law, Volgograd State University

TRUBCHANINOV Alexey Viktorovich

senior lecturer of Organization of investigative work sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the MIA of Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE VERSIONING WORK OF THE SUBJECT OF THE INVESTIGATION

The analysis of modern organizational problems of crime investigation, as well as the methodological recommendations available to the subjects of investigation related to such issues, gives reason to talk about the replacement of the version approach with a situational one in criminology, which seems to be associated, among other things, with the loss of trust of the law enforcement officer in the former. It seems, however, that the possibilities of a versioned approach to investigation have not lost their significance and an understanding by the subjects of the investigation of the methodological foundations of building versions would contribute to the quality of both the construction of versions and the investigation as a whole. This article discusses some aspects of the investigator's version work.

Keywords: version, hypothesis, investigative version, crime investigation, subject of investigation.

В ходе осуществления предварительного расследования по уголовному делу определяющее значение имеет разумная плановость работы субъекта расследования, что фактически невозможно без определенной систематизации имеющихся версий выражающейся в их дифференциации по определенным признакам в группы. Основанием для такой дифференциации выступают в первую очередь уголовно-правовые признаки состава преступления. Уголовно-процессуальное законодательство требует от лица, осуществляющего производство предварительного расследования, производить его с позиции объективности, полноты и достаточности. В контексте признаков состава уголовно-наказуемого деяния представляется дифференцировать выдвигаемые предположения по их отношению к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне расследуемого общественно-опасного деяния. Представляется, что данная классификация имеющихся предположений будет способствовать удобному и, следовательно, более полному восприятию имеющихся и получаемых доказательств, а также эффективному их использованию для скорейшего достижения целей уголовного судопроизводства.

Кроме указанного представляется также правильным группировать выдвигаемые субъектом расследования гипотезы по дополнительным группам доказательственной информации, которые способствуют оценке полученных доказательств с точки зрения относимости и допустимости последних. Так, например, в ходе обыска в жилище подозре-

ваемого обнаружены документы, предоставляющих право на вывоз за рубеж некоторых ценностей. В целях определения относятся ли данные документы к расследуемому преступлению, субъект расследования выдвигает версии, объясняющие их наличие у подозреваемого и их возможную связь с преступлением. Такие предположения и установленные в ходе их проверки сведения и составляют вышеуказанные группы доказательств [1, с. 198].

Общеизвестно, что базисом для построения версии выступают те фактические данные, которые имеются в распоряжении следствия и которые изучены посредством использования анализа и синтеза. Вместе с тем, представляется необходимым данный тезис рассмотреть детальнее.

Так, базисными будем считать факты в своей совокупности представляющие преступление, отражающие все уголовно-правовые элементы и которые не подлежат восприятию.

Следующая группа фактов (т.н. побочные) восприняты субъектом расследования и являются преступными последствиями.

Само понятие «юридический состав преступления» и его «элементы» представляют собой абстракцию. Эта абстракция основана на действительном, объективном соотношении фактов, образующих преступление.

Уголовный закон содержит составы групп общественно-опасных деяний, сформулированных с учетом правоприменительной практики, но при этом законодатель абстрагировался от реально существующих фактов преступлений.

Доказывание состава реального уголовно-наказуемого деяния – задача правоприменителя. Очевидно, что лишь в случае присутствия всех элементов состава преступления в деянии лица, последнее обязано претерпеть определенное судом наказание. Вместе с тем однозначное определение содержания в деянии всех необходимых признаков состава преступления является достаточно длительным процессом. Как правило, устанавливаются лишь некоторые из признаков состава преступления, а уже потом – оставшиеся и уже по итогам судебного разбирательства судом может быть сделан вывод о наличии в действиях конкретного лица определенного состава преступления.

Главная цель выдвигаемой версии сводится к установлению наличия в расследуемом конкретном факте состава того или иного преступления.

Учитывая то обстоятельство, что «состав преступления» это понятие абстрактное, исследовать его можно через абстракцию, но на основе имеющихся фактических данных, полученные в ходе расследования конкретного факта преступного [2, с. 28].

И здесь как раз версия и будет выступать в качестве указанной абстракции. Все элементы состава преступления взаимосвязаны между собой: умысел не может существовать без связи с конкретным объектом посягательства; способ, как составная часть объективной стороны напрямую связана с тем или иным человеком (субъектом), а также с конкретным предметом посягательства и, конечно же, с тем внутренним психическим отношением человека к конкретным своим действиям и наступившему результату. Криминалистическая версия и выдвигается для того, чтобы высветить, установить такую реальную, а не теоретическую, абстрактную связь, показать ее истинное наполнение и, в конечном счете, способствовать определению юридической природы исследуемых деяний.

Такая взаимозависимость и взаимообусловленность элементов юридического состава преступления, является отражением реально существующих, конкретных взаимосвязей между фактами, составляющими в своей совокупности преступное деяние. В связи с этим, в процессе выдвижения криминалистических версий направленных на выявление и изучение в том или ином совершенном уголовно-наказуемом деянии конкретного элемента состава преступления нельзя абстрагироваться от иных его элементов.

Предположительное суждение касающееся лица, причастного к совершению преступления, его субъекта, возникает на основе анализа криминалистически-значимой информации (фактах), красноречиво говорящих о цели, мотивах, способе и, конечно же, объекте преступного посягательства. В свою очередь, предположение субъекта расследования о способе совершения уголовно-наказуемого деяния зиждется на основе имеющейся в распоряжении следствия информации о личности лица, причастного к его совершению, мотивов, которыми руководствовался последний и особенностями предмета преступного посягательства.

Следовательно, мы можем утверждать, что любые криминалистические версии могут выдвигаться субъектом расследования в отношении тех фактов или обстоятельств, которые невозможно воспринять непосредственно с той целью, чтобы получить возможность установить, а не образуют эти обстоятельства или акты в своей совокупности состав того или иного уголовно-наказуемого деяния. Очевидно, что выдвигаемые предположения в отношении конкретных составных элементов «юридического состава» в обязательном порядке должны иметь крепкую и устойчивую взаимосвязь. Иного не дано. Ибо раздельное исследование такого рода составных элементов возможно лишь теоретически, без привязки к конкретному событию преступления, с тем чтобы продемонстрировать логику, содержание умственной деятельности субъекта расследования.

Следовательно, криминалистические версии, предположения субъекта расследования в отношении установления наличия или отсутствия элементов состава уголовно-наказуемого деяния должны строиться им во всяком случае выявления соответствующего факта.

Очевидно, что указанные умозаключения, предположения, должны выдвигаться в обязательной увязке с особенностями предмета доказывания, опосредованными соответствующей диспозицией той или иной статьи особенной части уголовного закона. Кроме того, необходимо помнить, что наполнение, количество такого рода суждений субъекта расследования, которые имеют предположительный характер должны находиться в границах предмета доказывания по конкретному уголовному делу и не выходить за них.

В этой связи представляется уместным оговориться, что вышесказанное не связано с теми предположениями субъекта расследования, целью которых является трактовка, понимание фактов, событий не относящихся к категории не доступных непосредственному восприятию. Как правило, в качестве таковых выступают те или иные негативные последствия общественно-опасного деяния – обстановка на месте совершенного преступления в совокупности с вещной и следовой картиной и т.п. Факт их непосредственного восприятия кем-либо и в том числе субъектом расследования делает абсолютно лишней выдвигать предположения, связанные с возможностью их объективного существования, так как факт их наличия представляется очевидным. Но, вместе с тем, только лишь одна неоспоримость тех или иных фактов или явлений абсолютно не приближает нас к пониманию причин их происхождения. Общеизвестно, что содержание не есть форма, а само явление не тождественно его сущности. Тем не менее задачи, стоящие перед субъектом расследования, требуют от него кроме установления тех или иных фактов, еще и объяснение природы и содержания последних. А это решается через выдвижение криминалистических версий, направленных на установление механизма образования тех или иных следов преступления (в широком смысле этого слова), а также и его общественно-опасных результатов.

Версии, направленные на объяснение сущности тех фактов и явлений, которые воспринимались непосредственно, способствуют их скрупулезному анализу и последующему разрешению вопроса относительно возможности применения сведений об указанных фактах и явлениях в целях дальнейшего доказывания сущности тех фактов и явлений, которые не были доступны непосредственному их восприятию.

Таким образом, можно констатировать, что версии относительно фактов, доступных непосредственному восприятию и образующих последствия преступления, строятся для объяснения происхождения этих фактов, их связей с событием преступления и относимости к делу. Построение и проверка этих версий обеспечивает исследование источников доказательственной информации обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Версии о фактах, доступных непосредственному восприятию, строятся только в тех случаях, когда происхождение и связь этих фактов с преступлением не может быть непосредственно усмотрена и доказана [3, с. 166].

Пристатейный библиографический список

1. Ларин А. М. От следственной версии к истине. - М.: Юрид. лит., 1976.
2. Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. - Харьков: Харьковский юрид. ин-т., 1976.
3. Азарова Е. С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Правовая парадигма. - 2019. - Т. 18. - № 4.

ВЕСЁЛИН Василий Владимирович

старший преподаватель кафедры криминалистической техники Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

ВНУКОВ Вячеслав Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Институт права Волгоградского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ЦЕЛЯХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСМОТРОВ МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассмотрены современные технико-криминалистические средства освещения, предлагаемые производителями криминалистической техники для использования сотрудниками ЭКП в ходе осмотров мест происшествий, а также иных процессуальных действий. Каждая из рассматриваемых моделей имеет свои особенности работы, а также положительные и отрицательные стороны. С целью более детального рассмотрения этих особенностей нами был проведен сравнительный анализ рассматриваемых осветительных средств, в ходе которого рассмотрены как положительные, так и отрицательные стороны каждой из представленных моделей. Результаты данного анализа позволяют оценить их возможности, а также осуществлять выбор того или иного средства в зависимости от решаемой задачи.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, осветитель, ультрафиолетовый осветитель, инфракрасный осветитель, щелевой осветитель, невидимая зона спектра.

VESYOLIN Vasilij Vladimirovich

senior lecturer of Criminalistic techniques sub-faculty of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

VNUKOV Vyacheslav Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Volgograd State University

MODERN LIGHTING EQUIPMENT USED FOR TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT OF ACCIDENT SITE INSPECTIONS

The article examines modern technical and forensic lighting equipment offered by forensic equipment manufacturers for use by ECP employees during crime scene inspections and other procedural actions. Each of the models under consideration has its own operating features, as well as positive and negative sides. In order to examine these features in more detail, we conducted a comparative analysis of the lighting equipment under consideration, during which both positive and negative sides of each of the presented models were considered. The results of this analysis allow us to evaluate their capabilities, as well as to select one or another means depending on the task at hand.

Keywords: crime scene inspection, illuminator, ultraviolet illuminator, infrared illuminator, slit illuminator, invisible spectrum zone.

На сегодняшний день разработчиками криминалистической техники предлагается целый ряд осветительных средств, многие из которых стоят на вооружении экспертно-криминалистических подразделений [1]. В данной статье, нами был проведен обзор некоторых из них, с целью выявления их положительных и отрицательных сторон.

Источник экспертного света для работы на месте происшествия Projectina SL-450 [1]. Портативный источник света Projectina SL-450 предназначен для обнаружения на месте происшествия различных видов следов, таких как следы биологического происхождения, следы ГСМ и иные следы, которые имеют люминесценцию в ультрафиолетовом свете. Также используя данный источник освещения на месте происшествия, можно обнаружить пылевые следы обуви, микрочастицы, волокна и другие микрообъекты. Данный прибор имеет 7 режимов работы: ультрафиолетовое излучение (365 нм), синий свет (415 нм), синий свет (450 нм), синий свет (470 нм), сине-зеленый свет (505 нм), зеленый свет (530 нм) и белый свет. Источник света имеет мощную ксеноновую лампу, поэтому для защиты глаз используются специальные очки (красные, оранжевые, желтые и прозрачные), которые входят в комплект рассматриваемого прибора. Также в комплектацию источника света входят запасная батарея, зарядное устройство, позволяющее производить зарядку батареи как от стандартной розетки (220V), так и от автомобильного

аккумулятора (12V). Для работы с данным источником света предусмотрены дополнительные аксессуары: тренога, фильтры для фотоаппарата, насадка для щелевого света, насадка для бокового света, расширитель пучка света, фильтр для уменьшения интенсивности света, и специальная телескопическая ручка, которая обеспечивает удобство работы с прибором при его использовании в качестве щелевого осветителя. Указанные аксессуары не входят в базовую комплектацию прибора, но при необходимости могут быть приобретены за дополнительную плату.

К положительным сторонам портативного источника света Projectina SL-450 можно отнести:

- 1) Высокая интенсивность света;
- 2) Простота и удобство в использовании;
- 3) Значительный ресурс батареи, позволяющий прибору работать до 90 минут без подзарядки;
- 4) Быстрая зарядка батареи (90 минут);
- 5) Возможность работы автономно (питание от батареи) и стационарно (питание от розетки 220V);
- 6) Большое количество режимов работы (7 режимов), наличие ряда дополнительных аксессуаров (насадки для щелевого и бокового света и т.д.) обеспечивают многофункциональность источника света;
- 7) Наличие в комплекте светофильтров для фотоаппарата позволяет производить качественную фотосъемку следов,

выявленных на месте происшествия с использованием данного прибора.

Минусы портативного источника света Projectina SL- 450:

1) Высокая себестоимость (прибор в базовой комплектации стоит порядка 900000 рублей, все дополнительные аксессуары приобретаются отдельно);

2) Большое количество комплектующих указанного прибора, в том числе дополнительных аксессуаров, предусматривает его транспортировку в специальном кейсе, который по своим габаритам соответствует криминалистическому чемодану, что усложняет его доставку на место происшествия. Вариант доукомплектования источником света обычного криминалистического чемодана также усложнен, поскольку даже в минимальной комплектации прибор требует значительное количество свободного места;

Несмотря на широкий диапазон излучения у рассматриваемого источника освещения отсутствует функция исследования объектов в инфра-красной зоне спектра.

Источник экспертного света Lumatec S04 [1] предназначен для обнаружения следов биологического происхождения и иных следов, имеющих люминисценцию в различных зонах спектра. Помимо этого данный источник имеет функцию щелевого осветителя, что позволяет обнаружить пылевые следы обуви, а также различные микрообъекты на месте происшествия. Источник освещения имеет 10 режимов работы, позволяющих исследовать объекты в спектральном диапазоне от 320 до 700 нм. Также прибор оснащен гибким, жидкостным гелиевым световодом, что позволяет использовать его в труднодоступных местах. Рассматриваемый источник экспертного света является источником света высокой интенсивности, поэтому при работе с ним необходимо использовать очки, имеющиеся в комплекте (прозрачные, оранжевые и красные). Прибор оснащен аккумуляторной батареей, позволяющей автономно работать на месте происшествия. Также в комплектацию источника экспертного света входит зарядное устройство, с функциями зарядки батареи от розетки 220V и от автомобильного аккумулятора (12V) и телескопическая ручка с шариковым соединением и зажимом, которая выполняет функцию штатива для световода.

Портативный источник экспертного света Lumatec S04 имеет следующие положительные стороны:

Высокая интенсивность света;

Высокая емкость батареи (до 1 часа автономной работы);

Возможность работы автономно (питание от батареи) и стационарно (питание от розетки 220V);

Значительное количество режимов работы прибора (10 режимов) обеспечивают его многофункциональность;

Наличие гибкого световода позволяет применять прибор в труднодоступных местах;

Наличие в комплекте светофильтров для фотоаппарата позволяет производить качественную фотосъемку следов, выявленных на месте происшествия с использованием данного прибора;

Рассматриваемый источник экспертного света достаточно компактен и легко помещается в небольшую сумку-кофр, которую можно носить на плече, что позволяет без особых трудностей транспортировать указанный прибор на место происшествия.

К отрицательным сторонам портативного источника экспертного света Lumatec S04 можно отнести его достаточно высокую себестоимость порядка 1521000 рублей.

Источник экспертного света Lumatec Superlite M05 [1] так же как и рассматриваемые ранее источники экспертного света предназначен для поиска и обнаружения следов различной природы при осмотре места происшествия и в лабораторных условиях. Однако, в отличие от уже рассмотренных приборов, данный источник света очень компактен, т.к. по своим габаритам соответствует обычному фонарю. К источнику света прилагаются 8 сменных оптических блоков,

позволяющих исследовать объекты в спектральном диапазоне от 365 до 850 нм. Также прибор позволяет использовать интенсивный белый свет для обнаружения пылевых следов обуви и микрообъектов. В комплект прибора входят 4 пары специальных очков для защиты глаз (прозрачные, желтые, оранжевые и красные), а также зарядное устройство с адаптерами для зарядки от сети 220V и автомобильного аккумулятора (12V). Также следует сказать, что производителями заявлено о высокой емкости аккумулятора, однако на сайте компании нет точной информации о времени работы батареи в автономном режиме.

К положительным сторонам рассматриваемого прибора можно отнести:

Малые габариты и компактность, что дает возможность не носить его отдельно, а доукомплектовать им криминалистический чемодан;

Широкий диапазон излучения, позволяющий использовать осветитель не только для поиска пылевых следов обуви и микрочастиц, но и как средство для обнаружения следов, имеющих люминисценцию в невидимой зоне спектра;

Возможность зарядки батареи от сети 220V и от автомобильного аккумулятора (12V);

Покупая данный прибор, не обязательно покупать все 8 сменных блоков для исследования объектов в различных спектральных диапазонах, возможно купить только те из них, которые необходимы для решения конкретных задач;

Простота и удобство использования;

К отрицательным сторонам рассматриваемого прибора можно отнести его высокую себестоимость, порядка – 482800 рублей.

Источник экспертного света CSL-SHOE [1] является щелевым осветителем, который используется для поиска микрообъектов, а также пылевых следов подошв обуви. К указанному прибору прилагается телескопическая ручка, обеспечивающая удобство применения указанного прибора. Также у осветителя имеется функция регулировки интенсивности освещения и батарея достаточно высокой емкости. Так, при использовании 40 % интенсивности время работы прибора составляет 45 минут, а при интенсивности 100 % 120 минут.

К положительным сторонам рассматриваемого осветителя можно отнести:

Простота и удобство в применении;

Высокая емкость аккумулятора;

Удобная телескопическая ручка;

Сравнительно небольшие габариты прибора, позволяющие доукомплектовать им криминалистический чемодан;

Возможность регулировки мощности светового потока.

К минусам данного щелевого осветителя, следует отнести:

Высокую себестоимость;

Возможность работы только в видимой зоне спектра;

В заключении хочется отметить, что правильный и научно-обоснованный подход к выбору технико-криминалистических средств освещения, а также оптимальный выбор способов, методов и приемов их применения, позволит получить самый высокий результат, благодаря которому сотрудники экспертно-криминалистических подразделений смогут максимально качественно и в быстро решать возложенные на них задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Прокофьева Е. В., Весёлин В. В., Дронова О. Б. Современные технико-криминалистические средства освещения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - М., 2015. - № 4 (21). - С. 259-264.

ГАРБУЗ Григорий Сергеевич

кандидат юридических наук, судья Кежемского районного суда Красноярского края

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВАНИЙ КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

В статье, являющейся результатом анализа методологических проблем классификации методик расследования преступлений, приводятся структурированные учеными характерные признаки, которые легли в основу деления методик расследования преступлений. Автор анализирует существующие подходы по определению оснований классификации методик и делается вывод о важном теоретическом значении правильного формирования основания для надлежащей систематизации методик расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, методики расследования преступлений, закономерности процесса расследования, классификация.

GARBOUZ Grigory Sergeevich

Ph.D. in Law, judge of the Kezhemsky Federal Court of Krasnoyarsk Region

SEVERAL APPROACHES TO DETERMINING THE BASIS OF CLASSIFICATION OF METHODS OF CRIME INVESTIGATION: A MODERN VIEW OF THE PROBLEM

Being the result of the analysis of methodological problems of crime investigation' methods, the article contains scientific points of view upon specific features, which formed the basis for classification of methods of crime investigation. The author analyzes all the approaches to determining the basis for classification of methods of crime investigation. On the base of theoretical analysis of large amount of scientific sources, a conclusion about great theoretical importance of proper definition of basis of the above-mentioned classification is made.

Keywords: forensic science, methods of crime investigation, regularities of the investigation process, classification.

Гарбуз Г. С.

В науке криминалистике, изучающей закономерности отражения преступной деятельности и деятельности органов предварительного расследования по раскрытию и расследованию преступлений, на протяжении многих десятилетий не перестают быть актуальными вопросы о понятии методик по расследованию преступлений, а также об их классификации. Названные проблемные вопросы будоражили умы ученых, трудившихся на поприще криминалистической науки в эпоху ее становления, остро встают они для многих ученых-криминалистов и в наши дни. В связи с этим представляется необходимым кратко проанализировать работы ученых по поиску оснований классификации особенностей расследования преступлений.

Так, в первых работах ученых по расследованию преступлений отмечалось, что в расследовании имеются различия в зависимости от того, совершено ли преступление против личности или против собственности.

В дальнейшем поиски особенностей расследования связывались с содержанием первоначальных материалов о преступлении. Согласно предложенной Г. Н. Мудьюгиным классификации, первичные материалы подразделялись на три группы: 1) когда событие бесспорно установлено, и оно может быть как преступным, так и являться следствием стихийного бедствия или быть несчастным случаем на производстве либо на транспорте; 2) когда в исходных данных содержатся сведения об умышленном преступлении; 3) когда сведения о лице, совершившем преступление, ограничены [2, с. 153-155].

А. Н. Васильев детализировал эти группы первичных материалов и связал их с направлениями расследования. При этом он, исходя из содержания первичных материалов, разработал шесть направлений расследования преступлений:

- когда имеются сведения о событии преступления и о конкретном виновном лице, но требуется установить, действительно ли было это событие и имело ли оно преступный характер;
- когда установлено событие с признаками преступления и налицо вредные последствия, известны конкретные

лица, несущие персональную ответственность за эти последствия по своему положению, не известны их личное поведение в событии и вина;

- когда установлено событие с признаками преступления, совершить которое и воспользоваться его результатами могли только лица из определённого круга по своему официальному положению;

- когда установлено событие с признаками преступления, совершить которое могли, вероятнее всего, лица из определённого круга заинтересованных лиц, возможно, имеющие интерес не в непосредственном, а в косвенном или в более или менее отдалённом результате преступления;

- когда установлено событие с признаками преступления, для совершения которого требуются особые профессиональные навыки или особое знание какого-либо специфического обстоятельства, способствующего расследованию;

- когда налицо событие с признаками преступления, но сведения о виновном лице крайне ограничены и отсутствуют ситуации, указанные выше [3, с. 41-43].

Как видно из приведенного анализа, в период становления науки криминалистики ученые уже пытались выделить особенности расследования, то есть ставили перед собой задачу поиска оснований классификации методик.

Позднее другая группа ученых также стала работать над поиском оснований для классификации преступлений.

Так, Н. П. Яблоков полагал, что от совершенствования криминалистической классификации преступлений зависит оптимизация методик расследования отдельных видов преступлений. Основанием криминалистической классификации преступлений могут быть и некоторые особенности следственных ситуаций, которые возникают в момент начала расследования. При этом ученый выделял методические рекомендации с высокой степенью обобщенности (преступления в сфере производства, совершаемые организованными преступными группами и т.д.); с меньшей степенью обобщенности, то есть группы однородных преступлений, например, против собственности; с еще меньшей степенью обобщенности, то есть видовые, подвидовые методики, на-

пример, расследования краж; конкретные методики (расследования отдельных видов и подвидов преступлений в различных типовых следственных ситуациях) [11, с. 24-25].

В 1975 году И. Ф. Герасимов предположил, что в разделе науки криминалистики – методика расследования отдельных видов преступлений – используются два вида классификации преступлений: видовая классификация и родовая классификация по отдельным группам преступлений, объединенных одной главой Уголовного кодекса РФ [5, с. 155].

В дальнейшем проблемы классификации методик по расследованию преступлений освещали в своих трудах И. М. Лузгин, И. А. Возгрин, Р. С. Белкин, а на современном этапе развития науки криминалистики проблемами классификации методик занимались такие ученые-криминалисты, как В. Е. Корноухов, Ю. П. Гармаев и др.

Синтезируя существовавшие ранее три ключевые признака самого феномена методики расследования преступлений, а именно: отражение в ней типичного, наличие структуры (предложено Р. С. Белкиным), наличие системы следственных действий, обусловленной предметом доказывания (суждение Н. А. Селиванова), направленность на формирование системы доказательств (позиция Ю. П. Гармаева), позволим себе вычленил и такой взаимосвязанный с вышеперечисленными – признак атрибутивности сферы деятельности (нашел отражение в трудах В. А. Образцова, Л. В. Бертовского), который, на наш взгляд, корреспондирует с современной сущностью изучаемых криминалистической наукой закономерностей процесса расследования.

Прежде чем раскрыть обозначенную в заглавии статьи проблематику представляется необходимым обратить внимание на справедливое замечание С. С. Розовой, которая полагала, что термином «классификация» обозначают три разные вещи: процедуру построения классификации, построенную классификацию и процедуру ее использования [9, с. 6]. Нас в настоящей статье будет интересовать второе его значение – построенная классификация.

Классификация (от лат. *classis* – разряд, класс и *фиксация*) (в логике) – система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов. Научная классификация выражает систему законов, присущих отраженной в ней области действительности. Различают *естественные классификации*, основания которых – существенные признаки объектов (например, периодическая система химических элементов), и *искусственные классификации*, в которых используются несущественные признаки; к искусственным классификациям относятся так называемые вспомогательные классификации (алфавитно-предметные указатели, именные каталоги в библиотеках) [10, с. 586].

Как известно, понятия можно вводить двумя способами: вербальным и остенсивным. В нашем случае не вызывает сомнения, что понятие «основание классификации методик по расследованию преступлений» следует вводить вербальным способом. Для решения поставленной задачи обратимся за разъяснением понятия «основание» к словарю. В словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова дается следующая дефиниция понятия «основание»: то же, что основа в значении источника, главного, на чем строится что-нибудь, что является сущностью чего-нибудь; существенный признак, по которому распределяются явления, понятия [8, с. 396-397].

Отметим, что И. М. Лузгин предлагал разделить все частные методики расследования преступлений на четыре основные группы: по признакам криминалистических ситуаций, по признакам уголовно-правовой характеристике деяний, совершаемых в определенных условиях (крупных городах, сельской местности, на транспорте и т.д.), совершаемых определенной категорией лиц [7, с. 65]. Полагаем, что выделение названных групп в качестве оснований классификации методик является весьма спорным, потому что используются разные основания деления. Поэтому предложенное И. М. Лузгиным деление методик представляет собой не классификацию, а дихотомию.

И. А. Возгрин, в свою очередь, высказал предложение разделить частные методики на типичные (выделенные на основе уголовно-правовой классификации) и особенные (выделенные на основе различных криминалистических классификаций – по субъекту преступления, личности потерпевшего, месту, времени совершения преступлений). Количество типичных методик при этом должно соответствовать имеющимся видам преступлений, их число является максимальным [4, с. 193]. Позволим себе заметить, что, подразделяя частные методики на типич-

ные и особенные, И. А. Возгрин неправильно их обозначает, по той причине, что любая методика всегда является типичной, то есть типовой. Кроме того, в предложенной И. А. Возгриным классификации также используются в качестве основания уголовно-правовое и криминалистическое деления.

По поводу первого основания представляется необходимым отметить, что в силу ретроспективного характера процесса расследования установление уголовно-правовых элементов состава преступления является целью расследования, при таких обстоятельствах цель расследования нельзя использовать в качестве основания деления.

Вторая предложенная И. А. Возгриным классификация (по субъекту преступления, личности потерпевшего и т.д.) отражает особенности расследования по отдельным видам преступлений, и эти особенности должны находить отражение в видовой методике по расследованию преступлений.

Р. С. Белкин предлагал принять за основание группировки криминалистической классификации преступлений состав преступления, подчеркивая тем самым связь криминалистической методики с уголовным правом [1, с. 198].

Как было отмечено, элементы состава преступления не отражают сущности расследования, потому что объектом расследования является следовая картина. Вместе с тем, не только объект определяет особенности познания, но и сам процесс расследования обладает своими закономерностями.

В. Е. Корноухов проанализировал мнения ученых по рассматриваемому вопросу и пришел к выводам о том, что в изученных суждениях существуют две группы предложений: по общей классификации методик и по выделению видов методик. В первом случае в качестве основания классификации методик предлагается выделять уровень разработанности той или иной методики в зависимости от специфики тактических задач и операций, которые встречаются при расследовании преступлений, во втором – закономерности познавательных процессов при расследовании преступлений, обусловленных спецификой следовой картины [6, с. 16].

Таким образом, в криминалистике существуют четыре основных подхода к определению понятия основания классификации методик расследования преступлений, которые были предложены: И. М. Лузгиным, И. А. Возгриным, Р. С. Белкиным и В. Е. Корноуховым. Видится, что предложения последнего ученого о существовании двух направлений в классификации методик расследования преступлений – по уровню разработанности методики и по закономерностям познавательных процессов – является наиболее приемлемым, поскольку в первом случае принимается во внимание специфика тактических задач и операций при расследовании конкретного преступления, а во втором – находит отражение сущность процесса расследования, обусловленная особенностями следовой картины преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1979. – С. 198.
2. Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. – М., 1957. – С. 153-155.
3. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М., 1978. – С. 41-43.
4. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. – Мн., 1983. – С. 193.
5. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1976. – С. 155.
6. Корноухов В. Е. Понятие и виды методик расследования преступлений / В. Е. Корноухов // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. – 2003. – Вып. 2 (6). – С. 16.
7. Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 65.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М., 1987. – С. 396-397.
9. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986. – С. 6.
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М., 1986. – С. 586.
11. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования. – М., 1985. – С. 24-25.

КАЙРГАЛИЕВ Данияр Вулкаирович

кандидат биологических наук, доцент, эксперт, ООО «Экспертные технологии и сертификация», г. Саратов

ГЛАДЫРЕВ Вадим Вячеславович

главный специалист, ФГУП «Московский эндокринный завод»

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Волгоградская академия МВД России

АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГРАДИЕНТНОЙ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНОЙ ЖИДКОСТНОЙ ХРОМАТОГРАФИИ В ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЯ «МАК СНОТВОРНЫЙ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Данная работа посвящена вопросу модификации метода высокоэффективной жидкостной хроматографии для целей экспертного исследования частей растения «мак снотворный». Предложены условия количественного определения основных наркотически активных алкалоидов опия и иных опиатов, показана возможность применения метода ВЭЖХ для целей сравнительного исследования при расследовании фактов сбыта наркотических средств, изготовленных из мака снотворного.

Ключевые слова: борьба с наркотиками, морфинаны, опиинные алкалоиды, градиентная высокоэффективная жидкостная хроматография.

KAIRGALIEV Daniyar Vulkairevich

Ph.D. in biological sciences, associate professor, expert, Expert Technologies and Certification LLC, Saratov

GLADYREV Vadim Vyacheslavovich

Chief Specialist, Moscow Endocrine Plant Federal State Unitary Enterprise

VASILJEV Dmitriy Vladimirovich

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ASPECTS OF APPLICATION OF GRADIENT HIGH-PERFORMANCE LIQUID CHROMATOGRAPHY IN EXPERT STUDY OF PARTS OF THE PLANT OF THE POPPY DURING INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

This work is devoted to the issue of modification of the method of high-performance liquid chromatography for the purposes of expert study of parts of the plant of the poppy. Conditions for the quantitative determination of the main narcotic-active alkaloids of opium and other opiates are proposed, the possibility of using the HPLC method for the purposes of comparative study in the investigation of facts of sale of narcotic drugs made from the poppy is shown.

Keywords: fight against drugs, morphinans, opium alkaloids, gradient high-performance liquid chromatography.

Экспертное исследование наркотических средств является одним из самых востребованных направлений деятельности экспертно-криминалистических учреждений министерств и служб «силового блока» в Российской Федерации. Количество наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, изымаемых из незаконного оборота на территории нашего государства, неуклонно растет. В силу климатических особенностей Российской Федерации, значительную часть объектов экспертного исследования составляют наркотические средства растительного происхождения, в частности, части наркосодержащего растения мак снотворный и маковая солома [1]. Суд, следствие и оперативные подразделения для принятия процессуальных решений может заинтересовать информация как об абсолютном содержании алкалоидов в данных растительных объектах, так и их относительной нормализации, используемой в сравнительном анализе с целью установления общности источника произрастания растительного сырья [2].

Основными наркотически активными компонентами растения мак снотворный, произрастающего на территории Российской Федерации, а точнее, млечного сока (опия), находящегося внутри его млечников, являются такие природные морфинаны, как морфин (I), кодеин (II) и тебаин (III)

[3], [4]. Орипавинсодержащие маки в экспертной практике встречаются достаточно редко. Также, в данных объектах практически всегда встречаются не обладающие наркотическим действием папаверин (IV), наркотин (носкапин) (V) и 2,2'-биморфин (псевдоморфин) VI, абсолютное и относительное содержание которых может служить источником ценной информации о месте произрастания мака и способе его переработки. Меконовая кислота и меконин, несмотря на значительное их содержание в данных растительных объектах, практически непригодны для обсчета при исследовании методом высокоэффективной жидкостной хроматографии ввиду вносимых паразитных сигналов в диапазоне длин волн УФ-спектрометрического детектора и изменению их количественного содержания вследствие самопроизвольно протекающих физико-химических взаимодействий. Структурные формулы соединений I-VI приведены на рис. 1.

В статье описаны основные результаты работы, проводившейся в рамках выполнения физико-химических экспертиз и исследований частей растения мак снотворный и маковой соломы на базе экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России, дислоцированных в Московской, Брянской, Волгоградской и Саратовских областях.

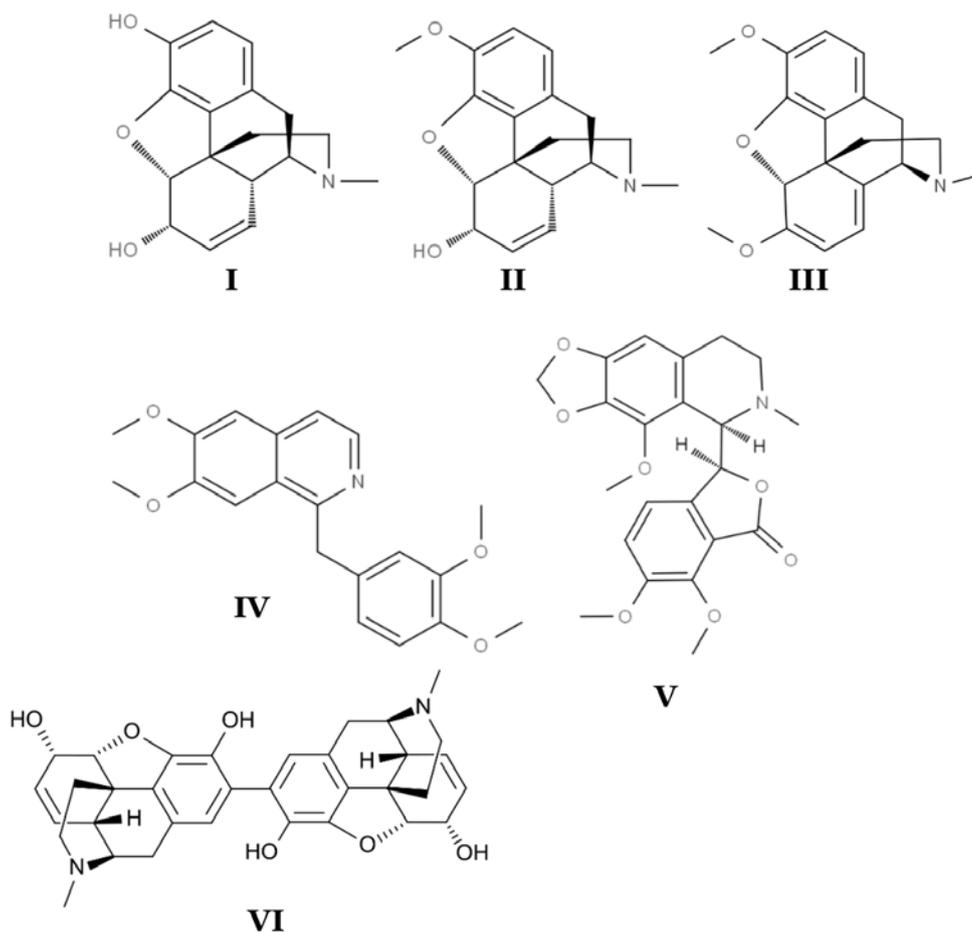

Рисунок 1. Структурные формулы основных физиологически активных алкалоидов опия:
I – морфин, II – кодеин, III – тебаин, IV – папаверин, V – наркотин, VI – псевдоморфин

Экспериментальная часть

Аппаратура.

Определение количественного содержания основных компонентов проводили методом градиентной высокоэффективной жидкостной хроматографии (ВЭЖХ) на жидкостном хроматографе «Shimadzu» модели «LC-20 Prominence», оснащенном градиентной системой подачи элюентов «LC-20AD», встроенным дегазатором «DGU-20A3R», автодозатором «SIL-20A», термостатом «СТО-20А» и УФ/вид детектором типа «двухматрица» «SPD-M20A». Детектирование компонентов осуществляли по сравнению их времен удерживания с временами удерживания внешних стандартов.

Реактивы.

Ацетонитрил для градиентной ВЭЖХ («PanReac», «Merck»), кислота ортофосфорная 85 % («PanReac»), триэтиламин 99,5 % («Sigma-Aldrich»), гептан-1-сульфоновой кислоты натриевая соль для ион-парной хроматографии («Merck»), вода бидистиллированная деионизованная.

Приготовление растворов и реактивов

Буферный раствор.

1) 1М раствор триэтиламония фосфата.

14 мл триэтиламина помещали в мерную колбу на 100 мл, добавляли 60 мл деионизованной воды, перемешивали, добавляли 10 мл 85 % ортофосфорной кислоты, доводили полученный раствор водой до метки.

2) Буферный раствор.

2,5 г гептансульфоната натрия помещали в мерную колбу на 1000 мл, добавляли 500 мл деионизованной H₂O и 2 мл ранее полученного 1М раствора триэтиламония фосфата, доводили до метки деионизованной H₂O и фильтровали под вакуумом через пористые тefлоновые фильтры «Syringe Filter Packs» 13 мм г

Время, мин.	Буферный раствор, % об.	Ацетонитрил, % об.
0	90	10
5	90	10
30	55	45
35	90	10
40	90	10

Ориентировочные времена удерживания: морфин – 15 мин.; кодеин – 18 мин., псевдоморфин – 19 мин., тебаин – 24 мин., папаверин – 25 мин., наркотин – 26 мин.

Пример типовой хроматограммы приведен на рис. 2.

Результаты и их обсуждение

Большинство имеющихся методик анализа частей растения мак и маковой соломы, а также извлекаемых из них алкалоидов, основаны на использовании смесей кислотных-солевых фосфатных буферов с ацетонитрилом либо метанолом в изократическом или градиентном режиме [5], [6], [7]. В ходе проведенных исследований было установлено, что изократический

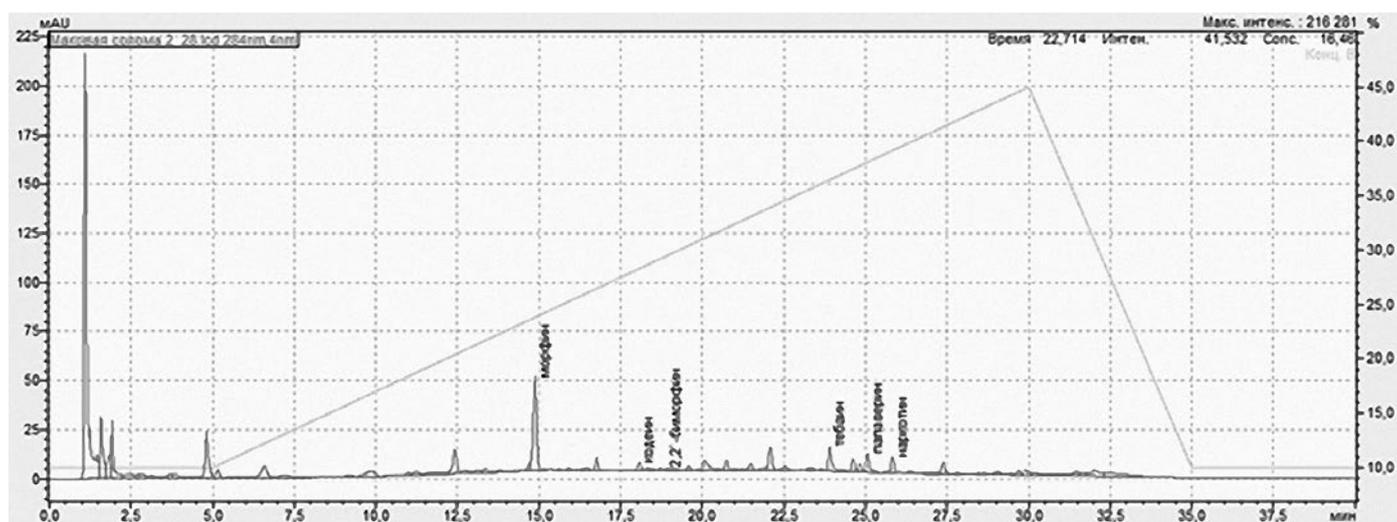

Рисунок 2. Пример типовой хроматограммы маковой соломы в предлагаемых условиях

режим, применяемый для анализа индивидуальных соединений, мало пригоден для корректного разделения компонентов проб экстрактов растения мак, представляющих собой достаточно сложные смеси. Кроме того, использование буферных растворов без использования ион-парных реагентов [6] даже в градиентном режиме также приводило к неудовлетворительному разделению компонентов.

Методики, применяемые для фармакопейного анализа родственных примесей в субстанциях опиоидных алкалоидов [7] также плохо применимы для анализа непосредственно растительных объектов.

Предлагаемые условия анализа основаны на модификации описанной в источнике [5] подготовки проб с использованием водно-органических сред, подкисленных минеральными кислотами, в качестве растворителей проб, и градиентного элюирования проб со смешением переменных во времени объемов подкисленных водных сред с добавлением ион-парных реагентов и органической составляющей.

Наилучшие результаты были получены с использованием смеси вода–ацетонитрил–85 % ортофосфорная кислота в объемном соотношении 400:100:1 в качестве растворителя образцов и градиентного элюирования проб смесью буфера, представляющего водный раствор фосфорной кислоты с добавлением триэтиламина и гептансульфоната натрия, с ацетонитрилом в диапазоне содержания органической составляющей от 10 до 45 объемных частей в течение 40 минут.

Выводы

Применение градиентной высокоэффективной жидкостной хроматографии в экспертном исследовании частей растения мак снотворный позволит добиться серьезного успеха в расследовании фактов незаконного сбыта наркотических средств. Предложенные авторами оптимизированные условия подготовки проб и проведения анализа расширяют информацию как о вещественных доказательствах, так и обстоятельствах расследуемого преступления.

Пристатейный библиографический список

1. World drug report 2023. United Nations: Office of drug and crime. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2023.html> (дата обращения: 26.09.2024).
2. Исследование наркотических средств, получаемых из растений конопли и мака // Типовые методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / Под. ред. А. Ю. Семёнова. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. – М: ЭКЦ МВД России, 2012. – 800 с.
3. Веселовская Н. В., Коваленко А. Е. Наркотики. Свойства, фармакокинетика, метаболизм. – М.: «Триада-Х», 2000.
4. Henry T. A. The plant alkaloids. 4-th ed. Philadelphia. – Toronto, 1949.
5. Патент РФ RU 2 429 238 C1 от 29.03.2010.
6. Дроздов М. А. Применение метода жидкостной хроматографии при экспертном исследовании маковой соломы и опия. // Экспертная практика. – 1997. – № 42. – С. 10-15.
7. European Pharmacopoeia 10th ed. V. 3. – P. 3299-3302.

КЛИМОВА Яна Александровна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская Академия МВД России

Климова Я. А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В настоящее время одними из приоритетных направлений стратегического развития внутренней политики России являются цифровизация, развитие информационно-телекоммуникационных технологий, внедрение технологий искусственного интеллекта, и, как следствие, создание соответствующей нормативной правовой базы, регламентирующей и охраняющей рассматриваемую сферу общественных отношений, являющихся для современного общества относительно новым явлением. В условиях складывающихся мировых тенденций и продолжающегося реформирования российского уголовного судопроизводства все более актуальной становится проблема использования возможностей цифровой криминалистики при разработке криминалистических рекомендаций, способствующих эффективному и качественному расследованию преступлений. Автором освещаются теоретические вопросы цифровой криминалистики, рассматриваются понятие и специальные методы.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровые технологии, IT, цифровые доказательства, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, цифровизация.

KLIMOVA Yana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminalistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in Law Enforcement Agencies, Volgograd Academy of the MIA of Russia

THEORETICAL ASPECTS OF DIGITAL FORENSICS

Currently, one of the priority areas of strategic development of Russia's domestic policy is digitalization, the development of information and telecommunication technologies, the introduction of artificial intelligence technologies, and, as a consequence, the creation of an appropriate regulatory framework that regulates and protects the considered sphere of public relations. In the context of emerging global trends and the ongoing reform of Russian criminal proceedings, the problem of using the capabilities of digital forensics in the development of forensic recommendations that contribute to effective and high-quality investigation of crimes is becoming increasingly relevant. The author highlights the theoretical issues of digital forensics, considers the concept and methods.

Keywords: digital forensics, digital technologies, IT, digital evidence, information and telecommunication technologies, crime investigation, digitalization.

В настоящее время назрела проблема необходимости трансформации криминалистической науки через призму основной тенденции развития современного общества – глобальной цифровизации. Об актуальности исследуемой проблемы свидетельствует тот факт, что цифровизация проникает во все сферы общественных отношений, делая привычным использование различных современных информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни:

Достижению указанной цели способствует создание национальной программы «Цифровая экономика РФ», в рамках которой активно рассматриваются законопроекты, направленные на урегулирование различных правоотношений, возникающих в связи с цифровой трансформацией общества.

Развитие цифровой экономики, большая популярность различных информационных систем в целом обусловили развитие тенденции увеличения количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Данные статистики свидетельствуют о более чем значительном увеличении количества преступлений таких преступлений (рис. 1)¹.

Криминалистическая наука на современном этапе ввиду своей способности оперативно внедрять новейшие достижения научно-технического процесса и реагировать на происходящие инновационные изменения в обществе находится в авангарде борьбы с преступностью.

Считаем правильным присоединиться к мнению известного отечественного ученого-криминалиста Р. С. Белкина, который четко подметил значение использования достижений

1 Портал правовой статистики // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 12.09.2023); Статистические сведения МВД о состоянии преступности за девять месяцев 2023 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/42987324/> (дата обращения: 30.09.2023). Состояние преступности в России за 2023 год. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2024 год.

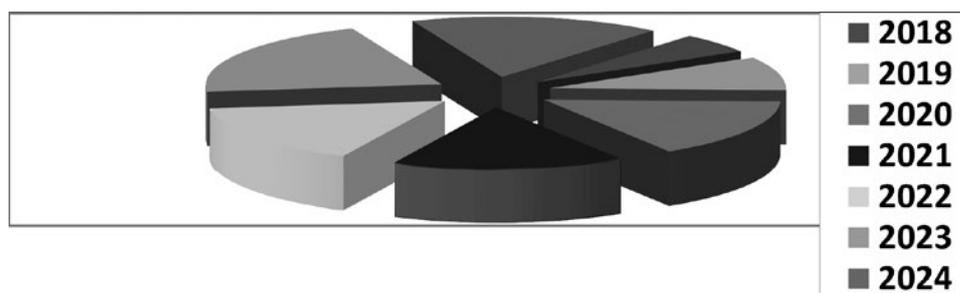

Рисунок 1. Статистические данные правоохранительных органов Российской Федерации о количестве преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за 2018-2024 гг.

научно-технического прогресса для ускорения развития криминалистики, повышения ее научного потенциала и общественной значимости в связи с растущей актуальностью борьбы с преступностью [1, с.98].

В современных условиях правоохранительными органами для раскрытия и расследования преступлений используются фотографии и видеозаписи, сделанные с помощью цифровых фото- и видеокамер, установленных в помещениях банков, магазинов, а также на городских улицах, а в следственно-криминалистической практике все чаще применяются цифровые способы фиксации следов преступления, моделирования внешности преступника и поиска информации, относящейся к событию преступления.

Однако того эффекта, который мог бы быть получен в результате применения указанных средств, не достигнуто. Одной из основных причин этого является правовая неопределенность норм, регулирующих использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам.

Анализ научной литературы и судебной практики позволяет сделать вывод о высокой степени интереса к рассматриваемой проблематике.

В этой связи все более актуальной становится проблема поиска эффективных методов и средств выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, что обусловило возникновение и развитие нового направления криминалистики.

Однако плюрализм мнений, возникший при определении понятия и содержания нового криминалистического знания свидетельствует о сложности и малой изученности явления. Каждое из приведенных определений отражает только какую-либо из сторон изучаемого феномена.

При этом объединяет ученых-криминалистов взгляд на определение цифровой криминалистики именно с точки зрения криминалистической деятельности, осуществляемой при производстве правоохранительными органами расследования в отношении преимущественно киберпреступлений.

Полагаем такую позицию не совсем верной, поскольку инструментарий цифровой криминалистики, как видится нам, целесообразно использовать не только при расследовании высокотехнологичных преступлений, но и в ходе осуществления уголовного судопроизводства по «традиционным» уголовным делам.

Разрешение этой острой дискуссии имеет принципиальное значение для дальнейшего осмысления сути

деятельности правомочных субъектов расследования, осуществляемой в рамках цифровой криминалистики.

Исходя из логики исследования, следует дать определение рассматриваемому понятию. Полагаем, что под цифровой криминалистикой следует понимать, с одной стороны, систему научных положений, изучающую закономерности возникновения цифровых следов, отражающих механизм совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также возможности адаптации традиционных методов для обнаружения цифровых следов и доказательств, особенности фиксации и изъятия цифровых доказательств, их использование в выявлении, раскрытии и расследовании различных видов и групп преступлений; с другой – целесообразно рассматривать в качестве своеобразной надстройки над традиционными разделами криминалистики, нового витка развития всей криминалистической науки, концепции, ориентированной на цифровую трансформацию всего процесса расследования, в том числе деятельности по собиранию, фиксации и исследованию криминалистически значимой информации, не только с помощью устоявшихся средств и методов, но и с использованием новых современных технологий.

Переходя к вопросу о методологической основе цифровой криминалистики целесообразно привести справедливые доводы В. Б. Вехова и С. В. Зуева, которые считают, что рассматриваемое учение обладает своими специальными методами [2, с. 24]. К ним относятся следующие:

1. Собственно-криминалистические, состоящие из технико-криминалистических и структурно-криминалистических методов. Если первые определяют способы работы в условиях цифровизации с различными материальными следами, обладающими криминалистически значимой информацией (например, цифровые сканеры - устройства считывания информации кожного покрова рук человека [3, с. 55], баллистическое исследование огнестрельного оружия, изготовленного с использованием аддитивных технологий [4, с. 187], биометрические исследования в габитоскопии), то вторые – содержат рекомендации по целесообразному использованию современных технологий при производстве отдельных следственных действий.

2. Методы обнаружения, изъятия, фиксации, предварительного исследования цифровых следов-доказательств.

3. Методы криминалистического компьютерного моделирования (например, воссоздание последовательности образования следов или механизма совершения преступления).

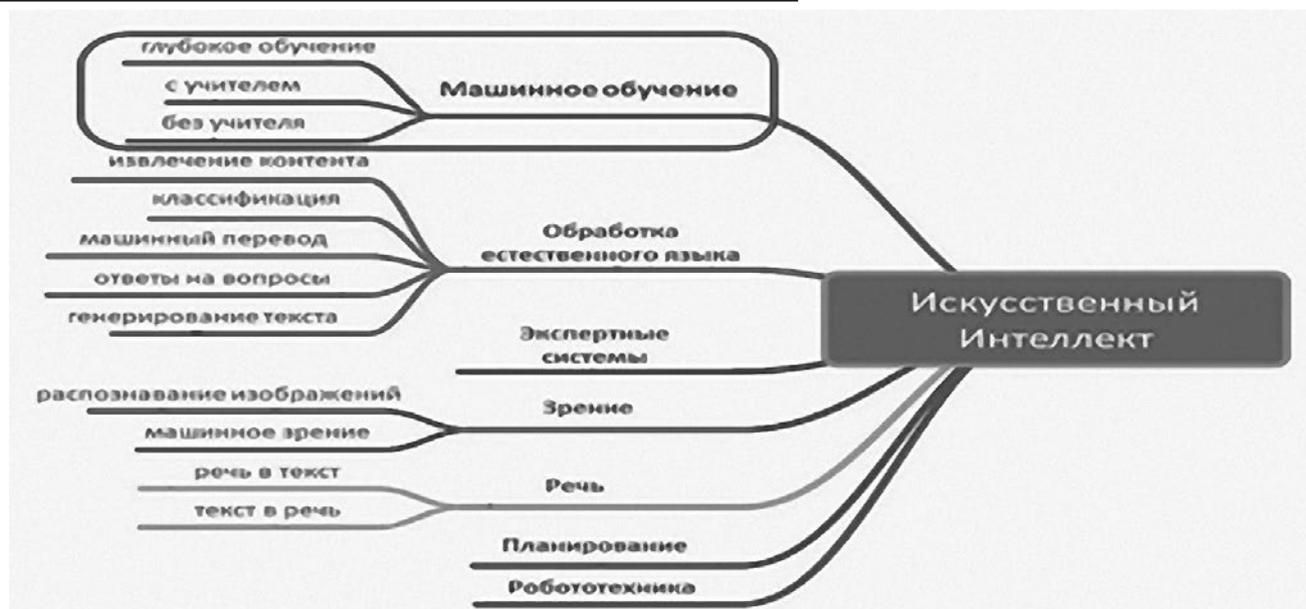

Рисунок 2. Классификация методов искусственного интеллекта

4. Методы цифрового сканирования и 3D-фиксации следовой картины на месте происшествия (в том числе с целью визуализации).

5. Методы искусственного интеллекта (рис. 2).

Таким образом, инструментарий цифровой криминалистики включает в себя совокупность различных методов и средств, помогающих собирать и исследовать криминалистически значимую информацию, и в дальнейшем использовать ее в качестве доказательств по уголовному делу, а также способствующих более эффективному расследованию преступлений.

По нашему мнению, в структуре цифровой криминалистики можно выделить несколько взаимосвязанных и взаимодополняющих направлений в зависимости от конкретного предмета исследования:

1. Исследование различных устройств – носителей электронной информации с целью получения цифровых доказательств и установления механизма слеодообразования (компьютеров, планшетов, смартфонов и других девайсов, гаджетов, внешних съемных запоминающих устройствах, беспилотных воздушных судов, видеорегистраторов итд).

2. Исследование сетевых устройств для установления следовой картины (маршрутизаторов, серверов, межсетевых экранов (файрволов) итд).

3. Исследование различных баз данных с целью получения информации о личности преступника, потерпевшего, об их финансовых потоках, медицинских записях)

4. «Облачные» исследования: изучение данных, хранящихся в облачных хранилищах, виртуальных машинах, удаленных рабочих столах итд

5. Исследование IoT-устройств (интернет вещей), позволяющее получать и анализировать данные с устройств, входящих в «Умный дом».

6. Исследование мультимедийных данных: аудио-, видео-, фотоизображений, в том числе дипфейков.

Таким образом, исследованные нами теоретические аспекты цифровой криминалистики необходимы для дальнейшего рассмотрения перспектив интеграции современных информационных технологий в процесс расследования преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. - М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2001.
2. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / Под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2024.
3. Яровенко В. В., Пяткова О. В., Чередниченко А. В. Применение цифровых технологий в дактилоскопии (переход на создание, хранение и исследование материалов в электронном формате) // Юридические исследования. - 2022. - № 2.
4. Четвергов М. А. Компетентность эксперта-баллиста при исследовании объектов, изготовленных с применением современных технологий // Криминологический журнал. - 2024. - № 1.

КРАСНЕНКО Юрий Владимирович

преподаватель кафедры уголовного процесса, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Результативность раскрытия преступлений и расследования уголовных дел зависит от качественно проведенных следственных и процессуальных действий. В статье рассматриваются организационные вопросы и практические аспекты деятельности сотрудников следственных, экспертно-криминалистических и оперативно-разыскных подразделений при использовании современных технических средств в процессе расследования. В ходе изучения вопроса автором проанализированы некоторые особенности использования технических средств, связанные с уровнями регулирования их применения в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, и приведены примеры из практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, следственные действия, технические средства.

KRASNENKO Yuriy Vladimirovich

lecturer of Criminal process sub-faculty, I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF TECHNICAL MEANS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

The effectiveness of crime detection and investigation of criminal cases depends on the quality of investigative and procedural actions carried out. The article discusses organizational issues and practical aspects of the activities of employees of investigative, forensic and operational investigative units when using modern technical means in the investigation process. In the course of studying the issue, the author analyzes some features of the use of technical means related to the levels of regulation of their use in accordance with the current criminal procedure legislation of the Russian Federation and provides examples from the practical activities of law enforcement officers.

Keywords: detection and investigation of crimes, investigative actions, technical means.

Проникновение технологий во все сферы жизнедеятельности человека и общества выступает одной из отличительных особенностей современной человеческой цивилизации. Технические средства находят свое применение при получении, хранении, обработке и передаче цифровой информации, которая содержит не только персональные данные личности, но и может быть связана с коммерческой, государственной и иной охраняемой законом тайной. Применительно к осуществлению процесса доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства следует говорить о собирании, закреплении, проверке и оценке доказательств, полученных посредством применения субъектами криминалистической деятельности и другими сотрудниками правоохранительных органов различных технических средств.

При этом поисково-познавательная деятельность следователя и специалиста-криминалиста связана с их непосредственным восприятием с помощью органов чувств и логическими мыслительными процессами, тем самым представляется верным утверждение, что «практикующий криминалист (следователь, сотрудник оперативного аппарата и эксперт), реализуя свои криминалистические компетенции (владение навыками, умения и знания), не может не использовать самые современные технико-криминалистические средства» [1].

В свою очередь российским уголовно-процессуальным законодательством допускается использование данных возможностей в ходе применения технических средств не только при собирании доказательств в виде вещественных доказательств и иных следов преступления, но и для фиксации

Красненко Ю. В.

результатов производства следственных действий, в том числе при протоколировании. Наиболее часто в следственной практике данное направление реализуется с помощью средств аудио-, фото- и видеofиксации.

Отметим, что использование обозначенных технических средств позволяет обеспечить правильность, полноту и всесторонность закрепления свойств различных объектов, а также возможность их предварительного исследования для получения ориентирующей либо розыскной информации и дальнейшего исследования в лабораторных условиях при назначении и производстве судебных экспертиз. В процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел это позволяет не только расширить и углубить возможности доказательственного познания события преступления следователем или дознавателем, но и, в значительной мере, способствует объективизации и структуризации собираемой доказательственной базы.

Технические средства, стоящие на вооружении криминалистических подразделений правоохранительных органов, либо изготовлены либо приспособлены специально для повышения эффективности производства процессуальных и непроцессуальных действий. Это не может быть осуществлено без достижений научной деятельности.

В качестве наглядного примера вышеизложенного следует выделить производство дополнительного осмотра места происшествия следователем-криминалистом с использованием металлоискателя по уголовному делу об убийстве в зимнее время года. В ходе проведения данного следственного действия был произведен тщательный осмотр прилегающего

к частному домовладению участка местности и под снежной поверхностью, был обнаружен нож, являющийся орудием преступления. Ранее, в ходе проверки показаний на местности, было указано, что преступник избавился от орудия преступления предположительно в указанном месте¹.

Однако область применения технико-криминалистических средств является более обширной, что подтверждается также её использованием в ходе реализации оперативно-разыскных мероприятий. В своей совокупности, использование технико-криминалистических средств направлено на облегчение деятельности сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений, оперативно-разыскных аппаратов, а также повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Между тем структура современной преступности претерпела качественные изменения, что привело к более широкому использованию современных высоких технологий. Это, в свою очередь, послужило формированию специфических следов преступления, которые в значительной степени стали цифровыми и электронными, а также сформировало особенности их обнаружения, фиксации и изъятия с использованием современной криминалистической техники [2].

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации существуют различные уровни регулирования особенностей применения технических средств при расследовании уголовных дел. Поэтому по данному признаку представляется целесообразным выделить следующие группы технических средств:

- 1) регламентированные УПК РФ;
- 2) перечисленные в УПК РФ;
- 3) неуказанные в УПК РФ.

Рассмотрим более подробно представленные категории. К первой группе относятся технические средства, применяемые при производстве следственных действий, в особенности осмотра места происшествия, обыска, допроса и их регламентация основана не столько на технической стороне их применения, а на процессуальной форме самих следственных действий, когда затрагиваются вопросы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Получение информации с использованием данных технических средств указано в ч. 6 ст. 164 УПК РФ и в случае их применения при производстве отдельных следственных действий результаты могут быть занесены в протокол следственного действия, приложены к материалам протокола, в том числе в виде фототаблицы, а также приобщены в виде вещественного доказательства или иного документа к материалам уголовного дела.

Во второй группе представлены технические средства, упоминание которых, например, связано с возможностью протоколирования результатов производства следственного действия либо копирования материалов уголовного дела. Указание на них в уголовно-процессуальном законодательстве призвано узаконить определенные права всех участников уголовного процесса, поэтому не требуется более детальная регламентация, затрагивающая процессуальную форму.

В третьей группе представлены технические средства, используемые сотрудниками правоохранительных органов при производстве следственных действий, затрагивающих некоторые права граждан, в том числе контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации между абонентскими устройствами. К данной категории также следует отнести специальные технические средства, используемые в лабораторных условиях при производстве судебных экспертиз. Объединяет представленные технические средства отсутствие их нормативной регламентации уголовно-процессуальном законодательстве, но их фактическое применение является бесспорным при получении доказательственной информации [3].

Подобное разграничение представляется логически верным, поскольку в первом случае, использование технических средств подразумевает соблюдения принципа допустимости

доказательств, которые должны быть получены из достоверных источников, в соответствии с нормами УПК РФ и к ним предъявляются различные требования. Детальное правовое обеспечение второй группы технических средств не требует подобной нормативной регламентации, поскольку, например, копирование материалов уголовного дела потерпевшим и стороной защиты, не является процедурой, затрагивающей процессуальные аспекты получения доказательственной информации, имеющей определенное значение для вынесения соответствующего судебного решения.

Заметим, что технические средства следует рассматривать с позиции «общего», как собирательного понятия, всего технического инструментария, применяемого в уголовном судопроизводстве, и «частного», обозначающего специальные, в особенности криминалистические, научно-технические средства, используемые в процессе собирания и проверки доказательств [4].

Организационные особенности использования технических средств, в особенности связанных с фиксацией обстановки события преступления при производстве следственных действий, определены тем, что следователь осуществляет техническое сопровождение по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из участников уголовного процесса.

Необходимо отметить, что технические средства аудио-, фото- и видеofиксации в обязательном порядке используются для запечатления результатов производства следственного действия в отсутствие понятых (ст. 170 УПК РФ)². Это, например, может быть связано с деятельностью следственно-оперативной группы в труднодоступной местности либо в условиях, способствующих возникновению условий, угрожающих жизни и здоровью участвующих лиц. В случае отсутствия понятых и невозможности использования технических средств следователь должен сделать соответствующую запись в ходе протоколирования.

В заключение заметим, что использование в процессе расследования технических средств позволяет не только расширить возможности доказательственного познания события преступления следователем или дознавателем, но и, в значительной мере, способствует объективизации и структуризации собираемой доказательственной базы. Применение должностными лицами органов предварительного расследования технических средств определено дополнительными возможностями качественной фиксации и сохранения данных, необходимых впоследствии для отправления эффективного и справедливого правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Д. В., Кайргалиев Д. В. Современная криминалистическая техника на службе в ОВД РФ, как залог успеха раскрытия и расследования преступлений // Форум. – 2023. – № 1 (30). – С. 173-175.
2. Яценко С. В. О некоторых тенденциях развития современной криминалистической техники // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (45). – С. 137-140.
3. Красненко Ю. В., Лукьянчикова В. В. Использование технических средств при производстве следственных действий: уголовно-процессуальные и организационные аспекты: учебное пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина, 2022. – 55 с.
4. Кун Д. Е. О некоторых тенденциях развития современной криминалистической техники // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 3. – С. 76-81.

1 Уголовное дело № 1-102/2018. Архив Белгородского областного суда.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

КРУГЛИКОВА Олеся Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России

ДРОГА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ, КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуются особенности тактики производства допроса несовершеннолетнего свидетеля. Предлагаются практические рекомендации, позволяющие повысить эффективность работы следователя (дознателя) с данной категорией лиц. Допрос несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства является одним из наиболее сложных видов допроса, как в тактическом, так и в организационном плане. Следственные ситуации, возникающие в ходе допроса несовершеннолетнего обусловлены личностными качествами допрашиваемого, его условиями жизни, социальным статусом, семейными отношениями и его окружением. Поэтому, чтобы предупредить конфликтную ситуацию допроса необходимо установление психологического контакта между допрашивающим и допрашиваемым. Не менее важное значение имеет и правильный выбор места проведения допроса. Допрос несовершеннолетнего свидетеля целесообразно провести в знакомой для него обстановке, в которой он чувствовал себя бы более комфортно и желал давать показания. В статье так же проанализированы индивидуальные особенности возрастных групп несовершеннолетних, определены психологические особенности проведения указанного следственного действия с учетом возраста, определены направления совершенствования тактики допроса несовершеннолетних.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетний свидетель, тактика допроса, тактические приемы, обстановка, психологический контакт.

KRUGLIKOVA Olesya Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminology sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

DOROGA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ON SOME TACTICAL FEATURES OF INTERROGATING AN IMPERFECT WITNESS AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the features of the tactics of interrogating a minor witness. Practical recommendations are offered to improve the efficiency of the investigator (interrogator) with this category of persons. Interrogation of a minor participant in criminal proceedings is one of the most difficult types of interrogation, both in tactical and organizational terms. Investigative situations that arise during the interrogation of a minor are determined by the personal qualities of the interrogated person, his living conditions, social status, family relationships and his environment. Therefore, in order to prevent a conflict situation during interrogation, it is necessary to establish psychological contact between the interrogator and the person being interrogated. Equally important is the correct choice of location for the interrogation. It is advisable to conduct the interrogation of a minor witness in an environment that is familiar to him, in which he would feel more comfortable and would be willing to testify. The article also analyzes the individual characteristics of age groups of minors, identifies the psychological characteristics of carrying out the specified investigative action, taking into account age, and identifies directions for improving the tactics of interrogating minors.

Keywords: interrogation, minor witness, interrogation tactics, tactical techniques, situation, psychological contact.

Допрос — это следственное действие, заключающееся в получении от потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и других участников уголовного судопроизводства доказательственной и ориентирующей информации о расследуемом преступлении. Будучи эффективным средством собирания доказательств, а кроме того, и средством их проверки, допрос занимает центральное место в ходе производства по уголовному делу, а правильно выбранная тактика, способствует получению полных и достоверных сведений о расследуемом преступлении.

Тактические особенности проведения допроса зависят от ряда факторов, например, от процессуального положения допрашиваемого лица, его возраста, личности, характера взаимоотношений допрашивающего с допрашиваемым, места проведения допроса.

Допрос несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства является одним из наиболее сложных видов допроса, как в тактическом, так и в организационном плане, что обусловлено психологическими и интеллектуальными особенностями допрашиваемого лица. При этом не стоит забывать,

что несовершеннолетние свидетели могут являться участниками уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, что так же может отразиться на манере поведения несовершеннолетнего в ходе допроса. Процессуальные особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля, то есть лица, не достигшие 18-летнего возраста, рассматриваются в статье 191 УПК РФ. Тактическими особенностями производства допроса несовершеннолетнего свидетеля, посвящена наша статья.

Нельзя сказать, что тактика допроса несовершеннолетнего за последние годы претерпела какие-то серьезные изменения, однако, изучение судебно-следственной практики показывает, что сегодня нередки случаи не только непрофессионального, но и просто бестактного отношения в работе с несовершеннолетними. При этом, от следователя (дознателя) для получения желаемого результата в ходе допроса требуется наличие знаний и навыков применения не только норм уголовно-процессуального закона, но и фундаментальных положений других наук: криминалистики, психологии, психиатрии, педагогики и т.д.

Следует отметить, что при выборе тактики производства допроса несовершеннолетнего свидетеля необходимо, в первую очередь, учитывать его возрастные особенности. В научной литературе выделяют следующие возрастные группы:

– дети младшего возраста (до 7 лет). В этом возрасте дети находятся на этапе, когда их мышление еще не полностью развито, восприятие ими времени и последовательности произошедших событий – ограничено. Они еще не обладают достаточным словарным запасом для точного описания своих мыслей и чувств, не умеют выстраивать предложения. В этом случае допрос указанной категории лиц может проводиться в форме игры и включать в себя игровые элементы. Д. Ш. Абдулаева в своей работе предложила для допроса малолетнего свидетеля (потерпевшего) «использовать специально оборудованные комнаты с соответствующей обстановкой» [1, с. 106], что на наш взгляд, является вполне обоснованным и эффективным при допросе детей младшего возраста (до 7 лет) и на это есть несколько причин, во-первых - это позволит создать более комфортную и безопасную атмосферу для допроса, снизит уровень стресса и тревожности у ребенка; во-вторых – сделает процесс допроса менее пугающим; в-третьих – даст возможность использовать наглядные материалы, игрушки или другие элементы, которые помогут детям лучше понять вопросы и выразить свои мысли и т.д.;

– дети среднего возраста (от 7 до 12 лет). В этом возрасте дети могут давать более последовательные и осмысленные ответы, но все еще испытывают трудности в описании событий. Для того что бы допрос был структурированным, последовательным, полным, так же следователем могут использоваться наглядные материалы, примеры, для облегчения понимания, схемы, планы. Актуализация памяти ребёнка возможна и с помощью постановки напоминающих, уточняющих и детализирующих вопросов, демонстрации вещественных доказательств и оглашения показаний других свидетелей. Примерно в возрасте 7 лет, дети начинают осознавать, что их слова могут влиять на других. Поэтому для избегания наказания или для получения одобрения, как средства защиты своей репутации, ими может использоваться ложь. Они уже начинают лучше понимать моральные аспекты лжи и могут осознавать последствия своих действий. Важно отметить, что обман — это нормальная часть развития ребенка, и он может быть связан с процессами обучения, социальной адаптации и понимания окружающего мира;

– подростки (от 12 до 18 лет). Они имеют более развитые когнитивные способности и могут понимать сложные вопросы, но их эмоциональное состояние может быть нестабильным. Поэтому, прежде чем приступить к производству следственного действия, необходимо выяснить в каком эмоциональном состоянии находится несовершеннолетний, так как это может существенно повлиять на формирование полных показаний. Здесь важно учитывать и их стремление к независимости, повышенную эмоциональность, низкую степень самоконтроля и возможность оказывать сопротивление. Не менее важную роль на правосознание и психику подростка оказывает благополучие в семье. Проведенные исследования показывают, что отсутствие адекватных моделей поведения в быту, а также высокий уровень стресса и неуверенности в себе несовершеннолетнего, способствуют формированию у него девиантного поведения, что может привести к конфликтной ситуации в ходе допроса.

Для установления психологического контакта с несовершеннолетним важно, чтобы следователем была правильно выбрана форма общения, которая зависит от личностных качеств подростка, а также от следственной ситуации, которая сложилась к этому моменту. Любые шутки, даже на взгляд следователя (дознателя) совершенно безобидные, в отношении фигуры, позы или походки несовершеннолетнего могут быть отрицательно восприняты им.

Начинать допрос несовершеннолетнего лучше с общих вопросов, с целью установить контакт и доверие, а затем постепенно переходить к более сложным вопросам, связанным с делом. Следует избегать юридических терминов и сложных формулировок. Вопросы должны быть простыми и понятными, чтобы несовершеннолетний мог легко их воспринимать. Для устранения искажения информации при добросовестном заблуждении следует предложить несовершеннолетнему последовательно рассказать об обстоятельствах, ставших

ему известными, предъявить доказательства и документы, связанные с расследуемым событием, а так же показания других свидетелей.

Чтобы избежать недопонимания вопросов или ответов, со стороны допрашивающего или допрашиваемого и исключить периодическое переспрашивание сказанного, что может привести к нарастанию раздражения и утрате психологического контакта, следователю (дознателю) рекомендуется на протяжении всего допроса демонстрировать несовершеннолетнему интерес к его ответам, поддерживать с ним зрительный контакт и использовать невербальные сигналы, для демонстрации своего внимания и интереса к показаниям несовершеннолетнего. На основании вышеприведённых доводов, позволим не согласиться с предложением М. А. Шуваловой, получившей в 2018 году патент «Рабочее место следователя, дознавателя для проведения допроса и иных следственных действий с участием несовершеннолетнего», которая считает, что «несовершеннолетние при проведении следственных действий более охотно идут на контакт, если им обеспечивают личное пространство, другими словами, если происходит общение между следователем (дознателем) и несовершеннолетним в одном помещении, но без прямого зрительного контакта» [4]. Данная позиция автора, на наш взгляд, является категорически не верной, поскольку такого рода «изоляция» несовершеннолетнего лишь негативно может отразиться на результатах допроса, так как следователь (дознатель) в этом случае лишается возможности наблюдать за эмоциональной реакцией допрашиваемого на задаваемые вопросы, а тот, в свою очередь, «теряется из вида» собеседника, что может отрицательно повлиять на готовность несовершеннолетнего к сотрудничеству.

Психологическое напряжение, скованность или отвлечение несовершеннолетнего от процесса допроса может произойти также и из-за непривычной, незнакомой для несовершеннолетнего обстановки, что существенно снижает коммуникативность несовершеннолетнего и порождает у него желание как можно скорее закончить следственное действие. Поэтому, если это возможно, допрос несовершеннолетнего свидетеля целесообразно провести в знакомом для него обстановке, например, в школе или у него дома, чтобы он чувствовал себя более комфортно. При этом важно, чтобы выбранное для допроса место способствовало открытой и честной коммуникации, позволяя несовершеннолетнему чувствовать себя защищенным и уверенным в процессе допроса, а не отвлекало его от диалога со следователем (дознателем).

Завершить допрос несовершеннолетнего свидетеля следует на положительной ноте, поблагодарив его за участие в следственном действии. При этом следует обсудить с ним, что будет происходить дальше, чтобы у несовершеннолетнего было понимание всего происходящего и он был готов взаимодействовать далее и при необходимости повторить свои показания еще раз.

Таким образом, создание надлежащих условий для допроса несовершеннолетних свидетелей будет являться важным шагом к улучшению качества допроса и обеспечению защиты прав несовершеннолетних в процессе уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулаева Д. Ш. Особенности производства допроса несовершеннолетнего // Закон и право. - 2019. - № 4. - С. 105-106.
2. Архипова Н. А. Особенности подготовки к допросу малолетнего свидетеля // Сборник материалов криминалистических чтений. - 2021. - № 18. - С. 6-7.
3. Князьков А. С. Место психологических знаний в криминалистической тактике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2021. - № 21-1. - С. 44-45.
4. Шувалова М. А. Рабочее место следователя, дознавателя для проведения допроса и иных следственных действий с участием несовершеннолетнего // Патент на полезную модель RU 179592 U1, 17.05.2018. Заявка № 2017137831 от 30.10.2017.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент, директор, Дагестанский гуманитарный институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаше

АЛИЕВ Али Шапиевич

преподаватель, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ПРИЧИНЫ ЕЕ ПОРОЖДАЮЩИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ

В статье затронуты вопросы связанные с особенностями проявления коррупции в системе образования. По мнению авторов, коррупция в системе образования представляет собой одну из наиболее острых и сложных проблем, препятствующих развитию качественного и доступного образования.

Одним из ключевых направлений по профилактике коррупции в образовании является повышение заработной платы преподавателей и других работников образовательной сферы. Не менее важным является создание и внедрение прозрачных процедур распределения финансовых и материальных ресурсов, что также позволит сократить возможности для коррупционных действий.

Введение автоматизированных систем контроля и учета на всех уровнях образовательного процесса, от школьного до вузовского, способно значительно снизить вероятность коррупционных схем. Образовательные кампании и внедрение антикоррупционных курсов в учебные программы могут сыграть важную роль в формировании у молодежи негативного отношения к коррупции.

Ключевые слова: образование, коррупция, причины, факторы, профилактика.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in Law, Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director, Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Head of Legal disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash

ALIEV Ali Shapievich

Lecturer, Dagestan State University, branch in Izberbash

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor, Dagestan State University, branch in Izberbash

CORRUPTION IN THE EDUCATION SYSTEM, ITS CAUSES AND THE MAIN DIRECTIONS FOR PREVENTION

The article touches upon issues related to the peculiarities of corruption in the education system. According to the authors, corruption in the education system is one of the most acute and complex problems hindering the development of high-quality and affordable education.

One of the key areas for the prevention of corruption in education is to increase the salaries of teachers and other employees of the educational sector. Equally important is the creation and implementation of transparent procedures for the allocation of financial and material resources, which will also reduce the opportunities for corrupt actions.

The introduction of automated control and accounting systems at all levels of the educational process, from school to university, can significantly reduce the likelihood of corruption schemes. Educational campaigns and the introduction of anti-corruption courses in curricula can play an important role in shaping negative attitudes towards corruption among young people.

Keywords: education, corruption, causes, factors, prevention.

Коррупция в системе образования влияет не только на качество образования, но и на уровень правосознания граждан, формируя идеологический вакуум в оценке образовательных ценностей. В настоящее время борьба с коррупцией в сфере образования осуществляется традиционными административно-правовыми методами общего характера, и это дает свои результаты.

Однако, эти методы зачастую оказываются недостаточными в борьбе с глубоко укоренившейся системой взяточничества и фальсификаций. Коррупция в системе образования подрывает доверие к образовательным учреждениям и способствует формированию атмосферы цинизма среди студентов. Молодежь, наблюдая за тем, как на практике на-

рушаются принципы честности и справедливости, начинает воспринимать эти нормы как приемлемые в повседневной жизни.

Кроме того, педагоги являются теми, кто формирует моральные и этические стандарты у подрастающего поколения. Когда такие лица совершают преступления, это подрывает доверие не только к ним лично, но и к образовательной системе в целом. Ученики и их родители начинают сомневаться в безопасности и правомерности тех, кто несет ответственность за развитие и воспитание детей.

Другим важным аспектом общественной опасности преступлений, совершаемых работниками образования, является их потенциал к распространению антиобщественных

настроений. Педагоги, имеющие доступ к молодым и легко внушаемым умам, могут использовать своё положение для пропаганды негативных и противоправных идеологий. Такое поведение способно оказывать разрушительное воздействие на коллективы учащихся, подрывая их мироощущение и склоняя их к асоциальному поведению.

Наконец, следует учитывать, что преступления, совершаемые педагогами, могут негативно сказаться на их коллегах и всей образовательной среде. Атмосфера недоверия может привести к снижению эффективности работы учебных заведений, ухудшению морально-психологического климата и даже к уходу опытных специалистов из профессии. Важно помнить, что педагоги играют ключевую роль в формировании будущего общества, и их моральная чистота и профессиональная неподкупность должны быть одним из главных приоритетов государственной политики в сфере образования.

Безусловно, коррупционные преступления в системе образования представляют собой серьёзную проблему, имеющую далеко идущие негативные последствия. Коррупция в образовательной сфере проявляется в различных формах: взяточничестве, фальсификации экзаменационных результатов, незаконных поборах с родителей и студентов, а также в злоупотреблении служебным положением для личного обогащения. Эти действия подрывают доверие к образовательным учреждениям и системе образования в целом, создают неравные условия для получения знаний и навыков, а также способствуют формированию и укреплению социального неравенства.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что коррупция в школах и вузах формирует у молодого поколения искажённые представления о моральных и этических нормах. Когда студенты видят, что честный труд и добросовестное отношение к учебе часто менее значимы, чем возможность договориться или дать взятку, это создает порочную практику, которая может сопровождать их и во взрослой жизни.

Таким образом, образование, вместо того чтобы способствовать развитию честных и порядочных граждан, становится питательной средой для взращивания новых коррупционеров.

Четверть россиян, принявших участие в анонимном опросе Генпрокуратуры РФ в декабре 2023 г. – январе 2024-го г., признались, что им приходилось давать взятки, а половина респондентов сталкивались с фактами вымогательства взятки со стороны должностных лиц (38 %) или посредников (12 %).

В общем показателе по отношению ко всем зарегистрированным преступлениям данного рода негативное явление составило - 0,5 % общего объема зарегистрированной в 2023 г. преступности. В первой половине 2024 года выявляемость традиционных коррупционных преступлений почти не увеличилась, за исключением взяточничества [4].

Однако, следует констатировать наличие теневых отношений в сфере образования. Основными причинами коррупционных преступлений в сфере образования, по нашему мнению, являются:

1) недостаточность бюджетных средств для обеспечения всем высокого уровня образования с учетом индивидуальных особенностей обучающихся.

2) коррупционный путь является более выгодным для получения образовательных услуг, так как обе стороны заинтересованы в достижении совместно поставленной криминальной цели [3, с. 54-67].

3) цели образования и результаты его не всегда совпадают.

4) Низкий уровень заработной платы преподавателей и преподавательского состава также способствует распространению коррупции. Многие преподаватели вынуждены искать дополнительные источники дохода, что создает благоприятные условия для взяточничества и иных нелегальных методов получения доходов. В результате, страдает качество образования, так как внимание педагогов переключается с обучающего процесса на получение материальных благ.

5) Слабый контроль со стороны административных и надзорных органов также является значимым фактором. Отсутствие регулярных проверок и недостаточный анализ деятельности образовательных учреждений приводит к тому, что случаи коррупции остаются незамеченными или замалчиваются. Это создает ощущение безнаказанности среди участников образовательного процесса и стимулирует их к совершению противоправных действий.

6) Следует отметить и слабую правосознательность и правовую культуру как обучающихся, так и родителей. Многие родители готовы платить за «облегчение» образовательного процесса для своих детей, не осознавая, что тем самым подрывают честность и справедливость системы образования. Ожидание того, что можно «купить» знания и оценки, формируют у студентов неправильное отношение к обучению и трудовой деятельности в целом, что негативно сказывается на их будущей профессиональной жизни.

В последние годы особенно остро встала проблема институциональной коррупции в системе образования, что напрямую связано с изменениями в социально-экономическом и политическом контексте. Эта проблема имеет много аспектов и корней, но одна из ключевых причин её возникновения – ослабление механизмов государственного контроля и слабость внутренних регулятивных механизмов учебных заведений. Во многом это проявляется из-за замещения идеологических основ, которые ранее были направлены на развитие и поддержку качественного образования для всех, приоритетами коммерциализации и возникновения частных интересов среди образовательных кадров.

Процесс приватизации образования и снижение государственного финансирования привели к тому, что образовательные учреждения начали искать дополнительные источники дохода. В результате чего появились различные схемы, направленные на извлечение выгоды и обогащение определённых групп лиц. Например, плата за поступление вне конкурсных основ, натянутые оценки и дипломы за деньги, а также лоббирование интересов определённых лиц или организаций в образовательных программах стали нормой в некоторых учебных заведениях. Всё это говорит о возможном уходе от идеи образования как общественного блага и переходе к модели, в которой права учащихся часто ставятся на второй план по сравнению с интересами работников образования.

Коррупция в образовании имеет далеко идущие последствия. На первом месте стоит угроза ухудшения качества образования, так как фокус смещается с подготовки высоко-

квалифицированных специалистов на получение моментальной выгоды. Это, в свою очередь, ведёт к дисбалансу на рынке труда и снижению конкурентоспособности выпускников на международном уровне. Кроме того, системная коррупция способствует росту социального неравенства, когда доступ к качественному образованию становится привилегией избранных, а не правом всех граждан.

На основе всего вышеизложенного мы считаем целесообразным представить следующее определение коррупции в сфере образования: коррупция в образовании - это использование служебного положения, полномочий, а также иных возможностей для извлечения личной выгоды вопреки установленным нормам и принципам профессиональной этики. В данном контексте такие действия приводят к искажению целей и задач образовательного процесса, упрощению или усложнению учебного плана, а также изменению академических требований.

Проявления коррупции в образовании могут включать, но не ограничиваются, взяточничеством при поступлении, платежами за оценки, подделкой экзаменационных результатов, а также нецелевым использованием материальных и финансовых ресурсов образовательных организаций. Эти действия не только нарушают принципы справедливости и равенства в доступе к образованию, но и подрывают доверие к образовательным учреждениям и нивелируют значение квалификации и достижений учащихся.

Последствия коррупции в сфере образования выходят за пределы индивидуальных случаев неправомерного поведения. Они несут серьёзные риски для общества в целом, включая снижение качества выпущенных специалистов, недоверие к институтам образования, и в конечном итоге, дестабилизацию социального устройства. Восприимчивость общества к подобным практикам формирует культуру вседозволенности и безнаказанности, что негативно сказывается на будущем поколении и их моральных установках.

Среди причин, порождающих коррупцию в системе образования на территории Дагестана можно назвать слабую систему контроля и надзора, а также неоправданные бюрократические преграды. Основной причиной, порождающей коррупцию в сфере образования в Дагестане, является недостаточная прозрачность в процессах принятия решений. Повсеместно существует практика взяточничества, начиная с поступления в учебные заведения и заканчивая сдачей экзаменов. Это создает условия для формирования замкнутого круга, где коррупция становится нормой и способном уничтожить всякую инициативу для честной конкурентной борьбы.

Кроме того, в распределении бюджетных средств также наблюдаются серьезные несоответствия. Часто средства, предназначенные для улучшения материально-технической базы учебных заведений, попадают в руки нечистооплотных чиновников. Такая ситуация вынуждает руководителей учебных учреждений искать неофициальные пути для решения актуальных проблем, что в свою очередь поддерживает порочный круг коррупционных схем. Недостаточная заработная плата педагогов и административного персонала также является значительным фактором, который заставляет их прибегать к незаконным методам получения дополнительного дохода.

Цифровизация процессов, которая могла бы стать эффективным инструментом в борьбе с коррупцией, пока что используется недостаточно. Введение электронных дневников и внедрение систем дистанционного контроля могли бы значительно снизить возможность для злоупотреблений и повысить прозрачность взаимоотношений между всеми участниками образовательного процесса. Однако на текущий момент эти технологии либо только начинают внедряться, либо не всегда используют свой потенциал в полной мере [2, с. 12-22].

Политическая воля и общественный контроль являются ключевыми аспектами в борьбе с коррупцией в системе образования в Дагестане. Повышение уровня осведомленности населения о правах и обязанностях, подкрепленное утверждением четких законодательных изменений и усилением наказаний за коррупционные действия, могли бы кардинально изменить ситуацию. Необходимы также независимые и квалифицированные инспекторы, которые будут следить за прозрачностью учебных процессов, а также инициатива со стороны самого общества, требующая изменений и соблюдения закона. Только комплексный подход и интеграция всех этих мер могут привести к значительным положительным изменениям в образовательной системе региона.

Однако, значительные изменения требуют времени и согласованных усилий на всех уровнях. Важно понимать, что процесс борьбы с коррупцией в системе образования должен включать не только государственные и общественные инициативы, но и активное участие всех участников образовательного процесса. Студенты, преподаватели и родители должны быть активно вовлечены в решение этой проблемы, формируя устойчивую культуру нулевой терпимости к коррупции. В этом контексте особую роль могут сыграть общественные организации, которые способны организовать образовательные кампании и предоставлять правовую поддержку жертвам коррупционных действий [1, с. 66-73].

На региональном уровне стоит также рассмотреть возможность создания специализированных антикоррупционных комиссий, состоящих из представителей как государственных органов, так и гражданского общества. Эти комиссии могли бы выполнять функции мониторинга и аудита деятельности учебных заведений, а также предоставлять рекомендации по улучшению системы контроля и надзора. Кроме того, важно содействовать развитию независимых СМИ, которые будут освещать случаи коррупции и стимулировать общественное обсуждение этой проблемы.

Большую роль в снижении уровня коррупции может сыграть повышение квалификации педагогов и административного персонала. Введение программ профессиональной подготовки, направленных на развитие этических норм и принципов, а также обеспечение достойных условий труда помогут превратить работников образования в активных противников коррупции. Увеличение заработной платы, предоставление социальных гарантий и создание условий для профессионального роста могут значительно снизить мотивацию к участию в незаконных схемах.

И наконец, важно не забывать об обмене опытом с другими регионами и странами. Участие в межрегиональных и международных конференциях, семинарах и форумах, посвященных вопросам борьбы с коррупцией в образовательной сфере, позволит внедрять передовые практики и адап-

тировать их к местным условиям. Таким образом, только скоординированные действия всех заинтересованных сторон и ориентация на лучший мировой опыт смогут обеспечить реальные и устойчивые положительные изменения в образовательной системе Дагестана.

Для эффективного противодействия коррупции в образовании необходим комплексный подход, который сочетал бы в себе административные, правовые и общественные меры. Важно вовлекать в процесс борьбы с коррупцией не только государственные органы и правоохранительные структуры, но и общественные организации, студентов, преподавателей и родителей. Создание прозрачных механизмов поступления, аттестации и финансирования образовательных учреждений может значительно снизить возможности для коррупционных действий.

Кроме того, необходимы меры по повышению уровня правосознания и гражданской ответственности среди учащихся и сотрудников образовательных учреждений. Введение образовательных программ, направленных на формирование антикоррупционного мышления, может сыграть ключевую роль в этом процессе. Важно, чтобы студенты не только знали о вреде коррупции, но и понимали ответственность за свои действия и чувствовали себя частью гражданского общества.

Необходимо подчеркнуть, что борьба с коррупцией в образовательной сфере требует комплексного подхода и активного участия всех слоев общества: государства, образовательных учреждений, родителей и самих студентов. Важные меры включают в себя совершенствование законодательной базы, создание эффективных механизмов контроля и наказания за коррупционные действия, а также просветительские кампании, направленные на формирование антикоррупционного сознания у молодежи. Только объединяя усилия, можно достичь значительных результатов в деле искоренения коррупции и обеспечения доступного и качественного образования для всех.

Помимо этого, активно разрабатываются и внедряются различные программы по воспитанию антикоррупционной культуры у подрастающего поколения. Важно, чтобы молодые люди понимали, что их успех зависит не от денежных возможностей или знакомства в нужных кругах, а от собственных знаний, умений и усилий. Также введение обязательных курсов по этике и антикоррупционной деятельности в образовательных учреждениях может способствовать формированию устойчивой позиции против коррупции и подготовке ответственных граждан, готовых активно противодействовать коррупционным проявлениям во всех сферах жизни.

Таким образом, для борьбы с коррупцией в сфере образования необходимо комплексное решение, включающее повышение финансирования образовательных учреждений, улучшение условий труда преподавателей, строгий контроль и надзор, а также повышение правовой грамотности населения. Только так можно создать прозрачную и эффективную систему образования, в которой основными приоритетами будут знания и компетенции, а не материальные выгоды.

Наконец, следует акцентировать внимание на создании благоприятной социальной среды, в которой честность и профессионализм будут высоко цениться и поощряться.

Пропаганда положительных примеров и истории успеха людей, добившихся результатов без коррупционной составляющей, способна вдохновить новое поколение на соблюдение высоких морально-этических стандартов в своей жизни и профессиональной деятельности.

Только таким образом можно создать устойчивую систему ценностей, которая станет надежной преградой на пути коррупции в сфере образования как на территории Дагестана, так и в других регионах России в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Босхолов С. С., Сидорова Е. З. Понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2020. № 3 (94). С. 66-73.
2. Есетова С. К., Ибраева А. С., Джунусов А. М. и др. Роль цифровизации в противодействии коррупции и укреплении гражданского общества. Алматы: Al-Farabi Kazakh National University, 2020. С. 12-22.
3. Комаров А. А. Криминологическое исследование коррупции в высшей школе: проблемы извлечения эмпирического материала // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 4. С. 54-67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17296 (дата обращения: 20.08.2024).
4. Портал правовой статистики: Генеральная прокуратура Рос. Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.08.2024).

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ВИКТИМНОСТЬ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье рассматриваются вопросы, обусловленные виктимологической составляющей криминологических исследований в контексте анализа как личностных, так и внешних аспектов, определяющих участников специальной военной операции, как потенциальных жертв преступлений. Отдельное внимание уделено специфике видов виктимности таких участников, что позволило сформулировать возможные направления государственной политики, а также ее неотъемлемой составляющей – уголовной политики, по профилактике преступлений против участников специальной военной операции.

Ключевые слова: виктимология, виктимность, специальная военная операция, уголовная политика, профилактика.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

VICTIMIZATION OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION: CHARACTERISTICS AND PREVENTIVE MEASURES

The article discusses issues related to the victimological component of criminological research in the context of analyzing both personal and external aspects that define participants in a special military operation as potential victims of crimes. Special attention is paid to the specifics of the types of victimization of such participants, which made it possible to formulate possible directions of state policy, as well as its integral component – criminal policy, for the prevention of crimes against participants in a special military operation.

Keywords: victimology, victimization, special military operation, criminal policy, prevention.

Долгушина Л. В.

Ступина С. А.

Неоднократно специалистами отмечается и отмечалось, что уголовная политика государства должна формироваться в своей научной составляющей не только с учетом исследования личности преступника, но и охватывать виктимологические аспекты, т.е. вопросы, касающиеся характеристики потенциальных жертв преступных посягательств [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Исследование характеристик как конкретного потерпевшего, так и видовых и родовых особенностей, характерных для жертв отдельных видов и форм преступности, позволяет определить как конкретные меры профилактики, так и сформулировать направления обеспечения состояния защищенности уязвимых в силу некоторых социально-психологических особенностей лиц, на которых направлены преступные деяния, что, в свою очередь, определяет безопасность не только таких потерпевших, но и национальную безопасность, поскольку создает уверенность общества во всесторонней защите со стороны государства, что формирует еще большее доверие к нему.

Полностью согласны с мнением профессора А. Л. Репецкой о том, что уголовная политика, являясь направлением социальной политики, имеет единую с последней конечную цель – улучшение жизни общества [3, с. 8].

Поскольку реализация уголовной политики происходит в трех формах: правотворчества, правоприменения и профилактики преступлений [3, с. 9], то и определение направлений повышения ее эффективности также можно рассматривать в этих аспектах.

При установлении направлений совершенствования уголовной политики, особенно в части анализа такой ее формы реализации, как профилактика преступлений, всегда происходит всесторонний учет современных характеристик социального развития общества, его психоэмоционального состояния, установок на перспективы и направления будущего.

Особенности общественного развития в настоящее время определены, прежде всего, проведением России специальной военной операции (далее – СВО), на фоне которой происходит консолидация российского общества, а также повышается его доверие к власти, формируются установки на конструктивный диалог и взаимопомощь.

Для граждан РФ патриотизм становится не просто словами, а частью формирующейся идеологии, которая, прежде всего, получает мощный импульс к развитию благодаря участникам СВО. Именно в зоне боевых действий наиболее

остро понимаются те человеческие ценности, которые героически и защищают наши бойцы.

Вера в справедливость, память предков, защитивших мир от нацистов, традиционные духовно-нравственные ценности – это те определяющие векторы сознательного участия наших граждан в защите Родины.

На фоне позитивных констатаций трансформационных изменений общественного развития, нельзя не обратить внимание на освещаемые средствами массовой информации сообщения о том, что тот или иной участник СВО стал жертвой преступников. При этом такие посягательства варьируются от направленных на жизнь и здоровье, до корыстных, среди которых преобладают мошенничество и кражи. Также имеют место и случаи использования рабского труда.

В этой ситуации возникает необходимость исследования виктимологических аспектов уголовной политики, которые, в том числе включают деятельность государственных органов, общественных организаций и граждан, направленную на борьбу с преступностью посредством защиты прав потерпевшего, оказания на него профилактического воздействия [3, с. 12].

Указанное в контексте исследования такой группы потерпевших, как участники СВО, определяет необходимость и анализа, хотя бы в общих чертах, виктимологической характеристики этих лиц с учетом того, что поведение потерпевшего играет не последнюю роль в механизме преступления.

Профессором В. Я. Рыбальской, которая стояла у истоков формирования отечественной виктимологии, виктимность определена через личностную характеристику, определяемую как повышенную предрасположенность конкретного человека стать жертвой преступного деяния [4, с. 33].

Рассмотрим виктимность участников СВО через призму того, что в литературе выделяются четыре разновидности виктимности: виктимогенная деформация личности, профессиональная или «ролевая» виктимность, возрастная виктимность и «виктимность-патология» [3, с. 14-15].

В рамках первой, как правило, понимается такая деформация сознания личности, которая характеризуется социально-психологическими особенностями личности, ее способностями к социализации, социальной адаптации, и определяется через различные сочетания личностных и поведенческих характеристик [3, с. 14].

Формируемая в период участия в СВО линия поведения по разрешению конфликтных ситуаций может стать стереотипной для лица и быть впоследствии перенесена и на аналогичные отношения в иных условиях.

В период участия в СВО лицо получает навыки взаимодействия именно в малых группах, где формируются эффективные межличностные отношения, имеет место эмоциональная и когнитивная эмпатия, взаимовыручка и доверие.

Впоследствии при социальной адаптации к условиям мирного времени, адаптации к «новому» социальному положению, в том числе и в бытовой сфере, участник СВО может сталкиваться с непониманием, недоверием.

Прививаемые нашему обществу последними десятилетиями «коллективным Западом» либеральные ценностные установки, к сожалению, не так быстро нивелируются в социуме, в который после участия в СВО включается лицо и которые стали чужды ему. Происходит конфликт на уровне сознания.

Если учесть, что с участниками СВО со стороны государства проводится комплекс мероприятий по социально-психологической реабилитации, то, как правило, такое лицо в

повседневной жизни старается нивелировать любую конфликтную ситуацию. Для участников боевых действий, как правило, характерно более мудрое отношение к жизненным проблемам, снижается устойчивость аффекта и обидчивость, уменьшается эгоцентризм и циничный взгляд на жизнь [7, с. 192].

Вместе с тем, непонимание ценностных установок участников СВО со стороны отдельных лиц может провоцировать конфликтные ситуации, в механизме которых именно поведение потерпевшего (участника СВО), отстаивающего общечеловеческие ценности, в защите которых он принимал участие, и за которые погибли его товарищи, может привести к тому, что он становится жертвой насильственных преступлений.

Также следует учитывать и то, что осмысление жизни, измененное во время участия в СВО, приводит к тому, что участники СВО ожидают и от общества такого же переосмысления.

При этом сознательные установки на то, что недопустимо применение насилия в отношении мирного населения, могут привести к тому, что участник СВО сознательно уходя от конфликтной ситуации, тем самым выступает катализатором неустойчивого психоэмоционального фона со стороны членов общества с либеральными взглядами.

Одним из направлений профилактики указанного является последовательно реализуемая со стороны государства политика на формирование консолидированного сознания, основой которого выступают традиционные духовно-нравственные ценности.

Ведущая роль в этом отводится и средствам массовой информации при условии позитивного освещения жизненных событий участников СВО. В случае же, когда из-за стремления просто информационного «хайпа» начинают всесторонне демонстрировать негативные ситуации, в том числе писать и показывать преступления, совершаемые участниками СВО, то это только усугубляет ситуацию с социальной адаптацией участников СВО и может сформировать у некоторых членов общества враждебные отношения к таким лицам, ожидание их противоправного поведения и, соответственно, в ряде случаев, мнимую самозащиту, что увеличивает для участников СВО риски стать жертвой насильственного преступления.

Следует воспитывать в обществе всеобъемлющее уважение к участникам СВО, их заслугам, т.е. есть необходимость в формировании адаптационных условий самого общества к таким лицам.

Говоря о профессиональной или «ролевой» виктимности как объективной в данных условиях характеристики социальной роли человека, которая независима от его личностных свойств и определяет повышенную опасность стать жертвой преступления в силу исполнения такой роли, то следует отметить, что за свой героизм и действия по защите Родины участники СВО получают от государства денежное вознаграждение. Наше государство всеобъемлюще обеспечивает социальные гарантии участникам СВО и их семьям.

Для преступников, совершающих корыстные преступления, основной мотивацией их деформированного сознания выступает цель наживы. Поскольку у участников СВО есть денежные средства, они уже в силу этого становятся потенциальными жертвами, прежде всего, таких общественно-опасных деяний, как кражи и мошенничество.

Следует расширить информационную работу соответствующей профилактической направленности в отношении участников СВО. Также обоснованы мероприятия по фор-

мированию поддержки участников СВО со стороны членов их семей и близких. Например, можно обеспечить возможность бесплатного проезда члена семьи участника СВО для его встречи.

Поскольку имеют место случаи, когда корыстные преступления совершаются во время следования участниками СВО домой или к месту отдыха, то можно предложить меры по контролю за сопровождением таких лиц, что можно осуществлять, в том числе, и с помощью современных цифровых технологий.

Это, в свою очередь, позволит предотвратить и случаи, когда участники СВО, оставшиеся вследствие совершения в отношении них преступлений, без средств к существованию, становятся потерпевшими такого посягательства, как использование рабского труда.

Кроме этого, в качестве профилактических мероприятий полагаем целесообразным совершенствование механизма государственной защиты накоплений участников СВО.

Рассмотрение такой разновидности виктимности, как возрастная, определяемая биофизическими свойствами личности, по-нашему мнению, не имеет столь важного значения в исследуемом объекте, поскольку среди участников СВО, ставших потерпевшими от преступлений, не отмечается сколько-нибудь значимых различий в возрасте.

Анализ виктимности, как следствия патологического состояния личности, обоснованно осветить с учетом мнения специалистов, исследовавших психоэмоциональные патологии лиц, участвующих в боевых действиях.

Так, например, Ю.Ю. Стрельниковой было установлено, что психологические и соматические последствия участия в боевых действиях могут быть выражены у лиц-участников в снижении психологической активности, тревожности, эмоциональной напряженности, невротизации. Для них вероятны психосоматический и неврастенический варианты дезадаптации [7, с. 191-192].

Психологические последствия воздействия боевого травматического стресса могут быть выражены в патологических реакциях, которые обусловлены неэффективным преодолением последствия травматического стресса, что выражается в снижении психических функций, эмоциональных нарушениях и личностных особенностях [8, с. 80].

Средствами преодоления указанных последствий могут помимо реабилитационных программ такие психологической направленности программы, которые возможно проводить с участником СВО совместно с его родными и близкими, с целью формирования у него осознанных целей в жизни и приобретения смысла жизни в мирных условиях, поскольку реакция человека на травмирующую ситуацию обусловлена также и такими факторами, как возможность поддержки его со стороны доверенных лиц [9, с. 169].

Последнее обуславливает расширение деятельности служб соответствующей направленности.

Главный же акцент для преодоления посттравматического стрессового расстройства должен быть сделан на семью. Утрата последней, а также близкого окружения имеет самое разрушительное воздействие на состояние участника СВО.

Именно вследствие этого безусловно имеют позитивный характер все те меры социальной поддержки, которые получают от государства семьи участников СВО.

Таким образом, подводя итог исследованию, отметим, что для выработки эффективных мер профилактики преступлений, совершаемых в отношении участников СВО, не-

обходимы регулярные комплексные научные исследования, результаты которых следует использовать как при формировании направлений развития уголовной политики, так и в целом государственной политики, поскольку именно участники СВО выступают той основой российского общества, которая определяет и с каждым годом все больше будет определять направления его развития.

Пристатейный библиографический список

1. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 304 с.
2. Рыбальская В. Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 228 с.
3. Репецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994. – 151 с.
4. Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью: межвуз. сб. / Отв. ред. В. В. Клочков. – М.: Юрид. лит., 1980. – Вып. 33. – С. 32-40.
5. Емельянов И. А. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 4 (12). – С. 134-144.
6. Думанская Е. И. Психологическая обусловленность индивидуальной виктимности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19. № 4. – С. 19-22.
7. Стрельникова Ю. Ю. Изменения личности в условиях боевых действий с точки зрения психической нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 187-192. С. 191-192.
8. Якушкин Н. В. Динамика личностных особенностей, переживших боевой травматический стресс // Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2008. – № 1 (47). – С. 74-81.
9. Цыбаева Л. А. Социально-психологическая адаптация участников боевых действий // Развитие личности. – 2007. – № 1. – С. 165-171.

МИРЗАЕВ Закир Мукайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

МИРЗАЕВА Зейнаб Закировна

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

ЖЕНСКАЯ РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рецидивная преступность среди женщин является серьезной проблемой, которая требует пристального внимания. Исследования показывают, что женщины-рецидивистки часто сталкиваются с уникальными социальными, экономическими и психологическими факторами, которые способствуют их возвращению к преступной деятельности. Эти факторы могут включать в себя бедность, отсутствие доступа к образованию и трудоустройству, а также травмы и насилие в прошлом. Для эффективного снижения рецидивной преступности среди женщин необходимо разработать комплексные программы реабилитации и реинтеграции, которые учитывают эти особенности. Только комплексный подход, сочетающий меры по профилактике, реабилитации и социальной поддержке, может помочь в решении этой сложной проблемы.

Ключевые слова: женская преступность, рецидив, предупреждения, уровень преступности, тюрьмы.

MIRZAEV Zakir Mukailovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

MIRZAEVA Zeynab Zakirovna

senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

FEMALE RECIDIVISM AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Recidivism among women is a serious problem that requires close attention. Research shows that female repeat offenders often face unique social, economic and psychological factors that contribute to their return to criminal activity. These factors may include poverty, lack of access to education and employment, as well as trauma and violence in the past. In order to effectively reduce recidivism among women, it is necessary to develop comprehensive rehabilitation and reintegration programs that take these characteristics into account. Only an integrated approach combining prevention, rehabilitation and social support measures can help solve this complex problem.

Keywords: female crime, recidivism, prevention, crime rate, prisons.

В настоящем исследовании исследуется рецидивизм когорты женщин-заклученных, освобожденных из государственной тюрьмы.

Для женщин-заклученных, которые составляют 8,7 % от общей выборки. Понимание специфики женского рецидива обеспечивает основу для изучения их криминальной карьеры и может дать представление об эффективных программах и политике возвращения. В настоящем исследовании описывается частотное распределение женщин-рецидивисток и исследуются потенциал этого набора данных для проверки гипотез, связанных с криминальной карьерой женщин.

В течение последних 3 лет почти 68 % всех освобожденных заклученных были повторно арестованы; 47 % были повторно осуждены; и 25 % были повторно отправлены в тюрьму. Чуть более половины вернулись в тюрьму, как в результате нового приговора, так и в результате технического нарушения. В статистическом отчете представлены данные об освобожденных заклученных и исследуется взаимосвязь между уровнем рецидивизма и временем до отказа, также демографические характеристики правонарушителей и характеристики правонарушений, совершенных ими.

Исследование женской рецидивной преступности показало, что удельный вес женщин-преступниц, ранее совершавших преступления, с каждым годом увеличивается. Так в 2023 г. уровень женской рецидивной преступности составил 12,46 % от общего количества осужденных в России женщин.

Таким образом, в настоящее время почти каждая третья осужденная по приговору суда женщина является рецидивисткой [41].

Важно отметить, что исследуемые статистические данные отражают только количество зарегистрированных преступлений, не раскрывая полностью состояния женской рецидивной преступности. Чтобы получить более полное представление об исследуемом явлении, необходимо учитывать проблему латентности данных преступлений, степень которой, по мнению некоторых ученых, достигает 54 %.

Анализ статистических данных показывает, что, несмотря на относительную стабильность общего количества выявленных женщин, совершивших преступление, количество лиц женского пола, повторно допустивших преступное поведение после освобождения из мест лишения свободы, не имело значительного снижения, а в последние годы постоянно возрастало.

В настоящее время структура рецидивной преступности среди женщин имеет достаточно узкую специализацию и представлена преступлениями против собственности (51,1 %), жизни и здоровья (26,7 %) и здоровья населения и общественной нравственности (20 %). На иные преступления приходится 2,2 %.

В структуре женской рецидивной преступности традиционно преобладают преступления против собственности (51,1 %), среди которых наиболее распространенными явля-

ются кражи (20,6 %). Так, одна из осужденных женщин совершила хищение барсетки с деньгами из продуктовой тележки покупателя [27]. Например, 44-летняя рецидивистка, ранее трижды судимая, похищала сумки, деньги, телефоны, часы из шкафчиков клиентов в тренажерных залах, вскрывая дверцы при помощи столярной стамески.

Обращает на себя внимание достаточно высокий показатель участия женщин-рецидивисток в грабежах и разбойных нападениях (соответственно 11,7 и 9,4 %). Причем регистрация лиц, совершивших эти посягательства в последние годы, имеет тенденцию к росту. Общеизвестным является факт преимущественного совершения этих преступлений женщинами в группах с мужчинами в качестве пособниц. Так, Е. А. Заплатагина отмечала, что половина осужденных рецидивисток были вовлечены, по их словам, в преступную деятельность сожителем (35 %), сослуживцами (35 %), ранее знакомыми в местах лишения свободы или прежде судимыми (24 %) [26].

Можно выделить следующие основные причины рецидивной преступности среди женщин:

1. Личностные и психологические факторы:

– Низкий уровень социальной адаптации и ресоциализации после отбывания наказания [4].

– Наличие психических расстройств, зависимостей, агрессивности [2], [4].

– Неразвитые социальные навыки, низкая самооценка [1].

2. Социально-экономические факторы:

– Отсутствие постоянного места работы, финансовые трудности [3].

– Неблагоприятные жилищные условия, отсутствие поддержки социального окружения [1].

3. Семейно-бытовые факторы:

– Неблагополучная семейная ситуация, насилие в семье
– Неудовлетворенность семейными отношениями, конфликты.

Таким образом, причины рецидивной преступности среди женщин носят комплексный характер, включая личностные, социально-экономические и семейно-бытовые факторы, что требует системного подхода к их профилактике и коррекции.

На основе анализа литературы можно сформулировать следующую характеристику женщин, совершающих повторную преступность:

1. Личность женщины-преступницы имеет ряд криминологических особенностей. Для них характерны более высокий уровень агрессивности, эмоциональной неустойчивости, склонность к импульсивным действиям, низкий уровень самоконтроля.

2. Женщины, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, отличаются повышенной виктимностью, трудностями социальной адаптации после освобождения, склонностью к злоупотреблению алкоголем и наркотиками.

3. Рецидив женской преступности часто связан с неблагополучием в семье, низким уровнем образования, отсутствием постоянной работы, материальными трудностями, а также с психологическими особенностями личности (эмоциональная незрелость, конфликтность, агрессивность).

4. Психологические особенности женщин, совершающих повторные преступления, характеризуются повышенной тревожностью, неуверенностью в себе, низкой самооценкой, склонностью к депрессивным состояниям, трудностями в построении межличностных отношений.

Таким образом, женщины, совершающие повторные преступления, представляют собой особую криминологическую группу, требующую комплексного подхода в профилактике рецидивной преступности с учетом их личностных особенностей и социально-психологических факторов.

Вот некоторые рекомендации по предупреждению рецидивной женской преступности:

1. Обеспечить доступ к социальным услугам и программам реабилитации. Это может включать в себя психологическую поддержку, помощь в трудоустройстве, обучение профессиональным навыкам, а также программы по предотвращению домашнего насилия.

2. Развивать систему постпенитенциарного сопровождения. Важно оказывать помощь женщинам в период адаптации после освобождения из мест лишения свободы, чтобы облегчить их возвращение к нормальной жизни.

3. Внедрять гендерно-ориентированные подходы в работе с женской преступностью. Учитывать специфические потребности и проблемы женщин-правонарушителей при разработке программ профилактики и реабилитации.

4. Повышать уровень социальной поддержки и защиты уязвимых категорий женщин (одинокие матери, жертвы насилия, женщины с зависимостями и др.).

5. Проводить просветительскую работу в обществе, направленную на преодоление стигматизации и дискриминации женщин-правонарушителей.

6. Совершенствовать систему ранней профилактики женской преступности, в том числе путем выявления и устранения факторов, повышающих риск вовлечения женщин в противоправную деятельность.

Комплексное применение этих мер может способствовать снижению рецидивной женской преступности и успешной ресоциализации женщин, вставших на путь исправления.

Пристатейный библиографический список

1. Карпова О. В. Причины и условия рецидивной преступности женщин: особенности региональной характеристики // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 261-266. – EDN RXDGAZ.
2. Кошьева Д. А. Причины женской рецидивной преступности // Вестник магистратуры. – 2022. – № 5-3 (128). – С. 71-72. – EDN SHININ @@ Шеманюк М. С. Факторы, влияющие на рецидивную женскую преступность // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – DOI 10.23670/IRJ.2023.128.67. – EDN UFOTFT.
3. Чусова В. Б. Женская рецидивная преступность: причины и условия // Молодежная инициатива – 2020: Материалы Городской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 04 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2020. – С. 221-224. – EDN RLSTAS.
4. Шапкина К. В., Никодимов И. Ю. Причины женской рецидивной преступности // Студенческий форум. – 2020. – № 31-2(124). – С. 58-60. – EDN SYKLBU.

ТРОФИМЦЕВА Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры безопасности и информационных технологий, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ И УСТРОЙСТВ ДЛЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОМПЬЮТЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье проводится сравнительный анализ криминализации средств совершения киберпреступлений против объектов критической инфраструктуры, предусмотренных уголовным законодательством РФ, Дании, Италии, Нидерландов, Финляндии, в виде компьютерных программ, компьютерных данных, включая пароли, коды доступа, технические и другие средства для доступа в ИТ-системы объектов критической инфраструктуры, воздействия на функционирование объектов критической инфраструктуры, в том числе, на прерывание связи между ИТ-системами таких объектов. Предлагается дополнение частей 1-2 статьи 274.1 УК РФ путём расширения перечня средств доступа и воздействия на КИИ РФ, а также способов использования этих средств на основе зарубежных уголовных норм.

Ключевые слова: киберпреступления, критически важная инфраструктура, критическая информационная инфраструктура, компьютерная информация, преступления против функционирования компьютерных систем объектов критической инфраструктуры.

TROFIMTSEVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Security and information technologies sub-faculty, National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

FEATURES OF CRIMINALIZATION OF THE USE OF COMPUTER PROGRAMS AND DEVICES FOR ILLEGAL INFLUENCE ON COMPUTER INFORMATION AND COMPUTER SYSTEMS OF CRITICAL INFRASTRUCTURE FACILITIES IN THE NATIONAL LAW OF RUSSIA AND CERTAIN FOREIGN STATES

The article provides a comparative analysis of the criminalization of the means of committing cybercrimes against critical infrastructure facilities provided for by the criminal legislation of the Russian Federation, Denmark, Italy, the Netherlands, Finland, in the form of computer programs, computer data, including passwords, access codes, technical and other means for accessing the IT systems of critical infrastructure facilities, influencing the functioning of critical infrastructure facilities, including interrupting the connection between the IT systems of such facilities. It is proposed to supplement parts 1-2 of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by expanding the list of means of access and influence on the critical infrastructure of the Russian Federation, as well as methods of using these means based on foreign criminal norms.

Keywords: cybercrime, critical infrastructure, critical information infrastructure, computer information, crimes against the functioning of computer systems of critical infrastructure facilities.

Нарастающее использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях продолжает вызывать серьёзную обеспокоенность у государств и международных органов в связи с лавинообразным увеличением количества кибератак на компьютерные устройства как частных лиц, так и на сети национальных и международных критических инфраструктур. Эскалация подобной общественно опасной деятельности обусловлена не только увеличением материальной и нематериальной ценности компьютерной информации, относительно свободным распространением программ и устройств, предназначенных или возможных для адаптации в целях совершения несанкционированных деяний в киберсреде, но и, как отмечено Аргентиной в ответе на запрос Генсека ООН в 2019 г. в соответствии с резолюцией 73/187 Генеральной Ассамблеи «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», массовым использованием относительно недорогих «умных» устройств, предоставляющих доступ в Интернет, «не обеспечивая минимальный уровень безопасности» [1], а также негласным вовлечением в подобную деятельность злоумышленников, аффилированных с государственными структурами, что постепенно становится частью глобальной политики и ставит под угрозу национальные и межгосударственные критические инфраструктуры (далее – КИ).

Национальные стратегии, связанные с анализом рисков для КИ, к примеру, в Европе стали появляться с принятием Директивы ЕС 2008/114/ЕС от 08.12.2008 г. «Об идентификации и обозначении критически важных европейских инфраструктур и оценке необходимости улучшения их защиты» (ЕСИ), определившей КИ как «актив, систему или их часть, расположенные в государствах-членах» и необходимые «для поддержания жизненно важных общественных функций, здоровья, безопасности, защиты, экономического или соци-

ального благополучия людей, и нарушение или разрушение которых может иметь значительные последствия для государства-члена в результате неспособности поддерживать эти функции»¹, а на уровне национального уголовного права пошёл процесс криминализации опасных воздействий на критически важные объекты инфраструктуры (далее – КВОИ), анализ чего представляет интерес в целях модификации российского уголовного законодательства в сфере защиты КИИ от кибератак.

Из 27 членов ЕС 8 государств (Дания, Италия, Нидерланды, Польша, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция), не употребляя термин «критическая инфраструктура»², ввели в уголовные законы квалифицированные или дополнительные составы, криминализирующие кибератаки на ИТ-системы КВОИ, в том числе, на компьютерные данные в них. Такой подход к разработке уголовного законодательства по защите КВОИ Интерпол обозначил как косвенный, для которого характерна криминализация деяний против КВОИ с использованием «стандартных» уголовных преступлений, что, с одной стороны, создаёт преимущества в виде опоры на имеющиеся уголовные нормы, с которыми «более знакомы судьи этих государств», но с другой, по мнению экспертов Интерпола, это ведёт к отсутствию разграничения между критическими и некритическими активами (3.3, п. iii) [2] в национальном законодательстве. Однако анализ уголовных норм указанных го-

1 EU. Council Directive 2008/114/EC «On the identification and designation of European critical infrastructures and the assessment of the need to improve their protection» of 8 December 2008 (ECI) (has lost its force). – [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32008L0114> (date of the application: 21.07.2024).

2 Термин присутствует только в ст. 550 тер УК Бельгии.

сударств, запрещающих кибератаки на КВОИ, демонстрирует отсутствие указанного недостатка, т. к. они конкретизируют предметы посягательств – ИТ-системы КВОИ (единственно, в УК Швеции не разделяются кибератаки и физические воздействия на КВОИ: в ст. 4 Главы 13 УК Швеции деяние квалифицируется как диверсия³). Такая логика корреляции общественно опасных последствий указанных преступлений через конкретизацию перечня КВОИ, на функционирование которых посягает злоумышленник, что может нанести ущерб охраняемым законом общественным отношениям, социальным и индивидуальным ценностям и благам, несколько сходна с логикой законодательства РФ по криминализации кибератак на критическую информационную инфраструктуру.

Следует отметить, что, поскольку на момент начала криминализации кибератак на КВОИ государства ЕС, как правило, ратифицировали Будапештскую конвенцию по киберпреступности (ETS No 185, 2001 г.) и стали гармонизировать национальные уголовные законодательства, предмет воздействия кибератак был определен либо как информационные / телекоммуникационные системы, их функционирование, включая обмен данными и связь между ними (Бельгия, Дания, Нидерланды, Франция), либо как и информационные / телекоммуникационные системы, и обрабатываемые ими данные (Италия, Польша, ФРГ, Финляндия), а не только как в ст. 274.1 УК РФ «охраняемая компьютерная информация» КИИ⁴ (вследствие чего квалификация некоторых видов кибератак на КИИ, например, DDoS-атак, как преступлений становится затруднительной).

Поскольку выделение конкретных видов киберпреступлений в УК европейских государств в целом соответствует рекомендациям ETS No 185, то, кроме криминализации неправомерного доступа к ИТ-системе или её части⁵, неправомерного воздействия на данные ИТ-систем⁶, неправомерного перехвата данных, передаваемых между ИТ-системами, в уголовных законах большинства европейских государств криминализовано и противозаконное использование (производство, продажа, приобретение, импорт, иные формы владения и предоставления в пользование) технических устройств, компьютерных программ, разработанных или адаптированных для совершения любых киберпреступлений, а также кодов, паролей, иных данных для противозаконного доступа к компьютерной системе или её части (ст. 6 ETS No 185) с указанием обстоятельств, исключающих преступность деяния в виде разрешённых испытаний или защиты компьютерной системы⁷, которые можно рассматривать как средство (орудие) совершения любого киберпреступления, в т. ч., в отношении КВОИ.

Если обратиться к уголовным законам государств-членов ЕС, то дополнительные или квалифицированные составы по криминализации средств (орудий) совершения киберпреступления именно против КВОИ, кроме Бельгии, присутствуют только в УК Италии, Нидерландов, Финляндии, Дании, что свидетельствует о недостаточно быстром процессе уголовно-правовой защиты КИ в государствах ЕС. При этом использование кодов доступа к ИТ-системе или телекоммуникационной системе (далее – ТК-система) КВОИ запрещено в УК всех четырёх государств (ст. 615 quart УК Италии⁸, ч. 2 ст. 161 sex УК Нидерландов⁹, ч. 3 Раздела 6 Главы 38 УК Финляндии¹⁰, § 263a

УК Дании)¹¹, паролей или аналогичных данных («другой информации») – теми же нормами УК Нидерландов и Финляндии, а также компьютерных программ (ч. 3 Раздела 6 Главы 38 УК Финляндии). Та же норма УК Финляндии криминализовала ещё и использование «программных инструкций»¹², что не характерно не только для членов ЕС, но и для ратификантов Будапештской конвенции, и может представлять интерес для модификации ст. 274.1 УК РФ. Кроме того, в указанных нормах УК Италии и Нидерландов криминализовано использование оборудования или технических устройств для совершения данного преступления, а также «других средств доступа» (УК Италии, Дании) и систем декодирования, включая сдачу в аренду и рекламу (Раздел 8b Главы 38 УК Финляндии)¹³.

Из указанного перечня в РФ криминализовано применение только вредоносных программ или компьютерных данных или программ, исключительно заведомо предназначенных для неправомерного воздействия (ч. 1 ст. 274.1) или используемых при неправомерном доступе к компьютерной информации в КИИ (ч. 2 ст. 274.1)¹⁴, но не технических устройств, что можно считать недоразумением УК РФ, а коды доступа и пароли можно рассматривать как часть объёма «иной компьютерной информации»¹⁵. Перечень же вариантов использования средств совершения кибератак на КВОИ в уголовных законах указанных государств шире. И, если в ч. 2 ст. 274.1 УК РФ результат использования – причинение вреда КИИ РФ, то в Разделе 7 Главы 38 УК Финляндии – повреждение ИТ-системы, ставящее под угрозу КВОИ, вызванное сбоем (нарушением, прекращением) работы ИТ-системы КВОИ (Разделы 7, 7b Главы 38 Финляндии¹⁶, §193 УК Дании¹⁷), а также, как в ст. 617 quint УК Италии, перехватом, предотвращением или прерыванием сообщения, передаваемого и принимаемого ИТ-системами или ТК-системами КВОИ¹⁸.

Таким образом, очевидно, что объективная сторона чч. 1-2 ст. 274.1 УК РФ далеко неполностью охватывает общественно опасные деяния, наносящие вред КИИ РФ, в связи с чем предлагается криминализовать использование (включая производство, продажу, приобретение, импорт, рекламу иные формы владения и предоставления в пользование) паролей, кодов доступа, технических и иных устройств и средств, предназначенных или адаптированных для совершения киберпреступления против объектов КИИ РФ.

Пристатейный библиографический список

1. ООН. Доклад Генерального секретаря «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» 74-й сессии Генассамблеи, 30.07.2019 г. // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v19/081/84/pdf/v1908184.pdf?token=BUS806FEBw26O67BtZ&fe=true> (дата обращения: 13.06.2024).
2. ООН. КТУ, ИДКТК, Интерпол: Защита критически важных объектов инфраструктуры от террористических атак: Сборник передового опыта, 2018 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/securitycouncil-ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2021/Jan/compendium_of_good_practices_ru.pdf (дата обращения: 31.07.2024).

3 Sverige. Straffbalken, 1962. Åtkomstläge: [Electronic resource]. – Access mode: https://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700 (datum för åtkomst: 19.07.2024).

4 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». –

5 В УК РФ – к охраняемой законом информации КИИ.

6 В УК РФ не криминализовано непосредственно само воздействие на цифровые данные КИИ: по смыслу ч. 1 (использование компьютерных программ / данных), чч. 2-3 (причинение вреда КИИ) ст. 274.1 оно может быть указано следствием и судом как дополнительные квалифицирующие признаки.

7 Convention Committee on Cybercrime ETS No 185, Budapest, 23/11/2001. –

8 Italia. Codice criminale, 1930. Modalità di accesso: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.gazzettaufficiale.it/sommario/codici/codicePenale> (data della domanda: 20/07/2024).

9 Nederland. Wetboek van Strafrecht, 1881. Toegangsmodus: [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.wetboek-online.nl/wet/Sr.html> (datum van toegang: 14.07.2024).

10 Suomi. Rikoslaki, 1889. –

11 Danmark: Straffeloven, 1997. – Adgangstilstand: [Electronic resource]. – Access mode: <https://dansklovede.dk/straffeloven> (adgangsdato: 09.07.2024).

12 Suomi. Rikoslaki, 1889.

13 Suomi. Rikoslaki, 1889.

14 «Заведомая» предназначённость компьютерных программ (данных) исключает из квалификации по чч. 1-2 ст. 274.1 любые другие программы, предназначенные (а, тем более, адаптированные) для воздействия на любые компьютерные системы, что вызывает недоумение по причине сходства программных оболочек, созданных на аналогичной платформе.

15 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

16 Suomi. Rikoslaki, 1889.

17 Danmark: Straffeloven, 1997.

18 Italia. Codice criminale, 1930.

ШЕРСТЯНЫХ Александра Сергеевна

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

МОШЕННИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Популярность социальных сетей связана с высокой потребностью людей в общении, что привело к огромной популярности некоторых платформ. Социальные сети предлагают множество возможностей для общения, саморазвития и ведения бизнеса, но могут оказывать вред как на отдельных людей, так и на общество в целом. Они могут служить платформой для мошенничества, преступной деятельности и пропаганды экстремизма. Влияние социальных сетей на общество разнообразно и зависит от индивидуальных характеристик каждого человека. Поэтому важно разумно использовать социальные сети, чтобы получить максимальную пользу и минимизировать негативные последствия.

Автор анализирует основные виды мошенничества в интернете и предлагает рекомендации по защите пользователей от такого рода обмана.

Ключевые слова: социальная инженерия, информационная безопасность, методы предотвращения, защита информации, угрозы в сети.

SHERSTYANYKH Alexandra Sergeevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Information and legal disciplines and special technique sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

SOCIAL MEDIA FRAUD

The popularity of social media is due to the high need for people to socialize, which has led to the immense popularity of some platforms. Social media offer many opportunities for communication, self-development and business, but can be harmful to both individuals and society as a whole. They can serve as a platform for fraud, criminal activity and the promotion of extremism. The impact of social media on society is varied and depends on the individual characteristics of each person. Therefore, it is important to use social media wisely to maximize the benefits and minimize the negative effects.

The author analyzes the main types of fraud on the Internet and offers recommendations to protect users from this type of deception.

Keywords: social engineering, information security, prevention methods, information protection, threats on the network.

Шерстяных А. С.

Потребность открыто выражать свои мысли, обмена информацией и взаимодействия между собой была присуща людям всегда. При раскопке домов Помпеи ученые обнаружили, что стены домов богатых людей испещрены надписями (было обнаружено более 11000 образцов граффити [1]). Здесь и предвыборные рекламные кампании, и литературные цитаты, и приветствия друзьям. Можно встретить записи денежных сумм (возможно, взятых в долг) и любовная переписка и много, много другое. Причем сделать надпись на стене мог любой житель города – от рабов до знатных вельмож (при условии, что он владел грамотой). Ученые единогласно видят в этом аналогию записям на стене в социальных сетях.

Современные социальные сети строятся на другом, более технологичном фундаменте, но имеют то же назначение, что 2 тысячи лет назад.

Прежде всего социальные сети служат для создания и поддержания связи между людьми: друзьями, родственниками, коллегами, сообществами по интересам и т.д. Благодаря интернету и мобильным устройствам, мы можем отправлять друг другу сообщения, фотографии и видеоматериалы практически мгновенно. Это помогает экономить наше время и делает нас ближе к тем, кого мы давно не видели (особенно если они находятся далеко от нас).

Более того, социальные сети позволяют человеку открыто заявить о себе, о своих мыслях, идеях, увлечениях и т.д. на достаточно большую аудиторию. Все это дает человеку уни-

кальную возможность раскрыть свои таланты и найти новые возможности для себя.

Все вышеперечисленное делает социальные сети привлекательным не только для рядовых пользователей, но и для коммерческих компаний, политических партий и общественных организаций. Они позволяют пользователям публиковать информацию, оперативно собирать отзывы и организовать обмен мнениями по тому или иному вопросу. Для коммерческих организаций социальные сети привлекательны возможностью оперативного распространения информации о новинках и акциях, получения отзывов о товарах или услугах. Для рядовых покупателей все это делает процесс выбора того или иного товара более удобным и информативным.

О том, насколько популярны социальные сети в наше время, говорят цифры: согласно ежегодному отчету DataReportal¹ об использовании цифрового пространства в Российской Федерации в начале 2024 года из 130,4 млн зарегистрированных пользователей Интернета 106 млн (73,5%) являются пользователями социальных сетей [2].

При всем огромном положительном значении, которое приобретают социальные сети для человечества, есть и нега-

1 DataReportal – компания, которая предоставляет статистику и аналитику о цифровом пространстве, которое используется компаниями для продвижения своих товаров и услуг в интернете. во всем мире.

тивные моменты [3]. Это, во-первых, риск возникновения зависимости. И причин тут несколько:

- позитивные эмоции, которые мы испытываем всякий раз, когда видим похвальный отзыв под своим сообщением (фотографией, видеороликом и пр.), что раздражает центры удовольствия в головном мозге. Эти эмоции хочется испытывать еще и еще, поэтому мы лишним раз заходим в сеть, чтобы посмотреть, не появилось ли новых комментариев, или прочитать особо понравившиеся еще раз, и конечно же создаем новые сообщения;

- серфинг по новостным лентам в соцсетях приучает мозг к постоянной обработке большого количества разнообразной информации. И если вдруг человек по каким-либо причинам оказывается вне этого информационного потока, то ему, как минимум становится неуютно, ведь мозг начинает генерировать беспокойные сигналы, побуждая человека вернуться к привычному образу мыслей.

Следствием всего этого является снижение концентрации внимания. Поэтому человеку, проводящему долгое время в социальных сетях, становится сложно сосредоточиться на чем-то одном, человек быстро устает и ему хочется переключиться на что-то другое (от чтения, размышления на просмотр фото, видео и пр.).

Во-вторых, социальные сети представляют собой весьма удобную площадку для распространения ложной информации, манипуляций и проявлений ненависти. Для этого достаточно часто создаются фейковые аккаунты – это учетные записи, созданные под именем других пользователей. Они могут использоваться для распространения дезинформации, создания иллюзии широкой общественной поддержки определенных идей или персон. Такие аккаунты часто маскируются под настоящих пользователей, используя их имена, фотографии и другие личные данные. Они также могут быть связаны с политическими деятелями или известными личностями, стремясь оказать влияние на общественное мнение или дискредитировать конкурентов.

Кроме того, фейковые аккаунты используются злоумышленниками для проведения мошеннических операций (например, для получения личной информации). Сегодня часто встречаются предложения пройти платные опросы, после которых требуется оставить данные банковской карты для оплаты небольшой комиссии за получение вознаграждения. Такие предложения обычно являются мошенничеством. Даже если они проходят модерацию в социальных сетях, стоит относиться к ним скептически. Если вы видите подобные рекламные объявления, сообщите о них, чтобы защитить других пользователей.

Еще один способ получения персональных данных пользователей – это фишинг. Мошенники маскируются под законные учреждения или личности [4]. Обычно это делается через электронную почту, текстовые сообщения или фальшивые веб-сайты, которые на первый взгляд кажутся настоящими. Для успешной атаки мошенникам нужно так составить сообщение, чтобы жертва обязательно заинтересовалась и его открыла. Для этого перед началом атаки ими проводится тщательная подготовка: из открытых источников собирается и проверяется информация о человеке (ФИО, сведения о семье, работе, увлечениях, интересах, покупках на маркетплейсах и пр.). В сообщении злоумышленники просят жертву открыть прилагаемый файл или перейти на страницу в интернете, угрожая возможным возникновением каких-нибудь проблем. Если пользователь перейдет по ссылке и введет там данные, то

они попадут к мошенникам. Вложенный файл может содержать вредоносное программное обеспечение, которое установится при открытии. Эти вирусы могут выполнять различные функции, включая кражу личной информации, шифрование данных, использование устройства для майнинга криптовалют или рассылки спама.

В настоящее время участились случаи шантажа с помощью поддельных изображений порнографического характера, созданные с помощью сервисов на основе искусственного интеллекта (так называемые дипфейки), например ClothOff. С помощью инструментария из фото человека (ради забавы, травли или шантажа) создается изображение порнографического характера, очень похожее на реальное. В Сан-Франциско [5] летом этого года подан иск в отношении 16 подобных сервисов, позволяющих создавать поддельные порнографические изображения, без согласия лиц, изображенных на загружаемых фотографиях. В первом полугодии 2024 года сайты, указанные в иске, посетили более 200 млн. раз.

Особую опасность представляют мошеннические действия для подростков, которые еще не имеют жизненного опыта и не способны критически относиться к получаемой информации, например, на тему как быстро заработать. В сети распространились случаи мошенничества на основе детских игр. Ребятам предлагается перейти по ссылке для просмотра роликов о новых возможностях игры на стороннем ресурсе, внешне маскирующемся под реальные популярные сервисы YouTube и пр. [6]. В видео объясняется как можно заработать в игре (покупая или продавая игровые предметы), со ссылками на Telegram-бот некоей криптовалютной биржи. В результате взаимодействия с ботом (переведя некоторую сумму денег на криптокошелек этой биржи), даже несовершеннолетний может получать доход от перепродажи валюты. Вроде как Telegram-бот изучает курс валюты, и выигрывает на торгах в пользу владельца кошелька. На самом деле деньги получали мошенники.

Еще одной из популярных схем обмана детей в он-лайн играх является просьба предоставить фото обеих сторон банковской карты родителей (или другую конфиденциальную информацию) в обмен на игровые привилегии (бонусы, донаты, артефакты, снаряжение персонажа и т.д.).

Популярным примером обмана подростков в последнее время являются действия мошенников, которые под видом предложения подработки пытаются замаскировать нелегальные схемы по выводу средств с банковских карт. Злоумышленники используют карты подростков для проведения мошеннических операций. В результате дети становятся дропперами — лицами, которые выступают посредниками в этой незаконной деятельности. Следует отметить, что такие действия могут повлечь за собой уголовную ответственность. Мошенники часто общаются с детьми от лица знаменитости, родственника или друга.

Все угрозы можно разделить на два основных типа:

- меркантильное мошенничество, целью которого является получение выгоды;
- распространение информации, не предназначенной для детей, включая политические манифесты, жестокость и насилие, заведомо ложные сведения и призывы, провокации и попытки манипуляции.

В то время как взрослые люди часто обладают базовыми навыками фильтрации такой информации, дети, в силу своей впечатлительности, становятся мишенью для злоумышленников.

Злоумышленники изобрели новую схему мошенничества, основанную на использовании «кружочков» с видеоконтентом в мессенджере Telegram [7]², которыми пользователи обмениваются в режиме реального времени. Этот метод может получить широкое распространение, поскольку создать правдоподобную поддельную запись с помощью технологии дипфейка может практически любой человек.

По данным экспертов по кибербезопасности, число случаев мошенничества с использованием дипфейков продолжает расти. Нейросети позволяют изменять голос и внешность на аудио- и видеосообщениях, причем изменения трудно отличить от оригинала. Последняя схема мошенничества заключается в отправке «кружочка», записанного видео в момент отправки. Он выглядит убедительно, так как мошенникам не требуются специальные навыки в области нейросетей. Есть множество программ, автоматически создающих дипфейки с различными настройками и постобработкой. Пользователь просто отправляет видео специальному боту, который затем пересылает «кружочек» злоумышленникам, скрывая имя отправителя через встроенную функцию Telegram.

Распознавание фейковых аккаунтов в социальных сетях требует внимательности и анализа поведения пользователей. Самое простое, что может сделать пользователь, это проверить имя и фотографию (многие фейковые аккаунты используют фотографии известных личностей или привлекательных моделей). Проверьте, соответствует ли фотография имени пользователя. Обратите внимание на активность (обычно фейковые профили имеют очень мало друзей и подписчиков, и их активность крайне низкая). В случае подозрений на фейковый аккаунт, обратитесь в службу поддержки социальной платформы. Они смогут проверить профиль и принять меры при необходимости.

В случае, если вы подозреваете, что присланное видео может быть поддельным, советуем обратить внимание на наличие искажений, размытостей и прерываний в записи — это может быть результатом использования технологий deepfake. Также на поддельном видео часто встречаются заветы и слишком идеальная кожа. Оттенок кожи лица может отличаться от цвета шеи, а губы собеседника могут двигаться неестественно. Кроме того, люди на таких видео редко моргают.

В заключение, важно отметить, что социальные сети оказывают значительное влияние на нашу жизнь и на общество в целом. Они открывают перед нами новые горизонты в области коммуникации, самовыражения и потребительского опыта, однако их использование также требует ответственного подхода и осознанности.

Однако, наряду с положительными аспектами, социальные сети также обладают и темными сторонами. Чтобы минимизировать негативные последствия их использования, необходимо уделять им более пристальное внимание. Только так мы сможем создать безопасное и конструктивное онлайн-пространство для всех пользователей.

Пристатейный библиографический список

1. Pappas, S. Pompeii "Wall Posts" Reveal Ancient Social Networks / Stephanie Pappas // *Livescience Scientific American* January. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scientificamerican.com/article/pompeii-wall-posts-show> (дата обращения: 02.04.2024).
2. Цифровые технологии 2024: Российская Федерация: отчет // datareportal.com – официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation> (дата обращения: 20.09.2024).
3. Абдуллаева Р. А. Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества / Р.А. Абдуллаева // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – № 9-3. – С. 542-546. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24058087> (дата обращения: 02.09.2024).
4. Прохоров А. И., Маркин Е. А., Никеева У. Г. Фишинг-атаки: основные виды и способы защиты от них // *Информационные системы, экономика и управление: Ученые записки*. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2023. – С. 84-90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56139614>. (дата обращения: 02.08.2024).
5. Подан первый иск против сайтов с дипфейк-порно : статья \ \ roskomsvoboda.org: новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskomsvoboda.org/ru/post/isk-protiv-porno-dipfejkov>. (дата обращения: 06.09.2024).
6. Игры не по правилам: какие интернет-ловушки для детей самые опасные: статья // *Известия: новостной сайт*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1686612/dmitrii-alekseev/igry-ne-po-pravilam-kakie-internet-lovushki-dlia-detei-samy-opasnye> (дата обращения: 10.09.2024).
7. Фролова М. Под видео друга: мошенники стали подделывать «кружочки» в Telegram // *Известия: новостной сайт*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1661846/maria-frolova/pod-video-druga-moshenniki-stali-poddelyvat-kruzhochki-v-telegram> (дата обращения: 25.09.2024).

² Фролова М. Под видео друга: мошенники стали подделывать «кружочки» в Telegram \ *Известия: новостной сайт*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1661846/maria-frolova/pod-video-druga-moshenniki-stali-poddelyvat-kruzhochki-v-telegram>.

БОГАЧЕВА Мария Валерьевна

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

В статье анализируются понятия деятельность человека и деятельность организации. Указывается, что для такого масштабного министерства как МВД России, информационная деятельность не является основной, однако без ее осуществления функционирование ведомства невозможно. Рассматриваются законодательные и нормативные правовые акты, в которых определяются основные направления информационной деятельности МВД России. Отмечается, что статья 29 Конституции РФ и положения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» позволяют установить то, какие способы работы с информацией могут относиться к информационной деятельности. Также указывается, что для определения того, какие направления обработки информации относятся к информационной деятельности, можно опираться на положения Федерального закона «О персональных данных». Делается вывод, что к информационной деятельности МВД России относится не только обеспечение подразделений необходимой информацией, но и организация информационного взаимодействия.

Ключевые слова: информационная деятельность МВД России, информационное обеспечение деятельности ОВД, система информационного обеспечения деятельности МВД России, информационные ресурсы.

BOGACHEVA Mariya Valerjevna

senior lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty, I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF INFORMATION ACTIVITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article analyzes the concepts of human activity and organization activity. It is indicated that for such large-scale ministries as the Ministry of Internal Affairs of Russia, information activity is not the main one, but without its implementation, the functioning of the department is impossible. Legislative and regulatory legal acts are considered, which define the main directions of information activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is noted that Article 29 of the Constitution of the Russian Federation and the provisions of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" allow us to establish which ways of working with information can relate to information activities. It is also indicated that in order to determine which areas of information processing relate to information activities, it is possible to rely on the provisions of the Federal Law "On Personal Data". It is concluded that the information activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia include not only providing departments with the necessary information, but also organizing information interaction.

Keywords: information activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia, information support for the activities of the Department of Internal Affairs, information support system for the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, information resources.

В современном обществе значительную роль в деятельности любого органа государственной власти играет информационная составляющая. В зависимости от направления функционирования и особенностей деятельности, информационная составляющая может являться основным или одним из основных видов деятельности государственного органа, организации или ведомства. В министерствах и ведомствах, непосредственно осуществляющих деятельность в информационной сфере, например, как Роскомнадзор¹ или Минцифры², большая часть деятельности имеет информационный характер.

Однако в крупных министерствах таких, как МВД России, с их десятками функций и задач, преимущественно по обеспечению законности и правопорядка, многогранностью работы по борьбе с преступностью, информационная деятельность не является основной. При этом информационная деятельность органов внутренних дел играет важнейшую роль в обеспечении всех остальных видов деятельности,

функционировании министерства в целом и взаимодействии МВД России с другими государственными органами, организациями и населением.

Для анализа понятия «информационная деятельность» необходимо рассмотреть термины «деятельность» и «информационная» отдельно.

В соответствии с Большой российской энциклопедией «деятельность – это форма активности человека, идеальное и предметно-практическое взаимодействие индивида с миром»³.

Деятельность человека с философской и психологической точки зрения также обозначают, как сознательную активность человека или способ взаимодействия с окружающим миром, который характерен только для человека. Деятельность фактически приравнивается к определенной совокупности действий, которые человек осуществляет сознательно в процессе выполнения определенных задач. Отсюда возникают такие виды деятельности, как управленческая, предпринимательская, учебная, научная, физическая и т.д.

Говоря о деятельности органов внутренних дел, необходимо отметить что она является деятельностью не человека, а организации. Деятельность юридического лица, компании, фирмы – это совокупность тех действий или операций, которые оно осуществляет самостоятельно. В случае с госу-

1 Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») // Российская газета. – № 49. – 24.03.2009.

2 Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 09.06.2008. – № 23. – Ст. 2708.

3 Большая российская энциклопедия – электронная версия. 2004–2017 годы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1950926> (дата обращения: 08.07.2024).

дарственной организацией она не может самостоятельно определять направления своей деятельности и осуществляет функции и полномочия, предписанные вышестоящей организацией и указанные в учредительных документах. Виды и направления деятельности прямо вытекают из функций и полномочий государственного органа или организации.

В соответствии с пунктом 5 Положения «О Министерстве внутренних дел Российской Федерации»⁴ МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через органы внутренних дел. При этом деятельность министерства должна проходить во взаимодействии с другими государственными деятелями, быть открытой и публичной.

Направления деятельности МВД России предписаны как Положением, так и другими законодательными и нормативными правовыми актами, основным из которых является Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»⁵.

Учитывая многообразность функций и задач, свойственных МВД России, для их реализации в министерстве в целом, и в органах внутренних дел, в частности, применяются различные формы деятельности. Обычно к основным формам деятельности государственных органов и организаций относятся правотворческую, правоприменительную, правоохранительную, учредительную и контрольно-надзорную деятельность. Можно также выделить управленческую, финансовую, мобилизационную и другие виды деятельности.

Необходимо отметить, что информационная деятельность является обязательной на современном этапе для всех организаций вне зависимости от их юридического статуса. Без работы с информацией нет возможности организовать деятельность любой организации, государственного или муниципального органа власти. От ведения кадрового учета своих сотрудников и до создания специализированных информационных систем для взаимодействия с организациями и населением.

Для определения того, какие виды работ относятся к информационной деятельности, считаем целесообразным опереться на понятия, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах. Так часть 4 статьи 29 Основного Закона определила, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»⁶. Таким образом любой поиск, получение, передача, производство и распространение информации можно отнести к информационной деятельности.

Анализ отдельных положений базового для рассматриваемой сферы Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ показывает, что он относит к информационной деятельности все вышеперечисленные способы работы с информацией. Под информационной деятельностью Закон понимает получение информации, в том числе от государственных органов (часть 3 статьи 8), обеспечение доступа к информации (часть 5 статьи 8), обеспечение конфиденциальности информации (статья 9), распространение и предоставление

информации (статья 10), документирование информации (статья 11), обмен информацией в форме электронных документов при осуществлении полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления (статья 11.1), выполнение обязанностей оператора информационной системы (статья 13) или государственной информационной системы (статья 14) и другие. Отдельно необходимо выделить обязанность государственных органов не только участвовать в разработке и реализации целевых программ применения информационных технологий, но и создавать информационные системы для взаимодействия с населением (часть 2 статьи 12).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в части 3 статьи 3 под обработкой персональных данных понимает их сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление и уничтожение⁸. Поскольку значительная часть информации в органах внутренних дел относится к персональным данным, можно в рассмотрении понятия «информационная деятельность» также опираться на подход, указанный в Законе.

В этой связи информационной деятельностью МВД России является не только обеспечение отдельных подразделений необходимой информацией, но и организация информационного взаимодействия с другими государственными органами, организациями и гражданами.

Для расшифровки понятия «информационная деятельность» использовались различные дефиниции. Например, активно применяется термин «информационное обеспечение» под которым понимается совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения [1]. Также применяются более узкие термины «информационное обеспечение ОВД» [2], «информационно-коммуникационное обеспечение ОВД» [3], «информационно-аналитическая работа ОВД» [4], «информационно-аналитический поиск» [5], «информационно-аналитическая деятельность» [6], [7], «единое информационное пространство МВД России» [8] и другие.

Необходимо отметить, что информационная деятельность министерства в целом и органов внутренних дел, в частности, значительно шире, чем информационно-аналитическая или информационно-поисковая деятельность. Обычное обеспечение информационной деятельности отдельных подразделений органов внутренних дел или отдельных направлений, не включает в себя электронный документооборот, как внутри министерства, так и в системе государственного управления. Также в обеспечение информацией не входят вопросы взаимодействия с населением, создания и ведения информационных систем персональных данных, включающих информацию о сотрудниках и работниках министерства. Указанные системы создаются и эксплуатируются в бухгалтерских, пенсионных, кадровых, тыловых, воспитательных, психологических и иных целях. Кроме того, к информационной деятельности относятся ведение архивов, обеспечение защиты информации на всех этапах ее обработки, обучение сотрудников и работников с использованием информационных систем и сред.

В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на виды информационной деятельности полиции, закрепленные в Федеральном законе «О полиции». В частности к информационной деятельности полиции относятся обеспечение населения и общества достоверной информацией (статья 8), использование современных технологий и информационных систем в своей работе (статья 11), предоставление информации по различным основаниям (п. 24, 31, 39, 40 части 1 статьи 12), получение необходимой информации (п. 4, 10, 17, 32, 33 части 1 статьи 13), размещение информации в СМИ (п. 35 части 1 статьи 13), формирование и ведение банков данных о гражданах (статья 17), защита информации, в том числе содержащейся в банках данных (часть 4 статьи 17), предоставление информации из банков данных госу-

4 Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2016.

5 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – № 28. – 10.02.2011.

6 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

7 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> - 12.12.2023.

8 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> - 06.02.2023.

дарственным органам и должностным лицам, в том числе иностранным (части 5-5.4 статьи 17), предоставление информации из банков данных гражданам и работа с их персональными данными (части 6-8 статьи 17).

При этом Федеральный закон «О полиции» не охватывает всей информационной деятельности министерства, поскольку он не регулирует вопросы кадровой, финансовой, управленческой, правотворческой и других направлений работы МВД России. Частично указанные вопросы перечислены в пункте 11 Положения «О Министерстве внутренних дел Российской Федерации», которым утверждены полномочия министерства. Однако, определение информационной деятельности не закреплено ни в одном законодательном или нормативном акте.

Большую популярность при описании информационной деятельности министерства получил термин «информационное обеспечение деятельности ОВД». Считаем, что данный термин не полностью отражает комплексный характер информационной составляющей работы министерства. Действительно для большей части видов деятельности информационная составляющая является преимущественно обеспечивающей и помогает ее реализации. Так, для организации информационной деятельности в министерстве созданы информационные системы, в том числе информационные системы персональных данных, которые обеспечивают сбор, обработку, хранение и последующее использование необходимой информации.

Необходимо отметить, что информационная деятельность МВД России реализуется не самостоятельно, а с помощью системы информационного обеспечения министерства. Несмотря на то, что «информационная деятельность» МВД России является более объемным понятием, чем «информационное обеспечение», система исторически получила именно такое определение. Оно активно используется в научной литературе и нормативных правовых актах.

Система информационного обеспечения деятельности министерства состоит, как из собственных информационных систем, так и из информационных систем, принадлежащих другим субъектам. К ним относятся, например, портал Госуслуги, системы межведомственного электронного взаимодействия и межведомственного электронного документооборота, система Интерпола и другие информационные системы.

Также составными элементами системы информационного обеспечения деятельности ОВД являются информационно-телекоммуникационная инфраструктура и системы связи министерства, различные вспомогательные технические, правовые и организационные средства. Кроме того, неотъемлемыми составляющими системы информационного обеспечения деятельности МВД России являются накопленные информационные ресурсы министерства и банки данных различной информации. Большая часть вышеперечисленного объединена в рамках единого информационного пространства министерства, однако работа по интеграции всех информационных составляющих пока не закончена. Управленческие и организационные усилия по унификации и объединению различных информационных объектов в министерстве, имеющих разную природу и порядок функционирования, также являются информационной деятельностью МВД России.

Подводя итог всему вышесказанному можно сформулировать следующее определение:

Информационная деятельность МВД России (информационное обеспечение деятельности) – это деятельность системы управления МВД России, направленная на выполнение информационных задач и функций органов и организаций министерства для реализации всех возложенных на них полномочий.

При этом необходимо упомянуть, что осуществление большей части информационной деятельности является невозможным без использования информационных технологий. Посредством информационных технологий осуществляется связь и передача информации, хранение данных, поиск в базах и банках данных, проведение экспертиз, контроль и управление дорожным движением и т.д.

В этой связи важнейшее значение имеют вопросы административно-правового регулирования информационной деятельности МВД России, которые должны включать не только текущее управление, но и перспективное планирование. Выполнение задач, поставленных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на

2017 – 2030 годы⁹ и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации¹⁰, в том числе в рамках Федеральной целевой программы «Цифровая экономика» позволяет кардинально улучшить качество осуществления информационной деятельности министерства. Частью административно-правового регулирования информационной деятельности МВД России и совершенствования системы информационного обеспечения деятельности министерства является разработка ведомственных концептуальных документов. К ним в частности относятся Концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года [10], Распоряжение МВД России от 25 января 2024 г. № 1/724 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2024 год и плановый период 2025 – 2026 годов», Основные направления дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на период с 2020 по 2024 год и другие.

Обеспечение информационной деятельности МВД России не только с технической, но и с правовой точки зрения является гарантией комплексного развития информационной деятельности МВД России и обеспечения качественного улучшения работы всего министерства.

Пристатейный библиографический список

1. Лаврик О. Л., Калюжная Т. А. Содержание понятий «информационное обеспечение», «информационное сопровождение», «поддержка научных исследований» как этапы информационного обслуживания ученых // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 40. – С. 305-319.
2. Пашнин А. В. Информационное обеспечение Министерства внутренних дел Российской Федерации: характеристика и особенности // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 3. – С. 79-82.
3. Макорин А. А., Зеленов С. А. Вопросы организации информационного обеспечения. Эффективность работы в рамках программы ЕИТКС и дальнейшее формирование Концепции информационного обеспечения органов внутренних дел // Научный портал МВД России. – 2013. – № 4. – С. 116-120.
4. Новичкова Е. Е., Сорока В. Г. Аналитическая работа в органах внутренних дел и пути ее совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 2 (21). – С. 11-15.
5. Музеев А. И. О мерах по совершенствованию аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (25). – С. 99-101.
6. Колесников В. А. Информационно-аналитическое обеспечение процесса управления в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 1 (79). – С. 102-106.
7. Первухин А. С. Административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности в системе МВД России: диссертация канд. юрид. наук. – М., 2014. – 150 с.
8. Прокопенко А. Н. Концептуальные пространства МВД России // Общество и право. – 2010. – № 2. – С. 284-287.
9. Павличенко Н. В., Княжев В. Б. О научно-технической политике МВД России // Стратегическое развитие системы МВД России: Состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. – 2019. – С. 183-189.

9 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 15.05.2017. – № 20. – Ст. 2901.

10 Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.12.2016. – № 50. – Ст. 7074.

РЕМИЗОВА Лейла Сарваровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы, Академия ФСИН России

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности надзорного ведомства. Большое внимание уделено не только надзору за соблюдением законности, но и активной защите прав граждан и организаций. Затрагиваются направления работы за соблюдением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания. Автор уделяет внимание тому, что органы прокуратуры обладают широким спектром возможностей в области правозащиты, приводится статистическая информация. Это позволяет оценить эффективность их деятельности и выявить проблемные области, требующие дальнейшего улучшения.

Ключевые слова: надзорная деятельность, сотрудник, прокурор, меры реагирования, защита прав.

REMIZOVA Leila Sarvarovna

Ph.D. in Law, associate professor of Management and organization of UIS activities sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

ON THE QUESTION OF ORGANIZING HUMAN RIGHTS PROTECTION ACTIVITIES OF SUPERVISORY BODIES, INCLUDING IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article examines some aspects of the supervisory authority's activities. Much attention is paid not only to supervision of compliance with the law, but also to active protection of the rights of citizens and organizations. The areas of work on compliance with the rights of persons held in places of forced detention are touched upon. The author pays attention to the fact that the prosecutor's office has a wide range of capabilities in the field of human rights protection, and statistical information is provided. This allows us to evaluate the effectiveness of their activities and identify problem areas that require further improvement.

Keywords: supervisory activity, employee, prosecutor, response measures, protection of rights.

В условиях современного общества, где права человека становятся все более значимой ценностью, правозащитная роль прокуратуры возрастает с каждым днем.

Важным элементом защитной функции прокуратуры является контроль за сохранением прав и свобод человека, включая рассмотрение жалоб и обращений, а также проверку законности актов и действий государственных органов и многое другое.

Орган прокуратуры, как центральный элемент системы государственного надзора, имеет возможность применять широкий спектр мер реагирования, направленных на обеспечение правопорядка и правозащиты.

Прокуратура, обладая правом инициировать проверочные мероприятия с привлечением специалистов в разных областях и участвовать в судебных разбирательствах, становится важным механизмом в обеспечении правовой защиты граждан.

Нужно отметить, что в условиях современного общества, где о правах мы слышим ежедневно и ежечасно из разных источников вещания, каждый человек уже с малых лет знает и понимает свои права. В этой связи, задача прокуратуры заключается не только в уголовном преследовании, но и в профилактике правонарушений, осуществлении контроля за соблюдением законодательства и проведения разъяснений с гражданами по основам законодательства, включая разъяснительную работу в образовательных учреждениях, тем самым повышая правовую грамотность. Жизненно важно вырастить достойное законопослушное

поколение. Важно отметить, что прокуроры не только реагируют на нарушения прав, но и предупреждают их, проводя профилактическую работу.

Несмотря на активные усилия прокуратуры, существуют определенные проблемы и вызовы в области правосознания и правовой культуры. Среди них можно выделить отсутствие интереса со стороны части населения, некомпетентность некоторых сотрудников, недостаток финансовых средств на программы и не всегда достаточное сотрудничество с другими государственными учреждениями. Вероятно, причиной всему нехватка рабочего времени согласно многозадачности надзорного ведомства.

Органы прокуратуры проводят обширную разностороннюю деятельность на поднадзорной территории в различных направлениях функционирования общества. Согласно главе 2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина¹.

Ввиду официальным данным ведомственного статистического отчета за январь-декабрь 2023 года прокуратуры Рязанской области можно увидеть существенные показатели за упомянутый срок.

Так, например в интересующей нас сфере надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод челове-

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации».

ка и гражданина за январь/декабрь 2023 года всего выявлено - 32356 нарушений закона. Принесено - 3458 протестов. Направлено исков (заявлений) в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд – 3765. Из рассмотренных судом исков (заявлений) удовлетворено и прекращено дел ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора – 3469. Внесено представлений – 10053. По представлению прокурора привлечено лиц к дисциплинарной ответственности – 8-489. По постановлению (заявлению в арбитражный суд) прокурора органами административной юрисдикции привлечено лиц к административной ответственности – 2055. Предостережено лиц о недопустимости нарушения закона – 1048. Направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – 207. Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ – 180.

Важно отметить, что это лишь малая часть возможного вектора деятельности государственного органа.

Также одним из важных направлений работы прокуратуры является контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания [2]. Здесь особое внимание уделяется условиям содержания, медицинскому обслуживанию, а также обеспечению доступа к юридической помощи. Прокуроры регулярно выявляют нарушения в вышеупомянутых рубезах, принимают меры по их устранению и защищают права подследственных и осужденных.

В силу главы 4 раздела 3 основного закона прокуратуры, органы надзора, осуществляют ряд мер, направленных на гуманное обращение с людьми, находящимися под стражей, поскольку именно там человек наиболее уязвим. Сотрудники должны уметь соблюдать баланс между законом, человечностью, моралью. Это важная и сложная задача, требующая от прокуроров не только знаний и опыта, но и чувства справедливости и гуманности.

Как мы видим, прокуратура играет ключевую роль в обеспечении правовой гарантии нематериальных благ населения, действуя, как защитник соблюдения законодательства и правопорядка.

В условиях современного общества, где права человека подвергаются различным угрозам, эффективная правозащитная деятельность прокуратуры не теряет своей актуальности.

Кроме того, прокуратура активно участвует в мониторинге законности действий государственных ведомств и муниципалитета, ориентируясь на защиту интересов граждан. Путем проведения проверок и анализа деятельности государственных структур, прокуратура защищает права, нарушенные в результате произвола или бездействия властей.

При проведении произвольного опроса граждан на предмет места обращения при нарушении их прав, большинство опрошенных независимо от пола и от вида нарушений назвали органы прокуратуры. Это свидетельствует о востребованности и популярности надзорного органа в обществе.

Наконец, прокуратура активно участвует в общественных обсуждениях на тему прав человека, стремясь сформировать правосознание и повысить уровень правовой культуры граждан. Образовательные инициативы и программы по информированию о правах и обязанностях способствуют созданию более справедливого и защищенного общества. В наше время это особенно важно и востребовано.

Эффективная правозащитная деятельность требует от прокуроров не только высокого уровня профессионализма, но и чуткости к социальным проблемам, а также способности к критическому анализу. Важно, чтобы прокуратура оставалась открытой и доступной для граждан, поскольку это усиливает доверие к ней и способствует развитию правового государства.

Как мы видим, прокуратура, действуя в различных направлениях, выполняет свою основную задачу - гарант правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гришко А. Я., Оводкова Л. С. Деятельность прокуратуры и уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания: монография. - Рязань: Академия ФСИН России, 2016. - С. 4

ТОМАЩУК Яна Юрьевна

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, полковник полиции

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, полковник полиции

БАРСОВА Екатерина Руслановна

научный сотрудник группы анализа и контроля, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, лейтенант полиции

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В данной статье рассматривается современное состояние деятельности органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) по противодействию преступлениям террористической направленности. По результатам исследования авторы приходят к выводу об изменении характера совершаемых преступлений, ведь, согласно статистическим данным, количество предупреждаемых и пресекаемых на этапе подготовки терактов уменьшается, но, вместе с тем, растет количество преступных деяний, действия преступников становятся более жестокими и разрушительными по масштабу последствий и числу жертв. Эффективное противодействие терроризму видится в исследовании проблем деятельности сотрудников ОВД в данном направлении.

Ключевые слова: противодействие терроризму, уголовно-наказуемое деяние, сотрудники полиции, органы внутренних дел, террористический акт, информационно-телекоммуникационные технологии.

TOMASCHUK Yana Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Criminal law disciplines sub-faculty, I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

JAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty, North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

BARSOVA Ekaterina Ruslanovna

researcher of the Analysis and Control Group, I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant of police

COUNTERING TERRORIST CRIMES: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

This article examines the current state of the activities of the internal affairs bodies (hereinafter referred to as the Department of Internal Affairs) in countering terrorist crimes. According to the results of the research of the topic, the authors come to the conclusion that the nature of the crimes committed has changed, because, according to statistics, the number of terrorist attacks prevented and suppressed at the stage of preparation is decreasing, but at the same time, the number of criminal acts is growing, the actions of criminals are becoming more violent and destructive in terms of the scale of consequences and the number of victims. Effective counteraction to terrorism is seen in the study of the problems of the activities of police officers in this area.

Keywords: counteraction to terrorism, criminally punishable act, police officers, internal affairs bodies, terrorist act, information and telecommunication technologies.

Терроризм XXI века – один из множества способов или инструментов ведения войны. Современный терроризм имеет разнообразные формы своего проявления: идеологические, криминальные, военные, экономические, политические, религиозные и националистические. Совершение террористических актов на сегодняшний день – средство запугивания мирного населения для управления решениями органов государственной власти и местного самоуправления. Масштабы последствий при совершении теракта непредсказуемы, но, как показывает неутешительная практика, под удар, в первую очередь, попадают мирные граждане, а также транспортная инфраструктура, государственные и муниципальные учреждения, системы средств связи.

Сотрудники ОВД во взаимодействии с иными государственными силовыми структурами играют первоочередную роль в противодействии террористических атак. В частности, данная деятельность осуществляется при взаимодействии с Федеральной службой безопасности. Согласно действующей организации деятельности сотрудников ОВД, они исполняют

обязанности, в зависимости от принадлежности к определенному подразделению (например, к подразделению уголовного розыска). К иным службам, которые осуществляют деятельность, направленную на предупреждение и пресечение рассматриваемого вида преступлений, относятся наряды полиции, в должностные обязанности которых входит патрулирование закрепленной за отделом Министерства внутренних дел Российской Федерации, территории оперативного обслуживания.

Обращаясь к статистическим данным, характеризующим количественный уровень преступлений, следует отметить, что в январе-августе 2023 года зарегистрировано 983,7 тыс. преступлений, или на 2,0% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 34 субъектах Российской Федерации, снижение – в 51 субъекте. В 2023 году зарегистрировано 1,9 млн. преступлений – на 1% меньше по сравнению с 2024 годом [5].

В январе-августе 2023 года зарегистрировано 1558 преступлений террористического характера (-5,4%) и 927 преступлений экстремистской направленности (-8,5%).

Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 567 (+10,3%) преступлений совершены в текущем году, в том числе:

- пресечено на стадии приготовления и покушения – 104 (+57,6%);
- за пределами Российской Федерации – 178 (-24,9%).

Вместе с тем, информация о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера за январь-декабрь 2023 года неутешительна: 2 382 преступления (+6,7% по сравнению с 2022 годом) [5].

Более того, первые шесть месяцев 2024 года побили антирекорд и составили 1 651 преступлений террористической направленности (+38,4% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года) – наивысший показатель за последние 18 лет. Так, с 2006 по 2023 год представленный показатель не превышал обычно 1,4 тыс. преступлений. Годами ранее, наибольшее количество было зарегистрировано в 2016 (1 313) и 2022 (1332) годах [3]. В январе-августе 2024 года зарегистрировано 2 222 аналогичных преступлений (+42,6%) [5].

Кроме того, следует отметить и тот факт, что организованная преступность в настоящее время перешла на иной способ незаконной добычи средств для существования. Таким способом является совершение преступлений против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, так как получение выгоды происходит практически мгновенно, возможность установления виновного лица сведена к минимуму, а для того, чтобы это сделать, сотрудникам правоохранительных органов необходимо затратить большое количество сил и средств [2, с. 726].

Далее следует рассмотреть общие сведения о современном состоянии преступности террористического характера на территории Российской Федерации, а также специфику деятельности сотрудников ОВД в области предупреждения и пресечения данных преступлений.

Современное состояние деятельности сотрудников ОВД по противодействию рассматриваемому виду преступлений напрямую связано со спецификой проведения специальной военной операции на территории Украины (далее по тексту – СВО). В период проведения СВО организаторы и исполнители преступлений террористической направленности сконцентрировались в иностранных государствах, в связи с чем перед сотрудниками ОВД возникают дополнительные проблемы, связанные с их раскрытием и пресечением.

Характер терактов на территории России в рассматриваемый период видоизменился и перешел в разрушительные атаки против мирного населения и гражданской инфраструктуры с использованием баллистических ракет; широкомасштабные вооруженные операции против мирного населения и его имущества.

Наиболее разрушительными по масштабу являются вооруженные нападения с использованием баллистических ракет на территории Белгородской области, а также случаи убийств и уничтожения имущества на территории Курской области со стороны ВСУ, которые 6 августа 2024 года вторглись на территорию региона и заняли часть населенных пунктов.

«Военными следователями фиксируются преступления воинских формирований Украины в отношении мирного населения Курской области – это убийства, покушения на убийства, терроризм, умышленное уничтожение чужого имущества, а также незаконное пересечение государственной границы РФ и так далее», – указал представитель военных следственных органов СК РФ подполковник юстиции Дмитрий Горяченков [4].

Кроме того, терроризм в период проведения СВО открыл возможности для лиц, находящихся на территории СВО, незаконно получать различные трофеи (наркотики, денежные средства, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства и т.д.), которыми впоследствии

снабжаются организованные преступные группы, незаконные вооруженные формирования, а также террористические и экстремистские организации за получение материального вознаграждения.

К иным факторам, негативно влияющим на деятельность сотрудников ОВД по противодействию терроризму, можно отнести недобросовестное поведение граждан, заметивших странное поведение, оставленные/брошенные без присмотра вещи и не сообщили об этом сотрудникам полиции [1, с. 179]. Данный факт становится поводом для реализации деятельности сотрудников полиции по осуществлению профилактических бесед, распространению тематических буклетов среди граждан по особенностям распознавания террористов и способам оказания содействия силовым структурным подразделениям сотрудников правоохранительных органов по недопущению совершения незаконных действий. Необходимо довести до сведения граждан значимость бдительного отношения к окружающей обстановке и людям в современной ситуации и важности своевременного предоставления информации о подозрительных ситуациях сотрудникам ОВД (обнаружение беспризорных подозрительных сумок с проводами, осколков или частей боеприпасов, частей баллистических ракет или беспилотных летательных аппаратов; выявление подозрительных граждан, одетых не по погоде и т.д.).

Особенную актуальность данное направление деятельности имеет для участковых уполномоченных полиции, работа которых напрямую связана с взаимодействием с гражданами на территории административного участка.

В заключении следует сказать о том, что в современных условиях трансформации терроризма сотрудникам ОВД, которые несут службу на объектах транспортной инфраструктуры, осуществляют патрулирование улиц, парков, скверов и иных общественных мест, а также непосредственно осуществляют взаимодействие с гражданами, важно иметь гибкое сознание и подстраивать деятельность под специфику совершения террористических актов в настоящее время. Кроме того, следует поощрять граждан, которые оказывают содействие сотрудникам правоохранительных органов и иными способами повышать их законопослушность.

Пристатейный библиографический список

1. Березина Т. А. Проведение досмотровых мероприятий на объектах железнодорожной инфраструктуры как мера предупреждения террористических актов // Молодой ученый. - 2020. - № 49 (339). - С. 177-180.
2. Будник Г. И. Кибертерроризм как угроза основам конституционного строя Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы противодействия // Молодой ученый. - 2016. - № 8 (112). - С. 725-728.
3. В РФ зафиксировали наивысший за 18 лет уровень преступлений террористического характера // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/21522491> (дата обращения: 21.10.2024).
4. В СК рассказали о случаях терроризма со стороны ВСУ в Курской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/13/23912773.shtml> (дата обращения: 22.10.2024).
5. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/55225633/> (дата обращения: 21.10.2024).

ШАКИРОВ Ильшат Маратович

преподаватель кафедры специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ХОРОШУНОВ Андрей Сергеевич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Волгоградская академия МВД России

ШАТАГИН Антон Николаевич

преподаватель кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

СИМУЛЯЦИОННЫЕ ТРЕНИРОВКИ В ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматривается важность симуляционных тренировок как неотъемлемого элемента тактико-специальной подготовки сотрудников полиции. Современные вызовы и риски, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, требуют от полицейских не только теоретических знаний, но и практических навыков, готовности к действиям в нестандартных ситуациях. В исследовании выделяются основные цели симуляционных тренировок, такие как отработка навыков, снижение уровня стресса в условиях давления, улучшение командной работы и получение конструктивной обратной связи. Освещается методология проведения симуляционных тренировок, включая ролевые игры, тактические сценарии и использование виртуальных технологий. Обсуждается влияние данного подхода на формирование уверенности полицейских, развитие критического мышления и межличностных навыков, что критически важно при взаимодействии с гражданами и коллегами. Кроме того, в статье анализируются существующие проблемы, такие как финансовые ограничения, нехватка квалифицированного персонала и сопротивление изменениям. Подчеркивается, что для достижения максимальной эффективности симуляционных тренировок необходимо преодоление этих препятствий, а также дальнейшее внедрение современных технологий и научных подходов. В свете всего вышесказанного, симуляционные тренировки могут стать основой для высококвалифицированного и готового к современным вызовам корпуса полиции, что в конечном итоге способствует улучшению общественного порядка и повышению доверия граждан к правоохранительным органам.

Ключевые слова: симуляционные тренировки, тактико-специальная подготовка, сотрудники полиции, профессиональная подготовка, командная работа, критическое мышление, современные технологии, общественный порядок, безопасность.

SHAKIROV Ilshat Maratovich

lecturer of Special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KHOROSHUNOV Andrey Sergeevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

SHATAGIN Anton Nikolaevich

lecturer of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

SIMULATION TRAINING IN TACTICAL AND SPECIAL TRAINING OF POLICE OFFICERS

The article discusses the importance of simulation training as an integral element of tactical and special training of police officers. Modern challenges and risks faced by law enforcement agencies require police officers not only theoretical knowledge, but also practical skills, readiness to act in non-standard situations. The study highlights the main goals of simulation training, such as developing skills, reducing stress levels under pressure, improving teamwork and receiving constructive feedback. The methodology of simulation training, including role-playing games, tactical scenarios and the use of virtual technologies, is highlighted. The influence of this approach on the formation of police confidence, the development of critical thinking and interpersonal skills, which is critically important when interacting with citizens and colleagues, is discussed. In addition, the article analyzes existing problems such as financial constraints, lack of qualified personnel and resistance to change. It is emphasized that in order to achieve maximum effectiveness of simulation training, it is necessary to overcome these obstacles, as well as further introduction of modern technologies and scientific approaches. In light of all the above, simulation training can become the basis for a highly qualified and ready for modern challenges police corps, which ultimately contributes to improving public order and increasing citizens' trust in law enforcement agencies.

Keywords: simulation training, tactical and special training, police officers, professional training, teamwork, critical thinking, modern technologies, public order, security.

Систематическая подготовка сотрудников полиции играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка. Современные вызовы предполагают наличие у полицейских не только теоретических знаний, но и практических навыков, которые можно развивать посредством симуляционных тренировок. Эти тренировки базируются на принципах моделирования реальных ситуаций, что позволяет сотрудникам отработать необходимые действия в безопасной и контролируемой среде.

Симуляционные тренировки представляют собой методику обучения, при которой создаются приближенные к

реальности сценарии, в рамках которых полицейские сотрудники могут отрабатывать соответствующие действия. Цели таких тренировок можно перечислить следующим образом:

1. Отработка навыков. Симуляции позволяют сотрудникам практиковать свои навыки в условиях, максимально приближенных к реальным. Это включает в себя взаимодействие с гражданами, применение специальных приемов и реагирование на нестандартные ситуации.

2. Снижение уровня стресса. Процесс обучения в рамках симуляционных тренировок позволяет полицейским сни-

зить уровень стресса, связанного с реальными происшествиями, путем создания безопасной обстановки для практики.

3. Улучшение командной работы. Симуляции часто проводятся в группах, что улучшает взаимодействие между сотрудниками, их способность работать в команде и принимать совместные решения.

4. Анализ и обратная связь. Во время таких упражнений имеется возможность вести видео- и аудиозапись, что позволяет после тренировки провести детальный анализ действий каждого участника и всей группы в целом.

Имитационное обучение оказывает значительное влияние на профессиональное развитие сотрудников полиции. Регулярные симуляции позволяют офицерам чувствовать себя более уверенно в своих действиях, что на практике снижает вероятность ошибок в ситуациях высокого напряжения — важнейшего фактора успешного выполнения ими своих обязанностей. Эти упражнения развивают критическое мышление и способность быстро принимать решения. Участники учатся адаптироваться к новым обстоятельствам, что позволяет им более эффективно реагировать на изменения в процессе работы. Командные симуляции также улучшают навыки общения и сотрудничества между коллегами. Офицеры учатся слушать друг друга, конструктивно оправдывать свои действия и принимать коллективные решения.

Несмотря на эти многообещающие преимущества, имитационное обучение сталкивается с рядом ключевых проблем.:

1. Финансовые ограничения. Серьезным препятствием является нехватка финансирования для организации высококачественных учебных занятий. Современное оборудование и технологии требуют значительных инвестиций, которые не всегда легко оправдать.

2. Нехватка квалифицированного персонала. Для обучения симуляциям высокого уровня требуются опытные инструкторы со специальными знаниями, которых часто трудно найти.

Сопrotивление переменам. Некоторые сотрудники могут неохотно осваивать новые методы обучения, часто из-за непонимания современных подходов, что может снизить общий эффект обучения.

Учитывая текущие проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, симуляционное обучение становится все более актуальным. Оно может послужить основой для интеграции новых стратегий обучения, адаптированных к уникальным требованиям работы полиции.

Симуляционные тренировки могут быть разделены на несколько типов в зависимости от используемых методик и целей. К ним относятся:

1. Ролевые игры. В ролевых играх участники принимают на себя различные роли, что позволяет передать комплексные сценарии. Например, один участник может играть роль правонарушителя, а другие — сотрудников полиции, реагирующих на правоохранительное происшествие. Это помогает понять динамику взаимодействия и выявить потенциально слабые места в подготовке.

2. Tактические сценарии. Эти тренировки включают использование специальных помещений, где разрабатываются сценарии столкновения или пресечения преступных действий. Например, потренироваться в освобождении заложников или реагировании на массовые беспорядки. Такой формат дает возможность отработки навыков в различных условиях, что особенно важно при возникновении непредсказуемых ситуаций.

3. Компьютерные симуляторы. Современные технологии позволяют создавать виртуальные симуляторы, которые могут имитировать различные сценарии. Сотрудники могут тренироваться в реагировании на необычные ситуации, такие как террористические акты или угрозы безопасности на массовых мероприятиях.

Таким образом, симуляционные тренировки представляют собой незаменимый элемент в системе тактико-специальной подготовки сотрудников полиции. Их значение выходит за рамки простого обучения: они способствуют формированию уверенности, развитию критического мышления и командных навыков, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей. В условиях быстро меняющихся общественных реалий и угроз, симуляции позволяют полицейским адаптироваться и реагировать на сложные ситуации, снижая риски как для самих сотрудников, так и для граждан. Данный подход следует рассматривать как перспективное средство повышения тактической готовности сотрудников полиции в целях соблюдения личной безопасности при выполнении оперативно-служебных задач. Использование современных технологий позволит добиваться эффективного достижения обучающимися поставленных целей, адекватного представления о предстоящей профессиональной деятельности, моделирования типичных проблемных ситуаций, раскрытия личностного потенциала, проверки уровня готовности к реальной правоприменительной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов А. В. Основы тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. – М.: Юрайт, 2021.
2. Петров С. Н. Симуляционные методы в обучении сотрудников полиции: проблемы и перспективы // Журнал правовой науки. – 2022. – № 12 (3). – С. 45-57.
3. Смирнова Е. А. Психология принятия решений в экстренных ситуациях: применимость для сотрудников полиции // Психологический журнал. – 2021. – № 42 (1). – С. 88-99.
4. Федоров В. Ю. Инновационные технологии в подготовке сотрудников правоохранительных органов // Образование и право. – 2023. – № 14 (2). – С. 22-34.
5. Коваленко Л. И. Tактико-специальная подготовка: новые подходы и методики // Полицейская наука. – 2021. – № 5. – С. 10-18.

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России

ФЕДОРЕНКО Святослав Петрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Авторами статьи проведено исследование актуальных вопросов, связанных с приоритетными направлениями цифровой трансформации правоохранительной деятельности, в том числе в сфере искусственного интеллекта. Рассмотрены предпринимаемые государственными органами меры, направленные на цифровую трансформацию МВД России, технологии и методы искусственного интеллекта, которые позволяют повысить эффективность правоохранительной деятельности, оптимизировать выполнение возложенных на органы внутренних дел задач, а главное – способствуют снижению уровня преступности и повышению безопасности граждан.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, информационные технологии, искусственный интеллект, государственные услуги, прогностические модели, массивы данных, анализ данных.

SHOGENOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty, North-Caucasus Institute for Advanced Training (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia

FEDORENKO Svyatoslav Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Rostov State University of Economics (RINE), associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, South Russian Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

PROMISING AREAS OF DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The authors of the article conducted a study of topical issues related to priority areas of digital transformation of law enforcement, including in the field of artificial intelligence. The measures taken by state bodies aimed at the digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia, technologies and methods of artificial intelligence, which make it possible to increase the effectiveness of law enforcement activities, optimize the performance of tasks assigned to internal affairs bodies, and most importantly, contribute to reducing crime and improving the safety of citizens, are considered.

Keywords: digitalization, digital transformation, information technology, artificial intelligence, public services, predictive models, data sets, data analysis.

На современном этапе внедрение информационных технологий является одним из основных показателей развития любого государства. В связи с чем, государственная политика Российской Федерации направлена на формирование нового этапа внедрения информационных технологий, заключающегося в комплексном построении цифровой системы в национальном масштабе. В правоохранительной деятельности информационные технологии широко используются для решения поставленных целей и задач и защиты прав и свобод человека. Государственная политика в сфере информатизации сегодня направлена на решение ключевых задач государственного управления, что обуславливает необходимость изучения вопросов внедрения информационных технологий в правоохранительную деятельность. Тема информатизации правоохранительной деятельности освещалась в работах многих ученых, в том числе Л. Д. Матросовой, О. И. Белозерова, П. М. Андрейченко и других авторов [1], [2], [3].

Начальник Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России генерал-майор внутренней службы Ю. В. Войнов отметил, что внедрение новых технологий позволяют Министерству эффективно противостоять преступности, а также оказывать гражданам государственные услуги.

Сегодня одним из приоритетных направлений цифровой трансформации Министерства внутренних дел является использование технологий искусственного интеллекта, что отражено в Ведомственной программе цифровой трансформации МВД

Шогунова Ф. О.

Махов А. Р.

России на 2022-2024 гг. [5]. В программе отмечено, что к основной задаче цифровой трансформации органов внутренних дел является планомерный переход к современному цифровым решениям на основе использования искусственного интеллекта (ИИ) и методов машинного обучения.

В числе наиболее значимых проектов Министерства в сфере ИИ, такие как выявление признаков серийных (взаимосвязанных) преступлений и определение внешних анатомических признаков человека на основе изучения ДНК биологических материалов, изъятых с мест совершения преступлений. МВД России также проводится апробация и дальнейшее внедрение готовых отечественных программных решений, применяющих технологии и методы искусственного интеллекта.

Ведется работа по цифровизации государственных услуг, которое которые предоставляются МВД на портале «Госуслуги». Новые интерактивные формы на портале «Госуслуги», позволяющие получать услуги в режиме диалога, и результаты их предоставления, в том числе в электронном виде, это только видимая часть работы, проводимой в области информационных технологий в органах внутренних дел. С точки зрения автоматизации, государственные услуги МВД России по своей модели предоставления и особенностям межведомственного взаимодействия являются одними из наиболее сложных [4].

Важной целью цифровой трансформации в правоохранительной сфере является оптимизация процессов взаимодействия, снижение административных барьеров, уменьшение вре-

менных затрат и снижение загруженности личного состава ОВД. Так, ведомственная программа цифровой трансформации на 2022 – 2024 годы насчитывает свыше 500 показателей результативности в этой области, а выполняемые Министерством работы уже сейчас позволяют получать ряд государственных услуг в полном объеме без личного посещения ведомства или МФЦ.

В целях оптимизации оказания услуг гражданам внедрен онлайн-сервис по обжалованию штрафов, связанных с управлением транспортных средств. Автомобилисты смогут обжаловать штрафы за нарушение правил дорожного движения онлайн, без визита в ГИБДД. Также сегодня граждане активно пользуются возможностью оформить в личном кабинете на Едином портале «Госуслуги» регистрационный учет по месту пребывания в виде электронного свидетельства, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Таким образом информационными системами МВД России ежегодно обрабатывается свыше 2 млрд запросов посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, при этом десятки миллионов граждан получают государственные услуги МВД в электронном виде.

Новые принципы цифровизации государственных услуг МВД России отражены в Федеральном законе от 30 декабря 2020 года № 509-ФЗ, в том числе: внедрение реестровой модели учета результатов предоставления госуслуг, проактивного и беспшовного режимов их оказания. Также утверждена Концепция перехода к предоставлению абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг 24 часа в сутки 7 дней в неделю без необходимости личного присутствия граждан. В целях реализации цифровизации государственных услуг МВД России проводятся мероприятия по переводу массовых социально значимых услуг органов внутренних дел в электронный формат.

Искусственный интеллект уже сейчас помогает правоохранительным органам предупреждать и раскрывать преступления. Так МВД России активно применяются информационные системы и программные комплексы с применением технологий прогнозирования и поддержки принятия решений, методы машинного распознавания образов, для распознавания находящихся в розыске, либо подозреваемых в совершении преступлений в потоке лиц.

Система биометрической идентификации, используемая ОВД позволяет производить поиск по массивам фото- информации лиц, находящихся в розыске и пропавших без вести; лиц, содержащихся в информационных системах МВД России, а также неопознанных трупов.

Значимой составляющей цифровизации МВД России является развитие робототехники, включая системы управления наземными и воздушными робототехническими комплексами, средствами противодействия беспилотным воздушным судам.

Большое внимание Министерством уделяется применению беспилотных воздушных судов для авиационного обеспечения деятельности подразделений полиции, выполняющих задачи борьбы с преступностью, противодействию коррупции, экстремизму и терроризму, охраны общественного порядка, обеспечению общественной безопасности.

При выполнении оперативно-служебных задач правоохранительными органами применяются более 7 десятков беспилотных воздушных суда мультикоптерного (БВС) типа, более 10 робототехнических комплексов и более 8 БВС самолетного типа.

При решении задач противодействия преступности перспективными методами борьбы с противоправными деяниями, а также их профилактики являются видеонаблюдение и видеоаналитика. Современные технологии интеллектуальной видеоаналитики позволяют оперативно реагировать на произошедшие инциденты, распознавать такие события как скопление и неадекватное поведение людей, распознавание государственных регистрационных знаков, выявление лиц, в том числе, находящихся в розыске, детектирование огня/дыма, пересечение контрольной линии, нарушение периметра.

Важным аспектом является борьба с противоправным контентом в глобальной сети. Новые технологии помогают оперативным подразделениям осуществлять мониторинг, многофакторный поиск и анализ информационного пространства социальных веб-ресурсов и открытых источников информации. Важным достоинством разработанной технологии является функция ретроспективы данных за любой период времени (ведение архива данных), что является особо значимым в деятельности оперативных подразделений.

С развитием искусственного интеллекта появилась возможность борьбы с IT-мошенничествами (любые хищения,

совершенные дистанционно, с использованием сети Интернет, телефонной или иных видов связи) более эффективными методами. Во время пандемии в России наблюдался рост количества данных преступлений в 1,5 раза. Это было обусловлено такими факторами, как переход на удаленный режим работы, использование электронных платформ для оказания различных услуг. Это способствовало росту преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Технологии ИИ позволили автоматизировать анализ значительных объемов разнородной информации (поиск взаимосвязанных событий и сущностей, распознавание и идентификация голоса злоумышленников). Например, «Системы предиктивной аналитики» (это методология анализа данных, используемая для прогнозирования будущих событий) позволяют прогнозировать противоправные действия, в том числе определять будущего преступника или предсказать место преступления. Важным преимуществом в указанных системах является обработка больших массивов данных, которые должны быть предварительно подготовлены.

Несомненно, сегодня системы искусственного интеллекта и робототехники уже активно используются и внедряются во многие сферы человеческой деятельности, в том числе и в правоохранительную, и даже «забирают» частично либо полностью работу у человека. Однако на текущем этапе развития науки и техники никакие интеллектуальные системы не могут полностью заменить человека во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и в полиции. Использование технологий ИИ в деятельности ведомства позволяет повысить качество и оперативность решения служебных задач, а также минимизировать временные затраты на выполнение рутинных процессов и задач, что в целом способствует снижению уровня преступности, повышению безопасности граждан.

Основные тенденции применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел направлены на внедрение новых технологий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в том числе: технологии осуществления учетно-регистрационных действий; компьютерного зрения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений; технологии интеллектуального анализа данных, распознавания и синтеза речи, обработки естественного языка; предоставление государственных услуг – технологии, позволяющие повысить уровень оказания государственных услуг. Также приоритетным направлением является развитие систем, предназначенных для обеспечения беспилотных транспортных средств: специальных автомобилей и других роботизированных комплексов; систем прогнозирования и мониторинга оперативной обстановки и принятия решений, реагирования на инциденты.

Пристатейный библиографический список

1. Белозеров О. И., Андрейченко П. М. Тенденции развития информационных технологий в системе правоохранительной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scientificmagazine.ru/images/PDF/2019/36/tendentsii-razvitiya.pdf?ysclid=m32qxo48oh465474292> (дата обращения: 02.11.2024).
2. Бураева Л. А., Шогенов Т. М. Роль информационных технологий в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Социально-политические науки. - 2019. - № 5. - С. 190-192.
3. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: проблемы использования и пути повышения эффективности: сборник научных статей / Орловский юридический институт МВД России; ред. коллегия: Л. Д. Матросова (председатель) [и др.]. - Орел: ОрЮИ МВД России, 2021. - 81 с.
4. Искусственный интеллект на службе в полиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/internet/48715031/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.11.2024).
5. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022 - 2024 годы: Распоряжение МВД России от 11.01.2022 № 1/37 (ред. от 30.06.2022) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.11.2024).

ХРОМОВ Аслан Мухаметбиевич

преподаватель кафедры физической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РУКОПАШНОМУ БОЮ

В данной статье рассматриваются методы обучения сотрудников органов внутренних дел рукопашному бою. В связи с тем, что перед сотрудниками органов внутренних дел стоит задача по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, они должны быть физически развитым и эффективно владеть приёмами борьбы для успешного решения задач силового пресечения противоправных действий. В рамках учебного процесса в образовательных учреждениях МВД вопросу развития навыков приемов борьбы уделяется недостаточно времени. Так, ряд авторов [3] отмечает, что уровень подготовки среднестатистического сотрудника полиции рукопашному бою низкий и в должной не соответствует потребностям социума.

Исходя из вышесказанного возникает необходимость в повышении уровня физической подготовки сотрудников ОВД в части владения приемами рукопашного боя. Следовательно, весьма актуальной задачей становится активное внедрение и развитие физической подготовки посредством обучения навыкам служебно-прикладных видов спорта, к которым относится рукопашный бой.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сотрудники полиции, рукопашный бой, двигательные навыки, технические особенности, тренировочные средства, физическое развитие.

KHROMOV Aslan Mukhametbievich

lecturer of Physical training sub-faculty, North Caucasian Institute for Advanced Training (branch), Krasnodar University MIA of Russia, major of police

METHODS OF TRAINING LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN HAND-TO-HAND COMBAT

This article discusses the methods of training law enforcement officers in hand-to-hand combat. Due to the fact that employees of the internal affairs bodies are faced with the task of ensuring public order and public safety, they must be physically developed and effectively master the techniques of struggle in order to successfully solve the tasks of forcible suppression of illegal actions. As part of the educational process in the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs, not enough time is devoted to the development of fighting skills. Thus, a number of authors [3] note that the level of training of the average police officer in hand-to-hand combat is low and does not properly meet the requirements of society.

Based on the above, there is a need to increase the level of physical training of police officers in terms of mastery of hand-to-hand combat techniques. Therefore, the active introduction and development of physical training through training in the skills of service and applied sports, which include hand-to-hand combat, becomes a very urgent task.

Keywords: law enforcement agencies, police officers, hand-to-hand combat, motor skills, technical features, training equipment, physical development.

Необходимо отметить, что в ходе обучения и организации занятий, кроме освоения специальных тактических умений, вырабатываются необходимые физические и психологические качества. От грамотно подобранной преподавателем программы учебных занятий зависит их результативность. Эффективно выстроенный тренировочный процесс позволяет достичь максимальной продуктивности занятий за счет внедрения наиболее результативных, современных методических принципов.

Рассмотрим, что представляют собой боевые приемы рукопашного боя, а также проанализируем особенности применения комбинаций различных методик обучения рукопашному бою. Боевые приемы являют вид служебно-боевой деятельности сотрудников органов внутренних дел в ближнем бою с целью самозащиты, обезвреживания и задержания лиц, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан или самих правоохранителей [4].

Любопытно, что эффективность любой системы единоборств преимущественно состоит не в ее технике как таковой, а в самой структуре, в вариативности связей всех элементов между собой. Ведь система любого вида единоборств - это совокупность различных технических действий, взаимодействующих между собой по принципу необходимости и до-

Хромов А. М.

статочности, результатом чего является умение человека противостоять противнику [1].

В процессе обучения сотрудников ОВД рукопашному бою на учебных занятиях применяется широкий спектр методов, позволяющий наиболее эффективно решать задачи физической, технической и моральной подготовки представителей исполнительной власти. Внедрение разнообразных методов обучения зависит от множества факторов, среди которых можно выделить: конкретную задачу и цель, объем времени учебного занятия, уровень подготовленности, возрастные и индивидуальные особенности обучаемых, квалификация преподавателя, материально-техническую базу образовательного учреждения и др.

Словесные методы обучения рукопашному бою являются компонентом рассматриваемого обучения и вбирают в себя изложение необходимого материала путём объяснения, лекции, беседы. Таким образом, посредством рассказа преподаватель разъясняет обучающимся теоретическую часть, конкретизирует задачи и цели курса, координирует их четкое исполнение, систематизирует и оценивает приобретённые знания и навыки. Данные общепедагогические методы позволяют: вкратце изложить технику приемов рукопашного боя, объяснить практическое значение определенных дей-

ствий, обосновать суть их физиологического воздействия на противника.

Несмотря на то, что в практике обучения рукопашному бою словесные методы не играют главенствующую роль, не стоит принижать важность их применения. Рассматриваемая методика дает возможность всесторонне раскрыть для обучающихся представление о особенностях изучаемого предмета, давая полноценное теоретическое обоснование применяемым действиям и параллельно создавая мотивацию для обучения.

Для лучшего запоминания информации, как известно, практически во всех образовательных системах используются техники визуального представления. Данная концепция применяется и в ходе проведения учебно-тренировочных занятий по рукопашному бою. В ходе объяснения преподаватель обращается к инновационным методам обучения, основанным на внедрении в учебный процесс IT-технологий (интерактивная доска, мультимедийный проектор). Внедрение преподавателем данных мультимедийных технологий безусловно выводит процесс обучения на качественно новый уровень. Видеофильмы, слайды, схемы и другие наглядные пособия, использование Интернет-ресурсов – все это имеет огромный потенциал для облегчения процесса восприятия материала. Этот метод имеет название метод использования наглядности, его отличительная черта заключается в том, что с помощью демонстрации в сознании обучающихся формируются конкретные образы исследуемого объекта.

На занятиях по физической подготовке преподаватели нередко включают в тренировочный процесс достаточно распространенный метод по принципу монотонности, в основе которого лежит подсознательная синхронизация внутренних ритмов и выполняемых движений. Тренировочная монотонная программа в неторопливом темпе позволяет отключиться от автоматизма и перейти в измененное состояние сознания, в так называемый, боевой транс. Данный тренировочный механизм дает определенные преимущества в бою перед противником. К таким преимуществам относятся:

- преодоление страха и других психологических трудностей в экстремальных ситуациях;
- улучшение имеющихся физических способностей с помощью активизации скрытых ресурсов организма;
- концентрация на приемах и маневрах, ведущих к поражению противника;
- практическое применение полученных навыков и приемов рукопашного боя к состоянию своего организма с учетом собственных физиологических и психологических особенностей.

И, пожалуй, ведущий метод в организации обучения рукопашному бою – это практический метод, который строится на практических действиях, т.е. включает в себя показ и отработку приемов в разнообразных условиях и обстановке с определенной задачей по выработке необходимых умений и навыков ведения рукопашного боя. Помимо прочего, данный метод также развивает важные физические и психические качества сотрудников ОВД. Занятия проводятся и отрабатываются в строгом соответствии с требованиями методики и ее принципов.

Рассмотрим односторонний и двухсторонний групповые методы обучения. Односторонний метод предусматривает обучение базовым элементам, таким как боевые положения и передвижения (кувырки, падения). Он эффективен для совершенствования основ техники и дает обучающемуся адаптироваться к новым приемам, а также овладеть разнообразной тактикой действий и сознательно их анализировать.

Организация двухстороннего группового метода включает наличие условного противника с усложненными упражнениями: удары и контрудары, блок, атака, защита и др. Упражнения выполняются как по командам преподавателя, так и самостоятельно под его контролем. Элементы борьбы с условным противником помимо совершенствования структуры и техники выполнения приемов, используются для способности определять дистанцию до противника и усваивать мышечные ощущения, а также развивать необходимые физические и волевые качества. Метод упражнения с несколькими «противниками» используется для обучения тактике действий и формирования умения вести рукопашный бой с численно превосходящим противником. Также на занятиях применяются упражнения вышеуказанного формата для обучения слушателей (курсантов) тактическим уловкам по

формированию ведения рукопашного боя с несколькими нарушителями одновременно. Инсценированные противоборства в учебно-тренировочных поединках представляют для сотрудников органов внутренних дел вариативно-конфликтную боевую ситуацию. Поэтому одним из важных аспектов системы физической подготовки слушателей является максимальное приближение содержания образовательного процесса к специфике выполняемых ими задач [2].

Перед тренировкой любых элементов необходимо соблюдать важное условие – последовательное выполнение разогревающих упражнений (вращение плечами, круговые движения локтями, руками и тазом, наклоны, легкие приседания и др.), другими словами, разминка продолжительностью 10-15 минут, направленная на увеличение работоспособности звеньев двигательного аппарата. Разминка также способна в целом улучшить координацию движений и повысить концентрацию.

Обучение ударам на месте, а затем и в движении с постепенным нарастанием темпа и увеличением силы может состоять из:

- одиночных ударов и серии ударов в воздух (т.н. «бой с тенью»), по подвесным мешкам, грушам и другим снарядам;
- ударов во взаимодействии с условным противником с применением, например, боксерских «лап»;
- ударов с изменением дистанции и др.

Важно учитывать, что учебно-тренировочные занятия по отработке боевых приемов борьбы необходимо проводить в условиях, приближенных к оперативной обстановке, специфичной для обучающихся (улица, подъезд, лесная местность, вагон поезда и т.д.).

Выполнение вышеуказанных упражнений развивает скоростную выносливость, быстроту реакции, стартовую скорость, силу ударов. При этом в ходе тренировочного процесса важно следовать определенным правилам:

- выбирать рациональное время для организации тренировок (не проводить слишком раннюю утреннюю тренировку, поскольку в это время уровень результативного функционирования организма весьма низок);
- сопровождение тренировки правильным дыханием без задержки воздуха (удар сопровождается выдохом);
- сохранение баланса тела при выполнении ударов;
- при прямых ударах разноименную ногу выносить вперед, а при ударах наотмашь и в сторону делать шаг (выпад) одноименной ногой вперед или в сторону для того чтобы распределить вес тела и обеспечить должное силовое воздействие.

Необходимо отметить, что качественный результат обучения рукопашному бою во многом зависит от ясности понимания слушателями (курсантами) цели и задач изучаемой области и постоянной координации тренировочного процесса со стороны преподавателя. Таким образом, можно констатировать, что высокое качество подготовки сотрудников ОВД рукопашному бою возможно в случае правильного и рационального применения совокупности методов педагогического воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Баркалов С. Н. Актуальные аспекты технической подготовки в единоборствах // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2018. - С. 22-28.
2. Губжоков А. Х. Современный подход к совершенствованию физической подготовки слушателей и курсантов в системе МВД России // Современный ученый. - 2017. - Т. 1. № 1. - С. 75-78.
3. Медведев И. В. Совершенствование методики боевых приемов борьбы как критерия профессиональной компетенции слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов. - № 54 (6). - Ялта: РИО ГПА, 2017. - С. 187-193.
4. Настуев Э. Б. Взаимосвязь физического воспитания и профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов МВД России // Наука и спорт: современные тенденции. - 2018. - Т. 19. № 2. - С. 102-106.

ЮСУПОВА Светлана Инвировна

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ПАНТЕЛЕЕВА Надежда Александровна

преподаватель кафедры огневой подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

СУЛЕЙМАНОВ Максим Вячеславович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

В данной статье анализируются аспекты формирования профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов при применении навыков огневой подготовки. Освещается важность дисциплины «Огневая подготовка» и ее высокий приоритет среди прочих учебных дисциплин в образовательных учреждениях МВД России. Авторы акцентируют внимание на усвоение компетенций и навыков, необходимых в служебной деятельности, а также выделяют основные элементы совершенствования профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов при применении навыков огневой подготовки. В статье подчеркивается значимость вовлечения в процесс обучения практикующих специалистов из территориальных органов.

Ключевые слова: огневая подготовка, профессиональные качества, органы внутренних дел, профессиональные качества, сотрудник правоохранительных органов, эффективность обучения.

YUSUPOVA Svetlana Invirovna

lecturer of the Cycle of professional service and physical training, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

PANTELEEVA Nadezhda Alexandrovna

lecturer of Fire training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

SULEYMANOV Maxim Vyachslavovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

FORMATION OF PROFESSIONAL QUALITIES OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER WHEN APPLYING FIRE TRAINING SKILLS

This article analyzes the aspects of the formation of professional qualities of a law enforcement officer when applying fire training skills. The importance of the discipline "Fire training" and its high priority among other academic disciplines in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia is highlighted. The authors focus on the acquisition of competencies and skills necessary in official activities, and also highlight the main elements of improving the professional qualities of a law enforcement officer when applying fire training skills. The article emphasizes the importance of involving practitioners from territorial authorities in the training process.

Keywords: fire training, professional qualities, internal affairs agencies, professional qualities, law enforcement officer, training effectiveness.

Для развития профессиональных качеств необходимо осуществлять систематические тренировки, целью которых является выработка соответствующих умений и характеристик. В процессе данных тренировок стрелки осваивают навыки управления эмоциями, коллективной работы, а также принятия решений в ситуациях, отягощенных неопределенностью и стрессом. Психологическая готовность стрелка занимает ключевую позицию в дисциплине, связанной с огневой подготовкой. Укрепление психологической устойчивости, способности к эмоциональному саморегулированию и сосредоточенности позволяет стрелкам с высокой эффективностью решать возложенные на них задания в различных обстоятельствах. Регулярные занятия по усилению профессиональных качеств способствуют превращению обучающихся в квалифицированных специалистов, способных успешно противостоять вызовам, возникающим в условиях боевых действий.

В связи с этим в последнее время наблюдается изменение когнитивного подхода к тренировкам по данной дисциплине, что может привести к новым перспективам в развитии стрессоустойчивости. Традиционно, тренировки по огневой подготовке фокусировались на физических упражнениях и технических навыках, не обращая достаточного внимания на психологическую составляющую. Однако, современные исследования в области психологии стресса показывают, что когнитивный подход к тренировкам мог бы значительно улучшить уровень стрессоустойчивости у практикующих огневую подготовку.

Одной из ключевых задач преподавателя при обучении теоретическому курсу является эффективная организация представления и восприятия учебного материала. Чтобы успешно справиться с этой задачей, преподавателям требуется хотя бы базовое понимание процессов когнитивной деятельности. Преподавателям, особенно начинающим специалистам, в освое-

нии эффективных методов представления информации могут помочь психологи.

В процессе представления учебного материала важно учитывать, что наибольшую пропускную способность имеет зрительный канал восприятия. За ним следуют аудиторный и кинестетический каналы. Однако, поскольку усвоение информации происходит не столько за счет работы самих анализаторов, сколько благодаря мыслительной деятельности, на каждую единицу информации, подлежащей усвоению, следует предоставлять две единицы объяснений, то есть дополнительной информации.

Процесс усвоения информации требует активации заранее развитых компетенций и навыков, основанных на методах когнитивной деятельности, включая сложные когнитивные процессы, такие как анализ и синтез, сопоставление и классификация, а также другие мыслительные операции.

Когнитивный подход к тренировкам по огневой подготовке предполагает использование психологических методов и техник для управления стрессом и адаптации к экстремальным ситуациям. Это включает развитие способности концентрации и управления эмоциями в стрессовых ситуациях [4, с. 125].

Восприятие учебного материала также зависит от задач, стоящих перед обучающимся, его мотивационной сферы, установок и эмоционального фона, которые могут модифицировать восприятие. В связи с этим, крайне важно способствовать развитию и поддержанию учебного интереса обучающегося к предмету. Дополнительно, осмысление учебного содержания сопряжено с формированием у обучающегося определенного отношения к материалу, осознанием его практической значимости, а также личностной и профессиональной важности [5, с. 84].

Изменение когнитивного подхода к тренировкам по огневой подготовке может привести к улучшению общей стрессоустойчивости и повышению профессиональной эффективности спортсменов, военных, сотрудников органов внутренних дел и всех, кто подвержен регулярному воздействию стрессовых ситуаций. Однако, для полноценной реализации этого подхода требуется интеграция психологических методов в тренировочные программы, а также обучение тренеров и инструкторов данной дисциплины.

Стимулирование когнитивного интереса у обучающегося достигается путём интеграции в образовательный процесс элементов увлекательности, оригинальности, введения новых сведений и многообразия образовательных контекстов. Ключевое значение имеет демонстрация будущих перспектив и практической релевантности приобретаемых знаний и умений для профессиональной сферы, а также практическая ориентация материала. Применение проблемно-ориентированного подхода к изложению учебного содержания, адаптация обучения к индивидуальным особенностям обучающегося, создание благоприятной психологической атмосферы на занятиях, а также поощрение активности и самостоятельности обучающихся также вносят существенный вклад в формирование интереса.

Компетентное, профессиональное управление служебным оружием представляет собой обязательство сотрудников правоохранительных органов. Правомерное использование оружия составляет существенный аспект исполнения многочисленных задач службы. При этом сотрудник, осуществляющий применение оружия, обязан обеспечить сохранность жизни как окружающих, так и собственной, что осуществимо лишь при уверенном и корректном владении оружием в сложных, порой непредвиденных и непредсказуемых условиях. Для этого важно не только овладеть мерами безопасности в обращении с оружием и боеприпасами, изучить его конструкцию, усвоить техники и правила стрельбы, но и совершенствовать уровень психологической подготовленности, под которой обычно подразумевается комплекс образовательных мероприятий, направленных на развитие волевых характеристик.

Волевые характеристики формируются в процессе обучения, в ходе которого оттачиваются умения осуществления наиболее обдуманых и адекватных действий, независимо от внутреннего состояния и экстремальности ситуации. Таким образом, экстремальная ситуация требует быстрой мобилизации всех накопленных опытов, как профессиональных, так и личных. Эффективность обучения сотрудников правоохранительных органов в рамках огневой подготовки прямо коррелирует с их уровнем эмоционально-волевой стабильности.

Умения в области огневой подготовки тесно взаимосвязаны с развитием сложных моторных умений. Этот образовательный процесс, как и любая другая учебная активность, в первую очередь управляется когнитивными процессами, которые способствуют обмену информацией между индивидом и окружающей его информационной средой.

Дисциплина «Огневая подготовка» характеризуется небольшим теоретическим содержанием, однако курсанты нередко сталкиваются с проблемами при усвоении теории. Сложности возникают из-за особенностей изучаемого материала. Например, при изучении строения оружия и взаимодействия его элементов и механизмов, обучающимся недостаточно просто запомнить названия и функции компонентов; необходимо создать объемную виртуальную модель, которая точно отражает реальный объект. Такой вид задачи является довольно специализированным и может вызывать трудности.

Право на службу в органах внутренних дел Российской Федерации предоставляется гражданам, которые своими личностными и профессиональными характеристиками, уровнем физической подготовленности и здоровья способны исполнять возложенные на них обязанности. Огневая подготовка, будучи интегральной частью профессиональной подготовки сотрудников, не только содействует освоению навыков обращения с служебным оружием, но также способствует развитию психологической стойкости и умения контролировать свои действия и оружие [1].

В настоящее время требования к подготовке специалистов высших учебных заведений ориентированы на прикладной характер и должны отвечать реалиям времени. Одной из целей профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел является выработка и поддержание у сотрудников постоянной готовности решительно и квалифицированно пресекать противоправные деяния, а также постоянной готовности к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В связи с возрастающими возможностями стрелкового вооружения и динамикой современного боя требуются пути решения задачи повышения уровня огневой подготовленности сотрудников ОВД.

Для создания научно-прикладных рекомендаций для повышения эффективности обучения огневой подготовке необходимо:

- выявить слабые места в рассматриваемом вопросе;
- принять к учету передовой опыт (отечественный и зарубежный) обучения огневой подготовке в различных силовых ведомствах и структурах;
- изучить вопросы эффективности огневой подготовки.

Следует осознавать, что большинство ошибок в процессе стрелковой подготовки возникают не из-за дефицита практических навыков, поскольку при тренировках стрельбы из учебного оружия многие сотрудники действуют безукоризненно, а из-за психологического дискомфорта, связанного с неготовностью к работе с боевым арсеналом. На основе этого вывода можно сформировать ряд рекомендаций, которые помогут начинающему стрелку в процессе стрелковой подготовки преодолеть упомянутые трудности [3, с. 70].

Особо стоит подчеркнуть значимость вовлечения в процесс обучения практикующих специалистов из территориальных органов, что обладает значительным воспитательным и мотивационным эффектом. Привлечение действующих сотрудников различных служб и подразделений органов внутренних дел для проведения как лекционных, так и семинарских занятий с курсантами вузов МВД России способствует глубокой практической ориентации процесса обучения и эффективному освоению компетенций, связанных с оружейным мастерством [2, с. 176].

В заключении выделим основные элементы совершенствования профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов при применении навыков огневой подготовки:

- 1) непрерывность процесса обучения;
- 2) обучение первоначальным навыкам обращения с оружием;
- 3) обучение навыкам стрельбы при выполнении упражнений учебных стрельб;
- 4) психологическая подготовка обучающихся;
- 5) воспитание постоянного правовому анализу сложившихся обстоятельств;
- 6) проведение контрольных стрельб, максимально приближенных к боевым ситуациям.

Кроме того, немаловажным элементом обучения сотрудника правоохранительных органов при применении навыков огневой подготовки является должностное лицо, отвечающее за подготовку стреляющих. Именно от руководителя стрельб зависит организация стрельб, правильность подачи команд, контроль за соблюдением мер безопасности. Опытный руководитель стрельб и сформированная психологическая готовность стреляющего – залог успешности и результативности применения оружия сотрудниками при несении службы.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 (ред. от 10.01.2022) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
2. Васильев В. В., Горбачев В. В. «Необходимость, возможность и достаточность: правовые и дидактические проблемы привлечения практических сотрудников органов внутренних дел к проведению занятий в вузах МВД России» // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2020. - № 1 (49). - С. 175-179.
3. Косовский В. Б., Косовская Д. В. Значение психологической готовности в процессе огневой подготовки // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. - С. 66-70.
4. Токарев Е. А. Способы преодоления страха при обращении с огнестрельным оружием // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. - 2023. - С. 123-127.

ЛЯПИЧЕВА Наталья Сергеевна

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка, Волгоградская академия МВД России

ЖЕЛЕЗКИН Андрей Сергеевич

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка, Волгоградская академия МВД России

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Законодательная динамика в Российской Федерации имеет отличительные черты, характеризующиеся постоянными и интенсивными трансформациями. Соответствующие изменения наблюдаются и в сфере уголовного законодательства, особенно в правовой базе, регулирующей досудебный процесс. Взаимодействие государства и общества в ходе расследования и раскрытия преступлений существенно влияет на права и свободы личности как гражданина. Одновременно с этой динамикой неразрывно связана деятельность органов предварительного следствия и дознания. Тем не менее, крайне важно подчеркнуть существующую неэффективность этой деятельности, что требует создания органов надзора и надзора для повышения эффективности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предварительное следствие, досудебное производство, контроль, компетенции.

LYAPICHEVA Natalya Sergeevna

lecturer of Administrative activities and public order protection sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ZHELEZKIN Andrey Sergeevich

lecturer of Administrative activities and public order protection sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROSECUTORAL SUPERVISION OVER OBSERVATION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZENS DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Legislative dynamics in the Russian Federation have distinctive features characterized by constant and intensive transformations. Corresponding changes are also observed in the field of criminal legislation, especially in the legal framework regulating the pre-trial process. The interaction between the state and society during the investigation and detection of crimes significantly affects the rights and freedoms of the individual as a citizen. At the same time, the activities of the preliminary investigation and inquiry bodies are inextricably linked with this dynamics. However, it is critical to highlight the existing inefficiencies in these activities, which requires the establishment of supervisory and oversight bodies to improve efficiency.

Keywords: prosecutorial supervision, preliminary investigation, pre-trial proceedings, control, competencies.

На этапе предварительного расследования прокурорский надзор охватывает законодательно санкционированные меры, реализуемые прокурорами в рамках уголовного процесса, которые направлены на обеспечение законности уголовного преследования. Распределение обязанностей прокурора на досудебной стадии уточняется первым пунктом статьи 37 УПК РФ. В рамках своей служебной компетенции прокурор обладает полномочиями, определенными в пределах его подведомственности, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Ему предоставлено право осуществлять уголовное преследование от имени государства на всех этапах предварительного следствия и заниматься надзором за процессуальной деятельностью следственных и предварительных расследовательных органов.

В уголовном процессе постоянно ведется дискуссия относительно содержания уголовно-процессуальных функций прокурора, что приводит к различным точкам зрения. Как отметил В. М. Бозров, «...Степень разногласий относительно оптимального понимания процессуальной функции настолько парадоксальна, что трудно объяснить» [1].

По нашей оценке, сложившуюся ситуацию можно объяснить наличием разнородных участников уголовного судопроизводства, наделенных различными полномочиями.

В практическом плане следственные действия имеют тенденцию преобладать на предварительной стадии уголовного судопроизводства, что определяется содержанием части 1 статьи 73 УПК РФ. Данное положение возлагает на органы предварительного следствия задачу выяснения обстоятельств как обвинительного, так и оправдательного характера.

Кроме того, законодательные изменения, касающиеся функций прокурора, приводят к нарушению функционального соотношения между прокурорским надзором и осуществлением уголовного преследования в процессуальной компетенции прокурора. В научной литературе по уголовному процессу возникли содержательные дискуссии относительно особенностей основной функции прокурора на предварительной стадии уголовного дела, что привело к формулированию различных точек зрения.

Сторонники первой точки зрения утверждают, что уголовное преследование является основной функцией прокурора, а надзорные и координирующие функции на предварительном расследовании являются вспомогательными.

Сторонники второй точки зрения утверждают, что надзорная функция прокуратуры является главной и решающей в уголовном судопроизводстве.

Ляпичева Н. С.

Железкин А. С.

Третья точка зрения, поддержанная группой ученых, предполагает объединение автономных уголовно-процессуальных функций прокурора, включающих как надзорные, так и прокурорские функции.

Этот анализ подчеркивает, что, учитывая сложность российского уголовного процесса, возникают две четко выраженные функции: надзорная и уголовная функция.

По нашему мнению, учитывая точку зрения уважаемых ученых по функциональному анализу прокурорской деятельности на предварительном расследовании, мы выражаем свое мнение о том, что прокурор осуществляет указанные выше функции в их взаимосвязи и сочетании. Именно через это сочетание надзора, уголовного преследования и всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела удается направить дело в соответствии с законом, соблюдая требования законности и обоснованности [2].

Отныне ограничение деятельности прокурора одной функцией оказывается недостижимым, поскольку ее нельзя всесторонне уместить в рамках исключительно надзорной или прокурорской функции. В сфере российского уголовного судопроизводства не существует абсолютного преобладания какой-либо функции в ее чистом виде. Несмотря на выводы, сделанные из анализа юридической литературы по разграничению и выявлению первостепенных функций прокуратуры на досудебной стадии, можно быть уверенным, что принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (Федеральный закон № 87) привели к нарушению функционального соотношения между прокурорским надзором и осуществлением уголовного преследования в пределах компетенции прокурора.

По нашему мнению, законодательное намерение было направлено на освобождение прокурора от функции предварительного расследования, передавая эту ответственность следователю в рамках уголовного процесса. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что процессуальная автономия следователя не усилилась; наоборот, его прямой начальник, руководитель следственного органа, приобрел относительную независимость и более значительный ведомственный контроль в ходе предварительного следствия. Вместо широких полномочий прокуратуры по рассмотрению жалоб участников уголовного процесса и нарушений федерального законодательства с 2007 года введен альтернативный механизм.

Эта парадигма предполагает изменение роли прокурора, перемещая его от прямого вмешательства к косвенному статусу. Прокурор теперь обязан указывать следователю на необходимость устранения выявленных нарушений. Вместе с тем, изменения в полномочиях прокурора по возбуждению уголовного дела ограничиваются проверкой законности и обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела согласно части 4 статьи 146 УПК РФ¹.

На практике эти изменения приводят к тому, что следователь не имеет права направить уголовное дело в суд без санкции прокурора. Взаимно, прокурор лишен права единоличного прекращения уголовного производства; его компетенция ограничивается передачей дела на дальнейшее расследование. В дальнейшем, после согласования процессуальных действий и решений с руководителем следственного органа, следователь повторно передает дело прокурору. В данном контексте проявляется методологический принцип бритвы Оккама: «Не следует избыточно усложнять существующие вещи» [3].

В настоящее время прокурор, осуществляя надзорные полномочия в значительно ограниченном объеме, не имеет возможности воздействовать на процессуальные решения, принимаемые следователем относительно квалификации преступления. Законодатель предоставляет запутанный механизм прокурорской деятельности: прокурору необходимо высказывать «согласие» с квалификацией или аннулировать постановление о возбуждении дела, направляя его на дополнительное расследование в случае выявления юридических ошибок.

В УПК РФ, где прокурору предписывается указывать следователю в вопросах, связанных с уголовным преследо-

ванием, посредством мотивированных предложений, напоминающих ходатайства, вызывает особый интерес. В юридической литературе преобладает мнение, что «по сути, прокурор практически лишен возможности осуществлять свои функции по уголовному преследованию». Тем не менее, следует сделать оговорку, что, хотя и в существенно сокращенной форме, законодатель все же сохранил полномочия по осуществлению уголовного преследования у прокурора.

Прокурор обладает правом аннулировать постановление следователя о возбуждении уголовного дела, направляя его на последующее расследование. При выполнении функций уголовного преследования прокурор предоставляет следователю указания о проведении дополнительной проверки материалов дела, связанных с инициированным уголовным производством, выявлении возможных юридических ошибок, включая неточности в квалификации, предоставленной следователем. Кроме того, в пределах прокурорских полномочий в уголовном преследовании, законодатель предоставил прокурору право предъявлять требования от имени обвинения, согласно третьему пункту второй части статьи 37 УПК РФ. Одним из важных элементов прокурорского надзора является получение уголовного дела с целью утверждения обвинительного заключения или постановления. Перед принятием такого процессуального решения прокурор обязан детально изучить материалы дела и определить:

1. Соблюдались ли требования закона при возбуждении уголовного дела, было ли это сделано законным и обоснованным образом.

2. Обеспечена ли достаточность, объективность и соблюдение критериев относимости, допустимости и достоверности предоставленных доказательств.

3. Соответствуют ли выводы следователя или дознавателя фактическим обстоятельствам, выявленным в ходе расследования.

4. Точность квалификации деяний, совершенных обвиняемым.

5. Наличие достаточного основания для передачи дела в суд.

6. Рассмотрение и разрешение всех ходатайств и жалоб, поступивших в суд.

7. Полное уважение прав обвиняемого на самозащиту и соблюдение языка судебного разбирательства.

8. Соблюдение установленных сроков расследования и содержания под стражей обвиняемого.

9. Осуществление мер по обеспечению гражданского иска.

10. Законное ознакомление всех заинтересованных сторон с материалами дела.

Убедившись в правильности и полноте расследования дела, и в отсутствие оснований для дополнительной проверки, прокурор утверждает обвинительное заключение или постановление, после чего дело направляется в суд. В соответствии с положениями уголовного-процессуального закона, прокурор оставляет за собой право отказа в утверждении обвинительного заключения или постановления и возвращения уголовного дела следователю или дознавателю в случае признания расследования недостаточным.

Пристатейный библиографический список:

- Бозров В. М. [и др.]. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник для вузов / Под редакцией В. М. Бозрова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 383 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16791-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/531719>.
- Маевский С. С., Ложкин В. А. Функциональный анализ деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. № 9-1. – С. 420.
- Макаренко М. А. Процессуальные функции руководства, контроля и надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 26 марта 2021 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. – С. 149-153.

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

АРАМИСОВ Амир Асланович

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

ВОСКОБОЕВ Александр Иванович

кандидат педагогических наук, начальник кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, полковник полиции

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОПАГАНДЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются особенности применения технологий искусственного интеллекта как инструмента по противодействию пропаганде экстремистской и террористической идеологии. Искусственный интеллект является неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. Внедрение технологий искусственного интеллекта способствует развитию науки, экономики, общества и государства в целом. Однако, искусственный интеллект является и инструментом совершения преступных деяний, особенно террористической и экстремистской направленности. С каждым годом повышается удельный вес преступлений, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта террористической и экстремистской направленности, что требует разработки и применения новых методов противодействия. Именно по этой причине необходимо создание технологического и нормативно-правового фундамента в сфере регулирования искусственного интеллекта. В Российской Федерации не сформирована система нормативно-правового регулирования отношений в области применения искусственного интеллекта. Разработаны документы рекомендательного и стратегического характера, которые косвенно обозначают направления по использованию информационных технологий и искусственного интеллекта в противодействии пропаганде экстремистской и террористической идеологии. Применение указанных механизмов противодействия требует наличия определенных знаний в сфере искусственного интеллекта, что предъявляет новые требования к подготовке сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экстремизм, терроризм, противодействие, информационные технологии, нейросети, фейки, идеология, видеонаблюдение, информатизация.

ARAMISOV Amir Aslanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

VOSKOBIEV Alexander Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL TO COUNTER THE PROPAGANDA OF EXTREMIST AND TERRORIST IDEOLOGY

The article discusses the features of using artificial intelligence technologies as a tool to counter the propaganda of extremist and terrorist ideology. Artificial intelligence is an integral part of the life of society. The introduction of artificial intelligence technologies contributes to the development of science, economics, society and the state as a whole. However, artificial intelligence is also a tool for committing criminal acts, especially terrorist and extremist ones. Every year, the proportion of crimes committed with the use of artificial intelligence technologies of a terrorist and extremist nature increases, which requires the development and application of new methods of counteraction. It is for this reason that it is necessary to create a technological and regulatory foundation in the field of artificial intelligence regulation. In the Russian Federation, a system of regulatory relations in the field of artificial intelligence has not been formed. Documents of an advisory and strategic nature have been developed, which indirectly indicate the directions for the use of information technology and artificial intelligence in countering the propaganda of extremist and terrorist ideology. The use of these countermeasures requires certain knowledge in the field of artificial intelligence, which places new demands on the training of law enforcement officers.

Keywords: artificial intelligence, extremism, terrorism, counteraction, information technology, neural networks, fakes, ideology, video surveillance, informatization.

Арамисов А. А.

Воскобоев А. И.

Искусственный интеллект активно внедряется во все сферы жизнедеятельности современного общества. Технологии искусственного интеллекта рассматривают и как инструмент противодействия пропаганде экстремизма и терроризма. На данный момент искусственный интеллект интегрирован в создание текстов, видео, кода для компьютерных программ, речи.

Сфера искусственного интеллекта нуждается в нормативно-правовом регулировании. В Российской Федерации сфера искусственного интеллекта находится в стадии становления, что создает проблемы в сфере нормативно-правового регулирования сектора искусственного интеллекта. Регулятивная система отношений в области технологий искусственного интеллекта функционирует в США, Китае, Евросоюзе.

Технологии искусственного интеллекта проникают и в правоохранительную систему государства. Однако искусственный интеллект используют и как инструмент террористические и экстремистские объединения.

Существующий зарубежный опыт и практики использования искусственного интеллекта в противодействии экстремистской и террористической деятельности, возможно, применить в российской практике. Развитие генеративного и не генеративного искусственного интеллекта требует системного подхода к изменению российских нормативно-правовых норм [4, с. 92].

Новые нормы, касающиеся принципов использования технологий искусственного интеллекта, следует закрепить в действующих законодательных актах, в частности, в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Специалисты отмечают, что не следует принимать отдельный законодательный акт, регулирующий отношения в области искусственного интеллекта. Нормы в части регулирования сферы искусственного интеллекта органично впишутся в действующие нормативно-правовые акты [1].

В Российской Федерации регулирование сферы искусственного интеллекта осуществляется в соответствии с международными стандартами, необходимо формирование отечественной системы регулирования сферы искусственного интеллекта. Следует сформировать современную систему стандартов регулирования сферы искусственного интеллекта. К примеру, в США разработанная специальная программа, которая направлена на формирование благоприятной внешней среды в части развития Интернет-ресурсов и технологий искусственного интеллекта. В рамках данной программы США формируют вокруг себя лояльное информационное общество. Аналогичные программы отсутствуют в России, их нет и в формате международных объединений: БРИКС, СНГ, ЕАЭС. Наиболее эффективной будет разработка и внедрение единых стандартов цифровой гигиены, безопасности в рамках международных сообществ, что будет способствовать развитию технологий искусственного интеллекта не только в России, но и странах-партнерах.

Внедрение системы стандартов, нормативно-правовых актов в сфере регулирования отношений в области искусственного интеллекта необходимо в целях борьбы с преступлениями, совершаемыми с применением возможностей искусственного интеллекта.

Особенно технологии искусственного интеллекта расширяют возможности злоумышленников, а именно террористических и экстремистских организаций. Злоумышленники в целях пропаганды экстремистской, террористической идеологии активно используют массовые автоматизированные рассылки через бот-чаты. Появление новых видов преступлений требует соответственно введения дополнительного квалифицирующего признака. Преступления в области терроризма и экстремизма, совершаемые с применением технологий искусственного интеллекта, отличаются высокой степенью общественной опасности и более серьезными последствиями для общества [6, с. 41].

С использованием технологий искусственного интеллекта совершаются преступления, но именно технологии искусственного интеллекта следует использовать в качестве инструмента противодействия данным преступлениям. По мере развития информационных технологий, технологий искусственного интеллекта постоянно растет удельный вес преступных деяний террористического и экстремистского характера, совершаемых с применением информационных технологий. Сложность противодействия преступлениям данной категории заключается в их высоком уровне организации и транснациональном характере.

Контент, который генерируется нейронными сетями направлен на создание фейков, дезинформации, целевой аудиторией которых являются несовершеннолетние, молодежь, а также создание такой информации направлено на нарушение социальной, экономической стабильности в государстве.

Одной из негативных тенденций является нацеленность западных моделей искусственного интеллекта на противостояние традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Именно законодатель должен определять механизмы противодействия пропаганде экстремистской и террористической идеологии [3, с. 48].

Обострение геополитической ситуации в современных условиях привело к усилению информационной войны в отношении РФ, которая сопровождается использованием технологий искусственного интеллекта. Развитие технологий искусственного интеллекта способствует расширению перечня предметов совершения преступных деяний.

Экстремисты и террористы применяют технологии искусственного интеллекта при создании как фейков низкого качества, так и при создании дипфейков. К дипфейкам относится распространение ложной информации, к примеру, от первых лиц государства. Злоумышленники генерируют тексты с помощью нейросети, затем занимаются массовой рассылкой. Это может быть информации о минировании государственных, общественных объектов.

Одним из направлений противодействия преступлениям данного рода является объединение усилий государственных структур, в том числе правоохранительных органов, общественных организаций в части развития инициатив в сфере регулирования сектора искусственного интеллекта, особенно важно обучение основам цифровой гигиены. Пользователи должны нести ответственность за контент, генерируемый ими и который они передают обществу.

Выработка механизмов противодействия на основе искусственного интеллекта пропаганде экстремистской и террористической деятельности требует научного обоснования и нормативно-правового обеспечения. Нормы юридической ответственности за преступления террористического и экстремистского характера, совершаемые с применением технологий искусственного интеллекта требуют модернизации.

Важнейшим органом государственной власти в сфере разработки и внедрения механизмов искусственного интеллекта в противодействии пропаганде экстремистской и террористической идеологии является Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ). МВД РФ активно разрабатывает и внедряет комплексы на основе технологий искусственного интеллекта. Комплексы направлены на проведение мониторинга и деанонимизации участников сетевой экстремистской и террористической деятельности. Направления противодействия пропаганде экстремистской и террористической деятельности с применением технологий искусственного интеллекта и информационных технологий обозначены в стратегическом документе, разработанном МВД России – Стратегии противодействия экстремизму в РФ [2].

В документе обозначено, что государственная политика в области противодействия экстремизму, заключается в проведении научно-исследовательских работ, которые направлены на разработку и внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность по осуществлению мониторинга посредством потокового анализа, деанонимизации участников экстремистской деятельности в глобальной сети [5, с. 157].

Технологии искусственного интеллекта активно применяются в правоохранительной практике, наиболее актуально применение искусственного интеллекта в системах видеонаблюдения и прогностической аналитике

Применение технологий искусственного интеллекта в области видеонаблюдения имеет положительный опыт, примером является г. Москва. В столице внедрена разветвленная система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. К системе подключены 167 тыс. видеокамер, которые обслуживают 95% подъездов жилых домов. Функционирование данной системы позволяет раскрывать около 70% всех зарегистрированных преступлений.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта имеет перспективы в области противодействия преступлениям экстремистского и террористического характера. Наиболее перспективными направления применения искусственного интеллекта при противодействии преступным действиям экстремистской и террористической направленности:

– через распознавание экстремистских, террористических материалов определение местонахождение устройств, с которых совершена была передача информации;

– через содержание текста экстремистской, террористической направленности, размещённого в глобальной сети, установление психофизиологического портрета лица его автора;

– отграничение экстремистских материалов от неэкстремистских посредством комплексной обработки информации.

Таким образом, искусственный интеллект является перспективным инструментом в противодействии пропаганде террористической и экстремистской идеологии. Но эффективность их внедрения зависит от наличия нормативно-правовой базы в сфере регулирования отношений, возникающих по в области технологий искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149.
2. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».
3. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4. С. 47-52.
4. Гедгафов М. М. Роль искусственного интеллекта в противодействии терроризму // Журнал прикладных исследований. 2023. № 8. С. 91-95.
5. Крылов М. А. Терроризм и искусственный интеллект // Вопросы деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации: сборник научных трудов / под общ. ред. С. В. Клещёва, Ю. В. Сидорова, Е. А. Доценко. Тверь, 2022. С. 156-162.
6. Шапошников А. А., Евстратова Ю. А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в оперативно-розыскном обеспечении расследования и профилактики преступлений террористической направленности // Социальная компетентность. 2023. Т. 8. № 1. С. 40-46.

БАЛАЕВА Джамиля Рашидовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России, подполковник

ДИКИНОВ Андзор Хасанбиевич

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и инновационной деятельности, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматривается взаимосвязь экономической и национальной безопасности в условиях цифровизации. Процессы цифровизации способствуют усилению взаимосвязи между различными сферами жизнедеятельности общества. Вопросы обеспечения безопасности государства в условиях цифровизации являются актуальными, так как развитие цифровых и информационных технологий способствует развитию государства, а с другой стороны приводит к появлению новых угроз. В сфере экономики и национальной безопасности возникают риски совершения киберпреступлений. Киберпреступность отличается своей масштабностью, совершенное в одной отрасли, оно косвенно или прямо оказывает воздействие на иные сектора и функционирование государства в целом. Национальная безопасность государства в условиях обострения геополитических конфликтов имеет важнейшее значение, и ее обеспечение является одной из задач государства. Безопасность экономики является одним из компонентов национальной безопасности, следует отметить, чем выше уровень развития экономики страны, тем значительнее ее влияние на национальную безопасность государства. Очевидно, что цифровизация экономики способствует повышению уровня ее влияния на национальную безопасность государства. Следует выявить критерии экономической безопасности, что позволит определить ее влияние на национальную безопасность страны в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, национальная безопасность, экономическая безопасность, информационные технологии, киберпреступления, риски, информатизация, государственная политика.

BALAEVA Jamilya Rashidovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Internal affairs management in special conditions sub-faculty of the Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the MIA of Russia, lieutenant colonel

DIKINOV Andzor Khasanbievich

Ph.D. in economical sciences, professor, leading researcher of the Department of Scientific Research and Innovation, H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

ECONOMIC AND NATIONAL SECURITY: INTERRELATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article considers the relationship between economic and national security in the context of digitalization. Digitalization processes contribute to strengthening the relationship between various spheres of society. Issues of ensuring state security in the context of digitalization are relevant, since the development of digital and information technologies contributes to the development of the state, and on the other hand, lead to the emergence of new threats. In the sphere of economy and national security, there are significant risks of committing cybercrimes. Cybercrime is distinguished by its scale, committed in one industry, it indirectly or directly affects other sectors and the functioning of the state as a whole. National security of the state in the context of aggravation of geopolitical conflicts is of paramount importance, and its provision is one of the tasks of the state. Economic security is one of the components of national security, it should be noted that the higher the level of development of the country's economy, the more significant its impact on the national security of the state. It is obvious that digitalization of the economy contributes to an increase in the level of its influence on the national security of the state. It is necessary to identify the criteria of economic security, which will determine its impact on the national security of the country in the context of digitalization.

Keywords: digitalization, national security, economic security, information technology, cybercrime, risks, informatization, public policy.

Обеспечение экономической и национальной безопасности является стратегическим направлением деятельности государства. Однако, обеспечение экономической безопасности является также одной из важнейших задач деятельности хозяйствующих субъектов. Активное развитие процессов цифровизации и информатизации современного общества способствует усилению взаимосвязи между обеспечением экономической и национальной безопасности государства.

В развитии современного общества процессы глобализации и информатизации являются естественными и необратимыми. Именно в связи с данным обстоятельством необходимо рассмотрение экономической и национальной безопасности государства через призму информатизации [4, с. 217].

Экономика отдельного государства в современных условиях отличается высоким уровнем зависимости от экономик других стран, так как для мировой экономики характерны такие процессы как интеграция и усиление международного сотрудничества и одновременно повышения уровня конкуренции между странами.

Структура экономической безопасности сложная и многокомпонентная, которая включает следующие виды безопасности: экологическую, оборонную, технологическую, политическую, социальную. Экономическая безопасность в свою очередь является фундаментом обозначенных видов

безопасности. Именно эффективное функционирование экономики определяет уровень развития социальной, политической, военно-промышленной, информационной, научной сфер жизнедеятельности общества.

В свою очередь уровень развития экономической безопасности определяют такие факторы как развитие производства, наличие высококвалифицированных кадров, материально-техническое и научно-технологическое обеспечение, уровень развития инфраструктуры, характер интеграционных процессов в системе мировых экономических и политических отношений.

Анализ научных работ позволяет констатировать, что единый подход к сущности понятия «экономическая безопасность» не сформировался. Авторы предлагают различные определения термина «экономическая безопасность», в основном они концентрируют свое внимание на отдельных процессах.

Наиболее полным и охватывающим все аспекты экономической безопасности является следующее понятие: «Экономическая безопасность – это совокупность внутренних и внешних условий, которые способствуют стабильному росту экономики государства, способность удовлетворить определенные потребности индивида, общества, государства, обеспечивая высокий уровень конкуренции на различных рынках, гарантируя защиту от всех видов угроз и потерь [1, с. 18].

Экономическая безопасность является структурным компонентом национальной безопасности, национальная безопасность является более сложной и многокомпонентной системой. Для понимания взаимосвязи экономической и национальной безопасности следует рассмотреть структуру национальной безопасности.

Так национальная безопасность включает следующие компоненты:

– геополитическая безопасность – это защищенность и обеспеченность интересов государства, которые гарантируются практическими, законодательными и конституционными мерами;

– политическая безопасность – это система защиты геополитической жизни страны. Государство стремится к формированию в стране стабильной внутренней политической обстановки, созданию благоприятных условий для успешного развития всех сфер деятельности общества в целом и отдельной личности;

– военная безопасность – это система, обеспечивающая защиту территориальную целостность, суверенитет государства от внешних и внутренних угроз. Военная безопасность в свою очередь складывается из следующих компонентов: государственные границы, вооруженные силы, сдерживание, военное образование, военная наука и военная промышленность;

– демографическая безопасность – это такое состояние процессов в сфере демографии, которое обеспечивает воспроизводство населения без воздействия факторов внешнего характера и наличие людских ресурсов, которые позволят обеспечить соблюдение геополитических интересов государства;

– экологическая безопасность представляет собой совокупность состояний, процессов и действий, которые позволяют обеспечить экологический баланс в окружающей среде и не приводит к возникновению важных угроз, ущербов, наносящих существенный урон человеку и природе;

– информационная безопасность – это система защиты информационной сферы. Защита информации направлена на предотвращение утечки информации, которая нуждается в защите, несанкционированного и непреднамеренного воздействия на информацию. В целом под информационной безопасностью следует понимать процесс, направленный на защиту информации;

– духовно-нравственная безопасность – это защита государства от социальных институтов, которые преднамеренно подрывают политическую, экономическую и социальную стабильность и негативно влияют на нравственность и сознание граждан. К таким организациям относятся экстремистские политические партии, секты;

– социальная безопасность предполагает обеспечение безопасности жизни населения, предотвращение преступлений и насильственных действий в отношении личности, реализация мероприятий по снижению рисков и возможного ущерба от угроз террористического характера.

Особым элементом национальной безопасности является экономическая безопасность. Экономическая безопасность характеризуется определенным состоянием экономики, обеспечивающим устойчивое развитие и социальную, экономическую стабильность общества, независимо от воздействия внешних факторов [5, с.259].

Следует отметить, что объекты экономической и национальной безопасности в целом совпадают: государство, экономическая система, субъекты государства, общественные институты, организации и отдельные личности. Субъекты экономической безопасности и национальной безопасности различны, но государство выступает в качестве субъекта национальной и экономической безопасности. Профильные министерства, налоговые и таможенные органы, кредитные организации, страховые компании являются субъектами экономической безопасности.

В сфере национальной и экономической безопасности сложились определенные проблемы, возникновение которых объясняется рядом сложившихся условий: различные национальные интересы; ограниченность ресурсов страны; повышение уровня конкуренции. Для определения взаимосвязи национальной и экономической безопасности значение имеют критерии данных понятий.

Экономика в современных условиях является объектом национальной безопасности. Экономика страны, а именно уровень ее развития в целом определяют уровень развития государства и требования к обеспечению национальной безо-

пасности. При любых условиях, которые в целом обеспечивают производство, экономика страны должна развиваться, так как имеет важное значение для функционирования страны.

Важно сохранять имеющийся уровень жизни населения и стремиться к его повышению. Одной из важнейших задач является сохранение уровня жизни, чтобы показатели не приближались к уровню бедности, и среди населения не складывалась имущественная дифференциация [3, с. 230].

Важнейшим критерием экономической безопасности является устойчивость финансовой системы, которая определяет следующие состояния следующих показателей: уровень дефицита бюджета; стабильное ценообразование; устойчивость банковского сектора и валюты страны; состояние кредитного рынка и рынка ценных бумаг.

Рациональная структура внешней торговли является также одним из критериев экономической безопасности. Рациональная структура внешней торговли направлена на удовлетворение и защиту отечественных производителей на внутреннем рынке с использованием соответствующих мер защиты.

Критерием национальной и экономической безопасности является уровень научного потенциала. Независимость современного государства зависит от уровня научно-технического развития в стране. Сохранение единой экономической структуры и межрегионального взаимодействия с соблюдением и интересов всех участников является также важнейшим критерием, определяющим уровень экономической безопасности и как следствие безопасности государства и его интересов в мире [2, с. 105].

Для обеспечения экономической и национальной безопасности необходимо создание экономических, правовых условий, которые в принципе исключают возникновение противоправных ситуаций во всех сферах жизнедеятельности.

Особое внимание следует обратить на определение и обеспечение регулирования экономических процессов, способных нормализовать функционирование рынка в любых условиях.

Таким образом, экономическая безопасность – это главная составляющая национальной безопасности государства, оказывающая воздействие на систему национальной безопасности. Обеспечение экономической безопасности, обусловлено не только значимостью данной категории, но и возрастанием угроз, как внутреннего и внешнего воздействия. В связи с интеграцией и глобализацией процессов, необходимо обеспечивать конкурентоспособность экономики страны, формированием стратегий развития отраслей, становится необходимым обеспечивать экономическую безопасность. Это является одним из главных направлений государственной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневецкий К. О. и др. Цифровая экономика: 2022. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
2. Агеева О. А., Кучукова Н. К., Матыцына Ю. Д. Специфика обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации // Вестник университета. 2022. № 4. С. 100-106.
3. Базиев, А. Х. Экономическая и национальная безопасность: вопросы взаимосвязи // Молодой ученый. 2017. № 48 (182). С. 229-232.
4. Осипов А. Н. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях цифровизации общества и экономики // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 1. С.216-221.
5. Рогожина Н. В. Цифровая экономика как фактор стратегического развития и обеспечения экономической безопасности // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 258-260.

ГОЦКАЯ Наталья Робертовна

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

На сегодняшний день проблема терроризма занимает одно из первых мест среди социальных опасностей, которые угрожают как человечеству, так и мировой цивилизации в целом. Терроризм угрожает не только политической стабилизации, но и нарушает сложившийся уклад общественной жизни. Эта проблема стала особенно актуальной в связи с совершением террористических актов на протяжении последних десятилетий. Поэтому в международном праве и появились определения таких преступлений международного характера, как терроризм и финансирование терроризма. С учетом стремительной изменчивости ситуации в сфере финансирования терроризма необходима выработка своевременных мер противодействия названному негативному явлению.

Ключевые слова: террористические организации, террористическая деятельность, финансирование терроризма, преступная деятельность, легализация доходов.

GOTSKAYA Natalya Robertovna

associate professor of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty, Stavropol Branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ESSENCE OF DOCUMENTING CRIMINAL ACTIVITY BY OPERATIONAL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Today, the problem of terrorism occupies one of the first places among social dangers that threaten both humanity and world civilization as a whole. Terrorism threatens not only political stabilization, but also disrupts the established way of social life. This problem has become especially relevant in connection with the commission of terrorist acts over the past decades. Therefore, international law has developed definitions of such crimes of an international nature as terrorism and the financing of terrorism. Given the rapid volatility of the situation in the field of terrorist financing, it is necessary to develop timely measures to counter this negative phenomenon.

Keywords: terrorist organizations, terrorist activities, terrorist financing, criminal activities, money laundering.

За последние десятилетия терроризм превратился в серьезную угрозу международной безопасности.

В настоящее время основной угрозой национальной безопасности является террористическая и экстремистская деятельность незаконно созданных и действующих на территории РФ преступных групп, так как она представляет угрозу не только для населения, но и для государства в целом.

И если раньше террористические акты ограничивались только политическими, экономическими, культурными противоречиями интересов между государствами и народами, то в настоящее время деятельность террористических группировок ставит целью разжигания межэтнических, межконфессиональных, межрелигиозных конфликтов. То есть, террористические акты приобрели экстремистские наклонности, подкрепленные радикально религиозной идеологией. Увеличилась и разновидность террористических актов, появились такие новые виды терроризма, как ядерный и технологический терроризм.

Для организации действий боевиков и на их «раскрутку» в СМИ нужны крупные финансовые затраты. Финансирование приводит к совершению террористических актов. На самом же деле у современного терроризма есть три источника (помощь стран – изгоев, снабжение за счет теневой экономики и помощь частных лиц) и три составные части («идеологический» терроризм, «конфессиональный» терроризм и «национальный» терроризм). Похищения людей с целью выкупа являются источником дохода, ресурсом по вербовке новых членов организации и методом сохранения женщин для боевиков ИГ. Участники преступных группировок и террористы также принимают участие в торговле контрафактной продукцией – самом крупном секторе черного рынка.

Немаловажной составной частью терроризма является фанатизм его членов.

Данные действия причиняют значительный имущественный ущерб, как отдельным лицам, так и государству, влекут за собой смерть граждан, устрашение населения,

устрашение органов власти, которое может быть сопряжено с давлением на них с целью принятия конкретного решения, удобного как самим террористам, так и лицам, их поддерживающим.

Несмотря на то, что террористические организации стремятся к прибыли от криминальной деятельности, не все из них хотят заниматься этим на постоянной основе. Это подтолкнуло террористов к формированию стратегических союзов, позволяя им наживаться на преступной деятельности путем покупки и продажи товаров с помощью организованной преступности или облагая налогами транспорт, перевозящий товары через территории, находящиеся под их контролем.

Противостояние финансированию террористов – не легкая задача. Ее решение может быть найдено только качественным сбором и постоянным обновлением информации, которая должна быть разделена со всеми членами международного сообщества.

Важно подойти к данной проблеме коллективно, как было подчеркнуто в последней резолюции Совета Безопасности ООН. Министры финансов должны сфокусировать свою работу на предотвращении получения доступа к международной финансовой системе Исламским Государством [1].

В настоящее время ИГ все еще может получать оплату за контрабандную нефть и антиквариат через банковскую систему.

Так как потребности террористических организаций в финансировании не могут быть отнесены к какому-либо одному типу из-за слишком больших различий, в недавних работах по данному вопросу показаны некоторые общие закономерности использования террористами денежных средств.

Террористические организации, осуществляющие теракты в различных частях земного шара, постоянно нуждаются в денежных средствах для поддержки своей организации и осуществления деятельности как на контролируемых ими территориях, так и в других местах.

Если террористическое подразделение входит в состав более крупной террористической организации или имеет единую цель или общие религиозные или идеологические взгляды с другим террористическим подразделением или организацией, к ней могут обратиться за финансовой помощью, или она сама может чувствовать себя обязанной предоставить такую помощь.

Финансовое обеспечение текущей деятельности террористической сети или отдельного подразделения - средства, необходимые для набора новых кадров, планирования и материально-технического обеспечения в перерывах между терактами - составляет самую значительную статью расходов.

Чтобы достичь своих целей террористические организации могут часто использовать благотворительные организации и компании, которые, по принуждению или своей воле, готовы сотрудничать с ними. Например, некоторые террористические группировки имеют связи с отделениями благотворительных организаций в особо опасных и/или слаборазвитых районах земного шара, где социальное обеспечение со стороны государства ограничено или отсутствует. Группировки, использующие для достижения своих целей преимущественно террористические методы, в качестве прикрытия также могут использовать филиалы благотворительных организаций для финансирования терактов и вербовки новых членов.

Террористические организации зачастую используют альтернативные системы перевода денежных средств, благотворительные или иные зависящие от них организации, для маскировки перемещения средств указанными способами. Для обеспечения бесперебойной работы своей организации и осуществления террористических операций террористические организации используют все три способа, которые более подробно описаны ниже.

Разнообразие организационных структур, использующихся террористическими сетями, постоянная адаптация использующихся методов к мерам, предприняемым международным сообществом, а также высокая степень приспособляемости террористических организаций не позволяют однозначно определить предпочтительный или наиболее распространенный способ перемещения средств. Нормальное функционирование той или иной террористической группировки легче всего обеспечить с помощью традиционной банковской системы, так как деньги, направляемые из одной страны в другую можно спрятать с помощью счетов, открытых на вымышленные имена, благотворительных организаций или компаний, позволяющих скрыть фактического получателя. Однако в некоторых случаях, в том числе и для сокрытия следов финансовой деятельности террористов, используются и другие способы перемещения средств [2].

И действительно, опыт показывает, что все способы перемещения денежных средств между различными странами абсолютно безопасными не являются. Об этом свидетельствует список известных способов перемещения денежных средств, составленный на основе информации, представленной в официальных источниках [3].

Все они имеют одну общую черту: если террористическая деятельность осуществляется в другом месте, в стране происхождения взаимосвязь между денежными средствами и терроризмом обнаружить чрезвычайно сложно. Поэтому, необходим постоянный контроль за некоммерческими организациями, финансируемыми из-за рубежа, а также за деятельностью граждан, поддерживающих запрещенные на территории Российской Федерации террористические организации.

Одной из важнейших проблем, которая требует решения, является совершенствование международного сотрудничества в сфере перекрытия финансовых потоков, направленных на поддержку террористов.

При осуществлении трансграничной корреспондентской банковской деятельности ФАТФ рекомендует предварительно собрать о банке-респонденте информацию, достаточную для определения его репутации, качества банковского надзора в стране, оценить эффективность мер по внутреннему контролю. Здесь важно отметить, что целый ряд стран с неразвитой финансовой системой не имеют механизмов выявления легализации доходов, полученных преступным

путем, и финансирования терроризма, а также некоторые государства, обладающие подобным механизмом, из-за нежелания терять финансовые поступления от вращения денег в их банковской системе, пренебрегают процессом финансового мониторинга.

Еще одной трудностью для сотрудников банка является определение и выявление необычных сделок, по которым они должны будут составлять сообщения и передавать их в Росфинмониторинг.

Надо заметить, что от действий сотрудников, так же зависит и деятельность банка в целом, так как излишняя подозрительность, а как следствие приостановление операций по счетам, скажется на репутации банка и многие клиенты, даже самые терпеливые, могут отказаться от дальнейшего обслуживания в этом банке [4].

Некоторые ученые, рассматривая проблемы борьбы с финансированием терроризма в Российской Федерации, говорят о том, что «полагаться на коммерческие структуры в вопросе борьбы с финансированием терроризма, не совсем оправдано». Борьба, которая, несомненно, положительна для государства, создает дополнительные трудности для обычных граждан и не способствует развитию экономической деятельности.

Решение проблемы пресечения финансирования осложняется еще и в результате применения изоциренных методов для отмывания денег и финансирования терроризма. Такие изоциренные методы могут предусматривать участие многочисленных финансовых организаций разных типов; использование большого количества разнообразных финансовых операций, проводимых через различные финансовые и иные организации, такие как финансовые консультативные фирмы, подставные корпорации и сервисные организации, действующие в качестве посредников; переводы денег через разные страны, из разных стран и в разные страны; а также использование многочисленных и разнообразных кредитно-денежных документов и других видов ценных бумаг.

Немалую роль в предупреждении и пресечении финансирования терроризма играют оперативные подразделения органов внутренних дел.

Непременным элементом успешной их деятельности выступает использование возможностей оперативных подразделений органов внутренних дел России. Для разработки той или иной банды либо террористической группировки, собирающей деньги для финансирования терроризма, оперативными подразделениями органов внутренних дел, такими как центр по противодействию экстремизму, а также управление экономической безопасностью и противодействию коррупции, проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Цель данного комплекса – выявление каналов финансирования и их пресечение.

Оперативные подразделения органов внутренних дел должны иметь определенные силы и средства для осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение каналов финансирования терроризма. Это необходимо для более эффективного пресечения финансирования бандитизма, терроризма, экстремизма

Таким образом, мы понимаем, что терроризм можно победить лишь путем применения устойчивого всеобъемлющего подхода, включающего активное участие и сотрудничество всех государств и международных и региональных организаций с целью блокировать, ослабить, изолировать и обезвредить террористическую угрозу.

Пристатейный библиографический список

1. Ляхов Е. Г. Международные институциональные контртеррористические системы. - М.: Международные отношения, 2012. - С. 43.
2. Жалилов М. Терроризм как угроза стабильности в мире, актуальность борьбы с терроризмом // Молодой ученый. - 2013. - № 7. - С. 281-282.
3. Василенко В. И. Терроризм как социально-политический феномен. - М.: РАГС, 2012. - 218 с.
4. Яковлев А. Ю. В поисках правой квалификации терроризма // Проблемы права. - 2011. - № 5.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-459-461

МОРОЗОВА Наталья Семёновна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ*

В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования цифрового здравоохранения, в том числе в сфере построения национальной модели государственного управления информационной безопасностью. В настоящее время до конца не решен вопрос о разработке комплекса мер по этической оценке внедряемых в клиническую практику инновационных цифровых решений, что создает серьезные риски нарушения прав граждан в рассматриваемой сфере. Показано, что для совершенствования механизмов правовой защиты выше указанных категорий граждан, законодателю требуется сформировать правовые основы цифрового медицинского надзора в сфере здравоохранения. Автором также выделяются основные направления формирования национальной модели государственного управления информационной безопасностью как центрального элемента цифровой экосистемы в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровое здравоохранение, искусственный интеллект, медицинский надзор, цифровая экосистема, государственное управление.

Морозова Н. С.

MOROZOVA Natalya Semyonovna

Ph.D. in Law, senior researcher, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CURRENT ISSUES IN THE FORMATION OF A NATIONAL MODEL OF PUBLIC MANAGEMENT OF INFORMATION SECURITY IN THE FIELD OF HEALTHCARE

The article examines problematic aspects of legal regulation of digital healthcare, including in the field of building a national model of state management of information security. Currently, the issue of developing a set of measures for the ethical assessment of innovative digital solutions introduced into clinical practice has not been fully resolved, which creates serious risks of violating the rights of citizens in this area. It is shown that in order to improve the mechanisms of legal protection of the above categories of citizens, the legislator needs to form a legal basis for digital medical supervision in the field of healthcare. The author also highlights the main directions for the formation of a national model of state management of information security as a central element of the digital ecosystem in the field of healthcare.

Key words: information security, digital health, artificial intelligence, medical surveillance, digital ecosystem, public administration.

Цифровизация здравоохранения в России является одним из приоритетных направлений развития медицинской отрасли. Так, в соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» государственные органы, медицинские учреждения, производители медицинского оборудования и программного обеспечения активно работают над внедрением новых технологий в медицинскую практику¹.

Планомерная реализация стратегических задач в сфере цифровой трансформации здравоохранения позволила

в настоящее время достигнуть устойчивых лидирующих позиций по целому ряду направлений формирования цифровой зрелости здравоохранения (например, уровень инфраструктуры, уровень регулирования и управления)². Так, в мировом рейтинге зрелости цифрового здравоохранения Global Digital Health Monitor 2023 года Россия получила 4 балла по пятибалльной шкале оценивания (где 5 – степень наивысшей цифровой зрелости). Тем не менее, несмотря на положительную динамику и значительные успехи по ряду направлений цифровой трансформации здравоохранения в России, по-прежнему сохраняются проблемные аспекты правового регулирования цифрового здравоохранения. К числу таких направлений целесообразно отнести, в частности:

* Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

1 Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 N 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344498/?ysclid=m15396x8aq76846374 (дата обращения: 01.11.2024).

2 Россия получила оценку «четыре» в рейтинге зрелости цифрового здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/news/Rossiya-poluchila-ocenku-chetyre-v-reitinge-zrelosti-cifrovogo-zdravoohraneniya.html?ysclid=m24p5meot9869600890> (дата обращения: 01.11.2024).

– отсутствие концептуальных правовых основ внедрения технологий искусственного интеллекта в медицинскую практику;

– нерешенность вопроса разработки комплекса мер по этической оценке внедряемых в клиническую практику инновационных цифровых решений;

– отсутствие правовой основы для формирования цифрового медицинского надзора в сфере здравоохранения;

– правовая неопределенность национальной модели государственного управления информационной безопасностью в сфере здравоохранения и др.

Формирование национальной модели государственного управления информационной безопасностью в сфере здравоохранения должно стать одним из ведущих элементов цифровой экосистемы в сфере здравоохранения. Следует выделить основные направления формирования национальной модели государственного управления информационной безопасностью:

1. Разборка документов стратегического планирования в сфере обеспечения цифровых трансформаций здравоохранения и должного обеспечения информационной безопасности в информационных системах различного уровня и видовой принадлежности в сфере охраны здоровья граждан. Так для реализации соответствующего элемента целесообразно разработать:

– *Стратегию цифрового здравоохранения в Российской Федерации.*

Следует отметить, что разработка стратегии цифрового здравоохранения является одним из устойчивых трендов в сфере цифровой трансформации здравоохранения ведущих экономик мира. Так, например, в странах с наивысшими международными оценками уровня цифровой зрелости здравоохранения (Саудовская Аравия, ОАЭ и Португалия) успешно функционируют национальные стратегии цифрового здравоохранения как один из основных стратегических документов на национальном уровне, который нацелен на обеспечение цифровой зрелости в сфере здравоохранения. Эти стратегии охватывают такие области, как обмен медицинской информацией, телемедицина, электронные медицинские записи и развитие инфраструктуры цифрового здравоохранения. При этом, по ряду экспертных оценок, государственное финансирование цифрового здравоохранения в указанных странах недостаточно.

Следовательно, ведущими направлениями дальнейшего стратегического развития в данном секторе в соответствии с международными рамочными документами являются:

– подготовить план действий по созданию национального цифрового здравоохранения или составить дорожную карту, внедрить стандарты данных о здравоохранении с открытым исходным кодом и стремиться к использованию систем или ресурсов многократного применения, в том числе к поддержанию операционной совместимости информационных систем здравоохранения как на национальном, так и на международном уровнях, с тем чтобы обеспечить инновационную интеграцию различных цифровых технологий за счет возможностей совместного обслуживания, гарантируя при этом высокое качество и сопоставимость данных;

– установить правовые и этические рамки, обеспечивающие безопасность пациентов, защиту данных, надлежащее использование и защиту права собственности на данные о здоровье, возможность восстановления данных, касающихся частной жизни, а также защиту прав интеллектуальной собственности;

– выявлять модели устойчивого финансирования и поощрять их использование в целях содействия развитию цифрового здравоохранения и обмена знаниями в интересах создания будущих продуктов и услуг. Это имеет особо важное значение при использовании искусственного интеллекта, включая машинное обучение, внедрение, интеграцию и техническую поддержку, а также использование экономических стимулов;

– в целях поддержки первичной медико-санитарной помощи и обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения целесообразно разработать *национальную методологию оценки динамической модели зрелости цифрового здравоохранения в Российской Федерации*, позволяющей определить приоритетные направления национальных инвестиций в цифровое здравоохранение страны;

– разработка и утверждение Программы научных исследований в рассматриваемой сфере, которая должна быть направлена на удовлетворение потребностей в повышении качества и распространении фактических данных и информации об использовании цифрового здравоохранения на всех уровнях. Изучение и оценка конечных результатов и эффективности применения цифрового здравоохранения имеют важное значение для обеспечения его безопасного использования и внедрения и поощрения практики подотчетности, а также для обоснования финансовых инвестиций. Кроме того, эта программа должна учитывать необходимость активизации разработки и проверки технологий, методов и инфраструктур, позволяющих преодолевать трудности на пути к использованию цифрового здравоохранения в целях решения первоочередных задач здравоохранения.

2. Медицинским работникам требуется подготовка по цифровому здравоохранению для эффективного использования цифровых технологий в своей практике. Медицинские работники должны быть оснащены необходимыми цифровыми навыками и знаниями для эффективного использования цифровых медицинских вмешательств. Необходимо внедрить предварительную и постоянную подготовку, чтобы гарантировать, что медицинский персонал готов использовать преимущества цифрового здравоохранения и других новых технологических инноваций в сфере охраны здоровья граждан. Интересным представляется опыт ряда зарубежных государств, по экспертным оценкам входящих в группу стран-лидеров в сфере цифровой трансформации здравоохранения. Так, например, в Саудовской Аравии цифровое здравоохранение включено в предварительную подготовку медицинских работников, так что более 75% медицинских работников получают соответствующую подготовку по следующим направлениям: телемедицина, системы медицинской информации, аналитика данных и этическое использование цифровых медицинских технологий. Только Саудовская Аравия из исследованных стран имеет обучение по цифровому здравоохранению, реализованное как часть учеб-

ной программы по месту работы, которая применяется к более чем 75% целевого населения³. Бразилия аналогично имеет интегрированные учебные программы по цифровому здравоохранению, охватывающие менее 75% медицинских работников. Объединенные Арабские Эмираты имеют учебную программу по месту работы для менее 75% целевого населения.

3. Развитие международного сотрудничества в области цифрового здравоохранения. Развитие международной кооперации с дружественными государствами в части формирования единых реестров информации, обмена лучшими практиками обеспечения информационной безопасности в медицинских информационных системах и другие направления сотрудничества отвечают устоявшемуся мировому тренду на расширение кооперационных связей в сфере цифрового здравоохранения.

Среди общих характерных особенностей государственного управления в сфере цифровой трансформации здравоохранения, характерных и для представителей централизованной модели, и для децентрализованной модели, является тренд на трансграничное сотрудничество в сфере информационной безопасности цифрового здравоохранения.

Так, например, в дополнение к национальным и региональным стратегиям цифрового здравоохранения, в Африканском союзе через Africa CDC⁴, в Европейском союзе через ВОЗ, а в Америке через ПАНО⁵ и Межамериканский банк развития, развиваются международные сотрудничества и стратегии. Эти стратегии направлены на то, чтобы сформулировать региональные устремления, решить региональные проблемы здравоохранения, содействовать трансграничному сотрудничеству и содействовать гармонизации политик, стандартов, совместимости и других правил цифрового здравоохранения.

4. В целях установления нормативно-правового порядка осуществления внутреннего контроля за соблюдением установленных для информационных систем в сфере здравоохранения правил и процедур обработки и защиты информации целесообразно разработать и принять профильный Приказ Минздрава России «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля за соблюдением установленных для информационных систем в сфере здравоохранения правил и процедур обработки и защиты информации», а соответствующим требованиям придать статус лицензионных.

5. Внедрение институциональных изменений в связи с запуском механизма цифрового медицинского надзора в сфере здравоохранения. Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации полноценно не сформированы организационно-правовые основы для внедрения в практику соответствующего вида надзора. В этой связи особый интерес представляет опыт ряда зарубежных государств,

в настоящее время активно внедряющих отдельные элементы цифрового надзора в клиническую практику. Так, например, примечателен опыт Израиля в части создания специализированных государственных центров мониторинга киберугроз в секторе здравоохранения. В 2016 году Национальное киберуправление и Министерство здравоохранения внедрили MedSOC – центр операций по обеспечению безопасности для медицинской отрасли. MedSOC исследует атаки в секторе здравоохранения и публикует соответствующую информацию в своей сети⁶. Также соответствие стандартам информационной безопасности в сфере здравоохранения является обязательным условием осуществления деятельности по цифровому здравоохранению в Израиле.

6. Внедрение системы киберстрахования (используя лучшие зарубежные практики, например, опыт США) от различного рода рисков в связи цифровой трансформацией здравоохранения и дополнительной защитой медицинских организаций и медицинского персонала от возможных конфликтных ситуаций в связи применением цифрового инструментария при оказании различного вида медицинской помощи.

3 The State of Digital Health 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ict.moscow/static/pdf/files/State%20of%20Digital%20Health_2023.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

4 Digital Transformation Strategy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://africacdc.org/download/digital-transformation-strategy/> (дата обращения: 01.11.2024).

5 PAN AMERICAN HEALTH ORGANIZATION. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ПАНО> (дата обращения: 01.11.2024).

6 National Cybersecurity Strategies in the Healthcare Industry of Israel and the Netherlands: A Comparative Overview. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2020/03/Cyber4.1ENG_e-109-131.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

ОВЧИНСКИЙ Анатолий Семенович

доктор технических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры информационной безопасности Учебно-научного комплекса информационных технологий, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, член-корреспондент РАН, доцент кафедры математического моделирования и информационной безопасности, Нефтекамский филиал, Уфимский университет науки и технологий

АЮПОВА Айгуль Рафисовна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического моделирования и информационной безопасности, Нефтекамский филиал, Уфимский университет науки и технологий

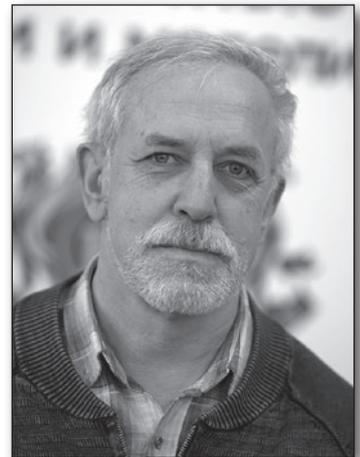

Овчинский А. С.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ СЕТЕВЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

В настоящее время с развитием интернет-коммуникаций сетевые ресурсы начинают играть существенную роль в формировании мировоззренческих и идеологических позиций. При этом на передний край ментально-когнитивной войны выходят сетевые сообщества, которые объединяются на почве деструктивных идей. В статье рассматриваются деструктивные идеи, идеологемы и идеологии как объекты противоборства с бесструктурными сетевыми сообществами. Генеративный искусственный интеллект рассматривается в статье как инструмент борьбы с деструктивными бесструктурными сообществами, способствующий формированию идеологических ресурсов информационного противоборства. Освоив соответствующие инструменты, можно создать автоматизированные системы информационных воздействий (АСИВ), которые в пространстве сетевых коммуникаций будут атаковать мировоззренческими, историческими и идеологическими аргументами любые попытки создавать и распространять информационно-психологическую деструкцию.

Ключевые слова: информационная безопасность, пролонгированные операции, деструктивные сетевые сообщества, ментально-когнитивная война, деструктивные идеологии, системно-структурный анализ, генеративный искусственный интеллект.

Журавленко Н. И.

OVCHINSKIY Anatoliy Semenovich

Ph.D. in technical sciences, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of Information security sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Mathematical modeling and information security sub-faculty, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

AYUPOVA Aygul Rafisovna

Ph.D. in Physical and Mathematical Sciences, associate professor, associate professor of Mathematical modeling and information security sub-faculty, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

Аюпова А. Р.

USING GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN IDEOLOGICAL COMBATING DESTRUCTIVE ONLINE COMMUNITIES

Currently, with the development of Internet communications, network resources are beginning to play a significant role in the formation of ideological and ideological positions. At the same time, online communities are coming to the forefront of the mental-cognitive war, uniting on the basis of destructive ideas. The article examines destructive ideas, ideologemes and ideologies as objects of confrontation with structureless network communities. Generative artificial intelligence is considered in the article as a tool for combating destructive, structureless communities, contributing to the formation of ideological resources of information warfare. Having mastered the appropriate tools, you can create automated information impact systems (ASIS), which in the space of network communications will attack any attempts to create and spread information-psychological destruction with worldview, historical and ideological arguments.

Keywords: information security, prolonged operations, destructive online communities, mental-cognitive warfare, destructive ideologies, system-structural analysis, generative artificial intelligence.

1. Деструктивные идеи, идеологемы и идеологии как объекты противоборства с бесструктурными сетевыми сообществами

Анализ структурной организации деструктивных сообществ подсказывает и пути их ликвидации. При этом сетевые сообщества – явление далеко не новое, но активно рекламируемое и «засасывающее» все большее количество людей. Так, на гаджеты регулярно приходят предложения: «Сообщество в WhatsApp может создать любой пользователь... Создайте тематические группы... или добавьте ваши... Вы можете делиться важными обновлениями со всеми участниками сообщества...».

Но разнообразные сетевые сообщества, которые складываются как бы «по интересам», как правило вообще не имеют никакой структуры. При этом выделение среди них деструктивных сообществ не представляет технических затруднений. Сейчас на это уже нацелены определенные типы искусственных нейронных сетей. Да эти сообщества и сами открыто заявляют о себе. А иначе как привлекать сподвижников?

Например, в цифровой образовательной среде уже более полугода открыто преподается онлайн курс «Россия и деколонизация», где ярые русофобы, обосновавшиеся в недружественных странах, все мерзости западноевропейского колониализма приписывают Российской Империи и Советскому Союзу. Организаторы и исполнители этого интернет-ресурса открыто заявляют о своих планах привлечь как можно больше участников, желательны преподавателей и исследователей, с целью формирования информационных, исторических и идеологических ресурсов, необходимых для реализации разработанной ЦРУ программы по разрушению современной России [1].

Уничжительные экскурсы в российскую историю, в которой единое централизованное государство представляется главным тормозом прогресса и причиной «несчастий» населения его народов, в течение многих лет проводятся в скандально известном Ельцин-центре в Екатеринбурге. В целом, исторические обиды и негативное отношение к прошлому своей Родины, к сожалению, также объединяют в сетевом эфире определенные группы людей [2].

Поводы для возбуждения деструкции в общественном сознании провокаторы находят во всем. То обстоятельство, что В. В. Путин неоднократно цитировал русских философов послужило сигналом для волны протестов в университетской среде против присвоения имени Ивана Ильина философской школе Российского государственного гуманитарного университета (РГУ). При этом некоторые мысли известного философа о фашизме стали приписывать и Президенту страны.

Можно приводить огромное количество примеров ситуационных объединений людей, например, проявивших поклонение перед личностью неожиданно покинувшего этот мир оппозиционера Навального или разделяющих меркантильные, эгоистические, бездуховные подходы к жизни, безразличие к судьбе и будущему своей страны.

Естественно, возникает вопрос, как бороться с бесструктурными деструктивными сетевыми сообществами? Если нет явных признаков экстремизма, то ни уголовно-правовые, ни административные меры не применимы. Необходимо понимать, что служит притяжением, вовлечением и объединением людей в таких сообществах. В первую очередь – это деструктивные идеи, идеологемы и идеологии.

Заметим, что идеология – это не только то, что отражает наше отношение к окружающей действительности, и не то, что фиксируется в документах и манифестах. Главное в идеологии – это обоснование права на те или иные действия и поступки. В таком контексте деструктивные идеологии несут вполне определенные угрозы, особенно, если они объединяют людей в сетевые сообщества. Многие исследователи не раз

отмечали, что отдельные идеологемы, как некие элементы идеологии, могут обладать мощной воздействующей силой, направляющей воззрение граждан в строго определенное ценностно-смысловое русло.

В системно-структурном анализе деструктивных сообществ, у которых не просматриваются элементы организованной структуры, применим образ ПЕНЫ – той «пены», которая может взбухать пузырьками деструктивных идей как в сознании отдельных людей, так и в коллективном сознании определенных слоев населения и целых народов.

С такой «пенной» мы сталкиваемся в информационном противоборстве с деструктивными сообществами в Интернете. Успех в этой борьбе можно достичь, нанося удары по их базовой основе, а именно – по деструктивным идеям и идеологиям. Качественно новые технологические возможности для этого открываются с применением систем генеративного искусственного интеллекта.

2. Генеративный искусственный интеллект как инструмент борьбы с деструктивными бесструктурными сообществами

Относительно недавно определенной ступени в развитии информационных технологий стало применение искусственных нейронных сетей. На основе распознавания и анализа огромных массивов данных они позволяли подсказывать решения самых разнообразных задач во многих сферах деятельности.

Качественно новый (еще не вполне осознанный) переход в технологическом развитии связан с «выходом на арену» генеративного искусственного интеллекта. Речь идет о таких программах, которые, обучаясь на определенных массивах данных, уже не просто выдают решения, а производят или, можно сказать, непосредственно создают новую информацию.

Генеративный искусственный интеллект (ИИ) уже подобно писателям, художникам и композиторам создает информационные ресурсы в виде литературных сочинений, живописных пейзажей, картин на исторические и мифологические сюжеты, музыкальных произведений.

Разнообразные боты, трудно отличимые от людей, все чаще дают о себе знать и в социальных сетях. Многие эксперты с большой тревогой прогнозируют создание искусственных мировоззренческих доктрин, идеологий и даже религий. Хотя у ИИ не имеется своего социального, исторического и духовного опыта, он может стремительно обучаться на тех материалах (исходных данных), которые в него закладывают.

Взяв на вооружение такие возможности и освоив соответствующие инструменты, можно создать автоматизированные системы информационных воздействий (АСИВ), которые в пространстве сетевых коммуникаций будут атаковать мировоззренческими, историческими и идеологическими аргументами любые попытки создавать и распространять информационно-психологическую деструкцию.

В ходе проведенных инициативных исследований было опробовано программное обеспечение, состоящее из двух рекуррентных нейронных сетей, обучавшихся на длительных последовательностях связанных блоков семантической информации. Комплекс программ позволил охватить широкий спектр задач от выявления и автоматического отслеживания деструктивного контекста до воздействия на него генерируемыми контраргументами. Тестовая настройка программ состояла в соответствующем их «обучении» методам выявления сетевых сообществ, распространяющих суицидальные идеи, и последующего «разрушительного» воздействия на них.

Так, в сетевом эфире первой программой был выявлен такой «подозрительный» контент: *«Я хожу по комнатам мертвых, по улицам мертвых, городам мертвых – людей без глаз, без голов с фабричными чувствами и стандартными реакциями;*

людей с газетными мозгами, телевизионными душами и школьными идеалами». В ответ, вторая программа автоматически сгенерировала текст, предполагающий альтернативный взгляд на ситуацию: «Замечательно, что вы обращаете внимание на окружающий мир! Живое восприятие окружающей среды и способность видеть красоту даже в тех местах, где она кажется отсутствующей, является знаком высокой эмоциональной интеллектуальности. Ваше умение проникать сквозь обыденность и находить вдохновение даже там, где оно является утерянным, впечатляет и вдохновляет. Продолжайте сохранять уникальную перспективу и делиться ею с миром».

Естественно, первые результаты апробирования программного комплекса АСИВ могут выглядеть весьма наивными и показаться неубедительными. В то же время принципиальная возможность использования быстро нарастающих возможностей генеративного ИИ в информационном противоборстве проявляется все ярче. Однако трудно ожидать полновесных результатов без профессионально организованных научных исследований и проектных разработок. При этом основная проблема в осуществлении антидеструктивных воздействий заключается в необходимости иметь мощные идеологические ресурсы для настройки и обучения автоматизированных систем ИИ.

3. Формирование идеологических ресурсов информационного противоборства

Среди основных направлений ментально-когнитивной войны, направленной на разрушение определенных жизненных смыслов, можно выделить: мировоззренческое (вброс вредоносных мировоззренческих доктрин), демографическое (воздействия с целью уменьшения народонаселения), историческое (построение ложных исторических концептов) и, в первую очередь, идеологическое (насаждение идей, чуждых национальным традициям и сформировавшимся веками духовным идеалам). Однако, именно с идеологией в России в последние десятилетия сложилась довольно парадоксальная ситуация. Согласно статье 13 Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, никакая идеология не может быть государственной. Одновременно статья 2 Конституции, провозглашая приоритетными права и свободы человека и гражданина, напрямую отражает основные идеи либерализма.

Оценивая события недавнего прошлого, можно утверждать, что попытки внедрения в общественное сознание радикальных либеральных приоритетов во многих случаях приводили к деградации общественной морали, стимулировали рост преступности, ставили под угрозу суверенитет государства. Одновременно вакуум, образовавшийся в связи с идеологизацией общества, быстро наполнялся криминальной идеологией, обосновывающей право на преступную деятельность.

Естественно, попытки осмыслить ситуацию на идеологическом фронте предпринимались не раз. Так, в начале века в оборот вошло понятие «суверенная демократия». В идеологическом плане это был определенный шаг в поиске той ниши, которую может занять Россия в условиях глобализации, меняющей представления о суверенности государств.

Однако государственная идеология не может ни возникнуть, ни утвердиться вне исторической памяти народов, населяющих огромные просторы России. Такой социальный проект был обозначен как «Пятая империя». Имелось в виду, что российская государственность уже прошла четыре фундаментальных этапа: Киевская Русь, Московское Царство, Российская Империя, Советский Союз. Новая Россия, опираясь на огромные пласты исторических традиций и опыт духовного подвижничества, должна возродиться в качестве мощной мировой державы и, как и прежде, играть ключевую роль в цивилизационном развитии.

Сегодня обострившееся противостояние России с западным миром требует наполнения нашей жизни мощными волнами позитивной идеологии. Эту идеологию можно увидеть в решениях Совета безопасности и непосредственно в обновляющихся стратегиях национальной безопасности. Идеологию генерируют мощные «мозговые центры», такие как, например, Изборский клуб. Идеология звучит на регулярных Валдайских форумах. Идеологией наполнены Соборы Русского мира (в 2024 году на нем была организована непосредственно идеологическая секция). Наконец, нашей идеологией, образно говоря, пропитаны выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина [3].

В целом, необходимые массивы обучающих материалов могут быть сформированы и для идеологической настройки систем ИИ. Концентрация усилий в этом направлении крайне необходима для сдерживания и отражения угроз глубинной информационной войны. В борьбе с мировой деструкцией и, как сказано в одной из работ, с «незавершенным нацизмом» [4], с идеологией глобального доминирования и далеко «незавершенном колониализмом» требуется ясная, стройная, мощная идеология.

В то время как сознание народов блуждает в «трех сонмах» основных мировых идеологий (либеральной, консервативной и социалистической), в нашей стране все ярче вырисовывается идеология суверенной государственности, социальной справедливости, защиты традиционных ценностей и духовных идеалов. Так, в исследованиях ректора Православной академии А. В. Щипкова проявляются контуры идеологии «социального традиционализма» [5], объединяющей приоритеты социальной справедливости и бережного отношения к традиционным ценностям.

Таким образом, если прежде люди генерировали реактивную информацию, накапливали информационные ресурсы, создавали информационный фон, то теперь в эти процессы вторгаются искусственно созданные системы. Остается надеяться, что искусственный интеллект, каким бы он ни стал «сильным», в конечном итоге будет творить то, чему его «научит» человек, и Земля останется планетой людей.

Пристатейный библиографический список

1. Россия и деколонизация: введение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtube.com/channel/UC99wm7n_xH6OGXH_9S1c_OA.
2. Вардан Багдасарян. «Ельцин-центр». Экспертная оценка деятельности в фокусе угроз национальной безопасности России / Изборский клуб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/24093> (дата обращения: 03.05.2023).
3. Выступление В. В. Путина на Форуме «Валдай». 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/mG5U4RtqCHs> (дата обращения: 21.04.2024).
4. Щипков А. В. Незавершенный нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления. – М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. – 134 с.
5. Щипков А. В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция). – М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2023. – 64 с.

БРЕДИХИН Антон Викторович

кандидат исторических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

БОГАТЫРЕВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

ЛУСТИН Юрий Михайлович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени М. Туган-Барановского

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

В данной статье рассматриваются основополагающие тенденции современной цифровизации общества, связанные с развитием образовательных технологий онлайн-формата. Дана оценка онлайн-образования в контексте цифровизации университетской среды. В дискуссии о необходимости расширения онлайн-образования, как фактора «цифровизированного гуманизма», авторы аргументированно обосновывают позицию о необходимости сохранения таких традиционных форм обучения на основе профессионализированных технологий как проблемная лекция, практическая работа.

Ключевые слова: гуманизм, критика, наука, онлайн-образование, университет, цифровизация.

BREDIKHIN Anton Viktorovich

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer, M. V. Lomonosov Moscow State University

BOGATYREVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of History sub-faculty, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)

LUSTIN Yuriy Mikhaylovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy sub-faculty, M. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade

DIGITALIZATION OF A MODERN UNIVERSITY: PROBLEMS AND PROSPECTS, THE VIEW OF AN EMPLOYEE AND A SCIENTIST

This article examines the main trends of modern digitalization of society, expressed in the development of online educational technologies. The authors present an assessment of online education using the example of digitalization of the university environment. As a result of the study, the authors draw a line in the discussion about the need to expand online technologies in education as a factor of “digitalized humanism”, speaking about the need to preserve a number of traditional forms of education, primarily of a lecture nature.

Keywords: humanism, criticism, science, online education, university, digitalization.

Цифровизация современного образовательного процесса на основе профессионально-компетентностных технологий концептуально взаимосвязана с глобальными трендами XXI века. Она, являясь прогрессивной модификационной моделью информационного общества, выступает сущностной характеристикой становящейся эпохи «цифровизированного гуманизма», предполагающего применение широкого спектра возможностей современных информационных технологий, «новых медиа», онлайн-площадок, веб-серверов, видео-файлов, социальных коммуникативных сетей, что способствует развитию способностей людей, совершенствованию их знаний, расширению доступа к достижениям современной цивилизации.

В отечественной и зарубежной научной среде продолжительное время идет дискуссия о позитивных и негативных моментах в онлайн-образовании. Находит она отражение среди практиков, профессорско-преподавательского состава высшей школы.

На вопросы «Что несет цифровизация?», «Каковы ее последствия?» нет однозначного ответа. Анализ различных подходов к решению этой проблемы свидетельствует об углублении разногласий между исследователями, абсолютизации некоторых взглядов в плане того, что в дигитализационную эпоху основным ресурсом человека становятся не физические, а его логико-интеллектуаль-

ные, ментально-творческие способности субъективной креативности.

К таким выводам, к примеру, приводит мнение Т. П. Разбегловой, которая говорит, что из планирующихся результатов развития цифровизации высшего образования сформируется «новая педагогика»: онлайн-педагогика, в которой учитель будет наставником, направляющим и ориентирующим детей в цифровом образовательном пространстве, геймификация обучения, т.е. образование в виртуальных мирах и многопользовательских играх, автоматические образовательные системы с искусственным интеллектом, электронные наставники, боты вместо учителя. Цифровизации и внедрению искусственного интеллекта подвергаются и такие сугубо гуманитарные предметные области как духовно-нравственная культура, искусство, технологии, музыкальное образование, литература» [4].

Безусловно, в такого рода рассуждениях обезличивается великая и благородная миссия как учителя, так и преподавателя путем «деиндивидуализированного» видения его в унифицированном качестве наставника, тьютора, координатора образовательного процесса. В таком случае, наставник может даже не иметь профильного образования, обладая исключительно необходимыми координирующими знаниями и компетенциями, направляя обучающихся в рамках утвержденного учебного плана или рабочей программы дисциплины.

Под вопросом оказывается и воспитательная функция, постепенно возвращаемая в настоящее время в образовательные учреждения, но полностью нивелируемая онлайн-образованием.

Заметную роль в последнее время, особенно в организации онлайн-курсов, играют так называемые «новые медиа». Как отмечает А. Н. Хрипунова: «Дистанционные курсы представлены в различных форматах: записанные заранее видео-лекции, прямые эфиры с преподавателями, аудио и текстовые материалы. Онлайн-курсы становятся не только образовательным продуктом, но и массовым воспроизводимым медиапродуктом» [5]. Следует особо подчеркнуть, в этих условиях на смену традиционным СМИ приходят телеграмм-каналы, блоги, боты, чаты, которые выходя за рамки информационной функции, становятся проводниками «образовательного многообразия», продвигая на своих площадках вебинары, мастер-классы, так широко распространенное среди блогеров «наставничество». Как следствие, «новые медиа» становятся конкурентоспособны некоторым образовательным учреждениям, а с получением ими не только лицензий СМИ, но и образовательных лицензий способны стать основными акторами учебного процесса в определенных отраслях.

Однако, данные обстоятельства напрямую не касаются информационно-цифровой среды высших учебных заведений. Некоторые из них активно используют свои образовательные курсы на доступных платформах открытого образования, впоследствии засчитывая изученные там материалы в рамках внутреннего образовательного процесса. Сегодня достойным примером может служить онлайн-платформа «Открытое образование», где размещают свои курсы МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН, НИУ ВШЭ, НИЯУ МИФИ, МГТУ Станкин и другие, прохождение которых впоследствии учитывается в балло-рейтинговой системе оценок знаний студентов. В настоящее время, в условиях противостояния Российской Федерации с коллективным Западом, президентом Российской Федерации В. В. Путиным было принято следующее решение: «Задачами, связанными с формированием каналов получения достоверной исторической информации и обмена такой информацией, являются... замена иностранных образовательных цифровых платформ отечественными аналогами¹, что говорит о недобросовестности и фальсификации иностранных образовательных платформ при размещении тех или иных курсов и материалов.

Ранее занимавший пост ректора Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов в 2018 году говорил о необходимости полного отказа от лекций в традиционной аудиторной форме: «Мы отменим лекционные занятия в классической форме. Думаю, что через пять лет мы точно заменим абсолютно все лекции онлайн-курсами. То есть каждый профессор «Вышки» запишет и будет поддерживать онлайн-курс по своему предмету², но спустя указанный период времени занятия в университете продолжатся в офлайн-формате.

Форма полностью дистанционного обучения получает широкое распространение в негосударственных ВУЗах, таких как Московский финансово-юридический университет, Московский международный университет, что на наш взгляд существенно влияет на качество усваиваемых студентами материалов и на уровень их подготовки в целом. Как отмечает Н. Г. Осипова, в процессе онлайн-обучения студенты, «лишенные полноценного общения с преподавателями, не изучая

первоисточники по дисциплине, не погружаясь в основания изучаемых гуманитарных наук, основанных на межличностном взаимодействии... часто неспособны делать самостоятельный выбор, просчитывать все его последствия, и поэтому полностью отказываются от принятия самостоятельных решений» [3].

Однако, онлайн-образование в университетской цифровой среде имеет определенные перспективы применения, на что указывает Ю. М. Лустин, говоря, что «в контексте цифрового образования логико-гносеологическая доминантность рефлексивного проявления мыслительной деятельности студента включает в себя три основных этапа: 1) образное восприятие информационно-образовательной реальности; 2) самоанализ воспринятого оцифрованного учебно-образовательного материала; 3) истинно верная констатация новых мыслительных форм (схем, алгоритмов, программ) будущей профессионально мотивированной деятельности, которая опирается на имеющийся эпистемологический опыт и субъективированную мировоззренческую позицию» [2].

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, современные глобальные тенденции цифровизации охватывают различные сферы жизни общества, проникая в том числе и ранее закрытые, «консервативные». Их возрастающее значение в трансформационных условиях современности повышает роль информационно-цифрового социума как нового типа цивилизации.

Во-вторых, Концепция цифровизации образовательного процесса является одной из составляющих теории информационного общества, вызывая множество дискурсов среди различных научных школ, исследователей, теоретиков и практиков, в связи с чем поляризация мнений порой приводит к определению общих точек понимания процесса у различных акторов.

В-третьих, сохранение офлайн-формы обучения в учреждениях высшего образования будет продолжаться и в дальнейшем несмотря на частичную цифровизацию ВУЗовской среды. В парадигме взаимоотношений офлайн и онлайн образования необходимо найти «золотую середину» их диалектико-типологического взаимопроникновения.

Пристатейный библиографический список

1. Дзюбан В. В. Проблема внедрения цифровых технологий в систему образования в XX-XXI в. // Архонт. - 2021. - № 6 (27). - С. 34-39.
2. Лустин Ю. М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Архонт. - 2022. - № 5 (32). - С. 93-102.
3. Осипова Н. Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. - 2022. - Т. 28. № 3. - С. 7-27.
4. Разбеголова Т. П. Цифровизация образовательной среды и судьбы гуманистической культуры в XXI веке // Архонт. - 2022. - № 6 (33). - С. 60-71.
5. Хрипунова А. Н. Духовные онлайн-курсы как элемент современного образовательного пространства // Архонт. - 2023. - № 6 (39). - С. 85-89.

1 Путин поручил заменять иностранные образовательные платформы на российские // РИА Новости. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ria.ru/20240508/putin-1944658591.html> (дата обращения: 1.09.2024).

2 НИУ ВШЭ заменит традиционные лекции онлайн-курсами // Интерфакс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/631416> (дата обращения: 1.09.2024).

БУРУКИН Вадим Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Академия права и управления ФСИН России

ПЕЧЕРСКИЙ Даниил Вадимович

студент, Институт подготовки государственных и муниципальных служащих, Академия права и управления ФСИН России

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В контексте статьи авторы рассматривают противоречие между реализуемой в России болонской концепцией и требованиями к актуальной системе высшего образования. Возникающие на этом фоне элементы дидактических противоречий требуют внедрения новых подходов к строительству системы российского высшего образования, отвечающей требованиям постиндустриальной реальности. Авторы считают, что возможным путём решения обозначенных противоречий может стать внедрение интерактивных образовательных технологий.

Ключевые слова: высшее образование, дидактика, интерактивные технологии.

BURUKIN Vadim Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

PECHERSKIY Daniil Vadimovich

Student, Institute of Training of State and Municipal Employees, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

THE STUDY OF THE PHENOMENON OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR OVERCOMING DIDACTIC CONTRADICTIONS IN HIGHER EDUCATION

In the context of the article, the authors consider the contradictions between the Bologna concept implemented in Russia and the requirements for an up-to-date higher education system. The elements of didactic contradictions arising against this background require the introduction of new approaches to the construction of the Russian higher education system that meets the requirements of post-industrial reality. The authors believe that the introduction of interactive educational technologies may be a possible way to resolve these contradictions.

Keywords: higher education, didactics, interactive technologies.

Современная личность интенцирована на технологизацию социокультурного и образовательного пространства. Тем самым получение высшего образования протекает сквозь призму применения в нём информационных технологий. Однако, базисная система отечественного высшего образования содержит в себе ряд противоречий. Система обучения по четырехлетней программе представляет собой сокращенную модель специалитета с переходом в рамки магистерской парадигмы знаний. Такое положение вещей вызвано неплановым перераспределением образовательной и научно-методической нагрузки с формы пятилетнего обучения на четырехгодичную систему болонского концепта. Отсюда возникают структурные элементы дидактических противоречий, экспликация которых требует внедрения специализированного метода (интерактив) для разрешения сложившихся парадоксов.

Академическая составляющая высшего образования подвергается постоянным изменениям в связи с информатизацией общества. Основные методологические идеи классической дидактики претерпевают колоссальные трансформации в рамках постакадемического дискурса. В этой связи, представляется возможность лаконичного прослеживания несостоявшихся элементов дидактики высшего образования. Исходя из прагматической сущности постиндустриального образования, на наш взгляд, прорисовывается следующая типология дидактических противоречий:

1. отсутствие критических и творческих установок при детализированном анализе источниковых платформ, а также при реконструкции «индивидуальной картины мира, в которой есть и обыденные представления, и научные, и религиозные, и философские» [2, с. 94] концепты;
2. психологическая деформация сознания личности под воздействием информатизации образовательной системы;
3. «отсутствию единой методологии научного познания, в области дидактики в том числе» [1, с. 146];
4. проблематики преподнесения теоретического базиса для практической апробации накопившихся навыков и знаний;
5. консерватизации проведения семинарских и практических занятий без внедрения новых технологических прототипов.

Данная типологизация нуждается во внедрении интерактивного инструментария, благодаря которому элементы

противоречий постклассической дидактики обретают новую форму. Для более детального и концептуального подхода к разрешению сложившихся дилемм, предлагаем скомбинировать по аналогичным свойствам обозначенные пункты. На наш взгляд, необходимо построить сочетания дидактических противоречий таким образом: 1) 1, 3 пункты; 2) 2 пункт; 3) 4 и 5 пункт.

Исследование методологии любой социокультурной области, в частности концепции интерактивных технологий, весьма неоднозначная задача для системы высшего образования. Студенческая среда относительно 1 и 3 пункта не обладает практическими навыками применения критических, творческих, а также методологических приемов в процессе эрудиционных занятий. В таком случае, границы научно-исследовательской направленности предлагают вариацию интерактивных технологий: 1) определение творческого задания; 2) работа в малых группах; 3) ролевая игра; 4) разработка проекта; 5) просмотр и обсуждение видеороликов; 6) мозговой штурм (Ястер И. В.) [3, с. 137-139]; 7) моделирование жизненных ситуаций (Коновалов Э. Н., Штырова И. А.) [4, с. 407]. Катализатором между изложенными интерактивами служит субъективная рефлексия студенческого сообщества в процессе проведения занятий (семинарских, практических). Основными интерактивными концепциями для формирования критического и творческого мышления, с учетом конструирования внутреннего мира, являются предоставление творческого задания, разработка проектов, а также просмотр видеофайлов. Данная градация организует возможность поэтапного развития критических и творческих навыков.

С методологической позиции, концепты критики и творчества под воздействием интерактивизма позволяют вычленивать способы познания, реконструированные при прагматическом исследовании. В рамках творческого задания (творческой игры – Воскович В. В.) особое внимание уделяется элементам креативизма, благодаря которым развивается наблюдение (курсив здесь и далее по тексту наш – В. Б., Д. П.) и разновекторное представление при реализации поставленной задачи. Отличительная черта интерактивной технологии разработки проекта (Шацкий С. Т.) от творческого задания, состоит в логической императивности и понимании внутреннего содержания определенной позиции. Проекти-

рование конкретной модели требует анализа практических и теоретических данных, герменевтического осмысления их вариативной позиции, а также последовательного изложения своих мыслей. Тем самым, разработка проектов позволяет сформировать компетенции студентов.

Что же касается ментальных производных интерактивных технологий (просмотр видеофайлов), то основная методология сфокусирована на критическом анализе происходящего. Глубинное восприятие видеороликов трансформирует когнитивный аппарат студентов в контекст логико-ориентированной модели познания феноменов образовательной парадигмы.

Между мышлением и методологическим базисом существует прочная взаимосвязь, отражающая состояние осознания личностью (пункт 2) образовательной среды. Интеллектуальное пространство все более постигает границы технологических новаций, тем самым происходит унификация классических подходов дидактики в динамику постнелинейной образовательной системы знаний [5]. Зачастую, модернизация проведения семинарских и практических занятий путем реализации интерактивных технологий, с одной стороны, совершенствует процесс получения знаний в контексте прогрессивного нарастания, а с другой, упрощение классических подходов предоставляет платформу формированию негативных компетенций (отсутствие кропотливости при работе с источниковой базой; стагнация эволюции сегмента трудолюбия) у студентов. Таким образом, на наш взгляд, необходимо произвести сочетание классических методов дидактики и инноваций интерактивизма.

Актуализация вопроса применения интерактивных технологий также нарастает в рамках профессорско-преподавательского состава. Проблематики, обозначенные в 4 и 5 пункте, являются отправными этапами для перманентной трансформации устоявшихся традиций преподавания, с учетом гармонизации сознания личности (пункт 2). Необходимо учитывать тот факт, что внедрение интерактивных методов и технологий требуют не только активного участия (Макаренко О. В.), но и материального спонсирования для более качественного введения в рамки образовательной среды. Однако при успешном достижении намеченной цели, практическая сторона феномена интерактивизма, по своим характерным свойствам, возможно сравнить с «большими идеями» Реморенко И. М. Интерактивный дискурс характеризуется не только в роли уникальной идеи, но и «большого вызова» для абсолютного большинства преподавателей [6].

Такое явление вызвано устоявшимися рефлексиями профессорско-преподавательского состава, в особенности лиц возрастной категории. По нашему мнению, преподавателям необходимо интегрироваться в постнеклассический дискурс интерактивного пространства. Первостепенной задачей для планомерного ознакомления с элементами интерактива, является концептуализация научно-методической доктрины, варьирующейся между информационно-коммуникативными источниками сети Интернет, а также периодическими изданиями конкретной направленности. В дополнение к изложенному отметим, что наибольший интерес вызывают исследования Конькова Д. С., Корсакова И. А., Макаренко О. В., Фурса М. В., Чернега Л. В., сущность которых ориентирована на адаптацию интерактивных знаний под образовательную систему.

Последующая стадия деятельности профессорско-преподавательского состава по разрешению дихотомии, зафиксированной в 4 и 5 пунктах – подбор инновационных моделей интерактивных технологий. В основной массе преподаватели предпочитают апробацию диалогового взаимодействия с элементами полемики. Модернизированной моделью дискуссии является проблемный семинар, представленный Гузеевым В. В. Воплощение данного феномена основывается на биномиальной системе мозгового штурма и креативности [7]. По его мнению, углубленное изучение теоретического базиса в контексте проблемного семинара «... усваивается в ходе дискуссии ... за счет: 1) обмена информацией между участниками; 2) поощряемых учителем разных подходов к одному и тому же предмету; 3) сосуществования различных точек зрения; 4) возможности критиковать и даже отвергать любое мнение; 5) поиска группового соглашения в виде общего мнения или решения» [7].

Аналогичным подходом при ведении дискуссии является «сократический диалог», возможность применения которого соразмерно выступлению при ответе на семинарском или практическом занятиях. Техногенная педагогическая

мысль адаптировала «сократические беседы» для повышения уровня эрудиции студентов. При выступлении обучающегося аудитория выслушивает тезисы, впоследствии, при необходимости, задает вопросы. Если же у слушателей отсутствуют коллизионные положения относительно материала выступающего, то активизируется профессорско-преподавательский состав с аналогичными проблематиками по предоставленному материалу. Тем самым, конструируется взаимобратимая диалоговая модель в рамках вопросно-ответной формы между преподавателями и обучающимися, что предоставляет благоприятную среду для перманентного развития интерактивных навыков.

В свою очередь, признание профессорско-преподавательского состава получили интерактивные технологии, вошедшие в педагогических форум под наименованием интеллект-карты. Генезис данной доктрины отображается в трудах Выготского Л. С., Лурии А. Р., Гарибьяна С. А., однако завершающая стадия эволюции процесса картирования произошла в исследованиях Бьюзена Т. [8]. Составление интеллектуальных карт характеризуется нетипичностью в рамках высшего образования, что позволяет сформировать творческо-мыслительный подход к разрешению дилемм, вставших перед сознанием субъекта познания. Реновация образовательной среды при апробации процесса картирования предоставит возможность универсализировать обыденный текст, трансформируя его в ментальные форматы мультимедийного пространства. Принимая во внимание тот факт, что происходит прогрессивное развитие технологической индустрии, воссоздание интеллект-карт возможно посредством применения онлайн-сервисов [9].

Таким образом, современное образование представляет собой уникальный концепт по реализации различных парадигм социокультурного дискурса. Однако плюрализм подходов превращает целостную систему преподавания в несостоявшуюся модель с элементами дидактических несоответствий. Отсюда возникает существенная необходимость о периформатировании болонской системы в контекст специалитета. Основным инструментарием по «образовательной революции» может выступить концепция интерактивизма, создающая условия формирования у студентов необходимых компетенций для построения профессиональной карьеры.

Пристатейный библиографический список

1. Тарханова И. Ю. Новая дидактика: постакадемический синдром // Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 06-07 декабря 2021 года. – М.: РАО, 2022. – С. 145-150.
2. Предметность обучения в школьном образовательном процессе / Под ред. Е.О. Ивановой, И.М. Осмоловской. – М.: РАО, 2012. – 384 с.
3. Ястер И. В. Интерактивные технологии в высшем педагогическом образовании как условие его эффективности // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2023. – № 15. – С. 133-140.
4. Коновалов Э. Н., Штырова И. А. Интерактивные технологии как средство повышения качества образования // Информатика и образование: границы коммуникаций. – 2022. – № 14 (22). – С. 407-408.
5. Гуарменский А. В., Шуктомов К. Б. Информационный чат-бот в цифровой образовательной среде // Информационные технологии в современном мире - 2022: Сборник материалов и докладов XVIII Всероссийской (с международным участием) студенческой конференции, Екатеринбург, 16 мая 2022 года. – Екатеринбург: «Гуманитарный университет», 2022. – С. 126-129. – EDN DKRKC6.
6. Реморенко И. М. Принципы цифровой дидактики // Современная «цифровая» дидактика. – М.: Грин-Принт, 2022. – С. 5-34.
7. Гузеев В. Организация урока в форме проблемного семинара // Народное образование. – 2002. – № 8. – С. 85-90.
8. Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление. – Минск: Попурри, 2003. – 304 с.
9. Махмудов М. Н., Щевьев А. А., Щевьева Л. Н. Интеллект-карты в образовательном процессе: онлайн-сервисы и классическое использование // Психолого-педагогический поиск. – 2018. – № 4 (48). – С. 116-120.

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ФОМИНА Дарья Сергеевна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ГЛАДИЛОВА Елена Алексеевна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматривая проблему нравственного воспитания подрастающего поколения, была выделена сущность данного феномена, выявлены основные проблемы, препятствующие успешному формированию нравственных начал молодого человека, а также предложены последовательные действия по устранению преград, мешающих качественному и правильному наполненному содержанию морально-нравственных основ личности. Важность развития и модернизации процесса воспитания в личности нравственных основ обусловлена постоянно меняющимися условиями всех сфер жизни социума. Все новшества, внедряемые в процесс нравственного воспитания подрастающего поколения, требуют детальной проработки и логической обоснованности, а также определения возможной пользы и вреда от принимаемых мер, так как феномен является специфичным и глобальным, ведь от него зависит будущее развитие и функционирование социума.

Ключевые слова: личность, нравственное воспитание, нравственные основы, социум.

EGOROVA Olga Igorevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

FOMINA Darya Sergeevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

GLADILOVA Elena Alexeevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

MORAL EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION: THE ESSENCE AND MAIN PROBLEMS

Considering the problem of moral education of the younger generation, the essence of this phenomenon was highlighted, the main problems preventing the successful formation of the moral principles of a young person were identified, and consistent actions were proposed to eliminate obstacles that interfere with the qualitative and correct content of the moral foundations of the personality. The importance of developing and modernizing the process of educating a person of moral foundations is due to the constantly changing conditions of all spheres of social life. All innovations introduced into the process of moral education of the younger generation require detailed study and logical justification, as well as determining the possible benefits and harms from the measures taken, since the phenomenon is specific and global, because the future development and functioning of society depends on it.

Keywords: personality, moral education, moral foundations, society.

Современные реалии вынуждают уделять все большее внимание вопросам нравственного воспитания подрастающего поколения что обуславливается изменениями политических, социальных, культурных, экономических факторов, влияющих и кардинально изменяющих бытие социума и персонализированной личности. С каждым периодом развития наше общество претерпевает различной направленности изменения что в особенности отражается в социальных качествах, устоях и принципах, прививаемых личности. Социальная среда и морально-этические нормы, правила поведения, существующие в ней, определяют составляющую часть и содержательное наполнение нравственных основ и воспитания индивидуума. В связи с этим проблема нравственного воспитания подрастающего поколения сейчас является одной из самых актуальных и требует углубленного изучения и в перспективе выработку предложений по устранению препятствий успешного усвоения личностью нравственных норм, морально-этических ценностей, правил, идей и идеалов.

Определяя сущность нравственного воспитания необходимо обратиться к смысловому наполнению данной социально-значимой категории. Процессуальная форма становления и развития целостной гармоничной и всесторонне наполненной личности ребенка, включающая в себя укоренение в его сознании устоев о Родине, людях, труде и ряде других социально-значимых базовых категорий, в том числе о индивидуальных и коллективных правах и обязанностях, составляет содержательное наполнение нравственного воспитания [3, с. 32]. Преимущественно важной задачей

нравственного воспитания является внедрение социальных требований во внутренние стимулы и принципы личности. Координаторами, развивающие нравственные основы личности, могут выступать агенты социализации, в особенности родители и педагоги, что обуславливается их важнейшей роли по выполнению воспитательной функции.

Сущность нравственно-воспитательного процесса заключается в создании социально-развитой, гармоничной личности, способной успешно функционировать в обществе и развивать существующий социум [2, с. 87]. Достижение сущности возможно с помощью применения различных методов воспитательного воздействия на индивида, таких как методы формирования нравственного сознания, опыта поведения, стимулирования.

Совершенствование процесса нравственного воспитания происходит также за счет выделения проблем, препятствующих эффективному социально-духовному развитию личности. Обозначение проблем, возникающих в теории и практическом применении процесса нравственного воспитания, является важным аспектом для всего развития и нормализации состояния данного феномена. Множество проблем выявляется при научно-исследовательской деятельности по изучению и внедрению основ нравственного воспитания, поэтому необходим постоянный мониторинг данных дилемм с целью создания поэтапного плана устранения триггерных вопросов и совершенствования данного процесса в теоретических и практических аспектах [4, с. 215].

В настоящее время проблем нравственного воспитания подрастающего поколения существует достаточно в боль-

шом количестве и их можно ранжировать по степени значимости для развития социума. Выделяя основные из них, можно сфокусировать свое внимание на конкретном вопросе и более качественно и быстро решить его. Многие проблемы перешли к нам еще из советского прошлого и продолжают оставаться актуальными в современных реалиях. Примерами таких проблем нравственного воспитания могут выступать: алкоголизм, наркомания, рост подростковой преступности, безнравственность, асоциальность. В результате каждой из данных проблем происходит переоценка аксиологических основ личности, ее идеалов, теряются или радикально изменяются ее нравственные ориентиры. Подрастающее поколение как одна из самых психологически неустойчивых категорий населения в большинстве случаев подвергается таким негативным последствиям вышеперечисленных проблем.

Проблема утраты традиционных ценностей обществом и подрастающим поколением является одной из главных в сфере нравственного воспитания. Все чаще личность и социум отстает от общепринятых традиционных ценностей и норм поведения, что влечет за собой потерю жизненных ориентиров, формирующиеся у молодого человека под влиянием множества аспектов сфер жизни общества, а также недостатку морально-этических правил поведения, регулирующих деяния людей. Если социум не будет отстаивать и более того отходить от традиционных ценностей, то подрастающее поколение не сможет гармонично влиться в коллектив, так как не усвоит набор правил функционирования в обществе.

Другой важной проблемой можно считать влияние негативных образцов поведения. Особенно часто данная проблема встречается в цифровом пространстве: Интернете, медиа-ресурсах, других источниках информационного блока, которые обеспечивают содействие в продвижении анти-идеалов, противоречащих традиционным нравственным нормам, а также рекламируют негативные ценности, идущие в разрез с морально-этическим воспитанием конкретных социальных общностей.

Из предыдущей проблемы вытекает следующая, заключающаяся в отсутствии позитивных примеров для подражания подрастающим поколением. В связи с тем, что дети и молодежь зачастую во многих аспектах копируют поведенческие особенности старшего поколения, а людей зрелого возраста не всегда можно считать нравственными авторитетами, молодой человек поддается репродуцированию действий и мировоззрения, что затрудняет формирование его субъективных установок морально-нравственных основ.

Во многом на нравственное воспитание подрастающего поколения влияет образовательная система, в том числе к ее компетенции можно отнести проблему недостаточное внимание к воспитанию и развитию морально-нравственных и этических качеств, основ, идей личности. Образовательные программы, принимаемые высшими органами государственной власти в сфере образования, зачастую фокусируются на освоении учебных занятий и получение необходимых знаний по конкретным дисциплинам, забывая уделить большее внимание вопросам становлению личности и формированию его нравственности, что является преимущественно важным в современном мире.

Каждая из приведенных проблем имеет конкретное решение, но для комплексного урегулирования всех затруднений в развитии и качественном формировании нравственного потенциала подрастающего поколения предлагается применение последовательных действий, а именно:

Введение курса этического воспитания во всех типах образовательных учреждениях: детских садах, школе, техникумах, ВУЗах, с целью формирования морально-нравственных ценностей с детства, а также уделению больше внимания изучению вопросов этики.

Установление партнерства образовательного учреждения и семьи сможет обеспечить формирование правильных нравственных убеждений детей и молодежи, а также привлечь родителей, общественные организации к воспитательному процессу.

Стимулирование подрастающего поколения на подражание позитивным образцам поведения. Молодые люди зачастую вдохновляются кем-то и начинают копировать свою пассивность, в связи с этим предлагается создать эталон успешной и нравственной личности и транслировать его деятельность и достижение на различных цифровых платформах. Важно не переусердствовать и не вызвать у молодого человека чувство навязывания. В целом поддержка позитивных образов будет способствовать становлению нравственных начал личности.

Обеспечение развития навыков коммуницирования, критического мышления, уважения в противоположном точках зрения и способностям сочувствия и сопонимания будет побуждать молодого человека к совершению морально правильных действий. Высокое развитие эмпатии в личности прививает ей необходимые социально-значимые качества, включающиеся в нравственные начала человека.

Для преодоления существующих разноплановых проблем нравственного воспитания необходимо мониторинг и постоянная работа над пробелами данного процесса [1, с. 122]. В результате приложения необходимых усилий станет возможным создание фундамента для формирования нравственного, а также морально-этически ценного общества. Важно понимать, что все проблемы должны устраняться силами не только педагогического коллектива, но и законных представителей молодых людей, а также необходима поддержка государства и выработка качественной государственной молодежной политики, одной из целей которой станет формирование качественных нравственных основ личности.

Повышение уровня воспитания молодого человека, в особенности его нравственности, происходит за счет нескольких факторов: мышления и мировоззренческой позиции индивидуума, его воли и развития его гражданского сознания. Привитие социальных качеств и аксиологических ценностей личности способствует социализации индивида и как результат наполняет его нравственные начала необходимыми идеями и устоями. Решение вышеобозначенных проблем зачастую находится в компетенции государства, поэтому необходимо его полная вовлеченность в выработку технологий, направленных на совершенствование процесса нравственного воспитания подрастающего поколения.

Таким образом, нравственное воспитание выступает важнейшим элементом социальной коммуникации и развития общества, являясь инструментом привития необходимых значимых для достижения этих целей качеств, принципов, мировоззрения. На сегодняшний день нравственное воспитание, сущностью которого является формирование гармонично развитой личности с набором определенных жизненных персонализированных постулатов, имеет, как и большинство феноменов, ряд проблем, решение которых будет способствовать эффективному качественному совершенствованию подрастающего поколения, а в следствии и прогрессивному движению общества и всех аспектов его жизнедеятельности. Проблема нравственного воспитания подрастающего поколения требует общественной и государственной вовлеченности и детальной проработки.

Пристатейный библиографический список

1. Верин-галицкий Д. В. О нравственном воспитании // Социальная педагогика. - 2012. - № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nravstvennom-vospitanii> (дата обращения: 06.05.2024).
2. Гончарова Н. В., Фенухин В. И. Основные проблемы нравственного и духовного воспитания в современном обществе и пути их решения // Социально-гуманитарные знания. - 2021. - № 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-nravstvennogo-i-duhovnogo-vospitaniya-v-sovremennom-obschestve-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 29.05.2024).
3. Николаев А. В., Счастный П. С. Проблема духовно-нравственного воспитания личности и основные научно-теоретические подходы к решению данной проблемы // Территория науки. - 2014. - № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-lichnosti-i-osnovnye-nauchno-teoreticheskie-podhody-k-resheniyu-dannoy-problemy> (дата обращения: 29.05.2024).
4. Стегний В. Н. Личность в современном обществе: проблема осознания своего социального будущего. - Пермь, 2021. - 314 с.

ВЕРХОЗИНА Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский биотехнологический университет

ВОЛКОВА Анастасия Александровна

ведущий специалист, Институт прикладной биотехнологии и пищевой инженерии имени академика Российской академии наук И. А. Рогова

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИНВАЛИДАМИ*

В статье рассматриваются вопросы нормативно-правового обеспечения возможностей получения образования разных уровней инвалидами в Российской Федерации. Особое значение приобретает необходимость создания условий для обучения людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях с целью, прежде всего, интеграции и адаптации инвалидов, их дальнейшей занятости и трудоустройства.

Ключевые слова: нормативно-правовые условия, студенты с инвалидностью, интеграция и адаптация инвалидов, образование инвалидов.

VERKHOZINA Olga Alexandrovna

Ph.D. in Psychological Sciences, associate professor of Social and humanitarian disciplines sub-faculty, Russian Biotechnological University

VOLKOVA Anastasiya Alexandrovna

leading specialist, Academician I. A. Rogov of the Russian Academy of Sciences Institute of Applied Biotechnology and Food Engineering

REGULATORY AND LEGAL CONDITIONS FOR THE EDUCATION OF PERSONS WITH DISABILITIES

The article discusses the issues of regulatory and legal provision of educational opportunities for people with disabilities at different levels in the Russian Federation. Of particular importance is the need to create conditions for the education of people with disabilities and disabilities in educational institutions in order, first of all, to integrate and adapt people with disabilities, their further employment and employment.

Keywords: regulatory and legal conditions, students with disabilities, integration and adaptation of the disabled, education of the disabled.

Целью государственной политики Российской Федерации в области социальной защиты инвалидов является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод. Актуальными научными и прикладными современными направлениями являются интеграционные и адаптационные процессы людей с инвалидностью и ОВЗ.

Политика Российского государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В социальном государстве, каким является Россия, осуществляется поддержка социально уязвимых групп населения, для обеспечения каждому человеку достойной жизни. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование, право на социальное обеспечение означает право каждого на материальное обеспечение в виде выплаты пенсий и социальных пособий в случае болезни, инвалидности и др. (ст. 39 Конституции РФ).

Особое значение приобретает необходимость создания условий для обучения людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях с целью, прежде всего, интеграции и адаптации инвалидов, их дальнейшей занятости и трудоустройства. В России существует право на образование для каждого члена общества (ст. 43 Конституции РФ). В том числе, право не только на дошкольное, основное общее, среднее общее, но и высшее образование.

Федеральный закон «Об образовании в РФ» определил возможность обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования. На

основании вышеназванного закона организуется обучение инвалидов и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Для обучающихся с ОВЗ на основании заключения медико-психолого-педагогической комиссией на уровне региона определяется адаптированная программа в соответствии с особенностями здоровья обучающихся. Программное обеспечение обучения инвалидов представлено индивидуальной программой реабилитации (абилитации) инвалида. В организациях высшего образования также осуществляется обучение по данным программам.

В основополагающих документах говорится о реальном равенстве прав каждого гражданина, и также о возможности повышения образовательного уровня, непрерывности образования на протяжении всей жизни. Подчеркивается роль, взаимная ответственность по вопросам качества образования, воспитания не только государства, семьи, но и общества, работодателей. Только социальное взаимодействие, партнерство может обеспечить качественное образование и воспитание детей и молодежи¹.

В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ст.19) подчеркивается роль специальных условий для инвалидов при получении профессионального образования. В нем закреплено «право инвалидов на образование разного уровня в соответствии с адаптированными образовательными программами и индивидуальными программами реабилитации, абилитации (ИПРА) инвалидов»². В программных документах подчеркивается возможность беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к приоритетным объектам и услугам в сфере социальной защиты, здравооо-

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) по проекту FSMF-2023-0008 «Формирование мотивации у обучающихся с инвалидностью и ОВЗ к освоению профессии «технолог» в системе высшего образования».

1 Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 г. «О национальной доктрине образования в РФ»
2 Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»

ранения, культуры, образования, транспорта, информации и связи, физической культуры и спорта³.

В рамках исполнения абзаца шестого подпункта «в» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» в части увеличения к 2020 году доли образовательных учреждений среднего профессионального образования и образовательных учреждений высшего профессионального образования, здания которых приспособлены для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, от 3 % до 25 %⁴.

Для создания доступной среды в образовательных организациях Российской Федерации необходимо ориентироваться на документ⁵, содержащий группы показателей доступности для инвалидов. Прежде всего, необходимо отметить, открытость и доступность информации об организации, далее, что не менее важно, это комфортность условий. Доступность образовательной деятельности характеризуется, прежде всего, доступностью образовательных программ, разработанных в соответствии с нозологическими особенностями инвалидов. Играет большую роль и инклюзивная культура работников организации, их доброжелательность и вежливость, а также удовлетворенность условиями осуществления образовательной деятельности организаций.

Должна быть создана и архитектурная доступность, условия, позволяющие обучающимся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья пользоваться любыми объектами образовательной организации, благодаря оборудованным в них пандусам для инвалидов колясок, специализированными лифтами, надписями на языке Брайля для слабовидящих и других приспособлений, а также географической близости объектов, размещением наиболее востребованных помещений на первых этажах⁶.

В рамках Государственной программы «Доступная среда» планируется к 2030 году сформировать безбарьерную среду в Российской Федерации посредством повышения доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов до 73,2 процента к 2030 году и обеспечения трансляции не менее 16 тысяч часов ежегодно скрытых субтитров телепрограмм общероссийских обязательных общедоступных телеканалов для глухих и слабослышащих граждан. Повышение качества жизни инвалидов будет увеличиваться посредством обеспечения 98 % нуждающихся качественными реабилитационными услугами к 2030 году.

Одной из главных задач сегодня является создание соответствующих условий для обучения и развития обучающихся с инвалидностью и ограниченными особенностями здоровья, в том числе, в образовательных организациях высшего образования. Высшее образование повышает возможность для молодежи устроиться на работу, получив возможность для реализации своих способностей, талантов и получения финансовой независимости. Молодым людям с инвалидностью сложнее встроиться в систему высшего образования, это связано как с нозологическими особенностями, и со сложностью протекания адаптационных процессов.

3 Государственная программа «Доступная среда»

4 Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».

5 Приказ Министерства Просвещения от 13 марта 2019 года № 114 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения, дополнительным общеобразовательным программам».

6 Порядок реализации требований доступности (Руководящий документ системы РДС 35-201-99 «Порядок реализации требований доступности для инвалидов к объектам социальной инфраструктуры» (утв. постановлением Госстроя РФ и Минтруда РФ от 22 декабря 1999 г. № 74/51)

Для снятия ограничений для инвалидов в праве на образование в организациях высшего образования в Российской Федерации принят Федеральный закон от 1 мая 2017 г. который исключает из части 5 статьи 71 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» норму, о том, что инвалидам нет необходимости предоставлять заключение об отсутствии противопоказаний к обучению по программам бакалавриата или специалитета при приеме на обучение в пределах установленной квоты. Инвалиды наделены правом приоритетного поступления на бюджетное обучение по программам бакалавриата и программам специалитета в пределах установленной «особой» квоты (часть 5 статьи 71 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Важнейшим нормативным достижением 2022 года стало внесение изменений в статью 79 Закона об образовании, позволяющих лицам, имеющим I, II или III группу инвалидности получить профессиональное образование соответствующего уровня по другой профессии, специальности или направлению подготовки двукратно за счет бюджета.

В Межведомственном комплексном плане по повышению доступности среднего профессионального и высшего образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, в том числе профориентации и занятости указанных лиц, запланирована разработка порядка выдачи сертификата инвалидам I и II групп, инвалидам с детства, инвалидам вследствие военной травмы или заболевания, полученных в период прохождения военной службы, ветеранам боевых действий из числа лиц, указанных в подпунктах 1-4 пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О ветеранах». Сертификат даст возможность его обладателям из числа людей с инвалидностью обучаться на магистерских программах за счет бюджетного финансирования⁷.

Таким образом, в заключении хочется отметить, что на сегодняшний день разработана нормативно-правовая база, способствующая интеграции и адаптации инвалидов в образовательные процессы в Российской Федерации. Создаются организационные условия на всех уровнях образования. Отмечаются положительные тенденции, связанные с индивидуализацией образования, архитектурной доступностью, разработкой программного обеспечения образовательной деятельности инвалидов.

Получение высшего образования для лиц с инвалидностью и ОВЗ открывает возможности для более успешной адаптации в обществе, трудоустройства, раскрытия и развития талантов и способностей молодого человека. Во время обучения в образовательных организациях высшего образования, как института социализации, происходит более качественная интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в общество, реализуется право молодежи на равный доступ к образованию. В концепцию технологического развития России до 2030 года включены основные направления, предполагающие подготовку специалистов технических профилей. На предыдущих этапах технологического развития в Российской Федерации в значительной мере был утерян престиж профессий в области технологий, инженерных специальностей. Это технологические направления, где сейчас у российской экономики уже есть определенные заделы для их успешного развития и формирования крупного рынка». Для обеспечения комфортных условий для инвалидов, создания условий для роста их творческого, личностного потенциала необходимо развивать образование лабораторий, мастерских с учетом нозологий для успешного овладения инвалидами специальностями технической направленности, овладения профессиями инженерного профиля.

7 Утв. заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т. Голиковой в 2023 г.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

В статье рассматриваются психологические и социальные аспекты формирования мотивации к здоровому образу жизни (ЗОЖ) у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Описаны методы и практики, направленные на повышение мотивации подростков к ведению ЗОЖ, а также подчеркивается важность применения индивидуального подхода в воспитательной работе с данной категорией осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, здоровый образ жизни, мотивация, несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, реабилитация.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Employment Problems of Convicts and Economic Problems of the Functioning of the Penal Correction System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

THE FORMATION OF MOTIVATION FOR A HEALTHY LIFESTYLE AMONG JUVENILE OFFENDERS IN CORRECTIONAL FACILITIES

The article examines the psychological and social aspects of forming motivation for a healthy lifestyle among juvenile offenders in correctional facilities. It describes the methods and practices aimed at increasing motivation for a healthy lifestyle, emphasizing the importance of an individual approach in the rehabilitation process.

Keywords: the penal enforcement system, healthy lifestyle, motivation, juvenile offenders, correctional facilities, rehabilitation.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) является важной составляющей физического и психического здоровья человека. Для несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях, ведение ЗОЖ приобретает особое значение, поскольку в условиях ограниченной свободы и социального контроля подростки оказываются в уязвимом положении. Под воздействием негативного окружения и стрессов, вызванных лишением свободы, их физическое и психическое состояние может ухудшаться. Формирование мотивации к здоровому образу жизни в таких условиях становится не только профилактической, но и реабилитационной задачей.

Отметим, что здоровый образ жизни помогает укрепить здоровье, повысить жизненную активность и улучшить эмоциональное состояние человека. Важно учитывать, что мотивация к здоровому образу жизни способствует социальной адаптации осужденных после освобождения, что снижает риск рецидива и позволяет подростку более успешно интегрироваться в общество. Развитие устойчивых привычек в сфере питания, физическая активность, отказ от вредных привычек и умение управлять своим физическим состоянием способствует формированию у подростка ответственного отношения к себе и своему будущему.

Работа по повышению мотивации к здоровому образу жизни у несовершеннолетних осужденных в воспитательных

колониях требует комплексного подхода с учетом психологических и социальных факторов, влияющих на поведение данной категории осужденных. Оказавшись в замкнутой системе в условиях ограниченной свободы, несовершеннолетние сталкиваются с серьезными трудностями в эмоциональной и социальной сферах, что усложняет процесс их реабилитации и мотивации к изменениям.

Многие несовершеннолетние осужденные имеют сложную биографию, имеют негативный опыт пережитого стресса, проблемы в семье, отсутствие положительных моделей поведения, проявления ранней криминализации. Эти факторы формируют низкий уровень самоконтроля, слабую способность к принятию осознанных решений и склонность к деструктивным моделям поведения. У подростков в воспитательных колониях часто наблюдаются такие проявления, как низкая самооценка, чувство беспомощности, выученная беспомощность, агрессивность и негативное восприятие окружающей среды [1].

Осужденные несовершеннолетние оказываются в среде, где доминируют специфические социальные нормы и правила, часто отличающиеся от общественно принятых. Подростки вынуждены адаптироваться к субкультуре, в которой поведение, ориентированное на здоровье и благополучие, может не иметь большой значимости. В таких условиях фор-

мирование мотивации к ЗОЖ требует дополнительных усилий по трансформации социальных ориентиров и внедрения позитивных моделей поведения.

Особую роль в этом процессе играет педагогический и воспитательный персонал колоний. Воспитатели и психологи, будучи носителями внешнего авторитета, способны оказывать существенное влияние на формирование положительных поведенческих моделей для подражания, демонстрируя подросткам значимость заботы о своем здоровье. Однако для этого необходимы не только индивидуальные беседы, но и разработка долгосрочных программ, которые включают регулярные занятия спортом, лекции о здоровом питании, профилактике вредных привычек и развитии навыков управления стрессом [2].

Одним из ключевых условий для успешного формирования мотивации к ЗОЖ является создание в колониях соответствующей воспитательной среды, включающей в себя организацию пространства и условий для занятий спортом, проведения образовательных мероприятий и работы психологов. Важно, чтобы программы реабилитации были направлены на выработку у подростков позитивного отношения к своему телу и здоровью, осознание важности здоровых привычек и поддержку эмоциональной стабильности.

Важно отметить, что высокая мотивация осужденных подростков к ведению здорового образа жизни не может быть навязана извне. Эффективность воспитательных программ во многом зависит от учета в них внутренних потребностей подростков, обеспечения возможностей по осознанию несовершеннолетними личных целей и ценностей. В колониях важно создания условий, позволяющих подросткам ощущать чувство контроля над своим здоровьем и телом, способствующего постепенному формированию устойчивой мотивации к ЗОЖ.

Каждый несовершеннолетний осужденный обладает уникальными психологическими особенностями, учет которых необходим в процессе воспитательной работы. Индивидуальный подход к данному процессу включает диагностику мотивационной сферы, выявление негативных установок и проработка личных проблем, связанных с неприятием здорового образа жизни. При работе с подростками важно не только показывать, какие действия полезны для здоровья, но и объяснять, как это повлияет на их будущее, улучшит качество жизни и создаст возможности для успешной социальной адаптации после освобождения.

Кроме того, следует подчеркнуть актуальность проведения работы с эмоциональным состоянием подростков. Групповые и индивидуальные психотерапевтические практики помогают осужденным справляться с агрессией, тревогой и депрессией, что положительно сказывается на их готовности к изменениям. Психологическая поддержка играет важную роль в формировании такой мотивации, помогает подросткам научиться осознавать свои эмоции и управлять ими, проявляя в конструктивном русле.

Отметим, что для формирования у несовершеннолетних осужденных мотивации к ведению здорового образа жизни в воспитательных колониях используются различные методы и практики, направленные на улучшение их физического и психического состояния. Одним из ключевых методов является проведение регулярных занятий физической культурой и спортом. Спортивные мероприятия не только укрепляют здоровье подростков, но и помогают развивать командный дух, дисциплину и ответственность. Важно, чтобы подростки

осознавали ценность физической активности как основы поддержания здоровья.

Кроме физической активности, значимую роль играет образовательная работа, включающая лекции и тренинги по здоровому питанию, профилактике вредных привычек (курение, алкоголизм, употребление наркотиков), а также управлению стрессом. Образовательные мероприятия помогают осужденным подросткам понять, как их поведение напрямую влияет на здоровье, а также усвоить зависимость сложившихся положительных привычек с повышением качества жизни [3].

Сегодня в перечень задач воспитателей входит разработка новых методик педагогического воздействия на несовершеннолетних с учетом индивидуальных особенностей последних, а также создание эффективных инструментов непрерывного мониторинга за психологическим состоянием подростков и воспитательного прогресса [4]. Системный подход к реализации данного процесса с опорой на накопленный положительный опыт, учет индивидуальных особенностей осужденных способны стать действенным методом на формирование у подростков высокой мотивации к ведению здорового образа жизни и повышает вероятность их успешной ресоциализации после освобождения.

Пристатейный библиографический список

1. Рогова Е. В., Николаева И. А. Формирование мотивации к здоровому образу жизни у подростков: теория и практика. – СПб.: Речь, 2019. – 256 с.
2. Базаров Т. Ю., Беляцкий А. К. Психология управления: Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 437 с.
3. Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учебник для вузов. – М.: Академия, 2020. – 416 с.
4. Царькова Е. Г., Зорина Н. С. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 449-450.

КРАУТМАН Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

БАЛАЦКАЯ Юлия Юрьевна

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ТЕРРОРИЗМЕ И ЭКСТРЕМИЗМЕ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются проблемы проведения лингвистической экспертизы по уголовным делам о терроризме и экстремизме, влияющие на достижение объективности и правомочности судебных решений. Обращается внимание на необходимость подготовки юристов-лингвистов для квалифицированной оценки текстов. Приводятся различные подходы к проведению лингвистической экспертизы. Обосновывается необходимость создания методологии проведения лингвистической экспертизы текстов на иностранном языке.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, терроризм, экстремизм, уголовное дело, пропаганда, призыв, экспертная оценка текста.

KRAUTMAN Tatyana Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor, associate professor of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

BALATSKAYA Yuliya Yurievna

lecturer of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

FUNDAMENTALS OF LINGUISTIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES OF TERRORISM AND EXTREMISM INVOLVING FOREIGN CITIZENS

The article examines the problems of conducting linguistic expertise in criminal cases on terrorism and extremism, affecting the achievement of objectivity and legality of court decisions. Attention is drawn to the need to train legal linguists for a qualified assessment of texts. Various approaches to conducting linguistic expertise are given. The necessity of creating a methodology for conducting linguistic expertise of foreign texts is substantiated.

Keywords: forensic linguistic expertise, terrorism, extremism, criminal case, propaganda, appeal, expert assessment of the text.

Современная международная геополитическая обстановка, курс президента и правительства Российской Федерации позволяют заключить, что одной из наиболее животрепещущих проблем за время проведения специальной военной операции стало распространение случаев террористической и экстремистской направленности как на территории нашей страны, так и на просторах сети Интернет. Работу правоохранительных и судебных органов существенно усложняет увеличение количества речевых преступлений, влекущих за собой ущемление прав и свобод личности, подрыв основ целостности и безопасности государства, конституционных основ, благополучия общества, на что указывают многочисленные исследования как в юридических, так и лингвистических областях науки [2], [3], [7]. Как отмечает Л. С. Шеховцова, слова экстремистского толка (словестный экстремизм) имеют убийственную силу, провоцируя на международные беспорядки, погромы и гибель людей [8]. Отсюда возникла потребность пересмотра и доработки основ, принципов и видов судебной лингвистической экспертизы. Так, Министерство юстиции Российской Федерации 26 марта 2023 года на сайте в разделе «Мониторинг СМИ» [5] публикует информацию, в которой отражены основные требования к проведению экспертной деятельности в случаях уголовных дел о терроризме и экстремизме, среди которых важно обратить внимание на то, что:

– судебные экспертизы, касающиеся уголовных дел, должны проводиться в госучреждениях, а именно в Российском федеральном центре судебных экспертиз при министерстве юстиции либо экспертных лабораториях государственных ведомств. Следовательно, должен быть особый штат сотрудников, чья квалификация позволяла бы выявлять

случаи террористической и экстремистской деятельности, при этом одновременно опираясь на российское законодательство и лингвистические категории и принципы. Таким образом, возникает потребность в подготовке профессиональных юристов-лингвистов в ведомственных вузах;

– отдельно выделяется судебная лингвистическая экспертиза по уголовным делам о терроризме и экстремизме, обращение к которой продиктовано необходимостью принятия объективного судебного решения при отсутствии иных доказательств, кроме материала текста в устной или письменной форме. Как отмечает Л. С. Шеховцова [8], подобный вид преступлений относится к речевым преступлениям, то есть к тем, которые совершаются с использованием продуктов речевой деятельности, как правило, это тексты, распространяемые в средствах массовой информации, местах массового скопления народа, а также Интернет-источники;

– на объективность судебных экспертиз отрицательно влияет отсутствие единых методик, позволяющих в исследуемом материале обнаружить призывы к разжиганию ненависти, пропаганды экстремистского толка, при этом важно уделять внимание месту и времени совершения подобных актов.

Принципиальным моментом в приведенном документе является то, что предметом интереса Министерства юстиции Российской Федерации становится политологическая экспертиза, призванная установить правомочность включения физических лиц или организаций в Реестр иностранных агентов. В этой связи вводятся такие понятия, как «политический экстремизм» и «информационная политическая война», которые также требуют лингвистического толкования и пояснения. Тем не менее обозначенный круг вопросов свидетельствует о важности обращения со стороны правоохрани-

нительных органов к данной проблеме и созданию единого структурированного подхода на основе лингвистической науки к проведению судебных лингвистических экспертиз в случаях уголовных дел о терроризме и экстремизме.

В последнее десятилетие лингвистическая наука «обеспечена» поиском и созданием единой экспертной оценки текста, что связано с увеличением случаев пропаганды террористической и экстремистской деятельности. Этой проблеме в различных ее аспектах посвящены работы Н. В. Баранова и П. Б. Паршина [1], Е. С. Кара-Мурзы [4] и др. При этом каждый ученый выделяет значимые лингвистические и экстралингвистические компоненты судебной экспертизы текстов террористической и экстремистской направленности.

Так, Н. В. Баранов и П. Б. Паршин [1], вслед за С. Г. Тер-Минасовой [6], проводят параллель между определенной языковой системой и связанными с ней культурологическими особенностями, что требует отдельного внимания к случаям террористической и экстремистской пропаганды, в которых задействованы иностранные граждане, говорящие не на русском языке (славянская языковая группа, английский, французский и др. языки). Однако, по замечанию Л. С. Шеховцовой [8], не существует методики проведения судебной лингвистической экспертизы на иностранном языке. Отсутствие профессионального перевода иностранного текста может стать причиной судебных ошибок и нести негативные последствия.

Значительное место в работе Н. В. Баранов и П. Б. Паршин отводят анализу самого понятия «пропаганда» и делают вывод, что, так как юридическая наука не дает толкования, используется лингвистическое, которое трактуется неоднозначно, что усугубляется при наличии языковых и культурных отличий и ставит под сомнение объективность экспертизы. Тем не менее предлагается определенный алгоритм анализа текста террористической и экстремистской направленности, заключающийся в том, что в исследуемом материале необходимо вычленили такие составляющие, как:

- субъект пропаганды;
- адресат пропаганды;
- простые положения и аргументы, которые часто повторяются;

– оценка конкретной ситуации и ее дальнейшее видение в отрицательном ключе;

- возможность широкого распространения.

Важным моментом в оценке текста становится также и то, что он не может относиться к пропаганде, если не принадлежит конкретной пропагандистской кампании и является единственным по своей сути. Пропагандистскими текстами, террористического и экстремистского содержания, по мнению исследователей, могут быть лишь те, которые имеют множественное отношение к определенным идеологическим центрам, в том числе и действующих в сети Интернет.

Следующий этап связан с соотношением текста с определенными характеристиками пропаганды и включает в себя:

- процедуру определения текстов пропагандистского толка, которая основывается на присутствии таких характеристик, как обобщенность в подаче информации о конкретной ситуации, отстранение от реального положения дел и уход к представлению желаемого результата;

– процедуру отнесения конкретного текста к пропаганде согласно выявленным характеристикам.

Детально особенности осуществления лингвистической экспертизы рассмотрела Л. С. Шеховцова, которая придерживается несколько иного подхода в случае необходимости анализа конфликтного текста. Исследователь выделяет четыре составляющие или четыре стороны конфликта: непосредственные участники конфликта – «наивные толкователи»: 1 ответчик и 2 истец, которые провоцируют борьбу интересов; профессиональные толкователи: 3 юристы, 4 лингвисты. Последние призваны научно обосновать истинные смыслы текстов и замыслов конфликтующих сторон, чтобы юристы, опираясь на законодательство и результаты лингвистической экспертизы, смогли разрешить конфликт.

К объекту исследования лингвистической экспертизы исследователь относит текст, который может содержать кон-

фликтогенные элементы; предметом исследования являются лингвистические признаки, свидетельствующие о наличии содержательных показателей конфликтной коммуникации. Так, речевое преступление (словестный экстремизм), как и любой вид преступлений должен содержать отвечать ряду признаков:

- правовое содержание, отраженное в законе либо в комментариях к нему;
- лингвистические показатели, требующие экспертного толкования.

Таким образом, необходима разработка системы приемов, позволяющих взаимодействовать лингвистическим и правовым характеристикам при анализе конфликтного текста и создания алгоритма для работы с текстом на иностранном языке. Приведенные в данной работе мнения можно суммировать формулировкой, которую дала в своей работе Л. С. Шеховцова, справедливо указывая на потребность создания особой концептуальной базы, лингвистической методики для определенного вида речевого преступления, специальной системы понятий и их научного толкования.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. - 2017. - Том 12. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 310-612-1-SM.pdf (дата обращения: 03.08.2024).
2. Буткевич С. А. Превенция экстремизма и терроризма и деятельность массмедиа: проблемы синтеза и перспективы коллаборации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2017. - Т. 2 (68). № 1. - С. 115-123.
3. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. Уголовное право и криминология - 2015. - № 1 (19). - С. 76-83.
4. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. - 2009. - № 1 (27). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lingvisticheskaya-ekspertiza-kak-protsedura-politicheskoy-lingvistiki.pdf.
5. Лингвистическую экспертизу будут проводить государственные учреждения // Министерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49386/> (дата обращения 03.08.2024).
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf (дата обращения: 03.08.2024).
7. Чудина-Шмидт Н. В. Методы и средства морально-психологической подготовки сотрудников ОВД в обеспечении адекватного поведения при исполнении служебных задач в экстремальных условиях // Психолого-педагогические и этические аспекты в правоохранительной деятельности. - Барнаулский юридический институт МВД России. - С. 319-320.
8. Шеховцова Л. С. Подготовка и назначение судебно-лингвистической экспертизы при расследовании дел об организации незаконной миграции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2022. - Вып. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: podgotovka-i-naznachenie-sudebno-lingvisticheskoy-ekspertizy-pri-rassledovanii-del-ob-organizatsii-nezakonnoy-migratsii (1).pdf.

КАНУКОЕВ Астемир Мусович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

КОДЗОКОВ Азнаур Хасанович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции

БАУАЕВ Шамиль Хаджимуратович

преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, капитан полиции

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЛУШАТЕЛЕЙ И КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Физическая подготовка слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России имеет свои особенности в сравнении с традиционными формами физической подготовки, реализуемыми в образовательных организациях иного профиля профессиональной подготовки. Физическая подготовка слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России отличается спецификой целей и задач подготовки, а именно цель физической подготовки заключается в формировании у будущих сотрудников органов внутренних дел (ОВД) прикладных навыков и умений, которые позволяют с максимальной эффективностью выполнять служебные задачи, связанные с пресечением противоправных действий посредством применения физической силы. Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России включает два вида подготовки: общую физическую подготовку и профессионально-прикладную физическую подготовку. В образовательных организациях МВД России особое внимание следует уделять именно профессионально-прикладной физической подготовке, которая в свою очередь должна соответствовать требованиям, предъявляемым к уровню физической подготовки сотрудников ОВД. Требования, которые предъявляются к уровню и компонентам физической подготовки сотрудников регламентированы нормативно-правовыми актами, в частности Федеральным законом «О полиции». Организация физической подготовки в образовательных организациях МВД России требует комплексного подхода, ориентированного на формирование именно прикладных навыков и умений.

Ключевые слова: физическая подготовка, полиция, курсанты, слушатели, служебная деятельность, профессиональная подготовка, обучение, противодействие, учебно-тренировочная деятельность, профессиональные компетенции.

KANUKOEV Astemir Musovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, major police

KODZOKOV Aznaur Khasanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BAUYEV Shamil Khadzhimuratovich

lecturer, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

LEGAL FEATURES OF PHYSICAL TRAINING OF STUDENTS AND CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Physical training of students and cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia has its own characteristics in comparison with traditional forms of physical training implemented in educational institutions of other profiles of professional training. Physical training of students and cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia is distinguished by the specificity of the goals and objectives of training, namely, the goal of physical training is to develop applied skills and abilities in future employees of the internal affairs bodies (IAB), which will allow them to perform official tasks related to the suppression of illegal actions through the use of physical force with maximum efficiency. Physical training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia includes two types of training: general physical training and professionally applied physical training. In educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, special attention should be paid to professionally applied physical training, which in turn must meet the requirements for the level of physical training of the employees of the IAB. The requirements for the level and components of physical training of employees are regulated by regulatory legal acts, in particular the Federal Law "On Police". The organization of physical training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia requires a comprehensive approach aimed at the formation of applied skills and abilities.

Keywords: physical training, police, cadets, students, service activities, professional training, education, counteraction, educational and training activities, professional competencies.

Кануков А. М.

Кодзиков А. Х.

Баяев Ш. Х.

Обеспечение правопорядка и законности в борьбе с преступностью и правонарушениями в Российской Федерации закреплено за правоохранительными органами, что прописано в Федеральном законе «О полиции», который был утвержден в 2011 году. Органы внутренних дел (полиция) в данной системе особое место. Особенность заключается в применении общественного и государственного воздействия в процессе осуществления служебной деятельности, которое направлено на выявление, предупреждение и пресечение противоправных действий [1].

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г., № 3-ФЗ полиция является исполнительным органом власти, который обязан защищать здоровье, права, жизнь и свободы граждан РФ, выполнять функции по противодействию преступности, охране общественного порядка и в целом реализовывать мероприятия, направленные на обеспечение безопасности. Сотрудники органов внутренних дел имеют право применять силу, специальные средства в отношении правонарушителей, также они могут применять огнестрельное оружие, но только в тех случаях, когда в рамках российского законодательства предусмотрена такая мера. Специалист должен овладеть определенными профессиональными компетенциями: высоким уровнем психологической устойчивости, способностью достигать цели посредством мобилизации внутренних резервов, решительностью, наблюдательностью, развитым теоретическим и эмпирическим мышлением, памятью. Подготовка сотрудников для органов внутренних дел является задачей системы высшего образования МВД России. Система профессиональной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел была трансформирована в процессе реализации реформ, которые были реализованы в системе МВД России. Повышение уровня профессионализма сотрудников ОВД, которые способны эффективно решать служебные задачи является вопросом повышенного внимания государства и специалистов. Успешному выполнению сотрудниками ОВД своих служебных и боевых задач в процессе осуществления профессиональной деятельности способствует правильно организованный учебно-тренировочный процесс с педагогической позиции [5, с. 324].

Поиск, разработка средств, механизмов и методов, которые способствуют совершенствованию процесса физической подготовки слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России, является одним из приоритетных направлений в системе учебно-образовательной подготовки слушателей к эффективной реализации служебных, оперативных и боевых задач профессиональной деятельности.

В документах, регламентирующих деятельность сотрудников ОВД, содержатся соответствующие профессиональные требования к уровню физической подготовки сотрудников ОВД. Профессиональные требования к уровню физической подготовки сотрудников ОВД включают: навыки самостоятельного поддержания соответствующего уровня общей физической подготовленности, который необходим для реализации своих профессиональных обязанностей; умение использовать навыки в профессиональной деятельности; умение применять действия правомерного характера в целях силового пресечения правонарушений, обезоруживания, обезвреживания и задержания и т.д.

Кроме того сотрудники ОВД должны владеть соответствующими знаниями по соблюдению здорового образа жизни и силового задержания и обезвреживания вооруженного и невооруженного правонарушителя, самозащиты без использования оружия. Дисциплина «Физическая подготовка» в настоящее время включает 4 структурных раздела: теория и методика физического воспитания, общая физическая подготовка, специальная физическая подготовка, боевые приемы борьбы. Современная система физической подготовки в образовательных организациях МВД - это сложное и многофакторное явление, которое включает цели, задачи, средства, механизмы, инструменты, организационные формы, материально-технические средства и условия, которые обеспечивают достижение слушателями, курсантами соответствующего уровня физической подготовки. Педагогический процесс направлен на результативность тренировки и именно в этих условиях реализуется преподавание физической подготовки. Физические упражнения, применяемые в рамках физической подготовки в образовательных организациях МВД России, направлены на достижение высокого уровня физической подготовки в целом и высоких спортивных результатов посредством обучения, воспитания и повышения способностей слушателей и курсантов [3, с. 558].

Для достижения обозначенных выше результатов необходимо обеспечить регулярность тренировочного процесса. Тренировочный процесс необходимо выстраивать на базе рационального комплекса физических упражнений и верного сочетания физических нагрузок и отдыха. Для эффективности тренировочного процесса необходимо соблюдать оптимальное соотношение их интенсивности и объема, при этом следует учитывать индивидуальные характеристики и особенности слушателей курсантов. Физическая подготовка будущих сотрудников органов внутренних дел должна встраиваться на основе гармоничного физического развития. Гармоничное физическое развитие достигается посредством комбинации общей и специальной подготовки. Односторонняя специальная подготовка может стать причиной снижения уровня разносторонней многофункциональной подготовленности. Именно по этой причине в рамках общей подготовки следует развивать и совершенствовать навыки и умения, способствующие сохранению высокого уровня физической подготовленности у сотрудников ОВД [4, с. 15].

Таким образом, следует определить наиболее оптимальный вариант соотношения общей и физической подготовленности в процессе педагогической деятельности. В процессе реализации педагогической деятельности определяются особенности построения учебно-тренировочных занятий, а именно следует учитывать возрастные параметры, уровень физической подготовки, степень тренированности, а также психологические особенности развития на данном этапе. На начальном этапе подготовки следует проводить занятия, которые направлены на повышение уровня общей подготовленности. Общая подготовка направлена на решение задач по укреплению здоровья, общего повышения физических характеристик и в целом функциональных способностей организма. Преобладание специальной подготовки происходит по мере физического совершенства, т.е. структура и содержание учебно-трени-

рочного процесса изменяется, в основном она выстраивается на развитии навыков специальной физической подготовки. Однако, это не означает, что полностью отменяется общая подготовка, она также реализуется, но в качестве вспомогательного комплекса по физическому развитию [2, с. 124].

Важнейшее значение в теории и методике физической подготовки, по аналогии с другими научно-практическими дисциплинами, которые исследуют проблемы обучения и воспитания, имеют принципы, которые являются основными теоретико-методическими положениями. Принципы отражают основополагающие закономерности в сфере физической подготовки, и именно они определяют алгоритм действий по развитию физических качеств.

Социальные принципы также относятся к принципам, которые имеют важнейшее значение в сфере физической подготовки: содействие всех компонентов всестороннему гармоническому развитию личности; реализация действий, направленных на выполнение профессиональных обязанностей и оборонной деятельности; физическое воспитание должно способствовать оздоровлению человека.

Профессиональная компетентность педагога определяет эффективность совершенствование процесса физической подготовки. Сформировалось множество определений понятия «профессиональная компетентность», рассмотрим наиболее полно отражающее его сущность: комплекс знаний, умений и навыков, которые необходимы для профессии и обеспечивают продуктивную производительность и результативность в процессе достижения профессиональных целей с использованием определенного перечня компетенций. Преподаватели физической подготовки образовательных организаций МВД России должны обладать следующими профессиональными компетенциями, которые можно объединить в следующие четыре категории: теоретические знания; практические навыки и умения; профессиональные способности; профессиональные и личностные качества.

Профессиональная компетентность преподавателя, реализующего программу по физической подготовке должна:

– обеспечить формирование у курсантов, слушателей определенного уровня психологической и физической готовности к реализации своих служебных обязанностей в различных оперативных и боевых условиях;

– формировать высокие морально-волевые, социально-духовные, нравственно-этические качества и свойства личности сотрудника органов внутренних дел;

– целенаправленно и эффективно проводить обучение курсантов и слушателей комплексу действий, которые связаны с использованием физической силы, боевых приемов, специальных методов и инструментов, различных видов оружия.

Таким образом, процесс физической подготовки слушателей, курсантов образовательных организаций МВД России направлен на решение задач, как общего, так и специального профиля в рамках оперативно-служебной деятельности. Поддержание высокого уровня физической подготовки и умственной работоспособности является также одной из приоритетных задач занятий по физической

подготовке в образовательных организациях МВД России. В рамках специальной подготовки осуществляется развитие профессионально значимых двигательных умений и навыков. Слушатели, курсанты образовательных организаций высшего образования МВД России являются одной из категорий сотрудников ОВД. Главная задача курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России – это получение образования по соответствующему профилю.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.
2. Кузнецов С. В. Организация физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: монография. - Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. - 396 с.
3. Петров К. Н. Организация физической подготовки в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел России // Педагогика. Вопросы теории и практики. - 2022. - Т. 7. № 5. - С. 557-560.
4. Служебно-прикладная физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России: учебное пособие / Авт. кол. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. - 72 с.
5. Хромов В. А., Красилов О. В., Балакин Ю. П. К вопросу о комплексном совершенствовании профессиональной подготовки сотрудников полиции в рамках освоения дисциплины «Физическая подготовка» // Вестник экономической безопасности. - 2021. - № 3. - С. 323-327.

КРИВЧУН Наталья Аркадьевна

кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной механики, Тюменский индустриальный университет

ПРАВО СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАНИМАТЬСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ

На основе проведенных в сельских поселениях юга Тюменской области в 2020-2023 гг. исследований автор показывает, что в сельских территориях наблюдается значительная дифференциация в возможностях заниматься физической культурой и спортом. Показано, что в сельских поселениях, расположенных вблизи от районных центров и в самих районных центрах, состояние спортивной инфраструктуры удовлетворительное, в них работают секции, имеется спортивный инвентарь и квалифицированные тренеры. Но в большинстве сельских поселений отсутствуют не только спортивные учреждения, стадионы, в них нет спортивных площадок для занятий физическими упражнениями детям, подросткам и молодежи.

Ключевые слова: право на занятия физической культурой и спортом, сельское население, сельские территории, сельская молодежь, спортивная инфраструктура.

KRIVCHUN Natalya Arkadjevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Applied mechanics sub-faculty, Tyumen Industrial University

THE RIGHT OF RURAL YOUTH TO ENGAGE IN PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS

Based on the research conducted in rural settlements in the south of the Tyumen region in 2020-2023, the author shows that in rural areas there is a significant differentiation in opportunities to engage in physical culture and sports. It is shown that in rural settlements located near the district centers and in the district centers themselves, the condition of the sports infrastructure is satisfactory, they have sections, sports equipment and qualified coaches. But in most rural settlements there are not only sports facilities, stadiums, they do not have sports grounds for physical exercises for children, adolescents and youth.

Keywords: the right to engage in physical culture and sports, rural population, rural territories, rural youth, sports infrastructure.

Введение

Российская молодежь обладает значительным потенциалом и возможностями для развития государства в целом, отдельных регионов и сельских поселений. Молодежь принято выделять как особую возрастную группу, наделенную особым социальным статусом и определенными социально-психологическими качествами. Так, в Законе Тюменской области «О физической культуре и спорта в ТО» (№ 529 от 23.12.2004 г.) приведена трактовка молодежи как социально-демографической группы в возрасте от 14 до 35 лет включительно, говорится об обеспечении равных прав для ее физического развития; создании возможностей для участия в спортивной жизни области [2]. При этом сельскую молодежь отличает поселенческая принадлежность, которая формирует ее как важный элемент сельского социума. Отметим, что в процессе социализации и профессионализации сельская молодежь не только воспринимает, но и воспроизводит социокультурные черты сельского социума, которые отличают ее от городской молодежи.

Физическая культура и спорт позволяют совершенствоваться физические и социально-психологические качества молодых людей. Физическая культура, являясь важным элементом культуры в целом, определяет не только социальный комфорт сельской молодежи, но и способствует укреплению здоровья молодых людей (да и всех слоев населения), способствует живому общению в процессе проведения спортивного досуга и позволяет быть в активной и подтянутой форме, что позитивно сказывается на общественной жизни в сельских поселениях.

На протяжении многих лет государство создавало условия для подготовки спортсменов высших достижений, то в последние десять лет они испытывают явное недружеское отношение в ходе международных выступлений. После присоединения Крыма к России наши спортсмены перестали выступать под российским флагом, не допускаются к участию в Олимпийских играх, обвиняются в использо-

вании допингов и пр. Поэтому сегодня создаются условия для развития массового спорта по всей стране, в том числе в сельских поселениях. Развивая физкультурно-оздоровительную инфраструктуру в городах и сельских поселениях можно добиться значительного улучшения здоровья российской нации в целом. Кроме развития спортивной инфраструктуры в сельских поселениях требуются квалифицированные тренеры по различным видам спорта, а их практически нет в сельской глубинке, поскольку отсутствуют программы по поддержке тренеров, переезжающих в сельские поселения.

Методы исследования

1. Анкетные опросы сельской молодежи юга Тюменской области, проведенные в 2021-2023 гг. (руководитель д.с.н., профессор Хайруллина Н. Г.).

2. Результаты социологических исследований, проведенных российскими и региональными учеными.

Результаты и обсуждение

По мнению Белозеров В. И., в сельской местности не равномерно развита спортивно-оздоровительная инфраструктура [1]. Большинство спортивных залов и площадок находятся на территории школ и доступны они только учащимся до определенного времени, после завершения учебных занятий двери школы закрываются и доступ к спортивным сооружениям закрывается для всех. Важно развивать спортивную инфраструктуру (в первую очередь спортивных площадок) для всех категорий сельского населения, обновлять уже имеющиеся спортивные сооружения. Такие данные подтверждают и анкетные опросы, проведенных в сельских поселениях юга Тюменской области в 2020-2024 гг.

Как было отмечено выше, именно молодежь наиболее активно может и занимается физической культурой и спортом, постепенно взрослея она сохраняет на протяжении всей жизни установку к активным физическим нагрузкам (как по-

Таблица 1. Динамика показателей, характеризующих развитие физкультуры и спорта в Тюменском районе

Показатель	2019	2020	2021	2022
Количество спортивных сооружений	270	268	275	283
Численность занимающихся спортом	55988	62648	65429	72136
Численность штатных сотрудников учреждений	282	303	310	309
Число учреждений физкультуры и спорта	267	268	268	268
Численность посетителей спортивных учреждений	23043	23843	24273	25409

казывают данные интервью с представителями старшего поколения).

На территории Тюменского района (это один из 26 муниципальных районов, расположенных на юге области) проживает около 130 тыс. человек, из которых молодежь составляет около 25 тыс. чел., а способных заниматься физкультурой и спортом - 32350 человек. В таблице представим некоторые показатели, характеризующие развития физической культуры и спорта в данном районе.

Как видно из данных таблицы, наблюдается незначительное увеличение числа спортивных сооружений. За анализируемый период наблюдается увеличение численности, вовлеченных в спортивно-оздоровительную деятельность. Это свидетельствует об интересе к активным занятиям спортом и физической культурой.

Такая позитивная ситуация наблюдается не во всех населенных пунктах юга Тюменской области, чем дальше расположен муниципальный район от областного центра или районного центра, тем меньшее число спортивных сооружений встречается в сельских поселениях, тем хуже их состояние, тем меньше жителей вовлечены в физкультурное движение, особенно молодежи. Практически в небольших сельских поселениях остались жить (доживают) лица старшего и преклонного возраста, молодежь не возвращается в свои поселения после получения образования.

Так, в ходе опросов жителей Бердюжского района в 2021-2023 гг., мы выяснили, какие элементы социальной инфраструктуры имеются в местах их проживания: магазин (97 %), клуб (90 %), общеобразовательная школа (88 %), ФАП (86 %), почта (85 %), детский сад (73 %), физкультурно-оздоровительные комплексы и спортивные площадки (64 %), учреждений дополнительного образования для развития детей и подростков (56 %). Как видим, только две три участника опроса указали на наличие в сельском поселении физкультурно-оздоровительного учреждения или спортивной площадки.

Суворова А. Е., Рысев Ю. А. считают необходимым мотивировать сельское население к занятиям физкультурой, эта стратегическая задача, поставленная руководством нашей страны [5]. По мнению, Драгич О. А., Субботина В. Я., Плоскова А. Л., Полтавской Л. Р. развитию физической культуры и спорта в сельских поселениях будут способствовать массовые физкультурно-оздоровительные мероприятия для всех слоев населения [3], [7]. Привлечение представителей старшего поколения к занятиям физической культурой способствовать увеличению продолжительности их жизни, что актуализировалось после повышения возраста выхода россиян на пенсию [6].

Сагиев Т. А., Фокин А. М., Алябьев А. Н. считают, что в сельских территориях спортивная деятельность организована на достаточно низком уровне из-за отсутствия спортивных сооружений, незначительного числа спортивных секций, отсутствия тренеров. По их мнению, спортивные площадки и спортивные секции в поселениях позволят организовать свободное время молодежи, которая зачастую собирается вечером на останочных комплексах [4].

В заключение следует отметить, что быстрого развития спортивной инфраструктуры в сельских поселениях достичь невозможно, но создавать условия, необходимые структуры

для развития спортивно-оздоровительной инфраструктуры необходимо. На селе должны быть созданы условия, чтобы обеспечить равные права для занятий физкультурой и спортом для сельской молодежи.

Пристатейный библиографический список

1. Белозеров В. И. Социальные феномены физической культуры и спорта глазами молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2024. - № 1. - С. 68-73.
2. Закон Тюменской области «О физической культуре и спорте в Тюменской области» от 23 декабря 2004 года № 329. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tyumen-pravo.ru/zakon/2004/12/28/n-329/?ysclid=lyr0rhcnms650198082> (дата обращения: 11.9.2024).
3. Драгич О. А., Субботин В. Я., Плосков А. Л., Полтавская Л. Р. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов технических вузов (учебно-методическое пособие) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2014. - № 6. - С. 98-99.
4. Сагиев Т. А., Фокин А. М., Алябьев А. Н., Субботин В. Я. Актуальность силовых способностей биатлонистов в соревновательной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. - 2020. - № 10. - С. 156-162.
5. Суворова А. Е., Рысев Ю. А. Развитие студенческого спорта в современных условиях / В сборнике: Студенческий спорт в современном мире. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Санкт-Петербург, 2024. - С. 226-229.
6. Садыкова Х. Н., Субботин В. Я. Экономические последствия повышения пенсионного возраста россиян: постановка проблемы // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 7 (134). - С. 396-397.
7. Субботин В. Я. Анализ отношения студентов технического вуза к активным занятиям физической культурой / В сборнике: ГТО: практика реализации. материалы Всероссийской студенческой конференции в рамках реализации программы развития деятельности студенческих объединений и всероссийского молодежного проекта «Студенты ГТО». - 2015. - С. 116-120.
8. Субботин В. Я. Жизнь как спорт и жизнь в спорте: монография. - Тюмень: ТИУ, 2024. - 196 с.

ПОПОВ Игорь Вадимович

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и организации наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Самарский юридический институт ФСИН России

ГРЕВЦЕВ Олег Игоревич

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании, Самарский государственный социально-педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ ОПЕРАТОРОВ СЭМПП

Активная цифровизация общества, а также реформирование уголовно-исполнительной политики, сопряженное с активным распространением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, требует особого подхода в процессе исполнения данных видов наказаний. На сегодняшний день контроль за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, реализуется посредством использования устройств и систем электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПП). Эффективное использование данных устройств требует от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций качественной подготовки для реализации целей уголовно-исполнительного законодательства. В связи с чем, процесс обучения будущих сотрудников-операторов СЭМПП должен отвечать современным запросам уголовно-исполнительной системы.

В рамках данной работы авторы рассмотрели основные проблемные аспекты организации образовательного процесса образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по программам высшего образования и программам повышения квалификации, через призму дидактики. В ходе проведенного исследования, авторы пришли к выводу, что построение образовательного процесса в соответствии с основными положениями дидактики позволит качественно подготовить к работе будущих операторов СЭМПП.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, система электронного мониторинга подконтрольных лиц, педагогика, образовательный процесс, дидактика, принципы, практические занятия, теория образования, высшее образование.

POPOV Igor Vadimovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Penal enforcement law and organization of punishments not related to isolation of convicts from society sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

GREVTSEV Oleg Igorevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Information and communication technologies in education sub-faculty, Samara State Socio-Pedagogical University

PROBLEMS OF ORGANIZING THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE FIELD OF TRAINING SAMPLE OPERATORS

The active digitalization of society, as well as the reform of penal enforcement policy, coupled with the active dissemination of punishments not related to the isolation of convicts from society, requires a special approach in the process of executing these types of punishments. To date, control over the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society is implemented through the use of devices and electronic monitoring systems of controlled persons. The effective use of these devices requires high-quality training for employees of penal enforcement inspections to implement the goals of penal enforcement legislation. In this regard, the training process for future electronic monitoring systems of controlled persons operator employees should meet the modern demands of the penal enforcement system.

Within the framework of this work, the authors examined the main problematic aspects of the organization of the educational process of educational institutions of the Federal Penitentiary Service for higher education and advanced training programs, through the prism of didactics. In the course of the study, the authors came to the conclusion that the construction of the educational process in accordance with the basic provisions of didactics will allow us to qualitatively prepare future electronic monitoring systems of controlled persons operators for work.

Keywords: penal inspection, electronic monitoring system of controlled persons, pedagogy, educational process, didactics, principles, practical classes, theory of education, higher education.

С началом активного распространения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, появилась необходимость контроля их исполнения. Учитывая специфику данной группы наказаний, еще в 2001 году специалисты Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) приступили к разработке электронных видов слежения и контроля за осужденными. В основу разработок был положен зарубежный опыт, стран Евросоюза, в частности. Так в 2009 году в трех регионах Российской Федерации был проведен эксперимент по применению электронных браслетов для осужденных к ограничению свободы. В 2010 году сотрудниками уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) было отмечено, что внедрение электронных браслетов прошло удачно. В связи с чем, в 2011 году в РФ была разработана и внедрена своя система электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПП). Внедрение и постоянная модернизация системы, а также важность понимания особенностей применения контрольных устройств требуют от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций высокого уровня компетентности в данном вопросе. Мы полагаем, что наиболее полно и точно осветить данный вопрос представляется возможным, рассмотрев его через призму дидактики.

Понятие дидактики было сформулировано немецким педагогом Вольфгангом Ратке в XVII веке, а как самостоятельная дисциплина дидактика была выведена чешским гуманистом Яном Амосом Коменским в том же веке. Как предмет она исследует закономерности, действующие в учебном процессе между преподавателем, обучающимися и учебными материалами [1]. Отметим, что в данном случае объектом изучения выступает процесс обучения по дисциплинам, связанным с изучением и практическим применением устройств СЭМПП, а предметом – закономерности, складывающиеся в процессе педагогического взаимодействия преподавателей информационно-технических дисциплин, обучающихся и соответствующих учебных материалов (учебных пособий, методических рекомендаций, обзоров практик и т.д.).

Далее необходимо отметить основные составляющие дидактики – функции и задачи. Говоря о первом элементе, отметим, что функции дидактики подразделяются на теоретическую (прогностическая или диагностическая) и практическую (нормативную или экспериментальную). Теоретическая функция подразумевает, что в образовательном процессе должно происходить обобщение и обоснованное подведение всех механизмов личного развития обучающихся под единообразную систему. Практическая же функ-

ция своим назначением имеет разработку и построение образовательного процесса в соответствии с целями дидактики. Основными задачами дидактики, с точки зрения диахроники, выступают: подбор максимально эффективных путей и способов для передачи знаний и навыков, поиск закономерностей в процессе обучения и уточнение содержания образования для последующего поколения обучающихся. С точки зрения синхроники второстепенными задачами дидактики являются: определение критериев формирования содержания образования, конкретное и обоснованное формулирование принципов процесса обучения, разработка новых направлений и методов обучения и самообучения, внедрение новых технологий в обучение, выявление связей между предметами и внутри них, для максимальной актуализации и систематизации изучаемых материалов и др.

Рассмотрим основные проблемы образовательного процесса по дисциплинам, связанным с изучением СЭМПЛ.

Первым следует отметить непонимание обучающимися учебного материала. Здесь важно разграничить, если обучающимся выступает курсант, который ранее не сталкивался с деятельностью уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ), то ему гораздо сложнее усвоить изучаемый материал, так как само устройство СЭМПЛ, его практическое применение ему незнакомо, в отличие от обучающихся – действующих сотрудников УИИ. В Самарском юридическом институте ФСИН России наравне с образовательной программой высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» по профилю «Организация исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества», действует программа повышения квалификации «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц». В рамках данной программы действующие сотрудники УИИ наряду с правовой подготовкой изучают особенности и порядок функционирования устройств СЭМПЛ, действия операторов СЭМПЛ при внештатных ситуациях.

В мае 2024 года, среди слушателей по программе повышения квалификации «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» был проведен опрос для отражения эффективности результатов обучения. Всего в опросе приняли участие 19 человек. Обзор опросных листов показал, что возраст респондентов 30 и менее лет – (42,1 % (8 чел.); 31-40 лет – (57,9 % (11 чел.); 41–49 лет – нет, свыше 50 лет – нет, (стаж службы в УИС у 5 сотрудников до 5 лет, 10 чел. – 5–10 лет; 4 чел. – 10–15 лет, у 1 чел. – свыше 15 лет. Среди предложений по совершенствованию содержания программы можно выделить следующие: увеличить часы на теоретическое обучение; производить разбор неисправностей оборудования на практических занятиях с конкретными примерами; увеличить часы на практическую работу с оконечными устройствами СЭМПЛ.

Сравнивая методику обучения курсантов и действующих сотрудников УИИ, следует отметить, что в первом случае учебный материал должен предусматривать больше практических занятий, что реализуется в Самарском юридическом институте ФСИН России посредством проведения данных занятий в лаборатории СЭМПЛ. Ведь закрепление полученных в ходе теоретических занятий знаний, позволяет обучающимся «вживую» увидеть, как работают устройства СЭМПЛ, сопоставить их технические характеристики, особенности взаимодействия одних электронных устройств с другими.

Говоря о практической подготовке будущих сотрудников УИИ, особое внимание следует уделять выездным практико-ориентированным занятиям в филиалах УИИ.

Не менее важным выступает фактор эффективного взаимопонимания между преподавателем и обучающимися. Отмечается, что обучающийся как личность имеет свою психологическую структуру, основными компонентами которой являются направленность, возможности, характер, темперамент [3]. Следовательно, преподавателю необходимо учитывать психологические особенности и возможности каждого обучающегося, так как, например, для одного обучающегося групповое обучение будет наиболее комфортным – он будет хорошо усваивать материал, реализовывать его на практике, а другому будут необходимы индивидуальные консультации. В таких условиях образовательный процесс должен быть гибким и динамичным, что возможно при построении обучения на принципах дидактики.

Дидактические принципы, как отмечает в своей работе О. Н. Мазеина, это некоторые очевидные исходные положения,

которым должен удовлетворять любой обучающий процесс [2]. Качественная подготовка будущих сотрудников УИИ и совершенствование имеющихся навыков у действующих сотрудников, на наш взгляд, возможны при устойчивом сочетании образовательного процесса с инновационными технологиями, как в сфере педагогики и теории образования, так и в сфере цифровизации общества. Помимо того образовательный процесс по техническим дисциплинам, связанным с изучением СЭМПЛ должен отвечать следующим принципам дидактики:

– принцип научности. В связи с тем, что изучение технических дисциплин тесно связано в настоящее время с цифровизацией, важно обеспечить постоянное обновление материально-технической базы;

– принцип систематичности и последовательности. Таким образом, если обучение по программам СЭМПЛ направлено на курсантов, то сам план обучения должен быть несколько шире, предусматривать несколько разделов: организационно-правовые основы СЭМПЛ, изучение комплекта, порядка установки и настройки, обеспечения непрерывного функционирования контрольных устройств, выполнение действий при возникновении внештатных ситуаций с оборудованием СЭМПЛ;

– принцип наглядности. Согласно «Великой дидактике» Яна Амоса Коменского данный принцип выступает «золотым правилом» образования [4]. Так, если мы отмечаем образовательный процесс операторов СЭМПЛ, то преподаватель должен наглядно демонстрировать процесс установки, настройки СЭМПЛ и другие необходимые действия;

– принцип связи обучения с жизнью. Практические занятия позволяют исключить ошибки, допускаемые операторами СЭМПЛ по причине невнимательности, низких навыков при работе с СЭМПЛ, так как в ходе практических занятий происходит совершенствование нужного набора навыков.

– принцип доступности. Необходимо строить образовательный процесс от простого к сложному, от известного к неизвестному. Доступность изложения учебного материала – ключ к качественной подготовке операторов СЭМПЛ.

Таким образом, рассмотрев основы дидактики и ориентировав их на образовательный процесс образовательных учреждений ФСИН России по программам обучения, предусматривающим изучение технических дисциплин, связанных с СЭМПЛ, мы пришли к выводу, что построение процесса обучения на рассмотренных дидактических положениях, позволит не только обеспечить качественный образовательный процесс, отвечающий современным условиям, но и эффективно подготовить к работе с устройствами СЭМПЛ будущих и действующих сотрудников УИИ.

Пристатейный библиографический список

1. GeekBrains. Что такое дидактика: основные понятия, принципы и разделы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gb.ru/blog/chto-takoe-didaktika/> (дата обращения: 15.07.2024).
2. Мазеина О. Н. Дидактические и методические основы обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе их адаптации к профессиональной деятельности // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 2 (23). – С. 181-186.
3. Имбашев И. С. Проблемы преподавания технических дисциплин в высших учебных заведениях и особенности работы со студентами // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031725> (дата обращения: 15.07.2024).
4. Великая дидактика Я. А. Коменского. – СПб.: Сямашко, 1875. – 282 с.

РЯСОВ Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

МЕЩЕРИН Александр Иванович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕНИНГОВОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются отдельные аспекты реализации тренинговой формы обучения в профильных учебных заведениях МВД России. Акцент делается на целевую составляющую практического обучения, позволяющую сформировать у выпускника учебного заведения необходимые профессиональные навыки и знания. Особое внимание уделяется оптимальным формам тренингового занятия. Определяются формы и особенности коммуникативного тренинга.

Ключевые слова: практическая направленность обучения, учебные заведения системы МВД России, тренинговая форма занятия, навыковый тренинг.

RYASOV Alexander Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

MESHCHERIN Alexander Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

PROFESSIONAL COMPETENCE OF EMPLOYEES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE IMPLEMENTATION OF THE TRAINING FORM OF EDUCATION

Professional competence of employees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of the training form of education The article discusses some aspects of the implementation of the training form of education in specialized educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The emphasis is on the target component of practical training, which allows graduates to form the necessary professional skills and knowledge. Special attention is paid to the optimal forms of training sessions. The forms and features of communicative training are determined.

Keywords: practical orientation of training, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, training form of classes, skill training.

Органы внутренних дел, реализуя правоохранительную функцию, обеспечивают защиту жизни и здоровья граждан, интересов общества и государства от противоправных посягательств, осуществляют оперативно-профилактическую работу, борьбу с различными видами преступлений, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. В процессе осуществления данной деятельности возникает острая потребность в квалифицированном кадровом составе сотрудников различных подразделений органов внутренних дел. Важнейшим инструментом в решении данной задачи выступают ведомственные учебные заведения системы МВД России, позволяющие подготовить сотрудника ОВД обладающего профессиональными знаниями, способного качественно выполнять поставленные перед ним задачи в сфере обеспечения правопорядка, а также сформировать у него необходимые личностные качества, такие как личная ответственность, дисциплина и моральная стойкость.

Ключевая роль в процессе профессиональной подготовки сотрудника ОВД отводится профессорско-преподавательскому составу учебного заведения. Преподаватели, обладая соответствующей профессиональной компетентностью, обеспечивают обучаемых необходимыми теоретическими

знаниями в области юриспруденции, осуществляют методическое обеспечение (сопровождение) изучаемых учебных дисциплин, проводят учебные занятия в наиболее эффективных формах, реализуют воспитательную функцию, формируя у обучаемых понимание важности соблюдения этических норм и стандартов в работе сотрудников полиции. Таким образом, профессорско-преподавательский состав выполняя обязанности в сфере обучения и воспитания будущих специалистов правоохранительных органов, играет центральную роль в подготовке квалифицированных специалистов, способных эффективно выполнять свои обязанности в сфере обеспечения правопорядка и защиты прав граждан.

В процессе обучения курсантов и слушателей реализуются различные формы (традиционные и нетрадиционные) проведения учебных занятий. К традиционным формам проведения учебных занятий относятся лекции, семинары, практические занятия. Нетрадиционными являются учебные занятия, проводимые в форме тренинга, кейс-метода, проекта, мастер-класса, онлайн-курса и вебинара, а также деловых игр. Комбинирование традиционных и нетрадиционных форм проведения учебных занятий позволяет создать более эффективный образовательный процесс, учитывая

щий разнообразие стилей обучения и потребностей обучаемых, а также может значительно повысить эффективность обучения и вовлеченность обучаемых. Смешанные формы обучения не только делают учебный процесс более разнообразным и интересным, но и способствует развитию навыков, необходимых будущим сотрудникам правоохранительных органов в их профессиональной деятельности.

Одной из эффективных форм проведения учебных занятий, позволяющих реализовать интерактивные и практико-ориентированные подходы обучения, является тренинговая форма обучения [1]. Так, к примеру, использование тренинговой формы проведения занятий позволяет адаптировать учебный материал под конкретные оперативно-тактические ситуации, возникающие в практической деятельности сотрудников различных подразделений ОВД. Таким образом, тренинговая форма проведения учебных занятий может быть эффективно реализована при изучении общеправовых и специальных учебных дисциплин.

Реализация тренинговой формы обучения в подготовке обучающихся образовательных организаций МВД, а также действующих сотрудников различных подразделений ОВД, является важным аспектом улучшения их профессиональных навыков и, как следствие, эффективности формирования соответствующих компетенций и деятельности по противодействию преступности. Представляется, что тренинги обеспечивают достаточно быстрое и продуктивное формирование у обучающихся не только соответствующих теоретических знаний, но и практических навыков, необходимых для успешного выполнения задач, связанных с предупреждением и раскрытием конкретных преступлений.

Следует отметить, что с содержательной стороны тренинговое занятие включает в себя подготовительную, основную и заключительную части. Так, подготовительная часть предполагает определение целей и задач тренинга, ее актуальности и значимости темы занятия. В основной же части тренинга обучающиеся выполняют различные задания, упражнения, участвуют в деловых играх по фабулам, основанным на реальных ситуациях, возникающих в повседневной оперативно-служебной деятельности, исходя из условий тренинга – готовят творческие проекты и презентации, а также проекты необходимых оперативно-служебных документов. Заключительная часть тренинга предполагает обобщение его ключевых моментов, оценку степени достижения целей занятия, определенных до его проведения, обсуждение полученного опыта, причём, что очень важно – как положительного, так и негативного. Следует отметить, что негативный опыт может касаться организационных аспектов тренинга либо его содержательной (практической) части. Исходя из анализа результатов тренинга, в его содержание могут достаточно оперативно вноситься соответствующие корректировки.

Таким образом, указанная выше структура тренингового занятия помогает эффективно организовать процесс обучения и обеспечивает максимальную вовлеченность его участников.

Представляется, что наиболее оптимальным для реализации задач подготовки будущих сотрудников различных подразделений ОВД выступает проведение так называемого навыкового тренинга, направленного, прежде всего, на развитие необходимых для сотрудников правоохранительных

органов навыков вербального общения и поддержания контакта, ведения переговоров в процессе профессиональной деятельности. Действительно, коммуникативные процессы одни из самых распространённых в практической деятельности, именно коммуникация лежит в основе «переговорного процесса» с различными субъектами, например, заявителями, свидетелями и очевидцами преступлений, фигурантами уголовных дел, коллегами по службе, а также субъектами контроля и надзора за деятельностью правоохранительных органов. Поэтому коммуникативная составляющая подобных тренингов, должна выступать преобладающей частью в их содержании. Наиболее успешно навыки коммуникации вырабатываются в ходе использования игровых технологий обучения, позволяющих воспроизвести определённые ситуации, возникающие в повседневной оперативно-служебной деятельности.

Так, к примеру, в качестве основных методов тренинга, реализуемых в ходе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, а также действующих сотрудников ОВД (в ходе повышения квалификации), представляется целесообразным использование игровых методов в форме деловых либо ролевых игр. Использование указанных методов проведения занятий в рамках практической подготовки позволяет в полной мере реализовать коммуникативный тренинг, направленный на развитие навыков профессионального общения сотрудников конкретных подразделений ОВД с различными категориями лиц, например, при осуществлении каких-либо стадий процессуальной, оперативно-розыскной деятельности или проведении следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, основу которых составляет процесс общения, например:

- принятие заявления о совершении преступления, опрос заявителя;
- опросы и допросы различных категорий объектов оперативно-розыскного или уголовного-процессуального воздействия;
- общение с лицами в процессе осуществления конфиденциальной работы [2].

Необходимо учитывать, что основная цель проведения тренинговых занятий в игровой форме заключается в формировании следующих навыков и личностных характеристик обучающихся:

- формирование чувства уверенности в общении, в том числе и с незнакомыми ранее людьми;
- навыков знакомства с людьми, установления и поддержания психологического контакта в общении;
- навыков деловых коммуникаций в процессе осуществления уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности;
- навыков принятия оптимальных тактических решений на основе анализа конкретной оперативно-розыскной или следственной ситуации (особенно в условиях ограниченного времени);
- навыков обеспечения законности при проведении конкретных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также конспирации в ходе реализации отдельных направлений оперативной работы.

Исходя из заявленных целей тренинга, модератору занятия, необходимо учитывать, что тренинг – это групповое занятие в аудитории, на котором обучающиеся получают

именно практические умения и навыки, поэтому теоретическая часть тренинга, которая реализуется, как правило, перед непосредственным выполнением тренинговых занятий, должна составлять не более 15-20% от общего объёма времени, выделяемого на его проведение. Основное же время должно быть отведено на выполнение практических тренинговых заданий - вводных, а также активное взаимодействие обучающихся внутри группы.

Опыт проведения подобных учебных занятий в тренинговой форме позволяет определить оптимальную примерную структуру тренингового занятия.

1. Теоретическая часть тренинга, которая реализуется как правило в форме короткой лекции, в процессе которой до участников тренинга доводят информацию, составляющую теоретическую, нормативно-правовую, тактическую основу тренинга, исходя из общей темы тренинга (например, порядок и условия проведения опроса лиц, вероятно или реально располагающих информацией о преступной деятельности);

2. Определение и доведение до участников общих условий выполнения тренинговых заданий (иными словами определение «правил игры»). На данном этапе для уяснения обучающимися условий выполнения вводных игровых заданий возможна короткая демонстрация модератором или его ассистентами (в усечённом виде) вводного типового задания, определённого замыслом занятия;

3. Основная (рабочая) часть тренинга заключается в выполнении обучающимися тренинговых игровых заданий, на которой участники выполняют конкретные вводные под руководством модератора - преподавателя. Фабулы вводных заданий определяются в процессе подготовительной работы, исходя из анализа реальных ситуаций оперативно-служебной деятельности. В соответствии с отведённой ролью, как правило обучающиеся выступают в роли должностного лица конкретного правоохранительного органа (например, оперуполномоченного или следователя), осуществляется коммуникативное взаимодействие в вербальной форме. При этом ассистент (подыгрывающее лицо) может провоцировать основного «игрока» на совершение различных ошибок, связанных с соблюдением законности и тактических особенностей осуществляемых действий. Следует отметить, что модератором может быть установлен жёсткий лимит времени, отведённого на выполнение игрового задания, исходя из характера и сложности действий, реализуемых в практической деятельности сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, установление лимита времени на выполнение конкретного игрового задания может способствовать выведению игрока из «зоны комфорта», а также созданию соответствующего эмоционального фона, способствующих возникновению своеобразной психологической метки, повышающей эффективность мыслительной деятельности обучающихся;

4. На заключительном этапе осуществляется разбор выполненного задания, в ходе которого участники тренинга делятся впечатлениями от выполнения задания. На данном этапе модератору очень важно понять, что обучающемуся – игроку давалось достаточно легко, а в чем возникали сложности, это представляется необходимым для устранения выявленных пробелов теоретической или практической подготовки на последующих этапах образовательной деятель-

ности. Необходимо указать, что оценка действий каждого участника тренинга возможна не только модератором, его ассистентами, но и самим учебным коллективом.

Следует отметить, что использование тренинговых практических занятий возможно также в процессе краткосрочного обучения различных категорий действующих сотрудников правоохранительных органов по конкретным направлениям оперативной или следственной работы, без отрыва от выполнения профессиональных обязанностей, к примеру, в процессе проведения тематических учебно-методических сборов, семинаров или занятий в рамках профессиональной служебной подготовки. Представляется, что использование тренинговой формы обучения в подготовке различных категорий сотрудников правоохранительных органов позволяет в относительно короткий промежуток времени сформировать соответствующие профессиональные и профессионально-специализированные компетенции, необходимые для эффективного выполнения служебных задач и, как следствие, исключить ряд проблем, связанных с недостаточной профессиональной подготовкой работников правоохранительной сферы.

Пристатейный библиографический список

1. Гоннов Р. В., Рясов А. В., Гоцкая Н. Р. Проблемы формирования преподавательского состава ведомственных учебных заведений МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 252.
2. Мещерин А. И., Рясов А. В. Мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей: оперативно-розыскной аспект // Закон и право. – 2022. – № 12. – С. 202-204.

СТЕЦЕНКО Николай Васильевич

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции

ВАЛИЕВА Альбина Рифовна

кандидат политических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа

ХАКИМОВ Назим Назипович

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ИВАНОВ Эдуард Юрьевич

преподаватель цикла кинологии, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России, капитан полиции

О РОЛИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

В настоящей статье исследуется значение комплексного подхода в обучении будущих юристов. Современные реалии юридической профессии требуют от обучающихся не только глубоких знаний в области юриспруденции, но и развития практических навыков, аналитического мышления и способности к междисциплинарному взаимодействию. Авторы подчеркивают важность интеграции теоретических и практических компонентов в учебный процесс, что позволяет студентам успешно адаптироваться к вызовам профессии. Результаты исследования демонстрируют, что комплексный подход способствует формированию у студентов не только профессиональных компетенций, но и личных качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: комплексный подход, компетентность, юрист, междисциплинарная связь, развитие навыков.

STETSENKO Nikolay Vasiljevich

senior lecturer of Special disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant of colonel police

VALIEVA Albina Rifovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Socio-economic and humanitarian disciplines sub-faculty, Bashkir State Agrarian University, Ufa

KHAKIMOV Nazim Nazipovich

senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

IVANOV Eduard Yurjevich

lecturer of the Cycle of Cynology, Ufa School for the Training of dog handlers of the MIA of Russia, captain of police

ON THE ROLE OF AN INTEGRATED APPROACH IN THE TRAINING OF FUTURE LAWYERS

This article examines the importance of an integrated approach in the training of future lawyers. The modern realities of the legal profession require students not only to have in-depth knowledge in the field of jurisprudence, but also to develop practical skills, analytical thinking and the ability to interdisciplinary interaction. The authors emphasize the importance of integrating theoretical and practical components into the educational process, which allows students to successfully adapt to the challenges of the profession. The results of the study demonstrate that an integrated approach contributes to the formation of students not only professional competencies, but also personal qualities necessary for successful professional activity.

Keywords: integrated approach, competence, lawyer, interdisciplinary communication, skills development.

Деятельность юриста имеет свои уникальные особенности и предъявляет строго определенные требования к будущим сотрудникам правоохранительной сферы. Процесс профессиональной подготовки юристов включает в себя формирование не только знаний из области юриспруденции, но и формирование психологической устойчивости, развитие навыков коммуникации, организаторских способностей и т.д. В целом, подготовка будущего юриста направлена на создание компетентного специалиста, способного действовать в сложных и порой кризисных ситуациях, обеспечивая соблюдение и охрану прав и свобод граждан и государства.

Комплексный подход в педагогике представляет собой методологию, направленную на интеграцию различных аспектов образовательного процесса для достижения максимальной эффективности и адаптивности обучения. Он подразумевает использование междисциплинарных связей, объединяющих знания из разных областей научных знаний, что

позволяет формировать целостное представление о предмете и взаимосвязях между явлениями.

Такой подход ориентирован не только на академические успехи, но и на развитие личностных качеств обучающихся, что становится особенно важным в условиях современного общества. Внедрение принципов комплексного подхода включает в себя учет индивидуальных особенностей, создание условий для активного участия студентов, курсантов и слушателей в учебном процессе и развитие критического мышления.

Педагоги, применяющие комплексный подход, становятся фасилитаторами, помогая ученикам самостоятельно исследовать, анализировать и синтезировать знания. Такой формат обучения развивает у обучающихся не только профессиональные навыки, но и социальные компетенции, что является ключевым элементом подготовки к вызовам будущего. Таким образом, комплексный подход в педагогике обеспечивает всестороннее развитие личности, способствуя

гармоничному сочетанию теоретических знаний и практических навыков.

К. И. Бузаров считает, что комплексность - это единство целей, задач, содержания, методов и форм воспитательного воздействия и взаимодействия [2]. Автор в своих исследованиях подчеркивает, что в современном обществе роль юриста становится все более значимой, что обуславливает необходимость комплексного подхода к их подготовке.

Рассмотрев результаты эмпирических исследований в области подготовки будущих юристов мы пришли к выводу, что в образовательной среде, наиболее часто встречающимися качествами в «образе идеального юриста» являются компетентность и коммуникабельность.

Компетентность - это многогранное понятие, охватывающее не только знания и навыки, но и умение применять их в реальных условиях. Компетентность служит основой для эффективного выполнения профессиональных обязанностей, а также способствует принятию взвешенных решений в сложных ситуациях. Компетентный специалист не просто обладает теоретическими знаниями, но и умеет адаптироваться к изменениям, проявляя гибкость и креативность. Компетентность включает в себя аналитическое мышление, критическую оценку информации и способность к принятию эффективных решений в решении поставленных задач. Более того, компетентность также подразумевает наличие эмоционального интеллекта - умение взаимодействовать с коллегами, слушать и учитывать различные точки зрения.

Таким образом, компетентность формируется не только через обучение и опыт, но и через постоянное самосовершенствование, стремление к развитию и открытость новым идеям.

Коммуникабельность представляет собой ключевую составляющую успешного взаимодействия между людьми. Она проявляется в умении налаживать контакты, выражать свои мысли и чувства, активно слушать и понимать собеседника. Коммуникабельные люди способны создавать атмосферу доверия, что способствует открытости в общении и эффективному решению совместных задач.

В современном мире, где межличностные связи играют огромную роль, коммуникабельность становится неотъемлемым качеством как в личной, так и в профессиональной жизни. Она открывает двери к новым возможностям, способствует созданию крепких дружеских и деловых отношений. Умение находить общий язык с разными людьми повышает шансы на успех в карьере и личных начинаниях.

Однако коммуникабельность не ограничивается лишь активным общением. Это также включает в себя эмпатию и способность учитывать мнение собеседника. Важно не только хорошо говорить, но и уметь слушать, понимать эмоциональные состояния других людей. Таким образом, коммуникабельность формируется как результат взаимного уважения и желания найти общий знаменатель в диалоге.

Как отмечалось ранее, комплексная подготовка юристов должна охватывать различные аспекты профессиональной деятельности: от знания основ законодательства до освоения навыков юридической практики, коммуникации и этики. Это требует взаимодействия между образовательными организациями, практикующими юристами и государственными органами, что создает площадку для обмена опытом и выработки актуальных решений.

Вместе с тем, согласно мнению ряда авторов комплексный подход ассоциируется с междисциплинарностью, многоуровневой и межуровневой ориентацией [3].

Формирование междисциплинарных связей при подготовке будущего юриста имеет ключевое значение в условиях современного мира, где правовая система становится все более сложной. Юрист, обладающий знаниями из различных областей, таких как экономика, социология, психология и информационные технологии, способен более глубоко пони-

мать контекст, в котором функционируют правовые нормы. Это позволяет ему не только принимать более эффективные решения, но и предлагать инновационные подходы к решению проблемам.

Кроме того, междисциплинарный подход развивает критическое мышление и аналитические способности, что особенно важно в современных условиях. Юрист, который способен рассматривать правовую проблему с разных сторон, легче адаптируется к новым вызовам, таким как цифровизация и глобализация.

Вместе с тем реализовать комплексный подход позволяет смешанный формат обучения. Смешанное обучение - формат образовательного процесса на основе объединения традиционной аудиторной системы и дистанционного обучения. При рациональной организации он собирает преимущества как очной, так и электронной форм [4]. Дистанционное образование позволяет сократить время обучения благодаря скорости коммуникации преподавателя и обучающегося, а также благодаря возможности использования почти всех форм обучения (в том числе самостоятельной работы в электронной библиотеке) через компьютер [1]. Развитию компетентности и коммуникабельности в рамках реализации комплексного подхода способствует использование технологий обучения, таких как игровое виртуальное проектирование судебных процессов и виртуальные клиники.

Таким образом, комплексный подход в подготовке будущих юристов обеспечивает формирование высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать задачи в условиях быстро меняющегося правового поля.

Пристатейный библиографический список

1. Агранович Н. В., Бабашева Г. Г. Дистанционное обучение – составляющая часть комплексного подхода обучения в вузе // Современные тенденции в образовании и науке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2013 г.: в 26 частях, Тамбов, 31 октября 2013 года. Том Часть 2. - Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. - С. 12-13. – EDN SBGAPJ.
2. Бузаров К. И. Комплексный подход как методологический принцип построения воспитательной системы школы (теоретический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. - 2012. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-kak-metodologicheskij-printsip-postroeniya-vospitatelnoy-sistemy-shkoly-teoreticheskij-aspekt> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Маркова С. М., Бекетова Ю. А., Филатова Е. В. Комплексный подход как основа исследования профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. - 2020. - № 67-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-kak-osnova-issledovaniya-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Райхлина А. В., Громова М. В., Колесов Р. В. Комплексный подход к внедрению смешанного обучения в высшей школе // Открытое образование. - 2022. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-vnedreniyu-smeshannogo-obucheniya-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 01.10.2024).

ТУТОВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ГРИГОРУСЬ Людмила Николаевна

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИКТ

В статье построена модель формирования правового мировоззрения обучающихся в образовательных организациях МВД России. Описаны особенности ее реализации в условиях развития современных информационно-коммуникационных технологий. Формирование правового мировоззрения обучающихся представляет собой сложный процесс. Он требует гармоничного сочетания правового обучения и правового воспитания. Использование грамотно подобранных методов обучения и воспитания позволяет осуществить эффективное формирование правового мировоззрения обучающихся.

Ключевые слова: правовое мировоззрение, информационно-коммуникационные технологии, профессиональная деятельность, модель формирования правового мировоззрения обучающихся, образовательные организации МВД России.

TUTOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

GRIGORUS Lyudmila Nikolaevna

senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

THE MODEL OF DEVELOPING THE LEGAL WORLDVIEW OF STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE ICT PROGRESS

The article describes the developing of legal worldview of students in educational institutions of the ministry of internal affairs of Russia in the context of the progress of the information and communication technologies. This process is an important element of purposeful work with students. The article presents a model for the developing of the legal worldview of students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The features of its implementation in the context of the development of modern information and telecommunication technologies are described. The formation of the legal worldview of students is a complex process. It requires a harmonious combination of legal education and legal education. The use of well-chosen methods of education allows for the effective developing of the legal worldview of students.

Keywords: the legal worldview, the information and communication technologies, professional activity, the model of developing the legal worldview of students, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Процесс формирования правового мировоззрения обучающихся, осуществляемый в образовательных организациях МВД России, – это важный элемент целенаправленной работы с обучающимися. Следует отметить, что в условиях современного общества, где информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) играют значительную роль, влияние этих технологий на мировоззрение молодежи становится достаточно актуальным. Сознание юношей и девушек, обучающихся в образовательных организациях, находится в процессе формирования и подвержено воздействию внешних факторов, так как в данном возрасте их собственные мировоззренческие принципы и жизненные взгляды еще не успели окончательно сформироваться. Интернет-сайты, соцсети, медиа-ресурсы, интернет-платформы могут содержать как полезную информацию, так и пропаганду, способную исказить представления о праве, что оказывает негативное влияние на процесс формирования мировоззрения молодых людей. Именно поэтому так важно правильно формировать правовое мировоззрение у обучающихся образовательных организаций МВД России.

Проблеме формирования мировоззрения обучающихся образовательных организаций МВД России посвящены научные работы Д. И. Грядового, Ю. А. Дудкина, О. А. Ласточкиной, А. Я. Лопушенко, В. С. Остапенко, С. С. Телегисовой, В.И. Яковлева, К. Ю. Якубенко и др.

Ю. А. Дудкин отмечает, что правовое мировоззрение обучающихся является личностным феноменом и формируется в образовательном процессе целенаправленно. Данный феномен выражает понимание права, его оценивание, отношение обучающегося к праву, правовой реальности, а также к самому себе как субъекту, осуществляющему правоохранительную деятельность. Кроме того, данное понятие включает также и готовность к самореализации в профессиональной деятельности [1].

В образовательных организациях МВД России учебный процесс – это достаточно сложная система, состоящая из организационных и дидактических мероприятий, которые направлены на реализацию содержания образования с учетом федеральных государственных образовательных стандартов. И одним из основных направлений профессионально-ориентированного обучения в настоящее время является использование ИКТ. Это, в свою очередь, меняет тенденции формирования правового мировоззрения обучающихся и обуславливает необходимость разработки модели для его формирования в образовательных организациях МВД России.

Нами построена модель, которая описывает процесс формирования правового мировоззрения обучающихся. Данная модель показывает взаимосвязи между методическими системами обучения изучаемых учебных дисциплин, ходом учебного процесса в общем и отдельных факторов

внешней среды. В основе модели лежат Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ¹, Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ², а также Приказ МВД России от 27.08.2024 года № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»³ и другие.

Построенная нами модель позволяет показать целостность процесса формирования правового мировоззрения обучающихся, рассмотреть принципы, на которых основывается процесс обучения и воспитания в образовательных организациях МВД России, и условия функционирования этого процесса. Модель является алгоритмом, который при соблюдении выделенных условий и основываясь на перечисленных принципах, позволит достигнуть поставленной цели – формирования правового мировоззрения обучающихся. В данной модели выделены такие составляющие: целе-мотивационный, содержательный, операционно-деятельностный, контрольно-корректирующий и оценочно-результативный. В ней важную роль играют содержание обучения и воспитания, субъекты обучения (курсанты и слушатели), методы и средства их воспитания, используемые при этом формы. Процесс формирования правового мировоззрения обучающихся осуществляется в результате работы алгоритмов функционирования и управления, на которые влияют принципы обучения в образовательных организациях МВД России и условия функционирования данного процесса.

Связь между всеми составляющими этой модели как прямая, так и обратная. С одной стороны, целе-мотивационный компонент тесно связан и определяет содержательный компонент, так как содержание обучения всегда имеет цели и мотивацию обучающихся. Оба этих компонента имеют определенное влияние на операционно-деятельностный, с помощью которого преподавателем выбираются эффективные формы, методы обучения учебных дисциплин. Все вышесказанное составляющие определяют итоговый результат. Кроме того, внедрение в процесс обучения образовательных организаций МВД России информационных и коммуникационных технологий, значительно интенсифицирует целенаправленную работу по формированию правового мировоззрения обучающихся.

В процессе разработки модели в основу был положен системно-деятельностный подход к учебно-воспитательному процессу, а процесс формирования правового мировоззрения носит целостный и непрерывный характер. На первом этапе определяются основные цели и задачи построенной нами модели, анализируются существующие методы и идеи, определяются сильные и слабые стороны образовательного процесса. После этого осуществляется планирование и разработка траектории учебно-воспитательного процесса, что позволяет нам определить содержание, методы и приемы разрабатываемых занятий, а также ресурсы, необходимые для успешной реализации построенной нами модели. Модель, разработанная для успешного формирования правового мировоззрения обучающихся, включает в себя не только учебные дисциплины юридического профиля, но и такие дисциплины, как «Информатика и информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности», «Психология девиантного поведения», «Педагогические основы воспитательной работы в ОВД», «Психология конфликта», «Профессиональная этика и служебный этикет», «Социально-психологический тренинг профессиональ-

ного общения», «Психология и педагогика в деятельности сотрудников ОВД», «Основы кибербезопасности» и др.

Операционно-деятельностный компонент показывает процесс формирования правового мировоззрения обучающихся и подразумевает обучение, направленное на изучение правовых норм и принципов, которое включает в себя изучение юридических дисциплин, основ законодательства и правовой системы России, международное право; практическое применение знаний в образовательном процессе (решение правовых ситуаций, анализ случаев нарушения законодательства РФ и др.); развитие аналитического и критического мышления (анализ и оценка правовых ситуаций, обоснование своих решений по различным правовым вопросам); воспитание уважения к правам и свободам человека (изучение и анализ основных документов по правам человека); формирование профессиональной этики и моральных ценностей; практическую деятельность (активное привлечение обучающихся к участию в различных правовых мероприятиях, конкурсах, олимпиадах, практиках, организации экскурсий, круглых столов, игр), что позволяет закрепить полученные знания, умения и навыки, уметь их применять на практике.

Целью контрольно-корректирующего компонента является контроль за результатами подготовки обучающихся, выявление отклонений от поставленной цели и их устранение. Регулирование процесса обучения осуществляется не только преподавателями, курсовыми офицерами, куратором учебной группы, но и самими обучающимися путем саморегулирования.

Оценочно-результативный компонент подразумевает оценивание преподавателем достигнутых обучающимися результатов в процессе реализации построенной нами модели, соответствия их поставленным целям и учебно-воспитательным задачам, постановку новых задач, коррекцию результатов в случае необходимости. Этот процесс осуществляется благодаря анализу результатов сдачи зачетов и экзаменов, прохождения практик, а также самооценке обучающимися достигнутых результатов.

Правовое обучение должно включать в себя не только теоретические аспекты законодательства, но и практические умения, позволяющие обучающимся понимать и применять право в различных ситуациях. Важно активное использование интерактивных методов преподавания, таких как кейс-методы, симуляции, которые помогут создать у обучающихся представление о реальных процессах правоприменения [2].

Использование соответствующих методов и средств обучения и воспитания позволяет осуществить эффективное формирование правового мировоззрения обучающихся [3]. Как отмечает Ю. А. Дудкин, успех в целом заключается и в том, насколько органично и целенаправленно взаимодействуют профессорско-преподавательский состав, начальники, командиры, сами обучаемые [1].

Формирование правового мировоззрения обучающихся образовательных организаций МВД России представляет собой сложный процесс, который требует гармоничного сочетания правового обучения и правового воспитания. Это взаимодействие способствует формированию правового сознания и правового мировоззрения у обучающихся, то есть позволяет не только усвоить правовые нормы, но и развивать у обучающихся правосознательность, ответственность и этические ценности.

Пристатейный библиографический список

1. Дудкин Ю. А. Методологические подходы к формированию правового мировоззрения курсантов вузов МВД России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2016. - № 4-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-pravovogo-mirovozzreniya-kursantov-vuzov-mvd-rossii> (дата обращения: 10.09.2024).
2. Жадан В. Н. Опыт применения интерактивных и инновационных форм и методов обучения в преподавании юридических дисциплин // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 3. – С. 200-209.
3. Адаева О. В. Особенности осуществления правового воспитания сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в Российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 26-27.

1 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ / КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

2 Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ / КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

3 Приказ МВД России от 27.08.2024 года № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» / КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университета имени И. С. Тургенева

ФОМИНА Дарья Сергеевна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университета имени И. С. Тургенева

ГЛАДИЛОВА Елена Алексеевна

магистрант, педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университета имени И. С. Тургенева

НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Рассматривая проблему всестороннего развития личности, были выделены аспекты воспитания: нравственный и физический, а также их взаимодополняющее влияние. Занятие спортом не только является укрепляющим здоровье фактором, но и является дополнительным звеном нравственного воспитания личности, что влечет высокую степень значимости физкультурной деятельности в современном мире. Влияние нравственного воспитания человека на его физическое воспитание заключается в использующихся поведенческих моделях при различных жизненных ситуациях, корректировка которых является проблемой, в связи с их укоренением в сознании индивида. Важным в процессе занятия спортивной деятельностью является формирование социально-значимых навыков и качеств, помогающих эффективно функционировать личности в социальной среде, обладая при этом глубокой степенью самоконтроля, ответственности, толерантности. Качества, приобретенные в результате спортивной деятельности, способны скорректировать негативные нравственные основы индивидуума и обогатить его духовное мировоззрение за счет новых принципов поведения и мышления, сформированных под влиянием спортивно-физической сферы человеческой активности.

Ключевые слова: личность, нравственное воспитание, физическое воспитание, социум, спортивная этика.

EGOROVA Olga Igorevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

FOMINA Darya Sergeevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

GLADILOVA Elena Alexeevna

magister student, pedagogical education in the field of social sciences and humanities of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Oryol State University

MORAL AND PHYSICAL EDUCATION OF A PERSON AS COMPLEMENTARY CATEGORIES OF THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

Considering the problem of comprehensive personal development, aspects of education were highlighted: moral and physical, as well as their complementary influence. Playing sports is not only a health-enhancing factor, but also a phenomenon of an additional link of moral education of the individual, which entails a high degree of importance of physical education in the modern world. The influence of a person's moral education on his physical education lies in the behavioral models used in various life situations, the correction of which is a problem due to their rooting in the individual's consciousness.

Keywords: personality, moral education, physical education, society.

Образование имеет большое значение в процессе становления личностью, формируя у индивида социально-значимые качества, навыки, умения, передавая необходимые для успешной жизнедеятельности знания. Гармоничное развитие личности происходит при должном уровне становления его морально-волевых качеств и физической формы. Повышение уровня физической подготовки и выносливости граждан, также как и подъем нравственного воспитания, патриотизма, в особенности у подрастающего поколения, является приоритетными внутриполитическими задачами государственной молодежной политики России.

Проблема всестороннего развития личности в современном учебном процессе обусловлена потребностью социума в создании качественной аксиологической основы общества, а также онтогенеза универсума. Ежедневно существующий универсум претерпевает разноаспектные изменения. Вследствие этого происходит переоценка нравственных, культурологических, социальных основ существования и жизнедеятельности общества.

Формирование сильной гармоничной всесторонне развитой личности возможно только при условии взаимодополняющих компонентов воспитания как духовных, так и

физических. Процесс нравственного воспитания, подразумевающий под собой освоение личностью морально-этических качеств, категорий справедливости, честности, ответственности, способствует ориентированию индивида в нормах, правилах социума, в котором он существует, а также помогает в постижении прав, свобод и обязанностей каждого человека и гражданина, включая себя. Воспитание физической направленности, подразумевающее развитие выносливости, силы, гибкости – физических качеств и формы, содействует эффективной работоспособности, укреплению здоровья, улучшению самочувствия человека.

Современный учебный процесс для достижения задачи по успешному всестороннему развитию личности должен сочетать в себе наполнения нравственного и физического характера, так как они являются взаимодополняющими друг друга категориями, что обусловлено привитием социально-значимых качеств индивиду, способствующих его эффективной самореализации в социуме [3, с. 217].

Физическое воспитание человека включает не только развитие его физических качеств, но и освоение в процессе занятия спортом, физической культурой определённых особенностей значимых для социальной жизни индивида, таких как: толерантность, лидерство, ответственность за происходящее вокруг, самостоятельность, подчинение правилам и нормам, адаптирование в постоянно-меняющихся условиях, взаимопонимание с другими людьми, чувство коллективизма и другие. На нравственное воспитание накладываются перечисленные качества. Парадокс взаимодополняющей основы нравственного и физического воспитания заключается в том, что процесс по освоению необходимых норм происходит одновременно: при прохождении процесса жизнедеятельности индивид осваивает нормы, но занятие спортом это и есть составляющая часть жизни человека.

Физические упражнения, соревнования, тренировки выступают в физкультурно-спортивной деятельности средствами морально-нравственного воспитания. Строевые упражнения способны подчинить личность выполнению коллективных правил, а также воспитать в ней чувство дисциплинированности. Высокий уровень дисциплинированности личности и спортсмена способствует саморегуляции поведенческой модели, что влечет выполнение всех действий продуманным. Умение подчиниться правилам, подавить свои субъективные влечения являются полезными в процессе жизнедеятельности, так как обстановка внешнеполитического и внутривнутриполитического характера не всегда бывает желаемой. Обладание данными качествами способствует быстрой адаптации личности к социальным условиям без ее психического разобогачения [5, с. 81].

Положение об единстве нравственности и физического развития личности выдвигал П. Ф. Лесгафт. Основываясь в своих работах на симбиозе данных категорий в воспитательных целях, удалось сформировать предпосылки для последующих исследований указанных процессов, их взаимодополнении и взаимообогащении друг друга [1, с. 120].

Влияние общественной оценки на стремление личности к выполнению определенных деятельностей мораль-

но-общественного, спортивного характера имеет большое значение, в особенности для индивидов подросткового периода. Современный образовательный процесс, взаимодополняющийся физическим воспитанием, должен сформировать у социализирующей личности мотивы поведенческой направленности индукционные на социально-значимый результат: побеждая в соревновательных состязаниях, ты отстаиваешь не только свою честь и достоинство, но и представляемой тобой структурной единицы; занимаясь волейболом, ты не просто играешь, а занимаешься развитием себя и данного вида спорта. Возложение ответственности не только за себя, но и за общественное развитие, является важным звеном воспитательного процесса как нравственного, так и физического.

Спортивная этика, имея тесную связь с нормами социума, подчиняясь им, содержит в себе выработанные в процессе нравственного прогресса положения, опираясь на которые продолжает совершенствоваться со своей стороны личность. Спортивная этика, опираясь на нравственность, имеет социальную и государственную значимость, что обусловлено защитой чести и достоинства страны с одной стороны, многогранным развитием личности, ее физической формы – с другой [4, с. 35].

Взаимосвязь спортивной этики и нравственных начал личности можно обосновать такими аспектами, как: справедливость и честность, трудолюбие и дисциплина, уважение к партнерам и оппонентам, самоконтроль и управление эмоциями. Аспект справедливости и честности можно раскрыть на примере участия спортсменов в спортивных состязаниях, строящихся на принципах честной игры и следованию зафиксированных правил. Такие соревнования помогают спортсменам освоить безукоризненное выполнение правил, справедливое поведение, уважение соперников. Трудолюбие и дисциплина помогают спортсменам стремиться к лучшему, соблюдать строгий график тренировок, много и упорно работать. Это ведет к развитой самодисциплине личности, что является одним из приоритетных качеств в повседневной жизни. Уважение к партнерам и оппонентам в спорте способствует формированию толерантного отношения и дружеских межличностных отношений. Самоконтроль и управление эмоциями особо важны при напряженных моментах соревновательного характера. Они способствуют в проявлениях сдержанности спортсменом, умеренности, управлении своими чувствами. Следовательно, спорт может выступать успешным инструментом в становлении нравственных основ личности, в связи с тем, что он учит социально-значимым навыкам и ценностям, способствует формированию индивидуума, способного к толерантному отношению с окружающим миром и созидательному взаимодействию в нем.

Помимо закладывания фундаментальных основ нравственности, положительных качеств, физическое воспитание предполагает усвоение и прохождение негативных аспектов. Неуверенность, несамостоятельность, безответственность, эгоизм, растерянность, неконтролируемость собственных действий – все данные поведенческие модели поддаются корректировке, а значит физическая культура

и спорт могут с помощью воспитательной деятельности реализовать коррекцию противоположных качеств личности. Многие принципы, мысли, входящие в субъективное мировоззрение личности и используемые в его поведенческих моделях, могут быть заложены в процессе занятий любительских или профессиональных спортом, а также физической культурой, что в целом происходит по собственной воли субъекта социализации.

Важной особенностью физического воспитания для дополнения нравственной составляющей личности является иллюстрирование поведенческих моделей на практике. В общественной жизни примерами поведенческих моделей на практике выступают агенты социализации: дети копируют поведение в тех или иных ситуациях с родителей. В спортивной же деятельности зачастую образцом подражания и формирования нравственных основ является тренер и его методы работы, смысловое наполнение, закладываемое в них, отражает содержательную часть личности. Помимо грамотного выбора тренера важной составляющей является и микросоциум, в котором проходят тренировочные мероприятия, ведь все качества, как позитивные, так и негативные помимо социальных взаимоотношений, присуще и спортивным [2, с. 40].

Влияние спортивного воспитания на уровень нравственности личности взаимнообратное. Необходимым условием для успешного физического воспитания является качественное нравственное воспитание. Нравственные основы отражают качественное наполнение личности, его социальное приспособление, позицию, навыки, влияющие на освоение им физического воспитания, деятельности. Нравственные качества могут как способствовать усвоению физического воспитания, так и препятствовать ему. Это обусловлено устоями, укоренившимися в сознании личности, которые зачастую достаточно тяжело скорректировать. Агенты социализации, формирующие все необходимые социально-значимые качества, навыки личности, занимающиеся его патриотическим, нравственным, физическим воспитанием, имеют высокое значение и несут большую ответственность перед социумом в целом, в связи с тем, что занимаются подготовкой к жизнедеятельности подрастающего поколения.

Таким образом, спорт, являясь одним из видовых элементов нравственного воспитания, способствует формированию дополнительных необходимых компетенций личности, усиливающих ее моральную составляющую обуславливающее ее гармоничное развитие в целом. Изучение данной проблемы необходимо с целью привлечения внимания к ней, а также приобщения молодежи к занятиям спорта, что в свою очередь будет способствовать ее духовному и физическому состоянию, развивать необходимые социально-значимые компетенции и приобщать к общественно-полезной деятельности, в том числе по омоложению населения за счет высокого уровня физического здоровья. Воспитание сочетающее в себе нравственную и физическую составляющие способствует формированию успешной самореализованной личности, отвечающей за свои действия, мировоззрение которой будет активно на-

правлено на достижение общественно-полезных благих целей.

Пристатейный библиографический список

1. Верин-Галицкий Д. В. О нравственном воспитании // Социальная педагогика. 2012. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nravstvennom-vozpitanii> (дата обращения: 06.04.2024).
2. Осипова И. С. Потенциал соблюдения принципов этики для формирования личности спортсмена // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (36). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-soblyudeniya-printsipov-etiki-dlya-formirovaniya-lichnosti-sportsmena> (дата обращения: 15.06.2024).
3. Стегний В. Н. Личность в современном обществе: проблема осознания своего социального будущего. Пермь, 2021. 314 с.
4. Урокова С. Б. Взаимосвязь физического воспитания с нравственным воспитанием // Проблемы педагогики. 2021. № 1 (52). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-fizicheskogo-vozpitanija-s-nravstvennym-vozpitanijem> (дата обращения: 02.04.2024)
5. Шихшабеков Ш. Ю., Магомедов Г. К., Ибрагимов Ш. З. Особенности духовно-нравственного воспитания молодежи в системе физического воспитания и спорта // Вестник СПИ. 2017. № 1 (21). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-duhovno-nravstvennogo-vozpitanija-molodezhi-v-sisteme-fizicheskogo-vozpitanija-i-sporta> (дата обращения: 02.04.2024).

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматриваются особенности психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных. Приводятся психологические проблемы, с которыми эта категория лиц сталкивается в местах лишения свободы, а также определяются методы коррекционной работы, направленные на их реабилитацию. Представлены примеры эффективных подходов и оценка результативности коррекционных программ. Рассмотрены также направления развития коррекционных методик.

Ключевые слова: психологическая коррекция, несовершеннолетние осужденные, реабилитация, эмоциональная нестабильность, социальная адаптация, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Employment Problems of Convicts and Economic Problems of the Functioning of the Penal Correction System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF JUVENILE OFFENDERS' PERSONALITIES

The article deals with the peculiarities of psychological correction of the personality of juvenile convicts. The psychological problems that this category of persons faces in places of deprivation of liberty are given, and the methods of correctional work aimed at their rehabilitation are defined. Examples of effective approaches and evaluation of the effectiveness of correctional programs are presented. Prospects for the development of correctional methods are also considered.

Keywords: psychological correction, juvenile offenders, rehabilitation, emotional instability, social adaptation, Penal System of the Russian Federation.

Психологическая коррекция личности несовершеннолетних осужденных является важным компонентом в системе их реабилитации и ресоциализации. Подростковый возраст характеризуется интенсивными психологическими и социальными изменениями, в этот период личность особенно уязвима к негативным внешним влияниям. Подростки, оказавшиеся в местах лишения свободы, часто имеют сложные психологические проблемы: травмы, опыт агрессивного поведения, низкую самооценку, отсутствие оптимистичных жизненных перспектив и др. Без надлежащей помощи эти особенности могут привести к закреплению криминального поведения и увеличению риска рецидивов после освобождения.

Особую роль в работе с осужденными подростками играет их психологическая коррекция, направленная на изменение и корректировку деструктивных установок и моделей поведения. Такая коррекция помогает не только смягчить последствия совершенных преступлений, но и заложить основу для успешной интеграции подростка в общество после отбытия наказания.

Системная психологическая помощь способствует улучшению эмоционального состояния, развитию навыков саморегуляции и самопонимания, что повышает шан-

сы на социальную адаптацию осужденного. Исследование посвящено рассмотрению особенностей и методов психологической коррекции несовершеннолетних осужденных, а также их роли в профилактике дальнейшего криминального поведения и улучшении качества жизни подростков [1, с. 50].

Несовершеннолетние осужденные представляют собой особую группу, характеризующуюся рядом психологических особенностей, которые затрудняют их социализацию и реабилитацию. Преступное поведение подростков часто является результатом сложного сочетания внешних и внутренних факторов, таких как неблагоприятная семейная обстановка, эмоциональная нестабильность, трудности в обучении, низкая самооценка и недостаточная эмоциональная поддержка со стороны взрослых.

Одной из ключевых особенностей несовершеннолетних осужденных является недостаточная сформированность их личностных установок и морально-этических принципов. Подростки этого возраста склонны к импульсивным действиям и не всегда осознают последствия своих поступков. Часто у них наблюдаются проблемы с самоконтролем и регулированием эмоций, что делает их уязвимыми к агрессивным и антисоциальным проявлениям.

Социальное окружение и семейная дисфункция играют важную роль в формировании криминального поведения несовершеннолетнего. Большинство осужденных подростков выросли в неблагополучных семьях, для которых были характерны проявление насилия, алкогольная или наркотическая зависимость, низкий уровень дохода и недостаток родительского внимания к детям. Такие условия способствуют развитию у подростков чувства отверженности и недоверия к миру, что в дальнейшем проявляется в нарушении социальных норм и принятии законов.

Психологические травмы, связанные с личным опытом насилия, как в семье, так и в среде сверстников, часто становятся катализатором деструктивного поведения. У таких подростков может наблюдаться повышенная тревожность, депрессия, чувство вины или, наоборот, эмоциональная «заморозка», когда они становятся нечувствительными к страданиям других.

Несовершеннолетние осужденные также нередко имеют низкий уровень критического мышления и слабые навыки конструктивного решения конфликтов, что усложняет их взаимодействие с окружающими. Они могут испытывать трудности в осознании своих эмоций и управлении ими, что делает необходимым применение специальных методов психологической коррекции, направленных на развитие эмоционального интеллекта, навыков коммуникации и самоконтроля.

Психологическая коррекция несовершеннолетних осужденных требует комплексного подхода, включающего различные методы работы с их эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферой. Основная цель коррекционной работы заключается в изменении деструктивных установок подростков, формировании позитивных моделей поведения и способностей к адаптации в обществе.

Одним из ключевых методов является индивидуальная психотерапия, которая позволяет работать с личными переживаниями подростка. В процессе индивидуальных встреч психолог помогает осужденному осознать причины своих действий, понять, какие эмоциональные и психологические проблемы стоят за их криминальным поведением. Индивидуальная терапия также способствует развитию навыков саморефлексии и управления эмоциями, что критически важно для подростков с агрессивными и импульсивными проявлениями.

Групповые формы работы часто оказываются не менее эффективными. Так, групповая терапия служит созданию условий для открытого обсуждения проблем, взаимодействия с другими подростками в конструктивной среде. Такие занятия помогают осужденным лучше понять социальные нормы, развивают навыки общения и конструктивного решения конфликтов. Важное место в групповой работе занимают ролевые игры и тренинги, направленные на развитие навыков самоконтроля, эмпатии и принятия ответственности за свои действия.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) активно используется в исправительных учреждениях ФСИН России. Данный подход направлена на изменение негативных моделей мышления и поведения. Подростки учатся распознавать автоматические негативные мысли, которые подталкивают их к преступным действиям, и заменять их на более рациональные и позитивные установки.

Кроме того, в настоящее время активно применяется арт-терапия, которая помогает подросткам выразить свои эмоции и внутренние конфликты через творчество. Этот ме-

тод особенно полезен для осужденных с психологическими травмами и трудностями в вербальном выражении своих чувств.

Перечисленные методы направлены на личностное развитие, улучшение эмоционального состояния и повышение готовности несовершеннолетних осужденных к социальной реинтеграции [2, с. 28].

Психологическая коррекция личности несовершеннолетних осужденных является важнейшей частью процессов их реабилитации и социальной адаптации. Подростки, совершившие преступления, часто сталкиваются с глубокими личными и социальными проблемами, такими как эмоциональная нестабильность, трудности с самоконтролем и негативные социальные установки. Комплексный подход к психологической коррекции, включающий индивидуальную и групповую терапию, когнитивно-поведенческую терапию и творческие методы, позволяет существенно улучшить их эмоциональное состояние и готовность к интеграции в общество.

Эффективность коррекционных программ напрямую связана с возможностью снизить уровень рецидивов и повысить социальную адаптацию несовершеннолетних осужденных. Однако на пути реализации этих программ возникает ряд трудностей, включая нехватку ресурсов и специалистов, что требует дальнейшего совершенствования системы психологической помощи в исправительных учреждениях ФСИН России [3, с. 498].

Будущее коррекционной работы тесно связано с интеграцией современных методов и технологий, а также усилением междисциплинарного взаимодействия между психологами, педагогами и социальными работниками. По мнению авторов, только комплексный подход, основанный на понимании специфики личности подростков и их потребностей, может обеспечить успешную реабилитацию и помочь несовершеннолетним осужденным вернуться к полноценной жизни в обществе с минимизацией рисков совершения повторных правонарушений [4, с. 25].

Пристатейный библиографический список

1. Бочкарев А. В. Психологическая коррекция поведения несовершеннолетних правонарушителей // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. № 2. – С. 45-52.
2. Алешина Ю. Е. Психологическая коррекция: основы и методы. – М.: Изд-во Академии, 2019. – 256 с.
3. Царькова Е. Г., Зорина Н. С. Нравственно-патриотическое воспитание несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 5 (192). – С. 497-498.
4. Гаврилова О. В. Реабилитация несовершеннолетних осужденных: современные подходы и методы. – СПб.: Питер, 2021. – 304 с.

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОТНОШЕНИИ БЫВШИХ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ С ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОВЫМ РАССТРОЙСТВОМ

В научной статье рассматривается исторический аспект проведения психологической работы в отношении бывших участников вооруженных конфликтов с посттравматическим стрессовым расстройством. Анализируется сложившийся в современной практике психологической работы с бывшими участниками вооруженных конфликтов комплекс методов, направленных на профилактику ПТСР. Описываются положительные и негативные аспекты профилактики ПТСР посредством фармакотерапии. Целью описания всевозможных методик профилактики ПТСР служит формирование единого доктринального подхода к борьбе с ПТСР. На основе проведенных теоретических и практических исследований ПТСР выделяются ключевые признаки рассматриваемого расстройства. В статье автором отдельно рассматривается каждый наиболее распространенный симптом ПТСР. При подготовке теоретического материала приоритетной задачей служило полное раскрытие проблемы ПТСР в обществе. Посредством раскрытия истории изучения ПТСР, было сформировано единое понятие к происхождению данного расстройства. За основу при подготовке теоретического материала были взяты труды психоаналитиков, военных хирургов и врачей, среди которых можно выделить таких деятелей как: Д. Эриксон, З. Фрейд, П. Бёрн и др. Автором также изучается современный опыт зарубежных стран в работе с бывшими участниками вооруженных конфликтов. Рассматривается роль назначения больным ПТСР индивидуальных и групповых сеансов психотерапии.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, индивид, ментальное здоровье, стрессовая ситуация, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

HISTORICAL ASPECT AND FOREIGN EXPERIENCE OF PSYCHOLOGICAL WORK IN RELATION TO FORMER PARTICIPANTS OF ARMED CONFLICTS WITH POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER

The scientific article discusses the historical aspect of psychological work in relation to former participants of armed conflicts with post-traumatic stress disorder. The complex of methods developed in the modern practice of psychological work with former participants of armed conflicts aimed at the prevention of PTSD is analyzed. Positive and negative aspects of PTSD prevention through pharmacotherapy are described. The purpose of describing all possible methods of PTSD prevention is to form a unified doctrinal approach to the fight against PTSD. Based on the theoretical and practical studies of PTSD, the key signs of the disorder in question are highlighted. In the article, the author separately consider each of the most common symptoms of PTSD. When preparing theoretical material, the priority task was to fully disclose the problem of PTSD in society. By revealing the history of the study of PTSD, a single concept was formed to the origin of this disorder. The works of psychoanalysts, military surgeons and doctors served as the basis for the preparation of theoretical material, among which such figures as D. Erickson, Z. Freud, P. Bern, etc. can be distinguished. The author also study the modern experience of foreign countries in working with former participants of armed conflicts. The role of assigning individual and group psychotherapy sessions to PTSD patients is considered.

Keywords: armed conflict, individual, stressful situation, post-traumatic stress disorder (PTSD).

На протяжении всей истории человечества активно ведутся вооруженные конфликты, в ходе которых ущерб наносится всевозможным сферам жизни общества. Так, в результате проведения ряда вооруженных конфликтов ущерб может наноситься экономической, политической, социальной сферы жизни общества. Более того, от проведения военных действий в существенной мере страдает физическое и ментальное здоровье человека.

Рассматривая причинение физического вреда жизни и здоровью человека, можно в определенной мере понимать сущность и значимость нанесенного ущерба военным столкновением. Так, в данном случае подобный вред в первую очередь просматривается в нарушении внешних свойств человека в обеспечении нормальной жизнедеятельности.

В рассмотрении вопроса причинения вреда здоровью человека в результате вооруженного конфликта нельзя не учитывать нарушение нормального психологического состо-

яния индивида, в результате чего возникает так называемое ПТСР, посттравматическое расстройство личности.

В силу постоянного проведения вооруженных конфликтов на земле, медицине давно известно явление ПТСР. Как утверждает Р. Р. Халфина, первые упоминания о посттравматическом расстройстве содержатся еще в упоминаниях о правителях Шумерского государства, датируемых от 26 до н.э. [1, с. 58].

Рассматривая отечественный опыт изучения посттравматического стрессового расстройства, можно выделить, что в сознании российского общества такое явление известно как «Афганский синдром», что связано с афганской военной кампанией, проводимой СССР с 1979 по 1989 год. Т. Г. Погодина, в своем исследовании отмечает, что ПТСР не привлекало надлежащего внимания психологии вплоть до второй половины двадцатого века. Какая-либо помощь, оказываемая с целью преодоления стрессового состояния, вызванным участием в вооруженном конфликте осуществлялась лишь в

исключительных случаях и носила рекомендательно-поощрительный характер [2, с. 43].

По мнению упомянутого автора на сегодняшний день на территории РФ необходим пересмотр политики по отношению помощи людям, страдающим ПТСР. По мнению Т. Г. Погодиной, в систему здравоохранения необходимо внедрение постоянно действующих центров на государственной основе, что были бы способны диагностировать ПТСР и оказывать помощь участникам вооруженных конфликтов, страдающих данным расстройством.

Явление ПТСР, как таковое, требует выделения от иных душевных расстройств или же физических травм. Основным признаком ПТСР является фактор тесной связи перенесенных душевных потрясений с сознанием человека, вследствие чего образ мышлений и суть действий индивида претерпевает кардинальные изменения. Выделяется, что человек, ранее обладающий светскими характеристиками в социуме, в результате получения психологической травмы, напротив начал преобладать замкнутые черты характера.

Изначально в изучении ПТСР лиц, ранее принявших участие в вооруженном конфликте, проводилась определенная аналогия с поведением гражданских людей. Так, первые признаки ПТСР стали заметны не столько у бывших участников вооруженных конфликтов, как у гражданских людей, которые ранее в своей жизни перенесли негативный опыт, связанный в первую очередь с причинением увечий в результате природного или техногенного бедствия.

Отдельного внимания заслуживают исследования британского хирурга Д. Эриксона, который в период с 1867 по 1876, описывал посттравматические признаки лиц, что были участниками техногенных бедствий. Так, данный ученый подробно описал посттравматические последствия у лиц, перенесших железнодорожную катастрофу. Так, Эриксон среди всех посттравматических последствий выделял такие недуги как: ночные кошмары, недосып, деменция и чрезмерная рассеянность.

Немецкий же психотерапевт Э. Штерлин, в своих исследованиях описывал общие признаки посттравматических расстройств у людей, оказавшихся в городе Мессина во время разрушительного землетрясения. Психотерапевтом отдельно выделялись такие факторы расстройств как постоянный испуг и пониженное состояние влечения к окружающему миру, заключающемуся в отсутствии интереса к развлечениям и какого-либо дальнейшего активного проведения свободного времени.

Отдельного упоминания также заслуживают исследования Зигмунда Фрейда, проводимые в 1916 году. Так, в выявлении и диагностике посттравматических явлений, Фрейд выделял первопричину приобретенного расстройства. Таковой ученый считал так называемый «момент страха». В своей концепции Фрейд проводил ряд параллелей между клиническими заболеваниями и ранее приобретенным негативным шокowym опытом, при котором индивид неожиданно испытывал всплеск адреналина, в результате резкого испуга. Исследователем также выделялась врожденная предрасположенность к чрезмерной восприимчивости негативных явлений, что также влияла и на регрессивное поведение и появлению новых психиатрических расстройств. Фиксация на наблюдавшихся ранее психотравмах во много связанная с врожденной предрасположенностью, обуславливает в деятельности использование прежних алгоритмов решения проблем, что приводит к формированию новых психотравмирующих ситуаций. Несмотря на негативные последствия

такого рода фиксации, человек не способен отказаться от сильных бессознательных порывов. Оживление регрессивных реакций и их устойчивость в сложных психологических ситуациях у участников войн, согласно этой концепции, приводит к неадекватным и, подчас, деструктивным поведенческим проявлениям.

Одно из первых систематизированных исследований травматических неврозов, связанных с войной, принадлежит А. Кардинеру, который ввел термин «хронический военный невроз», проявляющийся возбудимостью, раздражительностью, безудержным типом реагирования, уходом от реальности, фиксацией на психотравмирующих событиях и т.д. Это болезненное состояние имеет двоякую (физиологическую и психологическую) природу. Аналогичные взгляды излагал и В. А. Гиляровский (1944, 1946) в работах по сомато-реактивным параноидам военного времени.

Как утверждает Э. Е. Киркитадзе, явление посттравматического расстройства, в начале прошлого столетия находилось лишь на первоначальной стадии изучения и было более известно под названием «Военный невроз». Исходя из исследования автора базой для изучения ПТСР служили заметки полевых врачей во время первой мировой войны. Так, Киркитадзе отмечает, что одним из основополагающих трудов послужили заметки британского врача Ч. Маерса, что описывал признаки так называемого «военного невроза» на примере британских солдат, ранее получивших контузию либо же иное ранение [3, с. 32].

Так, хоть и внешне такие люди не имели каких-либо признаков нанесенных в ходе войны увечий, в то же время они страдали постоянными ночными кошмарами и тревогами, что были вызваны ассоциативными по отношению к полученному военному опыту явлениями окружающей среды, будь то раскат грома или какой-либо иной громкий звук. Более того, исходя из заметок британского ученого, было выявлено, что человек, страдающий военным неврозом, мог внезапно падать в обморок либо же страдать временной потерей памяти [4, с. 54].

Как таковые, признаки посттравматического расстройства, стали привлекать внимание науки после второй мировой войны, когда в подобном состоянии находилась без малого четверть населения земли. По мнению А. В. Анисимова, стоит учитывать, что ПТСР крайне негативно влияет на малолетних лиц, которым пришлось пройти через череду событий, связанных с проведением вооруженных столкновений [5, с. 322].

Несмотря на появление ряда первых научных исследований, посвященных причинам возникновения ПТСР и особенностям протекания подобного расстройства в первой половине двадцатого века, в период с конца 40 вплоть до начала 90-х годов прошлого столетия, методика по борьбе с ПТСР, по мнению Н. В. Тарабриной, оставляла желать лучшего. Так, согласно исследованию автору, в подавляющем большинстве случаев на примере большинства стран Западной Европы, а в частности: Германии, Великобритании и Франции, борьба с ПТСР ограничивалась применением психотропных препаратов, зачастую сильнодействующих, что лишь усугубляло и так нестабильное ментальное здоровье лиц, страдающих ПТСР [6, с. 304].

В рамках настоящего исследования предстает необходимым дать научно закрепленное определение посттравматического расстройства. Стоит отметить, что, несмотря на распространённость явления тревожных расстройств, вызванных участием индивида в вооруженном конфликте, ис-

черпывающее доктринальное понятие подобного расстройства было дано американским психологом Питером Бёрном в 1970 году.

Так, основываясь на постоянном исследовании поведения ветеранов вьетнамской кампании, страдающих постоянным стрессом и жалующихся на систематические душевные тревоги, автор выделил, что посттравматическое стрессовое расстройство представляет собой тяжелое психическое состояние индивида, вызванное стрессовым событием или рядом таковых, выражающееся в систематическом проявлении душевных тревог.

Необходимо отметить, что именно в американской психиатрии в дальнейшем были выделены так называемые флешбеки, представляющие собой воспроизведение в сознании индивида крайне негативной стрессовой ситуации с которой человек столкнулся в прошлом.

Также опираясь на труды Бёрна, можно выделить, что люди, страдающие ПТСР, наиболее склонны к совершению суицида, а также к проявлению антисоциальных действий. Так, на примере участников вьетнамской кампании, было также выявлено, что люди прошедшие через указанный военный конфликт в 46 % создают несостоявшиеся браки, оканчивающиеся разводом. Таким образом, ПТСР представляет собой угрозу для социальной и экономической сферы жизни общества.

По мнению Бёрна, игнорирование симптомов ПТСР может привести к дальнейшему ухудшению ментального здоровья индивида, что в частности может привести и к шизофрении. Также упомянутый автор в своем исследовании рекомендовал отказ от чрезмерного использования фармакологических препаратов, и в свою очередь призывал к использованию методов физической активности для подавления признаков ПТСР [7, с. 11].

На сегодняшний день в оказании помощи участникам вооруженных конфликтов ввиду ряда проводимых исследований, в том числе Питером Бёрном, США достигли определенного прогресса. Так, исходя из исследования В. В. Венгер, на территории США действуют государственные центры помощи ветеранам вооруженных конфликтов. Более того в пенитенциарной системе США заключенные, ранее участвующие в вооруженных конфликтах, в определенных случаях вправе посещать центры помощи ветеранам вооруженных конфликтов при исправительном учреждении. Согласно позиции автора, на сегодняшний день в комплекс мер, направленных на борьбу с ПТСР, должна входить индивидуальная проработанная программа профилактики посттравматического расстройства, состоящая из обязательных сеансов психотерапии, психоаналитики и тщательного проработанного под отдельного индивида комплекса принятия психотропных веществ [8, с. 212].

Венгер В. В. также указывает, что к 2020 году практику применения систематических сеансов психотерапии и психоаналитики по отношению к бывшим участникам вооруженных конфликтов используют Великобритания, Франция и США. В случае с Великобританией и американским опытом можно выделить, что сеансы психотерапии могут носить групповой характер участия. Финансируются же подобные процедуры за счет федеральных бюджетов стран. В то же время, основываясь на исследовании автора, указанные выше страны в политике психологической работы с людьми, страдающими ПТСР, стремятся избегать чрезмерного назначения к употреблению пациентам психотропных веществ ввиду наличия возможности проявления побочных эффек-

тов, выражающихся уже в физическом нарушении здоровья [9, с. 56].

Резюмируя, стоит сказать, что на основе примера стран Великобритании и США, необходимо внедрить практику проведения психотерапевтических мероприятий с людьми, которые принимали участие в вооруженном конфликте.

Пристатейный библиографический список

1. Халфина Р. Р. История происхождения ПТСР // Образовательный процесс. – 2021. – № 12. – С. 58-60.
2. Муравьева Г. М. Реабилитация в системе оказания помощи участникам боевых действий в Афганской и Чеченской республик // Медицина и право. – 2012. – №5. – С. 39-43.
3. Погодина Т. Г. История нервно-психических расстройств участников боевых действий // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2022. – № 23. – С. 31-32.
4. Киркитадзе Э. Е. Происхождение ПТСР // Образовательный процесс. – 2021. – № 12. – С. 52-54.
5. Решетников М. М. Психологическая травма. – СПб.: ВосточноЕвропейский Институт Психоанализа, 2006. – 322 с.
6. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – 304 с.
7. Анисимов А. В. Понятие посттравматического стрессового расстройства // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2022. – № 14. – С. 9-11.
8. Бёрн П. Введение в психиатрию и психоанализ. – 1970. – С. 212.
9. Венгер В. В. Лечение комплексного посттравматического расстройства у бывших участников вооруженных конфликтов // Психологические науки. – 2020. – № 13. – С. 56-58.

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА, ПОДВЕРГАВШЕГОСЯ ШКОЛЬНОМУ БУЛЛИНГУ

В научной статье рассматриваются актуальные аспекты школьного буллинга и последствия его влияния на интеграцию в общество человека. Анализируются ключевые позиции авторов психологов и социологов в отношении школьного буллинга. Рассматриваются сущность, сфера и признаки школьного буллинга, а также его формы. Автор анализирует последние тенденции течения школьного буллинга в современном обществе. Раскрываются условия и первопричины школьной травли в отношении отдельных учащихся. Ставится роль устойчивых подростковых групп в реализации актов школьного буллинга. Характеризуется роль интернет-среды, ее особенности в осуществлении различных форм школьного буллинга. При рассмотрении сущности школьного буллинга автором сделан приоритет на раскрытии самой радикальной формы школьного буллинга, физического буллинга. Были описаны основные признаки физического буллинга и его первопричины. В рамках раскрытия проблемы физического школьного буллинга был приведен печально известный опыт «Колумбайна». На примере данного явления были раскрыты все фазы конфронтации и стратегии ухода от школьного буллинга. Ставится значимость необходимости проведения постоянной психологической работы с учащимися администрациями учебных заведений. Автор анализирует ключевые аспекты социализации индивида, прошедшего через негативный опыт взаимодействия со сверстниками.

Ключевые слова: общество, индивид, социализация, интеграция, школьный буллинг.

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF INTEGRATION INTO SOCIETY OF A PERSON WHO HAS BEEN SUBJECTED TO SCHOOL BULLYING

The scientific article discusses the current aspects of school bullying and the consequences of its influence on the integration of a person into society. The key positions of the authors of psychologists and sociologists in relation to school bullying are analyzed. The essence, scope and features of school bullying, as well as its forms are considered. The author, when considering the essence, analyzes the latest trends in the course of school bullying in modern society. The conditions and root causes of school bullying against individual students are revealed. The role of stable adolescent groups in the implementation of acts of school bullying is put. The role of the Internet environment, its features in the implementation of various forms of school bullying is characterized. When considering the essence of school bullying, the author gave priority to the disclosure of the most radical form of school bullying, physical bullying. The main signs of physical bullying and its root causes were described. As part of the disclosure of the problem of physical school bullying, the infamous Columbine experience was cited. Based on the example of this phenomenon, all phases of confrontation and strategies for avoiding school bullying were revealed. The importance of the need for constant psychological work with students by the administrations of educational institutions is raised. The author analyzes the key aspects of the socialization of an individual who has gone through a negative experience of interaction with peers.

Keywords: society, individual, socialization, integration, school bullying.

Человек еще в юном возрасте сталкивается с проблемой интеграции в общество. Будучи не наделенным необходимым жизненным опытом, индивид сталкивается с рядом внутренних противоречий, что в существенной мере влияет на процесс социализации.

Без сомнения, каждый человек, находясь в возрасте от 12 до 18 лет, хочет основательно войти в социум, найдя в нем свое место и призвание. Сталкиваясь с неоднозначной действительностью, индивид может своим поведением и идеями вызвать непонимание, как сверстников, так и представителей более старшего поколения.

Согласно А. А. Нестеровой, стоит понимать, что в силу психофизического развития в юном возрасте, человек чрезмерно подвержен внешнему воздействию и находясь под различными воздействующими силами, стремится выполнять заложенные социальные роли, либо же напротив протестовать против них [1, с. 39].

Как утверждает в своем исследовании О. А. Сластихина, упомянутые социальные роли оказывают прямое влияние на социализацию индивида. В своем исследовании автор

дифференцирует особенности подверженности заложенным социальным ролям путем разделения молодых людей на юношей и девушек. Стоит отметить, что подобное разграничение неслучайно, ведь особенности входа юноши или девушки в общество в качестве полноценного его участника весьма разнятся [2, с. 26].

Так, О. А. Сластихина, указывает, что при отклоняющемся поведении юношей в подростковом периоде можно наблюдать определенную инфантильность, выражающуюся в неспособности отстаивать собственные интересы, в случае же с девушками может превалировать корысть, выражающаяся в чрезмерном самолюбии, а порой в нарциссизме, в ряде иных случаев отклоняющегося поведения, девушки в подростковом периоде склонны проявлять своего рода протест, устоявшимся канонам поведения, моды и предпочтений. Выразаться подобное может изменением внешнего стиля.

По мнению Т. А. Корчагиной, именно отклонение от социальных ролей, зачастую может приводить к так называемому школьному буллингу [3, с. 95].

Необходимо отметить, что подобный термин является заимствованным из английского языка, где буллинг можно перевести не иначе как задирање, травля или третирование. Безусловно, все 3 названные интерпретации точно отражают сущность, что многие авторы вкладывают в понятие школьного буллинга.

Как указывает Т. А. Корчагина, школьный буллинг по своей природе неоднороден и может выступать в разных формах проявления. В настоящее время в педагогике выделяется такой вид школьного буллинга как физический буллинг.

Подобная форма психологического воздействия является, безусловно, самой радикальной из форм девиантного поведения школьников. Как правило, подобная форма осуществляется посредством применения физического насилия к жертве. Физический буллинг может носить как разовый, так и систематический характер. Также автором отмечается, что круг жертв не ограничивается одним субъектом, в ряде случаев подобная форма насилия может применяться к группе школьников.

Как отмечает Е. А. Макарова, физический буллинг, представляет собой последствием дифференцированных силовых динамик школьников. Так, в силу физиологического развития, одни и те же школьники в возрасте от 12 до 16 лет могут обладать различными физическими характеристиками. Среди таковых могут выступать внешние физиологические данные человека, такие как: рост, вес, сила и т.д. [3, с. 39].

Именно физическая травля исходит из вербальных форм школьного буллинга и, как отмечалось выше, является их последствием. Согласно исследованию, проведенному Е. А. Макаровой, вербальные формы школьного буллинга, выражаемые в насмешках и периодических оскорблениях становятся для обидчика недостаточными мерами. Осознавая безнаказанность, лицу, осуществляющему психологическое насилие над жертвой, может прийти мысль о необходимости перехода к более радикальной форме насилия, физической.

В то же время, по мнению, Д. А. Лейна, к явлению физического буллинга необходимо подходить со стороны виктимологии. Так, следственно необходимо учитывать сложившиеся характеристики школьного коллектива. По мнению автора, школьный буллинг, в том числе и физический, становится возможным, в случае образования в школьном коллективе устойчивой группы лиц, обладающих схожим психотипом личности. Именно устойчивая группа подростков, склонных к негативному отклоняющемуся поведению, выражаемому в увлечении распитием спиртных напитков, склонных совершению актов вандализма и хулиганства, является движимой центробежной силой, что приводит к буллингу среди школьного коллектива [4, с. 166].

В рамках настоящего исследования нельзя не отметить, что буллинг в подростковом возрасте связан отнюдь не только с определенными рамками своего воздействия, т.е. исключительно со школьной средой. По мнению Д. Лейна, предстает ошибочным суждение, что буллинг в подростковом возрасте может осуществляться только лишь в пределах конкретного образовательного учреждения. Как отмечается автором, к школьному буллингу приводит и жизнь подростков, вне пределов школы, т.е. на улице на протяжении совместных групповых прогулок подростков, а также в сети интернет.

Рассмотрение порядка проведения свободного времени от образовательного процесса крайне важно, ведь именно в

таких периодах у подростков вырабатываются устойчивые связи, а следственно общие планы и отношение к отдельным лицам, в том числе и к своим сверстникам, что определенным образом, по мнению конкретной группы единомышленников, может заслуживать травли.

Нельзя также обделить вниманием интернет сферу, в которой может осуществляться кибербуллинг. Кибербуллинг же представляет собой действия по унижению личности конкретного лица посредством использования различных мессенджеров и других платформ.

Стоит отметить, что на сегодняшний день кибербуллинг, как правило, игнорируется со стороны администрации образовательного учреждения. В то же время в сложившихся реалиях цифрового общества именно в интернет-среде осуществляется большая часть школьного буллинга.

В то же время исходя из исследования Т. А. Корчагиной, можно подчеркнуть, что на 2023 год сложилась тенденция уменьшения волны физического школьного буллинга. Однако, в свою очередь, ему на смену пришел кибербуллинг, который хоть и носит более латентную форму психологического насилия, но тоже может наносить существенный вред подросткам. Также не исключается, что кибербуллинг может и приводить к физическому буллингу [5, с. 95].

В рамках исследования автором проводится раскрытие проблемы школьного буллинга посредством раскрытия его через наиболее радикальную форму проявления – физического буллинга. Таким образом, можно констатировать, что именно физический буллинг приносит наибольший вред психологическому, а также физическому здоровью подростков. Более того, согласно позиции Д. А. Лейна, физический школьный буллинг является первопричиной совершения подростками преступлений, в том числе и в пределах учебного заведения, как известно на печально известном опыте так называемого «Колумбайна».

В целях раскрытия пагубности физического явления физического школьного буллинга стоит раскрыть явление «Колумбайна». Так, Колумбайн – это общеобразовательная школа в США, где 20 апреля 1999 года произошло массовое убийство школьниками 12 класса Эриком Харрисом и Диланом Клибордом.

Подобная трагедия унесла 12 жизней учеников и до сих пор активно изучается многими социологами.

Если опираться на исследование Д. Лейна, можно выделить, что явление «Колумбайна» ярко охарактеризовывает сущность школьного буллинга. Так, автор, на примере двух вышеуказанных стрелков, описывает стадии участия жертв в процессе школьного буллинга.

Так выделяется, что два вышеупомянутых учащихся школы вступали в фазу дистанцирования от конфронтации конфликта, вызванного школьным буллингом. Д. Лейном при исследовании «Колумбайна» выделялась причастность двух школьников к готической культуре и активное принятие обоими антидепрессантов.

Именно два вышеуказанных фактора, по мнению автора, отображают признаки стратегий ухода от школьного буллинга.

Таким образом, вступление учащихся в готическую субкультуру отождествляет желание получить социальную поддержку от общества, а активное принятие антидепрессантов – попытку самоконтроля чувств и эмоций.

Когда же две вышеупомянутые стратегии не были увенчаны успехом, вступила психологическая фаза планового подхода к решению ситуации. Именно на этой стадии, у двух учащихся возник преступный умысел на разрешение проблемы путем расправы с окружающим обществом.

Что любопытно, нельзя не забывать об окончательной фазе конфронтации вследствие школьного буллинга, принятие на себя ответственности за совершенные действия.

Так, Эрик Харрис и Дилан Клиборд, по окончании массовой стрельбы, совершили самоубийство.

Можно сетовать, что опыт «Колумбайна» ярко отражает проблему школьного буллинга и необходимость проведения постоянной психологической работы с учащимся составом администрацией учебного заведения.

Как говорилось выше, уклонение от устоявшихся моделей поведения к индивиду, проявляющему отклоняющееся поведение, со стороны сверстников могут применяться неформальные методы воздействия, выражающиеся в порой радикальной форме своего проявления, будь то травля, систематические оскорбления личности или же в ряде определенных случаях применения физического насилия.

Последствия опыта школьного буллинга для жертвы такого явления, как отмечает Н. А. Ларченко, весьма различны. В подавляющем большинстве случаев автор указывает, что человеку все-таки удается сформироваться как личность, путем адаптации к требуемым от общества моделям поведения [6, с. 111].

Однако, напротив, по мнению Ларченко, существуют ряд ситуаций, при которых, человеку не удастся полностью интегрироваться в общество. В таком же случае может иметь место комплекс негативных факторов, выступающих барьером для взаимодействия в социуме. Таковыми, по мнению автора, выступают: неадекватная заниженная самооценка, повышенная импульсивность, низкий уровень воспитания последующего поколения, равнодушие или гиперопека по отношению к воспитанию детей, злоупотребление наркотиками, алкоголем, компьютерными играми.

Необходимо сетовать, что приведенный перечень возможных негативных последствий во взаимодействии с обществом, весьма обширен и несет в себе ряд колоссальных проблем человеку, что ранее подвергался школьному буллингу.

И. В. Волкова полагает, что даже будучи уже в осознанном возрасте, человеку, ранее столкнувшемуся на собственном примере с проявлением школьного буллинга, требуется психологическая помощь, заключающаяся в диагностике имеющихся психологических проблем и в дальнейшей их проработке [7, с. 28].

Согласно позиции автора, игнорирование же пройденного негативного опыта школьного буллинга может лишь усугубить и без того тяжелую ситуацию, при которой человек не сможет выстраивать полноценные отношения в профессиональной деятельности и в личной жизни. Более того, И. В. Волкова полагает, что человек, сталкивающийся ранее со школьным буллингом ставит себя жертвой в ходе осуществления своей привычной деятельности. Таким образом, подобное выработанное виктимное поведение предстает очередным негативным фактором для интеграции человека в социуме.

В заключение необходимо сказать о способах преодоления проблем, вытекающих из опыта школьного буллин-

га. Безусловно, в первую очередь необходимо понимать, что полностью интегрироваться человеку в общество могут помочь квалифицированные услуги психолога. Однако также следует сказать, что человек, имевший дело со школьным буллингом, находится в зависимости от устоявшейся модели его поведения, в так называемом фрейме, выход за рамки которого возможен путем изменения границ сознания. Иными словами, индивиду необходимо абстрагироваться от ранее полученного негативного опыта и поставить иные приоритеты в жизни, что могут выражаться в достижении определенной цели в карьере, искусстве либо другом способе самореализации.

Пристатейный библиографический список

1. Нестерова А. А. Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 16. – С. 37-39.
2. Сластихина О. А. Буллинг в школьной среде и его профилактика // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 13. – С. 25-26.
3. Макарова Е. А. Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2018. – № 21. – С. 39-42.
4. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) / Давид А. Лэйн. – М.: Изд-во ZipSit, 2001. – 166 с.
5. Корчагина Т. А. Школьный буллинг – социальная проблема современности // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 62. – С. 92-95.
6. Ларченко Н. А. Психолого-педагогические условия профилактики школьного буллинга // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 558. – С. 105-111.
7. Волкова И. В. Характеристика подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. – 2016. – № 2 (15). – С. 26-28.

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МОИСЕЙЦЕВ Руслан Андреевич

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СПОРТЕ

Спорт играет важную роль в современном обществе, способствуя физическому развитию, укреплению здоровья и развитию социальных навыков. Однако с развитием спорта также возникают многочисленные правовые вопросы, связанные с юридической ответственностью его участников и организаторов. Юридическая ответственность в спорте включает широкий спектр правовых норм и правил, регулирующих поведение спортсменов, тренеров, судей, спортивных организаций и других участников спортивной деятельности. В данной статье будут рассмотрены основные проблемные аспекты юридической ответственности в спорте, а также предложены возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, спорт, спортсмен, тренер, разрешение спортивных споров.

PROVATKINA Valeriya Evgenjevna

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOISEEV Ruslan Andreevich

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL RESPONSIBILITY IN SPORTS

Sport plays an important role in modern society, contributing to physical development, health promotion and the development of social skills. However, with the development of sports, numerous legal issues also arise related to the legal responsibility of its participants and organizers. Legal responsibility in sports includes a wide range of legal norms and rules governing the behavior of athletes, coaches, referees, sports organizations and other participants in sports activities. This article will consider the main problematic aspects of legal liability in sports, as well as suggest possible ways to resolve them.

Keywords: legal responsibility, sport, athlete, coach, sports dispute resolution.

Юридическая ответственность в спорте играет ключевую роль в поддержании справедливости, защиты прав участников и обеспечении соблюдения норм и правил. Однако этот механизм сталкивается с рядом проблем, которые снижают его эффективность и создают препятствия для его полноценного функционирования. Юридическая ответственность в спорте – это форма государственного принуждения, заключающаяся в применении санкций к субъектам, совершившим правонарушения в сфере спортивной деятельности. Эта ответственность может наступать за нарушение правовых норм, регулирующих спортивные отношения, и направлена на восстановление справедливости, защиту прав участников, а также предотвращение правонарушений в будущем.

К основным субъектам юридической ответственности в спорте относят спортсменов, тренеров/спортивных специалистов, спортивные организации и судей. Спортсмены несут ответственность за нарушение правил соревнований, антидопинговых норм, а также за агрессивное или неподобающее поведение на спортивных мероприятиях. Тренеры и спортивные специалисты могут быть привлечены к ответственности за нарушение обязанностей по обеспечению безопасности спортсменов, за использование запрещенных методов подготовки или за подстрекательство к нарушению правил. Спортивные организации несут ответственность за организацию и проведение соревнований, соблюдение правил безопасности, а также за выполнение обязательств перед спортсменами и другими участниками. А судьи и официальные лица могут нести ответственность за предвзятость или

ошибки при вынесении решений, что может повлиять на исход соревнований.

Юридическая ответственность в спорте может быть различной по своей природе и следующие виды.

Гражданско-правовая ответственность. Меры гражданско-правовой ответственности в области спорта – это установленные на законодательном и локальном уровне правовые основания, носящие длительный или кратковременный характер, которые ведут к наступлению неблагоприятных имущественных или неимущественных последствий для правонарушителя. Ярким примером может служить спортивная дисквалификация, так как она обладает всеми признаками, характерными для мер гражданско-правовой ответственности. Основным из них является имущественный характер ответственности, проявляющийся в том, что лицо, в отношении которого реализуется мера дисквалификации, несет финансовые потери, вызванные невозможностью участия в спортивных соревнованиях. Также, в сфере спорта широкое распространение имеют денежные взыскания за нарушение спортивных регламентов, которые носят, преимущественно, компенсационный характер. В качестве неимущественного лишения выступает мера в виде изъятия медалей, очков, которая заключается в лишении спортсмена завоеванных наград и призовых мест.

Административная ответственность применяется в случае нарушения правопорядка в ходе спортивных мероприятий, таких как нарушение общественного порядка, нарушение антидопинговых правил – ст. 6.18 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях [1], а также за несоблюдение правил проведения спортивных соревнований.

В классическом понимании уголовная ответственность в спорте не проявляется, так как деятельность таких специальных субъектов, как спортсменов регламентируется правилами/регламентами соревнований, в соответствии с которыми они несут ответственность. Об этом же свидетельствует и отсутствие судебной практики по таким статьям как причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и так далее. Уголовная ответственность может иметь место в таких случаях как подкуп участников соревнований, мошенничество при заключении контрактов и так далее.

Дисциплинарная ответственность – это санкции, применяемые спортивными организациями к своим членам за нарушение внутренних правил и норм. Нормы о дисциплинарной ответственности распространяются на спортсменов и тренеров, состоящих в трудовых правоотношениях с работодателем, и при этом вид спорта не имеет значения. В соответствии с п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 24 ноября 2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 52) [2], «предусмотренные статьей 348.11 Трудовым Кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) [3] основания прекращения трудового договора со спортсменом в соответствии с частью второй статьи 192 ТК РФ относятся к дисциплинарным взысканиям, в связи с чем работодатель при прекращении трудового договора со спортсменом по этим основаниям обязан соблюсти порядок и сроки применения дисциплинарных взысканий, установленные статьей 193 ТК РФ».

Но в то же время юридическая ответственность в спорте отличается от обычной гражданской или уголовной ответственности. Специфика спортивной деятельности подразумевает наличие особых правил и норм, которые регулируют поведение участников, что делает сферу спортивного права уникальной. В частности, спортивные дисциплины характеризуются высокой степенью физического контакта и риска, что приводит к необходимости разработки специальных норм ответственности, отличных от традиционных правовых категорий.

Кроме того, важным аспектом является наличие спортивных регламентов и кодексов, разработанных международными и национальными спортивными организациями. Эти документы содержат правила поведения на спортивных аренах и устанавливают санкции за их нарушение. Однако применение таких норм не всегда соответствует общепринятым правовым принципам, что порождает проблемы в области правоприменения [4, с. 52-62].

Одной из основных проблем юридической ответственности в спорте является неоднородность правового регулирования в различных странах и международных организациях. Спорт имеет глобальный характер, но правила и нормы, регулирующие спортивную деятельность, часто различаются в зависимости от юрисдикции. Так, например, в соответствии со ст. L222-2 Спортивного кодекса Франции, профессиональным спортсменом является лицо, которое занимается спортом за вознаграждение и находится в правовых отношениях со спортивной ассоциацией или компанией. Под тренером Спортивный кодекс Франции понимает лицо, чья основная деятельность состоит в подготовке и контроле спортивной деятельности одного или нескольких профессиональных спортсменов (за вознаграждение), которое находится в правовых отношениях со спортивной ассоциацией или компанией, и которое имеет соответствующий диплом, профессиональный титул или свидетельство о квалификации [5]. Приведенные определения имеют несколько различий с определениями, которые содержит российское законода-

тельство. Ключевыми, на наш взгляд, отличиями являются указания на нахождение спортсмена и тренера в правовых отношениях со спортивной ассоциацией или компанией. Данное указание снимает вопрос, который возникал у нас ранее относительно российского спортсмена – не важно, каким видом спорта (индивидуальным или коллективным) занимается спортсмен, нормы трудового права будут распространяться на него в том случае, если он находится в трудовых отношениях с соответствующим работодателем. Кроме того, обратим внимание и на тот факт, что тренеру во Франции, в отличие от российского коллеги, достаточно иметь профессиональный титул, и нет необходимости в получении образования. Подобное регулирование может быть заимствовано российским законодателем – представляется, что это избавит бывших спортсменов, имеющих навыки, соответствующие знания и опыт для того, чтобы стать тренером, получать формально необходимое для данной работы образование.

Это создает сложности в применении ответственности, особенно в случаях, когда спортивное событие затрагивает интересы нескольких стран. Также это приводит к тому, что спортсмены и спортивные организации могут сталкиваться с неодинаковыми санкциями за одинаковые нарушения. Решение этой проблемы требует более тесного международного сотрудничества и унификации правил, регулирующих спортивную деятельность.

Другой проблемой юридической ответственности является доказательственная база и проблемы правоприменения. Вопросы доказательств играют ключевую роль в применении юридической ответственности в спорте. Одной из проблем является сложность в сборе и проверке доказательств, особенно в делах, связанных с допингом, договорными матчами и другими формами мошенничества. Например, доказательства использования запрещенных веществ могут быть неубедительными или спорными, что усложняет процесс принятия решений и может привести к ошибкам в правоприменении. Проблемы правоприменения также связаны с ограниченными возможностями для проведения независимых расследований и экспертиз. В ряде случаев спортивные организации обладают значительным влиянием на процесс принятия решений, что может приводить к конфликтам интересов и недостаточной объективности.

Также существует проблема слабой правовой защиты спортсменов. Многие спортсмены заключают контракты, которые не обеспечивают должного уровня социальной защиты, а также не всегда содержат адекватные механизмы для разрешения трудовых споров. Другим аспектом в данной проблеме является проблема предвзятости. Она может проявляться в форме неравномерного подхода к различным субъектам, в зависимости от их статуса или популярности. Например, известные спортсмены или крупные спортивные клубы могут получать более мягкие наказания чем их известные коллеги.

На наш взгляд, причинами данной проблемы являются:

1. Неравенство в юридических возможностях. Спортсмены часто оказываются в невыгодном положении по сравнению с крупными спортивными организациями, федерациями и клубами, обладающими значительными ресурсами для защиты своих интересов. У них часто ограничены финансовые и юридические возможности для ведения судебных разбирательств и защиты своих прав, особенно в международных спортивных спорах. Это приводит к тому, что спортсмены могут быть вынуждены соглашаться на невыгодные условия, принимать спорные решения или мириться с санкциями, которые могли бы быть оспорены при наличии адекватной юридической поддержки.

2. Ограниченный доступ к справедливому судопроизводству. В спортивной сфере часто действуют особые процедуры и арбитражные суды, такие как Спортивный арбитражный суд (CAS), которые имеют специфические правила и

процедуры, отличающиеся от гражданских судов. Хотя такие суды призваны обеспечивать быстрый и компетентный разбор споров, они могут ограничивать права спортсменов на полноценное и справедливое разбирательство. Например, спортсмены могут сталкиваться с ограничениями в предоставлении доказательств, трудностями в доступе к независимым экспертам или невозможностью подать апелляцию в гражданский суд.

3. Дискриминация и нарушение прав человека. Спортсмены могут сталкиваться с различными формами дискриминации, включая гендерную, расовую или этническую дискриминацию. В некоторых случаях спортсмены могут подвергаться санкциям или ограничениям за выражение своих взглядов или участия в социальных движениях. Нарушение прав человека в спорте является серьезной проблемой, требующей особого внимания со стороны международных организаций и правозащитных структур. Однако на практике защита спортсменов от дискриминации и других нарушений прав человека часто оказывается неэффективной.

Для решения данной проблемы необходимо усилить правовую поддержку спортсменов (предоставление бесплатной или льготной юридической помощи; создание специализированных организаций или фондов, оказывающих правовую поддержку спортсменам), ввести стандартные условия труда для спортсменов на международном уровне, а также пересмотреть подходы к заключению спортивных контрактов, обеспечивая им более высокий уровень социальной защиты и права на справедливое разбирательство.

В этом же аспекте стоит рассмотреть проблему обжалования назначения юридической ответственности в спорте. Обжалование представляет собой сложный процесс, который сталкивается с несколькими ключевыми проблемами:

1. Ограниченные права на обжалование. Многие спортивные федерации и арбитражные органы, такие как Международный спортивный арбитражный суд (CAS), имеют собственные внутренние процедуры, которые ограничивают права спортсменов на обжалование решений. Например, закрытость процедур – решения, принятые внутренними дисциплинарными органами, могут быть окончательными и не подлежащими пересмотру. Это ограничивает возможности спортсменов оспорить решение в более высоких инстанциях. Также из-за существования узкого круга оснований для подачи апелляции возникает ограниченный доступ к апелляциям, что ограничивает возможности для справедливого рассмотрения дела.

2. Разные юрисдикции и стандарты. Разные организации могут применять различные правила и стандарты доказательств, что делает сложным согласование процедур обжалования на международном уровне. Также сами спортивные федерации и международные арбитражи могут действовать по разным юрисдикциям, что создает сложности в пересмотре решений и выполнении санкций.

3. Высокие затраты на обжалование. Обжалование решений в спортивных судах и арбитражах требует значительных финансовых затрат на юридические услуги, что может быть непосильно для многих спортсменов. К тому же некоторые арбитражные и судебные органы взимают значительные сборы за подачу апелляций и рассмотрение дел.

4. Сложность процесса обжалования. Процесс обжалования может быть долгим и сложным, так как апелляции и разбирательства могут занимать месяцы, а сама неопределенность исхода дела – ставит спортсмена в такую ситуацию, когда он не может планировать свою карьеру.

В случае вынесения решения о привлечении спортсмена к ответственности появляется проблема ее исполнения. Одной из ключевых причин исполнения решения является различие в системах исполнения санкций между странами и спортивными организациями. Например, наказания, такие как дисквалификации или штрафы, могут иметь разный по-

рядок исполнения в зависимости от национального законодательства или внутренних правил спортивных федераций. Это создает сложности в координации и может приводить к несогласованности в применении санкций. Проблемы возникают и с контролем за выполнением назначенных санкций. Спортивные организации и федерации могут иметь ограниченные ресурсы для надзора за исполнением мер наказания, таких как регулярные проверки или мониторинг соблюдения условий дисквалификации.

Исполнение санкций часто происходит в условиях недостаточной прозрачности. Спортивные организации могут не предоставлять подробные отчеты о том, как и когда были исполнены меры наказания. Это ограничивает возможность стороннего контроля и может создавать сомнения в справедливости и эффективности системы исполнения санкций. Когда санкции касаются спортсменов, участвующих в международных соревнованиях, возникают проблемы с международным сотрудничеством. Например, если спортсмену, дисквалифицированному в одной стране, разрешается участвовать в соревнованиях в другой стране, это может создавать правовые и этические сложности. Недостаток согласованных международных стандартов может усугублять эти проблемы.

Таким образом, юридическая ответственность в спорте является сложной и многогранной проблемой, требующей учета специфики спортивной деятельности и особенностей правового регулирования. Решение проблемных аспектов в этой области требует комплексного подхода, который должен включать совершенствование нормативной базы, гармонизацию правоприменительной практики и повышение уровня правовой осведомленности участников спортивной деятельности. Только в этом случае можно будет обеспечить справедливое и эффективное применение норм юридической ответственности в спорте.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 24 ноября 2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров».
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002.
4. Капустина М. А. Институт юридической ответственности как элемент системы правового регулирования // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 9. – С. 52-62.
5. Спортивный кодекс Франции: (законодательная часть) / Комис. по спортивному праву Ассоц. юристов России; [пер. с фр., вступ. ст. с кратким коммент. А. А. Соловьева]. – Москва: [Б. м.], 2009. – 133 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-505-506

БАЙДАРОВА Марина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, Пензенский государственный университет

АМБАРЯН Артур Мнацаканович

студент группы 21юю2, Пензенский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТАМИ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предпринята попытка не только рассмотреть наиболее актуальные проблемы реализации адвокатами квалифицированной юридической помощи, но и сделать конструктивные предложения, которые позволят защитить законные интересы доверителей, а также повысить качество оказываемых юридических услуг адвокатами.

Среди проблем оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами рассмотрены вопросы, связанные с порядком оказания квалифицированной юридической помощи, а также отсутствием четкой ценовой регламентации юридических услуг.

Представляется важным и своевременным всему адвокатскому сообществу уделить повышенное внимание совершенствованию действующего законодательства при установлении требований к качеству, объёму оказываемых услуг, а также составляемым адвокатом процессуальных документов. Ведь именно такие категории как «качество» и «квалифицированная юридическая помощь», априори присущие адвокатской деятельности, должны в реальной действительности «работать», а значит эффективно защищать права, свободы и законные интересы физических, а также юридических лиц, обеспечивая указанным субъектам доступ к правосудию.

Ключевые слова: адвокат, квалифицированная юридическая помощь, порядок квалифицированной юридической помощи, ценовая регламентация, качество, государственная защита.

BAYDAROVA Marina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Justice sub-faculty, Penza State University

AMBARYAN Artur Mnatsakanovich

student of group 21yuy2, Penza State University

ACTUAL PROBLEMS OF LAWYERS' IMPLEMENTATION OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

An attempt has been made not only to consider the most pressing problems of the implementation of qualified legal practice by lawyers, but also to make constructive proposals that will protect the legitimate interests of the principals, as well as improve the quality of legal services provided by lawyers.

Among the problems of providing qualified legal assistance by lawyers, the following issues are considered: related to the procedure for providing qualified legal assistance, as well as the lack of clear price regulation of legal services.

It seems important and timely for the entire legal community to pay increased attention to improving the current legislation when setting requirements for the quality, volume of services provided, as well as procedural documents compiled by a lawyer. After all, it is precisely such categories as "quality" and "qualified legal assistance", a priori inherent in advocacy, that should "work" in reality, and therefore effectively protect the rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities, providing these subjects with access to justice.

Keywords: lawyer, qualified legal assistance, procedure for qualified legal assistance, price regulation, quality, state protection.

Конституция Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45 Конституции РФ) и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48)¹. Данная помощь в России сегодня оказывается адвокатурой на основании Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1].

Основная тенденция в сфере оказания квалифицированной юридической помощи – её профессионализация. Особая роль адвокатов в различных видах судопроизводства (а особенно в уголовном судопроизводстве) напрямую связана с высокой значимостью принимаемых судебных решений для личности и общества. В реалиях современной действительности адвокаты реализуют конституционную функцию по осуществлению квалифицированной юридической помощи [4, с. 2-3], принимая активное участие в процессе правосудия [3, с. 31-32].

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

Среди актуальных проблем оказания юридической помощи выделяют следующие:

1. порядок оказания квалифицированной юридической помощи хотя и установлен ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», однако сам данный закон содержит лишь только общие требования к лицам, которые её осуществляют. Несмотря на то, что ст. 36 Всероссийский съезд адвокатов утверждает обязательные для всех адвокатов стандарты оказания квалифицированной юридической помощи и другие стандарты адвокатской профессии, на деле утверждено лишь три стандарта:

- «Стандарта оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи» (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023²);

2 Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. - 2023. - № 3. - 2023.

Байдарова М. А.

Амбарян А. М.

- «Стандарта подготовки и направления адвокатских запросов» (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023³);
 - «Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017⁴)).

Таким образом, без внимания оказалась большая часть оказываемых адвокатами услуг. Да, даже эти утвержденные стандарты, по сути, содержат лишь общие, декларативные положения, в большей мере дублирующие нормы ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Конечно, эти стандарты содержат и перечень оказываемых услуг, но не содержат требования к качеству [2] и объёму оказываемых услуг, и составляемых адвокатом процессуальных документов. И, это является на наш взгляд главной проблемой оказания квалифицированной юридической помощи.

В связи с чем, на наш взгляд, необходимо внести в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а именно в статью 36 изменение, установив чёткие требования к стандартам, утверждаемым Всероссийским съездом адвокатов, а также жесткие сроки утверждения этих стандартов.

На наш взгляд, поскольку речь идет о конституционном праве, то адвокатское сообщество не может самостоятельно и бесконтрольно решать вопросы в данной сфере.

В связи с чем, полагаем, что указанными изменениями также должна быть закреплена обязанность по согласованию утверждаемых стандартов как минимум с курирующим органом исполнительной власти, а именно с Министерством юстиции РФ.

На наш взгляд, законодательно необходимо прописать, что Стандарт оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами должен содержать:

1. классификацию видов адвокатских услуг по отраслям, в которых такие адвокатские услуги оказываются;
2. определение конкретных видов адвокатских услуг;
3. конкретные требования к качеству каждого вида юридических услуг, оказываемых адвокатами, а также к качеству составляемых адвокатами процессуальных документов.

Причем данные требования не должны ограничиваться общими фразами, о том, что адвокат «обязан действовать честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и активно»⁵ как это имеет место быть в уже утвержденных стандартах.

Такие требования к качеству должны содержать четкий перечень и объём как обязательных, так и рекомендуемых в тех или иных ситуациях, действий на каждом этапе и в отношении каждого отдельного вида оказания квалифицированной юридической помощи.

Применительно к составляемым адвокатами процессуальным документам стандарт, на наш взгляд, должен устанавливать обязательную структуру документа и требования к качеству содержанию каждого элемента данной структуры.

Поскольку в соответствии с пунктом 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁶ к отношениям по оказанию профессиональной юридической помощи адвокатами законодательство о защите прав потребителей не применяется (поскольку деятельность адвоката не является предпринимательской). Такие стандарты качества призваны в первую очередь защитить права доверителей и позволить доверителям предъявлять конкретные требования к качеству оказываемых услуг.

2. Еще одна проблема заключается в отсутствии четкой ценовой регламентации тех или иных юридических услуг, оказываемых адвокатами.

3 Стандарт подготовки и направления адвокатских запросов (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. - 2023. - № 3. - 2023.

4 Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. - 2017. - № 2.

5 Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. - № 3. - 2023.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 9. - 2012.

Учитывая, что адвокатская деятельность не является предпринимательской, а также то, что адвокатские образования в силу гражданского кодекса являются некоммерческими организациями, считаем правомерным внесение изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые обяжут Всероссийский съезд адвокатов закрепить рекомендуемые минимальные ставки гонорара на оказание юридической помощи адвокатами с предоставлением советам адвокатских палат субъектов Российской Федерации права на установление региональных коэффициентов.

Отмечу, что подобные ставки гонораров утверждены на региональных уровнях в ряде регионов (Самарская область, Кировская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Мордовия и других регионов) в качестве самостоятельной инициативы (по принципу утверждения тарифов на услуги нотариусов).

Реализация данного предложения позволит защитить интересы доверителей, в том числе на взыскание понесенных судебных расходов в установленных размерах. Даже на настоящий момент, не смотря на отсутствие законодательного регулирования установления таких тарифов, в регионах, где они утверждены, судебные расходы взыскиваются судами исходя из этих утвержденных минимальных размеров гонораров адвокатов.

Подобные стандарты регулирующие требования к качеству профессиональной деятельности и документам не является чем-то новым, так, например, для бухгалтеров утверждены многочисленные правила бухгалтерского учёта, для аудиторов – стандарты аудиторской деятельности, для оценщиков – федеральные стандарты оценки.

Считаем, что предложенные меры, которые, разумеется, не являются исчерпывающими, позволят защитить права и законные интересы доверителей и повысить качество юридических услуг в целом, учитывая ключевую роль адвокатуры в оказании квалифицированной юридической помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 256 с // Справочная правовая система Консультант плюс: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18958&cacheid=424CDEE2BE83B753CA041F8AE65D680&mode=splus&rnd=Yff9g#3LonISULFVktZDh> (дата обращения: 15.09.2024).
2. Гаврилов С. Н. Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // Адвокатская практика. – 2020. – № 6. – С. 9-24 // Справочная правовая система Консультант плюс: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=132715&cacheid=5AD818109D6FC8A7814B8B6D3E38A44A&mode=splus&rnd=9dfCgQ#JPGYISUOWzU2PR621> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Почечуева О. С. Особенности правового статуса адвоката – представителя потерпевшего в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2009. – № 5. – С. 31-34 // Справочная правовая система Консультант плюс: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=39302&cacheid=FBBD4557DD2ED7E72D76F666F6B0828C&mode=splus&rnd=9dfCgQ#zKsmISUnJ08t2dkI> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Толчеев М. Н. О конституционно-правовом смысле понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокатская практика. – 2023. – № 1. – С. 2-7. // Справочная правовая система Консультант плюс: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=131787&cacheid=5989C190354C1FB9906097A4D9568D44&mode=splus&rnd=9dfCgQ#onwllISU47q4d8RE5> (дата обращения: 15.09.2024).

АНДРЕЕВА Ирина Анатольевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России

МАТАНЦЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России

ОХРАНА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ИЗОБРАЖЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется проблема соотношения права на охрану персональных данных, изображения сотрудников полиции и свободой выражения мнений. На основе анализа положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского суда по правам человека, выявляются критерии допустимости использования изображения сотрудников полиции. Сам по себе публичный статус сотрудника полиции не означает полное игнорирование его личных прав.

Ключевые слова: сотрудники полиции, право на изображение, персональные данные, ЕСПЧ.

ANDREEVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of State and legal disciplines sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

Matantsev Dmitriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State law disciplines sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

PROTECTION OF PERSONAL DATA AND IMAGES OF POLICE OFFICERS IN THE JUDICIAL PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article analyzes the problem of the correlation between the right to protection of personal data, images of police officers and freedom of expression. Based on the analysis of the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of the European Court of Human Rights, the criteria for the admissibility of the use of images of police officers are identified. By itself, the public status of a police officer does not mean that his personal rights are completely ignored.

Keywords: police officers, right to image, personal data, ECHR.

В современном информационном обществе человек ежедневно является участником множества информационно-коммуникационных отношений. Одним из ключевых средств идентификации и презентации человека в этих отношениях является его изображение. В условиях закрепления в законодательстве Российской Федерации принципа открытости деятельности полиции (ст. 5 Федерального закона «О полиции») и повышенного внимания со стороны институтов гражданского общества и отдельных граждан к органам внутренних дел, информационная защита сотрудников органов внутренних дел, поиск оптимального соотношения частных и публичных интересов, приобретают особое значение. Правовой основой охраны персональных данных и изображения сотрудников полиции в странах Европейского союза в целом являются базовые документы европейского сообщества, регламентирующие права и свободы человека и гражданина: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Хартия Европейского Союза об основных правах, а также Конституции европейских государств.

Нормы этих документов конкретизированы и обеспечены Европейским пакетом защиты персональных данных 2016 г., в который входит Общий регламент по защите персональных данных (или Регламент 2016/679 Европейского парламента и Союза «О защите физических лиц относительно обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных», введенный в действие 25 мая 2018 г.) и Директива 2016/680 от 27 апреля 2016 г., относящаяся к защите фи-

зических лиц относительно обработки персональных данных компетентными органами в целях превенции и выявления уголовных преступлений, расследования и судебного преследования или исполнения уголовных наказаний, и о свободном перемещении таких данных (так называемая директива «Полиция-правосудие»). Право на изображение касается не только защиты частной жизни или авторских прав. Изображение также связано с личностью изображенного человека и вопросом об обработке персональных данных в соответствии с Регламентом. Съемка фото и видео в современных условиях всегда подпадают под категорию обработки персональных данных, которая должна быть необходимой и соразмерной, следует учитывать объем и характер (конфиденциальность) персональных данных, то есть основываться на принципе минимизации персональных данных.

Главной правовой проблемой в вопросе охраны персональных данных и изображения сотрудников полиции является необходимость установления баланса между правом на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Европейской конвенции) и правом свободно выражать свое мнения, которое включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию (статья 10 Европейской конвенции). На возможности коллизии между защитой свободы выражения мнений и другими правами или ценностями, гарантированными Конвенцией, а также на необходимость поиска справедливого баланса между ними неоднократно указывал Европейский суд по правам челове-

ка, обобщив выработанные им правовые позиции, в том числе и по вопросу защиты права на изображение [4].

Право на изображение считается связанным с правом на уважение частной жизни. Европейский суд по правам человека признает право каждого человека на свое изображение (образ), подчеркивая, что изображение человека является одним из основных атрибутов его личности, поскольку выражает его оригинальность и позволяет ему отличаться от других. Право человека на защиту своего изображения, в первую очередь, предполагает, что человек владеет своим изображением, что включает, в частности, возможность отказать в его распространении.

В сходном ключе обозначенная проблема разрешается в практике Конституционного Суда Российской Федерации, который в Определении от 12.02.2019 № 274-О отметил, что указанные фундаментальные права, общепризнанные в правовых демократических государствах – постольку, поскольку они защищают являющиеся одинаково значимыми интерес частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интерес широкой общественности в доступе к информации, с другой, – не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом [1].

Вопрос об установлении баланса между правом на изображение и свободой выражения мнения, согласно ЕСПЧ, должен решаться национальными органами правосудия применительно к индивидуальному случаю. Им были выработаны критерии, которыми национальные органы должны руководствоваться (наибольший вклад внесен Постановлением ЕСПЧ AXEL SPRINGER AG против Германии 2012 г.) [2]. Они подробно раскрываются также и в Справочнике по статье 10 Европейской конвенции по правам человека, подготовленном ЕСПЧ в 2022 г. Это следующие критерии: вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес; публичность и известность изображаемого лица; предыдущее поведение заинтересованного (изображенного) лица; способ получения и достоверность информации; содержание, форма и последствия публикации. Значимость данных критериев применительно к конкретному случаю может быть различной. Кроме того, их набор не является исчерпывающим, ЕСПЧ допускает использование национальными судами иных критериев, например, влияние на уголовное судопроизводство, статус сторон.

Судебная практика Европейского суда по правам человека на протяжении десятилетий была авторитетной в том, что касается толкования и сферы применения Европейской конвенции о правах человека. Европейская конвенция о правах человека не предусматривает каких-либо отдельных основных прав, гарантирующих защиту персональных данных, что не мешало ЕСПЧ рассматривать защиту персональных данных как имеющую фундаментальное значение для уважения частной жизни. Начнем с того, что Европейский суд по правам человека дал толкование понятию «неприкосновенность частной жизни». Она включает, в частности, свободу выбирать, развиваться, вступать в социальные контакты или, наоборот, защищать себя от общества. По этой причине защита конфиденциальности не ограничивается близким, семейным кругом. Таким образом, защита частной жизни выходит за рамки основной сферы частной жизни (физическая неприкосновенность, здоровье или интимная сфера).

Долгое время постановлений ЕСПЧ, в котором факт съемки на видео сотрудников полиции составлял бы суть рассматриваемого юридического вопроса, не было. Тем не менее, в прецедентном праве ЕСПЧ были определены ориентиры. Имея это в виду, Европейский суд по правам человека придерживается мнения, что защита частной жизни также распространяется в общественное пространство (и на рабочем месте, например, в полицейском участке), даже если содержание конфиденциальности будет более узким для общественного пространства.

Итак, защита частной жизни в общественных местах по своей природе более ограничена, чем в частных местах. В соответствии с судебной практикой Европейского суда по правам человека объем защиты конфиденциальности частично зависит от разумных ожиданий. Хотя это не единственное условие, ожидания в отношении конфиденциальности должны оцениваться с точки зрения того, что является социально приемлемым в зависимости от места и времени. Человек, находящийся в общественном пространстве, не может разумно ожидать, что другие люди его не затронут, не заметят.

Из прецедентного права Европейского суда по правам человека следует, что надзор за надлежащим функционированием демократического общества, включая надзор за деятельностью полиции, основанный на свободе выражения мнений и информации, является важным основополагающим правом. Но, как и право на неприкосновенность частной жизни, это основное право также не является абсолютным. Оно должно оцениваться в соответствии с правом на защиту частной жизни, включая защиту права на изображение.

Защита персональных данных является важным аспектом уважения частной жизни. Эти основные права могут быть ограничены в интересах прав и законных интересов третьих лиц. Но в какой степени ограничить, необходимо решать индивидуально. Несмотря на то, что сотрудник полиции выполняет функцию, отвечающую общественным интересам, из судебной практики ЕСПЧ не следует вывода о существовании абсолютного права снимать на видео сотрудника полиции во время выполнения им полицейской миссии. Судебная практика с участием (косвенно) полиции в основном связана с вмешательством полиции во время массовых беспорядков или демонстраций, имеющих актуальное значение.

31 октября 2023 г. Европейский суд по правам человека вынес первое решение, касающееся права сотрудника полиции на изображение [3]. ЕСПЧ счел, что судебное решение, вынесенное немецкими судами, запрещающее публикацию видеозаписей, на которых не размыто лицо полицейского, производящего арест, является чрезмерным посягательством на свободу выражения мнений. Он разъяснил, что их решение оказывает сдерживающее воздействие на соответствующие средства массовой информации и может привести к неприемлемому запрету на любую будущую публикацию неотредактированных изображений сотрудников полиции при исполнении служебных обязанностей.

Заявителем являлась компания, занимающаяся журналистской деятельностью как в печатном виде, так и в интернете. Она опубликовала два видеоролика, на которых сотрудники полиции кладут на землю и избивают ногами и дубинками правонарушителя. Сотрудник полиции потребовал от компании удалить видео или, размыть его лицо. Полу-

чив отказ, он подает в суд и выигрывает дело в немецких судах (п. 10-13). Издается судебный запрет, предписывающий удаление, и запрещается публикация не размытых изображений заинтересованного лица без его согласия. После исчерпания средств правовой защиты компания подала жалобу в ЕСПЧ, утверждая, что решение суда нарушает свободу выражения мнения.

Европейский суд по правам человека отмечает, что на видео нет никаких указаний на то, что была применена чрезмерная сила при задержании (п. 9). Суды Германии постановили, что тот факт, что видеоролики не изображают применение полицейской силы в негативном свете, означает, что их нельзя рассматривать как изображение какого-либо значимого аспекта современной жизни. Этот аргумент отклонен Страсбургским судом, который считает, что сам по себе тот факт, что применение силы не было представлено негативно, не может лишать видеоролик общественного интереса. А также признает (п. 25), что ограничение права на свободу выражения мнений немецким судом преследует законную цель защиты частной жизни сотрудника полиции. В разрешении коллизии между двумя правами ЕСПЧ опирается на выработанные в предшествующей практике критерии (изложены выше).

Что касается содержания публикации, суд проводит различие между двумя опубликованными видеороликами. Первое видео – это видео ареста, во время которого сотрудники полиции применяют силу. Второе свидетельствует о насильственных действиях задержанного лица. ЕСПЧ считает, что немецкие суды, приняв решение потребовать удаления и размытия лица сотрудника полиции, провели успешный баланс между свободой выражения мнений и защитой частной жизни (п. 45). Но тот факт, что судебный запрет также распространяется на второе видео, а также на будущие публикации, является нарушающим баланс противоречивых интересов. Он подчеркивает, что освещение в средствах массовой информации применения силы государственными должностными лицами имеет особое значение в демократическом обществе (пункт 42).

Проведенный анализ судебной практики ЕСПЧ позволяет сделать некоторые выводы. В вопросе защиты права на изображение сотрудников полиции, как и иных персональных данных сохраняется значительная неопределенность. В частности, и у сотрудников, и у граждан нет ясного представления о том: запрещено или разрешено снимать или фотографировать сотрудников полиции в форме, находящихся в общественных местах; разрешено или запрещено снимать или фотографировать сотрудников полиции во время исполнения служебных обязанностей; при каких обстоятельствах полиция может потребовать от человека прекратить съемку; в каких случаях и при каких обстоятельствах распространение изображений сотрудников законно.

При этом общий подход к решению проблемы выработан. Право на изображение защищено статьей 8 Европейской конвенции о правах человека, а именно правом на защиту частной жизни. Степень, в которой то или иное деяние представляет собой нарушение неприкосновенности частной жизни, будет зависеть (в частности) от контекста, в котором создаются изображения, и того, как снятое на видео лицо будет рассматриваться в общественной жизни в результате

распространения или публикации изображения. Для этого необходимо учитывать степень узнаваемости лица.

Сотрудники полиции не исключаются из сферы действия права на защиту частной жизни при исполнении своих служебных обязанностей и могут, при необходимости, ссылаться на это право. Не любая публикация персональных данных так называемых публичных лиц в Интернете подпадает под действие журналистских целей.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2019. – № 3.
2. Affaire von Hannover c. Allemagne (No 2) 7 février 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-109027%22>].
3. CEDH 31 oct. 2023, BILD GMBH & CO. KG c/ Allemagne, n 9602/18 [anglais]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-228531%22>]
4. Guide sur l'article 10 de la Convention européenne des droits de l'homme (Справочник по статье 10 Европейской конвенции по правам человека) Mis à jour au 31 août 2022. Cour européenne des droits de l'homme. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Guide_Art_10_FRA.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности и педагогики, Орловский государственный институт культуры

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И НОВЫХ МЕДИА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В УПРАВЛЕНИИ СФЕРОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА И ТУРИЗМА

Статья посвящена анализу маркетинговых коммуникаций в Интернете и новых медиа, применяемых в управлении сферой социально-культурного сервиса и туризма. Значимость изложенного доказывают современные исследования в области маркетинга, подтверждающие наступление цифровой эпохи, характеризующейся передачей информации в цифровом виде, наличием цифровых коммуникаций между организацией социально-культурного сервиса и туризма и ее аудиториями, бурным развитием Интернета и новых медиа. Цифровые технологические средства дают организациям сферы социально-культурного сервиса и туризма дополнительный коммуникационный канал, с высокой скоростью передачи информации и обратной связью, а также значительно удешевляют коммуникационный процесс в целом. Тема статьи становится все более актуальной в связи с формированием и реализацией государственных проектов и программ, направленных на развитие цифровых технологий в отрасли культуры и туризма.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, Интернет, новые медиа, социально-культурный сервис, туризм.

AMELICHKIN Artem Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Social and cultural activities and pedagogy sub-faculty, Orel State Institute of Culture

MARKETING COMMUNICATIONS ON THE INTERNET AND NEW MEDIA USED IN THE MANAGEMENT OF THE SPHERE OF SOCIO-CULTURAL SERVICES AND TOURISM

The article is devoted to the analysis of marketing communications on the Internet and new media used in the management of the sphere of socio-cultural service and tourism. The importance of the above is proved by modern research in the field of marketing, confirming the advent of the digital age, characterized by the transfer of information in digital form, the presence of digital communication between the organization of socio-cultural services and tourism and its audiences, the rapid development of the Internet and new media. Digital technological tools provide organizations in the field of socio-cultural services and tourism with an additional communication channel, with a high speed of information transmission and feedback, as well as significantly reduce the cost of the communication process as a whole. The topic of the article is becoming increasingly relevant in connection with the formation and implementation of government projects and programs aimed at the development of digital technologies in the field of culture and tourism.

Keywords: marketing communications, Internet, new media, socio-cultural service, tourism.

В современных социально-экономических условиях особенно важно изучение коммуникативных процессов в управлении сферой социально-культурного сервиса и туризма. Слово «коммуникация» происходит от латинского «*communico*» – «связываю, общаюсь». В современной научно-исследовательской литературе выделяют две наиболее распространенные парадигмы к описанию коммуникаций: механистический и деятельностный подход. В механистической парадигме под коммуникацией понимается односторонний процесс передачи информации от источника и дальнейший прием ее получателем сообщения. В деятельностной парадигме коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникаций (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на процессы (мы придерживаемся последнего подхода).

Схематично процесс коммуникации изображен на рис. 1. Выделяют двух основных участников процесса коммуникации: отправителя и получателя. Отметим,

что процесс коммуникации имеет ответную реакцию со стороны получателя. Процесс маркетинговой коммуникации несущественно отличается от процесса коммуникации в целом. Специфика заключается в объекте и предмете исследования.

Для более полного и системного анализа дефиниции «маркетинговые коммуникации в Интернете и новых медиа» рассмотрим ее более детально.

Г. Л. Багиев, В. М. Тарасевич, Х. Анн дают следующее определение: «Маркетинговые коммуникации – это процесс взаимодействия субъектов маркетинговой системы по поводу согласования и принятия тактических и стратегических решений в маркетинговой деятельности» [5, с. 506].

Е. П. Голубков констатирует, что «маркетинговые коммуникации как инструмент продвижения продукта предполагают совокупность различных видов деятельности по доведению информации о достоинствах продукта до потенциальных потребителей и стимулированию возникновения у них желания его купить» [6, с. 417].

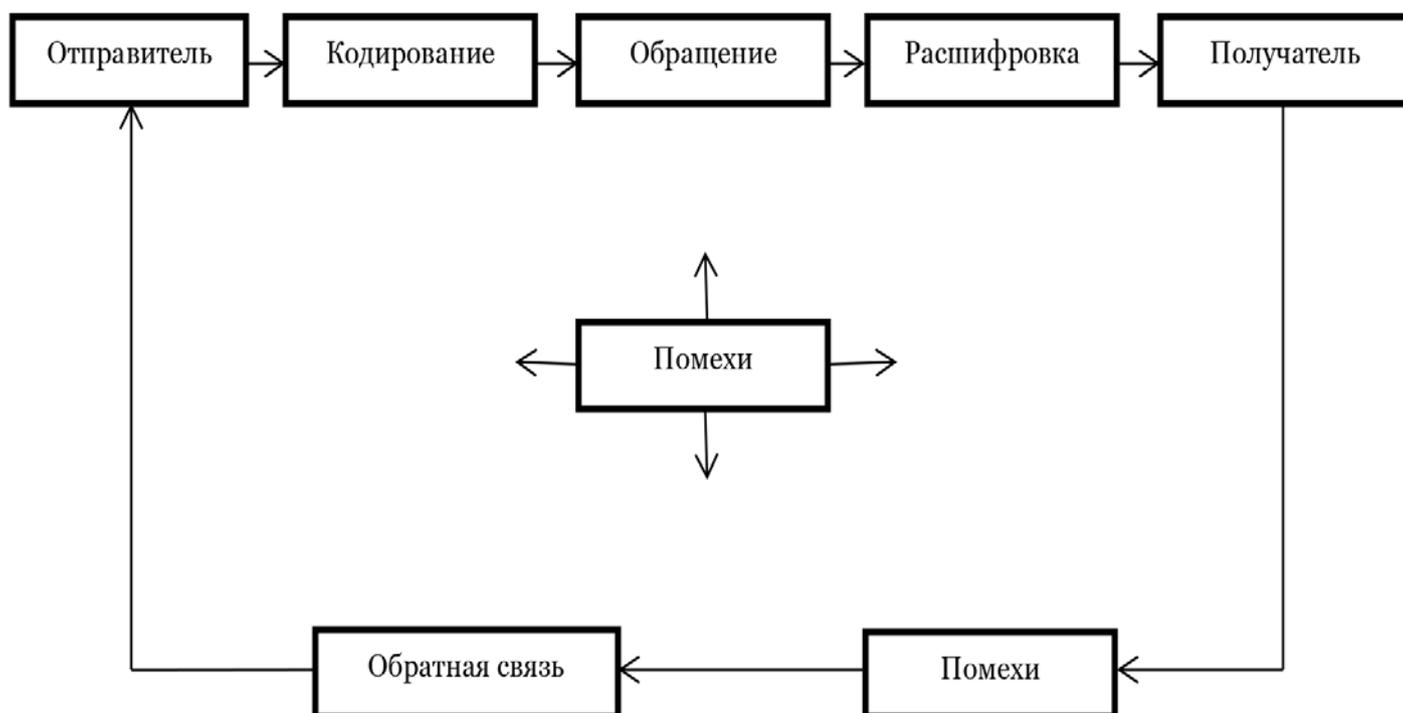

Рисунок 1. Схема коммуникационного процесса

Термин «Интернет-маркетинг» вошел в академическую среду и получил широкое распространение в начале 1990-х годов. В настоящее время Интернет проник во все области жизнедеятельности людей, включая социально-культурный сервис и туризм.

В русском орфографическом словаре под редакцией В.В. Лопатина Интернет понимается как «всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации» [7, с. 243].

Р. Нойман отмечает, что «новые медиа – это термин, который обозначает компьютерные, цифровые технологии и сетевые коммуникации» [8]. С развитием технологий и появлением интернета наблюдается стремительная трансформация медиа. Традиционные средства массовой информации превращаются в мультимедийные и повсеместно используют различные современные технологии в своей работе: цифровая обработка изображений, социальные медиа, каналы в мессенджерах, прямые трансляции в Интернет, лонгриды, мобильные приложения и многие другие.

А. М. Предеин под интернет-маркетингом понимает «разновидность маркетинговой деятельности с использованием коммуникаций интернета» [11, с. 19].

А. В. Амеличкин трактует маркетинговые коммуникации в Интернете и новых медиа, как «совокупность действий организации на основе использования инструментов Интернет-маркетинга, сетевых коммуникаций, компьютерных и цифровых технологий, которые направлены на донесение информации до целевой аудитории» [3, с. 17]. Автор отмечает, что «используют следующие основные инструменты маркетинговых коммуникаций в Интернете и новых медиа: реклама в Интернете и новых

медиа, связи с общественностью в Интернете и новых медиа, брендинг в Интернете и новых медиа, стимулирование сбыта в Интернете и новых медиа, веб-сайт, социальные медиа, списки рассылки и e-mail-маркетинг» [3, с. 18]. Каждый из инструментов цифрового маркетинга имеет более высокие результаты при использовании по назначению и / или в сочетании с другими инструментами продвижения.

В настоящее время культура маркетинговой деятельности формируется и активно развивается в сфере социально-культурного сервиса и туризма. Организации внедряют достижения практического маркетинга и его теоретические осмысления, совершенствуют маркетинговую стратегию, активно занимаются проектированием и управлением коммуникационными процессами в Интернете и новых медиа. На всех стадиях жизненного цикла организация сферы социально-культурного сервиса и туризма нуждается в обретении потребительской лояльности за счет сформированного положительного имиджа посредством системного взаимодействия с потребителями услуг в информационно-цифровом пространстве.

Повсеместное внедрение цифровых технологий в сферу социально-культурного сервиса и туризма предъявляет новые требования к выпускникам профильных вузов на рынке труда. Работодатель сегодня нуждается в специалистах, владеющих опытом внедрения цифровых технологий в практику социокультурного взаимодействия. Использование технологий проектирования маркетинговых коммуникаций в цифровой среде способствует развитию навыков в области применения инструментов Интернет-маркетинга, сетевых и компьютерно-опосредованных коммуникаций в современных условиях.

Таким образом, цифровая инфраструктура быстро развивается, число пользователей Интернета постоянно и системно увеличивается, поэтому цифровой маркетинг играет значимую роль в каждой организации, и хозяйствующие субъекты, работающие в сфере социально-культурного сервиса и туризма, не являются здесь исключением. Системная работа в области цифрового маркетинга может привлечь новых и установить связь с постоянными клиентами. Поэтому маркетинговые коммуникации в Интернете и новых медиа обретают значение одного из наиболее востребованных коммуникативных инструментов, во многом определяющего эффективность всей конкурентной стратегии хозяйствующего субъекта. В условиях экономической неопределенности, изменения потребительского поведения, санкционного давления менеджеру организации сферы социально-культурного сервиса и туризма нужно выстроить устойчивую и эффективную систему управления традиционными и цифровыми маркетинговыми коммуникациями. Однако у большинства отечественных хозяйствующих субъектов данной отрасли преобладают нереализованные маркетинговые возможности, а упрощенная система горизонтальной и вертикальной интеграции маркетинговых коммуникаций в Интернете и новых медиа не способствует системной организации бизнес-процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Акулич М. В. Интернет-маркетинг: Учебник для бакалавров. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. - 352 с.
2. Амеличкин А. В. Интернет-маркетинг организаций сектора креативных индустрий // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 1 (176). - С. 406-407.
3. Амеличкин А. В. Маркетинговые коммуникации в Интернете и новых медиа: учебно-методическое пособие для магистрантов. - Орел: ОГИК, 2022. - 117 с.
4. Анненкова А. А., Амеличкин А. В., Соболева Ю. П. Инновационные маркетинговые коммуникации в учреждениях социально-культурной сферы // Вестник академии знаний. - 2022. - № 52 (5). - С. 18-23.
5. Багиев Г. Л., Тарасевич В. М., Анн Х. Маркетинг: учебник для вузов; под общ. ред. Г. Л. Багиева. 3-е изд. - СПб.: Питер, 2007. - 736 с.
6. Голубков Е. П. Основы маркетинга. - М.: Финпресс, 2008. - 704 с.
7. Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина. 4-е. - М.: АСТ-пресс книга, 2013. - С. 243.
8. Что такое Новые медиа, или digital-глобализация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amdg.ru/blog/new-media> (дата обращения: 30.09.2024).
9. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности: учебник; под ред. А. Л. Абаева, В. А. Алексунина, М. Т. Гуриевой. 3-е изд., перераб. - М.: Дашков и К°, 2021. - 433 с.
10. Перепелкин И. Н. Дунаев Р. А., Савотченко С. Е. Электронные библиотеки и их место в организации удаленных форм информационного обслуживания // Образование и культурное пространство. - 2024. - № 1. – С. 149-156.
11. Предеин А. М. Эффективность маркетинговых коммуникаций в сети Интернет: дис. ...канд. экон.наук. – Екатеринбург, 2009.
12. Труфанов А. С. PR в системе маркетинговых коммуникаций в организациях сферы туризма // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства: материалы XI международной научно-практической конференции. - Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2024. - С. 299-301.
13. Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Маркетинг в сфере культуры: учебное пособие. - СПб: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2009. - 496 с.
14. Шевченко Д. А. Цифровой маркетинг: учебник. - М.: Директ-Медиа, 2022. - 185 с.
15. Шпырня О. В. Организация комплекса маркетинговых коммуникаций туроператоров, функционирующих в сфере внутреннего туризма. Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. - Краснодар: КГУФКСТ, 2024. - № 1. - С. 159-162.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-513-514

БУЙВОЛ Елизавета Андреевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ТКАЧЕНКО Славяна Дмитриевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

КОНЦЕПЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКОЙ БИОТЕХНОЛОГИИ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Международные частноправовые отношения характеризуются высокой степенью свободы, что проявляется в возможности сторон выбрать применимое право и юрисдикционный орган. Правила ст. 1210 ГК РФ, закрепляющие выбор применимого права, имеют определенные особенности, как следствие, в договорной и судебной практике возникают сложности. Таким неоднозначным вопросом является возможность выбора применимого права к части контракта, получившим название в доктрине «юридическая биотехнология». Проблема заключается в отсутствии в ГК РФ определения части контракта, что значительно затрудняет сторонам возможность реализовать на практике положение п. 4 ст. 1210 ГК РФ. В результате, юрисдикционные органы вынуждены игнорировать некорректные соглашения сторон и определять применимое право на основе коллизионных норм. Избежать такой ситуации можно путем включения в закон определения части контракта.

Ключевые слова: коллизионная норма, международные контракты, компетентный правопорядок, юридическая биотехнология, международный договор.

BUIVOL Elizaveta Andreevna

4th year undergraduate student, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International, private and business law and entrepreneurial law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

TKACHENKO Slavyana Dmitrievna

4th year undergraduate student, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

THE CONCEPT OF «LEGAL BIOTECHNOLOGY» IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW

International private law relations are characterized by a high degree of freedom, which is manifested in the ability of the parties to choose the applicable law and the jurisdictional body. The rules of Art. 1210 of the Civil Code of the Russian Federation, which establish the choice of the applicable law, have certain features, as a result of which difficulties arise in contractual and judicial practice. Such an ambiguous issue is the ability to choose the applicable law to a part of the contract, which is called "legal biotechnology" in the doctrine. The problem lies in the absence of a definition of a part of the contract in the Civil Code of the Russian Federation, which significantly complicates the parties' ability to implement in practice the provisions of paragraph 4 of Art. 1210 of the Civil Code of the Russian Federation. As a result, jurisdictional bodies are forced to ignore incorrect agreements of the parties and determine the applicable law on the basis of conflict of laws rules. This situation can be avoided by including a definition of a part of the contract in the law.

Keywords: conflict of laws rule, international contracts, competent legal order, legal biotechnology, international treaty.

В доктрине международного частного права под «юридической биотехнологией» понимают совокупность различных правопорядков, применимых к части трансграничных отношений, вытекающих из международных контрактов. Впервые термин «юридическая биотехнология» применил А. А. Рубанов, который указывал, что правовая система государства является единым целым, и когда участники договора используют нормы различных государств, они фактически игнорируют это обстоятельство [1]. Концепция «юридической биотехнологии» была сформулирована А. А. Рубановым, однако исторический анализ показывает, что фактически определенные ее элементы применялись уже в средние века. Указанная концепция связана с тем, что стороны имеют право выбрать право, которое будет применяться к части договора, иначе суды сами определяют, какие акты будут применены к конкретному спору.

В. Л. Толстых также отмечал, что реализация указанной концепции на практике не способствует защите прав участников. При разрешении споров в такой ситуации судам приходится сталкиваться с различными сложностями, связанными с применением норм различных государств, что значительно увеличивает трудоемкость процесса определения компетентного правопорядка [2].

Нормативная регламентация возможностей применения норм различных правовых систем к международному контракту в настоящее время включена в международные и национальные акты. Так, например в 2015 г. были приняты «Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам», которые содержат правило о возможности выбора права к части контракта его сторонами. Аналогичное положение содержится в Принципах УНИ-ДРУА, Европейских принципах договорного права. В ряде иностранных государств приняты законы о международном

частном праве, например в Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Польше, Швейцарии и других государствах, в которых закреплена возможность выбора права к определенной группе отношений, связанных с контрактом [3].

В науке имеются как противники, так и сторонники концепции «юридической биотехнологии». Анализ иностранного нормативного законодательства показал, что она в различной степени реализуется во многих государствах, применительно к трансграничным торговым, наследственным отношениям.

Необходимо отметить, что в советский период нормы, позволяющие выбрать право, применимое к сделкам с иностранным элементом, в законодательстве отсутствовали. В доктрине неоднократно обращалось внимание на недопустимость произвольного выбора права сторонами контракта, в том числе и к его части. В дальнейшем отечественный законодатель изменил свою позицию. Пункт 4 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что «стороны договора могут выбрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей». Иногда стороны могут указать, что к отношениям, связанным с договором применимо право нескольких государств, например, Российской Федерации и Кубы [4]. Однако, какое право применяется к конкретной части контракта сторонами не указано. Соответственно, суды оставляют такое соглашение о выборе права без внимания, и им придется определять компетентное право на основании коллизионных норм.

Иногда суды, при рассмотрении споров, приходят к выводу о том, что к конкретному договору необходимо применить правовые системы нескольких государств согласно соглашению сторон. Например, Арбитражный суд Омской области при рассмотрении спора, вытекающего из договора лизинга, пришел к выводу о том, что к вопросам взыскания неоплаченных лизинговых платежей необходимо применить шведское законодательство, а к вопросу изъятия имущества право Российской Федерации. Такое решение обусловлено тем, что стороны в договоре прямо определили возможность выбора применимого права к части контракта.

МКАС при ТПП РФ рассматривал спор между компаниями, которые находятся на территории Гонконга и России. Несмотря на то, что Гонконг территориально относится к Китаю, историческое развитие привело к тому, что Гонконг является особым районом, имеющим высокую степень автономии, является самостоятельной таможенной территорией, и, исходя из имеющихся особенностей, отношения между компаниями из России и Гонконга рассматриваются как отношения с иностранным элементом. Стороны указали, что к их отношениям применяется право Российской Федерации и Гонконга, а будущие споры может рассматриваться в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ. При рассмотрении дела арбитраж указал на то, что сторонами не было прямо исключено использование Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которая является элементом правовой системы России. При указанном подходе арбитрами были применены положения указанной Конвенции, а к вопросам, которые ею не регулируются, нормы российского права, как права страны продавца.

Некоторые исследователи закономерно предлагают включить в отечественное законодательство определение понятия части договора. Ученые называют ее «юридически отделяемая часть договора» Они высказывают интересное мнение о том, что реализация конструкции юридической

биотехнологии на практике целесообразна при заключении международного контракта, который представляет собой единый документ, однако фактически состоит из нескольких самостоятельных соглашений, например договор лизинга [5]. Следует согласиться с указанным предложением.

Проведенный анализ отечественной судебной практики, а также решений МКАС при ТПП РФ показал, что стороны иногда выбирают применимое право к части международного контракта, при этом, определение части контракта в законодательстве отсутствует. Поэтому стороны нередко дробят логически завершенную часть контракта на еще более мелкие части, полагая, что они таким образом реализуют положения п. 4 ст. 1210 ГК РФ. Однако это не так, поэтому правоприменительные органы вынуждены игнорировать такой выбор сторон, приходя к выводу о возможности применения норм одного государства, определяя его с помощью коллизионных норм.

Теоретический и практический анализ концепции юридической биотехнологии, показал, что у этого института имеются, как положительные, так и отрицательные стороны. Его практическое применение требует качественной юридической техники, в результате которой в разд. VI ГК РФ должно появиться определение части контракта, как логически завершенного и автономного раздела договора. Суды игнорируют оговорку о применимом праве в том случае, если стороны оговорили одновременное применение к контракту нескольких правовых систем, либо выбрали компетентное право к отдельным положениям части контракта. Правоприменительным органам также требуется определенная подготовка по формированию навыков рассмотрения подобных споров, особенно актуально это для государственных арбитражных судов.

Пристатейный библиографический список

1. Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М.: Наука, 1984. – С. 48.
2. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – С. 68.
3. Глинщикова Т. В. Проблемы определения применимого права к договору международного факторинга // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 135-137.
4. Решение МКАС при ТПП РФ от 16.06.1994 по делу № 57/1994 // Розенберг М. Г. Международные договоры и иностранное право в практике международного коммерческого арбитражного суда. – М., 2008. – С. 28-29.
5. Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2009. – С. 30.

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

ведущий научный сотрудник, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается процесс внедрения искусственных технологий в служебную деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы. Развитие цифровой трансформации предполагает взаимодействие государственного и частного секторов, а также решение вопросов и проблем, связанных с внедрением искусственного интеллекта в систему безопасности уголовно-исполнительной системы. К числу заметных проблем относятся высокие затраты, неоптимальный технологический дизайн, нехватка квалифицированных кадров, устаревшая инфраструктура.

Ключевые слова: цифровизация, умная тюрьма, инновационные технологии, алгоритм, уголовно-исполнительная система

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, chief researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich

leading researcher, Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL TECHNOLOGIES IN THE PENAL SYSTEM: ADVANTAGES AND LIMITATIONS

The article examines the process of introducing artificial technologies into the official activities of employees of the penal system. The development of digital transformation involves the interaction of the public and private sectors, as well as solving issues and problems related to the introduction of artificial intelligence into the security system of the penal system. Notable problems include high costs, suboptimal technological design, lack of qualified personnel, outdated infrastructure.

Keywords: digitalization, smart prison, innovative technologies, algorithm, penal system.

На текущий момент цифровизация во всех сферах жизнедеятельности в Российской Федерации охватывает от 70 % до 100 % участников — региональных представителей, бюджетных организаций и частных компаний. К 2030 году цифровизация может достигнуть почти 100 % [1]. Начиная с 2020 года вектором развития цифровизации стал Указ Президента от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», [2] который утратил свою силу в связи с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», согласно которому одной из национальных целей страны является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [3]. Различные органы государственной и исполнительной власти, включая Федеральную службу исполнения наказаний России внедряют в свою деятельность инструменты, алгоритмы искусственного интеллекта. Авторы отмечают, что цифровая трансформация — это сложный процесс, который включает в себя не только внедрение и интеграцию информационных технологий в различные аспекты организации, но также размышления и наблюдения за тем, в какой степени внедряемые процессы могут быть использованы для повышения безопасности, эффективности и достижения одной из национальной цели страны [4].

Внедрение интеллектуальных технологий в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации необходимо тщательно продумывать и осторожно подходить к концепции «умная тюрьма», которая стала актуальной в связи с растущими проблемами традиционных пенитенциарных учреждений в разных странах, включая переполненность учреждений, недостатки в вопросах безопасности, нехватки квалифицированных кадров, ресоциализации осужденных, ограниченность в финансовых ресурсах и другое [5], [6]. Для выделения направлений внедрения цифровой трансформации в пенитенциарную систему страны, авторами были проанализированы труды отечественных и зарубежных исследователей в данной области, которые сходятся на том, что внедрение цифровой трансформации в пенитенциарную систему — это построение «умной тюрьмы».

Согласно работам Пуолакки, «умная тюрьма» определяется как учреждение с внедрением передовых технологий направленных на снижение уровня рецидива и содействие успешной реинтеграции, являющейся эффективной во всех сферах управления пенитенциарным учреждением [7].

Обратим внимание, что термин «умная» направлен на улучшение повседневной жизни путем объединения физических и цифровых элементов с помощью встроенных датчиков. Этот сдвиг парадигмы включает комплексный анализ деятельности с помощью больших данных для повышения производительности и улучшения образа жизни. Отсюда

следует, что «умная тюрьма» — это новая концепция, ориентированная на цифровые услуги с целью эффективного контроля и управления, оптимизации кадровой службы пенитенциарной системы, реабилитации, получения образования и социальной реинтеграции осужденных.

Но для реализации данной концепции требуются огромные финансовые вложения по внедрению передовых информационных технологий, таких как системы наблюдения и цифрового управления, включая биометрическую аутентификацию. Эти расходы включают первоначальную покупку, установку и текущее обслуживание оборудования, что может истощить и без того ограниченные бюджетные средства, выделяемые исправительным учреждениям. Некачественная настройка технического оборудования может привести к тому, что системы не будут должным образом интегрироваться с существующей инфраструктурой или не будут соответствовать конкретным потребностям учреждения, тем самым снижая эффективность.

Успешное внедрение интеллектуальных технологий требует от персонала исправительного учреждения обладание качественным образованием, с помощью которого можно качественно эксплуатировать и обслуживать системы. Однако во многих пенитенциарных учреждениях отсутствуют комплексные программы обучения, что препятствует эффективному использованию новых технологий [8], [9].

Консервативная природа пенитенциарной системы оказывает влияние на длительность процесса, связанного с внедрением интеллектуальных технологий. Эта сложность возникает из-за необходимости обширной проверки, соблюдения строгих правил, приказов безопасности и тщательно-му пилотному тестированию.

Искусственный интеллект может использоваться для улучшения изображений в камерах с низким качеством и часто может сделать их читаемыми в определенных случаях, когда ручной просмотр не дает результата. Эти инструменты также могут создавать географические зоны или «виртуальные заборы», чтобы точно определить, какие транспортные средства въезжают и выезжают из географической границы или юрисдикции.

Системы искусственного интеллекта, оснащенные акустическими датчиками, могут анализировать звуковые картины в режиме реального времени, чтобы обнаруживать и точно определять местоположение выстрелов. Эта технология позволяет сократить время реагирования, повышает безопасность сотрудников и потенциально может предотвратить дальнейшее насилие.

Инструменты искусственного интеллекта могут обрабатывать и анализировать большие объемы данных из различных источников больших данных, включая отчеты о преступлениях, камеры наблюдения, ленты социальных сетей и публичные записи. Это позволяет сотрудникам раскрывать информацию, выявлять закономерности, выявлять тенденции, которые могут помочь в уголовных расследованиях, оставаться в курсе потенциальных угроз и быстро реагировать.

В заключении следует сказать, что цифровая трансформация представляет собой совокупность процессов, объединений с интеграцией и адаптацией, которые последовательно развиваются. Цифровая трансформация в уголовно-исполнительной системе призвана автоматизировать различные административные задачи, а именно: ведение учета осужденных, планирование, распределение ресурсов, снижение административной нагрузки на персонал и мини-

мизация риска человеческих ошибок. С внедрением искусственных технологий в пенитенциарную систему работа руководства исправительных учреждений деформируется и становится более эффективной.

Пристатейный библиографический список

1. Цифровизация в России: четыре ключевых сферы жизни». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://exonproject.ru/czifrovizacziya-v-rossii-chetyre-klyuchevyh-sfery-zhizni/> (дата обращения: 21.10.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/74404210/> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
4. Козин М. Н., Радченко Е. П. Оценка показателей цифровизации экономики как драйвер технологического развития и стратегического обеспечения национальных интересов страны // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. - 2024. - № 3. - С. 218-222
5. G. Vial «Understanding digital transformation: a review and a research agenda» in *Managing digital transformation*, pp. 13-66, Routledge, 2019.
6. P. Sun and P. Sun. Evaluation indicators for smart prison, in *Smart Prisons*, 2022.
7. Pia Puolakka Criminal Sanctions Agency, Finland EuroPris ICT workshop, 30.9.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.europris.org/wp-content/uploads/2020/10/Pia-Puolakka-Smart-Prisons-Finland.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
8. C. McDougall, D. A. S. Pearson, D. J. Torgerson, and M. Garcia-Reyes. The effect of digital technology on prisoner behavior and reoffending: a natural stepped-wedge design // *Journal of Experimental Criminology*. - 2017. - Vol. 13. № 4. - P. 455-482.
9. M. A. M. Aldhaeri, B. Xia, and M. Nepal. Identifying key selection criteria for smart building technologies in the United Arab Emirates prison // *Buildings*. - 2022. - Vol. 12. - № 8. - P. 1171.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-517-519

ЧУМЛЯКОВ Кирилл Станиславович

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технологических систем, Тюменский индустриальный университет

ЧУМЛЯКОВА Дарья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет

ИГНАТЮК Юлия Леонидовна

кандидат философских наук, доцент кафедры интеллектуальных систем и технологий, Тюменский индустриальный университет

ФОРМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗВЕНЬЕВ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Статья посвящена исследованию такого процесса развития международных хозяйственных связей, как интернационализация. Концептуально интернационализация относится к характеристикам глобализации и является ее основной составляющей. Представлен обзор некоторых распространенных современных подходов к пониманию интернационализации, приведены три формы интернационализации применительно к области международной транспортной инфраструктуры, генерирующие международные технологические, экономические и финансовые связи.

Ключевые слова: интернационализация, международная транспортная инфраструктура, международные транспортные коридоры, интеграция.

CHUMLYAKOV Kirill Stanislavovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technological systems sub-faculty, Tyumen Industrial University

CHUMLYAKOVA Darya Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and production organization sub-faculty, Tyumen Industrial University

IGNATYUK Yuliya Leonidovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Intelligent systems and technologies sub-faculty, Tyumen Industrial University

FORMS OF INTERNATIONALIZATION OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE LINKS

The article is devoted to the research of such a process of development of international economic relations as internationalization. Conceptually, internationalization refers to the characteristics of globalization and is its main component. An overview of some common modern approaches to understanding internationalization is presented; three forms of internationalization are given in relation to the field of international transport infrastructure, generating international technological, economic and financial links.

Keywords: internationalization, international transport infrastructure, international transport corridors, integration.

Экономическая интернационализация представляет собой одну из отличительных черт и характеристик глобализации, является основной ее составляющей. С момента начала научного изучения этого явления, были выявлены основные параметры интернационализации, этапы развития, предпосылки, направления, модели, формы [3].

Исследование процессов интернационализации нашло свое отражение во многих работах как иностранных, так и российских ученых, в различных научных областях. При этом интегрированного определения, используемого тем или иным автором, не существует, и интернационализация в научной литературе чаще освещается в широком понимании или как процесс развития, или как международная деятельность компаний, или как форма инвестиций и т.д. [4]. К примеру, в области международных инвестиций авторы Т. Р. Гареев и В. П. Жданов вкладывают в понимание процесса интернационализации «осуществление фундаментального выбора между инвестированием в собственные производственные активы за рубежом или использование иных форм проникновения на внешние рынки, таких как экспортные операции либо различные типы контрактных отношений... Интернационализация – процесс переноса элементов бизне-

са (цепочки ценности) на международный рынок (на рынки зарубежных стран)» [1].

Исследуя деятельность российских строительных компаний при вхождении на зарубежные рынки, А. Ю. Панибратов наблюдает «последовательный и организованный процесс увеличения международной вовлеченности компании и связанные с ним изменения в организационных формах бизнеса, процесс приспособления действий компании к международной окружающей среде, установления и реализации взаимоотношений с предприятиями других стран» [4].

Российские исследователи в области образовательной политики И. В. Аржанова, М. Ю. Барышникова и соавторы раскрыли тенденции и трансформации интернационализации в образовательном процессе, при этом особое внимание было уделено изучению зарубежного опыта интернационализации высшего образования, совершенствованию национальной политики в области высшего образования и реализации стратегий развития образовательных учреждений [2].

В свою очередь, иностранные ученые J. Knight, H. De Wit применительно к области образования под процессами интернационализации подразумевают важнейший ресурс развития, отражающий процесс интеграции международного,

Таблица 1

Формы интернационализации ЗТИ	Преимущества	Недостатки
Создание международных транспортных инфраструктур и формирование МТК	<ul style="list-style-type: none"> – включение новых грузопотоков в МТК; – вовлечение макрорегионов в процессы экономической интеграции; – доступность для транспортировки экспортируемых и импортируемых товаров; – развитие международного транзита; – уменьшение расстояния перевозок контейнеров и сокращение стоимости перевозки. 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость крупного финансирования; – ограничения тарифного регулирования из-за технико-технологических особенностей перевозок; – необходимость унификации правил перевозки по МТК; – неравномерность пространственного развития территорий.
Интернационализация транспортных услуг	<ul style="list-style-type: none"> – участие в международной торговле услугами; – рост конкуренции на рынке транспортных услуг; – развитие международной логистики; – снятие традиционных национальных таможенных, торговых, транспортных и других барьеров. 	<ul style="list-style-type: none"> – затраты на адаптацию к международным условиям рынка перевозок; – требование страхования грузов и транспортного сервиса; – дорогостоящее оснащение инфраструктуры перегрузочным оборудованием, транспортной техникой и подвижным составом; – ограничения на движение и зависимость от инфраструктуры.
Формирование финансовых взаимосвязей национальных транспортных систем	<ul style="list-style-type: none"> – участие в международной торговле товарами; – участие в международном движении капитала; – снижение дефицита финансов в мировой экономике; – снижение межнациональных транзакционных издержек. 	<ul style="list-style-type: none"> – нестабильность финансовых систем в макрорегионе ЗТИ; – зависимость мировой экономики от деятельности транспортных систем; – мировой кризис.

межкультурного и глобального измерения во все аспекты деятельности (цели, функции и процессы) через развитие стратегических партнерств [12]. Также, изучая область высшего образования, Е. Jones описывает интернационализацию как комплексный подход, включающий студенческую мобильность, набор иностранных студентов, адаптацию учебных программ, подготовку студентов к глобально взаимосвязанному миру, развитие глобально компетентного персонала [11].

В области инфраструктурного развития иностранные ученые J. F. Auger, J. J. Bouma, R. Künneke утверждают, что интернационализация относится к растущим сетевым взаимосвязям инфраструктур через границы и, как следствие, созданию международной организации для их эксплуатации, а также развитию международных институтов для управления ими [10].

По существу, дискуссии в отношении понятия интернационализации продолжаются. Как замечено, попытки структурировать понятие интернационализации встречаются все чаще, ученые создают подкатегории, выделяют новые качества в рамках своей области исследования. Более того, понимание данного явления различными учеными в экономической науке достаточно разностороннее, понятие интернационализации многоаспектное, а процессы интернационализации могут быть представлены в самых различных формах и форматах [8].

Важнейшим инструментом, способствующим экономической интернационализации, является международная транспортная инфраструктура (МТИ) [6]. Интернационализация транспорта находит свое отражение в создании международных транспортных систем различного уровня [3], например, международных транспортных коридоров

(МТК) [7]. Поэтому далее рассмотрим формы проявления интернационализации в области МТИ, генерирующие международные технологические, экономические и финансовые связи. Так, интернационализация звеньев транспортной инфраструктуры (ЗТИ) может проявляться в трех формах:

1) создание международных транспортных инфраструктур и формирование МТК в процессе всесторонней экономической интеграции на пространстве континентов, интеграция национальных транспортных систем, реализация других значимых интеграционных транспортно-инфраструктурных проектов, лежащих в основе обустройства глобального мирового пространства;

2) интернационализация транспортных услуг, которая заключается в интеграции деятельности национальных организаций транспорта в глобальное пространство мирохозяйственных связей, развитии транспортной логистики, мультимодальных контейнерных перевозок и международной торговли между географически удаленными территориями в целом;

3) формирование финансовых взаимосвязей национальных транспортных систем, что проявляется в оптимизации потоков, снижении издержек, структурных изменениях, в реализации модели международного сотрудничества, предусматривающей единую транспортную политику, гармонизированное и унифицированное транспортное законодательство с более низкими тарифами и лучшими финансовыми и другими условиями.

Между тем, как у любого другого интеграционного процесса, у интернационализации транспортной инфраструктуры помимо преимуществ есть и недостатки. Некоторые преимущества и недостатков приведены в таблице 1.

Уровень интернационализации того или иного хозяйства определяется рядом показателей – экспортной квотой, импортной квотой, внешнеторговой квотой, квотой участия в международной торговле. При оценке интернационализации ЗТИ можно использовать аналогичные показатели, адаптировав под общий макроэкономический показатель рыночную стоимость товаров и услуг, произведенных отраслями экономики и транспортной отрасли на конкретной территории, включаемой в мирохозяйственные отношения, в том числе вне зависимости от ее национальной принадлежности. К примеру, в данный момент определен потенциал макрорегиона УрФО для проведения интернационализации транспортной инфраструктуры на основании анализа его внешнеэкономической деятельности и оценки вовлеченности в процессы мирохозяйственной интеграции, сделан аргументированный вывод об экспортно-импортной и транзитной ориентации внешнеэкономической деятельности УрФО и стабильно высокой вовлеченности в процессы мирохозяйственной интеграции [5], [9].

В заключение отметим, что, несмотря на некоторые противоречия и недостатки, интернационализация ЗТИ – это процесс, содействующий формированию глобального транспортного и экономического пространства, способствующий развитию внешнеэкономической деятельности макрорегионов и стран, мировому экономическому взаимодействию на уровне международных интеграционных объединений.

Приставительный библиографический список

1. Гареев Т. Р., Жданов В. П. Обзор современных теорий интернационализации // Регион сотрудничества. – 2004. – № 17. – С. 32-44.
2. Аржанова И. В., Барышникова М. Ю., Брандербург У. [и др.]. Императивы интернационализации / Ответственные редакторы: М. В. Ларионова, О. В. Перфильева. – Москва: ООО «Издательская группа «Логос», 2013. – 420 с. – ISBN 978-5-98704-728-6.
3. Карачев И. А. Транснациональные корпорации в современной мировой экономике: учебно-методическое пособие / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2019. – 72 с.
4. Панибратов А. Ю. Стратегии интернационализации строительных компаний: предпосылки, направления и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2010. – № 1. – С. 61-86.
5. Петров М. Б., Чумляков К. С., Чумлякова Д. В., Игнатюк Ю. Л. Оценка потенциала и перспектив участия Уральского федерального округа в формировании евроазиатских транспортных коридоров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 10. – С. 28-41.
6. Чумляков К. С. Методологический подход к развитию международной транспортной инфраструктуры в условиях интернационализации мирохозяйственных связей // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: Материалы XVII международной научно-практической конференции молодых ученых, Екатеринбург, 11–12 марта 2020 года / Под общей редакцией Лавриковой Ю.Г. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2020. – С. 204-207.
7. Чумляков К. С. Транспортные коридоры России в мирохозяйственной интеграции / К. С. Чумляков. – Тюмень: Тюменский областной государственный институт развития регионального образования, 2016. – 184 с.
8. Чумляков К. С., Чумлякова Д. В. Интернационализация транспортной инфраструктуры: содержание понятия и направления // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 518-520. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-12-163-518-520.
9. Чумляков К. С. Оценка вовлеченности макрорегиона в процессы мирохозяйственной интеграции // Инновации. Интеллект. Культура: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий в Российской Федерации, 65-летию ТИУ, Году С. У. Ремезова в г. Тобольске, Тюмень, 23 апреля 2021 года. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. – С. 163-166.
10. Auger J. F., Bouma J. J., Künneke R. Internationalization of infra-structures // Internationalization of Infrastructures. – 2009. – 1.
11. Jones E. Internationalisation – Aid, Trade, Pervade // University World News. 2011. No 195. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.university-worldnews.com/post.php?story=20111029080116752> (date of access: 08.10.2024).
12. Knight J. Internationalization of Higher Education Practices and Priorities. – Paris: International Association of Universities (IAU), 2003.

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ХАБИБУЛЛИН Ильгам Галиевич

директор координационного центра по противодействию идеологии терроризма и экстремизма, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа

БИКИМБЕТОВ Руслан Гиниятович

кандидат педагогических наук, доцент, Башкирский государственный медицинский университет, г. Уфа

К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОСТИ ИНДИВИДА И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье исследуются проблемы духовности индивида и духовной безопасности общества. Рассматриваются причины и источники угроз духовности социального субъекта, его духовной самодостаточности, анализируется диалектическая взаимосвязь духовности социального субъекта и духовной безопасности и духовного суверенитета общества. Определяется роль духовности в обществе риска, в котором факторы случайности и риска становятся главными элементами, влияющими на векторы и тенденции общественного развития во всех сферах социальной жизни: экономическом, политическом, социальном и духовном. Общество риска, в результате прогрессирующей модернизации, технологизации и глобализации, приводит к постоянной трансформации ценностных ориентиров, и как следствие – к утрате механизмов личностной идентификации, социальной адаптации и социализации, ослаблению роли духовно-нравственных ориентиров в жизни субъекта и общества в целом.

Ключевые слова: общество, социальный субъект, духовность, духовная безопасность, духовный суверенитет, ценности.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty, Ufa State Petroleum Technical University

KHABIBULLIN Ilgam Galievich

Director of the Coordination Center for Countering the Ideology of Terrorism and Extremism, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa

BIKIMBETOV Ruslan Giniyatovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Bashkir State Medical University, Ufa

ON THE PROBLEM OF INDIVIDUAL SPIRITUALITY AND SPIRITUAL SECURITY OF SOCIETY

The article examines the problems of individual spirituality and spiritual security of society. It examines the causes and sources of threats to the spirituality of a social subject, its spiritual self-sufficiency, and analyzes the dialectical relationship between the spirituality of a social subject and the spiritual security and spiritual sovereignty of society. It defines the role of spirituality in a risk society, in which the factors of chance and risk become the main elements influencing the vectors and trends of social development in all spheres of social life: economic, political, social and spiritual. Risk society, as a result of progressive modernization, technologization and globalization, leads to a constant transformation of value orientations, and as a consequence - to the loss of mechanisms of personal identification, social adaptation and socialization, weakening the role of spiritual and moral orientations in the life of the subject and society as a whole.

Keywords: society, social subject, spirituality, spiritual security, spiritual sovereignty, values.

Проблема духовности и ее социально-философское освещение имеет почти возраст самой философии и на протяжении всех периодов исторического развития философских концепций, подходов и направлений знания в данной области не утрачивают своей актуальности. И значимость проблемы духовности только усиливается. Одновременно с интересом к человеку, его внутреннему миру, как объекту философской рефлексии, стремление понимать его сущность непосредственно связывается с состоянием и степенью развития духовности социального субъекта, осуществляющего свою жизнедеятельность в том или ином обществе. Уровень духовности социального субъекта и общества в целом продолжает выступать критерием оценки качества и содержательной наполненности общественного бытия. Во всех философских подходах, и это справедливо, степень общественного развития в целом и развития личности в частности определяется значимостью духовных факторов в структуре потребностей и интересов социального субъекта, в системе социальных, экономических и политических процессов и от-

ношений в обществе. Сущность и тенденции развития всех подсистем общества и их пронизанность духовным составляющим становится одним из главных показателей состоятельности и прогрессивности человеческого существования. Только тогда, когда духовность становится системообразующим элементом и смыслообразующим фактором социального и индивидуального бытия, общество вступает в свой этап стабильного и организованного развития.

Обращение к духовности, как смыслообразующему фактору индивидуального и социального бытия, встречается уже в самых первых философских трактовках сущности человека. Существуют множество трактовок духовного и духовности. Но есть смысловые элементы данного понятия, которые характерно для любой концепции духовности. «Духовность – высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности, находящиеся между собой в неиерархических взаимоотношениях» [1]. Как видно из приведенно-

го определения, объединяющим и формирующим идейную целостность понятия выступают: во-первых, наличие высоко нравственного начала в духовности, как необходимого условия определения границ мыслительной деятельности, человеческих поступков, поведения и образа жизни в целом; во-вторых, рассмотрение духовности как идеала и возвышенного, достижение которых требует со стороны социального субъекта устремленности и целенаправленной деятельности на основе самоанализа, самоограничения и самосовершенствования; в-третьих, признание тесной связи духовности с высшими человеческими ценностями, надындивидуальными смыслами; в-четвертых, необходимость согласованности индивидуального и общественного: с одной стороны, их единство, а с другой – оппозиционность и антагонистичность, в процессе противостояния которых, в зависимости от преобладания индивидуального и общественного, происходит духовный рост или деградация социального субъекта.

И уже в самых первых трактовках природы духовности человека определяются названные идейные основания духовности. Так, если для примера взять Древнюю Индию, видим, что в индийской философской традиции природа духовности человека раскрывается в объективном безличностном и надындивидуальном начале – «брахмане», представляющим собой высшую реальность, которой противопоставляется индивидуальное Я. Способность индивидуального Я выходить за свои пределы и сливаться с высшей реальностью определяет духовное состояние человека и его возможность раскрывать собственную высшую сущность и единственное предназначение. В отличие от восточной, в западной философской традиции проблема духовности не была непосредственно связана с религиозными воззрениями античного человека. У древнегреческих философов осмысление духовности находит свое проявление в философско-этической мысли. Именно с развитием этики в античной философии закладываются основы двух подходов в осмыслении природы духовности человека – светской и религиозной. В современных трактовках духовности до сих пор оба подхода актуальны. К тому же, древнегреческая философско-этическая мысль духовность выводит за пределы иррационального и трансинтеллектуального, т.е. она перестает быть только эмоционально-нравственным качеством, изначально заложенным в социального субъекта, а раскрывает ее через осмысление морали и добродетелей рационально. Начиная с античной традиции в основу духовности закладывается разумность и осмысленность, как необходимое условие нравственности. Осмысленность и разум, как необходимое условие функциональности духовности, обеспечивает баланс между интересами социального субъекта и общества, стабильность бытия, как социального субъекта, так и всего общества.

В настоящее время интерес к проблеме духовности только возрос, став объектом теоретического и практического исследования всех социально-гуманитарных наук. Причина усиления интереса к рассматриваемой проблеме связана с необходимостью объяснения реальных процессов современного общественного развития, выстраивания перспективных механизмов управления обществом, и самое главное, поиска возможных вариантов преодоления сложившейся ситуации перманентного кризиса в духовной сфере. Исследования возлагают большие надежды на прогностические, проектные и управленческие возможности и потенциал духовной сферы и связанных с ней духовных ценностей, как необходимое условие преодоления не только социальных противоречий, но и средство глобального преобразования всех сторон обще-

ственной жизни. То «общество риска», которое сложилось на рубеже XX-XXI вв. как всеохватывающее явление общественного развития, где усиливающиеся риски, угрозы и опасности становятся сопутствующим фактором и естественным состоянием современного общества. «Общество риска – risk society – современное общество, важнейшими характеристиками которого являются: социальные, экономические, политические и культурные условия производства институциональной неопределенности, увеличение фрагментарности, хаоса; утрата четкого разграничения между природой и культурой; стирание ранее возведенных границ между классами, нациями, людьми; количественное и качественное возрастание рисков» [2]. В результате прогрессирующей модернизации, технологизации и глобализации основными характеристиками общественного развития становится постоянная трансформация ценностных ориентиров, и как следствие – непредсказуемость социальных преобразований, утрата механизмов личностной идентификации, социальной адаптации и социализации, массовый психоз и ослабление роли духовно-нравственных ориентиров в жизни социального субъекта и общества в целом. В обществе, в котором по значимости духовная подсистема не уступала экономическим, политическим или социальным факторам, где социальный субъект выстраивал свои поведенческие стратегии на основе традиций, обычаев, религии и общечеловеческих ценностей, основанных на приоритете духовно-нравственного, то человек общества риска вынужден свой выбор обосновывать личным, коллективным или экспертным «риск-опытом». «Жить в эпоху «поздней современности» - значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [3].

В эпоху «поздней современности» факторы случайности и риска становятся главными элементами, влияющими на векторы и тенденции общественного развития во всех сферах социальной жизни: экономическом, политическом, социальном и духовном. Общество риска кардинально меняет роль и значимость духовного в общественном развитии. Это связано с тем, что экономическая, политическая и даже социальная стороны жизни общества способны трансформироваться под влиянием факторов случайности и риска, и приспосабливаться под ситуативные и скоротечные тенденции, тогда как духовная сторона общественной жизни не имеет такой широкий диапазон для изменений и приспособления к новым амплитудам социального развития. Трансформация сферы духовного не всегда приводит формированию новой жизнеспособной системы духовно-нравственных идеалов и ценностей, способных обеспечивать устойчивое и прогрессирующее развитие социального субъекта и всего общества. История человечества хорошо демонстрирует, что смена системы духовно-нравственных идеалов и ценностей общества возможна, но эти преобразования всегда связаны с глобальными потрясениями, глубокими кризисами социального развития. А эпоха «поздней современности» с ее темпами модернизации, глобализации и технологизации, превратившиеся в системное и естественное состояние общественной жизни, скорее всего, ставит вопрос не о способности социального субъекта приспособляться и вырабатывать новые системы духовно-нравственных идеалов и ценностей, а обостряет проблему жизнеспособности человечества в новых условиях.

В условиях новой социальной реальности, характеризующейся как общество риска, духовность глобализируется.

Это связано со стремлением, наравне с экономической, политической и социальной сферами общественной жизни, универсализации и сферы духовного. Несмотря на то, что духовность является надиндивидуальным, надсоциальным и общечеловеческим явлением, его корни связаны с традициями, обычаями и духовными культурными ценностями этноса или сосуществующих на одной территории этносов, сформировавшихся и выработанных в течении длительного времени, сопоставимого всей историей социальных образований. В этом отношении универсализация сферы духовного становится угрозой не только этнической и культурной идентичности социального субъекта, но затрагивает его духовную самодостаточность и обостряет проблему духовной безопасности человека и духовного суверенитета социальных групп, этносов и населения любого государства. Поэтому, на современном этапе развития общества, тенденции универсализации сферы духовности, если даже это происходит под прикрытием идей гуманизма, представляют собой угрозы и опасности духовной безопасности социального субъекта и духовного суверенитета общества.

Справедливости ради следует отметить, что угрозы духовной сфере, прежде всего, как этико-нравственные проблемы социального субъекта и всего общества существовали всегда. И на уровне отдельного социального субъекта, хотя можно допускать и как явление социальное, эти угрозы проявляются как противоборство духовности и бездуховности. Бездуховностью является осознанное или неосознанное пренебрежение этико-нравственными нормами общественных отношений, стремление ставить собственные интересы и потребности выше интересов окружающих и, в какой-то мере, утрата личностных качеств, определяющих степень социализации человека, как члена определенного и конкретного общества. Существует также и лжедуховность, когда реально духовное заменяется псевдодуховностью, которая основывается на заблуждениях, ошибочном восприятии или искажении истинной природы духовности, когда в общественной жизни преобладают псевдоценности, определяющие идеалы экономического, политического и социального развития. Явным проявлением лжедуховности является поляризация в понимании духовности, которая направлена на решение повседневных и краткосрочных проблем, и, как правило, решающих политические и экономические проблемы и проблемы социальных отношений. В западной философской мысли, как проявление лжедуховности, принято рассматривать те идеи и ценности, которые подавляют индивидуальную природу человека, его свободу и право на самовыражение в обществе, где «человек создан для него, как муравей для муравейника» [4]. Тут следует уточнить, воспетые А. Бергсоном неограниченные возможности и права индивида выходить за пределы систему табу, его права принимать личные решения и нести за них ответственность, приводит просто к полярному иллюзорному восприятию действительности и искаженному пониманию реальности, что характерно лжедуховности. Состояние перманентного духовного кризиса современного общества напрямую связано с идеями «открытого общества» А. Бергсона, К. Поппера, когда каждая личность сама определяет и строит свою жизнь за пределами ограничений и табу. Однако, они, критикуя тоталитарные и авторитарные режимы, в которых интересы и потребности государства, социальных институтов ставятся выше интересов индивида, пропагандируют идеи «открытого общества», в котором уже интересы и потребности отдельного индивида превалируют над интересами и потребностями остальных

членов общества. В «открытом обществе» основным критерием духовности человека становится его способность к критическому рационализму и преодолению «безликого коллективного разума». Основная угроза идеи безграничных прав и свобод индивида в своем инновационном творчестве и жизнедеятельности заключена в том, что только сам этот индивид определяет рамки собственной духовности и бездуховности на уровне своих когнитивных способностей. «Поздняя современность», наполненная идеями «открытого общества», не только нивелировала значение способности и необходимости духовной саморефлексии для социального субъекта, но и позволила индивиду единолично определять границы дозволенного и запретного. Безграничное право индивида на самовыражение не привело к осознанию им собственной ответственности в обществе, а породило новые угрозы в духовной сфере. К тому явный пример: идеи метамодерна в искусстве или неоправданное внимание в «открытых обществах» к проблемам гендерной идентичности. Разночтения в понимании границ прав и свобод, рамок творческих возможностей социального субъекта, стремление к универсализации духовности в планетарном масштабе и стремление разорвать историческую, культурную преемственность духовности вывели проблему на новый уровень – проблема духовности нельзя рассматривать только на уровне социального субъекта или социальной группы, а следует говорить о духовной безопасности всего человечества и духовного суверенитета целых государств.

Пристатейный библиографический список

1. Духовность. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epistemology_of_science.academic.ru/188/%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.
2. Кравченко С. А. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. – М.: Юрайт, 2015.
3. Giddens Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.
4. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Мысль, 1994. – С. 288.

ГУБАЧЕВ Михаил Николаевич

кандидат философских наук, Институт химических технологий и инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ

Статья рассматривает государственность как сложную конструкцию, формировавшуюся в результате общественного творчества и служащую инструментом выживания и развития сообществ. Автор подчеркивает, что государственность включает в себя исторически сложившиеся представления о правах, обязанностях и функциях государства, а также его институтов. Эти представления закреплены в исторической памяти, социальных взглядах и письменных источниках. Важным аспектом является то, что государственность не ограничивается административными функциями, но представляет собой совокупность идей, обосновывающих право на власть. Статья также акцентирует внимание на традициях российской мысли о власти и значении сохранения этого наследия для современности. Рассматривается исторический контекст возникновения властных институтов у восточных славян, включая призвание Рюрика, что символизирует начало российской государственности. В заключение раскрывается важность баланса между принципами «единодержавия» и «народоправия», а также необходимость защиты прав личности в контексте изменяющегося отношения к власти.

Ключевые слова: государственность, власть, права человека, историческая память, социальные взгляды, принципы управления, российская мысль, Рюрик, восточные славяне, народоправие.

GUBACHEV Mikhail Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, Institute of Chemical Technologies and Engineering, Ufa State Petroleum Technological University

ON THE QUESTION OF THE ORIGINS OF THE STATE-LEGAL TRADITION IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

The article considers statehood as a complex structure formed as a result of social creativity and serving as a tool for the survival and development of communities. The author emphasizes that statehood includes historically established ideas about the rights, duties and functions of the state, as well as its institutions. These ideas are fixed in historical memory, social views and written sources. An important aspect is that statehood is not limited to administrative functions, but represents a set of ideas justifying the right to power. The article also focuses on the traditions of Russian thought about power and the importance of preserving this heritage for modernity. The historical context of the emergence of power institutions among the Eastern Slavs is considered, including the vocation of Rurik, which symbolizes the beginning of Russian statehood. In conclusion, the importance of a balance between the principles of "one power" and "people's rights", as well as the need to protect individual rights in the context of changing attitudes to power, is revealed.

Keywords: statehood, power, human rights, historical memory, social views, principles of governance, Russian thought, Rurik, Eastern Slavs, people's rights.

Государство, следует признать, является сложной конструкцией человеческого разума, несомненно, это результат творчества всего общества. Оно и создавалось как инструмент сначала выживания людей, а потом и развития сообщества. Эти функции сохраняют свою актуальность и сегодня.

Государственность – это исторически и социально сложившаяся система представлений о правах и обязанностях, роли и функциях государства, всех его институтов, а также традициях государственного управления. Представления об этом закреплены в обществе в разных формах: в исторической памяти людей, в их социальных, психологических и религиозных взглядах, но, прежде всего, в письменных источниках и памятниках культуры. Заметим, что понятие «государственность» – это не только обозначение сложных процессов становления форм правления, не просто административная функция наведения порядка, в том числе защиты от врагов, или распределения благ. Это «совокупность идей, с помощью которых существующий режим обосновывает своё право на власть» [1, с. 22]. Государственность формируется у

граждан, прежде всего, представлениями социума о смысле Власти и её ответственности, какой бы по форме она ни была: монархической или республиканской, тоталитарной, авторитарной, унитарной или федеративной, демократической или деспотической.

Российская общественная мысль сохранила богатейшую традицию размышлений о природе власти, о сущности справедливо устроенного государства. Мы должны внимательно и бережно отнестись к этому наследию. Это тем более важно, что долгий исторический путь наших государственных институтов показывает изменяющееся отношение к правам личности.

Главной идеей российской государственности изначально было сохранение в той или иной форме самостоятельно избранной политической системы на основе баланса взаимодействия принципов «единодержавия» и «народоправия». Великий русский мыслитель И. А. Ильин так определил эти отношения: «Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подхо-

дящая к человеку... И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество... Оно не должно вторгаться в нравственный, повседневный и семейный быт» [2, с.170].

Самые ранние известия о возникновении властных институтов у восточных славян отражены, конечно, в «Повести временных лет». Решение прекратить распри и легитимизировать власть было принято политическим компромиссом через принятие коллективного решения враждовавших племён разной этнической принадлежности (словен, чуди, мери, веси и кривичей) призвать на княжение варягов, т.е. Рюрика и его братьев. Призвание иноземцев в качестве правителей (верховных субъектов власти) не были явлением исключительным и имеет параллели в истории. Важнее раскрытие летописцем глубинного смысла события, считающегося началом российской государственности, – законность власти, вручённой по общему согласию на основе договора определённому человеку – князю, ставшему её символом. Народ отдаёт князю власть с требованием «судить по праву», тем самым выражая желание жить по правде.

Справка: Призвание на княжение Рюрика, с правоведческой точки зрения, можно рассматривать как завершение первоначального этапа формирования российской государственности, поскольку были все элементы государственности: территория от Новгорода до Киева, население и публичная власть.

С этого времени развитие российской государственности проявляется не только на землях восточных славян, но и в отношениях с внешним миром. Важными стали отношения с Византией: уже в X веке эти связи нашли правовое закрепление в договорах князей Олега и Игоря с греками. Так, документ 945 года содержит формулировку: «Этот договор заключён великим князем русским, всеми другими князьями и всем народом земли русской». Стремление адаптировать церковное право Империи к установившемуся на Руси православию стало гарантом духовного единства народов на многие века.

Важнейшей вехой в укреплении единого государства стало принятие в XI веке, в правление Великого князя киевского Ярослава Мудрого «Русской Правды» и её дальнейшее развитие его потомками. В течение нескольких веков она служила руководством в судебных делах. Частично она использовалась даже в Московском государстве.

С принятием христианства древнее понятие правды сливается с верой. Уже у истоков формируется одна из важнейших форм взаимодействия власти и народа – новые нормы жизни общества. На этой основе складывается одна из важнейших политических функций государства – издание законов, правовое оформление основ жизнедеятельности общества. И неслучайно первым же дошедшим до нашего времени памятником письменного права является «Русская правда». Уже само её название включает слово «правда», от которого происходят важнейшие понятия современного правового и нравственного лексикона: «право», «праведность», «правота», «правление», «справедливость» и др.

На заре российской истории объединение восточных славян и других племенных образований на Восточно-Европейской равнине ещё не имело тех черт, которые мы сегодня связываем с современным понятием государства, но мы с уверенностью начинаем отсчёт существования нашего государства именно с этого времени и связываем с пространством

Древнерусской державы Рюриковичей. Во многих памятниках древнерусской письменности встречается название «Русская земля». в историческом сознании нашего народа живёт убеждение, что та земля, о которой говорится в древнейших памятниках, и есть Русская земля – Русь – Россия.

Непрерывному поступательному развитию России – более тысячи лет. На этом большом пути были разные исторические периоды: эпохи смут и времена утраты части суверенитета; социальные трансформации, но народы России не распались и сохранили преемственность с предшествующими эпохами.

Решающее значение событий IX века состоит в том, что именно тогда произошло объединение всех восточных славян в одно государство. Этот факт, воспринимаемый как само собой разумеющийся, в действительности уникален: ведь объединения в одно государство в тот период не произошло ни у западных и южных славян, ни у других народов Евразии. История вполне могла развиваться таким образом, что на Восточноевропейской равнине существовало бы несколько государственных образований. Но развитие сразу пошло по пути объединения. В этом видится великий исторический урок: одной из базовых функций российского государства изначально было объединение. Формирование древнерусской державы – это символ общности нашего историко-культурного пространства, а ныне – более широкого поля Евразийского взаимодействия.

Россия прошла через те же процессы и периоды, которые были характерны для других государств европейского континента.

Справка: В дальнейшем удельная раздробленность, характерная для многих европейских государств, стала основой ослабления силы государства, а монгольское вторжение изменило и государственное устройство. Сложившееся противоречивое сочетание власти Золотой Орды, удельных князей и Великого Князя, получающего свой титул в Орде, привели и к изменению политической карты российского государства. Историки по-разному оценивают этот период, но одна тенденция прослеживается определённно: влияния Орды с востока, Польши и Литвы – с запада дали не только толчок к развитию культурного разнообразия всех территорий, но и многообразие в построении их государственности и законодательства (влияние права Золотой Орды; формирование Псковской и Новгородской республик с принятием Псковской и Новгородской Сводных грамот; влияние законодательства Великого Княжества Литовского). Всё это легло в основу веротерпимости, исторической толерантности и восприятия правового плюрализма, сохранившихся до наших дней.

В послеордынскую эпоху перед обществом и властью с особой остротой стояла необходимость определения дальнейшего курса развития страны, и русская политическая мысль порождает отвечающую этим требованиям идеологическую концепцию «Москва – третий Рим». Важным элементом централизации стало усиление княжеской власти. Традиции русской государственности воплощаются в этот период в понятии соборности, которое было положено в основу державного строительства и государственной идеологии. Форсированная централизация опиралась на военную силу и методы управления, сопровождающиеся насилием. Отсюда проистекали деспотические черты во власти московских государей.

Вместе с тем, неверно распространено мнение о том, что древняя история государства Российского – это эпоха деспотизма. Система власти в Новгороде и сегодня поражает степенью демократичности, системой противовесов, слож-

ностью политической жизни. А ведь вечевая демократия присутствовала практически во всех княжествах Руси, хоть и в разной степени. Россия (проходя периоды, характерные и для других государств европейского континента) не была чужда характерных для того времени проявлений самоуправления, сдерживающего произвол чиновничества.

Справка: XV век стал точкой отсчёта в формировании новой государственности. Рост Московского государства был основан не только на силе оружия. Возвышение Московского Княжества приводит к единой державной Великому князю на огромных территориях страны. Весь дальнейший ход истории, не смотря на трагизм Смутного времени, даёт примеры государственного развития, ведущего к созданию Великой Империи, основанной на централизованной власти, веротерпимости, закреплённой в законодательстве и правовом плюрализме, обеспечившем в правоприменении сочетание единого Свода Законов и традиционного права территорий, входивших в её состав.

Сословно-представительские учреждения (зачатки российского парламентаризма) ведут свою историю с XVI века. А в XVIII веке Россия уже становится неотъемлемой частью сообщества европейских держав и большой европейской политики. При Петре I под абсолютизм монархической власти подведены были законодательная и идеологическая база, так что идея освоенного божественным промыслом самодержавного единоначалия пройдет через весь XVIII век, и XIX тоже. Петр I заложил и правовые принципы гражданского общества (именно в его указах и законах впервые прозвучали понятия «гражданин», «гражданское общество» применительно к городскому населению), а Екатерина Великая создала системообразующую сеть обществ, создав предпосылки для городского самоуправления.

В 1730 году «попытка верховников» знаменует начало борьбы за ограничение самодержавия рациональными конституционными нормами, ведь в Россию приходят идеи Просвещения, стремление к эмансипации человека. И в 1762 году начинается постепенный процесс освобождения сословий, который открывает новый простор для развития литературы и искусства (пока дворянских, но заложивших основы величайшего подъёма культуры). Это эпоха расцвета признанной во всём мире русской культуры (литературы, музыки, живописи).

И поэтому XIX век для России, прежде всего, – это время преодоления реликтов отсталости прежних веков, отмены крепостного права, великих реформ Александра I, бурного развития промышленности и предпринимательства. Реформа суда, создание земского и городского самоуправления, военная реформа заметно модернизировали российскую политическую систему. Властная элита в России вела постоянный поиск идей, способных сплотить разные сословия и этноконфессиональные общности, разные поколения россиян.

Так, отмена крепостного права в 1861 году открыла возможности для развития рыночного хозяйства, роста передового для того времени индустриального сектора. А полемика западников и славянофилов, развитие освободительного движения положили начало российского гражданского общества. Но не надо забывать, что либерализация эпохи Великих реформ была непоследовательной. И это тоже важный урок для нынешнего поколения, поскольку накапливавшиеся противоречия дали себя знать через несколько десятилетий во время революций 1905-1907 гг. и последующих «великих потрясений». Но, преодолев войны и тоталитарный период истории, Россия и другие народы СССР вернулись к гуманистическим ценностям свободы и социального равноправия.

Справочно: В результате революции 1905-1907 годов в государственном строе Российской империи произошли существенные изменения. Манифест 17 октября 1905 года декларировал гражданские, политические права и свободы и введение представительных законодательных институтов. В 1906 г. начал свою деятельность первый российский парламент – Государственная Дума. С этого времени создаются условия для формирования конституционной монархии. Однако ни власть, ни общество оказались не готовы к взаимодействию, а Первая мировая война усугубила этот конфликт, что привело к революционным катаклизмам 1917 года.

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., поначалу выступали активными противниками государства, которое они рассматривали лишь как орудие насилия и принуждения, подлежащее разрушению. На практике же они оказались создателями такого государства, какого прежде не видела история, где классовый подход, насилие («ликвидация и подавление эксплуататорских классов», борьба с «врагами народа» и т.д.), принуждение к социализму и идеологическая обработка населения стали неотъемлемой частью государственной политики. Классовый характер этой политики вёл к нагнетанию враждебности и недостатку толерантности. Значительный урон нравственному состоянию общества нанесли такие идеологические кампании, как оголтелая борьба с религией, наступление на основополагающие принципы в области семьи, брака, школьного и вузовского образования, атака на «дворянскую» и «буржуазную культуру», попытки создать новую (Пролеткульт).

Вместе с тем, в заслугу большевистскому руководству следует поставить то, что оно сумело сохранить страну, пришедшую после революции в состояние анархии и распада. Более того, удалось путём образования союзного государства (СССР) удержать в его составе основную территорию бывшей Российской империи. В результате так называемой «культурной революции», ставшей составной частью строительства социализма в стране, были достигнуты значительные успехи в подъёме образования населения, его демократизации, создании единой системы подготовки кадров. Советский период ознаменовался крупными достижениями в области науки, литературы, искусства.

Одновременно в эти годы складывается советское однопартийное государство с всепроникающим партийным руководством, задачами которого были подчинены гражданская инициатива и интересы личности. Нельзя не отметить пагубное влияние сталинских репрессий на гражданское состояние общества, которые порождали атмосферу страха, подозрительности, недоверия, практику отстранения населения от принятия решений.

Современному российскому обществу жизненно необходимо осознание неразрывности и преемственности исторического развития страны. Летопись многовекового совместного проживания в России различных народов и наций, важнейшая роль русского народа в этом процессе – всё это должно сегодня служить основой для развития национального самосознания. Для нас история – платформа для объединения, а не противоборства.

Пристатейный библиографический список

1. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. – М.: Интерпракс, 1995. – 347 с.
2. Ильин И. А. Основная задача грядущей России // Ильин И. А. О России: Избранные статьи / Предисл., сост. М. Г. Жуковой. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 320 с. – (Серия «Заветные мысли»).

ДАНИЛОВ Вячеслав Леонидович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ГОРБУНОВА Кристина Александровна

преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии, Факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ НА РУСИ: ТРАДИЦИИ ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ

В статье раскрыты особенности формирования представлений о женской святости на Руси. Актуальность работы связана с усилением роли женщины как супруги, матери, хранительницы традиционных семейных устоев, домашнего очага в контексте современных социальных и политических условий, что сказывается на развитии интереса к историческому наследию, рассмотрению религиозно-нравственного идеала женщины. Кратко описан процесс формирования представлений о женской святости на Руси. Отмечается сложность, неоднозначность и амбивалентность представлений о женщинах. Основываясь на классификации В. Э. Барминой, проанализированы модели женской святости – раскаявшиеся блудницы, святые девы и святые жены. Приведены примеры историй представительниц каждой модели. Выделены отличительные черты религиозно-нравственного идеала женщины на Руси – заботливость, служение семье, социуму / государству и Богу, приоритет духовной жизни над физическим существованием и материальным благополучием, стремление к сохранению душевной и телесной чистоты, осуществление деятельных религиозных поступков, готовность отстаивать свои убеждения и преломлять христианские идеи на практике.

Ключевые слова: религиозно-нравственный идеал женщины, женская святость, православие, традиционные ценности.

DANILOV Vyacheslav Leonidovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theology, philosophy and cultural studies sub-faculty, Faculty of History, Theology and International Relations, F. M. Dostoevsky Omsk State University

GORBUNOVA Kristina Alexandrovna

lecturer of Theology, philosophy and cultural studies sub-faculty, Faculty of History, Theology and International Relations, F. M. Dostoevsky Omsk State University

THE RELIGIOUS AND MORAL IDEAL OF A WOMAN IN RUSSIA: TRADITIONS OF FEMALE HOLINESS

The article reveals the peculiarities of the formation of ideas about female holiness in Russia. The relevance of the work is associated with the strengthening of the role of a woman as a spouse, mother, guardian of traditional family foundations, home in the context of modern social and political conditions, which affects the development of interest in historical heritage, consideration of the religious and moral ideal of a woman. The process of forming ideas about female holiness in Russia is briefly described.

The complexity, ambiguity and ambivalence of ideas about women are noted. Based on the classification of V. E. Barmina, models of female holiness are analyzed – repentant harlots, holy maid and holy wives. Examples of the stories of representatives of each model are given. The distinctive features of the religious and moral ideal of a woman in Russia are highlighted – caring, service to the family, society / state and God, the priority of spiritual life over physical existence and material well-being, the desire to preserve mental and bodily purity, the implementation of active religious acts, the willingness to defend their beliefs and refract Christian ideas in practice.

Keywords: the religious and moral ideal of a woman, female holiness, Orthodoxy, traditional values.

Введение

Сегодня в России взят курс на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что обозначено Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. На сохранение традиционных ценностей и защиту семьи ориентировано также объявление 2024 года в России Годом семьи. «Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности», – отметила Владимир Путин на Пленарном заседании XXV Всемирного Русского народного собора [5]. Крепкая семья выступает, таким образом, особой ценностью, позволяет сохранить не только нерушимость брачных уз, но и сформировать основу для личностного развития, заботы, любви и уважения каждого члена семьи, обеспечения преемственности поколений.

В обозначенном контексте и сложной социально-политической обстановке ввиду реализации Россией Специальной военной операции возрастает роль женщины как супруги, матери, хранительницы традиционных семейных устоев

и домашнего очага. В этой связи возрастает интерес к историческому наследию, рассмотрению религиозно-нравственного идеала женщины, который лучше всего представляется возможным проследить на примере традиций женской святости. В данной статье представлены особенности развития представлений о женской святости, которые наиболее ярко прослеживаются в период Руси, а также охарактеризованы модели женской святости, которые сформировали религиозно-нравственный идеал женщины.

Формирование представлений о женской святости на Руси

Представления о женщине на Руси достаточно неоднозначны, сложны и противоречивы вплоть до диаметральной противоположности. С одной стороны, женщина выступает «медиатором» первого зла, что связано с образом ветхозаветной Евы. Также здесь следует подчеркнуть биологические и физиологические особенности женского организма (менструальный цикл, способность к зачатию и деторождению),

что традиционно связывают фактически в любой культуре с определенной «нечистой», отношениями женщины с потусторонним миром. Так, считалось, что рождающийся ребенок приходит из «другого мира», соответственно, женщина имеет связь с ним.

С другой стороны, на формирование религиозно-нравственного идеала женщины оказал влияние образ Богородицы и женщин, признанных святыми за определенные богоугодные поступки, благодаря которым они «стяжали Духа Святого».

В первом случае – «греховности женщины» – контекст достаточно понятен и в рамках данной статьи не требует пояснений. Отметим только, что божественное происхождение женщины не ставится под сомнение, а дьявольское искушение прародительницы Евы может быть преодолено через рождение и воспитание детей. К примеру, в Первом послании к Тимофею апостол Павел говорит, что «Жена, прельстившись, спасётся через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим 2:13-15). Однако, здесь также нужно упомянуть о двух ключевых моментах. Во-первых, через чадородие Господь реализовал свой замысел спасения человека и победы над грехом и смертью, преодоления первородного греха. Во-вторых, женщина как христианка должна реализовать в детях свою материнскую любовь, осознавая свою ответственность перед Богом за воспитание детей.

Во втором случае необходимо отметить, что образ Богородицы выступает обобщенным женским прототипом русской святости, который оказал влияние на формирование религиозно-нравственного идеала женщины на Руси. Он абсолютно однозначен и не предполагает двойных трактовок: Богородица является воплощением чистоты, добра, мудрости, непорочности, любви и света. Именно в данном образе проявляется вся глубина отношений между Богом и человеком. Богородица открыла путь спасения мира через рождение Богочеловека Иисуса Христа, показав путь жизни в трудах и страданиях во имя жизни вечной.

Вместе с тем, основными источниками представлений о женской святости на Руси выступают жития: в них сплетаются события истории с определенными фрагментами русского фольклора, получая уникальное идейное наполнение. Как правило, святая женщина на Руси имеет происхождение от какого-либо благочинного рода, ведет аскетичную и богоугодную жизнь, причем констатируются чудеса при ее жизни и / или после смерти [2]. Жития представляет собой образец духовной жизни, выполняя дидактические, воспитательные цели и демонстрируя поведенческие нормы [1]. Стоит отметить, что в каноническом житии каждый образ святой женщины, вместе с общими агиологическими чертами, обладает особыми неповторимыми свойствами, женская святость имеет специфичные черты [4].

Однако, исконно русского «эмпирического материала» при формировании образа женской святости наблюдается не так много. Это целесообразно связать с двумя факторами. Первый касается «второстепенной» роли женщины на Руси, превалирования в культуре мужского над женским, следствием чего образ женщины не получал достаточного освещения и рассмотрения. Второй фактор связан с небольшим числом святых женщин: если учесть общецерковные почитаемых святых, местночтимых и чье почитание отменено, можно выделить чуть больше 40 святых женщин [6].

Несмотря на то, что христианская доктрина ставила достаточно жесткие требования к жизнедеятельности женской половины населения и сохранению своих религиозно-нравственных убеждений, принятие христианства на Руси в определенной степени повысило статус женщины. Примером неотступления от религиозных догматов служила для христианок история Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, которая показывает не только испытание верой, но и то, что

сила веры и духа женщины высока перед лицом зла. Бесстрашие женщины проявляется в том, что не нужно бояться ни испытаний душевных, ни телесной боли, которые следует перетерпеть с честью и достоинством во имя Христа.

Идеал женщины в древней Руси, как отмечает Е. П. Березкина, проявляется в таких качествах, как чистота, непорочность, мудрость, одухотворенность, доброта, милосердие и человеколюбие [2].

Пожалуй, самым известным примером женской святости в русской культуре является святая равноапостольная княгиня Ольга (ок. 893 – 969). Ее образ совмещает в себе две крайние противоположности. С одной стороны, она кроткая, мудрая жена и разумная мать. С другой стороны, Ольга – деятельная правительница, в поступках которой можно увидеть как достоинство и мужество, так и жестокость, мстительность за смерть супруга, киевского князя Игоря Рюриковича. В 955 году Ольга приняла крещение под символическим именем Елена, что в переводе означает «факел». Ольга была причислена к лику святых в статусе равноапостольной в 1547 году и считается покровительницей новообращенных христиан и вдовствующих женщин.

Сущность христианской деятельности Ольги заключалась в осуществлении миссионерства, недаром ее обозначают как «насадительницу» христианства на Руси. Проводится определенная параллель княгини с матерью византийского императора Константина: Ольга устанавливает крест на горе возле Пскова. Именно внук Ольги станет «Красным Солнышком», крестившим Русь.

А. О. Ложкина в диссертационной работе отмечает, что княгиня Ольга выступает, в большей степени, проповедницей христианской религии, нежели устроительницей храмов и монастырей, а поэтика ее образа отражается в агиологическом типе апостольского служения, который базируется на материнской основе [4]. Все-таки, княгиня Ольга не является «типичным примером» женской святости, разные истории и судьбы святых женщин на Руси показывают и другие ипостаси религиозно-нравственного идеала.

Модели женской святости на Руси

В научной литературе фактически не встречается таксономии относительно женской святости. Однако, можно рассмотреть несколько «вариантов» женской святости на Руси. Так, В. Э. Бармина, точка зрения которой нам более всего близка, выделяет три модели женской святости, определившие формирование религиозно-нравственного идеала святой женщины на Руси: раскаявшиеся блудницы, святые девы и святые жены [1]. Рассмотрим все три модели, каждая из которых отличается специфическими особенностями.

Первая модель женской святости – раскаявшиеся блудницы – предполагает образ женщины, которая отступает от грешного пути, раскаивается и встает на путь праведности. Яркими примерами идеалов женской святости, определившими формирование религиозно-нравственных идеалов женщины на Руси, в рамках данной модели служат святые Пелагия Антиохийская и Мария Египетская.

Как известно, преподобная Пелагия Антиохийская (ум. ок. 457 г.) родилась в Антиохии Сирийской и до крещения вела распутный образ жизни, была танцовщицей и блудницей. После покаяния и крещения Пелагея передала бедным свое имущество и ушла в Иерусалим, где поселилась в келье на Елеонской горе. При этом только после смерти женщины стало известно, что она выдавала себя за мужчину по имени Пелагий.

Мария Египетская (ум. 522 г.) считается покровительницей кающихся женщин. Свыше 17 лет она предавалась блуду в Александрии, после того как в двенадцатилетнем возрасте покинула родительский дом. Однажды Мария пошла за группой паломников, но не смогла зайти в храм Гроба Господня, будто какая-то сила удерживала ее. Осознав сущ-

ность своего греха, женщина покаялась и вознесла молитву Божией Матери, после чего смогла войти в храм и поклониться Животворящему Кресту. По указанию Богородицы, Мария приняла причастие и ушла в пустыню, где 47 лет пребывала в молитве, постах и уединении.

Таким образом, в рамках данной модели женская святость состоит в отказе от своей биологической предопределенности, женственности, греховной жизни и достижении чистоты, целомудрия, воплощении непрестанного служения Господу. Осознание, очищение, аскеза являются ключевыми характеристиками данного варианта женской святости, самое главное, подчеркивается возможность сменить убеждения, отступить от греховной жизни ради спасения нетленной души.

Вторая модель женской святости – святые девы, невесты Христа. В целом, данная модель означает отказ от женского пути, деторождения, сохранение девства, непорочности и воздержание от брака. Как правило, такая стратегия жизни изначально выбирается самой девушкой. Святые девы в христианской культуре выступают примером религиозного благочестия, высокого проявления нравственной силы и стремления к добродетели при отказе от брэнного в пользу вечной жизни.

Здесь следует привести в качестве примера преподобную княжну Анну Всеволодовну (1055/1160 – 1112), известную в летописях как Янка. Дочь переяславского князя, а позже – великого Киевского князя Всеволода Ярославича, не пожелала вступить в брачные отношения и приняла монашество в 1086 году. Отец специально построил для нее Андреевский монастырь в Киеве, где Анна организовала школу для обучения девочек чтению, письму, пению и различным ремеслам.

Еще одним ярким примером святой девы является Феодулия Черниговская (Евфросиния Суздальская, 1212 – 1250), отец которой – князь Михаил Черниговский, а мать – дочь Романа Галицкого. Федор Ярославич, брат Александра Невского, был выбран девушке в будущие мужья, однако, он скончался в возрасте 13 лет. Феодулия осталась жить в Суздальском женском монастыре, в котором приняла постриг с именем Евфросиния, став впоследствии настоятельницей монастыря. Известна она тем, что выступила инициатором основания Троицкого монастыря для пострига «мужатых жён».

Третья модель женской святости – святые жены, которых отличают верность, деятельная любовь, мудрость. В рамках указанной модели ценность брака подчеркивается в аспекте духовного союза. Прекращение брака (как правило, после смерти или убийства супруга) предполагает определенное социальное служение и иночество, отказ от дальнейших брачных отношений.

Безусловно, самый яркий пример данной модели женской святости известен всем – это княгиня Феврония Муромская, которая показывает не только силу любви и супружеской привязанности, но также милосердия и благочестия. Перед смертью Феврония вместе с Петром приняла монашеский постриг с именами Давид и Евфросиния и скончались в одно время. Сегодня считается, что святые благоверные Петр и Феврония оказывают благословение вступающим в брак.

Примером социального служения святой жены можно выделить историю Иулиании Лазаревской / Иулиании Муромской (Ульяны Осорьиной, 1530-е гг. – 1604), которая с детства желала монашеской жизни, но была выдана в 16 лет за муромского жителя Георгия Осорьина, владевшего селом Лазаревским. Ульяна родила мужу шестерых детей. Иулиания известна, прежде всего, своей благочестивостью, поддержкой нищих и помощью заключенным. Когда в правление Бориса Годунова наблюдался голод, женщина продала имущество и покупала хлеб для раздачи всем нуждающимся. Образ этой женщины не отличается каноничностью – ее история представляет собой пример служения семье и социуму.

Общими чертами для всех представленных моделей женской святости являются идея заботы, служения семье, социуму / государству и Богу, приоритет духовной жизни над физическим существованием и материальным благополучием, стремление к сохранению целомудрия, душевной и телесной чистоты. Женская святость на Руси отличается активностью и действенным началом, готовностью отстаивать свои убеждения и преломлять религиозные идеи на практике.

Заключение

По итогам представленного в данной статье анализа можно сделать вывод, что религиозно-нравственный идеал женщины на Руси формировался под влиянием византийской христианской традиции и славянской культуры, что определило своеобразное представление о женской святости. Принятие христианства позволило сформировать представление об идеале женщины с позиций религиозно-нравственных аспектов. Своеобразие религиозно-нравственного идеала женщины на Руси состояло в реализации идеи служения женщины не только Богу посредством аскетичной жизни, воздержания и молитвенного правила, но и служения семье, государству. В этой связи определились характерные качества, которые раскрывают женскую святость на Руси: милосердие вместе с идеей служения, целомудрие и сохранение чистоты с жертвенностью, готовность положить «душу свою за друзей своих» (Ин 15:13).

Пристатейный библиографический список

1. Бармина В. Э. Модели идеальных женских образов в православной культуре IX–XVII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 32. – С. 75–80.
2. Березкина Е. П. Женские образы – лики в житиях древнерусской литературы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2023. – № 1. – С. 37–46.
3. Ложкина А. О. «Житие святых блаженных и равноапостольных и в премудрости пресловущия великия княгини Олиги...»: к вопросу о женской святости в житийной литературе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 27 (165). – С. 74–77.
4. Ложкина А. О. Образы святых жен в житийной литературе XII–XVII веков: агиология и поэтика: дис. ... кандидата филологических наук. – Ижевск, 2012. – 186 с.
5. Путин: Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/11/28/semia-kak-simvol-very.html> (дата обращения: 29.10.2024).
6. Чумакова Т. В. Традиции женской святости в русской культуре XI–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2004. – № 4. – С. 24–30.

ЗАРИПОВ Айрат Янсурович

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

СИМВОЛИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ*

В статье рассматривается влияние символов, бытующих в обществе, на внутренний мир подрастающего поколения. Семиотика, как научная дисциплина, придает символам особые смыслы, которые раскрываются в социальном контексте. Символы, являясь частью культуры народов, всегда несли особую, сакральную информацию, выступая как культурный код. Отмечается, что символы в разных ситуациях оказывают на индивидов неоднозначное влияние. Особенность влияния символики на внутренний мир человека заключается в том, что это происходит на бессознательном уровне. Бессознательное усвоение символики, как специфического пласта духовной культуры народа, порождает сильные связи между индивидом и общностью, находя отклик в его внутреннем мире. Важное значение в данном контексте имеет анализ влияния государственной символики на духовный мир подрастающего поколения, поскольку в процессе воспитания важно и осознанное отношение к символам, которые связывают индивида с его Родиной.

Ключевые слова: символ, воспитание, общество, государство, подрастающее поколение, патриотизм.

ZARIPOV Airat Yansurovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

SYMBOLISM AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE WORLDVIEW OF THE YOUNGER GENERATION

The article examines the influence of symbols existing in society on the inner world of the younger generation. Semiotics, as a scientific discipline, gives symbols special meanings that are revealed in a social context. Symbols, being a part of the culture of nations, have always carried special, sacred information, acting as a cultural code. It is noted that symbols have an ambiguous effect on individuals in different situations. The peculiarity of the influence of symbolism on the inner world of a person is that it occurs on an unconscious level. The unconscious assimilation of symbolism, as a specific layer of the spiritual culture of the people, generates strong bonds between the individual and the community, finding a response in his inner world. In this context, it is important to analyze the influence of state symbols on the spiritual world of the younger generation, since in the process of education it is also important to have a conscious attitude to the symbols that connect an individual with his Homeland.

Keywords: symbol, upbringing, society, the state, the younger generation, patriotism.

Многие явления окружающего мира нашли свое отражение в символах, которые в лаконичной форме передают нам определенное свойство предмета. Символы – это категоризация качества, которым наделен предмет, но суть его скрыта за иллюстрацией. Семиотика занимается их изучением и интерпретацией. В разные периоды истории одни и те же символы могли иметь разное прочтение и нести противоположные смыслы.

История возникновения и распространения символов малоизучена. Но нет никакого сомнения, что их появление связано с языком и мышлением. Очевидно, древние люди, ограниченные в иных формах коммуникаций, через символы стремились не только запечатлеть определенные качества явлений, но и передать их смысл следующим поколениям.

Символы играли и продолжают играть огромную роль в разных отраслях человеческой деятельности. Искусству, литературе, религии, науке они тоже не чужды. В них и через них передаются не только определенный образ предмета, но и в аллегорической форме и само отношение к данному явлению, событию, создаются ценностные образы, которые становятся общепризнанными и переключаются в повседневную практику [2]. Символы не только раскрывают отдельные стороны предмета, но и помогают завуалировать некий пота-

* Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Зарипов А. Я.

енный смысл, который в них содержится. Непосвященному человеку, порой совершенно непонятны, допустим, литературные аллегории, религиозные символы и т.д. Для понимания символа жизненного опыта не всегда бывает достаточно, а необходима определенная теоретическая подготовка.

Многообразие предметов мира и направлений познавательной деятельности человека предопределили и развитие символики. Явления природы, социальной жизни, политические процессы, развитие литературного языка – это лишь те немногие направления, где развитие символизма получило достаточно широкое распространение. К сожалению, значения многих символов утратили свой первоначальный смысл и сейчас воспринимаются лишь как образцы мыслительной деятельности наших предков, зафиксированных в знаковых и символических формах. Иногда интерпретация отдельных символов и их «эксплуатация» происходит не только в извращенном виде, но и фальсифицируется.

Создание символов не прекращается и в наше время. Кроме уже известных и широко распространенных форм, в нашу жизнь вторглись символы Интернета, многочисленные торговые марки со своими лейблами, гаджеты с приставкой E и т.д., но не все современные символы наполнены смыслом и в них содержится какая-то сакральная, потаенная информация. Многие из них воспринимаются нами только как «бренд», ярлык и они ориентированы не на личность, а на потребителя.

Развитие государственности породили и новое направление в символике. Появились символы государственности. Флаги, знамена, штандарты, гербы, а позднее и гимны, ста-

ли отличительными признаками суверенных территорий государств. Каждый символ нес определенную смысловую нагрузку, отражая многовековую историю развития народа, его борьбу за независимость, достижения в различных отраслях общественной жизни и в лаконичной форме представляла государство перед другими народами. Государственная символика стала объектом правовой защиты и любое почитительное к ней отношение карается в рамках законодательства. Символы государственности ориентируют граждан на выработку государственной идентичности и способствуют воспитанию их политического самосознания [3].

В своей повседневной практике мы ежедневно сталкиваемся с государственной символикой. Исполнение гимна, поднятие государственного флага, демонстрация герба – необходимые атрибут и ритуал новостных контентов. Они включаются в повседневную повестку при передаче информации по средствам массовой коммуникации, трансляции значимых массовых мероприятий. Государственная символика присутствует не только на официальном уровне в мероприятиях, организациях, учреждениях, но и в бытовой сфере в виде сувениров, украшений, картин, открыток, плакатов и другой атрибутики. Все это на подсознательном уровне формирует у населения определенное к ней отношение.

Для пропаганды собственной символики государства на официальном уровне принимают законодательные акты не только об их защите, но и официальные акты о днях их празднования. Так, во многих государствах существуют официальные Дни государственного флага, которые иногда становятся и общенациональным праздником. Внедрение в массовое сознание государственной символики, ее использование не только в праздничных мероприятиях, но и в повседневной жизни, призвано создавать устойчивую эмоциональную связь граждан с государством, вырабатывать у них гражданское самосознание и трансформировать их в личные политические и духовные ценности [1].

В процессе воспитания подрастающего поколения, государственные символы используются для их духовного приобщения к историческому прошлому народу, иллюстрации национального единства, выработки патриотических чувств и идентичности. В учебных заведениях разного уровня регулярно проводятся массовые мероприятия, в которых государственная символика используется не только для того, чтобы подчеркнуть значимость события, но и вызвать соответствующие чувства сопричастности, единения коллектива со всей страной. Использование символики в таких мероприятиях не только протокольное событие, но и историческая традиция, смысл которой заключается в приобщении подрастающего поколения к политической культуре, ориентации на уважительное к ним отношение, выработке и укреплению гражданской идентичности.

Отношение к государственной символике – это еще и гражданская позиция индивидов. Она вырабатывается под влиянием официальных и не официальных источников. Одним из таких неофициальных источников пропаганды символики является ее проекция на товары повседневного спроса, одежду, спортивный инвентарь и т.п. Такое ее тиражирование, с одной стороны, девальвирует ее ценность, но, с другой стороны, позволяет распространять далеко за пределы государства. К сожалению, в современную эпоху потребления государственная символика стала простым товаром, на котором можно заработать.

О влиянии государственной символики на формирование мировоззрения подрастающего поколения можно судить на основе социологических опросов. Так, в Республике Башкортостан в 2023-24 гг. в рамках проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (руководитель академик РАН В. А. Тишков) среди представителей молодежи был проведен опрос и заданы вопросы, связанные с государственной символикой нашей страны. В опросе приняли участие более 400 молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет, среди которых были старшеклассники, студенты и уже работающие люди, представляющие различные города, районные центры и села. На вопрос «Назовите, пожалуйста, основные символы России» более 89 % опрошенных ответили, что это флаг, герб и гимн. Это говорит о том, что государственная

символика для подрастающего поколения является прочным маркером государственной идентификации, служит ориентиром в формировании государственного и политического самосознания. Символы государственности, воспринятые в ходе социализации под воздействием культурных традиций, работы государственных идеологических институтов или других форм воздействия на сознание подрастающего поколения, сформировали необходимые стереотипы мышления в сфере политического сознания.

На формирование мировоззрения подрастающего поколения оказывают влияние не только официально признанные агенты государства, но и неформальные средства коммуникации, в частности Интернет, лидеры общественного мнения и др. И потому не удивительно, что часть респондентов транслировала не общепринятые символы восприятия государства вообще, а символы, которыми характеризуют нашу страну иностранцы на уровне обыденного сознания, поскольку около 8 % респондентов ответили, что символами России являются «балалайка, водка, медведь». Встречались и другие сочетания, и символы, но они были в пределах допустимых погрешностей. Воздействие этих резидентов невозможно предусмотреть, прогнозировать, но учитывать их необходимо.

Однако, их воздействие не столь значительно, поскольку сами участники опроса отмечают, что предметов гордости своим государством предостаточно. 68,3 % респондентов отметили, что как граждане России они гордятся «Победой нашей страны в Великой Отечественной войне», 63,8 % – «Историей России», 60,6 % – «Природными богатствами страны, Положением России в мировом сообществе», а 56,5 % – «Культурным наследием народов России».

Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование мировоззрения подрастающего поколения, является семья. В ней подрастающее поколение приобретает первые необходимые знания, навыки, определенные представления об окружающем мире, стиль поведения, мышления, вырабатывает стереотипные представления об устройстве общества, общественных отношениях и т.д. Эту роль отметили 60,3 % респондентов. Семейное воспитание, традиции закладываются в подрастающем поколении основы мировосприятия и способствуют к переходу на более высокую стадию развития личности в общеобразовательных учреждениях. В семье привитые общественных ценностей идет хаотично, спонтанно, обусловлено возникшими ситуациями. Более планомерное воздействие на мировоззрение подрастающего поколения происходит в государственных учреждениях, таких как детские сады, школы, средние и высшие учебные заведения. Об этом свидетельствуют 21,3 % респондентов. На этой стадии у подрастающего поколения формируется понимание процессов и явлений объективной реальности, поскольку они приобретают знания. Именно знания позволяют понимать, проникать в сущность процессов и явлений, формируя теоретический уровень мировоззрения.

Символы являются мощным эмоциональным фактором, воздействующим на психику человека. Они, проникая в мировоззрение человека на сознательном и бессознательном уровне, способствуют формированию мировоззрения, помогают индивидам выработать определенное отношение к явлениям и событиям, происходящим в объективной реальности. Формирование необходимого образа самого государства, общества, его истории, культуры – процесс контролируемый, и при правильном подходе вполне реалистично получить необходимый результат.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахимов Э. Ф., Зарипов А. Я., Шафиков М. Т. Манифестация национальной идентичности в политических документах // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 4 (131). - С. 475-477.
2. Зарипов А. Я. Народная культура и ее роль в воспитании подрастающего поколения // Городские башкиры: сохранение и развитие родного языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа, 2024. - С. 72-73.
3. Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // Oriental Studies. - 2021. - Т. 14. № 4. - С. 743-757. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757.

ЗЕЛЕНИН Евгений Иванович

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь

БАКЛАНОВ Игорь Спартакевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ЛУКЪЯНОВ Геннадий Иванович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента, Волжский политехнический институт (филиал), Волгоградский государственный технический университет

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В работе исследуются феномены социальной солидарности и справедливости. Современные цифровые трансформации изменяют треки динамики социального развития. Осознание этого важно для жизни грядущих поколений и существенно для создания условий устойчивого развития социальной системы, законы функционирования которой будут отличаться от современных. Необходимо обеспечить материальный и социальный фундамент развития социальной системы, снижая, предвидя и уменьшая негативные последствия возможных технологических и социокультурных рисков. Одним из факторов устойчивости грядущей системы будет то, насколько она будет справедливо организована. От этого будет зависеть уровень солидарности субъектов, включенных в социальную систему. Справедливость в условия цифровых трансформаций предстает в качестве нормативно регулируемого процесса развития базовых человеческих возможностей, потенциально определяющих устойчивое существование индивида как социального субъекта в рамках общественной системы.

Ключевые слова: общество, социальная система, социальность, процессы цифровизации, социокультурные риски и вызовы, справедливость, социальная солидарность, кооперация.

ZELENIN Evgeniy Ivanovich

postgraduate student of Social and humanitarian disciplines sub-faculty, North Caucasus Social Institute, Stavropol

BAKLANOV Igor Spartakovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and ethnology sub-faculty, North Caucasus Federal University, Stavropol

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty, North Caucasus Federal University, Stavropol

LUKYANOV Gennadiy Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Economics and management sub-faculty, Volzhsky Polytechnic Institute (branch), Volgograd State Technical University

SOCIAL SOLIDARITY AND JUSTICE AS THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION CHALLENGES

The paper examines the phenomena of social solidarity and justice. Modern digital transformations change the tracks of the dynamics of social development. Awareness of this is important for the life of future generations and is essential for creating conditions for the sustainable development of a social system, the laws of which will differ from modern ones. It is necessary to provide a material and social foundation for the development of a social system, reducing, anticipating and reducing the negative consequences of possible technological and socio-cultural risks. One of the factors of the sustainability of the future system will be how fairly it will be organized. The level of solidarity of the subjects included in the social system will depend on this. Justice in the context of digital transformations appears as a normatively regulated process of developing basic human capabilities that potentially determine the sustainable existence of an individual as a social subject within the framework of a social system.

Keywords: society, social system, sociality, digitalization processes, socio-cultural risks and challenges, justice, social solidarity, cooperation.

В условиях изменения социальной реальности под воздействием процессов цифровизации, роста старых и появления новых социокультурных рисков [2], в том числе связанных с развитием искусственного интеллекта [1], активно применяемом в медиасфере [6], актуализируются проблемы осмысления социальной солидарности и справедливости как оснований устойчивого развития общества. В свою очередь, трансформации конфигураций социальности [3] требует выработки новых мировоззренческих ориентиров, особенно это

касается мировоззренческих ориентиров молодого поколения [11]. Осознание индивидом собственной принадлежности к конкретному обществу как к особому виду социальности со свойственным ему культурой и ценностями [8] в настоящее время имеет большое значение. Поэтому не случайно внимание привлекает книга М. Сэндела «Справедливость. Как поступать правильно?» [10]. Справедливость представлена в этой работе с таких сторон: во-первых, как благосостояние, во-вторых, как уважение свободы и, в-третьих, как добродетель.

тель. В данном исследовании анализируются работы многих философов и приводятся факты из жизни современного мира. Все больше становится понятным, что современные цифровые трансформации изменяют треки динамики социального развития. Осознание этого факта важно для жизни грядущих поколений и существенно для создания условий устойчивого развития социальной системы, законы функционирования которой, очевидно, будут отличаться от современных. Здесь необходимо грамотно и разумно обеспечить материальный и социальный фундамент развития социальной системы, снижая, предвидя и уменьшая негативные последствия возможных технологических и социокультурных рисков. Одним из факторов устойчивости грядущей системы будет, по нашим представлениям, то, насколько она будет справедливо организована. От этого будет зависеть то, в свою очередь, уровень солидарности субъектов, включенных в данную социальную систему. Здесь, безусловно, должен быть сложный процесс работы над ошибками. Это поможет не попадать постоянно в ситуации заблуждений, а создатели новых подходов должны знать всё о прошлом опыте. Важным станет осознание преимуществ решения проблем на пути солидарности в этом вопросе, а также сотрудничества – а не конфронтации. Особенно большое значение здесь имеет вопрос о справедливости принимаемых решений. Еще Иммануил Кант наставлял по этому поводу: «Ведь, если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [7, с. 256]. И это подтверждается практикой. Например, известно, что ни одно общество не остается прогрессивным и долго не будет развиваться в отсутствии справедливости, а солидарность внутри такого общества будет минимальна.

Тонко понимая особенности социального развития, Эмиль Дюркгейм стал классиком описания кооперации индивидов внутри общества. По его мнению, индивиды объединяются на разных основаниях по пути социального и личностного развития. Так, если на ранних этапах развития общества солидарность можно охарактеризовать как «механистическую», то усложнение социальной системы приводит к появлению органической солидарности. Тут существенное значение играют процессы дифференциации социальных институтов и разделения труда. В результате у индивидов и их групп как социальных субъектов возникает потребность в кооперации, причем связи в такой кооперации должны быть в максимальной степени устойчивыми и крепкими, в противном случае общество может с легкостью «рассыпаться». Достижение органической солидарности, согласно Дюркгейму, является процессом двусторонним. С одной стороны, «каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована» [5, с. 127]. Предсказуемость определённой социальной среды в достижении успеха обеспечивает следование большинства её членов приемлемым общим правилам. А усиливает всё это вера в общие ценности. Происходит это на основе достигнутой в данный момент справедливости. Взаимопомощь поддерживается общностью чувств социальных субъектов. Процессы социальной солидаризации явственно проявляются в любом обществе. Многие члены общества уверены, что солидарность поможет им улучшить жизнь. Что касается социальной справедливости, то она измеряется принятыми большинством способами распределения благосостояния, наличием равных возможностей и социальных привилегий. В большинстве случаев подобное именно так и случается. Объединившись таким образом, человеческие сообщества имеют практически всегда имеют внушительные достижения. У многих усиливается чувство уверенности в завтрашнем дне. В отдельности они не смогли бы решить проблему так, как в ситуации достижения консолидации. Феномены появления справедливости и солидарности в обществе достаточно сложно свести только лишь к определённым экономическим, социокультурным, политическим или иным детерминантам. Как и появление многих социальных процессов, в каждом случае поведения данных феноменов важно сочетание определенных детерминант, причем, они могут по отдельности придать определенные черты меняющимся формам, или, в какие-то моменты жизни, даже усилить или значительно ослабить их. В периоды бурных социальных изменений, каковыми на настоящий день являются трансформации общества, связанные с цифровизацией, наблюдается не только снижение или повышение степени общественной кооперации, но и ослабление одних

форм солидарности и формирование других. Кризис доверия людей к властным структурам может довольно быстро привести к нелегитимным проявлениям, так и процессах солидарности: фаворитизм, коррупция и кумовство. Данная ситуация может вызывать общественный протест, разогреваемый по шкале «справедливое – несправедливое».

В теоретическом плане современные подходы к пониманию справедливости связаны с концепцией Дж. Ролза «справедливости как честности» [9]. В данном подходе реализована ориентация на учет фактора человеческих возможностей. Также важно то, что нацеливаясь на потребности индивидов, понимая индивида как базового субъекта общества, краеугольным камнем данного подхода выступает концепция человеческого блага. В условиях цифровизации вопрос об общественном благе, так и о благах для отдельных субъектов общества, еще в большое степени актуализируется. В обществе возникает, например, феномен цифрового неравенства. Представления индивидов о необходимом распределении социальных благ и доступе к ним не остаются неизменными. Установки индивидуального сознания со временем вносят корректировки в общественное сознание, в котором, в свою очередь, могут измениться конфигурации ценностных ориентиров, что способствует появлению целого спектра социокультурных рисков и вызовов. Важно учесть, что в условиях цифровизации данным вызовам и рискам необходимо противостоять и найти приемлемые способы взаимодействий индивидов с учетом социальных норм [4]. В этом случае справедливость предстает перед нами в качестве нормативно регулируемого процесса развития базовых человеческих возможностей, потенциально определяющих устойчивое существование индивида как социального субъекта в рамках общественной системы.

Таким образом, в условиях вызовов цифровизации социальная солидарность и справедливость выступают в качестве важных оснований устойчивого развития общества. В практическом плане управляющие политические структуры должны способствовать повышению уровней социальной солидарности и справедливости в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития индустрии 4.0 // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 1 (188). - С. 519-520.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 535-536.
3. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Лукьянов Г. И., Похилько А. Д. Основные рефлексии социальности в современной социальной философии // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 3 (190). - С. 527-529.
4. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. - 2022. - № 4 (45). - С. 112-115.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. - М.: Наука, 1990.
6. Еременко М. М., Богатырев С. А., Бакланов И. С. Особенности и риски применения технологий искусственного интеллекта в медиапространстве современного общества // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 362-363.
7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 6-и тт. - М.: Мысль, 1965. - Т. 4.
8. Лукьянов Г. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности проблематизации и генезиса представлений о феномене социальности в социально-философском знании // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 4 (191). - С. 534-535.
9. Ролз Дж. Теория справедливости. Изд. 2-е. - М.: Изд-во ЛКИ, 2010. - 536 с.
10. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. - 352 с.
11. Спицина Д. Д., Бакланов И. С., Каданина А. В. Мировоззренческие основания формирования цифрового общества: ценностные и темпоральные ориентиры современной молодежи как поколения Z // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 2 (189). - С. 547-548.

DOI 10.46320/2073-4506-2024-11-198-533-535

НУРМУХАМЕТОВА Ирина Фасхутовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии высшей школы психологии и педагогики, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

НУРМУХАМЕТОВ Эрнест Альбертович

кандидат психологических наук, психолог Координационного центра, Уфимский университет науки и технологий

САФРОНОВА Елена Васильевна

старший преподаватель кафедры общей психологии высшей школы психологии и педагогики, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

О СВЯЗИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И АУТОМОРТАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Работа направлена на изучение специфики связи аутомортальной тревожности с копинг-стратегиями в среде повышенного риска для жизни человека в экзистенциальной парадигме. Делается вывод о связи между показателями аутомортальной тревожности и выбором стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией: при высокой тревожности сотрудники ФСИН склонны прибегать к использованию конфронтации, дистанцирования, а также к бегству, что позволяет им избежать столкновения лицом к лицу со своим внутренним страхом. В случае низкой аутомортальной тревожности они, наоборот, ищут поддержку в общении с другими людьми и прибегают к конструктивному решению проблемной ситуации.

Ключевые слова: аутомортальная тревожность, страх смерти, копинг-стратегии, экзистенция, личность.

NURMUKHAMETOVA Irina Faskhutovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General psychology sub-faculty, Department of General Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

NURMUKHAMETOV Ernest Albertovich

Ph.D. in psychological sciences, psychologist of the Coordination Center, Ufa University of Science and Technology

SAFRONOVA Elena Vasiljevna

senior lecturer of General psychology sub-faculty, Department of General Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN COPING STRATEGIES AND AUTOMORTAL ANXIETY AMONG PERSONNEL OF A PARAMILITARY ORGANIZATION WITHIN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL PARADIGM

The objective of this study is to examine the relationship between automortal anxiety and coping strategies in a context where human life is at risk. The approach is existential in nature. It can be concluded that there is a correlation between automortal anxiety and both adaptive and maladaptive coping strategies. At a high level of automortal anxiety, Federal Penitentiary Service employees tend to resort to confrontation, distancing, and escape avoidance, which allows them to avoid confronting their fear. Conversely, at a low level of automortal anxiety, they tend to seek social support and acceptance of responsibility, which enables them to cope with critical situations in the most effective manner.

Keywords: automortal anxiety, fear of death, coping strategies, existence, personality.

Человеческие эмоции всегда занимали одно из центральных мест познания в философии. И среди числа прочих вопросов, посвященных метафизическим аспектам бытия человека, особое внимание уделяется тревожности. Ибо тревожность способна привести к духовным сомнениям и, в целом, менять поведение личности. Однако, возникает вопрос: обращена ли тревожность к глубинам сознания или к миру вещей? Ведь, погружаясь в океан чувств, мы замечаем, что тревожность скрывает истинную суть нашего бытия, мешая ясному осознанию настоящего. Несмотря на то, что обыденное понимание тревожности пытается охватить ее суть, она все равно остается скрытой вне поля зрения, делая сам концепт многозначным и неустойчивым.

Сущность возникновения тревожности для философа — это не только вопрос причинности, но и вопрос цели. Без понимания онтологического статуса тревожности, трудно говорить о ее существовании и видах. Со слов Фомы Аквинского, тревожность живет как сущее и воспринимается как истина в суждении [1]. Однако, ее можно понять только через опре-

деленный образ интерпретации, где значение человеческого настроения, как индикатора тревожности, становится ясным и осознанным. Взаимодействие между мыслью и чувством позволяет выразить тонкую картину переживаний, постигаемых в области заботы о жизни. Примером этого может служить персонаж из романа «Тошнота» Жан-Поля Сартра, который выражает свое страдание так: «Я смутно мечтал о своём уничтожении, чтобы ликвидировать по крайней мере одну из излишних экзистенций. Но моя смерть была бы так же излишней» [5], что сразу напоминает нам о том, что тревожность может препятствовать достижению наших глубинных желаний «быть» и «обладать». Она как будто «отбирает» у нас спокойствие и противостоит нарастающей опасности, скрывающейся в тени.

Действительно, люди зачастую страшатся неведомого их глазу, того, чего нельзя осязать и познать. А одним из наиболее ярких примеров тому является смерть. Зная и понимая конечность своего бытия, столкнувшись с беспощадной неизбежностью смерти, человек начинает испытывать ужас

перед ней, который заставляет задуматься об исчезновении собственного смысла и приводит к серьезному сужению ценности жизни. Однако неподдельный интерес вызывает то, как человек относится к своему собственному уходу в иной мир, так называемой аутомортальной тревожности. Ведь, терминологически понятие «аутомортальная тревожность» близко к категории «страх смерти», однако сущностно звучит более узко и конкретно: «переживание человеком экзистенциальной угрозы в отношении реализации своих субъектных функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной» [2, с. 25]. Как отмечают Т. А. Гаврилова и С. А. Попова [2], человек подвергается воздействиям ситуаций, которыми подчас невозможно управлять и контролировать, а их экзистенциальный характер делает их особенно сложными. Субъектность ограничивается неразменностью этой ситуации, однако она одновременно способствует активности и стимулирует к действиям вне зависимости от обстоятельств («надситуативная активность» по В. А. Петровскому [4]). Совладание с подобной проблемой, связанной с неизбежностью смерти, требует особого подхода, учитывающего содержание, динамику, факторы, а также «включения» соответствующих копингов.

Аутомортальная тревожность пуста, глуха и нестерпима, как отчаяние, которое С. Кьеркегор определяет как несчастье и смертельный недуг [3], ибо она наполняет человека ощущением беззащитности, опасности и потери, вызванным беспокойством по поводу собственной судьбы. Такое состояние чаще всего возникает на основе опасений и ожиданий неизвестного будущего, что делает его особенно болезненным и сложным для переживания. Сущностно чувство тревожности является сложной взаимосвязью эмоций и размышлений, которые взаимодействуют и проявляются в форме неуверенности и предвзвешивания, что и объясняет ее глубокую связь с чувством опасности и угрозы, делая ее в какой-то момент всепроникающей и изматывающей. Однако в контексте философского познания данного вопроса, аутомортальная тревожность, как отдельно взятая единица исследования, на сегодняшний день фрагментарно изучена в связке с такими конструктами как стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией и личностными свойствами человека применительно к тем профессиональным сферам его жизнедеятельности, где имеется сопряженность с повышенным риском для жизни и смертностью, в частности в военизированных организациях, например, в системе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России.

В контексте служебной деятельности сотрудников ФСИН, проблема аутомортальной тревожности приобретает особую значимость. Потому как в условиях исполнения профессиональных обязанностей, часто связанных с контролем и обеспечением порядка, сотрудники ФСИН регулярно сталкиваются напрямую с высоким уровнем напряженности, которая может усиливать осознание собственной уязвимости и смертности, что может спровоцировать с их стороны возможные негативные и деструктивные реакции как по отношению к себе, так и в адрес тех лиц, с кем они тесно взаимодействуют (буллинг, абьюзерство, прямое насилие).

При этом, остается до конца не ясным какую роль в нравственной и личностной сфере человека, в частности сотрудника военизированной организации, играет аутомортальная тревожность, сопряженная с высоким уровнем стресса. Понимая, что, в целом, реакция на осознание собственной смертности и выраженность тревоги по отношению к собственной смерти могут быть разными, коррелируя с индивидуальными характеристиками личности человека, в

том числе и с его копингами, возникло предположение, что в жесткой сцепке со стрессогенной ситуацией она активизирует копинг-стратегии, способные нивелировать тревожность и справиться с ней конструктивно. На основании этого, было решено эмпирическим путем исследовать два аспекта:

1) связь показателей аутомортальной тревожности с различными копинг-стратегиями и индивидуально-личностными особенностями у сотрудников ФСИН;

2) личностные свойства и выраженность использования тех или иных копинг-стратегий у сотрудников ФСИН с разным отношением к своей смерти.

Для решения поставленной задачи, посредством метода приближенного моделирования, были отобраны сотрудники нескольких учреждений ФСИН РФ общей численностью 94 человека. Большая часть генеральной выборки была представлена лицами мужского пола, тогда как доля участников женского пола от общего числа всей выборки исследования составила 16% испытуемых. Возраст всех испытуемых колебался в диапазоне 25-30 лет.

Методический инструментарий исследования вобрал в себя соответствующие методы статистико-математического анализа данных (корреляционный анализ с применением t -критерия Спирмена, однофакторный дисперсионный анализ Краскела — Уоллиса), а также надежные и валидные методики. Так, в изучении убеждений относительно смерти опора была сделана на методику «DAP-R», разработанную П.Т.П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессер в адаптации отечественных авторов (К. А. Чистопольская, О. В. Митина и С. Н. Ениколопов). При анализе способов совладающего поведения был использован опросник Р. Лазаруса и С. Фолкмана «WCQ» в адаптации сотрудников НИПНИ им. Бехтерева. А для оценки важных личностных свойств и качеств использован личностный опросник «FPI», разработанный немецкими авторами (Й. Фахренберг, Р. Хампэл, Х. Сэлг) в адаптации А. А. Крылова и Т. И. Ронгинского.

В ходе проведенного эмпирического анализа выявилась надежная статистическая взаимосвязь между основным фактором аутомортальной тревоги, а именно «Страхом смерти», и различными способами преодоления сложных жизненных ситуаций, например, «Конфронтация» ($r=0,712$ при $p \leq 0,001$), «Дистанцирование» ($r=0,564$ при $p \leq 0,001$); «Поиск социальной поддержки» ($r=0,701$ при $p \leq 0,001$); «Принятие ответственности» ($r=0,627$ при $p \leq 0,001$); «Бегство избегание» ($r=0,722$ при $p \leq 0,001$). Полученные связи свидетельствуют о том, что респонденты, имеющие высокие показатели ключевой характеристики аутомортальной тревожности, в действительности, склонны избегать активных действий и ответственности, отворачиваясь от проблем вместо их решения и улучшения своего положения. В то же время, есть и те, кто, несмотря на отсутствие некоторого вектора в плане поиска оптимальных решений, стремятся к получению эмоциональной поддержки и тепла от окружающих, не замыкаясь на себе. При этом, иные опрошенные с низкой аутомортальной тревожностью склонны также признавать свою долю ответственности в сложившемся положении дел у них. Если копнуть несколько глубже, такое отношение к ситуации указывает на их понимание собственной роли в происходящем и желание внести некоторые коррективы. В целом, люди с адаптивными копинг-стратегиями ориентированы на решение проблемы и возникшей у них аутомортальной тревожности.

Интересна связь такого показателя аутомортальной тревожности как «Избавляющее принятие смерти» с приняти-

ем ответственности ($r=0,764$ при $p \leq 0,01$) и дистанцированием ($r=0,583$ при $p \leq 0,01$), как способами совладающего поведения. Полученные корреляции свидетельствуют о том, что для группы лиц, верящих в то, что смерть является спасением от телесных или душевных мук, характерно прибегать не только к дистанцированию в ходе проблемной ситуации (мысленно отдалить ситуацию и/или уменьшить её значимость), но и принимать ответственность, признавать свои ошибки, осуществлять поиск способов решения проблемы и совершать реальные шаги для изменения ситуации, если принятие смерти в качестве бегства выражено незначительно.

Также была обнаружена сильная взаимосвязь между такими переменными как «Избегание темы смерти» и «Самоконтроль» ($r = -0,712$ при $p \leq 0,01$), а также между шкалами «Нейтральное принятие смерти» и «Принятие ответственности» ($r = -0,845$ при $p \leq 0,01$). Полученные обратные корреляции свидетельствуют о том, что избегание мысленных и разговорных контактов с темой смерти часто используется как способ снижения тревожности, связанной с этой темой. В то же время, люди, которые более ответственно подходят к своим действиям, словам и поступкам, обычно смотрят на смерть более спокойно, рассматривая её как неотъемлемую часть жизненного пути, к которой не стоит относиться с чувством страха или приветствия. Напротив, те, кто менее ответственно относится к своим поступкам, зачастую испытывают более высокую степень тревожности и менее спокойно относятся к смерти.

Вместе с тем, чувство преддверия смерти, являющееся одним из элементов аутомортальной тревожности, значительно коррелирует с различными способами преодоления трудностей. В частности, были обнаружены сильные связи со способностью к самоконтролю ($r=0,462$ при $p \leq 0,001$), к эмоциональному отстранению/дистанцированию ($r=0,677$ при $p \leq 0,001$), способности видеть положительные стороны в трудной ситуации ($r=0,603$ при $p \leq 0,001$), с готовностью брать на себя ответственность за происходящее ($r=0,517$ при $p \leq 0,001$) и бегством от проблемы ($r=0,612$ при $p \leq 0,001$). Так, для тех испытуемых, кто имеет ярко выраженную установку верить «в лучшую жизнь» после смерти, т.е. в существование рая – характерно использовать из своего арсенала копинг-стратегии такие как бегство, избегание от проблемной ситуации: стремление минимизировать воздействие своих чувств на оценку обстоятельств и разработку стратегии действий через активное игнорирование проблем и приложение усилий по регуляции отрицательных эмоций, включая их подавление и контроль, а также прибегание к мысленному отдалению непосредственно самой проблемной ситуации и/или уменьшению её значимости. При этом, в группе испытуемых, кто не придерживается точки зрения, что после смерти будет лучшая жизнь, в большинстве своем, в отличие от других групп – прибегают в стрессовой (проблемной) ситуации к таким стратегиям как «Принятие ответственности» ($H(4) = 17,91$, при $p \leq 0,01$) и «Положительная переоценка» ($H(4) = 17,02$, при $p \leq 0,01$). В некотором смысле это можно попробовать объяснить тем, что человек, верующий в бога, скорее всего, на подсознательном уровне в какой-то степени несколько меньше склонен нести ответственность за свои слова и поступки при жизни, уповая на милость всевышнего, в надежде, что, после покаяния и раскаяния, а также посредством мольбы о прощении и совершения благих дел, он сможет заслужить право на место в раю после смерти.

Продолжая интерпретировать результаты сравнительного анализа, отметим, что для той группы лиц, кто отно-

сится к собственной смерти нейтрально, характерно, в большинстве своем, демонстрировать более высокий уровень общительности и уравновешенности, в сравнении с теми, кто, наоборот, испытывает страх смерти: они менее общительны, подавлены ($H(4) = 15,03$ при $p \leq 0,01$) и, в большей степени, подвержены стрессу ($H(4) = 15,71$ при $p \leq 0,01$). При этом, сотрудники ФСИН из группы лиц, что демонстрируют нейтральное отношение к смерти, в большей степени, склонны демонстрировать низкий уровень тревожности, малую скованность в поведении, отсутствие неуверенности в чем-либо, по сравнению с другими группами испытуемых ($H(4) = 16,2$ при $p \leq 0,01$), следствием чего являются некоторые трудности в социальных контактах. Небезынтересны результаты опрошенных нами респондентов, что избегают тему смерти в плане их личностных качеств и свойств. Как обнаружилось, этим людям в отличие от респондентов из оставшихся групп, свойственна, помимо общительности, еще и явная реактивная агрессивность: наличие элементов психопатического поведения по экстенсивному типу, включая желание контролировать и доминировать при социальных контактах ($H(4) = 19,48$ при $p \leq 0,01$).

Подводя итоги, можно заключить, что адаптивные копинг-стратегии характерны для лиц, в большей степени, как нейтрально относящихся к теме смерти, так и тех, кто верит в счастливую загробную жизнь, демонстрируя, при этом, в целом, открытость в общении, минимум раздражительности при коммуникации, эмоциональную стабильность, экстравертированность. Тогда как неадаптивные копинг-стратегии, в большинстве своем, свойственны тем, кто питает страх смерти и, вместе с тем, испытывает повышенный уровень невротизации, малообщительны, раздражительны со склонностью к аффективному реагированию, эмоционально нестабильны.

Пристатейный библиографический список

1. Аквинский Ф. Сочинения. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 264 с.
2. Гаврилова Т. А., Попова С. А. Успешность и содержание совладания субъекта с аутомортальной тревожностью // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. –Т. 11. №2. – С. 23-35.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Культурная Революция, 2010. – 488 с.
4. Петровский А. В. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010. – 559 с.
5. Сартр Ж.-П. Тошнота. – М.: АСТ, 2003. – 412 с.

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий, Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецовца

АШВАНЯН Саргис Кароевич

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и агробизнеса, Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецовца

МЕДИА КАК ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ (ЧАСТЬ 1)

В статье представлен философский анализ медиа, выступающих фактором интеллектуальной эволюции в реалиях современного общественного развития. В первой части авторы рассматривают медиа и технизацию применительно к формированию новых принципов социального бытия. Выявлена специфика интеллектуализации социальных систем. Определены инновационные эффекты воздействующих на общество медиа для жизнедеятельности индивидуальных и коллективных субъектов. Приведен сравнительный анализ воплощения на практике интеллектуальных достижений. Уточнены возможности когнитивных, ценностных и поведенческих ресурсов применительно к консолидации общества. Авторами обоснована популярность медиа как открытой коммуникационной системы. Сделан акцент на прагматике медиа. В заключение подведены промежуточные итоги исследования.

Ключевые слова: медиа, общество, интеллект, знание, коммуникация.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of History, philosophy and social sciences sub-faculty, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; professor of Pedagogical technologies sub-faculty, V. N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University

ASHVANYAN Sargis Karoevich

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Management and agribusiness sub-faculty V. N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University

MEDIA AS A FACTOR OF INTELLECTUAL EVOLUTION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 1)

The article presents the philosophical analysis of media, which act as a factor of intellectual evolution in the realities of modern social development. In the first part, the authors consider media and technization in relation to the formation of new principles of social existence. The specificity of intellectualization of social systems is revealed. Innovative effects of media influencing society for the life of individual and collective subjects are determined. A comparative analysis of the implementation of intellectual achievements in practice is given. The possibilities of cognitive, value and behavioral resources in relation to the consolidation of society are clarified. The authors substantiate the popularity of media as an open communication system. Emphasis is placed on the pragmatics of media. In conclusion, the intermediate results of the study are summarized.

Keywords: media, society, intelligence, knowledge, communication.

Функционирование современного общества, обладающего существенными признаками информативности и постиндустриальности, предполагает необходимость признания возрастающей роли знания и интеллектуализации в социальных интеракциях. Также необходимо обратить внимание на активный характер преобразования мира и различных регионов его жизнедеятельности. Определение сущности интеллектуализации и ее применения к окружающей действительности является многоуровневой проблемой, поскольку данный концепт неодинаковым образом разворачивается в социальной практике. В частности, для гуманитарного дискурса более точным будет ее понимание как процесса создания и обогащения интеллектуального потенциала социальной ткани на основании достижений различных его субъектов (отдельная личность, совокупность общностей и организаций или же всей синергетической системы). В данном значении отмечается общесоциальный смысл процесса поиска и претворения результатов интеллектуальной деятельности. В рамках представленного понимания данному процессу подчиняются буквально все стороны бытия человека в коллективе, вне зависимости от того, насколько они детерминированы современными тенденциями. Следует заметить, что формирование новых принципов организации социальности в определенном смысле возможно трактовать через внедрение, использование и актуализацию представленного понимания интеллектуализации именно как способа повышения эффективности функционирования коллек-

тивных форм интеракции. Немаловажно понимать не только идею использования интеллектуальности как характеристики, внедряемой в интеракции между субъектами коллективного бытия, но и указать на эволюционность в их развитии.

Резонно говорить о том, что изменение общественной системы реализуется в том числе на основании постепенной замены менее эффективных форм социального бытия субъектов на более эффективные аналоги. В рамках этой точки зрения следует понимать, что техническая сторона социального бытия является частным случаем выведенного выше понимания интеллектуальности, поэтому данный процесс уместно трактовать как «отбор, накопление, хранение и потребление государственных и частных информационных ресурсов, осуществление и защита интеллектуальных прав физических и юридических лиц, интегрирование и комплексирование информационных систем для создания и обеспечения услугами организаций и граждан» [1, с. 33]. В такой интерпретации ценными оказываются процессуальный и технический аспекты интеллектуализации. В частности, плюрализм технических средств становится фундаментом для достижения информатизации и цифровизации современного социального пространства с последующим принятием общепринятых норм потребления одноименных продуктов. В перспективе принятие такой нормы следует считать средством взаимодействия потребителей [2]. На техническом уровне любой социальный объект мыслится в качестве интеллектуальной интеракции множества систем, каждая из которых вкладывает в

феномен (к примеру – здание) совокупности принципиально значимых знаний как выражения концептуализированного персонального опыта и компетенций.

Нельзя не указать на усиление интеллектуальной составляющей в деятельности человека. Об этом свидетельствуют регулярно возрастающие требования к профессиональным и этическим компетенциям, а также условия персонального и коллективного бытия, все чаще связанные с мышлением [6]. Возросший объем инноваций в качественном и количественном аспектах способствует интеллектуализации социальных системы, да еще и в общепланетарном масштабе. В самом деле, «инновация как интеллектуальная деятельность превратилась в основополагающий фактор развития современного общества» [4, с. 32]. Любопытно, что на более ранних этапах данный процесс не находил поддержки со стороны большинства социальных групп, однако в последнее время он все сильнее входит в координаты контекстуальных условий существования, что выражается в формировании различных инновационных решений. Среди последних обращают на себя внимание интеллектуализация жилища, рабочего места, автомобиля, общественных пространств. Анализ существующих социальных практик позволяет сделать вывод о том, что интеллектуализм крайне сильно перекроил принципиальные условия осуществления деятельности, переводя сферу интересов в область преобладания соответствующих интересов.

М. В. Шкондин пишет, что интеллектуальная сфера выступает одним из оснований формирования ноосферы в значении идей В. И. Вернадского. При этом признается необходимость использования технической стороны социальной системы, позволяющей преодолеть территориальные, государственные и иные преграды, стоящие на пути интеллектуального развития современности. Медиа в таком случае выступают одним из существенных и эффективных оснований развития интеллектуальной среды, поскольку дают возможность обеспечить интеллектуальное взаимодействие в обществе. Отметим, что сама идея трансляции информации и компетенций лежит в основании интеллектуализации любого социального процесса, в том числе эволюции коллективного бытия, поэтому, основываясь на исторической ретроспективе, следует согласиться с идеей об использовании технических средств трансляции таких информационных потоков. В рамках современности таким основанием имеет смысл считать именно новые медиа или, иначе говоря, – медиасреду, которая выражена всем многообразием своих проявлений: сторителлинг, подкасты, блоги, социальные сети, даже в определенном смысле онлайн-игры [6]. Одна сторона проблемы заключается в том, что имеющийся потенциал трансляции информации и соответствующая ему интеллектуальная эволюция характерна для обладателей «исходников» – тех значимых информационных материалов, пригодных для трансляции и обеспечения достоверности и качества данных, а также их влияния на общественную эволюцию.

Исходя из представленной схемы размышления следует сделать разумный вывод о постепенном повышении интеллектуальных способностей у участников социального процесса на основании трансформации технической стороны общественной системы. Такая сторона может считаться ценным ресурсом, поскольку является своего рода средством трансляции информации от ее обладателей к ее получателю – всего многообразия участников общественно значимой интеракции [4]. Следует согласиться с положением отечественных исследователей, для которых формирование современной ноосферы, основанной на интеллектуальном развитии социальной системы, происходит во вполне контролируемых условиях. Важно понимать, что техническая эволюция общества позволяет реализовать творческий потенциал человека и даже социальной группы, не заменяя его внешней стороной. Кроме того, имеющиеся ресурсы технической стороны общества как системы определяют объединение участников интеракции для взаимного обогащения участников процесса. На этом основании важным представляется признание совокупности ресурсов, таких как когнитивные, ценностные и поведенческие, которые дают возможность консолидировать общественную активность и применяются в различных областях социальной деятельности с целью освоения и изменения

окружающей действительности в целом и цивилизации в частности. Такие интеллектуальные достижения «выступают не только как результат деятельности творческого характера, но и как возможность обогащения интеллектуальных ресурсов других людей, участвующих в консолидированном труде различных сообществ и общества в целом, в том числе в рамках субъективного фактора освоения и преобразования мира» [5, с. 97]. Немаловажным является тот факт, что субъективный фактор в контексте социального развития зачастую интерпретируется в качестве важнейшего звена при осмыслении интеллектуализации. Это с легкостью объясняется тем, что сегодня освоение и преобразование мира немислимо без активной когнитивной многозадачной деятельности.

Интеллектуализация социальной ткани реализуется через рациональное использование информационных ресурсов в форме сформированных данных и совокупности информационных связей и отношений. По этой причине М. В. Шкондин признает, что сущность медиа как открытой коммуникативной системы заключается в выполнении ей главной цели, которая состоит в обеспечении доступа всех возможных социальных субъектов (как персональных, так и коллективных): (1) к процессам обогащения информационного потенциала общества. Это выражается в том, что в медиатекстах сохраняются и развиваются знания, поведенческие и ценностные ресурсы как результаты освоения условий социального (персонального и коллективного) существования; (2) к процессам потребления аудиторией информационных ресурсов, существующих и используемых в современных СМИ. Такое потребление способствует формированию и обновлению медиакартинки мира в сознании как отдельного индивида, так и целых социальных сообществ [5]. Следует признать: существующие медиа могут считаться основанием для развития интеллектуальной среды. Очевидным представляется тот факт, что общество традиционно мыслится в качестве системы взаимосвязанных элементов, изменение одного из которых оказывает более или менее важное влияние на эволюцию всех остальных его структурных элементов. Важной составляющей современного социума является техническая сторона, основанная на трансформации и усложнении различных приспособлений, поэтому использование и развитие IT и иных средств трансляции информации может считаться основанием эволюции всей общественной системы в целом. При этом важно понимать, что речь идет именно о плавном преобразовании системы. Связано это с различием революционного и эволюционного перехода и трансформации технической стороны общества. Промышленный переворот европейской системы XVII – XIX века по своему содержанию конечно же следует трактовать в качестве преобразования, которое связано с фундаментальной перестройкой системы связей и отношений [3]. Формируются предельно новые способы и принципы организации системы общественных отношений, поэтому этот период и категоризируется в качестве промышленной революции.

Пристайный библиографический список

1. Мохов А. И., Светлаков В. И., Мохова В. А. Интеллектуализация сферы жизнедеятельности как средство формирования ноосферы В. И. Вернадского // Вестник Российской академии естественных наук. - 2015. - № 4. - С. 31-40.
2. Мохов А. И. Интеллектуализация информационных ресурсов России – вение времени / Ученые записки ИМЭИ, научно-образовательный журнал. - 2013. - Т. 3. № 2. - С. 26-30.
3. Нуреев Р. М. Становление индустриального общества и поиски богатства народов // Terra economicus. - 2012. - Т. 10. № 1. - С. 180-197.
4. Санто Б. Инновация и глобальный интеллектуализм // Инновации. - 2006. - № 9 (96). - С. 32-44.
5. Шкондин М. В. Медиасистема как фактор интеллектуализации общества: структурно-функциональные аспекты // Социально-гуманитарные знания. - 2017. - № 8. - С. 96-113.
6. Шкондин М. В. Медиасистема как фактор репрезентации публичности в процессах освоения мира социумом // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. - 2017. - Т. 1. № 2. - С. 185-189.

РУДКЕВИЧ Елена Юрьевна

доктор философских наук, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), филиал Военно-учебного научного центра «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрань

ЧЕРЕПАНОВ Андрей Юрьевич

кандидат философских наук, заместитель начальника кафедры конструкции и эксплуатации вертолетных двигателей, филиал Военно-учебного научного центра «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрань

ГЕРАСИМОВ Николай Николаевич

кандидат философских наук, заместитель начальника факультета - начальник учебной части, филиал Военно-учебного научного центра «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрань

ВЛАСТЬ И ВОЙНА

Статья посвящена анализу актуальной проблемы взаимосвязи власти и войны. В современную эпоху войны, несмотря ни на что, не прекращаются, более того, они приобретают тотальный характер в том смысле, что охватывают практически все сферы общественного бытия. С момента появления власти как особого социального института монополия на насилие полностью перешла в юрисдикцию государства, с тех пор оно использует войну как инструмент для собственного укрепления и продвижения. Среди источников власти военный занимает далеко не последнее место. Война ускоряет генезис государства, укрепляет его суверенитет, способствует его физическому (и не только) расширению.

Ключевые слова: общество, власть, война, современность, государство, политика.

RUDKEVICH Elena Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Military and political work in the military (forces) sub-faculty, branch of the Military Educational Scientific Center "Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy" in Syzran

CHEREPANOV Andrey Yurjevich

Ph.D. in philosophical sciences, Deputy Head of Helicopter engine design and operation sub-faculty, branch of the Military Educational Scientific Center "Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy" in Syzran

GERASIMOV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, Deputy Head of the Faculty - Head of the educational unit, branch of the Military Educational Scientific Center "Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy" in Syzran

POWER AND WAR

The article is devoted to the analysis of the actual problem of the relationship between power and war. In the modern era, wars, no matter what, do not stop, moreover, they acquire a total character in the sense that they cover almost all spheres of social existence. Since the emergence of power as a special social institution, the monopoly on violence has completely passed into the jurisdiction of the state, since then it has been using war as a tool for its own strengthening and promotion. Among the sources of power, the military occupies far from the last place. War accelerates the genesis of the state, strengthens its sovereignty, and promotes its physical (and not only) expansion.

Keywords: society, government, war, modernity, state, politics.

Война естественна или, как говорили древние греки, – в природе вещей. Сущность войны – борьба, о чем писал еще Гераклит: «Раздор <ведь> – отец всем общим, и общий всем царь. И одних богами объявляет он, других – людьми, одних рабами сотворяет он, а других – свободными» [5, с. 187]. История человечества – это история войн. Люди воевали всегда, сначала они воевали за свое выживание и дальнейшее существование. Затем они вели борьбу за право иметь больше, чем просто средства существования, и продолжали войну как средство отстаивания своих интересов. С появлением государств война превращается в основное средство удержания и подтверждения власти. «...Вечной и главной причиной ... человеческих войн было и будет властолюбие, ... желание человека завоевать себе возможно большее число людей, наибольшую территорию, наибольшее богатство, наибольшую власть и престиж» [1, с. 135].

М. Манн отмечает, что существует четыре источника социальной власти – «идеологический, экономический, военный и политический» [9, с. 17], общество, его история, структура и функционирование могут быть объяснены через

пересечение этих накладывающихся друг на друга направлений власти. Облик государства определяется, таким образом, доминированием того или иного направления власти в тот или иной временной отрезок. Но вернемся к войне. Война есть один из основных источников появления государства. Возникнув из войны, государство (а, значит, и власть) в дальнейшем сосредотачивается на подготовке к войне. Как отмечает В. Н. Жуков, «война ускоряет генезис государства, формируя его ядро: армию, администрацию и органы прямого принуждения» [7, с. 24]. Процесс укрепления власти неизбежно связан с насилием и принуждением: «По мере укрепления своего влияния и власти государства развивали собственные системы принуждения, правовое обеспечение, укрепляли вооруженные силы, вступали в непрерывные войны с соседями, которые становились все более длительными во времени и все более разрушительными» [2, с. 53]. В ходе военных действий укреплялась территория государства, с одной стороны, а также власть правителя, с другой стороны.

Власть – это всегда насилие, и именно государство делает насилие легитимным, возводит его в ранг института. Су-

веренитет государства как раз и проявляется в том, что оно свободно распоряжается жизнями граждан, самостоятельно определяет свои цели, своих врагов, внушая свое понимание врага всему обществу. Насилие, по мнению, Х. Хофмайстера, может быть абсолютным и вынуждающим. Абсолютное насилие совершенно игнорирует волю принуждаемого. Вынуждающее, в свою очередь, «оставляет тому, кого оно затрагивает, возможность принять решение» [15, с. 47]. В основе же любого насилия лежит воля или, иными словами, сила. Насилие есть отрицание свободы [15, с. 53]. Понятие насилия довольно-таки широкое, его нельзя свести лишь только к принуждению. Как отмечает С. Каливас, «насилие, даже будучи понятием интуитивным, в понятийном смысле представляет минное поле. Это многогранное социальное явление можно определить довольно широко» [8, с. 45], но несомненен тот факт, что война и насилие связаны настолько тесно, что зачастую эти понятия анализируются параллельно, при этом отметим, государство обладает монополией на насилие. Насилие предстает как способ достижения многочисленных целей, насилие в государстве политизировано.

С. Каливас подмечает, что война есть социально-политическая среда, «фундаментальным образом отличающаяся от мира как минимум в двух аспектах. Во-первых, война прочти не предполагает добровольного согласия – только принуждение. Во-вторых, в военное время ставки для всех несравненно выше. ... Влияние войны выражается главным образом в том, что насилие как ресурс обретает первостепенное значение» [8, с. 79-80]. Любая война превращается во «временное упразднение правовых отношений между воюющими народами, их более или менее полное возвращение (относительно друг друга) к естественному состоянию борьбы стихийных сил» [14, с. 515]. Война есть состязание власти. Власть всегда должна обладать силовым измерением, чем и оправдывается насилие. Даже если допустить гипотезу существования социального контракта, согласно которому индивиды заключают со своими управителями социальный договор, истинной, то и это допущение не исключает применения насилия и войн как средства укрепления власти. Как верно заметил Б. де Жувенель, «все держится на повиновении» [6, с. 43], а повиновение есть следствие насилия.

Здесь необходимо оговориться: государство не порождает войну, не является источников войн (источник войн кроется в особых социально-культурных и социально-политических условиях, сложившихся к определенному времени), но государство использует войну и переводит ее в иную область, например, в политическую, в идеологическую или экономическую. Х. Хофмайстер полагает, что с помощью государства удалось монополизировать насилие, устранить его не удалось, поэтому «государство и война суть две стороны одной медали» [15, с. 187].

Война есть область противоборства не только культур, но и идеологий, экономик, политики, и победит из них та, которая способна выстоять, та, в которой дисциплина и порядок выражены ярче. Например, анализируя эпоху XI-XII вв., Бертран де Жувенель пишет, что «Война в ту пору является незначительной, потому что незначительна Власть» [6, с. 29]. Но Власть всегда стремилась к своему возрастанию любыми способами, не исключая финансовые методы. Размах власти подразумевает размах войны. Введение воинской повинности стало существенным рычагом управления в руках власти.

Война с тех пор, как престала быть средством выживания и борьбы за существование, стала феноменом социальным, культурным, в большей степени стала использоваться как политическое средство. Именно этим и обусловлено

появление таких распространенных дефиниций войны, как продолжения политики насильственными средствами. На наш взгляд, данное определение фиксирует лишь одну сторону войны – политическую, или борьбу за власть, за доминирование. В этом, несомненно, есть определенная доля истины: практически все войны ведутся именно с этой целью. Современность особенно ярко демонстрирует этот тезис. Война показывает возможности государства в подавлении тех, кто не желает подчиняться, война – кульминация использования силы (насилия) в подавлении и подчинении. Война и власть неразлучны.

«История войны как коллективного и организованного применения силы, по сути, является историей деиндивидуализации борьбы» – отмечает Г. Мюнклер [10, с. 179]. Действительно, время битвы героев давно кануло в лету. Современные войны ведутся против обобщенного врага, чей образ жестко рисуется в средствах массовой информации с применением различных эпитетов, уничижающих противника. При этом войны современности становятся тотальными: армия, государство и народ представляют собой единое целое, в связи с чем уничтожению подлежит не только армия, но и все население, агрессия против врага не имеет границ. «Если анализировать войны, то «с поразительной ясностью обнаруживается, что от одной войны к другой коэффициент участия общества в конфликте все возрастал ...» [6, с. 27]. Средства массовой информации пестрят сообщениями о жестоком обращении с пленными, но мы же понимаем, что это следствие перехода войны на иную ступень, последствия желания власти укрепиться на своих позициях любыми способами. Обезличивание – это характерная черта современных войн. «Субъект управления может постараться искусственно создать в сознании управляемых им индивидов такой устойчивый иллюзорно-теоретический, упрощенный и обобщенный субъективированный образ противника, который бы позволил «искусственно» придать их агрессивно-принудительным действиям тот самый «оправданный» характер, необходимый для их практического применения в дальнейшем» [16, с. 301]. «Главное в образе врага – это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица», – полагает Е. С. Сенявская [12, с. 16]. Например, в годы Второй Мировой войны и в годы ей предшествующие со стороны немецкой стороны работала мощная идеологическая пропаганда, которая была построена на немецкой исключительности, национально-расовом и государственном превосходстве Германии, при этом другие народы, в том числе и населявшие территорию Советского Союза представлялись как «недочеловеки», «люди второго сорта» и т.д.

Характерной чертой современных войн является и скорость. Скорость – это власть, – утверждает современный французский философ П. Вирильо [4]. Причем скорость может быть понята в разных смыслах в данном случае, в том числе и как «кто быстрее». Поль Вирильо пишет о трех бомбах: атомной, компьютерной и генетической. За атомной бомбой скрывается бомба компьютерная, так как без операций на компьютере ядерная физика никогда бы не смогла получить столь стремительное развитие. В результате того же самого процесса генетическая бомба получила развитие на базе бомбы компьютерной, поскольку только компьютеры позволяют сделать расшифровку и манипулировать ДНК [4]. В рамках современности тот обладает властью, кто контролирует виртуальные сети, ведь компьютерные вирусы – это тоже бомбы и они способны нанести более серьезный урон экономике, военной сфере и политике государства, чем реальное физическое оружие. Поэтому к физической войне в современном мире прибегают в последнюю очередь, это

последний аргумент государства, применяемый для укрепления своей власти. И иногда этот последний аргумент не является решающим.

П. Вирильо предостерегает, что в современном мире демократия находится в опасности. Эта опасность обусловлена чудовищным влиянием технократии. «В ходе технического прогресса техника почти превратилась в *deus ex machina* – её скорость представляет специфическую форму политической власти. Если время – это деньги, то тогда скорость – это власть. Здесь речь идёт о полностью независимой власти, которая никем не была санкционирована, да и не может быть санкционирована. Чтобы её ограничить или уничтожить, нужно отключить электричество или взорвать электростанции...» [4]. Он также пишет о том, что глобализированная информация обладает такой властью, что виртуальные сети, киберпространство могут стать предметом культа. Действительно, виртуальные сети, окутавшие социальное пространство, получили статус практически основной силы власти, которую государства используют в собственных целях, далеко не гуманных и не добропорядочных. Современная социальная реальность – это симбиоз актуального, связанного с материальным, и виртуального. Причем виртуальное есть совокупность образов, переведенных в актуальное. Обладающий властью над виртуальным и актуальным, обладает реальной властью в современном мире. Так, современное государство будет стремиться к обладанию властью в виртуальной среде, для этого ему просто необходимо принудительно (если не получается добровольно) заставить своих граждан придерживаться тех правил поведения в виртуальной среде, которые выгодны государству. «Власть простирается тем шире, чем совершеннее она может управлять действиями членов общества и чем полнее использовать свои средства» [6, с. 44]. Для этого любая власть «стремится согласно необходимой логике усилить централизацию общественного управления» [6, с. 136]. Жувенель пишет о самодостаточном целеполагании власти. Он отмечает, что даже если в обществе правовых условий для власти уже не будет, то «... власть способна существовать как чистое повелевание, и чтобы постичь ее субстанциональную реальность, надо рассмотреть именно то, без чего не бывает власти – это саму сущность, которая и есть повелевание» [6, с. 148].

Рассматривая взаимосвязь власти и общества, Б. де Жувенель переходит к проблеме национальности. Он полагает, что нация сформировалась в единый организм под влиянием лиц, обладающих страстью к исполнению власти и умеющих реализовать эту страсть. Харизматические способности лидеров вызывать подчинение постепенно рожают коллективное сознание, из которого и появились первые признаки национального единства. «Именно инстинкту господства обязаны своим существованием большие целостности», – отмечает Б. де Жувенель [6, с. 152]. Господство одних над другими есть, по его мнению, то связующее звено, которое предвосхищает появление крупных наций. «Принцип формирования обширных образований только одно – завоевание» [6, с. 152]. Отношения господства-подчинения, установленные в результате завоевания, стремятся к сохранению, хотя и без определенной отсылки к законности. Нация есть результат исторического развития человечества, тесно связанный с появлением государств. Н. А. Бердяев отмечает: «Народ есть реальность гораздо более первичная и природная, чем нация, в народе есть что-то дорациональное. Нация же есть сложный продукт истории и цивилизации, она есть уже продукт рационализации. ... нация есть принцип, господствующий над людьми, есть правящая идея. ... Нация глубже связана с государством, чем народ. ... нация стремится выразить себя в го-

сударственном могуществе, она создает формы власти» [3, с. 101]. Итак, нация тесно связана с властью и государственным правлением. Отсюда следует такой вывод: для сохранения государственности идеология национализма и патриотизма является основополагающей. Мы не оговорились, действительно грань между патриотизмом и национализмом очень зыбкая. Эти две формы идеологии возникают именно в период перехода от народа к нации. И в период войны эти две формы идеологии работают на победу, поскольку «национализм и патриотизм есть форма духовной самоорганизации народа в нацию, наиболее ярко проявляющийся в войне» [7, с. 27]. В. Н. Жуков отмечает, что в данном случае не происходит насаждения политической идеологии сверху, потому что «источник данной идеологии, потребность в ней всегда исходит от народа, нации, государство лишь использует этот потенциал» [7, с. 27].

Конечно же, власть, властные группировки используют свой потенциал для развязывания войн, с одной стороны, и способны оказывать существенное влияние на ход и исход уже текущих военных действий, с другой стороны. Это особенно касается современных государств, которые невозможны без опоры на действующую армию, на полицию (или другое образование, выполняющее ее функцию), на систему государственных органов. Однако, история демонстрирует, что, если общество не готово нести те тяготы войны, которые власть навязывает ему, то заставить воевать людей силой практически невозможно. И наоборот: воодушевленный народ, сплоченный перед лицом врага, способен одержать победу в военных действиях, даже если власть показывает свою неспособность организовать людей в этой борьбе. И первый, и второй случай есть показатель уровня боеготовности государства. Способность нации к жертвам есть залог победы, а ее неспособность к жертвам может поставить под угрозу само существование государства и власти как его воплощения. Сильные нации всегда воюют, история хранит немало примеров этому. «Формально войны развязываются государствами, фактически запрос на войну формируется в обществе», – полагает В. Н. Жуков. Он отмечает, что враждебность между нациями влечет за собой враждебность между государствами [7, с. 27]. Именно поэтому в XX столетии войны приобретают тотальный характер.

Понятие тотальной войны используется в философии войны в разных смыслах. Одним из основоположников теории тотальной войны был германский генерал, идеолог милитаризма Э. Людендорф. Для него тотальная война – это война на истребление. Но есть и иной смысл понятия тотальной войны. Современная тотальная война связана с установлением глобальной Империи (термин М. Хардт и А. Негри). В такой Империи происходит размывание границ национальных государств, потеря ими суверенитета и монополии на власть и насилие. Определенные черты глобальной Империи мы и наблюдаем в современном мире. Государства (не все, конечно) теряют (хотя бы частично) монополию на власть и насилие, появляются частные военные кампании, выполняющие те функции, которые были присущи армии. На мировую арену выходит господствующий класс, имеющий существенную экономическую и финансовую власть, способный лоббировать свои интересы и навязывать свою волю. Для этого класса национальные границы не имеют значения, формируемые транснациональные корпорации выполняют сугубо утилитарную функцию, а именно – получение прибыли, при этом цель оправдывает средства. Власть зачастую идет на поводу у крупных держателей финансовых активов, она уже зависит от них. Глобальная Империя есть симбиоз власти и финансовых ресурсов. Олицетворяет Империю США, кото-

рые стремятся доминировать любой ценой. Однако, данное желание и стремление получать все больше прибыли приводят к тому, что формируются территории, несогласные с политикой устрашения и навязывания своих ценностей. На этих территориях периодически вспыхивают конфликты малой интенсивности (термин М. ван Кревельда). Ведущей силой в таких войнах являются партизаны.

Проблема партизанской войны детально рассмотрена в работе немецкого политического исследователя К. Шмитта «Теория партизана». В классической войне партизан не являлся основным комбатантом, он рассматривался как явление периферийное либо же как явление преступное, подрывающее основные правила ведения войны. Однако, впоследствии понятие партизана существенно меняет свою смысловую нагрузку. К. Шмитт выделяет четыре основных критерия партизана: повышенная мобильность, иррегулярность, интенсивная политическая вовлеченность, теллурический характер. Он считает, что понятие мобильности относится не только к военно-технической сфере, он предлагает перевести это понятие и в антропологическую область. Мобильность для него – это уже не только и не столько возможность быстро преодолевать крупные расстояния и обеспечивать тем самым стремительное реагирование на планы и действия противника, но в большей степени умение быстро изменять себя и свою сущность [11, с. 23]. Партизан, не использующий военную форму, сливается с гражданским населением. Таким образом способен малым числом противостоять значительно превосходящим силам противника. Итак, использование невоенной формы одежды и отсутствие распознавательных знаков К. Шмитт интерпретирует как еще один критерий партизана, связанный с мобильностью, – иррегулярность [17, с. 26]. Также для партизана важна привязанность к своей земле: Партизан у К. Шмитта привязан к земле, он автохтонен, фактически он местный житель, который воюет на своей родной территории [17, с. 37-38]. Он носит фронт с собой: военные действия могут развернуться в любой точке. Для отличия партизана от простого разбойника К. Шмитт вводит четвертый критерий – интенсивная политическая вовлеченность (политическая ангажированность). К. Шмитт поясняет: «...именно политический характер его (партизана) образа действий снова возрождает первоначальный смысл слова партизан» [17, с. 27], которое происходит от слова «партия» и указывает на связь партизана «... с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой» [17, с. 27].

И. Н. Сидоренко отмечает, что «в современную эпоху информационно-идеологических и сетевых войн фигура партизана обнажает и свою противоположную сторону, превращаясь в террориста» [13, с. 122]. Терроризм является «самым серьезным испытанием для ... общества, ибо атакует его там, где общество, как правило, незащищено» [10, с. 173]. Можно выделить следующие характеристики современного глобального террориста: «безграничность и тотальность; детерриторизация и сетевая природа; смешение военных и полицейских задач, что позволяет трансформировать войну в полицейскую акцию под видом «гуманитарной интервенции»; стирание различий между войной и миром, что в принципе не дает завершиться войне мирным договором» [13, с. 122]. Так, современная война – война тотальная. И она будет сохранять свой тотальный характер, то есть затрагивать все сферы общественного бытия и стирать грани между войной и миром, не делая различия между комбатантами и некомбатантами, еще неопределенное время.

Таким образом, очевидно, заявленная в заглавии проблема взаимосвязи войны и власти не может быть полностью

раскрыта в рамках одной статьи. Комплексный характер взаимосвязи и взаимосвязи власти и войны обуславливает большой объем информации для анализа, но нам удалось прийти к следующему выводу: всякое продвижение власти служит войне, а всякая война служит продвижению власти. Эволюция власти неразрывно связана с войной, которую она рассматривает как инструмент для самоутверждения.

Пристатейный библиографический список

1. Альберди Х. Б. Преступление войны. – М.: ИИЛ, 1960. – С. 135. – 256 с.
2. Антонович И. И. Метафизика власти и эволюция демократии. – Минск: Вышэйшая школа, 2023. – 318 с.
3. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
4. Вирильо П. «Если время – деньги, то скорость – это власть». // «РУССКИЙ МИРЪ. Пространство и время русской культуры» – № 4. – С. 355-364 // <http://almanax.russculture.ru/archives/1960>
5. Гераклит Эфесский. Все наследие. – М.: ООО Ад Маргинем Пресс, 2012. – 416 с.
6. Жувенель Б. де. Власть: естественная теория ее возростания. – М.: ИРИСЭН, 2023. – 546 с.
7. Жуков В. Н. Государство и война // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5 (173). – С. 24-28.
8. Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. – М.: Издательство «Пятый Рим», Фонд «Историческая память», 2019. – 784 с.
9. Манн М. Власть в XX столетии: беседы с Джоном А. Холлом. – М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2017. – 208 с.
10. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. – М.: Кучково поле, 2018. – 384 с.
11. Рудкевич Е. Ю., Черепанов А. Ю. Партизанская война: основы социально-философского анализа. – Саратов: Саратовский источник, 2024. – 157 с.
12. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. – 288 с.
13. Сидоренко И. Н. Тотальная война: феномен XXI века // Труды БГТУ. – 2016. – № 5 – С. 120-124.
14. Соловьев В. С. Спор о справедливости // Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 509-521.
15. Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 288 с.
16. Шагако Д. С. Война и насилие: социально-философская характеристика взаимодействия // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 11. – С. 299-303.
17. Шмитт К. Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Практис, 2007. – 301 с.

ШАРИПКУЛОВ Айдар Вильевич

И.о. директора Открытой высшей гуманитарной школы (института), Российский государственный социальный университет

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЭТНОСА В РАМКАХ ГУМАНИТАРНОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ

Статья посвящена вопросам осознания необходимости продолжения познания физических свойств природы, представляющимся значимым научным процессом познания в рамках исследований в сфере создания современных этнических идеологий и анализа миграционных социально-практических детерминаций в связи с глобальными процессами в обществе. Делается вывод, что общественные идеалы создают фундаментальные духовные ценности, составляющие суть этноидеологий, так востребованных сегодня, для мотивации членов общества, в частности, в вопросах самоопределения этноса, взаимодействия этносов, а также миграционных процессов в рамках соответствующего политического и социокультурного фрейминга.

Ключевые слова: этнос, духовные ценности, социально-практические детерминации, межгрупповые взаимодействия, этноидеология, социальные механизмы взаимодействия.

SHARIPKULOV Aidar Viljevich

Acting Director of the Open Higher Education Humanitarian School (Institute), Russian State Social University

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SOME FOUNDATIONS OF VALUE ORIENTATIONS OF AN ETHNOS WITHIN THE FRAMEWORK OF HUMANITARIAN GLOBALISTICS

The article is devoted to the issues of awareness of the need to continue cognition of the physical properties of nature, which seems to be a significant scientific process of cognition in the framework of research in the field of creating modern ethnic ideologies and the analysis of migration socio-practical determinations in connection with global processes in society. It is concluded that social ideals create fundamental spiritual values that constitute the essence of ethnoideologies, so in demand today for the motivation of members of society, in particular in matters of self-determination of an ethnic group, interaction of ethnic groups, as well as migration processes within the framework of the corresponding political and socio-cultural framing.

Keywords: ethnos, spiritual values, socio-practical determinations, intergroup interactions, ethnoideology, social mechanisms of interaction.

Шарипкулов А. В.

Современный мир в его постиндустриальной фазе развития, представляется, определенная в способе социально-практического бытия при осознании необходимости продолжения познания законов действительности в их актуализированном виде и в формулировании актуальных правил поддержания гражданского мира в обществе. Непрерывная актуализация общественного сознания через формируемые смыслы и образы, а также через закономерности объекта, представляющиеся как физические свойства природы и как основа для поддержания и совершенствования духовных ценностей, наполненных современным значением, полагается значимым научным процессом познания в рамках исследований в сфере создания современных этнических идеологий и анализа миграционных социально-практических детерминаций в связи с глобальными процессами в обществе.

Наука подтверждает, что достижения научного разума в его социальном практическом преломлении транслируются через нравственность, науку, право, искусство, философию. Значимость научных достижений, политики в целом, в широком ее понимании, полагается, проявляется через систему ценностей, принимаемой обществом. Если общество принимает научно знание как ценность, это, представляется, означает, что общество верит в его достоверность, то есть, воспринимает его как ценность.

Известно, что социальная практика проявляет весь спектр духовных ценностей, принятых в обществе через обычаи, нравственные нормы, общественное мнение, трансформирующиеся, по нашему мнению, в соответствующие смысло-образы и общественные идеалы. Представляется, что общественные идеалы, то, что важным представляется для культурно-исторического развития, в свою очередь, создают фундаментальные духовные ценности, составляющие суть

этноидеологий и являющиеся сутью идентичности, так востребованные сегодня для мотивации членов общества, в частности, в вопросах самоопределения этноса, взаимодействия этносов, управления глобальными миграционными процессами в рамках соответствующего политического и социокультурного фрейминга. Так, Г. Г. Салихов, исследуя метафизику социального и политического бытия, раскрывает «вопросы не только социальных, политических взаимоотношений различных культур в условиях развития современного мира, но и аспекты формирования стандартов культурных традиций и становления новой глобальной парадигмы взаимодействия культур» [8].

Социально-философские проблемы этногенеза как одни из основополагающих вопросов социальной философии постоянно находятся в центре внимания современных исследователей. Так, вопросами формирования духовно-нравственных ценностей государственно-публичных образований на уровне этно-идеологических формулировок и мотивационных оснований к глобальным миграционным процессам занимались исследователи С. А. Арутюнов [1], Ю. В. Бромлей [2], Л. Н. Гумилев [4], И. Ю. Заринов [5], С. Е. Рыбаков [7], А. Л. Сафонов [9], А. Д. Орлов [9], О. Б. Скородумова [10], В. А. Тишков [11], А. Г. Хабибулин [12] и иные многие философы, политологи и праведы.

Исследование духовных ценностей и общественных идеалов, формулирование оснований этноидеологии в ее социально-философском видении, анализ моделей идентичности, помогает, представляется, воспринимать социальную философию как методологическую основу для решения научных задач и в иных отраслях науки, связанных с вопросами самоопределения этноса и его социально-культурных оснований.

Исследователь О. Б. Скородумова отмечает, что «Практика поиска самоопределения России показывает, что, несмотря на глобализационные процессы, попытки постмодернистской деконструкции национального наследия, традиционные базовые ценности российской культуры играют существенную роль и в осмыслении собственного места в современном мире, и в стремлении выработать национальную модель информационного общества, на новой технологической основе сохранить наследие русской культуры» [10].

Ю. Д. Гранин, в частности, исследуя вопросы эволюции подходов и интерпретаций в философии терминов «нация» и «этнос», высказывает мнение, что «уже к концу XVIII столетия был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке – «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления – общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к цивилизованному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых, – отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные и субъективные факторы – то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой, – отличает народы и нации друг от друга» [3]. В этом же научном труде, исследователь заключает: «В качестве существенных признаков этносов и наций объявлялись то единство «естественных» условий жизни народов, то единство их хозяйственно-экономических связей, то «языка» и «культуры», а чаще всего – «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого будто бы интегрирует людей в этносы и нации. Попытки же выработать некое универсальное и потому приемлемое для всех определение также не увенчались успехом» [3].

Научный труд В. И. Затева «Философские аспекты понятий «Этнос», «Этничность» и «Этническое»» дает, видится, достаточное представление о научной дискуссии в философской науке о специфике данных понятий. Так, исследователь указывает, что: «Отечественные этнологические теории, рассматривающие проблему этноса в реальной жизни и современной науке, представлены различными концепциями этноса. Это, во-первых, социально-культурная концепция Ю. В. Бромлея; во-вторых, пассионарная теория этноса Л. Н. Гумилева; в-третьих, информационная концепция этноса Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова; и системно-статистическая (или компонентная) теория Г. Е. Маркова и В. В. Пименова. Выработка спектра возможностей дальнейшего выживания человеческого сообщества и его развития органически связана с существованием множества культур, являющихся выражением творческих потенций человечества, а также культурных различий в современном мире. Нивелировка различий и приведение «всех и вся» к единому социально-культурному стандарту вызывает разрушительные явления на разных уровнях общественной жизни, разнообразие же культур составляет необходимый запас общественной прочности, свидетельствует о противостоянии энтропийным процессам и существовании в обществе инновационного потенциала, который может быть в любой момент востребован в процессе развития. Его стратегии требуют постоянно поддерживаемой культурной дифференциации и взаимовлияния культур» [6].

В современном, насыщенном глобальными миграционными процессами мире, идентичность с ее историческими основаниями принимает, представляется, форму длящегося состояния. Принимая точку зрения исследователя В. И. Затева, заключающуюся в том, что территория оседлости определенного этнического сообщества является его глубинной характеристикой и «природной формой самоорганизаций» [6], с одной стороны, и специфической базой (основанием) к межгрупповым взаимодействиям в виде единой этнической социальной общности, приходит понимание того, что этот процесс получает свое историко-логическое завершение в его причинно-следственной связи. Видится необходимым, в связи с этим, осуществить смысловое наполнение процесса самоопределения этноса в его социально-практическом преломлении. В нашем понимании, это должна быть своеобразная определенная, наполненная ценностно-ориентированным социокультур-

ным континуумом, формирующим определенный тип поведения этноидеология. Этноидеология видится нам тем механизмом, который социализирует этнического человека и адаптирует мигранта в конкретных социокультурных и природных условиях.

Таким образом, даже такой краткий и общий обзор тематики, представляется, дает понимание этноса как внутреннего социокультурного единого сообщества, как единой системы взаимоотношений в рамках внешней социальной системы, оперирующей специальным единым для частного (этноса) и целого (социума) механизмом в ее смысло-образном выражении и ценностно-ориентированном наполнении (этноидеологии).

Современные вызовы, вынуждающие покидать представителей определенного этноса свои исторические территории (признающимися наукой глубинными характеристиками этноса) и адаптироваться к иным, порой чуждым социокультурным условиям, имеющим свои соответствующие социальные механизмы взаимодействия, представляются мобилизующим основанием к дальнейшим научным исследованиям в сфере проектирования этнических микро и макросистем, прогнозирования социально-практического бытия в рамках мультикультурного общества во имя гражданского мира и дальнейших научных представлений о самоопределении этноса и его социально-культурных основаниях. Представляется при этом, что в глобальном социокультурном процессе в условиях миграционных вызовов каждый этнос, обладая устойчивыми этническими ценностно-ориентированными знаниями и представлениями о народах и нациях, сохранит свой специфический социальный опыт и свою историческую судьбу.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. - М.: Наука, 1989.
2. Бромлей Ю. В. Очерки истории этноса. - М., 1983.
3. Гранин Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1195&ysclid=m0272hbbnd406473119.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990.
5. Заринов И. Ю. Социум - этнос - этничность - нация - национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1; Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990 годы. - М., 2003.
6. Затева В. И. Философские аспекты понятий «Этнос», «Этничность» и «Этническое». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-ponyatiy-etnos-etnichnost-i-etnicheskoe-1?ysclid=m029rsqp4u269190712>.
7. Рыбаков С. Е. К вопросу о понятии этнос: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. - 1998. - № 6 @@ О методологии исследования этнических феноменов// Этнографическое обозрение. - 2000. - № 5.
8. Салихов Г. Г. Социальные и политические проблемы взаимодействия культур: С69 монография / Ф. С. Файзуллин [и др.]. - Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. - 170 с.
9. Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания - 2011. - № 4.
10. Скородумова О. В. Модели национально-культурной идентичности в российской социально-философской мысли в постсоветский период. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-natsionalno-kulturnoy-identichnosti-v-rossiyskoy-sotsialno-filosofskoy-mysli-v-postsovetskiy-period?ysclid=m0co26ffhul808823424>.
11. Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. - 1997. - № 3 @@ Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. - М., 2003.
12. Хабибуллин А. Г., Мурсалимов К. Р. Самобытность российского общества в связи с миграционными процессами: правообразующий аспект // Миграционное право. - 2021. - № 2.

БЕЛЯКОВ Николай Станиславович

ассистент кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий

РАЗУМНАЯ ВЕРА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В статье рассматривается проблема разумной веры в контексте культуры диалога культур. Отмечается специфика разумной веры как особого типа веры, фиксирующего согласие разума субъекта с самим собой по вопросу принятия определенных решений, в тоже время допускающего возможность существования альтернативных идеалов у других членов социума. Разумная вера предстает как один из наиболее эффективных инструментов для преодоления оппозиции «Мы – Они»; способствует формированию доверия и открытости субъекта по отношению к «Другому». Обосновывается связь социокультурных доминант разумной веры с уровнем развития как общества, так и духовного мира конкретного субъекта. Делается вывод о необходимости развития культуры как на личном, так и общественном уровне с целью реализации потенциала к разумной вере и гармонизации общественных отношений в целом.

Ключевые слова: вера, разумная вера, доверие, фанатизм, социокультурные доминанты, социум, социальные процессы, коммуникация, образование.

BELYAKOV Nikolay Stanislavovich

assistant of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

REASONABLE BELIEF IN THE SPACE OF CULTURE OF DIALOGUE OF CULTURES

The article examines the problem of reasonable belief in the context of the culture of dialogue of cultures. It notes the specificity of reasonable belief as a special type of faith that records the agreement of the subject's mind with himself on the issue of making certain decisions, while allowing for the possibility of the existence of alternative ideals among other members of society. Reasonable belief appears as one of the most effective tools for overcoming the opposition "We - They"; it contributes to the formation of trust and openness of the subject in relation to the "Other". The connection of socio-cultural dominants of reasonable belief with the level of development of both society and the spiritual world of a particular subject is substantiated. A conclusion is made about the need to develop culture both at the personal and social levels in order to realize the potential for reasonable belief and harmonize social relations in general.

Keywords: belief, reasonable belief, trust, fanaticism, sociocultural dominants, society, social processes, communication, education.

Беляков Н. С.

Одной из ключевых проблем современного социума является необходимость формирования культуры диалога культур. Процесс глобализации, информатизации, усиливающаяся миграция в наиболее развитые страны и регионы ведут к формированию нового социокультурного пространства, насыщенного элементами разных культурных традиций. Не является исключением из данной тенденции и Россия, на территории которой проживают представители сотен этносов и культурных групп, начиная от достаточно крупных, обладающих собственной государственностью в пределах республик, входящих в состав РФ, заканчивая малыми народами. Кроме этого, усиливаются миграционные потоки из стран бывшего СССР, формируются диаспоры, которые приобретают все большее значение в социальной и даже политической жизни общества. Например, во многих городах-миллионниках РФ, второй по количеству этнокультурной группой являются представители народов-выходцев из стран бывшего СССР. Так, в Красноярске второй по численности этнос – таджики, в Ростове-на-Дону и Краснодаре – армяне, в Волгограде – казахи [1].

Несмотря на то, что евразийское пространство – это традиционная область пересечения многих культурных и религиозных традиций, к сожалению, нельзя однозначно сказать, что проблем, связанных с отсутствием культуры диалога культур, в России нет или они носят несущественный характер.

В данной работе представляется необходимым дать социально-философский анализ подобных процессов через призму социокультурных доминант, закрепленных при действии разумной веры человека.

Межсубъектная коммуникация – достаточно сложный направленный процесс, включающий в себя как лингвокультурный, так и личностный аспект. Исторически большинство культурных традиций достаточно замкнуты в том плане, что

формируют предубеждения относительно представителей других народов. В наиболее общем виде это можно выразить при оппозиции «Свой - чужой», «сводящейся к противопоставлению разных этнических общностей» [4, с. 174]. Даже в классической древнегреческой философии встречаются элементы подобного разграничения. Например, Аристотель, говоря о свободе, говорил, что некоторые люди (в первую очередь благородные эллины) могут быть подлинно свободными, тогда как варвары, какой бы высокий пост они не занимали у себя на родине остаются по природе рабами. «Себя они считают благородными не только у себя, но и повсюду, варваров же – только на их родине, как будто в одном случае имеется благородство и свобода безусловные, в другом – безусловные» [2, с. 43].

Однако, если бы данный вектор развития межкультурных и межэтнических отношений был единственным, диалог культур мог бы рассматриваться единственно как утопия, что не соответствует действительности. Должны существовать механизмы, преодоления культурных стереотипов, позволяющие фиксировать нацеленность «Я» на «Другого». Коммуникация как таковая «предполагает диалог, наличие другого, стремление к взаимопониманию, многозначность и толерантность к инаковому» [3, с. 93], в контексте потенциальной необходимости осуществления диалога с «Другим», как с равным самому себе.

Мы полагаем, что подобное возможно при условии обращения к универсалии разумной веры. Разумная вера фиксирует согласие разума субъекта с самим собой по вопросу принятия тех или иных фактов как соотносящихся с действительностью» [7]. Формируя устойчивую субъективную ассоциацию «разумная вера - истина», субъект, тем не менее, не абсолютизирует ее, что качественно выделяет разумную веру в особый тип веры. Это открывает возможность для сосуществования различных социальных практик в рамках одного общества.

Как мы уже отмечали, образ субъекта-носителя другой культурной традиции зачастую выражает его инаковость через противопоставление «Я» и «Другого». Фактически «Другой» превращается в непостижимый во всей полноте объект, наделенный чертами трансцендентного в контексте его принципиальной непознаваемости и чуждости. Подобное противопоставление достаточно крепко и может граничить в некоторых случаях с фанатизмом, когда речь заходит, например, о национализме как форме социального неприятия «Другого». Фанатизм фактически отвергает все возможные формы существования противоречащих ему установок и идеалов в сознании верящего субъекта.

В свою очередь разумная вера характеризуется свободой от фанатизма. В случае возникновения последнего происходит неизбежный переход от разумной веры к другому ее типу, например, вере религиозной.

Разумная вера, в отличие от других типов веры, всегда открыта к восприятию инакового как потенциально возможного. Кроме этого, ее связь с трансцендентным выражена максимально неявно, поскольку разумная вера не оперирует универсалиями Бога либо идеального социального устройства будущего в контексте их абсолютного характера.

Человек, охваченный разумной верой, может быть религиозен, однако он с необходимостью осознает, что сам вопрос существования Бога – это одна из кантовских антиномий и его личностное принятие одного из ее тезисов не может рассматриваться как универсальное основание бытия других людей (говоря об этом мы подчеркиваем, что речь здесь не идет об обязательном знании подобных философских систем, но субъективном принятии указанных установок в их предельно общем виде). Безусловно, разумная вера заставляет субъекта не сомневаться в истинности своих убеждений, однако ни коим образом не вынуждает его навязывать эти требования окружающим насильно.

Социальным следствием направленности разумной веры на «Другого» является возникновение ощущения доверия либо недоверия, в зависимости от особенностей духовного мира самого субъекта. Однако даже недоверие в данном контексте не носит разрушающего характера, поскольку испытывающий его субъект осознает потенциальную возможность устремленности в сторону «Другого», выражаемую в доверии, путь и не разделяет ее.

Логическая необходимость выделения разумной веры объясняется тем, что вера всегда формирует устойчивую ассоциацию своего объекта с истиной. Эта ассоциация существует до того момента, пока наблюдается вера, подпитывающая эту связь. Однако человек не может существовать, не разделяя определенную систему смысловых координат, поэтому, как только происходит слом одной системы верований, ее с необходимостью должна заменить новая.

Сознание человека – это синтез рационального и иррационального. Как отмечает, например, Н. С. Мудрагей, что «разведение рационального и иррационального по разным углам крайне нефилософично» [5], соответственно строить свою матрицу смысловых значений основываясь только на рационально выведенных фактах человек в принципе не в состоянии. В современной науке подобное наиболее четко иллюстрируется теоремами Геделя о неполноте, фактически говорящими о необходимом наличии некоего недоказуемого ядра в рамках любой формальной системы.

Тем самым – вера всегда сопутствует человеку. Более того, она осуществляет связь между иррациональным и рациональным, обеспечивая целостность сознания субъекта. На основании этого, разрушение одной системы веры с необходимостью ведет построение новой. Однако, когда мы говорим о социальном пространстве, вера потенциально должна обладать рядом специфических черт. В первую очередь, она должна способствовать эффективной межкультурной коммуникации, поскольку несмотря на многочисленные конфликты и войны наблюдается поступательное развитие общечеловеческой культуры и цивилизации.

Подобным критериям, с нашей точки зрения, отвечает только разумная вера. Важно понимать, что разумная вера – это только один из типов веры доступных человеку, проявляющийся в ходе диалога культур и позволяющий взвешенно подходить к принятию решений, исходя из возможности пересечения собственных идеалов с позицией других членов социума. Разумная вера не тождественна культуре или духовному миру человека. Однако она детерминирует социально-культурные и духовно-нравственные доминанты в их системе, позволяя эффективно взаимодействовать в рамках социума.

Что касается непосредственно отечественного социального пространства, то оно достаточно неоднородно. Социокультурные доминанты в сознании масс, к сожалению, имеют тенденцию к радикализации, что на практике выражается в усилении межкультурных и межэтнических конфликтов. Например, Д. И. Попенкова отмечает, что «этнические и религиозные конфликты в современном обществе возникают вследствие различий в социальных, культурных и религиозных позициях; в нежелании воспринимать возможность существования других традиций и образа жизни» [6, с. 278]. Данный факт носит вполне объективный характер и вызван, помимо прочего, сложными социально-политическими условиями, в которых вынуждена существовать современная Россия.

Разумная вера изначально требует значительных интеллектуальных усилий, поскольку она неразрывно связана с культурой и духовным миром человека; уровнем рефлексии над окружающими процессами и самим собой. Она гораздо более «хрупка», чем образы, рожденные религией, идеологией или даже архаическими мифологическими установками. Выше мы отмечали, что разумная вера не тождественна теоретическому философскому знанию, однако закономерным является вывод, что она с необходимостью строится на комплексе обобщенных философских идей, разделяемых индивидом на неявном уровне. Наблюдается связь между уровнем общей культуры индивида и возможностью формирования в его сознании элементов разумной веры.

В свою очередь, формирование духовного и культурного мира человека – это диалектический процесс взаимодействия внешней среды с личностными установками самого субъекта. Таким образом, внешняя социально-политическая среда, насыщенная конфликтами и противоречиями, захлестнувшими постсоветское пространство, негативно сказывается на духовном мире человека как такового. Актуализируется бинарное мышление, как наиболее простой способ консолидации или, наоборот, социального разграничения.

В подобных условиях потенция к разумной вере безусловно сохраняется, однако ее реализация на практике становится чуть менее массовой. В тоже время ее наличие мыслится нами необходимым элементом гармоничного социального сосуществования разных культур и этносов. Альтернативные возможности тоже существуют. Они связаны с религией как способом интеграции масс, либо идеологией. Достаточно вспомнить концепт «советского человека», как некой надстройки над этнокультурным разнообразием народов СССР. Однако в условиях российской действительности подобные механизмы сглаживания межкультурного диссонанса маловозможны. Уровень религиозности современного населения в среднем не очень высок, а для внедрения идеологии в массы необходимо, как минимум, ее четкая теоретическая проработка и наличие транслирующего ее «пассионарного» ядра.

На основании этого, наиболее эффективным механизмом разрывания межкультурного диалога и интеграции социума остается разумная вера. Однако она глубоко личностна и требует относительно высокого уровня духовно-нравственного развития субъекта.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитические данные о зарплатах, населении, ценах, рынке труда в России и мире 2024. Население городов. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:// <https://bdex.ru/naselenie/>
2. Аристотель Политика / Аристотель; [перевод с др.-греч. С. М. Роговина]. - М.: РИПОЛ классик. 2010. - 592 с.
3. Боров В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. - М.: Наука. 1986. - 304 с.
4. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «Свой чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // СибСкрипт. - 2011. - № 4. - С. 174-179.
5. Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное – философская проблема (читая А. Шопенгауэра) // Вопросы философии. – 1994. - № 9. - С. 23-29.
6. Попенкова Д. И. Проблема этнических и религиозных конфликтов в современной России // Бюллетень науки и практики. - 2019. - Т. 5. № 10. - С. 274-279.
7. Хуснутдинова Ф. А. Разумная вера (философский аспект понятия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Башкирский государственный университет. - Уфа, 2004.

ДЕМЯШИНА Вера Владимировна

аспирант кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Демьяшина В. В.

ДИЛЕММА «ЦИФРА И ВЛАСТЬ»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В работе исследуются различные феномены цифровизации и «цифровых вызовов» в рамках функционирования стремительно трансформирующейся природы государства и власти. Одним из ключевых аспектов, которому уделяется первоочередное внимание, являются философские обобщения и социально-философские подходы в отношении таких трансформаций. Комплексность вопросов, относящихся к эффектам цифровизации в механизмах сохранения государственного суверенитета обуславливает широкий диапазон внимания к многочисленным аспектам новых тенденций политической реальности: аватаризация отношений между властью и гражданами, проблема когнитивного суверенитета и механизмы защиты генетических цивилизационных оснований государства, цифровое неравенство, гибридные формы политической субъектности. В первую очередь, важно обеспечить концептуальные условия конструктивного социально-философского дискурса в отношении обозначенных проблем. Цель работы заключается в постановке проблемы, которую метафорически можно обозначить «цифра и власть», т.е. поиске конструктивного равновесия двух процессов, с одной стороны – революция в области передовых технологий, с другой – обеспечение безопасных процессов функционирования суверенного государства.

Ключевые слова: виртуализация власти, информационная власть, технологизированный мир, виртуальное пространство, информационное общество, информационная революция, аспекты информационного общества.

DEMYASHINA Vera Vladimirovna

postgraduate student of Philosophy and sociology sub-faculty, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

THE DILEMMA OF «DIGIT AND POWER»: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The paper explores various phenomena of digitalization and «digital challenges» within the framework of the functioning of the rapidly transforming nature of the state and government. One of the key aspects that is given priority attention is philosophical generalizations and socio-philosophical approaches to such transformations. The complexity of issues related to the effects of digitalization in the mechanisms of preserving state sovereignty determines a wide range of attention to numerous aspects of new trends in political reality: the avatarization of relations between government and citizens, the problem of cognitive sovereignty and mechanisms for protecting the genetic civilizational foundations of the state, digital inequality, hybrid forms of political subjectivity. First of all, it is important to provide conceptual conditions for constructive socio-philosophical discourse in relation to the identified problems. The purpose of the work is to pose a problem that can be metaphorically referred to as «digit and power», i.e. the search for a constructive balance between two processes, on the one hand – a revolution in advanced technologies, on the other - ensuring safe processes of functioning of a sovereign state.

Keywords: virtualization of power, information power, technologized world, virtual space, information society, information revolution, aspects of the information society.

Не секрет, что развитие цифровых технологий с последующим их массовым внедрением в социальную реальность в долгосрочном аспекте становится все более благоприятным для проявления «цифры» именно в области политики и управления современным обществом. Парадокс цифровизации для самой политики проявился том, что не только она сама приобрела широкий набор новых средств собственной «цифровой манифестации» в обществе, но и стала, в известной степени, односторонне изменяться и в частности попадать в прямую зависимость от того, чем, видимо, изначально «предполагала» пользоваться лишь как средством. Таким образом, в глобальном плане можно зарегистрировать намечающуюся подмену классического субъекта управления, всегда являвшегося государством, высокотехнологичным средством управления, которое само превращается в относительно

самостоятельного агента политической реальности, не считаться с которым практически уже невозможно как на уровне международных отношений, так и уровне суверенитета конкретного государства. Понятно также и то, что на многих важнейших направлениях прогресс цифровых технологий и степень их влияния на общество, бесспорно, не закончились созданием всемирной паутины, больших лингвистических моделей, всевозможных версий искусственного интеллекта, Так называемый «глобальный человек» (выражение А. А. Зиновьева) неуклонно превращается в «цифровой паноптикум» (см. проект «идеальной тюрьмы» Дж. Бентама), где классические модусы человеческого бытия (Homo Sapiens, Homo Faber, Homo symbolicus, Homo existentialis) дополняются малопонятным еще «цифровым человеком» (Homo digitalis), предъявляя новые вызовы, как Человеку, так и гло-

бализирующему Обществу, их социально-исторической памяти, роли Личности, «культурной генетике» социума и их способности самовоспроизводиться, их этике и морали. Примечательно, что последние также не могли не остаться без внимания цифры, т.к. сейчас активно дополняются проектами машинной этики, вплоть до прогнозирования ситуации, когда моральные решения будут переданы «на откуп» более быстрым и «компетентным» искусственным моральным агентам (англ. АМА – artificial moral agents). Декларируемая цифровизацией транспарентность, т.е. прозрачность и открытость больших данных (англ. Big Data), возможность извлечения из этих данных нетривиальной информации (англ. Data mining), дополняется принципом «цифрового следа», который навсегда остается в сети. Как ни странно, ни то ни другое не добавляют прозрачности социальной реальности, которая становится уже не просто в бодрийеровском смысле реальностью сотканной из симулякров и фантомов [10], а гипертекстуальной реальностью, гипер-реальностью, когда невозможным как для индивидуального, так и конкретного сознания становится проведение различия между фантазией и реальностью (Фиджитал-мир (от англ. phygital, соединение слов physical и digital)).

Очевидно, что бурный рост информационных технологий [8], сопровождающийся «информационным взрывом», возникновением «умных толп» [14], умных городов, университетов, заводов и умных частных домов, «твиттерными революциями», неоднозначностью дистанционного образования, усталостью социальных сетей, монополией Интернет-гигантов в информационной среде, цифровой трансформацией четвертой власти, проектами цифровых денег, прогнозами Индустрии 4.0., Интернетом вещей (англ. Internet of things, IoT) не может не коснуться природы государства, власти и политики в целом. Проекты цифровой экономики и цифрового государства, цифрового суверенитета, цифровых партий, процедуры онлайн-голосований (электронная демократия) уже вошли не только в лексикон политиков, но и стали буквой закона. Не малую роль играет изменение финансовой системы не только отдельных стран, но и всего мира, что оживляет интерес к почти забытым ленинским формулам об опасностях финансового капитализма и империализма. Проблема финансового суверенитета многих стран дополняется проблемой цифровых валют, ролью криптовалюты, в отношении которой существуют диаметрально противоположные оценки: от современного и безопасного средства обеспечения суверенности трансграничных платежей, до понимания криптовалюты как средства по подрыву денежного обращения и суверенитета национальной валюты.

Несмотря на сложившиеся тенденции, и то, что цифровизация стала объектом, как неудержимых дифирамбов («будущее человеческой цивилизации»), так и небезосновательных опасений («дикая цифровизация» обнуляющая потребности в человеческом интеллекте), она, видимо, еще не достигла того уровня, когда социально-философская рефлексия смогла бы системно разглядеть ее сущность, скрытую множеством нюансов, информационным шумом и наслоениями идейных мейнстримов. На общем фоне, однако, можно все же разглядеть палитру научной работы в отношении дихотомии цифры и власти, увидеть тематическое поле: соотношение информации и власти [13]; виртуальный мир и политика (Райков, 1996) [15], [17]; интернет-коммуникация

и политическое управление [5]; цифровое неравенство и политические предпочтения пользователей сети Интернет [4]; цифровой (информационный) суверенитет [19], искусственный интеллект и функции государства [3], [6]; фейки информационно-политического пространства [7].

Анализируя проблему соотношения «власти и цифры» следует отметить также и то, что вряд ли удастся отказаться от классических политологических и социально-философских моделей, в частности о того, что в классическом геополитическом смысле звучит как проблема «метрополия-колония». Добавление цифры в эту дихотомию, скорее всего, придаст так называемым метрополиям дополнительный функционал для доминирования над колониями, в частности экономическое и в первую очередь финансовое доминирование будет прикрыто «цифровой оболочкой». Не удивительно, поэтому, что Интернет-гиганты сосредоточены в западных странах, а, например, Китай, являющийся сейчас одним из важнейших конкурентов США, начал работу по созданию собственной независимой системы фильтрации содержимого Интернета еще в относительно далеком 1998 году (проект «Золотой щит» (англ. The Golden Shield Project), «Великий китайский файрвол», производное от знаменитого «Великая китайская стена»). Также нельзя забывать и о так называемом «лингвистическом империализме». Английский язык – язык западной цивилизации, продолжает играть важнейшую роль монополиста не только в международном общении, науке и образовании, но и также и в том, что зарубежные системы искусственно интеллекта (LLM – большие лингвистические модели) известной степени «заточены» на работу в англоязычными базами данных, что вынуждает власти разных стран проявлять обеспокоенность, тем, что некоторые такие программы собирают данные в их национальных сегментах Интернета для зарубежных моделей машинного обучения.

С точки зрения современной философской рефлексии слишком большая надежда на возможности ИИ в разных сферах социума породила проблему, которую можно назвать цифровым фетишизмом [9] и цифровой мифологией [1]. Среди ключевых проблем соотношения цифры и власти на сегодняшний день также являются следующие: появление гибридных форм субъектности государства, «мегамашин власти», т.е. появление аватаризации как формы отношений между властью и гражданами посредством цифровых фирмпосредников, интеллектуальных агентов [18]; расширение «виртуальной власти масс-медиа» и новый «дизайн политической медиа-реальности» [16]; превращение Интернета в «виртуальное государство» [12]; электронные правительства (англ. e-Government). Примечателен также проект по созданию «цифрового государства» – Децентуриона. Астапенко П. Н. пишет: «4 июня 2018 г. официально было объявлено о создании государства (далее – квазигосударство, или Проект) Децентурион на основе технологии блокчейн. Территория Децентуриона – это официальный сайт, суверенитет – контроль над интернет-сервисами, технологиями и ресурсами, единственным из которых является токен децентурион» [2, с. 18].

Россия на данный момент также пытается занять свою нишу в сфере цифры, поступательно двигаясь к цифровому суверенитету: проекты «Госуслуги», «Цифровая экономика», «Демография», «Здоровье». Внимательное отношение к

многоаспектной проблеме соотношения власти и цифры обусловлено потребностью обеспечения информационной безопасности на государственном уровне, разных аспектов его суверенитета, равновесия между свободами и государственной безопасностью [11]. Концептуальное обобщение всех изложенных проблем представляется невозможным без привлечения социально-философской рефлексии, т.е. попыток философского концептуального прогнозирования вариантов будущего российского государства в качестве самостоятельного игрока на международной арене в условиях цифровой революции.

Пристатейный библиографический список

1. Артамонов Д. С. Образы памяти в цифровой мифологии медиапамяти / Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем. Материалы Всероссийской научной конференции, Феодосия, 17-19 сентября 2021 года. - Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2021. - С. 6-8.
2. Астапенко П. Н. Демократическое государство и квазигосударственность. институциональные риски в интернет-эпоху // Закон и право. – 2018. - № 10. - С. 15-22.
3. Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. - 2011. - № 5. - С. 151-7
4. Быков И. А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. - 2020. - Т. 4. № 2. - С. 23-33.
5. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. - М.: Изд. Проспект, 2021. - 416 с.
6. Жуков Д. С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. - 2020. - Т. 4. № 2. - С. 70-79.
7. Ильченко С. Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. - 2015. - № 3 (43). - С. 98-101.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
9. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении // Человек. Культура. Образование. - 2020. - № 4 (38). - С.46-58.
10. Макулин А. В. Философия игры и игрорефлексика фантомного лидерства: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Архангельск, 2007. - 24 с.
11. Макулин А. В. Социальные «оси координат» и координатное мышление в гуманитарных исследованиях // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2022. - Т. 22. № 3. - С. 126-136.
12. Новоженина О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. - М.: ИФ РАН, 2004. - С. 195-215.
13. Нисневич Ю. А. Информация и власть. - М.: Мысль, 2000. - 175 с.
14. Рейнгольд Г. Умная толпа = новая соц. революция / Говард Рейнгольд; [пер. с англ. А. Гарькавого]. - Москва: Изд.-торговый дом ГРАНД: Фаир пресс, 2006 (Можайск (Моск.обл.): Можайский полиграфкомбинат). - 415 с.
15. Райков А. Н. Системы виртуальной реальности для поддержки принятия государственных решений // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники. - 1996. - № 1. - С. 46-54.
16. Русакова О. Ф. Виртуальная власть масс-медиа // Дискурс-Пи. - 2010. - № 1-2. - С. 33-37.
17. Саяпин В. О. Технологии виртуализации политической власти в информационную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 8-1 (58). - С. 159-166.
18. Федорченко С. Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02. - Москва, 2021. - 41 с.
19. Шевченко В. Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект //Философские науки. - 2015. - № 6. - С. 7-21.

ЗАРИПОВ Айрат Янсурович

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ НА ПОДРАСТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ*

О роли и значении этнического языка всегда говорилось много. Но особую актуальность данная проблема приобретает в современную эпоху, когда информатизация и компьютеризация приобрели глобальное распространение. Защитить и сохранить этнические языки возможно только при условии их популяризации среди подрастающего поколения, т. е. постоянно расширяя круг его носителей и потребителей. В этом огромную роль играет семья, как первый и основной институт социализации личности. В статье рассматриваются проблемы культивирования этнических языков в семье.

Ключевые слова: общество, этнические языки, семья, подрастающее поколение, интернет, идентификация, культура.

ZARIPOV Airat Yansurovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

THE AXIOLOGICAL INFLUENCE OF ETHNIC LANGUAGES ON THE YOUNGER GENERATION

A lot has always been said about the role and significance of the ethnic language. But this problem is particularly relevant in the modern era, when informatization and computerization have become globally widespread. It is possible to protect and preserve ethnic languages only if they are popularized among the younger generation, i.e. by constantly expanding the range of its speakers and consumers. The family plays a huge role in this, as the first and main institution of personal socialization. The article discusses the problems of the cultivation of ethnic languages in the family.

Keywords: society, ethnic languages, family, younger generation, Internet, identification, culture.

Зарипов А. Я.

Семейные отношения, семейные ценности в современную эпоху переживают глубокий кризис. И он связан с новым этапом развития общества, цивилизации, когда увеличивается разрыв между поколениями, пропадает ценность реального мира, а виртуальный все больше и больше захватывает умы подрастающего поколения. Институт семьи, как ячейки общества, постепенно теряет популярность. Престиж семейных ценностей в виде взаимоотношений между ее членами, искренности, соучастия, эмоциональной поддержки, воспитания коллективного в подрастающем поколении, любви между ее членами, уважительного отношения к людям разного возраста, их потребностям и интересам, культуре, языку постепенно уступает место агрессии, отчужденности, индивидуализму, эгоизму, жестокости, циничности.

В духовной культуре общества есть такие ценности, роль которых не только нельзя недооценивать, а необходимо пропагандировать. К ним можно отнести, во-первых, семью, роль которой в приобщении ребенка (детей) к общечеловеческим, этническим, семейным ценностям очень велика; во-вторых, систему учебных заведений (школа, средние и высшие учебные заведения), которые в немалой степени способствуют привитию подрастающему поколению общечеловеческих ценностей и выработке у них соответствующих аксиологических ориентиров [1]; в-третьих, этническую среду

обитания, формирующую у подрастающего поколения соответствующие отношения к данным ценностям и помогающим им в общественной и этнической самоидентификации. Все эти мероприятия во многом зависят от средств массовой коммуникации, чье идеологическое влияние на неокрепшее сознание молодежи нельзя недооценивать.

Семья — это источник социализации. Ребенок не только визуализирует окружающий мир в виде узнавания родителей, бабушек, дедушек, родственников, а одновременно впитывает эмоциональную ауру, которая создается в ходе общения и ту языковую среду, которая создается вокруг него, вырабатывая механизмы адаптации к будущей социальной и этнической среде. Общаясь с представителями разных поколений, ребенок усваивает не только формальные признаки человека в виде языка, манеры речи, привычек, т. е. основных элементов коммуникации, но и постепенно формирует собственные ориентиры на определенную культуру, впитывает специфические особенности этнического поведения, языка и этнически ориентированную картину окружающего мира. В ходе интериоризации в семье, ребенок бессознательно усваивает и стереотипизирует полученные первичные знания, представления своих родителей, близких, постепенно добавляя к ним новые, основанные на приобретенном жизненном опыте и личном эмоциональном переживании.

Исторически так сложилось, что основными носителями и пользователями этнических языков среди представителей башкирской, татарской и др. этнических общностей являются представители сельской местности, где наблюдается этнически однородный состав населения. Потому неудивительно, что основные группы населения, пользующиеся

* Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

родным языком – это представители сельской местности. В полиэтнической среде, где влияние инородных компонентов (в городе особенно русского) гораздо сильнее, возможностей меньше. Поэтому в городах, где превалирует русский язык, наблюдается низкий процент реализации этнического языка. Глобализация коммуникаций постепенно разрывает границу между городом и деревней. И это накладывает огромный отпечаток на подрастающее поколение. Проникновение виртуальности в архаичные слои этноса окончательно ставит под угрозу не только этнические основы народов, но и наносит ущерб самосознанию подрастающего поколения.

Ориентируясь на интернет, телевидение подрастающее поколение все меньше внимания обращает на ценности собственной общности, семейные традиции, а вместе с ними и на язык. Пытаясь подстроиться к современным тенденциям, даже в сельской местности этнические ценности постепенно отодвигаются на второй план. А это ведет к потере коммуникации на этнических основах, т.е. языка.

С лингвистической точки зрения, язык предназначен для накопления, хранения и передачи информации от одного носителя другому, что согласуется с общепринятыми в обыденном сознании представлениями о языке. Но данный тезис приобретает совершенно другой смысл в области социальной философии, этнологии, социальной психологии, этнолингвистики и во многих других науках об обществе. Это обусловлено тем, что язык выступает не только как средство трансляции и как средство коммуникации между индивидами, а становится средством разделения его носителей по национальному (или этническому) признаку, обладая специфическими свойствами объединения и разъединения людей по принадлежности к себе, вырабатывая определенные стереотипы, без которых не могут обойтись его носители и выступая как надындивидуальное явление по отношению к своему носителю.

Язык довлеет над личностью, поскольку без овладения им невозможно представить себе и «человека». С другой стороны, язык зависит от человека и особенно его национальная компонента, поскольку язык не абстрактен, а национально ориентирован [2]. С точки зрения философии принципы мышления у всех народов одинаковы, но средства их передачи разные. И именно эти средства передачи делают язык национально определенным, придают ему специфичность, определяют колорит и ритм этнического бытия, оказывают существенное влияние на формирование общественного сознания будущих поколений.

Ограничение функционального спектра, снижение частоты употребления ведут к вытеснению одного языка из сферы общественной деятельности и замены его другим. В условиях существования жесткой этнической конкуренции во всех областях общественной жизни проблема защиты языка выступает как одна из главных задач этнического самосохранения. Язык, как хранитель самосознания этноса, становится в этом случае не только символом, знаменем, а выступает как самое действенное орудие в этнической консолидации и в движениях за достижение социальной справедливости.

Этнический язык роднит человека со своей общностью, но в то же время ставит его в определенные рамки по отношению к носителям других этнических языков. Следует отметить, что чем шире распространен этнический (национальный) язык, тем выше частота его использования в обществе. Значимость языка общности напрямую зависит и от его роль при передаче информации от одного поколения к другому. Немаловажную роль играют и иррациональные факто-

ры языка: чем выше его эмоциональный фон, неповторимый колорит и своеобразие, тем больше они вызывают чувство гордости за свой народ. Кроме этого, язык способствует и сохранению самобытной национальной культуры. Одним словом, данные факторы играют важную роль при взаимодействии представителей этнических общностей и создают определенный психонейрологический фон при восприятии информации на родном языке. Кроме того, причастность к одному этническому языку способствует более быстрой этнической самоидентификации человека. Языковая ориентация индивида становится одним из ведущих маркеров при этнической идентификации, и именно язык превращается в один из основных показателей живучести этноса, как группового хранителя и носителя этнических особенностей.

Отчуждение индивида от своей общности, этноса во многом начинается именно с незнания им языка своих предков. Не овладев языком своего народа, он не сможет адекватно освоить его культуру, усвоить тот духовный мир, морально-этические ценности, психологические особенности, которые присущи только данному этносу. Язык отражает достигнутый уровень развития этноса и, вместе с тем, выражает особенности этнического развития, характер и интенсивность связей с соседями, степень единства, социальной дифференциации и т.д. Невладение языком этноса ослабляет эмоциональные связи индивида со своей общностью. Люди, сменившие свой язык, с течением времени меняют и свою этническую принадлежность. Язык выступает средством выражения и развития культуры данной общности, превращается в средство социальной памяти народа. Народ, создавший язык, придает ему свои особенности. Язык в концентрированном виде выражает самосознание народа.

Язык – это всегда связь между людьми. В условиях этнической множественности эта связь имеет свои пределы. Функциональная деятельность языка ограничена, прежде всего, социальными границами его реальных носителей – индивидов. Уменьшение количества реальных носителей языка создает разрыв в межпоколенной связи, ослабляет диахронные связи, ведет к сужению восприятия и воспроизводства этнокультурной информации. Невостребованность и, особенно, невоспроизводство языка создает реальную угрозу исчезновения этноса.

Развитие этнических языков в семье – это не только приобщенность индивида к определенной общности, но и способность подрастающего поколения погрузиться в духовный мир собственного народа, быть приобщенным к его ценностям. А когда в семье культивируется не одноязычие, а дву- или триязычие – это обогащение духовного мира индивида. Чем богаче духовный мир индивида – тем шире его представления об окружающем мире, тем шире его возможности к пониманию как окружающего мира и проблем других общностей.

Пристатейный библиографический список

1. Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан): монография / Отв. ред. А. В. Псянчин, ред. Э. В. Мигранова, Ф. Г. Сафин, Ю. А. Абсалямова. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 366 с.
2. Социальные и политические проблемы взаимодействия культур / Ф. С. Файзуллин [и др.]. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – 170 с.

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович
доктор исторических наук, профессор права

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ФАРХУТДИНОВА И. З. «ЭВОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОТ ВЕСТФАЛЯ ДО ВЕРСАЛЯ»
(1648 - 1919)». – МОСКВА: ИНФРА-М, 2024. – 446 С. (НАУЧНАЯ МЫСЛЬ). –
DOI 10.12737/2135819.**

KRIVENKIY Alexander Ivanovich
Ph.D. in historical sciences, professor of Law

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY I. Z. FARKHUTDINOV “THE EVOLUTION
OF INTERNATIONAL LAW FROM WESTPHALIA TO VERSAILLES”
(1648-1919). MOSCOW: INFRA-M, 2024. 446 P. (SCIENTIFIC THOUGHT). –
DOI 10.12737/2135819.**

Кривенький А. И.

Система международного права всегда была, есть и останется в веках юридическим основанием взаимоотношения народов и цивилизованных государств. Поэтому интерес к осмыслению его зарождения и развития (эволюции) как в прошлом, так и в настоящее время неиссякаем. Отрадно, что такая солидная научная работа известного российского ученого Инсура Забировича Фархутдинова по этой чрезвычайно актуальной проблеме появилась в период глубоких противоречий в международных отношениях в связи с начавшимся распадом старого и формированием нового миропорядка и реально развивающимся кризисом международного права.

Великолепным знанием проблемы и научной смелостью можно объяснить стремление автора исследовать данную проблему на протяжении нескольких столетий на основе громадного круга юридических актов и самых разнообразных источников на нескольких иностранных языках. При этом следует отметить, что многие из них введены в научный оборот впервые, что, конечно, делает честь Инсуру Забировичу.

Интересными, нередко оригинальными, являются рассуждения автора о методологии и методах исследования. Но среди множества общих и частных методов, мастерски используемых в рецензируемом сочинении, очевидные симпатии заявлены в отношении исторического метода, так как он, по верному замечанию автора, выступает в качестве наиболее обоснованного средства оценки международного права с позиций прошлого и его современного состояния (с. 8).

Не обделена вниманием проблема зарождения международного права, по которой излагается много противоречивых, порою исключаящих друг друга подходов. С уважением относясь к обнародованным еще в Средние века, в новое и новейшее время подходам, автор дает свою достаточно обоснованную классификацию, придерживаясь в итоге наиболее убедительной с научной точки зрения концепции: международное право как целостная система начало формироваться в XVI-XVII вв. (с. 17). Правильность данного подхода состоит не только в том, что его придерживается большинство дореволюционных и современных специалистов, но и в том, что к этому времени созрели материальные предпосылки в виде первых ростков товарного производства и устойчивого объединяющего самостоятельные государства феномена мировой торговли. Новые международные отношения между

государствами потребовали и нового их регулирования. А тот факт, что в нормативном составе международного права в начальный его период преобладали нормы канонического права, отнесем к историческому эпизоду, менее характерному уже для следующего XVIII в.

Удовлетворение вызывает детальное исследование исторических условий, в которых велась подготовка и заключение Вестфальского мирного договора 1648 г., закрепившего статус государства как основного субъекта международного права, пусть даже с интегрированием в его систему догматов церкви. Договор, подчеркивается в монографии, был подготовлен всем развитием международных отношений, а также заключением Мюнстерского и Оснабрюкского договоров, составляющих единый Вестфальский трактат. В них принимала участие и Российская империя. Высказано авторское мнение о том, что Вестфальский договор был первым переделом Европы (с. 61).

Зарождение суверенитета, подчеркивается в исследовании, как научной концепции – это доминанта, обеспечившая возникновение и развитие международного права во времени и пространстве (с. 66). Но еще до Вестфальского договора Ж. Боден и Г. Гроций обосновали идею суверенитета государств в научном и практическом плане, доказав, что его наличие превращает государства в основных субъектов международного права. Отмечая, что многие авторы называют Г. Гроция отцом международного права, автор задает вопрос: «насколько справедливым считается такое утверждение» (с. 73). При всем значении трудов этого знаменитого голландского ученого, тем не менее, и у него были предшественники. Но пальма первенства принадлежит все же Г. Гроцию, в особенности относительно гуманистических норм разрешения вооруженных конфликтов (с. 79).

Отмечается непреходящее значение Великих географических открытий, создавших невиданные ранее условия для развития нового витка международного права, связанного с правовым закреплением в его нормах колониальной системы. В итоге, на протяжении нескольких столетий международные отношения были неразрывно связаны с колониальной политикой государств, европейских прежде всего (с. 86). Следует согласиться с автором в том, что эта политика положила начало формированию единой системы международных отношений, окончательно утвердившейся в XIX в.

Утрехтский мирный договор положил конец Войне за испанское наследство. Он был подписан в Утрехте в апреле и июле 1713 года между Францией и Испанией с одной стороны и Великобританией, Голландской республикой, Священной Римской империей, Португалией и Савойей с другой.

Возвысившиеся в ходе этой борьбы Великобритания и Франция на длительное время оставались основными игроками на европейском континенте (с. 106).

Но в XVIII в. наряду с Францией и Великобританией все более заметную роль в установлении и поддержании «баланса сил» в Европе начинают играть Австрия (позже Австро-Венгрия) и Россия, а с середины XVIII в. - Пруссия. Ее император Фридрих II стал претендовать на более важную роль в европейской политике. Интересное, отвечающее исторической действительности мнение высказано о взаимоотношениях между Пруссией и Россией, которые оставались более-менее равными и обоюдновыгодными вплоть до Первой мировой войны 1914 г. Что касается России, то ее дебют в европейской политике состоялся после победы в Северной войне со Швецией за обладание прибалтийскими землями. По Ништадтскому миру в состав России была интегрирована Украина, а Швеция навсегда стала второстепенной державой.

При всей важности Вестфальского мира, справедливо говорится в монографии, для прогрессивного развития международного права он не смог выработать соответствующие механизмы об исключении из мировой политики войны как средства разрешения противоречий между государствами. Бесконечные династические войны между европейскими государствами, Семилетняя война 1756-1763 гг., которая велась не только на территории Европы, но и в колониях европейских государств на Американском континенте, Крымская война Англии и Франции против России, русско-турецкие войны за контроль над черноморскими проливами, наконец, три раздела Польши вносили нестабильность и сумятицу в международные отношения нового времени. Что же касается России, то она, несмотря на интриги Англии и Франции, сумела восстановить свое былое влияние в мировой политике и международных отношениях после поражения в Крымской войне, присоединив в результате победоносных русско-турецких войн новые территории (Северное Причерноморье, Крым и Северное Предкавказье). Таким образом, Россия превратилась в великую европейскую державу (с. 174). Это позволило Елизавете и Екатерине II именовать наше Отечество именно так.

Особо следует отметить оригинальные рассуждения философского плана о делении государств мира в геополитическом отношении на Запад-Восток. Мнение о том, что западные страны были передовыми, «не было столь очевидной данностью для европейцев XVIII в». (с. 180). Лишь на грани XVIII-XIX вв. страны Европы стали догонять передовые регионы Азии и «...не производили шелк, хлопок и фарфор такого же качества, как Индия и Китай» (с. 182). Но правда и то, что в промышленном развитии в XVIII в. вырвалась Великобритания, что позволило ей активно влиять на международные отношения европейских монархий, поддерживать равновесие сил на континенте, за что получила прозвище «коварного Альбиона» (с. 188).

Во второй части монографии рассматривается влияние Венского конгресса на становление системы международных отношений и развитие международного права.

Отмечается, что в ходе американской революции и принятия Конституции США в 1787 г. впервые был сформулирован принцип «народного суверенитета» (с. 192), что, по вер-

ному утверждению автора, имело принципиальное значение и для зарождения и развития международного права.

Великая Французская революция создала естественные условия для прорывного развития отношений между государствами, а также и международного права. Революция расчистила пространство для развития капиталистических производственных отношений, с одной стороны, общественной мысли, с другой. Особое значение имела Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. Естественные права человека, равенство всех перед законом, народный суверенитет, означавший замену суверенитета монарха верховной властью нации, – все это создавало юридические основы международно-правовой субъектности государства (с. 291). Поистине революционным событием было принятие Кодекса Наполеона, положившего начало принятию аналогичных актов в ряде других и не только европейских государств. Удивительный факт: из 2281 статьи 1200 до наших дней не подверглись изменениям (с. 206).

Наполеоновские войны при всей их неоднозначности и противоречивости, отмечается в исследовании, взбудоражили общественность европейских государств, и, с одной стороны, способствовали распространению новых идей о свободе, равенстве, правах человека и гражданина, с другой, были агрессивными (русско-французская война 1812 г. и др.), несли с собой невиданные ранее материальные и людские потери и даже гибель малых государств.

Объединившись против Франции и победив ее, Великобритания, Россия, Австрия, Пруссия, Португалия, Швеция при участии Франции заключили многосторонний договор в Вене. В 1815 г. был подписан главный документ — Заключительный акт Венского конгресса, состоявший из 121 статьи. Это был самый обширный договор из всех международных соглашений, которые заключались до сих пор (с. 219). Франция лишилась всех своих завоеванных территорий и была возвращена к довоенным границам 1792 г. Все государства, представленные на Венском конгрессе, получили свой территориальный «пирог», на который каждое из них претендовало.

Но дело было не только в этом. Значение Венского конгресса гораздо шире. Это международно-правовое соглашение по: запрещению работорговли; порядку судоходства на международных реках; защите культурных ценностей и права интеллектуальной собственности. Венский конгресс – первая попытка создания системы безопасности в Европе на основе коллективного договора. Создание «священного союза» между Австрией, Пруссией и Россией преследовало чрезвычайно важную для европейских монархий цель – сохранение самое себя от революционных и национально-освободительных движений, то и дело возникающих в разных странах на европейском континенте. Став самым влиятельным государством Европы, Россия активно участвовала в подавлении национально-освободительных движений, за что получила название «жандарма Европы».

Венская система международных отношений канула в лету лишь с началом Первой мировой войны 1914-1918 гг. Балканские войны 1912-1913 гг. наглядно свидетельствовали о неотвратимом кризисе отжившей свое время Венской системы международных отношений. Бесспорным проявлением распада Венской системы международных отношений стало дальнейшее обострение противоречий между двумя военно-политическими блоками: Тройственным союзом и Антантой (с. 365).

В заключение автор данной рецензии может позволить себе сделать следующие выводы. Исторически сложились три системы международных отношений: Вестфальско-Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская.

Автор монографии вполне обоснованно считает, что Вестфальский мирный договор 1648 г. и решения Венского конгресса 1815 г. представляют собой оформление новых порядков в системе международных отношений. И Вестфальский, и Венский порядок как два исторических периода формируют единую Вестфальско-Венскую систему.

В исследовании профессора И. З. Фархутдинова показано, что система международных отношений находилась в обозначенный период в постоянном развитии и совершенствовании. При этом появлялись новые виды, уровни отношений, а их формы наполнялись новым содержанием. Исторический путь от зарождения международно-правовой мысли, заложенной Гуго Гроцием, к реальному международному праву Федора Мартенса занял три века.

Красной нитью через всю книгу проходит идея о том, что эволюция международного права есть многовековой исторический процесс, результат длительных социально-экономических и общественно-политических процессов. Автор призывает отказаться от мифологизации, то есть упрощенного понимания этапов формирования международных отношений.

Наряду с глубоким научным анализом замечательная качественная сторона исследования состоит еще и в том, что сложные и противоречивые исторические процессы формирования международных отношений и развития международного права показываются на фоне деятельности выдающихся ученых, воплощавших в повседневной работе свой характер, свои страсти и личностное поведение. Без всякого преувеличения скажу, что многие эпизоды с участием живых участников исторической эволюции международного права изложены настолько интересно, что читаются легко, подобно художественному произведению.

Единственное пожелание, которое можно высказать автору, состоит в следующем. Число интересных и оригинальных суждений, мнений и советов, вытекающие из анализа становления и эволюции международного права, которые он высказывает в своем труде, могло быть гораздо больше. С учетом глубоких знаний по изучаемой проблеме автор это может себе позволить в следующих исследованиях по доктринальному развитию международного права.

Уверен, что рецензируемый фундаментальный труд И. З. Фархутдинова, вышедший в уходящем году в известном московском издательстве ИНФРА-М в серии Научная мысль, представляет собой большой вклад в сокровищницу научных исследований по международному праву и будет с благодарностью принят читателем.

ФАРХУТДИНОВ
Инсур Забирович

Выпускник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; основатель (2007) и бессменный главный редактор Евразийского юридического журнала. Жил и работал в Королевстве Марокко. Сфера научных интересов: международное право, международные отношения, доктрина международного права, история международного права, международное инвестиционное право. Автор около 200 научных статей, а также десяти книг, в частности «Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты» (2021), «Тайное и очевидное в американской дипломатии: от Монро до Трампа» (2022).

ISBN: 978-5-16-019746-3

9 785160 197463

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

Международное право

И.З. Фархутдинов

**ЭВОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА —
ОТ ВЕСТФАЛЯ ДО ВЕРСАЛЯ**

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА — ОТ ВЕСТФАЛЯ ДО ВЕРСАЛЯ

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации – до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы – 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 2, правое – 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) – шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее – резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска – 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.